

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

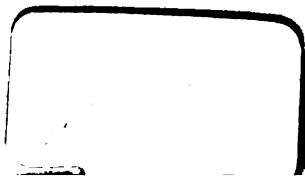
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919792 1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

4363

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ,

и др.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

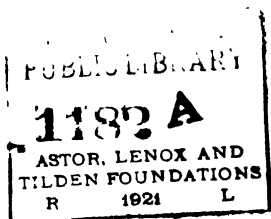
и др.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1862.

25

Одобрено цензурой въ Москвѣ, 29 сентября 1862 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ.

	<i>Стр.</i>
Русскій богатырскій эпосъ. IV—VII. <i>Θ. И. Буслаева.</i>	5
Князь Серебряный. Повѣсть времянь Іоанна Грознаго. Часть вторая. Гл. XX—XXX. <i>Гр. А. К. Толстаго.</i>	103
Прошлое лѣто въ деревнѣ. (Окончаніе.) <i>С. Безыменнаго.</i>	197
Замѣтки о хозяйственномъ положеніи Россіи. <i>У.</i>	238
Безъ роду и племени. Романъ Вильки Коллинза. Сцена III.	287
Крестьянскіе волостные суды. <i>Н. Н.</i>	357
Примиреніе. Стихотвореніе. <i>Б. Н. Алмазова.</i>	372
Господинъ Ерандаевъ. Изъ записокъ Чебаносова. <i>В. Н. Горчакова.</i>	375
О Мининѣ г. Островскаго и его критикахъ. <i>П. В. Анненкова.</i>	397
Къ матеріаламъ исторіи раскольнической литературы. <i>К. Л. Кустодіева.</i>	413
Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ. <i>Д. П.</i>	425

ОКТАБРЬ.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. (Окончаніе.) <i>Гр. А. К. Толстаго.</i>	439
Русскій богатырскій эпосъ. VIII.—XII. <i>Ө. И. Буглаева.</i>	522
Изъ путевыхъ воспоминаній. I. Отъ Гаваны до Сень- Томаса. II. Венесуэла. <i>Ө. Р. Цилмермана.</i>	572
О различныхъ системахъ податей. <i>Л. В. Гечевича.</i>	636
Семейныя записки. <i>Толычовой.</i>	665
О торговомъ значеніи Средней Азіи въ отношеніи къ Россіи. <i>Г.</i>	706
Оржерская шайка. Эпизодъ изъ времени первой фран- цузской революціи:	737
Въ деревнѣ. (Отрывокъ.) <i>Ө. Э. Ромера.</i>	788
Безъ роду и племени. Романъ Вильки Коллиаза. Между сценами сцена IV.	790
Замѣтка.	871

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Народныя быльиы, старинныя побывальщины. Двѣ части. Москва. 1861—1862—г., въ 8 д. л.
Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изда ны Обществомъ Любителей Россійской Слозесности. Четыре выпуска. 1860—1862 г., въ 8 д. л.

IV.

Малыя дѣти уже въ самомъ раннемъ возрастѣ своемъ перенимаютъ отъ взрослыхъ множество такихъ словъ и выраженій, которыхъ, по отвлеченности или по глубинѣ и обширности смысла, они вовсе не понимаютъ, и которымъ даютъ иной оборотъ, больше согласный съ ихъ дѣтскими взглядами и понятіями. Съ теченіемъ дѣтъ, опытность и сознаніе все больше и больше уясняютъ для развивающагося ума этотъ уже готовый запасъ возрѣвннй и понятій, переданный ему отъ другихъ вмѣстѣ съ звуками роднаго языка. Какъ взрослые люди, по различію въ ступеняхъ образованія, имѣютъ не одинаковыя, больше или меньше ясныя понятія объ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ; такъ въ дѣтяхъ, по мѣрѣ духовнаго развитія, уясняется и приводится въ сознаніе то что сначала было пріяято бѣзсознательно.

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 3.

Во многихъ отношеніяхъ то же можно сказать и о развитіи народностей. Замѣчательно близкое сродство словъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ въ наименованіи божества и существенныхъ предметовъ религіи и нравственности, понятій о бытѣ семейномъ и общественномъ, объ осѣдлости и земледѣліи, вполнѣ убѣждаетъ историка индо-европейскихъ народовъ, что Германцы, Литва, Славяне и другіе ихъ соплеменники, вышедшіе изъ общей Аріійской родины съ племенами Индіи и древней Персіи, вынесли съ собою въ Европу зародыши понятій о благоустроенномъ бытѣ семейномъ и общественномъ, основанномъ на земледѣльческой осѣдлости, руководимомъ закономъ высшей правды и охраняемомъ богами. Лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что древнѣйшія племена Славянскія, населившія Русь, имѣли уже *свои обычаи и законъ своихъ отцовъ и преданіе*, и что въ жизни семейной они отличали уже разныя степени родства, каковы *зять, деверь, сноха, свекровь* и т. д. Они даже кочевали и расселялись, группируясь *по родамъ*, то-есть въ массахъ связанныхъ узами семейнаго родства. Переходя съ мѣста на мѣсто изъ далекой азіатской родины до роднаго Дуная и столь же потомъ родственныхъ береговъ Днѣпра и Ильменя, они конечно не имѣли времени постоянно упражняться въ земледѣльствѣ; однако, поселившись на осѣдлыхъ мѣстахъ, они не забыли первобытнаго, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ слова, для означенія трудовъ земледѣльца—именно: *орать*, то-есть, пахать, точно также какъ въ темную и трудную эпоху кочевья не забыли столь же общихъ всѣмъ народамъ терминовъ семейнаго родства, каковы: *мать, дочь, сынъ* и проч. ¹

Несмотря однако на эту первобытность зародышей благоустроеннаго порядка въ каждой изъ европейскихъ народностей, мифическія и эпическія преданія повѣствуютъ о временахъ мрака и ужаса, предшествовавшихъ мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію. Точно будто бы, въ теченіе многихъ вѣковъ хаотическаго броженія, нужно было, устоявши въ борьбѣ

¹ См. мою книгу *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ*. Стр. 132; Якова Гримма *Geschichte d. deutschen Sprache*. I, стр. 266, по изданію 1848 г.

съ чудовищами и страшными, сверхъестественными силами, сохранить въ себѣ эти зародыши ранней цивилизаціи, на время затаивъ ихъ въ себѣ, и дать просторъ ихъ возрастанію только тогда, когда наступятъ для того благопріятныя времена. Нужны были опыты многихъ столѣтій чтобы привести себѣ въ сознаніе тѣ идеи и возрѣнія, которыя европейскія народности вывели съ собою изъ своей азіатской родины, отдѣлившись нѣкогда отъ племенъ арійскихъ.

Эта блистательная эпоха пробужденнаго сознанія въ исторіи вѣрованій и поэтическихъ сказаній обозначается побѣдою новыхъ челоѣкообразныхъ боговъ надъ чудовищами и стихійными силами стараго времени. Страшные великаны, Иоты и Турсы сѣверной космогоніи, прогнаны съ лица обитаемой челоѣками земли, которая стала *серединою* всего міра, *Жилищежъ въ серединѣ* (Мидгардъ), гдѣ мирная осѣдлость оградила себя стѣною отъ *внѣшнихъ странъ*, населенныхъ чудовищами, и великанами ранней эпохи (отъ *Утгарда* или *Аусгарда*). Сюда-то, въ огражденное отъ враговъ серединное жилище, въ эту апопеезу роднаго дома и родной земли, народность, окрѣпшая въ борьбѣ, принесла сокровища своей первобытной цивилизаціи, сколько успѣла она сберечь ихъ въ дальнемъ пути своего доисторическаго кочеванья. Теперь, оградивъ ихъ отъ расхищенія въ Мидгардъ, какъ это сдѣлали сѣверныя германскія племена, перенесли ихъ за родной порогъ, какъ это было у Чеховъ, назвавшихъ свою осѣдлость *Прагою*, то-есть, порогомъ, или усѣвшись въ родномъ *гнѣздѣ*, какъ Ляхи въ своемъ *Гнѣздѣ*, установившаяся и успокоившаяся народность, въ обезпеченіе себя отъ вражескихъ покушеній, вызвала изъ своихъ доисторическихъ преданій смутно воссвѣдшійся въ воображеніи древнѣйшій образъ бога громовержца, покровителя семейной осѣдлости и земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ грознаго оберегателя новаго порядка вещей отъ вторженія грубой силы чудовищныхъ великановъ. Образъ этого божества постоянно мерещился воображенію европейскихъ кочевниковъ и прежде, въ смутныхъ воспоминаніяхъ объ индійскомъ Индрѣ; но онъ окончательно сложился въ опредѣленный національный типъ у классическихъ народовъ въ Зевсѣ, или Юпитерѣ, у Литвы

и Славяне въ *Перкунь*, или *Перунь*, у Нѣмцевъ въ *Торъ*, *Тунаръ* (Donner).

Мифическое чествованіе земледѣлія выразилось въ древнѣйшихъ преданіяхъ о чудесномъ происхожденіи плуга. Если въ національности Скиѣовъ позволительно открывать нѣкоторые зародыши быта и нравовъ племенъ тевтоническихъ и литовско-славянскихъ, вынесенные изъ древней азіатской родины; то, говоря о переходѣ этихъ племенъ изъ быта кочеваго въ земледѣльческій и осѣдлый, необходимо начать съ скиѣскаго мифа о небесной сохѣ ¹. Скиѣы-земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался *князь колесницы*, *воза*, *телеги*, или *точіѣ кола* (какъ въ старину называли у насъ экипажъ на колесахъ). Скиѣское имя этого князя: *kola-ksais*—*коло-князь*, или влущій на *колахъ*, какъ Тацитова Нерта, германская богиня земли, и какъ самъ Торъ. Только одинъ этотъ скиѣскій князь умѣлъ владѣть *сохою изъ горящаго золота*, которая упала съ неба; такъ что, когда другіе два его брата *князь-щитъ* (*Шейро-ksais*) и *князь-стрѣла* (*Агро-ksais*) захотѣли коснуться ея, то *обожгли себѣ руки*, потому что, какъ воины и кочевники, братья старшіе, то-есть, какъ поколѣніе старое, они еще не знали тайны земледѣлія, которая отъ самого неба была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата.

Первобытное преданіе о происхожденіи плуга въ русскихъ сказаніяхъ приурочивается къ христіанскимъ именамъ Бориса и Глѣба, или Космы и Даміана ². Будто бы чудовищный Змій опустошалъ нѣкогда Русскую землю. Въ умилостивительную жертву приносили ему по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ (иначе: Косма и Даміанъ) *ковали первый плугъ для людей*. Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлоп-

¹ См. статью г. Котляревскаго о книгѣ Бергманна: *Les Scythes les ancêtres des peuples Germaniques et Slaves*, въ *Литонисяхъ Русской Литературы* проф. Тихонова. 1859. № 1.

² См. мои *Историч. Очерки*. II, 107.

вдлась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣщія кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ изготовленный ими для людей, и провели по землѣ борозду, которая и доселѣ зовется *Зміевымъ Валомъ*. И такъ, огораживанье поля валомъ, въ знакъ собственности и осядлости, совпадаетъ въ эпическихъ преданіяхъ съ изображеніемъ плуга и съ самымъ началомъ земледѣлія.

Совпаденіе идей о паханьи сохою и объ огораживаніи осядлости отъ вѣдшихъ враговъ еще очевиднѣе въ великорусскомъ вариантѣ извѣстной кievской, мѣстной сказки о Кузьмѣ Кожемякѣ, спасшемъ Кіевъ отъ лютаго Змія, и до позднѣйшихъ временъ оставившемъ по себѣ память въ Кіевскомъ урочищѣ *Кожмяки*. По кievскому варианту Кожемяка убиваетъ Змія въ бою, обматываясь смоляною коноплей. По великорусскому прибавляется слѣдующее. Одолѣваемый Кожемякою (Никитою), Змій сталъ его молить: „Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобою въ свѣтѣ нѣтъ; *раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой.*“—Хорошо, сказалъ Кожемяка, *надо между проложить*. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, *запрягъ въ нее Змія, да и сталъ отъ Кіева между пропахивать*. Такъ и раздѣлили они между собою всю землю отъ Кіева до моря, а какъ стали дѣлить море, Кожемяка и убилъ Змія и потопилъ его въ морѣ. (Аванас. *Сказки*, V. стр. 66). Также опахиваютъ бабы и дѣвки деревню отъ чумы, падежа и всякой лихой напасти; также сѣверные Асы отгородили себя отъ великановъ; наконецъ тѣ же преданія о Чортовомъ Валѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на западѣ.

Славяне, какъ народъ по преимуществу земледѣльческой, въ своихъ мифахъ о древнѣйшихъ родоначальникахъ и князьяхъ чествуютъ быть земледѣльца¹. Чешская княжна Любуша, вѣщая дѣва, дочь мифическаго Крока, по желанію народа должна была выйти за мужъ, чтобы въ своемъ супругѣ дать Чехамъ достойнаго воеводу. Вѣщая княжна сказала послаамъ, какъ и гдѣ найдти для нея супруга: „Ступайте, говорила она, на *Бѣлую рѣку* (иначе: на *Бѣлину*

¹ См. мои *Очерки*, I, 371—2.

рѣку), и тамъ, на полѣ *Стадицы*, найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя пѣгими волами: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ; этотъ человекъ будетъ вашимъ правителемъ“, а чтобъ узнать туда путь и самого пахаря, Любуша дала посламъ своего блага коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту, и своимъ ржаніемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку Чеховъ, и палъ передъ нимъ наземь. Пахарь назывался Премыслъ. Прежде нежели отправился съ послами, сталъ онъ обѣдать, положивъ на свою соху, на этотъ желѣзный столъ, *сыръ* и *хлѣбъ*, произведенія быта пастушескаго и земледѣльческаго, дары боговъ Волоса и Перуна, особенно чтимыхъ на Руси въ эпоху принятія христіанства. Быки же, которыми Премыслъ пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ опустившись, скрылись въ расщелинѣ скалы, которая, принявъ быковъ, сомкнулась. Послы надѣли на Премысла княжеское одѣяніе; но онъ, въ знакъ своего крестьянскаго происхожденія взялъ съ собою свои *лапти*, которые, какъ національная драгоценность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Такъ и по польскому преданію, Пясть въ лаптяхъ вступилъ на княжескій престолъ.

Въ Миѣѣ о Премыслѣ, каково бы ни было собственно мифологическое его значеніе, нельзя не видѣть слѣдовъ того древняго обычая, который до позднѣйшаго времени совершался въ Каринтіи при поставленіи новаго герцога, то-есть, воеводы или князя. Поставляемый долженъ былъ въ крестьянской одеждѣ выдти на дугъ, около крѣпости Св. Вита (Святовита). Тамъ на большомъ четвероугольномъ камнѣ сидя дожидался его поселянинъ, держа направо черную корову, а налево кобылу. Поставляемый герцогъ, по заведенному обряду, долженъ былъ у поселянина купить корову и кобылу, какъ бы въ символъ передачи власти надъ землею отъ поселянина. Послѣ того долженъ онъ былъ изъ шляпы испить воды.

Идеаль мифическаго пахаря русскій народный эпосъ знаетъ подъ именемъ *Микулы Селяниновича*. Это уже сынъ селянина, хозяина осѣдлой собственности, потому и называется *Селяниновичемъ*; что же касается до *Микулы*, то это имя, такъ же какъ *Илья*, имя великаго муромскаго героя, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ; оба эти имени подставныя, ими замѣнились изъ христіанскаго уже кален-

даря какія-нибудь другія, болѣе согласныя съ содержаніемъ древнихъ былинъ, въ которыхъ воспѣваются ихъ подвиги. Также христіанскія, позднѣйшія имена, даны и тремъ вѣщимъ дѣвамъ, дочерямъ Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья.

Микула Селяниновичъ является въ сношеніяхъ съ Святоторомъ и Волхомъ или Вольгѣю, то-есть, съ богатырями старшими, съ лицами древнѣйшей титанической эпохи. Такъ и быть должно: въ этихъ сношеніяхъ надобно было наглядно показать переходъ отъ эпохи кочевой къ осѣдой земледѣльческой, и дать предпочтеніе послѣдней передъ первой.

Намъ уже извѣстенъ сверхъестественный характеръ Волха или Вольгѣя, титанической или стихійный. Въ послѣдствіи эпосъ придалъ ему позднѣйшее, уже историческое значеніе князя. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ богатырей Владимировыхъ своею княжескою самостоятельностью. Хотя и родился онъ въ Кіевѣ, но не сталъ спутникомъ князя Владиміра въ его дружинѣ, былъ независимымъ началькомъ своей собственной дружины, въ которой насчитывалось до 29 богатырей. Именно на этой-то позднѣйшей, исторической ступени, титанъ и чудовище Волхъ, сынъ Змія, низводится до владѣтельнаго князя, племянника Владимірова.

Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ столяно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурьевцемъ,
Вторымъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьянцевцемъ.
Молодой Вольгѣ Святославговичъ
Со своею дружиною хороброю,
Онъ поѣхалъ къ городамъ за поучкою¹.

То-есть, поѣхалъ собирать дань, какъ нѣкогда Игорь
ѣздилъ по Древлянской землѣ. Ъдучи за поучкою, Вольгѣ

... Услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ореть въ полѣ ратай, полукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки² по камешкамъ почеркиваютъ.

¹ Рыбник. 1, 18. 2, 1.

² Омѣшь—желѣзный макоченикъ сохи.

Вхалъ Вольга до ратая
 День съ утра оъ до вечера,
 Со своею дружинишкою хораброей,
 А не могъ оъ до ратая доѣхать.

А не могутъ догнать этого необычайнаго ратая, потому что оъ —

Съ края въ край бороздки пометывается,
 Въ край оъ уѣдетъ, другаго не видать.

Наконецъ Вольга достигаетъ ратая и просить его, чтобъ оъ вхалъ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай вывернулъ изъ сохи свою соловую кобылку; имя ей *Обнеси-голова*, иначе Подыми-голова, потому что какъ поется въ былинѣ, „вздынула (т. е. подняла) она голову подъ облаку“ (подъ облака); и повхалъ этотъ ратай вмѣстѣ съ Вольгой, предварительно наказавши, чтобъ кто-нибудь изъ дружины этого князя выдернулъ изъ земли его сошку, и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Сначала бросились вытаскивать соху пять человекъ, но ничего не могутъ сдѣлать, потомъ бросилось десять чело вѣкъ, и также безуспѣшно; потомъ послалъ Вольга всю свою дружину храбую:

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернати,
 Изъ омѣшковъ земельку повытряхнати,
 Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Тогда —

Подѣхалъ оратай оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ киевовой:
 Бралъ-то оъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Здѣсь очевидно необъятное могущество миѣческаго пахаря. Какъ тотъ скиѣскій князь только самъ можетъ приступить къ небесной сохѣ, которая его старшимъ братьямъ жжетъ руки; такъ и русская соха не въ подъемъ совокупнымъ силамъ всей княжей дружины, а пахарь поднимаетъ ее одною рукой. Конечно, въ этой сценѣ можно бы видѣть аллегорію, подъ которою рисуются позднѣйшія отношенія земщины къ князьямъ и дружинѣ: но впервыхъ,

эпосъ не терпитъ и не знаетъ холодной, отвлеченной формы аллегоріи, какъ искусственной выдумки, а восторжъ, другой вариантъ той же былины ¹ уже во всей опредѣлительности изображаетъ передъ нами миѳическій типъ ратая и миѳическую соху, которая, также какъ у Скиѳовъ, пала съ поднебесья и глубоко зашла въ землю. Когда вся дружина не сладила съ сохою, подъѣзжаетъ къ ней самъ ратай.

А сошка была позолочена,
 Омѣшки были булатныя,—
 Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
 Эту сошку попихивалъ:
 Какъ улетѣла та сошка къ подь-облакамъ,
 Пала сошка о сыру земаю,
 Ушла сошка до рычаговъ въ землю.
 Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую,
 Ты-то омѣшки булатныя.

Итакъ, это такая же *золотая соха*, какъ и у Скиѳовъ. Сверхъ того, намъ ужъ извѣстно, что почти тоже случилось и съ чешскимъ Премыслоемъ. Только не соха, а быки, которыми овъ пахалъ, подвѣлись къ облакамъ и потомъ пали на землю, скрывшись въ расщелинѣ. Вѣроятно быки поднимались вмѣстѣ съ *ярмомъ*. Если такъ; то созвѣздія *Ярмъ* или *Ярмо* и *Плугъ* должны состоять въ связи съ миѳами о водвореніи земледѣльчества. Не забудемъ также, что и кобылка нашего пахаря воздымала свою голову къ облакамъ.

Въ русскихъ загадкахъ, согласно эпическимъ воззрѣніямъ, соха представляется какимъ-то чудовищемъ: „Баба Яга, вилами нога, весь міръ кормить, сама голодна,“ или соха съ бороною: „Три тулова, три головы, восемь ногъ, желѣзный хвостъ, кованый носъ.“ Иначе соха же—это: „Черная корова все поле перепорола,“ или: „Летѣла пава, съла на припалѣ, разсыпала перья по всему полю.“ ²

Но возвратимся къ нашей былинѣ.

Ясно, что въ эпическихъ типахъ Вольги и вѣщаго пахаря, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенными историческими личностями, но съ героями миѳическими, которыхъ основ-

¹ Рыбник. 23.

² Дала *Пословицы*. Стр. 1072.

ныя очертанія сложились въ древнѣйшую пору зарожденія самыхъ мифовъ и ихъ эпического выраженія въ народной поэзи. Обѣ эти личности, представители общечеловѣческихъ интересовъ въ ранній періодъ развитія европейскаго быта; и если обѣ онѣ вполнѣ народны на русской почвѣ, то это говоритъ только въ пользу той мысли, что и русская народность въ ея эпическихъ основахъ была когда-то въ уровень со всѣмъ что считалось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ самымъ высшимъ и существеннымъ въ разсужденіи быта и успѣховъ ранней цивилизаціи.

Почтивъ въ вѣщемъ пахарѣ его великую силу, Вольга, какъ князь, который всегда дорожитъ своимъ княжимъ родомъ и своимъ отечествомъ, сталъ его спрашивать:

Ай же ты ратаю, ратаюшко!
 Какъ-то тебя по имени зовутъ,
 Какъ звеличаютъ по отечеству?

Вмѣсто того чтобъ отвѣчать на вопросъ прямо, чудесный пахарь вводитъ своего собесѣдника въ сельскую обстановку своего крестьянскаго житья-бытья, какъ бы давая тѣмъ разумѣть князю, что простолудинъ славится не громкими именами своихъ предковъ, а личнымъ своимъ достоинствомъ, своими честными трудами и личными гуманными отношеніями къ равнымъ себѣ:

Говоритъ ратай таковы слова:
 „Ай же Вольга Святославовичь!
 А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 Во скирды сложу, домой выволочу,
 Домой выволочу, да дома вымолочу,
 Драги надеру, да и пива наварю,
 Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 Станутъ мужички меня покакивати:
 Молодой Микулаушка Селяниновичь!“

Это одинъ изъ самыхъ изящнѣйшихъ мотивовъ эпической поэзи, и вообще вся былина эта принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ европейскаго народнаго эпоса, и если уступаетъ пѣснямъ древней Эдды, то только потому развѣ, что древнѣйшія мифическія имена и обстоятельства замѣняетъ позднѣйшими, по той простой причинѣ, что доселѣ еще живетъ въ устахъ народа.

По другому эпизоду Микула Селяниновичъ является

хранителемъ *тяги земной*, которую онъ держитъ въ переметной сумочкѣ, то-есть, *тяги* всей великой силы матери земли. Какъ въ разказанномъ эпизодѣ Селяниновичъ господствуетъ своимъ могуществомъ надъ Вольгою и всею его дружиной, такъ теперь увидимъ, что онъ сильнѣе самого Святогора, а Святогоръ былъ силы непомѣрной:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Бабы я *тяги* нашель,
Такъ я бы всю землю подвьялъ! ¹

Похалъ Святогоръ путемъ дорогою, и видитъ идетъ прохожій. Припустилъ за нимъ богатырь своего добраго коня, но никакъ догнать не можетъ. Прохожій все идетъ впереди, не только потому, что онъ, видно, сильнѣе и быстрѣе, но вѣроятно, и потому, что идея, которой онъ служитъ представителемъ, далеко опережаетъ эпоху грубыхъ великановъ. Наконецъ, не сладивъ, Святогоръ проситъ его остановиться. Прохожій приостановился, снималъ съ плечь сумочку и положилъ ее на сыру землю. „Что у тебя въ сумочкѣ?“ спрашиваетъ Святогоръ-богатырь. „А вотъ, отвѣчаетъ прохожій: подыми съ земли, самъ увидишь!“ Сошелъ Святогоръ съ коня, захватилъ сумочку одною рукой, не могъ и шевельнуть; сталъ поднимать обѣими руками.

Подвьялъ сумочку повыше колъмъ:
И по колъма Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течеть.
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

По другому варианту этимъ дѣло не оканчивается. Мукула Селяниновичъ увѣдомляетъ, что у него въ сумочкѣ *тяги земная*. Святогоръ его спрашиваетъ, какъ ему узнать о судьбѣ своей? Вѣщій пахарь посылаетъ его къ Сивернымъ горамъ, гдѣ подъ высокимъ деревомъ стоитъ кузница, а кузнецъ въ ней и скажетъ Святогору о судьбѣ его.

Мы уже другой разъ встрѣчаемъ кузницу въ мифологи-

¹ Рыбник. 32. 39.

ческомъ эпосѣ русскомъ, и оба раза кузница или кузнецъ состоятъ въ связи то съ сохою, которую куютъ, то съ пахаремъ, который вмѣстѣ съ кузнецомъ господствуютъ надъ грубою силой древнихъ титановъ. Паши вѣще кузнецы, безъ сомнѣнія, состоятъ въ родствѣ съ альфами, подземными карликами нѣмецкой мифологіи. О вѣщемъ кузнецѣ Волундѣ (Виландѣ) воспѣваетъ одна изъ пѣсень древней Эдды.

Привѣщаетъ Святогоръ въ кузницу. Кузнецъ куетъ *два тонкихъ волоса* — это онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. По вѣщему указанію кузнеца, Святогоръ поухаль добывать себѣ суженую. Онъ нашель ее спящею, и всю въ гнощѣ; ударилъ ее мечомъ по груди и увхаль. А дѣвица отъ того удара исцѣлилась отъ гноща, и стала красавицею, на которой потомъ Святогоръ женился.

Объ отношеніи Святогора къ Ильѣ Муромцу будетъ сказано тогда, когда дойдетъ рѣчь до этого послѣдняго. А теперь надобно сдѣлать два замѣчанія. Вопервыхъ, встрѣча Святогора съ спящею невѣстою напоминаетъ въ сѣверномъ эпосѣ эпизодъ о томъ, какъ Зигурдъ вывелъ изъ непробуднаго сна Валькирію Брингильду. Во вторыхъ, о *кованьи тонкихъ волосъ кузнецомъ* необходимо сказать, что этотъ древнѣйшій мотивъ имѣетъ огромный интересъ въ исторіи германо-славянскаго эпоса. И если у насъ, по незрѣлости ученыхъ трудовъ, еще мало оцѣнивають сравнительный методъ въ изученіи индо-европейскихъ народностей и смотрятъ на него недоувѣрчиво и подозрительно, вслѣдствіе малой подготовки къ его уразумѣнію: то можно быть вполне увѣрену, что упомянутый мотивъ, ставъ извѣстель нѣмецкимъ ученымъ, непременно вошелъ бы въ комментаріи нѣмецкаго мифа о Зифѣ, супругѣ Громовника Тора.

Надобно знать, что злой Локи однажды обрѣзалъ прекрасныя косы Зифы, но чтобы спастись отъ страшнаго мщенія ея супруга, озаботился сдѣлать ей новые волосы, заказавъ ихъ *выковать изъ золота* подземнымъ карлицамъ-ковачамъ. Извѣстно, что эти золотыя косы Зифы — не иное что, какъ золотистыя нивы, которыхъ плодородіе зависитъ, такимъ образомъ, отъ божественной силы Торовой супруги. Такъ и нашъ вѣщій кузнецъ куетъ волосы, рѣшая судьбу семейной жизни, идея о которой, какъ извѣстно, выражается въ самомъ имени Зифы (*sippe* — миръ, согласіе,

На головахъ у Авдотьи бѣлы лебеди,
 На лѣвомъ плечѣ у ней черны собои,
 На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы;
 На простѣяхъ ¹ у Авдотьи сѣмы голуби,
 На подложкахъ ² у Авдотьи черны вороны.

Связь ея съ Идолицемъ была уже давнишняя. Авдотья — Бѣлая Лебедь была уже за него врсватана, когда Иванъ Годиновичъ явился въ Кіевъ. Нѣхота одеть она замужъ за этого послѣдняго, и въ слезахъ говорить своему отцу, Царю Черниговцу:

Ты умѣлъ меля, батюшка, вспоить-вскормить,
 Ты умѣлъ меля, батюшка, высоко взростить:
 Не умѣлъ меля, батюшка, замужъ выдать,
 Безъ того кроволитица вѣликаго!

Когда Иванъ Годиновичъ повезъ ее домой, на дорогѣ ихъ настигъ Идолице поганый и вступилъ въ бой съ Иваномъ, Авдотья помогла Идолицу, и они вмѣстѣ связали Ивана, точно также какъ въ сербской пѣснѣ связала Іована его мать и Дивскій Старѣйшина: но Иванъ превозмогъ и смертью казнилъ свою преступную жену.

Итакъ, этотъ Идолице, безъ сомнѣнія, тотъ же лютый змій, который вводилъ въ грѣхъ и жену князя Владиміра, жену Добрыни Никитича, жену муромскаго князя Павла, тотъ же змій, который держалъ у себя въ пѣлву Марью Дивовну и который, какъ увидимъ дальше, припоазалъ въ могилу къ вѣщей супругѣ Потока Михайлы Ивановича. Это — воспоминанье о змѣи, представитель стараго порядка вещей, о падшемъ ангелѣ, который сталъ враждебно между женой и мужемъ и ввелъ ихъ въ искушеніе: преданье отразившееся въ тысячѣ мѣоувъ не у однихъ только индо-европейскихъ народовъ.

Языческое чествованье воды и мѣы о рѣкахъ наложили свой отпечатокъ на характеръ вѣщихъ жемъ и титаническихъ героинь. Уже было говорено о супругѣ Дуная, королеви Дѣвпрѣ, которая приходилась сестрою сластолюбивой женѣ князя Владиміра. Подобно польской Вандѣ, она должна была погибнуть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Хотя онъ и побѣдилъ ее и взялъ себѣ въ супруги съ бою,

¹ Основа, утокъ; то что ткуть.

² У ткацкаго станка.

но все же не могъ окончательно одолѣть ея титаническаго могущества, и съ насады самъ себя погубилъ, когда узналъ, что въ утробѣ убитой имъ жены зарождался чудодѣйственный богатырь.

Слово о Полку Игоревѣ, служа во многихъ случаяхъ связью между историческимъ эпосомъ и мифологическимъ, и здѣсь предлагаетъ драгоценное свидѣтельство въ мифическомъ образѣ дѣвы, плещущей *лебедиными крылами* на синемъ морѣ. По свидѣтельству одного древняго слова, приписываемаго Св. Григорію, Славяне чествовали какихъ-то *Берегинь*, т. е. прибрежныхъ богинь выходящихъ изъ воды на берегъ, или *Горынинокъ* (*брегъ—гора*).

Признакъ водяной стихіи отразился въ сверхъестественной породѣ женщинъ тѣмъ, что онѣ оборачиваются въ водяную птицу, преимущественно въ *Бѣлую Лебедь*. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ¹. Однажды этого богатыря послалъ князь Владиміръ на охоту, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ утокъ, къ своему княжескому столу. Потокъ отправляется къ синему морю, вдоволь настрѣлялъ птицъ, и уже собирался было домой какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатыми жемчугомъ усажена.

Итакъ, эта бѣлая лебедь была существо необычайное, вовсе не похожее на обыкновенныхъ птицъ. Тогда —

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налуша свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыви рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:

¹ Курш. Далн. стр. 215 и слѣд.

„А и ты, Потокъ Михайла Ивановичъ!
 Не стрѣлай ты меня лебедь бѣлую,
 Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ.“
 Выходила она на крутой бережокъ,
 Обернулася душой красной дѣвицей.

Потокъ женился на оборотнѣ дѣвицѣ Бѣлой Лебеди, съ тѣмъ уговоромъ, что кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Вѣщая Лебедь-дѣвица, своею мудростью, обмерла; въ могилу къ ней посадили Потока вмѣстѣ съ конемъ. Собирались въ могилу всѣ гады змѣиные, потомъ пришелъ и самъ большой Змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ его убилъ и воскресилъ свою жену, помазавъ ее змѣиною головою¹.

По другимъ вариантамъ¹, эта вѣщая женщина родомъ изъ Подолья Лиходѣва, *Марья Подоленка Лиходѣвна*. Будто бы Потокъ привелъ ее въ вѣру крещеную, и тогда далъ ей *имя новое: Настасья Лебедь Бѣлая Лиходѣвна*. Когда она обмерла, Потокъ воскресилъ ее въ могилѣ живою водою, которую принесъ подземельный Змѣй.

Про эту богатырску молодую жену
 Прошла слава великая
 По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:
 Что не стало такой красавицы ни гдѣ, ни вездѣ,
 Ни подъ краснымъ подъ солнышкомъ.

И навѣжало сорокъ царей, сорокъ царицъ, сорокъ королей, сорокъ королевичей; требуютъ, чтобы князь Владиміръ выдалъ имъ эту *богатырску молодую жену*, не то они весь Кіевъ повырубятъ. Владиміръ велитъ Потокѣ выдать безъ бою, безъ драки, свою молодую жену, потому что „для одной бабы не погибать цѣлому царству.“ — „Отдай свою *богатырску* княгиню Опраксію. — возражаетъ Потокъ: а я не отдамъ жены съ добра.“ Борьба изъ-за прекрасной жены, воспѣваемая въ *Иліадѣ*, въ финской *Калевалѣ* и другихъ народныхъ эпосахъ, получаетъ здѣсь болѣе опредѣленный характеръ, объясняемый скандинавскимъ миеомъ о томъ, какъ великаны требовали отъ боговъ Фреи, прекрасной супруги Одиновой, и какъ вмѣсто ея, въ ея платьѣ

¹ Очевидное сродство этого миеа съ нѣмецкими сказками показано въ *Историч. Очеркахъ*, ч. I, стр. 239.

² Рыбник. 213 и слѣд.

въ жилище великановъ отравлялся, въ видѣ невесты, богъ Торъ. Такъ и Потокъ Михайла Ивановичъ перерядился въ платья женскія и пошелъ къ тѣмъ царямъ и царевичамъ. Попривѣтствовавъ ихъ, спрашиваетъ: „за кого же мнѣ изъ васъ замужъ идти? Вѣдь у васъ изъ-за меня будетъ много кроволитія напраснаго. А вотъ я стрѣльну изъ туга лука: кто первый мою стрѣлку найдетъ, ко мнѣ принесетъ, — за того я и за мужъ пойду.“ Стрѣлилъ стрѣлку, и когда женихи за ней поразбѣжались, онъ всѣхъ ихъ прарубилъ. Но воротившись домой, онъ уже не нашелъ своей жены. Ее похитилъ въ воыинскую землю какой-то царь Вахрамей Вахрамеевичъ, соответствующій Змію Горынычу или Идолищу поганому другихъ былинъ. Демоническая натура жены Потока выразилась связью съ этимъ мифическимъ существомъ, на которое она промѣняла своего мужа, превративъ его въ камень, какъ Марина обернула Добрыню Никитича туромъ-золотые рога. Какъ Девкалионъ и Пирра, бросая камни позадь себя, превращали ихъ въ людей; такъ эта вѣщая жена Лебедь Бѣлая, наоборотъ, —

Перекинула Михайла черезъ себя,
Сама говорила таковыя слова:
„Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ станъ бѣлъ горячъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди скрозь матушку сыру землю.“

Камень этотъ былъ такъ тяжелъ, что никто изъ богатыхъ не могъ поднять его; только нѣкоторый Старчище, вѣроятно какой-нибудь старшій богатырь, поднималъ камень на плечи, а самъ приговаривалъ:

Разсыпья, бѣлъ горячъ камень,
На тѣ ли на мелки на часточки,
А вставай, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ.

Послѣ разныхъ приключеній Потокъ отомстил за себя, убивъ царя Вахромея и свою преступную жену.

Мы уже видѣли какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ мифическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ морскаго царя, или Волдыника, и его многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ. Въ лицѣ Авдотьи Лиховидьевны, или Марьи Лиходѣвны, Бѣлой Лебеди, воссоздано мифическое существо того же раз-

ряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ воды. За неимѣніемъ древнѣйшихъ миѣическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыхъ пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Потому не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова о тождествѣ старшей дочери Селяниновича съ сказочною Василисою Прекрасною, съ Василисою *Золотая Коса* и т. п.¹ А сказочная Василиса именно и есть существо миѣическое, и по преимуществу—водное; она дочь водянаго, или морскаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица.

Есть даже такія сказки, гдѣ выходитъ она замужъ за одного витязя изъ дружины князя Владиміра, и даже именно за *Данилу*, который и въ сказкѣ называется *Безчастнымъ*, каковъ онъ былъ и по разказу уже извѣстной вамъ былины. Еслибы даже сходство въ собственныхъ именахъ между былиною и сказкою было случайное, то самый смыслъ сказки, только въ фантастической обстановкѣ, основанъ на томъ же главномъ мотивѣ, какъ и былина. Князь Владиміръ случайно узнаетъ на пиру о прекрасной женѣ Данилы, хочетъ ее видѣть, и это свиданіе было гибельно для мужа, а вѣщія жена его превосходствомъ своей вѣщей мудрости беретъ верхъ надъ княземъ Владиміромъ и надъ всею его дружиной.

Вотъ главные мотивы этой превосходной сказки¹. При дворѣ князя Владиміра былъ Давило Безчастный дворянинъ. Его всегда во всемъ обходили. Однажды къ Свѣтлому Воскресенью князь Владиміръ задалъ ему мудреную задачу—отдать ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить; въ пуговицахъ наказано льсыныхъ звѣрей вылавить, въ петляхъ заморскихъ птицъ вышивать. По указанію одной вѣщей старухи, пошелъ Давило Безчастный къ сивю морю, сталъ у сыра дуба. Въ самую полночь сине море всколыхалось, вышло къ нему *Чудо-Юда*, морская губа, безъ рукъ, безъ

¹ Записка въ IV выпускѣ сборника Курьезскаго. Стр. 52—4. 163—4. 172—4.

² Афанасьевъ *Сказки*. VI, стр. 289.

ногъ—одна борода съдая! Ухватилъ его Данило за бороду и принялся бить о сыру землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: „За что бьешь меня, Данило Безсчастный?“—„А вотъ за что, говоритъ тотъ: дай мнѣ лебедь-птицу, красную дѣвицу, Лебедь *Страховну!* Сквозь перьевъ бы тѣло видѣлось, сквозь тѣла бы косточки казались, сквозь костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается.“

Трудно найти въ эпической поэзіи родственныхъ народовъ болѣе изящное и точное выраженіе для характеристики этого обоюднаго мифическаго существа, *оборотня Лебедь-дѣвицы*. Сквозь великолѣпныя золотыя перья и жемчужную головку Лебеди видѣются вѣжныя и прекрасныя формы самой дѣвицы, которая, будто бы сѣверная Фрея, только на время одѣлась въ воздушную оболочку своей пернатой одежды. Повѣстическій, пластичный образъ русской сказки производитъ почти такое же впечатлѣніе, какъ тѣ античныя статуи греческаго рѣзца, которыя сквозь роскошную драпировку изящно выказываютъ формы человѣческаго тѣла и каждое малѣйшее ихъ движеніе!

По повелѣнію Чуда-Юды, является сама Лебедь-Страховна, и, узнавши отъ Данилы о задачѣ князя Владиміра, крылушками махнула, головкой кивнула: явились вѣще работники, и не только сшили шубу, но и построили великолѣпный дворецъ, въ который Лебедь-дѣвица ввела Данилу какъ своего мужа. Но когда онъ пришелъ къ князю Владиміру, надѣвъ эту чудную шубу, тамъ на пирѣ у него, когда богатыри ѣли-пили, прохлаждалися, собой величались, не вытерпѣвъ, спьяну сталъ женою своею похваляться. Князь Владиміръ изъявилъ желаніе ее видѣть, и въ сопровожденіи многочисленнаго войска отправился въ ея роскошный дворецъ. При немъ были Алеша Поповичъ и самъ Данило Безсчастный. На дальнемъ пути ко дворцу, князь растерялъ все свое войско, которое тамъ и самъ оставалось при переправѣ черезъ медвяныя и винныя рѣчки, соблазненное этими даровыми напитками, въ такомъ изобиліи приготовленными вѣщею Лебедь-дѣвицей. Владиміръ достигаетъ дворца только самъ-четверть, съ княгинею да съ двумя богатырями. Входятъ въ палаты и садятся за накрытые столы съ роскошными яствами. Но сама хозяйка не является, сколько Данило ии вызывалъ ее. „Еслибъ

это сдѣлала моя жена, говоритъ Алеша Поповичъ, бабій вересмѣшникъ:—я бѣ ее научилъ мужа слушаться!“ Услыхала то Лобедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: „Вотъ-де какъ мужей учать!“ Крылушкомъ махнула, головой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую—горе, по третью—могъ, по четвертую—охъ!

Въ другихъ сказкахъ эта вѣщая дѣвица-оборотень называется то Еленю Прекрасною, то, еще чаще, Василисою Премудрою или Прекрасною ¹. Отцомъ ея царь морской, соотвѣтствующій упомянутому Чуду-Юдѣ. Василиса съ своими двѣнадцатью подругами или сестрами, въ видѣ козацъ, уточекъ, лебедей или голубицъ, прилетаютъ на воду, и скинувъ съ себя свои *пернатыя* сорочки, купаются. Иванъ Царевичъ или какой другой витязь, спрятавшись отъ дѣвицъ-оборотней, похищаетъ сорочку Василисы; подруги или сестры ея улетаютъ, а она остается во власти витязя и выходитъ за него замужъ. Отецъ Василисы, царь морской, задаетъ витязю трудныя задачи, и за мужа исполняетъ ихъ его вѣщая жена. Въ одной сказкѣ ² Василиса Премудрая, какъ истая богиня, повелительница всей природы, велитъ исполнять эти задачи животнымъ. Такъ царь морской велитъ въ одну ночь превратить каменистую почву въ плодородную, засѣять рожию, чтобъ она въ ту же ночь уродилась и поспѣла; потомъ въ одну же ночь обмолотить триста скирдовъ пшеницы, а скирдовъ не ломать, сноповъ не разбивать. Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „Гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-на-чисто.“ Явились русскіе Мирмидоны и какъ разъ исполнили повелѣнное. Наконецъ царь морской въ одну ночь велѣлъ построить изъ воску церковь. Его вѣщая дочь опять вышла на крылечко и кликнула: „Гей вы, пчелы *работящія*? Сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ летите сюда и лѣпите изъ чистаго воску церковь Божію, чтобъ къ утру была готова!“ Слетались отовсюду пчелы и исполнили повелѣнное.

¹ Давыдъ-девичья Сказка. V, стр. 96 и слѣд. VI, стр. 205 и слѣд. 295 и слѣд.

² Давыдъ-девичья Сказка. VI, стр. 209.

Когда вѣщая Василиса съ мужемъ спасается бѣгствомъ изъ палаты отъ своего отца, морскаго царя, на дорогѣ, чтобъ избѣжать погони, нѣсколько разъ оборачиваетъ и себя и своего мужа въ разные виды. То себя оборачиваетъ смиряю овечкой, а его старымъ пастухомъ, то себя уткой, а его селезнемъ, то себя церковью, а его попомъ. Но самое замѣчательное ея превращеніе въ рѣчку, вполне согласное съ тѣми мифическими эпизодами нашего эпоса о *Дунаѣ, Днѣпрѣ, Смородинѣ*, которые уже были нами разсмотрѣны въ связи съ быливами о богатыряхъ старшихъ ¹.

Когда Иванъ Царевичъ съ своею невѣстой уже достигъ родины, морской царь, не догнавъ ихъ, оборачиваетъ бѣглянку рѣкою на три года, то-есть возвращаетъ ее на время въ ея первобытное стихійное существо. Наконецъ ея прекрасный образъ увидѣли на днѣ колодца; и она выходитъ оттуда къ своему мужу, который уже было и забылъ ее въ эти три года ².

Забыть вѣщую женщину—невѣсту или жену—самый обыкновенный сказочный мотивъ не у однихъ Русскихъ. Имъ выражается разобщеніе въ интересахъ и различіе въ самой натурѣ между витяземъ-женихомъ, обыкновеннымъ смертнымъ, и его суженою, вѣщею, сверхъестественною женщиной. Сѣверный Зигурдъ (или Зигфридъ), низведенный изъ круга божествъ въ историческіе герои, уже подчиняется вѣщей силѣ валькириі Бриггильды; онъ ее любитъ и поучается отъ нея мудрости, то-есть древнимъ рунамъ или *вѣщбаламъ*; потомъ, выпивъ чарующаго пойла, забываетъ ее для Гудруны, къ которой, какъ къ существу сходному съ собою по человѣческой природѣ, онъ уже питаетъ больше симпатіи ³.

Такова сверхъестественная поэтическая область, въ которой природная фантазія помѣщаетъ самые равніе идеалы женской природы! Въ этой фантастической области, быливы о старшихъ богатыряхъ встрѣчаются съ сказочными вымыслами, и эпосъ и сказка общими силами поддерживаютъ въ народѣ идею о первоначальномъ величій женщины, какъ такого вѣщаго, чудеснаго существа, которому когда-то подчинялась богатырская сила мужчины.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

² См. малорусскій вариантъ въ *Сказкахъ* г. Леонасьева. VI, 217—8.

Въ русскомъ эпосѣ память объ этой золотой порѣ въ исторіи женщины соединяется съ колоссальною личностью Микулы Селяниновича, отца трехъ вѣщихъ дѣвъ, состоящихъ, какъ показано, въ родствѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ мифическихъ существъ. Потому уже и въ самомъ Селяниновичѣ надобно видѣть не просто историческаго героя, и также не представителя только быта земледѣльцевъ и поселянъ.

Какъ *пахарь* съ своею золотою сохою, онъ существенно отличается отъ *кочевгаго*, переходжаго Селяниновича, съ своею сумкою переметною, признакомъ бездомнаго кочевья. Какъ Илья Муромецъ, отправившійся изъ дому на богатырскіе подвиги, беретъ съ собою въ ладонкѣ горсть родной земли, по пословицѣ: „своя земля и въ горсти мила;“ или какъ у нѣкотораго старца переходжаго въ котомкѣ разбойникъ Аника¹ напелъ узелки съ землею: такъ Микула Селяниновичъ, въ качествѣ представителя самой ранней эпохи выхода изъ кочевья къ осѣдлости, идетъ навстрѣчу зачинающейся на Руси исторической жизни, съ своею переметною, дорожною сумочкой, неся въ ней родную землю откуда-то издалека. Но сумочка съ землею такъ тяжела, что не въ подъемъ самому могучему изъ старшихъ богатырей. Потому символъ родной земли тотчасъ же возводится въ сказаніи о Селяниновичѣ до колоссальнаго, можетъ-быть, мифическаго представленія о всей землѣ, которую дѣйствительно не поднимешь, какъ выражается о землѣ русская загадка: „Матушкиной коробыи или отцова сундука не подымешь.“²

Еслибы въ отдаленную старину наши предки представляли себѣ исподинское божество, держащее въ рукахъ землю, или, какъ Селяниновичъ, несущее ее въ сумочкѣ; то уже не въ загадкѣ, требующей отгадыванья, а въ обычномъ эпическомъ выраженіи, или поговоркѣ, могли бы о несмытной тяжести земли говорить: „Микулиной сумочки не подымешь!“

Такой колоссальный образъ могъ бы соответствовать въ фантазіи народа тѣмъ стариннымъ иконописнымъ типамъ, которые, для выраженія идеи о вседержительствѣ и власти, держатъ въ рукѣ земной шаръ.

¹ Бурѣвск. IV-й выпускъ, въ замѣткѣ стр. 112.

² Для *Пословицъ* стр. 1063.

VI.

Переходимъ къ *Ильѣ Муромцу*. Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, онъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ главные его интересы.

Тотъ не можетъ себѣ составить яснаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ, кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходить до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ мифической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца. Подводя древнія преданія подъ уровень церковнаго календаря, фантазія сначала сближаетъ Перуна, покровителя земледѣлія съ Ильей пророкомъ, котораго называетъ тоже *Громовникомъ*; потомъ сложный полубожественный типъ Ильи Муромца-Перуна, можетъ-быть, даже по тождеству имени, сливается въ одну личность съ Ильей Громовникомъ. Какъ произошла эта эпическая метаморфоза, отъ насъ сокрыто въ таинственной дали равнаго творчества народной фантазіи: собственное ли имя муромскаго богатыря послужило точкою соприкосновенія между Перуномъ и Ильей пророкомъ, или Муромецъ, наследовавшій силы божества земледѣльческаго, потому только сближенъ былъ съ Ильей пророкомъ, что этотъ послѣдній самъ есть Громовникомъ, какъ и языческій Перунъ? Какъ бы то ни было, но сѣдующая замѣтка г. Дала¹ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что народныя преданія сближаютъ русскаго богатыря съ ветхозавѣтнымъ пророкомъ: „Пустившись въ путь (изъ дому)

¹ Замѣтка въ 1-мъ выпускѣ сборника Карѣвскаго стр. 33.

Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты волторы): тутъ изъ-подъ копыть богатырскаго коня живою ключъ ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часоуенка *во имя пророка Илии*. На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ испить водицы, набратъся богатырской силы.⁴

По былинѣ¹ эту часоуенку строить самъ муромскій богатырь, будто памятникъ себѣ для потомства:

Первый скокъ скочилъ на пятнадцать версты;
 Въ другой скочилъ—колодезь сталъ;
 У колодезя срубилъ сырой дубъ,
 У колодезя поставилъ часоуенку,
 На часоуѣ подписалъ свое имячко:
 „Вхалъ такой-то сильной могучій богатырь,
 Илья Муромецъ сынъ Ивашовичъ.“

По народнымъ разказамъ, Илья Муромецъ родился въ крестьянскомъ семействѣ изъ села Карачаева или Карочарова въ Муромской области, отъ крестьянина Ивана Тимошеева. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачатъся въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ - Торѣ. Громовникъ Илья - Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣшія воспоминанія Славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе миѣческаго Селлавиновича, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіею путь. Въ немъ доносятся до насъ раннія сказанія о Чехѣ и Лѣхѣ чехо-польскаго эпоса; онъ вмѣстѣ и чешскій Премысль, переведенный на русскую почву. Не достаетъ только мужицкихъ лаптей Ильи Муромца въ сокровищницѣ русской старины. Но какъ увидимъ, онъ долженъ былъ уже промѣнять лапти на сапоги при дворѣ князя Владиміра, гдѣ по свидѣтельству лѣтописца Нестора уже свысока отзывались о лапотникахъ.²

¹ Карѣвск. *Письм.* I, стр. 35.

² Добрыня говоритъ князю Владиміру: „Посмотрѣлъ я на колодники—всѣ они въ сапогахъ: эти лапти намъ не дадутъ. Поидемъ, поищемъ лучше лапотниковъ.“ *Собран. Лѣтоп.* I. 36.

Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двойномъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хоть и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ, но дѣлая тридцать лѣтъ сидѣмъ сидѣлъ на печи, подъ собою яму протеръ, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ славдовательно богатыремъ. Надо было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтический идеалъ, который въ былинахъ прославилъ Ильею Муромцомъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи—вотъ настоящее рожденіе богатыря. Потому, внимательному взгляду привыкшему слѣдить за переворотами народнаго эпоса, помимо муромскихъ мужичковъ, въ предкахъ Ильи Муромца представляются другія личности, возникшія въ сферѣ языческаго чествованія существъ мифологическихъ.

О зарожденіи богатырской силы въ Ильѣ русскій эпосъ сохранилъ два различныя преданія, согласныя между собой только въ томъ, что по обоимъ это дѣло совершается сверхъестественнымъ образомъ.

По одному преданію, Илья получилъ силу еще въ домѣ отца, гдѣ сидѣмъ сидѣлъ тридцать лѣтъ. Будто приходятъ каліки переходіе (по другимъ вариантамъ, нищая братія, или самъ Христосъ съ двумя апостолами—обыкновенное подновленіе древнѣйшихъ эпическихъ типовъ), и будто бы велѣтъ ему принести ведро или чашу воды. Тогда, по вѣщему велѣнію, онъ впервые всталъ на ноги и принесъ воды. „Выпей самъ,“ говорятъ ему пришельцы. Илья выпилъ. „Что въ себѣ чувствуешь?“ спрашиваютъ его. „Чую великую силу.“—„Поди, привеси еще ведро.“ Илья приноситъ еще, и еще разъ выпиваетъ.

Много ли Илья чувствуешь въ себѣ силушки?

—„Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,

Ко столбу было бы золото кольцо,

За кольцо бы взялъ, Святоруеску поворотилъ!“

По другому варианту, онъ отвѣчалъ: „Еслибы вернуть кольцо въ землю, я бы всю землю перевернулъ.“

Это именно и есть та *тяга земная*, подъ которою изнемогъ самъ Святогоръ. Въ послѣдствіи, наглядно была представлена она положенною въ переметной сумочкѣ, которую на Русь вывезъ съ собою Селаяиновичъ.

„Много даю Ильѣ силы“, сказали прохожіе, услышавъ такой отвѣтъ: „земля не смесеть; поубавимъ силы.“ И еще разъ велѣли ему принести воды и выпить, и когда онъ выпилъ, спрашивали:

„—Много ли, Ильѣ, чуеть въ себѣ силушки?“

„—Во мнѣ силушки половинутка.“

„—Будеть съ тебя!“ сказали нищая братія и отправились въ путь.

Не надобно приписывать никакого особеннаго значенія поздвѣстей, будто бы христіанской обстановкѣ этой сцены. Прибавленіе силы отъ чудодѣйственнаго поила—мотивъ обыкновенный не въ однихъ русскихъ сказкахъ. Такъ въ одной норвежской сказкѣ¹, Тролль, существо мифическое, велитъ нѣкоторому королевичу трижды глотнуть изъ бутылки, и каждый разъ прибывало въ немъ силы. Въ русскихъ преданіяхъ мифическое существо переведено на поздвѣстія лица.

Подновляя до-историческое преданіе христіанскими идеями, народъ разказываетъ даже, что и сидвемъ сидѣлъ Ильѣ Муромецъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ, и что будто бы и всталъ Ильѣ впервые на ноги, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе: такъ что на этой поздвѣстей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ ростовскимъ объ Аврааміи. Также какъ Ильѣ Муромецъ, Авраамій до восемнадцатилѣтняго возраста пролежалъ въ разслабленіи въ домѣ своихъ богатыхъ родителей-язычниковъ. Также приходятъ какіе-то калики перехожіе, Новгородцы. Отъ нихъ онъ услышалъ о вѣрѣ въ Іисуса Христа, самъ увѣровалъ, и сталъ на ноги, будто Ильѣ услышавшій *Христосъ Воскресе*.²

Когда Ильѣ Муромецъ получилъ свою силу, домашнихъ никого тогда не случилось: все необычайное совершается въ тайнѣ. Отецъ съ матерью были на полевой работѣ, кажется, расчищали дѣсь подъ пашню: это обыкновенный приемъ пахарей древней Руси, покрытой то болотами, то дѣсами. Такъ надобно полагать, основываясь на сказкѣ,

¹ Asbjörnsen. № 3.

² Графа Толстаго *Древнія Святини Ростова Великаго*. Изд. 2-е 1860 года стр. 60.

по которой Илья, вставъ на ноги, соскучился дома и пошелъ *копать въ лѣсъ*, свою силу пробовать. И ужаснулся народъ, увидавъ что Илья сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ. Тутъ въ изумленіи подбѣжали къ нему и отецъ съ матерью, и увѣрились въ великомъ чудѣ.¹ По варианту, изданному г. Рыбниковымъ, Илья, пришедши на работу, „взялъ топоры и началъ *пожни чистить*.“

Впрочемъ не въ однихъ земледѣльческихъ трудахъ Илья Муромецъ оставилъ на родинѣ память о своей силѣ. Онъ совершилъ титаническій подвигъ, покоровъ себя цѣлую гору, будто сѣверный Торъ, оражавшійся съ исполинами горъ. Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго на богатырскіе подвиги, и отецъ его медовѣрчиво усумнился, то онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки засыпанное Ильею.²

Итакъ даже древнѣйшія преданія о переворотахъ совершившихся нѣкогда въ самой природѣ муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ. Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ въ честь его воздвигнутый. Такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами. Чтобы не быть пошлою компиляціей или напыщеннымъ панегирикомъ, легенда должна питаться мѣстными эпическими преданіями. Въ этомъ состоитъ ея существенное жизненное начало. Въ основѣ муромскихъ преданій, занесенныхъ въ легенды, исторія литературы открываетъ богатую эпическую почву, создавшую самый блистательный изъ идеаловъ народной поэзіи. Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и Февроніи сохранился въ лицѣ Февроніи самый поэтическій типъ вѣщей дѣвы ткачихи, говорящей загад-

¹ Прилож. къ 1-му вып. Куръевск. стр. 2-я. К. С. Аксаковъ, кажется, не придавалъ этой подробности особеннаго значенія. Вотъ слова его: „Я не помню, ясно, на какой работѣ была семья Илья: но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была *рубка лѣсу*, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.“ Ibid. стр. 30. Рыбник. 2, 4.

² Записка Дала, въ 1-мъ вып. сборника Куръевск. стр. 33.

ками и исцѣляющей самая страшная болѣзнь, посылаемая сверхъестественными силами. Какъ богатырь Илья, она тоже изъ крестьянскаго званія, дочь бортовика-древосаза, и также какъ муромскій богатырь, всегда отличалась благородною правотою и снисходительностью; также какъ онъ, только своими личными качествами, а не породою, достигла высшихъ почестей, и какъ онъ составляетъ лучшее украшеніе безыскусственнаго эпоса, такъ она эпоса книжнаго, легендарнаго. ¹

Мы разсмотрѣли одно сказаніе о рожденіи въ Илья богатырской силы. По другому сказанію ², Илья наследуетъ силу отъ Святогора, который въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служитъ какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и муромскимъ богатыремъ.

Когда Святогоръ убилъ свою преступную жену, какъ уже было сказано, побратадся съ Ильею, который сталъ меньшимъ братомъ старшаго богатыря. Потомъ Святогоръ выучилъ его вѣсть похваткамъ и потѣлкамъ богатырскимъ, однимъ словомъ, сдѣлалъ изъ него настоящаго богатыря, создалъ въ немъ настоящаго Илью Муромца. Оставалось только передать ему въ наследство свою силу, для того чтобы Муромецъ, а не кто другой, при дворѣ князя Владимира, въ его дружинѣ, заявлялъ въ своемъ характерѣ о могуществѣ родной стороны.

И повѣдалъ вѣсть Святогоръ съ Ильею. Подъѣзжаютъ ко гробу. На гробѣ подпись подписана:

Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ немъ и ляжетъ.

Сначала попробовалъ Илья, но гробъ былъ не по немъ: и великъ и широкъ. Легъ Святогоръ: гробъ какъ разъ по немъ. И велѣлъ онъ себя покрыть крышкою; и только что Илья покрылъ его, никакъ уже не могъ поднять крышки: такъ Святогоръ въ гробу и остался.

„Возьми мой мечъ-кладенецъ, говоритъ Святогоръ, и ударь поперекъ крышки.“ Но Илья не можетъ и поднять меча. Тогда Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, Илья наклонился: Святогоръ дохнулъ на него изъ маленькой ще-

¹ См. о муромской легендѣ въ моихъ *Историч. Очеркахъ*.

² Рыбчакъ. I, 41.

лочки своимъ богатырскимъ духомъ. И почувалъ Илья, что силы въ немъ прибыло противъ прежняго втрое, подвналъ мечъ кладынецъ и ударилъ имъ поперекъ крышки. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, посыпались искры и выросла желѣзная полоса. „Задыхаюсь я во гробѣ!“ вопилъ Святогоръ. Илья ударилъ по крышкѣ мечомъ еще разъ, и еще посыпались искры и выросла другая желѣзная полоса. „Задыхаюсь я, меньшей братецъ!“ вопилъ Святогоръ: „Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю силу великую!“ „Будетъ съ меня силы, большой братецъ, отвѣчалъ Илья: не то земля на себѣ носить не станетъ!“ И похвалилъ его за то Святогоръ, присовокупивъ: „Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добраго кова моего привяжи къ моему гробу.“ Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Илья простился съ Святогоромъ, привязалъ ко гробу кова, и, взявъ Святогоровъ мечъ, похвралъ на богатырскіе подвига.

Таковъ эпизодъ о родственномъ отношеніи этихъ двухъ богатырей. Ясно, что Илья прямой наследникъ Святогора, принявшій отъ него силы столько, сколько нужно, чтобы жить на землѣ. Это есть первоначальный, миѣическій источникъ богатырской силы Ильи Муромца. Позднѣйшая эпоха, какъ мы видѣли, подновляетъ миѣе участіемъ христіанскихъ лицъ, въ темной основѣ которыхъ проглядываетъ титанической образъ старшаго брата Ильи Муромца, самого Святогора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ экономіи первоначальнаго миѣе вовсе не нужно было раздвоить происхожденіе силы муромскаго богатыря, и производить ее изъ двухъ источниковъ—отъ духа Святогора и отъ питья по повелѣнію переходящихъ каликъ.

Итакъ, муромскій мужикъ вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ титаническое величіе и силу первобытной миѣической старины. Отчего же не сосредоточился онъ въ своемъ полубожественномъ величіи, какъ древній Селявиновичъ, и свое родное крестьянство не вознесъ до миѣической апотеозы? Что онъ не остался въ своемъ родномъ Муромѣ? Зачѣмъ онъ не свилъ себѣ своего собственнаго теплаго *гнѣзда* и не построилъ роднаго *порога*, какъ сооружали себѣ чехо-польскіе герои *Гнѣздо* и *Прагу*? Зачѣмъ не огородилъ онъ роднаго, имъ самимъ вспаханнаго

пола какимъ-нибудь Змѣевымъ Валомъ, проведши его первую на Руси сохою? Темная старина даетъ поводъ къ тысячѣ догадокъ и вопросовъ; и почему бы не предположить: не причинѣ ли было бы кому-нибудь изъ рода-племени муромскаго крестьянина ковать первый на Руси плугъ и провести имъ первую борозду нежели князьямъ Борису и Гавбу?

Но муромскій крестьянинъ попалъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ бросаетъ свою наследственную соху и стремится въ дальнія страны на богатырскіе подвиги.

Его влечетъ къ себѣ новое свѣтило, восшедшее на Руси въ лицѣ *ласковаго* князя Владиміра. Туда, къ Киеву отовсюду потянули русскія силы воплощенныя въ богатыряхъ цикла Владимірова: Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ изъ Ростова, Суровецъ богатырь изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ и Михайло Казарянинъ изъ Волынца Красна Галичья, а за ними и крестьянскій сынъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ изъ Мурома. Это значитъ, что основаніе центровъ княжеской власти на Руси дало новый, рѣшительный толчокъ въ развитіи народнаго эпоса. Богатыри перестаютъ быть непосредственными потомками боговъ и полубоговъ, и, вмѣстѣ съ самостоятельностью, теряютъ и свое высшее миѳическое значеніе, изъ *старшихъ* богатырей, то-есть изъ титановъ, переходятъ въ *младшихъ*, въ обыкновенныхъ смертныхъ, и группируются толпою около историческаго лица, около князя, въ его княженецкой дружинѣ.

Этотъ новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса обозначился въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ, областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя. Стремленіе къ централизующей власти коренится уже въ самомъ сознаніи той первобытной эпохи, которая находитъ себѣ естественное выраженіе въ эпосѣ, еще не знающемъ безконечнаго разнообразія личныхъ интересовъ лирики, и сосредоточивающемъ безразличную массу вѣрованій и обычаевъ къ представительной власти то родоначальника, то жреца, то воеводы, то наконецъ князя. Въ послѣдствіи, гражданское броженіе

и борьба партій, вызванныя политическими и философскими идеями, даютъ просторъ лирическому заявленію отдѣльных мнѣній, взглядовъ и стремленій. Но пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую беспомощность, до тѣхъ поръ онъ довольствуется только эпосомъ, который питаетъ въ немъ религиозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему, въ политическомъ устройствѣ, древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями за *круглымъ столомъ*; Англо-саксы въ лицѣ милостиваго короля Гродгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своимъ преданною дружиною, въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ *собирателемъ земли Русской* народный эпосъ почитаетъ князя Владиміра, который также ежедневно пируетъ съ своими богатырями.

Что идеалъ этого эпическаго представителя верховной власти составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или по крайней мѣрѣ не зависимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіанство, явствуетъ изъ того, что русская былина вовсе не помнитъ этого пресловутаго факта, соединеннаго съ именемъ князя Владиміра. Она изображаетъ его даже скорѣе язычникомъ нежели тѣмъ равноапостольнымъ княземъ, котораго чествуетъ въ немъ позднѣйшая книжная легенда. Еще современные намъ народные пѣвцы разказываютъ, что у Владиміра было двѣнадцать женъ, имья отъ живыхъ мужей¹. Потому-то, когда онъ сосваталъ за Алешу Поповича жену Добрыни, бывшаго въ отлучкѣ, и когда Добрыня воротился, то на пиру при всѣхъ говорилъ:

Не дивуюсь я князю Владиміру;
 Чтò и самъ творить, другому велить:
 Отъ живаго мужа хочеть жену отнять.

Изъ всѣхъ историческихъ преданій о Владимірѣ, богатырскій эпосъ хорошо помнитъ только пиры его, о которыхъ повѣствуетъ еще лѣтописецъ Несторъ, какъ бывало

¹ Рыбник. I, 145.

пировала дружина у этого ласковаго князя, и какъ однажды подливши порядкомъ витязи роптали, что ѣдятъ ложками деревянными, а не серебряными. Владимиръ будто бы велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ: „серебромъ и золотомъ дружины не добуду, а дружиною добуду и золота, и серебра.“ Это извѣстiе, можетъ-быть, заимствовано было летописцемъ уже изъ былинъ о княжихъ пирахъ, описанiемъ которыхъ и до сихъ поръ начинается большая часть богатырскихъ пѣсень.

Каково бы ни было отношенiе эпическаго Владимира къ эпохѣ старшихъ богатырей или великановъ и къ миѳическимъ божествамъ древнихъ Славянъ, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманiя двѣ черты въ его поэтическомъ типѣ, указывающiя на его связь съ преданiями незапамятной старины: во первыхъ, иногда и именно въ стихѣ о Голубиной книгѣ, князь Владимиръ является замѣною великана *Волота Волотоича*, и во вторыхъ, онъ постоянно въ былинахъ прозывается *Краснымъ Солнышко*мъ: а постоянный эпитетъ въ народной поэзи, кромѣ поэтической вышней прикрасы, очень часто имѣетъ внутреннiй смѣсль, опредѣляемый народнымъ вѣрованiемъ. Не смѣнилъ ли собою князь Владимиръ *Дажь-бога* или *Сварога*, божество солнца, по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ миѳическихъ воззрѣнiй къ новому историческому порядку вещей? И это предположенiе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ *красное солнце* до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его, какъ на примѣрѣ:

Завелся у солнышка почестекъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ.

Какъ солнце по небу *числется*, то-есть, играя и свѣтя управляетъ временами года и освѣщаетъ день; такъ и Владимиръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею Русскою:

Не красное солнце числовалося:
Заводилося пированьице честное у князя Владимира ¹.

¹ Рыбник. I, 212. Куртёвск. III, 28. Замѣчательно, что король Артуръ, изображаемый въ позднѣйшихъ искусственныхъ поэмахъ идеаломъ рыцарства и христіанскаго благочестiя, первоначально, по преданiямъ кельт-

Слово о Полку Игоревѣ, уже не разъ служившее намъ посредникомъ между вѣроваваньями темной старины и эпохою историческою, подкрѣпляетъ догадку о происшедшемъ нѣкогда переходѣ чествованья божества солнца на какого-то эпического князя, которому имя исторія указала въ ласковомъ князѣ Владимірѣ. Авторъ *Слова* называетъ героя или воеводу *звукомъ бога солнца* (звукомъ Дажь-бога), какъ бы тѣмъ давая знать своимъ современникамъ XII вѣка, что нѣкогда самое это божество было признаваемо за представителя богатырскихъ доблестей, за источникъ и центръ всякой на земѣ власти.

Народная фантазія, объясняя по своему связь исторіи съ мифомъ, видѣла въ князѣ Владимірѣ не просвѣтителя Руси христіанствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чулось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно солнышко, и потому тѣмъ охотнѣе около этого, нѣкогда мифическаго, центра собралась она богатырей Русской земли.

Потому ли, что государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи, одѣвши внѣшними формами покоренія и налоговъ; потому ли, что князь и дружина, набранная изъ чужаковъ, авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси, какъ бы то ни было, только историческій идеалъ самого князя Владиміра въ народномъ эпосѣ мало выработался, не развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ. Ласковый князь только пируетъ съ своими богатырями да посылаетъ ихъ на разные подвиги,¹ а самъ не принимаетъ участіе ни въ какой опасности, и сидитъ дома съ супругою Апраксѣвной. Съ особеннымъ удареніемъ эпосъ указываетъ только на двѣ характеристическія черты въ его характерѣ, на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастье, такъ что *уродиться красотой и счастьемъ въ князя Владиміра*, вошло въ поговорку между богатырями¹.

скихъ бардовъ, былъ сыномъ *Утеръ-Пекнь-Драгона*, мифическаго титана и бога, и даже самъ чествовался какъ солнце. См. Villemarqué, *Les Romans de la Table Ronde*. 1861 г. стр. 8—9.

¹ Рыбник. I, 186. II, 16.

Кажется, въ самыхъ интересахъ народнаго эпоса не имѣлось задачи дать князю Владиміру болѣе яркій и глубокій характеръ. Это оставлялось на долю окружающимъ его богатырямъ и особенно избраннѣйшему изъ нихъ, Ильѣ Муромцу. Для Владиміра достаточно было его княжескаго ореола, которымъ онъ постоянно выступаетъ изъ толпы пирующихъ. Только что онъ вымолвить слово, всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ его:

Изъ того стола изъ-за дубова
 Не золота, звонка труба вострубила:
 Испроговорилъ Владиміръ стоально-киевскій.

Отвѣчаютъ ему съ подобострастіемъ. Часто большой за малаго хоронится, а отъ малаго ему князю и отвѣту нѣтъ.

Если самъ князь мало дѣйствуетъ, за то умѣетъ цѣнить людей и выбирать достойныхъ дѣятелей, которыми окружаетъ свою особу. Это главная его заслуга, и едва ли не самая важная черта, которою эпосъ отличилъ князя Владиміра, какъ *собирателя* русокихъ силъ. Муромскій богатырь, впервые пріѣхавъ къ князю Владиміру, его спрашиваетъ:

Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
 Тебѣ надо ль насъ, приидишаеш ли
 Сильныхъ, могучихъ богатырей,
 Тебѣ батюшкѣ на почесть-хвалу,
 Твоему граду стоальному на изберець,
 А Татаровьямъ на посѣченье? ¹
 Отвѣчать батюшка Володиміръ князь:
 „Да какъ мнѣ васъ не надо-то!
 Я *ездѣ васъ ищу, ездѣ спрашиваю.*
 На пріѣздѣ васъ жалую по добру кою,
 По добру кою, по латынскому, богатырскому.“

Подарки не послѣднюю роль играли въ приманиваньи богатырей княземъ Владиміромъ. Оттого-то онъ и слыветъ *Ласковыя*. Илья Муромецъ совѣтуетъ Дюку Степановичу ѣхать къ князю Владиміру, наивно присовокупляя:

Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
 Многой безчеткой золотой казной ².

¹ Намекъ на Татаръ, — позднѣйшая вставка. Первоначально были названы какіе-нибудь другіе враги.

² Рыбник. II 71. Кирѣевск. I, 37—38. Рыбник. II, 167.

Попавши въ ряды княжеской дружины, муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ уже не идеалъ мужика-пахаря, не великанъ-Селяниновичъ, а *представитель сельскаго, крестьянскаго сословія* при княземъ дворѣ, какъ Добрыня Никитичъ—представитель княжескаго званія, Гришка боярскій сынъ—представитель бояръ, Алеша Поповичъ—церковнаго сословія, Иванъ Гостиный сынъ—представитель купечества, и т. д.

Понятно, что Илья Муромецъ, какъ товарищъ боярскаго сына, поповича или какого-нибудь Васьки Долгополага, можетъ-быть, дьяка грамотея, есть уже новая эпическая личность, не имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перуѣ и великанъ Селяниновичъ съ христіанскимъ именемъ Илья Пророка.

Окруженіе князя Владиміра богатырями—представителями областей и разныхъ мѣстностей, каковы: Муромъ, Ростовъ, Рязань, Воынь и т. д. входитъ въ древнѣйшій слой эпическаго содержанія, имѣющаго предметомъ *собираніе* Русской земли около кievскаго центра. Чтò же касается до окруженія того же князя богатырями, представителями сословій, то это уже слой значительно позднѣйшій, который долженъ относиться къ той эпохѣ, когда вслѣдствіе государственнаго и церковнаго развитія Руси, изъ общей массы населенія выдѣлились сословія: княжеское, боярское, купеческое, крестьянское, церковное.

Богатырская дружина князя Владиміра уже была въ полномъ составѣ еще до появленія Илья Муромца въ Кіевѣ. Ей не доставало крестьянскаго элемента, который долженъ былъ въ нее внести этотъ великій герой, и онъ, какъ главное дѣйствующее лицо драмы, является на сцену послѣ другихъ. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Кіевъ, привезши съ собою Соловья Разбойника, Добрыня Никитичъ говорилъ князю Владиміру:

Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
Одного не знаю—старога казака Илья Муромца:
Я слышалъ насамышкой человѣческой,
Что у него на бою смерть не писана.

Какъ завязжіи крестьянинъ и человѣкъ при дворѣ не-извѣстный, Илья съ перваго же разу былъ обиженъ на

пирю Владиміра визкимъ мѣстомъ. Потому, находя княжескую дружину не по своему вкусу, муромскій крестьянинъ дружится съ простонародьемъ, которое въ былинахъ слыветъ подъ наивнымъ именемъ *голи кабацкой*, и пируетъ съ нею въ кабакѣ. Князь и богатыри, страшась его могущества, не знаютъ какъ къ нему приступить. Посылаютъ наконецъ богатыря княжей породы, *вѣжливаго* Добрыню Никитича —

. грамотой востраго,
На рѣчахъ да разумнаго,
Съ гостями почестливаго.

Добрыня приходитъ въ кабакъ, и не знаетъ какъ подойти къ Ильѣ:

Спереди зайдти—хорошо ли ему прилябится?
Да-ко я сзади зайдю!

Зашелъ къ нему сзади, и, схвативъ его за могучія плечи, говорилъ ему:

Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
Сдержу ты свои руки бѣзья,
Какъ скрѣпи сердце ретивое:
Какъ посла не куютъ, не вѣшаютъ.

Потомъ принесъ овъ извиненіе отъ имени самого князя: „Потому овъ садилъ тебя на нижній конецъ, что не зналъ тебя, кто ты таковъ, добрый молодецъ!“ Муромскій богатырь смиловившися, и готовъ идти къ князю Владиміру во только на томъ условіи, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю пріѣзда въ Кіевъ великаго богатыря. „Поди, скажи князю таковы слова, говорилъ Илья Добрыня:

Пусть-ко для меня, для молодца,
Разошлетъ указы строгіе,
По всему по городу по Кіеву
И по городу по Чернигову,
Чтобъ отворены были...
Кабаки всѣ и пивоварня,
На тропи на сутки отворены,
Чтобъ весь народъ пилъ да зелена вино;

Кто не пьетъ зелена вина,
 Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
 Кто не пьетъ пивъ пьяныхъ,
 Тотъ пилъ бы сладки меда:
 Чтобъ знали, что наѣхалъ старый казакъ,
 Старый казакъ Илья Муромецъ,
 Ко славному ко городу Киеву:
 Пусть для меня для молодца,
 Заведетъ столованье — почестный пиръ.

Итакъ, пиры Владиміра на весь народъ, о которыхъ свидѣтельствуешь Несторъ, по увѣренію нашего эпоса, будто бы даны были въ первый разъ въ честь собственно народнаго героя, самого Ильи Муромца. До тѣхъ поръ князь угощалъ будто бы только своихъ подручниковъ.

Наконецъ, герой идетъ къ князю, и весь народъ, князья, бояре и богатыри собираются смотрѣть на него. На княжемъ пиру Илья уже самъ не удостоилъ сѣсть на большомъ мѣстѣ, а сядилъ на мѣсто среднее, а возлѣ себя, какъ представитель простонародья, сажалъ „голей кабацкихъ.“

Тутъ онъ удивилъ всѣхъ, заявивъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ Разбойникомъ.

Тутъ-то узнали стараго казака,
 Стараго казака Илью Муромца,
 По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
 По всѣмъ чужимъ-дальнимъ сторонашкамъ.

Такова превосходная былина о первой побѣдѣ Ильи Муромца. Открытіе и обнародованіе ея принадлежитъ къ лучшимъ заслугамъ г. Рыбникова, для историческаго изученія русской народности ¹.

Какъ первоначально Муромецъ былъ верховнымъ героемъ русскаго эпоса по своему миѣческому средству съ божествомъ земледѣлія и крестьянскаго быта; такъ потомъ, въ качествѣ представителя сословія крестьянскаго, онъ пользовался и доселѣ пользуется преимущественною любовью простонародья, которое одно сберегло до сихъ поръ нашъ національный эпосъ. Еслибы высшіе классы народа не были оторваны на Руси отъ родной почвы національнаго эпоса, можетъ-быть Илья Муромецъ нашелъ бы себѣ

¹ Рыбник. II, 336—345.

соперника въ какомъ-нибудь идеалѣ боярскомъ или княжескомъ.

Народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы страны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сиды, наша родина—въ крестьянскомъ сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину.

Съ особенною рѣзкостью выступаетъ сословное различіе богатырей въ былинѣ¹, о томъ какъ они, стоя на заставѣ, въ сторожахъ, какъ сторожевая рать, на поляхъ цыцарскихъ, должны были по очереди вступать въ бой съ однимъ великаномъ Жидовиномъ, который былъ такъ громаденъ, что копь его, ударивъ копытомъ въ землю, вышибъ *ископять* величиною въ пол-печи.

Древнѣйшему преданью о борьбѣ съ исполиномъ дается въ былинѣ позднѣйшая сословная обстановка, приправленная даже въ некоторую проиѣй.

Жидовинъ оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣхать черезъ ихъ заставу, будто насмѣяться надъ ними. Атаманомъ на богатырской заставѣ былъ самъ Илья Муромецъ. Стали богатыри думать, кому изъ нихъ ѣхать биться съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ. Положили было это дѣло на *Ваську Долгополага* (полагаютъ, что это дьякъ, грамотей: можетъ-быть, не посадскій ли человекъ?). Илья Муромецъ находить этотъ выборъ неудачнымъ, характеризуя въ слѣдующихъ словахъ самое сословіе, къ которому принадлежитъ Васька:

Не ладно, ребятушки, побѣдили;
У Васьки помы долгиа;
По землѣ ходитъ Васька заплетается;
На бою, на дракъ заплетется;
Погинеть Васька по напрасному.

Положили было на Гришку боярскаго сына. Илья опять не соглашается, не довѣряя боярамъ:

Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка рода боярскаго;
Боярскіе роды хвастливые;
На бою, на дракъ призахвастается,
Погинеть Гришка по напрасному.

¹ Куртесск. I, 46.

Еще немилосердыѣ отзывается муромскій крестьянинъ о сословіи Алеши Поповича, когда положили было этого послѣдняго послать перевѣдаться въ единоборствѣ съ Жидовиномъ нахвальщикомъ:

Не ладно, ребятушки, положили:
Алешинька рода поповскаго:
Поповскіе глаза завидушіе,
Поповскіе руки загребушія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много золота - серебра:
Злату Алеша позавидуетъ —
Погиметъ Алеша по напрасному.

Итакъ, забравъ представителей всѣхъ сословій, муромскій герой посылаетъ перевѣдаться съ исполнимою Добрыню Никитича. Онъ княжескаго рода и храбрый богатырь. Выѣхавши въ поле, онъ сталъ высматривать нахвальщика въ серебряную трубу. Но когда съѣхался съ великаномъ, и когда великанъ напустился на него съ такою силою, что земля всколебалась, изъ озеръ воды выливались: тогда Добрыня такъ испугался, что, взмолившись Богородицѣ о своемъ спасеніи, опрометью бросился отъ врага на заставу. Пришло наконецъ ѣхать въ бой самому Ильѣ, потому что не кѣмъ больше замѣниться. Муромскій богатырь вступаетъ съ Жидовиномъ въ страшный бой, который долго не рѣшается ни въ чью пользу. Вдругъ Ильѣ, замахнувшись правою рукою, поскользнулся на лѣвую ногу, и палецъ. Великанъ тотчасъ же настѣлъ на него, и хочетъ уже пороть кияломъ ему грудь, а самъ насмѣхаясь приговариваетъ:

„Старый ты старикъ, старый, матерый!
Зачѣмъ ты ѣдешь на чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣниться?
Ты поставилъ бы себѣ келѣйку
При той путѣ, при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келѣйку;
Тутъ бы, старикъ, сытъ-питанель былъ.“—
Лежитъ Ильѣ подъ богатыремъ,
Говоритъ Ильѣ таково слово:
„Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:

Не болятъ Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—
А теперь Илья подъ богатыремъ!¹

Конечно, грубо заявляетъ здѣсь Илья о своемъ православіи—въ какомъ-то полухристіанскомъ убѣжденіи, что даже у самихъ апостоловъ гдѣ-то записано, что Ильѣ не быть въ полѣ убитому: но самая мысль и эвергическое ея выраженіе, съ отгѣнкомъ ироніи, дышатъ необычайнымъ величіемъ. Это—сверхъестественная вѣщая увѣренность въ своей судьбѣ всѣхъ великихъ людей, которые, не смотря на смертныя опасности, спокойно и неустрашимо идутъ къ своей цѣли.

Такъ случилось и съ муромскимъ богатыремъ. Увѣренность въ себѣ придала ему новыя силы. Только что проговорилъ онъ эти слова—

Лежучи у Илья втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева стоячаго ¹,
Палъ нахвальщина на сыру землю.

Илья убилъ его, и отсѣкши ему голову, воткнулъ ее на копье, и повезъ на заставу богатырскую. Богатыри почтительно встрѣчаютъ его. Былина оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подъѣзжая къ богатырямъ,—какъ бы съ презрѣніемъ—

Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Виделъ въ полѣ тридцать лѣтъ—
Экого чуда не наъживалъ.“ ¹

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побойцѣ!

Въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенною любовью леплетъ своего представителя, изображая его честиѣ и благородіѣ всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Въ печальной исторіи прекрас-

¹ Этого обычнаго эпического выраженія, для ясности, я замѣнилъ провинциализмъ *обарогаго*, стоящій въ подлинникѣ.

ной Василисы и ея супруга Данила мы ужь видѣли, что только одинъ муромскій мужикъ стоитъ за правду, когда другіе богатыри готовы покривить душой въ угоду ласковому князю. Наконецъ онъ является даже врагомъ князю Владиміру и всей его дружинѣ, такъ что позднѣйшею сословною раздражительностію уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину. Онъ уже не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, поддерживаемому сословною чепорностію барскою.

Этою позднѣйшею чертою въ характерѣ муромскаго богатыря отличается вариантъ ¹ извѣстной уже намъ былины о-первой повѣдкѣ богатыря съ родины въ Кіевъ ко двору князя Владиміра.

Когда Илья Муромецъ привезъ въ Кіевъ взятаго имъ въ плѣнъ Соловья-Разбойника, князь Владиміръ встрѣчаетъ его надмѣнно: „Здравствуй ты, дѣтина засельщина, говоритъ онъ:—ты дѣтина засельщина да деревенщина!“ Ужъ и это не поврвилось Ильѣ, но онъ совсѣмъ разсердился, когда князь и дружина не повѣрили, что онъ привезъ такую диковину. „Въ очахъ дѣтина замирается!“ говорили богатыри. „Врешь ты, дѣтина засельщина, да полыгаешься, сказалъ ему Владиміръ:—надо мною надъ княземъ насмѣхаешься.“ Чтобъ отмстить всѣмъ имъ, Илья вздумалъ надъ ними пошутить. „Коль не вѣришь, говорилъ онъ князю, посмотри самъ на мою удачу богатырскую.“ Князь и дружина выходятъ на широкій дворъ. Муромецъ велѣлъ Соловью показатъ свою сверхъестественную силу.

И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долони ² по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ, да по звѣриному:
Темны дѣсы къ землѣ приклонились,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потрясаюсь всѣ палаты бѣлокаменные,

¹ Курѣвск. I. 77—86.

² Дави, откуда съ перестановкою слоговъ: *ладони*.

Полетѣло изъ дымолокъ ¹ кирпиче заморское,
Полетѣли изъ оконницъ стекла глацкя ².

Князь и бояре и всѣ могучіе богатыри страшно перепугались, пали на землю и по двору напоззались; кони се двора разбѣжались.

И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Съ душой княгиней Апраксѣвной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна.“

Этою невинною шуткой должно бы и ограничиться все мщеніе незлобиваго богатыря. Онъ достигъ своей цѣли, не нарушивъ величаваго спокойствія своего характера, и сразу сталъ самымъ могущественнымъ между всѣми богатырями. И дѣйствительно, по древнѣйшей, первоначальной редакціи, тѣмъ былина и оканчивается ³: Въ послѣдствіи, народнымъ пѣвцамъ этой мести показалось мало. Они воспользовались случаемъ, и свою собственную ненависть къ барской спѣси и насилію передали Ильѣ Муромцу, будто возложивъ на него тяжелую обязанность быть мстителемъ за оскорбленіе нравственнаго достоинства народа.

Когда Илья унялъ Соловья-Разбойника, князь пригласилъ муромскаго мужика къ себѣ на пирь; но и тутъ ему внесли новую обиду: посадили его *по край стола*, да еще *по край скамьи*, то-есть, въ самое послѣднее мѣсто ⁴.

Раздраженный барскою спѣсью княжескаго двора, Илья—какъ новый Самсонъ, во время пиршества перебилъ до смерти всѣхъ богатырей и другихъ гостей, такъ что съ тѣхъ поръ, по смыслу этой позднѣйшей былины, должны бы были уже навсегда прекратиться пиры про русскіхъ богатырей.

¹ Дымолокъ.

² Подобные анахронизмы объясняются позднѣйшею порчею былины. Явленіе очель обыкновенное.

³ Курш. Данил. 359.

⁴ Чтобы понять это, надобно знать, что почетыя мѣста были на скамьѣ вдоль двухъ стѣнъ, какъ теперь у крестьянъ; къ двумъ другимъ сторонамъ стола придвигались скамьи—мѣсто второстепенное. Илью посадили даже на краю скамьи.

Поломалъ олъ скамьи да дубовыя,
 Олъ погнулъ сваи да желѣзныя...
 Поприжалъ Илья Муромецъ да сынаъ Ивановичъ,
 Поприжалъ олъ ихъ (богатырей) да въ большой уголъ.
 Еще князь Илья рѣчь проговорилъ:
 „Илья Муромецъ да сынаъ Ивановичъ!
 Пожъшалъ ты всѣ мѣста да ученыя,
 Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя:
 У меня промежь каждымъ богатыремъ
 Были сваи желѣзныя,
 Чтобъ ови въ пиру да напивался,
 Напивался да не стокался.“

То-есть, муромскій мужикъ не только нарушилъ княже-
 скій церемоніаль, но и привелъ въ беспорядокъ всю дру-
 жину, даже скомкалъ ее и прижалъ въ уголъ. Владиміръ
 видитъ, что надо наконецъ уступить, и обращается къ Ильѣ
 съ лестнымъ предложеніемъ, которое могло бы соблазнить
 барскую спѣсь:

Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
 Ты изволь у нашей милости
 Да *воеводой* обить.

Но муромскій мужикъ на лесть не поддавался, съ негодо-
 ваніемъ восклицаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить ни ѣсть!
 Не хочу я у васъ воеводой житы!..
 Олъ ставалъ на ножки на рѣзвыя,
 Олъ вымалъ свою плетку шековую
 О семи хвостахъ да со проволкой.
 Еще взялъ олъ плеткой да помахивать,
 Еще гостей да покалечивать,
 Еще взялъ гостей да поворачивать,
 Еще бьетъ олъ, самъ приговариваетъ:
 „На прїѣздѣ гостя не употчивалъ,
 А на поѣздинахъ да не учествовалъ!
 Эта ваша мнѣ честь—не въ честь!“
 Еще олъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
 До наслѣдья прибилъ да до единого,
 Не оставилъ никого да на сѣмена.

Раздраженная былина не пощадила и самого князя. И его
 надобно было наказать злою проклейей. Олъ въ ту пору, въ
 то времечко, съ испугу

За печку задвинулся,
 Собольей шубкой закинулся.

Даже оканчивается былина какъ-то себѣ на умѣ, чтобы другіе смекали да оглядывались:

Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и до вѣку ¹.

Наконецъ тѣмъ же сословнымъ протестомъ, доведеннымъ въ этой былинѣ до крайняго раздраженія, объясняется еще позднѣйшее превращеніе муромскаго мужика въ бездомнаго донскаго казака, какимъ изображенъ въ иныхъ былинахъ этотъ народный герой.

Таково внутреннее развитіе этой колоссальной личности, соответствующее историческому движенію быта и сознанія народнаго. Этой внутренней, существенной метаморфозѣ всенароднаго типа, сначала божества, потомъ полубога, даде героя-землепашца, затѣмъ богатыря дружинника и наконецъ представителя сословныхъ интересовъ,—соответствуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ, черезъ которые русскій эпосъ проводитъ своего любимаго героя.

То нашъ богатырь вмѣстѣ съ другими своими товарищами охраняетъ родную землю отъ страшныхъ чудовищъ и дикарей-великановъ эпохи первобытной; то является въ рамѣ историческихъ событій: защищаетъ Кіевъ отъ нашествія Татаръ, освобождаетъ отъ нихъ же Черниговъ, стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской заставѣ ², воетъ противъ Мамаю на Куликовомъ полѣ ³. Точно также изъ одной эпохи въ другую переносится и князь Владимиръ. Онъ въ борьбѣ съ Татарами. Ермакъ—ему племянникъ, или же Ильѣ Муромцу ⁴.

Наконецъ, въ довершеніе національнаго идеала не доставало ему только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ XVII вѣкѣ, между угодниками кіево-печерскими, печатался гравированный образъ и Ильи Муромца, съ надписью: *Преподобный Илія муром-*

¹ Куръевск. I. 86.

² Рыбник. I, 66—7.

³ Куръевск. I. 58.

⁴ Куръевск. I. 61, 65.

скій, иже всѣлися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, идоше донынѣ нетлѣннъ пребываетъ ¹.

Впрочемъ, народный эпосъ столько же равнодушенъ къ святымъ останкамъ своего любимаго героя, какъ и къ равнопостольному достоинству князя Владиміра. Въ эпическомъ типѣ Муромца много великихъ доблестей идеальнаго героя, но всѣ онѣ объясняются съ точки зрѣнія общихъ законовъ нравственности. Собственно христіанскихъ, а по народному именно православныхъ добродѣтелей, въ этомъ героѣ эпосъ не воспѣваетъ.

Правда, что по инымъ былинамъ встрѣчаются иногда у Ильи и такія, напримѣръ, набожныя побужденія:

Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
 Дай ты мнѣ свое благословеньцо.
 Я поѣду во славною, стольною Къевъ градъ
 Помолиться чудотворцамъ къевскимъ,
 Заложиться за князя Володиміра,
 Послужить ему вѣрой-правдой,
 Постоять за вѣру христьянскую ².

Но такія тирады новѣйшаго издѣлья, какъ общія мѣста пригодныя ко всякому случаю, ровно не вносятъ ничего новаго въ характеръ нашего героя, — напротивъ того, даже противорѣчатъ его поступкамъ, которыя съ точки зрѣнія православной должны казаться святотатствомъ. Такъ однажды когда князь Владиміръ не пригласилъ Илью къ себѣ на пиръ, муромскій православный мужичокъ изъ-за этой бездѣлицы такъ разгнѣвался, что натянувъ лукъ,

Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
 По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
 По тышымъ маковкамъ золоченымъ ³.

Вотъ сколько противорѣчій, несообразностей и анахронизмовъ представляетъ намъ народный эпосъ! Эта неразрѣшимая смѣсь противорѣчій, облеченная въ поэтическіе образы, и проникнутая живымъ организмомъ національных

¹ См. замѣтку г. Стасова въ *Извѣстіяхъ Археологическаго Общества* 1861 г. Томъ III, вып. 2.

² Куръевск. I. 34.

³ Рыбник. I, 95.

убѣжденій и возрѣвнѣй есть та народная среда, въ которой живутъ и развиваются всѣ идеи и представленія русскаго народа. Прослѣдить тѣ основныя нити, на которыхъ фантазія въ теченіе столѣтій стройно нализываетъ всѣ эти противорѣчія и анахронизмы, значило бы подслушать ту завѣтную тайну, которая теперь только по частямъ, время отъ времени, открывается намъ съ каждымъ вновь найденнымъ эпизодомъ русскаго эпоса.

Впрочемъ, не одна русская народность представляетъ смѣсь противоположностей накопившихся въ жизни вѣками. Всякій историческій народъ заявляетъ этою затѣвливомъ смѣсью богатство историческихъ результатовъ, вошедшихъ въ сознаніе. Даже такъ называемая цивилизація, хотя бы въ современную намъ эпоху, представляетъ ту же чудовищную на видъ смѣсь древняго варварства съ новѣйшими успѣхами ума, смѣсь суевѣрій съ философскимъ сомнѣніемъ, аскетизма съ безвѣріемъ, хищнаго эгоизма съ ханжествующею филантропіей.

Но воротимся къ муромскому богатырю. Мы еще не знаемъ какъ русскій эпосъ изображаетъ его кончину. Рожденіе и смерть, два главные пункта въ человѣческой жизни, всегда и вездѣ давали эпической фантазіи богатый матеріалъ для творчества. Сверхъ того, самая таинственность, сопровождающая рожденіе и смерть человѣка, способствовала къ удержанію въ памяти народа слѣдовъ древнѣйшаго мифа. Человѣкъ становится героемъ уже тогда когда онъ выросъ и заявилъ себя дѣлами: но кто знаетъ, гдѣ, отъ кого и при какихъ условіяхъ онъ родился? Кому было до этого дѣло? Только цивилизація дала возможность отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно. Безыскусственный эпосъ еще не дошелъ до такихъ тонкостей. Также безызвѣстна оставалась и кончина героя, если только онъ не сложилъ своей головы въ бою, въ виду своихъ товарищей. А если постигла его смерть обыкновеннымъ путемъ, на одрѣ болѣзни, то фантазія народная изъ уваженія къ своему любимцу окружить послѣднія минуты его жизни чудесною таинственностію, которая создаетъ сотни баснословныхъ предположеній, и въ видѣ фактовъ внесетъ ихъ въ былины.

Но прежде нежели взгянемъ на Илью Муромца при его кончинѣ, должно упомянуть объ одномъ эпизодѣ, стоящемъ

въ той исторической рамѣ, въ которую мы вставили развитіе эпического типа этого богатыря.

Самая таинственность этого эпизода говорить уже въ пользу его древности, и, можетъ-быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще въ земаедѣвческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъестественными титаническими героинями, о чемъ уже была рѣчь прежде. Илья является отцомъ могучаго герба, по другимъ вариантамъ—вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или съ дочерью.

Изъ многихъ вариантовъ этого эпизода ясно видно, что народная фантазія въ сынѣ Ильи Муромца первоначально видѣла страшнаго и могучаго богатыря; потомъ этотъ грозный образъ смягчается идиллическими чертами охотника, согласно съ его именемъ *Сокольникъ*, усвоеннымъ и древнѣйшею редакціей. Сверхъ того, эпосъ оказываетъ Илью почетъ, называя его сына *королевичемъ*: *Збуть Борисъ Королевичъ*.

По древнѣйшему варианту ¹, юный богатырь, развѣзжая по чисту полю,

На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стрелени прикована змѣя Горынская.

Послѣдняя черта ясно говорить о необычайности героя.

Вздитъ молодець по чисту полю,
Тѣшитъ утѣхою дворяскою:
Мечеть острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подвѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ конью приговариваетъ:
„Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ.“

Подвѣзжая къ нему, Илья Муромецъ отвѣчаетъ:

Ой ты гой еси, полевица удалая!
Ты зачѣмъ рано похваляешься?
Не улова ты птицы, теребашь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?

Потомъ вступаютъ въ страшный бой:

¹ Куръевск. IV. 13 и слѣд.

Не дѣтъ грозны тучушки затучались,
 Не дѣтъ горы вмѣстѣ сдвигались:
 Два богатыря сѣзжались въ чистомъ полѣ.

Сначала дрались оружіемъ, оружіе поломали, а другъ друга не одолѣли. Сходили съ коней и хватались *плотными боемъ, рукопашкой*:

Водились они не мало времени,
 Водились добры молодцы *полтора года,*
По колѣнямъ въ землю приобжались!

Итакъ, это бой необычайный, бой титановъ, которые, безъ усталости борясь полтора года, по колѣна погрязли въ землю. Илья наконецъ изнемогъ и палъ. Юный врагъ на сѣлъ на его бѣлы груди.

Тутъ Илейко возмолится:
 „Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
 Еще болѣе я стоялъ за дерковъ Божию,
 Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
 За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за беззамужнихъ жель,—
 Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
 Огъ были богомольныя,
 День и ночь огъ Богу молятся!“

Это, кажется, самое сильное мѣсто въ былинахъ по выраженію христіанскаго благочестія муромскаго богатыря. Надежда на молитву вдовъ и сиротъ спасла его:

Не сѣрая утица востопорщится:
 Илья на земѣ поворотится;
 Металъ Сокольника подъ вышину небесную.

Потомъ, поваливъ его и насѣдши ему на бѣлы груди, сталъ его спрашивать о родѣ-племени. — „Вотъ кабы я у тебя сидѣлъ на грудяхъ, отвѣчаетъ побѣжденный: не сталъ бы долго спрашивать, а спорилъ бы тебѣ старому бѣлымъ груди.“ Наконецъ Илья узнаетъ, что это его сынъ, отъ бабы Латыгорки, отъ моря Студенаго, отъ камня Латыря:

Бралъ его за руку за правую,
 Цѣловалъ во уста во сахарныя:
 „Здравствуй, мое чадо милое!“

И отпустилъ его къ матери; по другому варианту, Илья *заплакалъ* даже, глядячи на свое чадо милое.

По однимъ вариантамъ тѣмъ дѣло и кончилось. По дру-

гимъ, оскорбленный сынъ мститъ Иавъ, но получаетъ отъ него смерть: Муромскій богатырь разорвалъ его на двое.

По варианту болѣе нѣжному¹, разказъ о встрѣчѣ Иавъ съ сыномъ, Збутомъ королевичемъ, начинается повѣстическимъ предчувствіемъ этого послѣдняго. Еще не успѣвъ подыхать Иавъ, сынъ его уже распускаетъ свою охоту: отвязываетъ отъ стремени *вожъя выжлока* (охотничью собаку), а самъ наказываетъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло;
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
И корми ты свою буйку голову.

Отпускалъ и яснаго сокола, а самъ наказывалъ:

Полети ты, соколъ, на синемъ море,
И корми свою буйку голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Предчувствіе ли это смертной опасности при видѣ могучаго богатыря? Или скорѣе не предчувствіе ли чего-то великаго и существеннаго въ жизни, что должно рѣшиться въ роковую минуту этого торжественнаго свиданья отца съ сыномъ, которые другъ друга не узнали?

Затѣмъ идетъ разказъ объ единоборствѣ, но уже въ позднѣйшемъ смягченномъ тонѣ.

Древность этого эпизода опредѣляется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ кельтскихъ бардовъ, въ персидской поэмѣ о *Ростемъ* и *Зурабѣ*. Но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о *Гильдебрандѣ*. Для сличенія сообщая его по нѣмецкому отрывку VIII столѣтія.

Въ сопровожденіи дружины, возвращаясь домой изъ земли Гунновъ, престарѣлый Гильдебрандъ встрѣчаетъ на пути юнаго витязя, тоже съ дружиною. Это не кто другой, какъ Гудубрандъ, сынъ Гильдебранда, знаменитаго Дитрихова товарища въ битвахъ. Отецъ оставилъ его дома при матери еще младенцемъ. Гудубрандъ, не зная, что встрѣтился съ своимъ отцомъ, вызываетъ его въ бой. Но старикъ уже призналъ въ юномъ героѣ своего сына, и старается отклонить его отъ битвы. Для того онъ разказываетъ ему,

¹ Курш. Давил. 361.

кто онъ такой и что съ нимъ происходило. Но сынъ не вѣритъ разказу незнакома. „Померъ мой отецъ Гильдебрандъ, сынъ Герибрандовъ, говоритъ онъ: это разказывали мнѣ корабельщичи, завъзжавшіе къ намъ по морю.“—Гильдебрандъ даже не щадитъ своей воинской чести, и изъ отеческой любви готовъ уже покориться кичливому герою: онъ снимаетъ съ себя золотой обручъ или гривну, и предлагаетъ своему сыну, только бы примириться съ нимъ. Но и это не помогаетъ. „Копьемъ добывается добыча, говоритъ юный герой: мечъ противъ меча! Вижу—ты старый лгунъ Гунъ, меня обманываешь, чтобъ потомъ убить!“— „О горе мнѣ!—восклицаетъ въ отчаяніи отецъ: о Боже, вѣдь управляющій! Что за бѣда такая на насъ! Шестьдесятъ лѣтъ и зимъ ¹ воевалъ я на чужой сторонѣ, и вотъ теперь, свое родное, милое дѣтище изрубить меня мечомъ, а можетъ и самъ я буду его убійцею! Ну такъ знай же, что самый подлый трусъ во всей Восточной сторонѣ ² былъ бы тотъ, кто теперь отклонилъ бы тебя отъ бою, если ужъ тебѣ того хотѣлось.“ Затѣмъ слѣдуетъ энергическое описаніе битвы отца съ сыномъ,—и именно здѣсь-то, на самомъ интересномъ мѣстѣ въ стихотворномъ отрывкѣ VIII столѣтія не достаетъ конца. Впрочемъ, по позднѣйшимъ передѣлкамъ, даже до XV вѣка, извѣстно, что отецъ побѣждаетъ сына, какъ и у насъ Илья—Сокольника, и оба возвращаются домой, гдѣ Гильдебрандъ находитъ такъ долго покинутую имъ супругу, какъ Одиссей свою Пенелопу. Но нашъ Муромецъ, мы видѣли, отдѣленъ отъ своей вѣщей жены мифическою преградой; потому былина, чтобы развязаться съ далекою стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родовыя связи, и убить собственнаго своего сына.

Сродство нашего эпизода съ чужеземными, главнѣйшимъ образомъ основывается, вѣроятно, на эпическомъ выраженіи одинаковыхъ условій въ раннемъ развитіи народнаго быта. Это, можетъ-быть, даже сродство общечеловѣческое, по которому родственны *Илиада* и финская *Калевала*, оба эпоса, воспѣвающіе народную войну изъ-за красавицы соответственно римскому сказанію о похищеніи Сабинокъ

¹ То-есть 30 лѣтъ и 30 зимъ, всего 30 годовъ.

² Въ странѣ Остъ-Готевъ.

или славянскимъ обычаемъ похищать и съ бою брать себѣ женъ.

Именно это-то высокое общечеловѣческое значеніе и даетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣну готскому эпизоду и родственной съ нимъ русской былинѣ.

Сказаніе это въ Германіи возникло въ самую раннюю эпоху процвѣтанія родового быта, возникшаго на семейной почвѣ. Родовое отношеніе рѣзко обозначено даже въ собственныхъ именахъ готскаго эпизода: дѣдъ—Герибрандъ (*Heri-brant*), отецъ—Гильдебрандъ (*Hilti-brant*) и сынъ—Гудубрандъ (*Hudhu-brant*) тѣсно связаны общимъ, племеннымъ единствомъ, выраженнымъ второю половиною ихъ собственныхъ именъ: *brant*.

Родовымъ же началомъ объясняется одна изъ самыхъ распространенныхъ эпическихъ формъ въ народной поэзіи, именно: когда встрѣчаются два лица, то обыкновенно спрашиваютъ другъ друга: не кто ты такой? а чей ты сынъ? какого отца-матери, чьего рода-племени?

Поэтически развивая эти простые обычаи родового быта, эпическая фантазія такъ легко могла натолкнуться на интересную встрѣчу самыхъ кровныхъ родственникововъ, отца съ сыномъ, которые не узнаютъ другъ друга, или, что конечно вѣроятнѣе, сынъ не узнаетъ отца, котораго не видалъ съ раннихъ лѣтъ своего младенчества. Въ быту воинскомъ такая встрѣча, конечно, должна повести къ отчаянному, смертному бою, особенно когда сынъ видитъ въ отцѣ хитраго врага, который прикидывается ему отцомъ, и потому тѣмъ сильнѣе его оскорбляетъ.

Теперь о кончинѣ Ильи Муромца.

Это таинственное событіе, какъ и слѣдовало ожидать, въ народномъ эпосѣ представляется различно. То Илья просто пропадаетъ безъ вѣсти, и слѣдовательно, можетъ-быть, когда-нибудь возродится, какъ финская Кааеваа ждетъ возрожденія Вейнемейнена. То каменѣетъ вмѣстѣ съ другими богатырями, какъ древній титанъ; то, какъ Святгоръ, ложится въ гробъ живой, и, будучи покрытъ крышкою, тамъ остается на вѣки.

Смѣшная мнѣ обь окаменѣнны съ намекомъ о кievскихъ пещерахъ, гдѣ лежатъ мощи Ильи, и прилетая сюда какую-то надѣйскую церковь, одна былина такъ говоритъ о кончинѣ великаго богатыря. Будто онъ вырылъ изъ

земли какой-то сундукъ съ сокровищемъ, съ кладомъ, а на сундукѣ подвисъ:

Кому этотъ животъ (то-есть богатство) да достанется,
 Тому строить церква Индѣйская,
 Да строить тому церква Пещерская.
 Тутъ строилъ старъ церкву Индѣйскую,
 Да какъ началъ строить церкву Пещерскую,
 Тутъ старъ и окаменѣлъ ¹.

Одно преданіе, приводимое г. Далемя, возводитъ исчезновеніе Ильи Муромца къ той до-исторической эпохѣ, когда покойниковъ спускали въ ладѣи или кораблѣ на воду, какъ спустили трупъ короля Скильда, по разказу въ англосаксонскомъ Беовульфѣ, и когда составились первые зародыши преданій о томъ, что герои по водѣ скрывались въ неизвѣстную страну иного, нездѣшняго міра. Даже полетъ души усопшаго по воздуху въ облакахъ также могъ облегчаться переѣздомъ на кораблѣ, потому что самая облака, по древнѣйшимъ воззрѣніямъ индо-европейскимъ, суть не иное что, какъ корабли, плывущіе по воздушному океану. Потому названіе тучи *плывущимъ гробомъ* въ одной русской загадкѣ о тучи, громѣ и молніи, можетъ-быть, не одна пустая игра фантазіи: „гробъ плыветъ, мертвецъ реветъ, ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ.“ ²

¹ Курѣвск. 1. 89. Въ подлинникѣ *скаменѣлъ*. Въ этой смѣси язычества съ темными намеками на какія-то пещеры и церкви, г. Безсоновъ видитъ глубокую мысль. „Онъ, говоритъ г. Безсоновъ объ Ильѣ Муромцѣ, сдвигаетъ громадный камень, сходитъ въ *глубь*, и здѣсь камнѣетъ, строя церкву въ пещерѣ. Онъ исчезаетъ изъ *вѣдимаго* міра... Но исчезаетъ съ тою особенностью народнаго воззрѣнія, которая дала ему мѣсто въ пещерахъ киевскихъ и чтитъ его мощи. Изъ государства переходъ къ церкви; изъ богатырства выходъ къ святости.“ См. замѣтку при 1-мъ вып. *Писемъ* Курѣвск. стр. 27. Должно полагать, что православныя воззрѣнія русскаго народа были очень смутны, когда выразились въ такой двоякой формѣ, которая чуть ли не пригодна для характеристики какого-нибудь темнаго, мистическаго событія, о которомъ едва кое-что помнитъ народный эпосъ. Почему было не выразиться быльшѣ яснѣе о мощахъ Муромца, если это хотѣла она сказать? Для чего эта утайка, эти экивоки? Не въ воображеніи ли усерднаго славянофила произошло это чудодѣйственное претвореніе окаменѣлыхъ богатырей въ православныя реликвиіи? И что за темный такой путь выбрала быльша для перехода Ильи отъ государства къ церкви и отъ богатырства къ святости?—Нѣтъ, народный эпосъ глубже и разумнѣе относится къ жизни и природѣ!

² Дала *Пословицы*. Стр. 1064. Замѣтка. Дала въ 1-мъ выпускѣ *Писемъ* Курѣвск. стр. 34.

Но вотъ самое преданіе: „Илья на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ въ Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слышать было. Соколѣ-корабль насилу ушелъ отъ сизаго ораа: но вѣстей богае никакихъ. Куда онъ дѣвался не говорится ни въ сказкахъ о немъ, ни въ пѣсняхъ.“

Итакъ, представитель русскаго богатырскаго эпоса и явился на свѣтъ и исчезаетъ какъ настоящій герой полу-богъ. Только дѣйствуя на землѣ, между людьми, онъ долженъ былъ на время снизойти съ высоты своего божественнаго величія до богатырскаго служенія въ дружинѣ князя Владиміра.

VII.

Муромскій крестьянинъ вывелъ насъ изъ глухихъ заолустьевъ муромскаго язычества въ историческую область такъ - называемыхъ *младшихъ* богатырей, окружающихъ князя Владиміра. Чудовища и великаны, спутники древнихъ боговъ, скрываются по ту сторону завѣсы, отдѣляющей историческую дѣйствительность отъ воображаемой старины. Съ утратою языческаго вѣрованія, миеъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и двигателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего что почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Что же это за новое поколѣніе, въ которомъ народная фантазія нашла свои высшіе идеалы? Въ чемъ состоитъ ихъ общій характеръ? Въ какомъ смыслѣ и въ какой степени прилично имъ общее названіе *младшіе богатыри* или и вообще *богатыри*, названіе, подъ которымъ они слывуть въ народѣ? Не выдвинется ли рельефнѣе изъ общей массы

этого новаго поколѣнія, величавая фигура муромскаго героя и не укажетъ ли это общее обозрѣніе новыхъ сторонъ въ характеръ самого князя Владиміра?

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ мифическими предками. Можетъ-быть, пользуясь эпическимъ выраженіемъ автора слова XII вѣка, и можно бы ихъ назвать *снуклами* какого-нибудь *Дажьбога*, но богатырскій эпосъ называетъ ихъ *сыновьями* уже *обыкновенныхъ смертныхъ*, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находятъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. За то эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно *вдовами*. Объ этомъ интересномъ типѣ будетъ рѣчь впереди; а теперь слѣдуетъ только замѣтить, что съ младшими богатырями вступаетъ на поле дѣятельности новое, молодое поколѣніе, имѣющее мало общаго съ своими отцами, которые за незначительными исключеніями уже всѣ померли, оставивъ по себѣ только своихъ вдовъ. Даже отецъ князя Владиміра остается въ рускомъ эпосѣ незамѣченнымъ.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горыныча, кто половитъ Соловья Разбойника, кто побиваетъ Тугарина, кто великана Шарка, кто Коцея.

Только Илья Муромецъ, наиболее полный, всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждой. Онъ, какъ мы видѣли, насѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшой братъ, и учился отъ него всѣмъ похваткамъ и повѣткамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Всѣ богатыри князя Владиміра — народъ *молодой*, *безбородый*; даже самый эпитетъ *молодой*, или *младъ*, постоянно

придается Дюку Степановичу, Михаилу Казарянину, Чурилу Пльковичу, Соловью Будиміровичу, но особенно Добрыню Никитичу и Алешу Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется *молодецъ, добрымъ молодецъ*. Не зрѣлое сужденіе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удалъ и надежда на удачу; потому онъ *удалой, удача-добрый молодецъ*. Обыкновенно являются богатыри при дворѣ князя Владиміра *холостами*, и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся. Эпосъ знаетъ ихъ только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще *бездѣтными*. Самъ ласковый князь хлопочетъ о ихъ женидбѣхъ и часто сватаетъ, и именно съ тою цѣлью, чтобы не переводился при его дворѣ богатырскій родъ, за который онъ готовъ жертвовать богатою данью съ чужихъ земель, согласно съ Владиміромъ лѣтописи Несторовой, который предпочитаетъ дружину золоту и серебру. Разъ посылаетъ Владиміръ за данью Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайлу Ивановича. Первые двое привезли съ собою груды золота, а послѣдній добылъ себѣ только невѣсту, Марью Лебедь-Бѣлую. Князь остался больше доволенъ Потокомъ, присовокупивъ:

Я и тѣхъ-то послалъ, чтобы женилися,
А они молодцы не догадалися,
Обзарилися на злато и серебро.
Въ нашу державу свято-русскую
Пойдутъ съмена — плодъ богатырскій.
То лучше злата и серебра.

Впрочемъ, сколько ни хлопочетъ онъ о женидбѣхъ своихъ богатырей, однако —

Всякой на свѣтъ женится,
Не всякому женидба удаается:
Удалась женидба Дунаю Ивановичу,
Да старому Ставру, сыну Годиновичу,
Да еще молодому Добрыню Никитичу.

Алешу Поповичу, бабьему пересмѣшнику, за его любовныя шашки, женидба не удалась, хоть и сваталъ его усердно самъ князь, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. Что касается до Потока Михайлы Ивановича, то съ наивною важною замѣчаетъ былина:

Первая женитьба Михайлы неудачна была,
А вторая женитьба издачная¹.

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: „Всѣ вы переженены, говорить онъ имъ дважды: только я князь не женатъ, холостъ хожу.“

Потому-то при дворѣ Владиміра часто играютъ веселыя свадьбы. Но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою; потому что, какъ говорить пословица: „Сѣдина въ бороду—умъ въ голову.“ Сѣдина—отличительная примѣта Ильи:

Не бѣлы снѣжки въ чистыиъ полѣ забѣлалися:
А забѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Его сынъ Соколовичекъ, не признавая въ немъ своего отца, ругается ему: „Ахъ ты, старый сѣдатый песъ! Сидѣлъ бы въ деревнѣ, свиней бы пасъ!“ Богатырь Нахвальщина, повадивъ Муромца подѣ себя, насмѣшливо приговариваетъ: „старый ты старикъ, старый матерый! Гдѣ тебѣ ѣздить почисту по полю? Построилъ бы ты себѣ при дорогѣ келейку и кормился бы милостынею!“²

Безъ сомнѣнія уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владиміра, потому что еще дома сидѣма сидѣлъ тридцать лѣтъ. У него уже есть взрослый сынъ или взрослая дочь, поленица, съ которыми онъ вступаетъ въ смертный бой. Еще только герои старшей эпохи, какъ Микула Селявиновичъ или Соловей-Разбойникъ, имѣютъ у себя взрослыхъ дѣтей.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимого крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими „ребятуш-

¹ Рыбник. II, 61. 33. 71.

² Карѣвск. I, 19. 51. Рыбник. I, 78.

ками.“ По дѣтамъ они годятся ему въ сыновья. Они опрочетчивше его даже въ богатырской смѣлости, и не укрьпившись еще опытомъ въ нравственныхъ понятіяхъ, наклонны сдѣлать что-нибудь дурное. Муромскій крестьянинъ умѣряетъ ихъ рыаную завальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, иногда возмущается противъ несправедливости и зла, которыя въ нихъ замѣтитъ, впрочемъ вообще свисходительно прощаетъ имъ вину. Обыкновенно обращается онъ съ своими врагами какъ съ малыми дѣтми: вмѣсто того чтобы раздавить обидчика и распороть ему бѣдную грудь, онъ броситъ его вверхъ да еще на лету подхватитъ. Разгнѣвавшись однажды на князя Владиміра и его богатырей, онъ поприжалъ ихъ наавкѣ богатырской на пиру, и очутился за столомъ противъ самаго князя Владиміра. Это за досаду Алешѣ Поповичу показалось. Взявъ Алеша булатный ножъ и пустилъ имъ въ Илью Муромца. Но Илья отплатилъ забіякѣ только презрѣньемъ: подхватилъ ножъ на лету и воткнулъ въ дубовый столъ. Онъ даетъ совѣты самому князю Владиміру и предостерегаетъ его отъ безчестнаго дѣла, когда другіе богатыри хотѣли подслужиться князю чужою женою. Какъ истый рыцарь, защищаетъ онъ слабую женщину отъ грубаго насилія. Однажды встрѣчаетъ онъ въ полѣ красную дѣвушку. Она бѣжала отъ насмѣшника Алешы Поповича. „Давно бы ты мнѣ сказала это, говоритъ Илья Муромецъ: я бы съ Алешей перевѣдался, смялъ бы съ неге буйну голову!“

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распределяетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе; но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рыаности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владиміра муромскій крестьянинъ. Дружина княжеская собралась изъ новыхъ элементовъ и новыхъ силъ, но для прочной осадки ихъ необходима была крестьянская основа, не какъ отжившая старина, идущая

¹ Карѣвскаго I, 39. 5.

въ сложку, а какъ неизмѣнный, существенный принципъ, твердо и постоянно пребывающій въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ русскій человекъ сказалъ бы объ Ильѣ Муромцѣ пословицею: „старъ дубъ, да корень свѣжъ.“

Европейскіе народы изноконъ-вѣку видѣли въ длинныхъ волосахъ низпадающихъ на плечи, и въ осавистой бородѣ, красоту и величіе мужскаго типа, царственный идеалъ котораго греческая скульптура создала въ Зевсѣ. Члены благородныхъ тевтонскихъ фамилій, княжескихъ и королевскихъ, отличались длинными волосами, а потому назывались *волосатыми*, *косматыми* или *кудрявыми* (*criniti*, *capillati*, *comati*)—почтенное прозвище, слѣды котораго у Славянъ, можетъ быть, доселѣ сохранились въ названіи Малорусовъ *Холмаи*., которые могутъ вести свою генеалогію по прямой линіи отъ длиннаго чуба Святославова. Особенно были въ чести *волосатые* аристократическіе роды изъ Франковъ, отличавшіеся этою примѣтою и отъ Галловъ, и отъ прочихъ Франковъ. Лангобарды отращали себѣ такіе же чубы, какъ Малорусы. Фризы совершали обрядъ клятвы, касаясь своихъ кудрей. Остричь кому волосы—значило увязить, опозорить, осмѣять, отдать въ рабство.¹ Русскій крестьянинъ, находя не пристойнымъ мушкетъ женоподобную роскошь длинныхъ распущенныхъ волосъ, отъ временъ доисторическихъ сохранилъ свою типическую прическу, которая однако даетъ волю виться кудрямъ; потому что „отъ радости кудри вьются—въ печали свѣются.“ Мушкетъ безъ кудрей—печальное существо, обиженное Богомъ и людьми. Понятно, слѣдовательно, почему богатыри русскаго эпоса характеризуются *кудрями*. У Добрыни и Алеши были онѣ *желтыя*, то-есть, русыя; у князя Владимира—черныя. Какъ пожилой человекъ, присаниваясь, гладитъ свою бороду, такъ молодой самодовольно разчесываетъ кудря.

Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гривѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ.

Онъ охорашивается потому что задумалъ жениться.
Добрыня, жалуясь на свою безчастную судьбу, плачетъ своей матери, зачѣмъ она родила его силою не силь-

¹ Massmann, *Kaiserchronik*. 1854 г. III, 809.

ваго, богатствомъ не богатаго, кудрами *не кудряваго*. Впрочемъ эта жалоба—общее мѣсто, вставленное въ уста Добрыни, но собственно къ нему не относящееся. Когда черезъ двѣнадцать лѣтъ отлучки является онъ домой, мать его не узнаеть, принимая его за голь кабацкую:

У молодого Добрыни Никитича были кудри желтыя
Въ три-рядъ кудерка колечками вились вкругъ верховища:
А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висать.

Добрыня отвѣчаетъ, что его волосы желтые отрослились въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, потому что ихъ не подстригали ¹.

Но особеннымъ почетомъ пользовалась борода, отличительный признакъ великихъ героевъ западныхъ народныхъ эпосовъ ². Испанскій Сидъ прозывается: *большая борода, красивая борода, полная, окладистая борода*. Балдунъ IV фландрскій въ одномъ документѣ 1023 г. названъ *честною бородой* (*honesta barba*). Въ пѣснѣ о Роландѣ (*Chanson de Roland*) Карлъ Великій характеризуется *цѣпущею бородой*; у него борода *сдая* и такъ же *блѣтается*, какъ у нашего Ильи Муромца ³. По русскимъ понятіямъ, борода разрастается въ довольствѣ и холѣ: „у богатаго мужика борода помедомъ, у бѣднаго клиномъ.“ Отъ сознанія своего достоинства она топырщится: „Благодаря Христа—борода не пуста: хоть три волоска, да растопырщившись!“ Обезчестить человѣка то же что обезчестить его бороду. „Самъ свою бороду оплевалъ“—говорить пословица о заслуженной винѣ. Когда Алеша Поповичъ соблазнилъ одну дѣвицу, ея братья между собою говорятъ:

... Пойдемъ, братецъ, во кузенку,
Мы и сдѣлаемъ по рожу, ссѣжемъ сестрѣ голову,
Ссѣжемъ сестрѣ голову: обезчестила бороду ⁴.

Вцѣпиться кому въ бороду, значитъ нанести величайшую обиду. Потому воины, по западнымъ эпическимъ разказамъ, пускаясь въ отважные подвиги, завязываютъ свои бороды, чтобы не достались онѣ врагу на поруганіе.

¹ Куръевск. III, 70. Рыбниск. II, 13, 29.

² Damas Hinard, *Poème du Cid* 1850 г. стр. 266.

³ Карлъ клянется: „Par ceste barbe que veez blanchee!“—„Par ceste barbe dunt li poil sunt canut.“ *Chans. de Roland*. I, 261. V, 692.

⁴ Куръевск. II, 67.

Такъ всегда поступалъ и Сидъ, когда шелъ на вѣрную опасность. Когда Франки, какъ поется въ *Пѣсни о Роландѣ*, пылая местию за Роланда, рѣшились побѣдить или умереть, тогда, забывъ всѣ предосторожности, не успѣли они подвязать себѣ бороды, и бросились на Сарацынъ, и Сарацыны пришли въ ужасъ, увидавъ распущенныя бороды. Русскіе мужички, когда порасходятся въ дракѣ, теребятъ другъ друга за бороду.} „Чужую бороду драть — своей не жалѣть,“ говоритъ пословица. „Не хватай за бороду, кричить русскій герой своему врагу: сорвешься—убьешься!“

Въ эпоху эпическую, на западѣ, борода чествовалась такимъ же суевѣрнымъ чествованіемъ, какое воздавали ей наши раскольники въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самъ ли расколъ выработалъ это суевѣріе на основаніи книжнаго чтенія, или въ писаніи нашелъ только подкрѣпленіе своимъ эпическимъ преданіямъ, которыя нѣкогда составляли общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ, во всякомъ случаѣ раскольничье благоговѣніе къ бородѣ, съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи, стоитъ на одной ступени съ тѣми эпическими возрѣваніями и убѣжденіями, которыя заставляли испанскаго Сиды и франкскаго Карла приносить торжественную клятву своею бородой. Эта клятва была такъ употребительна, что у послѣдняго героя вошла чуть не въ постоянную поговорку.

Въ русскихъ пословицахъ сохранилось много любопытныхъ данныхъ для сравнительнаго и историческаго изученія этого предмета.

Итакъ, Илья Муромецъ даже по своему внѣшнему типу, съ почтенною, сѣдою бородой, первенствуетъ надъ прочими богатырями цикла Владимірова. Какъ Карлъ Великій или какъ Сидъ, онъ отмѣченъ маститою бородой, символомъ мудрости, опытности и величія, по наивнымъ взглядамъ эпической старины.

Ко всѣмъ своимъ богатырскимъ товарищамъ относится Илья, какъ представитель старшаго поколѣнія къ младшему. Какъ титанъ Святгоръ выучилъ Илью ухваткамъ и поѣздамъ богатырскимъ, и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ, такъ и Илья въ свою очередь училъ тому же богатыря младшаго поколѣнія, Дюка Степановича, и называлъ его „меньшимъ крестовымъ братцемъ“¹. При дворѣ

¹ Рыбникъ. II, 164.

князя Владиміра, Илья рѣзко отличаетея эпитетомъ *старый* отъ другихъ богатырей, которые въ противоположность ему называются молодыми. Такъ Владиміръ подноситъ по чарѣ зелена вина *старому* казаку Ильѣ Муромцу, *молодому* Добрыѣ сыну Никитичу ¹.

Мы видѣли, что муромскій богатырь явился въ Кіевѣ къ князю Владиміру, когда уже молодая княжеская дружина была набрана; такъ что муромскій бородачъ очутился среди молодежи, которая даетъ свой собственный характеръ новой эпохѣ. Хотя эти современники князя Владиміра слывятся *богатырями*, но, безъ сомнѣнія, это названіе перенесено на нихъ отъ лицъ древнѣйшихъ, титаническихъ; потому что *богатырь* происходитъ отъ слова *богъ*, черезъ прилагательное *богатъ*, и собственно значить существо одаренное высшими, божескими преимуществами, какъ герой, произшедшій отъ *бога*. Только миѣчскіе великаны въ родѣ Святогора и Микулы Селявиновича, въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ, могли называться *божественными*, то-есть, *богатырями*. Младшее поколѣніе наследовало отъ нихъ это имя уже по преданію и называлось имъ въ эпохѣ по старой привычкѣ.

Итакъ *богатырь* есть не что иное, какъ собственно русское названіе тѣхъ же существъ, которыя въ сербскомъ эпохѣ слывятся подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ *дивовъ* ².

Точно также и слово *вѣтязь*, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выражать понятіе о героѣ времени князя Владиміра. Слово *вѣтязь* первоначально означаетъ мудраго и судью. Дѣвы суда, являющіяся въ *Судѣ Любуши*, были выучены *вѣцбаль вѣтезовымъ*, то-есть, онѣ знали мудрыя изреченія суда и правды ³.

¹ Ibid. 2, 59.

² Какъ латинск. *dives* (богатый) происходитъ отъ *deus* (богъ), *divus* (божественный, отъ корня *div*—свѣтать, откуда и наши *дивы*—богатыри); такъ и наше *богатъ* первоначально имѣетъ смыслъ миѣчскій, равно какъ и *збожѣ* (тоже отъ слова *богъ*) въ смыслѣ жита и хлѣба, а потомъ имѣніе вообще, богатства.

³ Шафарика и Палацкаго *Die Ältest. Denkmäl. d. Böhmisch. Sprache*. 1840 стр. 97. Того же корня готск. *vithiggs*, древне-верхненѣм. *vitig*, откуда потомъ новое *witzig*. Агацсакс. *vīzi*—мудрый, во множ. числѣ *vītan*—судьи. Потомъ слово *вѣтинги* употреблялось въ смыслѣ *баггородныхъ*, воиновъ, морскихъ разбѣдниковъ.

Гораздо точнѣе выражаетъ мысль о русскомъ героѣ са-
мой ранней исторической эпохи слово *поленница*, которымъ
называется и воинъ, и героиня, промышленяющая богатыр-
скими подвигами. *Поленница* значитъ не только развѣзжа-
ющій по полямъ, но и охраняющій ихъ, такъ же какъ въ
сербскомъ слово *полакъ* и *поляръ* употребляются въ смыслѣ
полеваго сторожа (*feldwächter, custos agrorum*). Слово это,
слѣдовательно, образовалось въ быту осѣдомъ, когда пле-
мена, усѣвшись на постоянныхъ мѣстахъ, почувствовали
потребность охранять свою собственность вооруженною
рукой отъ сосѣднихъ хищниковъ. Такъ наши богатыри подъ
предводительствомъ Ильи Муромца стоятъ стражею на по-
ляхъ Цыцарскихъ, охраняя границу отъ великана нахваля-
щины. Такъ какъ *поленница* и *полакъ* одного граммати-
ческаго происхожденія, то по русскимъ былинамъ, поляница
*полакуетъ*¹, то-есть, развѣзжаетъ по полямъ, очищая род-
ную землю отъ враговъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ за-
мѣтить, что названіе богатыря поляницею состоитъ въ
видимой связи съ собственными именами племенъ: древ-
нихъ *Полянъ*, сидѣвшихъ въ Киевѣ, и позднѣйшихъ *Поля-
ковъ*.

Впрочемъ, и этимъ названіемъ не выражается рьяная
молодая сила новаго поколѣнія, которымъ русскій эпосъ
окружаетъ своего любимаго князя. Идею о юномъ героѣ,
представителѣ новаго, лучшаго порядка вещей, о *доброму
молодцу*, полнѣе всего выражаетъ слово *юнакъ* (то-есть
юный, молодой), которымъ Болгары и Сербы называютъ
собственно героя: отсюда *юнакия* пѣсни, то-есть бога-
тырскія².

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ³, кажется, не подлежитъ
сомнѣнію, что одно изъ древнѣйшихъ племенъ греческихъ,
въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно
племя *Ионійское* получило свое названіе отъ одного и того
же общаго корня съ санскритскимъ *Јавана*, что значитъ
собственно молодой, юный, и родственно съ латинскимъ
juvenis (юноша), откуда французское *jeune*. Наше слово

¹ Рѣблук. I. 179.

² Сверхъ того слово *юнакъ* или *унакъ* у Болгаръ употребляется въ
смыслѣ жениха.

³ Pictet, *Les origines Indo-européennes*. 1859 г. I, 58—67.

юнъ, *юннй*, сократилось изъ того же древнѣйшаго слова, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Отъ *юнъ* произошло слово *юнакъ*, герой. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго востока получили названіе *Юнаны*, то-есть, молодыхъ, такъ и наши *юнаки* съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которыми выступаютъ Славяне на историческое поприще. Слѣдую тѣмъ же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ-называемые *отроки* и *дѣти боярскіе* составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Опытная старость судить и рязить на судѣ и на вѣчѣ, молодежь отличается воинскими подвигами: „молодой на битву, а старый на думу“, какъ выражается народъ: „молодость плечами покрѣпче, старость головою“. Потому-то повѣстическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у Славянъ подъ именемъ пѣсень *юнацкихъ*, то-есть *юношескихъ*.

Итакъ, былина повѣствуетъ о молодыхъ силахъ родной земли, впервые развернувшихся на просторѣ. Хотя и называется она у насъ *старинною*, а у Скандинавовъ даже *старухою прабабушкою* (Эдда); однако содержаніе этой старины свѣжее, молодое. Полный расцвѣтъ свѣжихъ силъ, та *серединная* пора, которою отдѣляется незрѣлый юноша отъ человѣка стараго, вотъ та счастливая, идеальная область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ своихъ богатырей. Только поэзія можетъ уловить эту счастливую середину; въ жизни она проходитъ не замѣтно: „Молодо жидко, говоритъ народъ: старо—круто, а *середовая* пора однимъ днемъ стоитъ.“ Точно будто этотъ-то блаженный, середовой день русская былина и оглашаетъ веселымъ шумомъ и разгулемъ пировъ князя Владиміра, когда всѣ добрые молодцы только что *на возрастъ*. Будто жалѣя разстаться съ этимъ днемъ, она не хочетъ видѣть его сумерекъ, и будто намѣренно медлитъ на подуднѣ:

А и будетъ день въ половиу дая,
И будетъ столъ во полустанѣ—

Такъ поетъ она, начиная разказъ о какомъ-нибудь богатырскомъ подвигѣ.

Согласно юнацкому содержанію богатырской былины, и

народная пословица съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, умѣетъ остановиться на срединѣ между уваженіемъ къ старческой опытности и вѣжною любовью къ молодымъ годамъ, которыя она называетъ *золотою порой*. „Тужи по молодости, что по большой волости,“ говоритъ она; потому что „старость—не радость, не красные дни“, „старость съ добромъ не приходитъ“, „старость—неволя.“ Молодость—это пора дѣятельности, руководимой опытомъ старины: „молодой работаетъ, старый—умъ даетъ.“ Потому: „Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе, а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже.“ Даже самыя заблужденія молодости народъ снисходительно извиняетъ, какъ дѣло преходящее: „Молодость не грѣхъ“ говоритъ онъ: молодой умъ, что молодая брага,“ то-есть, въ тревожномъ броженіи: но это не бѣда, потому что „молодое пиво уходится“ „молодой квасъ—и тотъ играетъ“ „молодь перебѣсится, старь не перемѣнится“. Отдавая предпочтеніе молодости передъ старостью въ свѣжести силъ и бодрой дѣятельности, народъ остается при томъ убѣжденіи, что и въ старости можно сохранить душевную свѣжесть: „Самъ старъ, да душа молода,“ говоритъ онъ пословицею о такихъ счастливыхъ личностяхъ, образецъ которыхъ русская былина начертала въ величавомъ типѣ муромскаго богатыря: „дѣтнка съ сѣдинкой вездѣ пригодится.“

Историческое движеніе въ раскрытіи народнаго эпоса обнаружилось замѣною одряхлѣвшей старины новымъ поколѣніемъ, свѣжесть котораго наивная фантазія символически характеризуетъ нестарѣющею юностью создаваемыхъ ею типовъ. Эту идею съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ выразила греческая скульптура въ юношескихъ идеалахъ олимпійскихъ божествъ, которыя постоянно черпаютъ свѣжія силы въ напитокъ безсмертія и молодости. Русская былина остается при томъ же наивномъ убѣжденіи, что ея богатыри никогда не состарятся: „Молодецъ на конѣ сидитъ—самъ не старѣетъ,“ говоритъ она о своихъ любимцахъ¹.

Только народы закосявшіе безъ историческаго движенія останавливаются въ своемъ эпосѣ на мифическихъ

¹ Рыбник. I, 297.

страшилахъ и титанахъ, какъ Финны въ своей *Калевалъ*, и не умѣютъ спуститься до симпатическихъ личностей, вполне человеческихъ. Племена кѣмецкія и славянскія уже въ равныхъ проявленіяхъ эпического народнаго творчества успѣли ступить твердою ногою на историческое поле. Даже космогоническій эпосъ скандинавскій строить весь міръ уже изъ титаническихъ развалинъ страшнаго великана Имира, и среди вселенной водружаетъ великое *дерево историческаго развитія* (Иггаразиль), орошаемое источникомъ прошедшаго, и въ своемъ колоссальномъ ростѣ достигающее до Валгалы, предоставленной въ жилище душамъ совершеннѣйшихъ изъ смертныхъ. Уже пѣсня Древней Эдды, подъ названіемъ *Rigmal*, даетъ предпочтеніе новому историческому поколѣнію передъ мифическою старинною, остановившеюся въ своемъ одностороннемъ тяготѣніи назадъ. Только отъ младшихъ членовъ рода-племени производить она трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и свободныхъ воиновъ, тогда какъ отъ *прадѣдовъ* и *прабабокъ* рождались только жалкія существа, ставшія *рабами* тѣхъ, которые народились уже отъ *дѣдовъ* и *отцовъ*. Такъ и у насъ чудовищный Соловей Разбойникъ попалъ въ плѣнъ къ Ильѣ Муромцу и сталъ его *слугою*, то-есть, рабомъ. Наши богатыри времени князя Владиміра, какъ замѣчено выше, истребляютъ все ужасное и злоуредное для человеческого общества, очищая лицо Русской земли отъ страшилащъ мифической старины.

Древнія чудовища, какъ тотъ великанъ, котораго Илья Муромецъ видѣлъ лежащимъ на горѣ, обладали непомѣрною, разрушительною силою; потому сама земля не могла ихъ сдержать, и рано ли поздно ли должны были они погибнуть. Соловей Разбойникъ, будучи въ плѣну, проситъ князя Владиміра и Илью, чтобъ они пустили его на волю:

Я побыстрою вокругъ города Кіева
Сама съ приселѣнками,
Уаки съ переулками,
Города съ пригородками.

„Не строитель онъ вѣковой, а разоритель,“ говоритъ о Соловѣ муромскій герой, какъ бы въ томъ убѣжденіи,

что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя ожидать ничего зиждительнаго ¹.

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ времявъ, богатыри младшіе не охотно проливаютъ кровь въ бою со врагами. Богатырскіе подвиги, неразлучныя съ разнаго рода жестокостями, оставляютъ по себѣ въ душѣ ихъ что-то горькое, тоскливое. Какою напримѣръ вѣчною меланхоліею, какимъ глубокимъ человѣколюбіемъ дышитъ слѣдующая жалоба Добрыни Никитича на суровое назначеніе доставшееся на долю эпическому богатырю !

Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
 Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
 Спородила бы, государыня родна матушка,
 Ты бы бѣленькимъ горячимъ меня камешкомъ,
 Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
 Спустила бы меня во сине море:
 Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
 Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
 Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
 Не пролилъ бы крови я напрасныя,
 Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
 Не вдовилъ Добрыня молодыхъ жель,
 Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ. ²

Хотя въ былинахъ эта трогательная человѣколюбивая жалоба на суровую судьбу богатыря обыкновенно влагається въ уста Добрыни, но она столько же относится ко всѣмъ его современникамъ. Это благородный голосъ любви къ ближнему, который невольно слышится среди воинскаго шума и гама; это слѣдъ новой, лучшей эпохи, смягченной историческимъ развитіемъ быта и нравовъ. Даже въ пылу отчаянной битвы богатырь вспоминаетъ о жестокихъ слѣдствіяхъ убійства: ему представляются вдовы и сироты убиваемыхъ имъ враговъ. Когда Добрыня задумалъ высвободиться изъ оковъ, въ которыя заковали его невѣрные супостаты, какая-то „сила невѣрная и поганая“, и всѣхъ ихъ рѣшился перебить,—тогда говоритъ имъ:

Дайте мнѣ немного поодуматься:
 Есть ли у васъ отцы-матери,
 Молоды жены, малы дѣтушки?
 Есть ли кому по васъ плакати?

¹ Рыбник. II, 344.

² Курьёвск. II, 30—31. Рыбник. II, 21.

Потомъ сорвавъ съ себя тяжелые кандалы, началъ ими помахивать во всѣ стороны и побилъ ими всю поганую силу. ¹

Не такъ горюють старшіе богатыри, титаны прежней эпохи, отжившіе уже свой вѣкъ. Они заботятся только о себѣ и оплакиваютъ свое сокрушенное могущество. Вотъ какъ жалуется Шаркъ-Великанъ на истребленіе титаническихъ силъ, падшихъ въ борьбѣ съ поколѣніемъ новымъ:

Ой мать сыра земля, разступися,
Небеса вы синія, раздайтеся,
Облака-тучи во-едину не скопайтеся!
Томяхонько богатырской силѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати,
А вотъ первое-то горе—палъ его могучій конь;
А второе-то горе—изломался его тяжелый мечъ;
А третье-то горе—обулаа имъ страсть побѣдвал,
Приглажулась ему Марья, Лебедь Бѣлая. ²

Даже къ своимъ заклятымъ врагамъ, къ порожденью древнихъ чудовищъ, имѣютъ состраданіе богатыри времянь Владиміра, и особенно ихъ представитель, великій муромскій герой. Его свѣтлый типъ по преимуществу служить намъ мѣриломъ тѣхъ нравственныхъ успѣховъ, которые оказались возможными на исторической почвѣ русской жизни. Если не всѣ окружающіе его такъ же поступаютъ какъ онъ, за то всѣ ему сочувствуютъ, или по крайней мѣрѣ подчиняются его благотворному вліанію.

Дѣти Соловья-Разбойника, по приказанію Ильи, привезли на телѣгахъ въ Кіевъ богатый выкупъ за своего отца, но уже было поздно: Соловья ужъ не застали въ живыхъ. Солнышко Владиміръ князь обзавидя было на имѣнье-богатство; но муромскій крестьянинъ пристыдилъ его своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ:

Ай же, Солнышко Владиміръ князь!
Не тобой они приказаны
И не тобой назадъ отпустятся!
Ай же, малы вьюныши ³ Соловьяны!

¹ Рыбник. II, 35.

² Ibid. II, 128.

³ Юноши.

Катите все имѣнье-богачество,
 Всю несчетную золоту казну:
 Оставлена вамъ отъ батюшки:
 Будеть пропитатися до смерти!
 Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!

Ни за кого столько не стоитъ Илья Муромецъ какъ за бѣдствующее человѣчество, которое былина подразумеваетъ подъ именемъ вдовъ и сиротъ. Однажды, прося Илью заступить за городъ Кіевъ:

Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
 „Ужь ты здравствуй, старъ казакъ, Илья Муромецъ!
 Постарайся за вѣру христіанскую,
 Не для меня, князя Владиміра,
 Не для ради княгини Апраксини,
 Не для церквей и монастырей,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей“¹.

Согласно былинѣ, пословица говорить: „не строй церкви, пристрой сироту.“

Былина до очевидности развиваетъ ту мысль, что мелкій расчетъ и корысть не совмѣстны съ богатырскимъ могуществомъ, неистощимымъ въ средствахъ, которыми можетъ располагать. Однажды разбойники, покоряясь великой силой муромскаго героя, предлагаютъ ему свое золото, цвѣтное платье и коней. Отвѣтъ Ильи Муромца на ихъ предложеніе, въ своей гомерической простотѣ, поражаетъ болѣе нежели царственнымъ величіемъ:

Кабы мнѣ братъ вашу золоту казну,
 За мной бы рыли ямы глубокія;
 Кабы мнѣ братъ ваше цвѣтно платье,
 За мной бы были горы высокія;
 Кабы мнѣ братъ вашихъ добрыхъ коней,
 За мной бы гоняли табуны великіе.

Разбойники давали ему на себя рукописанье въ холопство вѣковѣчное. Но богатырю кромѣ славы ничего не нужно. „Повѣжайте, братцы разбойники, отъ меня въ чисто поле;“ говорить онъ имъ:

¹ Рыбник. II, 345. Курѣвск. IV, 42.

Скажите вы Чурилъ сыну Плевковичу
Про стараго казака Илью Муромца.

Въ другой разъ, разбивъ войско трехъ царевичей,
осаждавшихъ Черниговъ, нашъ герой, въ простотѣ сердца,
милостиво и величаво говоритъ имъ:

Охъ, вы гой есте мои три царевича!
Во половъ ли мнѣ васъ взять,
Аль съ васъ буйны головы снять?
Какъ въ половъ мнѣ васъ взять—
У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмьяны погубить.
Вы поѣдте по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такоу славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри ¹.

Богатырь не знаетъ никакого званія выше своего; онъ
не промѣняетъ его ни на какія почести. Однажды Илья
Муромецъ освободилъ городъ Смолыгинъ отъ Татаръ; му-
жики смолыгинскіе предлагаютъ ему быть у нихъ воеводою.
Богатырь съ презрѣніемъ имъ отвѣчаетъ:

Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу! ².

Главная служба богатырей состоитъ въ охраненіи Кіева
отъ враговъ:

А много въ Кіевѣ богатырей,
Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава—сѣры волки,
Другая застава—зѣти лютыя,
Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей ³.

Князь Владиміръ, какъ могущественный государь, дер-
житъ въ подданствѣ и Золотую Орду, и Цареградъ, и раз-
ныя земли заморскія. Дань съ покоренныхъ народовъ по-
ручаетъ собирать богатырямъ.

¹ Куръевск. I, 18, 24, 35. 36.

² Рыбник. II, 328.

³ Рыбник. II, 135.

Сверхъ воинскихъ подвиговъ и охоты, богатыри несли службу придворную въ разныхъ званіяхъ; впрочемъ не всѣ. Особенно не любилъ служить при дворѣ Илья Муромецъ. Эта легкая служба была ему не по плечу. Кажется, больше другихъ отличался при дворѣ Добрыня:

По три году Добрынюшка столярничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
По три году Добрыня у воротъ стоялъ.

Сверхъ того, онъ *пословничалъ*, то-есть, служилъ въ княжихъ послахъ.¹

Чурида Пленковичъ служилъ у князя въ постельникахъ и позовщикахъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Болѣе достойное назначеніе получаютъ богатыри въ княженицкой думѣ. Князь Владиміръ вообще очень мало заботится о народѣ. Судъ и управленіе остаются въ богатырскомъ эпосѣ на заднемъ планѣ. Если князь судить и ридить и собираетъ думу, то больше ради своихъ личныхъ, домашнихъ интересовъ. На такую-то думу приглашаются и богатыри. Такъ, безъ сомнѣнія, они, подъ именемъ князей и думныхъ бояръ, были собраны на крѣпкую думу о томъ, выдавать ли замужъ княжескую племянницу Запаву или Любаву Путятичну за нѣкотораго посла.²

Впрочемъ и княженицкіе нескончаемые пиры съ похвальбою молодецкою, и придворная служба съ охотою и разными потѣхами, и семейная жизнь, и мирныя занятія домашняго быта, все это только преходящая, минутная обстановка богатырскаго житья-бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленныя странствія, сопряженныя съ тысячами опасностей, вотъ элементъ, въ которомъ богатырь чувствуетъ себя на просторѣ. Веселые пиры и свадьбы, время отъ времени, смягчаютъ привѣтливимъ свѣтомъ эту мрачную картину, въ которой одна жестокость смѣняется другою: и только чувство человѣколюбія, иногда пробуждающееся въ душѣ богатыря, служить надежною порукою, что не крайнее варварство воспріимается въ богатырскомъ эпосѣ, а равное броженіе зидительныхъ силъ, впервые

¹ Ibid. II, 10.

² Рыбн. II, 97.

опознавшихся на историческомъ поприщѣ. Правда, нашъ эпосъ далеко уступаетъ скандинавскому въ мрачныхъ краскахъ кроваваго эпоса, онъ не доводитъ жестокости до изступленія; однако имѣетъ тѣ же элементы, вызванные тѣми же явленіями жизни, такъ что грозныя картины безчеловѣчныхъ битвъ въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* находятъ себѣ соотвѣтствіе въ устныхъ былинахъ, которыя и доселѣ не перестаютъ внушать русскому народу богатырскую отвагу къ воинскимъ подвигамъ, не разлучнымъ съ жестокостью эпической старины.

Русскій богатырь, поваливъ врага наземь, не вдругъ убиваетъ его, а тѣшитъ и издѣвается надъ нимъ, спарываетъ кинжаломъ его бѣлыя груди, иногда вынимаетъ печень съ сердцемъ, потомъ ужъ отрубить по плеча буйную голову и воткнетъ ее, какъ воинскій трофей, на копье. Самъ Илья Муромецъ, отличающійся отъ прочихъ богатырей милосердіемъ, способенъ на страшныя жестокости, отъ которыхъ сердце сжимается. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольниковъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлыя груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На помы Сокольника разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
„Вотъ тебѣ половника, маѣ другая:
Раздѣлилъ я Сокольника, охотничка!“

По другому варианту, еще жесточе казнить онъ свою дочь. Тоже разорвалъ ее надвое. Одну половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу по чисту полю, кормилъ этою половиною сѣрыхъ волковъ; и другую половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицѣ чисту полю, кормилъ черныхъ вороновъ.

Такія вовсе не нужныя жестокости, объясняемая варварствомъ, которое тѣшится кроваваго удалья, вполнѣ соотвѣтствуютъ мрачнымъ возрѣвіямъ пѣсень древней

Эды, которая вмѣсто *воевать, сражаться* иногда употребляетъ эпическую форму: *кормитъ трупами лютыхъ зверей и хищныхъ птицъ*.¹

Впрочемъ это явленіе въ исторіи поэзіи самое естественное. Фантазія набирала для богатырскаго эпоса очерки и краски на поляхъ битвы, она тѣшилась молодецкими подвигами, какъ бы кровавы ни казались они теперь мирному гражданину; она подмѣчала мельчайшія, быстрыя движенія въ кровавыхъ схваткахъ; съ этими грубыми образами она соединяла для себя наслажденіе свободнаго творчества, и въ плавномъ широкомъ стихѣ потѣшала другихъ тѣмъ, въ чемъ находила для себя утѣху.

Безчеловѣчное убійство съ кровавыми подробностями—это данный конецъ, къ которому фантазія ведетъ цѣлый рядъ моментовъ въ тщательномъ, мелочномъ описаніи битвы. Не двѣ грозныя тучи, не двѣ горы сдвигаются вмѣстѣ: съѣзжаются два богатыря въ чистомъ полѣ. Первымъ боемъ ударились палицами желѣзными, тѣмъ боемъ другъ друга не ранили: палицы въ щепы поломались. Колодець копьями мурзаведками,—копья въ цѣвки поломались. Хватались они за тяги желѣзныя, тянулись черезъ гривы лошадиныя,—другъ друга не перетянули. Потомъ сходили съ коней, хватились плотнымъ боемъ, рукопашкою, водились они не мало времени и т. д. Такъ сражался Илья съ своимъ сыномъ. А вотъ Шаркъ великанъ нападаетъ на Дюка Степановича, вытягиваетъ свой булатный мечъ, со свистомъ размахиваетъ, ударился о мечъ сороканудовой Дюка Степановича; разъ ударились—искры валять, въ другой разъ—стонъ пошелъ: оба меча въ черенья рассыпались, изъ виду улетывали. Осерчалъ Шаркъ богатырь, руками могучими понатужился, въ бѣлую грудь Дюку уперся, ища косточки хряснула,—тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичъ. Тутъ руками они сплетались, колъными другъ въ друга упирались; горячая кровь ручьемъ течетъ изъ глубокихъ ранъ; силушки ихъ надрываются. Или: не двѣ горы вмѣстѣ скатываются, то Тугаринъ съ Алешей съѣзжались, палицами ударились—палицы по цѣвьямъ поломались, копьями соткну-

¹ Карѣвск. I, 51. Рыблук. I, 80. 74—75.

лися — конья по цѣвьямъ извернулся, саблями махнулся — сабли исцербилися. Алеша Поповичъ вался съ сѣдла, какъ овсяный снопокъ: Тугаринъ Змѣевичъ учалъ бить Алешу Поповича, а тотъ да Алеша увертливъ былъ, увернулся Алеша подъ конное черево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, спихнулъ Тугарина съ добра кова, и учалъ кричать Тугарину: „Спасибо тебѣ, Тугаринъ Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлая, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца!“ Отрубилъ ему Алеша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю Владимиру; вдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на остро конье головушку подхватываетъ. Надобно было свыкнуться, житья съ этими ужасами, надобно было войти во вкусъ этихъ кровавыхъ сценъ, чтобы съ такою игривостью на нихъ медлить. Фантазія вполне сочувствуетъ суровому быту и заявляетъ свое сочувствіе легкимъ, артистическимъ воспроизведеніемъ его. Вотъ напримѣръ, какъ Бермята убиваетъ Чурилу Пленковича, заставъ его съ своею женою:

Не свѣтъ зорюшка просвѣтилась:
 Востра сабля промахнулась;
 Не скатная жемчужинка катается
 А Чурилова головка катается
 По той-то середи кирпичная;
 Не бѣлый горохъ разсыпается;
 Чурилина-то кровь разливается.

О смертельной ранѣ, чудовищно обезображивающей человека, богатырь говоритъ слегка, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, и внимательно медлитъ на подробномъ ея описаніи. Богатыри хотятъ, чтобъ Соловей разбойникъ показалъ себя свистомъ, визгомъ и крикомъ. „Дайте ему сначала освѣжиться зеленымъ виномъ, говоритъ муромскій богатырь: а то,

Теперь у него уста запечатавы,
 Запеклись уста кровью горячею:
 Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
 Вышла стрѣла во лѣво ухо ¹.

¹ Куръевск. IV, 15. Рыбник. I, 314—5. Леваксеева *Сказки* 6, 288—9. Рыбник. II, 125, 1, 53.

Самые ранніе походы на Русь совершались на ладьяхъ по рѣкамъ. Пришлые Варяги были отличные корабельщики. Плавая по рѣкамъ, они вытаскивали лодки изъ воды и перевозакивали на себѣ, гдѣ было нужно. По лѣтописной сказкѣ, даже подъ Цареградъ они подкатились на судахъ, подъ которыя поставили колеса. Въ новгородскихъ былинахъ, уже соотвѣтственно позднѣйшему историческому быту, гости корабельщики предпринимаютъ по водѣ отдаленныя странствія: они торгуютъ или вѣдутъ въ Иерусалимъ поклониться гробу Господню. Но въ былинахъ, доселѣ изданныхъ, мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ-быть, былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется *гостемъ*, то-есть, торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій пиратъ, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Соловей Будиміровичъ на своихъ корабляхъ съ моря сиваго подплываетъ къ Києву и подноситъ богатые заморскіе дары князю Владиміру и его княгинѣ. Подробное эпическое описаніе корабля Соловья Будиміровича отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи корабля, изображая его какимъ-то чудовищемъ. вмѣсто очей было у него вставлено по дорожному камню, по яхонту, вмѣсто бровей было прибито по черному соболу, вмѣсто усовъ было воткнуто два острыхъ ножа булатныхъ, вмѣсто ушей было воткнуто два острыхъ копья, и на нихъ два торностая повѣшены; вмѣсто гривы было прибито двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повѣшено два медвѣдя бѣлыхъ, заморскихъ. Носъ и корма по туриному, а бока взведены по звѣриному. ¹

Можетъ быть, современемъ найдутся былины и сказанія, которыя дадутъ новый матеріалъ для характеристики этого древняго быта корабельщиковъ; но, сколько можно судить по изданному теперь, надобно, кажется, признать за историческій фактъ, что въ обиходѣ богатырскаго эпоса цикла Владимірова корабль уже потерялъ всякое значеніе. Изъ

¹ Курш. Давил. У Карѣвск. IV, 100.

этого можно заключить, что или вообще не значительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ Варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе изгладилось въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племень, расселившихся по необозримымъ равнинамъ.

Какъ бы то ни было, только вовсе не корабль, а конь играетъ главную роль въ жизни русскаго богатыря. И доселѣ о новорожденномъ сынѣ говорится въ народѣ поговоркою: „Дай Богъ вспоить, вскормить, на коня посадить.“ Кони младшихъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, были дѣти знаменитой кобылы Микулы Селявиновича, *Обнеси голова* или *Подыми голова*. Конь Дюка говоритъ своему хозяину:

Не уступаю я братьямъ большіимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
А середній братъ у Добрыни Никитича,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужъ братъ у Чурилы Оплекова.

Онъ хвалится своими лошадиными крыльями, которыя позднѣйшая былина называетъ *подложными*. Эти крылья, вѣроятно, такъ же какъ у коня сербскаго Момчила, были невидимы, и показывались только въ извѣстное время. Надобно полагать, что и другія дѣти кобылки *Обнеси голова* были тоже крылатыя. Бурый конь Дюка много лѣтъ стоялъ въ конюшнѣ безъ употребленія, такъ что по колѣна въ землю заросъ. Жеребенокъ отъ кобылы *Обнеси голова*, вѣроятно, попалъ къ корачаровскому дьячку, иначе просто къ сосѣду, у котораго купилъ его Илья Муромецъ. Жеребенокъ былъ шелудивый. Илья вывалялъ его въ росѣ на тридцяти утревникахъ, и вывалялся жеребенокъ богатырскимъ конемъ: встѣ онъ одну бѣлоярову пшеницу, пьетъ одну росу утревнюю. Чтобы не страшно было сидѣть на конѣ, когда онъ скачетъ съ горы на гору, рѣки и озера перескакиваетъ, широкія раздолья межъ горъ пуцаетъ, богатырь беретъ земаи сыро-матерой и подвязываетъ подъ плечи.

Кромѣ этихъ коней, славились и другіе. Одного полагалъ Илья Муромецъ у Тугарина Змѣевича. У Ивана Гостиваго Сына тоже знаменитый былъ конь, бурушка-кауршка.

Трехъ годовъ жеребушечка:
 Маленькій, косматенькій,
 Глазочки какъ яблочки,
 Копытечки по рѣшетечку,
 Гривушка семи саженьковъ,
 Хвостикъ семидесять.

Этотъ конь былъ необычайный. Когда Иванъ, надѣвъ дорожную шубу, вывелъ его на дворъ у князя Владиміра —

Сталъ его бурко передомъ ходить,
 И копытами окъ за шубу посапывать,
 И по черному собою выхватывать,
 Окъ на всѣ стороны побрасывать!..
 Зрываетъ бурко по туруному,
 Окъ шипъ пустилъ по змѣиному,
 Триста жеребцовъ испугалися,
 Съ княжецкаго двора разбѣжалися.

Богатырь бесѣдуетъ съ своимъ конемъ, какъ съ товарищемъ, и конь отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ; окъ даже имѣетъ вѣщую силу, чувствуетъ бѣду и предупреждаетъ своего хозяина. Но главное достоинство коня — необычайная быстрота. Какъ въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* князь Всеславъ полоцкій прославляется своею быстрою ѣздой; такъ и богатыри между заутреней и обѣдной проѣзжаютъ огромныя пространства. „Стоялъ я заутреню въ Муромѣ, говорить Илья, а къ обѣднѣ поспѣлъ въ стольный Киевъ градъ“.

Бдучи по чисту полю, богатырь всегда подмѣчаетъ лошадиныя слѣды, или для того чтобы не попасться въ раскляхъ, или чтобы наслѣдить врага:

Поѣхалъ окъ по раздолью чисту полю,
 Наѣхалъ слѣдъ лошадиный:
 Впереди его проѣхано у богатыря,
 У лошади копытами выверчивала
 Мать сыра земля будто сивьыми рѣшотами.
 Окъ поѣхалъ по этому по слѣду лошадиному.

Богатырь внимательно разсматриваетъ *ископытъ*, то-есть, комъ, вылетѣвшій на слѣду изъ-подъ копыта проѣхавшаго коня; и отсюда выводитъ заключеніе о слѣдокъ. Часто случается богатырю проѣзжать тонкими непроходимыми мѣстами; тогда онъ

Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ все краковисто,
Мосты моститъ калиновы.

Вообще съ памятью о богатыряхъ соединяется въ народѣ мысль о самомъ раннемъ проложеніи путей сообщенія по непроходимымъ дебрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшимъ поселенія древней Руси. Илья Муромецъ хвалится на пиру у князя Владиміра, что онъ промостилъ цѣлыхъ тысячу верстъ калиновые мосты по зыбучимъ болотамъ, на пути къ Кіеву, и очистилъ дорогу прямоѣзжую отъ Соловья-Разбойника. Дюкъ Степановичъ долженъ былъ на пути въ Кіевъ проѣзжать черезъ страшныя заставы, то-есть, не преборимыя препятствія, борясь, какъ Егорій Храбрый, то съ птицами клевучими, то со стадами лютыхъ змѣй. Илья Муромецъ проѣзжая срывалъ лѣса и строгалъ стружки, а на стружкахъ клалъ кресты съ надписью:

Вдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному ко стольному городу ко Кіеву,
Во первую поѣздку богатырскую.

Когда богатыри пріѣзжали къ князю Владиміру, становили своихъ добрыхъ коней

Ко столбику ко точеному, ко колечку золоченому,
Куда ставить коней сильныя могучіе богатыри.

Бросить коней среди двора, „не привязанныхъ да не приказанныхъ“, значитъ нанести хозяину великую обиду.

Кони богатырскіе чувтъ свое родство, и радостно встрѣчаютъ другъ друга. Нравственная связь богатырей, выражаемая обрядомъ побратимства, скрѣпляется дружбою и родствомъ ихъ коней. Дюкъ Степановичъ увидѣлъ въ полѣ шатерьъ, и не зная что за богатырь въ немъ отдыхаетъ, другъ или недругъ, предоставляетъ рекогносцировку своему коню, самъ съ собою такъ разсуждая:

А поставлю я своего добра кола
 Ко одной ко полости ко бѣды,
 Ко одной пшеницѣ бѣлоаровой:
 Если кола смироно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоарову,
 Побѣду въ шатеръ—не тронетъ богатырь;
 А если кола драться станутъ,
 Побѣду на уѣздъ, могу ль ухватит!

Кони стали смироно ѣсть пшеницу изъ одной полости, и Дюкъ вошелъ въ богатырскій шатеръ. Тамъ въ углу спитъ богатырь—

Спитъ-то, хранишь, какъ порогъ ¹ шумитъ;
 Поглядѣвъ ему на надпись богатырскую:
 Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ ².

Замѣчу мимоходомъ, что въ этомъ мѣстѣ наивная былина заимствовала у старинной иконописи византийскій обычай—подписывать имена по сторонамъ изображаемаго лица.

Какъ кони богатырскіе ведутъ свое происхожденіе отъ древащъ, титаническихъ временъ, такъ и оружіе. Мы уже видѣли, что Илья наследовалъ мечъ-кладенецъ отъ великана Святогора; а до того времени долго выбиралъ онъ себѣ мечъ, но что ни возьметъ въ руку мечъ, сожметъ въ кулакъ—рукоятъ въ дребезги, и такъ много кинулъ поломанныхъ мечей бабамъ лучику щепать. На родинѣ Ильи Муромца прославилась знаменитый *Агриковъ мечъ*, которымъ князь Петръ убилъ змія оборотня, прилетавшаго къ супругѣ его брата. Мечъ этотъ заложенъ былъ въ кирпичной стѣнѣ въ церкви ³. Какъ въ муромской легендѣ соединяются преданія Муромца и Рязани, потому что вѣщая супруга князя Петра, Февронія была родомъ изъ рязанскихъ предѣловъ, дочь мужика древолазца-бортника; такъ и Агриковъ, или Агрикановъ мечъ, по сказкѣ у Чулкова, достался рязанскому богатырю Добрынь Никитичу, который убилъ имъ Тугарина Змѣевича, соответствующаго муромскому змію оборотню, любовнику княгини. Между былинами въ сборникѣ г. Рыбникова одна упоминаетъ о

¹ Порогъ рѣки. Воспоминаніе о порогахъ Днѣпровскихъ.

² См. замѣтку у Рыбник. I, 22. Рыбник. I, 292. 297. См. замѣтку Даля у Куртвек. I, 32. Рыбник. II, 5. Куртвек. III, 4 и слѣд. Рыбник. I, 59. 274. Куртвек. I, 46—7. Рыбник. II, 330. 341. 325. 167. 47. Рыбник. I, 275.

³ См. въ 1-мъ т. моихъ *Историч. Очерковъ*.

двухъ богатыряхъ, братьяхъ *Агрикановыхъ*. Чулковъ называетъ и самого *Агрикана*, который оставилъ по себѣ въ горѣ кладовую, куда онъ собралъ оружіе славныхъ богатырей. Ключъ отъ этой кладовой Добрыня нашелъ подъ огромною головой, принадлежавшею великану, который отомстилъ за смерть Агрикана. Добрыня влѣзъ въ кладовую, выбралъ себѣ оружіе, и также нашелъ себѣ тамъ знаменитаго слугу Торопа.

Заслуживаетъ вниманія, что богатыри, употребляя обоюдоострый мечъ, оружіе западное, еще не знаютъ сабли, которую лѣтопись предоставляетъ восточнымъ кочевникамъ.

Богатырскій эпосъ изображаетъ эпоху, далеко отстоящую отъ введенія огнестрѣльнаго оружія. Съ особенною тщательностью русская былина описываетъ стрѣлы и стрѣльбу изъ лука: какъ богатырь вынимаетъ—

Изъ налуша свой тугой лукъ,
Изъ кочана вынималъ камену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Камену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Камену стрѣлу семи четвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завываи рога у туга лука.

У Ильи Муромца были три знаменитыя стрѣлы, которыя онъ самъ выковалъ изъ трехъ булатныхъ полосъ, закаливъ ихъ въ матери сырой землѣ. Но особенно прославляются въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ три стрѣлы Дюка Степановича. Тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ, „цѣны не было и не свидомо.“ Колоты онѣ были изъ трость-дерева, строганы въ Новгородѣ, клеены клеемъ осетра рыбы, оперены перьемъ сизаго орла. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перья въ сине море; плыли гости корабельщичики, собирали тѣ перья на синемъ морѣ, вывозили ихъ на святую Русь, продавали краснымъ дѣвицамъ. Покупала перья Дюкова матушка, перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ухахъ у тѣхъ стрѣлокъ вставлено было по камю самоцвѣтному, по тирону, а около ушей перевито аравитскимъ золотомъ. Днемъ Дюкъ охотится, стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ; потому что днемъ стрѣлокъ не видать—

А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горять,
Свѣчи теплятся воску яраго.

Стрѣлы было самое употребительное оружіе, равно полезное и на войнѣ, и на охотѣ. Потому до настоящаго времени въ народѣ сохранилось преданье, что лукъ съ стрѣлою—признакъ добраго молодца. До сихъ поръ кое-гдѣ на Руси ведется обычай отъ дѣтскаго крику класть подъ головы мальчику *лучокъ со стрѣлкой*, а дѣвочкѣ пряслицу. При этомъ причитаютъ: „Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или: пряслица): играй, а младенца не буди.

Стрѣла въ цѣль служила богатырскою потѣхой. Нѣкоторые, даже женщины, какъ напримѣръ жены Дуная и Ставра, такъ ловко стрѣляли, что попадали въ ножовое вострее, и раскалывали объ него стрѣлу на двѣ равныя части ¹.

Кромѣ мечей и стрѣлъ, богатыри въ бою употребляли копыя, палицы, шелепуги, ножи, кинжалы или чивгалица. На себя надѣвали крѣпкія доспѣхи—куякъ, панцырь, коячугу. Щиты, кажется, не входили въ богатырскій обиходъ. Вооружаясь самъ съ головы до ногъ, богатырь старательно сваряжаетъ всякою сбруею и своего коня. Былица съ особенною любовью останавливается на описаніи этихъ сценъ во всей подробности повѣствуя, какъ богатырь—

. . . Шелъ-то на широкій дворъ,
Съ широка двора шелъ на стойло кониное,
Бралъ оя бурушка на широкій дворъ,
Стааъ сѣдлатъ-уздатъ добра кояя,
Накидывать потячки на потячки,
Накладывать воблочки на воблочки,
На верехъ накладывааъ сѣделышко черкесское,
И загатаывааъ двѣнадцать тугихъ подругъ,
Натягивааъ оя тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укѣпы богатырскія;
Подруги-то быаи чиста серебра,
Шпеньки-то быаи красна золота,
Стремена-то буаата заморскаго,
Шеаку-то ояъ шемаханскаго:
Шеакъ-отъ не рвется и не трется,
А буаатъ не ржавѣетъ,

¹ См. замѣтку Даля у Курѣвск. I, 32, Рыбн. II, 436 и замѣтку 26. Курѣвск. IV, 53. III, 102. Рыбн. I, 184. Даля, *Пословицы*, 403.

Красно золото не ждѣть,
Чисто серебро не ждѣть¹.

Конская скачка была такою же любимою потѣхою въ составяньи богатырей, какъ и стрѣльба изъ лука. Собесѣданки на пиру князя Владиміра часто похваляются своими добрыми конями, и чтобы рѣшить споръ пускаются въ состязанія. Въ этомъ отношеніи знамениты были кони Ивана Гостиваго Сына и Дюка Степановича.

Итакъ, богатыри младшіе уже не знаютъ древнихъ морскихъ развѣздовъ варяжскихъ, ни плаванья по рѣкамъ. Они проводятъ жизнь въ чистомъ полѣ; они *поляницы*, они *полакують*. Они промѣняли и крестьянскую соху на мечъ и лукъ со стрѣлами. Они не употребляютъ и топора, этого остатка древнихъ молотовъ. Имъ не нужна и мужицкая телѣга. Даже Илья Муромецъ, герой народный, воспитанный въ крестьянскомъ быту, уже промѣнялъ топоръ, соху и телѣгу на мечъ и коня.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. „Свялись и росли тогда междоусобіями, говоритъ *Слово о Полку Игоревѣ*: погибала тогда жизнь Дажьбожихъ внуковъ; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышишь, чтобъ подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто вороны граяли, дѣля между собою трупы.“ Вотъ та грозная, воинская эпоха, исполненная бѣдствій и ужасовъ, отъ которой доносится до насъ суровый, воинственный строй нашего богатырскаго эпоса. Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои

¹ Рыбникъ. I, 272.

симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіей, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ повѣздахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ Русской земли отъ сосѣднихъ хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно Римлянамъ магистрыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и веревницами тянутся къ Киеву, не потому, чтобы не дорога была для нихъ родная сторона, но потому что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Киевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣской обстановкѣ доисторическаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности, и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ киевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ расстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполне развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Киевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ, ни другими, можетъ-быть, богатырями, которыхъ со временемъ отроютъ намъ такіе счастливые и искусные собиратели, какъ г. Рыбачковъ.

Итакъ, на разсвѣтѣ новой исторической жизни народный эпосъ застаетъ поколѣніе богатырей младшихъ. Новизнѣ и свѣжести эпохи соотвѣтствуютъ юношескіе типы богатырей; и въ теченіе многолѣтняго существованія народнаго эпоса, богатыри не старѣютъ, остаются тѣми же юными героями, исполненными надеждъ на будущее; они только возобновляются съ каждыиъ

новымъ поколѣнiемъ и освѣжаютъ его силы своею идеальною, вестарвующею отвагой.

Это крѣпкое убѣжденiе въ живучесть вѣчно свѣжихъ силъ народной жизни если не откроетъ въ будущемъ широкаго простора для дальнѣйшаго эпическаго творчества, то по крайней мѣрѣ долго будетъ поддерживать въ народѣ нравственную и эстетическую потребность опознаваться во вновь-встрѣчающихся историческихъ обстоятельствахъ на родной почвѣ богатырскаго эпоса, который не только не противорѣчитъ прогрессу, но въ своемъ существѣ его уже содержитъ и ему способствуетъ, воспитывая и приготавливая къ нему сознание народное.

Еслибы богатырскiй эпосъ свободно и широко разросся на Руси во времена языческiя, когда религiозныя мiеи еще не утрачивали способности къ развитiю, то, безъ сомнѣнiя, быту младшихъ богатырей соответствовало бы какое-нибудь божество въ родѣ сѣвернаго Одина, предводителя воинскихъ племенъ и покровителя войны. Но славянская мiеология уже теряла свои творческiя силы, когда Кiевъ при князѣ Владимiрѣ сталъ въ мысляхъ народа средоточiемъ русскою жизни. Потому младшiе богатыри приклонились не передъ мiеическимъ божествомъ войны, а передъ историческою личностью ласковаго князя, молодаго и прекраснаго и одареннаго всѣми благами счастья.

(До слѣдующаго №).

Ө. БУСЛАЕВЪ.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО ¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XX

Веселые люди

Въ глубокой и темной тюрьмѣ, которой мокрая стѣны были покрыты плѣсенью, сидѣлъ князь Никита Романовичъ, скованный по рукамъ и ногамъ, и ожидалъ себя смерти. Не зналъ онъ навѣрно сколько прошло дней съ тѣхъ поръ какъ его схватили, ибо свѣтъ ни откуда не проникалъ въ подземелье; но время отъ времени доходилъ до слуха его отдаленный благовѣстъ, и соображаясь съ этимъ глухимъ и слабымъ звономъ, онъ разчитывалъ, что сидитъ въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней. Брошенный ему хлѣбъ былъ уже давно съѣденъ, оставленный ковшъ съ водою давно выпить, и голодъ и жажда начинали его мучить, какъ непривычный шумъ привлечь его вниманіе. Надъ головой его отпирала замокъ. Заскрипѣла первая, наружная дверь темницы. Шумъ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

раздался ближе. Загремя другой замокъ, и вторая дверь заскрипѣла. Наконецъ отперли третью дверь, и послышались шаги спускающіеся въ подземелье. Сквозь щели послѣдней двери блеснулъ огонь, ключъ съ визгомъ повернулся, нѣсколько засововъ отодвинулось, ржавыя петли застонали и яркій, нестерпимый свѣтъ ослѣпилъ Серебрянаго.

Когда онъ опустилъ руки, которыми невольно закрылъ глаза, передъ нимъ стояли Малуа Скуратовъ и Борисъ Годуновъ. Сопровождавшій ихъ палачъ держалъ высоко надъ ними смоляной свѣточъ.

Малуа, скрестивъ руки, глядѣлъ улыбаясь въ лицо Серебряному, и зрачки его, казалось, сжимались и расширялись.

— Здравствуй, батюшка князь! проговорилъ онъ такимъ голосомъ, котораго никогда еще не слыживалъ Никита Романовичъ, голосомъ протяжно - вкрадчивымъ и злобѣщя-мягкимъ, напоминающимъ кровожадное мяуканье кошки, когда она подходитъ къ мышеловкѣ, въ которой сидитъ пойманная мышь.

Серебряный невольно содрогнулся, но видъ Годунова по-дѣйствовалъ на него благотворно.

— Борисъ Федоровичъ, сказалъ онъ, отворачиваясь отъ Малуа, — спасибо тебѣ, что ты посѣтилъ меня. Теперь и умирать будетъ легче!

И онъ протянулъ къ нему скованную руку. Но Годуновъ отступилъ назадъ, и на холодномъ лицѣ его ни одна черта не выразила участія къ князю.

Рука Серебрянаго, гремя цѣвью, опять упала къ нему на козлы.

— Не думалъ я, Борисъ Федоровичъ, сказалъ онъ, съ упрекомъ, — что ты отступишься отъ меня. Или ты только пришелъ на мою казнь посмотреть?

— Я пришелъ, отвѣтилъ спокойно Годуновъ, — быть у допроса твоего вмѣстѣ съ Григорьемъ Лукьяновичемъ. Отступаться мнѣ не отъ чего; я никогда не мыслю къ тебѣ, и только, видя государево милосердіе, остановилъ въ ту пору заслуженную казнь твою!

Сердце Серебрянаго болѣзненно сжалось, и перемѣна въ Годуновѣ показала ему тяжесть самой смерти.

— Время милосердія прошло, продолжалъ Годуновъ хладнокровно, — ты помнишь клятву что далъ государю? Поко-рись же теперь его святой волѣ, и если признаешься намъ

во всемъ безъ утайки, то минуешь пытку и будешь казнемъ скорую смертью. Начнемъ допросъ, Григорій Лукьяновичъ!

— Погоди, погоди маленько! отвѣчалъ Милюта, улыбаясь. — У меня съ его милостью особые счеты! Укороти его цѣпи, Ѳомка, сказалъ онъ палачу.

И палачъ, воткнувъ свѣточъ въ желѣзное кольцо вдѣланное въ стѣну, подтянулъ руки Серебрянаго къ самой стѣнѣ, такъ что онъ не могъ ими двинуть.

Тогда Милюта подступилъ къ нему ближе и долго смотрѣлъ на него, не измѣняя своей улыбки.

— Батюшка, князь Никита Романовичъ! заговорилъ онъ наконецъ:— не откажи мнѣ въ милости великой!

Онъ сталъ на колѣни и поклонился въ землю Серебряному.

— Мы, батюшка князь, продолжалъ онъ съ насмѣшливою покорностью,—мы передъ твоею милостью малые люди; такихъ большихъ бояръ, какъ ты, никогда еще своими руками не казнили, не пытавали! И къ допросу-то приступить робость беретъ! Кровь-то, вишь, говорятъ, не одна у насъ въ жилахъ течеть...

И Милюта остановился, и улыбка его сдѣлалась ядовитѣе, и глаза расширились болѣе, и зрачки запрыгали чаще.

— Дозволь, батюшка князь, продолжалъ онъ, придавая своему голосу умоляющее выраженіе,—дозволь передъ допросомъ, для смѣлости-то, на твою боярскую кровь посмотреть!

И онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ, и подползъ на колѣняхъ къ Серебряному.

Никита Романовичъ рванулся назадъ и взглянулъ на Годунова.

Лицо Бориса Ѳедоровича было неподвижно.

— А потомъ, продолжалъ, возвышая голосъ, Милюта,—потомъ дозвожь мнѣ, худородному, изъ княжеской спины твоей ремней выкроить! Дозволь мнѣ, холопу, боярскую кожу твою на конскій чепракъ снять! Дозволь мнѣ, смрадному рабу, вельможнымъ мясомъ твоимъ собакъ моихъ накормить!

Голосъ Милюты, обыкновенно грубой, теперь походилъ на визгъ шакала, нѣчто между плачемъ и хохотомъ.

Волосы Серебрянаго стали дыбомъ. Когда въ первый разъ Іоаннъ осудилъ его на смерть, онъ твердо шелъ на плаху; но здѣсь, въ темницѣ, скованный цѣпами, извуренный голодомъ, онъ не въ силахъ былъ вывести этого голоса и взгляда.

Малюта нѣсколько времени наслаждался произведеннымъ имъ дѣйствиємъ.

— Батюшка князь, взвизгнувъ онъ вдругъ, бросая ножъ свой и подымаясь на ноги,—дозволь мнѣ прежде всего тебѣ честно долгъ заплатить!

И стиснувъ зубы, онъ поднялъ ладонь и замахнулся на Никиту Романовича.

Кровь Серебрянаго отхлынула къ сердцу, и къ негодова-нію его присоединился тотъ ужасъ омерзевія, какой производитъ на насъ близость нечистой твари, грозящей своимъ прикосновеніемъ.

Онъ устремилъ отчаянный взоръ свой на Годунова.

Въ эту минуту поднятая рука Малюты осталась на воздухѣ, схваченная Борисомъ Федоровичемъ.

— Григорій Лукьяновичъ, сказалъ Годуновъ, не теряя своего спокойствія, — если ты его ударишь, онъ разобьетъ себѣ голову объ стѣну, и некого намъ будетъ допрашивать. Я знаю этого Серебрянаго.

— Прочь! заревѣлъ Малюта:—не мѣшай мнѣ надъ нимъ потѣшиться! Не мѣшай отплатить ему за Поганую Лужу!

— Опомнись, Григорій Лукьяновичъ! мы отвѣчаемъ за него государю!

И Годуновъ схватилъ Малюту за обѣ руки.

Но какъ дикій звѣрь, почувшій кровь, Малюта ничего уже не помнилъ. Съ крикомъ и проклятіями вцѣпился онъ въ Годунова, и старался опрокинуть его чтобы броситься на свою жертву. Началась между ними борьба, свѣточъ, задѣтый однимъ изъ нихъ, упалъ на землю и погасъ подъ ногою Годунова.

Малюта пришелъ въ себя.

— Я скажу государю, прохрипѣлъ онъ, задыхаясь,—что ты стоишь за его измѣнника!

— А я, отвѣтилъ Годуновъ,—скажу государю, что ты хотѣлъ убить его измѣнника безъ допроса, потому что боишься его показаній!

Нѣчто въ родѣ рычанія вырвалось изъ груди Малюты, и онъ бросился изъ темницы, позвавъ съ собой палача.

Между тѣмъ какъ они ощупью взбирались по лѣстницѣ, Серебряный почувствовалъ, что ему отпускаютъ цѣпи и что онъ опять можетъ двигаться.

— Не отчаивайся, князь! шепнул ему на ухо Годуновъ, крѣпко сжимая его руку: — главное выиграть время!

И онъ поспѣшилъ вслѣдъ за Малютой, заперевъ предварительно за собою дверь и тщательно задвинувъ засовы.

— Григорій Лукьяновичъ, сказалъ онъ Скуратову, догнавъ его у выхода и подавая ему ключи въ присутствіи стражи, — ты не заперъ тюрьмы. Этакъ дѣлать не годится; неравно подумаютъ, ты за одно съ Серебрянымъ!

Въ то самое время какъ описанное происходило въ тюрьмѣ, Іоаннъ сидѣлъ въ своемъ теремѣ, мрачный и недовольный. Незнакомое ему чувство мало-по-малу имъ овладѣло. Чувство это было невольное уваженіе къ Серебряному, котораго смѣлые поступки возмущали его самодержавное сердце, а между тѣмъ не подходили подъ собственныя его понятія объ измѣнѣ. Доселѣ Іоаннъ встрѣчалъ или явное своеволіе, какъ въ боярахъ, омрачавшихъ своими раздорами время его малолѣтства, или гордое непокорство, какъ въ Курбскомъ, или-же рабскую низкопоклонность какъ во всѣхъ окружавшихъ его въ настоящее время. Но Серебряный не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ. Онъ раздѣлялъ убѣжденія своего вѣка въ божественной неприкосновенности правъ Іоанна; онъ умственно подчинялся этимъ убѣжденіямъ, и, болѣе привыкшій дѣйствовать чѣмъ мыслить, никогда не выходилъ преднамѣренно изъ повиновенія царю, котораго считалъ представителемъ Божіей воли на землѣ. Но несмотря на это, каждый разъ когда онъ сталкивался съ явною несправедливостью, душа его вскидывала негодованіемъ, и врожденная прямота брала верхъ надъ правилами принятыми на вѣру. Онъ тогда, самъ себѣ на удивленіе, и почти безсознательно, дѣйствовалъ на перекоръ этимъ правиламъ, и на дѣлѣ выходило совсѣмъ не то что они ему предписывали. Эта благородная непослѣдовательность противорѣчила всѣмъ понятіямъ Іоанна о людяхъ, и приводила въ замѣшательство его знаніе человеческого сердца. Откровенность Серебрянаго, его неподкупное прямотушіе и неспособность преслѣдовать личныя выгоды, были очевидны для самого Іоанна. Онъ понималъ, что Серебряный его не обманетъ, что можно на него вѣрнѣе положиться чѣмъ на кого-либо изъ присяжныхъ опричниковъ, и ему приходило желаніе приблизить его къ себѣ и сдѣлать изъ него свое орудіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чув-

ствовавъ, что орудіе это, само по себѣ надежное, можетъ неожиданно ускользнуть изъ рукъ его, и при одной мысли о такой возможности, расположение его къ Серебряному обращалось въ ненависть. Хотя подвижная впечатлительность Іоанна и побуждала его иногда отказываться отъ кровавыхъ дѣлъ своихъ и предаваться раскаянію, но то были исключенія; въ обыкновенное же время онъ былъ проникнутъ сознаніемъ своей непогрѣшимости, вѣрилъ твердо въ божественное начало своей власти, и ревливо охранялъ ее отъ постороннихъ посягательствъ; а посягательствомъ казалось ему всякое, даже молчаливое осужденіе. Такъ случилось и теперь. Мысль простить Серебрянаго мелькнула въ душѣ его, но тотчасъ же уступила мѣсто убѣжденію, что Никита Романовичъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ не должно терпѣть въ государствѣ.

„Аще, подумалъ онъ, цѣлому стаду идущу одесную, единая овца идетъ ошую, пастырь ту овцу изъемлетъ изъ стада и закланію предаеть!“ Такъ подумалъ Іоаннъ и рѣшилъ въ сердцѣ своемъ участь Серебрянаго. Казнь ему была назначена на слѣдующій день; но онъ велѣлъ снять съ него цѣпи и послалъ ему вина и пищи отъ своего стола.

Между тѣмъ, чтобы разогнать впечатлѣнія возбужденныя въ немъ внутреннею борьбою, впечатлѣнія непривычныя, отъ которыхъ ему было не ловко, онъ вздумалъ проѣхать въ чистомъ полѣ и приказалъ большую птичью охоту.

Утро было прекрасное. Сокольничій, подсокольничій, начальные люди и всѣ чины сокольничья пути выѣхали верхами въ блестящемъ убранствѣ, съ соколами, кречетами и челигами на рукавицахъ и ожидали государя въ полѣ.

Не даромъ искони говорилось, что полевая погѣха утѣшаетъ сердца печальныя, а кречетья добыча веселитъ весельемъ радостнымъ стараго и малаго. Сколь ни пасмуренъ былъ царь, когда выѣхалъ изъ слободы съ своими опричниками, но при видѣ всей блестящей толпы сокольниковъ лицо его прояснилось. Мѣстомъ сборища были заповѣдныя луга и перелѣски верстахъ въ двухъ отъ слободы по владимірской дорогѣ.

Сокольничій, въ красномъ бархатномъ кафтанѣ съ золотою нашивкой и золотою перевязью, въ парчевой шапкѣ, въ желтыхъ сапогахъ и въ нрядныхъ рукавицахъ, сѣлъ

съ кола и подошелъ къ Иоанну, сопровождаемый подсокольничими, который несъ на рукѣ благо кречета, въ клобуки и въ колокольцахъ.

Поклоившись до земли, сокольничій спросилъ:

— Время ли, государь, веселью быть?

— Время, отвѣчалъ Иоаннъ,—начинай веселье!

Тогда сокольничій подалъ царю богатую рукавицу, всю испещренную золотыми притчами, и принявъ кречета отъ подсокольничаго, посадилъ его государю на руку.

— Честные и доброхвальные охотники! сказалъ сокольничій, обращаясь къ толпѣ опричниковъ:—забавляйтесь и утѣшайтесь славною, красною и премудрою охотою, да исчезнуть всякія печали и да возрадуются сердца ваши!

Потомъ обратясь къ сокольникамъ:

— Добрые и прилежные сокольники, сказалъ онъ,—напускайте и добывайте!

Тогда вся пестрая толпа сокольниковъ разсѣялась по полю. Иные съ крикомъ бросились въ перелѣски, другіе поскакали къ небольшимъ озерамъ, разбросаннымъ какъ зеркальные осколки между кустами.

Вскорѣ стаи утокъ поднялись изъ камышей и потянулись по воздуху.

Охотники пустили соколовъ. Утки бросились было обратно къ озерамъ, но тамъ встрѣтили ихъ другіе соколы, и они въ испугѣ разметались какъ стрѣлы по всѣмъ направленіямъ.

Соколы, дерлиги и разные челиги, ободряемые криками поддатней, нападали на утокъ, кто въ догонку, кто на перехватъ, кто прямымъ боемъ, сверху въ низъ, падал какъ камень на спину добычи.

Отличились въ этотъ день и Бѣдрый, и Смѣлый, сибирскіе челиги, и Арбасъ и Анпрасъ, соколы-дикомыты; и Хорьякъ, и Худякъ, и Малець, и Палець. Досталось отъ нихъ и уткамъ, и тетеревамъ, которыхъ рядовые сокольники выпугивали бичами изъ зарослей. Чуденъ и красносмотрителемъ былъ летъ разнопородныхъ соколовъ. Тетерева безпрестанно падали, кувыркаясь въ воздухѣ. Нѣсколько разъ утки въ отчаяньи бросались лошадямъ подъ ноги и были схвачены охотниками живьемъ. Не обошлось и безъ лакада. Молодикъ Гамаюнъ, бросившись съ высоты на

старого косача, летѣвшаго очень низко, ударился грудью о землю и убился на мѣстѣ.

Астрець и Сородумъ, два казанскіе розмыта, улетѣли изъ виду охотниковъ, несмотря на свистъ поддатней, ни на голубиныя крылья, которыми они махали.

Но всѣхъ славнѣе и удивительнѣе выказалъ себя царскій кречеть, честникъ, по прозванію Адраганъ. Два раза напускалъ его царь, и два раза онъ долго оставался въ воздухѣ, билъ безъ промаху всякую птицу, и натѣшившись вдоволь, спускался опять на золотую рукавицу царя. Въ третій разъ Адраганъ пришелъ въ такую ярость, что началъ бить не только полевою птицу, но и самихъ соколовъ, которые неосторожно пролетали мимо него. Соколы Смышляй и соколы челагъ Кружокъ упали на землю съ подрѣзанными крыльями. Тщетно царь и всѣ бывшіе при немъ сокольники манили Адрагана на красное сукно и на птичья крылья. Бѣлый кречеть чертилъ въ небѣ широкіе круги, подымался на высоту невидимую и подобно молніи стремился на добычу; но вмѣсто того чтобъ опускаться за нею на землю, Адраганъ, послѣ каждой новой побѣды, опять взмывалъ кверху и улеталъ далеко.

Сокольниковъ, потерявъ надежду достать Адрагана, поспѣшилъ подать царю другаго кречета. Но царь любилъ Адрагана и припечалился, что пропала его лучшая птица. Онъ спросилъ у сокольничаго, кому изъ рядовыхъ указано держать Адрагана? Сокольниковъ отвѣчалъ, что указано рядовому Тришкѣ.

Іоаннъ велѣлъ позвать Тришку. Тришка чуя бѣду, явился блѣдный.

— Человѣче, сказалъ ему царь,—такъ ли ты блюдеши честника? На что у тебя вабило, коли ты не умѣешь наманить честника? Аль ты мнѣ насмѣхаться вздумалъ? Слушай, Тришка: отдаю въ твои руки долю твою: коли достанешь Адрагана, пожалую тебя такъ, что никому изъ васъ такого времени не будетъ; а коли пропадетъ честникъ, вею, не прогнѣвайся, голову съ тебя снять, и то будетъ всѣмъ за страхъ; а я давно замѣчаю, что нѣтъ межъ сокольниковъ добраго строенія, и гибнетъ птичья потѣха!

При послѣднихъ словахъ Іоаннъ покосился на самаго сокольничаго, который въ свою очередь поблѣднѣлъ, ибо зналъ, что царь ни на кого не косится даромъ.

Тришка, не теряя времени, вскочил на конь и поспекалъ искать Адрагана, молясь своему заступнику, святому угоднику Трифону, чтобъ указалъ онъ ему потеряннаго кречета.

Охота межъ тѣмъ шла своимъ чередомъ. Уже не по одной часъ тѣшился государь и уже много всякой добычи было ввазано въ торока, какъ новое зрѣлище обратило на себя вниманіе Иоанна.

По владимірской дорогѣ тащилось двое слѣпыхъ, одинъ среднихъ лѣтъ, другой старикъ съ сѣдою кудрявою головою и длинною бородою. На нихъ были бѣлыя, изношенныя рубахи, а на полотенцахъ, перекинутыхъ черезъ плечи крестъ-на-крестъ, висѣли съ одной стороны мѣшокъ для сбора милостыни; а съ другой, изодранный кафтанъ, скинутый по случаю жара. Остальные пожитки, какъ-то гусли, балаалайки и торбу съ хлѣбомъ; они взвалили на дюжаго молодого парня, служившаго имъ вожатымъ. Сначала тотъ изъ слѣпыхъ, который былъ помоложе, держался за плечо вожатаго, а самъ тащилъ за собою старика. Только молодой парень видно зазѣвался на охоту и забылъ про товарищей. Слепые отстали отъ зрячаго. Держась одинъ за другаго, они щупали землю высокими палками и часто спотыкались. Глядя на нихъ, Иванъ Васильевичъ не могъ удержаться отъ смѣха. Онъ подъѣхалъ къ нимъ ближе. Въ это время передній слѣпой оступился, упалъ въ лужу и потянулъ за собою товарища. Оба встали покрытые грязью, отплевываясь и браня вожатаго, который смотрѣлъ, разиня ротъ, на блестящихъ опричниковъ. Царь громко смѣялся.

— Кто вы молодцы? спросилъ онъ. — Откуда и куда идете?

— Проваливай! отвѣчалъ младшій слѣпой, не снимая шапки: — много будешь знать, скоро состаришься!

— Дурень! закричалъ одинъ опричникъ: — аль не видишь, кто передъ тобой!

— Самъ ты дурень, отвѣчалъ слѣпой, выкативъ на опричника бѣлки свои, — гдѣ мнѣ видѣть, коли глазъ нѣту-ти? Вотъ ты дѣло другое, у тебя безъ двухъ четыре, такъ видишь ты и далѣе и шире; скажи, кто передо мной, такъ буду знать!

Царь приказалъ молчать опричнику и ласково повторилъ вопросъ свой.

— Мы люди веселые, отвѣчалъ слѣпой, — исходили

деревни и села, идемъ изъ Муромавъ Слободу, бить бакауши, добрыхъ людей тѣшить, кого на лошадь подсадить, кого спѣшить!

— Вотъ какъ! сказалъ царь, которому нравились отвѣты слѣпного:—такъ вы Муромцы, калашники, вертячіе бобы! А есть еще у васъ богатыри въ Муромѣ?

— Какъ не быть! отвѣчалъ слѣпой, не запинаясь;—этотъ товаръ не переводится: есть у насъ дядя Михай: самъ себя за волосы на вершокъ отъ земли подымаетъ; есть тетка Ульяна: одна ходитъ на таракана.

Всѣ опричники засмѣялись. Царю давно уже не было такъ весело.

— Вотъ и вправду веселые люди, подумалъ онъ,—видно, что не здѣшніе. Надоѣли мнѣ уже мои сказочники. Все одно и то же наладили, да ужъ и скоморохи мнѣ наскучили. Съ тѣхъ поръ, какъ пошутилъ я съ однимъ неосторожно, стали всѣ меня опасаться; смѣшнаго слова не добьешься; точно будто моя вина, что у того дурака душѣ не крѣпко въ тѣлѣ сидѣла! Слушай, молодецъ: что, сказки сказывать умѣешь?

— Какова сказка, отвѣчалъ слѣпой,—и кому сказывать. Вотъ мы ономаясь разказали старицкому воеводѣ сказку про козу косматую, да на свою шею; коза-то, вишь, вышла сама воеводша, такъ онъ насъ со двора и велѣлъ согнать, наkostenявши затылокъ. Впередъ не разкажемъ.

Трудно описать хохотъ, который раздался между опричниками. Старицкій воевода былъ въ немилости у царя. Намѣшка слѣпного пришлась какъ нельзя болѣе кстату.

— Слушайте, человекѣки, сказалъ царь,—ступайте въ Слободу, прямо во дворецъ, тамъ ждите моего прѣзда, царьде васъ прислалъ. Да чтобъ васъ накормили и напоили, а прѣзду домой, послушаю вашихъ сказокъ!

При словѣ: царь, слѣпные оробѣли.

— Батюшка, государь! сказали они, упавъ на колѣни:—не взыщи за нашу грубую, мужицкую рѣчь! Не вели намъ головы съць, по невѣдѣнью согрѣшили!

Царь усмѣхнулся испугу слѣпныхъ и повѣалъ опять въ поле продолжать охоту, а слѣпные съ вожатымъ побрели по направленію Слободы.

Пока толпа опричниковъ могла ихъ видѣть, они держались одинъ за другаго и безпрестанно спотыкались, но

лишь только поворотъ дороги скрылъ ихъ изъ виду, младшій слѣпой остановился, оглянувшись во всѣ стороны и сказавъ товарищу:

— А что, дядя Коршунъ, усталъ, небось спотыкаться. Вѣдь пока дѣло-то не дурно идетъ; что-то будетъ далѣ? Да чего ты такъ брови-то понасунилъ, дядя? Аль жаль тебѣ, что дѣло затѣяли?

— Не то, отвѣчала старшій разбойникъ:—ужь взялся идти, небось, оглядываться не стану; да только вотъ самъ не знаю что со мной случилось; такъ тяжело на сердцѣ, какъ отродясь еще не бывало, и о чемъ ни задумаю, все опять то же да то же на умѣ лѣзетъ!

— А что тебѣ лѣзетъ на умѣ?

— Слушай, атаманъ. Вотъ ужь двадцать лѣтъ минуло съ той поры, какъ тоска ко мнѣ прикачнулася, привалилася, а никто ни на Волгѣ, ни на Москвѣ про то не знаетъ; ни кому я ни слова не вымолвилъ; схоронилъ тоску въ душѣ своей, да и пошу двадцать лѣтъ, словно жерновъ на шеѣ. Пытался было разъ говѣть въ великій постъ, хотѣлъ попу все на духу разказать, да молиться не смогъ и говѣть бросилъ. А вотъ теперь опять оно меня и душитъ, и давитъ; кажется, вотъ какъ вымолваю, такъ будетъ легче. Тебѣ-то сказать и не такъ тяжело, какъ попу; ты вѣдь и самъ такой-же какъ я.

Глубокая грусть изображалась на лицѣ Коршуна. Перстень слушалъ и молчалъ. Оба разбойника сѣли на краю дороги.

— Митька, сказалъ Перстень вожатому,—садись-ко поодаль, да гляди въ оба; коли кого дозришь, махни намъ; да смотри, не забудь: ты глазъ и нѣмъ; слова не вырѣни!

— Добро, сказалъ Митька,—ня бось, ня вырѣю!

— Типунъ тебѣ на языкъ, дурень этакій, нишкни! И съ нами не говори. Привыкай молчать; не то какъ разъ, при комъ-нибудь языкомъ бракнешь, тогда и насъ и тебя поминай какъ звали!

Митька отомелъ шаговъ на сто и легъ на брюхо, уперевъ локти въ землю, а подбородокъ въ руки.

— Вѣдь добрый парень, сказалъ Перстень, глядя ему вслѣдъ,—а глупъ, хоть колъ на головѣ теши. Пусти его только, разомъ провретъ! Да нечего дѣлать, лучше его нѣтъ; онъ по крайней мѣрѣ не выдастъ; постоитъ и за себя

и за насъ, коли, не дай Богъ, намъ круто придется. Ну, что, дядя, теперь никто насъ не услышитъ: говори, кака у тебя кручина? Эхъ, не во-время она тебя навѣстила!

Старый разбойникъ опустилъ кудрявую голову и провель ладонью по лбу. Хотѣлось ему говорить, да начати было трудно.

— Вишь, атаманъ, сказалъ онъ,—довольно я людей перегубилъ на своемъ вѣку, что и говорить! Смолоду полюбилась красная рубашка! Бывало купецъ ли заартачится баба ли запищитъ, хвачу ножемъ въ бокъ и конецъ. Даже и теперь, коли-бъ случилось кого отправить—рука не дрогнетъ! Да что тутъ, не тебя увѣрять стать; я чай и ты довольно народу на тотъ свѣтъ спровадилъ; не въ диковинку тебѣ, такъ ли?

— Ну, что жъ съ того? отвѣчалъ Перстень съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Да то, что ни ты, ни я, мы не бабы, не красныя дѣвцы; много у насъ крови на душѣ; а ты мнѣ вотъ что скажи, атаманъ; приходилось ли тебѣ такъ, что какъ вспоминашь о какомъ-нибудь своемъ дѣлѣ, такъ тебя словно клещами за сердце схватитъ и холодомъ и жаромъ область съ ногъ до головы, а потомъ гложетъ, гложетъ, такъ что хоть бы на свѣтъ не родиться?

— Поано, дядя, о чемъ спрашивать вздумалъ, не такое теперь время!

— Вотъ, продолжалъ Коршунъ,—я много ужъ и позабылъ дѣлъ своихъ, одного не могу забыть. Тому будетъ подорока годовъ, жили мы на Волгѣ, ходили на девяти стругахъ; атаманомъ былъ у насъ Данило Котъ; о тебѣ еще и помину не было, меня уже знали въ шайкѣ и тогда уже величали Коршуномъ. Разбивали мы и суда богатая, и пристани грабили, а что бывало добудемъ, то всегда поравну дѣлимъ, и никакого спору Данило Котъ не терпѣлъ. Кажется, чего бы лучше? Житье привольное, всегда сыты, одѣты. Бывало какъ нарядимся въ цвѣтные кафтаны, какъ заломимъ шапки, да ударимъ въ весла, да затынемъ удалую, такъ въ деревняхъ и городахъ народъ на берсѣ и валитъ, на молодцовъ посмотрѣтъ, на соколовъ ясныхъ полюбоваться! А мы себѣ гребемъ, да поемъ, во всю глотку заливаемся, изъ пищалей на вѣтеръ пострѣливаемъ, краснымъ дѣвкамъ подмигиваемъ. А иной разъ, какъ посядемъ съ

копьями да съ рогатинами, такъ струги наши словно лѣсомъ поросли! Хорошо было житье, да подбилъ меня бѣсъ проклятый. Думаю себѣ разъ: чтожь? я вѣдь больше другихъ работаю, а корысть идетъ мнѣ со всѣми равная! И положилъ себѣ на мысль, пойдти одному на промысль, зашибить добычи, да не отдавать въ артель, а взять на себя одного. Одѣлся нищимъ, почитаю какъ теперь, повѣсилъ на шею торбу, всунулъ засапожникъ за оушчъ, да и побрелъ себѣ по дорогѣ къ посаду, не провѣдетъ ли кто? Жду, себѣ, жду: ни обозу, ни купца, никого не видать. Разобрала меня досада. Добро жь говорю, не даетъ Богъ корысти, такъ теперь кто бѣ ни прошелъ, будь онъ хоть отецъ родной, дочиста оберу! Только лишь подумалъ, идетъ по дорогѣ баба убогая, несетъ что-то въ лукошкѣ, лукошко холстомъ обернуто. Лишь только поровнялась она со мной, я и выскочилъ изъ-за куста. Стой, говорю, баба! Давай лукошко! — Она мнѣ въ ноги; что хошь бери, а лукошко не тронь! Эге, думаю я, такъ у тебя, видно, казна тамъ спрятана, да и ухватился рукой за лукошко. А баба голосить, ругать меня, кусать за руку. Я ужь былъ больно сердитъ, что день даромъ пропалъ, а тутъ осерчалъ еще пуще. Бѣсъ толкнулъ меня подъ бокъ, я вытащилъ засапожникъ да и всадилъ бабѣ въ горло. Какъ только свалилась она, страхъ меня взялъ. Ударился было бѣжать, да одумался и воротился за лукошкомъ. Думаю себѣ: ужь убилъ бабу, такъ пусть же не даромъ! Взялъ лукошко, не раскрывая, да и пустился лѣсомъ. Отошелъ не болѣе какъ на пещи брехъ, ноги отали подкашиваться, думаю себѣ: сяду, отдохну, да посмотрю много ли казны добылъ? Развернулъ лукошко, гляжу, анъ тамъ лежитъ малый ребенокъ, чуть живой, и еле дышетъ. „Ахъ ты, бѣсенокъ! подумалъ я, такъ вотъ зачѣмъ баба не хотѣла лукошка отдавать! Такъ изъ-за тебя, проклятаго, я грѣхъ на душу взялъ!“

Коршунъ хотѣлъ было продолжать, да замолчалъ и задумался.

— Что жь ты съ ребенкомъ сдѣлалъ? спросилъ Перстень.

— Что жь, его было няньчить что ли? Что сдѣлалъ? Вѣстимо что!

Старикъ опять замолчалъ.

— Атаманъ, сказалъ онъ вдругъ, — какъ подумаю объ этомъ,

такъ сердце и зацемить. Вотъ особливо сегодня, какъ нарядился нищимъ, то такъ живо все припоминаю, какъ будто вчера было. Да не только то время, а не знаю съ чего, стало мнѣ вдругъ памятно и такое о чемъ я давно ужъ не думалъ. Говорять, оно не къ добру, когда ни съ того, ни съ другаго становишь вдругъ вспоминать что ужъ изъ памяти вышибь!

Старикъ тяжело вздохнулъ.

Оба разбойника молчали. Вдругъ свистнули надъ ними крылья, и бурый коршунъ упалъ кувыркомъ къ ногамъ старика. Въ то же время кречетъ Адраганъ плавно нырнулъ въ воздухъ и пронесся мимо, не удостоивъ спуститься на свою жертву.

Митька махнулъ рукою. Вдали показались сокольники.

— Дядя! сказалъ поспѣшно Перстень:—забудь прошлое; мы вѣдь теперь не разбойники, а сѣтые оказочники. Вонъ скачутъ царскіе люди, тотчасъ будутъ здѣсь. Живо, дядя, приосаься, закидай ихъ прибаутками!

Старый разбойникъ покачалъ головою.

— Не слобровать мнѣ, сказалъ онъ, показывая на убитаго коршуна.—Это меня срѣзалъ бѣлый кречетъ. Вишь, и нѣтъ ужъ его. Убилъ да и пропалъ!

Перстень пристально посмотрѣлъ на него и съ досадою почесалъ затылокъ.

— Слушай, дядя, сказалъ онъ,—кто тебя знаетъ, что съ тобою сегодня стало! Только я тебя неволить не буду. Говорять сердце вѣщунъ. Пожалуй, твое сердце и не даромъ чуетъ бѣду. Оставайся, я одинъ пойду въ Слободу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коршунъ,—я не къ тому велъ рѣчь. Ужъ если такая моя доля, чтобы въ Слободѣ голову положить, такъ нечего оставаться. Видно мнѣ такъ на роду написано. А вотъ къ чему я рѣчь велъ. Знаешь ли, атаманъ, на Волгѣ село Богородицкое?

— Какъ не знать, знаю.

— А около того села, верстахъ въ пяти, мѣсто что зовутъ Поповъ Кругъ?

— И Поповъ Кругъ знаю.

— А на Поповомъ Кругу дубъ старый помнишь?

— И дубъ помню; только нѣтъ уже того дуба, срубили его.

— Дубъ-то срубили, да пень оставили.

— Такъ что жь съ того?

— А вотъ что. Я-то ужь никогда Волги матушки не увижу а ты; еще, статья можетъ, вернешься на родимую сторонушку. Такъ когда будешь на Волгѣ, ступай на Поповъ Кругъ. Отыщи пень стараго дуба. Какъ отыщешь пень, сосчитай подевяносто ступней на закатъ солечный. Сосчитаешь ступни, начинай рыть землю на томъ мѣстѣ. Тамъ, продолжалъ Коршунъ, повизивъ голосъ, я въ бывшее время закопалъ казну богатую. Довольно тамъ лежитъ корабельниковъ золотыхъ, и червонцевъ, и рублевъ серебряныхъ. Откроешь кладъ, все будетъ твое. Не брать мнѣ съ собою казны на тотъ свѣтъ. А какъ иной разъ подумаешь, что будешь тамъ отвѣтъ держать за все что здѣсь дѣлалъ, такъ въ ночное время идо морозъ по кожѣ дереть! Ты бы, атаманъ, какъ не будетъ меня, велѣлъ по мнѣ панихиду отслужить. Оно все вѣрнѣе. Да не жалѣй денегъ на панихиду. Заплати хорошенько попу; пусть отслужить какъ слѣдуетъ, ничего не пропустить. А зовутъ меня, ты знаешь, Амеляномъ. Это такъ только люди Коршуномъ прозвали; а крестили вѣдь меня Амеляномъ; такъ пусть попу отслужить панихиду по Амелянѣ; а ты ужь заплати ему хорошенько, не пожалѣй денегъ, атаманъ; я тебѣ казну оставляю богатую, на всю жизнь твою станетъ!

Коршуна прервали подкакавшіе сокольники.

— Эй вы, убогіе! закричалъ одинъ изъ нихъ:—говорите, куда полетѣлъ кречетъ!

— И радъ бы сказать, родимые, отвѣчалъ Перстень, — да вотъ ужь сорокъ годовъ глаза запоршило!

— Какъ такъ?

— Да пошелъ разъ въ горы, съ камней лыки драть. Вижу дубъ растетъ, въ дуплѣ жареные цыплята пищать. Я влѣзъ въ дупло, съѣлъ цыплатъ, потолстѣлъ, вылѣзти не могу! Какъ тутъ быть? Сбѣгалъ домой за топоромъ, обтесалъ дупло да и вылѣзъ; только тесамши-то, видно щепками глаза засорилъ; съ тѣхъ поръ ничего не вижу: иной разъ щи хлебаю, ложку въ ухо сую; чешется носъ, а я скребу спину!

— Такъ это вы, сказалъ смѣясь сокольникъ, — тѣ слыше что съ царемъ говорили! Бояре еще и теперь вамъ смѣются. Ну, ребята, мы днемъ потѣшали бзтюшку государя, а вамъ придется ночью тѣшить его царскую ми-

дость. Сказываютъ, хочетъ государь вашихъ сказокъ послушать!

— Дай Богъ здоровья его царской милости, подхватилъ Коршунъ, внезапно перемѣнивъ приемы, — почему не послушать! Коли до ночи не свихнемъ языковъ, можемъ скрозь до утра разказывать!

— Добро, добро, сказали сокольники, — въ другой разъ побалакаемъ съ вами. Теперь ѣдемъ кречета искать, товарища выручать. Не найдетъ Трифонъ Адрагана, быть ему безъ головы; батюшка царь не шутитъ!

Сокольники поскакали въ полѣ.

Перстень и Коршунъ опять удѣлились за Митьку и побрели по дорогѣ въ Слободу.

Не дошли они до перваго подворья, какъ увидѣли двухъ пѣсенниковъ, которые брячали на балабайкахъ и пѣли во все горао:

Какъ у нашего сосѣда,
Весела была бесѣда.

Когда разбойники съ ними поровнялись, одинъ изъ пѣсенниковъ, рыжій дѣтина съ навильнымъ перомъ на шапкѣ, нагнулся къ Перстню.

— Ужь дней пять твой князь въ тюрьмѣ! сказалъ онъ шепотомъ, продолжая перебирать лады.—Я все разузналъ, Завтра ему карачуль. Сидитъ онъ въ большой тюрьмѣ. Противъ Малютина дома. Съ котораго конца пѣтуха пускать?

— Вонъ съ того! отвѣчалъ Перстень, мигнувъ на сторону противоположную тюрьмѣ.

Рыжій пѣсенникъ щелкнулъ всѣми пальцами по животу балабайки и, отвернувшись отъ Перстня, будто и не съ нимъ говорилъ, продолжалъ тонкимъ голосомъ:

Какъ у нашего сосѣда,
Весела была бесѣда!

ГЛАВА ХІ.

Сказка.

Иванъ Васильевичъ, утомленный охотою, удалился ранѣе обыкновеннаго въ свою опочивальню.

Вскрѣ явился Малюта съ тюремными ключами.

На вопросъ царя Малюта отвѣтилъ, что новаго ничего не случилось, что Серебряный повинился въ томъ, что стоялъ за Морозова на Москвѣ, гдѣ убили семерыхъ причиниковъ и разсѣкъ Вяземскому голову.

— Но, прибавилъ Малюта,—не хочетъ онъ виниться въ умыслѣ на твое царское здравіе, и на Морозова также показывать не хочетъ. Послѣ заутрени учинимъ ему пристрастный допросъ, а коли онъ и съ пытки, и съ огня не покажетъ на Морозова, то и ждать нечего, тогда можно и покончить съ нимъ.

Іоаннъ не отвѣчалъ. Малюта хотѣлъ продолжать, но въ опочивальню вошла старая мамка Онуфревна.

— Батюшка, сказала она, — ты утромъ прилазь сюда двухъ слѣпыхъ; сказочники они, что ли; ждутъ здѣсь въ сѣняхъ.

Царь вспомнилъ свою встрѣчу и приказалъ позвать слѣпыхъ.

— Да ты ихъ, батюшка, знаешь ли? спросила Онуфревна.

— А что?

— Да полно, слѣпые ли они?

— Какъ? сказалъ Іоаннъ, и подозрѣніе мигомъ имъ овладѣло.

— Послушай меня, государь, продолжала мамка,—берегись этихъ сказочниковъ; чуется мнѣ, что они недоброе затѣяли; берегись ихъ, батюшка, послушайся меня.

— Что знаешь ты про нихъ? Говори! сказалъ Іоаннъ.

— Не спрашивай меня, батюшка. Мое знанье словами не сказывается; чуется мнѣ, что они недобрые люди, а почему чуется, не спрашивай. Даромъ я никого еще не остерегала. Кабы послушалась меня покойная матушка твоя, она, можетъ, и теперь бы здравствовала еще!

Малюта поглядѣлъ со страхомъ на мамку.

— Ты чего на меня смотришь? сказала Онуфревна.—Ты только безвинныхъ губишь, а лихаго человѣка распознать, видно, не твое дѣло. Чутья-то у тебя на это не хватитъ, рыжій песь!

— Государь, воскликнулъ Малюта,—дозволь мнѣ попытать этихъ людей. Я тотчасъ узнаю, кто они, и отъ кого подосланы!

— Не нужно, сказалъ Іоаннъ,—я ихъ самъ попытаю. Гдѣ они?

— Тутъ, батюшка, за дверью, отвѣчала Онуфрѣевна,—въ сѣняхъ стоять.

— Подай мнѣ, Малюта, кольчугу со стѣны; да ступай, будто домой, а когда войдутъ они, вернись въ сѣни, да притаись съ ратниками за этою дверью. Лечь только я кликну, вбѣгайте и хватайте ихъ. Онуфрѣевна, подай сюда посохъ.

Царь вздѣлъ кольчугу, надѣлъ поверхъ нея черный стихарь, легъ на постель и положилъ вѣдъ себя тотъ самый посохъ, или осѣнь, которымъ незадолго передъ тѣмъ пронзилъ ногу гонцу князя Курбскаго.

— Теперь пусть войдутъ! сказалъ онъ.

Малюта положилъ ключи подъ царское изголовье, и вышелъ вмѣстѣ съ мамкою. Иконныя лампы слабо освѣщали избу. Царь съ видомъ усталости лежалъ на одрѣ.

— Войдите, убогіе, сказала мамка,—царь велѣлъ!

Перстень и Коршунъ вошли, осторожно передвигая ноги, и щупая вокругъ себя руками.

Однимъ быстрымъ взглядомъ Перстень обзрѣлъ избу, и находившіеся въ ней предметы.

Налѣво отъ двери была лежанка; въ переднемъ углу стояла царская кровать; между лежанкой и кроватью было продѣлано въ стѣнѣ окно, которое никогда не затворялось ставнемъ, ибо царь любилъ, чтобы первые лучи солнца проникали въ его опочивальню. Теперь сквозь окно это смотрѣла луна, и серебряный блескъ ея игралъ на пестрыхъ изразцахъ лежанки.

— Здравствуйте, сѣдые, муромскіе калашники, вертячіе бобы! сказалъ царь, пристально, но непримѣтно вглядываясь въ черты разбойниковъ.

— Много лѣтъ здравствовать твоей царской милости! отвѣчали Перстень и Коршунъ, кланяясь земно.—Заступи, спаси и помилуй тебя Мати Божія, что жалѣешь ты насъ, скудныхъ, убогихъ людей, по земли ходящихъ, по воды бродящихъ, свѣта Божія не видающихъ! Сохрани тебя святыи Петръ и Павелъ, Іоаннъ Златоустъ, Кузьма со Демьяномъ, Хутынскіе чудотворцы, и всѣ святые угодники! Создай тебѣ Господи, о чемъ ты молишь и просишь! Вѣчно бы тебѣ въ золотѣ ходилось, вкусно ѣлось и пилось, сладко спалось! А супостатамъ твоимъ вѣчно бѣ икалось

и голодалось; каждый бы день ихъ дугою корчило, бараньи-ми рогами коробило!

— Спасибо, спасибо, убогіе! сказалъ Іоаннъ, продолжая глядываться въ разбойниковъ:—что жь вы, давно, знать, осѣпали?

— Съ молоду, батюшка государь, отвѣчалъ Перстень, клаясь и сгибая колѣни,—оба смолоду осѣпали! И не припомнимъ, когда солнышко Божіе видѣли!

— А кто же васъ научилъ пѣсни пѣть, и сказки сказывать?

— Самъ Господь, батюшка, самъ Господь сподобилъ, еще въ стародавнія времена!

— Какъ такъ? спросилъ Іоаннъ.

— Старики наши разказываютъ, отвѣчалъ Перстень,—и гуслары о томъ поютъ: въ стародавнія-то было времена, когда возносился Христось Богъ на небо, расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые, хромые, вся, значить, нищая братія: куда ты, Христось Богъ, полетаешь? На кого насъ оставляешь? Кто будетъ насъ кормить-поить? И сказалъ имъ Христось царь небесный:

„Дамъ вамъ, говоритъ, гору золотую, рѣку медвяную, сады-винограды, яблони кудравы; будете сыты да пьяны, будете обуты-одѣты! Тутъ возгворитъ Иванъ Богословъ: Ай же ты Спасъ милосердый! Не давай имъ ни горы золотыя, ни рѣки медвяныя, ни садовъ-виноградовъ, ни яблонь кудравыхъ. Не сумѣютъ они ими владѣти; найдутъ къ нимъ сильныя богатые, добро-то у нихъ отымутъ. А ты дай имъ, Христось, царь небесный, дай-ко-се имъ имя твое Христовое, дай-ко-се имъ тѣ пѣсни сладкія, сказаньица великія про стару старину, да про божьихъ людей. Пойдутъ нищіе по земли ходити, сказаньица великія говорить, всякій ихъ прибуетъ-приодѣнетъ, хлѣбомъ-солью навитаеть. И рече Христось царь небесный: Имъ пусть будетъ по твоему, Иване! Пусть же имъ будутъ пѣсни сладкія, гусли звонкія, сказанья великія; а кто ихъ напоить-накормить, отъ темныя ночи оборонить, тому я дамъ въ раю мѣсто; не заперты въ рай тому двери!“

— Амивъ! сказалъ Іоаннъ.—Какія же вы знаете сказки?

— Всякія знаемъ, батюшка царь, какія твоя милость послушать соизволить. Могу сказать тебѣ о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетивниковѣ, о семи Семіонахъ, о змиѣ

Горынищѣ, о гусяхъ-самогудахъ, о Добрынѣ Никитичѣ, объ Акулинѣ...

— Что же, перебилъ Иоаннъ, — развѣ ты одинъ сказки сказываешь? А старикъ-то зачѣмъ съ тобою пришелъ?

Перстень спохватился, что Коршунъ почти все время молчалъ, и чтобы вызвать его изъ неестественной для сказочника угрюмости, онъ вдругъ перемѣнилъ приемы и началъ говорить прибаутками.

— Старикъ-то? сказалъ онъ, наступая непримѣтно на ногу Коршуна:—это, вишь, мой товарищъ, Амелка Гудокъ; борода у него длинна да умъ коротокъ; когда я рѣчь веду скоромную, не постную, несу себѣ околесную, онъ мнѣ поддакиваетъ, потекаетъ да присвистываетъ, похваляетъ да помалчиваетъ. Такъ-ли, дядя, бѣлая борода, утиная поступь, куриныя ножки; не сбиться бы намъ съ дорожки!

— Вѣстимо такъ! подхватилъ Коршунъ, опомнясь:—ваша чара полна зелена вина, а ужъ налилъ по край, такъ пей до дна! Вотъ какъ, дядя, пѣтушиный голосокъ, кротовое око; пошли ходить, заберемъ далеко!

— Ай люли тарарахъ, пляшутъ козы на горахъ! сказалъ Перстень, переминая ногами:—козы пляшутъ, мухи памутъ, а у бабушки Евфросиньи въ лѣвомъ ухѣ звенать!..

— Ай люлишеньки люли! перебилъ Коршунъ, также переминая ногами:—ай люлишеньки люли, сидитъ ракъ на мели; не горюетъ ракъ, а свиститъ въ кулакъ; какъ прибудетъ вода, такъ пройдетъ бѣда!

— Эхъ, батюшка государь, закончилъ Перстень, съ низкимъ поклономъ,—не смотри на насъ искоса; это не сказка, а только присказка!

— Добро! сказалъ Иоаннъ, зѣвая:—люблю молодцовъ за обычай; начинайте же сказку про Добрыню, убогіе; авось я, слушая васъ, сосну!

Перстень еще разъ поклонился, откашлялся и началъ:

„Во грядищѣ княжевецкой, у Владиміра князя кіевскаго, было пированье почестный столъ, былъ пиръ про князей, бояръ и могучихъ богатырей. А и былъ день къ вечеру, а и былъ столъ во полустолѣ, и посмышалось всѣмъ за диво: затрубила труба ратная. Возгворилъ Владиміръ князь кіевскій, солнышко Святославъевичъ: гои еси вы, князья, бояре, сильны могучіе богатыри! Пошлите овро-

гдѣтъ двухъ могучихъ богатырей: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко стольному князю Владиміру?

„Зашумѣли буйны молодцы посередѣ двора; зазвенѣли мечи булатные по крутымъ бедрамъ; застучали палицы желѣзныя у красна крыльца, закидали шапки разнорядъ по поднебесью. Надѣвають могучи богатыри збрую ратную, садятся на добрыхъ коней, выѣзжаютъ во чисто поле...“

— Погоди-ка! сказалъ Іоаннъ, съ намѣреніемъ придать боѣ правдоподобія своему желанію слушать разкащика: —я эту сказку знаю. Разкажи лучше про Акундина!

— Про Акундина? сказалъ Перстень съ замѣшательствомъ, вспомнивъ, что въ той сказкѣ величается опальный Новгородъ:—про Акундина, батюшка государь, сказка то нехорошая, мужицкая; выдумали ту сказку глупые мужики новгородскіе; да я, батюшка царь, какъ будто и забылъ-то ее...

— Разказывай, слѣпой! сказалъ Іоаннъ строго:—разказывай всю, какъ есть, и не смѣй пропустить ни единого слова!

И царь внутренно усмѣхнулся трудному положенію, въ которое онъ ставилъ разкащика.

Перстень, хотя досадывалъ на себя, что самъ предложилъ эту сказку, но не зная до какой степени она уже известна Іоанну, рѣшился, очертя голову, начать свой разказъ, ничего не выкидывая.

„Какъ во старомъ было городѣ, началъ онъ, въ Новгородѣ, какъ во томъ ли во Новгородѣ, со посадской стороны, жилъ Акундинъ молодѣць, а и тотъ ли Акундинъ, молодой молодѣць, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу не торговалъ; а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волхвѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Садится онъ, Акундинъ, на суденышко ослѣщенное, кладетъ весельца кленовыя во замкѣ дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волхвѣ по рѣкѣ и прибило суденышко ко крутѣ бережку. Какъ во ту пору по крутѣ бережку идетъ калечище перехожее. Беретъ калѣчище Акундина за бѣлыя руки, ведетъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши его на высокъ курганъ, говорилъ такія рѣчи:—Погляди-ка, молодой молодѣць, на градъ Ростиславль, на Окѣ рѣкѣ, а погля-

дѣвши, повѣдай что дѣется въ городъ Ростиславль?—Какъ главуль Акундиль въ городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконные слуги молодѣ князя рязанскаго, Глѣба Олеговича, стоятъ посередѣ торга, хотятъ войной городъ отстоять, да силы не хватить. А по Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, змѣй Тугариль. Длинною-то былъ тотъ змѣй Тугариль во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать рязанскую, спиною валить круты берега, а самъ все просить стару дань. Въ ту пору калѣчище беретъ Акундина за его бѣлыя руки, молвить таково слово:—Ты гои еси, добрый молодецъ, назовись по имени по изотчеству!—На тѣ ли рѣчи спросныя говоритъ Акундиль:—Родомъ я изъ Новѣгорода, зовутъ меня Акундиль Акундинычъ.

„—Тебя-то, Акундиль Акундинычъ, я ждалъ ровно тридцать лѣтъ и три года; спознай своего дядюшку родимаго Замятню Путятича; а и вѣдь мой-то братъ, Акундиль Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка! А и вотъ тебѣ мечъ-кладенецъ твоего родимаго батюшки, Акундина Путятича!—Не домолавивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ разсаватися; и кончаяся, учалъ отповѣдь чинить:—А и гои ты еси, мое милое дѣтище, Акундиль Акундинычъ! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣгородѣ, и ты ударь челомъ ему Новугороду, и ты скажи, скажи ему Новугороду: а и дай же то, Боже, тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать! Какъ и быть ли тебѣ, Новугороду во могучествѣ, а твоимъ дѣтушкамъ во богатствѣ...“

— Довольно! перебилъ съ гнѣвомъ царь, забывая въ эту минуту, что цѣль его была только слѣдить за разкащикомъ.—Начинай другую сказку!

Перстень, какъ будто въ испугѣ, согнулъ колѣни и поклонился почти до земли.

— Какую же сказку соизволишь, батюшка государь? спросилъ овъ съ притворнымъ, а можетъ-быть, отчасти и съ настоящимъ страхомъ;—не разказать ли тебѣ о Бабѣ Ягѣ? О Чурилѣ Пленковичѣ? О Иванѣ Озерѣ? Или не велишь ли твоей милости что-нибудь божественное разказать?

Иоаннъ вспомнилъ, что овъ не долженъ запугивать слѣпыхъ, а потому еще разъ зѣвнулъ и спросилъ уже соннымъ голосомъ:

— А что же ты знаешь божественное, убогий?

— Объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ, батюшка, о Егоріи Храбромъ, объ Юсифѣ Прекрасномъ, или пожалуй о Голубиной книгѣ...

— Ну, сказалъ Іоаннъ, котораго глаза, казалось, уже смыкались, — разкажи о Голубиной книгѣ! Оно намъ, грѣшнымъ, и лучше будетъ на ночь что-нибудь божественное послушать!

Перстень вторично откатываясь, выпрямился и началъ разспѣвъ.

„Какъ изъ тучи было изъ грозныя, изъ грозныя тучи страховитыя, подымалась погода божія; во той ли во погоду божіей, выпадала съ небесъ книга Голубиная. Ко той ли, ко книгѣ Голубиной, соѣзжалось сорокъ царей и царицъ, сорокъ королевъ и королевичей, сорокъ князей со князевичамъ, сорокъ поповъ со поповичамъ, много бояръ, люду ратнаго, люду ратнаго, разнаго, мелкихъ христіанъ православныхъ. Изъ нихъ было пять царей наибольшихъ: былъ Исай царь, Василей царь, Костянтинъ царь, Володимерь царь Володимерычъ, былъ премудрый царь Давидъ Евсіевичъ.

„Какъ проговорилъ Володимерь царь: — кто изъ насъ, братцы, гораздъ въ грамотѣ? Прочелъ бы эту книгу Голубиную? Сказалъ бы намъ про божій свѣтъ: отчего началось солнце красное? Отчего начался младъ свѣтѣль мѣсяць? Отчего начались звѣзды частыя? Отчего начались зори свѣтлыя? Отчего зачались вѣтры буйныя? Отчего зачались тучи грозныя? Отчего да взялись ночи темныя? Отчего у насъ пошелъ міръ-народъ? Отчего у насъ на земли цари пошли? Отчего зачались бояры-князья? Отчего пошли крестьяне православныя?

„На то всѣ цари приумокнули. Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь, премудрый царь Давидъ Евсіевичъ: — Я вамъ, братцы, про то скажу, про эту книгу Голубиную: эта книга не малая; сорока сажень долина ея, поперечина двадцати сажень; приподнять книгу, не поднять будетъ; на руцѣхъ держать, не сдержать будетъ; по строкамъ глядѣть, всѣ не выгладѣть; по листамъ ходить, всѣ не выходить, а читать книгу — ее некому, а писалъ книгу Богословъ Иванъ, а читалъ книгу Исай пророкъ, читалъ ее по три года, прочелъ въ книгѣ только три листа; ужь мнѣ честь книгу —

не прочесть божію! Сама книга распечатывалась, сами листы разстилались, сами слова прочитались. Я скажу вамъ, государи, не выходя, скажу вамъ, братцы, не по грамотѣ, не по грамотѣ, все по памяти, про старое, про стародавнее, по старому, по писаному:

„Началось у насъ солнце красное отъ свѣтлаго лица Божія; младъ свѣтѣль мѣсяць отъ груди его; звѣзды частыя отъ очей Божіихъ; зори свѣтлыя отъ ризъ Его; буйны вѣтры-то—дыханье Божее; тучи грозныя—думы Божія; ночи темныя отъ опашня Его! Миръ-народъ у насъ отъ Адамія; отъ Адамовой головы цари пошли; отъ мощей его князи со боярами; отъ колѣвъ крестьяне православные; отъ того жъ начался и женскій полъ!

„Ему всѣ цари поклонилися:—Спасибо, свѣтъ-сударь, премудрый царь, мудрѣйшій царь, Давидъ Евсѣевичъ! Ты еще, сударь, намъ про то скажи, намъ про то скажи, скажи, ты повѣдай намъ:

„Который царь надъ царями царь? Кая земля всѣмъ землямъ мати? Которо море всѣмъ морямъ мати? Котора рѣка всѣмъ рѣкамъ мати? Кая гора всѣмъ горамъ мати? Который городъ всѣмъ городамъ мати?“

Здѣсь Перстень украдкою посмотрѣлъ на Ивана Васильевича, котораго, казалось, все болѣе клонило ко сну. Онъ время отъ времени, какъ будто съ трудомъ, открывалъ глаза и опять закрывалъ ихъ; но всякій разъ незамѣтно бросалъ на разкащика испытующій, пронизательный взглядъ.

Перстень, перемигнулся съ Коршуномъ, и продолжалъ:

„Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь, премудрый царь, Давидъ Евсѣевичъ:—Я вамъ, братцы, и про то скажу, про то скажу, вамъ повѣдаю: въ Голубиной книгѣ есть написано: у насъ Бѣлый царь будетъ надъ царями царь; онъ вѣруеть вѣру крещеную, крещеную богомольную; онъ въ матеръ Божію Богородицу и въ Троицу вѣруеть нераздѣлимую. Ему орды всѣ преклонилися, всѣ языци ему поклонилися; область его надо всей землей, надо всей землей, надъ вселенною; всѣхъ выше его рука царская, благовѣрная, благочестивая; и всѣ къ царю Бѣлому приклонятся, потому Бѣлый царь надъ царями царь! Свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати; на ней строятъ церкви апостольскія, богомольныя, соборныя. Окіянь-море всѣмъ морямъ мати;

выходила изъ него церковь соборная; что во той ли во церкви во соборная почиваютъ мощи попа римскаго, попа римскаго Климентія; обошло то море околѣ всей земли; всѣ рѣки къ морю собѣгалися, всѣ къ Окіанъ-морю приклонилися. Ердань-рѣка всѣмъ рѣкамъ мати; во славной матушкѣ во Ердань-рѣкѣ окрестился самъ Иисусъ Христосъ, самъ Иисусъ Христосъ, небесный Царь. А Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати; какъ на славныя на Фаворъ горы преобразился на ней самъ Иисусъ Христосъ, показалъ славу ученикамъ своимъ. Ерусалимъ городъ всѣмъ городамъ мати; что стоитъ тотъ городъ посреди земли, а въ томъ городѣ церковь соборная; пребываетъ во церкви Господень гробъ, почиваютъ въ немъ ризы самого Христа, ешиамы-ладоны рядомъ курятся, свѣщи горятъ неугасимыя...“

Здѣсь Перстень опять взглянулъ на Іоанна. Глаза его были закрыты, дыханіе ровное. Грозный, казалось, почивалъ.

Атаманъ тронулъ Коршуна локтемъ. Старикъ подался шага на два впередъ. Перстень продолжалъ на распѣвъ:

„Ему всѣ цари поклонилися:—Спасибо, свѣтъ-сударь, премудрый царь, Давидъ Евсеевичъ! Ты еще, сударь, намъ про то скажи: котора рыба всѣмъ рыбамъ мати? Котора птица птицамъ есть мати? Который звѣрь надъ звѣрями звѣрь? Который камень всѣмъ камнямъ отецъ? Которо древо деревьямъ всѣмъ мати? Кая трава всѣмъ травамъ мати?“

„Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь:—Я еще вамъ, братцы, про то скажу: у насъ Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати: на трехъ на Китахъ земля стоитъ; Естрафиль птица всѣмъ птицамъ мати; что живетъ та птица на синѣмъ морѣ; когда птица вострепѣнется, все синѣ море всколебается, потоплетъ корабли гостиные, побиваетъ суда поморскія; а когда Естрафиль вострепѣнется, во второмъ часу посатъ полунощи, запоютъ пѣтухи по всей земли, освѣтится въ тѣ поры вся земля...“

Перстень покосился на Іоанна. Царь лежалъ съ сомкнутыми глазами; ротъ его былъ раскрытъ какъ у спящаго. Въ то же время, какъ будто въ подтвержденіе словъ своихъ, Перстень увидѣлъ въ окно, что дворцовая церковь и крыши ближнихъ строеній освѣтились дальнимъ заревомъ.

Онъ тиховько толкнулъ Коршуна, который подался еще однимъ шагомъ ближе къ Ивану Васильевичу.

„У насъ Индра-звѣрь, (продолжалъ Перстень) надъ звѣрями звѣрь, и онъ ходитъ, звѣрь, по подземелью, яко соянышко по поднебесью; онъ копаетъ рогомъ сыру мать-землю, выкопаетъ ключи все глубокие; онъ пуцаетъ рѣвки, ручьявиночки, прочищаетъ ручьи и протоцины, даетъ людямъ питанійца, питанійца, обмыванійца. Алатырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ; на бѣломъ Алатырѣ на камени самъ Исусъ Христосъ опочивъ держалъ, царь небесный бесѣдовалъ со двенадцати со апостоламъ, утверждалъ вѣру христіанскую; утверждалъ онъ вѣру на камени, распущалъ онъ книги по всей землѣ. Кипарисъ-дерево всѣмъ деревьямъ мати; изъ того ли изъ древа кипариснаго былъ вырѣзанъ чудень-поклонокъ крестъ; на тѣмъ на крестѣ, на животворящимъ, на распятии былъ самъ Исусъ Христосъ, самъ Исусъ Христосъ, самъ небесный царь, промежу двухъ воровъ, двухъ разбойниковъ. Плакунъ-трававсѣмъ травамъ мати. Когда Христосъ Богъ на распятии былъ, тогда пла мати Божія, Богородица, ко своему сыну ко распятому; отъ очей ея слезы наземь капали, и отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыхъ, зародилася, выростала мати плакунъ-трава; изъ того плакуна, изъ корени, у насъ рѣжутъ на Руси чудны кресты, а ихъ носятъ старцы и нохи, мужіе ихъ носятъ благозвѣрные.“

Здѣсь Иванъ Васильевичъ глубоко вздохнулъ, но не открылъ очей. Зарево пожара дѣлалось ярче. Перстень сталъ опасаться, что тревога подымется прежде чѣмъ они успеютъ достать ключи. Не рѣшаясь самъ тронуться съ мѣста, чтобы царь не замѣтилъ его движенія по голосу, онъ указалъ Коршуну на пожаръ, потомъ на спящаго Іоанна, и продолжалъ:

„Ему всѣ цари поклонилися:—Спасибо, свѣтъ сударь, премудрый царь, мудрѣйшій царь Давидъ Евсѣевичъ! Ты гораздъ сказать по памяти, говоришь будто по грамоты! Тутъ возговоритъ Володимерь царь:—Ты еси, премудрый царь, Давидъ Евсѣевичъ! Ты скажи еще, ты повѣдай мнѣ: вочеся мнѣ мало спалося, мало спалося много видѣлось: кабы два звѣрья сходилися, одинъ бѣлый звѣрь, другой сѣрый звѣрь, промежду собой подиралися; кабы бѣлый звѣрь одолѣть хотеть?—Что отвѣтъ держалъ премудрый

царь, премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:—Ахъ ты гой еси, Володимерь царь, Володимерь Володимерычъ! То не два звѣря сходилися, аromeжду собой подиралися; и то было у насъ на сырой земли, на сырой земли, на святой Руси; сходилася правда со кривою; это бѣлая звѣрь — то-то правда есть, а сѣрая звѣрь — то-то кривда есть; правда кривду передавала, правда пошла къ Богу на небо, а кривда осталась на сырой землѣ; а кто станетъ жить у насъ правдою, тотъ насѣдуетъ царство небесное; а кто станетъ жить у насъ кривою, отрѣшенъ на муки на вѣчныя...“

Здѣсь послышалось легкое храпѣніе Іоанна. Коршунъ протянулъ руку къ царскому изголовью, Перстень же придвинулся ближе къ окну, но чтобы внезапнымъ молчаніемъ не прервать сна Іоаннова, онъ продолжалъ разказъ своей тѣмъ же однообразнымъ голосомъ:

„Ему всѣ цари поклонилися: спасибо, свѣтъ сударь, премудрый царь, премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ! Ты еще, сударь, намъ про то скажи: какимъ грѣхамъ прощенье есть, а какимъ грѣхамъ нѣтъ прощенія? Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь, премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ: кабы всѣмъ грѣхамъ прощенье есть, тремъ грѣхамъ тяжкое покаяніе: кто спознался съ кумою крестовыя, кто бранить отца съ матерью, кто...“

Въ это мгновеніе царь внезапно открылъ глаза. Коршунъ отдернулъ руку, но уже было поздно: взоръ его встрѣтился со взоромъ Іоанна. Нѣсколько времени оба неподвижно глядѣли другъ на друга, какъ бы взаимно скованные обязательною силой.

— Слѣпые! сказалъ вдругъ царь, быстро вскакивая;—третій грѣхъ: когда кто нарядится нищимъ и къ царю въ опочивальню войдетъ!

И онъ ударилъ острымъ посохомъ Коршуна въ грудь. Разбойникъ схватился за посохъ, закачался и упалъ навзничь.

— Гей! кричалъ царь, выдергивая остріе изъ груди Коршуна.

Опочивальники вбѣжали, гремя оружіемъ.

— Хватайте ихъ обоихъ! сказалъ Іоаннъ.

Какъ ярый песь, Малюта бросился на Перстня, но съ необычайною ловкостью атаманъ ударилъ его кулакомъ подъ ложку, вышибъ ногою оконницу и выскочилъ въ садъ.

— Оцѣните садъ! Ловите разбойника! заревѣлъ Малюта, согнувшись отъ боли и держась обѣими руками за животъ. Между тѣмъ опричники подняли Коршуна.

Иоаннъ въ черномъ стихарѣ, изъ-подъ котораго сверкала кольчуга, стоялъ съ дрожащимъ посохомъ въ рукѣ, вперивъ грозныя очи въ раненаго разбойника. Испуганные слуги держали зажженные свѣчи. Сквозь разбитое окно виденъ былъ пожаръ. Слобода приходила въ движеніе, вдали гудѣлъ набатный колоколъ.

Коршунъ стоялъ, насупивъ брови, опустивъ глаза, поддерживаемый опричниками; кровь широкими патнами пестрила его рубаху.

— Слѣпой! сказалъ царь:—говори, кто ты и что умышлялъ надо мною?

— Нечего мнѣ таить! отвѣчалъ Коршунъ.—Я хотѣлъ добыть ключи отъ твоей казны, а надъ тобой ничего не умышлялъ!

— Кто подослалъ тебя? Кто твои товарищи?

Коршунъ безстрашно взглянулъ на Иоанна.

— Надежа, православный царь! Былъ я молодецъ, пѣвалъ я пѣсню: „Не шуми мати сыра дуброва“. Въ той ли пѣсни царь спрашиваетъ у добра молодца съ кѣмъ разбой держалъ? А молодецъ говоритъ: товарищей у меня было четверо: ужь какъ первый мой товарищъ черная ночь; а второй мой товарищъ....

— Будеть! прервалъ его Малюта:—посмотримъ что ты запоешь какъ стануть тебя съ дыбовъ рвать, на козель подымать! Да, кой прахъ! продолжалъ онъ, вглядываясь въ Коршуна,—я гдѣ-то уже видалъ эту кудластую голову!

Коршунъ усмѣхнулся и отвѣсилъ поклонъ Малютѣ.

— Видѣлись мы, батюшка, Малюта Скурлатычъ, видѣлись, коли припомнишь, на Поганой Лужѣ....

— Хомякъ! перебилъ его Малюта, обернувшись къ своему стремянному:—возьми этого старика, потолкуй съ нимъ, попроси его разказать, зачѣмъ приходилъ къ его царской милости. Я сейчасъ самъ въ застѣнокъ приду!

— Пойдемъ, старина! сказалъ Хомякъ, хватя Коршуна за воротъ:—пойдемъ-ка вдвоемъ, потолкуемъ ладкомъ!

— Постой! сказалъ Иоаннъ.—Ты, Малюта, побереги этого старика; онъ не долженъ на пыткѣ кончиться. Я приду-

маю ему казнь примѣрную, еще не бывающую, неслыханную; такую казнь что самого тебя удивлю, отецъ паракаисіархъ!

— Благодари же царя, песъ! сказалъ Малуца Коршуну, толкая его:— доведется тебѣ, должно-быть, пожить еще. Мы сею ночью тебѣ только суставы повывернемъ!

И вмѣстѣ съ Хомякомъ онъ вывелъ разбойника изъ опочивальни.

Между тѣмъ Перстень, пользуясь общимъ смятеніемъ, перелѣзъ черезъ садовый частоколъ и прибѣжалъ на площадь, гдѣ находилась тюрьма. Площадь была пуста; весь народъ поваалилъ на пожаръ.

Пробираясь осторожно вдоль тюремной стѣны, Перстень споткнулся на что-то мягкое и, нагнувшись, оцупалъ убито-го человѣка.

— Атаманъ! шепнулъ, подходя къ нему, тотъ самый рыжій пѣсенникъ, который остановилъ его утромъ:— часоваго-то я зарѣзалъ! Давай проворнѣй ключи, отопремъ тюрьму да и прощай; пойду на пожаръ грабить съ ребятами! А гдѣ Коршунъ?

— Въ рукахъ царя! отвѣчалъ отрывисто Перстень.— Все пропало. Сбирай ребятъ да и тагу! Таше; это кто?

— Я! отвѣчалъ Митька, отдѣляясь отъ стѣны.

— Убирайся, дурень! Уноси ноги! Всѣ выбирайтесь изъ свободы! Сборъ у криваго дуба!

— А князь-то? спросилъ Митька протяжно.

— Дурень! Слышишь все пропало. Дѣдушку схватили, ключей не добыли!

— А вѣшто тюрьма на запорѣ?

— Какъ не на запорѣ? Кто отперъ?

— А я!

— Чтò ты, болванъ? Говори толкомъ!

— А чтò жь говорить? Прихожу, никого нѣтъ; часовой лежитъ, раскидавши ноги. Я говорю: дай, молъ, испробую, крѣпка ль дверца? Понаперъ въ нее плечикомъ, а она, какъ была, такъ съ заклевами и соскочи съ петель!

— Ай да, дурень! воскликнулъ радостно Перстень.— Вотъ правду говорятъ, дураками свѣтъ стоитъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Ахъ губошлепъ, губошлепъ ты этакій!

И Перстень, схвативъ Митьку за виски, поцѣловалъ его въ обѣ щеки, причемъ Митька протянулъ, чмокая, и свои толстыя губы, а потомъ хладнокровно утерся рукавомъ.

— Иди же за мной, такой сякой сынъ, право! А ты, балабайка, здѣсь погоди. Коли что будетъ, свисти!

Перстень вошелъ въ тюрьму. За нимъ ввалился и Митька.

За первую дверью были еще двѣ другія двери, но тѣ, какъ менѣе крѣпкія, еще легче подались отъ богатырскаго натиска Митьки.

— Князь! сказалъ Перстень, входя въ подземелье:—вставай!

Серебряный подумалъ, что пришли вести его на казнь.

— Ужели теперь утро? спросилъ онъ:—или тебѣ, Малюта, до разсвѣта не терпится?

— Я не Малюта! отвѣчалъ Перстень.—Я тотъ, кого ты отъ смерти спасъ. Вставай, князь! Время дорого. Вставай, я выведу тебя!

— Кто ты? сказалъ Серебряный: — я не знаю твоего голоса!

— И не мудрено, бояринъ; гдѣ тебѣ помнитъ меня! Только вставай, вставай! Намъ некогда мѣшкать!

Серебряный не отвѣчалъ. Онъ подумалъ что Перстень одинъ изъ Малютиныхъ палачей, и принялъ слова его за насмѣшку.

— Аль ты не вѣришь мнѣ, князь? продолжалъ атаманъ съ досадою.—Вспомни Медвѣдку, вспомни Поганую Лужу: я Ванюха Перстень!

Запылала радость въ груди Серебрянаго. Взыграло его сердце и забилось любовью къ свободѣ и къ жизни. Запестрѣли въ его мысляхъ и лѣса, и поля, и новыя славныя битвы, и явился ему, какъ солнце, свѣтлый образъ Елены.

Уже онъ вспрянулъ съ земли, уже готовъ былъ сѣдовать за Перстнемъ, какъ вдругъ вспомнилъ данную царю клятву, и кровь его отхлынула къ сердцу.

— Не могу! сказалъ онъ:—не могу идти за тобою. Я обѣщалъ царю не выходить изъ его воли и ожидать, гдѣ бы я ни былъ, суда его!

— Князь! отвѣчалъ удивленный Перстень:—мнѣ некогда толковать съ тобою. Люди мои ждутъ; каждый мигъ можетъ намъ головы стоить; завтра тебѣ казнь, теперь еще время, вставай, ступай съ нами!

— Не могу! повторилъ мрачно Серебряный: — я цѣловалъ ему крестъ на моемъ словѣ!

— Бояринъ! вскричалъ Перстень, и голосъ его измѣнился отъ гнѣва:—издѣваешься ты, что ли, надо мною? Для тебя я зажегъ Слободу, для тебя погубилъ своего лучшаго человека, для тебя можетъ-быть мы всѣ наши головы положимъ, а ты хочешь остаться? Даромъ мы сюда, что ли, пришли? Скоморохи мы тебѣ, что ли, дались? Да я бы посмотрѣлъ, кто бы сталъ глумиться надо мной! Говори въ послѣдній разъ, идешь, или нѣтъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ рѣшительно Никита Романовичъ, и легъ на сырую землю.

— Нѣтъ? повторилъ, стиснувъ зубы, Перстень:—нѣтъ? Такъ не бывать же по твоему! Митька, хватай его насильно!—И въ тотъ же мигъ атаманъ бросился на князя и замоталъ ему ротъ кушакомъ.

— Теперь не заспорить! сказалъ онъ злобно.

Митька загребъ Никиту Романовича въ охабку, и какъ малаго ребенка вынесъ изъ тюрьмы.

— Живо! Идемъ! сказалъ Перстень.

Въ одной улицѣ повались имъ опричники.

— Кого несете? спросили они.

— Слободскаго на пожарѣ бревномъ пришибло! отвѣчалъ Перстень.—Несемъ въ скудельницу!

При выходѣ изъ Слободы, ихъ остановилъ часовой. Они хотѣли пройтись мимо; часовой разинулъ ротъ крикнуть; Перстень хватилъ его кистенемъ, и онъ свалился не пикнувъ.

Разбойники вынесли князя изъ Слободы безъ дальнѣйшаго препятствія.

ГЛАВА XXII.

Монастырь.

Мы оставили Максима ненастной ночью, на выѣздѣ изъ Александровой слободы. Косматый Буявъ даялъ и прыгалъ вокругъ него и радовался, что удалось ему сорваться съ цѣпи.

Максимъ, покидая родительскій домъ, не успѣлъ опредѣлить себѣ никакой цѣли. Онъ хотѣлъ только оторваться

отъ ненавистной жизни царскихъ любимцевъ, отъ ихъ несчастиваго веселья и ежедневныхъ казней. Оставя за собою страшную Слободу, Максимъ вѣтрился своей судьбѣ. Сначала онъ торопилъ коня, чтобы не догадали его отцовскіе холопы, еслибы вздумалось Малютѣ послать за нимъ погоню. Но вскорѣ онъ повернулъ на проселочную дорогу и поѣхалъ шагомъ.

Къ утру гроза утихла. На востокъ заалѣло, и Максимъ яснѣе сталъ различать предметы. По сторонамъ дороги росли кудрявые дубы; промежь нихъ видѣлись кусты орѣшника. Было свѣжо; дождевыя капли бѣжали съ деревьевъ и лѣтливо хлопали по широкимъ листьямъ. Вскорѣ мелкія птички запорхали и защебетали въ зелени; дятель застучалъ въ сухое дерево, и вершины дубовъ озолотились восходящимъ солнцемъ. Природа оживлялась все болѣе; конь ступалъ бодрѣе. Раскинулась передъ Максимомъ родная Русь; весело могъ бы онъ дышать въ ея вольномъ пространствѣ; но грусть легла ему на сердце, широкая русская грусть. Задумался онъ о покинутой матери, о своемъ одиночествѣ, обо многомъ, въ чемъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета; задумался и затянулъ, въ раздумьѣ, протяжную пѣсню...

Чудны задумевныя русскія пѣсни! Слова бываютъ ничтожны; они лишь предлогъ; не словами, а только звуками выражаются глубокія, необъятныя чувства.

Такъ, глядя на зелень, на небо, на весь Божій міръ, Максимъ пѣлъ о горемычной своей долѣ, о золотой волюшкѣ, о матери сырой дубровѣ. Онъ приказывалъ коню нести себя въ чужедальнюю сторону что безъ вѣтру сушить, безъ морозу знобить. Онъ поручалъ вѣтру отдать поклонъ матери. Онъ начиналъ съ перваго предмета попадавшагося на глаза, и высказывалъ все что приходило ему на умъ; но голосъ говорилъ болѣе словъ, и еслибы кто услышалъ эту пѣсню, запала бѣ она тому въ душу, и часто, въ минуту грусти, приходила бы на память...

Наконецъ, когда тоска стала глубже забирать Максима, онъ подобралъ поводья, поправилъ шапку, свистнулъ, крикнулъ и полетѣлъ во всю конскую прыть.

Вскорѣ забѣжали передъ нимъ стѣны монастыря.

Обитель была расположена по скату горы поросшей

дубами. Золотыя главы и узорные кресты вырѣзывались на зелени дубовъ и на синевѣ неба.

На встрѣчу Максиму попался отрядъ монастырскихъ служекъ въ шшакахъ и кольчугахъ. Они ѣхали шагомъ и пѣли псаломъ: „Возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя.“ Услыша священныя слова, Максимъ остановилъ коня, снялъ шапку и перекрестился.

Небольшая рѣчка протекала подъ горою. Нѣсколько мельницъ вертѣли на ней свои колеса. На берегу паслись коровы пестрыми кучами.

Все вокругъ монастыря дышало такою тишиною, что вооруженный обѣздъ казался излишнимъ. Даже птицы на дубахъ щебетали какъ будто въ полголоса, вѣтеръ не шелестѣлъ въ листьяхъ, и только кузнечики, притаившись въ травѣ, трещали безъ умолку. Трудно было подумать, чтобы недобрые люди могли возмутить это спокойствіе.

„Вотъ гдѣ отдохну я! подумалъ Максимъ.— За этими стѣнами проведу нѣсколько дней, пока отецъ перестанетъ искать меня. Я на исповѣди открою настоятелю свою душу, авось онъ дастъ мнѣ на время убѣжище.“

Максимъ не ошибся. Престарѣлый игумень, съ длинною сѣдою бородой, съ кроткимъ взглядомъ, въ которомъ было совершенное невѣдѣніе дѣлъ мірскихъ, принялъ его ласково. Двое служекъ взяли подъ уздцы усталаго коня. Третій вынесъ хлѣба и молока для Буяна; всѣ радушно хлопотали около Максима. Игумень предложилъ ему отобѣдать, но Максимъ захотѣлъ прежде всего исповѣдаться.

Старикъ взглянулъ на него испытующимъ взоромъ, но сколько позволяли его добродушные глаза, и, не говоря ни слова, повелъ его черезъ обширный дворъ къ низкой, одноглавой церкви. Они шли мимо могильныхъ крестовъ и длиннаго ряда келій, обсаженныхъ цвѣтами. Попадавшіеся имъ навстрѣчу братія кланялись молча. Надгробныя плиты звенѣли отъ шаговъ Максима; высокая трава пробивалась между плитами и закрывала вполонину надписи, полныя смиренія; все напоминало о бренности жизни, все вызывало на молитву и созерцаніе. Церковь, къ которой игумень велъ Максима, стояла среди древнихъ дубовъ, а столѣтнія вѣтви ихъ почти совсѣмъ закрывали узкія, продольныя окна, пропускавшія свѣтъ сквозь пыльную сяду, вставленную въ мелкія свинцовыя оконницы. Когда

они вошли, ихъ обдало прохладой и темнотою. Лишь сквозь одно окно, межѣ другихъ заслоненное зеленью, косые столбы свѣта падали на стѣнное изображеніе Страшнаго Суда. Остальныя части церкви казались отъ этого еще мрачнѣе; но кое-гдѣ отсвѣчивали яркимъ блескомъ серебряныя яблочки паникадилъ, вѣнцы на образахъ, да шитые серебромъ кресты, тропари и кондаки на черномъ бархатѣ, покрывающемъ гробницы князей Воротынскихъ, основателей монастыря. Позолота на прорѣзныхъ травахъ иконостаса походила мѣстами на уголья, тлѣющіе полъ золою и готовые вспыхнуть. Пахло сыростью и ладномъ. Мало-по-малу глазъ Максима сталъ привыкать къ полумраку и различать другія подробности храма: надъ царскими дверьми виденъ былъ Спаситель въ силахъ, съ херувимами и серафимами, а надъ нимъ шестнадцать владычныхъ праздниковъ. Большой мѣстный образъ Іоанна Предтечи представлялъ его крылатымъ и держащимъ на блюдѣ отсѣченную главу свою. На боковыхъ дверяхъ были написаны грубо и неискусно притча с блудномъ сынѣмъ, преніе смерти и живота, да исходъ души праведнаго и грѣшнаго. Мрачныя эти картины глубоко подѣйствовали на Максима; всѣ понятія о смиреніи духа, о безусловной покорности родительской власти, всѣ мысли, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, оживились въ немъ снова. Онъ усумнился, правъ ли былъ, что уѣхалъ отъ отца противъ его воли? Но совѣсть отвѣчала ему, что онъ правъ; а между тѣмъ она не была спокойна. Картина Страшнаго Суда потрясала его воображеніе. Когда тѣнь дубовыхъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ снаружи окна, трепетала на стѣнѣ подвижною свѣткой, ему казалось, что грѣшники и діаволы, писанные въ человѣческой ростъ, дышать и движутся...

Благоговѣнный ужасъ проникъ его сердце. Онъ палъ ницъ передъ игуменомъ.

— Отецъ мой, сказалъ онъ, — должно-быть, я великій грѣшникъ!

— Молись, отвѣчалъ кротко старикъ, — велико милосердіе Божее; много поможетъ тебѣ раскаяніе, сынъ мой!

Максимъ собрался съ силами.

— Тяжело мое преступленіе, началъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Отецъ мой, саушай! Страшно мнѣ вымолвить:

оскудѣла моя любовь къ царю, сердце мое отъ него отвратилось!

Игуменъ съ удивленіемъ взглянулъ на Максима.

— Не отвергай меня, отецъ мой! продолжалъ Максимъ:— выслушай меня! Долго боролся я самъ съ собою, долго молился предъ святыми иконами. Искалъ я въ своемъ сердцѣ любви къ царю, и не обрѣлъ ея!

— Сынъ мой, сказалъ игуменъ, глядя съ участіемъ на Максима, — должно-быть, сатанинское навожденіе помрачило твой разумъ; ты клеветешь на себя. Того быть не можетъ, чтобы ты возненавидѣлъ царя. Много тяжкихъ преступниковъ исповѣдывалъ я въ этомъ храмѣ: были церковные тати, и смертные убойцы, а не бывало такого, кто повинился бы въ нелюбви къ государю!

Максимъ поблѣднѣлъ.

— Стало я преступивъ церковнаго тата и смертнаго убойца! воскликнулъ онъ. — Отецъ мой, что мнѣ дѣлать? Научи, вразуми меня, душа моя дѣлится на двое!

Старикъ смотрѣлъ на исповѣдника и все болѣе дивился.

Правильное лицо Максима не являло ни одной порочной или преступной черты. То было скромное лицо, полное добродушія и отваги, одно изъ тѣхъ русскихъ лицъ, которыя еще нынѣ встрѣчаются между Москвой и Волгой, въ странахъ отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ, куда не проникло городское вліяніе.

— Сынъ мой, продолжалъ игуменъ,— я тебѣ не вѣрю; ты клеветешь на себя. Не вѣрю, чтобы сердце твое отвратилось отъ царя. Этого быть не можетъ. Подумай самъ: царь намъ болѣе чѣмъ отецъ, а пятая заповѣдь велитъ чтить отца. Скажи мнѣ, сынъ мой, вѣдь ты слѣдуешь заповѣди?

Максимъ молчалъ.

— Сынъ мой, ты чтить отца своего?

— Нѣтъ! произнесъ Максимъ едва внятно.

— Нѣтъ? повторилъ игуменъ, и отступивъ назадъ, осѣялся крестнымъ знаменіемъ.

— Ты не любишь царя? Ты не чтить отца? Кто же ты таковъ?

— Я... сказалъ молодой опричникъ,— я Максимъ Скуратовъ, сынъ Скуратова-Бѣльскаго!

— Сынъ Маляты!

— Да! сказалъ Максимъ, и зарыдалъ.

Игумень не отвѣчалъ. Онъ горестно стоялъ передъ Максимомъ. Неподвижно смотрѣли на нихъ мрачныя лики угольниковъ. Грѣшники на картинѣ Страшнаго Суда жалобно подымали руки къ небу, но все молчало. Спокойствіе церкви прерывали одни рыданія Максима, щебетанье ласточекъ подъ сводами, да изрѣдка полугромкое слово среди тихой молитвы, которую читалъ про себя игумень.

— Сынъ мой, сказалъ наконецъ старикъ,—повѣдай мнѣ все по ряду, ничего не утай отъ меня; какъ вошла въ тебя нелюбовь къ государю?

Максимъ разказалъ о жизни своей въ Слободѣ, о послѣднемъ разговорѣ съ отцомъ и о ночномъ своемъ отъѣздѣ.

Онъ говорилъ медленно, съ разстановкой, и часто собирался съ мыслями, дабы ничего не забыть и ничего не утаить отъ духовнаго отца своего.

Окончивъ разказъ, онъ опустилъ глаза и долго не смѣлъ взглянуть на игумена, ожидая своего приговора.

— Все ли ты повѣдалъ мнѣ? сказалъ игумень;—не тяготитъ ли еще что-нибудь душу твою? Не помыслилъ ли ты чего на царя? Не задумалъ ли чего надъ святою Русью?

Глаза Максима заблестали.

— Отецъ мой, скорѣй дамъ отсѣчь себѣ голову чѣмъ допущу ее замыслить что-нибудь противъ родины! Грѣшненья въ нелюбви къ государю, но не грѣшненья въ измѣнѣ!

Игумень накрылъ его эпитрахилью.

— Очищается рабъ Божій Максимъ! сказалъ онъ:—отпускаются ему грѣхи его вольные и невольные!

Тихая радость проникла въ душу Максима.

— Сынъ мой, сказалъ игумень, — твоя исповѣдь тебя очистила. Святая церковь не поставяетъ тебѣ въ вину, что ты бросилъ Слободу. Бѣжать отъ соблазна волею и долженъ всякій. Но бойся прельститься на лесть врага рода человѣческаго. Бойся примѣра Курбскаго, который изъ высокаго русскаго боярина учинился нынѣ сосудъ дьяволу!

— Премудостивый Богъ, продолжалъ со вздохомъ старикъ,—за великіе грѣхи наши, попустилъ нынѣ быть времени трудному. Не намъ суемудріемъ человѣческимъ судить о Его неисповѣдимомъ промыслѣ. Когда Господь наводитъ на насъ глады и тѣлесныя скорби, что намъ остается,

как не молиться и покоряться Его святой воле? Такъ и теперь: настала надъ нами царь не милостивый, грозный. Не вѣдаемъ, за что онъ насъ казнить и губить; вѣдаемъ только, что онъ наславъ отъ Бога и держимъ поклонную голову не предъ Иваномъ Васильевичемъ, а предъ волею Пославшаго его. Вспомнимъ пророческое слово: „Аще кая земля оправдится передъ Богомъ, поставляетъ имъ царя и судью праведна и всякое подаетъ благодѣяніе; аще же которая земля прегрѣшитъ предъ Богомъ, и поставляетъ царя и судей не праведна, и наводитъ на тою землю вся злая!“ Останься у насъ, сынъ мой; поживи съ нами. Когда придетъ тебѣ пора ѣхать, я вмѣстѣ съ братією буду молиться, дабы, гдѣ ты ни пойдешь, Богъ вездѣ исправилъ путь твой! А теперь, продолжалъ добродушно игумень, снимая съ себя эпитрахиль,—теперь пойдѣмъ къ трапезѣ. Послѣ духовной пищи, не отвергнемъ тѣлесной. Есть у насъ изрядныя щуки, есть и караси; отвѣдай нашего творогу, выпей съ нами меду черемховаго во здравіе государя и высокопреосвященнаго митрополита!

И въ дружескомъ разговорѣ старикъ повелъ Максима къ трапезѣ.

ГЛАВА XXIII.

Дорога.

Тихо и однообразно протекала монастырская жизнь.

Въ свободное время монахи собирали травы и составляли цѣлебныя зелья. Другіе занимались живописью, вырѣзывали изъ кипариса кресты иль иконы, красили и золотили деревянныя чаши.

Максимъ полюбилъ добрыхъ инокъ. Онъ не замѣчалъ какъ текло время. Но прошла недѣля, и онъ рѣшился ѣхать. Еще въ Слободѣ слышалъ Максимъ о новыхъ набѣгахъ Татаръ на рязанскія земли, и давно уже хотѣлъ, вмѣстѣ съ Рязанцами, испытать надъ врагами ратной удачи. Когда онъ повѣдалъ о томъ игумену, старикъ опечалился.

— Куда, тебѣ ѣхать, сынъ мой? сказалъ онъ.—Мы всѣ

тебя любимъ, всѣ къ тебѣ привыкли. Кто знаетъ, можетъ, и тебя посѣтитъ благодать Божія, и ты навсегда останешься съ нами! Послушай, Максимъ, не уѣзжай отъ насъ!

— Не могу, отецъ мой! Давно уже судьба зоветъ меня въ дальнюю сторону. Давно слышу звонъ татарскаго лука, а иной разъ, какъ задумаюсь, то будто стрѣла просвиститъ надъ ушами. На этотъ звонъ, на этотъ свистъ, меня тянетъ и манитъ!

И не сталъ игумень долѣе удерживать Максима, отслужилъ ему напутный молебенъ, благословилъ его, и грустно простилась съ нимъ братія.

И снова очутился Максимъ на конѣ, среди зеленаго лѣса. Какъ прежде, Буянь прыгалъ вокругъ кона и весело смотрѣлъ на Максима. Вдругъ онъ замаялъ и побѣжалъ впередъ. Максимъ уже схватился за саблю, въ ожиданіи недоброй встрѣчи, какъ изъ-за поворота показался всадникъ въ желтомъ кафтанѣ съ чернымъ двоеглавымъ орломъ на груди.

Всадникъ вѣхалъ рысью, весело посвистывалъ и держалъ на пестрой рукавицѣ бѣлаго кречета въ клубочкѣ и колокольцахъ.

Максимъ узналъ одного изъ царскихъ сокольниковъ.

— Трифонъ! вскричалъ онъ.

— Максимъ Григорьичъ! отвѣчалъ весело сокольникъ:— добраго здоровья! Какъ твоя милость здравствуетъ? Такъ вотъ гдѣ ты, Максимъ Григорьичъ! А мы въ Слободѣ думали, что ты и не вѣсть куда пропалъ! Ну жь какъ батюшка-то твой осерчалъ! Упаси Господи! Смотрѣть было страшно! Да еще многое разказываютъ про твоего батюшку, про царевича, да про князя Серебрянаго. Не знаешь чему и вѣрить. Ну, слава Богу, добро, что ты сыскался. Максимъ Григорьичъ! Обрадуется же твоя матушка!

Максимъ досадовалъ на встрѣчу съ сокольникомъ. Но Трифонъ былъ добрый малый и при случаѣ умѣлъ молчать. Максимъ спросилъ его, давно ли онъ изъ Слободы?

— Да уже будетъ съ недѣлю, какъ Адраганъ съ поля улетѣлъ! отвѣчалъ сокольникъ, показывая своего кречета.— Да вѣдь ты, пожалуй, и не знаешь, Максимъ Григорьичъ! Ну ужъ набрался я было страху, какъ царь на меня раскручинился! Да сжалился надо мной милосердый Богъ и святой мученикъ Трифонъ! Проявилъ надо мною свое чудо!

Сокольникъ снялъ шапку и перекрестился.

— Вишь, Максимъ Григорьичъ; выѣхалъ государь, будетъ тому съ недѣлю, на птичью потѣху. Напускалъ Адрагана раза два, какъ на бѣду третій-то разъ дурь наша на Адрагана. Сталъ онъ бить соколовъ, сбилъ Смышляя и Кружка, да и давай тягу! Не успѣлъ бы ты десяти просчитать, какъ онъ у тебя и съ глазъ долой. Я было скакать за нимъ, да куды! Пропалъ, будто и не бывало. Вотъ доложилъ сокольниковъ царю, что пропалъ Адраганъ. Царь велѣлъ меня позвать, да и говорить, что ты-де, Тришка, мнѣ головой за него отвѣчаешь; доставешь — пожалую тебя, не доставешь — голову долой! Какъ быть! Батюшка царь вѣдь не шутить! Поѣхалъ я искать Адрагана; шесть дней промучился; стало мнѣ ужъ вокругъ шеи не ловко; думаю, придется проститься съ головой. Сталъ я плакать; плакалъ, плакалъ, да съ горя и заснулъ въ лѣсу. Лишь только заснулъ, явилось мнѣ сонному видѣніе: сіяніе разлилось межъ деревьевъ, и звонъ пошелъ по лѣсу. И слыша тотъ звонъ, я, сонный, самъ себѣ говорю: то звонятъ Адрагановы колокольцы. Гляжу, передо мной сидитъ на бѣломъ конѣ, весь облитый свѣтомъ, молодой ратникъ и держитъ на рукѣ Адрагана.—Трифоне! сказалъ ратникъ:—не здѣсь ищи Адрагана. Встань, ступай къ Москвѣ, къ Лазареву урочищу. Тамъ стоитъ сосна, на той соснѣ сидитъ Адраганъ. Проснулся я, и самъ не знаю съ чего, стало мнѣ понятно, что ратникъ былъ святой мученикъ Трифонъ. Вскочилъ я на коня и поскакалъ къ Москвѣ. Чтѣ жъ, Максимъ Григорьичъ, повѣришь ли? какъ пріѣхалъ на то урочище, вижу: въ самомъ дѣлѣ сосна, и на ней сидитъ мой Адраганъ, точь-въ-точь какъ говорилъ святой!

Голосъ сокольника дрожалъ, и крупныя слезы катились изъ глазъ его.

— Максимъ Григорьичъ! прибавилъ онъ, утирая слезы:—теперь хоть всѣ животы свои продамъ безъ остатку, хоть самъ въ вѣковѣчную кабалу пойду, а построю часовню святому угоднику! На томъ самомъ мѣстѣ построю, гдѣ нашелъ Адрагана. И образъ велю на стѣнѣ написать точь-въ-точь какъ явился мнѣ святой: на бѣломъ конѣ, высоко поднявъ руку, а на ней бѣлый кречетъ. Заповѣдую и дѣтямъ и внукамъ славить его, служить ему молебны и ставить писанья свѣчи, что не захотѣлъ онъ моей гибели,

спасъ отъ плахи раба своего! Вишь, продолжалъ сокольникъ, глядя на кречета:—вотъ онъ, Адраганъ, цѣль-цѣлехонекъ! Дай-ка я сниму съ тебя клобучокъ! Чего кричишь? Небось, полетать хочется! Нѣтъ, братъ, погоди! Довольно налетался, не пущу!

И Трифонъ дразнилъ кречета пальцемъ.

— Вишь злобный какой! Такъ и хватаетъ! А кричитъ-то какъ! Я чай за версту слышно!

Разказъ сокольника запалъ въ душу Максима,

— Возьми жь и мое приношеніе! сказалъ онъ, бросая горсть золотыхъ въ шапку Трифона.—Вотъ всѣ мои деньги; онъ мнѣ не нужны, а тебѣ еще много придется собирать на часовню.

— Да наградишь тебя Богъ, Максимъ Григорьичъ! Съ твоими деньгами ужь не часовню, а цѣлую церковь выстрою! Какъ приду домой, въ Слободу, отслужу молебень и выну просвиру во здравіе твое! Вѣчно буду твоимъ холопомъ, Максимъ Григорьичъ! Что хочешь приказывай!

— Слушай, Трифонъ. Сослужи мнѣ службу нетрудную: какъ пріѣдешь въ Слободу, никому не заикнись, что меня встрѣтилъ; а дня черезъ три ступай къ матушкѣ, скажи ей, да только ей одной, чтобы никто не слышалъ, скажи, что сынъ-де твой, далъ Богъ, здоровъ, бьетъ тебѣ челомъ.

— Только-то, Максимъ Григорьичъ?

— Еще, слушай, Трифонъ, я ѣду въ далекій путь. Можетъ, не скоро вернусь. Такъ, коли тебѣ не въ трудъ, навѣдывайся отъ поры до поры къ матери, да говори ей каждый разъ: я-де, говори, слышалъ отъ людей, что сынъ твой, помощію Божіей здоровъ, а ты-де о немъ не кручинься! А будетъ матушка спросить: отъ какихъ людей слышалъ? и ты ей говори: слышалъ-де отъ московскихъ людей, а имъ-де другіе люди сказывали, а какіе люди, того не говори, чтобъ и концовъ не нашли, а только бы видѣла матушка, что я здравствую.

— Такъ ты, Максимъ Григорьичъ, и вправду не вернешься въ Слободу?

— Вернусь ли, нѣтъ ли, про то Богъ знаетъ; ты же никому не сказывай, что меня встрѣтилъ.

— Ужь положишься на меня, Максимъ Григорьичъ, не скажу никому! Только коли ты ѣдешь въ дальній путь, такъ я не возьму твоихъ денегъ. Меня Богъ накажетъ.

— Да на что мнѣ деньги? Мы не въ басурманской землѣ?

— Воля твоя, Максимъ Григорычъ, а мнѣ взять не можно. Добро бы ты ѣхалъ домой. А то, что жь я тебя оберу на дорогѣ, какъ станшникъ какой! Воля твоя, хотъ зарѣжь, не возьму!

Максимъ пожалъ плечами и вынулъ изъ шапки Трифона вѣсколько золотыхъ.

— Коли ты не берешь, сказалъ онъ,—авось кто другой возьметъ, а мнѣ ихъ не надо.

Онъ простился съ сокольникомъ и поѣхалъ далѣе.

Уже солнце начинало заходить. Длинные тѣни деревъ становились длиннѣе и застилали поляны. Подлѣ Максима ѣхала его собственная тѣнь, словно темный великанъ. Она, то бѣжала по травѣ, то, когда лѣсъ спиралью дорогу, всползала на кусты и деревья. Буянь казался на тѣни огромнымъ баснословнымъ звѣремъ. Мало-по-малу и Буянь, и конь, и Максимъ, исчезли и съ травы и съ деревъ; наступили сумерки; кое-гдѣ заблѣлѣ туманъ; вечерніе жуки поднялись съ земли и, жужжа, стали чертить воздухъ. Мѣсяцъ показался изъ-за лѣсу; тамъ и сямъ по темнѣющему небу зажглись звѣзды; вдали засеребрилось необозримое поле.

Родина ты моя, родина! Случалось и мнѣ, въ позднюю пору, проѣзжать по твоимъ пустынямъ! Ровно ступалъ конь, отдыхая отъ сѣвней и дневнаго жару; теплый вѣтеръ разносилъ запахъ цвѣтовъ и свѣжаго сѣна, и такъ было мнѣ сладко, и такъ было мнѣ грустно, и такъ думалось о прошедшемъ, и такъ мечталось о будущемъ. Хорошо, хорошо ѣхать вечеромъ по безлюднымъ мѣстамъ, то лѣсомъ, то кивами, бросить поводья и задуматься, глядя на звѣзды!

Уже съ доброй часъ ѣхалъ Максимъ, какъ вдругъ Буянь воднялъ морду на вѣтеръ и замахалъ хвостомъ. Послышался запахъ дыма. Максимъ вспомнилъ о ночлегѣ и поинудилъ коня. Вскорѣ увидѣлъ онъ покачнувшуюся на сторону избу. Трубы на ней не было; дымъ выходилъ прямо изъ крыши. Въ низенькомъ окнѣ свѣтился огонь. Внутри слышался однообразный напѣвъ. Максимъ подъѣхалъ къ окну. Онъ увидѣлъ всю внутренность бѣднаго хозяйства. Плающая лучина освѣщала домашнюю утварь; все было дражно и ветхо. Въ потолочинѣ торчалъ, на искось, гиб-

кѣи шесть, и на концѣ его висѣла люлька. Женщина дѣтъ тридцати, блѣдная, хворая, качала люльку и потихоньку пѣла. Подѣвъ нея сидѣлъ, согнувшись, мужичокъ, съ рѣденькою бородкой, и плелъ лапти. Двое дѣтей ползали у ногъ ихъ.

Максиму показалось, что женщина въ пѣснѣ поминаетъ его отца. Сначала онъ подумалъ, что ослышался, но вскорѣ ясно поразило его имя Малюты Скуратова. Полный удивленія, онъ сталъ прислушиваться.

— Спи, усни, мое дитятко! пѣла женщина.

• Спи, усни, мое дитятко,
Покуай гроза пройдетъ,
Покуай бѣда минетъ!
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко!
Скоро минетъ бѣда каюсая,
Скоро царь велитъ отсѣчь голову
Заому поу Малютѣ Скуратову!
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко!

Вся кровь Максима бросилась ему въ лицо. Онъ слезъ съ коня и привязалъ его къ плетню.

Голосъ продолжалъ:

Какъ и онъ ли, злой пѣсъ Малюта,
Задумалъ сятаго старца,
Сятаго старца Филиппа!
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко!

Максимъ не выдержалъ и толкнулъ дверь ногою.

При видѣ богатой одежды и золотой сабли опричника, хозяева робѣли.

— Кто вы? спросилъ Максимъ.

— Батюшка! отвѣчалъ мужичокъ, кланяясь и заикаясь отъ страха:—меня-то, не взыщи, меня зовутъ Федотомъ, а хозяйку-то, не взыщи, батюшка, хозяйку зовутъ Марьею!

— Чѣмъ вы живете, добрые люди?

— Лыки деремъ, родимый, лапти плетемъ, да рѣшета дѣлаемъ. Купцы проѣдутъ и купятъ.

— А звать мало проѣзжаютъ?

— Малость, батюшка, совсѣмъ малость! Иной разъ придетъ, и вѣсть нечего. Того и смотри, съ голоду, ааи съ

заготы помреть. А лошади-то вѣтъ у насъ товаръ въ городъ отвезти. Другой годъ воаки съѣли.

Максимъ поглядѣлъ съ участіемъ на мужичка и его хозяйку и высыпалъ свои червонцы на столъ.

— Богъ съ вами, бѣдные люди! сказалъ онъ, и схватился за дверь чтобы выйти.

Хозяева повалились ему въ ноги.

— Батюшка, родимый, кто ты? Повѣдай намъ кто ты? За кого намъ Богу молиться?

— Молитесь не за меня, за Малуту Скуратова. Да скажите, далеко ль до рязанской дороги?

— Да это она и есть, соколъ ты нашъ, она-то и есть, рязанская-то. Мы на самомъ крестѣ живемъ. Вотъ прямо пойдетъ муромская, а налево владимірская, а сюда вправо на Рязань! Да не ѣзди теперь, родимый ты нашъ, не ѣзди теперь, не такая пора; больно стали шалить на дорогѣ. Вотъ вчера цѣлый обозъ съ виномъ ограбили. А теперь еще, говорятъ, Татары опять проявились. Перемочуй у насъ, батюшка ты нашъ, отецъ ты нашъ, соколъ ты нашъ, сохрани Богъ, долго ль до бѣды!

Но Максиму не хотѣлось остаться въ избѣ, гдѣ недавно еще проклинали отца его. Онъ уѣхалъ искать другаго ночлега.

— Батюшка, кричали ему вслѣдъ хозяева, — вернись, родимый, послушай нашего слова! Не одобровать тебѣ ночью на этой дорогѣ!

Но Максимъ не послушался и поѣхалъ далѣе.

Не много верстъ проѣхалъ онъ, какъ вдругъ Буянь бросился къ темному кусту, и сталъ лаять такъ зло, такъ упорно, какъ будто чуялъ скрытаго врага.

Тщетно отсвистывалъ его Максимъ. Буянь бросался на кустъ, возвращался весь ошестивенный, и снова рвался впередъ.

Наскучивъ отзывать его, Максимъ выхватилъ саблю и поскакалъ прямо на кустъ. Нѣсколько человекъ съ поднятыми дубинами выскочили къ нему на встрѣчу и грубый голосъ крикнулъ:

— Долой съ коня!

— Вотъ тебѣ! сказалъ Максимъ отвѣщая ударъ тому, который былъ ближе.

Разбойникъ зашатался.

— Это тебѣ не въ почетъ! продолжалъ Максимъ и хотѣлъ отвѣсить ему второй ударъ; но сабля встрѣтила плашмя дубину другого разбойника и разлетѣлась на полы.

— Эге, посмотри-ка на его збрую! Да это опричникъ! Хватай его живьемъ! закричалъ грубый голосъ.

— И впрямь опричникъ! завизжалъ другой:— вотъ потѣшимся надъ нимъ съ ребятами!

— Айда, Хлопко! ужь ты и радъ тѣшиться!

И въ тотъ же мигъ всѣ вмѣстѣ навалились на Максима, и стащили его съ коня.

ГЛАВА XXIV.

Бунтъ станичниковъ.

Версты подторы отъ мѣста, гдѣ совершилось нападеніе на Максима, толпы вооруженныхъ людей сидѣли вокругъ вивныхъ бочекъ съ выбитыми днами. Чарки и берестовыя черпала ходили изъ рукъ въ руки. Плающіе костры освѣщали рѣзкія черты, включенныя бороды и разнообразныя одежды. Были тутъ знакомы намъ лица: и Андрюшка, и Васюка, рыжій пѣсенникъ; но не было стараго Коршуна. Часто поминали его разбойники, хлѣбая изъ черпалъ и осушая чарки.

— Эхъ, говорилъ одинъ,— что-то съ нашимъ дѣдушкой теперь!

— Вѣстимо что! отвѣчалъ другой:— рвутъ его съ дыбовъ, а можетъ на вискъ потряхиваютъ!

— А вѣдь не выдастъ старый чортъ; а чай словечка не выровитъ!

— Вѣстимо не выровитъ, не таковскій; этого хоть на ключа разорви, не выдастъ!

— А жаль сѣдой бороды! Ну да и атаманъ-то хорошъ! Самъ, небось, цѣлъ, а старика-то выдалъ!

— Да что онъ за атаманъ! Развѣ это атаманъ, чтобы своихъ даромъ губить изъ-за какого-то князя!

— Да вишь-ты, они съ княземъ-то въ дружбѣ. И теперь, вишь, въ одномъ куренѣ сидятъ. Ты про князя не говори, не равно атаманъ услышитъ, сохрани Богъ!

— А что жь, коль услышитъ! Я ему въ глаза скажу, что онъ не атаманъ. Вотъ Коршунъ, такъ настоящій атаманъ! Небось былъ у Перстня какъ бѣльмо на глазу, такъ вотъ его нарочно и выдалъ!

— А что, ребята, вѣдь можетъ и въ самомъ дѣлѣ онъ нарочно выдалъ Коршуна!

Глухой ропотъ пробѣжалъ межъ разбойниковъ.

— Нарочно, нарочно выдалъ! сказали многіе.

— Да что это за князь? спросилъ одинъ. Зачѣмъ его держутъ? Выкупа за него ждетъ атаманъ, что ли?

— Нѣтъ, не выкупа! отвѣчалъ рыжій пѣсенникъ.— Князя, вишь, царь обидѣлъ, хотѣлъ казнить его; такъ князь-то отъ царя и ушелъ къ намъ; говоритъ: я васъ, ребятаушки, самъ на Слободу поведу; мнѣ, говоритъ, вѣдомо, гдѣ казна лежитъ. Всѣхъ, говоритъ, опричниковъ перерѣжемъ, а казною подѣлимся!

— Вотъ какъ! Такъ что жь онъ не ведетъ насъ? Ужь третьи сутки здѣсь даромъ стоимъ!

— Оттого не ведетъ, что атаманъ у насъ баба!

— Нѣтъ, этого не говори, Перстень не баба!

— А коли не баба, такъ и хуже того. Стало онъ насъ морочить!

— Стало, сказалъ кто-то,—онъ хочетъ царскую казну на себя одного взять, а намъ чтобъ и поюхать не досталось!

— Да, да, Перстень продать насъ хочетъ, какъ Коршуна продалъ!

— Да не на таковскихъ напалъ!

— А старика-то выручить не хочетъ!

— Да что онъ намъ! Мы и безъ него дѣдушку выручимъ!

— И безъ него казну возьмемъ; пусть князь одинъ ведетъ насъ!

— Теперь то и самая пора: царь, слышно, на богомолицы; въ Слободѣ и половины опричниковъ не осталось!

— Зажжемъ опять Слободу!

— Перерѣжемъ слободскихъ!

— Долой Перстня! Пусть князь ведетъ насъ!

— Пусть князь ведетъ! Пусть князь ведетъ! слышались отовсюду.

Подобно грому прокатились слова отъ толпы до толпы, пронеслись до самыхъ отдаленныхъ костровъ, и все подня-

лось и закипѣло, и всѣ обступили курень, гдѣ Серебряный сидѣлъ въ жаркомъ разговорѣ съ Перстнемъ.

— Воля твоя, князь, говорилъ атаманъ,—сердись, не сердись, а пустить тебя, не пуцую! Не для того я тебя изъ тюрьмы выводилъ, чтобъ ты опять голову на плаху повесишь!

— Въ головѣ своей я одинъ волею! отвѣчалъ князь съ досадою. — Не зачѣмъ было меня изъ тюрьмы выводить, коли я теперь въ неволѣ сижу!

— Эхъ, князь, велико дѣло время. Царь можетъ одуматься, царь можетъ преставиться; мало ли что можетъ случиться; а минуетъ бѣда, ступай себѣ съ Богомъ на всѣ четыре стороны!

— Что жь дѣлать, прибавилъ онъ, видя возрастающую досаду Серебрянаго,—должно-быть тебѣ на роду написано пожить еще на бѣломъ свѣтѣ. Ты коровомъ крутъ, Никита Романычъ, да и я крѣпко держусь своей мысли; видно ужь наша коса на камень, князь!

Въ это мгновеніе голоса разбойниковъ раздались у самага куреня.

— Въ Слободу, въ Слободу! кричали пьяные удалыцы.

— Пустимъ краснаго гуся въ Слободу!

— Пустимъ цѣлое стадо гусей!

— Выручимъ Коршуна!

— Выручимъ дѣдушку!

— Выкатимъ бочки изъ подваловъ!

— Выгребемъ золото!

— Вырѣжемъ опричнину!

— Вырѣжемъ всю Слободу!

— Гдѣ князь? Пусть ведетъ насъ!

— Пусть ведетъ князь!

— А не хочеть, такъ на осину его!

— На осину! На осину!

— Перстня туда же!

— На осину и Перстня!

Перстень вскочилъ съ мѣста.

— Такъ вотъ что они затѣваютъ! сказалъ онъ:—а я ужь давно прислушиваюсь, что они тамъ голосають. Вишь какъ расходились, вражди дѣти! Теперь ихъ самъ чертъ не уиметь! Ну, князь, нечего дѣлать, вышло по твоему; не держу тебя долѣ: вольному воля, ходячему путь! Выйди къ нимъ, скажи, что ведешь ихъ на Слободу!

Серебряный вспыхнул.

— Чтобъ я повелъ васъ на Слободу? сказалъ онъ:—да скорѣй вы меня на ключья разорвете!

— Эхъ, князь, притворись хоть для виду. Народъ, ты видишь, не трезвый, завтра образумятся!

— Князь! кричали голоса:—тебя зовутъ, выходи!

— Выйди, князь, повторилъ Перстень,—всаяются въ курень, хуже будетъ!

— Добро жь! сказалъ князь, выходя изъ куреня:—посмотримъ, какъ они меня заставляютъ вести ихъ на Слободу!

— Ага! закричали разбойники:—вылѣзь!

— Веди на Слободу!

— Атаманствуй надъ нами, не то тебѣ петлю на шею!

— Такъ, такъ! ревѣли голоса.

— Бьемъ тебѣ челомъ! кричали другіе:—будь намъ атаманомъ, не то повѣсимъ!

— Ей Богу, повѣсимъ!

Перстень, зная горячій нравъ Серебрянаго, поспѣшилъ также выйдти.

— Что вы, братцы, сказалъ онъ,—бѣлены что ль обѣщались? Чего вы горло-то дерете? Поведетъ васъ князь, куда хотите; поведетъ чѣмъ свѣтъ; а теперь дайте выспаться его милости, да и сами ложитесь; уже въ волю повеселились!

— Да ты что намъ указываешь! захрипѣлъ одинъ:—развѣ ты намъ атаманъ!

— Слышь, братцы, закричали другіе,—онъ не хочетъ сдать атаманства!

— Такъ на осину его!

— На осину, на осину!

Перстень окинулъ взоромъ всю толпу и вездѣ встрѣтилъ враждебныя лица.

— Ахъ вы, дураки, дураки! сказалъ онъ.—Да развѣ я держусь вашего атаманства? Поставьте надъ собой кого знаете, а я и самъ не хочу; наплевать мнѣ на васъ!

— Хорошо! закричалъ кто-то.

— Красиво говорить! прибавилъ другой.

— Наплевать мнѣ на васъ! продолжалъ Перстень:—мало, что ли, такихъ, какъ вы? Эка честь надъ вами атаманствовать! Да захочу, пойду на Волгу, не такихъ наберу!

— Нѣтъ, братъ, лудки. Отъ себя не пустимъ; еще, пожалуй продашь, какъ Коршуна продалъ!

— Не пустимъ, не пустимъ; оставайся съ нами; слушайся новаго атамана!

Дикіе крики заглушили голосъ Перстня.

Разбойникъ огромнаго роста подошелъ къ Серебряному, съ чаркой въ рукѣ.

— Батъка! сказалъ онъ, ударивъ его широкою ладонь по плечу:—пробазарилъ ты свою голову, сталъ нашимъ братомъ; такъ выпьемъ вмѣстѣ да поцѣлуемся!

Богъ знаетъ, что бы сдѣлалъ Серебряный. Пожалуй выпилъ бы онъ чарку изъ рукъ разбойника и разорвала бы его на клочья пьяная толпа; но къ счастью, новые крики отвлекли его вниманіе.

— Смотрите, смотрите! раздалось въ толпѣ:—опричника поймали! Опричника ведутъ! Смотрите, смотрите!

Изъ глубины лѣса шло нѣсколько людей въ изодраныхъ одеждахъ, съ дубинами въ рукахъ. Они вели съ собой связаннаго Максима. Разбойникъ, котораго онъ ударилъ саблей, вѣхалъ на Максимовомъ конѣ. Впереди шелъ Хлопко, присвистывая и приплясывая. Раневый Буль въ тащился сзади.

— Гей, братцы, вѣлъ Хлопко, щелкая пальцами:

„Гости съѣхались ко здовушкамъ во двораки,
Заходили по голозушкамъ топорика!.....“

И Хлопко опрокидывался навзничъ, билъ въ ладони и кружился словно кубарь.

Глядя на него, рыжій пѣсенникъ не вытерпѣлъ, схватилъ балаалайку и пустился въ присядку помогать товарищу.

Оба стали на перерывъ сѣменить ногами и кривляться вокругъ Максима.

— Вишь дьяволы! сказалъ Перстень Серебряному.—Вѣдь они не просто убьютъ опричника, а замучатъ медленною смертью; я знаю обоихъ: ужъ коли эти пустились, значитъ плохо дѣло; не одобровать молодцу!

Въ самомъ дѣлѣ поимка опричника была для всей шайки настоящимъ праздникомъ. Они собрались выместить на Максимѣ все что претерпѣли отъ его товарищей.

Нѣсколько человекъ съ звѣрскими лицами тотчасъ занялись приготовленіями къ его казни.

Въ землю вкопали четыре кола, укрѣпили на нихъ поперечныя жерди, и накалили гвоздей.

Максимъ смотрѣлъ на все спокойнымъ окомъ. Не страшно было умирать въ мукахъ; грустно было умереть безъ меча, со связанными руками, и не слышать въ предсмертный часъ ни браннаго окрика, ни ржанія коней, а слышать лишь дикія пѣсни да пьяный смѣхъ своихъ учителей.

„Обмануло меня вѣщее, подумалъ онъ; не такого я чаялъ себя конца. Да будетъ же надо мной Божья воля!“

Тутъ онъ замѣтилъ Серебрянаго, узналъ его и хотѣлъ къ нему подойти. Но рыжій пѣсенникъ схватилъ за ворота.

— Постлана постель, сказалъ онъ,—сымай кафтанъ, ложись что ли!

— Развяжите мнѣ руки! отвѣчалъ Максимъ,—не могу перекреститься!

Хлопко ударомъ ножа разрѣзалъ веревки, которыми руки Максима были спутаны.

— Крестись да не долго! сказалъ онъ, и когда Максимъ помолился, Хлопко и рыжій сорвали съ него платье и стали привязывать его руки и ноги къ жердямъ.

Тутъ Серебряный выступилъ впередъ.

— Ребята! сказалъ онъ голосомъ, который привыкъ раздаваться въ ратномъ строю:—слушайте!

И звонкія слова рѣзко пронеслись по толпѣ, и не смотря на шумъ и крики, долетѣли до самыхъ отдаленныхъ разбойниковъ.

— Слушайте! продолжалъ князь.—Всѣ ли вы хотите чтобы я былъ надъ вами старшимъ? Можетъ, есть межъ вами такіе что не хотятъ меня?

— Э, закричалъ кто-то;—да ты никакъ на попятный дворъ!

— Слышь ты, съ нами не шути!

— Даютъ атаманство, такъ бери!

— Принимай честь, пока цѣлъ!

— Подайте жь мнѣ атаманскій чеканъ! сказалъ Серебряный.

— Дѣло! закричали разбойники.—Такъ-то лучше по добру по здорову!

Князю подали чеканъ Перстля.

Никита Романовичъ подошелъ прямо къ рыжему пѣсеннику.

— Отвязывай опричника! сказалъ онъ.

Рыжій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Отвязывай тотчасъ! повторилъ грозно Серебряный.

— Вишь ты! сказалъ рыжій:—да ты за него что ль стоишь? Смотри, у самого крѣпка ль голова?

— Окаянный! вскричалъ князь:—не разсуждай, когда я приказываю!

И взмахнувъ чеканомъ, онъ разрубилъ ему черепъ.

Рыжій повалился, не пикнувъ.

Поступокъ Серебрянаго смутилъ разбойниковъ. Князь не далъ имъ опомниться.

— Отвязывай ты! сказалъ онъ Хлопку, поднявъ чеканъ надъ его головой.

Хлопко взглянулъ на князя и воспѣшилъ отвязать Максима.

— Ребята! продолжалъ Никита Романовичъ:—этотъ молодецъ не изъ тѣхъ что васъ обидѣли; а его знаю; онъ такой же врагъ опричнинъ, какъ и вы. Сохрани васъ Богъ тронуть его хоть пальцемъ! А теперь нечего мѣшкать: берите оружіе, стройтесь по сотнямъ, я веду васъ!

Твердый голосъ Серебрянаго, повелительная осанка и неожиданная рѣшительность сильно подѣйствовали на разбойниковъ.

— Эге, сказали нѣкоторые въ полголоса,—да этотъ не шутить!

— И впрямь атаманъ! говорили другіе:—хоть кого перевернетъ!

— Съ нимъ держи ухо востро, не разговаривай! Вишь, какъ уходилъ пѣсенника!

Такъ разсуждали разбойники, и никому не приходило болѣе въ голову трепать Серебрянаго по плечу или съ нимъ цѣловаться.

— Испомать тебѣ, князь! прошепталъ Перстень, съ почтеніемъ глядя на Никиту Романовича:—вишь ты какъ ихъ приструнилъ! Только не давай имъ одуматься, веди ихъ по дорогѣ въ Слободу, а тамъ что Богъ дастъ!

Трудно было положеніе Серебрянаго. Ставъ въ главѣ ставичниковъ, онъ спасъ Максима и выигралъ время; но все было бы вновь потеряно, еслибъ онъ отказался вести

буйную ватагу. Князь обратился мыслію къ Богу, и предася его волѣ.

Уже начали станичники готовиться къ походу; и только поговаривали, что не достаетъ какого-то Ѳедьки Поддубнаго, который съ утра ушелъ съ своимъ отрядомъ и еще не возвращался.

— А вотъ и Ѳедька! сказалъ кто-то:—эвотъ идетъ съ ребятами!

Поддубный былъ сухощавый дѣтина, кривой на одинъ глазъ и со множествомъ рубцовъ на лицѣ.

Зипунъ его былъ изодранъ. Ступаль овъ тяжело, сгибая колѣни, какъ человекъ черезъ силу уставшій.

— Чтò? спросилъ одинъ разбойникъ.

— Я чай, опять досталось? прибавилъ другой.

— Досталось, да не намъ! сказалъ Поддубный, садясь къ огню.—Вотъ, ребятунки, много у меня лежало грѣховъ на душѣ, а сегодня, кажись, половину сбылъ!

— Какъ такъ?

Поддубный обернулся къ своему отряду.

— Давайте сюда языка, братцы!

Къ костру подвели связаннаго дѣтину въ полосатомъ кафтанѣ. На огромной головѣ его торчала высокая шапка съ выгнутыми краями. Спясуутый носъ, выдавшіися скулы, узенькіе глаза свидѣтельствовали о не-русскомъ его происхожденіи.

Одинъ изъ товарищей Поддубнаго принесъ конь, саадакъ и кочанъ, взятые на плѣнномъ.

— Да это Татаринъ! закричала толпа.

— Татаринъ, повторилъ Поддубный,—да еще какой! Наслу съ нимъ справились, такой здоровякъ! Кабы не Митька, какъ разъ ушелъ бы!

— Разказывай, разказывай! закричали разбойники.

— А вотъ, братцы, пошли мы съ утра по рязанской дорогѣ, остановили купца, стали обшаривать; а овъ намъ говорить: нечего, говорить, братцы, взять съ меня! Я, говорить, ѣду отъ Рязани, тамъ всю дорогу заложила Татарва, ободрали меня до чиста, не съ чѣмъ и до Москвы дотащиться.

— Вишь, разбойники! сказалъ одинъ изъ толпы.

— Чтò жъ вы съ купцомъ сдѣлали? спросилъ другой.

— Даи ему гривну на дорогу и отпустили, отвѣтилъ

Поддубный.—Тутъ попался намъ мужикъ, разказалъ, что еще вчера Татары напали на деревню и всю выжгли. Вскорѣ мы сами перешли великую сакмѹ: смѣтили по крайнему счету съ тысячу лошадей. А тамъ идутъ другіе мужики съ бабами да съ дѣтьми, воютъ да голосятъ: и наше де село выжгла Татарва, да еще и церковь ограбили, порубили святыя иконы, изъ ризъ подѣлали чепраки...

— Ахъ они, окаянныя! вскричали разбойники:—да какъ еще ихъ, проклятыхъ, земля держитъ!

— Попа, продолжалъ Поддубный,—къ лошадиному хвосту привязали...

— Попа? Да какъ ихъ, собачьихъ дѣтей, громомъ не убило!

— А Богъ вѣсть!

— Да развѣ у русскаго человѣка рукъ нѣтъ на проклятую Татарву!

— Вотъ то-то и есть, что рукъ-то мало; всѣ поакі распущены, остались мужики, да бабы, да старики; а бурсурманамъ-то и любо, что нѣтъ ратныхъ людей, что некому поколотить ихъ порядкомъ!

— Эхъ далъ бы я имъ!

— И я бѣ далъ!

— Да какъ вы языка-то достали?

— А вотъ какъ. Слышимъ мы лошадиный топъ по дорогѣ. Я и говорю ребятамъ: скоронимся, говорю, въ кусты, посмотримъ, кто такое ѣдетъ? Скоронились, видимъ: скачетъ человѣкъ тридцать, вотъ въ этакихъ шапкахъ, съ копыями, съ калчанами, съ луками. Братцы, говорю я, вѣдь это они, сердечные! Жаль, что насъ маленько, а то можно бѣ поколотить! Вдругъ у одного отторочился какой-то мѣшокъ и упалъ на землю. Тотъ остановился, слѣзъ съ коня подымать мѣшокъ да вторачивать, а товарищи его межъ тѣмъ ускакали. Братцы, говорю я, чтобы намъ навалиться на него? Нутка, робятушки, за мной, разомъ! И сказавши, бросились всѣ на Татарина. Да куды! Тотъ только повелъ плечами, такъ всѣхъ насъ и стряхнулъ. Мы опять на него, онъ насъ опять стряхнулъ, да и за конье. Тутъ ужъ Митька говоритъ: посторожитесь, братцы, говоритъ, не мѣшайте! Мы дали ему мѣсто, а онъ вырвалъ у Татарина конье, взялъ его за шиворотъ да и пригнулъ къ землѣ. Тутъ мы ему рукавицу въ ротъ, да и связали, какъ барана.

— Ай да Митька! сказали разбойники.

— Да, этоть хоть быка за рога свалить! замѣтил Поддубный.

— Эй Митька! спросилъ кто-то:—свалишь ты быка?

— А дядя! отвѣтилъ Митька, и отошелъ въ сторону, не желая продолжать разговора.

— Что жь было въ мѣшкѣ у Татарина? спросилъ Хлопко.

— А вотъ, смотрите ребята!

Поддубный развязалъ мѣшокъ и вынулъ кусокъ ризы, богатую дарохранительницу, двѣ, три панаги да золотой крестъ.

— Ахъ онъ собака! закричала вся толпа:—такъ это онъ церковь ограбилъ!

Серебряный воспользовался негодованіемъ разбойниковъ.

— Ребята! -сказалъ онъ:—видите, какъ проклятая Татарва ругается надъ Христовою вѣрой? Видите какъ басурманское племя хочетъ святую Русь извести? Чтò жь, ребята, развѣ ужь и мы стали басурманами? Развѣ дадимъ мы святыя иконы на поруганіе! Развѣ попустимъ, чтобы вехристи жгли русскія села да рѣзали нашихъ братьевъ?

Глухой ропотъ пробѣжалъ по толпѣ.

— Ребята, продолжалъ Никита Романовичъ,—кто изъ насъ Богу не грѣшенъ! Такъ искупимъ же теперь грѣхи ваши, заслужимъ себѣ прощеніе отъ Господа, ударимъ всѣхъ, какъ мы есть, на враговъ церкви и земли Русской!

Сильно подѣйствовали на толпу слова Серебрянаго. Проявляя мужественная рѣчь не одно зачерствѣлое сердце, не въ одной косматой груди расшевелила любовь къ родинѣ. Старые разбойники кивнули головой, молодые взглянули другъ на друга. Громкія восклицанія вырвались изъ общаго говора.

— Чтò жь! сказалъ одинъ:—вѣдь и вправду не приходится отдавать церковей Божіихъ на поруганіе!

— Не приходится, не приходится! повторилъ другой.

— Двухъ смертей не бывать, одной не миновать! прибавилъ третій:—лучше умереть въ полѣ чѣмъ на висѣлицѣ!

— Правда! отозвался одинъ старый разбойникъ:—въ полѣ и смерть красна!

— Эхъ, была, не была! сказалъ выступая впередъ молодой сорви-голова:—не знаю какъ другіе, а я пойду на Татарову!

— И я пойду! и я! и я! закричали многие.

— Говорятъ про васъ, продолжалъ Серебряный, — что вы Бога забыли, что не осталось въ васъ ни души, ни совѣсти. Такъ покажите жь теперь, что врутъ люди, что есть у васъ и душа и совѣсть! Покажите, что коли пошло на то, чтобы стоять за Русь да за вѣру, такъ и вы постоите, не хуже стрѣльцовъ, не хуже опричниковъ!

— Постоимъ! постоимъ! закричали всѣ разбойники въ одинъ голосъ.

— Не дадимъ поганымъ ругаться надъ святою Русью!

— Ударимъ на нехристей!

— Веди насъ на Татарву!

— Веди насъ, веди насъ! Постоимъ за святую вѣру!

— Ребята! сказалъ князь:—а если поколотимъ поганыхъ, да увидить царь, что мы не хуже опричниковъ, отпустить онъ намъ вины наши, скажетъ: не нужна мнѣ бола опричвина; есть у меня и безъ нея добрые слуги!

— Пусть только скажетъ, закричали разбойники, — ужь послужимъ ему нашими головами!

— Не по своей же я охотѣ въ станичники пошелъ! сказалъ кто-то.

— А я развѣ по своей? подхватилъ другой.

— Такъ ляжемъ же, коли надо, за Русскую землю! сказалъ князь.

— Ляжемъ, ляжемъ! повторили разбойники.

— Что жь, ребята, продолжалъ Серебряный, — коли бить враговъ земли Русской, такъ надо выпить про русскаго царя!

— Выпьемъ, выпьемъ!

— Берите жь чарки и мнѣ чару подайте!

Князю поднесли стопу; всѣ разбойники налили себѣ чарки.

— Да здравствуетъ великій государь нашъ, царь Иванъ Васильевичъ всея Руси! сказалъ Серебряный.

— Да здравствуетъ царь! повторили разбойники.

— Да живетъ земля Русская! сказалъ Серебряный.

— Да живетъ земля Русская! повторили разбойники.

— Да сгинуть всѣ враги святой Руси и православной Христовой вѣры! продолжалъ князь.

— Да сгинетъ Татарва! Да сгинуть враги русской вѣры, кричали наперерывъ разбойники.

— Веди насъ на Татарву! Гдѣ они басурмань что жгутъ наши церкви?

— Веди насъ, веди насъ! раздавалось отовсюду.

— Въ огонь Татарина! закричалъ кто-то.

— Въ огонь его! Въ поломя! повторили другіе.

— Постойте, ребята! сказалъ Серебряный:—разспросимъ его напередъ порядкомъ. Отвѣчай, сказалъ князь, обраща-ясь къ Татарину,—много ль васъ? Гдѣ вы станомъ стоите?

Татаринъ сдѣлалъ знакъ, что не понимаетъ.

— Постой, князь, сказалъ Поддубный:—мы ему развя-жемъ языкъ! Давай-ка, Хлопко, огоньку. Такъ. Ну что, будешь говорить?

— Буду, бачка! вскрикнулъ обожженный Татаринъ.

— Много ль васъ?

— Многа, бачка, многа!

— Сколько?

— Десять тысяча, бачка; теперь десять тысяча, а завтра пришла сто тысяча!

— Такъ вы только передовые! Кто ведеть васъ?

— Ханъ тащилъ!

— Самъ ханъ?

— Не сама! Ханъ пришла завтра; теперь пришла Ши-ринскій князь Шихмать!

— Гдѣ его станъ?

Татаринъ опять показалъ знаками, что не понимаетъ.

— Эй, Хлопко, огоньку! крикнулъ Поддубный.

— Близка станъ, бачка, близка! поспѣшилъ отвѣчать Та-таринъ:—не больше отсюда какъ десята верста!

— Показывай дорогу! сказалъ Серебряный.

— Не можно, бачка! Не можно теперь видѣть дорога! Завтра можна, бачка!

Поддубный поднесъ горячую головню къ связаннымъ ру-камъ Татарина.

— Найдешь дорогу?

— Нашла, бачка, наша!

— Хорошо, сказалъ Серебряный, — теперь перекусите, братцы, накормите Татарина, да тотчасъ и въ походъ! По-кажемъ врагамъ что значить русская сила!

ГЛАВА XXV.

Приготовленіе къ битвѣ.

Въ шайкѣ началось такое движеніе, бѣготня и крики, что Максимъ не успѣлъ сказать и спасибо Серебряному. Когда наконецъ станичники выстроились и двинулись изъ лѣсу, Максимъ, которому возвратили коня и дали оружіе, поравнялся съ княземъ.

— Никита Романычъ, сказалъ онъ, — отплатилъ ты мнѣ сегодня за медвѣдя!

— Чтò жь, Максимъ Григорычъ, отвѣтилъ Серебряный, — на то на свѣтѣ живемъ, чтобъ помогать другъ другу!

— Князь, подхватилъ Перстень, вѣхавшій также верхомъ возлѣ Серебрянаго, — смòтрѣлъ я на тебя и думалъ: Эхъ, жаль, что не видитъ его одинъ низовой молодець, котораго оставилъ я на Волгѣ! Хоть онъ и худой человекъ, почти мнѣ ровня, а полюбилъ бы ты его, князь, и онъ тебя полюбилъ бы! Не въ обиду тебѣ сказать, а схожи вы правомъ. Какъ заговорилъ ты про святую Русь, да загорѣлись твои очи, такъ я и вспомнилъ Ермака Тимоѣича. Любить онъ родину, крѣпко любить ее, нужды нѣтъ, что станичникъ. Не разъ говаривалъ мнѣ, что совѣстно ему землю даромъ бременить, что хотѣлось бы сослужить службу родинѣ. Эхъ, кабы теперь его на Татарь! Онъ одинъ цѣлой сотни стоитъ. Какъ крикнетъ: за мной, ребята! такъ, кажется, самъ станешь и выше и сильнѣе, и ничто тебя уже не остановитъ, и все вокругъ тебя такъ и валится. Похожъ ты на него, ей Богу похожъ, Никита Романычъ, не въ укоръ тебѣ сказать!

Перстень задумался. Серебряный вѣхалъ осторожно, вглядываясь въ темную даль; Максимъ молчалъ. Глухо раздавались по дорогѣ шаги разбойниковъ; звѣздная ночь безмолвно раскинулась надъ спящею землею. Долго шла толпа по направленію указанному Татаринемъ, котораго вели подъ саблею Хлопко и Поддубный.

Вдруг принесли издали какіе-то странные, мѣрные звуки.

То былъ не человѣческій голосъ, не рожокъ, не гусли, а что-то похожее на шумъ вѣтра въ тростникѣ, есабы тростникъ могъ звенѣть какъ стекло, или струны.

— Чтò это? спросилъ Никита Романовичъ, останавливая коня.

Перстень снялъ шапку и наклонилъ голову почти до самой луки.

— Погоди, князь, дай поразслушать!

Звуки лились мѣрно и заунывно, то звонкими серебряными струями, то подобные шуму колеблемаго лѣса,—вдругъ замолкли какъ будто въ порывѣ степнаго вѣтра.

— Кончилъ! сказалъ Перстень, смѣясь.—Вишь, грудь-то какова! Я чай съ полчаса дулъ себя, не переводя духа!

— Да чтò это? спросилъ князь.

— *Чебузга!* отвѣчалъ Перстень.—Это у нихъ почитай чтò у насъ рожокъ или жалейка. Должно-быть, Башкирцы. Вѣдь тутъ разный сбродъ съ ханомъ, и Казанцы, и Астраханцы, и всякая нагайская погань. Слышь, вотъ опять наигрывать стали!

Вдали начался какъ будто новый порывъ вихря, обратился въ длинные, грустно-пріятные переливы, и черезъ нѣсколько времени, кончился отрывисто, подобно конскому фырканию.

— Ага! сказалъ Перстень:—это колѣно вышло покороче; должно-быть, надорвался, собачій сынокъ!

Но тутъ раздались новые звуки, гораздо звончѣе. Казалось множество колокольцовъ звенѣли безостановочно.

— А вотъ и горло! сказалъ Перстень.—Вѣдь издали подумаешь и невѣсть чтò; а они это горломъ выдѣлываютъ. Вишь ихъ розобрало вражьихъ дѣтей!

Грустные, заунывные звуки смѣнялись веселыми, но то была не русская грусть и не русская удаля. Тутъ отражалось дикое величіе кочующаго племени, и попрыски табуновъ, и богатырскіе набѣги, и переходы народовъ изъ края въ край, и тоска по неизвѣстной, первобытной родинѣ.

— Князь, сказалъ Перстень,—должно-быть, близко станъ; а чаю, за этимъ пригоркомъ и огни будутъ видны. Дозволь, а пойду повысмотрю чтò и какъ; мнѣ это дѣло обычное,

довольно я ихъ за Волгой встрѣчалъ; а ты бы пока ребята тамъ далъ вздохнуть да осмотрѣться.

— Ступай съ Богомъ, сказалъ князь, и Перстень соскочилъ съ кося и исчезъ во мракѣ.

Разбойники оправдались, осмотрѣли оружіе и сѣли на землю, не измѣня боеваго порядка. Глубокое молчаніе царствовало въ шайкѣ. Всѣ понимали важность начатаго дѣла и необходимость безусловнаго повиновенія. Между тѣмъ звуки чебузги лилися по прежнему, мѣсяцъ и звѣзды освѣщали поле, все было тихо и торжественно, и лишь изрѣдка легкое дуновеніе вѣтра волновало ковыль, серебристыми струями.

Прошло около часа; Перстень не возвращался. Князь сталъ уже терять терпѣніе, но вдругъ шагахъ въ трехъ отъ него, поднялся изъ травы человекъ. Никита Романовичъ схватился за саблю.

— Тыше, князь, это я! произнесъ Перстень, усмѣхавсь. Вотъ такъ точно подползъ я и къ Татарамъ; все высмотрѣлъ, теперь знаю ихъ станъ, не хуже своего куреня. Коли дозволишь, князь, я возьму десятокъ молодцовъ, пугну табуль, да переполошу Татарву; а ты, тѣмъ часомъ, коли разсудишь, ударь на нихъ съ двухъ сторонъ, да съ добрымъ крикомъ; такъ будь я Татаринъ, коли мы ихъ доловины не перерѣжемъ! Это я такъ говорю, только для почину; ночное дѣло мастера боится; а взойдетъ солнышко, такъ ужъ тебѣ указывать, князь, а намъ только слушаться!

Серебряный зналъ находчивость и смѣлливость Перстня, и далъ ему дѣйствовать по его мысли.

— Ребятужки, сказалъ Перстень разбойникамъ, — повздорили мы немного, да кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Есть ли промежь васъ человекъ десять охотниковъ со мной вмѣстѣ къ стану идти?

— Выбирай кого знаешь, отвѣчали разбойники, — мы всѣ готовы.

— Спасибо же вамъ, ребятушки; а коли ужъ вы меня уважили, такъ я беру вотъ какихъ: ступай сюда, Поддубный, и ты, Хлопко, и ты, Дятель, и ты, Лѣсниковъ, и ты, Рѣшето, и Стенка, и Машка, и Шестоперъ, и Наковальня, и Саранча! А ты, куда лѣзешь, Митька? Тебя я не звалъ; оставайся съ княземъ, ты къ нашему дѣлу не пригоденъ.

Сымайте, ребята, сабли, съ ними ползти не ладно, будетъ съ насъ и ножей. Только, ребята, чуръ слушать моего слова, безъ меня ни на шагъ! Пошли въ охотники, такъ ужь что укажу, то и дѣлать. Чуть кто-вибудь не такъ, я ему тутъ же и карачунъ!

— Добро, добро! отвѣчали выбранные Перстемъ:—какъ скажешь, такъ и сдѣлаемъ. Ужь пошли на святое дѣло, небось, не повздоримъ!

— Видишь, князь, этотъ косогоръ? продолжалъ атаманъ. Какъ дойдешь до него, будутъ вамъ ихъ костры видны. А мой совѣтъ, ждать вамъ у косогора, пока не услышите моего визга. А какъ пугну табунъ, да послышится визгъ и крикъ, такъ вамъ и напускаться на вехристей; а имъ дѣться некуда; коней-то ужь не будетъ; съ одной стороны мы, съ другой пришла рѣчка съ болотомъ.

Князь обѣщался сдѣлать по распоряженію Перстя.

Между тѣмъ атаманъ съ десятью удалцами пошли на звукъ чебузги, и вскорѣ пропади въ травѣ. Искѣ подумалъ бы, что они тутъ же и притаились; но зоркое око могло бы замѣтить колебаніе травы, независимое отъ вѣтра и не по его направленію.

Черезъ полчаса Перстень и его товарищи были уже близко къ татарскимъ кибиткамъ.

Лежа въ ковылѣ, Перстень приподнялъ голову.

Шаговъ пятьдесятъ передъ нимъ горѣлъ костеръ, и озарялъ нѣсколько Башкирцевъ сидѣвшихъ кружкомъ, съ поджатыми подъ себя ногами. Кто былъ въ пестромъ халатѣ, кто въ бараньемъ тулупѣ, а кто въ изодранномъ кафтанѣ изъ верблюжьины. Воткнутыя въ землю копыя торчали возлѣ нихъ, и докидывали длинныя тѣни свои до самаго Перстня. Табунъ изъ нѣсколькихъ тысячъ лошадей, върѣнный стражъ Башкирцевъ, пасся неподалеку густою кучей. Другіе костры, шагахъ во сто подалѣ, освѣщали безчисленныя войлочные кибитки.

Не зорко смотрѣли Башкирцы за своимъ табуномъ. Пришли они отъ Волги до самой Рязани, не встрѣтивъ нигдѣ отпора; знали, что наши войска распуцены и не ожидали себя непріятеля; а отъ волковъ, думали, обережемся чебузгой, да горломъ. И четверо изъ нихъ, уперевъ въ верхніе зубы, концы длинныхъ репейныхъ дудокъ, и набравъ въ широкія груди сколько могли вѣтру, дули, перебирая паль-

цами, пока хватало духа. Другіе подтягивали имъ гордомъ, и огонь освѣщаль ихъ скулистыя лица, побагровѣвшія отъ ватуги.

Нѣсколько минутъ Перстень любовался этою картиной, раздумывая про себя: броситься ли ему тотчасъ съ ножомъ на Башкирцевъ, и не давъ имъ опомниться, перерѣзать всѣхъ до одного? Или сперва разогнать лошадей, а потомъ уже начать рѣзать?

И то и другое его прельщало. Вишь, какой табувъ, ду-малъ онъ, притаивъ дыханье; коли пугнуть его, умѣючи, такъ онъ, съ напуску, всѣ ихъ кибитки переломаетъ; такого задастъ переполоху, что они своихъ не узнаютъ. А и эти-то вражди дѣти хорошо сидятъ, больно хорошо! Вишь, какъ надриваютъ; можно къ нимъ на два шага подползти!

И не захотѣлось атаману отказаться отъ кровавой по-тѣхи надъ Башкирцами.

— Рѣшето, шепнулъ онъ притаившемуся возлѣ него товарищу:—что, у тебя въ горлѣ не першитъ? Сумѣешь взвизгнуть?

— А ты-то что жь? отвѣтилъ шепотомъ Рѣшето.

— Да какъ будто осипъ маменько.

— Пожалуй я взвизгну. Пора, что ли?

— Постой, рано. Заволзи ка вовъ оттоль какъ можно ближе къ табуву; ползи пока не смѣтятъ тебя кони; а лишь начнутъ ушми трясти, ты и гукни, да пострашайе, да и гони ихъ прямо на кибитку!

Рѣшето кивнулъ головой и исчезъ въ ковылѣ.

— Ну, братцы, шепнулъ Перстень остальнымъ товарищамъ:—ползите за мной подъ нехристей, только чуръ осторожно. Вишь, ихъ всего-то человекъкъ двадцать, а насъ девятеро; на каждаго изъ насъ будетъ по два, а я на себя четырехъ беру. Какъ услышите, что Рѣшето взвизгнулъ, такъ всѣмъ разомъ и загикать, да прямо на нихъ! Готовы, что ли?

— Готовы! отвѣчали шепотомъ разбойники.

Атаманъ перевелъ дыханіе, оправился, и началъ потихоньку вытаскивать изъ-за пояса длинный ножъ свой.

ГЛАВА XXVI.

Побратимство.

Пока все это происходило у татарскаго стана, Серебряный, за полъ-версты оттуда, ожидалъ вѣтерпѣливо условленнаго знака.

— Князь, сказалъ ему Максимъ, не отходявшій все время отъ него,—не долго намъ ждать, скоро зачнется бой; какъ взойдетъ солнышко, такъ уже многихъ изъ насъ не будетъ въ живыхъ, а мнѣ бы хотѣлось попросить тебя..

— О чемъ, Максимъ Григорьичъ?

— Дѣло-то нетрудное, да не знаю какъ тебѣ сказать, совѣстно мнѣ..

— Говори, Максимъ Григорьичъ, было бы въ моготу!

— Видишь ли, князь, скажу тебѣ всю истину. Я ушелъ изъ Слободы тайно, противъ воли отца, безъ вѣдома матери. Не втерпежь мнѣ стало служить въ опричникахъ; такая наша тошнота, что хоть въ воду кинуться. Видишь ли, бояринъ, я одинъ сынъ у отца у матери, брата у меня никогда не бывало. Отъ Покрова пошелъ мнѣ девятнадцатый годъ, а повѣришь ли, до сей поры не съ кѣмъ было добрымъ словомъ перемолвиться. Живу промежъ нихъ одинъ одинешенецъ, никто мнѣ не товарищъ, всѣ чужіе. Всякъ только и думаетъ какъ бы другаго извести, чтобы самому въ честь попасть. Что ни день, то попытка да казни. Изъ церкви почитай не выходятъ, а губятъ народъ хуже станичниковъ. Было бъ имъ поболь казны да помѣстій, такъ по нихъ хоть вся Русь пропадай! Какъ царь ни грозенъ, а вѣдь и тотъ иногда слушаетъ истину; такъ у нихъ, хоть бы у одного языкъ повернулся правду вымолвить! Всѣ такъ ему и поддакиваютъ, такъ и лѣзутъ выслужиться! Повѣришь ли, князь, какъ увидѣлъ тебя, на сердцѣ у меня повеселѣло, словно роднаго встрѣтилъ! Еще и не зналъ я, кто ты таковъ, а ужъ полюбился ты мнѣ, и оцъ у тебя не такъ глядятъ какъ у нихъ, и рѣчь звучитъ

иваче. Вотъ Годуновъ, пожалуй, и лучше другихъ, а все не то что ты. Смотрѣлъ я на тебя какъ ты безъ оружія супротивъ медвѣдя стоялъ; какъ Басмановъ, послѣ отравы того боярина, и тебѣ чашу съ виномъ поднесъ; какъ тебя на плаху вели; какъ ты съ ставичниками сегодня говорилъ. Такъ меня и тянуло къ тебѣ, вотъ такъ бы и кинулся къ тебѣ на шею! Не дивись, князь, моею глупой рѣчи, прибавилъ Максимъ, потупя очи,—я не набиваюсь къ тебѣ на дружбу, знаю кто ты и кто я; только что жь мнѣ дѣлать, коли не могу словъ удержать; сами рвутся наружу, сердце къ тебѣ само такъ и мечется!

— Максимъ Григорьичъ, сказалъ Серебряный, и крѣпко сжалъ его руку,—и ты полюбился мнѣ какъ братъ родной!

— Спасибо, князь, спасибо тебѣ! А коли ужь на то пошло, то дай мнѣ разомъ высказать что у меня на душѣ. Ты, я вижу, не брезгаешь мною. Дозволь же мнѣ, князь, теперь передъ битвой, по древнему христіанскому обычаю, побрататься съ тобой! Вотъ и вся моя просьба; не возьми ее во гнѣвъ, князь. Еслибы зналъ я навѣрно, что доведется намъ еще долгое время жить вмѣстѣ, я бъ не просилъ тебя; я помнилъ бы, что тебѣ не пригоже быть моимъ названнымъ братомъ; а теперь...

— Полю Бога гнѣвить, Максимъ Григорьичъ! прервалъ его Серебряный:—чѣмъ ты не братъ мнѣ? Знаю, что мой родъ честиѣе твоего, да то дѣло думное и разрядное; а здѣсь передъ Татарами, въ чистомъ полѣ, мы равны, Максимъ Григорьичъ, да вездѣ равны, гдѣ стоимъ предъ Богомъ, а не предъ людьми. Побратаемся, Максимъ Григорьичъ!

И князь снялъ съ себя крестъ-тѣльничъ, на узорной золотой цѣпи, и подалъ Максиму.

Максимъ также снялъ съ шеи крестъ, простой, мѣдный, на шелковомъ гайтанѣ, поцѣловалъ его и перекрестился.

— Возьми его, Никита Романычъ; имъ благословила меня мать, когда еще мы были бѣдными людьми, не вошли еще въ честь у Ивана Васильича. Береги его, онъ мнѣ всего дороже.

Тогда оба еще разъ перекрестились, и помѣнявшись крестами, обняли другъ друга.

Максимъ просвѣтлѣлъ.

— Теперь, сказалъ онъ радостно, — ты мнѣ братъ, Никита Романычъ! Что бы ни случилось, я съ тобой неразлученъ; кто тебѣ другъ, тотъ другъ и мнѣ; кто тебѣ врагъ, тотъ и мнѣ врагъ; буду любить твоею любовью, опаяться твоимъ гнѣвомъ, мыслить твоею мыслию! Теперь мнѣ и умирать веселѣе, и жить не горько; есть съ кѣмъ жить, за кого умереть!

— Максимъ, сказалъ Серебряный, глубоко тронутый, — видитъ Богъ, и я тебѣ всею душой учивился братомъ; не хочу разлучаться съ тобою до скончанія живота!

— Спасибо, спасибо, Никита Романычъ, и не слѣдъ намъ разлучаться! Коли, дастъ Богъ, останемся живы, подумаемъ хорошенько, поищемъ вмѣстѣ, чтобы намъ сдѣлать для родины, какую службу святой Руси сослужить? Быть того не можетъ, чтобы все на Руси пропало, чтобы ужъ нельзя было и царю служить иначе какъ въ опричникахъ!

Максимъ говорилъ съ непривычнымъ жаромъ, но вдругъ остановился и схватилъ Серебрянаго за руку.

Пронзительный визгъ раздался въ отдаленіи. Воздухъ какъ будто задрожалъ, земля затряслась, смутные крики, невнятный гулъ, привнеслись отъ татарскаго стана, и нѣсколько коней, грива дыбомъ, проскакали мимо Серебрянаго и Максима.

— Пора! сказалъ Серебряный, садясь въ сѣдло и обнажая саблю: — чуръ меня слушаться, ребята, не сбиваться въ кучу, не разсыпаться врозь, каждый знай свое мѣсто. Съ Богомъ за мною!

Разбойники вспрыгнули съ земли.

— Пора, пора! раздалось во всѣхъ рядахъ: — слушаться князя!

И вся толпа двинулась за Серебрянымъ и перевалилась черезъ холмъ, заграждавшій имъ дотолѣ непріятельскіе костры.

Тогда новое, неожиданное зрѣлище поразило ихъ очи.

Справа отъ татарскаго стана змѣился по степи огонь, и неправильные узоры его, постепенно расширяясь и сливаясь вмѣстѣ, ползли все ближе и ближе къ стану.

— Ай-да, Перстень! вскричали разбойники: — ай-да наши! Вить, зажгли степь, пустили огонь по вѣтру, прямо на басурмановъ!

Пожаръ росъ съ невозвѣрною быстротой, вся степь по

правую сторону стана обратилась въ пылающее море, и вскорѣ огненные волны охватили крайнія кибитки и озаарили станъ, похожій на встревоженный муравейникъ.

Татары, спасаясь отъ огня, бѣжали въ безпорядкѣ на встрѣчу разбойникамъ.

— На нихъ, ребята! загремѣвъ Серебряный,—топчите ихъ въ воду, гоните въ огонь!

Дружный крикъ отвѣчалъ князю, разбойники бросились на Татаръ, и закипѣла рѣчка

Когда солнце взошло, бой еще продолжался, но поле было устлано убитыми Татарами.

Тѣснимые съ одной стороны пожаромъ, съ другой дружиной Серебрянаго, враги не успѣли опомниться и кинулись къ топкимъ берегамъ рѣчки, гдѣ многіе утонули. Другіе погибли въ огнѣ, или задохлись въ дыму. Испуганные табуны съ самаго начала бросились на станъ, переломали кибитки и привели Татаръ въ такое смятеніе, что они давили другъ друга и рѣзались между собою, думая отбивать непріятеля. Одна часть успѣла прорваться черезъ огонь и разсѣялась въ безпорядкѣ по степи. Другая, собранная съ трудомъ самимъ ширинскимъ мурзою Шихматомъ, переплыла черезъ рѣчку и построилась на другомъ берегу. Тысячи стрѣлъ, сыпались оттуда на торжествующихъ Русскихъ. Разбойники, не имѣя другаго оружія, кромѣ рукопашнаго, и видя стрѣляющихъ враговъ защищенныхъ топкою рѣчкой, не выдержали и смѣшались.

Напрасно Серебряный просьбами и угрозами старался удержать ихъ. Уже отряды Татаръ начали, подъ прикрытіемъ стрѣлъ, обратно переплывать рѣчку, грозя ударить Серебряному въ тылъ, какъ Перстень явился внезапно воздѣ князя. Смуглое лицо его разгорѣлось, рубаха была изодрана, съ ножа капала кровь.

— Стойте, други! стойте, ясные соколы! закричалъ онъ на разбойниковъ;—аль глаза вамъ запорошило? Аль не видите, къ намъ подмога идетъ?

Въ самомъ дѣлѣ на противоположномъ берегу подвигалась рать въ боевомъ порядкѣ; ея копыта и бердыши сверкали въ лучахъ восходящаго солнца.

— Да это ты же Татары! сказалъ кто-то.

— Самъ ты Татаринъ! возразилъ Перстень, негодуя.—

Развѣ такъ идетъ орда? Развѣ бываетъ, чтобъ Татары шли пѣше? А этого не видишь впереди на сѣромъ конѣ? Развѣ на немъ татарская броня?

— Православные идутъ! раздалось между разбойниками:— стойте, братья, православные къ намъ на помощь идутъ!

— Видишь, князь, сказалъ Перстень,—они, вражди дѣти, и стрѣляютъ-то не такъ густо, значить, смекнули въ чешъ дѣло! А какъ схватится съ ними та дружина, я покажу тебѣ бродъ, перейдемъ да ударимъ на нихъ съ боку!

Новая рать подвигалась все ближе, и уже можно было распознать ея вооруженіе и одежду, почти столь же разнообразную какъ и на разбойникахъ. Надъ головами ратниковъ, болтались цѣпы, торчали косы и рогатины. Они казались наскоро вооруженными крестьянами, и только на передовыхъ были одноцвѣтные кафтаны, а въ рукахъ ихъ свѣтились бердыши и копья. Тутъ же ѣхало человекъ сто вершиниковъ, также въ одноцвѣтныхъ кафтанахъ. Предводитель этой дружины былъ стройный молодой человекъ. Изъ-подъ сверкающаго шлема висѣли у него длинныя русые волосы. Онъ ловко управлялъ конемъ, и конь, серебристо-сѣрой масти, то взвивался на дыбы, то шелъ красуясь, ровнымъ шагомъ, и ржалъ на встрѣчу неприятелю.

Туча стрѣлъ встрѣтила вождя и дружину.

Между тѣмъ Никита Романовичъ вѣстѣ съ своими перешелъ рѣчку вбродъ, и врѣзался въ толпу враговъ, на которыхъ, въ то же время, наперла съ другой стороны вновь пришедшая подмога.

Уже съ часъ кипѣла битва.

Серебряный на мгновеніе отъѣхалъ къ рѣчкѣ наопить коня и перетянуть подруги. Максимъ увидѣлъ его и подскочилъ къ нему.

— Ну, Никита Романычъ, сказалъ онъ весело,—видно Богъ стоитъ за святую Русь. Смотри коли наша не возьметъ!

— Да, отвѣтилъ Серебряный,—спасибо вошь тому боюину что подоспѣлъ къ намъ на прибавку. Вишь, какъ рубить вправо да влево! Кто онъ таковъ? Я какъ будто видалъ его гдѣ то?

— Какъ, Никита Романычъ, ты не призналъ его?

— А ты его развѣ знаешь?

— Мнѣ-то какъ не знать его, Богъ съ нимъ! Много грѣ-

ховъ отпущитъ ему за нынѣшній день. Да вѣдь и ты знаешь его, Никита Романычъ. Это Федыка Басмановъ.

— Басмановъ? Этогъ! Неужто онъ!

— Онъ самый, и на себя не похожъ сталъ. Бывало, и подумать соромно, въ лѣтникѣ, словно дѣвушка, плясывалъ; а теперь видно розобрало его: поднялъ крестьянъ и дворовыхъ и напалъ на Татаръ; должно-быть и въ немъ русскій духъ заговорилъ. А сила-то откуда взялась, подумаешь! Да какъ и не переѣвиться въ такой день, продолжалъ Максимъ съ одушевленіемъ, и глаза его блистали радостью.—Повѣришь ли, Никита Романычъ, я самъ себя не узнаю. Когда ушелъ я изъ Слободы, все казалось, что не дого уже доводится жить на свѣтѣ. Тянуло помѣряться съ нехристями, только не съ тѣмъ чтобы побить ихъ; на то, думалъ, найдутся лучше меня; а съ тѣмъ чтобы сложить голову, на татарскую саблю. А теперь не то; теперь мнѣ хочется жить! Слышишь, Никита Романычъ, когда вѣтеръ относитъ бранный гулъ, какъ въ небѣ жаворонки звенять? Вотъ такъ-же весело звенить и у меня на сердцѣ! Такая чуетъ сила и охота, что цѣлый вѣкъ во-казался-бы коротокъ. И чего не передумалъ я съ тѣхъ поръ какъ заря занялась! Такъ стало мнѣ ясно, такъ понятно, сколько добра еще можно сдѣлать на родинѣ! Тебя царь помилуетъ; быть того не можетъ, чтобы не помиловалъ. Пожалуй еще и полюбитъ тебя. А ты возьми меня къ себѣ; давай вмѣстѣ думать и дѣлать какъ Адашевъ съ Сильвестромъ. Все, все расскажу тебѣ, что у меня на мысли, а а теперь прости, Никита Романычъ, пора опять туда; ка-жись, Басманова окружили. Хоть онъ и худой человекъ, а надо выручить!

Серебряный посмотрѣлъ на Максима почти отеческимъ взоромъ.

— Побереги себя, Максимъ, сказалъ онъ,—не мечись въ сѣчу даромъ; смотри, ты и такъ ужъ въ крови!

— То, должно-быть, вражья кровь, отвѣтилъ Максимъ, весело посмотрѣвъ на свою рубаху;—а на мнѣ и царапины нѣтъ; твой крестъ соблюлъ меня!

Въ это время, притаившійся въ камышахъ Татаринъ, выползъ на берегъ, натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ Максима.

Зазвенѣлъ тугой татарскій лукъ, спѣла тетива, провиз-

жала стрѣла, угодила Максима въ бѣлу грудь, угодила каленая подъ самое сердце. Закачался Максимъ на сѣдлѣ, ухватился за конскую гриву; не хочется вастъ добру молодцу, но dospѣлъ ему часъ на роду написанный, и свалился онъ на сыру землю, зацѣпя стремя ногою. Поволокъ его конь по чисту полю, и летитъ Максимъ, лежа назвничъ, раскидавъ бѣлыя руки, и метутъ его кудри мать сыру землю, и бѣжить за нимъ по полю кровавый сѣдлъ.

Придетъ въ Слободу вѣсть недобрая, разрыдается мать Максимова, что не стало ей на поминъ души поминщика, и некому ея старыхъ очей закрыть. Разрыдается слезами горячими, не воротить своего дѣтища!

Придетъ въ Слободу вѣсть недобрая, заскрежещетъ Малюта зубами, налетитъ на пѣвныхъ Татаръ, насѣчетъ въ тюрмахъ конны головъ и ухнетъ кровью до жадной души: не воротить своего дѣтища!

Забылъ Серебряный и битву, и Татаръ, не видитъ онъ какъ Басмановъ говить нехристей, какъ Перстень съ разбойниками перевимаютъ бѣгущихъ; видитъ только, что конь волочить по полю его названнаго брата. И вокочилъ Серебряный въ сѣдло, поскакалъ за конемъ и поймавъ его за узду, спрынулъ на землю и высвободилъ Максима изъ стремени.

— Максимъ, Максимъ! сказалъ онъ, ставъ на колѣни и приподымая его голову:—живъ ли ты, названный братъ мой? Открой очи, дай мнѣ отвѣдъ!

И Максимъ открылъ туманные очи, и протянулъ къ нему руки.

— Прости, названный братъ мой! Не довелось пожить намъ вмѣстѣ. Сдѣлай же одинъ что хотѣли мы вдвоемъ сдѣлать!

— Максимъ, сказалъ Серебряный, прижимая губы къ горячему челу умирающаго,—не заповѣдаешь ли мнѣ чего?

— Отвези матери послѣдній поклонъ мой, скажи ей, что я умеръ, ее поминая...

— Скажу, Максимъ, скажу, отвѣтилъ Серебряный, едва удерживаясь отъ слезъ.

— А крестъ, продолжалъ Максимъ,—тотъ что на мнѣ, отдай ей... а мой носи на память о братѣ твоёмъ...

— Братъ мой, сказалъ Серебряный,—нѣтъ ли еще чего

на душѣ у тебя? Нѣтъ ли какой завобы въ сердцѣ? Не стыдись, Максимъ, кого еще жаль тебѣ, кромѣ матери?

— Жаль мнѣ родины моей, жаль святой Руси! Любилъ я ее не хуже матери, а другой завобы не было у меня!

Максимъ закрылъ глаза. Лицо его горѣло, дыханіе дѣлалось чаще.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ опять взглянулъ на Серебрянаго.

— Братъ, сказалъ онъ, — кабы мнѣ напиться воды, да поступить!

Рѣка была недалеко, князь всталъ, зачерпнулъ въ шлемъ воды и подалъ Максиму.

— Теперь какъ будто полегчало, сказалъ умирающій, — приподыми меня, помоги перекреститься!

Князь приподнял Максима. Онъ повелъ кругомъ себя угасающимъ взоромъ, увидѣлъ бѣгущихъ Татаръ, и улыбнулся.

— Я говорилъ, Никита Романычъ, что Богъ стоитъ за насъ... смотри какъ разсыпались... а у меня ужъ и въ глазахъ темнѣетъ... охъ не хотѣлось бы умирать теперь!..

Кровь хлынула изъ устъ его.

— Господи, прима мою душу! проговорилъ Максимъ, и упалъ мертвый.

ГЛАВА XXVII.

Басмановъ.

Люди Басманова и разбойники окружили Серебрянаго.

Татары были разбиты на голову, многіе отдались въ плѣнь, другіе бѣжали. Максиму вырыли могилу и похоронили его честно. Между тѣмъ, Басмановъ велѣлъ раскинуть на берегу рѣчки свой персидскій шатеръ, а двоюродный его, одивъ изъ начальныхъ людей рати, доложилъ Серебряному, что бояринъ бьетъ ему челомъ, просить не побрезгать походнымъ обѣдомъ.

Лежа на шелковыхъ подушкахъ, Басмановъ, уже расчесанный и надушенный, смотрѣлся въ зеркало, которое держалъ поредъ нимъ молодой стремянной, стоя на козляхъ.

Видъ Басманова являлъ странную смѣсь лукавства, надменности, изнѣженнаго разврата и безпечной удали; и сквозь эту смѣсь проглядывало то недоброжелательство, которое никогда не покидало опричника при видѣ земскаго. Предполагая что Серебряный долженъ презирать его, онъ, даже исполняя долгъ гостепріимства, придумывалъ заранѣ, какъ бы отомстить гостю, если тотъ неравно выкажетъ свое презрѣніе. При входѣ Серебрянаго, Басмановъ привѣтствовалъ его наклопеніемъ головы, но не тронулся съ мѣста.

— Ты раненъ, Федоръ Алексѣичъ? спросилъ Серебряный простодушно.

— Нѣтъ, не раненъ, сказалъ Басмановъ, принимая эти слова за насмѣшку, и рѣшившись встрѣтить ее безстыдствомъ,—нѣтъ, не раненъ, а только уморился немного, да вотъ лицо какъ будто загорѣло. Какъ думаешь, князь, прибавилъ онъ, продолжая смотрѣться въ зеркало, и поправляя свои жемчужныя серьги, — какъ думаешь, скоро сойдетъ загаръ?

Серебряный не зналъ что и отвѣчать.

— Жаль, продолжалъ Басмановъ,—сегодня не успѣемъ въ баню; до вотчины моей будетъ верстъ тридцать, а завтра, князь, милости просимъ, угощу тебя лучше теперешнаго, увидишь мои хороводы: дѣвки всѣ на подборѣ, а парни—старшему двадцати не будетъ.

Говоря это, Басмановъ сильно картавилъ.

— Спасибо, бояринъ, я спѣшу въ Слободу, отвѣчалъ сухо Серебряный.

— Въ Слободу? Да вѣдь ты никакъ изъ тюрьмы убѣжалъ.

— Не убѣжалъ, Федоръ Алексѣичъ, а увели меня насильно. Давши слово царю, я самъ бы не ушелъ, и теперь опять отдаюсь на его волю.

— Тебѣ, стало, хочется на вистлицу? Вольному воля, спасенному рай! А я ужъ не знаю вернуться ли мнѣ?

— Что такъ, Федоръ Алексѣичъ?

— Да что! сказалъ Басмановъ, предаваясь досадѣ, или, можетъ быть, желая только внушить Серебряному довѣріе, —саужишь царю всею правдой, отдаешь ему и душу и плоть, а онъ, того и смотри, посадить тебѣ какого-нибудь Годунова на голову!

— Да тебя-то кажется жалууетъ царь.

— Жаауеть! До сей поры и окольничимъ сдѣлать не хочеть! А ужь кажется, я ли ему не холопь! Небось Годуновъ не по моему служить. Этотъ бережетъ себя, какъ бы земскіе про него худо не подумали.—Эй, Борисъ, ступай въ застѣнокъ, боярина допрашивать!—Иду, государь, только, какъ бы онъ не провезъ меня, я къ этому двѣу не привыченъ, прикажи Григорью Лукьявичу со мной идти!—Эй, Борисъ, вонъ за тѣмъ столомъ земскій бояринъ мало пьетъ, подвеси ему вина, разумѣешь? — Разумѣю, государь, да только онъ на меня подозрѣніе держитъ, ты бы лучше Ѳедьку Басманова послаалъ! А Ѳедька не отговаривается, куда пошлютъ, туда и идетъ. Поведи лишь царь очами, брата роднаго отравилъ бы, и не спросилъ бы за что. Помнишь, какъ я тебѣ за столомъ чашу отъ Ивана Васильича-то поднесъ? Вѣдь я думалъ, ова съ ядомъ, ей Богу думалъ!

Серебряный усмѣхнулся.

— А гдѣ ему, продолжалъ Басмановъ, какъ бы подстрѣкаемый къ большей наглости,—гдѣ ему найдти слугу краше меня? Видалъ ли ты такіа брови какъ у меня? Чѣмъ эти брови не собольи? А волосы-то? Трешь, князь, пощупай вѣдь шелкъ, право-ну шелкъ!

Отвращеніе выразилось на лицѣ Серебрянаго. Басмановъ это замѣтилъ и продолжалъ, какъ будто желая подразнить своего гостя:

— А руки-то мои, посмотри, князь, чѣмъ онѣ не дѣвичьи? Только вотъ сегодня намозолилъ маленько. Такой ужь у меня нравъ, ни въ чемъ себя не жалѣю!

— И подлинно не жалѣешь, сказалъ Серебряный, не въ силахъ болѣе сдержать своего негодованія,—коли все то правда что про тебя говорятъ...

— А что же про меня говорятъ? подхватилъ Басмановъ, лукаво прищурясь.

— Да ужь и того бы довольно, что ты самъ рассказываешь; а то говорятъ про тебя, что ты передъ царемъ, прости Господи, какъ дѣвушка, въ лѣтничкѣ пляешь!

Краска бросилась въ лицо Басманова, но онъ призвалъ на помощь свое обычное безстыдство.

— А что жь, сказалъ онъ, принимая безпечный видъ,—если и въ самомъ дѣлѣ пляшу?

— Тогда прости, сказалъ Серебряный,—мнѣ не только съ тобой обѣдать, но и смотрѣть на тебя соромно!

— Ага! вскричалъ Басмановъ, и поддѣльная безпечность его исчезла, и глаза засверкали, и онъ уже забылъ картать: — ага! выговорилъ наконецъ! Я знаю что вы всё про меня думаете! Да мнѣ, вотъ видишь ли, на всёхъ васъ наплевать!

Брови Серебрянаго сдвинулись и рука опустилась было на крыжъ его сабли, но онъ вспомнилъ съ кѣмъ говорить, и только пожалъ плечами.

— Да что ты за саблю-то хватаешься? продолжалъ Басмановъ.— Меня этимъ не испугаешь. Какъ самъ примусь за саблю, такъ еще посмотримъ, чья возьметъ!

— Прости! сказалъ Серебряный, и приподнялъ завѣсу шатра, чтобы выйти.

— Саушай, вскричалъ Басмановъ, хватая его за полу кафтана.— кабы на меня кто другой такъ посмотрѣлъ, я, видать Богъ, не спустилъ бы ему, но съ тобой ссориться не хочу; больно хорошо Татаръ рубишь!

— Да и ты, сказалъ добродушно Серебряный, останавливаясь у входа и вспоминая какъ дрался Басмановъ,—да и ты не хуже меня рубилъ ихъ. Что жъ ты опять вздумалъ доматься, словно баба какая!

Лицо Басманова опять сдѣлалось безпечно.

— Ну не сердись, князь! Я вѣдь не всегда таковъ былъ; а въ Слободѣ, самъ знаешь, поневолѣ всему научишься!

— Грѣшно, Федоръ Алексѣвичъ! Когда сидишь ты на конѣ, съ саблей въ рукѣ, сердце, глядя на тебя, радуется. И доблесть свою показалъ ты сегодня, любо смотрѣть было. Брось же свой бабій обычай, остриги волосы какъ Богъ велитъ, сходи на покаяніе въ Кіевъ, или въ Соловки, да и вернись на Москву христіаниномъ!

— Ну, не сердись, не сердись, Никита Романычъ! Сядь сюда, пообѣдай со мной, вѣдь я не песъ же какой, есть и хуже меня; да и не все-то правда что про меня говорить; не всякому слуху вѣрь. Я и самъ иногда съ досады на себя наклепаю!

Серебряный обрадовался, что можетъ объяснить поведеніе Басманова въ лучшую сторону.

— Такъ это не правда, поспѣшилъ онъ спросить, — что ты въ дѣтннкѣ плясалъ?

— Эхъ дался тебѣ этотъ лѣтчикъ! Развѣ я по своей охотѣ его надѣваю? Или ты не знаешь царя? Да и что мнѣ, въ святые себя прочить, что ли? Ужь я и такъ въ Слободѣ поцусь ему въ угожденіе; ни одной заутрени не проспалъ; каждую среду и пятницу по сту земныхъ поклоновъ кладу; какъ еще лба не расшибъ! Кабы тебѣ пришлось по цѣлымъ недѣлямъ въ стихарѣ ходить, небось и ты бѣ для перемѣны лѣтчикъ надѣлъ!

— Скорѣй пошелъ бы на плаху! сказалъ Серебрявый.

— Ой ли? произнесъ насмѣшливо Басмановъ, и бросивъ злобный взглядъ на князя, онъ продолжалъ съ видомъ доврчивости:—А ты думаешь, Никита Романовичъ, мнѣ весело, что по царской милости меня уже не Федоромъ, а Федорой величаютъ? И еще бы какая прибыль была мнѣ отъ этого! А то вся прибыль ему, а мнѣ одинъ соромъ! Вотъ хоть на-медни, ѣду всполемъ мимо Дорогомиловской слободы: анъ мужичье-то пальцами на меня показываютъ, а кто-то еще закричи изъ толпы: „Эвотъ царская Федора ѣдетъ!“ Я было напустился на нихъ, да разбѣжался. Прихожу къ царю, говорю такъ и такъ, не ведаю, говорю, Дорогомиловцамъ хоаона твоего корить, вотъ ужъ одинъ меня Федорой назвалъ. „А кто назвалъ?“—Да кабы зналъ кто, не пришелъ бы докучать тебѣ, самъ бы зарѣзалъ его. „Ну, говоритъ, возьми изъ моихъ кладовыхъ сорокъ соболей на душегрѣйку.“—А на что мнѣ она! Небось, ты не надѣнешь душегрѣйки на Годунова, а чѣмъ я хуже его? „Да что же тебѣ, Федя, пожаловать?“—А пожалуй меня окольниковичемъ, чтобъ люди въ глаза не корили! „Нѣтъ, говоритъ, окольниковичемъ тебѣ не бывать; ты мнѣ потѣшникъ, а Годуновъ совѣтникъ; тебѣ казна, а ему почетъ. А что Дорогомиловцы тебя Федорой назвали, такъ отписать за то всю Дорогомиловщину на мой царскій обиходъ!“ Вотъ тебѣ и потѣшникъ! Да съ тѣхъ поръ какъ бросили Москву, и потѣхи-то не было. Все постились, да Богу молились. Со скуки ужъ въ вотчину отпросился, да и тамъ надоѣло. Не вѣкъ же зайцевъ да перепеловъ травить! Поневолаѣ обрадовался какъ вѣсть про Татаръ пришла. А вѣдь хорошо мы ихъ откологили, ей Богу хорошо! Довольно и полону пригонимъ къ Москвѣ! Да я было и забылъ про полонъ! Стрѣлаешь ты изъ лука, князь?

— А что?

— Да такъ. Послѣ обѣда привяжемъ Татарина шагахъ

во сто: кто первый въ сердце попадетъ. А что не въ сердце, то не въ почетъ. Окопаетъ, другаго приважемъ.

Открытое лицо Серебрянаго омрачилось.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я въ связанныхъ не стрѣляю.

— Ну такъ велѣмъ ему бѣжать: кто первый на бѣгу свалитъ.

— И того не стану, да и тебѣ не дамъ! Здѣсь, слава Богу, не Александра слобода!

— Не дамъ? вскричалъ Басмановъ, и глаза его снова загорѣлись, но вѣроятно, не вошло въ его расчетъ ссориться съ княземъ и внезапно переѣвивъ приемы, онъ сказалъ ему весело:—Эхъ, князь! Развѣ не видишь, я шучу съ тобой! И про лѣтчикъ ты повѣрилъ! Вотъ ужъ полчаса я потѣшаюсь, а ты, что ни скажу, все за правду примаешь! Да мнѣ хуже чѣмъ тебѣ слободской обычаи постылъ! Развѣ ты думаешь, я лажу съ Грязнымъ, али съ Вяземскимъ, али съ Малютой? Вотъ-те Христось, они у меня какъ бѣльмо на глазу! Слушай, князь, продолжалъ онъ вкрадчиво,—знаешь ли что? Дай мнѣ первому въ Слободу вернуться, а тебѣ выпрошу прощенье у царя, а какъ войдешь опять въ милость, тогда ужъ и ты сослужи мнѣ службу. Стоить только шепнуть царю, сперва про Вяземскаго, а тамъ про Малюту, а тамъ и про другихъ, такъ посмотри коли мы съ тобой не останемся самдругъ у него въ приближеніи. А я ужъ знаю что ему про кого сказать, да только лучше чтобъ онъ со стороны услышалъ. Я тебя научу какъ говорить, ты мнѣ спасибо скажешь!

Странно сдѣлалось Серебряному въ присутствіи Басманова. Храбрость этого человека и полувывыказанное сожалѣніе о своей постыдной жизни располагали къ нему Никиту Романовича. Онъ даже готовъ былъ подумать, что Басмановъ въ самомъ дѣлѣ передъ этимъ шутилъ, или съ досады клепалъ на себя, но послѣднее предложеніе его, сдѣланное очевидно не въ шутку, возбудило въ Серебряномъ прѣжее отвращеніе.

— Ну, сказалъ Басмановъ, нагло смотря ему въ глаза,—пополамъ, что ли, царскую милость? Что жъ ты молчишь, князь? Аль не вѣришь мнѣ?

— Федоръ Алексѣичъ, сказалъ Серебряный, стараясь умирить свое негодованіе и быть повѣжливей къ угощав-

шему его хозяину, — Федоръ Алексѣичъ, вѣдь то что ты затѣялъ, оно.. какъ бы тебѣ сказать? вѣдь это...

— Что? спросилъ Басмановъ.

— Вѣдь это скаредное дѣло! выговорилъ Серебряный и подумалъ, что смягчивъ голосъ, онъ скрасилъ свое выраженіе.

— Скаредное дѣло! повторилъ Басмановъ, преодолевая злобу и скрывая ее подъ видомъ удивленія:—да ты забылъ про кого я тебѣ говорю. Развѣ ты мыслишь къ Вяземскому или къ Маляутѣ?

— Громъ Божій на нихъ и на всю опричнину! сказалъ Серебряный. — Пусть только царь дастъ мнѣ говорить, а при нихъ открыто скажу все что думаю и что знаю, но шептать не стану ему ни про кого, а коими паче съ твоихъ словъ, Федоръ Алексѣичъ!

Ядовитый взглядъ блеснулъ изъ-подъ рѣсницъ Басманова.

— Такъ ты не хочешь, чтобъ я съ тобой царскою милостью подѣлился?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Серебряный.

Басмановъ повѣсилъ голову, схватился за нее обѣими руками, и сталъ перекачиваться со стороны на сторону.

— Охъ, сирота, сирота я! загорилъ онъ на распѣвъ, будто бы плача:—сирота я горькая, горемычная! Съ тѣхъ поръ какъ разлюбилъ меня царь, всякъ только и норовить, какъ бы обидѣть меня! Никто не приласкаетъ, никто не приглубитъ, всѣ такъ на меня и плюютъ! Ой житье мое, житье нерадостное! Надоело ты мнѣ, собачье житье! Захлестну поясокъ за перекладку, продѣну въ петельку головушку безталанную!

Серебряный съ удивленіемъ смотрѣлъ на Басманова, который продолжалъ голосить и причитывать, какъ бабы на похоровахъ, и только иногда, украдкой, вскидывалъ исподлобья свой наглый взоръ на князя, какъ бы желая уловить его впечатлѣніе.

— Тьфу! сказалъ наконецъ Серебряный и хотѣлъ было выйдти, но Басмановъ опять поймалъ его за полу.

— Эй! закричалъ онъ:—пѣсенниковъ!

Вошло нѣсколько человекъ, вѣроятно ожидавшихъ сѣражи. Они загородили выходъ Серебряному.

— Братцы, началъ Басмановъ прежнимъ плаксивымъ

голосомъ,—затяните-ка пѣсенку, да пожалобиѣе, затяните такъ, чтобы душа моя востоквадась, надорвалась да и разлучилась бы съ тѣломъ!

Пѣсенника затянули длинную, заулывную пѣсню, въ родѣ похоронной, въ продолженіи которой Басмановъ все переминался со стороны на сторону, и приговаривалъ:

— Протажѣе, протажѣе! Еще протажѣе, други! Отпѣвайте своего боярина, отпѣвайте! Вотъ такъ! Вотъ хорошо! Да что жь душа не хочетъ изъ тѣла вонъ? Или не настала еще часъ ея? Или написано мнѣ еще на свѣтѣ помяться? А коли написано, такъ надо мяться! А коли сказано жить, такъ надо жить! Плясовую! крикнулъ онъ вдругъ, безъ всякаго перехода, и пѣсенники, привыкшіе къ такимъ перебивкамъ, гранули плясовую.

— Живѣй! кричалъ Басмановъ, и схвативъ двѣ серебряныя стопы, началъ стучать ими, одна о другую.—Живѣй, соколы! Живѣй, бѣсовы дѣти! Я васъ, разбойники!

Вся наружность Басманова измѣнилась. Ничего женоподобнаго не осталось на лицѣ его. Серебряный узналъ того удальца, который утромъ бросался въ самую сѣчу и гналъ передъ собою толпы Татаръ.

— Вотъ этакъ-то получше! проговорилъ князь, одобрительно кивнувъ головой.

Басмановъ весело на него взглянулъ.

— А вѣдь ты опять повѣрилъ мнѣ, князь! Ты подумалъ, а и вправду расхвѣялся! Эхъ, Никита Романчычъ, легко жь тебя провести! Ну, выпьемъ же теперь про наше знакомство. Коли поживемъ вмѣстѣ, увидишь, что я не такой какъ ты думалъ!

Безпечный разгулъ и бѣшеное веселье подѣйствовали на Серебрянаго. Онъ принялъ кубокъ изъ рукъ Басманова.

— Кто тебя разберетъ, Федоръ Алексичъ! Я никогда такъ не видывалъ. Можетъ и вправду ты лучше чѣмъ кажешься. Не знаю что про тебя и думать, но Богъ свелъ насъ на ратномъ полѣ, а потому: во здравіе твое!

И онъ осушилъ кубокъ до дна.

— Такъ, князь! Такъ, душа моя! Видитъ Богъ, я люблю тебя! Еще одну стопу на погибель всѣхъ Татаръ что осталось на Руси!

Серебряный былъ крѣпокъ къ вину, но послѣ второй стопы, мысли его стали путаться. Напитокъ ли былъ хмѣль-

нѣе обыкновеннаго, или подмѣшалъ туда чего-нибудь Басмановъ, но у князя голова заходила кругомъ; заходила кругомъ и ничего не стало видно Никитѣ Романовичу; слышалась только бѣшеная пѣсня съ припевомъ и топаніемъ, да голосъ Басманова:

— Живѣй, ребята! Во свѣ, что ли, поете? Кого хороните, воры!

Когда Серебряный пришелъ въ себя, пѣніе еще продолжалось, но онъ уже не стоялъ, а полусидѣлъ на персидскихъ подушкахъ, Басмановъ старался, съ помощью стремлянаго, напаять на него женскій лѣтчикъ.

— Надѣвай же озой опашень, бояринъ, говорилъ онъ, — на дворѣ уже сырѣть начинается!

Пѣсенники въ это время, окончивъ колѣно, переводили духъ.

Въ глазахъ Серебрянаго еще рябило, мысли его еще не совсѣмъ прояснились, и онъ готовъ былъ вздѣть лѣтчикъ, принимая его за опашень, какъ среди наставшей тишины, послышалось протяжаое завыванье.

— Это что? спросилъ гнѣвно Басмановъ.

— На Скуратова могилѣ песь зоеть! отвѣтилъ стремляной, выглянувъ изъ шатра.

— Подай сюда лукъ да стрѣлу, я научу его выть, когда мы съ гостемъ веселимся.

Но, при имени Скуратова, Серебряный совершенно отрезвился.

— Постой, Федоръ Алексѣичъ, сказалъ онъ, вставая, — это Максимовъ Буякъ, не тронь его. Онъ зоветъ меня на могилу моего названнаго брата; не въ мѣру я съ тобой загулялся; прости, пора мнѣ въ путь!

— Да надѣвай же сперва оашень, князь.

— Не на меня шить, сказалъ Серебряный, распознавая лѣтчикъ, который протягивалъ ему Басмановъ, — носи его самъ, какъ доселѣ нашивалъ.

И не дожидаясь отвѣта, онъ плюнулъ и вышелъ изъ шатра.

За нимъ посыпались проклятія, ругательства и богохульства Басманова; но не обращая на нихъ вниманія, онъ подошелъ къ могилѣ Максима, положилъ поклонъ своему названному брату и, сопровождаемый Буяномъ, присоединился къ разбойникамъ, которые, подъ начальствомъ Перстня уже расположились на отдыхъ вокругъ пылающихъ костровъ.

ГЛАВА XXVIII.

Разставаніе.

Едва занялась заря, какъ ужъ Перстень поднялъ шапку.

— Ребятунки! сказалъ онъ разбойникамъ, когда они собрались вокругъ него и Серебрянаго.— Настала мнѣ часъ разстаться съ вами. Простите, ребятунки! Иду опять на Волгу. Не поминайте же меня лихомъ, коли я въ чемъ со- грубилъ передъ вами!

И Перстень поклонился въ поясъ разбойникамъ.

— Атаманъ! заговорила въ одинъ голосъ вольвица:— не оставлай насъ! Куда мы поидемъ безъ тебя!

— Идите съ княземъ, ребятунки. Вы вашимъ вчерашнимъ дѣломъ заслужили вины свои; можете опять учиниться чѣмъ прежде были; а князь не оставитъ васъ!

— Добрые молодцы, сказалъ Серебряный,— я далъ царю слово, что не буду уходить отъ суда его. Вы знаете, что я изъ тюрьмы не по своей волѣ ушедъ. Теперь долженъ я сдержать мое слово, повести царю мою голову. Хотите ль идти со мною?

— А проститъ ли онъ насъ? спросили разбойники.

— Это въ Божьей волѣ; не хочу васъ обманывать. Мо- жеть, проститъ, а можетъ и нѣтъ. Подумайте, потолкуйте межъ собою да и скажите мнѣ, кто идетъ и кто остается.

Разбойники переглянулись, отошли въ сторону и начали въ поголоса совѣтоваться. Черезъ нѣсколько времени они вернулись къ Серебряному.

— Идемъ съ тобой, коли атаманъ идетъ!

— Нѣтъ, ребятунки, сказалъ Перстень,— меня не про- сите. Коли вы и не поидете съ княземъ, все жъ намъ до- рога не одна. Довольно я погулялъ здѣсь, пора на родину. Да мы же и повздорили немного, а порванную веревку какъ ни вяжи, все узелъ будетъ. Идите съ княземъ, ребя- тунки, или выберите себѣ другаго атамана, а лучше, по- саушайтесь моего совѣта, идите съ княземъ; не вѣрится

мѣ посаѣ нашего дѣла, чтобы царь и его, и васъ не простилъ!

Разбойники опять потолковали, и посаѣ краткаго совѣщанія, раздѣлились на двѣ части. Бѣлая подошла къ Серебряному.

— Веди насъ! сказали они:— пусть будетъ съ нами что и съ тобой!...

— А другіе-то что жь? спросилъ Серебряный.

— Другіе выбрали въ атаманы Хлопко, мы съ ними не хотимъ!

— Тамъ всѣ, что похуже, остались, шепнулъ Перстень князю.—они и дрались-то вчера не такъ какъ эти!

— А ты, сказалъ Серебряный,—ни за что не пойдешь со мной?

— Нѣтъ, князь, я не то что другіе. Меня царь не проститъ, не таковы мои вѣности. Да признаться, и соскучился я по Ермакѣ Тимоѣичѣ; вотъ ужъ который годъ не видалъ его. Прости, князь, не поминай лихою!

Серебряный сжалъ руку Перстня, и обаялъ его крѣпко.

— Прости, атаманъ, сказалъ онъ,—жалъ мѣ тебя, жалъ, что идешь на Волгу; не такимъ бы тебѣ дѣломъ заниматься.

— Кто знаетъ, князь, отвѣтилъ Перстень, и отважный взоръ его принялъ странное выраженіе,—Богъ не безъ милости, авось и не всегда буду тѣмъ что теперь!

Разбойники стали приготовляться къ походу.

Когда взошло солнце, на берегу рѣчки уже не было видно ни шатра, ни людей Басманова. Федоръ Алексѣевичъ поднялся еще ночью, чтобы первому принести царю извѣстіе объ одержавной побѣдѣ.

Прощаясь съ товарищами, Перстень увидѣлъ возаѣ себя Митьку.

— Прости жь и ты, губошлепъ! сказалъ онъ весело,— послужилъ ты вчера царю за четверыхъ, не оставитъ онъ тебя своей милостью!

Но Митька, какъ бы въ недоумѣніи, почесалъ затылокъ!

— Ну что? спросилъ Перстень.

— Ничаво! отвѣчалъ лѣниво Митька, почесывая одною рукой затылокъ, другою поясицу.

— Ну, ничего, такъ ничего!—и Перстень уже было отошелъ, какъ Митька, собравшись съ духомъ, сказалъ протажно:

- Атаманъ, а, атаманъ!
 — Чтò?
 — Я въ Слободу не хочу!
 — Куда жь ты хочешь?
 — А съ тобой!
 — Неавзя со мной; я на Волгу иду.
 — Ну и я на Волгу!
 — Зачѣмъ же не съ княземъ?

Митька подвинулъ одну ногу впередъ, и усталился, какъ бы въ замѣшательствѣ, на свой лапотъ.

— Опричникъ что ли боишься? спросилъ насмѣшливо Перстень.

Митька сталъ почесывать то затылокъ, то бока, то поясницу, но не отвѣчалъ ничего.

— Мало ты ихъ видишь? продолжалъ Перстень:— съѣли они тебя, что ли?

— Навѣсту взяла! проговорилъ, нехотя Митька.

Перстень засмѣялся.

— Вишь, злопамятный! Не хочеть съ ними хлѣба-сола вѣсти! Ну, прижмись къ Хлопку.

— Не хочу, сказалъ рѣшительно Митька:— хочу съ тобой на Волгу!

— Да я не прямо на Волгу!

— Ну и я не прямо!

— Куда жь ты?

— А куда ты, туда и я!

— Эхъ, пристааъ какъ банный листъ! Такъ знай же, что мнѣ сперва надо въ Слободѣ побывать!

— Зачѣмъ? спросилъ Митька, и выпучилъ глаза на атамана.

— Зачѣмъ! Зачѣмъ! повторилъ Перстень, начиная терять терпѣніе:— затѣмъ, что я тамъ прошлаго года орѣхи грызъ, скорлапу забываю!

Митька посмотрѣлъ было на него съ удивленіемъ, но тотчасъ же усмѣхнулся и раставуаъ ротъ до самыхъ ушей, а отъ глазъ пустиаъ по вискамъ лучеобразныя морщины, и придааъ лицу своему самое хитрое выраженіе, какъ бы желая сказать: меня, братъ, наауть не такъ-то легко; а очень хорошо знаю, что ты идешь въ Слободу не за орѣховою скорлапой, а за чѣмъ-нибудь другимъ!

Однако онъ этого не сказалъ, а только повторилъ усмѣхался:

— Ну и я съ тобой!

— Что съ нимъ будешь дѣлать! сказалъ Перстень, пожимая плечами.—Видно ужъ не отвязаться отъ него, такъ и быть, иди со мной, дурень, только послѣ не пейай на меча, коли тебя повѣсятъ!

— А хоча и повѣсятъ! отвѣтилъ Митька равнодушно.

— Ладно, парень. Вотъ за это люблю! Прощайся же скорѣй съ товарищами да и въ путь!

Заспанное лицо Митьки не оживилось, но онъ тотчасъ же началъ неуклюжо подходить къ товарищамъ и каждого, хотѣвшаго и не хотѣвшаго, чмокнулъ по три раза, кого добровольно, кого насильно, кого загребая за плечи, кого ухвативъ за голову.

— Атаманъ, сказалъ Серебряный,—стало мы съ тобой по одной дорогѣ?

— Нѣтъ, бояринъ. Гдѣ я пройду, тамъ тебѣ не пройхать. Я въ Слободѣ буду прежде тебя, и еслибы мы встрѣтились, ты меня не узнавай; а впрочемъ мы и не встрѣтимся; я до твоего прѣзда уйду; надо только кое-какія дѣла покончить.

Серебряный догадался, что у Перстня было кое-что спрятано, или зарыто въ окрестностяхъ Слободы, и не настаивалъ.

Вскорѣ два отряда потянулись по двумъ разнымъ направленіямъ.

Большій шель за Серебрянымъ вдоль рѣчки по зеленому лугу, еще покрытому слѣдами вчерашней битвы, и за нимъ, опустивъ голову и хвостъ, тащился Буянь. Онъ часто подбѣгалъ къ Серебряному, жалобно повизгивалъ и потомъ оборачивался на свѣжій могильный холмъ, пока наконецъ не окрыли его изъ виду высокіе камыши.

Другой, меньшій отрядъ, пошелъ за Хлопкой.

Перстень удалился въ третью сторону, и за нимъ, не спѣша и переваливаясь съ боку на бокъ, послѣдовалъ Митька.

Опустѣла широкая степь, и настала на ней прежняя тишина, какъ будто браанный гулъ и не возмущалъ ея накануне. Только кой-гдѣ паслись разбѣжавшіеся татарскіе кони, да валялись по пожару разбросанные доски.

Вдоль цвѣтущаго берега рѣчки, жаворонки попрежнему шевели въ небесной синевѣ, лыски перекликались въ густыхъ камышахъ, а мелкія пташки перепархивали, чирикаа, съ тростника на тростникъ, или, заливаясь пѣснями, садились на пернатыхъ стрѣлы, вонзившіяся въ землю во время битвы, и торчавшія теперь на зеленомъ лугу, межъ болотныхъ цвѣтовъ, какъ будто бѣ и онѣ были цвѣты, и росла тамъ уже Богъ знаетъ сколько времени.

ГЛАВА XXIX.

Очная ставка.

Съ недѣлю послѣ пораженія Татаръ, царь принималъ въ своей опочивальнѣ Басманова, только что прибывшаго изъ Рязани. Царь зналъ уже о подробностяхъ битвы, но Басмановъ думалъ, что объявить о ней первый. Онъ надѣялся приписать себѣ одному всю честь побѣды, и разчитывалъ на дѣйствіе своего разказа, чтобы войти у царя въ прежнюю милость.

Иванъ Васильевичъ слушалъ его со вниманіемъ, перебирая четки, и опустивъ взоръ на алмазное кольцо, которымъ былъ украшенъ указательный перстъ его; но когда Басмановъ, окончивъ разказъ и трахнувъ кудрями, оказалъ съ самодовольнымъ видомъ:

— Что жь, государь, мы, кажется, постарались для твоей милости!

Иоаннъ поднялъ глаза и усмѣхнулся.

— Не пожалѣли себя, продолжалъ вкрадчиво Басмановъ, — такъ ужь и ты, государь, не пожалѣй наградить слугу твоего!

— А чего бы тебѣ хотѣлось, Федя? спросилъ Иоаннъ, принимая видъ добродушія.

— Да пожалуй меня хоть окольнымими чтобы люди-то не корили.

Иоаннъ посмотрѣлъ на него пристально.

— А чѣмъ маѣ Серебрянаго пожаловать? спросилъ онъ неожиданно.

— Опаальника-то твоего? сказалъ Басмановъ, скрывая свое смущеніе подъ свойственнымъ ему безстыдствомъ:— да чѣмъ же кола не висѣлицей? Вѣдь онъ ушелъ изъ тюрьмы, да съ своими ставичниками чуть дѣла не испортилъ. Кабы не переполошилъ онъ Татаръ, мы бы ихъ всѣхъ какъ перепеловъ накрыли.

— Полно такъ ли? А я такъ думаю, что Татары тебя въ торока ввязали бз какъ въ тотъ разъ, помнишь? Вѣдь тебѣ уже не впервой, дѣло знакомое!

— Знакомое дѣло за тебя горе терпѣть, продолжалъ Басмановъ дерзко,— а вотъ это незнакомое, чтобы спасибо услышать. Небось тебѣ и Годуновъ, и Малюта, и Вяземскій не по моему служатъ, а награды ты для нихъ не жалѣешь.

— И подлинно не по моему. Гдѣ имъ плясать суаротивъ тебя!

— Надежда-государь, отвѣтилъ Басмановъ, теряя терпѣніе,— коли нелюбъ я тебѣ, отпусти меня совсѣмъ!

Басмановъ надѣялся, что Іоаннъ удержитъ его; но отсутствіе изъ Слободы, вмѣсто того чтобы оживить къ нему любовь Іоанна, охладило ее еще болѣе; онъ успѣлъ отъ него отвыкнуть, а другіе любимцы, особенно Малюта, оскорбленный высокоуміемъ Басманова, воспользовались этимъ временемъ, чтобы отвратить отъ него сердце Іоанна.

Разчетъ Басманова оказался невѣренъ. Замѣтно было, что царь забавляется его досадой.

— Такъ и быть, сказалъ онъ, съ притворною горестью;— хоть и тошно мнѣ будетъ, безъ тебя, сиротѣ одинокому, и дѣла-то государскія пожалуй замутатся, да ужъ нечего дѣлать, промаюсь какъ-нибудь моимъ слабымъ разумомъ. Ступай себѣ, Федя, на всѣ четыре стороны! Я тебя насильно держать не стану.

Басмановъ не могъ долѣе скрыть своей злобы. Избалованный прежними отношеніями къ Іоанну, онъ далъ ей полную волю.

— Спасибо тебѣ, государь, сказалъ онъ,— спасибо за твою хлѣбъ-соля! Спасибо, что выгоняешь слугу своего, какъ негоднаго пса! Буду, прибавилъ онъ неосторожно,— буду хвалиться на Руси твоею лаской! Пусть же другіе послужатъ тебѣ, какъ служила Федора! Много грѣховъ взялъ я на

душу на службѣ твоей, одного грѣха не взялъ, колдовства не взялъ на душу!

Иванъ Васильевичъ продолжалъ усмѣхаться, но при поставшихъ словахъ выраженіе его измѣнилось.

— Колдовства? спросилъ онъ, съ удивленіемъ, готовымъ обратиться въ гнѣвъ:—да кто жь здѣсь колдуетъ?

— А хоть бы твой Вяземскій! отвѣчалъ Басмановъ, не опуская очей передъ царскимъ взоромъ.—Да, продолжалъ онъ, не смущаясь грознымъ выраженіемъ Іоанна, — тебѣ видно одному невѣдомо, что когда онъ бываетъ на Москвѣ, то по ночамъ ѣздитъ въ лѣсъ, на мельницу, колдовать; а зачѣмъ ему колдовать, коли не для того чтобъ извести твою царскую милость?

— Да тебѣ-то отчего оно вѣдомо? спросилъ царь, провзая Басманова испытующимъ окомъ.

На этотъ разъ Басмановъ нѣсколько струсилъ.

— Вѣдь я, государь, вчера только услышалъ отъ его же холопей, сказалъ онъ поспѣшно:—кабы услышалъ прежде, такъ тогда и доложилъ бы твоей милости.

Царь задумался.

— Ступай, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія,—я это дѣло разберу; а изъ Слободы погоди увѣзжать до моего приказа.

Басмановъ ушелъ, довольный что успѣлъ заронить въ мнительномъ сердцѣ царя подозрѣніе на одного изъ своихъ соперниковъ, но сильно озабоченный холодностью государя.

Вскорѣ царь вышелъ изъ опочивальни въ приемную палату, сѣлъ на кресло, и, окруженный опричниками, сталъ выслушивать поочередно земскихъ бояръ, пріѣхавшихъ отъ Москвы, и отъ другихъ городовъ съ докладами. Отдавъ каждому приказанія, поговоривъ со многими обстоятельно о нуждахъ государства, о сношеніяхъ съ иностранными державами и о мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшаго вторженія Татаръ, Іоаннъ спросилъ нѣтъ ли еще кого просящаго приѣма?

— Бояринъ Дружина Андреичъ Морозовъ, отвѣчалъ одинъ стольникъ,—сѣтъ челоуѣ твоей царской милости, проситъ чтобы допустилъ ты его предъ твои свѣтлыя очи.

— Морозовъ? сказалъ Іоаннъ,—да развѣ онъ не сгорѣлъ

на пожаръ? Живучъ старый песь! Чтò жь? Я снялъ съ него опалу, пусть войдетъ!

Стольникъ вышелъ; вѣкоръ толпа царедворцевъ раздвинулась, и Дружина Андреевичъ, поддерживаемый двумя знакомцами, подошелъ къ царю и опустился предъ нимъ на колѣни.

Вниманіе всѣхъ обратилось на стараго боярина.

Лицо его было блѣдно, дороства много поубавилось, на лбу виденъ былъ шрамъ нанесенный саблею Вяземскаго, но впалые очи являли прежнюю силу воли, а на сдвинутыхъ бровяхъ лежалъ попрежнему отпечатокъ непреклоннаго упрямства.

Вопреки обычаю двора, одежда его была *смирная*.

Иоаннъ смотрѣлъ на Морозова, не говоря ни слова. Кто умѣлъ читать въ царскомъ взорѣ, тотъ прочелъ бы въ немъ теперь скрытую ненависть и удовольствіе видѣть врага своего униженнымъ; но поверхностному наблюдателю выраженіе Иоанна могло показаться благосклоннымъ.

— Дружина Андреечъ, сказалъ онъ важно, но ласково, — я снялъ съ тебя опалу; зачѣмъ ты въ смирной одеждѣ?

— Государь, отвѣчалъ Морозовъ, продолжая стоять на колѣняхъ, — не пригоже тому рядиться въ парчу, у кого домъ сожгли твои опричники и насильно жену увезли. Государь, продолжалъ онъ твердымъ голосомъ, — бью тебѣ челомъ въ обидѣ моей на оружничаго твоего, Аеоныку Вяземскаго!

— Встань, сказалъ царь, — и разкажи дѣло по ряду. Коли кто изъ моихъ обидѣлъ тебя, не спусти я ему, будь онъ хотя самый близкій ко мнѣ человекъ.

— Государь, продолжалъ Морозовъ, не вставая, — вели позвать Аеоныку. Пусть при мнѣ дастъ отвѣтъ твоей милости!

— Чтò жь, сказалъ царь, какъ бы немного подумавъ, — просьба твоя дѣлая. Отвѣтчикъ долженъ вѣдать чтò говорить истецъ. Позвать Вяземскаго. А вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ знакомцамъ отошедшимъ на почтительное разстояніе, — подымите своего боярина, посадите его на скамью; пусть подождетъ отвѣтника!

Со времени нападенія на домъ Морозова, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Вяземскій успѣлъ оправиться отъ ранъ. Онъ жилъ попрежнему въ Слободѣ, но не вѣдая ничего

объ участи Елены, которую ни одинъ изъ его разсылныхъ не могъ отыскать, онъ былъ еще пасмурнѣе чѣмъ прежде, рѣдко являлся ко двору, отговариваясь слабостью, не участвовалъ въ пирахъ, и многимъ казалось, что въ приемахъ его есть признаки помѣшательства. Иоанну не нравилось удаленіе его отъ общихъ молитвъ и общаго веселья; но онъ, зная о неудачномъ похищеніи боярыни, приписывалъ поведеніе Вяземскаго мученіямъ любви и былъ къ нему снисходителенъ. Лишь послѣ разговора съ Басмавовымъ, поведеніе это стало казаться ему яснымъ. Жалоба Морозова, представляла удобный случай вывѣдать многое черезъ очную ставку, и вотъ почему онъ принялъ Морозова лучше чѣмъ ожидали царедворцы.

Вскоръ явился Вяземскій. Наружность его также значительно измѣнилась. Онъ какъ будто постарѣлъ нѣсколькими годами, черты лица сдѣлались рѣзче, и жизнь, казалось, сосредоточилась въ огненныхъ и безпокойныхъ глазахъ его.

— Подойди сюда, Афанасій, сказалъ царь.—Подойди и ты, Дружина. Говори, въ чемъ твое челобитье. Го воръ прямо, разказывай все какъ было.

Дружина Андреевичъ приблизился къ царю. Стоя рядомъ съ Вяземскимъ, но не удостоивая его взгляда, онъ подробно изложилъ всѣ обстоятельства нападенія.

— Такъ ли было дѣло? спросилъ царь, обращаясь къ Вяземскому.

— Такъ! сказалъ Вяземскій, удивленный вопросомъ Иоанна, которому давно все было извѣстно.

Лицо Ивана Васильевича омрачилось.

— Какъ отчаялся ты на это? сказалъ онъ, устремивъ на Вяземскаго строгій взоръ:—развѣ я дозволяю разбойничать моимъ опричникамъ?

— Ты знаешь, государь, отвѣтилъ Вяземскій, еще болѣе удивленный,—что дожъ разграбленъ не по моему указу, а что я увезъ боярыню, на то было у меня твое дозволеніе!

— Мое дозволеніе? произвесь царь, медленно выговаривая каждое слово.—Когда я позволялъ тебѣ?

Тутъ Вяземскій замѣтилъ, что напрасно хотѣлъ опереться на намекъ Ивана Васильевича, сдѣланный ему иносказательно во время пира, намекъ, вслѣдствіе котораго онъ почелъ себя въ правѣ увезти Елену силою. Не отгады-

вая еще цѣли, съ какою царь отказывался отъ своихъ поощреній, онъ понялъ однако, что надобно измѣнить образъ своей защиты. Не изъ трусости и не для сохраненія своей жизни, которая, при переѣзчивомъ нравѣ царя, могла быть въ опасности, рѣшился Вяземскій оправдаться. Онъ не потерялъ еще надежды добыть Елену, и всѣ средства казались ему годными.

— Государь, сказалъ онъ, — я виноватъ передъ тобою, ты не дозволялъ мнѣ увести боярыню. Вотъ какъ было дѣло. Послалъ ты меня къ Москвѣ, снять опалу съ боярина Морозова, а онъ, ты знаешь, издавна держитъ на меня вражду за то что еще до свадьбы спознался я съ женою его. Какъ прибылъ я къ нему въ домъ, онъ и порѣшилъ вмѣстѣ съ Никитой Серебрянымъ извести меня. Послѣ стола они съ холопами напали на насъ предательскимъ обычаемъ; мы же дали отпоръ, а боярыня-то Морозова, вѣдая мужнину злобу, побоялась остаться у него въ домѣ и упросила меня взять ее съ собою. Уѣхала она отъ него вольною волею, а когда я въ лѣсу обезпамятовалъ отъ ранъ, такъ и досель не знаю куда она дѣлась. Должно-быть, нашелъ ее бояринъ и держитъ гдѣ-нибудь взаперти, а можетъ-быть, и со свѣту сжилъ ее! Не ему, продолжалъ Вяземскій, бросивъ ревнивый взоръ на Морозова, — не ему искать на мнѣ безчестія. Я самъ, государь, бью челомъ твоей милости на Морозова, что напалъ онъ на меня въ домъ своемъ вмѣстѣ съ Никитой Серебрянымъ!

Царь не ожидалъ такого оборота. Клевета Вяземскаго была очевидна, но въ расчетъ Иоанна не вошло ее обнаружить. Морозовъ въ первый разъ взглянулъ на врага своего.

— Лжешь ты, окалякый песь! сказалъ онъ, окидывая его презрительно съ ногъ до головы, каждое твое слово есть негодная ложь; а я въ своей правдѣ готовъ крестъ цѣловать! Государь! веди ему, окалякному, выдать мнѣ жену мою Елену Дмитриевну, съ которою повѣнчалъ я по закону христіанскому!

Иоаннъ посмотрѣлъ на Вяземскаго.

— Чтѣ скажешь ты на это? спросилъ онъ, сохраняя хладнокровную наружность судьи.

— Я уже говорилъ тебѣ, государь, что увезъ боярыню по ея же упросу; а когда я на дорогѣ истекъ кровью, холони мои кашаи меня въ лѣсу безъ памяти. Не было при

нѣ на коня моего, на боярыни, перенесли меня на мельницу, къ знахарю; онъ-то и зашепталъ кровь. Болѣ ничего не знаю.

Вяземскій не думалъ, что упоминая о мельницѣ, онъ усилитъ въ Иоаннѣ зародившееся подозрѣніе и придастъ вѣроугодіе наговору Басманова; но Иоаннъ не показалъ вида что обращаетъ вниманіе на это обстоятельство, а только записалъ его въ памяти, чтобы воспользоваться имъ при случаѣ; до поры же до времени затаилъ свои мысли подъ личиною безпристрастія.

— Ты слышалъ? оказалъ онъ Вяземскому:— бояринъ Дружина готовъ въ своихъ рѣчахъ крестъ цѣловать? Какъ очиститься передъ нимъ?

— Бояринъ воленъ говорить, отвѣтилъ Вяземскій, рѣшившійся, во что бы ни стало, вести свою защиту до конца, — онъ воленъ клепать на меня, а я иду на немъ моего увѣчья, и самъ буду въ правдѣ моей крестъ цѣловать.

По собранію пробѣжалъ ропотъ. Всѣ опричники знали какъ совершилось нападеніе, и сколь ни закоренѣли они въ злодѣйствѣ, но не всакій изъ нихъ рѣшился бы присягнуть ложно.

Самъ Иоаннъ изумился дерзости Вяземскаго; но въ тотъ же мигъ онъ повѣлъ, что можетъ черезъ нее погубить ненавистнаго Морозова и сохранить при томъ видъ строгаго правосудія.

— Братія! сказалъ онъ обращаясь къ собранію;— свидѣтельствуюсь вамъ, что я хотѣлъ узнать истину. Не въ обычай моемъ судить, не услышавъ оправданія. Но въ одномъ и томъ же дѣлѣ, двѣ стороны не могутъ крестъ цѣловать. Одинъ изъ противниковъ солживитъ свою присягу. Я же, яко добрый пастырь, боронящій овцы моя, ни кого не хочу допустить до погубленія души. Пусть Морозовъ и Вяземскій судятся судомъ Божиимъ. Отъ сего числа черезъ десять дней назначаю имъ поле, здѣсь въ Слободѣ, на Красной площади. Пусть явятся съ своими стряпчими и поручниками. Кому Богъ дастъ одолѣвие, тотъ будетъ чистъ и передо мною, а кто не вынесетъ боя, тотъ, хотя бы и живъ остался, тутъ же приметъ казнь отъ рукъ палача!

Рѣшеніе Иоанна произвело въ собраніи сильное впечатлѣніе. Во мнѣніи многихъ оно равнялось для Морозова

смертному приговору. Нельзя было думать, чтобы престарѣлый бояринъ устоялъ противъ молодого и сильнаго Вяземскаго. Всѣ ожидали, что онъ откажется отъ поединка, или по крайней мѣрѣ попроситъ позволенія поставить, вмѣсто себя, наемнаго бойца. Но Морозовъ поклонился царю и сказалъ спокойнымъ голосомъ.

— Государь, пусть будетъ по твоему! Я старъ и хворъ, давно не надѣвалъ служилой брони; но въ Божьемъ судѣ не сила беретъ, а правое дѣло! Уповаю на помощь Господа, что не оставитъ Онъ меня въ правомъ дѣлѣ моемъ, покажетъ предъ твоею милостью и предъ всѣми людьми неправду врага моего!

Услыша царскій приговоръ, Вяземскій было обрадовался, и очи его уже запылали надеждой; но увѣренность Морозова немного смутила его. Онъ вспоминалъ, что по общепринятому повятію, въ судебномъ поединкѣ Богъ неминуемо даруетъ побѣду правой сторонѣ, и невольно усумнилась въ своею успѣхъ.

Однако, подавивъ мимолетное смущеніе, онъ также поклонился царю и произнесъ:

— Да будетъ по твоему, государь!

— Ступайте, сказалъ Иоаннъ, — ищите себѣ поручиковъ, а черезъ десять день, съ восходомъ солнца, будьте оба на Красной площади, и горе тому, кто не выдержитъ боя!

Бросивъ на обоихъ глубокой необъяснимый взоръ, царь всталъ и удалился во внутренніе покои, а Морозовъ вышелъ изъ палаты, полный достоинства, въ сопровожденіи своихъ знакомцевъ, не глядя на окружающихъ его опричниковъ.

ГЛАВА XXX.

Заговоръ на желѣзо.

На другой же день Вяземскій уѣхалъ къ Москвѣ.

Во всякое другое время, готовясь къ поединку, онъ положился бы на свою силу и ловкость; но дѣло шло объ Еленѣ. Поединокъ былъ не простой; исходъ его зависѣлъ отъ суда Божія, а князь зналъ свою неправоту, и сколько ни показался бы ему Морозовъ презрителемъ въ обыкновенной схваткѣ, но въ настоящемъ случаѣ онъ опасался не-

беспаго гнѣва, страшился, что во время боя у него оцѣмѣютъ или отымутся руки. Опасеніе это было тѣмъ сильнѣе, что недавно зажившія раны еще причиняли ему боль, и что по временамъ онъ чувствовалъ слабость и изнеможеніе. Князь не хотѣлъ ничѣмъ пренебрегать, чтобъ упрочить за собою побѣду, и рѣшился обратиться къ знакомому мельнику, взять у него какого-нибудь зелья и сдѣлать черезъ колдовство удары свои неотразимыми.

Полный раздумья и волненій, вѣхалъ онъ по лѣсу шагомъ, наклоняясь время отъ времени на сѣдлѣ и разбирая тропинки заросшія папоротникомъ. Послѣ многихъ поворотовъ, попалъ онъ на болѣе торную дорогу, осмотрѣлся, узналъ на деревьяхъ замѣты и пустилъ коня рысью. Вскорѣ послышался шумъ колеса. Подъѣзжая къ мельницѣ, князь вмѣстѣ съ шумомъ сталъ различать человѣческій говоръ. Онъ остановился, слѣзъ съ сѣдла и, привязавъ коня въ орѣшникѣ, подошелъ къ мельницѣ пѣшкомъ. У самаго сруба стоялъ чей-то конь въ богатой збруѣ. Мельникъ разговаривалъ съ стройнымъ человѣкомъ, но Вяземскій не могъ видѣть лица его, потому что незнакомецъ повернулся къ нему спиною, готовясь сѣсть въ сѣдло.

— Будешь доволенъ, бояринъ, говорилъ ему мельникъ, утвердительно кивая головою, — будешь доволенъ, батюшка! Войдешь опять въ царскую милость, и чтобы громъ меня тутъ же прихлопнулъ, коли не пропадетъ и Вяземскій и всѣ твои вороги! Будь спокоенъ, ужь противу Тирлича-травы не одинъ не устоитъ!

— Добро, огвѣчалъ посѣтитель, взлѣзая на коня, — а ты, старый чортъ, помни нашъ уговоръ: коли не будетъ маѣ удачи, повѣшу тебя какъ собаку!

Голосъ показался Вяземскому знакомъ, но колесо шумѣло такъ сильно, что онъ остался въ недоумѣніи кто именно былъ говорившій.

— Какъ не быть удачѣ, какъ не быть, батюшка, продолжалъ мельникъ, низко кланяясь, — только не сымай съ себя тирача-то; а когда будешь съ царемъ говорить, гляди ему прямо и весело въ очи; смѣло гляди ему въ очи, батюшка, не показывай страху-то; говори ему шутки и прибаутки какъ прежде говаривалъ, такъ будь я анаѣема, коли опять въ честь не войдешь!

Всадникъ повернулъ коня и, не замѣчая Вяземскаго, проѣхалъ мимо его рысью.

Князь узналъ Басманова, и ревмивое воображеніе его закипѣло. Занятый одною мыслью объ Еленѣ, онъ не обратилъ вниманія на рѣчи мельника, но услышавъ свое имя, подумалъ, что видитъ въ Басмановѣ новаго неожиданнаго соперника.

Мельникъ между тѣмъ, проводивъ глазами Басманова, присѣлъ на завалеку и принялся считать золотыя деньги. Онъ весело ухмылялся, перекладывая ихъ съ ладони на ладонь, какъ вдругъ почувствовалъ на плечѣ своемъ тяжелую руку.

Старикъ вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и чуть не обмеръ отъ страха, когда глаза его встрѣтились съ черными глазами Вяземскаго.

— О чемъ ты, колдунъ, съ Басмановымъ толковалъ? спросилъ Вяземскій.

— Ба... ба... батюшка! произнесъ мельникъ, чувствуя, что ноги подъ нимъ подкашиваются:—батюшка, князь Александръ Ивановичъ, какъ извоишь здравствовать?

— Говори! закричалъ Вяземскій, схвативъ мельника за горло и таща его къ колесу, говори, что вы про меня толковали?

И онъ перегнулъ старика надъ самымъ шумомъ.

— Родимый! простоналъ мельникъ:—все скажу твоей милости, все скажу, батюшка, отпусти лишь душу на покаяніе.

— Зачѣмъ прѣзжалъ къ тебѣ Басмановъ?

— За корнемъ, батюшка, за корнемъ! А я вѣдь зналъ, что ты тутъ, я зналъ что ты все слышишь, батюшка; за тѣмъ-то я и говорилъ погромче, чтобы вѣдомо тебѣ было, что Басмановъ хочетъ погубить твою милость!

Вяземскій отшвырнулъ мельника отъ става.

Старикъ понялъ, что миновался первый порывъ его гнѣва.

— Какой же ты, родимый, сердитый! сказалъ онъ, поднимаясь на ноги:—говорю тебѣ, я зналъ, что твоя милость близко; я съ утра еще ожидалъ тебя, батюшка!

— Ну чего же хочетъ Басмановъ? спросилъ князь смягченнымъ голосомъ.

Мельникъ между тѣмъ успѣлъ совершенно оправиться.

— Да, вѣшь ты, сказалъ онъ, придавая лицу своему доврчивое выраженіе,—говоритъ Басмановъ, что царь разлюбилъ его, что тебя-молъ больше любить и что тебѣ, да

Годунову Борису Федорычу, да Малютѣ Скуратову, только и деть отъ него ласка. Ну, и присталъ ко мнѣ, чтобы мнѣ ему тираича. Дай, говорить, тираича, чтобы мнѣ въ царскую милость войти, а ихъ чтобы разлюбилъ царь и славу чтобы на нихъ положилъ! Чтò ты будешь съ нимъ дѣлать! Присталъ съ ножомъ къ горлу, вынь да положи; не спорить мнѣ съ нимъ! Ну и далъ я ему корешокъ, да и корешокъ-то, батюшка, дрянной. Такъ, валящійся корешка далъ ему, чтобы только жива оставилъ. Стаду я ему тираича давать, чтобы супротивъ тебя его царь полюбилъ!

— Чертъ съ нимъ! сказалъ равнодушно Вяземскій:—какое мнѣ дѣло, любить ли царь его или нѣтъ! Не за тѣмъ я сюда прѣхалъ. Узналъ ли ты чтò, старикъ, про боярыню?

— Нѣтъ, родимый, ничего не узналъ. Я и гошамъ твоимъ говорилъ, что нельзя узнать. А ужъ какъ старался-то я для твоей милости! Семь ночей сряду глядѣлъ подъ колесо. Вижу, ѣдетъ боярыня по дѣсу, самъ-другъ съ старымъ человѣкомъ; сама такая печальная, а старъ человѣкъ ее утѣшаетъ, а болаъ ничего и не видно; вода замутилась и ничего болаъ не видно!

— Съ старымъ человѣкомъ? Стало-быть съ Морозовымъ? Съ мужемъ своимъ?

— Нѣтъ, не должно быть; Морозовъ будетъ подороднѣ, да и одежда-то его другая. На этомъ простой кафтанъ, не боярскій; должно-быть простой человѣкъ!

Вяземскій задумался.

— Старикъ! сказалъ онъ вдругъ:—умѣешь ты сабли заговаривать?

— Какъ не умѣть, умѣю. Да тебѣ на чтò, батюшка? Чтобы рубила сабля, али чтобъ тупилась отъ удара?

— Вѣстимо чтобы рубила, лѣшій!

— А то, бываетъ, заговариваютъ вражьи сабли, чтобы тупилась али ломались о бровь...

— Мнѣ не вражью саблю заговаривать, а овою. Я буду биться на полѣ, такъ надо мнѣ, во чтò бы ни стало, супротивника убить, слышишь?

— Слышу, батюшка, слышу! Какъ не слышать!—И старакъ началъ про себя думать: „Съ кѣмъ же это онъ будетъ биться? Кто его враги? Ужъ не съ Басмановымъ ли? Наверядъ ли! Онъ сейчасъ о немъ отзывался презрительно,

а князь не такой человекъ чтобъ умѣлъ скрывать свои мысли. Развѣ съ Серебрянымъ? Но мельникъ зналъ, черезъ Михеича, что Серебряный вкинуть въ тюрьму, а отъ по славныхъ Вяземскаго, да и отъ некоторыхъ товарищей Перстыя слышалъ, что ставичники освободили Никиту Романовича и увели съ собой, стало-быть не съ Серебрянымъ. Остается одинъ бояринъ Морозовъ. Онъ за похищеніе жены могъ вызвать Вяземскаго. Правда, онъ больно старъ, да въ судномъ поединкѣ дозволяется поставить вмѣсто себя другаго бойца. Стало-быть, разчелъ мельникъ, князь будетъ биться или съ Морозовымъ, или съ наймитомъ его.“ — Дозволь, батюшка, сказалъ онъ,—воды зачерпнуть, твоего супостата посмотреть!

— Дѣлай какъ знаешь, возразилъ Вяземскій, и сѣлъ въ раздумьѣ, на свалеяный пень.

Мельникъ вынесъ изъ коморы бадью, опустилъ ее подъ самое колесо и зачерпнувъ воды, поставилъ возлѣ князя.

— Эхъ, эхъ! сказалъ онъ, нагнувшись надъ бадьей, и глядя въ нее приставно,—видится мнѣ твой супротивникъ, батюшка, только въ тоакъ не возьму! Больно онъ старъ. А вотъ и тебя вижу, батюшка, какъ ты сходиться съ нимъ...

— Что жъ? спросилъ Вяземскій, тщетно стараясь увидѣть что-нибудь въ бадьѣ.

— Ангелы стоятъ за старика, продолжалъ мельникъ таинственно, и какъ бы самъ удивленный тѣмъ что онъ видитъ,—небесныя силы стоятъ за него; трудно будетъ заговорить твою саблю!

— А за меня никто не стоитъ? спросилъ князь, съ невольною дрожью.

Мельникъ смотрѣлъ все приставнѣе, глаза его одѣлались совершенно неподвижны, казалось, онъ, начавъ морочить Вяземскаго, былъ пораженъ дѣйствительнымъ видѣніемъ и ему представилось что-то страшное.

— И у твоей милости, сказалъ онъ, шепотомъ, есть защитники... А вотъ теперь ужъ ничего не вижу, вода потемнѣла!

Онъ поднялъ голову, и Вяземскій замѣтилъ, что крупный потъ катился со лба его..

— Есть и у тебя защитники, батюшка, прошептавъ овъ, боязливо.— Можно будетъ заговорить твое оружіе.

— На, сказалъ князь, вынимая изъ ноженъ тяжелую саблю,—на, заговаривай!

Мельникъ перевелъ духъ, разгребъ руками яму, и вложилъ въ нее рукоятъ сабли. Затапавъ землю, овъ утвердилъ лезвее остриемъ вверхъ, и началъ ходить кругомъ, причитывая вполголоса:

„Выкатило солнышко изъ-за моря Хвалынского, восходилъ мѣсяцъ надъ градомъ каменнымъ, а въ томъ градѣ каменномъ породила меня матушка, и рожаа, приговариваа: будь ты, мое дитяtko, цѣль-невредимъ: отъ стрѣлъ и мечей, отъ бойцовъ и борцовъ. Опласывала меня матушка мечомъ-кладенцомъ. Ты мой мечъ-кладенецъ, вертись и крутись, ты вертись и крутись какъ у мельницы жернова вертятся, ты круши и кроши всяку сталь и укладъ, и желѣзо, и мѣдь; пробивай, прорубай всяко мясо и кость; а вражьи удары чтобы прядали отъ тебя какъ камни отъ воды, и чтобы не было тебѣ отъ нихъ ни царапины, ни зазубрины! Заговариваю раба Аеанасья, опоясываю мечомъ-кладенцомъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!“

Овъ вытащилъ саблю и подалъ ее князю, отряхнувъ съ рукояти землю, и бережно обтеревъ ее полою.

— Возьми, батюшка, князь Аеанасій Иванычъ. Будетъ она тебѣ служить, лишь бы супротивникъ твой свою саблю въ святую воду не окунулъ!

— А если окуметъ?

— Чтò жь дѣлать, батюшка! Противъ святой воды наговорное желѣзо не властно. Только, пожалуй, и этому пособить можно. Дамъ я тебѣ голубца болотнаго, ты его въ мѣсточкѣ на шею повѣсь, такъ у врага у своего глаза отведешь.

— Подавай голубецъ! сказалъ Вяземскій.

— Изволь, батюшка, изволь; для твоей княжеской милости и голубца не пожааю.

Старикъ сходилъ опять въ комнату, и принесъ князю что-то зашитое въ тряпицѣ.

— Дорого оно мнѣ досталось, сказалъ овъ, какъ бы жалѣя выпустить изъ рукъ тряпицу,—трудно его добывать. Какъ полѣзешь за нимъ не въ урочный часъ въ болото, такіе на тебя нападутъ страхи, что Господи упаси!

Князь взялъ зашитый предметъ, и бросилъ мельнику махну съ золотыми.

— Награди Господь твою княжескую милость! оказалъ старикъ, низко кланяясь.—Только, батюшка, дозволяю еще словцо тебѣ молвить: теперь уже до поединка-то въ церковь не ходи, обѣдни не слушай; не то, чего добраго! и наговоръ-то мой съ лезвья соскочить.

Вяземскій ничего не отвѣчалъ, и направился было къ мѣсту, гдѣ привязалъ коня, но вдругъ остановился.

— А можешь ты, сказалъ онъ,—навѣрно узнать кто изъ насъ живъ останется?

Мельникъ замаялся.

— Да должно-быть ты, батюшка! Какъ тебѣ живу не остаться. Я тебѣ и прежде говаривалъ: не отъ меча твоей милости смерть написана!

— Посмотри еще разъ въ бадью!

— Чтѣ жъ еще смотрѣть, батюшка! Теперь ничего не увидишь, и вода-то ужъ помутилась.

— Зачерпни свѣжей воды! сказалъ Вяземскій повелительно.

Мельникъ, повиновался нехотя.

— Ну, чтѣ тамъ видно? спросилъ князь нетерпѣливо.

Старикъ съ примѣтнымъ отвращеніемъ нагнулся надъ бадьею.

— Ни тебя не видно, батюшка, ни супротивника твоего! сказалъ онъ, блѣднѣя,—видна площадь, народу полно; много головъ на кольяхъ торчатъ; а въ сторонѣ костеръ догораетъ, и человѣческія кости къ столбу прикованы!

— Чьи головы на кольяхъ торчатъ? спросилъ Вяземскій, пересидывая невольный страхъ.

— Не вижу, батюшка, все опять помутилось; одинъ костеръ еще свѣтится, да кости чьи-то висятъ у столба!..

Мельникъ съ усиленіемъ поднималъ голову и, казалось, съ трудомъ отвелъ взоръ отъ бадьи. Его дергали судороги, потъ катился съ лица его; онъ стоналъ и охалъ, дотащился до завалины, и упалъ на нее въ изнеможеніи.

Вяземскій отыскалъ своего коня, сѣлъ въ сѣдло, и полный раздумья, поѣхалъ къ Москвѣ.

(До слѣд. №.)

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ¹

Х. Своя блоха укусила.

Въ слѣдующій день послѣ описаннаго мною пиршества, я проснулся рано, и свѣлъ подъ окномъ любоваться на городъ пересѣченный садиками, вычищенный какъ должно, и еще не успѣвшій утратить благоприличнаго вида приданнаго его улицамъ по случаю пріѣзда Ивана Ивановича. Сановникъ и свита его укатили еще къ ночи; служащія лица, съ честью выпроводивъ гостя, сладко вѣжились на перинахъ; съ ними покоилось и все городское населеніе. Матѣевъ съ восходомъ солнца ушелъ на охоту, Пучковъ еще не вставалъ съ постели, храпѣніе Ивана Петровича слышалось черезъ тонкую стѣну моей спальни, уподобляясь шуму рѣки быстро катающейся по камнямъ. Утро могло назваться предельнымъ; въ воздухѣ пахло яблоками, соломою вывозимой изъ овинъ, цикоріемъ и печенымъ хлѣбомъ; на рѣкѣ двѣ или три рано поднявшіяся бабы стучали по мокрому бѣлью колотушками, а въ саду хозяина двѣ горничныя разстилали холсты и пѣли тоненькими фальцетами очень жалобную пѣсню на голосѣ „среди долины ровныя“. Изъ пѣсни сей, какъ кажется не помѣщенной ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ, но вполнѣ достойной вниманія просвѣщенныхъ собирателей, упомянулъ я лишь два стиха, произносимые съ особливою чувствительностью:

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 5, 6, 7 и 8.

Лакей, спивья, безчувственный
Амютку соблазнилъ...

Покуда я всаушивался въ пѣсню и задавалъ себѣ вопросъ о томъ, гдѣ, въ какую эпоху и кѣмъ она могла быть сложена, передъ домомъ Пучкова остановился красивый дормезъ, лакей съ великолѣпными бакенбардами живо отворилъ его дверцы, и вслѣдъ за тѣмъ раздался привѣтливый голосъ Виктора Петровича Краснопольскаго:

— А, вотъ онъ,—старый пріятель! Что вы одни? Никого я здѣсь не потревожу?

— Не только не потревожите, отвѣчалъ я на это,—но даже узрите господина, котораго вчера сами признали необыкновеннымъ мыслителемъ. Домъ принадлежитъ Пучкову; впрочемъ онъ кажется спать послѣ своихъ вчерашнихъ успѣховъ.

— Пускай себѣ спитъ, сказалъ савошникъ новаго поколѣнія, пробираясь въ дверь, которую я ему отомкнулъ на боковомъ крылечкѣ: — записку его я просмотрю дорогой; надо скакать въ Петербургъ; и такъ ужъ я съ нашимъ старцемъ потерялъ около недѣли. Какъ у васъ тутъ хорошо! продолжалъ Викторъ Петровичъ, садясь къ окну и скинувъ глазами чистую комнату, оружіе на стѣнѣ, и кучечку сада, весь пестрѣвшій астрами, георгинами и позлыми левкоями. — Счастливы вы человекъ, Сергѣй Ильичъ! Всякій уголокъ, куда вы пріютитесь, такъ и просится на картинку. Когда-то мнѣ придется отдохнуть въ маленькомъ городкѣ въ родѣ нашего, и мирно сидѣть вмѣстѣ съ вами въ свѣтлой, уютной комнаткѣ, никуда не торопясь, но и чемъ не заботясь!..

— Что за идиллическое настроеніе! замѣтилъ я усмѣхнувшись.

— Нисколько не идиллическое, выразился мой гость, закуривая сигару и ласково принимая стаканъ чая отъ румяной Наташи, такъ больно колотившей по рукамъ жемчужнаго Ивана Петровича. — Времена измѣнчивы; мы несемся впередъ на всѣхъ парахъ, и человекѣку извинительно подумать объ отдыхѣ послѣ этого одуряющаго движенія. И повѣрьте, что я не хуже вашего умѣлъ бы наслаждаться милымъ затихшемъ, посреди нашего добраго уѣзднаго города...

— Ну, ну, ну, драгоценнѣйшій мой Викторъ Петровичъ! Не все то затишье что на видъ кажется смиреннымъ, и не знаю навѣрное полюбились ли бы вамъ со мной здѣшнѣе нравы и принялись ли бы мы сами по праву гг. Евдокимова, Краснобаева или Подосиновика, съ которыми вчерашній день вы достаточно познакомились... Да неужели вы отлетаете отъ насъ сейчасъ же? И въ Петербургъ прямо? И не проститесь съ Варварой Михайловной?..

— О ней то я и хотѣлъ поговорить съ вами. Вы ее совсемъ забыли; хоть бы сестра ваша съ ней видалась почаще. Дѣла не дають мнѣ недѣли свободной, а жену я оставилъ въ такомъ положеніи...

— Будто? спросилъ я, готовясь поздравить и похвалить Вактора Петровича.

— Вы не то думаете. Оставилъ я ее въ положеніи новомъ, грустномъ и разстроенномъ. Вы знаете съ какими свѣтлыми мыслями пріѣхала она въ имѣніе. Ей такъ хотѣлось сблизиться съ крестьянами, она такъ любила ихъ всѣхъ...

— Не досказывайте, дорогой сосѣдъ, исторія мнѣ совершенно извѣстна, хотя я давно уже не видался съ Варварой Михайловной. Она желала добра, крестьяне ее не поладили, она искала популярности, а полевая работа пошла какъ нельзя хуже. Это всегдашній подводный камень многихъ добрыхъ помѣщиковъ въ наше время. По моему крайнему разумѣнію, тутъ не виновата ни одна изъ сторонъ виноваты лишь преувеличенныя ожиданія, съ которыми жена ваша сюда пріѣхала. Съ нѣсколькими сотнями крестьянъ не сблизись въ какіе-нибудь два мѣсяца; да кажется мнѣ, что теперь надобность состоитъ не въ томъ чтобы сблизиться, а чтобы мирно и честно разойтись съ ними. Сближеніе, если кто его точно желаетъ, придетъ само собой современемъ, когда ясно окажется, что обѣ стороны могутъ отъ него выиграть. Откинувъ же идеальныя ожиданія и посмотрѣвъ на все дѣло съ житейской, а не съ какой-нибудь журнальной точки зрѣнія, Варвара Михайловна переставеть огорчаться. Я надѣюсь, что въ вашемъ имѣніи не было же открытаго неповиновенія?..

— Этого не было, благодаря Бога, но мелкія неприятели, постоянное упорство въ переговорахъ, невозможныя требованія, даже грубыя рѣчи... все это мучило жену и

постоянно ее мучить. За мое короткое пребываніе въ Варваринскомъ я надѣялся устроить дѣла, и по крайней мѣрѣ подвинуть соглашеніе по поводу уставной грамоты, но признаюсь откровенно, — и тутъ Викторъ Петровичъ почувствовалъ голосъ: — прошу васъ, чтобъ это осталось между нами: я увѣжаю изъ деревни съ чувствомъ невольнаго, глубокаго отвращенія.

— Викторъ Петровичъ, замѣтилъ я, — да неужели же вы рассчитывали что такое трудное и щекотливое дѣло, какъ развязка вашихъ отношеній съ крѣпостными людьми, могло сдѣлаться въ десять дней, безъ споровъ и нѣкотораго неудовольствія?

— Ни споровъ, ни открытыхъ неудовольствій я не боялся, возразилъ савонникъ новаго поколѣнія съ неподдѣльнымъ чувствомъ, — все это я еще могу преодолѣть съ прямою и разумною уступчивостью. Я не оскорбился, когда крестьяне заплатили насмѣшками за то что жена, не жалѣя трудовъ, сама устроила имъ школу; я не виню ихъ въ томъ, что они не позволяютъ дѣтямъ ходить въ нее учиться. Я не сѣтую на то что по упорной лѣности рабочихъ, и вольныхъ и барщанинниковъ, почти весь мой глѣбъ сгнилъ въ полѣ. Но были огорченія другаго рода, которыя чуть не лишили меня моей всегдашней сдержанности. Вы знаете, добрый и старый другъ, что съ дѣтства я ненавиждѣлъ все похожее на ложь, и ненависть эту сохранилъ въ себѣ посреди всякаго рода искушеній. Видите меня въ чемъ хотите, относите прямо ко мнѣ многое дурное въ ходѣ дѣла по крестьянскому вопросу, — я съ вами соглашусь, — но лжецомъ я никогда не былъ и все что имѣло видъ хитрости всегда возбуждало мое негодованіе. Каково же было мнѣ, при всѣхъ толкахъ съ крестьянами, при всякомъ вопросѣ изъ-за уставной грамоты, видѣть постоянную ложь и обманъ отъ людей, которымъ я никогда не дѣлалъ зла, о благосостояніи которыхъ думалъ цѣлые годы, отъ людей, въ которыхъ ждалъ за неимѣніемъ другихъ мнѣ понятныхъ достоинствъ, встрѣтить прямого и простодушіе? Вы знаете съ какой поры посвятилъ я себя крестьянскому вопросу, вы помните то время, когда я могъ погубить свою будущаость и кончить вѣкъ въ какомъ-нибудь глухомъ городѣ Россіи за мои мнѣнія по этому дѣлу... И послѣ всего этого будете ли вы сомнѣваться...

— Любезный другъ, сказалъ я, — ни въ чистотѣ мнѣній, ни въ заслугахъ вашихъ никто не сомнѣвается, но неуважали вы, при зоркости вашей, можете надѣяться что крестьяне селца Варваринскаго съ деревнями имѣютъ и могутъ имѣть хотя малѣйшее понятіе о ходѣ и значеніи вашей общественной дѣятельности?

Викторъ Петровичъ провелъ по лицу рукою.

— Вы правы сказалъ онъ: — я отвлекся отъ предмета и заораторствовался, словно въ какомъ-нибудь комитетѣ. Я началъ говорить по поводу лжей и обмановъ такъ меня возмутившихъ. Вѣрите ли, что во все мое пребываніе въ деревнѣ, кромѣ дѣя, проведеннаго съ Иванъ Иванычемъ, каждый день открывалъ какое-нибудь шельмовство и попытку надуть меня, какъ неразумнаго младенца. Вся земля, которою до сихъ поръ владѣли крестьяне, по ихъ словамъ оказывалась мерзкою, неудобною, каменистою. Развернувъ планъ, я предложилъ имъ выбрать земли въ пополненіе тѣхъ, которыми они недоволены; крестьяне потребовали, себѣ часть моихъ лучшихъ полей и всѣ покосы, въ то же время заявляя, чтобъ я ихъ не обидѣлъ и оставилъ за ними всѣ ихъ прежнія угодья. Землепашкаго помощника, молодаго малаго, они подговаривали смутовать и отрѣзать отъ меня дѣсокъ, котораго имъ почему то захотѣлось. Наконецъ произошла исторія, о которой я до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить... Я васъ не задерживаю? Можетъ быть вамъ уже надоѣли всѣ эти плачевныя конфиденціи?..

— Почему, надоѣли? развѣ я самъ на розахъ? отвѣчалъ я, подавая гостю сигару.

— Два за два до моего отъѣзда изъ Варваринскаго, крестьяне сообщили мнѣ что значительный колокъ земли, недавно отдавшой (кажется еще отцомъ *Barbe*) въ ихъ владѣніе, совершенно негоденъ, представляетъ одну топь, поросшую дряннымъ кустарникомъ и стало-быть не долженъ идти въ счетъ при надѣлѣ. На планѣ это мѣсто значилось покосомъ. Такое обстоятельство заставило меня сообразить, что мѣсто, когда-то хорошее, можетъ быть вновь осушено и подчищено; поэтому я отвѣчалъ, что согласенъ замѣнить эту землю другою, но при обмѣлѣ возьму себѣ назадъ небольшую топь и попытаюсь ее поправить. Тутъ крестьяне какъ-то странно замаялись, и одинъ изъ нихъ, порядочный

агитаторъ, сталъ мнѣ возражать въ такихъ горячихъ выраженіяхъ, что у меня невольно возбудились подозрѣнія. Я потребовалъ верховую лошадь, взялъ бурмистра и пригласилъ мужиковъ слѣдовать за мною. Сначала они шли тихо, но замѣтивъ что я направляюсь къ топи, отъ которой они повидимому отказывались, стали клянчить и плакаться. „Стоить ли, батюшка нашъ, ужъ такую дрянь отнимать у нашего брата!“ — „Хоть негодная земля, да все же какъ-то къ рукамъ, а тебѣ она на что надобна?“ — „Люди смѣяться стануть, если ты да эту болотину себѣ отрѣжешь.“ — „Ужъ мы бы согласны тебѣ за нее однимъ днемъ въ полѣ проработать.“ Я не отвѣчалъ и ѣхалъ далѣе.

„Прибыли наконецъ мы къ самому мѣсту, за которое предстояло препираться. Ничего разобрать было нельзя: сплошная стѣна молодого лѣска торчала направо и налево, топи и болотинъ покуда не оказывалось. Я хотѣлъ было свернуть съ тропинки: „Тутъ твоя лошадь по шею увязнетъ,“ сказали крестьяне. И по мѣстности и по роду лѣса, топи нельзя было ожидать; я спросилъ бурмистра: онъ видимо боялся крестьянъ и отвѣчалъ что-то нескладное. Волнуясь и досадуя, я спросилъ мужиковъ: такъ какъ же, братцы, мы кончимъ? Земля эта по вашему негодная? — „Самая негодная, ваше превосходительство.“ — И покоса на ней слѣдовъ нѣту? — „На цѣлую версту телѣги одной не накосить.“ — И все-таки вы не хотите ее мнѣ отдать, хоть и требуете другой земли въ замѣну? — „Да на что она тебѣ, батюшка, а мы хоть и безъ толку, а къ ней привыкли.“ — Ну, коли такъ, идемте; прогуляемся по топи.

„Я слѣзъ съ лошади и напроломъ пошелъ черезъ густую стѣну кустарника. Крестьяне, бормоча что-то и жалуюсь, тащились за мною. Не прошелъ я трехъ минутъ какъ лѣсъ сталъ рѣже и рѣже. Наконецъ онъ совсѣмъ прорѣдѣлъ, и передъ нами открылась превосходная низкая луговина, замкнутая кустами и лѣсами какъ живымъ заборомъ. Подъ ногами потянулись полосы отъ недавнихъ косцовъ; куда я ни глядѣлъ, всюду шли эти полосы; нигдѣ не оказывалось признаковъ топи. — Такъ это-то ваша дрянная болотина? сказалъ я крестьянамъ: — и точно здѣсь на цѣлой верстѣ одной телѣги сѣна не скосить? Такъ эту славную

землю вы хотѣли замѣнить моимъ покосомъ, да еще сохратить себѣ въ видѣ земли негодной?

„Крестьяне пытались что-то отвѣчать; одинъ дѣтина, для ящей визости, заплакалъ, но скоро всѣ замолчали, потому что я былъ выведенъ изъ себя и считалъ себя въ правѣ гнѣваться.—Я васъ довольно слушалъ, началъ я собравъ около себя въ кружокъ моихъ провожатыхъ, — теперь выслушайте и вы меня, въ первый разъ и въ послѣдній. Я пріѣхалъ къ вамъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для вашего добра; я поступалъ съ вами правдиво и какъ слѣдуетъ честному человѣку; на это вы отвѣчали мнѣ самымъ подлымъ и недостойнымъ обманомъ. Я хотѣлъ надѣлать васъ землею выше того надѣла, который такъ щедро предоставляенъ вамъ по *Положенію*; вы захотѣли вытянуть изъ меня съ помощью презрѣнной хитрости еще что-нибудь лишнее. Съ этого дня всѣ сосѣдскія соглашенія мои съ вами покончены. Я не могу вести дѣла съ тѣмъ кто не идетъ прямою дорогою. Вы получите лишь то что слѣдуетъ вамъ по закону; надѣлъ будетъ осмотрѣнъ и утвержденъ мировымъ посредникомъ; затѣмъ ни десятины лишней земли я вамъ не предоставляю. Послѣ грамоты, я отъ себя лично раздамъ часть хорошей земли, на выгодѣйшихъ условіяхъ, тѣмъ изъ крестьянъ, съ которыми найду возможность имѣть дѣло; но знайте что собственно въ слѣдующей вамъ надѣлъ: ни одна изъ деревень не получитъ вершка лишняго. Вслѣдъ за этимъ я прогналъ отъ себя всю компанію и вернулся домой въ сквернѣйшемъ расположеніи духа.“

— Ну дорогой сосѣдъ, что скажете вы обо всей этой мизерной исторіи?

— Скажу только то, любезнѣйшій Викторъ Петровичъ, отвѣчалъ я,—что и вы, посѣтивъ свое имѣніе съ слыхомъ сентиментальными предубѣжденіями, обманулись въ нихъ точно также какъ обманулась Варвара Михайловна. Сидя въ столицѣ, вы можете-быть очень вѣрно смотрите на общіе вопросы по крестьянскому дѣлу, тогда какъ въ частныхъ его подробностяхъ, даже я, человѣкъ не очень практичный, могу указать кое-что вамъ еще неизвѣстное. Дѣйствительно, васъ хотѣли надуть обиднымъ и грязнымъ манеромъ; но позвольте спросить *кто* хотѣлъ надуть васъ, и справедливо ли за продѣлку нѣсколькихъ прощелыгъ, произ-

носить приговоръ надъ сотнями людей, ни въ чемъ не виноватыхъ? Простой разговоръ съ хорошимъ сосѣдомъ, и въ особенности посредникомъ, представилъ бы вамъ весь случай въ настоящемъ свѣтѣ.

— То-есть какъ печатается въ народолюбивыхъ газетахъ, окажется, что я желалъ надуть крестьянъ, и что мошенники, называя отличную землю топью, имѣли въ виду нѣчто честное и чисто русское, чего мы, оторванные отъ простаго народа несчастливцы, понять не способны?...

— Вы слишкомъ хорошо знаете, что подобную чушь, къ сожалѣнiю, можно встрѣтить въ россiйской печати, но ни какъ не въ разумномъ разговорѣ. Позвольте спросить, съ кѣмъ изъ вашихъ крестьянъ толковали вы на счетъ надѣла? Всѣ ли домохозяева и дѣльные мужики вашихъ владѣнiй сопровождали насъ на спорное мѣсто? Видите, что мой вопросъ не лишний. Большой сходки вы не собирали, и не въ теперешнiй рабочiй мѣсяцъ сотня народа пойдетъ съ вами гулять по дальнимъ угольямъ. Кружокъ, такъ грозно распеченный вами, непременно состоялъ изъ небольшого числа говорунговъ, сующихся впередъ передъ другими, и принявъ его за безспорныхъ представителей дѣлаго населенiя, вы очень погрѣшили. Спросите всякаго, кто составляетъ уставную грамоту: даже на общей сходкѣ говорить и лѣзетъ впередъ съ нелѣпыми претензiями непримѣтное меньшинство; лучшiй мужикъ не возвышаетъ голоса безъ крайней необходимости. Нѣтъ сомнѣнiя, что и лучшiй мужикъ не прочь отъ своей выгоды, какъ и всякiй на свѣтѣ; но онъ не пойдетъ для нея на плутовство. Онъ не перечесть плуту, и считая барина безмѣрно богатымъ счастливецемъ, конечно не обидится, если плутъ кое-что выторгуетъ въ общую пользу; но отъ этого побужденiя, весьма понятнаго въ неразвитомъ человѣкѣ, еще неизмѣримый путь до обмана. Это первое что могу я сказать вамъ. Второе будетъ то, что Варвара Михайловна, мѣсяца три добиваясь популярности въ своемъ имѣнiи, сама выдвинула впередъ и отличила людей плутоватыхъ, вострыхъ на языкъ и хорошо пользовавшихся ея неопытностью. Во всѣхъ ея бесѣдахъ съ крестьянами, эти красобай лѣзли впередъ, льстили ей, и я самъ былъ свидѣлемъ того, какъ они почти издѣвались надъ нею. Безъ всякихъ розысковъ я увѣренъ, что эти самые люди, совер-

пеннѣйшая дрянь, извергнутая окрестными кабаками, имѣла честь толковать съ вами, и при первомъ слухѣ о томъ что баринъ готовитъ грамоту, явились къ вамъ, не теряя времени, дѣльные мужики, виноватые лишь въ томъ, что пустили ихъ впередъ, какъ пускали при разговорахъ и пиршествахъ на дворѣ у помѣщицы. Повѣрьте, что передъ посредникомъ они закусятъ языкъ, или онъ самъ велитъ имъ молчать, а за нужными свѣдѣніями обратится къ крестьянамъ совсѣмъ другаго рода.

— Кстати вы коснулись посредниковъ, перебилъ меня Краснопольскій съ тѣмъ холодно-беззаботнымъ видомъ, по которому я, хорошо зная манеры моего пріятели, угадалъ, что дѣло подходитъ къ главному предмету бесѣды.— Вы знаете, что имѣніе жены расположено по двумъ мировымъ участкамъ, такъ что ей придется имѣть дѣло съ двумя посредниками. Въ Путиловѣ я совершенно увѣренъ; онъ даже заявлялъ, что считаетъ за честь и за лучшую долю своей дѣятельности хлопоты по Варваринскому. Но что это за мальчикъ Лѣсниковъ? Съ виду онъ и молодъ и задоренъ; мнѣ кажется, у него въ головѣ гибель всякихъ ложно-фиантропическихъ бредней.

— Викторъ Петровичъ, вы ли говорите это? возгласилъ я со смѣхомъ:— вы, украсившіеся превосходительнымъ рангомъ чуть ли не съ двадцатипятилѣтняго возраста, вы, имя коего произносится плантаторами всей Россіи какъ имя зловреднаго филантропа и разрушителя?..

— Кто васъ пойметъ, когда вы шутите и когда говорите серьезно? смѣясь перебилъ меня мой посѣтитель:— если разные отсталые дурни и создали мнѣ какую-то нивеллерскую репутацію, вы-то слишкомъ давно меня знаете чтобы имъ вѣрить. Къ дѣлу однакоже; итакъ вы мнѣ советуете положиться на Лѣсникова?

— Не только советую, но увѣренъ, что во всемъ его участкѣ всѣ дѣла разрѣшаются со всевозможною правдой, и что скорѣе Путиловъ вамъ что-нибудь напутаетъ. Лѣсниковъ, по моему крайнему разумѣнію, посредникъ превосходный и нашъ уздѣ во многомъ будетъ ему обязанъ.

— А я думалъ, что вы скорѣе стоите за Матвѣева.

— Въ томъ, что Матвѣевъ человекъ отличный, нѣтъ ничего удивительнаго; при его лѣтахъ и опытности много и ожидать нельзя. Но встрѣтить твердый житейскій смыслъ,

полное безпристрастіе и умѣніе ладить съ людьми въ юности едва вышедшемъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, недавно вырвавшемся изъ Петербурга, истинная радость для меня, и лучшая защита молодому поколѣнію.

— Правда, правда, добавилъ Краснопольскій.— Но какъ бы хорошо ни были обставлены мои владѣнія, только вы поймете, другъ мой, что я все-таки простился съ *Barbe* не безъ грусти и опасеній. Поэтому я прошу васъ, какъ стараго товарища и человека братски ею любимаго, не покидайте ее въ настоящую тревожную пору. Съ вами я могу быть откровеннѣе, болѣе чѣмъ съ сестрой вашею, которую я тоже отъ себя прошу чаще видаться съ женою. Не скрою отъ васъ, что жена огорчена и почти раздражена неприяностями по имѣнію. Ея розовыя мечты разлетѣлись; за свое добро встрѣтила она холодность или неприязнь... Вы знаете какъ все это дѣйствуетъ на женщину. Теперь она, до этой поры пламенная и преданная дѣлу свободы, даже удивить васъ своими мрачными воззрѣніями. Успокойте же ея мысли, объясните ей многое чего она конечно не разумѣетъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ особенности не допускайте ее увлекаться своими антипатіями, какъ недавно увлекалась она своими демократическими фантазіями. Она вамъ вѣритъ и приметъ отъ васъ не только совѣтъ, но даже открытое и строгое слово осужденія.

— Въ которомъ, сколько могу я судить, и надобности не встрѣтится.

— Кто знаетъ? задумчиво продолжалъ Викторъ Петровичъ.— *Souvent femme varie*. И для самой развитой особы ея пола, не рѣдкость бросаться изъ крайности въ крайность. Повторяю вамъ, вы изумитесь переѣмамъ въ образѣ мыслей вашей старой пріятельницы; поэтому-то именно васъ, какъ истиннаго друга, я прошу побережь ее отъ крайностей. Еслибы встрѣтилась надобность, не отступайте передъ ея упрямствомъ. Въ минуты негодованія она пожалуй захочетъ совершенно разсориться съ крестьянами, будетъ передъ посредникомъ слѣшкомъ односторонне защищать свое владѣльческое право... Но тутъ вы ее и оставите. Растолкуйте ей въ случаѣ нужды, что *наше иля* обязываетъ, что малая потеря дохода ничто передъ нашимъ положеніемъ въ свѣтѣ, что какая-нибудь жалоба на крестьянъ и на *Положеніе*, совершенно простительная въ устахъ

старухи Чемезовой, не должна быть мыслима со стороны Вары Краснопольской. Кто лучше васъ и съ болѣе братскимъ участіемъ можетъ передать ей что надо въ этихъ щекотливыхъ случаяхъ?

— О сивѣоръ Макиавелли! перебилъ я смѣясь:—и вы еще смѣете мечтать о затишьѣ уѣздныхъ городовъ въ родѣ нашего?

— Въ крайнихъ случаяхъ, особенно же еслибы вышла какая важная неприятность по уставной грамотѣ, дайте мнѣ звать въ Петербургъ, отправьте эстафету... Боже мой, какъ однако идетъ время когда бесѣдуешь съ старымъ товарищемъ! Я разчитывалъ обѣдать на желѣзной дорогѣ, а теперь пожалуй и поѣздъ пропуститъ съ здѣшними проселочными клавирами. Прощайте, Сергѣй Ильичъ; изъ Петербурга напишу вамъ длиннѣйшее посланіе, полное всевозможныхъ сплетень и новостей. Кланяйтесь Вѣрѣ Ильичевнѣ; je suis toujours à ses pieds, embrassez bien les enfants!...

И Викторъ Петровичъ ушелъ изъ моей комнаты, но у крыльца, по дорогѣ къ дормезу, его уже дождался Пучковъ, трепещущій отъ волненія, сіяющій лицомъ, съ страшнымъ запасомъ писанныхъ листковъ, которые рвались изъ его рукъ, колымаемые утренними зефирами. То была какая-то вторая записка, въ попоменіе той, которая еще вчера была вручена его превосходительству. Но увы! ожиданія бѣднаго чудака, еще не отрезвившагося отъ вчерашнихъ любезностей, оборвались плачевнымъ образомъ. Викторъ Петровичъ могъ быть простъ и ласковъ въ кабинетѣ съ пріателемъ, на обѣдѣ послѣ шампанскаго и спичей; но на стогнахъ уѣзднаго города, предъ очами прохожихъ и своего секретаря оставшагося въ дормезѣ, могъ сказаться лишь саронникъ, хотя и молодого поколѣнія! Его превосходительство слегка улыбулся, сдѣлавъ рукою слабый пріятельственный жестъ, взглянулъ на Гаврилу Астафьевича, какъ бы на лету взявъ изъ его рукъ два и три листочка, окинулъ ихъ оравнымъ взглядомъ, отдалъ назадъ, вскочилъ въ экипажъ и умчался не то покровительственно, не то насмѣшливо кивнувъ головою вчерашнему необыкновенному человѣку.

Покуда Пучковъ оторопѣлыми глазами глядѣлъ вслѣдъ отъѣзжавшему покровителю, а потомъ приводилъ въ поря-

докъ листы разсыпавшіеся въ безпорядкѣ, боковая дверь кабинета съ шумомъ распахнулась и въ нее вбѣжалъ общій нашъ другъ Иванъ Петровичъ, въ туфляхъ, ночномъ бѣльѣ и коломенковомъ своемъ хитовѣ, наброшенномъ для приличія.

— Своя блоха укусила! Своя блоха укусила! повторялъ онъ многократно, хохоча и вмѣсто слова блоха употребляя имя другаго насѣкомаго, упоминаемаго лишь въ самой народной рѣчи.—Правда ваша, всегда ваша правда, Сергѣй Ильичъ. Махиапель это, настоящій Махиапель, Совѣздралъ и Фухе города Петербурга!

— То-есть, замѣтилъ я,—вы тамъ лежали подъ одеяломъ и подслушивали, пузатое чудовище!

— Слушалъ, слушалъ, батюшка мой, слушалъ и только дивился. Вотъ они каковы, благодѣтели меньшихъ братій, заступники народа и гонители упорныхъ плантаторовъ въ моемъ родѣ! Кажется и всѣмъ хорошъ, а какого Лазаря завелъ, едва только своя блоха укусила! И припомните мое слово, отъ начальства еще выпросить денегъ или тамъ аренду какую... я дескать, совсѣмъ раззорился, составая уставную грамоту!

Я поспѣшилъ взять съ Ивана Петровича слово въ томъ что онъ не станетъ боатать по поводу разговора донесшагося до него черезъ стѣну, а вслѣдъ затѣмъ спросилъ его,—не пора ли, по его мнѣнію, выѣхать изъ города.

Тутъ чело моего друга и спутника поникло.

— Едва ли я поѣду съ вами, сказалъ онъ, состроивъ озабоченную мину, — надо сдѣлать кой-какія закупки да съ судьей посоветоваться по одному дѣлу...

— Что жъ, я подожду, пока вы кончите покупки и совѣщанія.

— Да сверхъ того, продолжалъ Иванъ Петровичъ, — у себя въ деревнѣ я не былъ почти недѣлю... Сами знаете какое время! Нельзя оставлять хозяйство надолго. Ужъ лучше поѣзжайте одни...

— Все вретъ, ей Богу все вретъ! перебилъ его на этомъ мѣстѣ Пучковъ, являясь въ мою комнату. — Хоть я вашъ хозяинъ и радъ видѣть васъ каждый день, и Ивана Петровича люблю какъ брата, а все-таки скажу, Сергѣй Ильичъ, увозите его какъ можно скорѣе, возьмите его отсюда не-

пршл'ало! Полюбуйтесь-ка, какое посланіе нашелъ я у него въ спальн'.

И Гаврила Астаф'ичъ положилъ передо мной листъ с'рой бумаги, на которой косыми и будто ветрезыми литерами написано было одно слово: *Приди!* съ претолстыми восклицательнымъ знакомъ.

Внизу са'доваали подписи:

В'рный другъ твой капитанъ Илья Подосиновичъ.

Смиранный старецъ Феодуль Краснобаевъ.

Общій за вс'хъ богомолецъ Матв'й Сребробрадовъ.

Винной части повелитель Иванъ Скорлупкинъ.

Р. С. И Евдокимовъ съ нами, но только лежитъ въ безчувствіи.

Прочитавъ это, я немедленно вел'лъ подавать лошадей, и не зирая на вс' отговорки Ивана Петровича, не успокоился покуда не отвлекъ его отъ такого опаснаго оос'дства.

XI. Тоаки съ посредникомъ о посредникахъ.

Вспоминая о наслажденіяхъ и веселыхъ сценахъ, отъ которыхъ былъ оторванъ всл'дствіе моего упорства, Иванъ Петровичъ н'сколько верстъ хранилъ молчаніе, а если изр'ядка и раскрывалъ уста, то лишь зат'мъ чтобы говорить повсюдыя слова о Виктор' Петрович'е, его жен' и д'тяхъ, его гувернанткахъ, его бурмистрахъ, его чиновникахъ. Довольно уныло протацились мы около шести верстъ, когда, возл' порома, находившагося на весьма живописномъ и сухрачномъ м'стоположеніи, насъ догнала небольшая колясочка тр'йкой, а въ коляск' оказался никто иной какъ посредникъ Иванъ Николаевичъ Л'санковъ, уже достаточно знакомый читателю.

— Ба, ба, ба, ба! возгласилъ при этомъ вид' совершенно просв'тл'вшій и забывшій свою досаду Иванъ Петровичъ:— какое это ослабительное зр'вище намъ представляется! Вы ли это порадовали наши взоры, нашъ юный Вильямъ Питтъ и любезный Веніаминъ всего — скаго у'зда? Или

еще не всѣ дамы вашего мирового участка влюблены въ васъ до изступленія? Или устремляетесь на поединокъ съ какимъ-либо петербургскимъ чиновникомъ?

— Вылѣзайте-ка, вылѣзайте изъ коляски, отвѣчалъ посредникъ,—поромъ на моей землѣ, такъ что я, пользуясь послѣднимъ годомъ моихъ феодалныхъ правъ, могу ограбить и умертвить васъ обоихъ, если вы не согласитесь провести этого дня вмѣстѣ со мной. Представьте себѣ, Пutilовъ поскакалъ домой угощать одного изъ вчерашнихъ чиновниковъ, Бигельманъ удралъ изъ города никому не сказавшись, Ставицкій вчера захворалъ и послѣ обѣда ставилъ себѣ горчичники. Сколько я ни знаю моихъ бывшихъ друзей *красныхъ*, у всѣхъ у нихъ желудки негодные и сами они едва ноги волочатъ: отчего бы этого происходило? Какъ бы то ни было, съѣздъ отложенъ, и дѣла не сдѣлано на два гроша. Переѣдемте же на поромъ и возьмемъ вѣтви, тутъ всего верстъ шесть, и я весь день къ вашимъ услугамъ.

— А я думалъ утромъ побывать по сосѣдству у Варвары Михайловны, замѣтилъ было я, къ неопisanному ужасу Ивана Петровича.

— До нея близехонько, времени много, и я готовъ вамъ сопутствовать, отвѣчалъ Лѣвниковъ,—только обѣдать я вамъ у ней не позволю.

Но на этомъ мѣстѣ Иванъ Петровичъ, вѣскольکو времени пыхтѣвшій отъ негодования, протестовалъ съ горячностью.—Какъ мнѣ, мнѣ, произвесь оны,—мнѣ вѣхать къ этой привередливой гишпанской маркизѣ? И вы, сударь мой, Сергѣй Ильичъ, намѣревались увлечь меня къ Краснопольской, съ которою я уже два года какъ прекратилъ всѣ сношенія?..

— Завозили жъ вы меня и къ Евдокимову и къ Пучкову, замѣтилъ я смѣясь,—отчего же и мнѣ хотъ изрѣдка не быть вашимъ Виргилиемъ?

— У Пучкова и Евдокимова, государь мой, вы могли снять панталоны и сидѣть въ гостиной безъ сапогъ, не подвергаясь даже и малому нареканію. У моихъ друзей не стануть дуться, если вы употребленія перчатокъ не признаете, а что пуще всего, не посадятъ васъ обѣдать въ часъ солнечнаго заката! Вотъ что. Но такъ какъ я человекъ покладливый, и въ вашемъ Веніаминѣ души не слышу,

го предлагаю такую мѣру: заѣзжайте вы двое къ этой баринѣ, только не засиживайтесь, а же тронусь прямо до Лѣсниковки, поѣмъ, высплусь и стану васъ ждать... только чуръ не опоздайте къ обѣду.

Я безъ труда согласился на это предложеніе; но посредникъ, лучше меня знакомый съ порядками Ивана Петровича, объявилъ что тутъ кроется хитрость, и что нашъ взятый другъ, если его оставить безъ должнаго надзора, немедленно улизнетъ въ городъ, къ храброму капитану Подосинову и смиренному старцу Сребробладову, отъ которыхъ его не вырвешь безъ кроваваго побоища или вмѣшательства мѣстной полиціи. Вслѣдствіе того приняты были должныя предосторожности, у Ивана Петровича отобранъ чемоданъ съ вещами, а въ бричку къ нему посаженъ писмоводитель Лѣсликова, съ повелѣніемъ умереть если понадобится, но ни въ какомъ случаѣ не позволять пѣшнику куда-либо сворачивать. Моему кучеру съ коляской приказали тоже ѣхать на мызу посерединка, не отставая отъ брички Ивана Петровича. Кончивъ эти распоряженія, мы съ Лѣсликовымъ усѣлись въ его экипажъ, и тронулись къ селцу Варваринскому. Дорогой я сообщил моему спутнику о затрудненіяхъ встрѣченныхъ Краснопольскими по составленію уставной грамоты и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ возможности подвинуть дѣла, пользуясь доброю славою, которою онъ уже пользуется между крестьянами.

— Это моя прямая обязанность, отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ съ полною готовностью:—по крайней мѣрѣ по части тѣхъ владѣній Краснопольскаго, которыя лежатъ въ моемъ мировомъ участкѣ. Но во первыхъ, я до сихъ поръ и не зналъ что въ моемъ содѣйствіи нуждаются, и во вторыхъ, трудно сдѣлать что-нибудь путное тамъ, гдѣ десять человекъ хлопчуть по одному дѣлу. Кромѣ Виктора Петровича и его супруги, объ уставной грамотѣ въ Варваринскомъ заботятся: землемѣръ, откомандированный нарочно, подъ видомъ казеннаго порученія, младшій чиновникъ *** канцелярія, призванный за тѣмъ же, еще чиновникъ Зубцовъ, который сверхъ того всюду ищетъ имѣній продающихся за грошъ или отдаваемыхъ въ аренду за два съ полтиной. Это еще не все: Путиловъ надзираетъ за тѣмъ же съ своимъ обычнымъ усердіемъ, а молодой студентъ, взятый на лѣто для уроковъ дѣтямъ, имѣетъ тоже какую-то долю въ заня-

тіяхъ. Согласитесь, что при такомъ коллегіальномъ производствѣ работъ не удивительно, если изъ нихъ выходитъ одна чертовщина.

— Это совершенная правда, но кажется есть нѣкоторое основаніе думать, что мужики Краснопопальскихъ вѣсколко паутоваты, и во всякомъ случаѣ не податаивы.

— И трудно ихъ вывить въ этомъ, особенно намъ, хорошо знающимъ Варвару Михайловну и ея мужа. Они люди недурные, это несомнѣнно, и крестьянамъ зла не желаютъ. Но обоихъ супруговъ терзаетъ жажда популярности и какое-то стремленіе рисоваться передъ всякимъ. Помѣщица еще съ весны наговорила крестьянамъ что она имъ первый другъ, въ родѣ родной матери, что Викторъ Петровичъ чуть жизни своей не положилъ ради ихъ освобожденія: мудро ли что крестьяне послѣ такихъ увѣреній ждуть отъ нихъ не простой справедливости, а какихъ-то неслыханныхъ щедротъ? По мнѣ что-нибудь одно: если ищешь популярности, такъ не жаль своего кармана; если хочешь развязаться съ крестьянами, не отступаясь отъ своихъ законныхъ интересовъ, то дѣйствуй просто и честно, не представляя изъ себя принца Родольфа. Относительно крестьянъ нашей губерніи, условія *Положенія* такъ широки и щедры, что самый обязательный филантропъ не найдетъ къ чему придраться; только выполни ихъ безъ крючковъ и прижимокъ.

— Однако, Иванъ Николаичъ, замѣтилъ я, — вы не можете же не согласиться, что иногда сами крестьяне, совершенно отуманенные измѣненіями въ своемъ положеніи, превратно понимаютъ всякую мѣру предпріятыю владѣльцемъ для соглашенія съ ними.

— Совершенно соглашаюсь!

— И что въ особенности отъ того затрудняется все движеніе по отводу надѣла и составленію уставныхъ грамотъ.

— И вслѣдствіе того, знаете ли что я совѣтую помѣщикамъ моего участка при подобныхъ затрудненіяхъ? Я совѣтую имъ не торопиться составленіемъ грамотъ.

— Иванъ Николаичъ! возразилъ я съ удивленіемъ:—но такимъ образомъ вы рискуете что у васъ или вовсе не окажется грамотъ или что къ концу переходнаго времени вы будете задавлены работою по ихъ повѣркѣ

и введенію! Вы знаете, что Матвѣевъ человѣкъ спокойный и неспособный вертѣться по вѣтру, но и онъ иногда торопитъ сосѣда-помѣщика.

— Я и самъ готовъ торопить такого, который тягаетъ дѣло, не имѣя къ тому причинъ совершенно законныхъ. Но видите ли, Владиміръ Матвѣичъ хотя старѣе и практичнѣе меня, но слѣшкомъ обжился въ здѣшнемъ краѣ; поэтому я думаю, что мой взглядъ, во многихъ отношеніяхъ слабѣйшій его вѣрнаго взгляда, нѣсколько выигрываетъ тѣмъ что онъ свѣжѣе. Я пріѣхалъ сюда ничѣмъ не связаннымъ, страстнымъ къ работѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ наблюдалъ за всѣмъ съ жадностью, которая и теперь не ослабѣла. Вотъ результатъ моихъ выводовъ, который мы оба проверимъ ровно черезъ годъ, если будемъ живы. Крестьянинъ нашъ, съ самой весны находится въ такомъ напряженномъ и нетрезвомъ состояніи, что по моему мнѣнію, вести съ нимъ теперь серьезное дѣло тоже что вести его съ человѣкомъ въ просонкахъ. Онъ наговоритъ и надѣлаетъ безтолочи, самъ того не зная; поэтому надлежитъ какъ можно рѣже его тревожить, какъ можно менѣе имѣть съ нимъ столкновеній. За опьяненіемъ крестьянскимъ я наблюдалъ тысячи разъ, и говорю вамъ съ полнѣйшею увѣренностью: оно не продолжительно. Къ будущему лѣту оно, если не пройдетъ совершенно, то по крайней мѣрѣ очень ослабѣетъ и измѣнится. Жизнь съ ея ежеминутными заботами, жизнь трудовая, да еще съ надеждой на лавина улучшенія, при нѣкоторомъ количествѣ смысла, также успѣшно отрезвитъ мужика отъ его неясныхъ фантазій, какъ она вытрезвила меня отъ сумасбродствъ нахватавшихся изъ книгъ и съ чужаго голоса. Не утверждаю вамъ, что черезъ полгода или черезъ годъ крестьянинъ уразумѣетъ вполнѣ до какой степени и онъ и помѣщикъ необходимы другъ другу, что онъ разительнѣе улучшить свой бытъ, и въ переговорахъ съ вами поразить васъ высокою славянскою мудростью; но что онъ окажется существомъ вполнѣ толковымъ и совершенно довѣрчивымъ при слѣдкахъ съ честнымъ владѣльцемъ, за это я вамъ ручаюсь. Вы мнѣ какъ-то говорили, что въ вашемъ Петровскомъ барщинники слушать не хотятъ про оброкъ: поднимите-ка съ вами споръ, да погрозитесь, ради прогресса, перевести ихъ на оброкъ насильно,—и я поручусь за скверную исторію.

Оставьте ихъ въ покоѣ до будущей весны, и я ручаюсь вамъ, что ни одинъ изъ нихъ не пожелаетъ остаться на издѣльной повинности. У Памкратьевой въ имѣннѣ всѣ дворовые отошли въ маѣ мѣсяцѣ, а на прошлой недѣлѣ всѣ вернулись сами, прося принять ихъ на мызу съ семьями, на прежнемъ довольствѣ. Тутъ на проломъ идти нельзя, и мировой посредникъ, который этого признать не хочетъ, причинить только вредъ краю.

— Ну, наши, я думаю, на проломъ не пойдутъ, замѣтилъ я улыбаясь.

— Наши не пойдутъ, а въ иныхъ губерніяхъ не такіе, отвѣчалъ Лѣвниковъ.— Вы знаете что я думаю о мировыхъ учрежденіяхъ; не во многомъ похваляю я редакціонныя коммисіи, но тому изъ членовъ кто особенно настаивалъ на мировыхъ посредникахъ, я бы выстроилъ монументъ выше пирамидъ и тверже всѣхъ металловъ; кто ѣздилъ по Россіи и видѣлъ безобразную кашу съ первыхъ чиселъ марта до устройства мировыхъ участковъ, тотъ не поспуется на пожертвованія для такой пирамиды. Все это такъ, и посредники, за весьма малыми исключеніями, начали свое дѣло прекрасно; однако самый успѣхъ повременамъ туманитъ ихъ, даже сбиваетъ съ прямой дороги. Когда видишь себя необходимымъ, когда общій почетъ приходитъ такъ быстро, трудно не пошатнуться. На дняхъ я ѣздилъ къ сестрѣ въ—скую губернію, пробылъ тамъ три дня, и всѣ три дня ругался какъ каторжннѣ. И въ добавокъ еще ругался съ отаичными людьми, въ числѣ которыхъ отыскались три посредника. Эти господа, въ томъ числѣ мой *beau frère*, отъ всего сердца вообразили себя повелителями края, путеводителями въ пустынь, Петрами Великими, испосланными въ варварскій край для цивилизованія его самыми крутыми способами. Ни одного изъ нихъ нельзя назвать *французомъ* въ томъ смыслѣ какой теперь дамъ этому слову по всей Россіи, а между тѣмъ, слушая ихъ разговоръ, подумаешь, что бесѣда идетъ между какими-то партизанскими генералами въ завоеванномъ государствѣ. Распечь такого-то помѣщика, задать пфедферу сосѣдкѣ барынѣ, сдѣлать набѣгъ на такую-то мызу, запугать такого-то мерзавца-крѣпостника,—это еще самыя мягкія выраженія мнѣ встрѣчавшіяся. Удивительная особа русскій человекъ, и должно-быть по сердцу ему всякій десвотизмъ,

когда онъ даже и посредничать не умѣетъ безъ крѣпкаго слова. Что жь мы видимъ въ —ской губерніи, гдѣ земля гораздо лучше нашей, гдѣ народъ привычнѣй къ вольному труду и гдѣ стало-быть много лучшихъ условій для хорошаго хода дѣла? Крѣпостникъ не пугается ни мало, и съ крестьяниномъ не входитъ ни въ какіе переговоры, прикрываясь пристрастіемъ посредника. Барыни поднимаютъ гвалтъ, а если имѣютъ связи, то шлютъ свои жалобы въ столицу. Губернское присутствіе, видя что посредники не любимы, пакоститъ имъ сколько угодно, и дѣйствительно, вслѣдствіе нѣсколькихъ дурныхъ исторій, можетъ ломаться надъ ними. Наконецъ и мужикъ не выигрываетъ ровно ничего: три раза за дѣло военныя команды вступали въ губернію, дѣло съ грамотами идетъ какъ нельзя тише, а хозяйства разрушаются,—тѣ самыя хозяйства, которыя, выдержавши невзгоду переходнаго времени, могли бы обезпечить крестьянину вѣрнѣйшіе заработки на безкомечные годы. И вспомните мое слово, нашъ край, не торопясь и не нуждаясь въ Петрахъ Великихъ, изготовить грамоты и войти въ колею новыхъ порядковъ, а —ская губернія, съ ея слишкомъ энергическими посредниками, пропустила всѣ сроки и еще будетъ глухо волноваться. Вотъ къ чему ведетъ страсть разыгрывать роль повелителей и идти на проломъ, когда ходъ дѣла требуетъ величайшаго уваженія ко всѣмъ затронутымъ интересамъ!

— Во всемъ этомъ много правды, Иванъ Николаичъ, замѣтилъ я молодому посреднику,—только признаюсь вамъ откровенно, не ждалъ я отъ васъ, послѣ вашихъ вчерашнихъ громовъ на мировомъ съѣздѣ, такой сдержанности и умѣренности во взглядахъ.

— Отчего жь не ждали? Будто я ужь такъ неистовствовалъ вчера на мировомъ съѣздѣ?

Я нисколько разсмѣялся при этомъ наивномъ вопросѣ.

— А Путиловъ, котораго вы повергали въ совершенное отчаяніе, а чиновники и члены губернскаго присутствія....

— Да, да.... я еще не умѣю спорить не сердясь, перебилъ меня Иванъ Николаевичъ,—только мнѣ кажется, что вы не отдаете себѣ полнаго отчета въ причинахъ, изъ-за которыхъ я поднималъ бушеваніе. Развѣ вы не видите, Сергѣй Ильичъ, что отбиваясь отъ губернскихъ властей, что ограждая независимость посредниковъ отъ всякаго напора со

стороны, мы именно дѣйствуемъ въ духѣ воздержности, которая васъ во мнѣ удивляетъ. Замашки бюрократіи повсюду и всегда одинаковы; она всегда говоритъ каждому лицу имѣющему вліяніе: ползай передо мною, и за то я разрешаю тебѣ въ свою очередь заставлять ползать передъ тобой всякаго. Будь деспотомъ сколько угодно, но мнѣ повинуйся рабски. Веди себя какъ паша, но чтобъ я осталась твоимъ падишахомъ! Долго мы жили подъ такими условіями, и не мудрено что всѣ наши нравы получили оттого особливую складку. —скіе посредники, сами того не зная, стали рабами чиновниковъ и привали роль какихъ-то нашей цивилизаціи. И если они не состроятъ чегонибудь ужъ совсѣмъ неапаго, за нихъ всегда вступятся и чиновные корифеи, и даже всѣ либералы изъ числа близорукихъ. Намъ, напротивъ того, всякій подставитъ ножку за то что мы сами не ломаемся въ нашихъ участкахъ, да однако не даемъ и другимъ ломаться надъ собою. Еслибы насъ призвали за тѣмъ, чтобы ломать и разрушать, да задавать страху, то насъ не назвали бы *мировыми посредниками*, да и мы не приняли бы своихъ обязанностей. Конечно все что я теперь говорю еще не выяснилось во всѣхъ умахъ, конечно и самъ забавнѣйшій добрякъ Путиловъ не вполне видитъ, что, вертясь по вѣтру, онъ служитъ дѣлу жесткаго деспотизма: по его идеямъ жесткой деспотъ я, или Владиміръ Матвѣичъ; онъ спорить не любитъ, онъ только обвинуется всякому вицмундиру, а на дѣлѣ выходитъ то, что восторжествуй партія добряка Путилова, и все наше посредничество обратится въ рядъ злыхъ притѣвленій.

— Совершенноѣйшая истина, замѣтилъ я, невольно пораженный вѣрностью взгляда и чутья въ такомъ молодомъ человѣкѣ. — Однако мы совершенно отбились отъ главнаго предмета нашей бесѣды. Вы мнѣ не сказали что вы разчитываете дѣлать, когда, въ будущемъ году, къ глухой осени, вслѣдствіе вашей системы выжиданія, вамъ придется разомъ провѣрять десятки грамотъ, да еще и составлять ихъ дѣлаую кучу, безъ содѣйствія помѣщиковъ?

— Почему я знаю? сказалъ Лѣсниковъ: — *можетъ-быть* приглашу въ помощь кандидата, найму землемера, ставу спать на междѣ, лопну отъ излишней работы; дѣло не въ моихъ удобствахъ. Если я не ошибусь въ моихъ надеждахъ

на отрезваніе простаго народа, тысячи людей скажутъ мнѣ искреннее спасибо за то что я не доиждь впередъ какъ дуракъ, а переждалъ пока прошелъ день раздраженія, при которомъ не устроишь ничего прочнаго. Да и точно ли дѣло будетъ такое необязное? Я наблюдаю за крестьянами не при однихъ спорахъ за какой-нибудь день барщины, а часто бываю на сходахъ, въ волостяхъ, слѣжу за дѣло-производствомъ волостныхъ судовъ, и все это, лучше всякаго термометра, показываетъ мнѣ и состояніе умовъ, и удобнѣйшую пору для всякаго дѣйствія.

Въ это время мы проѣзжали маленькую деревеньку Краснопольскихъ, въ которой, не взирая на раннюю пору, бабы и старики пласали съ неслыханнымъ усердіемъ, хотя по ихъ раздувшимся лицамъ и плохо двигавшимся ногамъ замѣтно было приближеніе послѣднихъ часовъ праздника.

— А этотъ термометръ что вамъ показываетъ? сказалъ я, указывая Лѣсникову на нѣсколькихъ гулякъ, совершенно утратившихъ силу и предавшихся отдыху, непремѣнно около канавъ, а иногда и въ самой канавѣ.

Посредникъ разсмѣялся.

— Показываетъ онъ мнѣ вопервыхъ то, что два или три первыхъ дня послѣ праздника никакихъ серьезныхъ дѣлъ съ мужикомъ вести я не долженъ. Вотвторыхъ, умственное мое око провидитъ, что мнѣ необходимо объѣхать всѣ волостные суды, куда вслѣдствіе бывшаго праздника потянутся толпы народа съ жалобами по большей части бессмысленными. А такъ какъ всѣ наши волостные Миносы не взирая на мои неутомимые совѣты, чрезвычайно любить отодрать и истца и отвѣтчика, и дѣлаютъ это съ изумительною быстротою, то моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ обуздать ихъ рвеніе и не стѣсняя приговоромъ разумныхъ, наложить мое *veto* тамъ, гдѣ Радамантъ въ порывѣ усердія, превыситъ мѣру власти ему предоставленной.

XII. Исторія откушеннаго носа и ея послѣдствія.

Разсуждая такимъ образомъ, мы подѣхали къ главной деревнѣ Краснопольскихъ, отъ которой открывался видъ на помѣщичьи сады, паркъ и знакомый уже читателю господскій домъ Варваринскаго, наполовину замокъ, наполовину

изящный коттеджъ. Послѣдній, третій день праздника находилась въ полномъ разгарѣ, около церкви наѣзжіе продавцы торговали яблоками и мелкимъ товаромъ, кабаки едва вмѣщали въ себѣ многочисленныхъ посѣтителей, по улицѣ надлежало ѣхать осторожно, чтобы не задѣлать какого-нибудь гуляку. Со всѣмъ тѣмъ картина общей гулянки мнѣ почему-то не понравилась: нѣсни шли какъ-то несогласно, то затихая, то безъ толку завязываясь; двѣ бабы горько плакали и о чемъ то разказывали въ кружкѣ слушателей; мимо насъ десяткѣй провезъ мужика очень пьянаго, но невеселаго и какъ будто чѣмъ-нибудь провинившагося. Приписывая все это печальному содѣйствію кабака, я пересталъ вглядываться во встрѣчныя группы; но Дѣсниковъ, болѣе меня понимавшій дѣло, велѣлъ кучеру остановиться и подозвалъ къ себѣ крестьянина, оказавшагося сельскимъ старшиной.—Какая у васъ гадость случилась? спросилъ онъ его строгимъ голосомъ,—драка была, что ли?

— Никакъ нѣтъ, батюшка Иванъ Николаичъ, отвѣчалъ старшина, тоже порядочно пьяный,—спросите кого угодно, драки не было, только Самсону Федотову носъ откусили.

— Какъ носъ откусили? Кто откусилъ носъ? вскричалъ посредникъ, чуть не выпрыгнувъ изъ колясочки.

Одна изъ плакавшихъ бабъ подошла къ намъ и заговорила на всю улицу.

— Братъ брату носъ откусилъ, батюшка, произнесла она, растягивая слова и горько рыдая,—Егоръ Федотовъ моему мужу носъ откусилъ-то. Ужь не видать мнѣ моего муженька на свѣтѣ бѣломъ, батюшка! Ужь не быть ему больше живому, пропала я, горемычная!

— Какъ было дѣло? спросилъ посредникъ старшину, который, повидимому только теперь уразумѣвъ, что на него падаетъ часть отвѣтственности, поблѣднѣлъ и потерялся.

— Драки не было, право не было драки, батюшка Иванъ Николаичъ, сказалъ онъ, и въ удостовѣреніе словъ своихъ подозвалъ трехъ или четырехъ прохожихъ, тутъ же подтвердившихъ его показаніе.—Егоръ только напился черезчуръ да у себя въ домѣ сталъ ворота топоромъ рубить. Отвали у него топоръ, а Самсонъ-то, его братъ, и говорить гостямъ, запремте-ка его, братцы, въ чуланъ, онъ завсегда во хмѣлю разные глупыя штуки отмачиваетъ.

Слышитъ это Егоръ, горько заплакалъ да и говорить такъ разумно: братъ ты мой любезный, замѣсто ты мнѣ отца роднаго, не запирай ты меня въ чуланъ передъ всѣми гостями; мнѣ срамно будетъ. Глядимъ, и Самсонъ какъ заплачетъ, мы даже подивились, съ чего бы? стало-быть пиво его ужъ такъ розобрало. Стали братья дѣловаться, на оглоблю запнулись, — стояла тутъ телега пустая, — да оба на земь и повалились. Какъ ужъ тутъ грѣхъ случился, батюшка Иванъ Николаичъ, спроси хоть кого, мы и разуму не приложимъ. Ужъ лежа ли они повздорили, али какой стихъ нацелъ на Егора, только Самсонъ какъ закричитъ благимъ матомъ — мы къ нему, а они оба въ крови, а носъ возлѣ нихъ на дорогѣ... Что ты будешь дѣлать? и на свѣтъ бы мнѣ не глядѣть, вотъ какое худое дѣло дослѣлось.

Удостоверившись, что старшина разказываетъ исторію безъ утайки, посредникъ велѣлъ кучеру ѣхать къ господскому дому и остановиться возлѣ флигеля, въ которомъ помѣщалось нѣчто въ родѣ приемнаго покоя для крестьянъ внезапно захворавшихъ или по отдаленности жительства не имѣющихъ возможности часто приходиться за лѣкарствомъ. Докторскую должность въ имѣніи Варвары Михайловны правили весьма дѣльная старушка ключница и дворовый человѣкъ, обучавшійся въ фельдшерахъ, но пьяный и никуда не пригодный, особенно въ праздничную пору. По распоряженію Варвары Михайловны, приходившей къ больному и едва не лишившейся чувствъ при его видѣ, за увѣзднымъ докторомъ послали нарочнаго съ экипажемъ. Когда мы вошли въ приемный покой, онъ оказался биткомъ набитымъ. Толпа пьянаго народа шумѣла, скакала и причиняла великую духоту; во всей толпѣ всѣ были чужіе кромѣ дочерей и матери Самсона, лежавшаго словно въ забытѣи, съ лицомъ обвязаннымъ такъ плотно и нелѣпо, что дыханіе едва слышалось; фельдшеръ и ключница глядѣли на него какъ на мертваго; никогда не встрѣчавъ подобнаго казуса, и почему-то взирая на носъ какъ на орудіе, безъ котораго человѣку обойтись невозможно, они только уныло качали головами. Родные крестьянина и всѣ пьяные мужики, бывшіе во флигелѣ, тоже были увѣрены, что кончина сейчасъ послѣдуетъ. Егоръ же Федотовъ, арестованный и отданный подъ надзоръ десятокаго, горько

рыдалъ, умоляя, чтобъ его не уводили, а даи попросить прощенья у брата передъ его смертью.

Не взирая на весьма попятное чувство состраданія къ невинной жертвѣ праздника, я не могъ не полюбоваться находчивостью, съ которою молодой посредникъ сталъ распорядиться во всемъ этомъ хаосѣ. Въ полъ-минуты онъ разогналъ всѣхъ ненужныхъ зрителей, отворилъ окна комнаты, успокоилъ родныхъ Самсона, и нѣсколькими мягкими, чуть-чуть шутовскими словами породилъ во всѣхъ увѣренность, что дѣло, какъ оно ни худо, во не можетъ назваться пропащимъ. Онъ безъ труда убѣдился, что больной не въ предсмертномъ безчувствіи, а просто лежитъ какъ плоть частію отъ потери крови, частію отъ трудности дыханія, всего же болѣе отъ пива и вина наполняшаго его утробу. Откушенный носъ, или вѣрнѣе конецъ носа лежавшій на столѣ и кажется нѣсколько разъ приставлявшійся къ ранѣ какъ будто бы его можно было приростить сызнова, подвергся осмотру, изъ котораго оказалось, что только малая часть хряща была отдѣлена, и что болѣе пострадала вазари. Затѣмъ Лѣсниковъ приказалъ снять съ головы Самсона всѣ лишнія перевязки, оглядѣлъ рану, положилъ на нее легкій компрессъ, далъ нужныя приказанія на счетъ его перевѣны и смачиванія, и кончивъ это, велѣлъ фельдшеру идти съ собой въ аптеку, меня же попросилъ утвердительно сообщить Варварѣ Михайловнѣ, что жизнь Самсона не подвергается ни малѣйшей опасности.

Я добрался до парадной лѣстницы, миновалъ рядъ знакомыхъ комнатъ, и наконецъ отыскалъ Варвару Михайловну. Она была въ такомъ состояніи нервнаго раздраженія и безпомощности, что я удивился. Вся прислуга пиროвала на праздникъ или толпилась въ кучкахъ по двору, тоакуа о совершившемся казусѣ, дѣти куда-то скрылись, а обѣ гувернантки, какъ оказалось въ послѣдствіи, до того возмущались исторіей откушеннаго носа, что заперлись по своимъ комнатамъ, громко ругая Россію и русскій народъ, какъ будто бы подобныхъ продѣлокъ никогда не случалось ни во Франціи, ни въ Англіи. Супруга Виктора Петровича, не скрывая своихъ чувствъ передъ близкимъ человѣкомъ, подала мнѣ руку и залилась горькими слезами. Мои увѣренія, что больной не подвергается опасности, не привесали ей никакого облегченія. Варвара Михайловна

сама хорошо знала, что конецъ носа не принадлежитъ къ разряду органовъ необходимыхъ для жизни, и на нее видимо дѣйствовалъ не страхъ несчастія, а безобразный характеръ всей исторіи.

— Сергѣй Ильичъ, сказала она мнѣ, не удерживая слезъ,— передъ вами я не вижу никакой надобности скрываться. То что вы видите началось уже давно. Почти съ моего пріѣзда сюда, я встрѣчаю лишь одни огорченія, а этотъ возмутительный случай нанесъ послѣдній ударъ всѣмъ моимъ ожиданіямъ, всѣмъ моимъ попыткамъ дѣйствовать на пользу крестьянъ нашего имѣнія. Осуждайте меня, смѣйтесь надъ моею легкомысленностію, но говорю вамъ по совѣсти, въ настоящую минуту я желала бы лучше жить посреди дикарей Африки и Новой Зеландіи. Душа моя не можетъ вынести того что я вижу всякій день и чему сегодняшняя исторія служитъ достойнымъ заключеніемъ. Я никого не виню, я готова сознаться, что мои сентиментальные взгляды на простой народъ одни привели меня къ разочарованію,—*mais c'est plus fort que moi*; я не могу оставаться съ этими людьми, не нахожу въ сердцѣ моемъ и слѣдовъ прежняго къ нимъ расположенія!

— Я удивляюсь вамъ, добрый и дорогой другъ, сказалъ я,— хотя, говоря откровенно, всегдашняя способность Варвары Михайловны бросаться изъ крайности въ крайность давно подготовила меня къ только что слышанному,— я удивляюсь тому, какъ, при вашемъ ясномъ умѣ, вы смѣшиваете два предмета совершенно различные. Вы здѣсь не затѣмъ, чтобы любить или не любить простой народъ, и ваши занятія по устройству бывшихъ вашихъ крестьянъ нисколько не должны зависѣть отъ чувствъ сердца, и не будутъ зависѣть, потому что вы честны, а слова *долгъ* и *законъ* никогда не будутъ для васъ пустыми словами. А затѣмъ ужъ это ваше личное дѣло: считайте крестьянъ Кафрама, взирайте на нихъ какъ на святыхъ людей, предпочитайте ихъ пастушкамъ Флоріана, того вамъ никто воспретить не посмѣетъ. Если изъ-за носа, откушеннаго въ пьяномъ видѣ, ваши свѣтлыя мечты пострадали...

— То-есть, быстро перебила меня Варвара Михайловна,— вы хотите сказать, что я изъ пустяковъ прихожу въ отчаяніе?.. И вамъ дѣйствительно эта отвратительная ссора двухъ братьевъ, лучшихъ крестьянъ въ имѣніи, кажется

пустаками?.. И вы въ самомъ дѣлѣ не видите ничего чудовищнаго, варварскаго, людоедскаго, во всемъ происшествіи?..

— Ровно ничего, извините меня, и черезъ два дня, когда ваше раздраженіе пройдетъ, вы согласитесь со мною. Ваша спокойная и немного чопорная жизнь въ столицѣ конечно не могла сводить васъ со сценами простаго быта, но чтобы пополнить этотъ недостатокъ, разспросите кого угодно изъ неглупыхъ людей, проглядите въ иностранныхъ газетахъ разказы объ исторіяхъ развязывающихся по судамъ исправительной полиціи, и вы очень хорошо увидите, что пьяный человѣкъ можетъ всегда надѣлать гаупостей, не дѣлаясь Кафромъ и людоедомъ.

— Вы сами не вѣрите тому что говорите. Подумайте, что сегодняшнюю гадость сдѣлали два брата, два отца семейства! Можетъ-быть, вамъ удавалось видѣть необыкновенныя дѣла, но мнѣ, признаюсь вамъ, даже не приходилось слышать, чтобы люди откусывали другъ другу носы, хотя бы и въ пьяномъ видѣ.

— Носъ оказывается всего виноватѣе, возразилъ я, — и согласитесь что не будь тутъ носа, не было бы ничего необычайнаго въ этой исторіи, и ни одной слезы не пролилось бы изъ глазъ вашихъ. Укуси Егоръ Самсова въ щеку или подбородокъ, никто бы даже и не донесъ вамъ о томъ событіи; въ томъ же что злаго умысла не было и что носъ подвернулся случайно, свидѣтельствуютъ вамъ слезы меньшаго брата и его истинное отчаяніе.

— Я всегда знала, что вы очень остроумны, сухо возразила Варвара Михайловна, — но извините меня, ваши ловкіе доводы безсильны тамъ, гдѣ мое сердце возмущено такъ глубоко.

— Такъ отчего жь ваше сердце не возмущалось тысячью нечестныхъ исторій въ родѣ сегодняшней, исторій происходящихъ въ свѣтѣ, о которыхъ свѣтъ разказываетъ. Припомните случаи дуэлей до васъ доходившіе: я смѣло утверждаю, что изъ этихъ дуэлей половина навѣрное также безобразны какъ откушеніе носа, — безобразны или по самому поединку или по причинамъ его породившимъ. Позвольте привести вамъ на память хотя бы старую исторію между вашимъ мужемъ и мною, исторію, которую мы оба сами вамъ недавно разказывали. Лѣтъ десять тому назадъ, когда

мы были уже замужемъ, и ни я, ни Викторъ, не могли уже зваться мальчишками, я его вызвалъ на дуэль, за то что онъ пѣвицу Лагранжъ шутя, и конечно заочно, потому что дѣло происходило на холостомъ обѣдѣ, назвалъ бѣлугою. Я не имѣю ни малѣйшаго пристрастія къ госпожѣ Лагранжъ и о свойствахъ рыбы бѣлуги не знаю ровно ничего, но обѣдъ затянулся до полночи, и мы, пируя въ кругу старыхъ школьныхъ товарищей, привели себя въ состояніе слишкомъ восторженное. Вслѣдствіе того мнѣ показалось, что долгъ повелеваетъ мнѣ вступить за оскорбленную женщину, а супругъ вашъ вообразилъ, что честь воспрещаетъ ему отвергнуть предложенный вызовъ. А что еще постыднѣе, въ слѣдующее утро мы, ни тотъ ни другой, не сдѣлали шага къ примиренію, и есабы не вмѣшательство постороннихъ посредниковъ, выстрѣлили бы другъ въ друга совершенно добросовѣстно. Потрудитесь же произвести маленькое размышленіе по случаю этого несостоявшагося поединка, и тогда я не подивлюсь если минутная ссора Егора Федотова съ братомъ Самсономъ покажется вамъ не только понятнѣе, но даже логичнѣе ссоры между нами.

— И между тѣмъ, опять возразила Варвара Михайловна, — когда я узнала все дѣло, я, горячо осудивъ васъ обоихъ, не ощутила однако въ душѣ никакаго невольнаго отвращенія ни къ мужу, ни къ вашей личности. Изъ этого, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ, что движенія сердца вѣрнѣе всѣхъ ловкихъ софизмовъ...

— Изъ этого слѣдуетъ только то, что мужа вашего вы любите лично, и ко мнѣ, какъ къ доброму пріятелю, имѣете расположеніе личное; Самсонъ же Федотовъ и братъ его Егоръ для васъ особы чуждыя, принадлежащія къ безличной массѣ народа, очень вами любимаго, но любимаго въ книжномъ, отвлеченномъ смыслѣ.

— Въ томъ, что я люблю народъ, вы едва ли можете сомнѣваться...

— Нисколько не сомнѣваюсь, но простите меня, я скажу страшное слово, за которое заранѣе дамъ вамъ разрѣшеніе объявить меня отчаяннымъ ретроградомъ. Я плохо вѣрю тому, что можно крѣпко любить несмѣтныя, безчисленныя массы народа или, лучше сказать, считаю такую любовь достояніемъ людей весьма немногихъ, гениальныхъ, организованныхъ не по нашему. Кто говоритъ о любви къ народу

въ книгахъ и въ гостивыхъ, не раздавъ своего имѣнія немущимъ, не находя въ душѣ, подобно Говарду, рѣшимости умереть за дѣломъ благотворенія, тотъ, мнѣ кажется, или обманываетъ себя или имѣетъ какіе-нибудь расчеты. Вы обманываете себя, силась полюбить народъ, ставите себя въ положеніе чудака, которому бы захотѣлось полюбить всѣхъ жителей города Одессы, всѣхъ чиновниковъ военнаго министерства, всѣхъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, всѣхъ мастеровыхъ занимающихся портнымъ ремесломъ. Жизнь и такъ васъ отдѣляетъ отъ простаго человѣка, и безъ того она заслоняетъ отъ васъ нужды и бытъ людей отъ васъ зависящихъ, а вы еще болѣе затемняете свой взглядъ, напрягая его вдаль, къ смутнымъ массамъ, въ которыхъ вы не разберете ничего и которыми нужна вовсе не расплывающаяся любовь, а правда и честность при сношеніяхъ. Вслѣдствіе всего этого и та любовь, которую по вашимъ словамъ, вы питаете къ простому народу чрезвычайно слаба, и не имѣя корней въ дѣйствительной почвѣ, смѣняется то досадой, то полувраждебнымъ чувствомъ, а вслѣдъ затѣмъ вѣроятно перейти въ полное равнодушіе.

— Ручаюсь вамъ, что равнодушія не будетъ снова, возразила Варвара Михайловна, — и что скорѣй во мнѣ останется постоянное раздраженіе, послѣдствіе добрыхъ чувствъ непонятыхъ и встрѣченныхъ неблагодарностью. Ахъ, Сергій Ильичъ! Еслибы вы были здѣсь, еслибы вы присутствовали при моихъ опытахъ, вы бы не говорили такъ хладнокровно и пожалѣли бы обо мнѣ болѣе. Все что ни дѣлала я для облегченія крестьянъ, для уменьшенія работъ, вело только къ невозможнымъ требованіямъ отъ нихъ, требованіямъ высказаннымъ не безъ дерзостей. Мое ласковое обращеніе со всякимъ подало поводъ къ насмѣшкамъ и полному своеволію. Вы имѣли случай видѣть, что я почти послѣ всякаго трудового дня, угощала крестьянъ чѣмъ могла, приглашала ихъ въ свой садъ; это повело къ тому, что рабочіе съ половины дня стали вламываться въ мой домъ требуя водки, а въ саду начали разыгрываться такія сцены, что дѣтямъ невозможно было гулять, а губернантики боялись ступить шагъ изъ дома. Но признаюсь вамъ, ничто не оскорбило меня такъ какъ неудача моей школы, о которой я думала такъ много, для которой я потратила столько заботъ и времени. Рассказывать ли вамъ, какихъ

словъ наслушалась тамъ моя Лиди, съ такою дѣтскою горячностью вызвавшаяся учить грамотѣ дѣвочекъ?... И это дѣти! И это будущія жены, матери семей!... Повѣрите ли вы, что къ началу этого мѣсяца, во всей школѣ, учащихся осталось лишь два мальчика, и то какіе-то калѣки...

— Очень повѣрю, сказалъ я улыбувшись,—труднѣе будетъ повѣрить тому что вы не сообразили какъ нужны въ крестьянскихъ семьяхъ даже самыя дѣти, во время уборки хлѣба.

— Дѣти нужны? Дѣти десяти и одиннадцати лѣтъ?

— Дѣти десяти и одиннадцати лѣтъ нянчаютъ ребятшекъ двухъ и трехлѣтнихъ, покуда все сколько-нибудь взрослое не возвращается домой. И изо всей толпы, проживающей въ вашемъ домѣ, ни одинъ человекъ не могъ вамъ растолковать этого?

Добрая Варвара Михайловна, сбита на такомъ важномъ пунктѣ, прибѣгла къ обычному аргументу чувствительныхъ женщинъ.

— Оставьте ваши холодно-практическіе толки, сказала она съ горячностью.—Если вы и считаете меня во всемъ виноватою, то по крайней мѣрѣ не высказывайте мнѣ этого съ такою жестокостью. Оставьте мнѣ мои иллюзіи, не терзайте меня вашею логикою. Не лишайте меня послѣдняго утѣшенія въ неудачѣ, дайте мнѣ думать что я боролась покуда могла, и что я оставляю мой трудъ, потративши на него все что могла, по мѣрѣ моихъ силъ и слабыхъ способностей.

На этомъ деликатномъ пунктѣ нашихъ словопреній прервалъ насъ Иванъ Николаевичъ Лѣсниковъ, и прервалъ весьма кстати. Поздоровавшись съ Варварой Михайловной, онъ повторилъ прежнее свое заключеніе о положеніи Самсона Федотова, заключеніе подтвержденное приговоромъ уѣзднаго врача, котораго посланный перехватилъ на половинѣ дороги къ одному изъ сосѣдей и доставилъ въ Варваринское безъ промедленія. Врачъ остался во флигелѣ, а Лѣсниковъ пришелъ къ намъ передать его отзывъ. Поблагодаривъ посредника и принявъ отъ него совѣтъ о томъ, какимъ образомъ оградить бѣднаго преступника Егора отъ слишкомъ сильной отвѣтственности. Варвара Михайловна сказала съ своею обычною любезностью:

— Изъ всякаго вашего слова, Иванъ Николаичъ, видно

какъ неправъ нашъ общій пріятель (она оборотилась ко мнѣ), по словамъ котораго любить весь простой народъ также невозможно какъ любить всѣхъ жителей Москвы или всѣхъ чиновниковъ военнаго министерства. Вы истинно любите весь народъ, не правда ли?

— Не знаю что сказать вамъ, отвѣчалъ молодой посредникъ, не увлекающійся отвлеченными умствованіями.— Когда я безъ дѣла сидѣлъ въ Петербургѣ, мнѣ казалось, что народъ состоитъ изъ какихъ-то очаровательныхъ персонъ, но тѣмъ не менѣе я даже и нищему тогда не давалъ мѣднаго гроша. Теперь мнѣ кажется, что въ простомъ народѣ, какъ и вездѣ, есть много и дрянныхъ людей и мерзавцевъ, однако это не мѣшаетъ мнѣ, по мѣрѣ силъ, дѣлать кое-что полезное для крестьянина.

— Вы прикидываетесь холоднымъ, вы хотите казаться сухимъ изъ ненависти къ филантропическимъ фразамъ. Не имѣя истинной любви къ народу, не приобрѣтешь въ нѣсколько мѣсяцевъ той блистательной репутаціи, которую вы себѣ добыли и между крестьянами, и даже между помѣщиками.

Иванъ Николаевичъ на своемъ вѣку слышалъ много комплиментовъ, и его мало плѣняли сладкія фразы, хотя бы и изъ такихъ красивыхъ устъ, какъ уста ея превосходительства.

— Мнѣ кажется, что мы съ вами не совсѣмъ согласны въ главномъ вопросѣ, Варвара Михайловна, сказалъ онъ хладнокровно,—по вашему мнѣнію слѣдуетъ сперва полюбить всѣхъ людей и потомъ принять ихъ какъ бы подъ свою протекцію, я же считаю за лучшее во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми, сперва исполнять долгъ порядочнаго человека, а потомъ уже любить или не любить ихъ, для собственнаго удовольствія, безъ всякихъ отношеній къ общему ходу своей дѣятельности.

Вслѣдъ затѣмъ разговоръ склонился къ предстоящей уставной грамотѣ и на минуту затихъ, потому что съ почты принесли газеты и нѣсколько писемъ на имя хозяйки.

— Боже мой, что случилось! вдругъ вскричала Варвара Михайловна, пробѣжавъ одно письмо съ заграничнымъ штемпелемъ, — тетюшка *Thémire* выходитъ замужъ, въ Парижъ, за какого-то *chevalier*... должно быть *de la triste figure*!...

— Лишь бы не *d'industrie*, прибавилъ я: — пятидесятилѣтняя женщина, съ замужними дочерьми вдобавокъ! И вѣрно зоветь на свадьбу?

— Въ другое время я бы не повѣхала, сказала Варвара Михайловна, — но признаюсь вамъ, эти хлопоты и вся моя грустная жизнь за лѣто такъ меня разстроили, что мнѣ хотѣлось бы отдохнуть гдѣ-нибудь на воздухѣ...

— Въ такомъ случаѣ торопитесь, замѣтилъ я, — въ Эмсѣ ужь пусто, въ Баденѣ остались одни подлаго вида игроки, во въ Біарицѣ найдете вы маршаловъ и графовъ, а ея величество императрица Евгенія конечно пригласитъ васъ на свои вечера и кавалькады.

Голубые глазки ея превосходительства засвѣтились какъ поверхность Средиземнаго моря въ часъ тихаго осенняго утра, откушенный носъ Самсона и все деревенское горе были забыты, и мы съ Лѣвниковымъ уѣхали съ полною увѣренностью, что уставная грамота будетъ представлена въ самомъ непродолжительномъ времени.

XIII. Сводъ итоговъ.

Подходили послѣднія числа сентября мѣсяца; важнѣйшія изъ полевыхъ работъ кончились, а съ минованіемъ горячей поры начали ослабѣвать частыя столкновенія между помѣщиками и крестьянами. Я догадывался, что подходит время подвести общіе итоги моимъ дѣламъ по Петровскому, и вслѣдствіе ихъ, произвести нѣкоторыя важныя измѣненія по хозяйству, но какая-то вѣдѣная робость меня удерживала. Мнѣ казалось ужасно горькимъ отозваться на благую реформу значительнымъ сокращеніемъ своихъ хозяйственныхъ операцій и самому приняться за то что въ другихъ помѣщикахъ казалось мнѣ дѣломъ досады или пристрастія къ старымъ порядкамъ. Подобно многимъ подобнымъ мнѣ особамъ, я часто говорилъ о жертвахъ, изъявлялъ готовность приносить жертвы, но тайнѣ думалъ, что авось либо обойдется и безъ нихъ или что въ замѣнъ жертвъ неожиданно возникнутъ и выгоды за нихъ вознаграждающія. Думая и поджидая, глядя вдаль и откладывая дѣла настоятельной необходимости, дождался я наконецъ до того, что

люди, повидимому ничѣмъ не заинтересованные въ моиъ подвигахъ, изъ одного усердія сочли долгомъ покоичить мою нервнтельность.

Въ одинъ очель скверный и печальный осенній вечеръ, явились ко мнѣ, подъ предводительствомъ старосты Власа, пастухъ Онисимъ и бывшій прикащикъ Михайло Матвѣевъ, отпущенный на всѣ четыре стороны, но не желавшій оставлять своихъ певатовъ и присматривавшій за разными небольшими занятіями по мызѣ. Власъ и Михайло имѣли видъ торжественный, но спокойный, старикъ Онисимъ, одиель изъ самыхъ честныхъ и преданныхъ людей, когда-либо мнѣ попадавшихся, казался огорченнымъ. Приходъ его всегда означалъ какое-нибудь бѣдствіе въ стадѣ, потому что Онисимъ, весьма уважаемый на мызѣ и особенно привязанный къ моей сестрѣ и ея дѣтамъ, отъ своихъ гуляевъ по лугамъ и пустынямъ сталъ застѣчивѣ всякаго отъявленнаго нелюдима, а въ господскихъ горащахъ со-всѣмъ терялся.

— Чтò, Онисимъ Лаврентьичъ? отнесся я къ нему:—вѣрно опять волки пошли пакостить.

— Никакъ нѣтъ, батюшка Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ старикъ своимъ разбитымъ и какъ будто отвыкшимъ отъ рѣчей голосомъ:—съ прошлаго года такого грѣха не случилось.

— Отъ волковъ Богъ хранить покуда, вступилъ въ разговоръ Власъ Васильевъ,—а пришли мы спросить тебя, какъ ты насчетъ скота распорядиться прикажешь.

Прикащикъ положилъ на столъ записки и книги, по которымъ можно было провѣрить сборы сѣна и хлѣба въ настоящемъ году и прошломъ. Никто не рѣшался произнести словъ *убавить скота*, но лица у всѣхъ весьма омрачались.

— Да чтò же васъ приспичило имѣнно сегодня? спросилъ я съ неудовольствіемъ:—я и самъ скажу когда будетъ надо.

— Батюшка Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ староста,—на мызѣ теперь скотникъ Давыдъ и спрашиваетъ нѣтъ ли скота продажнаго. Онъ у насъ всегда и телятъ и лишнихъ бычковъ покупаетъ, мужикъ онъ разумный, шильничать не привыкъ, и съ нимъ ты поладишь. А уйдетъ онъ, такъ кулаки тебѣ за половину стада самую дрянъ какую-нибудь давать станутъ.

— Время позднее, добавилъ Михайло, — кормами всѣ бѣды, а по мызамъ сбываютъ скотъ за безцѣнокъ.

Я сталъ просматривать счеты и спросилъ Онисима, сколько по его мнѣнію, придется убавить скотины.

— Коровокъ пятьдесятъ продать надо, отвѣчалъ пастухъ и мрачно потупился.

— Не бери грѣха на душу, Онисимъ Лаврентьичъ, — возразилъ Власть, въ то же время глядя на старика съ уваженіемъ. — Не прокормить намъ ста двадцати скотинъ; самъ знаешь много ли будетъ соломы, а покосовъ-то сколько оставлено противъ прошлаго года! Семьдесятъ пять продадимъ; это еще по меньшей мѣрѣ.

— Семьдесятъ пять продать придется, подтвердилъ Михайло.

Я очень хорошо зналъ, что сѣна, за вялою работою, заготовлено весьма мало; хорошій урожай хлѣба могъ бы до нѣкоторой степени поправить дѣло, но урожай оказывался посредственнымъ. Однако на меня припало ожесточенное упрямство.

— Я не хочу убавлять скота почти на половину, сказалъ я: — разорить хозяйство легко, а потомъ поднимай его какъ знаешь. Потолкуйте съ крестьянами, пошлите людей въ сосѣднія мызы, закупите сѣна гдѣ можете. Увѣжая, я оставляю денегъ на солому. Чтò жь мы за люди, если при первой трудности у насъ все изъ рукъ валится? Я опредѣляю извѣстныя деньги на прокормъ скота; коли надо, проживу я этотъ годъ и безъ Петровскихъ доходовъ.

Я ожидалъ, что по крайней мѣрѣ Онисимъ одобритъ мои намѣренія, но емъ попрежнему стоялъ потупясь. — Батюшка Сергій Ильичъ, началъ Власть съ особенною внушительностью, — да какая же будетъ тебѣ выгода, если ты пожалуй и весь твой доходъ на скотъ скормишь? Запашку ты убавилъ; для остальной тебѣ и ста коровъ будетъ. На будущій годъ барщиваики твои пойдутъ на оброкъ; кто жь тебѣ станетъ твои покосы выкашивать? Нынче пожалѣлъ семидесяти коровъ, черезъ годъ придется сбыть полтора-ста. Чухонъ ли выпишишь для работы, такъ для этого нужно время, и постройки нужны, и все обзаведеніе. Своихъ станешь навимать? не сразу хорошо пойдетъ дѣло; а тѣмъ временемъ скотинъ-то быть на покупномъ кормѣ? Прошла

бѣда, отвориай ворота, а храбриться противъ Божьей воли разчету не много.

— Никакой бѣды не приходило, возражалъ я съ досадою, — а Божья воля не въ томъ чтобы мы сами плашали. Коли работы шли худо, помѣщику надо не вѣшать носъ, не разрушать хозяйства, а придумать что-нибудь для его поддержки. Отъ этого не одному помѣщику, а всему народу будетъ выгода.

— Не возьму я въ домекъ, сказалъ на это Власть Васильевъ, — какая выгода будетъ народу оттого что ты поддержишь дѣлаю зиму полсотни скотинъ на покупномъ кормѣ. Маркитанты дадутъ тебѣ кое-что на лишнемъ маслѣ и творогѣ; только этимъ, и самъ ты знаешь, расходы тебѣ не покроются.

— Конечно знаю, да пойми ты что дѣло не въ расходахъ, а въ томъ чтобы не разстроить того что столько лѣтъ велось въ нашей мызѣ.

— Такъ для этого и надо тебѣ поприжаться, опять возразилъ Власть съ своею неумолимою логикой. — Другіе господа убавили скотъ и пашутъ землю меньше; вѣдь не гаупфе жь они насъ съ тобою, а въ имѣніяхъ живутъ они всегда, стало-быть къ дѣлау-то привычѣе. И не посердишь ты на меня, батюшка Сергѣй Ильичъ, коли я тебѣ скажу свое простое мужицкое слово. Будь ты хозяинъ большой, да всякаго полеваго дѣла мастеръ, а бы съ тобою и спорить не вздумалъ. Сказалъ бы я тогда, хочеть баринъ не убавлять скотины, значитъ придумалъ что-либо такое чего мы не понимаемъ. А вѣдь ты самъ знаешь, что хозяинъ ты новый; большимъ мастеромъ ты передъ нами и не прикидывался. Откуда жь тебѣ придумать что-нибудь небывалое? Статочное ли дѣло, чтобы всѣ хозяева сосѣди были дураками, а ты одинъ всѣхъ толковѣй? Пережди крутую пору, денегъ не швырай попусту, теперь и барамъ и мужику не до жиру, а какъ бы продохнуть пока съ новымъ порядкомъ пообойдешься. Вотъ и у меня въ семьѣ молодежь стала работать тихо; внукъ съ женой выдѣлился и теперь самъ плачетъ; такъ ужли жь я стану ломить зря, да не пожмусь годъ другой, пока народъ образумится? Такъ ли, батюшка? А коли такъ, такъ посылай за Давыдомъ да не таки дѣла, кончай разомъ. Ужь нашъ Овксимъ Лаврентьичъ больно закручинился!

Я еще не на столько былъ ослабленъ своими хозяйственными начинаніями, чтобы дурно принять откровенный советъ Власа. Послѣ довольно долгаго совѣщанія, съ новымъ акуратнымъ перечисленіемъ корма, на который можно было довольствоваться скотъ за зиму и весну, рѣшились убавить стадо на пятьдесятъ штукъ и потребовали Давида, который конечно далъ за нихъ цѣну пустую, но не кулацкую, а сверхъ того повелъ всю операцію такъ какъ ее ведутъ немногіе изъ крестьянъ занимающихся промыслами. Онъ не худилъ товара, не назначалъ суммъ обидно ничтожныхъ, и вслѣдствіе того не подвергался позорному изгнанію изъ комнаты, за которыми у кулаковъ идетъ небольшая надбавка, съ новыми протестами продающаго, съ бранью и криками. За то, чувствуя себя хозяиномъ положенія, онъ не далъ особеннаго хода ни мнѣ, ни Власу, и когда мы стали оспаривать его цѣны съ нѣкоторою горячностью, сказалъ намъ хладнокровно:—И самъ я знаю что цѣна плохая, да время стоитъ позднее, скотъ вездѣ сбываютъ; стада вашего вамъ не прокормить, а коли я уйду, съ другими вамъ хуже не столкнуться.

Я вспомнилъ Латыша Карла Карлыча и его грустныя замѣчанія о неспособности русскихъ денежныхъ людей на дѣятельность не имѣющую ничего общаго съ выкупами или проведеніемъ чугунныхъ трубъ подъ землею. Въ край населенномъ и неудаленномъ отъ столицъ, безъ голода и при сносомъ урожаѣ, тысячи штукъ отличнаго скота сбывались за безцѣнокъ, и торговецъ, менѣе другихъ шильничавшій могъ съ гордостью замѣчать, что другіе торговцы не въ примѣръ его хуже. Никакой неожиданной катастрофы не было. Всѣ предвидѣли съ весны, что къ осени скотъ будетъ продаваться по сходнымъ цѣнамъ. И никто нисколько не подумалъ о томъ, что нѣкоторая помощь вовремя могла предохранить помѣщиковъ отъ этого горя (тутъ ужъ конечно виноваты не одни денежные люди); даже никто кромѣ отъявленныхъ кулаковъ и не воспользовался имъ, никто не подумалъ о конкуренціи съ ними, никто изъ торговыхъ людей не рискнулъ ни грошемъ для того чтобы заняться выгоднымъ дѣломъ на разумныхъ основаніяхъ. Продажа большихъ массъ скота къ осени не рѣдкость въ нашемъ край; прошлый годъ она произошла вслѣдствіе сокращеній хозяйства на мызѣхъ, но она бывала и прежде, при дурномъ

урожаѣ. И что всего удивительнѣе, и что можетъ происходить лишь у насъ, продажа скота за грошовую цѣну никому выгодъ не приносила. Мясо нисколько не дешево ни въ столицахъ, ни въ большихъ центрахъ населенія, а скотники-кулаки, повидимому имѣвшіе въ виду несамыхъ низкій процентъ за товаръ купленный ни почемъ, возвращались изъ Петербурга мрачными, пьяными, почти нищими. Притѣсняли ли ихъ тамъ монополисты, обирали ли ихъ чиновники по дорогамъ и улицамъ столицы, спускали ли они барышъ въ увеселительныхъ пріютахъ, только всѣ они перебивались съ трудомъ и считались дравыми мужиками. Пастухъ Онисимъ, истинный пастырь древнихъ временъ, объяснял это тѣмъ, что нѣтъ Божьяго благословенія надъ этимъ промысломъ. „Ты пчелъ заводи, сады покупай, говорилъ онъ,—все это дѣло хорошее. И землю пахать человекъ Богу угодный. А въ кабакъ торговать, да голодную скотину гонять на убой кто станетъ окромя прощелыги.“

Выслушавъ ультиматумъ скотника Давыда, власти села Петровскаго сочли долгомъ покориться необходимости, и съ чѣмъ-то пятьдесятъ штукъ рогатаго скота были проданы. Весь слѣдующій день скотникъ провелъ около мызы, отбирая коровъ и споря съ Онисимомъ, который отстаивалъ все что удавалось отстоять и выхлопоталъ таки, что три коровы, когда-то дававшія много молока и вообще отличавшіяся превосходнымъ поведеніемъ, не попали въ число сбываемыхъ. Къ счастью, у петровскихъ крестьянъ, которые были позапасливѣй, оказалось нѣсколько экстраординарныхъ стожковъ сѣна, и они его мнѣ охотно продали за цѣну не очень безумную: такъ какъ большая часть этого сѣна была накошена на покосахъ мнѣ принадлежавшихъ, то владѣльцы его торопились переговорами, боясь отъ меня какихъ-нибудь разспросовъ. Такимъ образомъ я не только отчасти утѣшилъ стараго нашего пастыря, но спасъ отъ продажи еще двѣ скотины, предоставивъ Онисиму самому ихъ выбрать.

Черезъ день послѣ сдѣлки съ Давыдомъ, я вроснулся весьма рано, вслѣдствіе шума заставившаго меня дернуть звонокъ и спросить не случилось ли какой бѣды на мызѣ. До меня доносились крики, большой шумъ около дороги, визгивыя причитанія женщинъ, а пуще всего такой ревъ и мычаніе, какъ будто бы всѣхъ быковъ и коровъ нашего

сколотка кто-нибудь умерщвлялъ посреди жестокихъ мученій. Первая мысль моя была о томъ, что навѣрное загорѣлись овины, и огонь перебросило на скотный дворъ; но вошедшій слуга домыслъ что все обстоитъ благополучно, пожара нѣтъ, а гвалтъ произведенъ Давыдомъ, выгонявшимъ купленный скотъ къ большой дорогѣ. Получивъ это свѣдѣніе, я хотѣлъ было спрятать голову подъ одеяло и заснуть сызнова, но лютое утро съ легкимъ морозцемъ взманило меня, и я, наскоро одѣвшись, вышелъ изъ дома.

Скотный дворъ отстоялъ отъ меня въ двухъ, можетъ-быть трехъ стахъ шагахъ, не болѣе; его выстроили такъ близко отъ дома по русскому обычаю, не разчитавъ разстояній, а потомъ, чтобы замазать ошибку, украсили полукруглыми окнами, да никуда не пригодною башнею, что однако глядѣло довольно красиво въ зелени старыхъ липовыхъ аллей и рощи. Желая прекратить крики и ревъ все еще продолжавшееся, я прошелъ въ ту сторону, и при блескѣ веселаго осенняго солнца скоро добрался до одной изъ печальнѣйшихъ сценъ за все время моего прошлогодняго хозяйства. Стадо выходило на лужокъ отдѣлявшій дворъ отъ главнаго прогона; покуда оно бойко двигалось по травѣ, мѣстами бѣжавшей ночью изморозью, скотникъ Давыдъ и его клявреты, вооружась длинными бичами, отдѣляли купленныхъ коровъ и загоняли ихъ отдѣльною группою. Дѣло шло такъ трудно и упорно, что, казалось, бѣдныя животныя не только понимали тягость разлуки съ роднымъ кровомъ, но ужасались участи имъ предстоявшей. Они не сворачивали въ сторону, упирались, облюхивались съ счастливицами остававшимися подъ эгидой Онисима, подбѣгали къ старцу пастырю, какъ бы прося его заступничества, рвались съ отведенныхъ имъ мѣстъ, между тѣмъ какъ остальное стадо, недоумѣвая, зачѣмъ это чужіе люди, съ помощью кнутовъ, дробятъ его на двѣ части, не шло своею дорогою и глухо ревѣло. Пастухъ Онисимъ, съ лица сумрачнѣе всякой темной ночи, старался водворить порядокъ; Власъ Васильевъ помогалъ ему какъ могъ, называя самыхъ искугавныхъ коровъ разными ласковыми именами, успокаивая ихъ трепаніемъ по шеѣ и всякими другими средствами. Вся дворня была тутъ же на лицо, но помогала весьма мало: въ продажѣ скота она видѣла только уничтоженія усадьбы и стало - быть, недоброе измѣ-

неніе въ своей собственной доѣ. Старики глядѣли кисло, бабы стояли пригорюнясь, и впереди всѣхъ, съ унылымъ ликомъ Марія на кареагенскихъ развалинахъ, подпираюса костылемъ бывшій садовникъ, столѣтній Никомъ.

Я поздоровался съ людьми и сталъ около нихъ, съ фигурой столько же сумрачною, съ лицомъ такимъ же кислымъ, Всегда отличаясь скорѣе излишнею беззаботностью нежели жадностью по части земныхъ благъ, я видалъ и легко переносилъ потери, передъ которыми уничтоженіе пятидесяти штукъ рогатаго скота значать менѣе нежели конѣчный проигрышъ въ карты передъ дѣлою раззорительною афферой. Случалось мнѣ спускать все свое походное достояніе на баденской рулеткѣ и оставаться безъ гроша въ чужомъ краѣ; удавалось мнѣ терять кой-какіе капиталы и на акціяхъ; удавалось даже поручаться за людей, которымъ никто не вѣрилъ ни гроша, и которые, вмѣсто благодарности, насмѣшливо поздравляли меня съ предстоящею отвѣтственностью. Все это было непріятно, однако не производило во мнѣ глубокаго огорченія. Но тутъ, на своей землѣ, отпуская отъ себя часть петровскаго стада, я чувствовалъ себя истинно-огорченнымъ, даже потрясеннымъ до глубины сердца. Унылое чувство, такъ неожиданно павшее на меня, самою своею необычайностью приковало къ себѣ все мое вниманіе. „Что за чертовщина! говорилъ я себѣ: жадность это, что ли? Но я сейчасъ готовъ бросить въ печь порядочную пачку ассигнацій, если мнѣ докажутъ что я могу сохранить эти пятьдесятъ коровъ, не дѣлая совершеннаго безумства въ хозяйственномъ отношеніи. Любовь къ моей помѣщицкѣй дѣятельности? А какъ же я годы жила въ морями, предоставляя завѣдывать моею мызой кому попало? Досада по поводу необходимаго пожертвованія? Однако я всегда былъ за крестьянское дѣло и считаю себя на столько честнымъ, что еслибъ ему не сочувствовалъ, то сказалъ бы это открыто, не таясь ни передъ кѣмъ на свѣтѣ. И мало-по-малу вслѣдъ за этими вопросами стала выясняться передо мной та спастительная, таинственная связь человѣка съ своею землею, со всѣмъ ему на этой землѣ принадлежащимъ, та связь, изъ-за которой крестьянинъ, переселяясь за три версты отъ своей деревни, съ плачемъ уноситъ горсточку своей старой земли,—изъ-за которой человѣкъ крѣпко сидящей на соб-

ственномъ полѣ навсегда будетъ считаться выше самаго ловкаго спекулятора, носящаго все свое состояніе въ карманѣ.

Была еще одна особеннoсть въ ощущеніяхъ, съ которыми я выходилъ на первый значительный ударъ нанесенный усадебному хозяйству Петровскаго. На себя испытывая какъ грустно переносится все сопряженное съ упадкомъ сельскаго дѣла, я съ отчетливостью распознавалъ въ себѣ нѣкоторое весьма ѣдкое озлобленіе. Я записалъ на себя и на многихъ весьма дорогихъ людей, связанныхъ со мною одними симпатіями и однимъ образомъ мыслей. Сколько разъ мы всѣ, люди обезпеченные и еще не принесшіе никакихъ жертвъ, съ дѣтскою беззаботностью осуждали отстающихъ людей, бояливо жавшихся въ виду необходимыхъ утратъ, неразлучныхъ для земледѣльца съ первыми годами реформы! Сколько разъ мы всѣ, съ жесткостью и даже какими-то непонятнымъ злорадствомъ, обсуждали стѣпенное положеніе помѣщиковъ и будущіе шансы ихъ хозяйственныхъ затрудненій? Какими насмѣшками пресѣдовали мы чудаковъ, которые, поговоривъ о государственномъ значеніи крестьянскаго вопроса, неминуемо переходили къ вопросу о томъ, чѣмъ прокормить свою семью, и на какія деньги воспитывать дѣтей, покуда стаетъ длиться хозяйственный кризисъ! Имѣли ли мы право навязываться въ Катовы и Ювеналы. Чѣмъ выказали мы свой героизмъ передъ отстающими смертными? Провѣрили ли мы свои побужденія, и могъ ли каждый изъ насъ оказать, что онъ, будь все его состояніе въ зависимости отъ земли, окажется истинно твердымъ въ виду жертвы? Одной покорности намъ казалось мало, мы желали бы чтобы жертвы приносились не только безропотно, но даже съ ликованіемъ и бранью на медлителей. Время подошло, и какими же героями мы оказались? Красноволокскій, при своемъ огромномъ содержаніи, ругается съ мужиками за покось не приносящій въ годъ ни одного скирда сѣна. Французъ-Ставицкій, вступаясь за угнетенныхъ, все еще держитъ цѣлое имѣніе на барщинѣ. Моя особа предается тоскѣ по случаю уменьшенія стада. Какъ же смѣли мы презрительно относиться къ тѣмъ людямъ, для которыхъ всякая убыль дохода вела съ собой убыль первыхъ удобствъ жизни,—для которыхъ не существовало ни аренды, ни посредническаго жалованья, ни капитала въ пятипроцентныхъ билетахъ? Не скрываясь

окажу, что въ эти минуты размышленія мнѣ было очень стыдно и очень досадно.

Пока тавулось мое невеселое раздумье, скотникъ Давыдъ отдавалъ всю купленную скотину, и старикъ Описимъ, въ послѣдній разъ взглянувъ на своихъ бывшихъ питомцевъ, медленными шагами пошелъ вслѣдъ за большимъ стадомъ. Продавныхъ коровъ также погнали своею дорогой, къ столбовому тракту. Тогда старикъ Никонъ приподнял свою съдую голову, и оказалъ мнѣ: „Такъ-то, батюшка Сергѣй Иавичъ, и ты насъ когда-нибудь угомишь съ своей мызы.“

— Ишь ты какой, старичина, возразилъ я засмѣявшись, — прокажемъ какъ-нибудь, а съ коровами развять себя не приходится.

Дворня просвѣтлѣла лицами и разошлась безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, а вечеромъ я, кажется въ десятый разъ за лѣто, подтвердилъ ей черезъ Власа, что послѣ всего уже объявленнаго сестрой и мною, всякая боязнь дворовыхъ нашихъ людей за свою будущность примется нами какъ знакъ обиднаго недоверія.

Этимъ днемъ оканчиваю я мои деревенскія замѣтки за прошлое лѣто. Составленіе уставныхъ грамотъ, завлѣвшее собою конецъ сентября и начало октября мѣсяца, не можетъ войти въ этотъ трудъ: результатъ означенной работы просится въ поему, по счастью, не трагическую и не печальную, а юмористическую до крайности. Развеселились ли мои крестьяне съ окончаніемъ полевыхъ работъ, раскусили ли они, что баринъ, при своей нѣскольکو суровой наружности, посмѣяться любить; но только они изыскали самую лучшую методу для извлеченія изъ меня чего слѣдовало. Метода эта—востоянное шутовство. Она открыта крестьянами села Петровскаго, и если ее употреблять искусно, ни одинъ настоящій русскій помѣщикъ не устоитъ передъ нею. Старцы благоглупѣйшаго вида приходили на мызу, всякое совѣщаніе открывали балагурствомъ, разказывали мнѣ о забавныхъ приключеніяхъ въ деревнѣ, подшучивали другъ надъ другомъ, и привада меня въ хорошее расположеніе духа, предъявляли свои требованія. Очень часто приносили они съ собой нѣчто въ родѣ подарка или взятки, непремѣнно забавнаго свойства: съ

этой цѣлью гдѣ-то добытъ былъ ракъ, кажется въ поль-
аршина длиною, и живой тетеревъ такихъ размѣровъ, что
вся дворня пришла глядѣть на него какъ на чудо, а ин-
дѣйскіе вѣтухи, важно бродившіе около дома, лѣзли съ
нимъ драться. Вся моя твердость пошла прахомъ посреди
смѣха, восклицаній и шутокъ по этому случаю. Одинъ разъ
даже хотѣли подарить мнѣ звѣра до такой степени не-
обыкновеннаго по виду, что я такихъ въ жизнь мою не
видалъ, и назвать его не умѣю: крестьяне называли его
цены и говорили, что онъ *ядовитый*. Во время разѣздовъ
по имѣнію, меня ни на минуту не оставляли въ молчаніи;
кто разказывалъ мнѣ какъ скверно ругаются наши бабы,
кто передавалъ о разныхъ дѣяніяхъ барышни Чемезовой,
кто сообщалъ о теченіи дѣлъ на волостномъ судѣ, гдѣ его
самого чуть-чуть не высѣкли; если же смѣшныхъ исторій
не доставало, то краснобаи упражнялись насчетъ сосѣда
Павшакова, котораго гуляки, единоборства съ своими му-
жиками и всякія сумасбродства представляли изъ себя одну
безконечную хронику за цѣлое полу столѣтіе. Я очень хо-
рошо видѣлъ къ чему клонятъ мужики, но политика ихъ
была такъ нова, и сверхъ того требованія ихъ по боль-
шей части отличались такою умѣренностью, что я, при
моихъ ожиданіяхъ чего-то неисполнимаго, не нашелъ въ
своей душѣ никакого упорства. Наконецъ грамота была
изготовлена, подписана, вручена посреднику, утверждена
законнымъ порядкомъ; въ Петровской же мызѣ по этому
случаю данъ балъ, то-есть общій обѣдъ съ хороводами, ви-
номъ и пивомъ. Балъ, по единогласному приговору, удался
въ совершенствѣ; танулся онъ до поздней ночи, утромъ же,
сверхъ многихъ гостей, мирно опочивавшихъ по канавамъ,
старикъ Демьянъ Павловъ, къ общему изумленію найдены
былъ спящимъ навѣтвяхъ высокой рябины. Зачѣмъ
онъ туда попалъ? Самъ ли взлѣзъ на рябину, или былъ по-
саженъ туда какими-нибудь проказниками, старикъ объ-
яснить не могъ, и разрѣшеніе сего загадочнаго вопроса,
несмотря на всѣ мои разсѣдованія, остается скрытымъ
во мракѣ неизвѣстности.

С. БЕЗЫМЕННОЙ.

ЗАМѢТКИ

О

ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ

РОССІИ.

I. Общій взглядъ на финансовое положеніе Россіи.

Много говорятъ и пишутъ о настоящемъ безденежѣ; приписываютъ его то той, то другой мѣрѣ правительства; но никто не сознается, что главная причина этого явленія „бѣдность Россіи“. Такому сознанию мѣшаетъ и спѣсь народная, и недостатокъ яснаго пониманія дѣла.

Деньги—представители имущества; и было бы имущество, будутъ и деньги. Такъ напримѣръ, въ третьемъ и четвертомъ десяткѣ нашего столѣтія, когда торговля процвѣтала, ассигнацій и металлическихъ денегъ русскаго чека было мало, внутри Россіи обращалось много иностранной монеты, и дѣла отъ этого шли не хуже. Тогда никому на мысль не приходило обогащать Россію выпускомъ новыхъ ассигнацій. Подобная выдумка свойственна лишь нашему бумажному времени, вообразившему, кажется, что стоить только сшить сапоги безногому, чтобъ онъ ходилъ.

Не лучше ли подумать сперва о ногахъ, а затѣмъ уже о сапогахъ?

Но отчего, спросятъ насъ, Россія была богата тридцать лѣтъ тому назадъ, а стала бѣдна нынѣ, когда и промышленность развилась, и Сибирь доставляетъ золота на 20 милліоновъ рублей въ годъ?

Причина та, что богатство — понятіе относительное; богатъ тотъ, у кого въ приходѣ болѣе чѣмъ въ расходѣ, а кто постоянно хоть однимъ рублемъ болѣе тратитъ чѣмъ получаетъ, тотъ неминуемо бѣднѣетъ. Россія же давно въ этомъ положеніи. Производительность страны не росла въ одинаковой степени съ ея потребностями, и такая неравномѣрность проявляется столько же въ дѣлахъ почти каждаго частнаго человѣка, сколько въ отношеніяхъ всей Россіи къ другимъ государствамъ. У насъ забыли, что цѣнности создаются трудомъ, а богатства накапливаются бережливостью. Русскіе въ прежнее время, вѣроятно, не трудились болѣе чѣмъ нынѣ, но они тратили менѣе, по недостатку искушеній; теперь же не только всѣмъ нужны заморскіе товары, но и самимъ жить нужно на чужой сторонѣ и на русскія деньги, а ихъ-то становится тѣмъ менѣе чѣмъ большее число богатыхъ людей проживаетъ ихъ въ своего отечества.

Въ прежнее время цѣнность русскихъ произведеній, отпускаемыхъ ежегодно за границу, превышала цѣнность привозимыхъ оттуда товаровъ; излишекъ уплачивался иностранною золотою и серебряною монетою, которой по этому много обращалось въ Россіи. Такъ напримѣръ въ 1830 году было отпущено за границу товаровъ на 274.000.000 р. асс., привезено на 198.000.000 р. асс., и за отпускомъ осталось въ Россіи золота и серебра, доставленныхъ изъ-за границы, на 45.000.000 рублей ассигнаціями. Русскихъ отправилось въ тотъ годъ за европейскую границу 23.704 человѣка. Черезъ 30 лѣтъ послѣ этого, то-есть въ 1860 году, по официалнымъ свѣдѣніямъ, отпущено товаровъ на 181.000.000 р. с., привезено на 159.000.000 (не считая предметовъ выписанныхъ правительствомъ и разными обществами, а также тайно водворенныхъ, кои въ 1860 году, безъ сомнѣнія, было гораздо болѣе чѣмъ въ 1830 году), а несмотря на то золотой и серебряной монеты отпущено болѣе чѣмъ привезено на 2.700.000 руб. Следовательно,

официальныя цифры далеко не выражаютъ истиннаго положенія торговаго баланса. Оно лишь отчасти объясняется тѣмъ что за европейскую границу выѣхало въ 1860 г. Русскихъ 275.582.

На платежъ процентовъ и погашеніе по займамъ правительственнымъ въ 1830 году назначено было 53.000.000 р. ассигнаціями, а въ 1861 году 54.000.000 р. серебромъ¹ и изъ этой суммы бóльшая часть отправлена за границу для удовлетворенія тамошнихъ заимодавцевъ Россіи.

Съ 1862 года цифра вышнихъ платежей еще увеличилась заключеніемъ новаго займа въ 15.000.000 фунтовъ стерлинговъ и принятою на себя государственнымъ казначействомъ уплатою процентовъ по акціямъ и облигаціямъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Сверхъ того содержаніе за границей дипломатическихъ и другихъ агентовъ и платежи по заказамъ разныхъ министерствъ стоять не мало денегъ.

Въ началѣ нынѣшняго года хранилось въ размѣнномъ фондѣ золота и серебра на 80.000.000 р. с. меньше чѣмъ за десять лѣтъ тому назадъ. При томъ, въ это время исчезла изъ народнаго обращенія вся бывшая въ Россіи звонкая монета (которую едва ли можно цѣнить меньше чѣмъ въ 100.000.000 р. с.), несмотря на то, что съ 1852 по 1861 годъ добыто въ Сибири и на Уралѣ золота и серебра на 190.000.000 р. с. и занято въ чужихъ краяхъ правительствомъ 157.000.000 р. с. Слѣдовательно, для уплаты за предметы приобрѣтенныя Россіей и Русскими, не считая того что Главнымъ Обществомъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ заказано въ чужихъ краяхъ на суммы внесенныя иностранными акціонерами за границей съ 1852 по 1862 годъ, употреблено, сверхъ отправленныхъ въ чужіе края туземныхъ произведеній, еще золотомъ и серебромъ до 527.000.000 р. с., то-есть болѣе 50.000.000 р. с. въ годъ. Часть этой суммы получила, безъ сомнѣнія, производительное назначеніе, бывъ употреблена на покупку машинъ, пароходовъ и принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, но едва ли настоящее безденежье не служить лучшимъ доказательствомъ того, что другая бóльшая часть этихъ из-

¹ Всѣ цифры, выставленныя въ этой статьѣ, заимствованы изъ печатныхъ отчетовъ министерствъ.

расходованныхъ нами въ послѣднія десять лѣтъ капиталовъ еще далеко не принеситъ надлежащей пользы.

Весьма понятно, что продолжать такимъ образомъ нельзя, что невозможно постоянно помогать балансу по вѣншей торговлѣ вѣншими же займами. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было бы совершенное истощеніе и обѣдненіе Россіи, но и изъ настоящаго затруднительнаго положенія можно выйдти только усиленіемъ производительности Россіи и сокращеніемъ расходовъ производимыхъ нынѣ Россіей и Русскими, какъ у себя дома, такъ и въ чужихъ краяхъ. Тогда только сбереженія сдѣлаются возможными, и снова накопятся капиталы, нынѣ исчезнушіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ появятся деньги, на недостатокъ которыхъ такъ справедливо жалуется публика.

Но какимъ образомъ достигнуть этой цѣли?

Возвышая пошлину на нѣкоторыя статьи таможеннаго тарифа, можно было бы разумѣется нѣсколько сократить привозъ иностранныхъ товаровъ, но эта мѣра не могла бы восстановить равновѣсіе во вѣншемъ нашемъ балансѣ, а между тѣмъ увеличила бы неестественность и искусственность положенія нашей промышленности.

Затруднять отъѣздъ Русскихъ за границу было бы несправедливымъ стѣсненіемъ пока существуютъ причины заставляющія многихъ покидать свое отечество, а именно: безпримѣрная въ Россіи дороговизна, неудобства жизни вообще и тяжкій сѣверный климатъ.

Наконецъ, суммы отправляемыя правительствомъ за границу для уплаты процентовъ по займамъ, сокращены быть не могутъ, пока билеты нашей комиссіи погашенія долговъ не перейдутъ въ руки русскихъ капиталистовъ, что весьма желательно. ¹ Поэтому остается только надѣяться на уси-

¹ Между займами вѣншими и внутренними существуетъ огромная разница, которая не всегда достаточно извѣщивается. Платежи производимые по первымъ есть чистая потеря для государства, тогда какъ проценты уплачиваемые заимодавцамъ, проживающимъ въ самомъ государствѣ, разливаются въ народъ. Займы, заключаемые Англіей и Франціей на этомъ основаніи, представляютъ мѣстнымъ капиталистамъ средство къ выгодному помѣщенію ихъ капиталовъ и къ дальнѣйшимъ сбереженіямъ и заставляютъ одну часть народа трудиться въ пользу другой. Слѣдствіемъ же вѣншихъ займовъ бываетъ то, что одинъ народъ въ финансовомъ смыслѣ порабощается другимъ, его заимодавцемъ.

леніе отечественной производительности, на открытіе произведеніямъ Россіи обширнаго сбыта въ чужихъ краяхъ и на замѣну многихъ предметовъ, получаемыхъ нынѣ изъ-за границы, русскими товарами.

Многое, безъ сомнѣнія, могло бы быть сдѣлано для устраненія затрудненій, стѣсняющихъ у насъ промышленность и земледѣліе, и для удешевленія ихъ произведеній, но мы до того отстаемъ отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, что намъ не малаго труда будетъ стоить догнать ихъ; опередить же ихъ въ механическихъ и техническихъ приемахъ нѣтъ никакой надежды, а потому, при состязаніи, преимущество останется всегда за произведеніями той страны, которая самою природою болѣе благодѣтельствована. Къ сожалѣнію природа не была щедра въ отношеніи къ Россіи. Единственное ея преимущество передъ западными государствами заключается въ большихъ пространствахъ незаселенной еще и отчасти весьма плодородной земли, но съ увеличеніемъ населенія преимущество это постепенно уменьшается; земля же, малоудобряемая, истощается, не исключая даже и чернозема. Суровый и континентальный климатъ, сухость воздуха и безводіе рѣкъ, увеличивающееся отъ истребленія лѣсовъ, недостатокъ горючаго матеріала въ большой части Имперіи, краткость полевой рабочей поры, отъ продолжительности зимы, прекращающей также плаваніе по водянымъ путямъ, все это лежитъ тяжкимъ бременемъ на производительности Россіи.

Неудобства эти неотвратимы, и сколько бы умъ человѣческій ни изоощрася надъ уменьшеніемъ ихъ, природа всегда возьметъ свое.

Народъ русскій всегда жилъ неразчетливо. Уповавъ на количественное обиліе земли, онъ считалъ себя богатымъ производительными силами, и не только не копилъ и не берегъ запасовъ, но безъ надобности входилъ въ долги. Нынѣ наступилъ не только срокъ расплатиться съ прежними заимодавцами, но является крайняя необходимость въ капиталахъ для осуществленія предпріятыхъ повсемѣстно преобразованій; а капиталовъ въ Россіи нѣтъ. Занимать же ихъ за границею, значило бы ухудшить и безъ того незавидное свое положеніе. Притомъ къ займамъ прибѣгнуть нельзя, не убѣдившись напередъ въ способахъ къ уплатѣ какъ старыхъ, такъ и новыхъ долговъ, а способы эти явятся

только при бережливости и перевѣсѣ отпуска за границу надъ привозомъ. На подобное исправленіе торговаго баланса, впрочемъ, можно надѣяться лишь при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ производства и сбыта, которыхъ нѣтъ въ Россіи не имѣется.

II. Преимущества южной Россіи передъ сѣвernoю.

Россія, хотя вообще мало облагодѣтельствована природою, вмѣщаетъ въ себѣ однако полосы различныя по плодородію, по климату, по богатствамъ минеральнымъ и другимъ, а потому нельзя не желать, чтобы на эти различія было обращено преимущественное вниманіе и нельзя сомнѣваться, что Россія было бы выгодно, еслибы населеніе Имперіи сосредоточивалось въ тѣхъ ея полосахъ, которыя наиболѣе надѣлены дарами естественными.

Таковы, безъ сомнѣнія, замосковныя и южныя губерніи, гдѣ климатъ умѣренный, широкая полоса чернозема тянется съ запада на востокъ, пласты подземнаго угля представляютъ огромныя запасы горючаго матеріала, гдѣ, наконецъ, Кавказъ манитъ къ себѣ неистощимыми богатствами.

Два раза русскіе вѣстители пытались основаться на югѣ, но оба раза отгнѣсали ихъ вышніе враги. По смерти Рюрика, Олегъ съ сѣвера перешелъ въ Кіевъ. Въ другой разъ Петръ I вознамѣрился основаться на берегахъ Азовскаго моря, но, побѣжденный Турками, долженъ былъ прорубить себѣ окно къ морю чрезъ болота на Финскомъ заливѣ. Екатерина II, покоривъ державѣ своей все сѣверное побережье Чернаго моря, могла бы возобновить планы великаго своего предѣстника, но пока Порты Оттоманская еще въ силахъ была запираеть Босфоръ, сообщенія съ Европою, посредствомъ Чернаго моря, оставались невѣрными, а поставать себя въ зависимость отъ султана было невозможно.

Нынѣ наконецъ исчезли всѣ эти затрудненія. Искусственные пути сокращаютъ всякія разстоянія. Нѣтъ болѣе надобности, при выборѣ мѣстопребыванія центральнаго правительства, стѣсняться разстояніемъ этой мѣстности отъ околичностей государства. Между тѣмъ нравственное значеніе столичныхъ городовъ во всѣхъ государствахъ, даже

при наименьшей централизаціи управленія, такъ велико, что отъ среды, въ которой находится столица, едва ли не зависить характеръ всего государства. Будь столица Россіи не на тундрахъ иигерманландскихъ, но въ Кіевѣ, Харьковѣ, Тагарогѣ, Россія въ глазахъ Европейцевъ не была бы странною неприютною, холодною, и гордась перепрестольнымъ городомъ, всякій Русскій любилъ бы его, и чрезъ него чувствовалъ бы болѣе привязанности къ своей родинѣ.

Неисчислимы были бы выгоды сосредоточенія русской жизни около бассейна Чернаго моря. Онъ понятенъ всякому. Гдѣ хлѣбъ родится какъ у насъ на сѣверѣ самъ-третьей, и десятина земли даетъ не болѣе 3—4 четвертей ржи или овса, тамъ человѣческій трудъ далеко менѣе окупается чѣмъ тамъ гдѣ отъ одного зерна родятся 20 зерекъ, и пшеница, кукуруза или свеколица составляютъ главные предметы производительности. Сколько теперь пропадаетъ даромъ капитала и труда обращенныхъ на обработку земли въ Новгородской, Псковской, Смоленской губерніяхъ, и сколько бы тотъ же трудъ и тѣ же капиталы принесли пользы, если бы они употреблялись на распашку земель въ южной Россіи! На сколько Россія была бы богаче, на сколько увеличилась бы ея отпускъ, еслибы половина ея населенія не томила въ болотахъ и не тонула въ снѣгахъ?

Пятьсотъ верстъ отличнаго шоссе связываютъ С.-Петербургъ, съ увеселительными мѣстами въ его окрестностяхъ, тогда какъ въ южной Россіи, богатой произведеніями, требующими сбыта, нѣтъ дорогъ и при всякомъ ненастьѣ естественные пути дѣлаются непроходимыми.

Жельзныя дороги отъ Москвы до С.-Петербурга, и отъ туда до Динабурга проходятъ большею частию по болотамъ и мѣстамъ безлюднымъ; оттого движеніе между промежуточными станціями на этихъ дорогахъ незначительно, и цѣль ихъ состоитъ главнѣйше въ томъ чтобы связывать только оконечности. Варшавская дорога, притомъ, скорѣе военная или пассажирская, но никакъ не товарная, а потому большой пользы Россіи приносить не можетъ. Вслѣдствіе этого, и нельзя ожидать чтобы цѣнность земель прилегающихъ къ этимъ дорогамъ значительно возвысилась чрезъ ихъ проведеніе. Такое возвышеніе цѣнности земель есть однако вѣр-

вѣйшее мѣрило производительности капитала, употребленнаго на постройку желѣзнаго пути. Напротивъ, дорога проведенная по южной Россіи, на протяженіи 1.200 верстъ, то-есть на протяженіи равнойъ дорогѣ отъ С.-Петербурга до Варшавы и до Ковно, придала бы огромную цѣнность всему сосѣднему району, и обогатила бы Россію на сотни милліоновъ.

Южная Россія и нынѣ считается нашею житницей. При болѣе легкомъ сбытѣ ея хлѣба и другихъ товаровъ, производительность страны и вмѣстѣ съ тѣмъ стоимость земель получили бы неисчислимое приращеніе. За исключеніемъ льна и льняныхъ товаровъ, почти всѣ статьи отпуска Россіи принадлежатъ и въ настоящее время южной полосѣ Имперіи. Такое преимущество Юга при вѣкоторомъ ему содѣйствіи сдѣлалось бы еще очевиднѣе.

Нынѣ же наперекоръ природѣ, которая обратила къ югу воды двухъ главныхъ рѣкъ Россіи, Днѣпра и Волги, товары стекающіеся къ этимъ рѣкамъ, отправляются на сѣверъ, противъ теченія, помощью искусственныхъ водныхъ путей, а это дѣлается потому только, что все вниманіе правительства доселѣ обращено было на балтійскіе порты, и мы не нашли еще времени заняться даже устраниеніемъ тѣхъ препятствій, которыя затрудняютъ выходъ днѣпровскихъ и волжскихъ ¹ грузовъ въ Черное море.

Но всего хуже то, что необходимость искусственнаго созданія на болотахъ нидерландскихъ цѣлаго многообразнаго міра, извратили наши понятія о естественныхъ условіяхъ жизни. Мы дошли до того, что цѣнимъ предметы только соразмѣрно усиліямъ, которыхъ требовало ихъ осуществленіе. Мы предпочитаемъ тепличныя фрукты выращеннымъ на вольномъ воздухѣ, и дорожимъ ими наиболѣе при 30 градусахъ мороза. Мы силимся разводить шелковицу въ Москвѣ, и пренебрегаемъ ею на Кавказѣ, мы воображаемъ наконецъ, что Амурскій край можетъ сдѣлаться колоніей для Россіи ², а Киргизская степь способна доставлять намъ такія же богатства, какія доставляетъ Индія Великобританіи.

¹ То-есть черезъ посредство рѣки Дона.

² Непосредственно заблужденіе тѣхъ, которые увѣрены, что Примурскій край можетъ принести пользу Сибири и даже Россіи. Мы допускаемъ эту пользу единственно въ томъ случаѣ, если въ этомъ край открыются богатства

Однимъ словомъ, создавши себѣ жизнь вполне искусственную, отрѣшившись отъ природы, мы лишились всякаго мѣрила для оцѣнки ея произведеній. Пора наконецъ вернуться намъ къ міру положительному, убѣдиться, что природа всегда свое возьметъ, и что нельзя безнаказанно отъ нея удаляться.

Пока Россія находилась внѣ общества европейскихъ государствъ, пока она жила жизнью особенною, мало сообщалась съ Западомъ, не нуждалась въ его издѣліяхъ, и собственныя ея произведенія пользовались, по причинѣ дешевизмы, нѣкоторою монополіей на европейскихъ рынкахъ, дотогдѣ она мало чувствовала неудобство неестественнаго своего положенія. Но нынѣ, когда измѣнились всѣ условія производства въ Россіи; когда съ произведеніями ея соперничаютъ не только произведенія сосѣднихъ странъ Европы, но и Африки, Америки, Австраліи и Индіи, прорываемыхъ желѣзными дорогами и оплодотворяемыхъ европейскимъ трудомъ и капиталомъ; когда всѣ эти страны далеко насъ опередили, потому, преимущественно, что южная Россія, которая одна могла бы состязаться съ ними, осталась въ первобытномъ положеніи, безъ водяныхъ и желѣзныхъ путей, и предоставленная самой себѣ,—нынѣ болѣе мѣшкать нельзя.

Не побережье Балтійскаго моря, не болота сѣверной полосы Россіи должны вмѣщать въ себѣ жизненныя силы государства. Да сосредоточатся онѣ на Югѣ. Туда должны быть отнынѣ направлены всѣ усилія народа. Отъ этого зависитъ экономическое возрожденіе Россіи.

Предположимъ, для болѣе яснаго обозначенія нашей мысли, что столицей Россіи былъбы наиримѣръ Кіевъ вмѣсто С.-Пе-

золотыя росыпи, а безъ этого условія завоеваніе Амура Россіей есть для нея бремя, поглощающее деньги и людей, въ которыхъ избытка мы не имѣемъ. До заселенія своего, Приамурскій край ничего разумѣется доставить не можетъ, но заселеніи же, онъ, по климату своему, въ состояніи будетъ производить лишь однородныя съ Россіею предметы; следовательно объѣма произведеній между этими двумя странами никогда быть не можетъ. Что касается Сибири, то она дѣйствительно можетъ по Амуру получать нѣкоторые товары дешевле чѣмъ изъ Россіи; но своихъ тяжелыхъ произведеній она этимъ путемъ не обудетъ, потому что Яблоновскій хребетъ, Байкальское озеро и тысячеверстное разстояніе отдѣляютъ Иркутскъ отъ того мѣста, гдѣ Амуръ становится судоходнымъ.

тербурга. Тогда произошла бы слѣдующія чрезвычайно важныя измѣненія:

1) Западныя, возвращенныя отъ Польши губерніи скрѣпились бы неразрывными узами съ остальными частями государства.

2) Россія сблизилась бы съ южно-славянскими племенами.

3) Южная полоса Имперіи воскресла бы къ новой жизни, явились бы пароходы на всѣхъ рѣкахъ, протекающихъ черезъ эту страну, и она покрылась бы сѣтью желѣзныхъ дорогъ, по которымъ ея произведенія, огромными массами, тянулись бы къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей.

4) Наплывъ рабочихъ къ югу далъ бы возможность владѣльцамъ новороссійскихъ степей значительно усилить свои посѣвы, а съ возвышеніемъ цѣнности земель владѣльцы ихъ нашли бы выгоднымъ помыслить объ орошеніи полей; а только орошеніе можетъ сдѣлать урожаи въ степяхъ болѣе постоянными. Свободной земли въ южной Россіи находится еще достаточно для многихъ милліоновъ населенія. Стоитъ только сдѣлать доступными для частныхъ лицъ степи Донскаго войска и пространную поляну на сѣверной сторонѣ Кавказа, земли нынѣ болѣею частію лежація впустъ, но принадлежація, безъ сомнѣнія, къ самымъ благословеннымъ въ мѣрѣ.

5) Отъ перенесенія на югъ центра тяжести Имперіи, Россія сдѣлалась бы богаче и самостоятельнѣе. Богаче, не только потому что трудъ человѣческій, при благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, можетъ производить на югѣ болѣе чѣмъ на сѣверѣ, но и потому что оплодотворилась бы земля, нынѣ втунѣ лежація. Россія производитъ нынѣ только хлѣбъ и нѣсколько другихъ самыхъ малоцѣнныхъ предметовъ земледѣлія и скотоводства, а потому находится въ постоянной зависимости отъ странъ болѣе южныхъ. Она стала бы тогда самостоятельнѣе, особенно еслибы она включила и Закавказскій край въ кругъ своей производительной дѣятельности.

Сырыхъ произведеній, которыя могли бы быть доставляемы, по крайней мѣрѣ отчасти, южною полосой Россіи, мы получаемъ нынѣ изъ-за границы на 35 мил. р. с. въ годъ. Главныя изъ этихъ статей суть: вина, сахаръ-сырецъ, фрукты, табакъ, краски европейскаго происхожденія, сода, шелкъ и хлопчатая бумага.

Многіе изъ этихъ предметовъ и теперь уже разводятся въ нашихъ южныхъ губерніяхъ и за Кавказомъ, но, вслѣдствіе дальней доставки ихъ оттуда на сѣверъ, однородные съ ними товары продолжаютъ приходить изъ западной Европы въ балтійскіе порты. Такъ напримѣръ, пудъ свеколичнаго сахара-сырца стоитъ на самыхъ заводахъ 4 руб., а съ доставкой въ столицы 8 руб., почему и продолжается получение колоніальнаго сахара. Такъ кавказская марена все еще не успѣла вытѣснить голландскую; крымскія и кавказскія вина, по дороговизнѣ перевозки, до Петербурга вовсе не доходятъ, а табакъ малороссійскій и бессарабскій, хотя и признается отличной доброты, мало употребляется столичными нашими фабриками. Наконецъ, въ то время когда вся Европа зашевелилась и дѣлаетъ опыты разведенія хлопчатника, у насъ ни малѣйшаго вниманія не обращаютъ на то что въ Закавказскомъ краѣ и на персидскомъ побережьи Каспійскаго моря издавна произрастаетъ хлопчатникъ, и что достаточно было бы весьма небольшихъ усилій, чтобы улучшить въ этихъ мѣстахъ породу этого растенія и увеличить его посѣвы до того, чтобы снабжать оттуда путемъ Каспійскаго моря и Волги, наши бумагопрядильни потребными для нихъ матеріалами.

Желательно, чтобы какъ правительство, такъ и кавказское начальство, а въ особенности пароходное общество „Кавказъ“, обратили на этотъ предметъ особенное вниманіе. Послѣднее обезпечило бы черезъ это для себя постоянный и цѣнный грузъ.

Россія, будучи въ состояніи снабжать сама себя частью тѣхъ предметовъ, которые она выписываетъ нынѣ изъ-за границы, сдѣлалась бы не только независимѣе относительно сырыхъ продуктовъ, но и значительно улучшила бы свой внѣшній балансъ. Она приобрѣла бы способы къ упроченію своей денежной системы, а когда сырые матеріалы, нужные нашимъ фабрикамъ, стали бы обходиться имъ дешевле нынѣшняго, когда часть заводовъ устроилась бы близъ мѣсторожденій донскаго антрацита и они получали бы горючій матеріалъ изъ первыхъ рукъ, тогда фабриканты и заводчики не нуждались бы болѣе въ покровительственномъ таможенномъ тарифѣ, и наша промышленность стала бы наконецъ на свои ноги.

6) Дороговизна, на которую нынѣ основательно жалуются

въ Россіи, есть между прочимъ прямое послѣдствіе невыгодныхъ условій жизни въ странѣ безплодной и въ климатѣ суровомъ.

Суровость климата и сѣверная широта съ одной стороны увеличиваютъ нужды людей и требуютъ расходовъ на отопленіе и на освѣщеніе, которые неизвѣстны при климатѣ болѣе умѣренномъ, а съ другой — увеличивая нужды, сѣверный край доставляетъ менѣе южнаго предметовъ для удовлетворенія надобностей, имъ же вызванныхъ.

Изъ этого неоспоримо слѣдуетъ, что житель сѣвера долженъ или подвергнуться лишеніямъ неизвѣстнымъ для обитателей юга, или платить дорогою цѣной за то въ чемъ послѣдній вовсе не нуждается; а такъ какъ и тѣ предметы, которые производятся равно на югѣ и на сѣверѣ, здѣсь должны обходиться дороже чѣмъ при благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, и деньги легче зарабатываются въ странахъ богатыхъ чѣмъ въ бѣдныхъ, то весьма естественно, что жизнь на сѣверѣ сопряжена съ большими лишеніями для немущихъ, а для достаточныхъ и привыкшихъ жить по-европейски крайне дорога; потому-то всякій, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, долженъ продавать свой трудъ или свои услуги дороже подъ 60-мъ градусомъ широты чѣмъ подъ 40-мъ, дабы пріобрѣсти ту сумму которая ему нужна для удовлетворенія потребностей, вызванныхъ мѣстными условіями жизни.

Правильность этихъ соображеній подтверждается ежедневнымъ опытомъ.

Простой народъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи живетъ скуднѣе чѣмъ гдѣ-либо. Онъ питается чернымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ часто съ мякиною; единственною почти приправою бываютъ соль и лукъ; мяса же онъ никогда не видитъ, а крепкихъ напитковъ потребляется въ сложности менѣе чѣмъ у жителей всѣхъ другихъ странъ Европы. Одежда его самая незатѣливая, и жилища крайне незавидны. Скотъ содержится также скудно какъ и его хозяинъ. Въ Малороссіи, пользующейся лучшимъ климатомъ, напротивъ, несравненно болѣе довольства даже при одинаковой вѣншей или политической обстановкѣ. Въ опроверженіе этихъ замѣчаній можно было бы указать на зажиточность поселянъ въ Сибири или въ нашихъ сѣверныхъ промышленныхъ губерніяхъ, но эта зажиточность легко объясняется

тамошнимъ привольемъ, естественнымъ послѣдствіемъ безлюдности края, а въ особенности тѣмъ что потребности мѣстныхъ жителей ограничены тѣми предметами, которые они или сами производятъ или которые имъ сподручны. Всякія же дальнѣйшія затѣи имъ недоступны: Сибирь обѣтованная страна крестьянъ; но кто захотѣлъ бы тамъ подняться надъ крестьянскимъ бытомъ, почувствовалъ бы, что силъ на это не хватитъ, потому что предметовъ роскоши купить не на что.

Въ Россіи было жить дешево, пока всѣ жили не прихотливо, и рабочіе нанимались изъ-за насущнаго хлѣба. Но такъ-называемая нѣмецкая работа всегда была дорога, потому что ремесленникъ, привыкшій къ лучшему образу жизни, долженъ былъ безмѣрно возвышать рабочую плату.

Но когда всюду завелась нѣкоторая роскошь, когда крестьянамъ сдѣлалась нужна и красная рубаха и женамъ ихъ ситцевое платье, а нерѣдко чай и сахаръ; когда въ купеческомъ и въ особенности въ дворянскомъ быту образъ жизни совершенно измѣнился, и потому требуется болѣе средствъ: дороговизна стала безмѣрно возрастать, и хотя во всей Европѣ замѣтно не малое возвышеніе цѣнъ вслѣдствіе открытія золотыхъ росыпей въ Сибири, Калифорніи и Австраліи, и отчасти вслѣдствіе постепенно-усиливающейся потребности въ рабочихъ и улучшающагося положенія этихъ послѣднихъ, но такого быстрого возрастанія цѣнъ какъ въ Россіи не только послѣ восточной войны, но и прежде ея, нигдѣ не замѣчено.

С.-Петербургъ въ особенности страдаетъ отъ нелуга дороговизны, съ одной стороны потому что, подъ вліяніемъ самыхъ невыгодныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, все обходится тамъ дороже чѣмъ гдѣ-либо, а съ другой—вслѣдствіе большаго развитія роскоши въ потребностяхъ столицы чѣмъ въ другихъ городахъ.

Для укрѣпленія строеній на болотномъ грунтѣ требуются неизвѣстные въ другихъ мѣстахъ расходы. Болотистая почва препятствуетъ также устройству хорошей мостовой, а непостоянство климата дѣйствуетъ разрушительно на всѣ сооруженія. Суровыя зимы требуютъ особой прочности домовъ и большихъ расходовъ на ихъ отопленіе. Для защиты себя отъ вліянія непостояннаго климата нужно имѣть болѣе разнообразное верхнее платье, чѣмъ гдѣ-либо, а такъ

какъ, несмотря на это, организмъ не имѣетъ времени окрѣпнуть, то болѣзней и расходовъ на медиковъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Это относится ко всѣмъ классамъ народа, и потому едва ли гдѣ-либо есть столько больницъ, какъ въ С.-Петербургѣ.

Окрестности столицы, кромѣ сѣна и овощей, ничего не производятъ, и несмотря на близость моря и множество искусственныхъ путей, ведущихъ къ С.-Петербургу, все обходится дорого; промышленный классъ продаетъ свои услуги за цѣну тѣмъ высшую, чѣмъ бѣльшими удобствами жизни онъ привыкъ пользоваться, а всякое удобство обходится такъ дорого, что оно сто на сто возвышаетъ расходы семейства. Между жизнью полною всякихъ лишеній и жизнью сопряженною съ нѣкоторымъ комфортомъ въ Петербургѣ нѣтъ середины. Помяну послѣ этого, что жизнь петербургская полна лишеній для недостаточныхъ, а люди богатые за тѣ же деньги могутъ жить пріятнѣе въ западной Европѣ. За тѣмъ выдерживаютъ петербургскую дороговизну только тѣ, которые или по обстоятельствамъ принуждены тамъ оставаться, или, пользуясь высокими цѣнами за услуги, надѣются быстро нажиться.

Представляя жителямъ своимъ удобства европейской жизни, С.-Петербургъ былъ предметомъ стремленій обитателей провинцій, пока они не имѣли случая сравнить его съ западными городами; но когда установилось легкое сообщеніе съ Западомъ, невыгоды сѣверной столицы явились въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ.

Едва ли такое положеніе способно содѣйствовать обогащенію Россіи и развитію промышленныхъ ея силъ. Едва ли отъ этого выигрываетъ и нравственная сторона народа. Столица воспитываетъ цѣлѣ юнаго поколѣнія Россіи. Данное ему направленіе отзывается во всѣхъ слояхъ народа. А юноши, отлучаемые отъ природы, лишенные всякихъ естественныхъ удовольствій и ощущеній, выращенные узниками въ стѣнахъ громадныхъ зданій, подъ свинцовымъ небомъ Петербурга, не могутъ быть здоровы ни тѣломъ, ни душою.

7) Изъ Россіи ѣздятъ за границу или для цѣлей промышленныхъ и ученыхъ, или для поправленія здоровья, на воды, и въ страны пользующіеся теплымъ климатомъ. Многіе однако ѣзжаютъ единственно для развлечения или

для экономіи. Всего болѣе денегъ вывозится столичными жителями, которые тяготеютъ дороговизною и тяжелымъ климатомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе удобствѣхъ жизни у себя, они менѣе стали бы искать ихъ въ своего отечества. Если бы уютности петербургской жизни были перенесены подъ солнце южной Россіи, не было бы надобности въ подобномъ переселеніи. Притомъ южная Россія представляетъ много лѣчебныхъ средствъ, какъ-то крымскія и одесскія соляныя грязи, купанье въ Черномъ морѣ и кавказскія минеральныя воды. Слѣдовательно Россія теряетъ многіе милліоны, вывозимые ежегодно путешественниками за границу, потому только что столица Имперіи находится на сѣверѣ.

Все это приняло бы другой видъ еслибы столица была на югѣ. Вся жизнь русская сложилась бы тогда иначе. Будетъ ли когда-либо исправлена невольная ошибка сдѣланная Петромъ Великимъ,—никто теперь сказать не можетъ; не подлежитъ однако сомнѣнію, что экономическая будущность Россіи зависитъ отъ той степени развитія, которая впредь будетъ дана южнымъ губерніямъ, хотя бы въ ущербъ сѣвернымъ.

III. Сокращеніе вѣдшихъ расходовъ.

Всѣ согласны въ необходимости уравновѣсить вѣдшіи балансы Россіи, то есть сократить платежи, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ за границую и усилить на столько отпускъ туда отечественныхъ произведеній, чтобы покрывать ими всѣ вѣдшіе платежи, ибо текущіе расходы на въ какомъ случаѣ не должны превышать доходовъ, получаемыхъ отъ народнаго труда. Поэтому, имѣя въ виду, какъ выведено было въ началѣ этой статьи, что Россія въ послѣдніе годы приплачивала постоянно болѣе 50 милліоновъ руб. с. въ годъ изъ народнаго дохода для покрытія своихъ заграничныхъ расходовъ, надобно полагать, что на будущее время было бы необходимо сократить вѣдшіе платежи на одну половину этой суммы, и на столько же усилить производительность Россіи. Это тѣмъ болѣе нужно, что съ 1862 года обязательные платежи правительства за границую увеличались еще на 10 милліоновъ руб. с., вслѣдствіе займа заключеннаго у Ротшильда и платежа процен-

товъ по акціямъ и облигаціямъ Главнаго Общества Россійскихъ Железныхъ Дорогъ, принятаго, въ 1861 году, государственнымъ казначействомъ на себя. Слѣдовательно необходимо приискать особыя средства и для покрытія этихъ новыхъ долговъ.

Собственно правительственные платежи за границею состоятъ: 1) въ процентахъ по вѣнскимъ займамъ, которые коммиссія погашенія долговъ обязана частью уплачивать иностранною монетою, частію же рублями по курсу; 2) въ суммахъ отпускаемыхъ на погашеніе этихъ долговъ по тиражу; 3) въ расходахъ по разнымъ заказамъ, особенно, морскаго и военнаго министерствъ; 4) въ жалованьи агентамъ правительства и 5) въ пенсіяхъ и пособіяхъ разнымъ лицамъ.

Многія европейскія правительства, особенно французское, неоднократно повыжали проценты по своимъ займамъ и этимъ достигали не малыхъ сбереженій, но подобная операція возможна лишь при цвѣтущемъ состояніи финансовъ государства и при изобиліи свободныхъ капиталовъ въ странѣ; въ настоящее же время для Россіи подобной оборотъ не выполнимъ.

Значительное сбереженіе можно было бы сдѣлать превративъ наши вѣнскія займы, погашаемые по тиражу, въ непогашаемые, на подобіе французскихъ, англійскихъ и билетовъ русскаго 3% займа, заключеннаго въ 1859 г. Сумма, могущая быть сберегаемою на этомъ основаніи, не ограничивалась бы прекращеніемъ отпуска погасительнаго процента, простирающагося, по приблизительному разчету, до 5½ милліоновъ р. с. въ годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сберегалась бы и та часть процентовъ, которая падаетъ на погашенный уже капиталъ, а эта сумма, по нѣкоторымъ займамъ, должна быть весьма значительна.

Обязательное погашеніе займовъ посредствомъ тиража или жребія, принятое относительно всѣхъ почти займовъ, заключенныхъ въ прежнее время Россіей, имѣетъ неоспоримыя выгоды, особенно тамъ, гдѣ нельзя разчитывать на то, что правительство, безъ повужденія, станетъ погашать свои долги, но при явной невозможности производить это погашеніе изъ сбереженій по бюджету, слѣдовало бы его совершенно отмѣнить, что частью и сдѣлано правительствомъ относительно займовъ, заключенныхъ имъ въ

новѣйшее время, ибо относительно этихъ займовъ постановлено условіемъ отложить обязательное погашеніе на 20 лѣтъ.

Сокращеніе остальныхъ частей вѣдшихъ расходовъ правительства зависитъ отъ особыхъ соображеній; желательно однако, чтобъ оно оказалось возможнымъ.

Суммы, расходуемыя частными лицами за границею, обращаются или на уплату за полученные оттуда товары, или на содержаніе Русскихъ, проживающихъ внѣ своего отечества.

Товары доставляемые изъ-за границы суть или такіе, которыхъ въ Россіи вовсе нѣтъ, и тогда уменьшеніе ихъ привоза было бы сопряжено съ лишеніемъ для потребителей, или такіе, которые имѣются въ Россіи, хотя низшаго достоинства или дороже.

Еслибы правительство въ видахъ необходимаго улучшенія торговаго баланса нашло нужнымъ содѣйствовать уменьшенію привоза наложеніемъ высокихъ пошлинъ на иностранные товары, то происшедшее отъ этой мѣры стѣсненіе для потребителей могло бы быть скорѣе оправдано нежели вредъ который бы эта мѣра причинила отечественной промышленности; послѣдняя, полагаясь на покровительство, можетъ быть вовлечена въ неосновательныя предпріятія, кончающіяся всегда раззореніемъ предпринимателей. Мы впрочемъ вообще сомнѣваемся, чтобы этимъ способомъ могло быть достигнуто чувствительное сокращеніе привоза мануфактурныхъ товаровъ и всякихъ предметовъ роскоши. Такое сокращеніе послѣдуетъ и безъ того отъ общаго безденежья ¹. Притомъ, повторяемъ, всякое временное измѣненіе таможеннаго тарифа, особенно если оно относится къ статьямъ, составляющимъ предметъ отечественной производительности, не можетъ быть не признано опаснымъ, такъ какъ вызываетъ предпріятія, рущіяся при перемѣнѣ тарифа.

Болѣе дѣйствительное средство, какъ противъ ливаго, такъ и тайнаго провоза многихъ иностранныхъ товаровъ,

¹ Привозъ иностранныхъ товаровъ въ 1862 году замѣтно уменьшился противъ предыдущихъ лѣтъ. Притомъ почти совершенное прекращеніе привоза хлопка послужитъ къ возстановленію торговаго баланса, хотя и въ ущербъ отечественной промышленности.

заключается въ развитіи отечественной промышленности вообще, а этого можно ожидать лишь подъ условіемъ перенесенія русской жизни въ край богатый. Но, какъ само собой разумѣется послѣдствія этой мѣры не могутъ оказаться въ скоромъ времени.

Видя, что русскіе путешественники увозятъ за границу ни какъ не менѣе 20 милліоновъ рублей въ годъ, и что сохраненіе этой суммы въ странѣ облегчало бы настоящее затруднительное положеніе, нельзя не согласиться, что правительство въ правѣ ожидать отъ всякаго любящаго свою родину, что онъ охотно откажется отъ задуманной поѣздки, если она не представляется необходимою и если притомъ правительствомъ будутъ приняты всѣ зависящія отъ него мѣры для устраненія тѣхъ разумныхъ причинъ, которыя нынѣ побуждаютъ Русскихъ къ выѣзду и проживанію за границею. Но дѣло по необходимости ограничивается тутъ одними ожиданіями, а законодательными мѣрами затруднять выѣздъ за границу было бы не согласно съ новымъ, всѣми искренно привѣтствуемымъ направленіемъ русской внутренней политики.

Нельзя однако не замѣтить, что ни одна страна въ мірѣ, кромѣ Англіи, у которой находятся въ долгу всѣ государства Европы, не могла бы существовать при ежегодномъ безвозвратномъ вывозѣ за границу столь огромныхъ суммъ, какъ тѣ, которыя нынѣ расходуются Русскими въ чужихъ краяхъ.

Всѣмъ извѣстно, что одна изъ главныхъ причинъ нищеты Ирландіи заключалась въ томъ, что всѣ богатые владѣльцы этой страны проживали внѣ своей родины. Та же участь ожидаетъ Россію, если настоящій порядокъ не измѣнится.

Таковы средства къ сокращенію расходовъ Россіи за границею. Обратимся нынѣ къ тѣмъ, чрезъ которыя можетъ быть усилена производительность государства.

IV. Средства оживленія земледѣлія и промышленности.

Въ сѣверной полосѣ Россіи земледѣліе не представляетъ достаточныхъ выгодъ, а опытомъ дознано, что и мануфактурная промышленность процвѣтаетъ лишь въ странахъ

густо населенныхъ и изобилующихъ капиталами, который накопается только при условіяхъ, благопріятствующихъ успѣшной производительности. Такъ напримѣръ въ горахъ саксонскихъ и швейцарскихъ мануфактурная промышленность процвѣтаетъ лишь при помощи тѣхъ капиталовъ, которые составились въ иныхъ мѣстностяхъ этихъ же государствъ чрезъ земледѣліе или торговлю. Мануфактурному производству въ этихъ горахъ содѣйствуютъ притомъ въ Швейцаріи водяная сила, а въ Саксоніи изобиліе каменнаго угля. Одна дешевизна рабочей платы, вызвавшая въ нѣкоторыхъ скудныхъ нагорныхъ мѣстностяхъ западной Европы разные руководѣнные промыслы, никогда не обогащала этихъ странъ; она спасала лишь жителей отъ голодной смерти. Ту же будущность готовятъ сѣверной Россіи водворившіеся тамъ промыслы, которыхъ существованіе обуславливается единственно дешевизною работы. Промыслы эти обезпечиваютъ существованіе жителей, но никогда не позволяютъ имъ значительно улучшить свой бытъ, и при соперничествѣ фабрикъ, возникшихъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и въ мѣстностяхъ обильныхъ капиталами, нынѣшняя деревенская промышленность исчезаетъ.

По этимъ причинамъ мануфактурная промышленность, не менѣе земледѣльческой, должна отыскивать мѣстности, гдѣ успѣхъ ея обезпечивался бы благопріятными условіями и представлялась бы возможность къ легкому составленію капиталовъ не только путемъ фабричнаго, но и земледѣльческаго и торговаго производства. Южная Россія, какъ страна вообще богатая, представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе выгодныя условія чѣмъ сѣверная, а потому, со временемъ, издѣльные промыслы найдутъ болѣе выгоднымъ основаться тамъ чѣмъ на бесплодномъ сѣверѣ.

Что касается степей Новороссійскаго края, представляющихъ наиболѣе простора земледѣльцамъ, то урожаю нерѣдко препятствуютъ тамъ засухи. Отъ дѣйствія ихъ можно было бы избавиться только глубокою распашкой земли, разведеніемъ лѣсовъ и мѣстами искусственнымъ орошеніемъ, но такъ какъ рѣки въ степяхъ текутъ въ глубокихъ руслахъ, то вода могла бы быть поднята до уровня полей не иначе какъ посредствомъ паровыхъ машинъ, что едва ли не превышаетъ средствъ отдѣльныхъ хозяевъ и

требуетъ, содѣйствія всего земства. Поливка нужна въ маѣ, когда даже въ самыхъ незначительныхъ рѣкахъ еще достаточно воды, и когда, посредствомъ запрудъ, она могла бы сохраниться и въ оврагахъ. Производительность Новороссійскаго края увеличилась бы чрезъ орошеніе втрое и вчетверо.

Не менѣе орошенія нужно удобреніе полей, и пока скотскій пометъ и солома будутъ, во всей южной Россіи, употребляться вмѣсто горючаго матеріала, сельское хозяйство процвѣтать не можетъ. Для замѣна ихъ требуются, или дѣсныя насажденія, или разработка торфяниковъ, или наконецъ снабженіе всего южнаго края дешевымъ углемъ, а это тѣмъ болѣе необходимо, что въ хозяйствахъ южной Россіи употребленіе паровой силы умножить надобность въ топливѣ.

Возможность доставки угля изъ отдаленныхъ мѣстъ обуславливается, однако, состояніемъ путей сообщенія, которыхъ въ южной Россіи мало. Небольшое число рѣкъ, прорывающихся новороссійскія степи, пересѣкаются каменною грядою, идущею отъ Карпатскихъ горъ къ востоку и образующею рядъ пороговъ на Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Къ устраниенію ихъ очень мало сдѣлано. Притомъ, отъ повсемѣстнаго истребленія дѣсовъ, вода въ этихъ рѣкахъ стоить же быстро прибываетъ весной, какъ потомъ спадаетъ; такъ что запустѣніе дѣсистой полосы Россіи и прекращеніе тамъ рубки дѣсовъ было бы истиннымъ благодѣяніемъ для плавающихъ по рѣкамъ южной Россіи, которыя принимаютъ частію свое начало на дальнемъ сѣверѣ.

Шоссе устраивать въ южной Россіи трудно по недостатку твердаго камня, а всѣ предположенія о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ были отклоняемы до окончанія дѣлъ, строившихся на сѣверѣ. Между тѣмъ сооруженіе не военныхъ, не увеселительныхъ, а товарныхъ, истинно производительныхъ желѣзныхъ дорогъ, признается всѣми первымъ условіемъ преуспѣанія Россіи. Къ быстрому, однако, ихъ устройству могли бы представиться затрудненія отъ недостатка капиталовъ и рабочихъ рукъ. Последнее заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что при малонаселенности Россіи отвлеченіе огромнаго числа рабочихъ отъ обычныхъ занятій, могло бы имѣть крайне вредное вліяніе на земледѣліе. Но надобно принять съ другой стороны во вниманіе: 1) что нигдѣ человѣческій трудъ не расточается

столь безразсудно какъ въ Россіи, гдѣ, напримѣръ, многія тысячи людей заступаютъ мѣсто лошадей, занимаясь тягою рѣчныхъ судовъ, гдѣ верѣдко, къ каждому одноконному возу приставляется по человѣку, гдѣ мужчины, въ цвѣтъ лѣтъ, находятъ прибыльнымъ заниматься продажей пряниковъ и сбитня, и гдѣ милліоны въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ живутъ на почвѣ столь не благодарной, что она, при самомъ усиленномъ трудѣ, едва ихъ прокармлиываетъ; 2) что изъ 723 тысячъ мужскаго пола душъ дворовыхъ людей, освобожденныхъ притомъ на десять лѣтъ отъ рекрутской повинности, многіе нынѣ остаются безъ всякихъ занятій и, будучи большею частію неспособны къ полевымъ работамъ, скорѣе пригодятся быть землекопами; 3) что имѣя въ виду предстоящія на многіе годы непрерывныя работы по желѣзнымъ дорогамъ въ краѣ, гдѣ работа будетъ прерываема не болѣе какъ на 2—3 зимніе мѣсяца, можно было бы составлять рабочія артели изъ иностранцевъ, Европейцевъ или жителей сосѣднихъ турецкихъ областей; 4) наконецъ, что наши арестантскія роты военнаго и гражданскаго вѣдомствъ нынѣ уже до того переполнены, что затрудняютъ правительство, а при предстоящемъ преобразованіи уголовного судопроизводства и наказаній еще болѣе наполнятся, и потому могло бы казаться полезнымъ употреблять арестантовъ для работъ на желѣзныхъ дорогахъ. Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ выходитъ, что работа на желѣзныхъ дорогахъ, правильно и систематически организованная, не только не отвлечетъ русскаго населенія отъ болѣе производительныхъ занятій¹, но обратитъ къ полезному труду людей праздныхъ и даже можетъ содѣйствовать къ скорѣйшему заселенію какъ Русскими, такъ и иностранцами тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя будутъ проходить дороги. Такимъ образомъ исполнилась бы одна изъ задачъ, которая предлежитъ разрѣшить южно-русскимъ желѣзнымъ путямъ, долженствующимъ окупаться не столько прямыми доходами, получаемыми отъ перевозки грузовъ,

¹ По случаю предвидимаго въ Новороссійскомъ краѣ голода, открытіе тамъ новыхъ работъ оказывается особенно полезнымъ. Работы могли бы служить также подспорьемъ для рабочихъ остающихся безъ занятія по случаю закрытія многихъ бумагопрядиленъ.

сколько увеличеніемъ доходовъ съ земель, находящихся въ районѣ дорогъ.

Еслибы, напримѣръ, чистый доходъ отъ дороги составлялъ не болѣе 3%, а сосѣдніе съ дорогою землевладѣльцы, во вниманіи къ увеличившейся доходности своихъ имѣній, согласились обложить себя поземельною податью, равняющеюся еще 3%, то дорогу нельзя не считать окупившеюся. На этомъ именно основаніи сооружались желѣзные дороги въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, а потому тѣ, которые судили бы о доходности ихъ по одной цифрѣ дивидендовъ, получаемыхъ отъ перевозки клади и пассажировъ, крайне бы ошиблись.

Тамъ акціонеры разчитываютъ также на дополнительный доходъ отъ прилегающихъ къ дорогѣ земель, которыя ими предварительно скупаются или съ владѣльцами которыхъ они заключаютъ особое условіе. Часто также правительство штатовъ, черезъ которые проходитъ дорога, облагая сосѣднія къ дорогѣ земли особымъ налогомъ, дѣлаетъ отъ себя пособіе строителямъ дороги.

При надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что дороги тѣмъ или инымъ путемъ покроютъ проценты капитала употребленнаго на ихъ постройку, не встрѣтится затрудненія въ приисканіи этого капитала въ Россіи или за границею, а за тѣмъ вопросъ о возможности быстро сооруженія дорогъ должно считать рѣшеннымъ.

Относительно направленія необходимѣйшихъ линій, публика, кажется, согласна, что наиболѣе настоятъ надобности въ линіяхъ: 1) изъ Москвы чрезъ Курскъ въ Кіевъ и Одессу; 2) изъ Курска на Харьковъ, Бахмутъ, къ каменноугольнымъ копямъ, чрезъ землю Донскихъ казаковъ въ Кавказскую область и къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ; 3) изъ Ора въ Динабургъ для соединенія съ Ригею; 4) изъ Харькова къ крымскимъ солянымъ озерамъ; 5) изъ Коломны по направленію къ Саратову до Козлова, Моршанска или Тамбова; 6) изъ Рыбинска до Бологова; 7) изъ Перми до Тюмени.

Многіе утверждаютъ не безъ нѣкотораго основанія, что должаться вновь за границу и увеличивать чрезъ то вѣсныя наши платежи, сопряжено съ нѣкоторою опасностью, потому что сколько бы въ сложности ни увеличилась чрезъ новые пути производительность Россіи и

вмѣстѣ съ тѣмъ отпускъ товаровъ за границу, все же при какихъ-либо неблагоприятныхъ обстоятельствахъ могутъ выдаваться годы, когда, по незначительности отпускной торговли, внѣшніе платежи лягутъ тяжкимъ бременемъ на вексельный курсъ, что, при большомъ количествѣ обращающихся въ Россіи бумажныхъ денегъ, крайне опасно.

Съ другой стороны, примѣръ Австріи доказываетъ, что нѣсколько удачно проложенныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ состояніи спасти государство отъ банкротства, ибо финансы Австріи, ея кредитъ и цѣнность бумажныхъ денегъ, поддерживаются нынѣ единственно значительнымъ отпускомъ за границу хлѣба и другихъ произведеній, начавшимся со времени открытія желѣзныхъ путей связывающихъ внутреннія области Венгріи съ Адриатическимъ моремъ и съ западною Европою вообще ¹. Поэтому хотя бы и желательно было строить дороги на русскій, а не на чужой капиталъ и пріобрѣтать всѣ принадлежности дороги въ Россіи, а не за границею, но при невозможности имѣть у себя ни денегъ, ни рельсовъ, ни паровозовъ, надобно, не оставиваясь, брать эти предметы тамъ, откуда они предлагаются. Всякая дальнѣйшая медлительность въ сооруженіи у насъ желѣзныхъ дорогъ становится не ошибкою, а преступленіемъ, тѣмъ болѣе что давно уже не было за границею такого избытка въ праздныхъ капиталахъ, какъ теперь. Учетный процентъ въ Лондонѣ едва достигаетъ 2%.

Австрійское правительство, которое для усовершенствованія путей въ своемъ государствѣ сдѣлало самыя большія усилія, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, будучи вынуждено пріобрѣтать для этой цѣли къ пособію иностранныхъ капиталистовъ, постепенно продавало уже оконченныя дороги, дабы имѣть средства къ сооруженію новыхъ, и хотя, быть-можетъ, продажи эти не всегда бывали довольно выгодны для государственнаго казначейства ², но край несомнѣнно

¹ По австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ перевезено въ 1861 году разнаго хлѣба 92 милл. пудовъ, а рѣчными путями 37 милл. пуд. За границу отпущено изъ Австріи хлѣба по сложности 1841—1850 годъ 1.380.000 центнеровъ въ годъ, а въ 1861 году 8.580.000 центнеровъ или 21½ милл. пудовъ.

² Имѣя въ виду, что доходы съ желѣзныхъ дорогъ постепенно возрастаютъ, продажа ихъ дѣйствительно оказывается невыгодною, но вмѣсто продажи можно было бы выпускать для постройки новыхъ дорогъ облигаціи, обезпечиваемыя доходомъ, получаемымъ съ дорогъ уже находящихся въ дѣйстви.

выигрываетъ, вслѣдствіе открытія новыхъ источниковъ богатства; имъ обязана Австрія возможностью выносить, не унывая, страшное бремя ежегодно возрастающихъ налоговъ.

Вмѣстѣ съ желѣзными дорогами и для той же цѣли, продавались также австрійскимъ правительствомъ горные заводы и разныя другія государственныя имущества. Прибаву этому можно было бы посоветовать и у насъ, съ цѣлью привлеченія иностранныхъ капиталовъ.

Но промышленность и земледѣіе нуждаются сверхъ капиталовъ еще въ рабочей силѣ.

Сдѣланный многими землевладѣльцами опытъ найма рабочихъ въ Германіи не удался, и нельзя этому удивляться, потому что одиночками приходать обыкновенно только или мало способные; даже лучшіе изъ нихъ легко разбѣгаются, когда не находятъ поддержки въ своей общинѣ. Потому для успѣха колонизаціи требуется переселеніе иностранцевъ цѣлыми селеніями, съ предоставленіемъ имъ въ пользованіе или въ собственность достаточнаго количества земли казенной или частной.

Неудачные опыты колонизаціи, сдѣланные выѣзъ въ Крымъ, доказываютъ только, что дѣлать это трудно и требуетъ болѣе работливости сколько чѣмъ привыкло имѣть наше чиновничество. Вредъ, который наносятъ репутаціи Россіи возвратившіеся недовольные Нѣмцы, Чехи и Болгары, ничѣмъ неисправимъ. Позволительно думать, что еслибы, по введеніи одного общаго управленія крестьянскимъ населеніемъ, было учреждено въ Россіи особое министерство земледѣлія и промышленности, которое имѣло бы обязанность пекись о всѣхъ отрасляхъ отечественной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о колонизаціи, то переселеніе иностранцевъ производилось бы болѣе систематически, ибо всякій колонистъ зналъ бы куда ему обратиться, тогда какъ теперь одни отсылаются въ министерство государственныхъ имуществъ, а другіе—въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Смотря съ этой стороны на раздачу, въ послѣдніе годы, весьма значительнаго количества казенныхъ земель въ Самарской и Ставропольской губерніяхъ, въ награду за заслуги гражданскимъ и военнымъ чинамъ, придется къ заключенію, что эта мѣра, долженствовавшая содѣйствовать заселенію этихъ мѣстъ, послужить только препятствіемъ къ нему, потому что переселенцы пошли бы скорѣе на

казенную, чѣмъ на частную землю, а денежные способы къ заселенію своихъ земель имѣютъ весьма немногіе изъ новыхъ владѣльцевъ; средствъ же этихъ, при безлюдности степныхъ губерній и происходящей отъ того необходимости выписывать рабочихъ издалека, требуется много.

Не безосновательно кажется опасеніе, что въ ближайшее время послѣ прекращенія барщины во владѣльческихъ имѣніяхъ количество хлѣба обращаемое нынѣ въ продажу уменьшится. Дѣйствительно должно ожидать, что въ многоземельныхъ губерніяхъ, которыя производятъ наиболѣе хлѣба, крестьяне ограничатся обработкою собственнаго своего надела, тогда какъ помѣщики, по недостатку денежныхъ средствъ и вольныхъ рабочихъ, или вовсе прекратятъ, или уменьшатъ свои посѣвы. Между тѣмъ, хотя бы поселяне обрабатывали свою землю лучше прежняго и расширили бы свои поля, трудъ ихъ, раздробленный на множество мелкихъ хозяйствъ, произведетъ менѣе чѣмъ пока онъ былъ сосредоточенъ въ одномъ обширномъ имѣніи. Это доказывается повсемѣстнымъ опытомъ: всякому извѣстно, что сто рабочихъ, при надлежащемъ распредѣленіи труда, въ одномъ фабричномъ заведеніи, произведутъ болѣе, чѣмъ ежели каждый изъ нихъ будетъ трудиться отдѣльно. Притомъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и рабочій скотъ и орудія должны быть лучше чѣмъ у крестьянъ, у которыхъ механическихъ приспособленій не можетъ быть никакихъ.

Наконецъ, есть много отраслей сельскаго хозяйства, которыя составляютъ исключительную принадлежность обширныхъ хозяйствъ и которыя замѣтно уже пострадали отъ прекращенія обязательнаго труда. Таковы тонкорунное овцеводство, коневодство и тому подобное.

Едва ли не одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій для мелкихъ хозяйствъ заключается въ сбытѣ ихъ произведеній, ибо, при отдаленности рынковъ, крестьянину труднѣе до нихъ добраться съ небольшимъ своимъ запасомъ чѣмъ помѣщику, у котораго накапливается болѣе значительное количество произведеній, а скупщикамъ легче пріобрѣтать хлѣбъ развѣзая по владѣльческимъ усадьбамъ, чѣмъ вести счеты съ каждымъ крестьяниномъ отдѣльно.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что крестьянинъ, выращающій болѣе хлѣба, станетъ и самъ употреблять лучшую,

вищу, и сколь бы это ни было желательно, но для продажи останется хлѣба менѣе.

Непроизводительность крестьянскаго хозяйства подтверждается примѣромъ государственныхъ поселянъ, которые, въ числѣ до 10 милл. душъ мужскаго пола, владѣя 66 милл. десятинъ удобной земли, то-есть почти вдвое болѣе узаконеннаго надѣла владѣльческихъ крестьянъ, доставляютъ для продажи весьма мало хлѣба и притомъ всегда низкой доброты. тогда какъ не менѣе 30—35 милл. четвертей, ежегодно потребляемыхъ городскимъ населеніемъ, войскомъ, вин. куренными заводами и отправляемыхъ за границу, преимущественно выращаются на земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

Такая неудовлетворительность хозяйства у государственныхъ поселянъ, безъ сомнѣнія, происходитъ отчасти отъ общиннаго у нихъ владѣнія землею, а потому до совершенной отмѣны передѣловъ общинной земли никакого успѣха въ крестьянскомъ хозяйствѣ ожидать нельзя. Притомъ безпрерывный передѣлъ земель способствуетъ раздробленію семействъ, губительному для крестьянскихъ хозяйствъ. Ни сельскій, ни другой какой-либо промыслъ не можетъ производиться безъ помощи нѣкотораго капитала, состоящаго въ орудіяхъ, рабочемъ скотѣ и въ людской рабочей силѣ, а извѣстно что при дробленіи крестьянскихъ семействъ недостатокъ во всемъ этомъ встрѣчается постоянный¹. Съ другой стороны желательна отмѣна мѣръ, препятствующихъ образованію класса батраковъ въ Россіи. Мелкія хозяйства окупаются только тамъ, гдѣ самый дорогой изъ факторовъ земледѣльческаго производства есть земля, а самый дешевый - человѣческій трудъ; гдѣ же напротивъ, какъ въ Россіи, существуетъ совершенно обратное отношеніе, тамъ прибыльнѣе крупныя хозяйства, которыя безъ батраковъ существовать не могутъ. Потому желающіе, изъ человѣколюбія, уничтожить у насъ этотъ классъ людей, обрекаютъ Россію на вѣчную бѣдность и неразвитость, отнимая у нея

¹ Мы не думаемъ, чтобы сдѣлало противодѣйствовать дробленію дворовъ въ Великой Россіи, такъ какъ законодательныя мѣры, принимаемыя въ этомъ направленіи, могли бы имѣть вредное вліяніе на семейный бытъ. Но предполагаемая подворная подать будетъ вѣроятно дѣйствовать въ этомъ отношеніи съ большою пользою, воздерживая отъ раздѣловъ, не вызываемыхъ необходимостію. *Ред.*

возможность пользоваться тѣми усовершенствованіями, которыя требуютъ капитала и познаній.

Хозяйства, устроенныя въ обширныхъ размѣрахъ, съ значительнымъ оборотнымъ капиталомъ, благотѣльны для всего околнаго населенія; они служатъ примѣромъ; гдѣ существуютъ одни крестьянскія хозяйства, тамъ земледѣліе не подвигается. Это видно не только въ округахъ, заселенныхъ преимущественно государственными крестьянами, но и въ саратовскихъ и самарскихъ колоніяхъ Нѣмцевъ, у которыхъ земледѣліе остановилось на той точкѣ, на которой оно было сто лѣтъ тому назадъ.

Ни Соединенные Штаты Америки, ни Канада, не сдѣлали бы столь быстрыхъ, какъ нынѣ, успѣховъ въ земледѣліи безъ постоянного прилива рабочихъ изъ Европы, которые сообщали Американцамъ новѣйшіе европейскіе приемы и вмѣстѣ съ тѣмъ, служа у нихъ батраками, давали возможность существовать обширнымъ хозяйствамъ.

Итакъ, независимо отъ привлеченія иноземныхъ рабочихъ, одна изъ главныхъ задачъ заключается въ разумномъ употребленіи тѣхъ рабочихъ силъ, которыя у насъ уже имѣются, и въ надлежащемъ ихъ сбереженіи. Между тѣмъ въ Россіи населеніе приращается медленно ¹, и вмѣстѣ

¹ Въ 1836 году считалось:

Мужскаго пола.

1) Крестьянъ государственныхъ	8.875.836 душъ.
2) Крестьянъ помѣщичьихъ . . .	10.792.692 —
3) Колонистовъ	147.301 —
4) Мѣщанъ и цеховыхъ	1.339.434 —

Въ 1858 году оказалось: № 1-го 9.785.745. № 2-го 10.972.919. № 3-го 203.923. № 4-го 1.543.257.

Слѣдовательно въ теченіи болѣе 20 лѣтъ приращеніе было по № 1-му 10⁰/₀, по № 2-му 1⁹/₁₀⁰/₀, по № 3-му 38⁰/₀ (а если исключить болгарскія колоніи, изъ коихъ часть перешла къ Молдавіи, 53⁰/₀); по № 4-му 15⁰/₀. Всего считалось жителей мужскаго пола (за исключеніемъ Закавказья, Польши, Финляндіи и Американскихъ владѣній) въ 1836 году 25.434.806, а въ 1858 году 28.877.538.

Изъ этого видно, что все населеніе мужскаго пола Имперіи, въ 22 года, увеличилось на 13⁰/₀, то есть на ⁹/₁₀⁰/₀ въ годъ, тогда какъ въ Пруссіи, въ это время, приращеніе лицъ мужскаго пола составляло ⁹/₁₀⁰/₀ въ годъ. Число крестьянъ всѣхъ наименованій и мѣщанъ вмѣстѣ, въ эти 22 года, увеличилось на 6⁰/₀, то-есть увеличивалось на 0,27⁰/₀ въ годъ. Колонисты же, неподлежащіе рекрутской повинности и вообще живущіе въ большинствѣ

съ тѣмъ едва ли гдѣ-либо происходитъ подобная трата силъ и времени. Праздниками и воскресными днями отнимается цѣлая треть года, потеря особенно чувствительная въ сѣверномъ климатѣ, гдѣ и холодъ и короткіе зимніе дни безъ того оставляютъ мало времени для работы на открытомъ воздухѣ. Вообще нигдѣ такъ мало не дорожатъ временемъ, какъ въ Россіи и въ этомъ, къ сожалѣнію, отчасти виноваты сами административныя и судебныя учрежденія (теперь какъ извѣстно реформируемыя), подавая примѣръ расточительности заставляя людей, имѣющихъ съ ними дѣло, проводить не дни, а годы, въ бѣготѣ и ожиданіяхъ.

Та же неразчетливость и безхозяйственность мѣшаетъ и всякимъ береженіямъ и накопленію капиталовъ. Не будемъ указывать на то что сберегательныя кассы по сіе время имѣли весьма мало успѣха: тому могутъ быть многія постороннія причины. Но обратимъ только вниманіе на сплошныя падежи скота, которые едва ли можно иначе объяснить, какъ общею неосмотрительностію; ибо, каковы бы ни были климатическія причины способствующія развитію скотскихъ болѣзней, при надлежащемъ уходѣ за скотомъ, чума не распространялась бы въ той мѣрѣ, какъ это нынѣ бываетъ.

То же нерадѣніе видно всюду и въ обращеніи съ лошадьми. Пусть сравнятъ петербургскихъ рабочихъ и извозчиковъ лошадей съ берлинскими и гамбургскими; сравненіе это послужитъ лучшимъ мѣриломъ хозяйственнаго состоянія жителей этихъ городовъ. Но будемъ надѣяться, что неразчетливость и небрежность, нынѣ встрѣчаемыя во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни и во всѣхъ классахъ общества, происходятъ лишь отъ недостатка просвѣщенія и что съ отнѣною безотчетной, обязательной работы, одинаково вредно дѣйствовавшей какъ на господъ, такъ и на слугъ, установится и большій порядокъ.

довольствѣ, умножились, если не считать бессарабскихъ колоній, часть которыхъ передана Молдавіи, на $2\frac{1}{2}$ % въ годъ.

Последняя цифра показываетъ какихъ результатовъ можно было бы достигнуть съ устраненіемъ тѣхъ причинъ, которыя увеличиваютъ смертность въ народѣ.

V. Недостатокъ капиталовъ и положеніе кредита.

Недостатокъ въ Россіи свободныхъ капиталовъ, въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію, но онъ не такъ еще великъ на дѣлѣ, какъ кажется, потому что при общемъ недовѣрїи капиталисты прячутъ свои деньги, или отдають ихъ въ государственный банкъ и его конторы, въ которыхъ нынѣ обращается изъ 2-хъ процентовъ 139 милліоновъ, а изъ 3, 4 и $4\frac{1}{2}$ % 137 милліоновъ рублей. Изъ первыхъ большая часть значитса, безъ сомнѣнія, только по счетамъ ¹, послѣдніе же суть вклады новѣйшаго времени.

Сверхъ того выпущено на 130 милліоновъ билетовъ государственнаго казначейства, и на 38 милліоновъ 4-хъ процентныхъ билетовъ государственнаго банка (металлическихъ). Тѣ и другіе продаются съ премїею и служатъ только способами для удобнаго помѣщенія капиталовъ.

При большемъ оживленіи дѣла, капиталы, ввѣренныя банку изъ процентовъ, должны были бы выходить изъ онаго, а билеты государственнаго банка и государственнаго казначейства поступили бы обратно въ эти учрежденія, обязанныя принимать ихъ въ платежи. Тогда бы на рынкѣ не оказалось столь великаго какъ нынѣ недостатка въ деньгахъ, и ссудный процентъ не могъ бы подниматься, какъ это нынѣ бываетъ, до 12% и 15%. Присовокупимъ, что вкорѣ должны освободиться еще значительныя капиталы, обращающіеся въ дѣлахъ виннаго откупа.

Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что главный у насъ недугъ заключается менѣе въ недостаткѣ свободныхъ капиталовъ чѣмъ въ несуществованіи кредита, то-есть въ неувѣренности капиталистовъ въ томъ, что данныя имъ въ ссуду деньги будутъ въ срокъ уплачены.

Сомнѣніе это совершенно основательно; неплатежъ долговъ сдѣлался столь обыкновеннымъ дѣломъ, что исправность составляетъ уже исключеніе; а такъ какъ всѣ люди торговые или дѣловые въ одно и то же время бываютъ и

¹ То-есть многіе билеты, значащіеся по книгамъ банка, уже потеряны.

проживая частію за границею, они тратятъ тамъ оставшіеся у нихъ доходы, вмѣсто того чтобъ оживлять ими и безъ того нуждающуюся отечественную промышленность.

Такимъ образомъ дворянство менѣе чѣмъ прежде является потребителемъ на отечественномъ рынкѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оно менѣе прежняго является производителемъ, повсюду сокращая въ имѣніяхъ посѣвы и находя для себя болѣе выгоднымъ обращать капиталы на покупку процентныхъ бумагъ русскихъ и въ особенности иностранныхъ, чѣмъ давать имъ производительное назначеніе въ своемъ отечествѣ.

Впрочемъ, лицъ владеющихъ свободными капиталами между землевладельцами не очень много. Большая часть нуждаются въ деньгахъ для устройства хозяйства на вольномъ трудѣ и крайне сѣтуютъ на прекращеніе ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, въ то именно время когда деньги наиболѣе нужны помещикамъ.

Повсемѣстное стѣсненіе денежнаго рынка тѣмъ чувствительнѣе, что оно послѣдовало за періодомъ небывалаго оживленія во внутренней торговлѣ и промышленности, за безпримѣрнымъ избыткомъ денегъ на всѣхъ рынкахъ и за чрезмѣрною щедростію въ ссудахъ изъ банковъ. Но настоящая скудость является естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ заблужденій, которыя были вызваны мнимыми богатствами созданными выпускомъ, на 400 милліоновъ рублей, кредитныхъ билетовъ, пониженіемъ банковыхъ процентовъ съ 4 на 3 и платежей заемщиковъ, съ 5 на 4%. Въ то время только лѣнивый не занималъ денегъ и не пускался въ предпріятія, которыя потомъ почти всѣ не удалась.¹ Фабрики и заводы увеличили свое производство до такихъ размѣровъ, что и при обы-

¹ Въ акціонерныхъ компаніяхъ, учрежденныхъ съ 1856 года, обращается капитала до 230 милл. рублей, изъ коихъ 140 милл. въ акціяхъ и облигаціяхъ Главнаго Общества Россійскихъ Железныхъ Дорогъ. Изъ этихъ послѣднихъ находится въ рукахъ русскихъ капиталистовъ и правительства облигацій на 53 милліона и акцій, быть-можетъ, до половины. Доходъ съ тѣхъ и другихъ обезпеченъ правительствомъ, но тѣмъ не менѣе, по биржевой ихъ цѣнѣ, потеря на капиталѣ простирается до 10%. Всѣ же прочія компаніи, за исключеніемъ весьма небольшого числа, или не даютъ никакого дохода, или даютъ доходъ весьма ограниченный, и капиталъ на нихъ употребленный долженъ считаться или совершенно, или частію, погибшимъ, такъ что можно смѣло положить, что на акціяхъ потеряно нашими капиталистами никакъ не менѣе 50 милл. руб.

кювенномъ ходѣ торговли изготовленные ими товары далеко превышали бы истинную потребность; а такъ какъ промышленность дѣйствовала большею частію на чужой капиталъ, занятый на короткіе сроки, и при общемъ безденежьи или недовѣрїи востребованный владельцами, въ то время когда сбытъ товаровъ шель туго, то упадокъ фабричнаго производства былъ не избѣженъ. Сверхъ того пароходовъ, машинъ всякаго рода и орудій, навезено изъ-за границы безъ числа, но приобретатели не приготовились предварительно къ надлежащему ихъ употребленію, почему половина изъ нихъ остается мертвымъ капиталомъ, и когда пришло время къ расплатѣ, то ни у кого денегъ не стало. Всѣ кинулись къ кредитнымъ установленіямъ, но они, предвидя грядущій кризисъ, оградилъ себя во время консолидаціею вкладовъ и прекращеніемъ ссудъ.

Такая предусмотрительность правительства въ ущербъ, будто бы, публики (ибо никто не далъ себѣ труда подумать, что несостоятельность казенныхъ банковъ повлекла бы за собою общее банкротство) возбудила всеобщій вопль. Жалобъ этихъ нельзя не признать основательными, но только въ томъ отношеніи, что бѣдствіе дѣйствительно не подлежитъ отрицанію. Напрасно жаловались однако на помѣщеніе 274 милл. рублей барковыхъ вкладовъ въ пяти процентные банковые билеты, такъ какъ до 400 милл. рублей частныхъ вкладовъ и дотолѣ постоянно обращались въ долгосрочныхъ ссудахъ и никогда изъ банковъ не выходили.¹

Прекращеніе ссудъ изъ кредитныхъ установленій было естественнымъ послѣдствіемъ недостатка въ нихъ свободныхъ капиталовъ, ибо ссуды производились только изъ избытковъ суммъ вносимыхъ на проценты противъ востре-

¹ Изъ капиталовъ бывшихъ кредитныхъ установленій остается понынѣ въ ссудахъ долгосрочныхъ: 388 милліоновъ подъ злогъ недвижимыхъ имуществъ и 150 милліоновъ въ долгу на государственномъ казначействѣ. Поэтому существованіе банковъ не могло считаться обезпеченнымъ, пока не была за ними упрочена соответственная этимъ ссудамъ сумма частныхъ вкладовъ. Выпускъ 5% банковыхъ билетовъ на 274 милл. руб. и 4% непрерывно-доходныхъ на 147 милл. рублей даже не вполнѣ обезпечилъ кредитныя установленія, а потому никакъ нельзя гнать ихъ въ консолидаціи слишкомъ значительныхъ суммъ, и еслибы не оставались въ банкахъ не востребованными еще прежніе вклады на 133 милл. рублей и не вносились новые, то банки еще и нынѣ могли бы быть поставлены въ затруднительное положеніе.

бованныхъ. Притомъ, съ прекращеніемъ крѣпостнаго состоянія, банки не имѣли уже никакого мѣрила для дальнѣйшихъ ссудъ, выдававшихся прежде по числу душъ.

Въ какой степени удастся замѣнить государственныя кредитныя установленія частными банками, покажетъ опытъ. Извѣстно, что въ скоромъ времени учредится нѣсколько поземельныхъ кредитныхъ обществъ; городскихъ банковъ, выдающихъ также ссуды подъ залогъ домовъ, но преимущественно занимающихся учетомъ векселей и ссудой подъ процентныя бумаги и товары, существуетъ уже большое число, и должно ожидать появленія множества новыхъ городскихъ банковъ, обещающихъ огромную пользу не только въ отношеніи промышленномъ, но и какъ звено, связывающее между собою всѣхъ членовъ городского общества. Самымъ вѣрнымъ, однако, пособіемъ должны служить землевладѣльцамъ выкупныя, на крестьянской надѣль, свидѣтельства, которыхъ, еслибы всѣ помѣщики приступили къ выкупу съ помощію правительства, должно бы быть выдано на миллиардъ рублей, и изъ нихъ около $\frac{1}{8}$ части пятипроцентными банковыми билетами.

Обращеніе въ наличныя деньги этихъ послѣднихъ не встрѣчало до сихъ поръ затрудненій, и потому помѣщики получаютъ этимъ способомъ значительную сумму для своихъ оборотовъ, а выкупными свидѣтельствами они расплачутся съ государственными установленіями и съ частными заимодавцами. Все это вмѣстѣ должно послужить къ существенному облегченію сельскаго хозяйства, въ особенности еслибы еще удалось приискать иностранныхъ капиталистовъ, которые рѣшились бы производить ссуды подъ выкупныя облигаціи.

Такимъ образомъ положеніе землевладѣльцевъ, въ отношеніи потребнаго имъ оборотнаго капитала, не представляется безнадежнымъ, лишь бы разверстаніе угодій съ крестьянами шло успѣшно и не было недостатка въ рабочихъ. Тогда крестьянскую реформу можно будетъ считать благополучно совершающеюся.

Но этого далеко еще недостаточно для того, чтобъ ожидать у насъ сельское хозяйство, которому, чрезъ дороговизну всѣхъ произведеній земли, угрожаетъ остановка сбыта ихъ за границей, а сбытъ этотъ существенно нуженъ Россіи.

VI. Дороговизна и бумажныя деньги.

Цѣны на нѣкоторыя изъ главныхъ статей нашей отпущной торговли были слѣдующія:

Въ Одессѣ средняя цѣна четверти пшеницы была

съ 1820 по 1825 годъ	20 р. 32 к. ассигнац.
— 1826 — 1829 —	13 р. 35 к.
— 1830 — 1832 —	17 р. 35 к.

и та же цѣна держалась до 1847 года, который, по необычайно высокимъ цѣнамъ, выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ; но и тогда средняя цѣна не поднялась выше 7 руб. сереб. Въ 1852 году она была снова 5 р. 26 к. сереб.; въ 1853 г. 5 р. 76 коп. за четверть.

Но послѣ крымской войны, цѣна на хлѣбъ вдругъ такъ поднялась, что въ сложности 1856—1860 г. она дошла до 8 р. 60 к. за четверть пшеницы и съ того времени уже не понижается. Слѣдовательно средняя цѣна въ десять лѣтъ возвысилась на 60% и болѣе.

Въ Великобританіи, напротивъ, куда преимущественно сбывается хлѣбъ изъ Россіи, средняя цѣна на кварталъ пшеницы стояла:

съ 1820 по 1829 годъ	58 шил. 5 пенс.
— 1830 — 1839 —	56 — 9
— 1839 — 1849 —	55 — 11
— 1850 — 1860 —	53 — 3

то-есть около 12 р. 75 к. за четверть; слѣдовательно въ Великобританіи цѣна на хлѣбъ не только не возвысилась, но постепенно понижалась вслѣдствіе измѣненія въ таможенномъ законодательствѣ; значительныхъ подвозовъ изъ Америки и неимовѣрныхъ успѣховъ земледѣлія въ самой Англіи.

Въ той же мѣрѣ, какъ въ Одессѣ, поднялись цѣны и въ другихъ російскихъ портахъ. Въ балтійскихъ рожахъ стояла между 1822—1831 годами 3 р. 47 коп. сер., съ 1831 по 1840 годъ 4 р. 14 коп., до 1846 года 4 р. 50 к., а нынѣшняя цѣна рѣдко упадетъ ниже 6 руб.

Какъ бы выгодно ни было для землевладѣльцевъ такое

возвышеніе цѣны на хлѣбъ, но, какъ показываетъ опытъ, оно достигло нынѣ уже такихъ размѣровъ, что отпускъ хлѣба за границу возможенъ лишь при общемъ неурожаѣ въ Европѣ, и что въ Одессѣ вѣрѣдко лежало огромное количество хлѣба безъ движенія, по недостатку покупателей, а въ послѣдніе годы, несмотря на значительное количество хлѣба отпущеннаго изъ черноморскихъ портовъ за границу, хлѣбная торговля производилась большею частію безъ прибыли и вѣрѣдко даже въ убытокъ.

Дороговизна хлѣба отзывается разумѣется на всѣхъ другихъ произведеніяхъ ¹.

¹ Исключеніе составляютъ только пенька и ленъ (но не льняное сѣмя), которые въ С.-Петербургѣ цѣнились

	Ленъ	Пенька	Льняное сѣмя
съ 1832 по 1841 годъ	33 р. 35 к.	22 р. 36 к.	7 р. 50 к.
— 1837 — 1846 —	30 50	25 —	7 —
— 1856 — 1861 —	33 92	24 85	10 14 к.

Льняное сѣмя значительно вздорожало.

Справочныя цѣны на всякаго рода потребности жизни были въ С.-Петербургѣ:

	Въ 1852 г.		Въ 1860 г.	
	р.	к.	р.	к.
Рожь за четверть.	4	75	6	50
Куль муки ржамой изъ лавки.	5	—	6	50
Тоже пшеничной.	9	50	11	25
Горохъ за четверть.	8	50	12	50
Крупы гречневой тоже.	6	50	9	50
Русскаго масла корольяго пудъ.	4	50	9	10
Комопланнаго масла.	3	20	5	70
Олса четверть.	3	20	3	80
Мяса 1-го сорта пудъ.	2	30	2	80
3-го	1	70	2	10
Баранины 1-го сорта.	4	50	4	40
Свинины 1-го сорта.	3	60	4	—
Куры 1-го сорта.	—	70	—	95
2-го	—	60	—	75
Капуста бѣлая.	—	35	—	40
Сахаръ рафинадъ 1-го сорта пудъ.	10	—	11	—
Тоже 2-го.	9	50	10	—
Кофе 1-го сорта.	12	50	15	—
2-го сорта.	10	50	13	—
Свѣчи сальныя 1-го сорта.	4	60	6	80
2-го сорта.	4	25	6	30
— стеариновыя.	9	—	12	—

Причину дороговизны должно искать преимущественно въ удешевленіи денегъ не только общемъ во всей Европѣ, но и въ самомъ отъ упадка бумажнаго рубля, и кромѣ того въ недостаткѣ рабочихъ рукъ и рабочаго скота, истребленнаго въ огромномъ количествѣ во время крымской кампаніи.

Потребность въ рабочей силѣ безмѣрно увеличилась вслѣдствіе работъ по желѣзнымъ дорогамъ и по разнымъ, возникавшимъ послѣ 1856 года предпріятіямъ, равно вслѣдствіе усилившагося производства по всемъ отраслямъ промышленности вообще, а между тѣмъ чрезвычайныя рекрутскіе наборы и холера не только остановили приращеніе населенія но даже едва ли не уменьшили числа работниковъ. И хотя

	Въ 1852 г.		Въ 1860 г.	
	р.	к.	р.	к.
Сѣно барочное.	—	28	—	43
Дрова березовыя за сажень.	3	40	4	—
Кожи черныя и бѣлыя за 10 1-го сорта.	24	50	30	—

Плата рабочимъ въ день:

Землекопу.	—	50	—	75
Камельщику	1	—	1	30
Плотнику.	1	—	1	10
Чернорабочему.	—	50	—	75
Кирпичъ за 100 штукъ амый.	13	—	18	—
То же красный.	17	—	22	—
Песокъ за кубическую сажень.	16	—	16	50

Изъ этого выходитъ что справочныя цѣны въ сложности возвысились въ С.-Петербургѣ въ теченіи 8 лѣтъ на 33⁰/₀.

Заготовительныя цѣны хлѣба для войска, которыя всегда значительно ниже рыночныхъ (потому главнѣйшимъ образомъ, что хлѣбъ покупается на задаточныя деньги провіантскаго департамента и слѣдовательно со сбереженіемъ процентовъ на капиталъ), были слѣдующія:

За четверть ржаной муки.

съ 1839—1843 1844—1848 1849—1853 1854—1859 1860 1861 г.

Въ губерніяхъ:

С.-Петербургской.	396	343	376	392	452	496
Воронежской.	334	169	171	285	372	298
Пензенской.	230	230	162	219	445	335
Саратовской.	272	153	244	228	413	389
Симбирской.	297	197	278	223	393	363
Средняя цѣна.	305 ³ / ₅	218	258 ¹ / ₅	269 ³ / ₅	417	376
					396.	

Изъ сравненія среднихъ цѣнъ 1849—1853 годъ съ цѣнами 1860—1861 годовъ, оказывается приращеніе сихъ послѣднихъ на 52⁰/₀.

потомъ, благодаря приостановкѣ рекрутскихъ наборовъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, подросло цѣлое поколѣніе, но освобожденіе отъ отбыванія барщины 20 милліоновъ людей, не привыкшихъ къ самостоятельному труду и до сихъ поръ побуждаемыхъ обыкновенно къ работѣ только нуждою, не можетъ, надолго еще, не имѣть чувствительнаго вліянія на сокращеніе числа свободныхъ рукъ, такъ что удешевленія производства можно ожидать только отъ улучшенія средствъ сообщенія, отъ замѣны человѣческихъ рукъ силою механической и отъ удешевленія капиталовъ.

Опредѣлить вліяніе, которое упадокъ бумажнаго рубля имѣлъ на цѣну товаровъ, не возможно. Судя по вексельному курсу, кредитный рубль подешевѣлъ въ сложности на 10—12⁰/₁₀₀, и привозимые изъ за границы товары, поскольку они не вздорожали уже въ своемъ отечествѣ отъ общаго удешевленія денегъ, поднялись въ цѣнѣ, безъ сомнѣнія, лишь на столько выше этихъ 10—12⁰/₁₀₀, сколько оказалось нужнымъ для покрытія потерь, которыя могли быть ожидаемы отъ дальнѣйшаго упадка вексельнаго курса. Цѣна русскихъ товаровъ зависѣла преимущественно отъ взаимнаго состязанія ихъ на внутреннихъ рынкахъ, а потому упадокъ вексельнаго курса едва ли имѣлъ прямое вліяніе на повышение цѣнъ товаровъ. Напротивъ, многія мануфактурныя издѣлія, вслѣдствіе скопленія большихъ запасовъ и медленности сбыта, даже подешевѣли.

Фабриканты, вынужденные платить дорого не только за всѣ предметы, выписываемые ими изъ-за границы, но и за многіе изъ русскихъ сырыхъ произведеній, которымъ цѣна была поднята требованіемъ ихъ за границу, вмѣстѣ съ тѣмъ дорого платившіе рабочимъ и занимавшіе оборотный капиталъ за высокіе проценты, не имѣли возможности возвысить цѣну своихъ издѣлій, по причинѣ уменьшившагося на нихъ требованія или увеличившагося запаса. Положеніе ихъ улучшится только тогда, когда истощатся сработанные въ предшествующіе годы запасы и когда они будутъ въ состояніи поднять цѣну своихъ издѣлій соотвѣтственно тому во что они обходятся имъ самимъ.

Въ неменьше затруднительномъ положеніи находились тѣ торговцы, которые имѣли сношенія съ заграничными мѣстами, потому что при частомъ и быстромъ колебаніи вексельнаго курса они не могли дѣлать никакого вѣрнаго

разчета о томъ, во что обойдется товаръ. Это неминуемо вовлекло ихъ въ большіе убытки, тѣмъ болѣе что иностранные капиталисты сужавшіе въ прежнее время русское купечество деньгами для оборотовъ, прекратили всякіе авансы изъ опасенія повести потерю на курсъ, если онъ понизится, и даже стали отказывать въ кредитъ, будучи напуганы несостоятельностью многихъ изъ старѣйшихъ въ Россіи торговыхъ домовъ. Вслѣдствіе всего этого учетный процентъ поднялся до 10—12%, а внѣ торговаго міра деньги достаются съ трудомъ за какіе бы то ни было проценты.

Подобныя явленія впрочемъ бывали неоднократно и въ другихъ государствахъ. Стоитъ только указать на кризисъ 1857 года потрясавшій весь торговый міръ Европы и Америки. Но явленія эти бывали тамъ случайными, непродолжительными и происходили отъ неумѣренныхъ спекуляцій или какихъ-либо временныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ общаго неурожая. Съ устраненіемъ причинъ вызвавшихъ сказанные кризисы немедленно возстановлялся прежній порядокъ, а для отвращенія крайнихъ бѣдствій бывало достаточно принимать какія-либо палліативныя мѣры.

Напротивъ затруднительное экономическое положеніе Россіи коренится въ условіяхъ, постоянно дѣйствующихъ, а именно: въ географическомъ и топографическомъ положеніи государства, въ рѣдкомъ его населеніи, въ недостаткахъ законодательства и наконецъ въ томъ, что Россія живетъ выше средствъ, и создаетъ себѣ прихоти, которыхъ не имѣетъ способа удовлетворять.

Мы указали выше на выгоды, которыя были бы сопряжены для Россіи 1) съ перенесеніемъ жительнаго средоточія ея дѣятельности въ страны болѣе плодородныя и накопленіемъ въ нихъ населенія болѣе густаго, 2) съ покрытіемъ южной Россіи сѣтью желѣзныхъ дорогъ, 3) съ привлеченіемъ туда иностранныхъ капиталовъ и составленіемъ такихъ въ самой Россіи вслѣдствіе большей бережливости и трудолюбія. Но подобныя предположенія могутъ осуществиться только медленно, а намъ нужна помощь мгновенная, нужны оборотные капиталы для оживленія промышленности и земледѣлія, нужно исправленіе нашего внѣшняго баланса.

Иностранцы не еганутъ однако помѣщать свои капи-

талы въ странѣ, гдѣ будутъ обращаться 700 милліоновъ рублей кредитными билетами съ обязательнымъ курсомъ. Даже еслибы этихъ билетовъ было въ половину меньше, то въ случаѣ неблагоприятнаго вексельнаго курса и требованія звонкой монеты для вывоза за границу на покрытие баланса, неразмѣнные государственные билеты неминуемо должны бы упасть, а это нанесло бы чувствительный убытокъ иностраннымъ капиталистамъ. Существованіе государственныхъ бумажныхъ денегъ, угрожающихъ одинаково опасностію кредиту правительства и цѣнности всѣхъ капиталовъ,¹ должно быть признано однимъ изъ главныхъ препятствій для привлеченія капиталовъ изъ-за границы и для накопленія капиталовъ въ самой Россіи.²

Поэтому-то сознавая преимущество билетовъ частныхъ банковъ передъ государственными, прусское правительство, въ 1856 году, уменьшило количество своихъ бумажныхъ денегъ съ 30 на 15 милл. талеровъ, то-есть до $\frac{1}{2}$ талера или 76 копѣекъ на душу, но въ то же время разрѣшило частному акціонерному банку выпускъ новыхъ билетовъ. Этихъ послѣднихъ къ 1859 году было въ обращеніи на 98

¹ Вездѣ гдѣ существовали бумажныя деньги съ обязательнымъ курсомъ, какъ-то въ Англіи, Франціи, Австріи и Россіи, онѣ подлежали большимъ колебаніямъ въ цѣнѣ и въ трехъ послѣднихъ изъ этихъ государствъ повели къ открытому банкротству.

² Вредъ происходящій отъ избытка бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ курсомъ, всѣми признанъ въ западной Европѣ. Только въ Россіи, которую наши патріоты никакъ не хотятъ подводить подъ общія правила, требуя для нея исключительнаго положенія (вѣроятно по соосѣдству Россіи съ Китаемъ и съ Киргизскою степью), вредъ этотъ еще оспаривается. Нынѣ истые Русаки требуютъ даже выпуска новыхъ бумажекъ для поддержанія промышленности и притомъ не сотель милліоновъ, а милліардовъ.

Находя однако болѣе разумнымъ обращаться за примѣрами къ Европѣ, чѣмъ къ Китаю, замѣтимъ, что исторія бумажныхъ денегъ представляется наиболее поучительною въ Австріи. Тамъ количество обращающихся государственныхъ бумажныхъ денегъ во время войны съ Наполеономъ I, возрасло до 1.000 милл. гульденовъ. Въ 1811 году курсъ ихъ былъ пониженъ правительствомъ на $80\frac{1}{100}$, но оставшіеся за тѣмъ 200 милл. умножились снова къ 1815 году до 678.

Съ того времени для утвержденія ихъ курса, были принимаемы самыя разнообразныя и хитросплетенныя мѣры. То объявляли ихъ за билеты вѣной учрежденнаго государственнаго банка, обезпеченные будто бы разнѣдными фондомъ, государственными процентными бумагами или государственными недвижимыми имуществами, то, для изыятія ихъ изъ обращенія,

милл. талеровъ при металлическомъ размѣнномъ фондѣ въ 45 милліоновъ талеровъ.

Курсъ прусскихъ банковыхъ билетовъ, однако, не гарантированъ правительствомъ, и оттого, даже въ случаѣ остановки въ размѣнѣ ихъ, чего впрочемъ нельзя ожидать, кредитъ прусскаго правительства останется неприкосновеннымъ, и денежная система государства не будетъ потрясена; все ограничится несостоятельностью частнаго банкаго общества. Между тѣмъ, за изъятіемъ изъ обращенія государственныхъ бумажныхъ денегъ на 15 милл. талеровъ и за вычетомъ 45 милл. талеровъ звонкой монеты, хранящихся въ размѣнномъ фондѣ банка, количество денежныхъ знаковъ или оборотнаго капитала въ Пруссіи увеличено на 38 мил. талеровъ, не только безъ всякаго ущерба для народнаго богатства, но къ видимой пользѣ промышленности.

Такова разница между оборотными знаками частнаго банка и государственными бумажными деньгами. Вообще количество обращающихся въ народѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ только въ то время можетъ быть признано не избыточнымъ, когда вмѣстѣ съ бумажками удер-

заключали займы *добровольные, обязательные, лотерейные, металлическіе, или бумажные* 1, 2¹/₂, 4 и 5¹/₁₀, или продавали казенныя земли; въ 1857 году былъ даже заключенъ Австрію трактатъ со всеми германскими государствами, которыми она обязалась не выпускать болѣе бумажныхъ денегъ и немедленно открыть размѣнъ билетовъ бывшихъ тогда въ обращеніи; послѣднее изъ этихъ условій въ 1858 году было исполнено, но размѣнъ продержался не долго, и билеты стали вновь выпускать попрежнему, а затѣмъ послѣдствіемъ многолѣтнихъ усилій и напряженій австрійскаго правительства было: обремененіе государственнаго бюджета платежами по безконечнымъ займамъ, сдѣлавшимъ Австрію данницею чужихъ народовъ, оставленіе по сіе время въ обращеніи бумажныхъ денегъ на сумму 475 милл. гульденовъ, то-есть только на 100 милл. рублей менѣе чѣмъ въ 1816 году и уменьшеніе состава государственныхъ имуществъ въ такой степени, что отъ нихъ получается нынѣ дохода не болѣе 600 т. руб. въ годъ.

Все это произошло отъ того, что австрійское правительство, не искоренивъ окончательно своихъ бумажныхъ денегъ, надѣялось, само себя обманывая, утвердить ихъ курсъ разными полумѣрами; а ясное пониманіе, положительность и рѣшительность въ мѣрахъ ведущихъ къ предполагаемой цѣли, ни въ какомъ дѣлѣ не составляютъ такой необходимости, какъ въ дѣлѣ кредита, въ которомъ судьбою становится всемірная публика, не признающая никакого авторитета. Колѣбанія же и полумѣры ведутъ только къ истощенію собственныхъ силъ. Когда членъ заразится антоновымъ огнемъ, лучше его отрѣзать чѣмъ дать заразиться всему организму.

живается въ постоянномъ обращеніи и звонкая монета, какъ это мы видимъ нынѣ во всей Германіи, въ Англіи, во Франціи, гдѣ золото и серебро всюду встрѣчаются совокупно съ кредитными знаками; ибо присутствіе звонкой монеты доказываетъ, что бумажные денежные знаки удерживаются въ нормальной своей цѣнѣ, и что не требуется усиленнаго ихъ обмѣна на золото или серебро, для заграничныхъ платежей.

Впрочемъ и во Франціи, еще въ 1861 году, банкъ, по случаю неурожая и потребности въ привозѣ огромнаго количества хлѣба изъ-за границы, опасался что металлическаго его фонда не станетъ для обмѣна выпущенныхъ имъ билетовъ, еслибы они были предъявлены въ банкъ. Опасеніе это къ счастью не оправдалось и затруднительное положеніе банка во всякомъ случаѣ могло быть только временное. Въ Австріи, напротивъ, размѣнъ билетовъ тамошняго банка сдѣлался совершенно невозможнымъ, потому что пользуясь всѣми преимуществами государственныхъ ассигнацій, т. е. обязательнымъ курсомъ, они совершенно вытѣснили изъ народнаго обращенія звонкую монету, несмотря на то что банковыхъ билетовъ приходится въ Австріи на душу населенія не болѣе 8 руб. Исчезла же звонкая монета отъ невыгодности вѣшнаго балауса и вексельнаго курса, которые объясняются огромными ежегодными платежами австрійскаго правительства для удовлетворенія заграничныхъ его заимодавцевъ¹, и несмотря на блестящія, въ послѣд-

¹ По мнѣнію людей, наиболѣе знакомыхъ съ положеніемъ Австріи, четвертая доля всѣхъ правительственныхъ долговыхъ облигацій находится въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ, а потому до 40 милл. гульденовъ въ годъ должны быть отправляемы за границу для ихъ удовлетворенія. Много ли въ зачѣтѣ ихъ находится фондовъ иностранныхъ государствъ въ рукахъ австрійскихъ капиталистовъ, неизвѣстно.

Въ Австріи, въ народѣ, вовсе не обращается звонкой монеты, но у банкировъ можно всегда купить значительныя суммы, съ умѣренной надбавкой. Причина тому 1) что Австрія ведетъ обширную торговлю съ окружающими ее государствами, а на это нужна звонкая монета; 2) что всѣ таможенные пошлины по закону уплачиваются звонкою монетою; 3) что въ Венеціанской области бумажныя деньги не принимаются; 4) что онѣ вообще въ оптовой торговлѣ не имѣютъ обязательнаго курса и что приемая ихъ цѣна въ публичныхъ кассахъ также подлежала неоднократному измѣненію

У петербургскихъ мѣняль также можно всегда отыскать золотой или

ніе годы, результаты отпускной торговли Австріи, вексельный курсъ тамъ все еще не достигъ нормальнаго размѣра, хотя поднялся съ 40 и 50 % ниже пари, до 23%.

Но пока вексельный курсъ не превыситъ нормальнаго и бумажныя деньги въ Австріи, сохраняя обязательный курсъ, не поднимутся до нарицательной ихъ цѣны, звонкой монеты въ народномъ обращеніи быть не можетъ.

Изъ этого ясно видно, что затрудненіе заключается собственно въ балансъ внѣшнихъ платежей; бумажныя же деньги главнѣйше вредятъ тѣмъ, что безъ нихъ внѣшній балансъ никакъ не могъ бы дойти до того невыгоднаго положенія, въ которомъ онъ находится въ тѣхъ государствахъ, гдѣ обращаются преимущественно бумажныя деньги; и со правительства, выпуская такіе знаки, создаютъ на время новый мнимый капиталъ, даютъ чрезъ это народу неправильное понятіе о его богатствѣ, вовлекаютъ его въ напрасные расходы и когда призракъ воображаемаго изобилія исчезаетъ, послѣ выхода за границу того количества звонкой монеты, котораго мѣсто заступили бумажки, то остаются одни долги, а средства къ уплатѣ долговъ между тѣмъ не увеличались. Словомъ, пока бумажный призракъ не обращенъ въ плоть, т. е. пока каждая вновь выпущенная бумажка не послужила къ созданію дѣйствительной цѣнности, не только равной въ цѣнѣ съ нарицательнымъ достоинствомъ билета, но далеко ее превышающей¹, всякіе оборотные денежные знаки положительно губельны.

серебряной монеты, но въ количествѣ ограниченномъ и за дорогую цѣну; въ остальныхъ же частяхъ Россіи звонкой монеты вовсе нѣтъ, кромѣ Закавказскаго края, составляющаго исключеніе потому, что мѣстные жители не охотно принимаютъ кредитные билеты, и торговля съ сосѣдними народами производится исключительно на звонкую монету. Въ Ригѣ, времени Петра I до переложенія ассигнацій на серебро, всѣ счеы велись на серебро и таможенныя пошлины уплачивались сперва ефимками, потомъ русскою звонкою монетою, вслѣдствіе чего тамъ въ золотѣ и серебрѣ недостатка никогда не бывало. Итакъ, будь только надобность въ звонкой монетѣ, она и удержится. Надобности же этой быть не можетъ при обязательномъ курсѣ бумажныхъ денегъ, которыя всегда, по свойству своему, совершенно монополизируютъ денежный рынокъ, если только ихъ будетъ находиться въ обращеніи столько, чтобъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ въ платежныхъ знакахъ.

¹ Никакъ нельзя допустить выпуска государственныхъ бумажныхъ денегъ напримѣръ для постройки желѣзной дороги, какъ бы она ни была выгодна, потому что денежный знакъ, переходя изъ рукъ въ

Между тѣмъ одни лишь билеты выпускаемые оборотными банками, то-есть подъ учетъ векселей, и при достаточномъ размѣнномъ фондѣ, представляютъ нѣкоторое обезпеченіе въ томъ, что они дѣйствительно получили производительное назначеніе, и что выпускъ ихъ не превышаетъ количества потребнаго для денежныхъ оборотовъ въ государствѣ, а потому денежные знаки, выдаваемые на иномъ основаніи, не должны быть допускаемы.

Несмотря однако на преимущество банковыхъ билетовъ предъ государственными, и первые также, подъ вліяніемъ случайныхъ увлеченій, нерѣдко были увеличиваемы чрезъ мѣру, а потому во всѣхъ государствахъ даже частныя банки нынѣ ограничиваются въ своихъ дѣйствіяхъ, и выпускъ кредитныхъ знаковъ положено обуславливать двумя коренными правилами, а именно: 1) предоставленіемъ права выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ исключительно частнымъ учрежденіямъ, безъ всякаго ручательства правительства, дабы въ случаѣ несостоятельности банка не потрясти кредита государства, и 2) ограниченіемъ количества выпускаемыхъ билетовъ ненарушаемыми правилами.

Изъ всего этого выходитъ, что государственныя бумажныя деньги, пользующіяся обязательнымъ курсомъ, не оправдываются ни въ своихъ началахъ, ни въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи, и что тамъ, гдѣ онѣ есть, можно только желать или совершеннаго ихъ изытія изъ обращенія, или по крайней мѣрѣ, сокращенія ихъ въ такомъ размѣрѣ, чтобъ онѣ не могли подвергаться колебанію въ цѣнѣ въ случаѣ какого-либо кризиса и внезапнаго повиженія вексельнаго курса. Въ этомъ послѣднемъ предположеніи, слѣдовало бы довести количество государственныхъ бумажныхъ денегъ до такой ничтожной цифры, чтобъ онѣ не мѣшали выпуску билетовъ частныхъ банковъ. Для этого число ихъ должно быть до крайности сокращено.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, прусское прави-

руки, можетъ служить представителемъ такой суммы цѣнностей, которая равняется нарицательной цѣнѣ билета помноженной на число оборотовъ этого же билета. Такъ какъ однако всѣ данныя, на которыхъ основывается степень обезпеченности оборотныхъ знаковъ, чрезвычайно шатки, то и признано, что одна только положительная возможность обмѣна ихъ, во всякое время, на звонкую монету, способна поддерживать курсъ бумажныхъ оборотныхъ знаковъ.

тельство, какъ выше замѣчено, сократило на половину и безъ того крайне незначительное количество своихъ государственныхъ билетовъ.

Въ Великобританіи, гдѣ одновременно обращаются билеты гарантированные правительствомъ и банковые, и гдѣ первыхъ выпущено на 14 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или около 3 руб. сер. на душу тамошняго населенія, то-есть четверо болѣе чѣмъ въ Пруссіи, признано нужнымъ, для обезпеченія этихъ билетовъ, смѣшать ихъ съ банковыми, открыть имъ свободный въ банкѣ размѣнъ на капиталъ акціонеровъ банка и не допускать выпуска собственно банковыхъ билетовъ иначе какъ съ обезпеченіемъ ихъ, рубль за рубль, звонкою монетою.

Трудно опредѣлить до какой степени слѣдовало бы сократить количество кредитныхъ билетовъ въ Россіи, чтобы цѣнность ихъ не могла болѣе подвергаться колебанію, или даже чтобы совмѣстно съ ними можно было допустить учрежденіе частныхъ оборотныхъ банковъ и выпускъ банковыхъ билетовъ. Последняя цѣль можетъ быть достигнута лишь при доведеніи цифры государственныхъ билетовъ до самыхъ меньшихъ предѣловъ, хотя бы и не до той ничтожной цифры, до которой она доведена въ Пруссіи, то-есть до 76 копѣекъ на душу. Если же будетъ устроенъ вопросъ о допущеніи частныхъ банковыхъ билетовъ могущихъ состязаться съ государственными, то цѣнность этихъ послѣднихъ окажется утвержденною какъ скоро количество ихъ будетъ доведено до размѣра крайней въ нихъ необходимости, то-есть до того чтобы, при встрѣтившейся потребности въ платежахъ за границей, публика рѣшилась скорѣе продать какой-либо другой предметъ чѣмъ искать обмѣна кредитнаго билета на монету.

Въ такомъ только случаѣ цѣна кредитныхъ билетовъ станетъ независимою отъ временныхъ кризисовъ, а безъ этого условія колебаніе цѣнности бумажныхъ денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясеніе всей денежной системы государства и кредита правительства—неизбѣжны.

Передъ замѣной въ Россіи ассигнаціоннаго рубля кредитными билетами, считаемыми на серебро, находилось въ обращеніи 595 мил. рублей ассигнаціями или на серебро 170 милл. руб. Въ то время много было въ государствѣ монеты серебряной и золотой, особенно иностранной, ибо

золота и серебра, съ 1824 по 1845 году, привезено въ Россію болѣе чѣмъ вывезено, на 106 милл. руб. серебромъ. Ассигнаціи тогда принимались народомъ выше опредѣленнаго имъ курса. Слѣдовательно въ нихъ не только не было избытка, но потребность въ нихъ превышала наличность.

Такъ какъ въ то время вексельный курсъ постоянно былъ въ пользу Россіи¹, то невозможно опредѣлить какими судьбамъ подверглись бы ассигнаціи при значительномъ пониженіи курса, однако графъ Канкринъ, вполнѣ постигавшій значеніе бумажныхъ денегъ, не считъ обращавшееся количество ассигнацій достаточно обезпеченнымъ противъ могущаго быть кризиса. Въ этихъ видахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ намѣреніи оградить цѣну бумажекъ отъ частыхъ колебаній, онъ открылъ размѣнный для нихъ фондъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ выпускъ депозитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету, вносимую въ размѣнный фондъ.

Крайне замѣчательно, что начала принятыя графомъ Канкриномъ въ основаніе новой денежной его системы суть тѣ же самыя, на которыхъ въ Великобританіи почти въ то же время, т.-е. въ 1844 году, основана нынѣ дѣйствующая тамъ банковая система, которая, переживши самыя сильныя торговые кризисы, вполнѣ оправдалась. Даже количество разрѣшеныхъ къ выпуску въ Англію, безъ полнаго обезпеченія, билетовъ, относительно тогдашняго населенія Великобританіи было равно обращавшейся въ то время въ Россіи суммѣ билетовъ, сравнительно съ тогдашнимъ населеніемъ Русскаго государства. Между тѣмъ результаты одинаковой повидимому мѣры оказались различными.

У насъ ближайшимъ слѣдствіемъ оказаннаго преобразованія было то, что бѣльшая часть монеты, находившейся

¹ Вексельный курсъ поднимался постоянно, начиная съ 1824 по 1839 годъ, когда приступлено было къ переложенію ассигнацій на серебро, а именно: въ 1824 году рубль ассигнацій стоилъ въ Лондонѣ до $9\frac{7}{8}$ пенса; начиная съ 1827 года цѣна его ни разу не упала ниже 10 пенсовъ и нерѣдко поднималась до 11, а въ 1838 году даже до 12 пенсовъ.

Если считать ассигнаціонный рубль въ 350 коп. сер., то $10\frac{9}{10}$ пенсовъ равняются уже курсу 38 пенсовъ за серебряный рубль.

Достоинство ассигнацій въ продолженіе этого времени постепенно возвышалось. Въ 1824 году за рубль серебряный платилось еще 375 коп. ассигнаціями, а въ 1838 году не болѣе 351—352.

въ народномъ обращеніи, перешла въ руки правительства, а въ народѣ остались преимущественно бумажки.

Съ перваго взгляда, это обстоятельство никакой, кажется, опасности не представляло, такъ какъ всякій могъ заимствовать потребное ему количество монеты изъ размѣнной кассы, которая до того возросла, что въ декабрь 1853 года хранилось въ ней золота, серебра и процентныхъ бумагъ на 161 миллионъ руб., тогда какъ кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи на 333 миллиона рублей.

Но принимая въ соображеніе: 1) что въ 1845 году было въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 189 миллионъ при размѣнномъ фондѣ въ 86 миллионъ, слѣдовательно оставалось не обезпеченнымъ только 103 миллионъ, тогда какъ въ 1853 году, когда прибавилось кредитныхъ билетовъ на 144 миллионъ, оказались необезпеченными 172 миллионъ: 2) что цѣнность привезеннаго въ Россію изъ-за границы съ 1822 по 1853 годъ количества золота и серебра равнялась 128 миллионамъ руб. и 3) что Сибирь доставила съ 1823 по 1853 годъ драгоцѣнныхъ металловъ 23 тысячи пуд. золота и до 30 тысячъ пуд. серебра, на сумму 325 миллионъ рублей, нельзя признать вполне удовлетворительнымъ состояніе размѣннаго фонда въ 1853 году.

Въ англійскомъ банкѣ представляется намъ совершенно противоположное явленіе. Тамъ хранилось въ 1845 г., то-есть по преобразованіи банка, золота и серебра на 13 милл. фунтовъ стерлинговъ, а билетовъ банка было въ то время въ обращеніи на 27 милл. ф. стерл. Въ 1853 же году въ фондѣ было 17 $\frac{3}{4}$ милл. а билетовъ только 24 милл. Наконецъ въ 1860 году въ фондѣ 15 милл. а билетовъ 22 милл. ф. стерл.¹ Слѣдовательно въ 1845 году оставалось необезпеченныхъ билетовъ на 14 милл. ф. стерл., а въ 1860 году только на 7 миллионъ.

Такое различіе въ результатахъ, представляемыхъ двумя учрежденіями, основанными на одинаковыхъ началахъ, при благоприятномъ въ обоихъ государствахъ торговомъ балансѣ и приливѣ звонкой монеты, объясняется только тѣмъ, что постоянныя правила для размѣнной кассы въ С.-Петербургѣ не были въ точности соблюдаемы и что прави-

¹ По послѣднимъ извѣстіямъ билетовъ въ обращеніи на 22 мил., а въ фондѣ 17 милл. ф. стер.

тельство неоднократно усиливало выпуски кредитныхъ билетовъ безъ соотвѣтственнаго взноса, золотомъ или серебромъ, въ размѣнный фондъ. Этимъ явно доказывается преимущество частнаго банковаго учрежденія предъ правительственнымъ, а равно и то, что при невозможности, въ то время, передать кредитные билеты частному учрежденію, лучше было бы, еслибы ассигнаціи оставались попрежнему въ томъ же количествѣ неразмѣнными знаками, имѣющими курсъ опредѣляемый сообразно съ биржевою ихъ цѣной. Въ такомъ случаѣ нынѣ у насъ находилось бы въ обращеніи не болѣе 595 милл. руб. ассигнаціями, что при увеличившемся, съ 1845 года, населеніи и усилившихся съ того времени торговыхъ оборотахъ, не могло бы быть обременительно для Россіи. Сверхъ того непремѣнно находилось бы въ народномъ обращеніи огромное количество звонкой монеты, потому что сказанныхъ 595 милл. рублей ассигнаціями было бы далеко недостаточно для всего торговаго оборота Россіи. Эта звонкая монета служила бы къ уравниванію нашего внѣшняго баланса, на случай пониженія вексельнаго курса.

Еслибы публика такимъ образомъ привыкла къ употребленію звонкой монеты, отъ которой совершенно отучила ее система введенная у насъ съ 1845 года, то она не поддавалась бы въ послѣдствіи такъ легко на бумажные деньги, и правительство имѣло бы болѣе вѣрное мѣрило для опредѣленія того количества кредитныхъ билетовъ, которое способно обращаться въ народѣ, безъ ущерба для нашей денежной системы.

Недостатокъ такого мѣрила долженъ былъ вводить правительство въ заблужденіе всякій разъ, когда требовались чрезвычайные расходы для подкрѣпленія ли кассъ банковыхъ учрежденій, или для военныхъ надобностей; видя готовность народа къ приему кредитныхъ билетовъ, оно безъ мѣры увеличивало ихъ количество.

Вѣрнѣйшимъ способомъ для опредѣленія степени возрастанія денежныхъ оборотовъ въ Имперіи, можетъ служить то обстоятельство, что въ 1824 году было переслано по почтѣ капиталовъ казенныхъ и частныхъ на 147 мил. руб., въ 1843-мъ на 274 мил., а въ 1860 году на 721 мил. р. Мѣрило это тѣмъ болѣе вѣрно, что платежи у насъ все

еще производятся тѣми же неуклюжими средствами, какъ и за 40 лѣтъ передъ симъ.

Имѣя въ виду такое усиленіе денежныхъ оборотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соразмѣрную потребность въ платежныхъ знакахъ, нельзя не быть увѣреннымъ, что 170 мил. рублей серебромъ бумажныхъ денегъ, которые за 20 лѣтъ тому назадъ не считались достаточно огражденными отъ вліянія торговыхъ кризисовъ, нынѣ не могли бы подлежать никакой опасности, а потому еслибы представилась возможность къ уменьшенію числа кредитныхъ билетовъ до этой цифры, то денежная наша система могла бы считаться утвержденною на прочныхъ началахъ и была бы надежда даже дойти до учрежденія частныхъ оборотныхъ банковъ, принесшихъ неоспоримую пользу въ другихъ государствахъ и болѣе всего нужныхъ Россіи при настоящемъ у насъ недостаткѣ капиталовъ.

Потому повторяемъ, что, по крайнему нашему убѣжденію, одно только положительное уничтоженіе или сокращеніе числа государственныхъ бумажныхъ денегъ можетъ вести къ желаемому результату, и что всякія полумѣры, какъ напримѣръ возложеніе на правительственныя учрежденія обязанностей частнаго оборотнаго и размѣннаго банка, едва ли могутъ быть оправданы наукою или опытомъ. Но ясно и твердо опредѣливъ такимъ образомъ цѣль, къ которой слѣдовало бы стремиться, спрашивается: какія имѣются въ виду средства для ея достиженія; представляется ли возможность къ сокращенію у насъ 706 милліоновъ руб. кредитными билетами до 170 милліоновъ?

Понятно, что Россія не въ состояніи занять еще сотни милліоновъ для выкупа бумажныхъ денегъ, ибо будучи уже обременена долгами, она въ правѣ заключать новые займы только для употребленія непосредственно производительнаго, какъ напримѣръ для постройки желѣзныхъ дорогъ; но принимая въ уваженіе, что до 1-го мая нынѣшняго года кредитные билеты цѣнились уже на 12% ниже нарицательнаго ихъ достоинства, то-есть, что находившіеся тогда въ обращеніи 706 мил. руб. стоили въ то время на серебро только 621 мил. рублей, должно полагать, что съ помощію нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ пожертвованій со стороны публики можно было бы въ то время дойти до окончательнаго установленія монетной единицы.

Нынѣ для достиженія этой цѣли избранъ иной путь, и остается только желать полнаго успѣха тѣмъ мѣрамъ, которыя приняты министерствомъ финансовъ.

Въ заключеніе этой статьи замѣтимъ, что въ Россіи интересы земледѣлія, промышленности и торговли, болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо требуютъ въ настоящее время особаго представительства, въ лицѣ отдѣльнаго министра. Такъ какъ въ отчетѣ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, генерала Муравьева, за время пятилѣтняго управленія министерствомъ, значитса, что завѣдываніе государственными крестьянами имѣетъ перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что управленіе казенными землями и лѣсами, какъ приносящими значительный доходъ государственному казначейству, принадлежитъ безспорно министерству финансовъ, то представляется весьма удобнымъ соединеніе департамента сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ съ департаментами торговли и мануфактуръ, и горнымъ, а равно съ кредитною частью, поскольку она относится къ частнымъ кредитнымъ установленіямъ. Изъ соединенія этихъ управленій могло бы образоваться новое министерство промышленности, на подобіе тѣхъ которыя существуютъ во всѣхъ государствахъ западной Европы.

У.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ

Переводъ съ англійскаго.

МЕЖДУ СЦЕНАМИ.

Дневникъ происшествій изъ портфеля капитана
Регга.

I. Дневникъ за октябрь 1846.

Я удивился въ видрахъ моего семейства. Мы поселились въ удивенной деревенькѣ Росварпъ, на берегахъ Эска, въ двухъ миляхъ отъ Вытби. Наши комнаты удобны, и кромѣ того у насъ предобрая хозяйка. Мистриссъ Реггъ и миссъ Ванстонъ прибыли сюда прежде меня, соответственно начертанному мною плану ретирады изъ Йорка. На слѣдующій день я послѣдовалъ за ними съ багажемъ. Оставляя станцію, я имѣлъ удовольствіе видѣть страпческаго дьяка въ секретномъ разговорѣ съ полицейскимъ сыщикомъ, прїѣздъ котораго я предсказывалъ. Я оставилъ его въ мирномъ обладаніи Йоркомъ и всею окрестностью. Онъ отвѣчалъ мнѣ такою же любезностью, и оставилъ меня въ мирномъ обладаніи долиною Эска, въ тридцати миляхъ отъ него.

¹ См. Русскій Вѣстникъ. №№ 7 и 8.

Замѣчательными результатами увѣнчались мои первыя усилія для развитія сценическихъ способностей миссъ Ванстонъ.

Я открылъ, что она владѣтъ необыкновеннымъ мимическимъ талантомъ. Ея подвижное лицо, гибкій голосъ и острое драматическое соображеніе дѣлають ее способною къ характернымъ ролямъ съ переодѣваніями. Она нуждается теперь только въ обученіи и практикѣ, чтобы быть увѣренной въ себя. Это открытіе воскресило во мнѣ мысль, пришедшую мнѣ въ голову въ первый разъ на одномъ изъ такъ-называемыхъ „домашнихъ представленій“ неподражаемаго комика Чарльза Матьюса. Я занимался тогда, помнится, винооторговлей. Мы подражали винопроизводительнымъ процессамъ природы въ одной задней кухнѣ, въ Бромптовѣ, и изготовляли хересь, свѣтлый и пріятный, крѣпительный и мягкій во рту, чрезвычайно любимый испанскимъ дворомъ, по девятнадцати съ половиною шиллинговъ за дюжину, считая и бутылки въ той же цѣнѣ; смотри объявленія того времени. Барыши наши были чрезчуръ малы; мы слишкомъ обогнали вкусъ вѣка, и слишкомъ задолжали бутылочнымъ торговцамъ. Теряясь въ соображеніяхъ какъ бы добыть денегъ, и видя какія толпы собирались у Матьюса, я невольно увлекся мыслью начать подражаніе самому великому „подражателю“, комику Матьюсу, въ домашнихъ представленіяхъ, даваемыхъ женщиной. Не доставало только бездѣлки—способной къ этому женщины. Съ того и до настоящаго времени я не могъ сыскать ее. Теперь, наконецъ, нашелъ я женщину. Миссъ Ванстонъ обладаетъ молодостью, красотою и талантомъ. Научите ее сценическимъ переодѣваніямъ, снабдите ее костюмами для различныхъ ролей, развейте ея вокальный и музыкальный талантъ, сдѣлайте объявленіе о „домашнемъ представленіи молодой дѣвицы“, удивите публику драматическимъ представленіемъ, которое отъ начала и до конца будетъ исполнено одною этою дѣвицей, поручите все дѣло мнѣ, и что получится въ результатъ? Слава для моей прекрасной родственницы, фортуна для меня.

Соображенія эти я высказалъ миссъ Ванстонъ такъ же откровенно, какъ всегда, предлагая составить программу представленія, взять на себя все устройство дѣла и подѣлиться барышами. Я не забылъ подкрѣпить свое пред-

ложеніе объясненіемъ, какую зааисть она возбудить, и околько встрѣтитъ затрудненій, если поступить на сцену. Я намекнулаей на справки, которыя ей нужны, и на личную независимость, которой она желаетъ. „Если вы вступите на сцену, ска залъ я,—служба ваша будетъ закон-трагована, и директоръ можетъ удержатъ васъ именно тогда, когда вамъ всего болѣе нужна будетъ свобода. Если же, напротивъ, вы согласитесь на мое предложеніе, то будете совершенно независимы и можете дѣйствовать какъ заблагоразсудите.“ Замѣчаніе это, повидимому, поразило ее. Она обѣщала дать отвѣтъ черезъ день, и изъявила согласіе. Я тотчасъ же записалъ всѣ условія сдѣлки. Условія эти всѣ очель удовлетворительны, за исключеніемъ только одного. Она рѣшительно не хочетъ подписывать свое имя ни подъ однимъ изъ представляемыхъ ей мною документовъ. На словахъ она обязывается не нарушать условій, пока будетъ находить нужнымъ добывать деньги. Когда же дѣла ея измѣнятся, то она обязывается только за недѣлю объявить мнѣ о своемъ рѣшеніи. Бѣдовая дѣвушка; я уже имѣлъ случай оцѣнить ее. Одно утѣшеніе: страпная счетовъ возложена на меня, а потому у моей прекрасной родственницы не вдругъ наполнятся карманы.

Посреди занятій моихъ съ миссъ Ванстонъ для приготовленія ея къ предстоящему опыту, я успѣлъ отправить два анонимныя письма въ интересъ этой дѣвушки. Находя, что ея безпокойство о своихъ друзьяхъ мѣшаетъ ей обра-щать должное вниманіе на мои уроки, я написалъ анонимное письмоцо къ законнику дѣлающему о ней розыски, и дружески совѣтовалъ ему прекратитъ ихъ. Письмо было отправлено къ одному изъ моихъ лондонскихъ пріятелей, съ наказомъ броситъ его въ почтовый ящикъ на Чарингъ-Кроссѣ. Черезъ недѣлю, я послалъ, тѣмъ же путемъ, второе письмо, прося страпчаго увѣдомитъ меня, рѣшился ли онъ, вмѣстѣ съ другими, послѣдовать моему совѣту, и прося его адре-совать письмо въ почтовую контору, на Вестъ-Страндѣ.

Черезъ вѣсколько дней прішелъ отвѣтъ, пересланный моимъ пріателемъ, въ почтовую контору Витби.

Отвѣтъ страпчаго былъ кратокъ и ясень: „Сэръ, еслибы другіе послѣдовали моему совѣту, то съ вами и съ вашимъ письмомъ обошлись бы съ презрительнымъ невниманіемъ, котораго вы заслуживаете. Но я не могу не обратитъ вни-

манія на желанія старшей сестры миссъ Магдалины Ванстонъ, и по ея просьбѣ увѣдомляю васъ, что всѣ розыски съ моей стороны окончены, но съ условіемъ, чтобы вслѣдствіе этого между обѣими сестрами могла открыться переписка. Письмо старшей миссъ Ванстонъ прилагается при семъ. Если я черезъ недѣлю не услышу, что оно получено, то снова передамъ дѣло въ руки полиціи. Вилліамъ Пендрилъ.“ Желчный человекъ, этотъ Вилліамъ Пендрилъ. Я могу сказать о немъ, что сказала одна высокая особа о своемъ грубомъ лакеѣ: „Я не желалъ бы имѣть подобаго ему характера за всѣ блага міра!“

Очень повятно, что до передачи прилагаемаго письма я прочелъ его самъ. Старшая миссъ Ванстонъ описывала себя очень разстроенною неполученіемъ извѣстій о сестрѣ, говорила о принятіи ею мѣста гувернантки въ одномъ семействѣ, объ отъѣздѣ ея чрезъ недѣлю для занятія этого мѣста, и просила утѣшить ее письмомъ при началѣ ея новаго поприща. Запечатавъ конвертъ, я передалъ письмо миссъ Ванстонъ младшей, спросивъ при этомъ: „Какъ теперь, болѣе ли вы чувствуете въ себѣ мужества и рѣшимости чѣмъ при первой нашей встрѣчѣ?“ Она не замедлила отвѣтомъ: „Капитанъ Реггъ, когда я встрѣтила васъ на стѣнахъ Йорка, я не заходила еще такъ далеко, какъ теперь. Теперь я уже слышкомъ далеко зашла.“

Если она дѣйствительно такъ чувствуетъ (я думаю, что она дѣйствительно такъ чувствуетъ), то переписка ея съ сестрой не можетъ причинить никакого вреда. Въ тотъ же день, она написала длинное письмо, долго проплакала надъ своимъ эпистолярнымъ трудомъ, и была ужасно сердита и брюзгава со мною, когда мы сошлись вечеромъ. Ей, бѣдной дѣвушкѣ, очень нуженъ опытъ жизни. Какъ утѣшительно, что именно я могу послужить ей въ этомъ отношеніи!

II. Дневникъ за ноябрь.

Мы живемъ въ Дерби. Программа представленія готова, и репетиціи подвигаются. Всѣ затрудненія устранены, за исключеніемъ одного—вѣчнаго затрудненія по части де-

векъ. Средства миссъ Ванстонъ достаетъ на наши личныя нужды, на наемъ фортепіано и для изготовленія необходимыхъ костюмовъ. Но расходы по устройству представленія выше нашихъ средствъ. Одинъ изъ моихъ здѣшнихъ театральныхъ пріятелей, котораго я хотѣлъ связать съ нашимъ дѣломъ, находится, къ несчастію, въ самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Поле человѣческой симпатіи, съ котораго я могъ бы пособрать необходимую денежную жатву, недоступно мнѣ по недостатку времени. Я не вижу другихъ средствъ, чтобы поспѣть къ Рождеству, какъ обратиться къ здѣшнему торговцу музыкальными принадлежностями, который, говорятъ, падохъ на спекуляціи. Частная репутія у насъ на квартирѣ и уговоръ, который наполнитъ жадные карманы совѣтъ посторонняго человѣка,—вотъ жертвы налагаемыя на меня суровою необходимостью при началѣ. Хорошо же! У меня остается одно утѣшеніе. Я наду музыкальнаго продавца.

III. Дневникъ за первую половину декабря.

Музыкальный продавецъ возбуждаетъ во мнѣ невольное уваженіе. Онъ принадлежитъ къ тому небольшому числу встрѣченныхъ мною въ жизни людей, которыхъ трудно надуть. Онъ мастерски воспользовался нашимъ безпомощнымъ положеніемъ и заключилъ съ нами условіе на представленіе въ Дерби и Ноттингамъ съ такимъ торгашескимъ невниманіемъ къ чужимъ выгодамъ, что при всей моей охотѣ записывать все, я не могу рѣшиться записать нашъ уговоръ. Не зачѣмъ, говорить, что я и виду не показалъ какъ мало было для меня пріятности удовольствоваться съ прекрасною моею родственницею предложенною намъ жалкою частью выгоды. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Въ ожиданіи этого, душевно сожалѣю, что не познакомилса съ здѣшнимъ музыкальнымъ продавцомъ прежде.

Что до меня собственно, то я не могу пожаловаться на миссъ Ванстонъ. Мы рѣшили, что она будетъ сообщать свой адресъ друзьямъ, обозначая почтовую контору города при

каждой перемѣнѣ мѣста. Кромѣ сообщеній съ сестрой, она свосится еще съ какимъ-то мистеромъ Клеромъ, живущимъ въ Сомерсетширѣ, который служитъ посредникомъ въ перепискѣ ея съ его сыномъ. Тщательные розыски освѣдомили меня, что сынъ этотъ находится теперь въ Китаѣ. Подозрѣвая съ самаго начала, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ какой нибудь джентльменъ, я съ удовольствіемъ узналъ, что онъ пребываетъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Азіи. Пускай пребываетъ тамъ подольше!

Обязанность прискаты имя, подъ которымъ наша даровитая Магдалина могла бы явиться передъ публикой, была возложена на меня. Эта сторона дѣла очень мало интересуетъ ее. „Дайте мнѣ какое угодно имя, говоритъ она:—я столько же имѣю право на одно, какъ и на другое“. Я охотно согласился на ея желаніе. Въ моей коммерческой библиотекѣ находится каталогъ полезныхъ именъ, и мы можемъ выбрать имя въ пять минутъ, когда угнетающій насъ теперь безподобный господинъ будетъ печатать свои объявленія. Объ этомъ я не беспокоюсь, но меня тревожитъ сама прелестная артистка. Я увѣренъ вполне, что она сдѣлаетъ чудеса, если только въ первый вечеръ не случится никакой помѣхи. Но если почта принесетъ ей письмо отъ сестры, я трепещу за послѣдствія.

IV. Хроника за вторую половину декабря.

Даровитая родственница моя начала свои представленія, и положила основаніе нашимъ будущимъ фортунамъ.

Въ первый вечеръ, публики было болѣе чѣмъ я могъ надѣяться. Новость представленія исполненнаго съ начала до конца, безъ всякаго соучастія, одною молодою особой (см. объявленіе) возбудила общее любопытство, и мѣста были достаточно заняты. Къ счастью, въ этотъ день не было письма къ миссъ Вангзонъ. Она была совершенно спокойна до перваго своего наряда и до звонка музыкантамъ. Въ эту критическую минуту она не выдержала. Я засмалъ ее въ горькихъ слезахъ, она лепетала словно ребенокъ: „О, бѣдный, бѣдный папа! Боже, еслибъ онъ видѣлъ меня теперь!“ Опытность моя въ подобныхъ обстоятельствахъ тотчасъ же ска-

зала мнѣ, что тутъ нуженъ пузырекъ съ солью и добрый совѣтъ. Мы настроили ее до тона. А воспламенили ея глазки и нарумянили ея щечки внутреннею краской. Когда подъялась занавѣсъ, она горѣла. Она также бросилась въ дѣло со всего раамаху, какъ въ задней гостиной Розмери-лена. Прежде чѣмъ успѣла она открыть ротъ, наружность ея уже расположила къ ней всѣхъ. Быстро переходила она отъ роли къ роли, пѣла арии, декламировала діалоги, дѣлая ошибки и ни разу не останавливаясь поправлять ихъ, вихремъ кружа съ собою публику и ни разу не прерывая себя въ ожиданіи аплодисментовъ. Все представленіе кончилось двадцатью минутами раньше чѣмъ мы разчитывали. Она дотянула его до конца и, какъ только спустилась занавѣсъ, упала въ изнеможеніи на диванъ за сценой. Такъ какъ музыкальный продавецъ совершенно растерялся отъ изумленія, а у меня не было приличнаго костюма, то мы послали доктора извиниться передъ публикой, которая не переставала вызывать ее. Я подшепнулъ нашему врачебному оратору нѣсколько ловкихъ словъ иза-за занавѣси, и никогда въ жизни не слыхалъ я подобныхъ аплодисментовъ отъ такого сравнительно незначительнаго собранія. Дань эту чувствовалъ я,—чувствовалъ глубоко. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ городѣ, собиралъ я жалкія крохи посредствомъ чтенія газетъ (съ объяснительными примѣчаніями) посѣтителемъ одного трактира. И вотъ теперь я на вершинѣ древа.

Нѣтъ подобности говорить, что прежде всего я счелъ нужнымъ отдѣлаться отъ музыкальнаго торговца. Онъ явился на другой день, безъ сомнѣнія, съ щедрыми предложеніями продать нашъ уговоръ сверхъ представленій въ Дерби и Ноттингамъ. Ему сказали, что племянница моя не можетъ принять его по нездоровью, а когда онъ спросилъ меня, ему отвѣчали что я не вставалъ еще. Я между тѣмъ, съ большимъ чувствомъ излагалъ это дѣло передъ нашею талантливою Магдалиной. Отвѣтъ ея былъ въ высшей степени удовлетворителенъ. Она не желаетъ ни къ кому идти въ кабаду, тѣмъ болѣе къ человѣку, который безчестно воспользовался ея и моимъ стѣсненнымъ положеніемъ. Она хочетъ оставаться независимою и готова дѣлаться со мною выручкой, до тѣхъ поръ пока ей будутъ нужны деньги и пока ей будетъ это угодно. До сихъ поръ все хорошо. Но объяснен-

ная ею затѣмъ причина лестнаго предпочтенія моея особы, не такъ-то пришлась мнѣ по вкусу. „Не музыкальнаго продавца употребаю я для наведенія нужныхъ мнѣ справокъ, замѣтила она, а васъ.“ Неприятно, что въ упоеніи успѣха, она такъ настойчиво вспоминаетъ объ этихъ справкахъ. Это не обѣщаетъ добраго въ будущемъ; это предвѣщаетъ что-нибудь чертовски дурное.

V. Хроника за январь 1847 г.

Она и въ самомъ лѣлѣ показала когти. Я начинаю побаиваться ее.

По окончаніи ноттингамскихъ представленій (результаты которыхъ превзошли результаты дербійскихъ) я предложилъ,—такъ какъ все дѣло было теперь въ нашихъ рукахъ,—открыть представленія въ Ньюаркѣ. Миссъ Ванстонъ ничего не возражала до тѣхъ поръ пока рѣчь не коснулась времени; тутъ она потребовала, къ моему изумленію, отсрочки новыхъ представленій на недѣлю.

— Да для чего же? спросилъ я.

— Для того чтобы собрать справки, о которыхъ я говорила вамъ въ Йоркѣ, отвѣчала она.

Я тотчасъ же распространился объ опасности отсрочки, представляя ей всевозможные доводы. Она оставалась совершенно непреклонною. Я попытался подѣйствовать на нее финансовою стороною вопроса. Она отвѣчала мнѣ предложеніемъ своей доли сборовъ въ Дерби и Ноттингамѣ, такъ что мнѣ приходилось, сверхъ издержекъ, около двухъ гиней въ день. Удивляюсь тому, кто первый привелъ лошака въ примѣръ упрямства. Какъ мало, должно-быть, человекъ этотъ зналъ женщинъ!

Нечего было дѣлать. Какъ всегда, я записалъ инструкціи. Прежде всего мнѣ слѣдовало узнать мѣстожительство мистера Михаила Ванстона; отъ меня ожидали также, что я узнаю, какъ давно проживаетъ онъ тамъ, и продалъ ли онъ Комбъ-Ревенъ. Потомъ, я долженъ былъ собрать справки о его жизни, о томъ, на что онъ тратитъ свои деньги и кто съ нимъ близокъ, и еще въ какихъ отношеніяхъ къ нему находится сынъ

его, мистеръ Нозль Ванстонъ. Наконецъ, я долженъ былъ открыть не живетъ ли у нихъ какая нибудь дама, родственница или экономка, имѣющая вліяніе на отца или на сына.

Не научи меня моя долгая опытность въ обработкѣ поля человѣческой симпатіи наведенію справочекъ объ обстоятельствахъ людей, я нѣсколько затруднился бы исполненіемъ этихъ порученій въ продолженіе одной недѣли. Но я воспользовался всѣми выгодами моей опытности и явился съ отвѣтами въ Поттингамъ днемъ раньше назначеннаго срока. Записываю ихъ здѣсь, въ должномъ порядкѣ.

1) Мистеръ Михаилъ Ванстонъ находится теперь въ Брайтонѣ, Джерманъ-Плесь, и вѣроятно останется жить тамъ, ибо находитъ тамошній воздухъ по себѣ. Онъ прибылъ въ Лондонъ, изъ Швейцаріи, въ сентябрѣ прошлаго года, и немедленно по прибытіи продалъ Комбъ-Ревенъ.

2) Онъ живетъ скрытно и отчужденно рѣдко выѣзжаетъ и рѣдко принимаетъ у себя. Часть его денегъ въ фондахъ, другая — въ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, акціяхъ пережившихъ панику тысяча восемьсотъ сорокъ шестаго года и быстро поднимающихся въ цѣнѣ. По прибытіи въ Англію, онъ сдѣлалъ нѣсколько выгодныхъ спекуляцій на домахъ. У него есть нѣсколько домовъ въ отдаленныхъ частяхъ Лондона, а также въ нѣсколькихъ приморскихъ мѣстахъ на восточномъ берегу пользующихся теперь расположеніемъ публики.

3) Не легко узнать, кто его близкіе пріятели. Я разыскалъ только два имени. Первое — адмиралъ Бартрамъ, обязанный когда-то мистеромъ Михаиломъ Ванстономъ. Второе — мистеръ Джорджъ Бартрамъ, племянникъ адмирала, пріѣхавшій на короткое время, въ Джерманъ-Плесь. Мистеръ Джорджъ Бартрамъ — сынъ покойной а также скончавшейся сестры мистера Михаила Ванстона. Онъ, значитъ, приходится двоюроднымъ братомъ мистеру Нозлю Ванстону. Мистеръ Нозль Ванстонъ плохъ здоровьемъ, и живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своимъ отцомъ въ Брайтонѣ.

4) У мистера Михаила Ванстона нѣтъ никакой родственницы. Но у него есть экономка, находящаяся въ услуженіи его съ самой смерти его жены и имѣющая большое

вліяніе какъ на отца, такъ и на сына. Она—швейцарская уроженка, пожилыхъ лѣтъ вдова. Зовутъ ее мадамъ Лековтъ.

Миссъ Ванстонъ, выслушавъ отъ меня всѣ эти свѣдѣнія, не сдѣлала никакихъ замѣчаній, и только поблагодарила меня. Я попробовалъ вызвать ее на откровенность. Безуспѣшно; она только поблагодарила меня вторично, и тотчасъ же заговорила о представленіяхъ. Прекрасно. Если она не желаетъ дать мнѣ нужныхъ освѣдомленій, то дѣло ясное: я долженъ самъ добратъся до нихъ.

Кончикъ этой страницы долженъ быть посвященъ дѣловымъ замѣткамъ.

Финансовая вѣдомость за третью январскую недѣлю.

Мѣсто представленій. Ньюаркъ.	Представленій. Два.
Чистый барышъ по отчету	Дѣйствительный чистый барышъ.
25 ф. ст.	32 ф. 10 шил.
Мнимое распредѣленіе барыша.	Дѣйствит. распредѣленіе барыша.
Для миссъ В. 12 ф. 10 ш.	Для миссъ В. 12 ф. 10 ш.
Для себя. 12 — 10 —	Для себя. 20 — — —
Секретный доходъ за недѣлю, или почтительное приношеніе самому себѣ.	
7 ф. 10 шил.	

Подписано

Г. Реггъ.

Скрѣплено

Г. Реггъ.

Теперь мы отправляемся въ Шеффилдъ. На первой февральской недѣлѣ начинаемъ представленія.

VI. Хроника за февраль.

Навыкъ придалъ моей прекрасной родственницѣ увѣренность въ себѣ, которая, какъ я и предсказывалъ, должна была придти со временемъ. Ея ловкость въ перодѣваньи въ различныхъ роляхъ до такой степени поражаетъ зрителей, что тѣ же лица приходятъ въ другой разъ, чтобы добратъся какъ она это дѣлаетъ. Милая слабость англійскаго общества — ненасытность хорошимъ. Публика заставляетъ ее повторять теперь одну изъ ролей,—роль старой дамы, сѣверной уроженки, скопи-

рованной съ той почтенной гувернантки въ домѣ покойнаго мистера Ванстопа, которой я отрекомендовалъ себя въ Комбъ-Ревенѣ. Представленіе этой роли необыкновенно удивляетъ публику. Не мудрено съ тѣхъ поръ какъ я зазналъ сцену, ни разу не видалъ, чтобы девятнадцатилѣтняя дѣвушка съ такимъ совершенствомъ представляла старуху.

Я пишу въ нѣскольکو худшемъ чѣмъ всегда расположеніи духа. Я опасаюсь за будущее. Въ самомъ разгарѣ нашихъ успѣховъ, моя строптивая ученица не забываетъ своихъ семейныхъ дрызгъ. Такимъ образомъ, я завишу отъ первой ивѣющей придти ей въ голову, насчетъ Ванстоновъ, причуды,—я, творецъ ея успѣховъ. Плохо; ей-ей, очень плохо.

Она воспользовалась уже справками, которыя я принужденъ былъ собрать для нея. Она написала два письма къ мистеру Михаилу Ванстону.

На первое письмо не было отвѣта. На второе получилъ отвѣтъ. Ея чертовская ловкость помѣшала мнѣ перехватить его. Позже, уже послѣ того какъ она распечатала и прочла отвѣтъ, я немножко поддѣлъ ее. Я улучилъ минуту, чтобы заглянуть въ конвертъ. Въ немъ лежало только ея собственное возвращенное письмо. Она не изъ тѣхъ, которые спокойно принимаютъ подобныя оскорбленія. Плохо было. Плохо Михаилу Ванстону, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Плохо мнѣ, что очень важно.

VII. Хроника за мартъ.

Послѣ Шеффилда и Манчестера, мы побывали въ Ливерпулѣ, Престонѣ и Ланкастерѣ. Новая переменна въ этой измѣнчивой дѣвушкѣ. Она уже не пишетъ писемъ къ Михаилу Ванстону, но стала не меньше меня самого жадна до денегъ. У насъ бываютъ большіе сборы, и мы заняты до смерти. Не нравится мнѣ эта переменна въ ней: у нея есть дѣлъ, иначе она не стала бы такъ заботиться о наполненіи своего кошелька. Ничто, съ моей стороны,—ни стряпаніе счетовъ, ни самоприношенія, не могутъ помѣшать наполненію этого кошелька. Успѣхъ представленій и собственное ея искусство въ наблюденіи за своими выгодами буквально вынуждаютъ меня быть относительно честнымъ. Ей достается треть доходовъ, несмотря на всѣ мои усиленныя старанія къ предупреденію этого. И это въ мои

годы! Послѣ моей долгой и успѣшной карьеры въ качествѣ „моральнаго агрокультуриста!“ Восклицательные знаки—пустое дѣло, но они заявляютъ здѣсь мои чувства, и я ставлю ихъ.

VIII. Хроника за апрѣль и май.

Мы посѣтили семь болѣе обширныхъ городовъ и находимся теперь въ Бермангамѣ. По свидѣніямъ моихъ записныхъ книжекъ, миссъ Ванстонъ добыла представленіями, до сихъ поръ, огромную сумму, простирающуюся почти до четырехсотъ фунтовъ. Очень возможно, что собственный мой доходъ превышаетъ эту сумму какою-нибудь одною или двумя жалкими сотнями. Но я—творецъ ея успѣховъ, такъ сказать, издатель ея книги, и если кто можетъ считать себя обиженнымъ, такъ конечно я.

Я убѣдился въ вышесказанномъ двадцать девятого числа, то-есть въ годовщину реставраціи моего королевскаго предшественника на полѣ человеческой симпатіи, Карла Второго. Только что успѣлъ я замкнуть свой портфель какъ неблагодарная дѣвушка, обязанная мнѣ своею репутаціей, вошла въ комнату, и объявила мнѣ многорѣчиво, что дѣловыя отношенія наши прекращаются. Не пытаюсь описывать мои чувствованія; передаю только фактъ. Она объявила мнѣ, съ видомъ совершеннаго спокойствія, что нуждается въ отдыхѣ, и что у нея есть новыя цѣли въ виду. Быть-можетъ, я буду нуженъ ей для достиженія этихъ цѣлей; быть-можетъ, она вздумаетъ снова приняться за представленія. Во всякомъ случаѣ, достаточно будетъ намъ сообщить другъ другу свой адресъ, по которымъ мы можемъ списаться въ случаѣ нужды. Не желая покидать меня внезапно, она останется у меня слѣдующій день (воскресеніе) и уѣдетъ въ понедѣльникъ утромъ. Таково было ея многословное объясненіе.

Убѣжденія, какъ зналъ я по опыту, будутъ бесполезны. Власти надъ ней я не могъ имѣть. Въ такихъ обстоятельствахъ, мнѣ нужно было только найти путь, который соотвѣтствовалъ бы моимъ интересамъ, и пойти этимъ путемъ, не теряя бесполезно ни минуты.

Безъ особенно глубокихъ размышленій я могъ убѣдиться, что въ ней глубоко затаенъ какой-то пламень противъ Ми-

хала Ванстона. Она молода, хороша собою, умна и очень рѣшительна; она добыла денегъ на прожитокъ и можетъ располагать временемъ для отысканія слабой стороны старика; она отправляется атаковать врасплохъ мистера Михаила Ванстона законнымъ оружіемъ своего пола. Можетъ ли она нуждаться во мнѣ для подобной цѣли? Едва ли. Не желаетъ ли она просто отдѣлаться отъ меня легчайшимъ способомъ? Быть-можетъ. Но способенъ ли я подчиниться такому обращенію со стороны моей ученицы? Безспорно нѣтъ: я способенъ найти мою дорогу посреди представляющихся возможностей, и вотъ эти возможности:

Или: выразить мое согласіе на ея рѣшеніе, обмѣняться съ нею адресомъ и потомъ слѣдить втайнѣ за всѣми ея дѣйствіями. Или: изъявить нѣжное отеческое безпокойство и пострадать ее сестрою и законникомъ, если она будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи. Или: воспользоваться какъ можно выгоднѣе извѣстными мнѣ уже свѣдѣніями, и вступить въ сдѣлку съ мистеромъ Михаиломъ Ванстономъ. Въ настоящую минуту, я расположенъ всего болѣе къ третьей изъ этихъ возможностей. Но рѣшеніе это слишкомъ важно, и я не могу торопиться. Сегодня только двадцать девятое. Прерываю хронику до понедѣльника.

Мая 31-го. И мои предположенія, и ея планы рухнули вмѣстѣ.

По обыкновенію, послѣ чаю принесли газеты. Я проглядѣлъ ее и, между объявленіями о смерти, нашелъ слѣдующую знаменательную статью:

„29-го числа сего мѣсяца, скончался въ Брайтонѣ, Михаилъ Ванстонъ, эсквайръ, прибывшій изъ Цюриха; 77 лѣтъ.“

Миссъ Ванстонъ была въ комнатѣ, когда я прочелъ эти двѣ поразительныя строчки. Она уже надѣла шляпку; вещи были уложены; она нетерпѣливо ожидала времени отъѣзда. Безмолвно передалъ я ей журналъ. Безмолвно взглянула она на указанное мною мѣсто и прочла вѣсть о смерти Михаила Ванстона.

Журналъ выпалъ изъ ея рукъ; быстро опустила она свой вуаль. Я взглянулъ на ея лицо прежде чѣмъ она успѣла закрыть его отъ меня. Произведенное на меня впечатлѣніе было страшно. Чтобъ описать его съ моими обычнымъ юморомъ, скажу, что, судя по ея лицу, самый разумный посту-

покъ, совершенный въ жизни Михаиломъ Ванстономъ. проживавшимъ прежде въ Цюрихъ, былъ поступокъ совершенный имъ въ Брайтонѣ, 29-го числа сего мѣсяца.

Находя мертвое молчаніе наше крайне неприятнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, я счелъ нелишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Чувство собственнаго интереса снабдило меня сюжетомъ. Я заговорилъ о представленіяхъ.

— Послѣ случившагося, проговорилъ я, — мы будемъ, вѣроятно, продолжать попрежнему наши представленія?

— Нѣтъ, отвѣчала она, не поднимая вуаля. — Мы будемъ продолжать наши справки.

— Справки объ умершемъ?

— Справки о сынѣ умершаго.

— О мистерѣ Ноэлѣ Ванстонѣ?

— О мистерѣ Ноэлѣ Ванстонѣ.

Не имѣя вуаля, чтобы закрыть свое лицо, я нагнулся и взялъ журналъ. На минуту я потерялся было отъ ея чертовской рѣшимости. Я долженъ былъ собраться съ духомъ прежде чѣмъ заговорилъ съ нею снова.

— Новыя справки также невинны, какъ и старыя? спросилъ я.

— Совершенно.

— Чтò же долженъ я узнать?

— Я желаю знать остается ли мистеръ Ноэль Ванстонъ въ Брайтонѣ послѣ похоронъ.

— А если нѣтъ?

— Если нѣтъ, я желаю знать его новый адресъ.

— Такъ. А потомъ?

— Я желаю, чтобы вы узнали затѣмъ всѣ ли отцовскія деньги переходятъ къ сыну.

Я начиналъ понимать ея намѣреніе. Слово деньги облегчило меня; я почувствовалъ себя на знакомой почвѣ.

— Еще что-нибудь? спросилъ я.

— Еще одно, отвѣчала она. — Узнайте пожалуста хорошенько, остается ли экономка, мистриссъ Леконтъ, въ услуженіи мистера Ноэля Ванстона.

Голосъ ея слегка измѣнился, когда она произносила имя мистриссъ Леконтъ: она, очевидно, настолько умна, что уже опасается экономки.

— Плата мнѣ попрежнему? спросилъ я.

— Попрежнему.

— Когда же сѣдуетъ мнѣ отправиться въ Брайтонъ?
— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Она поднялась и оставила комнату. Послѣ минутнаго недоумѣнія, я рѣшился исполнить новое порученіе. Чѣмъ секретнѣе будутъ справки моей прекрасной родственницы, тѣмъ труднѣе будетъ ей отдѣлаться отъ преданнаго ей Горація Регга.

Ничто не мѣшаетъ завтрашнему отъѣзду моему въ Брайтонъ. Итакъ завтра я ѣду. Если мистеръ Нозль Ванстонъ наследуетъ имущество своего отца, то онъ — единственное человеческое существо обладающее финансовою благодатью и не возбуждающее во мнѣ чувства неутолимой зависти.

IX. Хроника за іюнь.

9-го числа. Вчера возвратился я съ моими свѣдѣніями Тайкомъ занюху ихъ сюда, для будущихъ соображеній:

Мистеръ Нозль Ванстонъ оставилъ вчера Брайтонъ, и перѣѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ, въ одинъ изъ незапамятныхъ домовъ отца, на Вокзалъ-Вокъ, въ Ламбетъ. — Этотъ, замѣчательно скромный выборъ мѣстожителства со стороны человека съ состояніемъ, показываетъ, что мистеръ Нозль Ванстонъ любитъ денежки.

Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ мистеръ Нозль Ванстонъ наследовалъ своему отцу. Мистеръ Михаилъ Ванстонъ скончался, — что очень странно, — подобно мистеру Андрею Ванстону, безъ завѣщанія. Различіе лишь въ томъ, что старшій братъ оставилъ недѣйствительное завѣщаніе, а старшій не оставилъ завѣщанія вовсе. Самые твердые люди имѣютъ свои слабости, и слабость мистера Михаила Ванстона заключалась, кажется, въ непреодолимомъ ужасѣ передъ мыслию о смерти. Его сынъ, его эконожка и повѣренный по дѣламъ пытались всѣ, нѣсколько разъ, заставить его сдѣлать завѣщаніе, но не могли преодолѣть его упрямой рѣшимости не исполнять этой обязанности, — единственной обязанности касавшейся денежныхъ дѣлъ, которою онъ пренебрегалъ. Два врача ходили за нимъ въ его послѣдней болѣзни, предупреждали его что онъ слишкомъ старъ и едва ли перенесетъ ее, но предупреждали напрасно. Онъ объявилъ свое твердое рѣшеніе не

умирать. Послѣднія предсмертныя слова его были (какъ узналъ я отъ сдѣлаки, помогавшей мистриссъ Леконтъ)— „мнѣ каждую минуту становитея лучше; пошлите сейчасъ за каретой и свозите меня покататься.“ Въ эту самую ночь смерть взяла свое, и сынъ его (у него только одинъ сынъ) остался законнымъ наслѣдникомъ имущества. Никто не сомнѣвается, что вышло бы то же самое, еслибъ и сдѣлаво было завѣщаніе. Отецъ и сынъ вполнѣ довѣряли другъ другу и жили всегда вмѣстѣ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Мистриссъ Леконтъ оставалась у мистера Ноэля Вансто-на въ качествѣ экономки, какъ и у отца, и отправилась съ нимъ въ Вокзалль-Вокъ. Думаютъ что она осталась недовольна. Еслибы мистеръ Михаилъ Ванстонъ сдѣлаъ завѣщаніе, то она, безъ всякаго сомнѣнія, получила бы порядочную долю наслѣдства. Теперь она зависитъ отъ благодарности мистера Ноэля Ванстона и, какъ я думаю, далеко не прочь поддерживать въ немъ какъ сдѣдуетъ это чувство. Не могу пока еще сказать, къ мести ли, къ деньгамъ ли стремится моя прекрасная родственница. Во всякомъ случаѣ, я могу предсказать, что она встрѣтитъ въ мистриссъ Леконтъ порядочное затрудненіе на пути.

Таковы собранныя мною до сихъ поръ свѣдѣнія. Миссъ Ванстонъ, при полученіи ихъ, обнаружила самое неблаго-дарное недовѣріе ко мнѣ. Она не подѣлилась со мною своимъ впечатлѣніемъ, а только высказала свою совершеннѣйшую признательность. Хитрая дѣвушка, дьявольска хитрая. Но она имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который про-зывается Реггомъ.

Ни слова болѣе не было сказано на счетъ представленій, ни слова также на счетъ переѣзда съ нашего настоящаго мѣстожительства. Прекрасно. Моя правая рука готова держать пари съ лѣвой. Ставлю десять противъ одного, что она вступитъ въ переписку съ сыномъ, какъ вступила съ отцомъ. Десять противъ одного, что она напишетъ къ Ноэлю Ванстону еще до исхода этого мѣсяца.

21 числа. Она отправила письмо съ сегодняшней почтой. Письмо должно быть большое потому что она наклеила на него двѣ почтовые марки. (Приватная замѣтка про себя: ждать отвѣта.)

22, 23, 24. Продолженіе приватной записки. Ждать отвѣта.

25. Отвѣтъ пришелъ. Какъ эксъ-военный, я натурально употребилъ нѣкотораго рода стратагему, чтобы перехватить его. Успѣхъ, награждающій настойчивость, наградила и меня: мнѣ удалось перехватить отвѣтъ.

Письмо написано не мистеромъ Нозлемъ Ванстономъ, а мистриссъ Деконтъ. Возносясь до самыхъ возвышенныхъ началъ нравственности, рѣчь ея дышетъ однако нѣкоторою злобною вѣжливостью. Слабое здоровье и тяжесть недавней потери не позволяютъ самому мистеру Нозлю Ванстону отвѣчать на полученное имъ письмо. Другія письма отъ миссъ Ванстонъ будутъ возвращаемы не вскрытыми. Личныя обращенія вызовутъ немедленное обращеніе къ покровительству закона. Мистера Нозля Ванстона сильно предостерегаю противъ миссъ Магдалины Ванстонъ покойный оплакиваемый имъ отецъ, и онъ не забылъ еще его совѣта. Предполагать, что образъ его дѣйствій относительно дѣвицы Ванстонъ будетъ разногласить съ образомъ дѣйствій отца, значить бросать тѣнь на почтенное имя лучшаго изъ людей. Все это поручилъ онъ мистриссъ Деконтъ написать. Она же старается выразаться самымъ примирительнымъ языкомъ; она хочетъ устранить ненужную непріятность, называя миссъ Ванстонъ (изъ любезности) семейнымъ именемъ, и надѣется, что эта деликатность, говорящая сама за себя, будетъ оценена какъ слѣдуетъ. (Такова сущность письма, таковъ его конецъ.)

Два заключенія вывожу я изъ этого небольшого документа. Первое то, что онъ породитъ много зла. Второе, что мистриссъ Деконтъ, несмотря на всю свою вѣжливость, очень опасная женщина. Мнѣ хотѣлось бы ясно видѣть передъ собою мой путь. Пока еще не вижу.

29 числа. Миссъ Ванстонъ оставила меня, а съ ней оставила меня и всѣ доходы отъ драматическихъ представленій. Меня надули, единственнаго человѣка на землѣ который можетъ писать о себѣ въ такихъ неблагоприличныхъ выраженіяхъ,—меня надули!

Выскажу здѣсь, какъ было дѣло. Оно представляетъ меня съ самой несчастной точки зрѣнія, но натура человѣка беретъ свое: я долженъ записать какъ было дѣло.

Извѣстіе о ея близкомъ отъѣздѣ было сообщено мнѣ вчера. Послѣ новыхъ вѣжливыхъ изъявленій благодарности за со-

бранныя мною въ Брайтонѣ свидѣнія, она намекнула, что необходимо повести немагого далѣе наши справки. Я тотчасъ же вызвался взяться за нихъ, какъ и прежде.

— Нѣтъ, сказала она:—это не по вашей части. Справки касаются женщины, и я думаю заняться ими сама!

Убѣжденный въ душѣ, что это новое рѣшеніе мѣтитъ на мистриссъ Леконтъ, я рискнулъ сдѣлать нѣсколько невинныхъ вопросовъ. Она спокойно отказалась отвѣчать на нихъ. Я спросилъ потомъ, когда намѣрена она ѣхать. Она намѣрена ѣхать двадцать втораго. Куда? Въ Лондонъ. Надоело? Вѣроятно, нѣтъ. Одна? Нѣтъ. Со мною? Нѣтъ. Съ кѣмъ же? Съ мистриссъ Реггъ, если я не противъ этого. Боже милосердый! Для чего же? Для того чтобы найди себѣ приличное помѣщеніе, что будетъ легче въ сопровожденіи пріятельницы болѣе почтенныхъ лѣтъ. А меня, „пріятеля почтенныхъ лѣтъ“, значить бросають совсѣмъ? Объ этомъ нельзя сказать теперь ничего опредѣленнаго. Не вуженъ ли я для пересылки писемъ, которыя могутъ придти къ ней по нашему теперешнему адресу? Нѣтъ; она сама распорядится объ этомъ въ почтовой конторѣ; меня же просить дать ей адресъ, по которому могла бы писать мнѣ въ случаѣ нужды. Послѣ этого дальнѣйшіе разспросы не повели бы ни къ чему, кромѣ потери времени. Воздержавшись отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, я сберегъ время.

Ясно было, что наши теперешнія отношенія стали похожи на наши отношенія до полученія извѣстія о смерти Михаила Ванстона. Какъ и тогда, я сталъ соображать альтернативы. Какой путь предписываютъ мнѣ мои собственныя выгоды? Долженъ ли я ожидать, что она снова обратится ко мнѣ, что я ей опять понадобится? Попугать ли ее внимательствомъ ея родственниковъ и друзей? Или, благодаря извѣстнымъ мнѣ свидѣніямъ, вступить въ сдѣлку съ богатою отраслюю фамилію? Третью изъ этихъ возможностей выбралъ я имѣя въ виду отца. Теперь выбираю ее опять имѣя въ виду сына.

Четыре часа тому назадъ отошелъ поѣздъ въ Лондонъ, и увезъ ее въ сопровожденіи мистриссъ Реггъ. Жена моя, бѣдняга, слишкомъ глупа для того чтобы оказать мнѣ дѣятельную помощь въ настоящихъ обстоятельствахъ; но она окажетъ мнѣ пассивную помощь, поддерживая мои сношенія съ миссъ Ванстонъ, и, въ уваженіе къ этому-то, я

ласился самъ чистить свои штаны, брить свой подбородокъ и подчивиться на время другимъ неудобствамъ хожденія за самимъ собою. Легкіе проблески смысла, нѣкогда озарявшіе голову мистриссъ Реггъ, покинули ее теперь окончательно. Получивъ позволеніе вѣзть въ Лондонъ, она задала намъ тотчасъ два вопроса. Можно ли ей будетъ сдѣлать нѣсколько покупокъ? Можно ли ей оставить дома поваренную книжку? Миссъ Ванстонъ отвѣчала *да* на одинъ вопросъ, я отвѣчалъ *да* на другой, и съ этой минуты мистриссъ Реггъ находилась въ состояніи непрерывнаго разгула. Я охрипъ отъ недѣйствительности моихъ вокальныхъ усилій надъ нею. Однако теперь глупость бѣдной жены моей можетъ привести къ послѣдствіямъ непредвидѣваемымъ ни кѣмъ изъ насъ. Она ни болѣе, ни менѣе какъ взрослый ребенокъ, и поэтому-то самому миссъ Ванстонъ довѣряетъ ей болѣе чѣмъ стала бы довѣрять болѣе умной женщинѣ. Я знаю дѣтей, малыхъ и большихъ лучше чѣмъ моя прекрасная родственница, и говорю: остерегайтесь всѣхъ видовъ человѣческой невинности, когда хотите сохранить тайну.

Возвратимся къ дѣлу. Итакъ, вотъ въ два часа, однимъ прекраснымъ лѣтнимъ днемъ, остаюсь я совершенно одинъ, съ заботой объ отысканіи удобнѣйшаго средства—сойдись, въ собственномъ моемъ интересѣ, съ мистеромъ Нозлемъ Ванстономъ. Мои подозрѣнія касательно его скупости не лишаютъ меня мужества. Въ своей жизни я извлекалъ очень пріятные финансовыя результаты изъ людей не менѣе его пристрастныхъ къ деньгамъ. Главное затрудненіе—мистриссъ Леконтъ. Если не ошибаюсь, госпожа эта заслуживаетъ нѣкотораго серіознаго вниманія съ моей стороны. Копчаю мою сегодняшнюю хронику, и воздаю должное этой дамѣ.

Три часа. Снова обращаюсь къ этимъ страницамъ, чтобы завести на нихъ открытіе поразившее меня своею неожиданностію.

Кончивъ послѣдній параграфъ, я вспомнилъ одно обстоятельство, замѣченное мною при сегодняшнихъ проводахъ дамъ. Я видѣлъ, что миссъ Ванстонъ взяла съ собою одинъ изъ своихъ дорожныхъ сундуковъ; мнѣ пришло въ голову, что осмотръ оставленныхъ ею вещей можетъ быть не бесполезенъ. Занимавшись въ нѣкоторые періоды

моей жизни чужими замками, а безъ затрудненія справился съ сундуками миссъ Ванстоуъ. Одинъ изъ двухъ не представлялъ для меня ничего интереснаго. Другой же, въ которомъ хранились костюмы, туалетныя вещи и другія специическія принадлежности, оказался болѣе достойнымъ моего изслѣдованія: онъ привелъ меня къ открытію одной изъ тайнъ его обладательницы.

Я нашелъ въ сундукѣ все платье, за однимъ знаменательнымъ исключеніемъ. Въ немъ не было костюма для роли старой дэмы, сѣверной уроженки,—роли, исполнявшейся моею ученицей, какъ я уже упоминалъ, лучше всѣхъ другихъ, и скопированной, въ голосъ и приемахъ, съ ея старой гувернантки, миссъ Гартъ. Парикъ, накладныя брови, шляпа и вуаль, манто, подбитое ватой для обезображенія ея спины и плечь, краски и косметическія принадлежности, употреблявшіяся для приданія лицу старовидности и для измѣненія цвѣта его, все это уѣхало. Осталось только платье изъ испещренной цвѣтами шелковой матеріи, довольно полезной при представленіяхъ, но слишкомъ оригинальной цвѣтомъ и узоромъ при дневномъ свѣтѣ. Другія части костюма годны для употребленія; шляпа и зонтикъ только немного старомодны, да манто скромнаго сѣренькаго цвѣта. Изъ этого открытія я дѣлаю одинъ лишь выводъ. Такъ же вѣрно, какъ я сижу на этомъ мѣстѣ, что она уѣхала начать свою атаку противъ Нозла Ванстоуа и мистриссъ Леконтъ, подъ видомъ, котораго никто изъ нихъ не заподозритъ сначала,—подъ видомъ миссъ Гартъ.

Что же дѣлать мнѣ въ этихъ обстоятельствахъ? Открывъ тайну, что мнѣ дѣлать съ нею? Соображенія эти довольно сложны; рѣшеніе нѣсколько затрудняетъ меня.

Не одинъ лишь тотъ фактъ, что мы нашли нужнымъ перерядиться для достиженія своихъ цѣлей, беспокоитъ меня въ настоящую минуту. Сотни дѣвушекъ переряжаются и сотни примѣровъ этого разказываются ежегодно въ газетахъ. Но мою эксъ-ученицу нельзя ни на минуту смѣшивать съ массою газетныхъ показательницъ приключеній. Она способна пойдти далеко выше пустой фантазіи одѣться въ мужской костюмъ и подражать мужскому голосу и приемамъ. Въ ней есть природный талантъ принимать на себя разные роли, какого я никогда не востѣчалъ въ женщинахъ; она играла передъ публикой пока

не почувствовала собственной силы и не довела своего таланта въ переодѣваніяхъ до высшей степени. Дѣвушка, которая съ помощію этой способности нападаетъ въ распахъ на самыхъ хитрыхъ людей для достиженія своихъ тайныхъ цѣлей, и которая подкрѣпляетъ эту способность твердою рѣшимостію достичь своей цѣли, — рѣшимостію, преодолевавшую всѣ затрудненія до сихъ поръ, способна рѣшиться на какое-нибудь новое и опасное средство обогащенія, могущее тѣмъ или другимъ путемъ привести къ очень важнымъ послѣдствіямъ. Таковое мое убѣжденіе, основанное на обширной моей опытности въ искусствѣ проводить моихъ ближнихъ. Я высказываю здѣсь о предпріятіи моей прекрасной родственницы то чего я никогда не говорилъ и не думалъ до открытія орудка. Шансы въ пользу и противъ ея побѣды въ этой битвѣ о возвращеніи утраченнаго состоянія до того равны въ настоящее время, что я никакъ не могу рѣшить, на которую сторону склонятся вѣсы. Я могу сказать только что они навѣрно склонятся на ту или на другую сторону въ тотъ самый день, когда она перешагнетъ, перереженная, черезъ порогъ дома Нозля Ванстона.

Какой путь указываютъ мнѣ теперь мои выгоды? Честное слово, не знаю.

Пять часовъ. Я придумалъ искусную сдѣлку; я рѣшился служить и нашимъ, и вашимъ.

Съ сегодняшнею почтой я послалъ, въ Лондонъ, безымянное письмо къ мистеру Нозлю Ванстону. Оно будетъ отправлено по назначенію тѣмъ же путемъ, который удача мнѣ съ мистеромъ Пендрилемъ, и придетъ въ Вокзалъ-Вокъ, въ Ламбетъ, не позже какъ завтра по полудни.

Письмо мое не многорѣчиво. Оно объявляетъ мистеру Нозлю Ванстону, въ самомъ страшномъ тогѣ, что онъ можетъ сдѣлаться жертвою козней, и что зачинщица ихъ та самая молодая особа, которая уже сносилась письменно съ его отцомъ и съ нимъ самимъ. Оно обѣщаетъ ему свѣдѣнія необходимыя для обезпеченія его безопасности, съ условіемъ, что онъ какъ слѣдуетъ вознаградитъ автора письма за серьезную опасность, которой подвергаетъ послѣдняго сообщеніе свѣдѣній. Письмо кончается требованіемъ чтобъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ объявленіяхъ газеты *Times*, съ адресомъ „Неизвѣстному другу“, и съ

яснымъ обозначеніемъ вознагражденія, какое мистеръ Нозль Ванстонъ намѣренъ предложить за общаему неоцѣненную услугу.

Письмо это, если не встрѣтится никакихъ неожиданныхъ complicацій, ставитъ меня именно въ положеніе, указываемое мнѣ моими теперешними интересами. Если появится объявленіе, и если вознагражденіе будетъ достаточно велико, чтобы переманить меня въ непріятельскій лагерь, я перебѣгу. Если не явится объявленіе, или если мистеръ Нозль Ванстонъ оцѣнитъ слишкомъ низко мою неоцѣнимую помощь, я остаюсь здѣсь, въ ожиданіи пока не понадобится моей прекрасной родственницѣ, или пока не заставлю ее нуждаться во мнѣ, что выходитъ одно на одно. Если безымянное письмо попадетъ какимъ-нибудь образомъ въ ея руки, то она найдетъ въ немъ оскорбительныя намеки на меня, нарочно помѣщенные, чтобы заставить ее думать, будто авторъ письма одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ обращаюсь я для справокъ. Если мистриссъ Деконтъ захватитъ дѣло въ свои руки, и разставитъ мнѣ силки, я откажусь отъ ея искусительнаго приглашенія, и брошу дѣло какъ только вмѣшается въ него посторонняя особа. Каковъ бы ни былъ результатъ, я готовъ воспользоваться имъ; да, спокойный и обезпеченный совершенно и отсюда и отсюда, я жду его, „моральный земледѣлецъ“, съ глазами устремленными на обѣ жатвы, [и съ готовою на все косою надувателя.

На будущей недѣлѣ газеты будутъ для меня интереснѣе чѣмъ когда-либо. Не знаю, на какую сторону перепаду я?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

I. Вокзалъ-Вокъ.

Древній архіепископскій дворецъ въ Ламбетъ, выси- щійся на южномъ берегу Темзы, съ его епископскою до- рогой, садомъ и террасой обращенной къ рѣкѣ, соста- вляетъ архитектурный памятникъ Лондона первыхъ вре- менъ, драгоценный для всѣхъ любителей живописнаго, въ

современномъ утилитарномъ Лондонѣ. Къ югу, отъ этого внушающаго почтеніе зданія простирается лабиринтъ Ламбетскихъ улицъ, и почти въ серединѣ путаницы строеній лежащихъ ближе къ рѣкѣ идетъ грязный двойной рядъ домовъ; теперь, какъ и прежде, называющійся Вокзалль-Воконъ.

Сѣтъ угрюмыхъ улицъ, растягающаяся въ окружности, заключаетъ въ себѣ по большей части самое бѣдное населеніе. Въ проездахъ, напоменныхъ лавками, нужда открыто заявляется на грязной мостовой, и, собираясь съ силами всю недѣлю, растрчиваетъ ихъ въ волненіи субботняго вечера, чтобы встрѣтить воскресное утро въ пасмурномъ полусвѣтѣ газа. Бѣдныя женщины, съ невѣдающими улыбки лицами бродятъ у мясныхъ лавокъ, крѣпко сжимая въ рукахъ остатки мужиныхъ заработковъ спасенныхъ отъ пивныхъ лавокъ, въ крѣпко сжатыхъ рукахъ, пожирая глазами мясо, жадно трогая его пальцами, подобно тому какъ трогаютъ брилліанты пальцы ихъ богатыхъ сестеръ.

Въ такомъ сосѣдствѣ, Вокзалль-Вокъ выигрываетъ отъ сравненія, и заявляетъ притязаніе на порядочность, которой не можетъ не признать за нимъ безпристрастное наблюденіе. Бѣольшая часть улицы состоитъ изъ частныхъ домовъ. Разбросанныя кое-гдѣ лавки не окружаются толпой, какъ въ болѣе людныхъ улицахъ. Шумной торговли здѣсь нѣтъ, покупатели не приглашаются здѣсь громкими зазывами. Продавцы птицъ оцѣнили этотъ покой, и воркованіе голубей, и чириканіе канареекъ раздаются въ Вокзалль-Вокѣ. Подержанныя телѣжки и кареты, старенькія кровати, разрозненные колеса, кому что понадобится, все это выйдете вы здѣсь въ одномъ мѣстѣ. Одна изъ побочныхъ вѣтвей великаго потока газа, освѣщающаго Лондонъ, выходитъ съ расположенныхъ здѣсь заводовъ. Здѣсь, послѣдователи Джона Веслея воздвигли храмъ, сооруженный еще до обращенія методистовъ къ принципамъ зодческой религіи. И здѣсь же, что всего поразительнѣе, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ горѣли нѣкогда тысячи огней, гдѣ прелестные звуки музыки наполняли мелодіей всю ночь до разсвѣта, гдѣ, въ продолженіи стоаѣтій, все что было прекраснаго и моднаго въ Лондонѣ, пировало и танцовало въ лѣтній „сезонъ“, въ настоящее время, разсти-

дается страшный пустырь съ грязью и мусоромъ, покинутый гниющимъ трупъ Вокзальскихъ садовъ.

Въ тотъ день, когда капитанъ Реггъ занесъ послѣдній параграфъ въ свою хронику, у окна одного изъ домовъ Вокзалъ-Вока показалась женщина, и сняла со стекла прилѣпленное къ нему печатное объявленіе объ отдачѣ въ наемъ квартиры. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ перваго этажа. Онѣ только что были наняты на недѣлю двумя заплатившими впередъ дамами, именно Магдалиной и мистриссъ Реггъ.

Какъ только хозяйка дома ушла, Магдалина приблизилась къ окну и украдкой оглянула противоположный рядъ домовъ. Они казались обширнѣе и красивѣе остальныхъ строеній улицы: время ихъ сооруженія, 1759 годъ, было означено на одномъ изъ нихъ. Отступая нѣсколько отъ тротуара, они отдѣлялись отъ него узкимъ палисадникомъ. Эта особенность, вмѣстѣ съ шириной улицы, не позволяла Магдалинѣ различать номеровъ на дверяхъ и видѣть болѣе чѣмъ общія очертанія подходившихъ къ окну лицъ. Несмотря на это, она продолжала стоять, пытливо устремивъ глаза на одинъ изъ домовъ, который находилась почти прямо противъ нее, который она запримѣтила еще прежде вступленія въ свою квартиру и въ которомъ въ настоящее время обитали Нозль Ванстовъ и мистриссъ Леконтъ.

Прождавъ молча у окна минутъ десять, она вдругъ обернулась, чтобы взглянуть какое впечатлѣніе на спутницу производитъ ея поведеніе.

Ни малѣйшихъ опасеній не могла возбудить ея спутница. Мистриссъ Реггъ сидѣла у окна, занятая раскладкой пестрыхъ объявленій и заманчивыхъ преисъ-курантовъ, брошенныхъ въ окно извошчицей кареты, при ихъ отъѣздѣ со станціи желѣзной дороги. „Вотъ все говорятъ: легкое чтеніе, легкое чтеніе!“ произнесла мистриссъ Реггъ, не переставая перебирать и передвигать объявленія, какъ ребенокъ неутомимо возищійся съ новыми игрушками. „Вотъ оно легкое чтеніе, отпечатано красками. Тутъ всѣ вещи, которыя я пойду покупать завтра по лавкамъ. Одолжите намъ, пожалуйста, карандашикъ,—не сердитесь вы на меня за это, нѣтъ? Мнѣ хотѣлось бы помѣтить ихъ.“ Она посмотрѣла на Магдалину, весело смѣясь надъ переменой своихъ обстоятельствъ и съ

неудержимымъ восторгомъ хлопая своими большими руками по столу. „Нѣтъ поваренной книжки! воскликнула мистриссъ Реггъ:—не жужжить въ головѣ, капитана брить завтра не надо! Хожу себѣ на пяткахъ, чепчикъ на бекрень, и никто не кричитъ на меня! Сердце радуется! Вотъ праздникъ такъ праздникъ!“— Она принялась барабанить по столу громче обыкновеннаго, пока Магдалина не подала ей карандаша. Мистриссъ Реггъ тотчасъ же опомнилась и, облокотясь на столъ локтями, погрузилась на весь вечеръ въ думы о своемъ завтрашнемъ хожденіи по лавкамъ.

Магдалина снова подошла къ окну. Она взяла стулъ, сѣла позади занавѣси и еще разъ пристально устремила глаза свои на противоположный домъ.

Въ окнахъ перваго и втораго этажа сторы были опущены. Сторы не было на полуотворенномъ окнѣ жилой комнаты внизу. Въ сосѣднихъ домахъ, двери открывались и затворялись; народъ входилъ и выходилъ; дюжины дѣтей выскакивали играть на мостовую и производили набѣги на маленькіе палисадники, ища потерянныхъ мячиковъ и волановъ; потоки проходящаго люда непрерывно двигались назадъ и впередъ; высоко нагруженные тяжелые возы загромаживали улицу, направляясь къ сосѣдней станціи желѣзной дороги или отъ нея; всюду волновалась дневная жизнь въ своей неутомимой дѣятельности; одно лишь мѣсто составляло исключеніе. Проходили часы, а противоположный домъ оставался все запертъ, все чуждъ всякихъ признаковъ человѣческой жизни, какъ внутри такъ и снаружи Единственная цѣль, побудившая Магдалину лично отправиться въ Воквалль-Вокъ,—изученіе житья-бытья мистриссъ Леконтъ и ея хозяина изъ потаеннаго уголка, оказывалась до сихъ поръ неудободостигаемою. Послѣ трехчасоваго наблюденія у окна, она не могла даже распознать, живетъ ли кто въ домѣ.

Около шести часовъ, хозяйка вошла со скатертью для обѣда и прервала занятіе мистриссъ Реггъ. Магдалина помѣстившись за столомъ такъ чтобы можно было видѣть все происшедшее на улицѣ. Однако попрежнему ничего не оказывалось. Обѣдъ кончился; мистриссъ Реггъ (убаюканная наркотическимъ дѣйствіемъ помѣтки объявленій и употребленіемъ пищи и питія съ особеннымъ аппетитомъ, усиленнымъ вслѣдствіе отсутствія капитана) усѣ-

лась въ кресло и заснула въ такомъ положеніи, которое причинило бы ей мужу острѣйшія умственныя страданія. Прошло семь часовъ; тѣни лѣтняго вечера стали ложиться на стѣну мостовую и стѣны домовъ, а запертыя двери насупротивъ все не отворялись, а открытое окно все обнаруживало лишь темную пустоту комнаты, безжизненной и неизмѣнной будто могла.

Сопѣніе мистриссъ Реггъ становилось громче и громче; опускалась уже ночь, и только ровно въ восемь часовъ показались насупротивъ признаки жизни. Дверь противоположнаго дома отворилась въ первый разъ, и на порогѣ явилась женщина.

Была ли то мистриссъ Леконтъ? Нѣтъ. Когда она подошла ближе, по платью оказалось что это служанка. Она держала въ рукахъ большой ключъ отъ наружной двери, и очевидно, была послана съ какимъ-нибудь порученіемъ. Подстрекаемая частію любопытствомъ, частію волненіемъ минуты, разжигавшимъ ее горячую натуру послѣ многихъ часовъ бездѣйствія, Магдалина поспѣшно надѣла свою шляпу и рѣшилась послѣдовать за горничной, куда бы та ни пошла.

Горничная привела ее къ сосѣдней большой проѣзжей улицѣ, наполненной лавками и называемой Ламбетъ-Вокъ. Пройдя нѣкоторое пространство и осмотрѣвшись съ нервностію челоѣка не хорошо знакомаго съ мѣстностію, служанка перебралась на другую сторону улицы и вошла въ лавку продавца письменныхъ матеріаловъ. Магдалина послѣдовала за ней и также вошла въ лавку.

Магдалина не могла разслышать чего требовала служанка. Первые слова продавца достигли однако до нея и извѣстили ее, что той нужно купить „Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ.“

— За этотъ мѣсяць или за іюль? спросилъ ее продавецъ.

— Баринъ не оказалъ мнѣ за который, отвѣчала служанка.— Я знаю только, что онъ уѣзжаетъ изъ города послѣзавтра.

— Послѣзавтра будетъ первое іюля, змѣтилъ продавецъ.— Вашему барину нуженъ, значить, „Путеводитель“ на будущій мѣсяць. Раньше завтрашняго дня онъ не выйдетъ.

Общая зайдти на другой день, служанка оставила лавку и направилась обратно въ Вокзалъ-Вокъ.

Магдалина купила въ лавкѣ первую попавшуюся ей на

глаза бездѣлку и быстро направилась туда же. Узнавное ея теперь обстоятельство было очень для ней важно: оно показывало ей необходимость дѣйствовать безъ малѣйшаго замедленія.

Въ лицевой комнатѣ, она застала только что проснувшуюся мистриссъ Реггъ, которая не очнулась еще отъ дремотной забывчивости и потеряла съ одной ноги башмакъ. Магдалина убѣдила ее, что она устала съ дороги и что было бы всего лучше для нея лечь спать. Мистриссъ Реггъ совершенно соглашалась съ этимъ, и желала только срыгнуть сначала свой башмакъ. Но ища башмакъ, она къ несчастію замѣтила аффишки, лежавшія на столѣ, и вспоминала о своихъ прежнихъ занятіяхъ.

— Ахъ, дайте-ка намъ карандашикъ, проговорила мистриссъ Реггъ, торопливо комкая аффишки.—Я еще не могу ложиться; а еще не помѣтила и половины того что мнѣ надобно. Позвольте, на чемъ я остановилась? *Испытайте Финчевы роужки для кормленія дѣтей.* Нѣтъ! тутъ поставленъ крестъ: крестъ значитъ, что мнѣ не надо этого. *Удобство въ полѣ. Беклеровы неистребимыя охотничьи панталоны.* Ахъ, Боже мой, Боже мой! я потеряла мѣсто. Ахъ, нѣтъ, не потеряла! Вотъ оно; вотъ моя черточка. *Изящныя кашмировыя платья; совершенно восточныя, большаго размѣра; цѣна понижена до 1 фунта, 19 шиллинговъ и 6 пенсовъ. Поторопитесь, осталось всего три.* Всего три! О, одолжите же намъ денегъ и пойдемте скорѣе захватимъ хоть одно!

— Пойдемте, только не теперь, сказала Магдалина.—Не лучше ли намъ пойти теперь спать, а объявленіями заняться завтра? Я положу ихъ у вашей постели, такъ что вы можете заняться ими, какъ только проснетесь утромъ.

Мистриссъ Реггъ немедленно согласилась на это. Магдалина увела ее въ смежную комнату и уложила въ постель, словно ребенка съ игрушками. Комната была такъ узка и кровать такъ мала, а мистриссъ Реггъ, въ своемъ бѣломъ ночномъ костюмѣ, съ луноподобнымъ лицомъ, которое окаймлялось большимъ ночнымъ чепцомъ, смотрѣла такую несоотвѣтственною кровати великаншей, что Магдалина, какъ на была озабочена, не могла удержаться отъ улыбки, прощаясь на ночь съ своею спутницей.

— Ага! весело воскликнула мистрисъ Регъ:—завтра мы подхватимъ это кашмировое платье. Подойдите-ка сюда, мнѣ хочется сказать вамъ кое-что на ухо. Вотъ посмотрите, я буду спать скорчившись, а капитанъ не увидитъ, и не закричитъ на меня.

Въ лицевой комнатѣ былъ большой диванъ, который хозяйка превратила на ночь въ постель. Когда постель была готова и свѣчи поданы, Магдалина осталась одна для обсуждения своего будущаго.

Вопросы и отвѣты, обмѣняемые сегодня въ ея присутствіи въ лавкѣ, ясно показывали, что черезъ день Нозль Ванстонъ выѣдетъ изъ Вокзалъ-Вокъ. Ея первое осторожное рѣшеніе посвятить нѣсколько дней тайному наблюденію противоположнаго дома прежде чѣмъ отважиться проникнуть въ него, не могло быть исполнено вслѣдствіе принятаго обстоятельствами оборота. Она была поставлена въ затруднительную необходимость или отчаянно всѣмъ рискнуть завтра, или отложить дѣло до будущаго удобнаго случая, который можетъ-быть и не представится никогда. Ничего другаго не оставалось ей. Не увидѣвъ собственными глазами Нозля Ванстона и не опредѣливъ себѣ чего и въ какой мѣрѣ можно опасаться со стороны мистрисъ Леконтъ, не достигнувъ этого такимъ образомъ чтобы самой остаться неузнанною, она не могла сдѣлать ни одного шага для осуществленія ея плана, который и побудилъ ее отправиться въ Лондонъ.

Минута уходила за минутой, одна за другою мелькали мысли въ ея головѣ; а она не приходила еще ни къ какому заключенію, колеблясь съ нерѣшимостью небываломъ въ ней. Наконецъ она быстро встала и направилась къ своему сундуку какъ бы ища развлеченія въ раскладкѣ вещей и въ отобраніи немногаго что могло понадобиться ей на ночь. Подозрѣнія капитана Регга не обманули его. Здѣсь, между двумя платьями, были спрятаны принадлежности костюма, которыхъ не доставало въ ея бэрмингемскомъ сундукѣ. Она перебрала ихъ одинъ за другимъ, чтобы убѣдиться не забыто ли чего-нибудь нужнаго, и затѣмъ снова подошла къ окну для наблюденія.

Въ противоположномъ домѣ, только одна комната нижняго этажа была освѣщена. Стора окна, поднятая прежде, была теперь опущена, а легкій свѣтъ сзади показалъ ей, въ пер-

мый разъ, что комната была обитаема. Когда она увидѣла это, сверкнули ея глаза и зарумянилось лицо.

— Здѣсь-то онъ живетъ! проговорила она сдержаннымъ глѣзынымъ шепотомъ.— Здѣсь живетъ онъ на наши деньги въ домъ, который запертъ для меня по наказу его отца.

Она опустила поднятую ею стору, возвратилась къ сумдуку и вынула изъ него стрый парикъ, одну изъ принадлежностей ея костюма въ роли старой дамы сѣверной уроженки. Парикъ былъ помятъ при упаковкѣ: она надѣла его и подошла къ туалету чтобы расчесать. „Отецъ предостерегалъ его отъ Магдалины Ванстонъ,“ произнесла она, повторяя фразу пьесы мистриссъ Деконтъ и горько сѣдаясь, при видѣ своего отраженія въ зеркалѣ. „Хотѣлось бы мнѣ знать, предостерегалъ ли его отецъ отъ миссъ Гартъ? Завтра, это раньше чѣмъ я разчитывала. Но завтра такъ завтра. Посмотримъ.“

II.

Рано утромъ, когда Магдалина подыалась и выглянула въ окно, погода стояла туманная и пасмурная. Но съ приближеніемъ дня, опасность дожда миновала; никакой помехи со стороны погоды не предвидѣлось для первой необходимости этого дня, для выпровада ея спутницы изъ дома.

Мистриссъ Реггъ была одѣта, вооружена всею своею коллекціею объявленій и готова къ отправленію, въ десять часовъ. Магдалина, еще прежде, какъ только встала, распорядилась чтобы съ мистриссъ Реггъ отправилась нянькой старшая дочь хозяйки, серіозная, весьма порядочная двушка; Магдалина позаботилась заинтересовать ее самою этою экспедиціею по лавкамъ, подаривъ ей маленькую сумму денегъ съ тѣмъ чтобы она купила себѣ зонтикъ и кисейное платье. Вскорѣ послѣ десяти часовъ, Магдалина отправила въ извожичей каретѣ мистриссъ Реггъ съ ея спутницей. Затѣмъ, она присутствовала къ хозяйкѣ, убиравшей комнату на верху, чтобы искусною болтовней вывѣдать о дневныхъ порядкахъ жителей дома.

Она узнала, что въ домъ, кромѣ мистриссъ Реггъ съ нею,

не было другихъ жильцовъ. Мужъ хозяйки, служившій на станціи желѣзной дороги, уходилъ на весь день. На вторую дочь возлагалась забота о кухнѣ въ отсутствіе старшей. Младшія дѣти отправились въ школу и возвратятся въ часъ, къ обѣду. Сама хозяйка стираетъ тонкое дамское бѣлье и будетъ занята работой все утро, въ маленькой, пристроенной къ задней части нижняго этажа, комнатѣ. Такимъ образомъ, Магдалинѣ представлялась полная возможность выйдти изъ дому переодѣтою и незамѣченною, если только она успѣетъ одѣваться это прежде чѣмъ дѣти возвратятся къ обѣду, въ часъ.

Въ одиннадцатъ часовъ окончилась уборка комнатъ, и хозяйка ушла къ себѣ заняться своимъ дѣломъ. Магдалина тихонько заперла дверь, спустила стору и начала приготовленія къ опасному предпріятію этого дня.

Та же мѣткость соображенія предстоящихъ опасностей и затрудненій, которая побудила ее оставить слѣшкомъ бросающуюся въ глаза часть ея сценическаго костюма въ Бэрмингамъ, показала ей теперь огромную разницу между нарядомъ надѣваемымъ при газовомъ освѣщеніи для забавы публики, и нарядомъ надѣваемымъ при дневномъ свѣтѣ для обмороченія пытливыхъ незнакомыхъ глазъ. Прежде всего она надѣла собственное старое платье (изъ шерстяной матеріи извѣстной подъ названіемъ *альпака*) темно-коричневаго цвѣта съ бѣлыми маленькими звѣздочками. Двойная фалбала внизу платья составляла единственное его украшеніе, небезумѣстное въ костюмѣ пожилой дамы. Потомъ она занялась замаскировкой головы и лица. Она расправила свѣдой парикъ съ ловкостью долдаго навыка; тщательно наклеила поддѣльные брови (нѣсколько широковатыя и цвѣтомъ темнѣе парика) и раскрасила лицо обыкновенными сценическими средствами, такъ чтобы замѣнить прозрачную бѣлизну своего лица тусклымъ, тѣмнымъ матовымъ цвѣтомъ хворой женщины. За сими посѣдовало проведеніе морщинъ и другихъ признаковъ старости, и здѣсь представились первыя затрудненія. Искусство, удовлетворявшее при газовомъ освѣщеніи, не удовлетворяло при дневномъ. трудность скрыть замѣтно-искусственныя линіи была почти непреодолима. Она вернулась къ своему сумачку, вынула два вуала, и надѣвъ свою старомодную шляпку, попробовала тотъ и другой. Одинъ изъ вуалей (изъ чер-

ного кружева) былъ слишкомъ плотенъ для лѣтняго времени, и могъ обратить на себя вниманіе. Другой, изъ простаго тмла, въ столько прикрывалъ ея черты, что можно было съ безопасностію провести нѣсколько линій (гораздо меньше чѣмъ обыкновенно проводила она для сцены) по лбу и у краевъ рта. Но устраненное такимъ образомъ затрудненіе породило новое: не странно ли будетъ сидѣть и бесѣдовать при опущенномъ вуалѣ, безъ особенной видимой причины на то? Минута размышленія и случайный взглядъ на маленькую фарфоровую палитру со сценическими красками родила въ ея быстромъ соображеніи средство къ устраненію неловкости опущеннаго вуала. Она обезобразила себя, раскрасивъ краснымъ вѣки, что бы придать глазамъ видъ воспаленія, фальшивость котораго не могъ бы распознать никто, кромѣ развѣ врача, да и то на близкомъ разстояніи. Она вскочила, и съ торжествомъ посмотрѣла на свое обезображенное лицо въ зеркалѣ. Кто найдетъ теперь страннымъ, что она не подыметъ вуала, или попроситъ у мистриссъ Леконтъ позволенія сѣсть спиной къ свѣту?

Послѣднимъ ея дѣломъ было надѣть скромное сѣрое мамо привезенное изъ Бэрмингама и наваченное опытными руками самого капитана Регга, чтобы скрыть юную красоту и грацію ея спины и плечъ. Кончивъ съ костюмомъ, она начала испытывать себя въ соответствующей роли походкѣ, съ легкимъ ковыляньемъ, и возвратясь къ зеркалу послѣ минутной пробы, стала упражнять себя въ измѣненіи своего голоса и своей манеры. Это была единственная часть роли, въ которой ей было возможно скопировать миссъ Гартъ, и сходство тутъ было полное. Суровый голосъ, рѣзкіе приемы, привычка сопровождать нѣкоторыя фразы выразительнымъ кивкомъ головы, нортонбрійскій рѣзкій выговоръ буквы „r“, всѣ эти типическія черты старой сѣверной гувернантки были представлены ею какъ въ натурѣ. Преображеніе ея личности было буквально, какъ выразилась капитанъ Реггъ, торжествомъ искусства переодеванья. Не глядя на нее близко и пристально при яркомъ свѣтѣ, который бы падалъ прямо на лицо ей, никто не заподозрилъ бы ни на минуту, что она не хворающая, дурно сложенная и

непривлекательная женщина, по крайней мѣрѣ лѣтъ пятидесяти.

Взявшись за ручку двери, она осмотрѣлась внимательно, желая удостовѣриться, не осталась ли какая-нибудь изъ ея специфическихъ принадлежностей на виду, въ случаѣ еслибы хозяйка вошла, въ ея отсутствіе, въ комнату. Единственная найденная ею позабытая вещь была маленькая связка писемъ Норы, которыя она читала ночью и которыя были случайно сунуты подъ зеркало во время одѣванія. Въ то время какъ она брала письма чтобъ убрать ихъ, въ головѣ ея, въ первый разъ, явилась мысль: „узнала ли бы меня теперь Нора, еслибы мы встрѣтились на улицѣ?“ Она посмотрѣла въ зеркало и грустно улыбнулась.— „Нѣтъ,“ сказала она, „и Нора не узнала бы.“

Пождавъ минуту на площадкѣ лѣстницы, она убѣдилась, что все было тихо въ сѣняхъ внизу. Тихохонько спустилась она съ лѣстницы и вышла на улицу не встрѣтивъ никого. Въ одно мгновеніе перешла она на другую сторону, и постучалась у дверей дома Нозя Ванстона.

Дверь была отворена тою самою служанкою, за которую слѣдовало-она вчера вечеромъ въ бумажную лавку. Съ трепетомъ, напомнившимъ ей день ея дебюта передъ публикой, Магдалина (подражая голосу и манерѣ миссъ Гартъ) спросила, дома ли мистрисъ Леконтъ.

— Мистрисъ Леконтъ нѣтъ дома, сударыня, отвѣчала служанка.

— А мистеръ Ванстонъ дома? спросила Магдалина, съ утвердившеюся отъ перваго встрѣченнаго препятствія рѣшимостью.

— Баринъ не вставалъ еще, сударыня.

Новая неудача! Болѣе слабая натура приняла бы это за предостереженіе. Натура Магдалины напротивъ еще вуще взбунтовалась.

— Когда воротится мистрисъ Леконтъ? спросила она.

— Около часу, сударыня.

— Скажите ей, пожалуйста, что я побываю еще, такъ, около часу. Мнѣ очень нужно видѣть мистрисъ Леконтъ. Имя мое миссъ Гартъ.

Она повернулась и пошла прочь. Нельзя было и думать сейчасъ же возвратиться къ себѣ. Служанка (какъ догадалась Магдалина, не слыша звука затворяемыхъ дверей)

смотрѣла вслѣдъ за ней; да и кромѣ того, есаубъ она возвратилась къ себѣ, ей пришлось бы выходить опять какъ разъ въ то время когда должны придти хозяйкины дѣти. Безсознательно повернула она направо, и шла все прямо, пока не достигла Вокзальскаго моста; тутъ она остановилась, устремивъ взоръ черезъ рѣку.

Свободнаго времени у ней оставалось около часу. Куда дѣтъ его?

Въ то время какъ она задавала себѣ этотъ вопросъ, мысль мелькнувшая въ ея головѣ при уборкѣ пачки Нориныхъ писемъ снова явилась передъ ней. Внезапное желаніе испытать печальное совершенство своей замаскировки соединилось въ ней съ болѣе высокимъ и чистымъ чувствомъ, и въ ней усилилось естественное желаніе увидѣть лицо своей сестры. Послѣднія письма Норы описывали, со всѣми подробностями, ея житье-бытье въ качествѣ гувернантки, часы занятій, часы досуга, часы прогулокъ съ воспитанницами. Времени оставалось именно столько, что взявъ тотчасъ извозчика, можно было поспѣть къ дому, гдѣ жила Нора въ ту самую пору, когда она должна будетъ выйти для прогулки. „Одинъ взглядъ на нее скажетъ мнѣ болѣе чѣмъ сто писемъ!“ Съ этою мыслью въ душѣ и съ единственною цѣлью сѣдлать за Норой въ ея ежедневной прогулкѣ, подъ покровительствомъ своей замаскировки, Магдалина поспѣшила перейти черезъ мостъ на сѣверный берегъ рѣки.

Такъ, на поворотѣ ея жизни, передъ тѣмъ какъ она должна была сдѣлать невозвратимый шагъ и переступить черезъ порогъ Нозля Ванстона, силы добра, торжествуя въ борьбѣ за нее надъ силами зла, отвели ее отъ сцены гдѣ она готовилась разыграть задуманный ею обманъ, и жалѣя ее, повлекли ее все далѣе и далѣе отъ роковаго дома.

Она остановила первую встрѣтившуюся ей незаятую карету, велѣла извозчику везти ее въ Нью-Стритъ, Спрингъ-Гарденсъ, и обѣщала ему удвоить плату, если онъ поспѣетъ вовремя. Извозчикъ вполне заслужилъ обѣщанное, даже болѣе чѣмъ заслужилъ, какъ показалъ результатъ. Магдалина не успѣла сдѣлать десяти шаговъ по Нью-Стриту, въ направленіи къ Сентъ-Джемскому парку, какъ дверь одного дома отворилась передъ ней и показалась дама въ

траурѣ въ сопровожденіи двухъ маленькихъ дѣвочекъ. Дама также направилась къ парку, не поворотивъ своей головы къ Магдалинѣ, при спускѣ съ крыльца. Но это было все равно: сердце гадѣло глазами Магдалины, сердце сказало ей, что это Нора.

Она пошла за ними въ Севтъ-Джемскій паркъ, ногомъ (по Пель-Меллю) посадовала въ Гривъ-Паркъ, приближаясь къ нимъ все болѣе и болѣе, въ то время какъ достигавъ луга, они стали подыматься на горку къ Гайдъ-Паркъ-Корнеру. Жадными глазами пожирала она всякую мелочь Нориной одежды, и замѣчала самыя легкія измѣненія въ ея лицѣ и фигурѣ. Нора похудѣла съ осени, и голова ея опустилась немного. Траурный костюмъ ея, сидѣвшій на ней съ скромною граціей и изяществомъ, которыхъ не могло отнять у ней никакое несчастіе, соответствовалъ ея положенію; черное платье ея было изъ шерстяной матеріи; черныя платокъ и шляпа — самаго простаго и дешеваго сорта. Двѣ маленькія дѣвочки, шедшія по сторонамъ ея, были одѣты въ шелковое платье. Магдалина инстинктивно возненавидѣла ихъ.

Она сдѣлала большой кругъ по лугу чтобъ обогнать ихъ и встрѣтить сестру, не возбуждая подозрѣнія въ намѣренности встрѣчи. Крѣпко билось ея сердце и страшный жаръ жегъ ее, когда она думала о фальши своихъ волосъ, цвѣта лица, костюма, и видѣла приближавшійся дорогой знакомый ей обликъ. Близо прошли они мимо другъ друга. Прекрасныя темныя глаза Норы подыались съ выраженіемъ еще большей глубины и скорбной красоты чѣмъ прежде, не распознавали лица сестры и отвернулись въ сторону какъ отъ лица незнакомой особы. Этотъ мгновенный взглядъ поразилъ до глубины души Магдалину. Какъ прикованная, остановилась она на мѣстѣ. Отвращеніе отъ мерзкаго костюма, который скрывалъ ее, желаніе сбросить его узы и спрятать на груди Норы свое постыдно-раскрашенное лицо, овладѣлъ ея тѣломъ и душой. Она повернулась и взглянула назадъ.

Нора съ двумя дѣвочками поднялась выше и дошла до одной изъ калитокъ желѣзной рѣшетки, отдѣляющей паркъ отъ улицы. Влекомая непреодолимою силой, Магдалина снова посадовала за ними, настигла ихъ у калитки и могла слышать голоса двухъ дѣвочекъ, сердито спорившихъ куда

идти теперь. Она видѣла какъ Нора вывела ихъ черезъ калитку и потомъ, оставовившись, стала что-то говорить имъ, въ ожиданіи возможности перейти на другую сторону улицы. Отъ ея словъ, дѣти раскричались и разсердились еще пуще. Младшая, дѣвочка восьми-девяти лѣтъ, пришла въ какое-то изступленіе, заплакала, завизжала и даже стала токать гувернантку. Прохожіе останавливались и смѣялись; нѣкоторые шутовиво совѣтовали употребить малѣйшее исправительное средство; одна женщина спросила Нору не мать ли она дѣвочки; другая вслухъ пожалѣла ее какъ гувернантку. Прежде чѣмъ Магдалина могла пробраться черезъ толпу, прежде чѣмъ пересидившее въ ней все желаніе помочь сестрѣ заставило ее забыть всѣ другія соображенія и броситься, измѣнивъ себѣ, къ Норѣ, по мостовой медленно приблизилась коляска, задерживаемая столпившимися впереди экипажами. Пожилая дама, сидѣвшая въ коляскѣ, услышала голоса дѣтей, узнала Нору и тотчасъ же подозвала ее. Лакей растолкалъ толпу, и дѣти были усажены въ коляску. „Какое счастье, что мнѣ случилось проѣзжать тутъ!“ замѣтила дама, презрительно указывая Норѣ занять мѣсто на переднемъ сидѣніи: „вы рѣшительно не умѣете ладить съ дѣтьми моей дочери, да кажется и не очень расположены къ этому.“ Лакей закинулъ подложку, коляска покатила съ дѣтьми и гувернанткой, толпа разошлась, и Магдалина осталась снова одна.

— Да будетъ же такъ! печально подумала она.—Я только бы огорчила бы ее. Намъ пришлось снова испытать муку разставанія.

Бессознательно повернувшись она назадъ и, какъ во снѣ, возвратилась къ открытой полянкѣ парка. Обманчиво укрѣпляя себя, силой любви къ сестрѣ и силой негодованія за нее, она еще болѣе поддалась пагубному искушенію ея жизни. Сквозь всю раскраску и безобразіе костюмированія, бѣшеное отчаяніе этой сильной и страстной натуры проглядывало свирѣпо и грозно. Нора — предметъ публичнаго любопытства и забавы; Нора — получающая выговоръ на улицѣ; Нора — наемная жертва дерзости старухи и каприза рабенка: и за все это слѣдуетъ благодарить того же человѣка, который отослалъ Франка въ Китай, а также и сына его. Мысль о сестрѣ, удалившая ее отъ сцены задуманнаго обмана и возбудившая

въ ней отвращеніе къ ея маскараду, утвердила задуманное ею теперь средство, какъ и воѣ другія, годныя къ достиженію ея цѣли, снабдила ее крыльями и повлекла все ближе и ближе къ роковому дому.

Она вышла изъ парка и очутилась сама не зная гдѣ. Снова взяла она первую встрѣтившуюся карету и велѣла везти себя въ Вокзалль-Вокъ.

Смѣна ходьбы вѣдою успокоила ее. Вниманіе ея обратилось на свой нарядъ. Необходимость удостовѣриться, не произошло ли въ немъ какой-нибудь перемены послѣ того какъ она оставила свою комнату, тотчасъ же представлялась ея уму. Она остановила извозчика у первой кондитерской чтобъ оправиться передъ зеркаломъ.

Ея сѣрый парикъ былъ не на мѣстѣ, а старомодная шляпа сдвинулась немного на сторону. Изъ остальнаго ничто не пострадало. Она поправила чтò было нужно, и возвратилась къ каретѣ. Была половина втораго, когда она подѣхала къ дому и постучалась во второй разъ у дверей Нюэля Ван-стона. Служанка, какъ и прежде, отворила ей.

— Мистриссъ Леконтъ дома теперь?

— Да, сударыня. Пожалуйте вотъ сюда.

Служанка провела Магдалину пустымъ коридоромъ, и обойдя голую, не одѣтую ковромъ лѣстницу, отворила дверь одной изъ заднихъ комнатъ дома. Комната была освѣщена однимъ окномъ глядѣвшимъ на дворъ, стѣны были безъ обоевъ, полъ безъ ковра. Два простые спальные стула стояли у стѣны, а кухонной столъ у окна. На столѣ помѣщался стеклянный сосудъ наполненный водою и украшенный въ срединѣ миниатюрнымъ, пирамидальнымъ гротомъ, обвитымъ травою. Улитки липли къ стѣнкамъ сосуда; головастики и крошечные рыбки быстро двигались въ зеленой водѣ; слизистыя ящерицы и лягушки неслышно входили въ травянистый гротикъ и выходили изъ него, а на вершинѣ пирамиды, холодная какъ камень, какъ камень темная и неподвижная, сидѣла небольшая яркоглазая жаба. Искусство содержанія рыбъ и гадовъ, въ качествѣ домашнихъ баловней, не было еще распространено въ то время въ Англїи, и Магдалина, войдя въ комнату, съ неудержимымъ удивленіемъ и отвращеніемъ отшатнулась отъ этого перваго видѣннаго ею обращика акварїа.

— Не бойтесь, произнесъ женскій голосъ позади ея.— Мои фавориты никому вреда не дѣлаютъ.

Магдалина обернулась и встрѣтилась съ мистриссъ Леконтъ. Она ожидала, основываясь на полученномъ ею отъ экономки письмѣ, увидѣть суровую, злобную, не красивую и дерзкую старуху. Она увидѣла напротивъ даму съ мягкими любезными манерами, одежда которой была совершенствомъ чистоты, вкуса и простоты, приличной для пожилой женщины, которая и сама была торжествомъ физическаго само-сохраненія отъ разрушительнаго дѣйствія времени. Еслибы мистриссъ Леконтъ съ своихъ дѣйствительныхъ лѣтъ посбавила годковъ пятнадцать или шестнадцать, и сказала бы, что ей не болѣе тридцати восьми, то едва ли бы нашлись одинъ мужчина изъ тысячи и одна женщина изъ сотни, которые не повѣрили бы ей. Въ ея черныхъ волосахъ лишь чуть-чуть показывалась просѣдь. Они были просто расчесаны подъ безупречно-чистымъ кружевнымъ чепцомъ, убраннымъ скромно нѣсколькими траурными лентами. Ни одной морщины не видно было на ея гладкомъ бѣломъ лбу и на ея полныхъ бѣлыхъ щекахъ. Двойной подбородокъ ея украшался ямочкою, а ея зубы были чудомъ ровности и бѣлизны. Губы ея могли бы быть названы слишкомъ тонкими, еслибы ихъ не научили извлекать всевозможную выгоду изъ своего недостатка посредствомъ краснорѣчивой и убѣдительной улыбки. Ея большіе черные глаза глядѣли бы сурово у другой женщины: у мистриссъ Леконтъ они глядѣли мягко и умилительно, нѣжно, внимательно ко всему, къ чему ни обращались: къ Магдалинѣ, жабѣ на грогѣ, къ заднему дворику, къ своимъ собственнымъ пухлымъ ручкамъ, которыя она потирала легонько въ разговорѣ, къ своей хорошенькой, кембриковой шемизеткѣ, на которую она съ пріятностію посматривала, когда слушала другихъ. Ея траурное, въ память Михаила Ванстона, изящное черное платье, было не только платьемъ, но и удачнымъ комплиментомъ въ честь смерти. Ея непогрѣшительно-бѣлый передникъ былъ цѣлая хозяйственная поэмка. Ея агатовыя серьги смотрѣли такъ скромно, что любой квакеръ могъ глядѣть на нихъ безъ грѣха. Умѣренной полнотѣ ея лица вторила умѣренная полнота ея стана: тихо скользила она по полу, жѣрно покачиваясь на ходу. Не всякій мужчина сталъ бы смотрѣть на мистриссъ Леконтъ съ исключительно-платонической точки зрѣнія, отроки находили бы ее непреодолимою, и только женщины

стали бы жестокосердо и безжалостно проникать за прекрасную и улыбающуюся ея наружность. Одинъ взглядъ Магдалины на эту Афродиту женской осени убѣдилъ ее, что она поступила благоразумно, утвердившись въ искусствѣ замаскировываться прежде чѣмъ рѣшилась помѣриться съ мистриссъ Леконтъ.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ особой бывшею здѣсь сегодня утромъ? спросила экономка. — Съ миссъ Гартъ имѣю честь говорить?

Въ выраженіи ея глазъ, при этихъ вопросахъ, было что-то заставившее Магдалину отворотить свое лицо отъ окна еще болѣе прежняго. Одна мысль, что экономка могла уже видѣть ее въ слишкомъ большомъ освѣщеніи, на мигу поколебала ея самообладаніе. Но она успокоилась повемногу, и отвѣтила простымъ наклоненіемъ головы.

— Прошу извиненія, сударыня, за то что я принуждена принять васъ въ этомъ мѣстѣ, продолжала мистриссъ Леконтъ гладкимъ англійскимъ языкомъ, но съ иностраннымъ выговоромъ. — Мистеръ Ванстонъ поселился здѣсь только на время. Завтра пополудни, мы ѣдемъ въ одно приморское мѣсто, а потому мы сочли излишнимъ приводить домъ въ должный порядокъ. Не угодно ли вамъ присѣсть и сдѣлать мнѣ удовольствіе объяснить цѣль вашего посѣщенія?

Она незамѣтно приблизилась шага на два къ Магдалинѣ и поставила для нея стулъ прямо противъ свѣта. — Присядьте, пожалуйста, пригласила мистриссъ Леконтъ, съ вѣжливѣйшимъ участіемъ, глядя на воспаленные глаза гостьи сквозь кисейный вуаль.

— Я страдаю, какъ вы видите, глазами, отвѣчала Магдалина, стараясь все не поворачивать лица къ окну и тщательно копируя голосъ миссъ Гартъ. — Я должна попросить у васъ позволенія не подымать вуаля и сѣсть спиной къ свѣту.

Она проговорила эти слова уже вполне владѣя собою. Совершенно спокойно отодвинула она стулъ въ уголъ за окно и сѣла, стараясь, чтобы тѣнь шляпки падала хорошенько ей на лицо. Убѣдительно улыбающіяся губы мистриссъ Леконтъ пробормотали вѣжливое заявленіе сочувствія; привѣтливые черные глаза мистриссъ Леконтъ взглянули на незнакомую даму еще съ большимъ участіемъ. Она поставила стулъ для себя на одной линіи со сту-

домъ Магдалины, и сѣла такъ близко къ стѣнѣ, что гостьѣ приходилось или поворотить немного болѣе свою голову къ окну, или быть невѣжливою и не глядѣть на особу, съ которою приходилось говорить.

— Такъ, произнесла мистриссъ Леконтъ, довѣрчиво кашлянувъ.—Чему же обязана я честью васъ видѣть?

— Позвольте мнѣ спросить васъ прежде, знакомо ли вамъ мое имя? спросила Магдалина поворачиваясь къ ней по необходимости, но преспокойно заслоняя, въ то же время, платкомъ отъ свѣта свое лицо.

— Нѣтъ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, съ новымъ покашливаніемъ, послѣднѣе перваго.—Имя миссъ Гартъ мнѣ незнакомо.

— Въ такомъ случаѣ, продолжала Магдалина,—мнѣ легче будетъ объяснить предметъ моего посѣщенія, объяснивъ сначала, кто я. Я жила долго гувернанткой въ домѣ покойнаго мистера Андру Ванстона, въ Комбъ-Ревенѣ, и являлась къ вамъ въ интересъ его сиротъ дочерей.

Руки мистриссъ Леконтъ, до этого мягко потиравшія другъ друга, вдругъ остановились, а губы мистриссъ Леконтъ сомкнувшись, въ забывчивости, признались при самомъ началѣ свиданія, что были слишкомъ тонки.

— Я удивляюсь, какъ вы можете выходить безъ зеленого зонтика, замѣтила она спокойно, оставляя безъ всякаго вниманія докладъ ложной миссъ Гартъ о своей особѣ, словно его вовсе не было.

— Я нахожу, что при зонтикѣ глазамъ слишкомъ жарко въ это время года, сказали Магдалина, пристально слѣдя за экономкой.—Позвольте мнѣ спросить, слышали ли вы что я сказала сейчасъ на счетъ моего посѣщенія?

— Позвольте мнѣ спросить, сударыня, въ свою очередь, чѣмъ посѣщеніе это касается *меня*? спросила мистриссъ Леконтъ.

— Я обращаюсь къ вамъ, отвѣчала Магдалина,—потому что рѣшенія мистера Нозя Ванстона относительно двухъ дѣвушекъ были сообщены имъ въ письмѣ отъ васъ.

Этотъ прямой отвѣтъ произвелъ свое дѣйствіе. Онъ сказалъ мистриссъ Леконтъ, что незнакомка знаетъ болѣе чѣмъ ей показалось сначала, и что въ этихъ обстоятельствахъ едва ли было бы благоразумно не выслушать ея.

— Извините меня пожалуйста, произнесла экономка,—я

не совсѣмъ поняла васъ прежде; теперь я совершенно понимаю. Вы ошибаетесь, сударыня, полагая что я имѣю какое-нибудь значеніе, или какое-нибудь вліяніе по этому печальному дѣлу. Я исполнительница приказаній мистера Ноэля Ванстона; я не болѣе какъ перо въ его рукѣ, если вы позволите мнѣ выразиться такъ, не болѣе какъ перо которымъ онъ пишетъ. Онъ человѣкъ хворый, и, какъ вообще у хворыхъ людей, у него бываютъ дурные и хорошие дни. Тотъ день былъ у него дурной, когда былъ написанъ этотъ отвѣтъ къ молодой особѣ... назвать ли мнѣ ее миссъ Ванстонъ?—да, съ удовольствіемъ назову ее бѣдняжку этимъ именемъ. Да и къ чему мнѣ дѣлать тутъ различіе, и что мнѣ за дѣло были ли вѣнчаны ея родители или нѣтъ? Какъ я уже сказала, день отсылки этого отвѣта былъ дурной день для мистера Ноэля Ванстона, и мнѣ пришлось писать письмо, лишь въ качествѣ секретаря за недостаткомъ лучшаго. Если вы желаете говорить объ этихъ двухъ дѣвушкахъ... называть ли мнѣ ихъ просто дѣвушками, какъ вы сейчасъ выразились?—нѣтъ, бѣдняжки, я стану называть ихъ миссъ Ванстонъ. Если вы желаете говорить объ этихъ миссъ Ванстонъ, то я доложу объ васъ и объясню мистеру Ноэлю Ванстону дѣлъ вашего любезнаго обращенія ко мнѣ. Онъ одинъ въ своей комнатѣ, и нынче онъ чувствуетъ себя хорошо. Я имѣю на него вліяніе стараго слуги и съ удовольствіемъ употребляю это вліяніе въ вашу пользу. Идти мнѣ сейчасъ? спросила мистриссъ Леконтъ съ самою дружескою заботливостью.

— Если вамъ угодно, отвѣчала охотно Магдалина,—и если это не будетъ съ моей стороны злоупотребленіемъ вашей доброты.

— Напротивъ, возразила мистриссъ Леконтъ,—вы обязываете меня, давая мнѣ возможность, при моихъ малыхъ средствахъ, быть полезной благому дѣлу.

Она поклонилась, улынулась и ускользнула изъ комнаты.

Оставшись одна, Магдалина дала волю своему гнѣву, который сдерживала въ присутствіи мистриссъ Леконтъ. За неимѣніемъ болѣе благороднаго предмета, гнѣвъ ея разразился надъ жабой. Видъ отвратительной маленькой гадины, неподвижно сидѣвшей на своемъ каменномъ трювѣ съ свѣтящимися, бессмысленно устремленными въ пустоту, глазами, раздражалъ въ ней каждую жилку. Съ сосредоточенною ненавистью

посмотрѣла она на жабу и злобно прошептала сквозь сжатые зубы: „Желала бы я знать, чья кровь холоднѣе, у тебя ли, маленькое чудовище, или у этой мистриссъ Леконтъ? Желала бы я знать, что слизистѣе, сердце ли ея или твоя спина? Ты, отвратительная гадина, знаешь ли кто твоя госпожа? Госпожа твоя—дьяволъ!“

Пестрая кожа подо ртомъ жабы загадочно сморщилась и потомъ разгладилась снова, какъ будто проглотивъ только что произнесенныя слова. Магдалина съ отвращеніемъ отшатнулась при первомъ замѣтномъ движеніи животнаго, какъ ни было оно ничтожно, и вернулась къ своему стулу. Едва успѣла она сѣсть, какъ дверь тихо отворилась, и мистриссъ Леконтъ явилась вторично.

— Мистеръ Ванстонъ готовъ принять васъ, произнесла она,—если вы будете такъ добры подождать нѣсколько минутъ. Онъ позвонитъ, когда кончитъ свое теперешнее занятіе, и будетъ готовъ къ вашимъ услугамъ. Старайтесь, сударыня, не разстраивать расположеніе его духа, и вообще не волновать его чѣмъ бы то ни было. Съ первыхъ лѣтъ, сердце его было предметомъ опасеній для окружающихъ. Положительной болѣзни нѣтъ, но есть хроническая слабость, ожиреніе, недостатокъ жизненной силы въ органѣ. Сердце его будетъ довольно здорово, если не задавать ему слишкомъ большой работы; таково мнѣніе всѣхъ видѣвшихъ его врачей. Вы не забудете этого, и потому соблюдете осторожность въ вашихъ словахъ. Къ слову о врачахъ, пробовали ли вы когда-нибудь золотую мазь противъ этой неприятой болѣзни вашихъ глазъ? Мнѣ говорили, что это превосходное средство.

— Оно не удалось въ моей болѣзни, отвѣчала рѣзко Магдалина.—Прежде чѣмъ увижу мистера Нозя Ванстона, продолжала она,—позвольте мнѣ спросить...

— Извините, пожалуйста, перебила мистриссъ Леконтъ.—Ваши вопросы касаются какимъ-нибудь образомъ этихъ бѣдныхъ дѣвицъ?

— Они касаются миссъ Ванстонъ.

— Въ такомъ случаѣ я не могу отвѣчать на нихъ. Извините меня, но я право не могу говорить объ этихъ бѣдныхъ дѣвицахъ (мнѣ такъ пріятно слышать, что вы называете ихъ именемъ миссъ Ванстонъ!) иначе, какъ въ присутствіи моего хозяина и съ его формальнаго позволенія.

Покажи́те лучше поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Взгляните на мой акваріи. Я думаю, что это совершенная новость въ Англiи.

— Я разсматривала его когда вы уходили, сказала Магдалина.

— Да? Но васъ, кажется, нисколько не занимаетъ это? Совершенно повяно. До замужства меня также это не занимало. Дорогой мужъ мой, скончавшійся нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, образовалъ меня и возвысилъ до себя. Вы слышали, вѣроятно, о покойномъ профессорѣ Леконтѣ, знаменитомъ швейцарскомъ натуралистѣ. Я вдова его. Англійское общество въ Цюрихѣ (въ которомъ я жила при покойномъ господинѣ моемъ) ангализировало мое имя въ Леконтъ. Великій народъ вашъ не желаетъ имѣть у себя ничего иностраннаго, даже имени, если можно. Но я заговорила о моемъ мужѣ, моемъ дорогомъ мужѣ, позволявшемъ мнѣ помогать ему въ его занятіяхъ. Послѣ его смерти, у меня остался лишь одинъ интересъ въ жизни, наука. Знаменитый по многимъ предметамъ, профессоръ былъ особенно великъ по части пресмыкающихся. Онъ оставилъ мнѣ своихъ субъектовъ и свой акваріи. Тутъ все мое наследство. Вотъ оно. Субъекты всѣ перемерали, исключая этого смирнаго дружка, этой хорошенькой жабочки. Васъ удивляетъ, можетъ-быть, моя привязанность къ ней? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Профессоръ прожилъ достаточно времени, чтобы возвысить меня надъ табуянными предразсудками касательно пресмыкающихся. Понимаемый рационально, міръ пресмыкающихся прекрасенъ. При хорошей диссекціи, міръ пресмыкающихся поучителенъ въ высшей степени. — Она протянула свой мизинецъ, и нѣжно дотронулась имъ до спины жабы. — Такъ освѣжительно, когда дотрнешься, проговорила мистриссъ Леконтъ. — Приятно и прохладительно въ это лѣтнее время!

Въ пріемной комнатѣ раздался звонокъ. Мистриссъ Леконтъ встала, нѣжно наклонилась къ акварію, и пощечала надъ жабой, будто надъ птичкой.

— Мистеръ Ванстонъ можетъ принять васъ. Потрудитесь слѣдовать за мною, миссъ Гартъ. — Съ этими словами она отворила дверь, и вышла изъ комнаты.

III.

— Миссъ Гартъ, сэръ, произнесла мистриссъ Леконтъ, отворяя дверь приемной комнаты, и докладывая о посѣтителѣ, тономъ и приемами хорошо знающаго свое дѣло слуги.

Магдалина очутилась въ длинной узкой комнатѣ, состоявшей изъ двухъ частей, передней и задней, которыя, при открытой створчатой двери, составляли теперь одну. Близъ лицеваго окна, спиной къ свѣту, сидѣлъ хилый, бѣлокурый самодовольный человѣчекъ, въ щегольскомъ бѣломъ шлафроктѣ, слишкомъ широкомъ для него, и съ букетомъ фиалокъ на груди. На видъ ему было отъ тридцати до тридцати-пяти лѣтъ. Цвѣтъ его лица былъ нѣженъ какъ у дѣвочки, глаза свѣтло-голубые, а верхняя губа украшена рѣденькими бѣлыми усиками, напомаженными и закрученными на концахъ въ тонкіи завитокъ. Если что-нибудь обращало на себя его особенное вниманіе, то онъ смотрѣлъ прищурившись. Когда онъ улыбался, на вискахъ его являлся рядъ неприятныхъ мелкихъ морщинъ. Онъ держалъ на кофѣнкахъ тарелку клубники съ подостланною подъ нее салфеткой, чтобы не замарать своего бѣлаго шлафрока. Съ правой его стороны помѣщался большой круглый столъ, заваленный коллекціей чужеземныхъ диковинокъ, которыя, казалось, были собраны со всѣхъ четырехъ концовъ земнаго шара. Чучелы птицъ изъ Африки, фарфоровые уродцы изъ Китая, серебряныя украшенія и домашняя утварь изъ Индіи и Перу, мозаичныя издѣлія изъ Италіи, бронза изъ Франціи, все это было нагромождено вмѣстѣ съ простыми основными ящиками и черными кожаными мѣшками, служившими для упаковки ихъ. Маленькій господинъ извинился, съ веселымъ и глупо-усмѣхающимся выраженіемъ, за безпорядокъ своихъ рѣдкостей, за свой шлафроктъ и слабое здоровье, и, указавъ рукой на стулъ, съ прагматическою вѣжливостью предоставилъ свое вниманіе въ распоряженіе гостю. Магдалина, смотря на него, усомнилась на минуту, не обманула ли ее мистриссъ Леконтъ. Ужели это человѣкъ безжалостно слѣдующій пу-

ти, которымъ шелъ прежде его безжалостный отецъ? Ей не вѣрилось. „Присядьте, миссъ Гартъ“, повторилъ онъ. Но замѣтивъ ея нерѣшимость, онъ объявилъ свое имя крикливымъ, тонкимъ и брюзгливо-важнымъ голоскомъ: „Я мистеръ Нозль Ванстонъ. Вы желали видѣть меня, къ вашимъ услугамъ!“

— Вы позволите мнѣ уйти, сэръ? спросила мистриссъ Леконтъ.

— Разумѣется нѣтъ! отвѣчалъ ей господинъ.— Оставайтесь здѣсь, Леконтъ, и будьте нашею собесѣдницей. Мистриссъ Леконтъ пользуется моею полною довѣренностью, продолжалъ онъ, обращаясь къ Магдалинѣ.— Все что вы скажете мнѣ, сударыня, вы скажете ей. Она—домашнее сокровище. Въ Англіи нѣтъ другаго дома, который бы обладалъ такимъ сокровищемъ какъ мистриссъ Леконтъ.

Экономка выслушала оцѣнку своихъ домашнихъ добродѣтелей, устремивъ неподвижно глаза на свою изящную шемизетку. Но бойкая провидательность Магдалины еще прежде уловила взглядъ, которымъ обмѣнялась мистриссъ Леконтъ съ своимъ хозяиномъ, и который вводилъ на мысль, что мистера Нозля Ванстона научили предварительно какъ поступать и говорить въ присутствіи гостя. Это подозрѣніе, выстъ съ затрудненіемъ помѣститься въ комнатѣ лицомъ отъ свѣта, заставила Магдалину быть какъ можно осторожнѣе.

Сначала она взяла стулъ по срединѣ комнаты. По минутномъ соображеніи, она сочла болѣе удобнымъ отодвинуть свой стулъ налѣво, такъ чтобы помѣститься какъ разъ у лѣваго косяка створчатой двери. Этимъ она ловко преградила единственный проходъ, которымъ мистриссъ Леконтъ могла бы обойти большой столъ и взявъ стулъ подлѣ своего господина, сѣсть лицомъ къ лицу съ Магдалиной. Съ правой стороны стола мѣсто было занято каминомъ съ рѣшеткой, дорожными сундуками и большимъ чемоданомъ. Мистриссъ Леконтъ могла помѣститься только на одной линіи съ Магдалиной у другаго конца створчатой двери или грубо придвинуться къ посѣтительницѣ, съ очевиднымъ желаніемъ смотрѣть ей въ лицо. Выразительно кашлянувъ и не сводя взгляда съ своего господина, экономка уступила и заняла мѣсто у правой стороны двери.

„Подожди“, думала мистриссъ Леконтъ: „будеть и на нашей улицѣ праздникъ!“

— Будьте осторожны, сударыня! воскликнулъ мистеръ Нозъ Ванстонъ, когда Магдалина дотронулась случайно до стола, отодвигая стулъ.—Осторожны съ рукавами вашей мантии! Извините, вы чуть не обросили этого серебрянаго подсвѣчника. Пожалуста не думайте, что это какой-нибудь простой подсвѣчникъ. Вовсе нѣтъ, это перувианскій подсвѣчникъ. Во всемъ свѣтѣ есть только три подсвѣчника этого рисунка. Одинъ принадлежитъ президенту Перувианской республики, другой хранится въ Ватиканѣ, а третій красуется на моемъ столѣ. За него заплачено десять фунтовъ, а стоитъ онъ пятнадцать. Одно изъ приобретений отца моего, сударыня. Всѣ эти вещи—приобретения отца моего. Въ Англии нѣтъ другаго дома, въ которомъ были бы такія рѣдкости. Сядьте, Леконтъ; прошу васъ не стѣсаясь. Мистриссъ Леконтъ, подобно другимъ диковинкамъ, миссъ Гартъ, есть одно изъ приобретений моего отца. Вы одно изъ приобретений моего отца, не правда ли, мистриссъ Леконтъ? Отецъ мой былъ замѣчательный человекъ, сударыня. О немъ напоминаетъ здѣсь все. На мнѣ его шлафрокъ, въ настоящую минуту. Такихъ вещей не дѣлаютъ теперь, не достанешь ихъ ни за любовь, ни за деньги. Не угодно ли вамъ попробовать ткань? Вы, можетъ-быть, не знатокъ въ тканяхъ? Или можетъ-быть вы предпочитаете говорить со мною объ этихъ двухъ воспитанницахъ вашихъ? Ихъ двѣ, не такъ ли? Чтѣ, какъ, хорошенькія? Полменькія, свѣженькія, цвѣтуція, англійскія красавицы?

— Извините меня, сэръ, вмѣшалась мистриссъ Леконтъ съ прискорбіемъ.—Я, право, должна буду просить позволенія удалиться, если вы будете говорить такъ объ этихъ бѣдняжкахъ. Я не могу сидѣть и слушать какъ надъ ними смѣются, сэръ. Подумайте объ ихъ положеніи, подумайте о миссъ Гартъ.

— Ахъ, вы добрейшее созданіе! проговорилъ мистеръ Нозъ Ванстонъ, смотря на экономку полузамуренными глазами.—Ахъ, вы славная моя Леконтъ! Увѣряю васъ, сударыня, мистриссъ Леконтъ достойная особа. Вы замѣчаете, какъ она жалѣетъ этихъ двухъ дѣвусекъ. Я не чу такъ далеко, но я могу оказать для нихъ снисхожденіе.

Я великодушный человекъ. Я могу оказать снисхожденіе и для нихъ, и для васъ.

Онъ улыбулся съ самою задушевною любезностію, и взялъ одну ягодку съ тарелки на кофѣяхъ.

— Вы оскорбляете миссъ Гартъ; да, сэръ, не желая того, вы оскорбляете миссъ Гартъ, убѣдительно настаивала мистриссъ Леконтъ.— Она не привыкла къ вамъ, какъ я. Будьте уважительнѣе къ миссъ Гартъ, сэръ. Изъ расположенія ко мнѣ, будьте уважительнѣе къ миссъ Гартъ.

До сихъ поръ Магдалина твердо хранила молчаніе. Каюкотавшая сильно и неистово въ сердцахъ ея досада, которая въ одно мгновеніе выдала бы ее, еслибъ она позволила ей рвануться наружу, заставила ее молчать во время рѣчи Нюля Ванстона. Она позволила бы говорить ему безъ перерыву еще нѣсколько минутъ, еслибы мистриссъ Леконтъ не вмѣшалась вторично. Утонченная наглость, которая высказывалась въ жалости экономки, была наглость женщины, и она принудила Магдалину тотчасъ же овладѣть собою. Никогда съ такимъ совершенствомъ не передавала она голоса и манеръ миссъ Гартъ, какъ при произнесеніи сѣдующихъ словъ:

— Вы очень добры, сказала она мистриссъ Леконтъ.— Я не имѣю претензій на особенно-почтительное обращеніе. Я гувернантка, и не жду этого. Прошу только объ одномъ. Проту мистера Нюля Ванстона, для его же пользы, выслушать меня.

— Вы поняли, сэръ? замѣтила мистриссъ Леконтъ.— По-видимому, миссъ Гартъ желаетъ сѣлать вамъ важное предостереженіе. Она говоритъ, что вы должны выслушать ее для вашей пользы.

Лицо мистера Нюля Ванстона внезапно поблѣднѣло. Онъ поставилъ тарелку съ клубничкой на столъ посреди пріобрѣтеній своего отца. Рука его затряслась, а маленькая фигурка завертѣлась безпокойно въ креслѣ. Магдалина внимательно сѣдила за нимъ.

„Еще открытіе“, думала она: „онъ трусъ!“

— Что вы хотите сказать, сударыня? спросилъ мистеръ Нюль Ванстонъ съ замѣтнымъ трепетомъ во взглядѣ и движеніяхъ.— Что вы хотите сказать, объявляя мнѣ, что я долженъ выслушать васъ для моей пользы? Если вы явились сюда стращать меня, то вы ошибались. Твердость моего

характера замѣчалась всѣми въ нашемъ цюрихскомъ кружкѣ,—не такъ ли, Леконтъ?

—Вѣрни, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ.—Но позвольте намъ выслушать миссъ Гартъ. Быть-можетъ я ложно истолковала ея мысль.

—Напротивъ, возразила Магдалина,—вы совершенно вѣрно выразили мою мысль. Цѣль моего посѣщенія предостеречь мистера Нозля Ванстона отъ принимаемаго имъ пута.

—Позвольте! остановила ее мистриссъ Леконтъ.—О, если вы желаете помочь этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, то не говорите такимъ образомъ! Смягчайте его рѣшеніе, сударыня, просьбами, но не утверждайте его угрозами!

Она ужь слишкомъ усилила тоиъ уничиженія, съ которыми произнесены были эти слова, и хватила за мѣру въ выраженіи опасенія взглядомъ, который сопровождалъ ихъ. Еслибы Магдалина не убѣдилась еще прежде, что мистриссъ Леконтъ рѣшала все сама за своего хозяина, и затѣмъ увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ не по рѣшенію своей экономки, а по своему собственному, то она убѣдилась бы въ этомъ теперь.

—Вы слышали чтò сказала сейчасъ Леконтъ? замѣтилъ мистеръ Нозль Ванстонъ.—Вы слышали невынужденное свидѣтельство особы знавшей меня съ дѣтства. Будьте осторожны, миссъ Гартъ, будьте осторожны.

Онъ самодовольно стянулъ поны своего блага шафрока на колѣни, и снова взялъ тарелку съ каубишкой.

—Я не желаю оскорблять васъ, сказала Магдалина.—Я желаю только открыть глазамъ вашимъ истину. Вамъ не извѣстенъ характеръ двухъ сестеръ, состояніе которыхъ вамъ досталось. Вамъ нечего опасаться старшей сестры; она спокойно переноситъ тяжелую долю, на которую вы и еще прежде вашъ отецъ, осудили ее. Но поведение младшей сестры прямо противоположно этому. Она уже отказалась покориться рѣшенію вашего отца, а теперь не хочетъ покориться письму мистриссъ Леконтъ. Вѣрьте мнѣ, она способна причинить вамъ много серьезныхъ безпокойствъ, если вы не остережетесь вооружать ее противъ себя.

Мистеръ Нозль Ванстонъ снова измѣнился въ лицѣ и снова началъ вертѣться на своемъ стулѣ.

— Серіозные безпокойства, повторилъ онъ, съ испуганнымъ взглядомъ.— Если вы разумѣте писаніе писемъ, сударыня, то она уже надѣлала довольно безпокойствъ. Она писала разъ мнѣ и два раза моему отцу. Одно изъ писемъ къ отцу было угрожающаго свойства, не такъ ли, Леконтъ?

— Она выразила свои чувства, бѣдняжка, проговорила мистриссъ Леконтъ.— Мнѣ казалось жестокимъ отсылать ей обратно письмо, но вашему батюшкѣ лучше было знать это. Я говорила тогда, отчего не дать ей высказать своихъ чувствъ? Что значать, наконецъ, нѣсколько угрожающихъ словъ? Въ положеніи этой бѣдняжки это слова, не болѣе.

— Я совѣтую вамъ не полагаться слишкомъ на это, сказала Магдалина.— Я знаю ее лучше чѣмъ вы.

Она остановилась при этихъ словахъ, остановилась въ мгновенномъ ужасѣ. Жало сожалѣнія мистриссъ Леконтъ раздражило ее почти до забвенія своей роли и обмолвки ея натуральнымъ голосомъ.

— Вы упоминали о письмахъ, написанныхъ моею воспитанницей, продолжала она, какъ только овладѣла собою, обращаясь къ Нозю Ванстону. — Не будемъ говорить о томъ что писала она къ вашему отцу; станемъ говорить лишь о писанномъ къ вамъ. Если въ немъ что-нибудь неумѣстное или ложное? Справедливо ли, что обѣ сестры были жестоко лишены того что отецъ ихъ назначалъ имъ? До сихъ поръ, завѣщаніе его свидѣтельствуется за него и за нихъ, и свидѣтельствуется безъ пользы, потому что онъ не зналъ, что бракъ требовалъ возобновленія завѣщанія и скончался прежде чѣмъ могъ исправить ошибку. Станете ли вы отвергать это?

Мистеръ Нозль Ванстонъ улыбнулся и взялъ ягоду.

— Я не думаю отвергать этого, произнесъ онъ.— Продолжайте, миссъ Гартъ.

— Справедливо ли, продолжала настойчиво Магдалина,— что законъ, отнявшій имущество у этихъ сестеръ, отецъ которыхъ не сдѣлалъ втораго завѣщанія, отдалъ его вамъ, между тѣмъ какъ вашъ отецъ не сдѣлалъ никакого завѣщанія? Объясните себѣ это какъ хотите, а это, безспорно, тяжело осиротѣвшимъ дѣвушкамъ.

— Очень тяжело, подтвердилъ мистеръ Нозль Ванстонъ. Вамъ то же самое кажется, неправда ли, Леконтъ?

Мистриссъ Леконтъ кивнула головой и закрыла свои прекрасные черные глаза.

— Возмутительно, замѣтила она; я не могу охарактеризовать этого другимъ словомъ, миссъ Гартъ,—возмутительно! Какимъ образомъ дѣвушка,—то-бишь, какимъ образомъ миссъ Ванстонъ младшая,—открыла, что мой покойный многоуважаемый хозяинъ не сдѣлалъ завѣщанія, я не могу понять этого. Быть-можетъ это было въ газетахъ? Но я прерываю васъ, миссъ Гартъ. Нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь сказать на счетъ письма вашей воспитанницы?

При этихъ словахъ, она тихо подвинула свой стулъ впередъ, на нѣсколько дюймовъ выше стула посѣтительницы. Это движеніе было сдѣлано очень осторожно, но оказалось бесполезнымъ. Магдалина еще болѣе отвернула голову влѣво, а чемоданъ на полу не позволялъ мистриссъ Леконтъ подвинуться болѣе.

— Мнѣ остается сдѣлать еще одинъ вопросъ, сказала Магдалина.—Въ письмѣ моей воспитанницы заключалось одно предложеніе мистеру Нозю Ванстону? Прошу его сказать мнѣ, почему онъ отказался обратить на него вниманіе.

— Любезная моя сударыня! воскликнулъ мистеръ Нозъ Ванстонъ, воздымая свои бѣлыя брови съ ироническимъ удивленіемъ.—Серіозно ли, право, говорите вы! Знаете ли вы въ чемъ состояло предложеніе? Видѣли ли вы письмо?

— Да, очень серіозно сказала Магдалина,—я видѣла письмо. Она умоляетъ васъ вспомнить какимъ образомъ имущество мистера Андрея Ванстона досталось вамъ; оно объявляетъ вамъ, что половину этого имущества, раздѣленную между его дочерьма, онъ назначалъ имъ; и обращается къ вашему чувству справедливости съ просьбой сдѣлать для его дѣтей то что сдѣлалъ бы онъ для нихъ самъ, еслибъ остался въ живыхъ. Скажу яснѣе, оно проситъ васъ отдать половину денегъ дочерямъ, и оставляетъ за вами другую половину. Въ этомъ состояло предложеніе. Отчего не захотѣли вы обратить вниманіе на это.

— По очень простой причинѣ, миссъ Гартъ, отвѣчалъ въ необыкновенно-веселомъ расположеніи духа мистеръ Нозъ Ванстонъ.—Позвольте мнѣ припомнить вамъ очень извѣстную поговорку: у дурака деньги сами лѣзутъ изъ кармана. Кто бы я ни былъ, сударыня, но я не дуракъ.

— Не говорите въ этомъ тонѣ, сэръ! убѣдительно замѣтила мистрисъ Леконтъ.— Будьте серіознѣе, прошу васъ, будьте серіознѣе!

— Невозможно, Леконтъ, возразилъ онъ.— Я не могу быть серіознѣе. Мой бѣднѣйшій батюшка, миссъ Гартъ, глядѣлъ на это дѣло съ высшей нравственной точки зрѣнія. Леконтъ, поэтому, также становится на высшую нравственную точку зрѣнія; не такъ ли, Леконтъ? Я знать не знаю ничего подобнаго. Я слишкомъ долго жилъ въ континентальной атмосферѣ, чтобы беспокоить себя какими-нибудь нравственными точками зрѣнія. Поведеніе мое, въ этомъ дѣлѣ, такъ же ясно, какъ дважды два—четыре. Мнѣ достались деньги, и я окажусь кровнымъ идиотомъ, если выпущу ихъ. Такова моя точка зрѣнія! Не мудреная, не такъ ли? Я не толкую о своемъ достоинствѣ, я не говорю вамъ о законѣ, который безраздѣльно на моей сторонѣ; я не осуждаю вашего посѣщенія, съ цѣлью попытаться и измѣнить мое рѣшеніе; я не осуждаю обѣихъ дѣвушекъ за ихъ желаніе опустить свои пальцы въ мой кошелекъ. Я говорю только, что я не такъ глупъ, чтобъ открыть его. *Pas si bête*, какъ мы говаривали въ англійскомъ кружкѣ въ Цюрихѣ. Вы понимаете по-французски, миссъ Гартъ? *Pas si bête!*— Онъ отставилъ снова въ сторону свое блюдо съ клубникой, и тщательно обтеръ пальцы своею тонкою бѣлою салфеткой.

Магдалина сдержала себя. Еслибъ она могла убить его въ это мгновеніе, поднявъ руку, вѣроятно она поддала бы ее. Но она сдержала себя.

— Понимать ли мнѣ, спросила она,— что послѣднее ваше слово въ этомъ дѣлѣ есть то, которое сказано было за васъ въ письмѣ мистрисъ Леконтъ?

— Именно такъ, отвѣчалъ Нормъ Ванстонъ.

— Вы наследовали имущество вашего отца, равно какъ и имущество мистера Андрея Ванстона, и не считаете себя обязаннымъ дѣйствовать справедливо и великодушно относительно этихъ двухъ сиротъ? Вы считаете нужнымъ сказать имъ только то, что вамъ достались деньги, и что вы не хотите разстаться ни съ однимъ фардингомъ изъ нихъ?

— Очень точно выражено! Миссъ Гартъ, вы дѣловая женщина. Леконтъ, миссъ Гартъ—дѣловая женщина.

— Не обращайтесь ко мнѣ, сэръ! воскликнула мистриссъ Леконтъ, граціозно ломая свои полныя, бѣлыя руки. — Я не могу перенести этого! Я должна вмѣшаться. Позвольте мнѣ предложить, — ахъ, какъ это по-англійски? — да, сдѣлаю. Дорогой мистеръ Нозль, вы дурно дѣлаете, отказываясь оправдать себя; у васъ есть болѣе уважительныя резоны чѣмъ тѣ, которыя сказаны вами теперь мистриссъ Гартъ. Вы сдѣдуете примѣру вашего достойнаго отца, вы считаете себя обязаннымъ изъ уваженія къ его памяти поступать въ этомъ дѣлѣ такъ какъ поступалъ онъ прежде васъ. Таковы причины его дѣйствій, миссъ Гартъ; умоляю васъ на колѣняхъ, считайте ихъ истинными причинами его дѣйствій. Онъ будетъ поступать такъ какъ поступалъ его дорогой родитель, ни болѣе, ни менѣе. Его батюшка сдѣлалъ одно предложеніе, и самъ онъ теперь возобновить это предложеніе. Да, мистеръ Нозль, вы не забудете чтò говорить эта бѣдная дѣвушка въ письмѣ къ вамъ. Сестра ея принуждена была взять мѣсто гувернантки, а сама она, потерявъ свое состояніе, потеряла надолго надежду выйдти замужъ. Вы не забудете этого, и дадите сто фунтовъ одной и сто фунтовъ другой, которые прежде предлагалъ имъ вашъ превосходный отецъ? Сдѣлавъ это, миссъ Гартъ, сдѣлаетъ ли онъ довольно? Если онъ дастъ по сту фунтовъ каждой изъ этихъ несчастныхъ сестеръ?..

— Онъ будетъ раскаиваться въ оскорбленіи до послѣдняго часа своей жизни, сказала Магдалина.

Когда отвѣтъ этотъ сорвался съ ея языка, она готова была отдать весь свѣтъ, чтобы взять его назадъ. Жало мистриссъ Леконтъ, наконецъ, тронуло у ней чувствительное мѣсто. Эти горькія слова страстно вырзались у Магдалины ея собственнымъ голосомъ.

Лишь навѣкъ въ публичныхъ представленіяхъ спасъ ее отъ увеличенія своего важнаго промаха стараніемъ исправить его. Ея опытность въ представленіяхъ явилась къ ней на помощь, и заставила ее тотчасъ же продолжать голосомъ миссъ Гартъ, какъ будто ни въ чемъ ни бывало.

— Вы желаете добра, мистриссъ Леконтъ, сказала она, — но вмѣсто того дѣлаете вредъ. Мои воспитанницы не согласятся на сдѣлку подобную предлагаемой вами. Мнѣ больно, что я высказалась такъ рѣзко; прошу васъ, извините меня.

Пытливо смотрѣла она въ лицо экономки, когда произносила эти примирительныя слова. Но та избѣжала пытливой взгляда, приложивъ платокъ къ своимъ глазамъ. Замѣтила она или нѣтъ мгновенный переходъ голоса Магдалины съ притвердаго тона на естественный? Богъ знаетъ.

— Что же еще могу я сдѣлать? проговорила мистриссъ Леконтъ, изъ-за платка. — Дайте мнѣ времени подумать, позвольте мнѣ придти въ себя. Можно мнѣ удалиться на минуту, сэръ? У меня разстроились нервы отъ этой грустной сцены. Мнѣ нуженъ стаканъ воды, иначе мнѣ отдается дурно. Не уходите еще, миссъ Гартъ. Прошу васъ дать мнѣ времени уладить это неприятное дѣло, если возможно; прошу васъ, не уходите до моего возвращенія.

Въ комнатѣ были двѣ двери. Одна—въ ея передней части лѣво отъ Магдалины и очень близко къ ней. Другая—въ задней, за спиною Магдалины. Мистриссъ Леконтъ прошла чрезъ открытую створчатую дверь, къ этой послѣдней, чтобы не беспокоить посѣтительницы. Магдалина выждала пока не отворилась и не затворилась задняя дверь, и рѣшилась извлечь всевозможную пользу изъ этого случая чтобы поговорить наединѣ съ Ноземъ Ванстономъ. Совершенная невозможность возбудить въ этой низкой натурѣ какое-либо благородное движеніе была доказана теперь опытомъ. Оставалось только говорить съ нимъ какъ съ трусомъ, и дѣйствовать на него страхомъ.

Прежде чѣмъ успѣла она заговорить, мистеръ Нозъ Ванстонъ самъ нарушилъ молчаніе. Онъ былъ полуразсерженъ, полуниспуганъ, какъ хитро ни старался скрыть это, удаленіемъ экономки. Съ недоумвніемъ глядѣлъ онъ на посѣтительницу и выказывалъ нервное безпокойство умаслить ее до возвращенія мистриссъ Леконтъ.

— Пожалуста не забывайте, сударыня, что я всегда находилъ дѣло это неприятнымъ, началъ онъ.—Вы сказали, что не желаете оскорблять меня, и я, право, также не желаю оскорблять васъ. Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ клубики? Не хотите ли осмотрѣть приобрѣтенія моего отца? Увѣрю васъ, сударыня, я въ душѣ очень добрый человекъ и сочувствую этимъ сестрамъ, особенно младшей. Заговорите о вѣжныхъ чувствахъ, и вы тронете мое слабое мѣсто. Ничто не доставитъ мнѣ такого удовольствія, какъ услышать, что женихъ миссъ Ванстонъ (право, я всегда

называю ее миссъ Ванстонъ, равно какъ и Леконтъ), я говорю, сударыня, ничто не доставитъ мнѣ такого удовольствія, какъ услышать, что женихъ миссъ Ванстонъ возвратился и женится на ней. Если осуда нѣкоторой суммы можетъ ускорить его возвращеніе, и если обезпеченіе надежно, и повѣрившій по дѣламъ моимъ найдетъ, что я...

— Остановитесь, мистеръ Ванстонъ, произнесла Магдалина. — Вы совершенно ошибаетесь въ вашемъ мнѣніи на счетъ особы, съ которою вамъ приходится имѣть дѣло. Вы сильно ошибаетесь, полагая, что свадьба младшей сестры, еслибъ она могла совершиться хоть черезъ недѣлю, измѣнить сколько-нибудь убѣжденія заставившія ее писать къ вашему отцу и къ вамъ. Я не отвергаю, что разные причины вмѣстѣ заставляютъ ее дѣйствовать. Я не отвергаю, что она не оставляетъ надежды ускорить свой бракъ и избавить сестру отъ зависимаго положенія. Но еслибъ обѣ эти цѣли были достигнуты другими путями, то она все-таки ни за что не оставила бы васъ въ спокойномъ обладаніи наслѣдствомъ, которое отецъ ея назначалъ своимъ дѣтямъ. Я знаю ее, мистеръ Ванстонъ! Она теперь несчастное созданіе безъ имени, безъ дому, безъ друзей. Законъ, который заботится о васъ и заботится о законныхъ дѣтяхъ, выкидываетъ ее, словно падаля, на вѣтеръ. Онъ за васъ — не за нее. Она въ немъ видитъ лишь оружіе мерзкаго насилия, нестерпимой несправедливости. Сознаніе этой несправедливости преслѣдуетъ ее какъ навожденіе дьявола. Рѣшимость исправить эту несправедливость горитъ въ ней какъ огонь. Еслибъ эта несчастная дѣвушка завтра же вышла замужъ и получила бы милліоны, не думайте, что она отступитъ хоть на вершокъ отъ своей цѣли. Говорю вамъ, она будетъ до послѣдняго издыханія, противиться низкой несправедливости разразившейся надъ несчастными дѣтьми, вслѣдствіе бѣдственной смерти ихъ отца! Говорю вамъ, она не отступится ни отъ одного средства, къ какому только можетъ прибѣгнуть женщина въ отчаяніи, чтобъ разжать вашу сжатую руку или умереть въ попыткѣ!

Она остановилась внезапно. Въ другой разъ, неукротимый пылъ ея выдалъ ее. Въ другой разъ, естественное благородство этой испорченной природы возвысилось надъ обманомъ. Затѣя минуты была забыта ею и

рѣшеніе' всей жизни рванулось наружу, жарче и жарче изливаясь изъ сердца ея собственною рѣчью, ея собственнымъ голосомъ. Трусливо и безмолвно сидѣлъ передъ ней подлый человѣчекъ. Страхъ позволилъ ли ему замѣтить перемѣну въ ея голосѣ? Нѣтъ; лицо его говорило правду: страхъ ошеломилъ его. На этотъ разъ, счастье поблагопріятствовало ей. Дверь позади ея стула еще не отворялась. „Только его уши слышали меня, думала она съ чувствомъ невыразимаго облегченія. Я избѣгла мистриссъ Леконтъ.“

Ничего не бывало. Мистриссъ Леконтъ вовсе и не выходила изъ комнаты.

Отворивъ дверь и, не выходя, затворивъ ее снова, экономка тихонько опустилась на колѣни за стуломъ Магдалины. Прислонясь къ косяку створчатой двери, она вынула изъ кармана ножницы, выждала пока Нозель Ванстонъ (отъ глазъ котораго она была совершенно скрыта) привлекъ вниманіе Магдалины, заговоривъ съ ней, и потомъ наклонилась съ готовыми ножницами въ рукѣ. Край платья фальшивой миссъ Гартъ, изъ темной альпаковой матеріи съ бѣлыми звѣздочками, касался пола на разстояніи доступномъ экономкѣ. Мистриссъ Леконтъ приподняла верхнюю фалбалу изъ двухъ окаймлявшихъ край платья, осторожно вырѣзала небольшой неправильный лоскутокъ изъ нижней фалбалы, и потомъ хорошенько отгнула и разгладила верхнюю, такъ чтобы скрыть вырѣзанное мѣсто. Въ то время какъ она опускала въ карманъ ножницы и подымалась на ноги (прячась за косякъ створчатой двери), Магдалина произнесла свои послѣднія слова. Мистриссъ Леконтъ спокойно повторила церемонію открытія и закрытія дверей, и скользнула на свое мѣсто.

— Чтò случилось въ мое отсутствіе, сэръ? спросила она, съ безпокойнымъ взглядомъ обращаясь къ своему хозяину.—Вы блѣдны, вы взволнованы! О, миссъ Гартъ, неужели вы забыли сдѣланное мною вамъ предостереженіе въ другой комнатѣ?

— Миссъ Гартъ забыла все, воскликнулъ мистеръ Нозель Ванстонъ, успокоиваясь при появленіи мистриссъ Леконтъ.—Миссъ Гартъ грозила мнѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Я запрещаю вамъ впередъ сожалѣть объ этихъ двухъ дѣвushкахъ, особенно о младшей. Это самая

отчаянная штука, какихъ мало! Если она не въ состояніи получить отъ меня деньги хорошими средствами, то грозить отнять ихъ у меня гнусными. Миссъ Гартъ сказала мнѣ это прямо въ лицо. Прямо въ лицо! повторилъ онъ складывая свои руки и глядя смертельно обиженнымъ.

— Успокойтесь, сэръ; сказала мистриссъ Леконтъ,—прошу васъ, успокойтесь, и позвольте мнѣ поговорить съ миссъ Гартъ. Мнѣ прискорбно слышать, сударыня, что вы забыли о чемъ я говорила вамъ въ другой комнатѣ. Вы взволновали мистера Нозля; вы повредили интересамъ, для защиты которыхъ явился сюда, и вы только повторили то что было извѣстно намъ прежде. Способъ выраженій, который вы позволили себѣ употребить въ мое отсутствіе, тотъ самый который ваша воспитанница имѣла сумасбродство употребить въ своемъ второмъ письмѣ къ моему покойному хозяину. Какъ можетъ женщина вашихъ лѣтъ и вашей опытности повторять серіозно подобныя глупости? Дѣвушка эта хвастаетъ и пугаетъ: она сдѣлаетъ то, сдѣлаетъ это. Вы пользуетесь ея довѣренностію, сударыня. Скажите же мнѣ пожалуста прямо что можетъ она сдѣлать?

Какъ ни остро было жало, но она сверкнуло безвредно. Мистриссъ Леконтъ слишкомъ ужъ часто передъ тѣмъ запускала свое жало. Магдалина встала, въ полномъ обладаніи своею ролью, и спокойно прервала объясненіе. Не зная что случилось позади ея стула, она замѣтила однако перемену во взглядѣ и приемахъ мистриссъ Леконтъ, что служило ей предостереженіемъ отъ дальнѣйшаго риска и дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ.

— Я не пользуюсь довѣренностію моею воспитанницы, произнесла она.—Когда придетъ время, собственныя дѣйствія ея будутъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Могу вамъ сказать лишь, основываясь на собственномъ знакомствѣ съ ней, что она не хвастаетъ. Что писала она мистеру Михаилу Ванстову, то она была намѣрена сдѣлать, и какъ я имѣю основаніе думать, была уже готова привести въ исполненіе, когда смерть его разрушила ея планы. Сыну мистера Михаила Ванстова стоить только продолжать идти путемъ своего отца, чтобъ увидѣть въ скоромъ времени, что я не ошибаюсь въ моей воспитанницѣ и что я приходила сюда не для пуганія васъ праздыми угрозами. Дѣло мое кон-

чено. Я оставляю мистера Ноза Ванстона между двумя путями. Онъ можетъ выбрать раздѣлъ имущества мистера Андрея Ванстона съ дочерью мистера Андрея Ванстона, или остаться при своемъ теперешнемъ отказѣ и ожидать послѣдствій.

Она поклонилась и направилась къ двери.

Мистеръ Ноза Ванстонъ вскочилъ на ноги, со смѣшаннымъ выраженіемъ досады и безпокойства, заявлявшимся прежде всего на его поблѣдѣвшемъ лицѣ. Прежде чѣмъ успѣлъ онъ открыть свой ротъ, пухлые руки мистриссъ Леконтъ опустились на его плечи, усадили его тихонько на стулъ и поставили тарелку съ клубникой на прежнее мѣсто на его колѣняхъ.

— Вы живете въ Лондонѣ, сударыня? спросила мистриссъ Леконтъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Магдалина, — я живу въ провинціи.

— Если мнѣ понадобится написать вамъ, куда адресовать письмо?

— Въ Бэрмингамскую почтовую контору, сказала Магдалина, называя послѣднее мѣсто своего пребыванія, куда посылались до сихъ поръ всѣ письма адресованныя къ ней.

Мистриссъ Леконтъ повторила адресъ чтобы лучше запомнить его, сдѣлала два шага по коридору и тихо положила свою правую руку на руку Магдалины.

— Слово совѣта, сударыня, проговорила она: — одно слово, на прощаніе. Вы смѣлая женщина и ловкая женщина. Не будьте слишкомъ смѣлы; не будьте слишкомъ ловки. Вы рискуете болѣе чѣмъ думаете! — Она быстро поднялась на носки и шепнула на ухо Магдалинѣ: *„Я держу васъ въ моей рукѣ!“* съ бѣшенымъ, шипящимъ удареніемъ на каждомъ слогѣ. Лѣвая рука ея сжалась тайкомъ при этомъ, — та самая рука, въ которой она спрятала лоскутъ матеріи отъ платья Магдалины.

— Что вы хотите сказать? спросила Магдалина, оттакаявая ее отъ себя.

Мистриссъ Леконтъ вѣжливо скользнула впередъ, чтобы открыть дверь.

— Ничего, теперь, проговорила она: — подождите немного, и время покажетъ. Еще одинъ послѣдній вопросъ прежде чѣмъ простимся съ вами. Когда воспитавница ваша была

маленькимъ невиннымъ ребенкомъ, любила она забавляться постройкой карточныхъ домиковъ?

Магдалина нетерпѣливымъ движеніемъ отвѣчала утвердительно.

— Случалось ли вамъ видѣть, какъ подымался все выше и выше ея домикъ, пока не дѣлался свершенною погодой? продолжала мистриссъ Леконтъ. — Случалось ли вамъ видѣть, какъ широко открывала она свои дѣтскіе глазки и глядѣла на него, и такъ гордилась сдѣланнымъ, что хотѣла продолжать дальше? Случалось ли вамъ видѣть, какъ осторожно приподнимала она свою хорошенькую ручку, сдерживала невинное дыханіе и клала на вершину новую карту, и какъ черезъ мгновеніе отъ всего дома оставалась лишь куча развалинъ на столѣ? А, вамъ случалось видѣть это! Передайте же ей, пожалуйста, мое дружеское слово. Я думаю, что построенный ею домикъ уже довольно высокъ и совѣтую ей быть поосторожнѣе при кладкѣ новой карты.

— Я передамъ ей ваши слова, сказала Магдалина съ безцеремонностью и выразительнымъ кивкомъ головы миссъ Гартъ. — Но я сомнѣваюсь, чтобъ она обратила на нихъ вниманіе. Рука ея тверже чѣмъ вы думаете, и я полагаю, что она положить еще карту.

— И разорить домикъ, замѣтила мистриссъ Леконтъ.

— И выстроить опять, перебила Магдалина. — Желаю вамъ добраго утра.

— Добраго утра, произнесла мистриссъ Леконтъ, отворяя дверь. — Еще одно слово, миссъ Гартъ. Подумайте о томъ о чемъ я говорила вамъ въ задней комнатѣ. Попробуйте золотую мазь противъ этого непріятнаго воспаленія глазъ.

На крыльцѣ, Магдалину встрѣтилъ почтарь съ письмомъ, вынутымъ изъ бывшей въ рукѣ его связки. Проходя палисадникомъ на улицу, она услышала какъ тотъ произнесъ вопросительно:—Новель Ванстонъ, эсквайръ?

Она вышла изъ калитки, не думая отъ какого новаго затрудненія и какой новой опасности спасъ ее своевременный уходъ. Письмо, только что переданное почтальйономъ въ руки экономки, было ни болѣе ни менѣе какъ безымянное письмо капитана Регга къ Новелю Ванстону.

IV.

Мистриссъ Леконтъ возвратилась въ приемную комнату съ доскуткомъ платья Магдалины въ одной рукѣ и съ письмомъ капитана Регга въ другой.

— Избавились ли вы отъ нея? спросилъ мистеръ Нозль Ванстонъ.— Выпроводили ли вы, наконецъ, эту миссъ Гартъ?

— Не называйте ее миссъ Гартъ, замѣтила мистриссъ Леконтъ, презрительно улыбаясь.— Она столько же миссъ Гартъ, какъ и вы. Мы имѣли удовольствіе присутствовать при искусномъ маскарадѣ, и еслибы мы сняли костюмъ съ нашей посѣтительницы, мы нашли бы подъ нимъ, пожалуй, самую миссъ Ванстонъ. Вотъ письмо къ вамъ, сэръ, только что принесенное почтальйономъ.

Она положила письмо на столъ подъ руку своего хозяина. Изумленіе мистера Нозля Ванстона отъ сообщеннаго ему открытія сосредоточило все его вниманіе на лицѣ экономки. Онъ лишь мелькомъ взглянулъ на положенное передъ нимъ письмо.

— Вѣрите мнѣ, сэръ, продолжала мистриссъ Леконтъ, спокойно усаживаясь.— Когда посѣтительница наша придетъ домой, она уложитъ свои сѣдые волосы въ коробку и выльщитъ это непріятное воспаленіе глазъ теплою водою и губкой. Еслибы она также хорошо расписала морщины на лицѣ какъ воспаленіе глазъ, я ничего не замѣтила бы и была бы навѣрно обманута. Но я видѣла сѣды кисти; я видѣла подъ грязнымъ цвѣтомъ лица кожу молодой женщины; я слышала въ этой комнатѣ истинный голосъ въ гнѣвѣ, равно какъ поддѣльный съ акцентомъ, и я ни чему не вѣрю въ наружности этой дамы. Это она сама, наша дѣвица, мистеръ Нозль,—и надобно сознаться, сибѣла дѣвица.

— Отчего же вы не заперли двери и не послали за полиціей? спросилъ мистеръ Нозль.— Мой отецъ послалъ бы за полиціей. Вы знаете не хуже меня, Леконтъ, что отецъ мой послалъ бы за полиціей.

— Извините, сэръ, замѣтила мистриссъ Леконтъ.— Я думаю, что отецъ вашъ обождалъ бы пока не накопилось

бы боаѣ дѣла для полиціи чѣмъ теперь. Мы увидимъ эту госпожу еще разъ, сэръ! Быть-можетъ, она явится сюда, въ скоромъ времени, съ своимъ собственнымъ лицомъ и собственнымъ голосомъ. Мнѣ интересно бы видѣть ея собственное лицо; мнѣ интересно бы испытать, узнаю ли я ея голосъ, когда она будетъ говорить спокойно. У меня осталась отъ ея визита маленькая память, о которой она не знаетъ, и она не уйдетъ отъ меня такъ легко какъ думаетъ. Если память эта окажется полезною, вы узнаете въ чемъ дѣло. Если нѣтъ, я не стану беспокоить васъ подобными пустяками. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, сэръ, о лежащемъ подлѣ васъ письмѣ. Вы не взглянули на него до сихъ поръ.

Мистеръ Нозъ Ванстонъ распечаталъ письмо. Прочтя первую строчку, онъ остановился въ испугѣ, пождалъ минуту въ нерѣшимости, и затѣмъ быстро прочелъ его до конца. Листокъ выпалъ изъ его рукъ, и самъ онъ упалъ на спинку стула. Съ живостью молодой женщины бросилась мистриссъ Леконтъ къ его ногамъ и подхватила письмо.

— Въ чемъ дѣло, сэръ? спросила она. Лицо ея измѣнилось при этомъ вопросѣ, а большіе черные глаза заглялись неподдѣльнымъ чувствомъ удивленія и беспокойства.

— Пошлите за полиціей, воскликнулъ господинъ ея.— Леконтъ, я требую обезпеченія моей безопасности. Пошлите за полиціей!

— Могу я прочесть письмо, сэръ?

Онъ сдѣлалъ слабый знакъ рукою. Мистриссъ Леконтъ прочла внимательно письмо, и положила его на столъ не говоря ни слова.

— Вы ничего не имѣете сказать мнѣ? спросилъ мистеръ Нозъ Ванстонъ, съ глубокимъ недоумѣніемъ выпучивъ глаза на свою экономку.— Леконтъ, меня хотятъ ограбить. Мерзавецъ написавшій это письмо знаетъ все и ничего не хочетъ сказать мнѣ безъ платы. Меня ограбить! Да здѣсь, на этомъ столѣ, находится имущества на нѣсколько тысячъ фунтовъ, имущества незамѣнимаго, котораго не могли бы добыть, есдабы захотѣли, всѣ королевскія головы Европы. Заприте меня, Леконтъ, и пошлите за полиціей!

Вмѣсто посылаки за полиціей, мистриссъ Леконтъ взяла

съ каменной доски большой вѣрхъ изъ зеленой бумаги и съѣла насупротивъ своего хозяина.

— Вы взволнованы, мистеръ Ноэль, сказала она, — вы разгорячены. Позвольте мнѣ прохладить васъ.

Съ выраженіемъ лица вовсе неласковымъ, съ меньшею живостью чѣмъ цѣлыя женщины обнаруживаютъ при освобожденіи мухи изъ кружки съ молокомъ, она, безмолвно и терпѣливо, опахивала его минутъ пять или нѣсколько болѣе. Навычный глазъ, при видѣ особой синеватой блѣдности лица его и очевидной трудности, съ которою переводилъ онъ дыханіе, не могъ бы не замѣтить, что великій органъ жизни былъ въ немъ, какъ сказала экономка, слишкомъ слабъ для исполненія своего назначенія. Сердце работало въ немъ словно сердце одряхлѣвшаго старика.

— Легче ли вамъ, сэръ? спросила мистриссъ Деконтъ. — Можете ли вы поразсудить немного?

Она встала и приложила руку къ его сердцу съ такимъ механическимъ вниманіемъ и съ такимъ отсутствіемъ душевнаго участія, какъ еслибъ она пробовала, достаточно ли нагрѣты къ столу тарелки. — Да, продолжала она, усаживаясь снова, и снова принимаясь за опахало, — вамъ уже лучше, мистеръ Ноэль. Не спрашивайте меня объ этомъ безымянномъ письмѣ, пока не подумаете о немъ сами и не выскажете сначала своего собственнаго мнѣнія. — Она продолжала опахивать его, не сводя глазъ съ его лица. — Думайте про себя, говорила она: — думайте про себя, не раздражая себя выраженіемъ вашихъ мыслей. Вѣрьте, что мое искреннее сочувствіе къ вамъ сумѣетъ прочесть ихъ. Да, мистеръ Ноэль, письмо это есть жалкая попытка напугать васъ. Чтò сказано въ немъ? Въ немъ сказано, что вы предметъ козней со стороны миссъ Ванстонъ. Намъ уже извѣстно это, — дама съ большими глазами сказала намъ это. Мы можемъ щелкнуть пальцами надъ этими кознями. Чтò сказано въ письмѣ кромѣ этого? Въ немъ сказано, что писавшій его готовъ сообщать вамъ важныя свѣдѣнія, если вы согласны платить за нихъ. Какъ сами вы называете сейчасъ этого господина, сэръ?

— Я назвалъ его мерзавцемъ, произнесъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, принимая свой важный видъ и поднимаясь по-немагоу на стулъ.

— Я согласна съ вами въ этомъ, сэръ, какъ согласна во всемъ, продолжала мистриссъ Леконтъ.— Онъ мерзавецъ располагающій дѣйствительно этими свѣдѣніями и знающій что дѣлаетъ, или же онъ орудіе миссъ Ванстоуъ: она велѣла написать это письмо, чтобы смутить насъ новою замаскировкой. Истинно ли письмо или фальшиво (не угадываю ли я вашихъ мыслей, мистеръ Нозль?), во всякомъ случаѣ, у васъ есть въ виду кое-что получше предостереженія вашихъ враговъ преждевременнымъ обращеніемъ къ полиціи. Я совершенно согласна съ вами, не надо полиціи теперь. Вы позволите этому безыменному господину или этой безыменной женщинѣ вообразить себѣ, что васъ легко запугать; въ отвѣтъ на ихъ западню, вы поставите свою; вы отвѣтите на письмо и посмотрите что затѣмъ послѣдуетъ, и заплатите за полицейскія розыски лишь тогда, когда убѣдитесь въ необходимости этого. Я и тутъ опять согласна съ вами, не надо издержекъ, если можно обойтись безъ нихъ. Рѣшительно во всемъ, мистеръ Нозль, я съ вами согласна.

— Вы такъ смотрите на это, Леконтъ, да? произнесъ мистеръ Нозль Ванстоуъ.—Я самъ думаю такъ, совершенно такъ. Я не желаю платить ни фардинга за розыски, если можно обойтись безъ нихъ.—Онъ взялъ снова письмо и очень взволновался при второмъ чтеніи.—Но господи въ этотъ хочеть денегъ! съ нетерпѣніемъ вскрикнулъ онъ.— Вы, кажется, забыли, Леконтъ, что онъ хочеть денегъ.

— Денегъ, которыя вы обѣщаете ему, сэръ, возразила мистриссъ Леконтъ,—но, какъ я прочла уже въ вашихъ мысляхъ, денегъ, которыхъ вы не дадите ему. Нѣтъ! нѣтъ! вы скажите этому человѣку: „подставьте вашу руку, сэръ,“—и когда онъ подставитъ, вы шлепнете по ней за труды, и спрячете вашу руку обратно въ карманъ. Я такъ рада, что вы смѣтаетесь, мистеръ Нозль, такъ рада, что вы развеселились! Мы отвѣтимъ на письмо объявленіемъ въ газетѣ, какъ желаетъ авторъ,—объявленія такъ дешевы! Бѣдная рука ваша дрожить не много; не взять ли мнѣ перо за васъ? Я не способна къ чему-нибудь поважнѣе, но могу всегда держать за васъ перо.

Не ожидая его отвѣта, она пошла въ заднюю часть комнаты и возвратилась съ перомъ, чернилами и бумагой. Положивъ бюваръ на козлы и глядя идеаломъ смиренной

покорности, она придвинулась еще ближе къ своему хозяину.

— Писать мнѣ подъ вашу диктовку, сэръ? спросила она.— Или не набросать ли мнѣ начерно, а вы потомъ потрудитесь поправить? Я набросаю начерно. Позвольте мнѣ взглянуть на письмо. Мы должны напечатать объявленіе въ *Times* и адресовать его „неизвѣстному другу.“ Чтò писать мнѣ, мистеръ Нозль? Позвольте; я напишу, а потомъ вы рѣшите: „*Неизвѣстнаго друга* просить означить (посредствомъ объявленія въ *Times*) адресъ, по которому можно послать къ нему письмо. За доставленіе общаемихъ свѣдѣній назначается въ награду...“ Сколько прикажите поставить, сэръ?

— Не ставьте ничего, воскликнулъ мистеръ Нозль Ванстонъ, съ внезапной вспышкой нетерпѣнія.— Деньги мое дѣло, говорю вамъ, деньги *мое* дѣло, Леконтъ. Предоставьте это мнѣ.

— Само собою разумѣется, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, протягивая бюваръ своему хозяину.— Вы будете щедры въ назначеніи награды, зная впередъ, что ничего не заплатите?

— Не учите меня, Леконтъ! Я не хочу плясать по чужой дудкѣ! произнесъ мистеръ Нозль Ванстонъ, заявляя все съ бóльшимъ нетерпѣніемъ свою независимость.— Я самъ желаю распорядиться этимъ дѣломъ. Я хозяинъ, Леконтъ!

— Вы хозяинъ, сэръ.

— Отецъ мой былъ хозяинъ у себя. А я сынъ моего отца. Говорю вамъ, Леконтъ, я сынъ моего отца!

Мистриссъ Леконтъ поклонилась съ покорностью.

— Я поставлю столько околько найду нужнымъ, продолжалъ мистеръ Нозль Ванстонъ, яростно скидывая свою бѣлокурую головку.— Я самъ пошлю въ бумажную лавку объявленіе. Служанка отнесетъ его ¹. Когда я позволю два раза, пошлите ко мнѣ служанку. Поняли вы, Леконтъ? Пошлите тогда служанку.

Мистриссъ Леконтъ поклонилась снова и тихо направилась къ двери. До совершенства знала она когда нужно

¹ Продавцы письменныхъ матеріаловъ въ Англіи, часто принимаютъ объявленія, въ качествѣ журнальныхъ агентовъ.

было вести своего хозяина за руку, когда нужно было оставить его на волю. Опытъ научилъ ее управлять имъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, и уступать потомъ въ мелочахъ. Характеристическою чертой его слабой натуры, какъ и всѣхъ слабыхъ личностей, было упрямство въ пустякахъ. Пустымъ обстоятельствомъ было въ настоящемъ случаѣ помѣщеніе цифры въ пробѣлѣ объявленія, и мистриссъ Леконтъ успокоила мнительное опасеніе хозяина не водить ли она его за носъ, немедленно уступивъ ему въ этомъ пунктѣ. „Мой лошакъ пошелъ лягаться,“ сказала она на своемъ природномъ языкѣ, отворяя дверь. „Сегодня мнѣ ничего уже съ нимъ больше не сдѣлать.“

— Леконтъ! закричалъ ей хозяинъ, когда она вышла въ коридоръ.—Воротитесь.

Мистриссъ Леконтъ воротилась.

— Я вѣдь васъ не обидѣлъ, вѣтъ? спросилъ не совсѣмъ спокойно мистеръ Нозль Ванстонъ.

— Конечно вѣтъ, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ.— Вы хозяинъ, какъ вы сейчасъ сказали.

— Доброе созданіе! Дайте мнѣ вашу руку.—Онъ поцѣловалъ ея руку и улыбулся необыкновенно довольный своею любезностію.—Леконтъ, вы достойное созданіе!

— Благодарю васъ, сэръ, произнесла мистриссъ Леконтъ. Она поклонилась и вышла. „Еслибъ была хоть капля мозгу въ этой мартышкиной головѣ, проговорила она про себя въ коридорѣ,—вотъ вышелъ бы бездѣльникъ!“

Оставшись одинъ, мистеръ Нозль Ванстонъ погрузился въ беспокойныя размышленія надъ пробѣломъ въ объявленіи. Повидимому намекъ, который сдѣлала ему мистриссъ Леконтъ касательно щедрости въ назначеніи денежной награды, при твердомъ намѣреніи не платить ихъ, былъ основанъ на глубокомъ знаніи его характера. Онъ наследовалъ скарредную жадность къ деньгамъ отца своего, не наследовалъ толковой способности отца распоряжаться деньгами. Единственною заботой его относительно своего богатства была забота объ удержаніи его. Онъ былъ до того закоренѣло скупъ, что простое предположеніе быть щедрымъ, въ одной теоріи, уже пугало его. Онъ взялъ перо, положилъ его обратно, и прочелъ въ третій разъ безыменное письмо, съ недоумѣніемъ покачивая надъ нимъ головой. „Если я пред-

ложу этому человѣку значительную сумму," пришло ему вдругъ въ голову: „почемъ я знаю, что онъ не найдетъ средствъ заставить меня дѣйствительно заплатить ее. Женщины всегда спѣшаютъ. Лекомтъ всегда спѣшитъ. У меня еще цѣлыхъ полчаса впереди; я успѣю еще обсудить это дѣло.“

Онъ съ досадою положилъ биваръ и проектъ объявленія на стулъ, съ котораго встала передъ тѣмъ мистриссъ Лекомтъ. Возвращаясь на свое мѣсто, онъ знаменательно закачалъ своею головкой и опразилъ у кофта въ свой бѣлый плафрокъ, съ видомъ человѣка поглощенного важными заботами. Минута смѣняла минуту; четверти часа и полчаса истекали другъ за другомъ на циферблатѣ мистриссъ Лекомтъ, а мистеръ Нозъ Ванстонъ все еще терялся въ раздумьи и все еще не раздавался звонокъ долженствовавшій призвать служанку.

Между тѣмъ Магдалина, оставивъ мистриссъ Лекомтъ, рѣшилась благоразумно не идти къ себѣ прямо черезъ улицу, и не прежде какъ сдѣлавъ кругъ по сосѣднимъ улицамъ, рискнула возвратиться домой. Въ Вокзалъ-Вокъ, ея вниманіе привлекала на себя прежде всего извозничья карета, стоявшая у дверей квартиры. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она увидѣла у двери хозяйкину дочь, спорившую съ извозникомъ о платѣ. Замѣтивъ, что эта дѣвушка приходилась къ ней спиной, Магдалина тотчасъ же воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и скользнула незамѣтно въ дверь.

Она прошла сѣни, поднялась на лѣстницу и, на первой площадкѣ, встрѣтилась лицомъ къ лицу со своею спутницей! Да, то была мистриссъ Реггъ, съ кучей мелкихъ покупокъ въ рукахъ, безпокойно ожидавшая исхода спора съ извозникомъ. Броситься назадъ было невозможно; шумъ раздраженныхъ голосовъ подходилъ все ближе. Остаться долѣе въ нерѣшимости было хуже чѣмъ бесполезно. Оставалось одно, — идти впередъ, — и Магдалина отчаянно рѣшилась на это. Она протолкалась мимо мистриссъ Реггъ, не говоря ни слова, бросилась въ свою комнату, скинула свой плащъ, шляпку, парикъ и спрятала ихъ въ промежутокъ между диваномъ и стѣной.

Въ первое время, удивленіе отягло языкъ у мистриссъ

Реггъ и приковало ее къ мѣсту, на которомъ она стояла. Два свертка изъ коллекціи ея покупокъ вывалились изъ ея рукъ на лѣстницу. При видѣ этой бѣды, она опомнилась.—Воры! вскрикнула мистриссъ Реггъ, пораженная внезапною мыслью.—Воры!

Магдалина услышала это чрезъ дверь, которую она не успѣла еще затворить совсѣмъ.—Это вы, мистриссъ Реггъ? крикнула она своимъ натуральнымъ голосомъ.— Въ чемъ дѣло?—Говоря это она схватила полотенце, помочила его въ водѣ и поскорѣе вытерла имъ нижнюю часть лица. При звукѣ знакомаго голоса, мистриссъ Реггъ обернулась, выронила третій свертокъ, и, забывая его въ своемъ изумленіи, поднялась на второй всходъ. Магдалина вышла на площадку перваго этажа, держа полотенце у лба, какъ будто страдающая отъ головной боли. Фальшивыя брови требовали для снятія въ некоторомъ времени, и головная боль представляла самый удобный предлогъ прикрыть ихъ.

— Что это? о чемъ это вы шумите на весь домъ? спросила она.— Пожалуста потише. Я почти ослабла отъ головной боли.

— Что такое случилось, сударыня? спросила хозяйка съ язу.

— Ничего, отвѣчала Магдалина.—Пріятельница моя робкаго нрава, и споръ съ извозчикомъ напугалъ ее. Заплатите ему что онъ проситъ, и отошлите его.

— Гдѣ же она? спрашивала мистриссъ Реггъ съ трепетнымъ шепотомъ.—Гдѣ та женщина, которая юркнула мимо меня въ вашу комнату?

— Ну, вотъ еще! сказала Магдалина.—Никакой женщины не юркнуло мимо васъ, какъ вы выражаетесь. Смотрите сами.

Она отворила дверь. Мистриссъ Реггъ вошла въ комнату, осмотрѣлась кругомъ, не нашла никого и заявила свое изумленіе, выронивъ четвертый свертокъ и отчаянно задрожавъ съ головы до ногъ.

— Я видѣла, какъ она вошла сюда, сказала съ выраженіемъ благоговѣйнаго испуга мистриссъ Реггъ.—Женщина въ сѣромъ салопѣ и капорѣ. Грубая женщина. Она юркнула мимо меня на лѣстницу, точно юркнула. Вотъ комната, а въ ней нѣтъ женщины. Ахъ, дайте мнѣ молитвенникъ! воскликнула мистриссъ Реггъ, смертельно блѣдная и роная,

одна за другою, всё свои свертки. — Мнѣ нужно прочесть что-нибудь отъ Божества. Я должна подумать о моемъ смертномъ часѣ. Я видѣла духа.

— Глупости! сказала Магдалина. — Вы бредите; ходьба по лавкамъ совсѣмъ разстроила васъ. Ступайте въ свою комнату и снимите шляпу.

— Я слышала о привидѣнiяхъ въ ночныхъ кофтахъ, въ простыняхъ, въ цѣпяхъ, продолжала мистрисъ Реггъ, стоя какъ окаменѣлая, въ заколдованномъ кругу своихъ свертковъ. — А это привидѣнiе хуже всѣхъ, привидѣнiе въ сѣромъ самопѣ и капорѣ! Я знаю что это такое, продолжала мистрисъ Реггъ, заливаясь слезами покаянiя. — Это наказанiе мнѣ за то, что я радовалась что отъ капитана ушла. Это наказанiе мнѣ за то, что у меня нынче, какъ я ходила по лавкамъ, то на одной, то на другой ногѣ ступывалась пятка. Не оставляйте меня, милая моя; дѣлайте что хотите, только не оставляйте меня!

Она схватила крѣпко за руку Магдалину, и снова задрожала вся отъ одной мысли остаться одной.

Въ такихъ обстоятельствахъ оставалось только подчиняться необходимости. Магдалина усадила мистрисъ Реггъ на стулъ такъ чтобы самой ей можно было повернуться спиной къ своей спутницѣ, пока отмачивала наклеенныя брови.

— Подождите здѣсь немного, сказала она, — попытайтесь успокоить себя, пока я буду мочить себѣ голову.

— Успокоить себя? повторила мистрисъ Реггъ. — Какъ мнѣ успокоить себя, когда я головы на плечахъ не чувствую? Жужжанiе съ поваренною книжкой ничего не значитъ передъ теперешнимъ! Вотъ тебѣ и праздникъ! Нѣтъ, ужъ будетъ, везите меня назадъ, милая моя, когда хотите везите; будетъ съ меня!

Отклеивъ наконецъ брови, Магдалина привалась искоренять всѣми возможными средствами убѣжденiя несчастное впечатлѣнiе, поразившее ея спутницу.

Старанiя оказались тщетными. Мистрисъ Реггъ не отказывалась отъ своего убѣжденiя, основаннаго на обстоятельстве, замѣтимъ въ скобкахъ, которое убѣдило бы многихъ духовидцевъ поумнѣе ея, что ее сверхъестественнымъ образомъ посѣтилъ гость изъ міра духовъ. Осторожными разспросами, Магдалина могла удостовѣриться только, что у мистрисъ Реггъ не доставало соображенiя,

чтобы въ мнимо́мъ привидѣннѣ узнать старую гувернантку которую она представляла. Успокоивъ себя насчетъ этого, остальное она могла предоставить естественной неспособности удерживать впечатлѣннѣ, когда впечатлѣннѣ эти не возобновлялись постоянно, способности составлявшей одинъ изъ характеристическихъ недуговъ слабого мозга ея спутницы. Подкрѣпивъ мистриссъ Реггъ неоднократно повторенными завѣреннѣми, что одно явленнѣ (на основаннѣ всѣхъ законовъ и правилъ относительно привидѣннѣ) не значитъ еще вичего, если вслѣдъ затѣмъ не послѣдуютъ еще два явленнѣ; обративъ, послѣ терпѣливыхъ усилнѣй, вниманнѣ ея на покупки разбросанныя по полу и по лѣстницѣ, и обѣщавъ оставить смежную дверь двухъ комнатъ полуотворенною, съ условнѣемъ что мистриссъ Реггъ, съ своей стороны, удалится въ свою комнату и не станетъ говорить болѣе объ ужасномъ привидѣннѣ: Магдалина получила, наконецъ, возможность обдумать на свободѣ событнѣе этого знаменательнаго дня.

Два важные результата послѣдовали за ея первымъ шагомъ. Мистриссъ Леконтъ подмѣтила ея обмолвку собственнымъ голосомъ; случай столкнулъ ее въ нарядѣ съ мистриссъ Реггъ.

Какими выгодами вознаграждались эти бѣды? Собраннѣемъ свѣдѣннѣй о Нюль Ванстонѣ и мистриссъ Леконтѣ, какихъ не добыла бы она и въ нѣсколько мѣсяцевъ, еслибы довѣрила нужныя ей справки другимъ. Съ однимъ неизвѣстнымъ, до сихъ поръ безпокоившимъ ее обстоятельствомъ, было покончено. Планъ, составленный ею тайно противъ Михаила Ванстона, который былъ отчасти угаданъ проицательнымъ капитаномъ Реггъ, когда она въ первый разъ говорила ему о прекращеннѣи товарищества, былъ прямо признанъ ею. теперь неудобноисполнимымъ по отношеннѣю къ сыну Михаила Ванстона. Спекуляционныя наклонности отца служили основаннѣемъ, на которомъ была построена вся система задуманнаго ею дѣла. Такой выгодной стороны не было замѣтно въ скаредномъ характерѣ сына. Мистеръ Нюль Ванстонъ былъ неуязвимъ съ той именно стороны, которая была открыта для нападеннѣя въ отцѣ его.

Послѣ такого вывода, къ чему прибѣгнуть ей въ будущемъ? Какое новое средство придумать ей, которое при-

вело бы ее тайно къ ея цѣли, вопреки злобной бдительности мистриссъ Леконтъ и скареднаго недовѣрія Нова Ванстопа?

Она сидѣла передъ зеркаломъ, механически расчесывая свои волосы, когда соображенія эти занимали ея мысль. Волненіе возбудило лихорадочный румянецъ на ея щекахъ и зажгло ея большіе сѣрые глаза. Она сознавала, что она необыкновенно хороша, сознавала какъ много выигрываетъ ея красота отъ контраста, послѣ замаскированія. Прекрасные свѣтлокаштановые волосы ея казались гуще и мягче обыкновеннаго, послѣ своего освобожденія изъ-подъ сѣдаго парика. Она закручивала ихъ туда и сюда своими быстрыми искусными пальцами, ихъ прядями опускала на свои плечи, и отбрасывала ихъ потомъ назадъ, глядясь со стороны какъ падаютъ они, и озирая свою спину и плечи, сбросившія съ себя искусственное уродство наващеннаго манто. Черезъ минуту, она снова повернулась лицомъ къ зеркалу, засунула глубоко въ волосы свои обѣ руки, и опершись локтями на столъ, стала всматриваться ближе и ближе въ свое изображеніе, пока ея дыханіе не затемнило стекла.

„Я могу любого мужчину закрутить вокругъ моего пальца, пока я сохраню мою красоту, подумала она съ улыбкой гордаго торжества. — Еслибъ этотъ презрѣнный негодяй увидѣлъ меня теперь...“

Съ внезапнымъ ужасомъ къ себѣ, отказалась она прослѣдить свою мысль до конца, съ трепетомъ отодвинулась отъ зеркала и закрыла свое лицо руками. „О Франкъ!“ прошептала она: „если бы не ты, какимъ могла бы я выйти презрѣннымъ существомъ!“ Ея горячіе пальцы вырвали бѣленькій шелковый мѣшечекъ изъ его тайника на груди, а губы покрыли его безмолвными поцѣлуями. „Душечка мой! ангелъ мой! О, Франкъ, какъ люблю я тебя!“ Слезы брызнули изъ ея глазъ. Быстро отерла она ихъ, положила на мѣсто мѣшечекъ и отвернулась отъ зеркала. „Не буду больше думать о себѣ,“ молвила она про себя, „сегодня не буду больше думать о себѣ, о безумной, о жалкой!...“

Отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій о предстоящемъ ей пути, о грозно темнѣвшемъ будущемъ, съ которымъ связанъ былъ теперь, во глубинѣ ея сокровеннѣйшихъ мыслей, Нова Ванстопа, она нетерпѣливо оглянула комнату, ища какого-нибудь домашняго занятія, ко-

торое отвлекло бы ея мысль отъ самой себя. Ея припомнилась костюмъ, сунутый ею въ промежутокъ между стѣной и кроватью. Оставить его тамъ было невозможно. Мистриссъ Реггъ (занятая теперь разборомъ своихъ покупокъ) можетъ утомиться своимъ занятіемъ, можетъ вдругъ войти въ комнату, можетъ вродти вблизи дивана и увидѣть сѣрый плащъ. Какъ быть?

Первою мыслью ея было уложить костюмъ обратно въ сундукъ. Но, послѣ случившагося, казалось опаснымъ имѣть его такъ близко при себѣ, будучи съ мистриссъ Реггъ подъ одною кровлею. Она рѣшилась отдѣлаться отъ него вывче же вечеромъ и смѣло рѣшила отослать его обратно въ Бѣрмингамъ. Въ ея сундукѣ находилась ея шляпная коробка. Она вынула эту коробку, положила въ нее парикъ и плащъ и безжалостно прихлопнула сверху шляпку. Платье (котораго она до сихъ поръ еще не снимала) принадлежало ей; мистриссъ Реггъ привыкла видѣть ее въ немъ, а потому не представлялось надобности отсылать его. Прежде чѣмъ закрыть коробку, она наскоро набросала на листкѣ бумаги слѣдующія строчки: „Я ошибкой взяла съ собою прилагаемыя вещи. Пожалуйста удержите ихъ у себя, вмѣстѣ съ другими, находящимися у васъ, моими вещами, до новаго извѣстія отъ меня.“ Положивъ бумагу сверхъ шляпки, она надписала на коробкѣ, „капитану Реггу въ Бѣрмингамъ, тотчасъ же свесла ее внизъ и послала хозяйкину дочь сдать коробку въ первой приѣмной конторѣ. „Съ этимъ затрудненіемъ покончено“, думала она, возвращаясь въ свою комнату.

Мистриссъ Реггъ все еще была занята разборомъ покупокъ на своей узенькой маленькой постели. При появленіи Магдалины, она обернулась и вскрикнула съ испугомъ.

— Ужь я думала, что опять привидѣніе, произнесла она. — Я хочу, моя милая, обратить въ пользу себѣ чтѣ случилось со мной. Я всѣ мои покупки выложила прямо и ровно, какъ пріятно было бы видѣть ихъ капитану. Пятки у моихъ башмаковъ, у обоихъ въ порядкѣ. Если я сомкну глаза сегодня ночью, хотя я этого не надѣюсь, то буду спать прямо, какъ только сумѣю сладить съ ногами. И ужь всю жизнь не захочу еще другаго праздника. Авось, Богъ дастъ, обойдется, проговорила мистриссъ Реггъ, печально покачивая головою. — Авось, Богъ мнѣ проститъ.

— Простить! повторила Магдалина.—Еслибы всѣ женщины были такъ грѣшны, какъ вы... Но полно объ этомъ толковать! Чтобы вамъ развернуть ваши покупки! Давайте-ка! Мнѣ хочется посмотреть что вы купили сегодня.

Мистриссъ Реггъ замаялась, вздохнула смиренно, подумала немного, робко протянула руки къ одному изъ свертковъ, вспомнила о сверхъестественномъ знаменіи и отшатнулась отъ своихъ покупокъ съ отчаяннымъ самовоздержаніемъ.

— Разверните вотъ этотъ, замѣтила Магдалина, чтобы ободрить ее.—Что это такое?

Поблекшіе голубые глаза мистриссъ Реггъ засвѣтились тускло, вопреки угрызениямъ совѣсти, но она самоотверженно покачала головой. Господствующая въ ней страсть хожденія по лавкамъ могла восторжествовать со временемъ, но теперь привидѣніе поглощало все ея вниманіе.

— А дешево вы купили? спросила Магдалина секретнымъ тономъ.

— Охъ, за безцѣнокъ! воскликнула бѣдная мистриссъ Реггъ, стремглавъ попадая въ западню и кидаясь на свертокъ такъ падко какъ будто ничего не случилось.

Около часу проболтала съ ней Магдалина о покупкахъ, и затѣмъ благоразумно рѣшила увести ее гулять, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ всякихъ мыслей о привидѣніяхъ.

Когда они выходили на улицу, дверь дома Нозля Ванстона отворилась, и въ ней показалась служанка съ письмомъ, которое она заботливо держала въ своей рукѣ. Сознывая, что у нея не готовъ еще планъ ни для опаденія, ни для обороны, Магдалина подумала, съ минутнымъ опасеніемъ, не рѣшилась ли мистриссъ Леконтъ открыть новыя сношенія, и не было ли это письмо адресовано на имя миссъ Гартъ.

Но не этотъ адресъ значился на письмѣ. Мистеръ Нозль Ванстонъ разрѣшилъ наконецъ свою денежную задачу. Пробѣлъ въ объявленіи былъ наполненъ, и отвѣтъ мистриссъ Леконтъ на безыменное предостереженіе капитана было теперь на пути къ напечатанію въ *Times*.

(До слѣд. №.)

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ.

Мы только сейчас из деревни, и пишем еще подъ свѣжими впечатлѣніями, которыя произвелъ на насъ современный порядокъ вещей въ нашемъ помѣщичьемъ и крестьянскомъ бытѣ, и между прочимъ устройство крестьянскихъ судовъ. Объ этомъ-то послѣднемъ предметѣ мы и намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Недавно минуло Россіи цѣлыхъ тысячу лѣтъ, а Россія все еще, говорятъ намъ, не созрѣла. Мы не знаемъ и не беремся судить, въ чемъ именно, на сколько и почему мы не созрѣли, и сколько вѣковъ намъ необходимо еще прожить, чтобы получить аттестатъ на совершенное и удовлетворительную зрѣлость. Вѣрно только то, что напрасно навязываютъ намъ незрѣлость и неопытность въ дѣлахъ и вещахъ, которыя давнымъ-давно пережилъ и теперь еще переживаетъ нашъ народъ.

Сельскіе и волостные суды въ вѣдомствѣ государственныхъ *имуществъ*, то-есть государственныхъ *крестьянъ*, существуютъ уже двадцать три года, — съ тѣхъ поръ какъ въ видахъ попечительства надъ десятью милліонами душъ государственныхъ крестьянъ было учреждено особое министерство съ подвѣдомственными ему инстанціями, палатами, окружными управленіями, волостными и сельскими расправами, съ департаментами сельскаго хозяйства и учебными фермами. Въ недостатокъ опытовъ упрекнуть насъ поэтому нѣтъ никакой возможности: было бы инте-

ресно и поучительно извлечь и сберечь результаты этихъ опытовъ, опредѣлить насколько удалась они, и если не удалась, изслѣдовать причины такой неудачи и воспользоваться въ будущемъ и при случаѣ, если не положительными, за недостаткомъ ихъ, то по крайней мѣрѣ отрицательными результатами опытовъ. Если не узнаешь что слѣдуетъ дѣлать, то будешь знать, по крайней мѣрѣ, чего дѣлать не слѣдуетъ, и въ этомъ получится немаловажный уже выигрышъ. Все дѣло заключается поэтому не въ томъ, что мы не зрѣлы и неопытны, а въ томъ, какимъ образомъ мы воспользуемся нашею опытностію; не доставитъ ли, напримѣръ, двадцатилѣтняя опытность въ судебной дѣятельности сельскихъ и волостныхъ расправъ у государственныхъ крестьянъ какихъ-нибудь полезныхъ указаній и практическихъ данныхъ для устройства волостныхъ судовъ временно-обязанныхъ крестьянъ, надъ которыми тяготѣло крѣпостное право помѣщиковъ, въ то время когда ихъ собраты, крестьяне государственные, не были подчинены этому праву, и находились подъ управленіемъ имѣвшимъ видъ свободныхъ учрежденій?...

До упраздненія въ 1861 году одной изъ двухъ инстанцій управленія государственныхъ крестьянъ, извѣстные разряды дѣлъ вѣдались въ двухъ инстанціяхъ, въ сельской и волостной расправахъ. Съ отмѣною сельской расправы, остается теперь только волостная; но судъ въ ней происходитъ на основаніи прежнихъ полицейскаго и судебного уставовъ, такъ что главныя основанія судопроизводства остаются безъ всякой существенной перемѣны.

Сельская расправа, какъ первая степень *домашняго* суда, состоитъ изъ трехъ лицъ избираемыхъ на три года. Изъ этихъ трехъ лицъ, одно есть представитель суда и въ то же время сельскій старшина; другіе два члена называются добросовѣстными,—одинъ старшій, другой младшій. Дѣла должны рѣшаться, какъ бы маловажны они ни были, по большинству голосовъ, и не иначе какъ *въ полномъ присутствіи членовъ*, мѣста которыхъ, въ случаѣ законныхъ причинъ къ неявкѣ, заступаютъ кандидаты. Разборъ дѣла хотя и допускается словесный, но члены обязаны составлять приговоръ письменный, „въ которомъ должно быть изъяснено: 1) въ чемъ именно состоялъ проступокъ; 2) былъ ли онъ умысленный, неосторожный или случайный;

3) сознался ли въ немъ виновный, и если не сознался, то чѣмъ изобличается въ немъ или чѣмъ опровергается до-
вольность или жалоба противъ обвиняемаго, и 4) заключеніе
расправы объ оправданіи или обвиненіи подсудимаго, о
мѣрѣ взысканія или наказанія за проступокъ, съ приве-
деніемъ причыныхъ статей устава, на основаніи коихъ
оное опредѣляется.“

Въ этотъ же приговоръ должно вноситься *особое* мѣненіе
того члена, который не согласенъ съ большинствомъ. Под-
писанный или скрѣпленный печатами трехъ членовъ, и
кромя того, въ случаѣ мировой сдѣлки и безграмотности
членовъ, четырьмя свидѣтелями; приговоръ, за скрѣпю
писаря, прочитывается тяжущимся, отъ которыхъ отби-
рается отзывъ объ удовольствіи или неудовольствіи на
рѣшеніе. Затѣмъ приговоръ записывается въ особую кни-
гу, потомъ вкратцѣ въ другую, штрафную, а если нала-
гается штрафъ денежный, то и въ третью.

До упраздненія сельскихъ правленій, расправа сельская
обязывалась принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла о про-
ступкахъ и по спорамъ объ имуществѣ, на сумму не свыше
пятнадцати рублей, согласно правиламъ, подробно изложен-
нымъ въ судебномъ уставѣ. Когда цѣна иска превышаетъ
пять рублей, когда обвиняемый присуждается къ наказанію
тѣлесному сверхъ двадцати ударовъ, то при неудовольствіи
обвиняемаго на рѣшеніе, оно поступаетъ на апелляцію изъ
сельской въ волостную расправу, которая утверждаетъ или
кассируетъ рѣшеніе. Въ случаѣ опредѣленія тѣлеснаго на-
казанія сверхъ двадцати ударовъ, или когда цѣна спорному
имуществу оказывается на сумму превышающую пятнад-
цать рублей, то волостная расправа въ первомъ случаѣ пред-
ставляетъ приговоръ на утвержденіе окружнаго начальства,
а во второмъ предоставляетъ тяжущимся вѣдаться въ
уѣздномъ судѣ.

Изъ описанія устройства и судебной процедуры воло-
стной и сельской расправы, съ особенною очевидностію
выставляется необыкновенная заботливость, съ которою
законодательство старалось обезпечить для тяжущихся и
обвиняемыхъ правильность и безпристрастіе суда и при-
говора. *Однличность* суда устраняется, какъ видно, со-
вершенно: разборъ дѣла и рѣшеніе происходитъ *коллегіально*,
и не иначе какъ въ полномъ присутствіи членовъ, даже со

внесеніемъ въ приговоръ особыхъ мнѣній. По закону устраняется всякое вмѣшательство чиновниковъ въ составленіи приговора; ибо сельскій старшина и волостной голова, сажащіе по выбору крестьянъ, не считаются чиновниками. Прежде нежели судьи начнутъ разбирать дѣло, они обязаны предложить тяжущимся разбираться черезъ посредниковъ, на основаніи особыхъ, существующихъ на этотъ предметъ правилъ. Еслибы тяжущіея согласились окончить дѣло миромъ, то для засвидѣтельствованія мировой сдѣлки не считается достаточнымъ подпись членовъ коллегіи, но требуются особые свидѣтели, по два съ каждой стороны. Далѣе, въ случаѣ несоглашенія между тяжущимися въ опредѣленіи цѣны спорному имуществу, цѣна опредѣляется особыми посредниками и старшиною, безъ всякаго участія добросовѣстныхъ. Наконецъ, рѣшеніе сельской расправы считается окончательнымъ въ извѣстныхъ только случаяхъ; въ другихъ же, дѣла подлежатъ аппелляціи въ волостную расправу. Однимъ словомъ, вся процедура обставлена такими формами коллегіальности и гарантіями для обвиняемыхъ, что ими можетъ удовлетвориться въкусъ самый взыскательный въ вещахъ подобнаго рода.

Не трудно угадать, кикимъ образомъ отозвалось въ дѣйствительности такое устройство суда и судебной процедуры, и какую степень довѣрія могъ вызвать подобный судъ у крестьянъ.

Въ книгахъ разсылавшихся ежегодно изъ палатъ въ сельскія расправы, для записки судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, оказывались всегда, къ концу года, чистыя разграфленныя страницы. При вопросѣ у добросовѣстнаго, какого рода дѣла находились у него въ разсмотрѣніи, онъ обыкновенно отвѣчаетъ такою улыбкой, какую можетъ вызвать на лицѣ человѣка только самая невинная шутка. Если добросовѣстный изъ трусливаго десятка, то печально понуривъ голову, онъ посматриваетъ изъ подлобья на писаря, и взоромъ своимъ умоляетъ его вывести изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставленъ онъ вопросомъ начальника ревизующаго управленіе. Встрѣчаются, правда, и дѣятельные добросовѣстные; но эта дѣятельность имѣетъ совершенно особый характеръ, и проявляется преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда добросовѣстный

ведетъ дружбу съ сельскимъ начальствомъ. Такіе добросовѣстные изыскиваютъ всевозможныя средства, какъ бы замечъ крестьянина съ жалобой на кого-нибудь изъ его одвосельцевъ, и залучивъ крестьянина въ расправу, добросовѣстный вмѣстѣ съ старшиною и писаремъ, уже не выпускаетъ изъ своихъ рукъ попавшуюся жертву, до тѣхъ поръ пока не обопьютъ, елико возможно, обѣ тяжущіяся стороны; это и называется мировою одѣлкой, о которой впрочемъ въ книгу не записывается, и которая совершается по обыкновенію въ кабацкѣ.

Этимъ ограничивается участіе добросовѣстныхъ, какъ членовъ коллегіи, въ судѣ. Въ исполненіи всѣхъ пріемовъ судопроизводства, въ собраніи уликъ, доказательствъ, опредѣленіи степени проступка и степени наказанія, на основаніи судебного устава, предсѣдатель коллегіи оказывается столь же искуснымъ, какъ и ея члены. Мы люди слѣпые, грамотѣ не знаемъ, бываетъ всегдашнимъ отвѣтомъ на вопросы, почему жалобы крестьянъ не разбираются въ расправѣ. Крестьяне дѣйствительно рѣдко относятся съ своими жалобами въ расправу, которая привлекаетъ крестьянъ преимущественно *по требованію начальника*, и за неисправную уплату податей подвергаетъ тѣлесному наказанію. При этомъ, сперва обыкновенно производится наказаніе, а потомъ уже по формѣ записывается въ книгу приговоръ. Недовѣріе крестьянъ къ сельскимъ и волостнымъ расправамъ выражается, между прочимъ, множествомъ прошеній и жалобъ, которыя подаютъ они въ высшія административныя мѣста; когда высшее начальство требуетъ настойчиво о непремѣнномъ и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, то расправы по большей части прекращаютъ дѣла на томъ основаніи, что искъ превышаетъ пятнадцать рублей, или что дѣло кончилось миромъ. Крестьяне продолжаютъ тогда обращаться съ жалобами въ палату, къ начальнику губерніи, въ министерство, нерѣдко къ министрамъ другихъ вѣдомствъ. Разказываютъ, что одноворцы одной губерніи обращались съ жалобой къ посланнику персидскаго шаха, во время проѣзда его въ Петербургъ чрезъ губернскій городъ. Большая часть жалобъ приносится крестьянками и вдовами. Желѣзца въ крестьянскомъ быту не считается ревизскою душой, никакихъ податей не платитъ, никакихъ повинностей за общество не отбываетъ, никакого права на надѣлъ зем-

лею не имѣть; однимъ словомъ „баба—не человѣкъ“. При такомъ общественномъ положеніи и безправности женщннъ, понятнo почему сельскія и волостныя расправы обращаютъ еще менѣе вниманія на разборъ и удовлетвореніе жалобъ крестьянокъ. И вотъ, баба идетъ за сотни верстъ, верѣдко съ груднымъ младенцемъ, въ губернію; послѣ многихъ мытарствъ, отыскиваетъ управляющаго палатою, и рассказываетъ ему свои горести, какъ выгналъ ее изъ дому деверь, какъ отнял у нея овецъ и свитку покойнаго мужа, или какъ живой мужъ пропиваетъ до тла все состояніе и немилосердно ее колотитъ; и на все это получаетъ она въ отвѣтъ, что дѣло рѣшить здѣсь невозможно, не выслушавъ обѣихъ сторонъ, и что жалобу ея будетъ предписано разобрать въ расправѣ. Выслушавъ такое рѣшеніе, баба становится на колѣни, повергается въ ноги, и начинаетъ вопить, что въ расправѣ она была уже много разъ, но суда ей тамъ никакого не даютъ; палата-де предписывала окружному; окружной волостному, волостной наказывалъ старшинъ, старшина старость, а суда все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Въ началѣ учрежденія волостныхъ и сельскихъ расправъ, нѣкоторыя палаты въ ежегодныхъ отчетахъ своихъ доносили, что „вообще нравственность государственныхъ крестьянъ со введеніемъ новаго управленія измѣнилась къ лучшему: лѣность, нерадѣніе къ домоводству, равно нетрезвость, хотя оставили еще нѣкоторые саѣды, но неповиновенія къ начальству и прежней склонности къ лбедамъ и тябмамъ уже незамѣтно. Довѣренность къ управленію водворяется повсюду въ казенныхъ селеніяхъ, и крестьяне значительно преуспѣли въ такомъ-то году.“ Мѣстное губернскае начальство издавало циркуляры, выставлявшіеся на самыхъ видныхъ мѣстахъ сельскихъ и волостныхъ правленій, о томъ чтобы крестьяне не осмѣливались предаваться пьянству, особенно въ воскресные дни, которые они должны посвящать богомыслию; отъ окружныхъ начальниковъ требовались ежемѣсячные отчеты о мѣрахъ, какія принимаемы были ими для улучшенія нравственности крестьянъ. Все это писали люди, безкорыстно, смиренно и искренно желавшіе блага людямъ, въѣремнымъ ихъ попеченію, употреблявшіе всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ удовлетворенію справедливыхъ жалобъ крестьянъ, къ устройству приютовъ и школъ для бездомныхъ и круглыхъ сиротъ. Однимъ сло-

вомъ, не было недостатка и въ усердіи начальства. Такимъ образомъ, все кажется было придумано при устройствѣ судовъ, съ самою благонамѣренною цѣлю, для обезпеченія тяжущихся и обвиняемыхъ; составъ суда принять коллегіальный изъ выборныхъ людей; вліяніе чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, устранено, по закону, отъ судебной власти; самая коллегія суда не пользуется полнымъ довѣріемъ законодательства, и одна гарантія громоздится надъ другою. И несмотря на все это, нельзя не сказать, что изъ громады ежегодныхъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности, по судебной части, волостныхъ и сельскихъ расправъ, невозможно извлечь ровно никакихъ указаній полезныхъ для юридической практики нашихъ сельскихъ судовъ. Нѣтъ даже сколько-нибудь достовѣрныхъ цифръ о наказаніяхъ и проступкахъ. Видно только, что изъ числа наказаній, огромную долю составляютъ тѣлесныя наказанія, и весьма малую часть составляютъ денежные штрафы, и что изъ этой малой части, самая малая дѣйствительно взыскивалась въ мірскіе капиталы.

Въ статистическомъ обзорѣ государственныхъ имуществъ за 1858 годъ, издаваемомъ по распоряженію министра въ 1860 году, не упоминается ничего о дѣятельности волостныхъ и сельскихъ расправъ. Въ отчетахъ одной губерніи, показывалось, напримѣръ, что въ 1855 году, число подвергнутыхъ тѣлесному наказанію по всей губерніи было 277 мужчинъ и 2 женщины, а въ 1856 году, 1.971 мужчина и ни одной женщины. Несообразность и неправдоподобіе такихъ цифръ, извлекаемыхъ изъ отчетовъ волостныхъ правленій, то-есть волостныхъ писарей, сами собою бросаются въ глаза.

Съ упраздненіемъ сельской расправы, какъ особой инстанціи суда, остается только расправа волостная; но тѣмъ не менѣе „сельскому старостѣ поручается, по существующему обычаю, разборъ, при участіи лучшихъ людей (старожилковъ, уважаемыхъ стариковъ и вообще людей пользующихся въ селеніяхъ особеннымъ уваженіемъ и почетомъ), домашнихъ между крестьянами-односельцами ссоръ, обидъ и жалобъ. Съ этою цѣлю предоставляется старостѣ право подвергать крестьянъ за маловажные проступки, и вообще замѣченныхъ въ буйствѣ, пьянствѣ и непослушаніи, наказанію, а именно: аресту на три два, назначенію на такой же срокъ въ общественную работу и безочеред-

нымъ нарядамъ для отправленія натуральной повинности, о чемъ волостное правленіе, по докладу старостомъ, отмѣчаетъ въ особой штрафной книгѣ.“ Затѣмъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ, виновные представляются въ волостное правленіе, гдѣ добросовѣстные, подъ предѣлательствомъ волостнаго головы, разсматриваютъ тяжбыя двѣа крестьянъ и опредѣляютъ взысканія за маловажные проступки, на основаніи сельскихъ полицейскаго и судебнаго уставовъ. Согласно такому порядку, отмѣна всѣхъ формальностей въ производствѣ суда относится къ тѣмъ лишь проступкамъ, за которые опредѣлено по уставу наказаніе старостомъ при участіи схода, въ вышеупомянутыхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, для волостнаго суда оставлена коллегія съ нѣскольکو-упрощенными формальностями; а въ низшую инстанцію суда сельскаго, съ уничтоженіемъ всякой формальности, введенъ новый элементъ—участіе сельскаго схода.

Коллегіальныя формы судебной процедуры, нисколько, какъ извѣстно, не обезпечиваютъ правильности судебныхъ рѣшеній, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся наши общіе суды не только первой, но и второй степени, то есть суды уѣздные и губерскіе, гдѣ почти всегда орудуетъ всѣми двѣами одволично секретарь. Что же сказать о значеніи коллегіальности въ сельскихъ и волостныхъ расправахъ, въ которыхъ ни одинъ часенъ не умѣетъ ни писать, ни читать, и всегда почти пьяный писарь исправляетъ обязанности секретаря?

Нѣтъ, кажется, нужды доказывать, послѣ опыта, продолжающагося двадцать слишкомъ лѣтъ, что коллегіальность сельскаго волостнаго суда, со всею его процедурой и обрядностью по правиламъ полицейскаго и судебнаго уставовъ, издаваемыхъ для употребленія въ расправахъ, не принесла ожидаемой пользы сельскимъ обывателямъ, какъ и все совершаемое для пользы народа, вѣь самаго народа, не соответствуетъ ихъ потребностямъ, и не вызываетъ нисколько ихъ довѣрія. Опытъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ, и не привелъ къ предполагаемой цѣли, къ юридическому воспитанію той части народа, къ которой прилагался опытъ.

О юридическомъ смыслѣ нашего народа говоритъ тотъ же опытъ, что какіе бы законы ни причитывалъ началь-

никъ крестьянину, какъ бы онъ ни увѣрялъ его и ни обѣщавалъ ему, что дѣло его не право, и никакому удовлетворенію жалоба его не подлежитъ, что противно закону поступить не возможно, крестьянинъ выслушаетъ начальника терпѣливо и покорно, и, вслѣдъ затѣмъ, опускается торжественно на колѣни, складываетъ и поднимаетъ руки, и увѣряетъ въ свою очередь начальника, что начальникъ все можетъ сдѣлать, если пожелаетъ. Крестьянинъ хотя и не можетъ отговариваться незнаніемъ закона, но онъ закона не знаетъ. Удивительное равнодушіе и невниманіе къ законодательству простирается у насъ до такой степени, что почти никто изъ крестьянъ, и даже сами помѣщики не знали о существованіи, напимѣръ, закона 1848 года о дарованіи крѣпостнымъ крестьянамъ права пріобрѣтать земли по купчимъ на ихъ собственное имя, а не на имя ихъ помѣщика. Если крестьянинъ до такой степени несвѣдущъ въ законахъ своего отечества, то единственнымъ олицетвореніемъ закона становится для него живое *лицо*, въ которомъ онъ желаетъ видѣть свою защиту и своего судью. И не только для нашихъ крестьянъ, но и для людей всѣхъ классовъ и состояній, обезпеченіемъ правильности суда служить не одна только буква закона; они ищутъ этого обезпеченія въ свободныхъ проявленіяхъ человѣческой совѣсти, неуловимыхъ ни въ какіе параграфы кодекса, въ приговорѣ живаго лица, въ приговорѣ присяжныхъ, для которыхъ необходимо знать законъ, не потому что они не могутъ отговариваться незнаніемъ закона, а для того чтобы знать заранѣе какому наказанію подвергается обвиняемый, если совѣсть ихъ признаетъ его дѣйствительно виновнымъ.

Мы имѣемъ поэтому основаніе предполагать, что сообразно опыту, сообразно существующимъ правамъ, степени образованія нашихъ крестьянъ, и потребностямъ ихъ въ правильномъ судѣ, *единственнымъ возможнымъ для нихъ судъ первой степени, есть судъ одноличный, съ привлеченіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ присяжныхъ.*

Если коллегіальный составъ суда ни сколько не пригоденъ для нашихъ судовъ сельскихъ и волостныхъ, то участіе сельскихъ сходоу въ судебномъ разбирательствѣ точно также не вноситъ ровно ничего въ юридическую жизнь народа, а напротивъ окончателно ее затемняетъ и забиваетъ. Мы знаемъ, что одною изъ любимыхъ темъ

извѣстнаго разряда либераловъ и дилеттантовъ самоуправленія служить мѣрской сходъ. Послушавъ этихъ господъ, можно подумать, что здѣсь-то и кроется вся тайна самоуправленія. Но дѣйствительная разгадка этой тайны вовсе однакоже не та, какую предполагаетъ невинный смыслъ усердныхъ демагоговъ, и столь же усердныхъ централизаторовъ: двѣ эти крайности сходятся и на этой почвѣ, также какъ въ большей части случаевъ, въ удивительномъ согласіи. Если первые готовы признать въ сельскомъ сходѣ и въ его рѣшеніяхъ источникъ всякаго блага для народа и его социальнаго развитія, то вторые считаютъ какъ бы недостойнымъ для законодательства страны—спускаться до такихъ низшихъ и мелкихъ сферъ народной жизни, какъ обезпеченіе личной свободы каждаго изъ сельскихъ обывателей и огражденіе правъ ихъ на имущество одѣляемое мѣдными грошами. Для нихъ важно не то чтобы народъ воспитывался юридически, не то чтобы имущественныя и личныя права каждаго находили себѣ вѣрное обезпеченіе и защиту въ законѣ и въ судѣ; для нихъ единственный интересъ заключается въ томъ, чтобы народъ исправно платилъ подати, исполняя казенныя повинности, былъ послушенъ начальству, и вообще служилъ бы надежнымъ средствомъ къ исполненію такъ-называемыхъ высшихъ государственныхъ и административныхъ предначертаній. При утверждавшемся мало-по-малу сознаніи въ бесполезности опеки надъ крестьянами учреждаемой на ихъ счетъ, и въ необходимости предоставленія самимъ крестьянамъ бѣльшаго участія въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, родилась вмѣстѣ съ симъ мысль о предоставленіи имъ такого же участія и въ судѣ надъ своими односельцами. Оставляя въ полной силѣ административную іерархію высшихъ степеней, стали считать вмѣшательство чиновничьяго элемента во внутреннее управленіе сельское или волостное не только бесполезнымъ, но и крайне вреднымъ для интересовъ крестьянъ; вмѣшательство чиновничества, съ его бюрократическими обычаями и взяточничествомъ, наши необходимымъ устранить отъ народа, какъ власть чуждую его обычаямъ и правамъ, почти какъ язву, которая своимъ присутствіемъ заражаетъ здоровую атмосферу, гдѣ вращается простой, безыскусственный, чутъ

не патриархальный бытъ народа. Пусть, говорятъ, живутъ, распоряжаются и судятся они по своимъ обычаямъ и потребностямъ, сами собою, и пусть вырабатываются такимъ образомъ изъ этой самостоятельной жизни, сами собою, органически, формы мѣстнаго суда. Человѣчество же должно оставаться въ сторонѣ, *только* для наблюденія за исполненіемъ обязанностей крестьянъ въ отношеніи къ правительству и начальству. При этомъ всегда бываетъ готовъ достаточный запасъ весьма убѣдительныхъ примѣровъ мудрости рѣшеній и приговоровъ, поставленныхъ мірскими сходами, мудрости не заимствованной, но своей собственной, туземной.

Всѣ иллюзіи о глубокихъ достоинствахъ и мудрости сельскихъ сходоу разлетаются, какъ дымъ, при первомъ сопряженіи съ суровою дѣйствительностію, предъ неотразимымъ свидѣтельствомъ фактоу. Что можетъ выработаться, спросимъ у себя, какое обычное право, какія формы суда, въ той средѣ, гдѣ люди помышляютъ искажительно, въ своихъ курныхъ избахъ гдѣ трескаются волосы на головѣ, объ удовлетвореніи своихъ потребностей въ пищѣ и въ одеждѣ, гдѣ мысль объ ежедневномъ пропитаніи поглащаетъ всю дѣятельность человѣка, и гдѣ онъ не можетъ осмыслить, правильно сознать и выразить свои дѣйствительныя общечеловѣческія потребности? Онъ, конечно, сознаетъ эти потребности; но степени сознанія бываютъ весьма различны. Спросите у невольника на плантаціи, какія его потребности, и какую форму суда онъ находилъ бы для себя наиболѣе удовлетворительною. Самый мягкосердый изъ невольниковъ отвѣтитъ вамъ, что онъ желалъ бы получать поменьше палочныхъ ударовъ отъ своего хозяина; а другой скажетъ, что всѣхъ плантаторовъ слѣдовало бы переѣшать. Изъ подобныхъ элементовъ едва ли можетъ выработаться что-нибудь органическое; подобная среда останется навсегда въ окаменѣломъ спокойствіи, которое по временамъ будетъ нарушаться убійствами, поджогами и матажами. Поднимемся на нѣсколько ступеней выше: мірская сходка не новостъ, о мірскомъ сходѣ, и о судѣ по обычаямъ и черезъ стариковъ, чуть ли не писалъ еще преподобный Несторъ; и если черезъ тысячу лѣтъ, мы пришли именно къ такой формѣ суда, то въ этомъ, конечно, не важная еще находка. Нѣтъ

никакого сомнѣнія, что мірской сходъ, какъ собраніе людей разсуждающихъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ и рѣшающихъ вопросы, которые касаются интересовъ цѣлой общины, есть первое зерно гражданственности, и составляетъ одно изъ первыхъ проявленій общественной жизни. Но зерно это можетъ остаться на вѣки вѣковъ однимъ зерномъ, если шелуха, въ которую оно заключено, будетъ недоступно благотворному дѣйствию круга свободной, болѣе сильной, болѣе зрѣлой образованной среды, которая могла бы сообщить дальнѣйшій ростъ и развитіе этому зерну. Грубость и неразвитость отнюдь не есть еще непремѣнный признакъ свѣжести и силы; общество можетъ одряхлѣть и преспокойно сгнить на первой и очень еще молодой ступени своего развитія. Самые жаркіе защитники нашего сельскаго схода должны огласиться, что мудрость его не далеко ушла въ продолженіи десяти вѣковъ, и кабакъ не потерялъ нисколько своей силы и рѣшительнаго вліянія на воѣ его приговоры. А между тѣмъ, потребности сельскаго общества замѣтно измѣнились и ушли впередъ, сообразно измѣненію и движенію общихъ экономическихъ условій цѣлой страны и сообразно тому понятію о достоинствѣ человеческой личности, которое успѣло, не смотря на всѣ стѣсненія, проникнуть сюда изъ другой болѣе образованной среды. Когда законодательство страны, оставляя безъ вниманія такъ-называемые низшіе классы людей, предоставляетъ сельскія общества самоуправленію; то предположъ къ этому равнодушію, имѣющему видъ благонамѣренной децентрализаціи, служитъ обыкновенно то, что быть этихъ сословій саишкомъ еще просто и несложно, что потребности ихъ маловажны и немногочисленны, и жизнь ихъ приближается чуть ли не къ первобытнымъ временамъ простоты и невинности. Но кто знаетъ быть нашихъ крестьянъ и отношенія нашихъ сельскихъ обывателей къ землѣ и къ различнымъ формамъ ея владѣнія, тотъ легко пойметъ, что всякія предположенія о патриархальности быта, допускающаго отсутствіе писаннаго закона, не могутъ имѣть никакого приложенія къ нашимъ сельскимъ обществамъ, и происходятъ единственно отъ совершеннаго незнакомства съ дѣйствительными потребностями этихъ обществъ. Изъ числа такихъ потребностей, нашего крестьянскаго сословія, живо чувствуется, между прочимъ, потребность правильнаго и

скаго суда, но въ мірскомъ сходѣ, не заключается не обходимыхъ для этого условій. Если, съ другой стороны, сочинить судебный уставъ, самый пространный и подробный, для руководства сельскому или волостному сходу или судьямъ избраннымъ изъ лицъ того же схода, то всякій уставъ останется мертвою буквою. Уставъ будетъ читать только писарь, съ тѣмъ чтобы пользоваться употребленіемъ его какъ своею привилегіей, и кормиться имъ. Нѣтъ ничего печальнѣе, и въ то же время опаснѣе, положенія того общества, которое при живомъ и горячемъ сознаніи своихъ потребностей, не замѣчаетъ въ самомъ себѣ силъ и способовъ для того чтобы ясно высказать и разумно удовлетворить эти потребности.

Одно горячее и не ясное сознаніе обладаетъ только разрушительными силами слѣпаго инстинкта, чему наша отечественная исторія представляетъ не мало примѣровъ.

Въ такомъ безвыходномъ состояніи будетъ находиться то общество, которое насильственно замкнуто въ извѣстную сословную сферу, и къ которому внѣшняя сила не допускаетъ никакихъ болѣе сильныхъ и болѣе образовательныхъ элементовъ изъ другихъ сословій, также въ свою очередь замкнутыхъ въ ихъ привилегію и сословныя права. Если мірскіе сходы не въ состояніи сами выразить и формулировать свои потребности правильнаго и скаго суда, то естественно рождается вопросъ: *признаютъ ли эти сходы полезнымъ выбирать для себя судей изъ собственной среды?*

Самое благотворное свойство цивилизаціи заключается въ привлеченіи всѣхъ лучшихъ силъ народа. Не будь этой привлекающей силы, приходилось бы отчаиваться въ возможности для большинства людей всякаго развитія и успѣховъ гражданственности.

Масса народа, угнетаемая ежедневными, столько же человѣческими, какъ и общеживогными потребностями, не перестаетъ инстинктивно искать живаго источника своей силы въ той средѣ, которая менѣе поработана необходимою поденнаго физическаго труда, и которая своимъ нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ стоитъ выше уровня образованія простаго народа. Всякій, въ комъ не уснули или не забыты общечеловѣческія свойства, желаетъ улучшить свой бытъ матеріальный, съ тѣмъ чтобы

поднять свои умственные и нравственные силы и приблизиться къ классамъ людей, обладающихъ и тѣмъ и другимъ. Такое тяготѣніе естественно и законно, и если вмѣсто тяготѣнія обнаруживается недовѣріе, боязнь, отвращеніе и вражда, то причины такого грустнаго явленія заключаются въ тѣхъ искусственныхъ перегородкахъ, которыя разъединяють сословія, ихъ интересы и взаимныя отношенія. Неравноправность и сословные предразсудки останутся навсегда источниками взаимнаго недовѣрія и вражды одного класса людей къ другому, и будутъ всегда нарушать простой и естественный законъ свободнаго подчиненія менѣе образованныхъ болѣе образованнымъ классамъ. Нигдѣ съ большею ясностію и силою не можетъ выразиться этотъ законъ, какъ въ существованіи независимой судебной власти, равно одинаковой для всѣхъ классовъ общества и равно признаваемой всѣми классами за наиболѣе способную и достойную къ исполненію возлагаемыхъ на нее обязанностей. Такая судебная власть есть самое прочное звено, связывающее различные классы людей и поддерживающее ихъ взаимное довѣріе и силу.

Нѣтъ, поэтому, ни малѣйшаго основанія предполагать какую-нибудь пользу отъ такого устройства сельскихъ и волостныхъ судовъ, въ которыхъ судьи непременно должны быть избираемы изъ лицъ крестьянскаго сословія, и судить притомъ коллегиально или цѣлымъ сходомъ. Нѣтъ также никакого основанія ожидать, чтобы выработалось что-нибудь изъ такой судебной практики, сколько бы времени она ни продолжалась. Такіе суды всегда подвергнутся той же участи, какъ волостные и сельскіе суды государственныхъ крестьянъ; крестьяне не будутъ имѣть къ нимъ никакого довѣрія и уваженія, будутъ избѣгать и бояться ихъ, будутъ признавать не оудами, а *расправами*, въ буквальномъ значеніи этого слова, и дѣла въ такихъ судахъ будутъ возбуждаемы исключительно по *требованіямъ начальства*.

Признавая вполне, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, необходимость отдѣленія судебной власти отъ административной, мы тѣмъ не менѣе не можемъ придавать особенно важнаго значенія такому приложенію этого принципа, какъ устраненіе волостныхъ старшинъ отъ участія въ волостныхъ судахъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Послѣднія развѣтвленія суда и администраціи такъ тонки, что значеніе того и другаго становится здѣсь почти однороднымъ, и сліяніе ихъ во власти одного лица, мирового судьи, было бы въ этомъ случаѣ дѣломъ желательнымъ для крестьянъ.

Что касается до выборныхъ судей изъ крестьянъ, то мы не понимаемъ ихъ значенія иначе какъ въ смыслѣ присяжныхъ. Суды временно-обязанныхъ крестьянъ тамъ только идутъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, гдѣ мировые посредники, пользуящиеся довѣріемъ крестьянъ, вмѣшиваются, по просьбамъ тяжущихся, въ суды, объясняютъ судьямъ спорныя дѣла и даютъ направленіе ихъ приговорамъ. Но гдѣ мировые посредники совершенно отстраняютъ себя, какъ того требуетъ законъ, отъ подобнаго вмѣшательства, тамъ безпрерывно повторяются случаи въ родѣ слѣдующаго: Въ нашемъ селѣ, въ число судей выбраны Лапша и Жукъ; изъ нихъ Лапша имѣетъ привычку рубить лѣсъ въ чужихъ дачахъ, а Жукъ бываетъ каждую недѣлю по три раза пьянъ, и по этой то именно причинѣ и выбранъ въ судьи; ибо какъ мужикъ ледаций, онъ на заработки не отлучается и для своего семейства бесполезенъ. Пусть его сидитъ дома: зла отъ этого никому-де не будетъ. Съ назначеніемъ Лапши въ судьи, онъ не имѣлъ никакого основанія оставить свою привычку воровать лѣсъ, и караульщикъ помѣщика поймалъ его на самомъ мѣстѣ воровки. Помѣщикъ представилъ Лапшу въ волостной судъ, который при участіи Жука такимъ образомъ разсудилъ дѣло о поступкѣ своего коллеги: съ караульщика взыскать три рубли серебромъ штрафа, за то что онъ оскорбилъ Лапшу, назвавъ его воромъ; а Лапшу отъ всякаго наказанія освободить, потому что онъ рубилъ лѣсъ днемъ, а не ночьюю.

Въ умѣнѣ отличать такіе отѣнки проступка, какъ воровство днемъ и воровство ночью, можно пожалуй имѣть доказательство глубокаго юридическаго смысла врожденнаго славянскому племени.

Н. В.

ПРИМИРЕНИЕ.

(Подражаніе А Шенье.)

I.

Все легко мнѣ теперь!.. Ужасная развязка!
Съ доверчивыхъ очей свалилася повязка;
Блаженства моего пробилъ послѣдній часъ;
Все кончено: она другому отдалась!..
И все не вѣрю я! Ужели въ самомъ дѣлѣ
Она лукавила? О, для какой же цѣли
Свободную любовь отъ друга укрывать
И ласки нѣжныя насильно расточать?
И въ очи мнѣ смотрѣть съ безумнымъ упоеньемъ?
И сердце мнѣ терзать ревнивымъ подозрѣньемъ?
Зачѣмъ въ ночной тиши, со мной наединѣ,
Прильнувъ къ моей груди, она шептала мнѣ
Такія сладкія и страстныя названья, —
И разжигала вновь уснувшія желанья,
То вдругъ сомнѣнія ревниваго полна,
Мгновенно дѣлалась сурово-холодна?
Зачѣмъ она сама мнѣ прямо не открыла,
Что ей любовь моя навѣки опостыла,
Что сердцу пылкому теперь другой ужъ милъ?
Собравшись съ мужествомъ, я все бы ей простилъ, —

И разставаясь съ ней на вѣчную разлуку,
 Я могъ бы протянуть ей дружескую руку,
 Я могъ бы слезы лить!.. Теперь нѣтъ слезъ!.. Она
 Уже уличена въ обманъ, въ преступленіи:
 Презрѣнья одного, холоднаго презрѣнья,
 Къ безчестной женщинѣ душа моя полна!

II.

Достанетъ ли во мнѣ разсудка, твердой воли,
 Чтобъ покорить себя своей суровой долѣ,
 Чтобы разстаться съ ней, разстаться навсегда?..
 Камилла такъ нѣжна, прекрасна, молода,
 И я... я молодъ такъ! Могу ль я съ ней разстаться?
 Я только началъ жить, лишь началъ разгораться
 Желаній первый жаръ въ прѣспнувшейся крови:
 Могу ли прожить спокойно безъ любви,
 Одинъ въ своемъ углу безъ ласковой подруги?
 Съ кѣмъ буду я дѣлать вечерніе досуги?
 Кто, въ мрачные часы моихъ тоскливыхъ думъ,—
 Когда въ уныніи безмолвень и угрюмъ,
 Сажу я, на руку склонившись головою,—
 Приблизится ко мнѣ знакомой мнѣ стопою,
 И съ тихой нѣжностью обнявъ меня рукой,
 Мнѣ скажетъ ласково: „Ты грустенъ! что съ тобой?“
 Да, все, что сердце мнѣ и грѣло и живило,
 Теперь утрачено! Безцвѣтно и уныло
 Жизнь снова потечетъ размѣренной чередой:
 Сегодня книги, трудъ да сонъ, и завтра то же.
 Съ какой мучительной, гнетущею тоской
 Сегодня утомленъ работою дневной,
 На опостылое я опущуся ложе!
 И къ утру, пробужденъ желаньемъ и зарей,
 Забывъ недавнюю суровую разлуку,
 Начну отыскивать привычную руку
 Подруги молодой привѣтливую руку
 И не найду ее и вспомню жребій свой,—
 Что я... я одинокъ, что друга нѣтъ со мной.

III.

Нѣтъ, гавѣвъ любовника и слабѣ и скоротеченъ!
 Скажите какъ я могъ быть такъ безчеловѣченъ?
 Какъ могъ я не простить красавицы моей?
 Когда бы вы видѣли, друзья, что стало съ ней—
 Съ моею подругою надменною, своеюравною!
 Камилла гордая, такъ часто, такъ недавно
 Встрѣчавшая меня съ нахмуреннымъ челомъ,
 Теперь, дрожащая, унижена стыдомъ,
 Худая, блѣдная, убитая позоромъ,
 Съ молящимъ, любящимъ и робко-нѣжнымъ взоромъ,
 Съ лицомъ, измученнымъ раскаянья тоской
 И одинокими бессонными ночами,
 Съ очами впалыми, поблекшими очами,
 Какъ привидѣніе, стояла предо мной,
 Стараясь задушить въ груди своей рыданья:
 Дрожащія уста шептали оправданья,
 Рѣчь обрывалася и голосъ замиралъ,—
 И я, растроганный, рыдающій, смущенный,
 Глубоко любящій, глубоко потрясенный,
 Не помня ничего, на грудь ея упалъ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

Москва.

9-го іюля 1852 г.

ГОСПОДИНЪ ЕРАНДАЕВЪ.

ГЛАВА ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕБАНОВОСА.

Я миновалъ уже четвертую станцію; не болѣе двадцать верстъ оставалось до города, какъ мой тарантасъ, до сихъ поръ мнѣ вѣрно служившій, вдругъ покачнулся и сѣлъ на бокъ.

— Знать, колесо слетѣло... замѣтилъ ямщикъ, сѣвъая съ козель:— такъ и есть! Вишь, разсыпалось... Известно, теперь засуха.

— Какъ же быть? сказалъ я, выскакивая изъ тарантаса.

— Да какъ быть, говорилъ ямщикъ, глядя на колесо:— кабы кузнецъ, онъ бы перетянулъ... Ничего не подѣлаешь! Нешто вернуться на станцію? Какъ-нибудь дотащимся... Такъ опять тамъ нѣтъ кузнеца...

— Да нѣтъ ли гдѣ-нибудь по близости?..

— Есть въ Крючковѣ; такъ далече: верстъ пять будетъ въ сторону.

— Ну, тащи какъ-нибудь въ Крюково... Это лучше.

— Тащи-то-тащи, да какъ его тащить, говорилъ ямщикъ, продолжая смотрѣть на колесо, хотя оно не представляло ничего особенно замѣчательнаго. Затѣмъ онъ взвалилъ колесо на козлы; нашелъ какое-то бревно, при-

крѣпилъ его къ оси веревкою, и тронулъ лошадей. Мой тарантасъ вдругъ превратился въ плугъ: онъ проводилъ глубокую борозду по дорогѣ. Ямщикъ шелъ подлѣ лошадей, я нѣсколько поодаль. Спустия минутъ двадцать, ямщикъ свернулъ съ большой дороги и поѣхалъ просекомъ.

— Отсюда, сказалъ онъ:—версты три до Крючкова.

Узкая дорожка, по которой тащился тарантасъ, была изрыта; насъ окружало пожелтѣвшее поле сожженное солнцемъ; и только послѣ получасоваго движенія мы увидѣли признаки усадьбы: длинную плотину и двѣ водяныя мельницы. Я пошелъ впередъ, къ плотинѣ, и наковедь оставилъ тарантасъ далеко за собою. На плотинѣ—признаки жизни: босоногій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ сивей, дыривой рубашкѣ и безъ шапки, гонить двухъ козъ, размахивая хворостиной.

— Мальчикъ, ты откуда? спросилъ я.

— Съ поля; а что?

— Да нѣтъ: ты чей?

— Чей? Ерандаихинъ.

— Она гдѣ живетъ?

— Извѣстно гдѣ: въ Крючковѣ живетъ.

— А, такъ въ Крючковѣ, помѣщица... Она одна живетъ?

— Извѣстно, съ баринкомъ, съ Ерандаевымъ.

— А баринъ дома?

— Да гдѣ жь? Долженъ быть дома.

— Не спитъ теперь? Что онъ...

— Извѣстно что: юродничаетъ...

— Какъ-такъ?

— Всѣ говорятъ, юродничаетъ...

— Что же такое онъ дѣлаетъ?

— А кто жь его знаетъ что онъ дѣлаетъ!

„Мальчикъ не шибко развитъ“, подумалъ я и спросилъ:— Ты можешь проводить меня прямо къ барину?

— Для чего! можно! сказалъ мальчикъ:—теперь его никто не боится.

— Вотъ какъ... А далеко до барскаго дома?

— Недалече, за плотиной...

Слѣдуя за мальчикомъ, я прошелъ плотину, и только что повернулъ направо, передо мной открылась барская усадьба: дикій деревянный домъ, съ четырьмя бѣлыми колонами, возвышается надъ группою другихъ построекъ; за

домомъ виденъ большой садъ, правѣ рѣка, которая, огибая садъ, пробѣгаетъ по зеленому лугу и далѣе исчезаетъ за лѣсомъ. Большой дворъ дома обнесенъ досчатымъ заборомъ.

— Вотъ тебѣ и баринъ, сказалъ мальчикъ, указывая на существо, стоявшее у воротъ, въ халатѣ.

— Такъ это баринъ? господинъ Ерандаевъ? спросилъ я.

— А то кто жь? сказалъ мальчикъ.

Я пошелъ къ барину; увидя меня, онъ принялся жолоткомъ колотить ворота.

— Кто бъ вы ни были, милостивый государь, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и прерывая работу:—вы видите предъ собой помѣщика двухсотъ душъ, который самъ починяетъ ворота... люди совершенно ничего не хотятъ дѣлать! Вотъ какое наше положеніе!.. До чего мы дожили!..

Господину Ерандаеву лѣтъ около пятидесяти; онъ средняго роста, болѣе сухощавъ нежели полонъ, лицо его красновато, волосы съ просѣдью, животикъ не большой и совершенно круглый; когда онъ говоритъ, то обнаруживаетъ маленькіе, рѣдкіе зубы, и его нижняя челюсть дрожить немного. Я подошелъ къ г. Ерандаеву и, кланяясь ему, сказалъ: „И я въ критическомъ положеніи“. Я разказалъ о томъ происшествіи, которое привело меня къ нему и, въ заключеніе, выразилъ мои надежды...

— Милостивый государь, вдругъ сказалъ Ерандаевъ:—смѣю спросить:—вашъ чинъ, имя, отчество и фамилію, и буде служите, мѣсто вашего служенія?

Я объявилъ.

— Въ такомъ разѣ, покоряѣйше прошу къ намъ въ домъ. Я затѣмъ больше и вышелъ, говорилъ Ерандаевъ, идя со мной по двору:—жду мирового... пускай онъ самъ увидитъ что мы отъ этихъ людей терпимъ... вы вообразить не можете!..

На крыльцѣ дома насъ встрѣтила дама, довольно высокаго роста, среднихъ лѣтъ, съ продолговатымъ, нѣсколько желтымъ лицомъ, и съ каштановыми волосами начесанными на щеки. Повидимому, она ожидала встрѣтить во мнѣ знакомаго или посредника, потому что взглянувшись въ меня, нѣсколько смѣшалась.

— Это мой истинный другъ, сказалъ мнѣ г. Ерандаевъ:—вотъ мы вмѣстѣ бѣдствуемъ... А это, добавилъ онъ, под-

воля меня къ дамѣ:—въ критическомъ положеніи путешественникъ, господинъ Чебоносозъ.

Я поклонился хозяйкѣ.

— Вы женаты? вдругъ спросилъ Ерандаевъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Желаю вамъ, сказалъ онъ: найдти себѣ такую жену, какъ моя Капитолина Михайловна... Знаете, на свѣтѣ много женъ; но найти истиннаго друга — трудно... Покорнѣйше прошу въ покое.

Мы прошли безлюдную переднюю, обширную и пустую залу, и вошли въ кабинетъ хозяина. Когда мы сѣли, господинъ Ерандаевъ, охвативъ руками свои колѣни, сказалъ, обращаясь къ Капитолинѣ Михайловнѣ:

— Съ господиномъ Чебоносозомъ случилось несчастье: изломался тарантасъ.

— Какая неприятность! сказала Капитолина Михайловна.

— Вотъ что я вамъ скажу, милостивый государь продолжалъ Ерандаевъ, относясь ко мнѣ: — кузнецъ у насъ есть; и я считаю христіанскимъ долгомъ всякую помощь оказать страждущему, но... кузнецъ—не дворовый! я не имѣю на него никакого вліянія... Будь онъ дворовый, я бы сумѣлъ его заставить починить вашъ тарантасъ въ двѣ минуты; я ужъ привялъ такія мѣры... У меня заведенъ вотъ какой порядокъ: всѣмъ дворовымъ я назначилъ хорошее жалованье, хотя *Положеніемъ* владѣлецъ къ тому не обязывается, ибо тамъ жалованье дворовому не опредѣлено. Но я за всякую несправность дворовой души произвожу вычетъ изъ жалованья; и сей вычетъ не поступаетъ въ мою пользу,— нѣ—етъ!.. — Господинъ Ерандаевъ остановился.

— Да, это мнѣ очень нравится! сказала Капитолина Михайловна:—онъ прекрасно придумалъ...

— Я какъ произвожу вычетъ? продолжалъ г. Ерандаевъ:— У меня есть гербовая бумага всякихъ цѣвъ; и въ случаѣ слушанія двороваго, я излагаю ему мою просьбу на гербовой бумагѣ. Весьма естественно, что чѣмъ важнѣе проступокъ, тѣмъ дороже бумага для сего употребляется; при выдачѣ же виновному жалованья, деньги за бумагу, употребленную на его обузданіе, удерживаются и какъ бы поступаютъ въ казну...

— Знаете, сказала Капитолина Михайловна:— не скажутъ, что мы изъ корысти дѣлаемъ вычетъ...

— Нѣ-етъ! ужъ не скажутъ, что любостяжателявъ, нѣ-етъ!.. повторяя господина Ерандаевъ, и его нижняя челюсть сильно дрожала.

— У насъ даже живетъ для этого старичокъ, онъ изъ семинаристовъ, сказала Капитолина Михайловна:—мы платимъ ему пятнадцать рублей въ годъ...

— Да, Силчъ, добавилъ Ерандаевъ: — онъ прочитываетъ людямъ прошенія и ведетъ вѣдомость... Знаете, такимъ образомъ дворовые и къ письменности приучаются.

— Еслибы вы знали какъ трудно съ ними ладить! сказала Капитолина Михайловна:—вы себѣ представить не можете что мы терпимъ отъ этихъ людшекъ! Около насъ теперь только и прислуги, что мальчикъ да дѣвочка...

— И тѣ, присовокупилъ Ерандаевъ,—боятся насъ единственно по малолѣтству... Ничего, милостивый государь, не могу для васъ предпринять: ибо кузнецъ—не дворовый!

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я:—позвольте мнѣ обратиться прямо къ кузнецу.

— Вы гораздо лучше сдѣлаете, замѣтила Капитолина Михайловна,—если отнесетесь къ нему какъ будто безъ нашего вѣдома...

— А то онъ вамъ ничего не сдѣлаетъ... дополнилъ Ерандаевъ.—Но просимъ бы васъ съ нами откушать, ибо уже второй часъ, время обѣда. Пока вы будете толковать съ кузнецомъ, обѣдъ готовъ будетъ... Эй! готовьте столъ... Васька! Палатка!.. Гдѣ Васька?

На зовъ явилась красноногая, босая дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, въ затрапезномъ платьѣ, безъ талии, и потомъ побѣжала отыскивать Ваську. Я отправился на деревню, и скоро съ кузнецомъ поладилъ; но колесо не могло быть готово ранѣе утра слѣдующаго дня; ямщику нельзя было ожидать: онъ уѣхалъ, и я остался безъ лошадей, съ одною надеждой на великодушіе Ерандаевыхъ.

Возвратившись въ домъ, я нашелъ хозяевъ въ сильномъ волненіи.

— Вотъ, сказалъ, увидя меня, господинъ Ерандаевъ: — будьте вы свидѣтелемъ нашего, можно сказать, отчаяннаго положенія: не только обѣдъ до сихъ поръ не готовъ, но и никто не говоритъ когда онъ будетъ!

— Просто можно сойти съ ума отъ этихъ безпорядковъ! воскликнула Капитолина Михайловна.

— Нечего дѣлать, сказалъ Ерандаевъ, — нужно обратиться къ мѣрѣ взысканія...—Онъ вынулъ изъ комода листъ гербовой бумаги, въ четырнадцать копѣекъ, безъ титула, и мелкимъ, но крючковатымъ почеркомъ на немъ написалъ:

„Госпожѣ кухаркѣ,

„Отъ ея бывшаго барина, артиллеріи поручика,
„Ивана Антонова Ерандаева,

„нижайшее прошеніе:

„Милостивая Государыня,

„Аксинія Ивановна!

„Вашъ бывшій баринъ, Иванъ Антоновичъ, нижайше васъ проситъ поскорѣе стряпать: ибо гость проѣзжій и проголодался. А кушаніе вамъ уже давно извѣстно; оно суть: 1) щи съ бараниной, и къ онымъ пирожки съ ветчиной, 2) соусъ съ грудинкой и съ стручками, 3) на жаркое будутъ бекасы, которыхъ ѣбилъ Андрюшка, а 4) пирожное—кудри съ клубничнымъ вареньемъ, каковое вы уже давно получили отъ барыни.

„Ожидаемъ вашего благораспоряженія.

„Артиллеріи поручикъ Иванъ Антоновъ Ерандаевъ.“

Повидимому, Иванъ Антоновичъ для того только распространился въ своемъ прошеніи, чтобы щегольнуть передо мною своимъ слогомъ.

— Васька! закричалъ онъ, свертывая бумагу вчетверо. На зовъ прибѣжавъ бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ четырнадцать, въ синемъ казакинѣ и безъ сапогъ.

— Вотъ отдай эту бумагу госпожѣ кухаркѣ, Аксиньѣ Ивановнѣ, сказалъ Ерандаевъ.

Мальчикъ взялъ бумагу и въ прискокку выбѣжалъ изъ комнаты. Минуть черезъ десять онъ возвратился, и едва удерживаясь отъ смѣха, сказалъ: — Кухарка велѣла доложить...—Ваську прорвало: онъ зажалъ носъ и разразился смѣхомъ.

— Ты чему смѣешься, каналья? спросилъ Ерандаевъ, вставая.

— Вотъ подумайте! сказала Капитолина Михайловна, тоже вставая и подходя къ Васькѣ.

Мальчикъ еще чмыкнулъ и убѣжалъ изъ комнаты.

— Вотъ вы посторонній человѣкъ, сказала, обращаясь ко мнѣ, Капитолина Михайловна:—вы сами теперь видите что мы терпимъ.. вотъ такъ во всемъ..

Въ комнату вошла кухарка Аксинья, высокая женщина, съ засученными рукавами.

— Я бы давно отпустила обѣдъ, сказала она, наклоня голову и выставляя руки впередъ:—да Андрюшка только что пришелъ и не принесъ бекасовъ.

— Какъ не принесъ? вскричалъ г. Ерандаевъ.

— Не принесъ, повторила кухарка.

— Позови сюда Андрюшку, сказалъ г. Ерандаевъ.

Кухарка пошла, но въ дверяхъ обернулась и сказала:

— Вашъ, говорить, нѣтуту бекасовъ..

— Ну, позови!.. закричалъ Иванъ Антоновичъ.

Явился и Андрюшка, бѣлокурый парень, лѣтъ двадцати-пята, небольшого роста, съ длинными волосами.

— Ты почему не принесъ бекасовъ? спросилъ Иванъ Антоновичъ.

— Да гдѣ жъ ихъ возьмешь, коли нѣтъ! отвѣчалъ Андрюшка:—всѣ болота выходилъ, хоть бы одинъ! Куликъ попадался...

— Вѣдь прежде ты приносилъ, сказала Капитолина Михайловна.

— Были, такъ и приносилъ, отвѣчалъ Андрюшка.—А гдѣ жъ возьмешь бекаса, коли его нѣтъ?

— Оттого что ты сталъ баринъ!.. сказалъ Иванъ Антоновичъ; его нижняя челюсть отвисла и задрожала.

— Я не баринъ... возразилъ Андрюшка:—да и баринъ, гдѣ жъ онъ возьметъ бекаса, коли его нѣтъ?

— Вотъ и судите! воскликнула Капитолина Михайловна.

— Да ты, подлець, и не ходилъ въ болото, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—ты въ кабакъ просидѣлъ..

— Извольте, отвѣчалъ Андрюшка:—я покажу одежду; вся, какъ есть, мокрая..

— Ты и нарочно намочишь, каналья!.. Онъ, видите, баринъ!.. говорилъ Иванъ Антоновичъ.

— Я напрасно мочить одежду не стану, сказалъ Андрюшка.—А бекаса коли нѣтъ, его не сдѣлаешь..

— Пошелъ вонъ, дуракъ! крикнулъ Иванъ Антоновичъ.

— Гдѣ жъ его возьмешь?.. говорилъ, уходя, Андрюшка.

— То-есть, я вамъ скажу, воскликнулъ господинъ Ерандаевъ:—это не то что наказаніе Божіе, это хуже всякой каторги!

— Ужь точно, что хуже... сказала Капитолина Михайловна.—А вы, спросила она, обратясь ко мнѣ:—успѣли въ вашемъ дѣлѣ?

— Да, отвѣчалъ я:—съ кузнецомъ я поладилъ, колесо будетъ готово завтра; но меня беспокоитъ то что я остался безъ лошадей: ямщикъ увѣхалъ...

— Очень радъ! воскликнулъ Иванъ Антонычъ:—ибо вы должны будете у насъ погостить; а лошадей мы дадимъ вамъ завтра. Чтò отъ меня зависитъ, я радъ душевно... Я желалъ бы, чтобы мировой при васъ прѣхалъ; вотъ уже третій день мы его ожидаемъ...

Наконецъ, часа въ три, обѣдъ былъ поданъ, и мы вошли въ столовую, довольно большую комнату, съ круглымъ столомъ посреди и стеклянною дверью въ садъ. У стола стояли и Васька, и Палашка. Васька уже не смѣялся: было замѣтно, что его гдѣ-то помяли, вѣроятно на кухнѣ. Минуту спустя, стеклянная дверь отворилась, и въ комнату вбѣжалъ краснощекій, лѣтъ восьми, мальчикъ; за нимъ плавно вошли двѣ дѣвицы, обѣ съ блѣднозелеными лицами, голубыми глазами и прекрасными каштановыми волосами, заплетенными въ косички; а за дѣвицами вступила чахлая дама, лѣтъ сорока пяти, съ лицомъ свѣтлокофейнаго цвѣта и съ узенькими слезливыми глазами.

— Вотъ мое семейство, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—это моя старшая дочь Капитолина; еѣ ужъ вотъ пятнадцать лѣтъ; это—вторая моя дочь, Евпраксія, а это—сынъ Ванька, шалуны первой степени... Вѣдь ты Ванька? прибавилъ онъ, относясь къ сыну.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ! отвѣчалъ мальчикъ, спуская лѣвый рукавъ своей шелковой, лидоваго цвѣта, куртки, по-видимому, возникшей изъ старой мантильи Капитолины Михайловны.

— Ну, братъ, погоди: до Ивана Ивановича не доросъ еще, сказалъ Иванъ Антонычъ.—А это, продолжалъ онъ, смотря на вошедшую даму:—наша гувернантка, или, сказать обстоятельнѣе, нашъ старый другъ, Элеонора Гавриловна...

— Которой, дополнила Капитолина Михайловна, —мы

столько обязаны, что, кажется, во всю жизнь съ немъ не расплатимся.

Въ продолженіе всего обѣда, гувернантка и двѣицы молчали; а Ваня такъ вертѣлся, что даже столъ приходилъ въ движеніе; повидимому, это беспокоило и Ивана Антоновича.

— Ну, Ваня, сказалъ онъ:—видно, что нѣтъ Константина Иосифыча: ты сидѣлъ бы смирно.

— Да, промолвила Капитолина Михайловна,—безъ Константина Иосифыча какъ будто не достаешь чего-то. У насъ былъ отличнѣйшій учитель, продолжала она, относясь ко мнѣ:—онъ изъ студентовъ, нѣкто Замбрицкій, юристъ... и, вообразите, съ какимъ даромъ! Прекраснѣйшія трагедіи сочинялъ...

— Да, отозвался Иванъ Антоновичъ:—онъ-таки не мало насъ потѣшалъ; и я вамъ скажу, онъ эти трагедіи какъ блины пекъ.

— И съ Ваней какъ онъ хорошо занимался! сказала Капитолина Михайловна:—онъ уже прошелъ съ нимъ всю... какъ это, Иванъ Антоновичъ?

— Лонгиметрію, подсказалъ Иванъ Антоновичъ.

— Всю лонгиметрію, продолжала Капитолина Михайловна. — И онъ тоже отошелъ черезъ людшкѣ: не могъ ужиться...

— Ну, онъ хорошо и сдѣлалъ, что отошелъ, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—хотя и съ большимъ дарованіемъ, однако человекъ неблагонамѣренный... Я потому только и терпѣлъ его, что онъ былъ Ванѣ полезенъ.

— Ты, мой другъ, къ нему несправедливъ, замѣтила Капитолина Михайловна.

— Какое несправедливъ! возразилъ Иванъ Антоновичъ, обращаясь ко мнѣ:—можете вообразить: онъ обучалъ людей равенству...

— Ахъ, Иванъ Антоновичъ, какъ же онъ обучалъ!.. сказала Капитолина Михайловна:—онъ больше такъ, разсуждалъ, какъ учевый...

— Обучалъ! возразилъ Иванъ Антоновичъ:—даже въ поле ходилъ и тамъ крестьянамъ доказывалъ, что всѣ люди равны, что всѣ люди равны суть. Я знаю: это масонство называется; у насъ это Сибирью пахнетъ...

— Однакоже, замѣтила Капитолина Михайловна: — дворовые его какъ огня боялись...

— Точно, онъ ихъ поколачивалъ, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—а кончилось тѣмъ, что поваръ Тимошка ему самому насосъ скололъ... Вотъ какъ было, продолжалъ она, оглясь ко мнѣ: нашъ Константинъ Иосифовичъ выдумалъ почевать въ рошѣ; блажь! а весьма можетъ-быть и трагедіи того требовали; онъ спалъ тамъ на сѣнѣ, а Тимошкѣ приказывалъ себя караулить; тотъ.. тоже ракалія не малая; онъ теперь у меня на эвигтмѣ: свиней смотритъ... Онъ его ночи три караулилъ, а потомъ, какъ учитель уснетъ, онъ и маршъ на кухню...

— Константинъ Иосифычъ его подстергъ, примолвила Капитолина Михайловна.

— Хватился, продолжалъ Иванъ Антоновичъ:—нагналъ каналью уже за рошей и схватилъ за волосы; Тимошка обернулся, да его... вѣдь всю морду Константина Иосифыча исковеркалъ... Вотъ это-то и доказываетъ, добавилъ онъ, обратясь къ Капитолинѣ Михайловнѣ и стуча ножомъ по столу:—что онъ и его обучалъ равенству: ибо, въ противномъ случаѣ, Тимошка не смѣлъ бы поколотить его.. Вольнодумецъ, вообще вольнодумецъ!

Когда дошло до жаркаго, Иванъ Антоновичъ не вытерпѣлъ и ругнулъ Андрюшку.

— Вотъ подлець! сказалъ онъ:— вѣдь дуракъ, а сумѣлъ одѣлать насъ безъ жаркаго... Не взыщите!.. А признаюсь, мнѣ давно уже хочется бекасовъ.

За то кудри были необыкновенно хороши; къ тому же ихъ такъ много подали, что, казалось, они были приготовлены по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ человекъ. Ваня ѣлъ какъ акула; онъ истребилъ чуть не половину кудрей, и когда вышелъ изъ-за стола, онъ до такой степени былъ выпачканъ медомъ, что Капитолина Михайловна наша нужнымъ сказать ему:—Ты умойся, такъ не ходи въ садъ, а то на тебя нападутъ пчелы..

Послѣ бѣды, супруги удалились въ свою спальню; я вышелъ въ садъ.

Преддверіе сада составляютъ цвѣточныя клумбы, расположенныя полукругомъ у дома и охраняемыя со стороны сада деревянными солдатами, разставленными шагахъ въ двадцати другъ отъ друга. Солдаты сдѣланы не совсѣмъ натурально и не довольно искусно раскрашены. Ихъ лица, кивера и въ особенности плечи запачканы птицами, а у

многихъ часовыхъ даже недостаетъ нѣкоторыхъ частей тѣла, необходимо нужныхъ солдату. Вообще садъ запущенъ, хотя онъ великъ и деревья такъ стары, что много дерева не охватишь обѣими руками. Въ саду много аллей, и почти въ концѣ каждой аллеи встрѣчаешь какую-нибудь неожиданность: или деревяннаго раскрашеннаго Турка, или такого же Черкеса; въ концѣ березовой аллеи, на высокой насыпи, устроена платформа. По деревяннымъ ступенямъ я поднялся на платформу и нашелъ тамъ чугунную пушку, довольно большаго калибра, направленную на рѣку; отсюда я посмотрѣлъ вдаль: за садомъ блеститъ рѣка, ея волны катятся спокойно и медленно; за рѣкой яркозеленѣющій лугъ раскинулся до горизонта; окрестность облита лучами солнца, а надъ лугомъ едва колеблется легкій паръ, сверкая золотистыми иглами... Съ какимъ-то непонятно-грустнымъ чувствомъ я спустился съ платформы и пошелъ далѣе. При входѣ въ липовую аллею, я увидѣлъ Элеонору Гаврилову: она, съ чукомъ въ рукахъ, шла мнѣ на встрѣчу. Было замѣтно, что она меня ищетъ, что, можетъ-быть, она получила приказаніе занимать меня. Подойдя ко мнѣ, она слегка кашлянула, и потомъ, улыбаясь, сказала:

— Говорятъ, вы бывали въ Москвѣ... Не знали ли вы тамъ одного, г-на Кабылаева? Онъ прежде служилъ въ магистратѣ, а потомъ поступилъ на высшій окладъ...

— Нѣтъ, сударыня.

— Вѣдь я Москвичка, продолжала она:—и родилась въ Москвѣ... Я думаю, какъ измѣнилась Москва! Вѣдь я очень давно оттуда; вотъ ужъ скоро одиннадцать лѣтъ, какъ я здѣсь живу, у Ивана Антоныча. Я къ нимъ, какъ къ роднымъ, привыкла. Они прекрасные, добрѣйшіе люди; Иванъ Антонычъ возможно крутъ нравомъ, но Капитолина Михайловна умѣетъ съ нимъ ладить. Ахъ, она очень умная женщина!..

— Следовательно, сказалъ я:—вы и начали воспитаніе дочерей Ивана Антоныча?

— Да, могу похвалиться, продолжала она съ нѣкоторою восторженностью:—что я одна дада имъ воспитаніе; только надо сказать, что онѣ награждены блестящими способностями... Онѣ давно уже изучили всего Телемака на французскомъ языкѣ; съ русскаго языка прошли всю

пространную грамматику Востокова... Вѣдь я сама институтка. Особенно у второй, Евпраксіи Ивановны, отличная память; ей только двѣнадцать лѣтъ, и можете себя представить, она повѣсти Карамзина наизусть знаетъ безъ ошибки, между прочимъ, „Бѣдную Лизу“... Ахъ, Лизивъ прудъ! я видѣла его. Видѣли вы Лизивъ прудъ... около Симонова монастыря?

— Видѣла.

— И я видѣла. Историческое мѣсто!

Мы прошли уже двѣ трети аллеи; въ концѣ ея показалась бесѣдка, въ видѣ ротонды, украшенная снаружи колоннами.

— Это нашъ храмъ наукъ, сказала Элеонора Гавриловна:—лѣтомъ мы здѣсь занимаемся. Не угодно ли вамъ войти?

Мы вошли въ храмъ наукъ,—большую, круглую комнату, съ двумя окнами. Стѣны храма были расписаны альфреско и, вѣроятно, поэтому не были заставлены мебелью: мебель была сдвинута на средину храма. Прямо противъ двери было изображено большое дерево, подъ которымъ сидитъ крокодилъ съ раскрытою пастью, а противъ него дитя, въ красной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. На двухъ столахъ лежали книги, тетради, стояли тарелки съ ватертами на нихъ красками, нѣсколько шкатулокъ и проч. У одного окна Евпраксія Ивановна, молча, рисовала карандашомъ цвѣтокъ, а у другого окна сидѣла Капитолина Ивановна, съ книгой въ рукахъ; я взглянулъ на книгу:

Слова и рѣчи Фенелона, архіепископа кембрійскаго. Библиотека храма наукъ, повидимому, состояла изъ книгъ серьезнаго содержанія: на столѣ лежало нѣсколько исторій, нѣсколько томовъ *Сочиненій Карамзина*, и одна раскрытая книга; я посмотрѣлъ ея заглавіе: *Исторія о яковинцахъ, открывающая всю противохристіанскія злоумышленія.*

— И это также учить наизусть? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчала Элеонора Гавриловна:—это я читаю имъ въ свободное отъ занятій время, историческое. Не правда ли, продолжала она, съ улыбкой, озирая комнату:—здѣсь поэтическое мѣсто?

— Да, отвѣчалъ я:—хорошенькая бесѣдка; и какъ свѣжа живопись на стѣнахъ!

— Это извѣстный художникъ рисовалъ, замѣтила Элеонора Гавриловна, — тотъ самый, который въ городскомъ соборѣ писалъ иконостасъ; это очень дорого стоитъ.

Она подошла къ столу и открыла небольшую, краснаго дерева, шкатуку наполненную разнаго рода доскутьями, сверхъ которыхъ лежали довольно большіе серебряные часы.

— Однако, сказала она, взглянувъ на часы, — уже шестой часъ!... У насъ время распредѣлено, продолжала она съ улыбкой:—въ лѣтній сезонъ, шестой часъ—у насъ экономическій; сегодня мы должны варить варенье...

Я разстался съ Элеонорой Гавриловной и, по каштановой аллеѣ, отправился даѣе; аллея вела прямо къ дому. Подойдя къ цѣпи деревянныхъ часовыхъ, я былъ встрѣченъ неожиданностью другаго рода: между кауцками цѣтотвъ я увидѣлъ знакомое мнѣ лицо молодаго человѣка, съ тонкими чертами и небольшою темною бородкой. Годъ тому назадъ, я столкнулся съ нимъ на другой дорогѣ, въ другомъ концѣ Россіи; и онъ и я стремились тогда къ одной цѣли; онъ пересѣлъ въ мой тарантасъ изъ своей перекадной тележки, и два три былъ моимъ спутникомъ. Встрѣча съ нимъ у Ерандаева казалась мнѣ невозможною.

Молодой человѣкъ расказывалъ между кауцками; въ его походкѣ видна была не то лѣнь, не то усталость. Увидя меня, онъ остановился.

— Боже мой! вскричалъ онъ, всматриваясь:—неужели это вы, г. Чебаносовъ?...

— Г. Карповичъ... сказалъ я, идя къ нему на встрѣчу,—какимъ образомъ?...

— Какими судьбами вы здѣсь? воскликнулъ онъ, подавая мнѣ руку.

Я разказалъ.

— А я, сказалъ онъ,—вотъ ужъ полгода, какъ я сталъ здѣшнимъ помѣщикомъ и, по волѣ судьбы, мировымъ посредникомъ.

— Вотъ что! Такъ г. Ерандаевъ васъ это ждетъ съ такимъ негерпвнємъ?

— Мнѣ сказали, что онъ спитъ... Да, онъ давно меня вызываетъ, но дѣла!... Боже мой, знаете ли, это не дѣла, часто это битвы, которыя кончаются тѣмъ, что обѣ стороны

считаютъ себя разбитыми... Выдержитъ развѣ тотъ посредникъ, который исполняетъ букву закона механически... Нѣтъ, вы не знаете этихъ рыцарей status quo; вы не знаете что значить быть мировымъ посредникомъ!

— Видно, что вы задѣты... сказалъ я.

— Да нѣтъ, послушайте, продолжалъ раздражаясь Карповичъ:—мы понимаемъ, что значить отстаивать свое право, какъ бы ни были ложны или даже безчеловѣчны его основанія, если съ этимъ правомъ соединены особенныя житейскія выгоды... Это не то: рыцари отказались отъ такого права добровольно... теперь борьба идетъ за то, что не имѣетъ даже названія...

— Грустная исторія, сказалъ я.

— Да вотъ вамъ обрачикъ... а еще лучше, чтобъ оцѣнить этотъ обрачикъ, обратимся нѣсколько назадъ, продолжалъ Карповичъ, указывая на окружавшую насъ цѣпь деревянныхъ часовыхъ: — вотъ, говорятъ, всѣ эти затѣи стоятъ г. Ерандаеву большихъ издержекъ... ихъ много; я слышалъ, здѣсь есть пушка...

— Видѣлъ, сказалъ я,—очень хорошая пушка.

— Говорятъ, что ее везли на нѣсколькихъ тройкахъ нѣсколько сотъ верстъ, изъ Москвы или Брянска; изъ этой пушки палятъ три раза въ годъ: въ день тезоименитства хозяина дѣлаютъ одиннадцать пушечныхъ выстрѣловъ, въ день именинъ хозяйки—десять, да три выстрѣла при наступленіи новаго года. Назначеніе пушки неважное, а между тѣмъ, она обошлась г. Ерандаеву такъ дорого, что даже серебряная пушка, безъ доставки, стоила бы дешевле...

— Ну, это—удовольствіе, замѣтилъ я.

— Да, удовольствіе... Вотъ куда пошлн труды двухсотъ душъ! Средства, какъ видите, тратились безсмысленно... Положимъ, что все это — личное дѣло Ивана Антоновича: онъ хотѣлъ разстроить свое состояніе и чрезмѣрными налогами довести своихъ крестьянъ до раззоренія,—они дѣйствительно въ плохомъ положеніи; но дѣло вотъ въ чемъ: чѣмъ же онъ хочетъ теперь поправить свои обстоятельства? какъ вы думаете?.. Онъ имѣетъ право требовать отъ крестьянъ перенесенія ихъ усадьбъ; для крестьянъ это раззорительно и для него невыгодно, потому что должно быть исполнено на его счетъ; онъ не пойдетъ на это, однакожь заявилъ свое требованіе, и какъ оказываетъ

ся только для того чтобы принудить крестьянъ къ сдѣлкѣ, для нихъ невыгодной, чтобъ оттянуть отъ нихъ нѣкоторыя грошевыя выгоды... Конечно, я надъ этимъ бодрствую и, пользуясь довѣріемъ крестьянъ, не допущу ихъ быть обманутыми; повяту, что я вооружу противъ себя г. Ерандаева; это еще бѣда меньшая. Но предположите, что я не успѣлъ бы убѣдить крестьянъ, и они, напуганные г. Ерандаевымъ, пошли бы на добровольную съ нимъ сдѣлку... Какой же это залогъ для будущности самого г. Ерандаева?.. Развѣ такимъ путемъ можно сблизить эти два сословія? Развѣ такимъ образомъ можно согласить ихъ интересы, для взаимной ихъ пользы, для благосостоянія общественнаго?..

Послѣднія слова Карповичъ произнесъ съ силой изумительною.

— Понимаю... сказалъ я:—но я еще не видѣлъ васъ въ минуты вдохновенія.

— Да, проговорилъ онъ, — это дѣло мнѣ близко... Но послушайте мою исторію. Итакъ, рыцарь самъ налагаетъ на себя руку, посягаетъ на свою будущность; я являюсь защитникомъ его интересовъ противъ него самого; онъ возстаетъ на меня, объявляетъ меня врагомъ человѣчества, предателемъ отечества, и чортъ знаетъ чѣмъ!.. Нѣтъ, послушайте, послушайте... Какая каналья распустила эти слухи о прогрессѣ! Гдѣ же этотъ прогрессъ? въ программѣ? Это прогрессъ?.. Да мы этой программы не исполнимъ еще въ тысячу лѣтъ! Будущіе мыслители скажутъ, что наше общество, дойдя до извѣстной степени развитія, остановилось, въ силу различныхъ историческихъ обстоятельствъ... Какой тутъ чортъ историческія обстоятельства! Патура историческая...

У стеклянныхъ дверей дома показался, въ пестромъ шелковомъ халатѣ, Ерандаевъ; въ одной рукѣ у него была небольшая тетрадь, другую руку онъ держалъ надъ глазами въ видѣ зонтика.

— Нашъ защитникъ и миротворитель! воскликнулъ онъ, увидя посредника.

— Здравствуйте, Иванъ Антонычъ, сказалъ, подходя къ нему, Карповичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, давно ожидаемый благо-

творитель, молвилъ Иванъ Антоновичъ:—Покорайте про-
шу въ покои.

Въ домѣ, Капитолина Михайловна привѣтствовала по-
средника.

— Что у васъ за событія? спросилъ Карповичъ.

— Двѣнадцать жалобъ о поруганіи правъ моихъ! восклик-
нулъ Ерандаевъ, потрясая тетрадью.

— Кѣмъ? спросилъ посредникъ.

— Временно-обязанными мнѣ крестьянами, дворовыми
людьми и сельскимъ обществомъ, совокупно съ старостой,
отвѣчалъ Иванъ Антоновичъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ дѣло, что такое?.. сказалъ
Карповичъ.

— Вотъ! воскликнулъ Иванъ Антоновичъ, подавая ему те-
традь.

— Вы жалуетесь, сказалъ посредникъ, пробѣжавъ те-
традь:—на неповиновеніе дворовыхъ, на непочтительность
къ вамъ крестьянъ...

— Я слабо выразилъ, воскликнулъ Иванъ Антоновичъ:—
невѣжество крестьянъ!

— Принимаю во вниманіе и невѣжество; но что же сель-
скій староста и общество?.. опросилъ посредникъ.

— Они, вопреки 159 статьи *Общаго Положенія*, не со-
общаютъ мнѣ своихъ мирскихъ приговоровъ, на сельскомъ
сходѣ состоявшихся, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—и вообще
не оказываютъ мнѣ должнаго вниманія, хотя, по силѣ 148
статьи, того жъ Положенія, я долженъ быть почитаемъ по-
почителемъ сельскаго общества, и вмѣстѣ съ симъ, такъ
сказать, его полицеймейстеромъ.

— Да, отвѣчалъ посредникъ:—общество должно сообщать
амъ свои мирскіе приговоры, если вы того желаете; я
отъ него этого потребую, но... Иванъ Антоновичъ, взываю
къ вашему благоразумію... власть ваша надъ крестьянами
рушилась невозвратно; поддерживать ея призракъ будетъ
вамъ стоить большихъ усилій и — къ чему поведетъ это?..
Послушайте, назадъ идти невозможно; пойдете впередъ!
Что вамъ впереди нужно? уваженіе, довѣріе къ вамъ крестья-
нъ, безъ справедливости съ вашей стороны?..

— Мнѣ нужно оградить мое право! горячо сказалъ Иванъ
Антоновичъ, прерывая Карповича:—зарабатывать ихъ ува-
женіе я не буду. Если они не станутъ меня уважать, они

должны быть судимы по статьѣ 154, каковая ссылается на 440-ю статью уголовного уложенія; а это Сибирью пахнетъ!..

— Я говорю о чувствѣ уваженія, замѣтилъ Карповичъ.

— Я ихъ чувствомъ и воротъ не почию, возразилъ Иванъ Антоновичъ:—я вотъ самъ чинилъ сегодня вороты; вотъ свидѣтель! прибавилъ онъ, указывая на меня:—дворовые люди не оказываютъ мнѣ ни малѣйшаго повиновенія...

— Хорошо, я разберу, сказалъ посредникъ:—прикажете собрать обвиняемыхъ; я попрошу у васъ доказательства...

— То-есть, какъ доказательства?... воскликнулъ Иванъ Антоновичъ:—вы хотите поставить меня съ ними на одну доску?

— Зачѣмъ же на одну доску? сказалъ Карповичъ:—законъ требуетъ доказательства...

— Законъ не требуетъ, возразилъ Иванъ Антоновичъ,—ибо въ 64 статьѣ „Положенія объ учрежденіяхъ“ именно сказано, что посредникъ можетъ предоставить одной сторонѣ *принять на душу* справедливость своего показанія...

— Что такое?... сказалъ Карповичъ:—да... Это произвольное толкованіе; тамъ сказано: *сверхъ доказательства*...

— Тамъ не сказано *сверхъ*! возразилъ Иванъ Антоновичъ:—сказано „*кромя* доказательства“ и означаетъ какъ бы: за исключеніемъ...

— Это означаетъ, сказалъ Карповичъ,—что когда доказательства недостаточны, отъ усмотрѣнія посредника зависитъ принять и другія мѣры удостовѣренія; при томъ же въ дѣлахъ другого рода.

— Однако, прежній мировой посредникъ всегда руководился симъ узаконеніемъ, замѣтилъ Иванъ Антоновичъ.

— Онъ имѣлъ свои причины, проговорилъ Карповичъ хриплымъ голосомъ.

— Да, милостивый государь, сказалъ Иванъ Антоновичъ,—онъ имѣлъ причины, ибо онъ задушевный человекъ былъ! Нижняя челюсть г. Ерандаева сильно задрожала. — Вы, милостивый государь, продолжалъ онъ гнѣвно, — обнаруживаете пристрастіе въ самопроизвольномъ толкованіи слова *кромя*. Никто не скажетъ, чтобъ оно означало *сверхъ*. И въ сей день я имѣю основаніе сказать, что вамъ за обѣдомъ были поданы всѣ заказанныя блюда, *кромя* бекасовъ, ибо ихъ не было... Какой же безпристрастный

и благонамѣренный человекъ истолкуеть это въ той силѣ, что намъ подавали бекасовъ *сверхъ* другихъ блюдъ! Имѣете ли вы право утверждать такъ?..

— Да, дѣйствительно, мы сегодня безъ жаркаго, прио-вокупила Капиталина Михайловна,—потому что дворовый человекъ, Андрей...

Иванъ Антоновичъ прервалъ Капиталину Михайловну и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ сказалъ:

— Приношу, между прочимъ, мою жалобу на Андрея Ерооеева Тифлискаго... а Тифлискимъ онъ прозывается по непотребству своей матери, бѣжавшей, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ городъ Тифлисъ съ нижнимъ воинскимъ чиномъ, бывшимъ въ годовомъ отпуску, послѣ чего...

— Позвольте... прервалъ Карповичъ.

— Милостивый государь! возразилъ Иванъ Антоновичъ,—я говорю о нравственности; еще никто не возбравлялъ...

— Дѣло, дѣло, милостивый государь... говорилъ Карповичъ глухимъ голосомъ:—это къ дѣлу не относится...

— Знаю я, милостивый государь, произнесъ Иванъ Антоновичъ шипящимъ голосомъ:—что мы до того уже дожили, что у насъ нравственность къ дѣлу не относится...

— Вы уклонились отъ дѣла, нѣсколько разъ повторилъ Карповичъ; но онъ напрасно пытался дать разговору желаемое направленіе; кончилось тѣмъ, что послѣ трехчасовой „битвы“ съ Иваномъ Антоновичемъ, посредникъ долженъ былъ уѣхать, не сдѣлавъ ровно ничего.

Сумагоха этого дня утомила меня, и я, не безъ труда впрочемъ, получивъ отъ Ивана Антоныча увольненіе отъ ужина, отправился въ приготовленную для меня комнату (эта комната была кабинетъ хозяина), и скоро погрузился въ глубокій сонъ.

Шумъ, раздавшійся въ моей комнатѣ, внезапно разбудилъ меня.

— Баринъ, а, баринъ... говорилъ кто-то впотымахъ надъ моимъ ухомъ.

— Кто здѣсь? спросилъ я въ просонкахъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Это я, Палашка, отвѣчалъ голосъ,—барыня прислала вамъ на ночь воды съ морсомъ.

„Нѣтъ, подумалъ я, вновь засыпая: кто что ни говори, только Готентотъ не оцѣнить русскаго гостеприимства.“

На другой день я всталъ рано и тотчасъ отправился на деревню освѣдомиться о моемъ тарантасѣ. Колесо было готово; оказалось, что починкою его занимался не только кузнецъ, но и деревянщикъ, потому что въ немъ были двѣ новыя бѣлая спицы. Кузнецъ при мнѣ уже обмазалъ ихъ дегтемъ; потомъ на нѣсколько шаговъ отошелъ въ сторону, и глядя на спицы, сказалъ:

— Чтобы не отлачали! Не замай такъ.

Когда я возвратился въ ту комнату, въ которой провѣлъ ночь, въ домѣ только что начинали пробуждаться. Отъ нечего-дѣлать, я сталъ внимательнѣе обзрѣвать кабинетъ хозяина. Это небольшая, съ однимъ окномъ, комната, одна стѣна которой увѣшана разнаго рода оружіемъ, а двѣ другія стѣны картинами военнаго содержанія. У окна стоитъ письменный столъ, влѣво отъ него небольшой комодъ, а у стѣны, увѣшанной оружіемъ, диванъ обтянутый кожей, который служилъ мнѣ постелью. На письменномъ столѣ, нѣсколько тетрадей, чернилица, рюмочка съ зубочистками и календарь. Я взялъ календарь и сталъ его перелистывать; на одномъ листкѣ я нашелъ замѣтку: „Сего числа (4 августа), у сосѣда Капитонова, сгорѣло три мужичьихъ избы; однако Господь меня помиловалъ, хотя вѣтеръ дулъ на Крючково и могъ нанести искры на наше гумно: ибо оное находилось отъ пожара въ 43 шагахъ, какъ сего числа, по измѣренію, оказалось.“ Противъ 12 числа іюня было написано: „день рожденія моей второй дочери Евпракіи“, а ниже находилась замѣтка: „Не забыть: разбить Андрюшкѣ морду за дыню“.

Я держалъ еще календарь въ рукахъ, какъ въ кабинетъ вошелъ Иванъ Антоновичъ.

— Какъ почивали? спросилъ онъ.

— Прекрасно; очень вамъ благодаренъ, сказалъ я.

— Что это вы читаете?

Я указалъ на замѣтку.

— Это вотъ... сказалъ Иванъ Антоновичъ, указывая на залу, гдѣ вчера стоялъ Андрюшка:—вы эту образину видите.

— Я долго думалъ надъ этою замѣткой, сказалъ я.

— О чемъ? спросилъ Иванъ Антоновичъ.

— Я себя спрашивалъ: какая могла быть надобность за-

писывать это въ календарь? зачѣмъ? Если вы тотчасъ не привели въ исполненіе...

— Зачѣмъ? А я вамъ сейчасъ скажу зачѣмъ... Это давній календарь, однако я помню... Мнѣ, наканунѣ 12 іюня, принесли изъ парниковъ дыню, вотъ какую, въ полъ-аршина; ее прозвали Бова-Королевичъ, когда она еще въ парникѣ лежала. Я отдалъ ее Андришкѣ, дабы отвести на погребъ, да тутъ же и послалъ его въ городъ за покупками. Что же онъ, шельма, выдумалъ? Онъ пошелъ запрягать себѣ лошадь, а дыню оставилъ въ конюшнѣ. Хватились безъ него, дыни нѣтъ нигдѣ! Ужь на другой день кучеръ принесъ; ну, навозомъ пахнетъ... И надо было, по возвращеніи Андришки, воздать его мордасамъ должное... Теперь, этихъ людей вы знаете; но посудите, милостивый государь: чего же ожидать мнѣ отъ нихъ послѣ того, какъ яacobинскія дѣйствія посредника удостовѣрили и самихъ разбойниковъ, что на нихъ правосудіа нѣтъ!.. Да, мировой показалъ себя! попрамъ и посрамилъ мое право, будучи самъ владѣльцемъ... Но не поущу, нѣ-етъ! Я знаю что сдѣлаю... Я почиталъ его человѣкомъ благомыслящимъ, а какъ дѣло до него коснулось... да, тутъ-то яacobинецъ и познается! Яacobинецъ!.. Что бить я хотѣлъ сказать вамъ?.. Да.. лакомились ли вы когда медвѣжьими котлетами?

— Нѣтъ, никогда, отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—а мясо молодого медвѣдя необычайно вкусно, и у меня есть медвѣженокъ, приобретенный съ немалымъ трудомъ... Признаюсь, люблю хорошій кусокъ; и предки мои, начиная съ боярина Омы Ерандая, тонкимъ вкусомъ славились... Да, милостивый государь, предъ вами—старинный дворянинъ: родъ нашъ ведется болѣе двухсотъ лѣтъ и состоитъ внесеннымъ въ шестую часть родословной дворянства книги бархатную... Такъ позвольте васъ спросить, имѣю ли я причину быть разборчивымъ?.. Вотъ мой сосѣдъ Кособрюховъ, помѣщикъ... упоминаю о немъ съ крайнимъ неудовольствіемъ: ибо онъ не иное что какъ предатель, скаредъ и прелюбодѣй; онъ каналья изъ цѣловальниковъ вышелъ... такъ онъ, несмотря на то, что имѣетъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ пищу употребляетъ всякую мерзость, даже тряпки вѣтъ... Вотъ что, милостивый государь: я просилъ бы васъ сегодня съ нами откушать...

— Иванъ Антоновичъ, отвѣчалъ я:—повѣрьте, что я умѣю дѣлать...

— А весьма можетъ-быть, добавилъ онъ:—что у васъ экстрадное дѣло...

— Да, мнѣ нужно поспѣшить...

— Ну, Богъ съ вами! повѣжайте, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—только я васъ упреждаю: если кучеру сказать просто, чтобъ онъ заложилъ для васъ лошадей, то онъ ближе вечера не заложитъ; а я вотъ что скажу: прошеніе,— краткое...

Онъ вынулъ такой же листъ гербовой бумаги, какъ и тотъ, на которомъ было написано прошеніе кухаркѣ и, не торопясь, написалъ слѣдующее:

„Господину кучеру Артему прошеніе о запряженіи тройки разгонныхъ лошадей въ тарантасъ г. Чебомосова, коему нужно торопиться отъѣздомъ въ городъ, по моему собственному дѣлу.“

Написавъ послѣднюю строку, Иванъ Антоновичъ посмотрѣлъ на меня и, моргнувъ глазомъ, сказалъ:

— Такъ будетъ лучше: „по моему собственному дѣлу.“

Прошеніе тотчасъ же было отправлено по принадлежности, а черезъ полчаса тарантасъ мой былъ поданъ; на козлахъ его торчалъ Артемъ, сухой и высокій мужикъ лѣтъ тридцати пяти, съ черною жиденькою бородкой.

Прощаясь со мною, Иванъ Антоновичъ вручилъ мнѣ письмо къ купцу Сорокопяткину, живущему въ городѣ, и приложилъ:

— Не поставьте себѣ въ трудъ передать письмо лично: ибо это болѣе обяжетъ Сорокопяткина. Я полагаю, вы о немъ слышали: вельможа, каналья, силачъ! Весь городъ въ руки взялъ. У него столько денегъ, сколько не найдется во всей губерніи. У меня съ нимъ счеты есть...

Я обѣщалъ Ивану Антоновичу исполнить его порученіе, и простясь съ его семействомъ, отправился въ путь.

Верстъ десять Артемъ гналъ лошадей во всю мочь; наконецъ, оставивъ ихъ, сказалъ:

— Надо имъ дать вздохнуть маненько.

— Да, замѣтилъ я:—надо, господинъ Артемъ.

Артемъ засмѣялся и сильно покрутилъ головою.

— Вотъ вы видѣли нашего барина, сказалъ онъ:—вотъ всегда такъ чудить... на господской линіи васъ поставилъ. Это еще что!..

— А вѣдь онъ своими прошеніями васъ докучаетъ? спросилъ я.

— Только смѣхъ творить, отвѣчалъ Артемъ: — вонъ зубоскалъ Гаврюшка-портной, такъ тотъ нарочно такъ дѣлаетъ, чтобы прошеніе получить; пойдетъ съ нимъ это къ Силичу, да съ Силичемъ въ кабакъ; начнутъ тамъ это читать при народѣ, поднимутъ хохотъ на всю деревню... И на что у него это Силичъ, започкишь поповскій? На кой лядъ онъ его держитъ? Онъ нашего же брата поджигаетъ... Кабы нашъ братъ былъ совсѣмъ дуракъ, да сталъ бы слушаться Силича, тутъ натворили бы такое, что и Господи упаси!..

Артемъ махнулъ рукой, потомъ подобралъ вожжи, тронулъ лошадей и вновь понесся стрѣлою.

Я уже у цѣли моего странствованія: только двѣ версты остается до города.

Ближе къ городу—другія встрѣчи. Вотъ, подъ деревомъ, сидитъ гапстообразный молодой человекъ, въ нанковомъ сюртукѣ, повидимому семинаристъ; онъ куритъ трубку и поглядываетъ по направленію къ городу: видно кого-нибудь поджидаетъ. Вотъ, по дорогѣ, на бѣговыхъ дрожжахъ, прокатилъ усастый баринъ, въ соломенной шляпѣ: видно, онъ проѣзжаетъ сѣраго, въ яблокахъ, рысакъ; рысакъ фыркаетъ, и пѣна съ него клубами падаетъ на дорогу. Вотъ, по вау, который окаймляетъ дорогу, идетъ молодой парень, повидимому мастеровой; онъ въ розовой ситцевой рубахѣ, босикомъ: сапоги его связаны и перекинуты черезъ плечо. Нагоняя его, за нимъ бѣгутъ двое другихъ босыхъ парней, въ синихъ поддевахъ, также съ сапогами, перекинутыми черезъ плечо. Слышно, они кричатъ: „Ваня! слышь-ка, Ваня!“

Я вспомнилъ замѣтку одного туриста, Француза, въ тридцатыхъ годахъ проѣхавшаго по Россіи. Зимомъ, на улицѣ одного селенія, онъ увидѣлъ огни, разложенные проѣзжими чумаками, готовившимися варить себѣ кашу. По этому случаю, туристъ въ своихъ запискахъ замѣтилъ: „русскіе имѣютъ обыкновеніе топить улицы“. Еслибъ этому пронацательному господину бросились въ глаза парни, которыхъ я встрѣтилъ, онъ непременно оказалъ бы: „русскіе употребляютъ сапоги двоякимъ образомъ: одни надѣваютъ ихъ на ноги, а другіе вѣшаютъ на плечо, въ видѣ украшенія.“

ВЛАДИСЛАВЪ ГОРЧАКОВЪ.

О МИНИНѢ

Г. ОСТРОВСКАГО

И ЕГО КРИТИКАХЪ.

Въ жизни каждаго народа есть всегда какое-либо святое воспоминаніе, какое-либо событіе, отдѣляемое отъ всѣхъ прочихъ, и по преимуществу чтимое народною памятью. Къ числу такихъ святыхъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ въ русской исторіи эпоха 1611—12, когда народъ единодушно возсталъ для очищенія земли своей отъ вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Эту эпоху и выбралъ г. Островскій предметомъ для драмы. Драма эта возбудила самыя разнорѣчивыя толки. Извѣстно, что г. Островскій въ своемъ *Мининѣ* привужденъ былъ дать почти одинаковое мѣсто и значеніе лирическому элементу съ драматическимъ: отсюда и противорѣчащія толки. Всѣ тѣ, которые сильно потрясены были лирическою частію пьесы, этою попыткой воспроизвести строй мысли и духъ поэзіи XVII вѣка, стали на сторонѣ новаго произведенія; напротивъ, непріязненно отвѣсались къ нему всѣ тѣ, которые обратили главное вниманіе на его драматическую сторону: они не нашли драмы въ томъ смыслѣ въ какомъ ожидали. Споръ о *Мининѣ* г. Островскаго въ сущности былъ споръ двухъ

возрѣній: одно изъ нихъ цѣнитъ выше всего воспроизведеніе внутренней, духовной жизни эпохи, примиряясь съ однообразіемъ, тишиной и скромностію картины; другое напротивъ требуетъ, чтобъ обнаружены были причины событій, ищетъ разнообразія личностей, и отъ ихъ столкновенія ждетъ главнаго интереса. Должно жалѣть, что споръ этотъ шелъ преимущественно въ обществахъ и не былъ поддержанъ литературою, которая, кажется, окончательно пристроилась къ мнѣнію противниковъ г. Островскаго, на основаніяхъ, впрочемъ, не вполне обнаруженныхъ ею. А между тѣмъ, ставъ между этихъ двухъ возрѣній, литература могла бы присоединить нѣсколько соображеній объ особенныхъ условіяхъ, которыя вытекали для автора изъ того обстоятельства, что онъ избралъ предметомъ своего труда историческое явленіе, получившее въ сознаніи народа характеръ, размѣры и атрибуты „святаго дѣла“.

Прежде всего надо замѣтить, что событіе, возведенное на эту степень народнымъ представленіемъ, ограждено отъ критики, повѣрки и суда писателя. Къ нему можетъ вести его только одна торная дорога, отступить отъ которой искусство не въ состояніи. Какія бы открытія ни дѣлала наука по поводу эпохи, въ которую совершилось святое дѣло, какія бы новыя черты ни вводила она въ физіономію главныхъ лицъ, ни событія, ни лица ничего отъ этого не теряютъ, равно какъ и ничего не выигрываютъ; сложившимся народнымъ убѣжденіемъ они, такъ-сказать, ограждены отъ всѣхъ возможныхъ открытій и измѣненій. Примеровъ этому много. Говорите что хотите объ эпохѣ *des états généraux* 89 года во Франціи, судите какъ угодно о настоящихъ поводахъ вызвавшихъ утвержденіе парламентской власти въ Англіи, разъясняйте съ любой точки зрѣнія сожженіе папской буллы Листеромъ: народъ такъ страшенъ, гдѣ свершились эти событія, а за нимъ, разумеется, и искусство, будутъ относиться къ нимъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Также можно отыскивать свидѣтельства, что нижегородское ополченіе, и вообще движеніе 1611 г. не вполне имѣло характеръ самоотверженія, безкорыстія и единодушія, сообщенный ему преданіемъ, что руководителемъ этого движенія похитили въ исторіи себя роль, которой не играли въ дѣйствительности (хотя убѣдительныхъ документовъ въ пользу такого предположенія врядъ ли позво-

литературно ожидать), все-таки толчокъ данный изъ Нижняго Русской землѣ, и люди управлявшіе силами народа въ то время, не утратятъ ни одного луча изъ окружающаго ихъ ореола. Для того чтобы наука могла сократить въ глазахъ народа преувеличенныя размѣры преданія, или отнять у событія всѣ украшенія сообщенныя ему воодушевленною рѣчью современниковъ и добавками потомства, надо сперва, чтобы самъ народъ запоминать первоначальный смыслъ подвига и пересталъ видѣть въ немъ законную причину для своей гордости. Тогда святое дѣло распадается въ сознаніи народа при малѣйшемъ скептическомъ прикосновеніи къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и всѣ личности, съ которыми было оно неразрывно связано, какъ это случилось, напримѣръ, во Франціи, относительно облика Іоанны д'Аркъ и его чудодѣйственной орифламы. Такихъ потухшихъ свѣтилъ на горизонтѣ исторіи можно насчитать почти столько же, сколько и свѣтилъ блестящихъ еще полнымъ свѣтомъ. Въ свое время не нужно бываетъ даже и большаго ума или особенной провидцательности для разрѣшенія отживающаго преданія. Тогда орудіемъ окончательнаго его паденія можетъ быть одно простое слово, одна простая шутка. Большею частію случается такъ, что литература и наука приступаютъ къ скептическому анализу событія уже тогда, когда остались отъ него одни потухшія воспоминанія.

Возвышеніе извѣстнаго событія на степень святаго дѣла и паденіе его съ этой высоты зависитъ всегда отъ религіознаго созерцанія народа и отъ того нравственнаго идеала, который онъ имѣетъ передъ собою. Это вѣрно даже относительно народовъ наиболѣе положительныхъ, наиболѣе огражденных отъ мистическихъ увлеченій. Святое дѣло, это духъ народа, нѣкогда явившійся въ очю; въ немъ народъ, сквозь призму своего религіознаго настроенія, видитъ самого себя въ лучшемъ, блистательнѣйшемъ, идеальномъ видѣ, въ какомъ только онъ можетъ самъ представить себя. Поэтому, не всякое событіе важное по своимъ результатамъ и по жертвамъ примесеннымъ для ихъ достиженія, восходитъ на степень святыни для народа и становится частію его духовной жизни. Всѣ усилія искусственно поднять событіе на такую степень

оказываются обыкновенно напрасными. Нужно, чтобы событие было тѣсно связано съ общимъ религіознымъ настроеніемъ, и чтобы оно отвѣчало въ свое время внутреннимъ надеждамъ и стремленіямъ народа, удовлетворяло невысказаннымъ потребностямъ его жизни и соответствовало наклонностямъ всей нравственной его природы. Читатель замѣтитъ, конечно, что мы ничего не говоримъ о достоинствѣ или недостаткахъ, о широтѣ или ограниченности самаго идеала, какой представляется народу въ данное время: это очень важно, но сюда не относится. Мы только говоримъ о томъ, какъ заражается благоговѣніе къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ, и почему, до времени, оно остается незыблемо при всевозможныхъ нападеніяхъ скептицизма и отрицанія. Чтобы развѣчалось въ глазахъ народа его великое событіе, нужно чтобы измѣнилась та религіозная призма, сквозь которую смотритъ народъ, нужно чтобы представъ предъ нимъ другой идеалъ: бывшее святое дѣло представится тогда умственному взору его съ другими красками и въ другихъ очертаніяхъ. А до того, оно заговорено противъ всѣхъ непріязненныхъ покушеній. Стороннему зрителю приходится только наблюдать самый ростъ событія предназначеннаго къ этой роли, и его постепенный ходъ отъ простаго факта до легенды съ характеромъ неправославной святыни. Это зрѣлище, по нашему мнѣнію, представляетъ одно изъ поучительнѣйшихъ въ исторіи.

Изъ сказаннаго нами истекаетъ самъ собою весьма важный выводъ, котораго никакъ не слѣдуетъ упускать изъ вида при оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній. Когда въ произведеніи изображается событіе благоговѣнно чтимое народною памятью, тогда не столько авторъ владѣетъ своимъ предметомъ, сколько предметъ владѣетъ авторомъ. Прежде всего писатель не имѣетъ права дѣлать выборъ между причинами, которые участвовали въ событіи; онъ обязанъ ограничиться только тѣми или тою, которая указывается преданіемъ, и одна изъ всѣхъ участвовала въ народномъ воспоминаніи. Въ дѣлѣ освобожденія земли Русской отъ Поляковъ, казаковъ и боярской кривошны, на примѣръ, вмѣстѣ съ главнымъ побужденіемъ возстановить вѣру и государство, играло, безъ сомнѣнія, еще множество другихъ побужденій, въ числѣ которыхъ конечно не послѣднее

нство занимаи надежды личнаго и областного возвышенія, стремленія къ восстановленію отжившихъ порядковъ и т. д. Но поэтъ не имѣетъ права вызывать на смотръ всѣ элементы, изъ которыхъ сложилось событіе. Такого рода добросовѣтность превратила бы тотчасъ же его произведеніе въ ревізію историчеекихъ свидѣтельствъ, а при нѣкоторомъ овоеводіи фантазіи, ввела бы его въ тяжбу съ принятымъ мнѣніемъ и лѣтописью, тѣмъ болѣе несчастную, что она велась бы не въ той формѣ, въ какой должны быть ведены тяжбы подобнаго рода. Въ поэтическомъ произведеніи должна быть соблюдена другаго рода добросовѣтность. Оно обязано сохранить преданіе во всей его цѣлости и воспроизвести его для народа въ томъ же блескѣ, достоинствѣ и величіи, въ какомъ держитъ его самъ народъ. Поэтому первою заботой должна быть разработка той стороны событія, которой общимъ голосомъ приписывается наибольшая творческая сила. Художнику такимъ образомъ заранѣе указаны основной тонъ и главный мотивъ произведенія. Ему ничего не остается болѣе какъ, обрабатывая готовый матеріалъ, дать лишь слегка почувствовать постороннія силы и второстепенныхъ двигателей событія.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы преданіе было совершенно неприкосновенно для повѣрки и изслѣдованія. Сохрани насъ Богъ отъ этой мысли: мы говоримъ только объ условіяхъ воспроизведенія преданія въ искусствѣ, ни о чемъ болѣе. Услуги, какія можетъ оказать обществу тщательное историческое изслѣдованіе предмета, принимаемаго всѣми на вѣру, безъ сомнѣнія огромны. Оно иногда полагаетъ основаніе новому, болѣе совершенному пониманію прошедшей и настоящей жизни общества, хотя бываетъ иногда и то, что оно только сильнѣе укрѣпляетъ способъ прежняго представленія. То достовѣрно однакоже, что пока длится критическая разработка прошедшаго, плодотворная для общества, къ какимъ бы окончательнымъ результатамъ она ни привела,—а длится она, какъ извѣстно, немалое время,—люди заняты ею становятся поодаль отъ другихъ, и поневолѣ обрекаютъ себя на нѣкоторое нравственное одиночество; таково условіе ихъ положенія. Художникъ-писатель не способенъ къ такой жертвѣ, и она отъ него не требуется. Умственная жизнь его всегда

течетъ между живыхъ людей, живыхъ образовъ и живыхъ преданій; къ этимъ живымъ преданіямъ онъ обращается за свидѣтельствами и доказательствами, даже тогда, когда становится обвинителемъ и повидимому врагомъ окружающаго. Скептиковъ-художниковъ нѣтъ и не было, не исключая и такихъ именъ, какъ Вольтеръ или Байронъ. Въ каждомъ изъ нихъ, любой рьяный отрицатель найдетъ множество, по его мнѣнію сильныхъ убѣжденій, пустыхъ надеждъ, неоправдываемыхъ симпатій и пр. Серіозный скептицизмъ можетъ увлекать писателя-художника и служить для него предметомъ удивленія и поэтическихъ думъ. Но собственно создать своимъ скептицизмомъ онъ ничего не въ силахъ, а потому не въ силахъ и измѣнить смыслъ историческаго событія и лица сообразно съ скептическимъ воззрѣніемъ; его достанетъ только на то чтобы лишить то и другое смысла и образа. Люди и дѣянія превратятся у него въ химерическія существа не имѣющія себѣ подобія на землѣ. Нѣчто похожее на такое превращеніе случилось и съ Козьмою Захарычемъ Мининымъ, когда, по поводу новаго произведенія г. Островскаго, часть нашего общества обратилась съ любопытствомъ къ этой личности и принялась дѣлать въ ней психическія открытія, на основаніи догадокъ и темныхъ намековъ собственнаго опыта. Еслибы собрать въ одинъ образъ всѣ представленія, которыя возникали въ этихъ толкахъ, то знаменитый мясникъ Нижняго Новгорода, вышелъ бы какою-то невообразимою смѣсью вдохновенія и плутовства, святости и добродушнаго коварства, идеаломъ патріотизма основаннаго на корыстныхъ расчетахъ и купеческой смѣткѣ, — словомъ личностію совершенно невозможною.

Къ числу неблагоприятныхъ условій для писателя, изображающаго святыню народныхъ воспоминаній, принадлежитъ необходимое однообразіе въ выраженіи всѣхъ лицъ участвовавшихъ въ событіи. Однообразная духовная фізіономія есть своего рода помазаніе, налагаемое на всѣ лица, приобщенныя къ святому дѣлу. Характеристическія отличія ихъ другъ отъ друга едва-едва, и то изрѣдка, успѣваютъ проглянуть сквозь единство настроеній, намѣреній и поступковъ. За исключеніемъ немногихъ главныхъ лицъ, всѣ прочія разнятся только такими общими отличіями, каковы полъ, возрастъ, степень образованія и

достатка; по духу никто изъ нихъ ни выше, ни ниже. Являются новыя лица, другой оборотъ рѣчи, даже оригинальнѣе, своеобразныя характеры, но развернуться вполнѣ передъ зрителемъ никому нѣтъ ни мѣста, ни времени: всѣ торопятся собраться въ одну группу и вторить пѣснѣ, уже начатой другими прежде нихъ. Изъ этого дѣйствительно образуется громадный, великолѣпный хоръ, который способенъ потрясти чувство самое притупленное и устранивъ всякое желаніе узнавать силу и объемъ каждаго отдѣльнаго голоса въ его составѣ. Но тѣмъ не менѣе творческая дѣятельность принуждена бываетъ ограничивать себя, и изъ уваженія къ главной задачѣ отказываться отъ употребленія своихъ силъ въ возможной для нихъ полнотѣ.

По той же самой причинѣ нельзя ожидать и драматическаго движенія въ такихъ произведеніяхъ, хотя бы они и принявъ форму драмы: борьба и столкновеніе интересовъ, составляющія жизнь драмы, поглощены здѣсь единодушіемъ общаго настроенія. Если оно и нарушается, то нарушается не драматически. Въ драмѣ обыкновенно хотятъ видѣть борьбу на смерть двухъ или многихъ несомнѣваемыхъ между собою началъ, но это опредѣленіе неполное. Борьба, на примѣръ, патриотизма съ подкупленною измѣной не можетъ сдѣлаться достояніемъ истинной драмы. Драма развивается только тогда, когда для нея найдена нейтральная почва, а страсти, вступившія въ борьбу, имѣютъ одинаково свои корни въ нравственной природѣ, и одинаково могутъ быть поддерживаемы доводами нравственнаго же свойства. Но историческое дѣйствіе, въ которомъ народъ видитъ свой высочайшій подвигъ, и притомъ подвигъ запечатлѣнный всенароднымъ одушевленіемъ, по самому существу своему, не можетъ допустить противодѣйствія себѣ иначе какъ въ смыслѣ величайшаго нравственнаго и даже физическаго безобразія. Какая драма тамъ, гдѣ съ перваго раза являются люди имѣющіе всѣ права на своей сторонѣ, и противопоставляются людямъ немѣющимъ сказать въ свою пользу ничего разумнаго? Въмѣсто драмы, тутъ устраивается нѣчто похожее на триумфальное шествіе, въ которомъ одни владѣютъ всѣми правами на торжество, похвалу и сочувствіе, а другіе отданы на презрѣніе,—презрѣніе ничемъ не смягченное, какъ оно смягчается въ настоящей драмѣ, гдѣ еще можно удивляться.

хотя бы силѣ воли или ума и другимъ качествамъ души самаго закоренѣлаго преступника. Преданіе о великомъ народномъ дѣлѣ не знаетъ такого снисхожденія; оно беретъ и охраняетъ только своихъ почетныхъ дѣятелей. За то они растутъ сами, и все вокругъ нихъ растетъ неизмовѣрно скоро.

Съ перваго же ихъ появленія въ произведеніи, всѣ отворачиваются передъ ними, всѣ руки указываютъ на нихъ какъ на избранниковъ, всѣ умы и сердца знаютъ чего ожидать отъ нихъ. Вскорѣ и весь народъ, убѣжденный ими, созвѣетъ себя какъ лицо исполняющее великое призваніе на землѣ и овѣщается въ собственныхъ глазахъ. Понятно, что поэтъ не можетъ не идти съ народомъ. Покинуть народъ или преданіе въ то время, когда они дѣлаютъ самое Небо участникомъ подвига, значило бы измѣнить собственному знамени.

Великое чудо, не нарушая нисколько правдоподобія, должно просто и естественно явиться въ произведеніи, какъ просто и свободно явилось оно нѣкогда въ самой жизни: чудо обязано стать въ рядъ дѣйствующихъ пружинокъ событія и, наравнѣ съ другими, добросовѣстно исполнить свое назначеніе, по отношенію къ святому дѣлу.

Таковы условія, ограниченія и трудности представляемая драматическою хроникой, которая имѣетъ своимъ предметомъ священныя воспоминанія народа; а что теорія нами не выдумана, тому служить доказательствомъ довольно плодотворный отдѣлъ европейской литературы, именно отдѣлъ религиозной испанской драмы. Драма эта преимущественно посвящена „святымъ дѣламъ“, и главныя черты ея всегда будутъ повторяться въ произведеніяхъ того же рода. Спрашивается, какихъ же результатовъ достигла религиозная драма? Они извѣстны. Несмотря на однообразіе всѣхъ ея приемовъ, на постоянно-геройскій складъ мыслей, царствующій въ рѣчахъ и поступкахъ лицъ выводимыхъ ею, несмотря на отсутствіе чего-либо похожего на колебаніе или движеніе жизни въ одну сторону, несмотря на то, что нѣсколько яркихъ, одинаково лучезарныхъ доблестей постоянно вращаются передъ глазами вашими, религиозная испанская драма одолеваетъ читателя съ неотразимою силою. Читатель одинаково покоряется ей, и тогда когда расположенъ считать идею драмы мрачнымъ

явленіемъ историческаго процесса, и тогда когда согласенъ признавать ея высокое значеніе въ человѣческомъ развитіи. На чемъ же основывается эта сила? На невидимомъ дѣйствіи того глубокаго энтузіазма, съ которымъ относится драма къ предмету, ею избранному, на могучемъ чувствѣ благоговѣнія къ вѣрѣ, представленіямъ, идеаламъ народа, чувство, которое она прививаетъ и зрителю. Драма становится раскрытіемъ поэтической думы цѣлой страны, и выражаетъ въ одномъ мгновеніи всю ея нравственную жизнь, которая многочисленными каналами проходитъ по ея исторіи. Точно ту же цѣль могъ имѣть въ виду и г. Островскій, когда писалъ своего *Козьму Минина*, и его произведеніе, по характеру и особенностямъ своимъ, носитъ признаки такого родства съ отдѣломъ испанской религиозной драмы, что можетъ быть признако, безъ всякаго укоропленнаго намѣренія, явленіемъ совершенно аналогическимъ съ нею.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ возраженіемъ, которое обойти не возможно, потому что оно часто слышится въ разныхъ кругахъ общества. „Прежде чѣмъ заниматься поэтической душой народа, говорятъ намъ, надо по крайней мѣрѣ удостовѣриться есть ли самый народъ, понятый, разумѣется, не въ смыслѣ сборища едивидъ, живущихъ какъ пришлось, подъ одними и тѣми же обязательными законами, а въ смыслѣ нравственнаго лица, хранящаго свои дорогія преданія, имѣющаго свой взглядъ на исторію, свой кодексъ морали и своеобычное представленіе доблести и героизма. Въ народѣ испанскомъ не одна драма показываетъ извѣстныя ноты; испанскій народъ является тѣмъ же самымъ при всякомъ случаѣ, иначе и драма его не могла бы явиться. По отношенію къ русскому обществу предстоить еще вопросъ: существуютъ ли у него духовныя стремленія, ему одному принадлежащія, и можно ли дѣйствительно распознать въ немъ народъ, помнящій свою исторію и имѣющій къ ней свои глубокія симпатіи и антипатіи. Вотъ вопросъ! Доселѣ еще никто не могъ сказать порядочно, къ какому историческому дѣятелю особенно лежитъ сердце народа, въ комъ и въ чемъ находятъ онъ свой идеалъ красоты и добра, и наконецъ, точно ли онъ такъ связанъ съ поэзіей религіознаго созерданія, какъ увѣряютъ писатели“. Возраженіе это намъ знакомо. Оно обыкновенно слышится отъ той стороны,

которая, основываясь на вѣднѣйшихъ фактахъ, даже всю старую цивилизацію Россіи, наравнѣ съ Петровскимъ періодомъ ея исторіи, считаетъ заимствованіемъ, и предоставляетъ народной самодѣятельности только созданіе пѣсень, да бытовыхъ, общественныхъ и семейныхъ понятій, болѣе или менѣе не выдерживающихъ критики.

Если бы возраженіе было справедливо, то пропала бы дѣйствительно не только возможность повѣстическаго воссозданія нашей прошедшей жизни, но была бы утрачена и цѣль общественнаго развитія. Намъ, кажется, однакожъ, что это возраженіе не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе кромѣ скептическихъ отвѣченностей. Противъ него достаточно простаго довода. Кому неизвѣстно, что только неорганическое тѣло можетъ служить матеріаломъ для совершенно чуждыхъ ему, нисколько не однородныхъ съ нимъ произведеній, а тѣло органическое и живое производитъ только такія явленія (физическія и нравственныя, все равно), основной типъ которыхъ носить въ самомъ себѣ. Достаточно одного этого соображенія, чтобы въ народѣ, добывшемъ себѣ мѣсто и роль въ исторіи, предполагать присутствіе духовныхъ силъ, хотя бы мы мало знали ихъ сущность.

Одновременно съ этимъ возраженіемъ, возникло въ публикѣ неудовольствіе на автора *Козьмы Минина* за то, что онъ предпочелъ ограничиться одною религіозною стороною событія, а не произвелъ исторической хроники, по образцу Шекспировскихъ. При этомъ случаѣ, появился запросъ на русскую историческую хронику, во вкусъ Шекспира. Отовсюду послышались голоса: давайте намъ такую хронику: только она способна отнестись безпристрастно ко всѣмъ живымъ силамъ древней Руси, не давая скучнаго предпочтенія которой-либо изъ нихъ; только такая хроника позволяетъ намъ угадывать смыслъ историческихъ явленій, помимо монашескихъ или придворныхъ свидѣтельствъ летописи, и безъ вмѣшательства народныхъ повѣрій и преданій затемняющихъ истину.

Но хроника въ родѣ Шекспировской представляетъ у насъ свои трудности не менѣе тѣхъ, какія встрѣчаетъ и художественная разработка „преданія“. Мы уже имѣемъ довольно многочисленныя образцы, и участь Шекспира въ

гестахъ у русской исторіи, должно признаться, нисколько не была завидна.

Мы не только взяли себѣ за образецъ ту свободу, съ которою Шекспиръ относится къ историческимъ дѣятелямъ, но мы и употребили во зло эту свободу, прежде чѣмъ успѣли понять ее. Рука наша не дрогнетъ замѣшать любое историческое лицо въ какую-угодно шалость, или при риторическомъ настроеніи духа, въ какую-угодно чудовищность. Со времени Пушкина мы еще не видѣли у себя драматическаго писателя, который бы поднялся въ ровень съ историческими лицами входящими въ его произведеніе, а видѣли только весьма успѣшныя старанія низвести ихъ до той среды, гдѣ возможно фамиллярное обращеніе съ ними. Нельзя жаловаться также чтобы мы были очень скромны въ вымыслѣ, или чтобы для фантазіи нашей не доставало смѣлости и развязности. Никто не отступитъ у насъ передъ заманчивою мыслію пустить на арену историческаго событія влодь собственнаго воображенія, какое-нибудь темное лицо, которое безъ зазрѣнія совѣсти перепутываетъ и оскорбляетъ историческую тему своевольнымъ участіемъ въ ея развитіи. Мы, напротивъ, нуждаемся теперь болѣе всего въ противобѣси, въ ограниченіи черезчуръ усвоенной нами независимости: намъ нужно приобрѣсть ту глубину созерцанія, которая даетъ возможность художнику прожить нѣсколько мгновеній одною жизнію съ великими людьми исторіи; нуженъ даръ угадывать тѣ живые разнообразныя типы, въ которыхъ представляется древнее общество, а къ этому ведетъ только долгое изученіе исторіи. До тѣхъ поръ не помогутъ никакая пестрота красокъ, никакія претензіи и размахи кисти. За ними дѣло не стаетъ у насъ, а дѣло стаетъ только за истинною силой изображенія, и преимущественно за умѣніемъ прилично держать себя въ сферѣ свободнаго творчества.

Будемъ ли удивляться послѣ того, что г. Островскій, для перваго своего опыта въ исторической драмѣ, выбралъ тотъ родъ ея, который представлялъ гораздо болѣе надежныхъ основаній, несмотря на всю стѣснительность условій, налагаемыхъ имъ на творчество? Нѣтъ сомнѣній, что оковы, неизбѣжныя въ этомъ родѣ драмы, не остались безъ видныхъ послѣдствій въ произведеніи: онѣ дали ему тотъ односторонній родъ, то принужденное выраженіе покорности и

подчиненія своей темѣ, которыхъ должно было ожидать. Но вмѣстѣ того, авторъ получилъ многое, чего никогда не получилъ бы, рѣшившись на иной выборъ. Оставивъ за Минцинымъ и земскимъ дѣломъ 1611 года все что укрѣплено за ними преданіемъ, принявъ относительно къ нимъ положеніе, въ какомъ стоитъ къ нимъ народъ, увѣровавъ въ нихъ, какъ самый простой, непосредственный слушатель лѣтописей, авторъ оставилъ за собой замѣчательную *цѣльность* вдохновенія, столь рѣдкую въ нашемъ искусствѣ. А это помогло ему сразу отыскать стройную рѣчь, весьма выразительный и живописный стихъ, также точно какъ помогло выдержать произведеніе во всѣхъ его частяхъ съ одинаковою силой и теплотой убѣжденія. Нашлись однако люди, которые при писании это желанію автора написать піесу, годную для офиціальнаго употребленія, и мы лично имѣли удовольствіе слышать, какъ она уподоблялась драмамъ, скропаннымъ на случай праздниковъ. Конечно, приговоръ этотъ ничего не опредѣляетъ, кромѣ эстетическаго образованія тѣхъ лицъ, которые рѣшились его высказать; но онъ допускаетъ и нѣсколько общихъ выводовъ. Можно спросить, въ какомъ образованномъ государствѣ, имѣющемъ судъ общественнаго мнѣнія, возможно было бы заподозрить благородство побужденій и чистоту патриотическаго чувства въ авторѣ, за то только что онъ обратился къ поэтическому воссозданію идеаловъ семейнаго и гражданскаго быта, нѣкогда существовавшихъ въ странѣ? Гдѣ и въ какомъ обществѣ мѣриломъ достоинства и чести намѣреній признается только болтовня на современные мативы, а серьезная попытка осмыслить преданіе и отыскать глубоко нравственныя стороны его вызываетъ только сомнѣніе въ чистотѣ нравственныхъ побужденій? Впрочемъ, надо, сказать приговоры въ родѣ того, о которомъ идетъ рѣчь, произносились и у насъ украдкой, какъ бы избѣгая свѣта и разъясненій...

Содержаніе драмы г. Островскаго, кромѣ собственно историческаго преданія, составляютъ семейныя и общественныя представленія древней Руси, возведенныя до идеаловъ, вмѣстѣ съ поэтическимъ изображеніемъ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя проявлялись у нея въ минуты высшаго напряженія. Исторія является въ его драмѣ не дѣликомъ, какъ въ плохихъ ея передѣлкахъ на романы, а только въ своемъ отраженіи на нравахъ, понятіяхъ и вѣрованіяхъ эпохи.

Исторія только исполняетъ, такъ сказать, атмосферу, въ которой движутся лица его драмы; но сами эти лица являются собою не затѣмъ чтобы разъяснить какой-либо историческій вопросъ, а единственно затѣмъ чтобы жизнью и дѣйствіями своими обнаружить поэтическую сторону и нравственный смыслъ современнаго имъ быта. Горенка вдовы Марыи Кириловны такое же важное звено въ драмѣ г. Островскаго, какъ и слезное моленіе народа въ соборѣ и избраніе Мивина въ повѣренные отъ земли Русской. Первое свиданіе вождей народнаго возстанія происходитъ въ этой горенкѣ, между пѣснями сѣвннхъ дѣвушекъ, при заботливомъ угощеніи хозяйки. Самый девизъ ополченія: „за спасеніе вѣры и земли“, повторяемый всѣми, имѣетъ свое особенное содержаніе. За этою формулою слышится убѣжденіе въ необходимости крѣпкаго строя и великаго единства для государства, которые могутъ быть достигнуты совѣтомъ, участіемъ и приговоромъ всего народа. Знамя съ этимъ девизомъ уже нѣсколько разъ подымалось и прежде; но только тогда, когда оно перешло въ руки Мивина, уяснился настоящій смыслъ его, который и помогъ уничтожить всѣ ложныя представленія государственнаго единства, выдуманныя партіями и наполнившія страну измѣнами, преступленіями и бѣдствіями всякаго рода. Съ этой минуты политическая формула начинаетъ производить чудеса, и вчерашніе злодѣи отечества торжественно исповѣдуютъ ее; она исправляетъ негодяевъ, вразумляетъ маловѣрующихъ и быстро поднимаетъ общій уровень нравственности. Такое толкованіе исторіи стоитъ кропотливаго разбора той или другой черты въ лѣтописяхъ, опущенной можетъ-быть авторомъ.

Кстати о чертахъ. Лицо Мивина въ пьесѣ г. Островскаго показалось для многихъ лицомъ отвѣченнмъ, созданнымъ для выраженія патріотическаго и религіознаго энтузіазма, но лишенымъ живой фзіономіи. По мнѣнію ихъ, это собственно не живое лицо, а простое олицетвореніе героическаго чувства. Требованіе на мелкія, но выразительныя подробности въ характеристикѣ лица, возникло у насъ изъ знакомства съ западными историками, которые черпаютъ матеріалъ для яркой обрисовки характеровъ въ богатомъ запасѣ записокъ, переписокъ, современныхъ памятниконъ, дипломатическихъ, полемическихъ и

всякаго рода документовъ; но оно въ большей части случаевъ не приложимо къ нашей исторіи. Съ лицами русской исторіи чаще всего остается дѣлать одно изъ двухъ: или сохранять фізіономію, сложившуюся въ теченіи времени и знакомую всѣмъ, или цѣлкомъ выдумывать ее. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ, кромѣ многихъ другихъ, и Мининъ. Свойство нашихъ историческихъ документовъ таково, что они даютъ величавый очеркъ фигуры, способный оживиться подъ кистью истиннаго художника, но матеріаловъ для подробнаго психическаго анализа не представляютъ. Попытки примѣнить къ нашимъ историческимъ образамъ манеру западныхъ историковъ, пользуясь oculis inanimatis намеками, кое-гдѣ встрѣчающимися въ документахъ, всегда будутъ имѣть видъ ученой забавы. Нѣтъ никакой возможности снять портретъ съ многихъ героическихъ лицъ древней Руси, а еще менѣе поддаются они покушеніямъ снять съ нихъ фотографическія карточки, а этого собственно, кажется, и жаждутъ нѣкоторые ревнители *жизненности*. Авторъ *Минина* обнаружилъ вѣрное пониманіе задачи, когда сохранилъ Минину его эпическую фізіономію, добавивъ ее только тѣми чертами, которыя составляютъ ее же естественную принадлежность. Онъ создалъ образъ, послѣ котораго возможенъ только одинъ вопросъ: въ какой степени соответствуетъ это созданіе историческимъ свидѣтельствамъ и народному представленію. Въ этомъ все дѣло.

Мы упомянули также о народныхъ совѣщаніяхъ. Удивительно, что критики г. Островскаго не обратили вниманія на эти, по истинѣ, превосходные *morceaux d'ensemble* (да простятъ намъ читатели этотъ музыкальный терминъ!), гдѣ народъ является въ разные моменты, однимъ живымъ, дѣйствующимъ лицомъ, всегда вѣрнымъ себѣ, но выражающимъ себя тысячью голосовъ и мнѣній. Это многосложное лицо испытываетъ въ піесѣ г. Островскаго, на глазахъ нашихъ, нѣсколько превращеній, обнаруживающихъ его нравственную природу. Въ первой сценѣ совѣщанія (II дѣйствіе, явленіе III) оно входитъ въ чистую свѣтлицу вдовы Марыи Борисовны подѣ видомъ трехъ вождей народнаго возстанія, которые чинно занимаютъ мѣста, согласно правиламъ установленнаго общегитія, и начинаютъ бесѣду простомъ формою вопрошенія для того чтобы придти къ се-

гашенію относительно дѣла, значенія и средствъ подвига: „Москва разорена!.. Такъ ей и оставаться? Москва корень прочимъ городамъ!.. Москва намъ мать!.. А развѣ дѣти могутъ мать покинуть?“ и проч. Во второй сценѣ совѣщанія (III дѣйствіе, явленіе III). То же самое лицо, но уже подъ видомъ шумной, нетерпѣливой толпы, захватываетъ палату воеводы Алябьева, требуетъ у него согласія и заводитъ горячее преніе съ недоброхотами, которые не вѣруютъ въ народныя силы и средства. Разгоряченное споромъ, оно доходитъ до религіозно-патріотическаго энтузіазма, и устами своихъ начетчиковъ начинаетъ выбирать примѣры изъ *Библии*, гдѣ сильные враги окрушаются слабыми руками, и завершаетъ доводы свои этими цитатами какъ послѣднимъ и неопровержимымъ словомъ. Наконецъ, въ V дѣйствіи, то же самое лицо является въ домъ Мавина, какъ униженный проситель, обезсиленное, потерявшее надежду на себя, но еще сохраняющее мысль о подвигѣ, для осуществленія котораго оно отказывается отъ права располагать собою, отдается въ руки Мавину, требующаго этой послѣдней жертвы, и радуется успѣху въ дѣлѣ самоуниженія и самоограниченія, какъ неожиданной побѣдѣ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что эти сцены народныхъ совѣщаній, эти хоры, эти *motseaux d'ensemble* піесы, могутъ дать понятіе о томъ, какого рода интересъ, историческій и поэтический, можетъ быть достигнуть хроникой „святаго дѣла“, хотя бы драмы, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ ней не оказалось, или хотя бы драма была къ ней пристроена искусственно и произвольно.

Затѣмъ мы можемъ повторить еще разъ, что коренные недостатки произведенія состоятъ въ томъ, что вся его перспектива вполнѣ открывается зрителю съ первыхъ же сценъ, что оно представляетъ сплошь одну лучезарную уверенность, гдѣ почти нѣтъ тѣней или гдѣ тѣни едва замѣчены, что въ немъ дано слишкомъ мало мѣста и значенія элементу противоборствующему, который существовалъ въ то время и существуетъ при каждомъ историческомъ явленіи; что наконецъ краски, которыми очертилъ авторъ отрицательную сторону, могли бы быть поярче; но какая польза изъ всего этого? Въдѣ недостатки эти коренятся въ условіяхъ самого рода драмы избраннаго авторомъ, и, какъ неизбежныя, почти перестаютъ

быть недостатками. Можно было менѣе подчиниться имъ, но совершенно освободиться отъ нихъ не было возможности. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что это новое произведеніе г. Островскаго есть первый серьезный опытъ русской *исторической* драмы послѣ *Бориса Годунова* Пушкина. Если бы мы предались критическому увлеченію, то, конечно, должны были бы остановиться преимущественно на лицѣ благочестивой вдовы Марѣи Борисовны. Образъ этотъ взятъ авторомъ тоже изъ преданія, но очерченъ гораздо свободнѣе чѣмъ всѣ другіе. Типъ, который мелькаетъ въ лицѣ Марѣи Борисовны, прекрасно задуманъ, но какъ намъ кажется, не совсѣмъ твердо и ясно выраженъ. Соединеніе глубокаго, сосредоточеннаго религіознаго чувства съ младенческою ясностью сердца, аскетизма съ веселостью, внутренней суровости съ добродушными и уклончивыми приемами, требовало бы большей обработки, какъ ни превосходны намеки, брошенные авторомъ относительно психической глубины этого характера. Намековъ тутъ недостаточно. Читатель все-таки остается въ недоумѣніи передъ изображеніемъ, чувствуя, что противоположности, которыя оно въ себѣ заключаетъ и которыми оно отличается отъ другихъ, могутъ быть примирены, но не видя этого примиренія на дѣлѣ. А какъ опасно предоставлять самой публикѣ трудъ довершенія образа, видимъ мы изъ того, что Марѣя Борисовна принята была многими за типъ набожной кокетки!

Объяснить подобнаго рода недоразумѣнія и войти въ разборъ отдѣльныхъ частей произведенія было бы задачей полнаго отчета о драмѣ, котораго мы не имѣли въ виду. Цѣлью нашею было только указать настоящій смыслъ *Минина*, не всѣми признаваго, и отдать справедливость серьезному и добросовѣстному повѣстическому труду, предпринимаемому въ то время, когда на подобныя труды общество наше смотритъ какъ на дѣло до него не касающееся, не понимая того, что такого рода произведенія могутъ въ свою очередь служить могущественнѣйшими двигателями общественнаго развитія.

П. АННЕНКОВЪ.

Іюль. 1862 г.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ

ДЛЯ ИСТОРИИ

РАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Книга Александра Б. *Описание раскольническихъ рукописей*, года два тому назадъ изданная, познакомила публику съ вѣсколькими раскольническими сочиненіями, преимущественно съ тѣми, которыя принадлежатъ первымъ расколоучителямъ. Помѣщенное затѣмъ въ *Библиографическихъ Запискахъ* извлеченіе изъ библиографическаго словаря Павла Любопытнаго дополнило во многомъ скудные свѣдѣнія, сообщаемыя г. Александромъ Б. Но ни та ни другая книга далеко не исчерпываетъ всего богатства раскольнической литературы. Въ особенности бѣдны мы свѣдѣніями о раскольнической литературѣ позднѣйшей, то-есть принадлежащей къ настоящему столѣтію, или даже ко второй его четверти. Одно изъ такихъ сочиненій попало намъ въ руки, и мы считаемъ не лишнимъ передать его содержаніе.

Сочиненіе о которомъ идетъ рѣчь, носитъ слѣдующее заглавіе: *Истинный и неложный путь ко спасенію. Кромя сего нигдѣ ты не обратиши, отъ мене грѣшнаго больше сего ничего не пытай. Паче бо сего искать не могу.* Оно было въ

1837 году представляемо извѣстному поборнику противъ раскола, саратовскому епископу Іакову, единовѣрческимъ монахомъ Меахиседекомъ Якубовскимъ. Надпись, сдѣланная Якубовскимъ, объясняетъ отчасти, кто былъ сочинитель этой книги и когда она написана: „списокъ изъ книги вновь сочиненной саратовскимъ жеучителемъ или проповѣдникомъ мѣщаниномъ Тимофѣемъ Васильевымъ Бондаревымъ, еще нынѣ здравствующимъ въ приклоннолѣтіи, самокрещенаго (отчаяннаго во спасеніи) согласія, представленный мной 1837 года мая 16 дня.“ Кто былъ этотъ Тимофей Бондаревъ и по какому ближайшему поводу написана его книга, къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній. Но это и не такъ важно; важно собственно самое содержаніе книги.

Секта самокрещенцевъ, представителемъ которой является Бондаревъ, характеризуется въ извѣстной книгѣ Теофилакта Лопатинскаго слѣдующими словами: „ересь самокрещенцы — отъ простаго мужика Романа Давидовца. Училъ онъ народы российскіе крещеныхъ перекрещивати. впадше въ воду, крещается рабъ Божій и прочее. И таковою ради причины, что-де въ нынѣшнихъ временахъ всѣ отступили отъ православія, какъ отъ поповъ, такъ и отъ чернецовъ и отъ простыхъ мужиковъ, не дѣйствуетъ благодать святаго духа, и крестятся дважды и трижды.“ Новѣйшій историкъ раскола, епископъ Макарій, въ своей исторіи относя эту секту къ мелкимъ, готовымъ исчезнуть, отзывается о ней подобнымъ же образомъ: „самокрещенцы не довольствуются не только православнымъ крещеніемъ, но и перекрещиваніемъ безпоповцевъ, какъ скверныхъ, и сами крестятся въ рѣкахъ или источникахъ“. Изъ этихъ отзывовъ можно судить, что самокрещенцы представляють одну изъ самыхъ крайнихъ ступеней, до которой дошелъ расколъ въ своемъ развитіи. Мысли излагаемая въ *Истинномъ и неложномъ пути* дѣйствительно подтверждаютъ такое заключеніе.

Взглядъ Бондарева вообще тотъ же самый, какой свойственъ всѣмъ безпоповцамъ: „антихристъ царствуетъ въ мірѣ“; но послѣдователь самокрещенаго согласія проводить это положеніе до крайней степени пессимизма, не останавливаясь логическими послѣдствіями, какія должны вытекать отсюда для жизни.

Предварительно, по мнѣнію Бондарева, антихристъ воцарился въ лицѣ римскаго папы; въ немъ осуществились всѣ свойства, приписываемыя антихристу Св. Писаніемъ и ученіемъ св. отцовъ. „Папа,“ говоритъ *Истинный и неложный путь*, „превознесся гордостью надъ всеми, и воспріялъ на себя власть не только царскую и святительскую, но и Божію: купѣ царь и святитель и еще Богъ варечеса. Онъ паки всѣхъ до единого судить и судити имать, его же самого никто же отъ земнородныхъ судити можетъ. Онъ паки и такое странное и несмысленное имѣлъ мудрованіе, яко не то что на земли, но и на небеси власть имать, и никто же безъ его ходатайства въ число святыхъ принять быти можетъ. И онъ единъ властенъ на земли и на небеси чины раздавати: онъ въ нѣдрахъ своихъ Святаго Духа имать. И паки изъ числа земнородныхъ никто же безъ грѣха: онъ же единъ ни согрѣшити когда, ни прельститися можетъ.“

Высказавъ это замѣчаніе о характерѣ папства, замѣчаніе, котораго нельзя не назвать остроумнымъ, Бондаревъ пытается разъяснить, какимъ образомъ изъ Рима царство антихристово распространилось по всему міру. На востокъ, антихристъ воцарился современіи завоеванія магометава, а на Руси современіи Никона. Здѣсь Бондарева останавливаетъ нѣсколько мыслей, что, по преданію, предъ прішествіемъ антихриста, должны явиться Енохъ и Ілія: но не задумывается принять это явленіе въ духовномъ смыслѣ, то-есть какъ явленіе духа и ревности Іліиной. Этотъ духъ и ревность Ілія, по Бондареву, открылись именно въ первыхъ расколочителяхъ. „О коль многихъ, восклицаетъ онъ, замѣчая равныхъ и подобныхъ тѣмъ пророкамъ, во время проклятаго Никона бывшихъ и всеревновствіе того Никона злобу обличающихъ, коимъ неоднократно и языки были рѣзаны, но отъ Бога паки языки тѣмъ даны быша, также рудѣ отсѣчены быша, но и рудѣ паки тѣмъ изросташа!“

Признавая царство антихристово не только наступившимъ, но и всюду распространеннымъ, Бондаревъ обвиняетъ въ служеніи этому царству не однихъ „никоніанъ“, но и самихъ расколочниковъ, именно поповщичевъ, которые, по выраженію его, еуть дѣти той же матери. Дѣйствительно, несмотря на то, что всѣ расколочники, какъ извѣстно изъ исторіи, шли отъ мысли о воцареніи антихриста, поповщина

является среди нихъ такою сектою, которая въ развитіи этого ученія остановилась на полдорогѣ. Съ точки зрѣнія другихъ, болѣе рѣшительныхъ раскольниковъ, поповщина, уже тѣмъ самымъ помиралась съ „царствомъ антихриста“, и помиралась на самомъ унизительномъ для себя условіи, что согласилась отъ никоніанъ принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ. Повято, что этотъ родъ доктринерства, эта сдѣлка, жестоко порицается болѣе рѣшительными раскольниками, и не избѣгаетъ обвиненій въ служеніи антихристу. Изъ самыхъ безпоповщинцевъ, нѣкоторыя секты, какъ-то поморцы и близкая къ нимъ ееодосѣвщина, хотя не принимаютъ къ себѣ поповъ рукоположенныхъ іерархіей, но не могутъ однако отрѣшиться отъ необходимости имѣть своего рода поповъ, хотя бы и называемыхъ просто „старцами“. Но раскольникъ-радикалъ, каковъ самокрещенецъ, не можетъ помириться и съ этимъ. Самокрещенство именно и составляетъ попытку послѣдовательнѣе разрѣшить задачу: какъ можно остаться православнымъ христіаниномъ, обойтись совершенно безъ іерархіи, и даже безъ всякаго вида ея?

Въ первыя времена раскола, задача эта рѣшилась у нѣкоторыхъ ученіемъ объ обязанности самоожженія. Послѣдователи этого ученія съ героизмомъ шли на костеръ, ради того чтобы не оскверниться прикосновеніемъ къ міру, зараженному скверною антихриста. Примѣровъ этому особенно много было въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій; но сдѣлы этого изуверства встрѣчаются и позже, даже во второй четверти настоящаго столѣтія. Въ 1827 году, напримѣръ, въ Саратовской губерніи, въ селѣ Копенахъ, приложено было къ практикѣ то же самое вѣрованіе съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ формы: ужасное самоожигательство было замѣнено еще болѣе ужаснымъ свободнымъ убійствомъ. Нѣкто раскольникъ, Иванъ Юшкинъ, уговорилъ шестьдесятъ своихъ единовѣрцевъ рѣшиться на добровольную смерть, и вызвался собственноручно препроводить ихъ въ царство небесное. Тѣ рѣшились, одинъ за другимъ клали головы на плаху, а Юшкинъ хладнокровно наносилъ имъ смертные удары. Такъ погибли тридцать пять человѣкъ и погибли бы всѣ шестьдесятъ, еслибъ одна женщина не ужаснулась кроваваго зрѣлища и не ударила въ набатъ.

Къ числу этихъ рѣшительныхъ раскольниковъ принад-

идать и самокрещенцы, но они не заходят так далеко, и выискивают другое менѣ трагическое средство сохранить свою послѣдовательность. Они ограничиваются тѣмъ, что не принимаютъ не только никакой іерархіи, но, такъ сказать, и никакой тѣни ея, не соглашаясь даже при самомъ крещеніи пользоваться постороннимъ посредничествомъ, такъ какъ всякое посредничество, чье бы оно ни было, уже напоминало бы собою іерархію. Не можемъ утвердительно сказать, составляютъ ли самокрещенцы особую секту въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, то-есть совершенно отдѣльный и замкнутый кругъ. Едва ли; скорѣе можно думать, что это есть крайнее *направленіе*, прорывающееся по временамъ, въ томъ или другомъ послѣдователѣ той или другой безпоповщинской секты. Не знаемъ также, самокрещенцамъ ли собственно принадлежитъ пѣсня, текстъ которой слѣдуетъ ниже; но эта пѣсня хорошо характеризуетъ это направленіе полного церковнаго разобщенія. Вотъ она:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
 Съ попами, дяками хлѣбъ-соли не водитъ,
 Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ,
 Къ слезной молитвѣ всякъ день прилегаетъ,
 Стой-ка съ покаяньемъ предъ Св. Спасомъ:
 Обрадовавъ будешь архангельскимъ гласомъ.
 Лягъ-ка съ рабою Божьей, съ Христовой любовью.
 Причастить тебя Ангелъ христовою кровью.
 Кайся-ка поутру, встань-ка въ умиленьи:
 Получишь отъ Спаса Петрово крещенье.
 Кайся съ воздыханьемъ, запершия въ каяти:
 Избавленъ ты будешь дьявольской сѣти.
 Самъ Спасъ исповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ;
 Въ Христовой любви праздникомъ есть праздникъ.

Нельзя не видѣть здѣсь стремленіе къ рѣшительному разрыву связи съ формами жизни, которыя одѣлались формами жизни „служъ антихриста“, со всякою іерархією и со всякимъ напоминаемъ объ іерархіи. Покаяніе, причащеніе, бракъ, крещеніе, словомъ, всѣ таинства этою пѣснью отвергаются, и на мѣсто ихъ предлагается, какъ исключительно достойная христіанина практика для нашего времени: жизнь самоуглубленная, уединенная, мистическая, созерцательная и въ то же время эгоистически разлузданная (въ особенности относительно брачнаго союза).

Этотъ-то образъ, сосредоточенно-представленный въ глѣснѣ, болѣе подробнымъ образомъ раскрываетъ Бондаревъ въ своей книгѣ. Всѣ его разсужденія направлены къ объясненію, что можно совершенно обойтись безъ видимой церкви. „Аще право вѣруеши, говоритъ Бондаревъ, и со всякою истинною къ Создателю твоему прибѣгнешу: то аще гдѣ-либо прилучится, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ можети поставити жертвенникъ: жертва бо Господу Богу—духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничтожитъ... Святая, соборная православная церковь—не стѣны и покровъ, но вѣра православная, правое исповѣданіе, по благочестіи подвигъ. Таковыя-то святая церковь сывъ есмь. Въ такой церкви есть православныя законы, святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отецъ истинное и непревратное ученіе и наказаніе, слежащее въ святыхъ и нерастлѣнныхъ книгахъ. Якоже въ видимой и вещественной церкви имѣется содержатель и украситель той, православный епископъ, яко Христовъ намѣстникъ: въ сей же нашей духовной церкви начальникъ и украситель самъ той первоначальный пастырь, Творецъ и Владыка, архіерей вѣчный... Таковаго архіерея имуще, не требуемъ видимой и вещественной церкви потому наипаче, понеже бо въ видимой и вещественной церкви многія видимыя и чувственныя вещи имѣются: равно же подобно тому и въ нашей духовной церкви таковыя же и чувственныя вещи состоятъ, какъ-то святая иконы и книги: *безъ тѣхъ бо и сія наша церковь ни части, ни состоятися не можетъ.*“ Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить непослѣдовательности, и они объясняются очень просто. Къ разсужденіямъ о невадобности іерархіи, и вслѣдъ за тѣмъ о невадобности видимыхъ таинствъ, привела раскольника *невозможность* достать себѣ правильно поставленную іерархію. Но относительно иконъ этой невозможности раскольникъ не испытываетъ: онъ можетъ достать ихъ, и вотъ онъ измѣняетъ на этотъ разъ своей идеи о невидимой церкви. „Въ видимой, продолжаетъ Бондаревъ, паки и вещественной церкви, есть стѣны и покровъ: въ нашей же духовной церкви—правая и непорочная вѣра, и православныя законы, и о истинномъ благочестіи труды и подвиги.“ Къ церкви—невидимой Бондаревъ относитъ и обѣтованіе Спасителя о вѣчности существованія церкви: „видимая и

вещественная церковь создается смертных и тлѣнныхъ челоѣкъ руками: наша же духовная создается самимъ Господомъ нашимъ Иисусъ Христомъ. Видимая и вещественная церковь подлежитъ тлѣнiю, лѣтами старѣеть и временемъ обетшаваетъ: наша же духовная всего того прее выше есть.“

Эти положенiя о невидимой или, какъ онъ еще называетъ, *разумной* церкви, Бондаревъ раскрываетъ и доказываетъ довольно подробно въ шести отвѣтахъ. Мы не будемъ передавать эти подробности, но приведемъ самые вопросы, на которые отвѣчаетъ Бондаревъ, и по которымъ можно отчасти угадывать самые отвѣты, даваемые имъ сообразно основному взгляду. Вопросы эти слѣдующiе: 1) Которыя церкви сынъ есмь? 2) Чтò есть соборная, апостольская церковь? 3) Имѣется ли таковая церковь нынѣ? 4) Аще ли таковая нынѣ церковь имѣется, то мы въ ней ли крещены? 5) Аще ли не имѣется въ нынѣшнее время видимыя и вещественныя церкви, то покажи о томъ отъ Писанiя. 6) Которыя церкви сынъ есмь, видимыя или разумныя?

Въ отвѣтахъ на эти вопросы, Бондаревъ раскрываетъ собственно только идею церкви. Далѣе онъ разсуждаетъ уже о составныхъ частяхъ и принадлежностяхъ церкви. Попятно къ какимъ результатамъ пришелъ онъ и здѣсь. На вопросъ: „св. видимыя тайны и священства нынѣ имѣются ли, или не имѣются, такъ же и вся служба, и всѣ церемонiи, и догматы?“—отвѣчаетъ: „всякой вещи время есть свое. Аще ли Всепремудрый Создатель нашъ годичное время раздѣли на четыре времени: есть весна, есть лѣто, есть осень и зима; не тожде ли самое и о духовныхъ помыслити имама?.. Было время весны и оъянiя, въ неже оъяше самъ Христосъ Спаситель нашъ и святiи того ученицы и апостоли и вси святiи богоноснии отцы, иже на седми вселенскихъ и на девяти помѣстныхъ соборѣхъ сошедшiеся. По оъянiю же томъ найде тлетворная осень, наступи уже и вихреломательная зима: видимъ же яко и градныя груды умножшася, и свѣтъ глубокий покры всю земаю... Въ нынѣшнее лукавое время, во всей поднебесной при видимыхъ людехъ и вещахъ, кромѣ единого, безсмертнаго Владыки Спаса Христа, видѣтъ на земли, ни полъ земаю не проповѣдуется ни спасенiя, ни жизни вѣчныя.

Если кто изъ числа земнородныхъ съ правою вѣрою, и съ чистою совѣстію, и нераздвоенною мыслію, и съ теплымъ усердіемъ, призоветъ Христа Господа, и присвоитъ Того къ себѣ житіемъ непорочнымъ: тогда той устроитъ самъ себѣ жилищемъ, и покоищемъ, и церковію, Бога Вышняго. И тогда Господь нашъ Иисусъ Христосъ, яко неразлученъ смѣ съ Отцемъ и Духомъ Святымъ, вселится въ оныя и никакоже разлучится отъ таковаго. И паки въ душѣ вѣрнаго по неразлучному пребыванію, яко архіерей вѣчныхъ, совершитъ свое таинство; идѣже бо архіерей безсмертный вселится, тамо могутъ быть и священство, и служба, и вся церемонія, и догматы.“ Последнее положеніе напоминаетъ ученіе квакеровъ и другихъ духовныхъ сектъ запада, а также и нашихъ духоборцевъ и молоканъ.

Въ доказательство противъ видимости церковной, Бондаревъ приводитъ, по обычаю, мѣсто Св. Писанія и сочиненій отеческихъ. Но мы не имѣемъ возможности останавливаться на этихъ подробностяхъ. Мы приведемъ только его взглядъ на исторію религіи, напоминающей собою западный раціонализмъ. Онъ выходитъ изъ положенія, что все въ мірѣ старѣетъ, ветшаетъ, и изъ отжившаго рождается новое, которое въ свою очередь также старѣетъ и смѣняется новымъ. Это положеніе оныя примѣняетъ ко „многимъ законамъ“, которые были даны роду человѣческому Богомъ. Законы эти: 1) Адаму, 2) Ною, 3) Аврааму, 4) Моисею, 5) Аарону, 6) Соломону, 7) евангельскій,—все даны для вѣчнаго исполненія „до вѣка“. „Все законы оныя, говоритъ Бондаревъ, даны баше не на время нѣкое урочное и определенное, но въ завѣтъ вѣчный: но судьбами Божиими все измѣнилася, и шесть оныя законы никтоже хранитъ: и такое оныхъ нехраненіе Господу Богу непротивно. Седьмый же и послѣдній евангельскій законъ, аще и хранится имать до самого славнаго втораго на землѣ Христова прішествія; однакожь не такимъ образомъ, какъ ты и все тебѣ равныя и подобныя разумѣете и мыслите, и никакъ не видимо, нечувственно, но духовно и мысленно, не въ самомъ дѣлѣ и въ видѣ воимъ и каждому, но въ правой мысли и истинной проповѣди точию.“

Понятно, что строго слѣдуя основной своей мысли, Бондаревъ порицаетъ вѣдншую сторону не только въ церкви, но и въ самыхъ раскольническихъ сектахъ, которыя допу-

скают старчество и наставниковъ. Вотъ какъ Бондаревъ относится ко всѣмъ саратовскимъ раскольникамъ: „азъ многогрѣшный въхъ тѣхъ до единого, сколько бы ихъ въ здѣшнемъ градѣ ни было, вопервыхъ отъ святыхъ соборныхъ и апостольскихъ церкви, а потомъ и отъ истиннаго разума отступниками нарицаю. Понеже бо кійждо отъ нихъ своимъ самовольствомъ мнятся учителя быти. Едини не пребываютъ, не внимающе своему спасенію: но собираютъ стада, читаютъ книги и толкуютъ несогласно, и едино слово раздираютъ наразно, кійждо на свой разумъ превращать. А посему, по писанію преподобнаго Никона Черногорскаго, могутъ нарецися еретики-разумоборцы. И таковыми разными пути ходяще, овъ заразила больше, иныи же меньше, иныи бо можетъ нарецися еретики, иныи же раскольники, а иныи подцерковники, а иныи по невѣдѣнію заблудники.“ Дальше на вопросъ: „чесо ради мы съ такими обще не стоимъ?“ Бондаревъ отвѣчаетъ: „они насъ гнушаются, что мы ихъ гнушаемся отцами и не ходимъ къ нимъ на покаяніе: а мы ихъ гнушаемся за восхищеніе не даваемыхъ имъ власти. Еще же и то реку ти: понеже бо они нарицаются по имениамъ учителей своихъ новыхъ: иныи бо именуется поморянинъ, иныи же еедосѣвѣвъ, иныи филипповъ, а иныи балчужный¹; слѣдовательно они и сами могутъ сказать о себѣ признательно: что они на страшномъ судѣ станутъ съ тѣми своими учителями. Отъ сего же Спаса Христа отступили самовольно, и разными ересьми заразились и между собою несогласны.“

Въ томъ же родѣ его отношеніе ко всему поморскому толку. Здѣсь Бондаревъ порицаетъ какъ духъ гордости, прозявшійся въ незаконномъ присвоеніи права учительства, такъ и всю внѣшнюю организацію этого толка. „Первая главнѣйшая вина поморскаго монастыря есть такая: что оная обитель превозноситъ себя паче Ливана, и вос-

¹ Сколько намъ извѣстно, не было еще нигдѣ напечатано о раскольническомъ толкѣ Балчужнаго. Подъ знаменемъ Балчужнаго, въ Саратовѣ, были извѣстны лютеи противники браковъ и чтители „Галилейской ереси“, то-есть той имени, что не нужно молиться за цзя. О самомъ Балчужномъ есть свѣдѣнія въ книгѣ Павла Любопытнаго.

хищаетъ власть главнаго архипастыря Христа... И что всего важнѣе, яко составляютъ книги и разсмѣяютъ по всѣмъ странамъ: въ коихъ попускаютъ всякому простому и непосвященному всякое таинство творити и совершати... Паки же посылаютъ отъ себя во вся грады и страны пастырей и учителей подь образомъ истинныхъ учителей и проповѣдниковъ, съ таковымъ точно законопреступнымъ наставленіемъ: двоичастный крестъ нарицати хульнѣ мерзостію, запусѣніемъ, идоломъ, печатью антихристовою, крыжемъ латинскимъ...¹ Паки же соборне собираются на молитву и пѣніемъ тщеславятся... Вмѣсто того, чтобы всякому прибѣгати къ Господу Творцу своему и Спасителю, и отъ Того единого помощи и заступленія просити, они мужеска и женска половъ безчисленно отъ Того отводяще подь свою паству привлекаютъ и начальство Христово себѣ восхищаютъ. Таковая же толика гордость и возношеніе не только во единой Поморской обители, но и во всѣхъ перекрещивавцахъ, ихъ же и кромѣ тоя обители множество. Овыя бо изъ нихъ нарицаются поморскія, овыя бо филипповы“ и т. д.

То же отрицаніе вѣрности у Бондарева видно и въ ршеніи вопросовъ о предметахъ ежедневной релігіозной практики. На вопросъ: „въ нынѣшнее время можно ли имѣть въ домѣ моленіе по церковному положенію?“ овъ отвѣчаетъ: „на кого бо призрю, глаголетъ Господь, во на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ моихъ. Всѣи бо, предобрыи вопросителю, яко разбойникъ и мытарь не во многихъ словесѣхъ спасошася и услышани быша. А посему-то весьма добро и похвально вельми всѣмъ и каждому сихъ разбойника и мытаря подражати. О гласномъ же пѣніи пишется во святомъ писаніи (?), яко многихъ до адава сведе; и посему хотящии спастися и безъ пѣнія спа-

¹ Просимъ обратить вниманіе на этотъ фактъ: раскольникъ рѣшается жертвовать однимъ изъ самыхъ важныхъ раскольническихъ догматовъ, для того чтобы поддержать идею выработанную изъ самого же этого догмата. Бондаревъ не хочетъ ругать, и другихъ порицаетъ за руганіе, двоичастнаго креста: а между тѣмъ къ мысли о невидимой ереси безположенія между прочимъ изъ непріязнелаго отношенія къ двоичастному кресту.

сутся". На вопрос: „во время великаго моленія можно ли святыхъ иконы кадить крестообразно или не можно?“ онъ отвѣчаетъ: „Богъ не маханіе наше смотритъ, но усердію внимаеть и теплотъ сердечной... Сія жертва паче всякаго пѣнія, паче службы и паче бдѣнія и всеобщаго стоянія можетъ умилостивити Господа Бога и грѣхамъ нашимъ прощеніе даровати.“ Мы знаемъ, что у раскольниковъ имѣеть большое значеніе исповѣдь у простыхъ старцевъ, вмѣсто священниковъ. Бондаревъ жестоко порицаетъ это: людей присваивающихъ себѣ право надъ совѣстію другаго онъ называетъ „дерзкими, скаредными, сумазбродными нахлами“, а обращающихся къ нимъ называетъ „лѣнивыми и нерадивыми“. Право надъ нашею совѣстію, по Бондареву, имѣеть Богъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила и помощникъ въ скорбѣхъ. Къ Тому и ты прибѣгай, возлюбленне, каися и плача, покаяйся любимче мой и не тужи... Покажемъ грѣхи наша не поношающему, не зазирающему Владыцѣ нашему, но паче милующу и цѣлящу... Не тоцію бо грамотные, но и безграмотные и невѣжды сущіе: нѣсть бо никаковыхъ мудрости сказать таковое слово со смиреніемъ: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному; Боже очисти грѣхи моя“ и пр. „Ибо Господь смотритъ на нашу внутренность, слушаетъ и внимаеть нашему усердію... Всякъ спасаай, да спасетъ свою душу: кто же болѣе потрудится, тотъ и спасется, и кійждо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится, и кто что посвѣтъ, то самое и жати имать.“

Религіозныя начала, высказанныя въ предшествующихъ разсужденіяхъ, Бондаревъ прилагаетъ и къ общественнымъ отношеніямъ. Здѣсь, какъ и нужно было ожидать, онъ отличается особенною нетерпимостію: всякое сближеніе не только съ иностранцемъ, но даже съ Русскимъ, который живетъ по другимъ началамъ, считается за оскверненіе. Мысль о воцареніи антихриста во всемъ и во всѣхъ потребовала ученія объ обязанности совершеннаго сосредоточенія въ себѣ, съ исключеніемъ всего посторонняго. Отъ этой исключительности Бондаревъ не отрѣшается и при взглядѣ на государственную власть.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ нравственное начало, однако, у Бондарева беретъ перевѣсъ надъ исключительно-

стію. Во исполненіе заповѣди апостола: молитесь другъ за друга, да исцѣлите, и за любовь естественную (какъ онъ выражается), онъ совѣтуетъ молиться за всѣхъ, впрочемъ „точію о единомъ обращеніи, да обратитъ Господь Богъ всѣхъ и каждаго въ истинную и православную вѣру, да укротитъ же брани и свары и всякое междуусобіе, и да будемъ вси едино стадо, имуще единаго пастыря и правителя Христа Бога.“ Эта уступка естественной любви—добрый признакъ.

К. КУСТОДИЕВЪ.

НОВЫЕ ПОДВИГИ

НАШИХЪ

ЛОНДОНСКИХЪ АГИТАТОРОВЪ.

Лондонскимъ пропагандистамъ нуженъ въ Россіи кругъ читателей. Какое же удовольствіе, въ самомъ дѣлѣ, актеру играть передъ пустымъ партеромъ, профессору читать лекціи четыремъ стѣнамъ, публицисту писать и печатать мало-читаемые листы? Лондонскимъ агитаторамъ нужны читатели; этого мало — имъ нужны люди, которые бы отверстою душою приняли ихъ ученіе; имъ нужны наконецъ такіе люди, которые бы, сдѣлавшись ихъ учениками, сами сдѣлались фанатиками и проповѣдывали бы социализмъ массамъ, а для бѣльшаго успѣха пропаганды обладали бы болѣе или менѣе значительными матеріальными средствами. Слышали они про русскихъ раскольниковъ, слышали, что

¹ Мы еще не имѣли случая видѣть тѣхъ новыхъ листковъ, о которыхъ имѣетъ авторъ этой замѣтки, но очень благодарны ему за это сообщеніе.
Ред.

у нихъ много денегъ, доходила до нихъ слухи о миллионныхъ капиталахъ на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ, о томъ что дѣтъ пятнадцать тому назадъ раскольники употребили огромныя деньги на исканіе архіерејства на Востокъ и на водвореніе своей митрополіи въ Бѣлой Крилицѣ. Слышали они, что между раскольничьими наставниками, уставщиками, большаками, нерѣдко бываютъ люди обладающіе сильнымъ даромъ убѣжденія, словомъ и дѣломъ неотразимо дѣйствующіе на народныя массы. Слышали они все это, хотя и не совсѣмъ ясно понимали дѣло. Тѣмъ не менѣе они задумали, для обращенія раскольниковъ въ приверженцевъ социализма и матеріализма, въ распространителей ихъ ученія, издавать для нихъ особый печатный органъ подъ названіемъ *Общее Вѣче*. Съ 15 іюля нынѣшняго года листокъ *Общаго Вѣча* раздается при *Колоколѣ*, въ видѣ добавочныхъ листковъ, непостоянно, а по мѣрѣ накопленія статей. До сихъ поръ вышли три нумера этого изданія.

Расколъ—явленіе въ русской жизни, доселѣ еще далеко неизслѣдованное, несмотря на увѣренія этихъ господъ, нависно утверждающихъ будто по изслѣдованіямъ о расколѣ въ послѣднее время создана цѣлая *новая наука*. Раскольники живутъ очень замкнуто; изучить домашній ихъ бытъ, ихъ взаимныя отношенія чрезвычайно трудно для всякаго не принадлежащаго къ ихъ согласію. Да и въ случаѣ одинокости мнѣній они со всякимъ незнакомымъ или недавно знакомымъ обращаются крайне осторожно. Что касается до раскольнической литературы, изъ нея можно узнать лишь одну сторону жизни раскольниковъ, сторону религиозную. Не считая себя компетентнымъ знатокомъ этого дѣла, г. Герцель не взялся лично за редакцію *Общаго Вѣча*, а предоставилъ ее г. Кельсіеву. Г. Огаревъ былъ менѣе разборчивъ и болѣе самоувадѣявъ: всѣ три нумера *Общаго Вѣча* изобилуютъ его туманнымъ бредомъ. Въ № I, онъ помѣстилъ *Письмо къ вѣрующимъ въ старобрядческія и иныхъ согласій и сынамъ господствующей церкви*, читая которое, не знаешь чему болѣе удивляться, ослѣпленію ли пензенскаго стихотворца, воображающаго, что его владое и неудоуопонимаемое слово можетъ имѣть на раскольниковъ, и вообще на простонародіе, какое-либо вліяніе, или

тѣмъ до крайности искусственнымъ приѣмамъ, которые употребляетъ онъ въ своемъ письмѣ. Мы возвратимся къ этому письму, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о редакторѣ новаго лондонскаго изданія, г. Кельсіевѣ.

Василій Ивановичъ Кельсіевъ, молодой человекъ 27 лѣтъ, вукъ священника и сынъ чиновника при с.-петербургскомъ таможенномъ пакгаузѣ, никогда не имѣлъ случая познакомиться съ простонародіемъ лицомъ къ лицу. Десяти лѣтъ, онъ поступилъ въ петербургское коммерческое училище, и пробывъ въ этомъ закрытомъ заведеніи десять лѣтъ, кончилъ курсъ въ 1855 году. По окончаніи курса въ училищѣ, онъ далъ обязательство Россійско-Американской компаніи, на счетъ которой воспитывался, прослужить извѣстное число лѣтъ въ ея колоніяхъ, въ видѣ вознагражденія за капиталъ потраченный на его воспитаніе. Въ это время, извѣстными трактатами, былъ расширенъ кругъ торговыхъ сношеній нашихъ съ Китаемъ. Россійско-Американская компанія хотѣла воспользоваться этимъ, и г. Кельсіеву предложено было заняться изученіемъ китайскаго и манджурскаго языковъ. Для этого онъ слушалъ въ Петербургскомъ университетѣ лекціи по предмету этихъ языковъ (1855 — 1857). Въ 1857 году отправился онъ въ колонію. Компанейскій корабль, на которомъ ѣхалъ г. Кельсіевъ, остановился въ Плимутѣ. Г. Кельсіевъ совершенно неожиданно сошелъ съ борта, и нарушивъ данное обязательство, объявилъ, что не намѣренъ служить компаніи и остается въ Англіи. Само собою разумѣется, что этимъ онъ затворилъ себѣ двери въ отечество, гдѣ поступокъ его относительно компаніи не остался бы безъ законнаго взысканія. Итакъ онъ сдѣлался выходцемъ—политическимъ,—какъ полагаютъ рьяные поклонники лондонской колоніи *герценствующихъ* социалистовъ.

Въ Лондонѣ, Кельсіевъ облизился съ однимъ Евреемъ, и сталъ у него учиться еврейскому закону и языку. Плодомъ этихъ занятій былъ переводъ на русскій языкъ Пятикнижія Моисеева, изданный имъ въ Лондонѣ въ 1860 году. Этотъ переводъ былъ очень хорошо разобрать въ *Православномъ Обзорѣ* 1860 года. Цѣль г. Кельсіева, которую онъ поставилъ себѣ при изданіи перевода Библии, состояла въ томъ, чтобы чтимое сотнями милліо-

новъ людей за неприкосновенную святую слово Божіе извести на степень легкаго и занимательнаго чтенія, и сдѣлать переводъ, пригодный „для преній и изученія еврейскаго языка“. Это — собственныя слова его.¹ Замѣчательно, что нынѣшній старообрядческій журналистъ считаетъ русскій народъ безбожниками и всегдашними отщепенцами отъ Христовой церкви. „Наша нерелигіозная, атеистическая натура, говоритъ онъ, мало имѣла общаго съ церковью въ своемъ развитіи?“² Чтобы судить о его переводѣ съ христіанской точки зрѣнія, достаточно упомянуть, что онъ въ мѣста *Пятикнижія*, издревле признаваемыя церковью за пророчества о пришествіи въ міръ Искупителя, искажалъ въ подражаніе еврейскимъ раввинамъ. Переводъ *Пятикнижія* разошелся въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и потому дальше Второзаконія г. Кельсіевъ и не счелъ возможнымъ продолжать свой переводъ развѣивскаго текста Библіи. Онъ обратился къ изданію книгъ раскольническихъ, какъ къ предпріятію болѣе выгодному. Онъ издалъ *Стоглавъ*, но по такому дурному списку и съ такими, не въ обиду будь ему сказано, ученическими промахами, что это изданіе оказалось совершенно ничтожнымъ и въ глазахъ ученыхъ изслѣдователей старинной русской литературы, и въ глазахъ старообрядцевъ. Лондонскій *Стоглавъ* не могъ имѣть значительнаго успѣха уже и потому что въ то же время начато въ Казани редакціею *Православнаго Собесѣдника* превосходное изданіе *Стоглава* по четыремъ свѣдѣннымъ спискамъ — двумъ XVII, одному XVIII и одному XIX вѣка. Еще по лучшимъ спискамъ готовится изданіе *Стоглава*, въ Петербургѣ, г. Кожанчиковымъ. Затѣмъ г. Кельсіевъ предпринялъ изданіе *Сборника о раскольникахъ*, котораго до сего времени издалъ три тома, и обѣщаетъ четвертый. Въ этомъ сборникѣ есть дѣйствительно любопытные документы, большею частію записки чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, пока еще у насъ не изданныя, но къ сожалѣнію корреспондентами ли г. Кельсіева, самимъ ли издателемъ, умышленно

¹ См. предисловіе къ книгѣ *Второзаконія*.

² См. предисловіе къ книгѣ *Бытія*.

ли, по невѣдѣнію ли—испорченныя. Эти документы были причиною успѣха Кельсіевскаго сборника. Но что сказалъ недавно *Русскій Вѣстникъ*¹ объ издаваемыхъ г. Герценомъ историческихъ документахъ, вполне относится и къ издателю *Сборника о расколахъ*, то-есть, что заслуга въ напечатаніи матеріаловъ для исторіи раскола относится не столько къ личности г. Кельсіева, сколько къ условіямъ англійской конституціи. Изданіе въ Россіи матеріаловъ по расколу конечно вскорѣ наложитъ печать молчанія на уста г. Кельсіева, что едва ли будетъ ему пріятно.

Познакомивъ читателей нашихъ съ личностью редактора *Общаго Вѣща* и съ его предшествовавшею дѣятельностью, обращаемся къ лежащимъ передъ нами нумерамъ его газеты. Капитальная и руководствующая статья перваго нумера: письмо г. Огарева, о которомъ мы уже упоминали. Сущность этого письма—проповѣдь социализма *во имя счастья* русскаго народа.

Обращаясь къ русскому простонародью, г. Огаревъ, съ свойственною писаніямъ его многорѣчивостью, съ свойственною складу его ума сбивчивостью понятій, наборомъ фразъ и неудобопонимаемыхъ реченій, силится доказать, что русскому народу „для устройства стада человѣческаго“ должно послушаться его призывнаго голоса и разрушить весь государственный и общественный строй, выработанный тысячелѣтнею исторіею. Для этого проповѣдуетъ онъ уничтоженіе духовной и гражданской іерархіи, упраздненіе разныя сословной и наконецъ { обращеніе всей поземельной собственности на всемъ пространствѣ Россіи въ одно общинное владѣніе. „Вы видите, братья, говоритъ онъ,—что „корень всего зла, корень всей разны сословной, поземельная „собственность. Пока земля не будетъ признана достояніемъ „народнымъ, достояніемъ земства, достояніемъ общимъ—царстволюбви и правды не возможно. Пророкъ Давидъ говоритъ: „лебо небесе господеву, земаю же даде символъ человѣчскимъ. Да и здравый смыслъ говоритъ, что отнять у кого-нибудь да отдать другому право на воздухъ необходимый для дыханія, право на воду наполняющую, право на землю родящую

¹ № 6. Статья издателя: *Замѣтка для издателя Колокола.*

„нужное для пищи и жительства, грѣшно и безсмысленно, и послѣдствія такого несправедливаго права не могли не быть ложными и гибельными. Человѣкъ отдѣльно имѣеть право на созданіе рукъ своихъ, а то что дано „сыновомъ чело-вѣческимъ“, на то они имѣють право только сообща, братски разчитываясь, сколько по числу душъ каждому изъ общаго достоянія приходится. Братья, горе тому изъ васъ, кто, захватывая себѣ лишнее изъ общаго достоянія, умретъ не покаившись и не возвратя земству—земское! Горе тому изъ васъ, кто имѣя деньги и польстившись на предложеніе властей, самихъ себя ставящихъ, захочетъ скупить себѣ одному землю земскую, земское достояніе! Если теперь изъ васъ люди денежныя пойдутъ на скупку помѣщичьихъ земель, которыя, по правдѣ, слѣдуетъ отдать въ міръ, или на скупку казенныхъ крестьянскихъ участковъ, которыя, по правдѣ, достояніе земства, и могутъ быть развѣ только у земства на срокъ нанимаемы, пока не понадобятся для выселковъ изъ селъ малоземельныхъ, если изъ васъ денежныя люди пойдутъ на такія покунки, то они создадутъ новое небывалое сословіе поземельныхъ собственниковъ разночинцевъ; ихъ захватъ земли потребуеть себѣ огражденія новымъ несправедливымъ закономъ.“

Изъ какого лагеря идетъ такая проповѣдь? Какъ люди, говорящіе это, сами распорядились своею собственностью? Они продали свои имѣнія, это правда; но раздали ли его нищимъ? Раздѣла ли они пришедшіеся на долю ихъ немалые лишки по-братски, какъ теперь проповѣдуетъ г. Огаревъ? Извѣстно, что г. Огаревъ, которому принадлежать выписанныя сейчасъ строки, вывезъ изъ Россіи не мало „лишковъ общаго достоянія“, выручивъ деньги изъ продажи поземельной собственности. Почему же онъ не отдалъ свою собственность міру? Вѣдь вывезенные имъ капиталы „не созданіе рукъ его“, они „не добыты трудомъ его“: зачѣмъ же онъ не „разчитался братски этимъ достояніемъ съ другими, по числу душъ, сколько каждому изъ этого общаго достоянія приходится?“ Зачѣмъ же онъ, прежде всего, не примѣнилъ проповѣдуемаго имъ ученія къ собственному карману? Вѣдь всѣ проповѣдники новыхъ ученій, всѣ законоположники всегда бывали и бываютъ первыми исполнителями своего ученія. Иначе, кто же повѣритъ

имъ? Положимъ, что совѣты, даваемые Огаревымъ въ письмѣ его, были бы и полезны и осуществимы; но не будетъ ли первою мыслью всякаго его слушателя, всякаго читателя: зачѣмъ же онъ, самъ съ толстымъ карманомъ, не совѣтуетъ бѣдному крестьянину увеличивать свою собственность и приобретать поземельные участки, какъ самыя надежныя капиталы для благосостоянія его и его семейства? Почему же онъ, не подавъ самъ примѣра тѣхъ правилъ, которыми онъ теперь проповѣдуетъ? Нѣтъ, онъ лжетъ о своей вѣрѣ или ради корысти, или ради самолюбія, скажетъ всякій его читатель, всякій слушатель. А кто лжетъ о своей вѣрѣ? На это самъ Огаревъ даетъ положительный отвѣтъ въ томъ же письмѣ: „враги наши, говоритъ онъ, обращаясь къ старообрядцамъ,—настоящіе враги наши, это люди, которые агутъ о своей вѣрѣ ради корысти или самолюбія, это книжники и фарисеи.“ Самъ себѣ сказалъ приговоръ г. Огаревъ. Если онъ проповѣдуетъ одно, сдѣлавъ совершенно противное, онъ лжетъ о своихъ убѣжденіяхъ и своей вѣрѣ. Ради чего онъ лжетъ, ради ли корысти, ради ли самолюбія—это все равно. А такихъ людей онъ самъ называетъ фарисеями и врагами русскаго народа. Кто же онъ? Насъ, быть-можетъ, упрекнуть въ томъ, что мы выводимъ на публичную арену дѣло домашнее, дѣло частное, то-есть продажу имѣнія и распоряженія вырученными капиталомъ, и упрекъ былъ бы совершенно справедливымъ, есаябъ онъ относился до кого-либо другаго, а не до проповѣдника общности имѣній. Продажа имѣній г. Огаревымъ находится въ тѣсной связи съ его нынѣшнею публичною дѣятельностью. Она доказываетъ лицемеріе и недобросовѣстность проповѣдника. Онъ такъ рекомендуется старообрядцамъ и вообще простонародью: „мы—выходцы ради свободы человѣческаго слова, добровольные изгнанники, ради того чтобы несвязаннымъ словомъ служить дѣлу общему; мы не перестанемъ *дотошковаваться* до правды“. А на повѣрку выходитъ, что все это одно лицемеріе.

„Вотъ, баринъ, уже погоди, оказалъ мнѣ сегодня крестьянинъ“, пишетъ г. Небольсинъ въ недавно-изданной имъ книгѣ *Около мужичковъ*: „постой, дай двухъ годковъ дожидаться. Какъ уставныя-то грамоты намъ выдадутъ, да какъ

свои то 3 $\frac{1}{4}$ десятины (надѣлъ) я выкупаю въ вѣчность, да какъ *собственникомъ-то* стану, какъ значитъ передѣлки полей нашему брату бояться станетъ ужь нечего, такъ я тѣ шесть полей заведу: меньше гулять земля станетъ.“¹ То же самое всѣ крестьяне твердятъ въ одинъ голосъ. Всѣ они и спятъ и видятъ только выкупъ надѣловъ въ частную нераздѣльную свою собственность и прекращеніе мірскаго владѣнія землей, ея передѣловъ, и пр. А г. Огаревъ, какъ бы въ отвѣтъ на такія стремленія всего крестьянства, говоритъ: „нѣтъ, не смѣй выкупать своего надѣла въ собственность; по правдѣ, всю землю, приобретенную у помѣщика ли, у казны ли, надо отдать въ міръ. Горе тебѣ если ты купишь себѣ землю!“

Да пусть въ любой деревнѣ попробуетъ кто-нибудь давать эти премудрые совѣты крестьянамъ, — нахохочутся мужички и скажутъ о проповѣдникѣ, что видно онъ съ ума сошелъ. Много въ нашей литературѣ является въ послѣднее время статей о народномъ житьѣ-бытьѣ и народныхъ нуждахъ и потребностяхъ; встрѣчаются между ними верѣдко и такія, что читать ихъ — только уши валяютъ. Описываютъ русскій народъ, зная его столько же, какъ и японскій. Но такого незнанія народа, такого невѣжества въ самыхъ простыхъ вещахъ, какія встрѣчаются на каждомъ шагу у г. Огарева въ его „письмѣ“, напечатанномъ въ *Общель Вѣстн* и вообще въ его зарубежныхъ статьяхъ — и днемъ съ огнемъ поискать. А еще въ Пензенской губерніи въ деревнѣ жилъ! Впрочемъ въ деревнѣ онъ былъ преимущественно занятъ сочиненіемъ стихотвореній...

Но что скажутъ объ *Общель Вѣстн* и въ особенности о письмѣ Огарева старообрядцы всякихъ статей, для которыхъ преимущественно издается *Общее Вѣще*, и съ которыми лондонская соціалистическая компанія ищетъ сближенія? Думаемъ, что нехорошо скажутъ. Вѣдь нельзя же было предполагать, чтобы не дошли до нихъ слухи о томъ, что за люди къ нимъ обращаются и чѣмъ эти люди прежде являли себя. Вотъ и узнаютъ они, что эти люди, вывезя изъ Россіи значительныя суммы денегъ и въ довольствѣ

¹ Около мучбичковъ. П. И. Небольсина, стр. 34.

проживая за границей, коварно проповѣдуютъ, чтобы никто изъ крестьянъ не смѣлъ покупать ни пяди земли въ свою собственность, что собственность (кромѣ ихней разумѣется) должна быть общая, и что горе тому, если кто воспользуется хоть малѣйшимъ копѣечнымъ лишкомъ. Нѣтъ, скажутъ старообрядцы, не по Христову слову эти люди поступаютъ. Оно точно, Христосъ заповѣдалъ не стяжать имѣній, но вѣдь онъ же и деньги, вырученныя отъ продажи, велѣлъ раздавать нищимъ, а самъ не имѣлъ мѣста, гдѣ главу преклонить.

Старообрядцы всѣхъ вообще согласій чрезвычайно осторожны и даже до крайности подозрительны въ сношеніяхъ съ новыми для нихъ людьми, особенно, если сношенія эти сколько-нибудь касаются дѣлъ вѣры. Это доказывается и ихъ литературой, и ихъ дѣйствительною жизнью. Новаго челоѣка, который говоритъ имъ во имя вѣры, во имя истиннаго добра и правды, они тщательно испытуютъ „*какого онъ духа челоѣкъ*“. Не упоминаемъ о внѣшнихъ обрядахъ богопочитанія, которые въ глазахъ старообрядцевъ также дѣло первѣйшей важности при установленіи согласныхъ и искреннихъ отношеній съ кѣмъ бы то ни было. Для того чтобы узнать *какого духа челоѣкъ* навязывающійся имъ въ любовь, они, обыкновенно, прежде всего разбираютъ все его прошлое, все какъ онъ дѣломъ или словомъ когда-либо относился къ вѣрѣ отеческой. Если имъ попадетса *Общее Вѣче*, они достанутъ и *Колоколъ* и *Полярную Звѣзду* и *Съ того берега*, и все написанное и напечатанное зарубежными проповѣдниками новаго „устройства стада челоѣческаго.“ На что же они, прежде всего, обратятъ свое вниманіе въ этихъ изданіяхъ? Разумѣется, на то, какъ относятся и относились издатели къ отеческой вѣрѣ и церкви. Что же они увидятъ?

Прочитавъ прежнія изданія людей, обращающихся теперь къ русскому простонародью съ своимъ *Общимъ Вѣчемъ*, старообрядцы вотъ что скажутъ: „эти люди, ушедшіе изъ Россіи, гордости и самолюбія ради, эти люди теперь навращивающіеся къ намъ въ дружбу, въ прежнихъ словахъ *напечатанныхъ* сочиненіяхъ, ругались надъ церковью Христовою и ея обрядами, смѣялись надъ иконами, поносили святыхъ угодниковъ, кощунствовали надъ таинствами,

искажали Священное Писаніе, примѣняясь къ еврейскому толку, отвергали безсмертіе души, жизнь будущаго вѣка и второе страшное Христово пришествіе, Христа признавали человѣкомъ простымъ, а не Сыномъ Божиимъ „во плоти приходшимъ“, печатали о Немъ, что былъ Онъ казнень Римлянами за нѣкое преступленіе, а именно за быть противъ Римлянъ, что Онъ не воскресъ и не вознесся, печатали, что апостолъ Павелъ былъ человѣкъ неправды, сказавшій и испортившій ученіе Христово, печатали отрицали благодать Божію,“ и пр. и пр.

И старообрядцы скажутъ правду, ибо дѣйствительно все это проповѣдывалось русскими выходцами, нынѣ въ Лондонѣ пребывающими; ими отрицалось даже самое бытіе Бога. Этого слишкомъ достаточно, чтобы русское простонародье съ негодованіемъ отвергло дружбу и общеніе, которыя предлагаютъ ему эти господа. Стоящіе во главѣ старообрядческихъ согласій, какъ скоро дойдеть до нихъ *Общее Вѣче*, разберутъ „когого духа“ люди, къ нимъ обратившіеся, и, какъ водится, разошлютъ по всѣмъ старообрядческимъ окружнымъ общинамъ посланія, чтобы повсюду знали старообрядцы „когого духа“ люди навязываются на ихъ дружбу и любовь. Въ Москвѣ это уже сдѣлаво ташовскими старообрядцами...

Г. Кельсіевъ, начавъ заниматься расколомъ уже въ Лондонѣ, лично старообрядцевъ, разумѣется, не знаетъ, но мы не имѣемъ основанія рѣшительно отвергать, чтобы онъ не зналъ старообрядческой литературы. Взавшись за дѣло, за которое онъ взялся, онъ долженъ былъ предварительно ознакомиться съ нею. А если онъ хотя немного съ этою литературой ознакомился, то безъ сомнѣнія знаетъ *Преніе Трифилія съ Тарасіемъ*, написанное въ Москвѣ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ этомъ сочиненіи развиваются, между прочимъ, возрѣнія раскольниковъ на матеріалистовъ и на послѣдователей ученія автора *Contrat social* и другихъ французскихъ мыслителей того времени. Тамъ ученіе ихъ называется *исходящимъ отъ дьявола, антихристовымъ*. Въ этомъ отношеніи взгляды старообрядцевъ и доселѣ неизмѣнны.

Вотъ отзывъ объ *Общемъ Вѣчѣ* одного изъ вліятельнѣйшихъ московскихъ старообрядцевъ:

„У насъ, во всѣхъ согласіяхъ такъ водится, что всякое письмо начинается *по молитвѣ*, но здѣсь и имени Божія ни разу не упоминаютъ. А это ужь одно подаетъ большую вину для сумасвѣія. Прежде всего восходитъ на умъ такое помышленіе: не писано ли это отъ „духа лестча“, который, извѣстно, не можетъ стерпѣть великаго и страшнаго имени Божія. „Оно не взыдетъ на языкъ его“, потому, что „отецъ лжи, сирѣчь дьяволъ, не можетъ говорить о правдѣ Божіей.“

„Пишущіе *Общее Вѣче* до сего хулили не токмо Святое Писаніе, святыя иконы и святыхъ угодииковъ Божіихъ, но возвели хулу на самого Господа, не исповѣдуя *Исуса Христа во плоти пришедша*. Это для насъ особенно важно, потому что въ Писаніи сказано, что будутъ лжехристы и лжепророки, и что такихъ лжехристовъ и лжепророковъ всемірно должно опасаться христіанину. Примѣты же пророковъ живыхъ, ясно указанныя апостоламъ и евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ, любимѣйшимъ ученикомъ Господа, совершенно и вполне подходятъ къ лукавствующимъ нынѣ лондонскимъ писателямъ. Они, отрицая Троичное Божество, не исповѣдуютъ Исуса Христа во плоти пришедша. А Іоаннъ Богословъ сказалъ: „*братіе не всякому духу вѣруйте, но ищуйте духи*: мнози лживи пророцы изыдоша въ міръ: о семъ познавайте Духа Божія и духа лестча. Всякъ духъ, же не исповѣдуетъ Исуса Христа во плоти пришедша—отъ Бога вѣсть и сей есть—антихристовъ¹.“

„И Ефремъ Сиринъ въ Словѣ о Антихриствѣ сказалъ „всяцѣмъ коварствомъ куеть (антихриствѣ), да отнюдь имя Господа Спасителя пресвятое и славное не именуется во времена зміева, боящся и трепеща святыхъ силы имени Спасова ее говорить не мощамъ².“ Такъ и они въ письмѣ своемъ боятся, трепеща, именовать Спасова имя, которое до того богохульственно поругали.

„А что до раздѣла земли и иныхъ порядковъ, о которыхъ говорятъ они (лондонскіе агитаторы), то чему вѣрить, имъ ли христорборцамъ, или слову Св. Писанія „довольны будете оброки“ и еще: „ему же урокъ—урокъ, ему же честь—честь“?

¹ 1 послан. Іоанна, IV. 1—3.

² Слово 105 о Антихриствѣ, листъ 299.

Таковъ отзывъ о „писмѣ“ Огарева старообрядцевъ, прочитавшихъ его съ крайнимъ негодованіемъ, и разославшихъ уже, какъ мы упомянули, предостереженіе къ своимъ единовѣрцамъ, чтобы они опасались новыхъ проповѣдниковъ. И дѣйствительно, надо быть до крайности ослабленнымъ, до неразумія самообольщеннымъ, чтобы надѣяться на какой-либо успѣхъ *Общаго Вѣча* въ средѣ старообрядцевъ и вообще въ средѣ русскаго простонародія. Простаго русскаго человѣка нельзя увлечь фантазіями и утопіями, онъ не оторванъ отъ своей почвы; онъ слишкомъ положительенъ, и здраваго смысла у него несравненно больше чѣмъ воображаютъ лондонскіе агитаторы и ихъ пособники. Русскій народъ лучше ихъ знаетъ „что нужно ему“ и „что надо дѣлать ему“.

Во второмъ номерѣ *Общаго Вѣча* Огаревъ идетъ дальше. Въ статьѣ „что надо дѣлать народу“, онъ уже *предписываетъ* ему, какъ ему должно устроиться. Проповѣдникъ мнимой свободы, онъ не предоставляетъ никому свободы подумать о собственныхъ дѣлахъ, которыхъ народъ знаетъ лучше чѣмъ онъ, но прямо говоритъ: дѣлай такъ, а не иначе. Таковы всегда мнимые поборники народнаго блага. Это деспоты, какихъ и въ Азіи не много бывало. Исторія представляетъ много тому примѣровъ, и явленіе, представляемое теперь маленькими лондонскими деспотами, драпирующимися мантиею ложнаго либерализма—не новое явленіе.

Въ третьемъ номерѣ тотъ же Огаревъ, подъ заглавіемъ: *Гоненія за вѣру*, разбираетъ: *Собраніе постановленій по части раскола*, напечатанное въ Петербургѣ. Статья состоитъ изъ выписокъ изъ этихъ постановленій, и между ними разсужденія Огарева, вполне достойныя ихъ автора. Статья еще не кончена, и потому мы не можемъ говорить о ней обстоятельно.

Въ мелкихъ статьяхъ *Общаго Вѣча* предлагаютъ такіа извѣстія, надъ которыми вдоволь нахохочется простонародье, если дойдутъ до него листки г. Кельсіева. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что на Нижегородскую ярмарку нынѣшняго года былъ командированъ генералъ фонъ-дѣръ-Лауницъ для наблюденія за дѣйствіями мѣстной полиціи на ярмаркѣ и въ приволжскихъ губерніяхъ. Мы знаемъ о дѣйствіяхъ генерала Лауница, знаемъ, что первостатей-

ное русское купечество, а также Армяне и подданные бухарскаго эмира благодарили его адресами за охраненіе порядка на ярмаркѣ. Извѣстно и то, что дѣла нынѣшней ярмарки, вопреки ожиданіямъ, были несравненно лучше чѣмъ въ послѣдніе годы. А г. Кельсіевъ говоритъ, что „нижегородскую ярмарку оцѣнили войскомъ, подъ командою генерала Лауница,“ что „Нижегородская губернія въ самое рабочее и прибыльное время будетъ *раззорена-постоемъ*, а торговля на ярмаркѣ *сгнетена военно-полицейскими притѣсненіями*,“ что „ярмарка, на которую собиралось купечество и крестьянство со всѣхъ концовъ Россіи, гдѣ торговый человѣкъ и рабочій человѣкъ находили дѣло и прибыль,—ярмарка, которая въ этомъ году безденежья и обѣдненія хотя бы сколько-нибудь да поправила торговыя дѣла и поддержала людей, ее-то именно въ этотъ годъ правительство и вздумало *сгубить военною осадой среди мира*.“ Дѣйствительно, на нижегородскую ярмарку и въ нынѣшнемъ году собиралось купечество и крестьянство со всѣхъ концовъ Россіи и во всѣ концы Россіи разнеслась вѣсть, что дѣла торговыя на ярмаркѣ 1862 года шли лучше чѣмъ въ прежніе годы, что съ генераломъ Лауницемъ не то что корпуса, но и роты солдатъ не было, что лишняго поста въ Нижегородской губерніи не было, что никакого осаднаго положенія не было, что больше всего не поздоровилось на ярмаркѣ ворами и мошенникамъ, обыкновенно связжающимся къ Макарью; они дѣйствительно были сгнетены и *бѣжали съ ярмарки* ради самосохраненія, вслѣдствіе чего не было воровства на ярмаркѣ и не слышно было казенной пѣсни ¹.

Кому больше повѣрить русское простонародье: этимъ ли господамъ проживающимъ въ Лондонѣ, или полумиліону своей братіи, бывшей на ярмаркѣ и видѣвшей что тамъ происходило? И повѣрить ли оно извѣстіямъ, сообщеннымъ *Общимъ Вѣщамъ*, когда издатели его говорятъ такую наглую ложь, какъ осада ярмарки цѣлымъ корпусомъ войска, раззореніе ярмарочныхъ торговцевъ *постоемъ* и военно-полицейскими притѣсненіями и проч. Сви-

¹ Карауль.

дѣтелей, что все это умышленная ложь, полмилліона, если не болѣе, людей, собиравшихся на устье Оки со всѣхъ концовъ Россіи.

Ложь и клевета руководятъ перомъ издателей *Общаго Вѣща* съ перваго нумера. Старообрядцы уже оцѣнили по достоинству обращенное къ нимъ лицемерное слово Огарева; не замедлятъ также оцѣнить его и другіе люди изъ простонародія, до которыхъ какимъ бы ни было путемъ дойдетъ *Общее Вѣще*.

Д. П.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО ¹

ГЛАВА XXXI.

Божій судъ.

Въ отсутствіе Вяземскаго, Малютъ было поручено важное дѣло. Царь приказалъ ему захватить ближайшихъ слугъ князя Аѳанасья Ивановича и пытаться ихъ накрѣпко, ѣздить ли господишь ихъ на мельницу колдовать, и сколько разъ онъ былъ на мельницѣ, и что именно замышляетъ противу государскаго здравія?

Большая часть слугъ не созналась ни въ чемъ, но нѣкоторые не выдержали пытки и показали все то что Малюта вложилъ имъ въ уста. Показали они, что князь ѣздилъ на мельницу съ тѣмъ чтобъ испортить государя, что онъ вымалъ царскіе савды и жегъ ихъ на огнѣ; а нѣкоторые показали даже, что Вяземскій мыслить къ князю Владиміру Андреевичу и хочетъ посадить его на царскій престолъ. Сколь ни были недѣльны эти показанія, они тщательно записывались дьяками со словъ истязаемыхъ и прочитывались царю. Вѣрилъ ли имъ Иванъ Васильевичъ, или нѣтъ—Богъ вѣсть! Но онъ строго приказалъ Малютѣ, по возвращеніи Вяземскаго, скрыть отъ него причину, по которой захвачены его слуги, а сказать, что взяты-де они по подозрѣнію въ воровствѣ изъ царскихъ кладовыхъ.

¹ См. Русскій Вѣстникъ. №№ 8 и 9.

Въ показаніяхъ ихъ, однако, было много противорѣчій, и Іоаннъ послалъ за Басмановымъ, чтобы заставить его повторить все, что онъ, по доводу своему, слышалъ отъ холопей Вяземскаго.

Басманова не нашли въ Слободѣ. Онъ наканунѣ уѣхалъ къ Москвѣ, и царь опалился, что осмѣлился онъ отаучиться вопреки его приказанію. Малюта воспользовался этимъ, чтобы извести подозрѣніе на самого Басманова.

— Кто знаетъ, государь, сказалъ Скуратовъ, — зачѣмъ онъ ослабѣлъ твоей милости? Быть-можетъ, онъ за одно съ Вяземскимъ и только для виду донесъ на него, чтобы вѣрнѣе погубить тебя!

Царь велѣлъ Малютѣ пока молчать обо всемъ, и когда воротится Басмановъ, не показывать ему вида, что его отсутствіе было замѣчено.

Между тѣмъ настала день назначенный для суднаго поединка. Еще до восхода солнца народъ столпился на Красной площади, всѣ окна были заняты зрителями, всѣ крыши ими усыпаны. Вѣсть о предстоящемъ боѣ давно разнеслась по окрестностямъ. Знаменитыя имена сторонъ привлекли толпы изъ разныхъ селъ и городовъ, и даже отъ самой Москвы пріѣхали люди всѣхъ сословій посмотреть кому Господь даруетъ одолѣніе въ этомъ дѣлѣ.

— Ну-ка, братъ, говорилъ одинъ щегольски одѣтый гусляръ своему товарищу, дюжему молодому парню съ добродушнымъ, но глуповатымъ лицомъ, — ступай впередъ, авось тебѣ удастся продратъ до цѣпи. Эхъ, народу, народу-то! Дайте пройти, православные, дайте и намъ, Владимірцамъ, на судъ Божій посмотреть!

Но увѣщанія его оставались безуспѣшны. Толпа была такъ густа, что и при добромъ желаніи не было бы возможности посторониться.

— Да ступай же, тюлень ты этакій! повторилъ гусляръ, толкая товарища въ спину, — аль не сумѣешь продратъся?

— А дядя! отвѣчалъ вялымъ голосомъ дѣтина.

И выставивъ впередъ дюжее плечо свое, онъ принялся раздвигать толпу словно желѣзнымъ клиномъ. Раздались крики и ругательства, но оба товарища подвигались впередъ, не обращая на нихъ вниманія.

— Правдѣ, правдѣ! говорилъ старшій, — чего сталъ вѣвво забирать, дурень? Сверли туда гдѣ копыя торчатъ!

Мѣсто, на которое указывалъ гусляръ, было приготовлено для самого царя. Оно состояло изъ досчатого помоста, покрытаго червчатымъ сукномъ. На немъ были поставлены царскія кресла, а торчавшія тамъ копыя и рогатины принадлежали опричникамъ, окружавшимъ помость. Другіе опричники стояли у цѣпи, протянутой вокругъ поля, то-есть пространнаго мѣста, приготовленнаго для коннаго, или пѣшаго боя, смотря по уговору бойцовъ. Они отгоняли народъ бердышами и не давали ему напираться на цѣпь.

Подвигаясь впередъ, шагъ за шагомъ, гусляръ и дюжіи паревъ добрались наконецъ до самаго поля.

— Куда лѣзете! закричалъ одинъ опричникъ, замахнувшись на нихъ бердышемъ.

Паревъ разинулъ ротъ и въ недоумѣньи обернулся на своего товарища, но тотъ снялъ обѣими руками свой поярковый грешневикъ, обвитый золотою лентой съ павлинымъ перомъ, и клявлясь разъ за разомъ въ поясъ, сказалъ опричнику:

— Дозвольте, господа честные, владимірскимъ гуслярамъ судъ Божій посмотрътъ! Отъ самаго отъ города Володимира пришла! Дозвольте постоять, господа честные!

И лукаво-заискивающею улыбкой онъ выказывалъ изъ-подъ черной бороды свои бѣлые зубы.

— Ну, такъ и быть! сказалъ опричникъ:—назадъ ужъ не пролѣзете; стойте здѣсь; только чуръ впередъ не подаваться, башку раскрою!

Внутри оцѣпеннаго мѣста рассказывали поручники и стражніе обѣихъ сторонъ. Тутъ же стояли бояринъ и окольниковичъ, приставленные къ полю, и два дьяка, которымъ вмѣстѣ съ ними надлежало наблюдать за порядкомъ боя. Одинъ изъ дьяковъ держалъ развернутый судебникъ Владиміра Гусева, издаанный еще при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III, и толковалъ съ товарищемъ своимъ о предвидѣнныхъ случаяхъ поединка.

„А досудятся до поля“, читалъ онъ, указывая пальцемъ на одно мѣсто въ судебникѣ,—„а у поля, не стоявъ, помирятся...“ какъ дьяка прервали восклицанія толпы.

— Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ! говорили всѣ, волнуясь и снимая шапки.

Окруженный множествомъ опричниковъ, Иванъ Василь-

евичъ подѣхалъ верхомъ къ мѣсту поединка, сѣвъ съ коня, взошелъ по ступенямъ помоста, и поклонившись народу, опустился на кресла съ видомъ челоѣка, готовящагося смотрѣть на занимательное зрѣлище.

Позади и около него размѣстались стоя царедворцы.

Въ то же время на всѣхъ слободскихъ церквяхъ зазвонили колокола, и съ двухъ противоположныхъ концовъ вѣхали во внутренность цѣпи Вяземскій и Морозовъ, оба въ боевыхъ нарядахъ. На Морозовѣ былъ дощатый доспѣхъ, то-есть стальные бахтерцы изъ наборныхъ бляхъ, наведенныхъ черезъ рядъ серебромъ. Нѣручи, рукавицы и повѣжи блестѣли серебряными разводами. Голову покрывалъ высокій шпакъ съ серебромъ и чернью, а изъ-подъ вѣнца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрѣпленная круглыми серебряными бляхами. У бедра его висѣлъ на узорномъ поясѣ, застегнутомъ крюкомъ, широкій прямой тесакъ, котораго крыжъ, ножовыя обѣимицы и наконечникъ были также серебряные. Къ правой сторонѣ сѣдла привѣшенъ былъ, концомъ внизъ, золоченый шестоперъ, оружіе и знакъ достоинства, въ былые годы неразлучный съ бояриномъ въ его славныхъ битвахъ, но нынѣ, по тяжести своей, вралъ ли ему по рукѣ.

Подъ Морозовымъ былъ грудастый чернопѣгій конь съ подпалинами. Его покрывалъ бархатный малиновый чалдаръ, весь въ серебряныхъ бляхахъ. Отъ кованаго налобника падали по сторонамъ малиновые шелковые морхи, или кисти, перевитыя серебряными витками, а изъ-подъ шеи до самой груди висѣла такая же кисть, больше и гуще первыхъ, называвшаяся наузомъ. Узда и поводья состояли изъ серебряныхъ цѣпей съ плоскими вырѣзными звеньями, ровной величины.

Мѣрно шелъ конь, подымая косматая ноги съ серебряными наковѣнниками, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевичъ остановилъ его саженьхъ въ пяти отъ своего противника, онъ сталъ трести густою волнистою гривой, достававшею до самой земли, грызть удила и вѣтерпѣливо рыть песокъ сильными копытомъ, выказывая при каждомъ ударѣ блестящія шипы широкой подковы. Казалось, тяжелый конь былъ подобранъ подъ стать породнаго всадника, и даже бѣлый цвѣтъ его гривы согласовался съ сѣдою бородой боярина.

Вооруженіе Вяземскаго было гораздо легче. Еще страдая отъ недавнихъ ранъ, онъ не захотѣлъ надѣтъ ни зеркала, ни бахтерцовъ, хотя они и считались самою надежною бронею, но предпочелъ имъ легкую кольчугу. Ея ожереалье, подола и зарукавья горѣли дорогими камнями. Въмѣсто шишака на князѣ была ериховка, то-есть низкій, изящно выгнутый шлемъ, имѣвшій на вѣдцѣ и ухахъ золотую насѣчку, а на тульѣ высокій снопъ изъ дрожащихъ золотыхъ проволокъ, густо усыпанныхъ во всю длину ихъ яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвѣсно желѣзная золоченая стрѣла, предохранявшая лицо отъ попереčnýchъ ударовъ; но Вяземскій, изъ удалства, не спустилъ стрѣлы, а напротивъ подыалъ ее посредствомъ щуренца до высоты яхонтоваго снопа, такъ что блѣдное лицо его и темная борода оставались совершенно открыты, а стрѣла походила на золотое перо, щегольски воткнутое въ полку ериховки. На поясѣ, плотно стянутомъ пражкой поверхъ кольчуги и украшенномъ разными привѣсками, звенцами и бряцальцами, висѣла кривая сабля, вся въ дорогихъ камняхъ, та самая которую заговорилъ мельникъ на которую теперь твердо надѣялся Вяземскій. У бархатнаго сѣдла, фіолетоваго цвѣта, съ горохатыми серебряными гвоздями и съ такими же коваными скобами, прикрѣпленъ былъ будатный топорокъ съ фіолетовымъ бархатнымъ черенкомъ въ золотыхъ пояскахъ. Изъ-подъ наряднаго подола кольчуги видѣлась бѣлая шелковая рубаша, съ золотымъ шитьемъ, падавшая на зарбасные штаны, жаркаго цвѣта, всунутые въ зеленые сафьянные сапоги, которыхъ узорныя голенищи, непокрытыя поножками, натянуты были до колѣвъ, и перехватывались подъ сгибомъ и у щиколокъ жемчужною тесьмою.

Коль Аванасья Ивановича, золотисто-буланый аргмакъ, былъ весь увѣшанъ, отъ головы до хвоста, гремѣчими цѣпами изъ дурыхъ серебряныхъ бубенчиковъ. Въмѣсто чепрака или чалдара, пардовая кожа покрывала его спину. На вороненомъ налобникѣ горѣли въ золотыхъ гвѣздахъ крупныя яхонты. Сухія, черныя ноги горскаго окакуна не были вовсе подкованы, но на каждой изъ нихъ, подъ бабкой, звенѣло по одному серебряному бубенчику.

Давно уже слышалось на площади звонкое ржаніе аргмака. Теперь, подыавъ голову вверхъ, раздувъ огненные

воздри и держа чернѣй хвостъ на отлетѣ, онъ сперва легкою поступью, едва касаясь земли, двинулся навстрѣчу коню Морозова; но когда князь, не сѣвзяясь съ противникомъ, натянулъ гремучіе поводья, аргамакъ прыгнулъ въ сторону и перескочилъ бы черезъ цѣпь, еслибы сѣдокъ ловкимъ поворотомъ не заставилъ его вернуться на прежнее мѣсто. Тогда онъ взвился на дыбы, и крутась на заднихъ ногахъ, норовилъ опрокинуться навзничъ, но князь нагнулся на луку, отпустилъ ему поводья и вознилъ въ бока его острыя кизилбашскія стремена. Аргамакъ сдѣлалъ скачокъ и остановился какъ вкопанный. Ни одинъ волосъ его черной гривы не двигался. Налитые кровью глаза косились по сторонамъ, и по золотистой шерсти разбѣгались надутыя жилы узоромъ свѣткой.

При появленіи Вяземскаго, когда онъ вѣхалъ гремя и блестя, и словно обрызганный золотымъ и алмазнымъ дождемъ, владимірскій гусляръ не могъ удержаться отъ восторга; но удивленіе его отклонилось еще болѣе къ коню, чѣмъ ко всаднику.

— Эхъ конь! говорилъ онъ, топая ногами и хватаясь въ восхищеніи за голову;—экій конь! подумаешь. И не видывалъ такого коня! Вѣдь всякіе перебивали, а небось такого Богъ не послалъ! Чтò бы, прибавилъ онъ про себя, чтò бы было втупору этому сѣдоку, какъ онъ есть, на Поганую Лужу выѣхать!

— Слышь ты, продолжалъ онъ весело, толкая локтемъ товарища,—слышь ты, дурень, который конь тебѣ болѣе по сердцу?

— А тотъ! отвѣчалъ парень, указывая пальцемъ на Морозовскаго коня.

— Тотъ? А зачѣмъ же тотъ? .

— А за тѣмъ, что поплотняе! отвѣтилъ парень лѣнливо.

Гусляръ залцлся смѣхомъ, но въ это время раздадса гддддд бирючей:

— Православные люди! кричали они въ разные концы площади,—зачинается судный бой промежь оруженчаго царскаго, князь Аванасья Иванаыча Вяземскаго, и боярина Дружины Андреича Морозова. Тагаются они въ безчестіи своемъ, въ бою и увѣчьи, и въ увозѣ боярыни Морозовой! Православные люди! Молитесь Пресвятой Троицѣ, дабы даровала она одолѣніе правой сторонѣ!

Площадь затихла. Всѣ зрители стали креститься, а боя-

ринъ, приставленный вѣдать поединокъ, подошелъ къ царю и проговорилъ съ низкимъ поклономъ:

— Прикажешь ли, государь, начинаться полю?

— Зачинайте! сказалъ Иванъ.

Бояринъ, окольниковъ, поручники, страпчіе и оба дьяка отошли въ сторону.

Бояринъ подалъ знакъ.

Противники вынули оружіе.

По другому знаку надлежало имъ скакать другъ на друга, но къ изумленію всѣхъ, Вяземскій закачался на сѣдлѣ и выпустилъ изъ рукъ поводья. Онъ свалился бы на землю, еслибъ поручникъ и страпчій не подбѣжали и не помогли ему сойти съ коня. Подоспѣвшіе конюхи успѣли схватить аргамака подъ утцы.

— Возьмите его! сказалъ Вяземскій, озираясь померкшими очами,—я буду биться пѣшой!

Видя, что князь сошелъ съ коня, Морозовъ также слѣзъ съ своего чернопѣгаго и отдалъ его конюхамъ.

Страпчій Морозова подалъ ему большой кожаный щитъ съ мѣдными бляхами, приготовленный на случай пѣшаго боя.

Страпчій Вяземскаго поднесъ ему также щитъ, вороненый, съ золотою насѣчкой и золотою бахромой.

Но Анастасій Ивановичъ не имѣлъ силы вздѣть его на руку. Ноги подъ нимъ подкосились и онъ упалъ бы вторично, еслибъ его не подхватили.

— Чтѣ съ тобой, князь? оказали въ одинъ голосъ страпчій и поручникъ, съ удивленіемъ глядя ему въ очи;—оправься, князь! У поля не стоять, все равно, что побиту быть!

— Сымите съ меня брону! проговорилъ Вяземскій, задыхаясь,—сымите броню! Корень душитъ меня!

Онъ сбросилъ съ себя ерихонку, разорвалъ ожерелье кольчуги и сдернулъ съ шеи гайтанъ, на которомъ висѣла шелковая ладонка съ болотнымъ голубцомъ.

— Анаема тебѣ, колдунъ! вскричалъ онъ, бросая гайтанъ далеко отъ себя,—анаема, что обманулъ меня!

Дружина Андреевичъ подошелъ къ Вяземскому съ голымъ тесакомъ.

— Сдавайся, песь, сказалъ онъ замахнувшись,—сознайся въ своемъ окаянствѣ!

Поручники и страпчіе бросились между князя и Морозова.

— Нѣтъ! сказалъ Вяземскій, и отуманенный взоръ его

вспыхнулъ прежню злобою, — равно мнѣ славаться! Ты, старый воронъ, испортилъ меня! Ты свой тесакъ въ святую воду окунулъ! Я поставлю за себя бойца и тогда увидимъ, чья будетъ правда!

Между странцами обѣихъ сторонъ зачался споръ. Одинъ утверждалъ, что судъ оконченъ въ пользу Морозова, другой, что суда вовсе не было, потому что не было боя.

Царь между тѣмъ замѣтилъ движеніе Вяземскаго, и велѣлъ подать себѣ брошенную имъ ладонку. Осмотрѣвъ ее съ любопытствомъ и недоувѣрчивостью, онъ подозвалъ Малаюту.

— Схорони это! шепнулъ онъ: — пока не опрошу! А теперь, произнесъ онъ громко, — подвести ко мнѣ Вяземскаго!

— Что, Аюня? сказалъ онъ, усмѣхаясь двусмысленно, когда подошелъ къ нему Вяземскій, — видно Морозовъ тебѣ не подѣ силу?

— Государь, отвѣтилъ князь, котораго лицо было открыто смертельною блѣдностью, — врагъ мой испортилъ меня! Да къ тому жъ я съ тѣхъ поръ какъ оправилась на разу брони не надѣвалъ. Раны мои открылись; видишь какъ кровь изъ-подъ кольчуги бѣжитъ! Дозволь, государь, бирючь кликнуть, охотника вызвать, чтобы замѣсто меня у поля сталъ!

Домогательство Вяземскаго было противно правиламъ. Кто не хотѣлъ биться самъ, долженъ былъ объявить о томъ заранѣ. Вышедши разъ на поединокъ, нельзя было поставить вмѣсто себя другаго. Но царь имѣлъ въ виду погибель Морозова и согласился.

— Вели кричать бирючь, сказалъ онъ, — авось кто поудалѣе тебя найдется! А не выйдетъ никто, Морозовъ будетъ чистъ, а тебя отдадутъ палачамъ!

Вяземскаго отвели подѣ руки, и вскорѣ, по приказанію его, глашатаи стали ходить вдоль цѣпи и кричать громкимъ голосомъ:

— Кто хочетъ изъ свободскихъ, или московскихъ, или иныхъ людей, выйти на боярина Морозова? Кто хочетъ биться за князя Вяземскаго? Выходите, бойцы, выходите стоять за Вяземскаго!

Но площадь оставалась безмолвна, и ни одинъ охотникъ не являлся.

— Выходите, охотники, добрые бойцы! кричали бирючи, —

выходите! Кто побьет Морозова, тому князь всё свои вотчины отдасть, а будет побьет простой человекъ, тому князь пожалуетъ всю казну, какая есть у него!

Никто не откликался; всё знали что дѣло Морозова свято, и царь, несмотря на ненависть свою къ Дружинѣ Андреевичу, уже готовился объявить его правымъ, какъ вдругъ послышались крики:

— Идетъ охотникъ! Идетъ! И внутри оцѣпеннаго мѣста явился Матвѣй Хомякъ.

— Гой-да! сказалъ онъ свиснувъ саблею по воздуху.— Подходи, бояринъ, я за Вяземскаго!

При видѣ Хомяка, Морозовъ, дожидавшійся доселѣ съ голымъ тесакомъ, обратился съ негодованіемъ къ приставамъ поединка.

— Не стану биться съ наймитомъ! произнесъ онъ гордо! — Невмѣстно боярину Морозову мѣяться со стрелянымъ Гришки Скуратова.

И опустивъ тесакъ въ ножны, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ сидѣла царь.

— Государь, сказалъ онъ,—ты дозволилъ вору моему поставить бойца вмѣсто себя; дозвожь же и мнѣ найдти наймита противъ наймита, не то вели отставить поле до другаго раза!

Какъ не желалъ Иванъ Васильевичъ погубить Морозова, но просьба его была саишкомъ справедлива. Царю не захотѣлось въ Божьемъ судѣ прослыть пристрастнымъ.

— Кричи бирючь! сказалъ онъ гнѣвно:—а если не найдешь охотника, бейся самъ, или сознайся въ своей кривдѣ и ступай на плаху!

Между тѣмъ Хомякъ прохаживался вдоль цѣпи, махая саблей и посмѣиваясь надъ зрителями.

— Вишь, говорилъ онъ,—много васъ воронъ собралось, а нѣтъ ни одного яснаго сокола промежь васъ! Чтò бы хоть одному выйдти, мою саблю обновить, государя потѣшить! Молотимши, видно, руки отмахали! На печи лежа, бока отлежали!

— Ахъ ты, чортъ! проговорилъ вполголоса гусларь:—ужь я бѣ тебѣ далъ, кабы была при мнѣ моя сабля! Смотри! продолжалъ онъ, толкая подъ-бокъ товарища,—узнаешь ты его?

Но парень не слышалъ вопроса. Онъ разинулъ ротъ и казалось, впился глазами въ Хомяка.

— Что жь? продолжалъ Хомякъ:— видно вѣтъ между вами охотниковъ? Эй, вы, аршинники, калашники, прахи, ткачихи! Кто хочетъ со мной помѣряться?

— А я! раздался неожиданно голосъ парня, и ухватившись обѣими руками за цѣпь, онъ перекинулъ ее черезъ голову и чуть не вырвалъ дубовыхъ колець, къ которымъ она была приделана.

Онъ очутился внутри ограды и, казалось, самъ былъ удивленъ своею смѣлостью.

Выпучивъ глаза и разиня ротъ, онъ смотрѣлъ то на Хомяка, то на опричниковъ, то на самого царя, но не говорилъ ни слова.

— Кто ты? спросилъ его бояринъ, приставленный къ полю.

— Я-то? сказалъ онъ, и подумавъ немного, усмѣхнулся.

— Кто ты? повторилъ бояринъ.

— А Митька! отвѣтилъ онъ добродушно, и какъ бы удивляясь вопросу.

— Спасибо тебѣ, молодецъ! сказалъ Морозовъ парню,— спасибо, что хочешь за правду постоять. Коли одолѣешь вора моего, не пожалѣю для тебя казны. Не все у меня добро разграблено; благодаря Божьей милости, есть еще чѣмъ боица моего наградить!

Хомякъ видѣлъ Митьку на Поганой Лужѣ, гдѣ парень убилъ подъ нимъ кона ударомъ дубины и, думая навалиться на всадника, притиснулъ подъ собою своего же товарища. Но въ общей свалкѣ Хомякъ не разглядѣлъ его лица, да впрочемъ въ Митькиной наружности и не было ничего примѣчательнаго. И такъ не мудрено, что Хомякъ не узналъ его.

— Чѣмъ хочешь ты драться? спросилъ приставленный къ полю бояринъ, глядя съ любопытствомъ на парня, у котораго не было ни брони, ни оружія.

— Чѣмъ драться? повторилъ Митька и обернулся назадъ, отыскивая глазами гусларя, чтобы съ нимъ посоветоваться.

Но гусларь, видно, отошелъ на другое мѣсто, и сколько ни глядѣлъ Митька, онъ не могъ найти его.

— Что жь, сказалъ бояринъ,— бери себѣ саблю да брешь становись къ полю!

Митька сталъ озираться, въ замѣшательствѣ.

Царю показали приемы его забавными.

— Дать ему оружіе! сказалъ онъ;— посмотримъ какъ онъ умѣетъ биться!

Митькѣ подали полное вооруженіе, но онъ сколько ни старался, никакъ не могъ пролѣзть въ рукава кольчуги, а шлемъ былъ такъ малъ для головы его, что держался на одной макушкѣ.

Въ этомъ нарядѣ Митька, совершенно растерянный, обращивался то направо, то налево, все еще надѣясь найдти гусяра и спросить его, что ему дѣлать?

Глядя на него, царь началъ громко смѣяться. Примѣру его послѣдовали сперва опричники, а потомъ и всѣ зрители.

— Чаво вы горла дарете-то? сказалъ Митька съ неудовольствіемъ;— я и безъ вашего колпака и безъ желѣзной рубахи-то на энтова пойду!

Онъ указалъ пальцемъ на Хомяка и началъ стаскивать съ себя кольчугу.

Раздался новый хохотъ.

— Съ чѣмъ же ты пойдешь? спросилъ бояринъ.

Митька почесалъ затылокъ.

— А нѣтъ у васъ дубины? спросилъ онъ протяжно, обращаясь къ оприщикамъ.

— Да что это за дурень? вскричали они, — откуда онъ взялся. Кто его втокнулъ сюда? — Или ты, болванъ, думаешь мы по-мужицки дубинами бьемся?

Но Иванъ Васильевичъ забавлялся наружностью Митьки и не позволялъ прогнать его.

— Дать ему ослопъ, сказалъ онъ, — пусть бьется какъ знаетъ!

Хомякъ обидѣлся.

— Государь, не вели мужику на холопа твоего поруки класть! воскликнулъ онъ.— Я твоей царской милости честно въ опричникахъ служу, и съ роду еще на ослопахъ не бился!

Но царь былъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Ты бейся саблей, сказалъ онъ,— а парень пусть бьется по своему.— Дать ему ослопъ. Посмотримъ какъ мужикъ за Морозова постоитъ!

Привесли нѣсколько дубинъ.

Митька взялъ медленно въ руки одну за другой, осмо-

трѣлъ каждую, и перебравъ всѣ дубины, повернулся прямо къ царю.

— А нѣтъ ли покрѣпчѣй? произнесъ онъ вллымъ голосомъ, глядя вопросительно въ очи Ивану Васильевичу.

— Привести ему оглоблю! сказалъ царь, заранѣе потѣшнаясь ожидающимъ его зрѣющимъ.

Вскорѣ въ самомъ дѣлѣ явилась въ рукахъ Митьки тяжелая оглобля, которую опричники вывернули насмѣхъ изъ стоявшаго на базарѣ воза.

— Что, эта годится, спросилъ царь.

— А даяча! отвѣчалъ Митька;—пожалуй годится.

И схвативъ оглоблю за одинъ конецъ, онъ для пробы махнулъ ею по воздуху такъ сильно, что вѣтеръ промесса кругомъ, и пылъ закружился какъ отъ налетѣвшаго вихря.

— Вшь, чортъ! промолвили, переглянувшись, опричники.

Царь обратился къ Хомяку.

— Становись! сказалъ онъ повелительно, и прибавилъ съ усмѣшкой: — погляжу я какъ ты увернешься отъ мужицкого ослона!

Митька, между тѣмъ, засучилъ рукава, плюнувъ въ обѣ руки и сжавши ими оглоблю, потряхивалъ ею, глядя на Хомяка. Застѣнчивость его исчезла.

— Ну, ты! становись, што ли! произнесъ онъ съ рѣшимостью.—Я-те научу явѣсть красть!

Положеніе Хомяка, въ виду непривычнаго оружія и необыкновенной силы Митьки, было довольно затруднительно, а зрители очевидно принимали сторону парня и уже начинали посмѣиваться надъ Хомякомъ.

Замѣшательство стремяннаго веселило царя. Онъ уже смотрѣлъ на предстоящій бой съ тѣмъ самымъ любопытствомъ, какое возбуждали въ немъ представленія скомороховъ, или медвѣжья травля.

— Зачинайте бой! сказалъ онъ, видя что Хомякъ колеблется.

Тогда Митька подвѣлъ надъ головою оглоблю и началъ кружить ее, подступая къ Хомяку скокомъ.

Тщетно Хомякъ старался улучшить мгновеніе чтобы ударить Митьку саблей. Ему оставалось только поспѣшно сторониться или увертываться отъ оглобли, которая опи-

сывала огромные круги около Митьки и дѣлала его недосягаемымъ.

Къ великой радости зрителей и къ немалой потѣхѣ царя, Хомякъ сталъ отступать, думая только о своемъ спасеніи; но Митька съ медвѣжьей ловкостью продолжалъ къ нему подскакивать, и огабля какъ буря гудѣла надъ его головою.

— Я-те научу нявѣсть красть! говорилъ онъ, входа постепенно въ ярость и стараясь задѣть Хомяка по головѣ, по ногамъ и по чемъ ни попало.

Участіе зрителей къ Митькѣ проявлялось одобрительными восклицаніями и наконецъ дошло до восторга.

— Такъ! Такъ! кричалъ народъ, забывая присутствіе цара,—хорошенько его! Ай да парень! Отстаивай Морозова, Стой за правое дѣло!

Но Митька думалъ не о Морозовѣ.

— Я-те научу нявѣсть красть! проговорилъ онъ, кружа надъ собою огабля и пресѣдуя Хомяка, который увиався отъ него во всѣ стороны.

Нѣсколько разъ опричникамъ, стоявшимъ вдоль цѣпи, пришлось присѣсть къ землѣ чтобъ избѣгнуть неминуемой смерти, когда огабля, завывая, проносилась надъ ихъ головами.

Вдругъ раздался глухой ударъ и Хомякъ, пораженный въ бокъ, отлетѣлъ на нѣсколько сажень и грянулся о землю раскинувши руки.

Площадь огласилась радостнымъ крикомъ.

Митька тотчасъ навалился на Хомяка и сталъ душить его.

— Полю! Полю! закричали опричники, а Малюта поспѣшно нагнулся къ Ивану Васильевичу и сказалъ ему съ озабоченнымъ видомъ:

— Государь, вели оттащить этого дьявола! Хомякъ у насъ лучшей человекъ во всей опричинѣ!

— Тащить дурака за ноги! закричалъ царь:—окатить его водой, только чуръ жива оставить!

Съ трудомъ удалось опричникамъ оттащить Митьку, но Хомяка подняли уже мертвого, и когда вниманіе всѣхъ обратилось на посинѣвшее лицо его, рядомъ съ Митькой очутился владимірскій гусларь, и дернувъ его за полу, сказалъ ему шопотомъ:

— Иди, дурень за жвой! Уноси свою голову!

И оба исчезли въ толпѣ народа.

ГЛАВА XXXII.

Ладонка Вяземскаго.

Иванъ Васильевичъ велѣлъ позвать Морозова.

Площадь снова затихла. Всѣ въ ожиданіи устремили взоры на царя и притаили дыханіе.

— Бояринъ Дружина! сказалъ торжественно Іоаннъ, вставая съ своего мѣста,—ты Божьимъ судомъ очистился предо мною. — Господь Богъ, чрезъ одолѣніе врага твоего, показалъ твою правду, и я не оставляю тебя моею милостью. Не уѣзжай изъ Слободы до моего приказа. Но это, продолжалъ мрачно Іоаннъ,—только половина дѣла. Еще самый судъ впереди. Привести сюда Вяземскаго!

Когда явился князь Аѳанасій Ивановичъ, царь долго глядѣлъ на него невыразимымъ взглядомъ.

— Аѳанасій, сказалъ онъ наконецъ,—тебѣ вѣдомо, что я твердо держусь моего слова. Я положилъ, что тотъ изъ васъ, кто самъ собой, или чрезъ бойца своего, не устоитъ у поля, смерти преданъ будетъ. Боецъ твой не устоялъ, Аѳоя!

— Чтò жь, отвѣтилъ Вяземскій съ рѣшимостью,—вели мнѣ голову рубить, государь!

Странная улыбка прозвѣдалась по устамъ Іоанна.

— Только голову рубить? произнесъ онъ злобно. — Или ты думаешь, тебѣ только голову срубятъ? Такъ было бы, пожалуй, когда бъ ты одному Морозову отвѣтъ держалъ, но на тебѣ еще другая кривда и другое окаянство. — Малюта, подай сюда его ладонку!

И принявъ изъ рукъ Малюты гайтанъ, брошенный Вяземскимъ, Іоаннъ поднялъ его за коачикъ.

— Это чтò? спросилъ онъ, страшно глядя въ очи Вяземскаго.

Князь хотѣлъ отвѣчать, но царь не далъ ему времени.

— Рабъ лукавый произнесъ онъ грозно, и по жиламъ

присутствующих пробѣжалъ холодъ; — рабъ лукавый! Я приблизилъ тебя къ престолу моему; я возвеличилъ тебя и осыпалъ милостями; а ты что училъ? Ты въ смядномъ сердцѣ своемъ, аки аспидъ, задумалъ погубить меня, царя твоего, и чернокнижіемъ хотѣлъ извести меня, и затѣмъ, должно-быть, ты въ опричнину просился? — Что есть опричнина? продолжалъ Іоаннъ, озираясь кругомъ и возвышая голосъ, дабы весь народъ могъ услышать его. — Я, аки господиъ винограда, поставленъ Господомъ-Богомъ надъ народомъ моимъ воздѣлывати виноградъ мой. Бояре же мои, и дума, и совѣтники, не захотѣли помогать мнѣ и замыслили погубить меня; тогда взялъ я отъ нихъ виноградъ мой и отдалъ другимъ дѣлателямъ. И се есть опричнина! Званные мною на пиръ не пришли, и я посаялъ на торжища и на исходища путей, и повелѣлъ призывать елицѣхъ какіе обрѣтутся. И се опять есть опричнина! Теперь спрашиваю всѣхъ: что заслужилъ себѣ гость, пришедшій на пиръ, но не облекшійся въ одѣяніе брачное? Какъ сказано о немъ въ Писаніи? „Связавше ему рuce и нозе, возьмите его и вверзите во тьму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ!“

Такъ говорилъ Іоаннъ, и народъ слушалъ безмолвно это произвольное примѣненіе евангельской притчи, не сочувствуя Вяземскому, но глубоко потрясенный быстрымъ паденіемъ спящаго любимца.

Никто изъ опричниковъ не смѣлъ, или не хотѣлъ вымолвить ни слова въ защиту Вяземскаго. На всѣхъ лицахъ изображался ужасъ. Одинъ Малюта въ звѣрскихъ глазахъ своихъ не выказывалъ ничего, кромѣ готовности приступить сейчасъ же къ исполненію царскихъ велѣній, да еще лицо Басманова выражало злобное торжество, хотя онъ и старался окрывать его подѣ личиною равнодушія.

Вяземскій не почелъ нужнымъ оправдываться. Онъ зналъ Іоанна и рѣшился перенести терпѣливо ожидавшія его мученія. Видъ его остался твердъ и достоинъ.

— Отведите его! сказалъ царь. — Я положу ему казнь наравнѣ съ тѣмъ станичникомъ, что забрался ко мнѣ въ опочивальню и теперь ожидаетъ мзды своей. А колдуна, съ которымъ спознался онъ, отыскать и привести въ Слободу. Пусть, на пристрастномъ допросѣ, дастъ еще новыя указанія. — Велика злоба князя міра сего, продолжалъ Іоаннъ,

поднявъ очи къ небу;—онъ, подобно льву рыкающему, ходитъ вокругъ, ищуще пожрати мя, и даже въ свѣтлѣ моемъ находить усердыхъ слугъ себѣ. Но я уповаю на милость Божию и, съ помощію Господа, не дамъ укорениться измѣнѣ на Руси!

Іоаннъ сошелъ съ помоста и, сѣвъ на коня, отправился обратно ко дворцу, окруженный безмолвною толпою опричниковъ.

Мааюта подошелъ къ Вяземскому, съ веревкой въ рукахъ.

— Не взыщи, князь! оказалъ онъ съ усмѣшкой, скручивая ему руки назадъ; — наше дѣло холопское!

И окруживъ Вяземскаго стражей, онъ повелъ его въ тюрьму.

Народъ сталъ расходиться молча, или толкая шевотомъ обо всемъ случившемся, и вскорѣ опустѣла еще недавно многолюдная площадь.

ГЛАВА XXXIII.

Ладонка Басманова.

Вяземскій былъ подвергнутъ допросу, но никакія мученія не заставили его выговорить ни одного слова. Съ необыкновенною силою воли переносилъ онъ молча безчеловѣчныя истязанія, которыми Мааюта старался выудить у него сознаніе въ замыслѣ на государя. Изъ гордости, изъ презрѣнія, или потому что жизнь ему опротивѣла, онъ даже не попытался ослабить клевету Басманова, показавъ что и его самого онъ встрѣтилъ на мельницѣ.

По приказанію царя, мельника схватили и тайно привезли въ слободу, но къ пыткамъ его еще не приступали.

Басмановъ приписалъ успѣхъ своего довеса дѣйствию тирлица, который онъ всегда носилъ на себѣ, и тѣмъ болѣе убѣдился въ его чародѣйной силѣ, что Іоаннъ не показывалъ ни малѣйшаго подозрѣнія, и хотя непрежнему поспѣивался надъ Басмановымъ, но былъ къ нему довольно ласковъ.

Погубивъ одного изъ своихъ соперниковъ, вида раждающагося вновь расположеніе къ себѣ Ивана Васильевича, и не зная, что мельникъ уже сидитъ въ слободской тюрьмѣ, Басмановъ сдѣлался еще высококомѣрѣе. Онъ, слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, смѣло глядѣлъ въ очи царя, шутилъ съ нимъ свободно, и дерзко отвѣчалъ на его насмѣшки.

Иванъ Васильевичъ все сносилъ терпѣливо.

Однажды, въ одинъ изъ своихъ обычныхъ объѣздовъ, онъ съ ближайшими любимцами, въ томъ числѣ и съ обоими Басмановыми, отслушавъ въ соседнемъ монастырѣ равную обѣдню, зашелъ къ настоятелю въ келью и удостоилъ его принять угощеніе.

Царь сидѣлъ на скамьѣ подъ образами, любимцы, включая Скуратова, котораго не было въ объѣздѣ, стояли у стѣны, а игумень, низко кланяясь, ставилъ на столъ медовые соты, разное варенье, чаши съ молокомъ и свѣжія яйца.

Царь былъ въ добромъ расположеніи духа; онъ отвѣдывалъ отъ каждаго блюда, милостиво шутилъ, и велъ душе-спасительныя рѣчи. Съ Басмановымъ онъ былъ ласковѣе обыкновеннаго, и Басмановъ еще болѣе убѣдился въ неотразимой силѣ турлица.

Въ это время послышалась за оградю конскій топотъ.

— Федя, сказалъ Іоаннъ,—посмотри, кто тамъ пріѣхалъ?

Басмановъ не успѣлъ подойти къ двери, какъ она отворилась, и у порога показался Малюта Скуратовъ.

Выраженіе его было таинственно, и въ немъ проглядывала злобая радость.

— Войди, Лукьянычъ! сказалъ привѣтливо царь:—съ какою тебя вѣстью Богъ привесъ?

Малюта переступилъ черезъ порогъ, и переглянувшись съ царемъ, сталъ креститься на образа.

— Откуда ты? спросилъ Іоаннъ, какъ будто онъ вовсе не ожидалъ его.

Но Малюта, не спѣша отвѣтомъ, сперва отвѣсилъ ему поклонъ, а потомъ подошелъ къ игумну.

— Благослови, отче! сказалъ онъ, нагибаясь, а между тѣмъ покосился на Федора Басманова, котораго вдругъ обдало недобрымъ предчувствіемъ.

— Откуда ты? повторилъ Іоаннъ, подмигнувъ непримѣтно Скуратову.

— Изъ тюрьмы, государь, колдуна пытааь.

— Ну, что же? спросилъ царь, и бросилъ бѣглый взглядъ на Басманова.

— Да все бормочеть; трудно разобрать. Одно поняли мы когда стали ему вертлюги ломать: „Вяземскій дескать не одилъ ко мнѣ ѣживалъ; ѣживалъ и Федоръ Алексѣевичъ Басмановъ, и корень-де взялъ у меня, и носить тотъ корень теперь на шеѣ!“

И Малюта опять покосился на Басманова.

Басмановъ измѣнился въ лицѣ. Вся наглость его исчезла.

— Государь, сказалъ онъ, дѣлая необыкновенное усиліе, чтобы казаться спокойнымъ,—должно-быть, онъ за то облыгаетъ меня, что выдалъ я его твоей царской милости!

— А какъ стали мы, продолжалъ Малюта,—прижигать ему подошвы, такъ онъ и показавъ, что былъ-де тотъ корень нуженъ Басманову, чтобы твое государское здоровье испортить.

Іоаннъ пристально посмотрѣлъ на Басманова, который запталася подъ этимъ взглядомъ.

— Батюшка царь! сказалъ онъ: — охота тебѣ слушать, что мельникъ говорить! Кабы я знался съ нимъ, сталъ ли быя на него показывать?

— А вотъ увидимъ. Разстегни-ка свой кафтанъ, посмотримъ что у тебя на шеѣ?

— Да что же, кромѣ креста да образовъ, государь? произнесъ Басмановъ голосомъ, уже потерявшимъ всю свою увѣренность.

— Разстегни кафтанъ! повторилъ Иванъ Васильевичъ.

Басмановъ судорожно отстегнулъ верхнія пуговицы своей одежды.

— Изволь, сказалъ онъ, подавая Іоанну цѣпь съ образками.

Но царь, кромѣ цѣпи, успѣлъ замѣтить еще шелковый гайтанъ на шеѣ Басманова.

— А это что? спросилъ онъ, отстегивая самъ яхонтовую запонку его ворота и вытаскивая изъ-за его рубахи гайтанъ съ ладонкой.

— Это, проговорилъ Басмановъ, дѣлая надъ собою послѣднее, отчаянное усиліе, — это, государь . . . материнское благословеніе.

— Посмотримъ благословеніе! Іоаннъ передалъ ладонку Грязному. — На, распорц ея, Васюкъ.

Грязной распоролъ ножомъ оболочку и развернувъ зашитый въ нее кусокъ холстины, высыпалъ что то на столъ.

— Ну, что это? спросилъ царь, и всѣ съ любопытствомъ нагнулись къ столу и увидѣли какіе-то корешки, перемѣшавныя съ лягушечьими костями.

Игуменъ перекрестился.

— Этимиъ благословила тебя мать? спросилъ насмѣшливо Иванъ Васильевичъ.

Басмановъ упалъ на колѣни.

— Прости, государь, холопа твоего! воскричалъ онъ въ испугѣ.—Видя твою нелюбовь ко мнѣ, надрывался я сердцемъ, и чтобъ войти къ тебѣ въ милость, выпросилъ у мельника этого корня. Это тиранецъ, государь! Мельникъ далъ мнѣ его, чтобъ полюбилъ ты опять холопа твоего, а замысла на тебя, видить Богъ, никакого не было!

— А жабьи кости? спросилъ Іоаннъ, наслаждаясь отчаяніемъ Басманова, коего наглость ему давно наскучила.

— Про кости я ничего не вѣдалъ, государь, видить Богъ, ничего не вѣдалъ!

Иванъ Васильевичъ обратился къ Малютѣ.

— Ты говоришь, сказалъ онъ,—что колдунъ показываетъ на Федьку; Федька-де за тѣмъ къ нему вѣдиль, чтобъ испортить меня?

— Такъ, государь! И Малюта скривилъ ротъ, радуясь бѣдѣ давнишняго врага своего.

— Ну, что жь, Федюша, продолжалъ съ усмѣшкою царь,—надо тебя съ колдуномъ окомъ къ оку поставить. Ему допросъ ужь чивили; отвѣдай же и ты пытки, а то скажутъ пожалуй: царь однихъ земскихъ пытаетъ, а опричниковъ своихъ бережетъ.

Басмановъ повалился Іоанну въ ноги.

— Солнышко мое красное! воскричалъ онъ, хватаясь за помы царскаго охобля, — свѣтакъ мой, государь, не губи меня, солнышко мое, мѣсяцъ ты мой, соколикъ мой, горюстаекъ! Вспомни, какъ я служилъ тебѣ, какъ отъ воли твоей на въ чемъ не отказывался!

Іоаннъ отвернулся.

Басмановъ, въ отчаяньи, бросился къ своему отцу.

— Батюшка! завопилъ онъ: — упроси государя, чтобы

даровалъ животъ холопу своему! Пусть надѣвуть на меня ужь не сарафанъ, а дурацкое платье! Я радъ его царской милости шутомъ служить!

Но Алексѣю Басманову были равно чужды и родственное чувство, и состраданіе. Онъ боялся участіемъ къ сыну навлечь опалу на самого себя.

— Прочь, сказалъ онъ, отталкивая Федора,—прочь, нечестивецъ! Кто къ государю не мыслить, тотъ мнѣ не сынъ! Иди куда шлетъ тебя его царская милость!

— Святой игумень, зарыдалъ Басмановъ, тащась на колѣняхъ, отъ отца своего къ игумну; — святой игумень, умоли за меня государя!

Но игумень стоялъ, самъ не свой, потупя очи въ землю и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Оставь отца игумна! сказалъ холодно Іоаннъ.— Коли будетъ въ томъ нужда, онъ послѣ по тебѣ паныхиду отслужить!

Басмановъ обвелъ кругомъ себя умоляющимъ взоромъ, но вездѣ встрѣтилъ враждебныя или утрашенныя лица.

Тогда въ сердцѣ его произошла перемѣна.

Онъ понялъ, что не можетъ избѣжать пытки, которая жестокостью равнялась смертной казни и обыкновенно ею же оканчивалась; понялъ, что терять ему болѣе нечего, и съ этимъ убѣжденіемъ возвратилась къ нему его рѣшимость.

Онъ всталъ, выпрямилъ станъ и заложивъ руку за кушакъ, посмотрѣлъ съ наглою усмѣшкой на Іоанна.

— Надежа-государь! сказалъ онъ дерзко, тряхнувъ головою, чтобы оправить свои растрепанныя кудри, и звякнувъ серьгами:—надежа государь! Иду я по твоему указу на муку и смерть. Дай же мнѣ сказать тебѣ послѣднее спасибо за всѣ твои ласки! Не умышлялъ я на тебя ничего, а грѣхи-то у меня съ тобою одни! Какъ поведутъ казнить меня, я всѣ до одного разкажу передъ народомъ! А ты, батька игумень, слушай теперь мою исповѣдь..

Опричники и самъ Алексѣй Басмановъ не дали ему продолжать. Они увлекли его изъ кельи на дворъ, и Малюта посадивъ его, связаннаго, на-конь, тотчасъ повезъ къ Слободѣ.

— Ты зришь, отче, сказалъ Іоаннъ игумну,—коликими я окруженъ и явными, и скрытыми врагами! Моли Бога за

меня недостойнаго, дабы даровалъ Онъ добрый конецъ моимъ начинаніямъ, благословилъ бы меня, многогрѣшнаго, извести корень измѣны!

Царь всталъ, и перекрестившись на образа, подошелъ къ игумну подъ благословеніе.

Игуменъ и вся братія съ трепетомъ проводили его за ограду, гдѣ царскіе конюха дожидались съ богато-украшенными конями; и долго еще, послѣ того какъ царь съ своими полчанами скрылся въ облакъ пыли и не стало болѣе слышно звука конскихъ подковъ, монахи стояли, потупя очи и не смѣя поднять головы.

ГЛАВА XXXIV.

Шутовской кафтанъ.

Въ это самое утро къ Морозову, который по волю царя остался въ Слободѣ, явился два стольника съ приглашеніемъ къ царскому столу.

Когда Дружина Андреевичъ пріѣхалъ во дворецъ, палаты уже были полны опричниковъ, столы накрыты, слуги, въ богатыхъ одеждахъ, готовили закуску.

Бояринъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ, что кромѣ его, нѣтъ ни одного земскаго, и понялъ, что царь оказываетъ ему особенную честь.

Вотъ зазвонили дворцовые колокола, затрубили трубы, и Иванъ Васильевичъ, съ благосклоннымъ, пріятнымъ лицомъ, вступилъ въ палату, въ сопровожденіи чудовскаго архимандрита Левкія, Василя Грязнаго, Алексѣя Басманова, Бориса Годунова и Малюты Скуратова.

Принявъ и отдавъ поклоны, онъ сѣлъ за свой приборъ, и всѣ за столомъ его размѣстились по чинамъ. Осталось одно пустое мѣсто, ниже Годунова.

— Садись, бояринъ Дружина! оказалъ ласково царь, указывая на пустое мѣсто.

Лицо Морозова побагровѣло.

— Государь, отвѣтилъ онъ, — какъ Морозовъ во всю

жизнь чинилъ, такъ и до смерти чинить будетъ. Старъ я, государь, перенимать новые обычаи. Наложь опять опалу на меня, прогони отъ очей твоихъ — а ниже Годунова не сяду!

Всѣ въ изумленіи переглянулись. Но царь, казалось, ожидалъ этого отвѣта. Выраженіе лица его осталось спокойно.

— Борисъ, сказалъ онъ Годунову, — тому скоро два года, а боярина Дружину, за такой же отвѣтъ, выдалъ тебѣ головою. Но видно мнѣ пора измѣнить мой обычай. Должно-быть, ужь не мы земскимъ, а земскіе намъ будутъ указывать! Должно-быть, ужь я и въ домишкѣ моемъ не хозяинъ! Придется мнѣ, убогому, забрать свою рухлядишку и бѣжать съ людишками моими куда-нибудь подалѣе! Прогонять они меня отсюда, калуку перехожаго, какъ отъ Москвы прогнали!

— Государь, сказалъ смиренно Годуновъ, желая выручить Морозова, — не намъ, а тебѣ о мѣстахъ судить. Старые люди крѣпко держатся стараго обычая, и ты не гнѣвись на боярина, что помнитъ онъ разряды. Коли дозволишь, государь, я сяду ниже Морозова; за твоимъ столомъ всѣ мѣста хороши!

Онъ сдѣлалъ движеніе какъ бы готовясь встать, но Иоаннъ удержалъ его взглядомъ.

— Бояринъ подлинно старъ! сказалъ онъ хладнокровно, и умѣренность его въ виду явнаго непокорства исполнила всѣхъ ожиданіемъ. Всѣ чувствовали, что готовится что-то необыкновенное, но нельзя было угадать, какъ проявится царскій гнѣвъ, коего приближеніе выказывала лишь легкая судорога на лицѣ, напоминающая дрожаніе отдаленной зарницы.

Всѣ груди были стѣснены какъ передъ наступающею бурей.

— Да, продолжалъ спокойно Иоаннъ, — бояринъ подлинно старъ, но разумъ его молодъ не по лѣтамъ. Больно онъ любить шутить. Я тоже люблю шутить, и въ свободное отъ дѣла и молитвы время, я не прочь отъ веселья. Но съ того дня, какъ умеръ шутъ мой Ногтевъ, некому потѣшить меня. Дружинѣ, я вижу, это ремесло по сердцу; я же обѣщалъ не оставить его моею милостію, а потому жажду его моимъ первымъ шутомъ. Подать сюда кафтанъ Ногтева и надѣть на боярина!

Судороги на лицѣ царя заиграли чаще, но голосъ остался попрежнему спокойнѣмъ.

Морозовъ стоялъ какъ пораженный громомъ. Багровое лицо его поблѣднѣло, кровь отхлынула къ сердцу, очи за сверкали, а брови сначала заходили, а потомъ сдвинулись такъ грозно, что даже вблизи Ивана Васильевича, выраженіе его показалось страшнымъ. Онъ еще не вѣрилъ ушамъ своимъ; онъ сомнѣвался, точно ли царь хочетъ обезчестить всеародно его, Морозова, гордаго боярина, коего заслуги и древняя доблесть были давно всѣмъ извѣстны?

Онъ стоялъ молча, вперивъ въ Іоанна неподвижный, вопрошающій взоръ, какъ бы ожидая что онъ одумается и возьметъ назадъ свое слово. Но еще съ самаго утра, когда Басмановъ, испугавшись пытки, молилъ замѣнить ее шутковскимъ кафтаномъ, Іоанну пришло въ голову примѣнить эту мысль къ Морозову. Зрѣлище было приготовлено заранее, и Василій Грязной, по знаку царя, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ Дружинѣ Андреевичу, держа въ рукахъ пестрый кафтанъ, полупарчевый, полусермяжный, со множествомъ заплатъ, бубенчиковъ и колокольцевъ.

— Надѣвай, бояринъ! сказалъ Грязной, — великій государь жалуетъ тебя этимъ кафтаномъ съ плеча выбылаго шута своего Ногтева!

— Прочь! воскликнулъ Морозовъ, отталкивая Грязного, — не смѣй, кромѣшникъ, касаться боярина Морозова, котораго предкамъ твоимъ предки въ псаряхъ и въ холопяхъ служили!

И, обращаясь къ Іоанну, онъ произнесъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ:

— Государь, возьми назадъ свое слово! Вели меня смерти предать! Въ головѣ моей ты волеешь, но въ чести моей не волеешь никто!

Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на oprичниковъ.

— Правду я говорилъ, что Дружина любитъ шутить? Вы слышали? Я не волею жаловать его кафтаномъ!

— Государь, продолжалъ Морозовъ, — именемъ Господа Бога молю тебя, возьми свое слово назадъ! Еще не родилась ты, когда уже покойный батюшка твой жаловалъ меня! Когда я, вмѣстѣ съ Хабаромъ Симскимъ, разбилъ Чувашъ и Черемисъ на Свйгѣ, когда съ князьями, Одоевскимъ и Мстиславскимъ, прогналъ отъ Оки крымскаго царевича и

татарскій набѣгъ отъ Москвы отвратилъ! Много ранъ получилъ я, много крови пролилъ на саужбѣ батюшки твоего и на твоей, государь! Не берегъ я головы ни въ ратномъ дѣлѣ, ни въ думѣ боярской, спорилъ, въ малолѣтство твое, за тебя и за матушку твою съ Шуйскими и съ Бѣльскими! Одною только честью дорожилъ я, и никому, въ цѣлую жизнь мою, не далъ запятнать ее! Ты ли теперь опозоришь мои сѣдые волосы? Ты ли наругаешься надъ саугою родителя твоего? Вели казнить меня, государь, вели мнѣ голову на плаху повести, и я съ радостью пойду на мучелья, какъ прежде на битвы хаживалъ!

Всѣ молчали, потрясенные сильною рѣчью Морозова; но среди общей тишины раздался голосъ Иоанна.

— Довольно болтать! сказалъ онъ грозно, переходя отъ насмѣшливости къ явному гнѣву:—твоя глупая рѣчи, старикъ, показали, что ты добрымъ будешь шутомъ. Надѣвай дурацкое платье!

— Вы! продолжалъ царь, повернувшись къ опричникамъ,—помогите ему; онъ привыкъ чтобъ ему прислуживали!

Еслибы Морозовъ покорился, или, упавъ къ ногамъ царя, сталъ бы униженно просить о пощадѣ, быть-можетъ и смягчился бы Иванъ Васильевичъ. Но видъ Морозова былъ слишкомъ гордъ, голосъ слишкомъ рѣшительнъ; въ самой просьбѣ его слышалась непреклонность, и этого не могъ снести Иоаннъ. Онъ ощущалъ ко всѣмъ сильнымъ правамъ неодолимую ненависть, и одна изъ причинъ, по коимъ онъ еще недавно, не отдавая себѣ отчета, отвратилъ сердце свое отъ Вяземскаго, была извѣстная ему самостоятельность князя.

Въ одинъ мигъ опричники сорвали съ Морозова верхнюю одежду и напалили на него кафтанъ съ колокольцами.

Послѣ послѣднихъ словъ Иоанна, Морозовъ пересталъ противиться. Онъ далъ себя одѣть, и молча смотрѣлъ какъ опричники со смѣхомъ поправляли и обдергивали на немъ кафтанъ. Мысли его ушли въ глубь сердца; онъ сосредоточился въ самомъ себѣ.

— А шапку-то позабыли? сказалъ Грязной, надѣвая на голову Морозова пестрый колпакъ, и отступивъ назадъ, онъ поклонился ему до полу.

— Дружина Андреичъ! сказалъ онъ:—бьемъ тебѣ челомъ

на новой должности! Потѣшай насъ, какъ покойный Ногтевъ потѣшалъ!

Тогда Морозовъ поднималъ голову и обвелъ глазами собранные.

— Добро! сказалъ онъ громко и твердо,—принимаю новую царскую милость. Боярину Морозову невѣстно было сидѣть рядомъ съ Годуновымъ; но царскому шуту пристойно быть за царскимъ столомъ съ Грязными и Басмазовыми. Раздвиньтесь, страдники! мѣсто новому скомороху! Пропустите шута и слушайте всѣ какъ онъ будетъ потѣшать Ивана Васильича!

Морозовъ сдѣлалъ повелительный знакъ и опричники немедленно посторонились.

Гремя колокольцами, бояринъ подошелъ къ столу и опустился на скамью, напротивъ Иоанна, съ такою величественною осанкой, какъ будто на немъ вмѣсто шутовскаго кафтана была царская мантия.

— Какъ же мнѣ потѣшать тебя, государь? спросилъ онъ, положивъ локти на столъ, и глядя прямо въ очи Ивану Васильевичу.—Мудренъ ты сталъ на потѣхи, ничѣмъ не удивишь тебя! Какихъ шутокъ не порешуемо на Руси, съ тѣхъ поръ какъ ты государишь! Потѣшался ты, когда былъ еще отрокомъ и конемъ давилъ народъ на улицахъ; потѣшался ты, когда на охотѣ велѣлъ псарямъ князя Шуйскаго зарѣзать; потѣшался, когда выборные люди изъ Пскова пришли плакаться тебѣ на твоего намѣстника, а ты приказалъ имъ горячею смолою бороды палить!

Опричники хотѣли вскочить съ своихъ мѣстъ, и броситься на Морозова; царь удержалъ ихъ знакомъ.

— Но, продолжалъ Морозовъ, то все было ребяческое веселье; оно скоро тебѣ надоѣло. Ты началъ знаменитыхъ людей въ монахи постригать, а женъ и дочерей ихъ себѣ на потѣху позорить. И это тебѣ прискучило. Сталъ ты выбирать тогда лучшихъ слугъ твоихъ и мукамъ предавать. Тутъ дѣло пошло повеселѣе, только не надолго. Не все же ругаться надъ народомъ да надъ боярами. Давай и надъ церковью Христовою поглумимся! Вотъ и набралъ ты всякой годи кабацкой, всякой скаредной сволочи, нарядилъ ее въ рясы монашескія, и самъ монахомъ нарядился, и стали вы днемъ людей рѣзать, а ночью акафисты пѣть. Самъ ты, кровью обрызганъ, и пѣлъ, и звонилъ, и

чуть ли объѣду не служилъ. Эта потѣха вышла изъ всѣхъ веселѣйшая, такой, опричь тебя, никому и не выдумать!

— Что же сказать тебѣ, государь? Какъ еще распотѣшить тебя? А развѣ вотъ что скажу: Пока ты съ своею опричниной въ маскерахъ плясешь, къ завтрашнему звонить, да кровью упиваешься, наступить на тебя съ заката Жигимонтъ, напрутъ съ полуночи Нѣмцы да Чудь, а съ полудня и съ восхода подыметъ ханъ. Нахлынетъ орда на Москву, и не будетъ воеводъ отстаивать святыни Господней! Запылаютъ храмы Божіи съ мощами святителей, настанутъ опять Батыевы времена. И будешь ты, царь всея Руси, въ ноги кланяться хану, и стоѣя на колѣняхъ, стремя его цѣловать!

Морозовъ замолкъ.

Никто не прерывалъ его рѣчи; всѣмъ она захватила дыханье. Царь слушалъ, наклонясь впередъ, блѣдный, съ пылающими глазами, съ пѣною у рта. Судорожно сжималъ онъ ручки креселъ, и казалось, боялся проронить единое слово Морозова, и каждое вѣривалъ въ памяти, чтобы за каждое заплатить ему особою мукой.

Всѣ опричники были блѣды; никто не рѣшался взглянуть на царя. Годуновъ опустилъ глаза и не смѣлъ дышать, чтобы не привлечь на себя вниманіе. Самому Малютѣ было неловко.

Вдругъ Грязной выхватилъ ножъ, подбѣжалъ къ Іоанну и сказалъ, указывая на Морозова.

— Дозволь, государь, ему глотку заткнуть!

— Не смѣй! проговорилъ царь, почти шепотомъ и задыхаясь отъ волненія;—дай его милости до конца договорить!

Морозовъ гордо повелъ очами.

— Еще шутокъ хочешь, государь? Изволь я тебя потѣшу! Оставался у тебя изъ вѣрныхъ слугъ твоихъ еще одинъ, древняго, боярскаго рода; его ты откладывалъ казнить, потому ли, что страшился Божьяго гнѣва, или что не придумалъ еще достойной казни ему. Жилъ онъ далеко отъ тебя, подъ опалюю, и могъ бы ты забыть про него; но ты, государь, никого не забываешь! Послалъ ты къ нему своего окаяннаго Вяземскаго, съечь его домъ и жену увезти. Когда жь онъ пришелъ къ тебѣ просить суда на Вяземскаго, ты заставлялъ ихъ биться себѣ на потѣху, чай,

что Вяземскій убьетъ стараго слугу твоего. Но Богъ не захотѣлъ его погибели, показалъ его правду.

— Что же ты сдѣлалъ тогда, государь? Тогда, продолжалъ Морозовъ, и голосъ его задрожалъ и колокольцы затрясись на одеждѣ,—тогда тебѣ показалось мало безчестія на слугѣ твоемъ, и ты порѣшилъ опозорить его еще несамыхъ важнымъ небывалымъ позоромъ!

— Тогда, воскликнулъ Морозовъ, оттолкнувъ столъ и вставая съ мѣста,—тогда ты, государь, боярина Морозова одѣлъ въ шутовской кафтанъ и велѣлъ ему, спасшему Тулу и Москву, забавлять тебя вмѣстѣ со скаредными твоими кромѣшниками!

Грозенъ былъ видъ стараго воеводы; онъ стоялъ съ протянутою рукой, среди безмолвныхъ опричниковъ. Значеніе шутовской его одежды исчезло. Изъ-подъ густыхъ бровей сверкали молніи. Бѣлая борода величественно падала на грудь, пріавшую нѣкогда много вражскихъ ударовъ, но испещренную нынѣ яркими заплатами; а въ негодующемъ взорѣ было столько достоинства, столько благородства, что въ сравненіи съ нимъ Иванъ Васильевичъ показался мелокъ.

— Государь, продолжалъ, возвышая голосъ, Морозовъ,—новый шутъ твой передъ тобою. Слушай, его послѣднюю шутку! Пока ты живъ, уста народа русскаго запечатаны страхомъ; но минуетъ твое звѣрское цареніе, и останется на землѣ лишь память дѣлъ твоихъ, и перейдетъ твое имя отъ потомковъ къ потомкамъ на вѣчное проклятіе, доколѣ не настанетъ страшный судъ Господень! И тогда, всѣ сотни и тысячи избитыхъ тобою, всѣ сошмы мужей и женъ, младенцевъ и старцевъ, всѣ, кого ты погубилъ и измучилъ, всѣ предстанутъ предъ Господомъ, вопія на тебя, мучителя своего! И въ оный страшный день предстану и я передъ вѣчнымъ Судьею, предстану въ этой самой одеждѣ и потребую обратно моей чести, что ты отнял у меня на землѣ! И не будетъ съ тобою кромѣшниковъ твоихъ заградить уста вопіющихъ, и услышитъ ихъ Судія, и будешь ты свергнутъ въ пламень вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его!

Морозовъ замолчалъ и бросивъ презрительный взоръ на царскихъ любимцевъ, повернулся къ нимъ спиною и медленно удалился.

Никто не подумалъ остановить его. Важно прошелъ онъ между рядами столовъ, и только когда замеръ звонъ его колокольцовъ, опричники очнулись отъ отъневнїя; а Малюта, вставъ изъ-за стола, сказалъ Ивану Васильевичу:

— Прикажешь сейчасъ порѣшить его, государь, или пока въ тюрьму посадить?

— Въ тюрьму! произнесъ Іоаннъ, переводя дыханье.— Да не вздумай пытатъ его, чтобы не издохъ до времени; ты отвѣчаешь за него головой!

Вечеромъ у царя было особенное совѣщаніе съ Малютой.

Колычевы, родственники сведеннаго митрополита Филиппа, давно уже сидѣвшіе въ тюрьмѣ и пытаемые Малютой, частью сознались во взводимой на нихъ измѣнѣ, частью были, по мнѣнію Іоанна, достаточно уличены друзьями ихъ и холопами, которые, не выдержавъ пытки, на нихъ показывали.

Много и другихъ лицъ было замѣшано въ это дѣло. Схватенные по приказанію царя и жестоко истязуемые, кто въ Москвѣ, кто въ Слободѣ, они въ свою очередь называли много именъ, и число пытаемыхъ росло съ каждымъ днемъ, и выросло наконецъ до трехъ сотъ человѣкъ.

Иванъ Васильевичъ, дорожа мнѣніемъ иностранныхъ державъ, положилъ подождать отъѣзда бывшихъ тогда въ Москвѣ литовскихъ пословъ, и учинить осужденнымъ въ одинъ день общую казнь; а дабы дѣйствіе ея было поразительнѣе и устрашило бы мятежниковъ на будущее время, казни сей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ виду всего народа.

Въ тотъ же самый день царь назначилъ казнить Вяземскаго и Басманова. Мельникъ, какъ чародѣй, осужденъ былъ къ сожженію на кострѣ, а Коршуну, дерзнувшему забраться въ царскую опочивальню и котораго берегли доселѣ на торжественный случай, Іоаннъ готовилъ исключительныя, еще небывалыя муки. Той же участи онъ обрекъ и Морозова.

О подробностяхъ этой общей казни, царь разговаривалъ до поздней ночи, и пѣтухи уже два раза пропѣли, когда онъ отпустилъ Малюту и удалился въ свою комнату.

ГЛАВА XXXV.

Казнь.

По отъѣздѣ литовскихъ пословъ, наканунѣ дня назначеннаго для торжественной казни, московскіе люди съ ужасомъ увидѣли ея приготовленія.

На большой торговой площади, внутри Китай-города, было поставлено множество висѣлицъ. Среди ихъ стояло нѣсколько срубовъ съ плахами. Немного подалѣ висѣлъ на перекладивѣ между двухъ столбовъ огромный желѣзный котелъ. Съ другой стороны срубовъ торчалъ одинокій столбъ, съ придѣланными къ нему цѣпями, а вокругъ столба работники наваливали костеръ. Разныя неизвѣстныя орудія видѣлись между висѣлицами и возбуждали въ толпѣ боязливыя догадки, отъ которыхъ сердце заранѣ сжималось.

Мало-по-малу всѣ пришедшіе торговать на базаръ разошлись въ испугѣ. Опустѣла не только площадь, но и окрестныя улицы. Жители заперлись въ домахъ и шепотомъ гозорили о предстоящемъ событіи. Слухъ о страшныхъ приготовленіяхъ разнесся по всей Москвѣ, и вездѣ воцарилась мертвая тишина. Лавки закрылись, никто не показывался на улицахъ, и лишь время отъ времени проскакивали по нимъ гонцы, посылаемые съ приказаніями отъ Арбата, гдѣ Іоаннъ остановился въ любимомъ своемъ теремѣ. Въ Китай-городѣ не слышно было другаго шума, кромѣ стука плотничьихъ топоровъ да говора опричникѣвъ, распоряжавшихся работами.

Когда настала ночь, затихли и эти звуки, и мѣсяцъ, подъявшись изъ-за зубчатыхъ стѣнъ Китай-города, освѣтилъ безлюдную площадь, всю взъерошенную кольями и висѣлицами. Ни одного огонька не свѣтилось въ окнахъ; всѣ ставни были закрыты; лишь кой-гдѣ тускло теплились лампы передъ наружными образами церквей. Но никто не спалъ въ эту ночь; всѣ молились, ожидая разсвѣта.

Наконецъ роковое утро настало и въ небѣ послышалось усиленное карканье воронъ и галокъ, которыя, чуя близкую кровь, слетались отовсюду въ Китай-городъ, кружились стаями надъ площадью и унизывали черными рядами церковные кресты, князьки и гребни домовъ и самыя висѣлицы.

Ташину прервалъ отдаленный звонъ бубенъ и тулумбасовъ, который медленно приближался къ площади. Показалась толпа конныхъ опричниковъ, по пяти въ рядъ. Впереди ѣхали бубенчики, чтобы разгонять народъ и очищать дорогу государю, но они напрасно трясли свои бубны и били ващагами въ тулумбасы; нигдѣ не видно было живой души.

За опричниками ѣхалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ, верхомъ, въ большомъ нарядѣ, съ колчаномъ у сѣла, съ золоченымъ лукомъ за спиною. Вънецъ его шпашка была украшена Деисусомъ, то-есть изображеніемъ на финифти Спасителя, а по сторонамъ Богородицы, Іоанна Предтечи и разныхъ святыхъ. Чепракъ подъ нимъ блисталъ дорогими камнями, а на шеѣ у вороного коня, вмѣсто науза, болталась собачья голова.

Рядомъ съ царемъ былъ виденъ царевичъ Іоаннъ, а позади ѣхала толпа ближайшихъ царедворцевъ, по три въ рядъ. За ними шла слухомъ триста человекъ осужденныхъ на смерть. Скованные цѣпями, измученные пыткой, они съ трудомъ передвигали ноги, повинаясь понуждающимъ ихъ опричникамъ.

Шествіе заключалъ многочисленный отрядъ конницы.

Когда повѣздъ въѣхалъ въ Китай-городъ, и все войско, спѣшившись, размѣстилось у висѣлицъ, Іоаннъ, не сходя съ коня, посмотрѣлъ кругомъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что на площади не было ни одного зрителя.

— Сгонять народъ! сказалъ онъ опричникамъ.— Да никто не убоится! Повѣдайте людямъ московскимъ, что царь казнить злодѣевъ, безвиннымъ же обѣщаетъ милость!

Вскорѣ площадь стала наполняться народомъ, ставни отворились, и у оконъ показались блѣдныя, боязливыя лица.

Между тѣмъ костеръ, разложенный подъ котломъ, запылалъ, и на срубы взошли палачи.

Іоаннъ велѣлъ вывести изъ числа осужденныхъ нѣкоторыхъ, менѣ виновныхъ.

— Человѣки! сказалъ онъ имъ громко и внятно, дабы всѣ на площади могли его слышать, — вы дружбой вашею и хлѣбомъ-солью съ измѣнщиками моими заслужили себѣ равную съ ними казнь; но я, въ удивленіи сердца, скорба о погубленіи душъ вашихъ, милую васъ и дарую вамъ жизнь, дабы вы покаянiемъ искупили вины ваши и молились за меня, недостойнаго!

По знаку царя, прощенныхъ отвели въ сторону.

— Люди московскіе! сказалъ тогда Іоаннъ, — вы узрите нынѣ казни и мученія; но караю злодѣевъ, которые хотѣли предать врагамъ государство! Плачуще, предаю тѣлеса ихъ терзанію, яко азъ есмь судія поставленный Господомъ судити народы мои! И вѣсть лиценріятія въ судѣ моемъ, яко, подобно Аврааму подъявшему ножъ на сына, а самыхъ ближнихъ моихъ на жертву приношу! Да падеть же кровь сія на главу враговъ моихъ!

Тогда изъ среды оставшихся осужденныхъ вывели прежде всѣхъ боярина Дружину Андреевича Морозова.

Іоаннъ, въ первомъ порывѣ раздраженія, обрекъ было его на самыя страшныя муки; но по непонятной измѣнчивости права, а можетъ-быть, и вслѣдствіе общей любви Москвитанъ къ боярину, онъ, накануне казни, отмѣнилъ свои распоряженія и осудилъ его на менѣе жестокою смертью.

Думный дьякъ государевъ, стоя у сруба, развернулъ длинный свитокъ и прочелъ громогласно:

— Бывшій бояринъ Дружина! Ты хвалился замутить государство, призвать крымскаго хана и литовскаго короля Жигимонта, и многія другія бѣды и тѣсноты на Русь учинить. Ты же дерзнулъ злыми, кусательными словами поносить самого государя, царя и великаго князя всея Руси, и добрыхъ слугъ его на непокорство подымать. Заслужилъ ты себѣ познанія паче смерти; но великій государь, помня прежнія доблести твои, отъ жалости сердца, повелѣлъ тебя, особно отъ другихъ, и минуя прочія муки, скорою смертью казнить, голову тебѣ отсѣчь, остатковъ же твоихъ на его государскій обиходъ не отписывать!

Морозовъ, уже взшедшій на срубъ, перекрестился.

— Вѣдаю себя чистымъ предъ Богомъ и предъ государемъ, отвѣтствовалъ онъ спокойно. — Предаю душу мою Господу Іисусу Христу, у государя же прошу единой милости: что останется послѣ меня добра моего, то все пусть

раздѣлится на три части : первую часть на церкви Божія и на поминъ души моей; другую нищей братіи; а третью вѣрнымъ слугамъ и холопамъ моимъ; а кабальныхъ людей и рабовъ отпускаю вѣчно на волю! Вдовѣ же моей прощаю, и вольно ей выйдти за кого похочеть!

Съ сими словами Морозовъ еще разъ перекрестился и опустилъ голову на плаху.

Раздался глухой ударъ, голова Дружины Андреевича покатилась, и благородная кровь его обгрияла доски помоста.

За нимъ опричники, къ удивленію народа, вывели оруженничаго государева князя Вяземскаго, кравчаго Федора Басманова и отца его Алексѣя, на котораго Федоръ показалъ на пыткѣ.

— Люди московскіе! сказалъ Іоаннъ, указывая на осужденныхъ, — се зрите моихъ и вашихъ злодѣевъ! Они, забывъ крестное свое цѣлованіе, тѣснили васъ отъ имени моего, и не страшася суда Божія, грабили животы ваши и губили народъ, который я же ихъ поставилъ боронити. И се нынѣ пріимуть, по дѣламъ своимъ, достойную мзду.

Вяземскій и оба Басмановы, какъ обманувшіе царское довѣріе, были осуждены на жестокія муки.

Дьякъ прочелъ имъ обвиненіе въ намѣреніи извести царя чарами, въ преступныхъ сношеніяхъ съ врагами государства и въ притѣсненіи народа именемъ Іоанновымъ.

Когда палачи, схвативъ Федора Басманова, взвели его на помость, онъ обернулся къ толпѣ зрителей и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Народъ православный! хочу передъ смертію покаяться въ грѣхахъ моихъ! Хочу, чтобы всѣ люди вѣдали мою исповѣдь! Слушайте, православные...

Но Малюта, стоявшій сзади, не далъ ему продолжать. Онъ ловкимъ ударомъ сабли свесъ ему голову въ тотъ самый мигъ какъ онъ готовился начать свою исповѣдь.

Окровавленный трупъ его упалъ на помость, а отлетѣвшая голова подкатилась, звеня серьгами, подъ ноги царскому коню, который откачулся, фыркая и косясь на нее испуганнымъ окомъ. Басмановъ послѣднею наглостію избавился отъ ожидавшихъ его мученій.

Отецъ его Алексѣй и Вяземскій не были столько счастливы. Ихъ, вмѣстѣ съ разбойникомъ Коршуномъ взвели на срубъ, гдѣ ожидали ихъ какіе-то страшные снаряды.

Въ то же время стараго мельника потащили на костеръ и приковали къ столбу.

Вяземскій, измученный пыткой, не имѣя силы стоять на ногахъ, поддерживаемый подъ руки палачами, бросалъ дикіе взгляды по сторонамъ. Въ глазахъ его не было замѣтно ни страха, ни раскаянья. Увидѣвъ прикованнаго къ столбу мельника и вокругъ него уже вьющіяся струи дыма, князь вспомнилъ его послѣднія слова, когда старикъ, заговоривъ его саблю, смотрѣлъ въ бадью съ водою; вспомнилъ также князь и свое видѣніе на мельницѣ, когда онъ въ лунную ночь, глядя подъ шумящее колесо, старался увидѣть свою будущность, но увидѣлъ только какъ вода почервонѣла, подобно крови, а какъ заходили въ ней зубчатая пила и стали отмыкаться и замыкаться желѣзные клацци...

Мельникъ не замѣтилъ Вяземскаго. Углубленный въ самого себя, онъ бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, и съ видомъ помѣшательства, приплясывалъ на кострѣ гремя цѣпами.

— Шикалу! Лукалу! говорилъ онъ;— слетѣлися вѣромы на богатый пиръ! Повернулося колесо, повернулося! Что было высоко, то стало низко! Шагадамъ! Подымися, вѣтеръ отъ мельницы, налети на вѣроговъ моихъ! Кулла! Кулла! Разметаи костеръ, загаси огонь!

И въ самомъ дѣлѣ, какъ будто повинувшись заклинаніямъ, вѣтеръ поднялся на площади, но вмѣсто того чтобы загасить костеръ, онъ раздулъ подложенный подъ него хворостъ, и пламя, вырвавшись сквозь сухіе дрова, охватило мельника и скрыло его отъ зрителей.

— Шагадамъ! Кулла! Кулла! послышалось еще за облакомъ дыма, и голосъ замеръ въ трескѣ пылающаго костра.

Наружность Коршуна, почти вовсе не измѣнилась ни отъ пытки, ни отъ долгаго томленія въ темницѣ. Сильная природа его устояла противъ приготовительнаго допроса, но въ выраженіи лица произошла перемена. Оно сдѣлалось мягче; глаза глядѣли спокойнѣе.

Съ той самой ночи, какъ онъ былъ схваченъ въ царской опочивальнѣ и брошенъ въ тюрьму, угрызения совѣсти перестали терзать его. Онъ тогда же принялъ ожидающую его казнь какъ искупленіе совершенныхъ имъ нѣкогда

злодѣйствъ, и лежа на гнилой соломѣ, онъ въ первый разъ, послѣ долгаго времени, заснулъ спокойно.

Дьякъ прочелъ передъ народомъ вину Коршуна и ожидающую его казнь.

Коршунъ, взошедши на помость, перекрестился на церковныя главы и положилъ, одинъ за другимъ, четыре земныхъ поклона народу, на четыре стороны площади.

— Прости, народъ православный! сказалъ онъ,—прости меня въ грѣхахъ моихъ, въ разбоѣ, и въ воровствѣ, и въ смертномъ убойствѣ! Прости во всемъ, что я согрѣшилъ передъ тобою. Заслужилъ я себѣ смертную муку, отпусти мнѣ вины мои, народъ православный!

И повернувшись къ палачамъ, онъ самъ продѣлъ руки въ приготовленныя для нихъ петли.

— Привязывайте что ли! сказалъ онъ, тряхнувъ сѣдою, кудрявою головой, и не прибавилъ болѣе ни слова.

Тогда, по знаку Иоанна, дьякъ обратился къ прочимъ осужденнымъ и прочелъ имъ обвиненіе въ заговорѣ противъ государя, въ намѣреніи отдать Новгородъ и Псковъ литовскому королю, и въ преступныхъ сношеніяхъ съ турскимъ суланомъ.

Ихъ готовились повести, кого къ висѣлицамъ, кого къ котлу, кого къ другимъ орудіямъ казни.

Народъ сталъ громко молиться.

— Господи, Господи! раздавалось на площади,—помилай ихъ, Господи! Прими скорѣе ихъ души!

— Молитесь за насъ, праведные! кричали нѣкоторые изъ толпы,—помяните насъ когда приидите во царствіе Божіе!

Опричники, чтобы заглушить эти слова, начали громко звать:

— Гойда! Гойда! Да погибнуть враги государевы!

Но въ эту минуту толпа заколебалась, всѣ головы обратились въ одну сторону, и послышались восклицанія:

— Блаженный идетъ! Смотрите, смотрите! Блаженный идетъ!

Въ концѣ площади показался человекъ, лѣтъ сорока, съ рѣденькою бородой, блѣдный, босой, въ одной полотняной рубахѣ. Лицо его было необыкновенно кротко, а на устахъ играла странная, дѣтски-добродушная улыбка.

Видъ этого человека, посреди столькихъ лицъ, являв-

шихъ ужасъ, страхъ, или звѣрство, рѣзко отъ нихъ отдѣлился и сильно на всѣхъ подѣйствовалъ. Площадь затихла, казни приостановились.

Всѣ знали блаженнаго, но никто еще не видывалъ на лицѣ его такого выраженія какъ сегодня. Противъ обыкновенія, судорога подергивала эти улыбающіяся уста, какъ будто съ кротостію боролось другое, непривычное чувство.

Нагнувшись впередъ, гремя веригами и желѣзными крестами, которыми онъ весь былъ обвѣшанъ, блаженный пробирался сквозь раздвигающуюся толпу и шелъ прямо на Іоанна.

— Ивашко! Ивашко! кричалъ онъ издали, перебирая свои деревянныя четки и продолжая улыбаться, — Ивашко! Меня-то забылъ!

Увидѣвъ его, Іоаннъ хотѣлъ повернуть коня и отѣхать въ сторону, но юродивый стоялъ уже возлѣ него.

— Посмотри жь на блаженнаго! оказалъ онъ хватаясь за узду царскаго коня, — что жь не велишь казнить и блаженнаго? Чѣмъ Вася хуже другихъ?

— Богъ съ тобой! оказалъ царь, доставая горсть золотыхъ изъ узорнаго мѣшка, висѣвшаго на золотой цѣпочкѣ у его пояса, — на, Вася ступай, помолись за меня!

Блаженный подставилъ обѣ руки, но тотчасъ же отдернулъ ихъ, и деньги посыпались на землю.

— Ай, ай! Жжется! закричалъ онъ, дуя на пальцы и потряхивая ихъ на воздухъ, — зачѣмъ ты деньги въ огнѣ раскалилъ? Зачѣмъ въ адовомъ огнѣ раскалилъ?

— Ступай, Вася! повторилъ нетерпѣливо Іоаннъ, — оставь насъ, тебѣ здѣсь не мѣсто!

— Нѣтъ, нѣтъ! Мое мѣсто здѣсь, съ мучениками! Дай и мнѣ мученическій вѣничикъ! За что меня обходишь? За что обижаешь? Дай и мнѣ такой вѣничикъ какіе другимъ раздаешь!

— Ступай, ступай! оказалъ Іоаннъ съ зараждающимся гнѣвомъ.

— Не уйду! произнесъ упорно юродивый, уцѣпясь за конскую збрую, но вдругъ засмѣялся и сталъ пальцемъ показывать на Іоанна. — Смотрите, смотрите! заговорилъ онъ, — что это у него на лбу? Что это у тебя, Ивашко? У тебя рога на лбу! У тебя козлиные рога выросли! И голова-то твоя стала песья!

Глаза Іоанна вспыхнули.

— Прочь, сумашедшій! закричалъ онъ, и выхвативъ копье изъ рукъ ближайшаго опричника, онъ замахнулся имъ на юродиваго.

Крикъ негодованія раздался въ народѣ.

— Не тронь его! послышалось въ толпѣ, — не тронь блаженнаго! Въ нашихъ головахъ ты волея, а блаженнаго не тронь!

Но юродивый продолжалъ улыбаться полудѣтски, полу-безумно.

— Пробори меня, царь Саулъ! говорилъ онъ, отбирая въ сторону висѣвшіе на груди его кресты, — пробори сюда, въ самое сердце! Чѣмъ я хуже тѣхъ праведныхъ? Пошли и меня въ царствіе небесное! Аль завидно тебѣ, что не будешь съ нами, царь Саулъ, царь Иродъ, царь кромѣшный?

Копье задрожало въ рукѣ Іоанна. Еще единый мигъ, и оно вонзилось бы въ грудь юродиваго, но новый крикъ народа удержалъ его на воздухѣ. Царь сдѣлалъ усиліе надъ собой и переломилъ свою волю, но буря должна была разразиться.

Съ пѣной у рта, съ сверкающими очами, съ поднятымъ копьемъ, онъ стиснулъ коня ногами, налетѣлъ вскачь на толпу осужденныхъ, такъ что искры брызнули изъ-подъ конскихъ подковъ, и прошилъ перваго попавшагося ему подъ руку.

Когда онъ вернулся шагомъ на свое мѣсто, опустивъ окровавленный конецъ копья, опричники уже успѣли оттереть блаженнаго.

Іоаннъ махнулъ рукой, и палачи приступили къ работѣ.

На блѣдномъ лицѣ Іоанна показался румянецъ; очи его сдѣлались больше, на лбу надулись синія жилы, и ноздри расширились.

.

Когда наконецъ, сытый душегубствомъ, онъ повернулъ коня, и объѣхавъ вокругъ площади, удалился, самъ обрызганный кровью и окруженный окровавленнымъ полкомъ своимъ, вороны, сидѣвшія на церковныхъ крестахъ и на гребняхъ кровель, взмахнули, одна за другой, крыльями и начали спускаться на груди истерзанныхъ членовъ и на трупы висящія на висѣлицахъ...

Бориса Годунова въ этотъ день не было между пріѣзжав-

шки съ Иоанномъ. Онъ еще наканунѣ вызвался провожать изъ Москвы литовскихъ пословъ.

На другой день послѣ казни площадь была очищена, и мертвыя тѣла свезены и свалены въ кремлевскій ровъ.

Тамъ, граждане московскіе, въ послѣдствіи, соорудили нѣсколько деревянныхъ церквей, на костяхъ и на крови, какъ выражаются древнія лѣтописи.

Прошли многіе годы; впечатлѣніе страшной казни изгладилось изъ памяти народной, но долго еще стояли вдоль кремлевскаго рва тѣ скромныя церкви, и приходившіе въ нихъ молиться могли слышать панихиды за упокой измученныхъ и избитыхъ по указу царя и великаго князя Иоанна Васильевича Четвертаго.

ГЛАВА XXXVI.

Возвращеніе въ Слободу.

Поразивъ ужасомъ Москву, царь захотѣлъ явиться милостивымъ и великодушнымъ. По приказанію его, темницы были отперты, и заключенные, уже нечаявшіе себя прощенія, всѣ освобождены. Нѣкоторымъ Иоаннъ послалъ подарки. Казалось, давно кипѣвшая въ немъ и долго разгоравшаяся злоба разразилась послѣднею казнью, и вылетѣла изъ души, его какъ пламенный снопъ изъ горы огнедышущей. Разсудокъ его успокоился, онъ пересталъ держать подозрѣніе на ближнихъ, пересталъ вездѣ отыскивать измѣну.

Не всякій разъ, послѣ безвинной крови, Иоаннъ предавался угрызѣніямъ совѣсти. Они зависѣли также отъ другихъ обстоятельствъ. Небесныя знаменія, внезапно ударившій громъ, проявленіе народныхъ бѣдствій, устрашали его чуткое воображеніе и подвигали его иногда на всенародное покаяніе; но когда не случалось ни знаменій, ни голода, ни пожаровъ, внутренній голосъ его молчалъ, и совѣсть дремала. Такъ и въ настоящее время, состояніе души Иоанна было безмятежно. Онъ чувствовалъ, послѣ совер-

шенныхъ убійствъ какое-то удовлетвореніе и спокойствіе, какъ голодный, насытившійся пищей. Болѣе изъ привычки и принятаго правила чѣмъ отъ потребности сердца, онъ, возвращаясь въ Слободу, остановился на нѣсколько дней молиться въ Троицкой лаврѣ.

Во всю дорогу, пристава, вѣхавшіе передъ нимъ, бросали горстями серебряныя деньги нищимъ, а уѣзжая изъ Лавры, онъ оставилъ архимандриту богатый вкладъ на молебны за свое здравіе.

Въ Слободѣ, между тѣмъ, готовилось нѣкѣмъ неожиданное событіе.

Годуновъ, посланный впередъ приготовить государю торжественный приемъ, исполнивъ свое порученіе, сидѣлъ у себя въ брусняной избѣ, облокотясь на дубовый столъ, подперши рукою голову. Онъ размышлялъ о случившемся въ эти послѣдніе дни, о казни, отъ которой удалось ему уклониться, о загадочномъ нравѣ грознаго царя, и о способахъ сохранить его милость, не участвуя въ дѣлахъ опричнины, какъ вошедшій слуга доложилъ, что у крыльца дожидается князь Никита Романовичъ Серебряный.

Годуновъ при этомъ имени, въ удивленіи, всталъ со скамьи.

Серебряный былъ опальникъ государевъ, осужденный на смерть. Онъ ушелъ изъ тюрьмы, и всякое сношеніе съ нимъ могло стоить головы Борису Федоровичу. Но отказать князю въ гостеприимствѣ, или выдать его царю, было бы дѣломъ недостойнымъ, на которое Годуновъ не могъ рѣшиться, не потерявъ народнаго довѣрія, коимъ онъ болѣе всего дорожилъ. Въ то же время онъ вспомнилъ, что царь находится теперь въ милостивомъ расположеніи духа, и въ одинъ мигъ сообразилъ какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ.

Не выходя на крыльцо встрѣчать Серебрянаго, онъ велѣлъ немедленно ввести его въ избу. Постороннихъ свидѣтелей не было, и положивъ разъ принять князя, Годуновъ не захотѣлъ показать ему не полное радусіе.

— Здравствуй, князь, сказалъ онъ, обнимая Никиту Романовича, — милости просимъ, садись; какъ же ты рѣшился вернуться въ Слободу, Никита Романовичъ? Но дай сперва угостить тебя, ты, я чаю, съ дороги усталъ!

По приказанію Годунова поставили на столъ закуску и нѣскольکو кубковъ вина.

— Скажи, князь, спросилъ Годуновъ заботливо, — видѣли тебя, какъ ты взомелъ на крыльцо?

— Не знаю, отвѣтилъ простодушо Серебряный, — можетъ-быть и видѣли; я не хоронился, прямо къ твоему терему подѣхалъ. Мнѣ вѣдомо, что ты не тянешь къ опричнинѣ!

Годуновъ поморщился.

— Борисъ Ѳеодорычъ, прибавилъ Серебряный довърчиво, — а вѣдь не одинъ; со мной пришло сотни двѣ станичниковъ изъ-подъ Рязани.

— Что ты, князь? воскликнулъ Годуновъ.

— Они, продолжалъ Серебряный, — за заставой остались. Мы вмѣстѣ несемъ наши головы государю; пусть казнить насъ, или миловать, какъ ему угодно!

— Слышалъ я, князь, слышалъ какъ ты съ ними Татаръ разбилъ; но вѣдомо ли тебѣ, что съ тѣхъ поръ на Москвѣ было?

— Вѣдомо, отвѣтилъ Серебряный и нахмурился. — Я шелъ сюда думалъ, что и опричнинѣ конецъ, а у васъ дѣла хуже прежняго. Да простить Богъ государю! А тебѣ грѣхъ, Борисъ Ѳеодорычъ, что ты только молчишь да глядишь на все это!

— Эхъ, Никита Романычъ, ты, я вижу, все тотъ же остаеся! Что жъ бы я сказалъ царю? Послушался бы онъ меня, что ли?

— А хотя бы и не послушался, возразилъ упрямо Серебряный, — все жъ тебѣ говорить слѣдуетъ. Отъ кого жъ ему правду знать, коли не отъ тебя?

— А ты думаешь онъ правды не знаетъ? Ты думаешь онъ и въ самомъ дѣлѣ всѣмъ тѣмъ извѣтамъ вѣрить, по которымъ столько людей казнено?

И сказавъ это, Годуновъ закусилъ было языкъ, но вспомнилъ, что говорить съ Серебрянымъ, котораго открытое лицо исключало всякое подозрѣніе въ предательствѣ.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ вполголоса, — напрасно ты видишь меня, князь. Царь казнить тѣхъ, на кого злобу держать, а въ сердцѣ его не воленъ никто. Сердце царево въ рудѣ Божіей, говоритъ писаніе. Вотъ Морозовъ попытался было прямиать ему; что жъ вышло? Морозова казнили, а

другимъ не стало отъ того легче. Но ты, Никита Романовичъ, видно, самъ не дорезишь головою, что, вѣдая московскую казнь, не боялся придти въ Слободу?

При имени Морозова Серебряный вздохнулъ. Онъ любилъ Дружину Андреевича, хотя боярникъ и похитилъ его счастье.

— Что жь, Борисъ Федорычъ, отвѣтилъ онъ Годунову, — чему быть, того не миновать! Да правду сказать, и жить-то мнѣ надоело; не красно теперь житье на Руси!

— Послушай, князь, ты самъ себя не бережешь; такой, видно, ужъ нравъ у тебя; но Богъ тебя бережетъ. Какъ ты до сихъ поръ ни лѣзь въ петлю, а все цѣлъ оставаеся. Должно-быть не написано тебѣ пропасть ни за что, ни прѣ что. Кабы ты съ недѣлю тому вернуеся, не знаю что бы съ тобой было, а теперь, пожалуй, есть тебѣ надежда; только не спиши на глаза Ивана Васильевичу; дай мнѣ сперва увидѣть его.

— Спасибо тебѣ, Борисъ Федорычъ; да ты обо мнѣ-то больно не хлопочи; а вотъ ставичниковъ, коли можно, выводи изъ бѣды. Они хоть и худые люди, а вины свои хорошо заслужили!

Годуновъ взглянулъ съ удивленіемъ на Никиту Романовича. Онъ не могъ привыкнуть къ простотѣ князя, и равнодушіе его къ собственной жизни показалось Годунову неестественнымъ.

— Что жь ты, князь, спросилъ онъ, — съ горя, что ли, жить не хочешь на свѣтѣ?

— Пожалуй, что и съ горя, отвѣтилъ Серебряный. — Къ чему еще жить теперь? Вѣришь ли, Борисъ Федорычъ, иной разъ повеволаъ Курбскій на умъ приходитъ; подумаю про него, и самому страшно станетъ: такъ, кажется, и бросилъ бы родину и ушелъ бы къ Ляхамъ, кабы не были они врага наши.

— Вотъ то-то, князь! Въ теперешнее время намъ только и есть что двѣ дороги: или дѣлать какъ Курбскій — бѣжать навсегда изъ родины, или такъ какъ я — оставаться около царя и искать его милости. А ты ни то, ни другое; отъ царя не уходишь, а съ царемъ не мыслишь; этакъ нельзя, князь; надо одно изъ двухъ. Ужъ коли хочешь оставаться на Руси, такъ исполняй волю цареву. А если полюбишь онъ тебя, такъ пожалуй и самъ отъ оприч-

вины отвратится. Вотъ, примѣрно, кабы насъ было двое около него, одинъ бы другаго поддерживалъ; сегодня бы я заронилъ словечко, завтра ты; что-нибудь и осталось бы у него въ памяти; вѣдь и капля, говорятъ, когда все на одно мѣсто капаетъ, такъ камень насквозь долбитъ. А нахрапомъ, князь, ничего не возьмешь!

— Кабы не былъ онъ царь, сказалъ мрачно Серебряный, я зналъ бы что мнѣ дѣлать; а теперь ничего въ толкъ не возьму; на него идти Богъ не велитъ, а съ нимъ мыслить мнѣ не въ мочь; хотъ онъ меня на клочья разорви, съ опричвиной хлѣба-соли не поведу!

— Погоди, князь, не отчаявайся. Вспомни что я тебѣ тогда говорилъ? Оставимъ опричниковъ; не будемъ перечить царю; они сами перегубятъ другъ друга! Вотъ ужъ троихъ главныхъ не стало: ни обоихъ Басмановыхъ, ни Вяземскаго. Дай срокъ князь, и вся опричина до смерти перегрызется!

— А до того что будетъ? сказалъ Серебряный?

— А до того, отвѣтилъ Годуновъ, не желая съ разу настаивать на мысли, которую хотѣлъ заронить въ Серебряномъ,—до того, коли царь тебя помируетъ, ты можешь снова на Татаръ идти; за этими дѣло не станетъ!

Въ мысляхъ Серебрянаго не легко укладывалось два впечатлѣнія разомъ, и надежда идти на Татаръ вытѣснила на время овладѣвшее имъ уныніе.

— Да, сказалъ онъ,—только намъ одно и осталось, что Татаръ колотить! Кабы не ждать ихъ въ гости, а ударить бы на Крымъ всѣми полками разомъ, да вмѣстѣ съ казаками, такъ пожалуй, что и Крымъ взяли бы!

Онъ даже усмѣхнулся отъ удовольствія при этой мысли.

Годуновъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ о его насильственномъ освобожденіи и о рязанскомъ побоищѣ. Уже начинало темнѣть, а они все еще сидѣли, бесѣдуя, за кубками.

Наконецъ Серебряный всталъ.

— Прости, бояринъ, сказалъ онъ, уже скоро ночь на аворъ!

— Куда ты, Никита Романычъ? Остаешься у меня, переночуй, завтра пріѣдетъ царь, я доложу о тебѣ!

— Нельзя, Борисъ Федорычъ, пора мнѣ къ своимъ! Боюсь чтобъ они съ кѣмъ не повздорили. Кабы царь былъ

въ Слободѣ, мы прямо бѣ къ нему съ повинною пришли, и пусть бы случилось, что Богу угодно; а съ здѣшними душегубцами не убережешься. Хоть мы и въ сторонкѣ, подь самымъ лѣсомъ остановились, а все же можетъ какой-нибудь объѣздъ наѣхать!

— Ну, прости, Никита Романычъ! Смотри жь, ты, не суйся царю на глаза, погоди чтобъ я прислалъ за тобой.

Да постой, не туда ты идешь, князь, прибавилъ Годуновъ, видя что Серебряный направляется къ краснымъ сѣнямъ; и взявъ его за руку, онъ проводилъ его на заднее крыльцо.

— Прости, Никита Романычъ, повторилъ онъ, обнимая Серебрянаго,—Богъ не безъ милости, авось и уладится твое дѣло!

И подождавъ, чтобы князь сѣлъ на коня и выѣхалъ заднею околицею, Годуновъ вернулся въ избу, весьма довольный, что Серебряный не принялъ предложенія переночевать у него въ домѣ.

На другое утро царь съ торжествомъ выѣхалъ въ Слободу, какъ послѣ одержанной побѣды. Опричники провожали его съ криками: Гойда! Гойда! отъ заставы до самаго дворца.

Одна старая мамка Онуфревна приняла его съ бранью.

— Звѣрь тыэтакій! сказала она, встрѣчая его на крыльцѣ,—какъ тебя еще земля держитъ, звѣря плотояднаго? Кровью отъ тебя пахнетъ, душегубецъ! Какъ смѣлъ ты къ святому угоднику Сергію явиться послѣ твоего московскаго дѣла? Громъ Господень убьетъ тебя, окаяннаго, вмѣстѣ съ дьявольскимъ полкомъ твоимъ!

Но въ этотъ разъ увѣщанія мамки не произвели никакого дѣйствія. На дворѣ не было ни грома, ни бури. Солнце великолѣпно сіяло въ безоблачномъ небѣ, и ярко играли краски и позолота на пестрыхъ теремкахъ, и затѣливыхъ главахъ дворца. Иоаннъ не отвѣтилъ ни слова и прошелъ мимо старухи во внутренніе свои покои.

— Погоди, погоди! продолжала она, глядя ему во слѣдъ и стуча объ полъ клюкою,—разразится громъ Божій надъ теремомъ твоимъ, выжеть онъ всю твою нечестивую Слободу!

И старуха удалилась въ свою свѣталицу, медленно

передвигая ноги и бросая сердитые взгляды на царедворцевъ, которые сторонились отъ нея съ суевѣрнымъ страхомъ.

Въ этотъ день, послѣ обѣда, Годуновъ, видя что царь веселъ и доволенъ и противъ обыкновенія готовится отдохнуть, послѣдовалъ за нимъ въ опочивальню. Расположеніе къ нему Ивана Васильевича давало это право Годунову, особенно когда ему было о чемъ доложить, что не всякому слѣдовало слышать.

Въ царской опочивальнѣ стояли двѣ кровати: одна, изъ голыхъ досокъ, на которой Иванъ Васильевичъ ложился для наказанія плоти, въ минуты душевныхъ тревогъ и сердечнаго раскаянья; другая, болѣе широкая, была покрыта мягкими овчинами, пуховикомъ и шелковыми подушками. На этой царь отдыхалъ когда ничто не тревожило его мыслей. Правда, это случалось рѣдко, и послѣдняя кровать большею частью оставалась нетронутою.

Надобно было хорошо знать Ивана Васильевича, чтобы не ошибиться въ дѣйствительномъ расположеніи его духа. Не всегда во время мученій совѣсти онъ былъ склоненъ на милосердіе. Онъ часто приписывалъ угрызенія свои навожденію сатаны, старающагося отвлечь его отъ преслѣдованія измѣны, и тогда, вмѣсто того чтобы смягчить свое сердце, онъ, на зло дьяволу, творя молитвы и крестныя знаменья, предавался еще большей жестокости. Не всегда также спокойствіе, написанное на лицѣ его, могло достоверно ручаться за внутреннюю безмятежность. Оно часто бывало одною личиною, и царь, одаренный рѣдкою проницательностью и способностью угадывать чужія мысли, любилъ иногда обманывать расчеты того съ кѣмъ разговаривалъ, и поражать его неожиданнымъ проявленіемъ гнѣва, въ то самое время когда онъ надѣялся на милость.

Но Годуновъ успѣлъ изучить малѣйшіе оттѣнки царскаго нрава, и съ необыкновеннымъ чутьемъ отгадывалъ и объяснялъ себѣ неудовимыя для другихъ измѣненія лица его.

Подождавъ чтобы Іоаннъ легъ на пуховую постель, и не видя въ его чертахъ ничего, кромѣ усталости, Борисъ Федоровичъ сказалъ безо всякихъ приготовленій:

— Вѣдомо ли тебѣ, государь, что опальникъ твой сыскался?

— Какой? спросилъ Іоаннъ, зѣвая.

— Никита Серебряный, тотъ самый, что Вяземскаго, измѣнника твоего, саблей посякъ и въ тюрьму былъ посаженъ.

— А! сказалъ Иоаннъ,—поймали воробья! Кто же взял его?

— Никто, государь. Онъ самъ пришелъ, и всѣхъ станичниковъ привелъ, которые съ нимъ подъ Рязанью Татаръ разбили. Они, вмѣстѣ съ Серебрянымъ, принесли твоей царской милости повинныя головы.

— Опомнились! сказалъ Иоаннъ.—Что жь, видѣлъ ты его?

— Видѣлъ, государь; онъ прямо ко мнѣ прѣхалъ; думалъ, твоя милость въ Слободѣ и просилъ, чтобъ я о немъ сказалъ тебѣ. Я хотѣлъ было захватить его подъ стражу, да подумалъ, неравно Григорій Лукьянычъ скажетъ, что я подыскиваюсь подъ него; а Серебряный не уйдетъ, коли онъ самъ тебѣ свою голову привезъ.

Годуновъ говорилъ прямо, съ открытымъ лицомъ, безо всякаго замѣшательства, какъ будто въ немъ не было ни тѣни хитрости, ни малѣйшаго участія къ Серебряному. Когда онъ наканунѣ проводилъ его заднимъ крыльцомъ, онъ поступилъ такъ не съ тѣмъ, чтобы скрыть отъ царя его посященіе (это было бы слишкомъ опасно), но чтобы кто изъ слободскихъ не предупредилъ Иоанна и, какъ первый извѣститель, не настроилъ бы его противъ самого Годунова. Намекъ же на Вяземскаго, выставяющій Серебрянаго врагомъ казеннаго князя, былъ обдуманъ и приготовленъ Борисомъ Федоровичемъ заранѣе.

Царь зѣвнулъ еще разъ, но не отвѣчалъ ничего, и Годуновъ, улавливая каждую черту лица его, не прочелъ на немъ никакого признака ни явнаго, ни скрытаго гнѣва. Напротивъ, онъ замѣтилъ, что царю понравилось намѣреніе Серебрянаго предаться на его волю.

Иоаннъ, проливая кровь и заставляя всѣхъ трепетать, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ его считали справедливымъ и даже милосерднымъ; душегубства его были всегда облечены въ наружность строгаго правосудія, и довѣріе къ его великодушію тѣмъ болѣе льстило ему, что такое довѣріе рѣдко проявлялось.

Подождавъ немного, Годуновъ рѣшился вызвать Ивана Васильевича на отвѣтъ.

— Какъ прикажешь, государь, спросилъ онъ,—позвать къ тебѣ Григорья Лукьяныча?

Но послѣднія казни уже достаточно насытили Іоанна; въскольکو лишнихъ головъ не могли ничего прибавить къ его удовлетворенію, ни возбудить въ немъ уснувшую на время жажду крови.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Годунова.

— Развѣ ты думаешь, сказалъ онъ строго,—что я безъ убойства жить не могу?—Иное, злодѣи, подрывающіе государство, иное Никита, что Аюльку порубилъ. А изъ ставничиковъ посмотрю, кого казнить, кого помиловать. Пусть всѣ, и съ Никитой, соберутся передъ краснымъ крыльцомъ на дворѣ. Когда выйду изъ опочивальни, увижу что съ ними дѣлать!

Годуновъ пожелалъ царю добраго отдыха, и удалился съ визкимъ поклономъ.

Все зависѣло теперь отъ того, въ какомъ расположеніи проснется Іоаннъ.

ГЛАВА XXXVII.

Прощеніе.

Извѣщенный Годуновымъ, Никита Романовичъ явился на царскій дворъ съ своими ставничиками.

Переряченные, оборванные, въ разнообразныхъ лохмотьяхъ, кто въ зипунѣ, кто въ овчивѣ, кто въ лаптяхъ, кто босикомъ, многіе съ подвязанными головами, и всѣ безъ шапокъ и безъ оружія, стояли они, молча, другъ подле друга, дожидаясь царскаго пробужденія.

Не въ первый разъ видѣли молодцы Слободу; приходили они сюда и гусярами, и нищими, и поводиальщиками медвѣдей. Нѣкоторые участвовали и въ послѣднемъ пожарѣ, когда Перстень съ Коршуномъ пришли освободить Серебрянаго. Много было между ними знакомыхъ намъ лицъ, но многихъ и не доставало. Не доставало всѣхъ, которые, отстаивая Русскую землю, погибли недавно на рязанскихъ

полахъ, ни тѣхъ, которые послѣ побѣды, любя раздолье кочующей жизни, не захотѣли повести къ царю повинную голову. Не было тутъ ни Перстня, ни Митьки, ни рыжого пѣсенника, ни дѣдушки Коршуна. Перстень, появившись въ послѣдній разъ въ Слободѣ, въ день суднаго поединка, исчезъ Богъ-вѣсть куда; Митька послѣдовалъ за нимъ, пѣсенника еще прежде уходилъ Серебряный, а Коршуна теперь подъ стѣною кремлевою терзали псы и клевали вороны...

Уже часа два дожидались молодцы, потупя очи, и не подозревая что царь смотритъ на нихъ изъ небольшого окна, продѣланнаго надъ самымъ крыльцомъ и скрытаго узорными теремками. Никто изъ нихъ не говорилъ ни съ товарищами, ни съ Серебрянымъ, который стоялъ въ сторонѣ, задумавшись и не обращая вниманія на множество людей, толпившихся у воротъ и у капитокъ. Въ числѣ любовитныхъ была и государева мамка. Она стояла на крыльцѣ, нагнувшись на клюку, и смотрѣла на все безжизненными глазами, ожидая появленія Иоанна, быть-можетъ съ тѣмъ чтобы своимъ присутствіемъ удержать его отъ новой жестокости.

Иванъ Васильевичъ, наглядѣвшись вдоволь изъ потаеннаго окна на своихъ опальниковъ, и насладившись мыслью, что они теперь стоятъ между жизнью и смертью, и что не легко у нихъ должно быть на сердцѣ, показался вдругъ на крыльцѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ стольниковъ.

При видѣ царя, одѣтаго въ золотую парчу, опирающагося на узорный посохъ, разбойники стали на колѣна и преклонили головы.

Иоаннъ помолчалъ нѣсколько времени.

— Здравствуйте, оборванцы! сказалъ онъ наконецъ, и поглядѣвъ на Серебрянаго, прибавилъ:—Ты зачѣмъ въ Слободу пожаловалъ? По тюрьмѣ, что ли, соскучился?

— Государь, отвѣтилъ Серебряный скромно,—изъ тюрьмы ушелъ я не самъ, а увелъ меня насильно станичники. Они же разбили ширинскаго мурзу Шихмата, о чемъ твоей милости должно быть уже вѣдомо. Вмѣстѣ мы били Татаръ, вмѣстѣ и отдаемся на твою волю; казни, или милуй насъ, какъ твоя царская милость знаетъ!

— Такъ это за нимъ вы тотъ разъ въ Слободу прихо-

дали? спросилъ Иоаннъ у разбойниковъ. — Откуда жь вы знаете его?

— Батюшка царь, отвѣчали вполголоса разбойники, — онъ атамана нашего спасъ, когда его въ Медвѣдевкѣ повѣсить хотѣли. Атаманъ-то и увелъ его изъ тюрьмы!

— Въ Медвѣдевкѣ? сказалъ Иоаннъ и усмѣхнулся. — Это должно-быть когда ты Хомака и съ объѣздомъ его шелепугами отшапалъ? Я это дѣло помню. Я отпустилъ тебѣ эту первую вину, а былъ ты, по уговору нашему, посаженъ за новую вину, когда ты вдругорядь на моихъ людей у Морозова напалъ. Чтò скажешь на это?

Серебряный хотѣлъ отвѣчать, но мамка предупредила его.

— Да полво тебѣ вины-то его высчитывать! сказала она Иоанну сердито. — Вмѣсто чтобъ пожаловать его за то что онъ басурмановъ разбилъ, церковь Христову отстоялъ, а ты только и смотришь какую бь вину на немъ найдти. — Мало тебѣ было терзанья на Москвѣ, воакъ ты этакій!

— Молчи, старуха! сказалъ строго Иоаннъ: — не твое бабье дѣло указывать мнѣ!

Но досадуя на Онуфриевну, онъ не захотѣлъ раздражать ее, и отвернувшись отъ Серебрянаго, сказалъ разбойникамъ, стоявшимъ на колѣнахъ:

— Гдѣ атаманъ вашъ, вискальники? Пусть выступитъ впередъ!

Серебряный взялся отвѣчать за разбойниковъ.

— Ихъ атамана здѣсь нѣтъ, государь. Онъ тотъ же часъ послѣ рязанской битвы ушелъ. Я звалъ его, да онъ итти не захотѣлъ.

— Не захотѣлъ! повторилъ Иоаннъ. — Сдается мнѣ, что этотъ атаманъ есть тотъ самый слѣпой чтò ко мнѣ въ опочивальню со старикомъ приходилъ. Слушайте же, оборванцы! Я вашего атамана велю сыскать и на колѣ посадить!

— Ужь самого тебя, проворчала мамка, — на томъ свѣту черти на колѣ посадятъ!

Но царь притворился что не слышитъ, и продолжалъ глядя на разбойниковъ:

— А васъ, за то что вы сами на мою волю отдались, а такъ и быть помилую. Выкатить имъ пять бочекъ меду на дворъ! Ну чтò? Довольна ты, старая дура?

Мамка зажевала губами.

— Да живетъ царь! закричали разбойники.—Будемъ служить тебѣ, батюшка государь! Заслужимъ твое прощеніе нашими головами!

— Выдать имъ, продолжалъ Іоаннъ:—по доброму кафтану да по гривнѣ на челоуѣка. Я ихъ въ опричнину впишу. Хотите, висѣльники, мнѣ въ опричникахъ служить?

Нѣкоторые изъ разбойниковъ замаялись, но бѣльшая часть закричала:

— Ради служить тебѣ, батюшка, гдѣ укажетъ твоя царская милость!

— Какъ думаешь, сказалъ Іоаннъ съ довольнымъ видомъ, Серебряному,—пригодны они въ ратный строй?

— Въ ратный-то строй пригодны, отвѣтилъ Никита Романовичъ,—только ужь, государь, не вели ихъ въ опричнину вписывать!

Царь подумалъ, что Серебряный считаетъ разбойниковъ недостойными такой чести.

— Когда я кого милую, произнесъ онъ торжественно,—я не милую вполонину!

— Да какая жь это милость, государь! вырвалось у Серебрянаго.

Іоаннъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Они, продолжалъ Никита Романовичъ,—не много запинаясь,—они, государь, вѣдь доброе дѣло учили; безъ нихъ, пожалуй, Татары на самую бы Рязань пошли!

— Такъ почему жь имъ въ опричнинѣ не быть? спросилъ Іоаннъ, пронзая глазами Серебрянаго.

— А потому, государь, выговорилъ Серебряный, который тщетно старался прибрать выраженія поприличію,—потому, государь, что они, правда, люди худые, а все же лучше твоихъ кромѣшниковъ!

Эта неожиданная и невольная смѣлость Серебрянаго озадачила Іоанна. Онъ вспомнилъ, что уже не въ первый разъ Никита Романовичъ говоритъ съ нимъ такъ откровенно и прямо. Между тѣмъ онъ, осужденный на смерть, самъ добровольно вернулся въ Слободу и отдавался на царскій произволъ. Въ строптивости нельзя было обвинить его, и царь колебался какъ принять эту дерзкую выходку, какъ новое лицо привлекло его вниманіе.

Въ толпу разбойниковъ незамѣтно втерся посторонній челоуѣкъ, лѣтъ шестидесяти, опрятно одѣтый, и старался,

не показываясь царю, привлечь вниманіе Серебрянаго. Уже нѣсколько разъ онъ изъ-за передняго ряда протягивалъ украдкою руку и силлся поймать князя за полу, но не доставъ его, опять прятался за разбойниковъ.

— Это что за крыса? спросилъ царь, указывая на незнакомца.

Но тотъ уже успѣлъ скрыться въ толпѣ.

— Раздвиньтесь, люди! сказалъ Іоаннъ: — достать мнѣ этого молодца, что тамъ сзади хоронится!

Нѣсколько опричниковъ бросились въ толпу и вытащили виновнаго.

— Что ты за человекъ? спросилъ Іоаннъ, глядя на него подозрительно.

— Это мой стремянный, государь! поспѣшилъ сказать Серебряный, узнавъ своего стараго Михеича, онъ не видѣлъ меня съ тѣхъ поръ. . .

— Такъ, такъ, батюшка государь! подтвердилъ Михеичъ; заикаясь отъ страха и радости: — его княжеская милость правду изволить говорить!.... Не видѣлись мы съ того дня какъ схватили его милость! Дозволь же, батюшка царь, на боярина моего посмотреть! Господи свѣты, Никита Романычъ! Я уже думалъ не придется мнѣ увидѣть тебя!

— Что же ты хотѣлъ сказать ему? спросилъ царь, продолжая недоувѣрчиво глядѣть на Михеича: — зачѣмъ ты за ставичниками хоронился?

— Поопасывался, батюшка государь Иванъ Васильичъ, опричниковъ твоихъ поопасывался! Это вѣдь, самъ знаешь, это вѣдь, государь, все такой народъ....

И Михеичъ закусилъ языкъ.

— Какой народъ? спросилъ Іоаннъ, старааясь придать чертамъ своимъ милостивое выраженіе: — говори, старикъ, безъ зазора, какой народъ мои опричники?

Михеичъ поглядѣлъ на царя и успокоился.

— Да такого мы до литовскаго похода отродясь не видывали, батюшка! проговорилъ онъ вдругъ, ободренный милостивымъ выраженіемъ царскаго лица, — не въ укоръ имъ сказать, ненадежный народъ, тетка ихъ подкурятина!

Царь пристально посмотрѣлъ на Михеича, дивясь, что слуга равняется откровенностью своему господину.

— Ну что ты на него глаза таращишь? сказала мамка. —

Съѣсть его, что ли хочешь? Развѣ онъ не правду говорить? Развѣ видывали прежде на Руси кромѣшниковъ?

Михеичъ, нашедши себѣ подмогу, обрадовался.

— Такъ, бабуся, такъ! сказалъ онъ.—Отъ нихъ-то все зло и пошло на Руси! Они-то и боярина оговорили! Не вѣрь имъ, государь, не вѣрь имъ! Песья у нихъ морды на сбруѣ, песій и брехъ на языкѣ! Господи въ твою руку служилъ тебѣ, а это Вяземскій съ Хомякомъ наговорили на него. Вотъ и бабуся правду сказала, что такихъ сыромятниковъ и не видало на Руси!

И озираясь на окружающихъ его опричниковъ, Михеичъ придвинулся поближе къ Серебряному.—Хоть вы де и волки, а теперь не съѣдите!

Когда царь вышелъ на крыльцо, онъ уже рѣшился простить разбойниковъ. Ему хотѣлось только продержатъ ихъ нѣкоторое время въ недоумѣніи. Замѣчанія мамки пришло въ некстати и чуть было не раздражили Иоанна, но къ счастью, на него нашла милостивая полоса, и вмѣсто того чтобъ предаться гнѣву, онъ вздумалъ посмѣяться надъ Онуфриевной и уронить ея значеніе въ глазахъ царедворцевъ, а вмѣстѣ и подшутить надъ стремяннымъ Серебряного.

— Такъ тебѣ не люба опричнина? спросилъ онъ Михеича съ видомъ добродушія.

— Да кому жъ она люба, батюшка государь? Съ того часу, какъ вернулись мы изъ Литвы, все отъ нея пошла сыпаться бѣды на боярина моего. Не будь этихъ, проста Господи, живодеровъ, мой господи былъ бы, попрежнему, въ чести у твоей царской милости.

И Михеичъ опять опасливо посмотрѣлъ на царскихъ тѣлохранителей, но тотъ же часъ подумалъ про себя: „Экъ, тетка ихъ подкурятина! Ужь погублю свою голову, а очищу передъ царемъ господина моего!“

— Добрый у тебя стремянный! сказалъ царь Серебряному.—Пусть бы и мои слуги такъ ко мнѣ мыслили! А давно онъ у тебя.

— Да я, батюшка Иванъ Васильевичъ, подхватилъ Михеичъ, совершенно ободренный царскою похвалою,—я князю съ самаго съ его сыздѣтства служу. И батюшкѣ его покойному служилъ я, и отецъ мой дѣду его служилъ, и дѣти мои, кабы были у меня, его бы дѣтямъ служили!

— А вѣтъ у тебя, развѣ, дѣтушекъ, старичокъ? спросилъ Іоаннъ еще милостивѣе.

— Было двое сыновей, батюшка, да обоихъ Господь прибралъ. Оба да твоимъ государскомъ дѣлѣ подъ Полоцкомъ полегли, когда мы съ Никитой Романычемъ да съ княземъ Пронскимъ Полоцкъ выручали. Старшему сыну, Василю вражій Ляхъ, налетѣвъ, саблей голову раскроилъ, а меньшему-то, Степану, изъ пищали грудь прострѣлили, сквозь самый наплечникъ, вотъ на столько повыше дѣваго соска!

И Михеичъ пальцемъ показалъ на груди своей мѣсто, гдѣ въ Степана попала пуля.

— Вишь! проговорилъ Іоаннъ, покачивая головой и какъ будто принимая большое участие въ сыновьяхъ Михеича:— ну, что жь дѣлать, старичокъ, этихъ Богъ прибралъ, другихъ наживешь!

— Да откуда нажить-то ихъ, батюшка? Хозяйка-то у меня померла, а изъ рукава-то новыхъ дѣтей не вытрусить!

— Что жь, сказалъ царь, какъ бы желая утѣшить стремляваго,—еще дастъ Богъ другую хозяйку найдешь!

Михеичъ ощущалъ немалое удовольствіе въ разговорѣ съ царемъ.

— Да этого добра какъ не найти, отвѣтилъ онъ, ухмыляясь,—только не охочь я до бабъ, батюшка государь, да ужь и старь становлюсь, этакимъ дѣломъ заниматься!

— Баба бабѣ рознь! замѣтилъ Іоаннъ, и схвативъ Онуфриевну за душегрѣйку:—вотъ тебѣ хозяйка! сказалъ онъ, и выдвинулъ мамку впередъ. Возьми ее, старина, живи съ ней въ любви и въ совѣтѣ да дѣтей приживай!

Опричники, появъ царскую шутку, громко захохотали, а Михеичъ, въ изумленіи, посмотрѣлъ на царя, не смѣется ли и онъ, но на лицѣ Іоанна не было улыбки.

Безжизненные глаза мамки вспыхнули.

— Срамникъ ты! закричала она на Іоанна:—безбожникъ Я тебѣ дамъ ругаться надо мною! Срамникъ ты, тьфу! Еретикъ безсовѣстный!

Старуха застучала клюкою о крыльцо, и губы ея еще сердитѣе зажевали, а носъ посинѣлъ.

— Поавно ломаться, бабушка, сказалъ царь,—я тебѣ добраго мужа сватаю; онъ будетъ тебя любить, дарить, уму-

разуму научать! А свадьбу мы сегодня же послѣ вечера сыграемъ! Ну, какова твоя хозяйка, старичина?

— Умилосердись, батюшка государь! проговорилъ Михеичъ въ совершенномъ испугѣ.

— Чтò жь? Развѣ она тебѣ не по сердцу?

— Какое по сердцу, батюшка! простоналъ Михеичъ, отступая назадъ.

— Стерпится-слубится! сказалъ Иоаннъ: — а я дамъ за ней доброе приданое!

Михеичъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на Онуфриевну, которую царь все еще держалъ за душегрѣйку.

— Батюшка Иванъ Васильевичъ! воскликнулъ онъ вдругъ, падая на колѣни:—веди меня казнить, только не веди этого сраму на себя принимать! Скорѣй на плаху пойдуй, чѣмъ женюсь на ея милости, тетка ея подкурятина!

Иванъ Васильевичъ немного помолчалъ и вдругъ разразился громкимъ продолжительнымъ смѣхомъ.

— Ну, сказалъ онъ, выпуская наконецъ Онуфриевну, которая успѣшила уйти, ругаясь и отплевываясь, — честь приложена, убытку Богъ избавилъ! Я хотѣлъ вашего счастья, а насильно вѣнчать васъ не буду! Служи попрежнему боярину твоему, старичина, а ты, Никита, подойди сюда. Отпускаю тебѣ и вторую вину твою. А этихъ голоштанниковъ въ опричнину не впущу; мои молодцы, пожалуй, обидятся. Пусть идутъ къ Жыздрѣ, въ сторожевой полкъ. Коли охочи они на Татаръ, будетъ имъ съ кѣмъ перевѣдаться. Ты же, продолжалъ онъ особенно милостивымъ голосомъ, безъ примѣси своей обычной насмѣшливости и положивъ руку на плечо Серебрянаго, — ты оставайся у меня. Я помирю тебя съ опричниной. Когда узнаешь насъ покороче, перестанешь дичиться. Хорошо бить Татаръ, но мои враги не одни Татары; есть и хуже ихъ. Этихъ то научись грызть зубами и метлой выметать!

И царь потрепалъ Серебрянаго по плечу.

— Никита, прибавилъ онъ, благовольтельно, и оставая свою руку на плечѣ князя, — у тебя сердце правдивое, языкъ твой не знаетъ лукавства; такихъ-то слугъ мнѣ и надо. Впишись въ опричнину; я дамъ тебѣ мѣсто вымылаго Вяземскаго! Тебѣ я вѣрю, ты меня не продашь.

Всѣ опричники съ завистью посмотрѣли на Серебрянаго; они уже видѣли въ немъ новое возникающее свѣтило

и стояшіе подалѣ отъ Іоанна уже стали шептаться между собою и выказывать свое неудовольствіе, что царь безъ вниманія къ ихъ заслугамъ, ставитъ имъ на голову опальнаго пришельца, столбового боярина, древняго княжескаго рода.

Но сердце Серебрянаго сжалось отъ словъ Іоанновыхъ.

— Государь, сказалъ онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою, — благодарствую тебѣ за твою милость; но дозвожь ужь лучше и мнѣ къ сторожевому полку прикнуться. Здѣсь мнѣ дѣлать нечего, я къ слободскому обычаю не привыченъ, а тамъ я буду служить твоей милости доколѣ силъ хватить!

— Вотъ какъ! сказалъ Іоаннъ и снялъ руку съ плеча Серебрянаго:—это значитъ, мы не угодны его княжеской милости! Должно-быть съ ворами оставаться честнѣе чѣмъ быть моимъ оружанчимъ! Ну что жь, продолжалъ онъ насмѣшливо, — я никому въ дружбу не набиваюсь и никого насильно не держу. Свыкаись вмѣстѣ, такъ и служите вмѣстѣ! Добраго пути, разбойничій воевода!

И взглянувъ презрительно на Серебрянаго, царь повернулся къ нему спиной и вошелъ во дворець.

ГЛАВА XXXVIII.

Выѣздъ изъ Слободы.

Годуновъ предложилъ Серебряному остаться у него въ домѣ до выступленія въ походъ. Этотъ разъ предложеніе было сдѣлаво отъ души, ибо Борисъ Федоровичъ, наблюдавшій за каждымъ словомъ и за каждымъ движеніемъ царя, заключилъ, что грозы болѣе не будетъ и что Іоаннъ ограничится одною холодностью къ Никитѣ Романовичу.

Исполняя обѣщаніе, данное Максиму, Серебряный прямо съ царскаго двора отправился къ матери своего названнаго брата и отдалъ ей крестъ Максимовъ. Малюты не было дома. Старушка уже знала о смерти сына, и приняла Серебрянаго какъ роднаго; но когда онъ, окончивъ свое по-

рученіе, простился съ нею, она не посмѣла его удерживать, боясь возвращенія мужа, и только проводила до крыльца съ благословеніями.

Вечеромъ, когда Годуновъ оставилъ Серебрянаго въ опочивальнѣ и удалился, пожелавъ ему спокойнаго сна, Михеичъ далъ полную волю своей радости.

— Ну, бояринъ, сказалъ онъ, — выпалъ же мнѣ наконецъ красный денекъ послѣ долгаго горя! Вѣдь съ той поры какъ схватили тебя, Никита Романычъ, я словно свѣта Божьяго не вижу! То и дѣло по Москвѣ да по Слободѣ слоняюсь, не провѣдаю ль чего про тебя? Какъ услышалъ сегодня, что ты съ ставичниками вернулся, такъ со всѣхъ ногъ и пустился на царскій дворъ; анъ царь-то ужъ на крыльцѣ! Я давай межъ ставичниковъ до тебя пробираться, да и не вытерпѣлъ, сталъ ловить тебя за полу, а царь-то меня и увидѣлъ. Ну, набрался же я страху! Вѣкъ не забуду! Два молебна завтра отслужу, одинъ за твое здоровье, а другой — что соблюдаю меня Господь отъ этой вѣдмы, не далъ надо мною такому скверному дѣлу совершиться!

И Михеичъ началъ разказывать все что съ нимъ было послѣ раззоренія Морозовскаго дома, и какъ онъ, извѣстивъ Перстѣя и вернувшись на мельницу, нашелъ тамъ Елену Дмитриевну и взялся проводить ее до мужиной вотчины, куда слуги Морозова увезли его во время пожара.

Серебряный нетерпѣливо слушалъ многократныя отступленія Михеича.

— Вѣдь я, Никита Романычъ, говорилъ старикъ, — вѣдь я не слѣпъ; хоть и молчу, а все вижу. Признаться, батюшка, не нравилось мнѣ крѣпко, когда ты къ Дружинѣ Андреичу-то ѣздилъ. Не выйдетъ добра изъ этого, думалъ я, да и совѣстно, правду сказать, за тебя было, когда ты съ нимъ за однимъ столомъ сидѣлъ, изъ одного ковша пилъ. Ты меня, батюшка, понимаешь. Хоть ты, положимъ, и не виноватъ въ этомъ; кто его знаетъ, какъ оно къ человѣку приходитъ! Да противъ него-то грѣшно было. Ну, а теперь конечно дѣло другое; теперь ей некому отвѣта держать, царствіе ему небесное! Да и молода она, голубушка, вдовой оставаться!

— Не кори меня, Михеичъ, сказалъ Серебряный съ ве-

удовольствіемъ,—а скажи сейчасъ, гдѣ она теперь и что ты про нее знаешь?

— Позволь, батюшка, погоди; дай мнѣ все по порядку тебѣ доложить. Вотъ, изволишь ли видѣть, какъ я отъ станичниковъ-то на мельницу вернулся, мельникъ-то мнѣ и говоритъ: залетѣла, говоритъ, жарь-птица ко мнѣ; отвези ее, говоритъ, къ царю Далмату! Я сначала не понялъ что за птица и что за Далматъ такой; только уже послѣ, когда показалъ онъ мнѣ боярыню-то, тогда ужъ смекнулъ, что онъ про нее говорилъ. Вотъ и повѣхали мы съ нею въ вотчину Дружины Андреича. Сначала она ничего, молчить себѣ и очей не подымаетъ; потомъ стала потихоньку про мужа спрашивать; а потомъ, батюшка, туда, сюда, да и про тебя спросила, только, вишь, не прямо, а такъ, какъ бы нехота, отворотимшись. Извѣстно, женское дѣло. Я ей все разказалъ что было мнѣ вѣдомо, а она, сердечная, еще печальнѣе прежнего стала, повѣсила головушку, да уже во всю дорогу ничего и не говорила. Вотъ, какъ стали подвѣзжать къ вотчинѣ, поприщъ этакъ будетъ за десять, она, вижу, зачинаетъ беспокоиться. Что ты, говорю, сударыня, беспокоиться изволишь? Она, батюшка, въ слезы. Я ее утѣшать. Не кручась, говорю, боярыня, Дружина Андреичъ здравствуетъ! А она, при имени Дружины-то Андреича, давай еще горше плакать. Я, этакъ, посмотрѣлъ на нее, да ужь не знаю что и говорить ей. И князь Никита Романовичъ, говорю, хоча и въ тюрьмѣ, а должно-быть также здравствуетъ! Ужь не зналъ, батюшка, что и сказать ей, чувствую, что не то говорю, а все же что-нибудь сказать надо. Только какъ назвалъ я тебя, батюшка, такъ она вдругъ и останоуи коня. „Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не могу ѣхать въ вотчину!“—„Что ты, боярыня, куда жь тебѣ ѣхать?“—„Дядюшка, говоритъ, видишь золочевые кресты изъ-за лѣсу видѣются?“—„Вижу, сударыня.“—„То, говоритъ, дѣвичій монастырь; я узнаю тѣ кресты, проводи меня туда, дядюшка!“ Я было отговариваться, только она стоитъ на своемъ: проводи да проводи!—„Я, говоритъ, тамъ съ недѣлку обожду, Богу помолюсь, а потомъ повѣщу Дружинѣ Андреичу; онъ пришлетъ за мной!“ Нечего было дѣлать, проводилъ ее, батюшка; тамъ и оставилъ на рукахъ у игуменьи.

— Сколько будетъ до того монастыря? спросилъ Серебряный.

— Отъ мельницы было поприцъ сорокъ, батюшка; отъ Москвы, пожалуй, будетъ подалѣ. Да оно намъ почитай по дорогѣ приходится, коли мы на Жиздру поидемъ.

— Михеичъ! сказалъ Серебряный:—сослужи мнѣ службу. Я прежде утра выступить не властенъ; надо моимъ людямъ царю крестъ цѣловать. Но ты сею же вочью поѣзжай въ тотъ монастырь; поѣзжай о двуконь, не жалѣй ни себя, ни коней; попросись къ боярынкѣ, разкажи ей все; упроси ее, чтобы привяла меня, чтобы ни на что не рѣшалась, не повидавшись со мною!

— Слушаю, батюшка, слушаю; да ты ужь не опасешься ли, чтобъ она постриглась? Этого не будетъ, батюшка. Пройдетъ годокъ, поплачетъ она, конечно; безъ этого нельзя; какъ по Дружинѣ Андреичѣ не поплакать, царствіе ему небесное! А тамъ, посмотри, и свадьбу сыграемъ. Не вѣкъ же намъ, батюшка, горе отбывать!

Михеичъ въ эту же ночь отправился въ монастырь, а Серебряный, лишь только занялась заря, пошелъ проститься съ Годуновымъ.

Борисъ Федоровичъ уже вернулся отъ заутрени, которую, по обычаю своему, слушалъ вмѣстѣ съ царемъ.

— Чтѣ ты такъ рано поднялся, князь? спросилъ онъ Никиту Романовича.—Это хорошо намъ, слободскимъ, а ты могъ бы и поотдохнуть послѣ вчерашняго дня. Или тебѣ неспокойно у меня было?

И тонкій взглядъ Годунова показывалъ, что онъ зналъ причину бессонницы князя.

Привѣтливость Бориса Федоровича, его неподдѣльное участіе къ Серебряному, услуги имъ столько разъ оказанныя, а главное, его совершенное несходство съ другими царедворцами, привлекали къ нему сильно Никиту Романовича. Онъ открылся ему въ любви своей къ Еленѣ.

— Все это мнѣ давно уже вѣдомо! сказалъ, улыбаясь, Годуновъ.—Я догадался объ этомъ еще въ первый твой приѣздъ въ Слободу, изъ того какъ ты смотрѣлъ на Вяземскаго. А когда я нарочно завелъ съ тобою рѣчь о Морозовѣ, ты говорилъ о немъ неохотно, несмотря что былъ съ нимъ въ дружбѣ. Ты, князь, ничего не умѣешь хоронить въ себѣ. О чемъ ни подумаешь, все у тебя на лицѣ такъ и напишется. Да и говоришь-то ты ужь черезчуръ откровенно, Никита Романовичъ, позволяй тебѣ сказать. Я

за тебя вчера испугался, да и подосадовалъ-таки на тебя когда ты напрямикъ отвѣчалъ царю, что не хочешь вписаться въ опричнину.

— А что же мнѣ было отвѣчать ему, Борисъ Федорычъ?

— Тебѣ было поблагодарить царя и принять его милость.

— Да ты шутишь, Борисъ Федорычъ, али вправду говоришь? Какъ же мнѣ за это благодарить царя? Да ты самъ развѣ вписанъ въ опричнину?

— Я дѣло другое, князь. Я знаю что дѣлаю. Я царю не перечу; онъ меня самъ не захочетъ вписать; такъ ужъ я поставилъ себя. А ты, когда поступилъ бы на мѣсто Вяземскаго да сдѣлался бы оружничимъ царскимъ и былъ бы въ приближеніи у Ивана Васильевича, ты бы этимъ всей землѣ послужилъ. Мы бы съ тобой стали идти за одно, и опричнину, пожалуй, подѣкли бы!

— Нѣтъ, Борисъ Федорычъ, не сумѣлъ бы я этого, самъ же ты говоришь, что у меня все на лицѣ видно.

— Оттого, что ты не хочешь приневолить себя, князь. Вотъ кабы ты рѣшился переменить свою прямоту, да хотя бы для виду вступилъ въ опричнину, чего бы мы съ тобой не сдѣлали! А то, посмотри на меня; я одинъ; бьюсь какъ щука объ ледъ; всякаго должнъ опасаться, всякое слово обдумывать; иногда просто голова кругомъ идетъ! А было бы насъ двое около царя, и силы бъ удвоилось. Такихъ людей, какъ ты, не много, князь. Скажу тебѣ прямо: я съ вашей первой встрѣчи разчитывалъ на тебя!

— Не гоюсь я на это дѣло, Борисъ Федорычъ. Сколько разъ я ни пытался подладиться подъ чужой обычай, ничего не выходитъ. Вотъ ты, дай Богъ тебѣ здоровья, ты на этомъ собаку съѣлъ. Правду сказать, сначала мнѣ не по сердцу было, что ты иной разъ думаешь одно, а говоришь другое; но теперь я вижу куда ты гнешь, и понимаю, что по твоему дѣлать лучше. А я бѣ и хотѣлъ, да не умѣю; не сподобилъ меня Богъ такому искусству. Впрочемъ что теперь и говорить объ этомъ? Самъ знаешь, царь меня, по моему же упробу, въ сторожевой полкъ посылаетъ.

— Это ничего, князь. Ты опять Татаръ побьешь, царь опять тебя предъ свои очи пожалуетъ. Оружничимъ тебѣ конечно уже не бывать, но если попросишься въ опричнину, тебя впишутъ. А хотя бы и не случилось тебѣ Та-

таръ побить, все же ты прїѣдешь на Москву, когда Елѣкѣ Дмитріевнѣ вдовїи срокъ минеть. Того не опасайся, чтобъ она постриглась; этого не будетъ, Никита Романычъ; я лучше тебя человеческое сердце знаю; не по любви она за Мерозова вышла, нѣ зачѣмъ ей и постригаться теперь. Дай только остыть крови и высохнуть слезамъ; я же буду, коли хочешь, твоимъ дружкой.

— Спасибо тебѣ, Борисъ Ѳедорычъ, спасибо. Мнѣ даже совѣстно, что ты уже столько сдѣлалъ для меня, а я ничѣмъ тебѣ отплатить не могу. Кабы пришлось за тебя въ пытку идти, или въ бою животъ положить, я бы не задумался. А въ опричнину меня не зови, и около цара быть мнѣ также не можно. Для этого надо или совсѣмъ отъ совѣсти отказаться, или твое умѣнье имѣть. А я бы только даромъ душой кривилъ. Каждому, Борисъ Ѳедорычъ, Господь свое указалъ: у сокола свой летъ, у лебеда свой; лишь бы въ каждомъ правда была.

— Такъ ты меня ужъ болевъ не винишь, князь, что я не прямою, а окольною дорогою иду?

— Грѣхъ было бы мнѣ винить тебя, Борисъ Ѳедорычъ. Не говорю уже о себѣ; а сколько ты другимъ добра сдѣлалъ! И моимъ ребятамъ бзезъ тебя, пожалуй, плохо пришлось бы. Не даромъ и любятъ тебя въ народѣ. Всѣ на тебя надежду полагаютъ; вся земля начинаетъ смотрѣть на тебя!

Легкій румянецъ пробѣжалъ по смуглому лицу Годунова, и въ очахъ его блеснуло удовольствіе. Примирить съ своимъ образомъ дѣйствию такого человѣка какъ Серебряный было для него не малымъ торжествомъ и служило ему мѣриломъ его обаятельной силы.

— Въ мою очередь, спасибо тебѣ, князь, сказалъ онъ.— Объ одномъ прошу тебя: коли ты не хочешь помогать мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, когда услышишь, что про меня говорятъ дурно, не вѣрь тѣмъ слухамъ и скажи клеветникамъ моимъ все что про меня знаешь!

— Ужъ объ этомъ не заботься, Борисъ Ѳедорычъ! Я никому не дамъ про тебя и помыслить худо, не только что говорить. Мои ставочники и теперь уже молятся о твоёмъ здравїи, а если вернутся на родину, то и всѣмъ своимъ ближнимъ закажутъ. Дай только Богъ уцѣлѣть тебѣ!

— Господь хранитъ ходящихъ въ незабоїи! сказалъ Го-

дуновъ, скромно опуская глаза.—А впрочемъ все въ Его святой воля! Прости же, князь; до скорого свиданія; не забудь, что ты обѣщала позвать меня на свадьбу.

Они дружески обнялись, и у Никиты Романовича повесѣло на сердцѣ. Онъ привыкъ къ мысли, что Годуновъ не легко ошибается въ своихъ предположеніяхъ, и недавнія опасенія его насчетъ Елены разсѣялись.

Вскорѣ онъ выѣхалъ въ главѣ своего пѣшаго отряда; но еще прежде чѣмъ они оставили Слободу, случилось одно обстоятельство, которое, по тогдашнимъ понятіямъ, принадлежало къ недобрымъ предзнаменованіямъ.

Близъ одной церкви отрядъ былъ остановленъ столпленіемъ нищихъ, которые тѣснились у паперти во всю ширину улицы и, казалось, ожидали богатой милостыни отъ какого-нибудь знатнаго лица, находившагося въ церкви.

Подвигаясь медленно впередъ, чтобы дать время толпѣ раздвинуться, Серебряный услышалъ панихидное пѣніе и спросилъ по комъ идетъ служба? Ему отвѣчали, что то Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій справляетъ поминки по сынѣ Максимѣ Григорьевичѣ, убитомъ Татарами. Въ то же время послышался громкій крикъ, и изъ церкви вынесли старушку лишенную чувствъ; испуганное лицо ея было обито слезами, а сѣдые волосы падали въ безпорядкѣ изъ-подъ бархатной шапочки. То была мать Максима. Малюта, въ смиренной одеждѣ, показался на крыльцѣ, и глаза его встрѣтились съ глазами Серебрянаго; но въ чертахъ Малюты не было на этотъ разъ обычнаго звѣрства, а только какая-то тупая одурѣлость, безъ всякаго выраженія. Приказавъ положить старушку на паперти, онъ воротился въ церковь дослушивать панихиду, а ставичники съ Серебрянымъ, снявши шапки и крестясь, прошли мимо церковныхъ вратъ, и слышно имъ было какъ въ церкви торжественно и протяжно раздавалось: „со святыми упокой!“

Это печальное пѣніе и мысль о Максимѣ тяжело подѣйствовали на Серебрянаго, но ему вспомнились успокоительныя слова Годунова и скоро изгладили грустное впечатлѣніе панихиды. На изгибѣ дороги, входящей въ темный лѣсъ, онъ оглянулся на Александрову слободу, и когда скрылись отъ него золоченныя главы дворца Юаннова, онъ

почувствовалъ облегченіе, какъ будто тяжесть свалилась съ его сердца.

Утро было свѣжее, солнечное. Бывшіе разбойники, хорошо одѣтые и вооруженные, шли дружнымъ шагомъ за Серебрянымъ и за всадниками его сопровождавшими. Зеленый мракъ охватывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Конь Серебрянаго, полный нетерпѣливой отваги, срывалъ мимоходомъ листья съ нависшихъ вѣтвей, а Буякъ, неоставлявшій князя, послѣ смерти Максима, бѣжалъ впереди, подымалъ иногда, нюхая вѣтеръ, косматую морду, или нагибалъ ее на сторону и чутко навастривалъ ухо, если какой-нибудь отдаленный шумъ раздавался по лѣсу.

ГЛАВА XXXIX.

Послѣднее свиданіе.

Нѣсколько дней шелъ Серебряный съ своимъ отрядомъ. На одномъ вочлгѣ, откуда былъ поворотъ къ дѣвичьему монастырю, онъ оставилъ людей своихъ, и поѣхалъ одинъ навстрѣчу Михеичу, обѣщавшему привезти ему отвѣтъ отъ боярыни.

Всю ночь онъ ѣхалъ безостановочно. На зарѣ, приближаясь къ одному перекрестку, увидѣлъ онъ догорающій костеръ и сидящаго близь него Михеича. Обѣ его лошади паслись неподалеку, ослѣданные.

Услышавъ конскій топъ, Михеичъ вскочилъ на ноги.

— Батюшка, князь Никита Романычъ! вскричалъ онъ, узнавая князя:— не ѣзди далѣ, батюшка! Вернись назадъ, нечего тамъ тебѣ дѣлать!

— Чтѣ случилось? спросилъ Серебряный, и сердце его замерло.

— Все кончено, батюшка! Не оудилъ намъ Господь счастья!

Серебряный спрыгнулъ на землю.

— Говори! сказалъ онъ:— что случилось съ боярыней? Старикъ молчалъ.

— Что случилось съ Еленой Дмитриевной? повторилъ въ испугъ Серебряный.

— Нѣтъ болѣ Елены Дмитриевны, батюшка! сказалъ мрачно Михеичъ.—Есть только сестра Евдокія!

Серебряный зашатался и прислонился къ дереву.

Михеичъ смотрѣлъ на него горестно.

— Что жь дѣлать, Никита Романычъ! Видно, на то была Божья воля. Не въ счастливый мы, видно, вѣкъ родились!

— Разказывай все! сказалъ Серебряный, оправившись.— Не жалѣй меня. Когда постриглась боярыня?

— Когда узнала о казни Дружины Андреича, батюшка; когда получили въ монастырь синодикъ отъ царя, съ именами всѣхъ казненныхъ и съ указомъ молиться за ихъ упокой; наканунѣ того самаго дня, какъ я къ ней прѣѣхалъ.

— Видѣлъ ты ее?

— Видѣлъ, батюшка.

Серебряный хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

— На самый краткій мигъ видѣлъ, прибавилъ Михеичъ;— не хотѣла она меня допустить сперва.

— Что она велѣла сказать мнѣ? проговорилъ съ трудомъ Серебряный.

— Чтобы ты за нее молился, батюшка.

— И болѣ ничего?

— Ничего, батюшка.

— Михеичъ! произнесъ князь, послѣ краткаго молчанія:— проводи меня въ монастырь; я хочу проститься съ ней...

Старикъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ тебѣ къ ней, батюшка? Не смущай ее болѣ; она теперь все равно что святая. Вернемся лучше къ отряду, и пойдемъ прямо къ Жиздрѣ!

— Не могу! сказалъ Серебряный.

Михеичъ опять покачалъ головою и подвелъ къ нему одного изъ своихъ коней.

— Садись же на этого, сказалъ онъ, вздыхая,—твой больно заморился!

Они молча, поѣхали къ монастырю.

Дорога шла все время лѣсомъ. Вскорѣ послышалось журчанье воды, и ручей пробравшійся межъ камышами сверкнулъ сквозь густую зелень.

— Узнаешь ты это мѣсто, князь? спросилъ грустно Михеичъ.

Серебряный поднялъ голову и увидѣлъ свѣжее пожарище. Кой гдѣ земля была недавно изрыта, а остатки строения и сломанное водяное колесо показывали, что тутъ была мельница.

— Это когда они колдуна схватили, замѣтилъ Михеичъ,— то и жилье его разорили; думали тутъ кладъ найдти, тетка ихъ подкурятина!

Серебряный бросилъ разсѣянный взглядъ на пожарище, и они молча поѣхали далѣе.

Черезъ нѣсколько часовъ дѣсь началъ рѣдѣть. Межъ деревьями забѣлѣла каменная ограда, и на разчищенной полянѣ показался монастырь. Онъ не стоялъ, подобно инымъ обителямъ, на возвышенномъ мѣстѣ. Изъ узкихъ рѣшетчатыхъ оконъ не видно было обширныхъ монастырскихъ угодій, и взоръ вездѣ упирался лишь въ голые стволы и мрачную зелень сосенъ, опоясывавшихъ тѣснымъ кругомъ ограду. Окрестность была глуха и печальна; монастырь, казалось, принадлежалъ къ числу бѣдныхъ.

Всадники сошли съ коней и постучались въ калитку.

Прошло нѣсколько минутъ; послышалось бряцаніе ключей.

— Слава Господу Іисусу Христу! сказалъ тихо Михеичъ.

— Во вѣки вѣковъ, аминь! отвѣчала сестра вратница, отворяя калитку.—Кого вамъ надобно, государи?

— Сестру Евдокію, произвесь вполголоса Михеичъ, боясь этимъ названіемъ растравить душевную рану своего господина.—Ты меня знаешь, матушка; я недавно былъ здѣсь.

— Нѣтъ, государь, не знаю; я только сегодня ко вратамъ приставлена, а до меня была сестра Агнія...

И монахиня посмотрѣла опасливо на пріѣзжихъ.

— Нужды нѣтъ, матушка, продолжалъ Михеичъ,—пути насъ. Додожи игуменьѣ, что князь Никита Романычъ Серебряный пріѣхалъ.

Вратница окинула боязливымъ взглядомъ Серебрянаго, отступила назадъ, и захлопнула за собою калитку.

Слышно было какъ она поспѣшно удалялась, приговаривая: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!“

„Что бы это значило? подумалъ стрелянный:—зачѣмъ она боится моего боярина?“

Онъ посмотрѣлъ на князя и понялъ, что его пыльные доспѣхи, одежда изорванная колючимъ кустарникомъ, и встревоженное выраженіе, испугали вратницу. Въ самомъ дѣлѣ, черты Никиты Романовича такъ измѣнились, что самъ Михеичъ не узналъ бы его, еслибы не пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Черезъ нѣсколько времени послышались опять шаги вратницы.

— Не взыщите, государи, сказала она невѣрнымъ языкомъ сквозь калитку,—теперь игуменьѣ нельзя принять васъ; приходите лучше завтра, послѣ заутрени!

— Я не могу ждать! вскричалъ Серебряный, и ударивъ ногою въ калитку, онъ вышибъ запоры и вошелъ въ ограду.

Передъ нимъ стояла игуменья, почти столь же бѣдная какъ и онъ самъ.

— Во имя Христа Спасителя, сказала она дрожащимъ голосомъ,—остановись! Я знаю зачѣмъ ты пришелъ... во Господь караетъ душегубство, и безвинная кровь падетъ на главу твою!

— Честная мать! отвѣчалъ Серебряный, не понимая ея испуга, но слишкомъ встревоженный чтобы удивляться;—честная мать, пусти меня къ сестрѣ Евдокіи! Дай на одинъ шагъ увидѣть ее! Дай мнѣ только проститься съ ней!

— Проститься? повторила игуменья:—ты въ самомъ дѣлѣ хочешь только проститься?

— Дай мнѣ съ ней проститься, честная мать, и я все мое имущество на твой монастырь отдамъ!

Игуменья взглянула на него недověрчиво.

— Ты вломился насильно, сказала она;—ты называешься княземъ, а Богъ-вѣсть кто ты таковъ, Богъ-вѣсть зачѣмъ пріѣхалъ... Знаю, что теперь вѣдаютъ опричники по святымъ монастырямъ, и предають смерти женъ и дочерей тѣхъ праведниковъ, которыхъ недавно на Москвѣ казнили!.. Сестра Евдокія была женою казеннаго боярина...

— Я не опричникъ! вскричалъ Серебряный:—я самъ отдаю бы всю кровь мою за боярина Морозова! Пусти меня къ бояринѣ, честная мать, пусти меня къ ней!

Должно-быть, правда и искренность написались на чертахъ Серебрянаго. Игуменья успокоилась и посмотрѣла на него съ участіемъ.

— Погрѣшила же я передъ тобою! сказала она.— Но слава Христу и Пречистой Его Матери, вижу теперь, что ошиблась. Слава же Христу, Пресущественной Троицѣ и всемъ святымъ угодникамъ, что ты не опричникъ! Непугала мѣна вратница; я уже думала какъ бы только время выиграть, сестру Евдокію схоронить! Трудные у насъ годы настали, государь! И въ Божьихъ обителяхъ опальнымъ укрыться нельзя. Слава же Господу, что я ошиблась! Если ты другъ или родственникъ Морозовыхъ, я поведу тебя къ Евдокіи. Ступай за мною, бояринъ, сюда, мимо усыпальницы; ея келья въ самомъ саду.

Игуменья повела князя черезъ садъ къ одинокой кельѣ, густо обсаженной шиповникомъ и жимолостью. Тамъ, на скамьѣ, передъ входомъ, сидѣла Елена въ черной одеждѣ и въ покрывалѣ. Косые лучи заходящаго солнца ударили на нее сквозь густые клены, и позащали надъ нею ихъ увядающія вѣтви. Лѣто приходило къ концу; послѣдніе цвѣты шиповника облетали; черная одежда инокини была усѣяна ихъ алыми лепестками. Грустно слѣдила Елена за медленнымъ и однообразнымъ паденіемъ желтыхъ кленовыхъ листьевъ, и только шорохъ приближающихся шаговъ прервалъ ея размышленія. Она подняла голову, узнала игуменью и встала чтобъ идти къ ней на встрѣчу, но увидѣвъ внезапно Серебрянаго, вскрикнула, схватилась за сердце и въ изнеможеніи опустилась на скамью.

— Не пугайся, дитятко! сказала ей ласково игуменья:— это знакомый тебѣ бояринъ, другъ твоего покойнаго мужа, пріѣхалъ нарочно проститься съ тобой!

Елена не могла отвѣчать. Она только дрожала, и будто въ испугѣ, смотрѣла на князя. Долго оба молчали.

— Вотъ, проговорилъ наконецъ Серебряный,—вотъ какъ намъ пришлось свидѣться!

— Намъ нельзя было свидѣться иначе!.. сказала едва внятно Елена.

— Зачѣмъ не подождала ты меня, Елена Дмитріевна, сказалъ Серебряный.

— Еслибъ я подождала тебя, прошептала она,—у меня не

достало бы силы... ты не пустил бы меня... довольно и такъ грѣха на мнѣ, Никита Романычъ...

Настало опять молчаніе. Сердце Серебрянаго сильно билось.

— Елена Дмитриевна! сказалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:—я навсегда прощаюсь съ тобой, навсегда, Елена Дмитриевна... Дай же мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть на тебя... дай на твои очи въ послѣдній разъ посмотреть... откинь свое покрывало, Елена!

Елена исхудалою рукой подняла черную ткань, закрывавшую верхнюю часть ея лица, и князь увидѣлъ ея тѣхъ глаза, красные отъ слезъ, и встрѣтилъ знакомый кроткій взоръ, отуманенный бессонными ночами и душевнымъ страданіемъ.

— Прости, Елена! вскричалъ онъ, падая ницъ и кланяясь ей въ ноги:—прости навсегда! Дай Господь забыть мнѣ, что могли мы быть счастливы!

— Нѣтъ, Никита Романычъ, сказала грустно Елена,—счастья намъ не было написано. Кровь Дружины Андреича была бы между счастьемъ и нами. За меня онъ пошелъ подъ опалу, а же погрѣшила противъ него, а была первая причина его смерти! Нѣтъ, Никита Романычъ, мы не могли быть счастливы. Да и кто теперь счастливъ?

— Да, повторилъ Серебряный,—кто теперь счастливъ! Не милостивъ Господь ко святой Руси: а все же не думалъ я, что намъ живо придется разлучиться на вѣки.

— Не на вѣки, Никита Романычъ, улыбнулась грустно Елена,—а только здѣсь въ этой жизни. Такъ должно было быть. Не личила бы намъ однимъ радость, когда вся земля терпѣть горе и скорбь великую!

— Зачѣмъ, сказалъ съ мрачнымъ видомъ Серебряный,—зачѣмъ не сложилъ я голову на татарскую саблю! Зачѣмъ не казнилъ меня царь, когда я ему повинную привезъ! Чтѣ мнѣ теперь осталось на свѣтѣ?

— Неси крестъ свой, Никита Романычъ, какъ я мой крестъ несу. Твоя доля легче моей. Ты можешь отстаивать родину, а мнѣ остается только молиться за тебя и оплакивать грѣхъ мой!

— Какая родина? Гдѣ наша родина? вскричалъ Серебряный.—Отъ кого намъ ее отстаивать? Не Татары, а царь губить родину! Мысли мои помѣшались, Елена Дмитриевна...

Ты одна еще поддерживала мой разумъ; теперь все передо мной потемнѣло: не вижу болѣе гдѣ ложь, и гдѣ правда. Все доброе гибнетъ, все злое одолеваетъ! Часто, Елена Дмитриевна, приходилъ мнѣ Курбскій на память, и я гналъ отъ себя эти грѣшныя мысли, пока была еще цѣль для моей жизни, пока была во мнѣ сила; но нѣтъ у меня болѣе цѣли, а сила дошла до конца... разсудокъ мой путается...

— Просвѣти тебя Боже, Никита Романовичъ! Ужели оттого что твое счастье погубило, ты сдѣлаешься врагомъ государевымъ, пойдешь наперекоръ всей землѣ, которая держитъ предъ нимъ поклонную голову? Вспомни, что Богъ посылаетъ намъ испытаніе, чтобы могли мы свидѣться на томъ свѣтѣ! Вспомни всю жизнь свою и не согласи противъ самого себя, Никита Романовичъ!

Серебряный опустилъ голову. Вскипѣвшее въ немъ негодованіе уступило мѣсто строгимъ понятіямъ долга, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ и которыя доселѣ свято хранилъ въ своемъ сердцѣ, хотя и не всегда былъ въ силахъ имъ покоряться.

— Неси крестъ свой, Никита Романовичъ! повторила Елена.— Иди куда посылаетъ тебя царь. Ты отказался вступить въ опричнину, и совѣсть твоя должна быть чиста. Иди же на враговъ земли Русской; а я не перестану молиться за насъ обоихъ до послѣдняго моего часа!

— Прости же, Елена, прости сестра моя! воскликнулъ Серебряный, бросаясь къ ней.

Она встрѣтила спокойнымъ взглядомъ его сокрушенный взглядъ, обняла его какъ брата, и поцѣловала три раза, безъ страха и замѣшательства, ибо въ этомъ прощальномъ лобзаніи уже не было того чувства, которое за два мѣсяца, у ограды Морозовскаго сада, кинуло ее въ объятія князя неволью и безсознательно.

— Прости! повторила она, и опустивъ покрывало, поспѣшно удалилась въ свою келью.

Стали звонить къ вечернѣ. Серебряный долго глядѣлъ во снѣдъ Еленѣ. Онъ не слышалъ что говорила ему игуменья, не почувствовалъ, какъ она взяла его за руку и проводила къ оградѣ. Молча сѣлъ онъ на коня; молча поѣхалъ съ Михенчемъ обратнымъ путемъ по сосновому лѣсу. Звонъ монастырскаго колокола вызвалъ его наконецъ изъ отъпечнвнн. Онъ только теперь понялъ всю тяжесть своего

несчастія. Сердце его разрывалось отъ этого звона, но онъ сталъ прислушиваться къ нему съ любовью, какъ будто въ немъ звучало послѣднее прощаніе Елены, и когда мѣрные удары, сливаясь въ дальнѣйшій гулъ, замерли наконецъ въ вечернемъ воздухѣ, ему показалось, что все родное оторвалось отъ его жизни и со всѣхъ сторонъ охватило его холодное, безнадежное одиночество...

На другой день, отрядъ Никиты Романовича продолжалъ свой путь, углубляясь все далѣе въ темные лѣса, которые, съ небольшими прогулами, соединялись съ Брянскимъ дремучимъ лѣсомъ. Князь ѣхалъ впереди отряда, а Михеичъ слѣдовалъ за нимъ издали, не смѣя прерывать его молчаніе.

Ѣхалъ Серебряный, понуря голову, и среди его мрачныхъ думъ, среди самой безнадежности, свѣтило ему, какъ дальняя заря, одно утѣшительное чувство. То было сознаніе, что онъ въ жизни исполнилъ долгъ свой насколько позволило ему умѣніе, что онъ шелъ прямою дорогой, и ни разу не уклонился отъ нея умышленно. Драгоценное чувство, которое, среди скорби и бѣды, какъ неотъемлемое сокровище живетъ въ сердцѣ честнаго человѣка, и предъ которымъ всѣ блага міра, все, что составляетъ цѣль людскихъ стремленій,—есть прахъ и ничто!

Одно это сознаніе давало Серебряному возможность переносить жизнь, и онъ, впрохода всѣ обстоятельства своего прощанія съ Еленой, повторяя себѣ каждое ея слово, находилъ грустную отраду въ мысли, что въ самомъ дѣлѣ было бы совѣстно радоваться въ теперешнее время, и что онъ не отчуждаетъ себя отъ братій, но несетъ вмѣстѣ съ ними свою долю общаго бѣдствія.

Слова Годунова также пришли ему на память, и онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ съ какою увѣренностью Годуновъ говорилъ о своемъ знаніи человѣческаго сердца. „Видно, подумалъ онъ, не все умѣеть угадывать Борисъ Федорычъ! Государственное дѣло и сердце Ивана Васильича ему вѣдомы; онъ знаетъ напередъ что скажетъ Маюта, что одѣлаетъ тотъ или другой опричникъ; но какъ чувствуютъ тѣ, которые не ищутъ своихъ выгодъ, это для него потемки!“

И неволью вспомнилъ Серебряный о Максимѣ и подумалъ, что не такъ посудилъ бы названный братъ его. Онъ

не сказалъ бы ему: она не по любви вышла за Морозова, она будетъ ждать тебя! Онъ сказалъ бы: спиши, братъ мой! Не теряй ни мгновения; замори коня и оставови ее, пока еще время!

И при мысли о Максимѣ, одиночество Никиты Романовича представилось ему еще безотраднѣе, ибо онъ вѣдалъ, что никто уже не сойдется съ нимъ такъ близко, никто не пополнитъ своею душою его души, не поможетъ ему выискать себѣ многое что въ честномъ сердцѣ своемъ онъ сознавалъ смутно, но чего въ тревогѣ событій, онъ не успѣлъ облечь въ ясныя очертанія.....

И будетъ его жизнь идти своимъ чередомъ, не спрашивая, укладываются, или нѣтъ, его лучшія стремленія въ ея тяжелыя требованія, и долго можетъ-быть она будетъ плести свой пестрый узоръ, гдѣ каждая подробность, взятая отдѣльно, не имѣетъ понятнаго смысла, но гдѣ всѣ явленія держатся межъ собою неразрывною цѣпью, истекая одно изъ другаго со строгою послѣдовательностью.

Понурилъ Серебряный голову и бросилъ поводья, и вѣшалъ шагомъ въ глухомъ бору, столь же мрачномъ какъ и его думы. Мѣрные шага разбойниковъ прерывали тишину пустыни. Дикіе жители ея, бѣлки и верхолазы, не привыкшіе въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ бояться человека, не прятались при видѣ ратниковъ, а только взбирались на верхніе сучья и любопытно глядѣли оттуда на проходившихъ. Пестрые латы продолжали цѣпляться за мшистую кору древесныхъ стволовъ, поворачивали свои красныя головы на прищельцевъ, и опять принимались стучать въ сухое дерево.

Одинъ изъ ратниковъ, возбужденный торжественностью природы, затаилъ вполголоса протяжную пѣсню; другіе стали ему подтягивать, и вскорѣ всѣ голоса слились въ одинъ хоръ, который звучными переливами далеко раздавался подъ дремучимъ навѣсомъ деревь.....

Здѣсь можно бы кончить эту грустную повѣсть, но остается сказать что было съ другими лицами, которыя быть-можетъ раздѣляли съ Серебрянымъ участіе читателя. О самомъ Никитѣ Романовичѣ услышимъ мы еще разъ въ концѣ нашего разказа; но для этого надобно откинуть семнадцать тяжелыхъ лѣтъ и перенестись въ Москву, въ славный годъ завоеванія Сибири.

ГЛАВА LX.

Посольство Ермака.

Много времени протекало съ того дня какъ Серебряный выѣхалъ изъ Слободы во главѣ прощенныхъ ставичниковъ. Разныя перемѣны произошли съ тѣхъ поръ на Руси. Но Іоаннъ, попрежнему, то предавался подозрѣніямъ и казилъ самыхъ лучшихъ, самыхъ знаменитыхъ гражданъ; то приходилъ въ себя, каялся всенародно и посылалъ въ монастыри богатые вклады и дивные синодики съ именами убиенныхъ, приказывая молиться за ихъ упокой. Изъ прежнихъ его любимцевъ не уцѣлѣло ни одного. Послѣдній и главный изъ нихъ, Малюта Скуратовъ, не испытавъ ни разу опалы, былъ убитъ при осадѣ Пайды, или Вейсештейна, въ Ливоніи, и въ честь ему Іоаннъ сжегъ всѣхъ плавныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ на кострѣ.

Сотни и тысячи Русскихъ, потерявъ всякое терпѣніе и надежду на лучшія времена, уходили толпами въ Литву и Польшу.

Одно только счастливое событіе произошло въ теченіи этихъ лѣтъ: Іоаннъ постигъ всю бесполезность раздѣленія земли на двѣ половины, изъ которыхъ меньшая терзала бѣольшую, и по внушенію Годунова, уничтожилъ ненавистную причину. Онъ возвратился на жительство въ Москву, а страшный дворецъ въ Александровой слободѣ запустѣлъ навсегда.

Между-тѣмъ много бѣдствій обрушилось на нашу родину. Голодъ и моръ опустошали города и селенія. Нѣсколько разъ ханъ вторгся въ наши предѣлы, и въ одинъ изъ своихъ набѣговъ, онъ сжегъ всѣ посады подъ Москвою и бѣольшую часть самаго города. Шведы нападали на насъ съ сѣвера; Стефанъ Баторій, избранный сеймомъ посаѣ Жигмонта, возобновилъ литовскую войну, и несмотря на

мужество нашихъ войскъ, одолѣвъ насъ своимъ умѣиенъ и отнявъ всѣ наши западныя владѣнiя.

Царевичъ Іоаннъ, хотя раздѣлялъ съ отцомъ его злодѣйства, но почувствовалъ этотъ разъ униженiе государства, попросился у царя съ войскомъ противъ Баторiа. Іоаннъ увидѣлъ въ этомъ замыселъ свергнуть его съ престола, и царевичъ, спасенный когда-то Серебрянымъ на Поганой Лужѣ, не избѣжалъ теперь лютой смерти. Въ припадкѣ бѣшенства, отецъ убилъ его ударомъ остраго посоха. Разказываютъ, что Годуновъ, бросившiйся между нихъ, былъ жестоко израненъ царемъ, и сохранилъ жизнь только благодаря врачебному искусству пермскаго гостя Строгонова.

Послѣ этого убiйства, Іоаннъ, въ мрачномъ отчаянiи, созвалъ думу, объявилъ что хочетъ идти въ монастырь, и приказалъ приступить къ выбору другаго царя. Спихода однако на усиленныя просьбы бояръ, онъ согласился остаться на престолѣ и оградился однимъ покаянiемъ и богатыми вкладами; а вскорѣ потомъ снова начались казни. Такъ, по свидѣтельству Одерборна, онъ осудилъ на смерть двѣ тысячи триста человекъ за то что они сдали врагамъ разныя крѣпости, хотя самъ Баторiй удивлялся ихъ мужеству.

Теряя свои владѣнiя одно за другимъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, видя внутреннее разстройство государства, Іоаннъ былъ жестоко пораженъ въ своей гордбсти, и это мучительное чувство отразилось на его приемахъ и наружности. Онъ сталъ небреженъ въ одеждѣ, высокiй сталъ его согнулса, очи померкли, нижняя челюсть отвисла, какъ у старика, и только въ присутствiи другихъ онъ дѣлалъ усилiе надъ собою, гордо выпрямлялся, подозрительно смотрѣлъ на окольныхъ, не замѣчаетъ ли кто въ немъ упадка духа. Въ эти минуты онъ былъ еще страшнѣе чѣмъ во дни своего величiя. Никогда еще Москва не находилась подъ такимъ давленiемъ унынiя и боязни.

Въ это скорбное время, неожиданная вѣсть пришла отъ крайняго востока и ободрила всѣ сердца, и обратила общее горе въ радость.

Отъ отдаленныхъ береговъ Камы прибыли на Москву знатные купцы Строгоновы, родственники того самаго гостя, который излѣчилъ Годунова. Они имѣли отъ царя жалованныя грамоты на пустыя мѣста земли пермской, и жили

на нихъ владѣтельными князьями, независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ, съ своею управою и съ своею дружиною, при единственномъ условіи охранять границы отъ дикихъ сибирскихъ народовъ, нашихъ недавнихъ и сомнительныхъ данниковъ. Тревожимые въ своихъ деревянныхъ крѣпостяхъ ханомъ Кучумомъ, они рѣшились двинуться за каменный поясъ и сами напасть на непріятельскую землю. Для успѣшнѣйшаго исполненія этого замысла, они обратились къ нѣсколькимъ разбойничьимъ, или, какъ они себя называли, казачьимъ атаманамъ, опустошавшимъ въ то время съ шайками своими берега Волги и Дона. Главнѣйшими изъ нихъ были Ермакъ Тимофеевъ и Иванъ Кольцо, осужденный когда-то на смерть, но спасшійся чудеснымъ образомъ отъ царскихъ стрѣльцовъ и долгое время пропадавшій безъ вѣсти. Получивъ отъ Строгоновыхъ дары и грамоту, которою они призывались на славное и честное дѣло Ермакъ и Кольцо, съ тремя другими атаманами, подняли знамя на Волгѣ, собрали изъ удалой воальницы дружину и явились на зовъ Строгоновыхъ. Сорокъ струговъ были тотчасъ нагружены запасами и оружіемъ, и небольшая дружина, подъ воеводствомъ Ермака, отслушавъ молебей, поплыла съ веселыми пѣснями вверхъ по рѣкѣ Чусовой къ дикимъ горамъ Уральскимъ. Разбивая вездѣ враждебныя племена, перетаскивая суда изъ рѣки въ рѣку, они добрались до береговъ Иртыша, гдѣ разбили и взяли въ плѣнъ главнаго воеводу сибирскаго, Маметкула, и овладѣли городомъ Сибирью на высококомъ и крутомъ обрывѣ Иртыша. Не довольствуясь этимъ завоеваніемъ, Ермакъ пошелъ далѣе, покорилъ весь край до Оби, и заставилъ побѣжденные народы дѣловать свою кровавую саблю во имя царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только онъ далъ знать о своемъ успѣхѣ Строгоновымъ, и въ то же время послалъ любимаго своего атамана Ивана Кольцо къ Москвѣ бить челомъ великому государю и кланяться ему новымъ царствомъ.

Съ этою-то радостною вѣстью Строгоновы пріѣхали къ Іоанну, и вскорѣ послѣ нихъ прибыло Ермаково посольство.

Ликованье въ городѣ было неслыханное. Во всѣхъ церквахъ служили молебны, всѣ колокола звонили какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Царь, областавъ Строгоновыхъ, назначилъ торжественный приемъ Ивану Кольцу.

Въ большой кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Иванъ Васильевичъ сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой ряскѣ, украшенной образами и дорогими камнями. По правую его руку стоялъ царевичъ Θεодоръ, по лѣвую Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены были рыцари, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Воспринявъ духомъ послѣ извѣстія привезеннаго Строгановыми, Іоаннъ смотрѣлъ не такъ уже мрачно, и на устахъ его даже появлялась улыбка, когда онъ обращался къ Годунову съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Но лицо его сильно постарѣло, морщины сдѣлались глубже, на головѣ осталось мало волосъ, а изъ бороды они вырѣзали все.

Борисъ Θεодоровичъ въ послѣдніе годы пошелъ быстро въ гору. Онъ сдѣлался шуриномъ царевича Θεодора, за котораго вышла сестра его Ирина, и носилъ теперь важный санъ конюшаго боярина. Разказывали даже, что царь Иванъ Васильевичъ, желая показать сколь Годуновъ и вѣстка близки его сердцу, подымалъ однажды три перста къверху и сказалъ, дотрогиваясь до нихъ другою рукой:

„Се Θεодоръ, се Ирина, се Борисъ; и какъ рукѣ моей было одинаково больно, который изъ сихъ перстовъ отъ нея бы ни отскан, такъ равно тяжело было бы моему сердцу лишиться одного изъ трехъ возлюбленныхъ чадъ моихъ.“

Такая необыкновенная милость не родила въ Годуновѣ ни надменности, ни высокомерія. Онъ былъ попрежнему скромнень, привѣтливъ къ каждому, воздерженъ въ рѣчахъ, и только осанка его получила еще болѣе степенности и ту спокойную важность, которая была прилична его высокому положенію.

Не безъ ущерба своему нравственному достоинству, достигъ однако Годуновъ такого вліянія и такихъ почестей. Не всегда удавалось его гибкому нраву устранять себя отъ дѣлъ не одобряемыхъ его совѣстью. Такъ онъ, видя въ Малютѣ саишкомъ сильнаго соперника и потерявъ надежду уловить его въ глазахъ Іоанна, вошелъ съ нимъ въ тѣсную дружбу, и чтобы связать сильнѣе ихъ обоюдныя вѣрды, женился на его дочери. Двадцать лѣтъ проведенныхъ

у престола такого царя, какъ Іоаннъ Грозный, не могли пройти даромъ Борису Ѳеодоровичу, и въ немъ уже совершился тотъ горестный переворотъ, который, по мнѣнію современниковъ, обратилъ въ преступника челоѣка одареннаго самыми высокими качествами.

Глядя на царевича Ѳеодора, нельзя было удержаться отъ мысли, что слабы тѣ руки, которымъ по смерти Іоанна, надлежало поддерживать государство. Ни малѣйшей черты ни умственной, ни душевной силы не являло его добродушное, но безжизненное лицо. Онъ былъ уже два года женатъ, но выраженіе его осталось дѣтское. Ростомъ онъ былъ малъ, сложеніемъ дряблъ, лицомъ блѣдень и опухловатъ. Притомъ онъ постоянно улыбаеся и смотрѣлъ робко и запуганно. Не даромъ ходили слухи, что царь, жалѣя о старшемъ сынѣ, говаривалъ иногда Ѳеодору: „Пономаремъ бы тебѣ родиться, Ѳеда, а не царевичемъ!“

„Но Богъ милостивъ, думали многіе: пусть царевичъ слабъ; благо, что не пошеетъ онъ ни въ батюшку, ни въ старшаго брата! А помогать ему будетъ шурицъ его, Борисъ Ѳеодоровичъ. Этотъ не попуститъ упасть государству!“

Шепотъ, раздавшійся во дворцѣ между придворными, былъ внезапно прерванъ звуками трубъ и звономъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые шестью стольниками, посланные Ермака, а за ними Максимъ и Никита Строговы съ дядею ихъ Семеномъ. Позади несли дорогіе мѣла, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Іванъ Кольцо, шедшій въ главѣ посольства, былъ челоѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми пронзательными глазами, съ черною, густою, но короткою бородой, подернутою легкою просѣдью.

— Великій государь! оказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола:—казацкій твой атаманъ Ермакъ Тимоѣевъ, вѣсть со всеми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старался заслужить свои вины и быть тебѣ челоѣкомъ новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще

и это Сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!

И проговоривъ свою краткую рѣчь, Кольцо вмѣстѣ съ товарищами опустился на колѣни и преклонилъ голову до земли.

— Встаньте, добрые слуги мои! сказалъ Іоаннъ.—Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость. Подойди сюда, Иванъ!

И царь протянулъ къ нему руку, а Кольцо поднялся съ земли, и чтобы не стать прямо на червленое подножіе престола, бросилъ на него сперва свою баранью шапку, наступилъ на нее одною ногою, и низко наклонившись, приложилъ уста свои къ рукѣ Іоанна, который обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Благодарю преблагую и пресущественную Троицу, сказалъ царь, подымая очи къ небу:—зрю надо мною всемогущій промыселъ Божій, яко въ то самое время, когда тѣснятъ меня враги мои, и даже ближніе слуги съ лютою умышляютъ погубить меня, всемилостивый Богъ даруетъ мнѣ верхъ и одолѣніе надъ погаными и славное приращеніе моихъ государствъ!

И обводя торжествующимъ взоромъ бояръ, онъ прибавилъ съ видомъ угрозы:

— Аще Господь Богъ за насъ, никто же на ны! Имѣющіе уши слышати да слышатъ!

Но въ то же время онъ почувствовалъ, что напрасно омрачаетъ общую радость, и обратился къ Кольцу, смягчая выраженіе очей.

— Какъ нравится тебѣ въ Москвѣ? спросилъ онъ милостиво.—Видывалъ ли ты гдѣ такіа палаты и церкви? Ахъ, можетъ, ты уже прежде бывалъ здѣсь?

Кольцо улыбуясь скромно-лукавою улыбкой, и близкая зубовъ его какъ будто освѣтила его смуглое загорѣлое лицо.

— Гдѣ намъ, малымъ людямъ, такіа чудеса видѣть! сказалъ онъ, смиренно пожимая плечами:— намъ и во свѣтѣ такой лѣпноты не случилось, великій государь! Живемъ на Волгѣ по-мужицки, про Москву только слухомъ слышимъ, а въ этомъ краю отродясь не бывали!

— Поживи здѣсь, сказалъ Іоаннъ благоволятельно;—я тебя изрядно веду угостить. А грамоту Ермака мы прочли и

вразумѣли, и уже приказали князю Болховскому да Ивану Гаухову съ пятью стами стрѣльцовъ идти помогать вамъ.

— Премного благодарствуемъ, отвѣчалъ Кольцо, низко кланаясь:—только не мало ли будетъ, великій государь?

Иоаннъ удивился смѣлости Кольца.

— Вишь ты какой пряткіи! сказалъ онъ, глядя на него строго.—Ужь не прикажешь ли мнѣ самому побѣжать къ вамъ на прибавку? Ты думаешь, мнѣ только и заботы что ваша Сибирь? Нужны люди на хана и на Литву. Бери что даютъ, а обратнымъ путемъ набирай охотниковъ. Давольно теперъ всякой голи на Руси. вмѣсто чѣмъ докучать мнѣ по всѣ дни о хлѣбѣ, пусть идутъ селиться на тѣ новыя земли! И архіерею вологодскому написали мы, чтобъ отрядилъ десять поповъ, обѣдню вамъ служить и всякія требы исполнять.

— И на этомъ благодаримъ твою царскую милость, отвѣтилъ Кольцо, вторично кланаясь.—Это дѣло доброе; только не пожалѣй ужь, великій государь, повержь поповъ, и оружія дать намъ сколько можно, и зелья огнестрѣльнаго поболь!

— Не будетъ вамъ и въ этомъ оскудѣнія. Есть Болховскому про то указъ отъ меня.

— Да ужь и пообносились мы больно, замѣтилъ Кольцо, съ заискивающею улыбкой и пожимая плечами.

— Не бось, некого въ Сибири по дорогамъ грабить? сказалъ Иоаннъ, недовольный настойчивостью атамана.—Ты а вижу, ни одной статьи не забываешь для своего обихода, только и мы нашимъ слабымъ разумомъ обо всемъ уже подумали. Одежу поставятъ вамъ Строгоновы; я же положилъ мое царское жалованье начальнымъ и рядовымъ людямъ. А чтобъ и ты, господинъ совѣтчикъ, не остался безъ одежды, жалую тебѣ шубу съ моего плеча!

По знаку царя два стольника принесли дорогую шубу, покрытую золотою парчей, и надѣли ее на Ивана Кольцо.

— Языкъ-то у тебя, я вижу остеръ, сказалъ Иоаннъ,—а есть ли острая сабля?

— Да была не дурна, великій государь, только поиступилась маленько о сибирскія головы!

— Возьми изъ моей оружейной саблю, какая тебѣ болѣе приглянется, да смотри, выбирай по сердцу, которая покраще. А впрочемъ ты, я думаю, чиниться не будешь!

Глаза атамана загорѣлись отъ радости.

— Великій государь! воскликнулъ онъ:—изо всѣхъ твоихъ милостей эта самая большая! Грѣхъ было бы мнѣ чиниться на твоёмъ подаркѣ! Ужъ выберу въ твоей оружейной что ни на есть лучше! Только, прибавилъ онъ, немного подумавъ,—коли ты, государь, не жалѣешь своей сабли, то дозволя лучше отвезти ее отъ твоего царскаго имени Ермаку Тимофеечу!

— Объ немъ не хлопочи, мы и его не забудемъ. А коли ты боишься, что я не сумѣю угодить на его милость, то возьми двѣ сабли, одну себѣ, другую Ермаку.

— Исполать же тебѣ, государь! воскликнулъ Кольцо въ восхищеніи.—Ужъ мы этими двумя саблями послужимъ твоему царскому здоровью!

— Но сабель не довольно, продолжалъ Іоаннъ.—Нужны вамъ еще добрыя брони. На тебя-то мы, примѣривши, найдемъ, а на Ермака какъ бы за глаза не ошибиться. Какого онъ будетъ роста?

— Да, пожалуй, будетъ съ меня, только въ плечахъ пошире. Вотъ хоть бы съ этого молодца, сказалъ Кольцо, оборачиваясь на одного изъ своихъ товарищей, здороваго дѣтину, который, приведши огромную охапку оружія и сваливъ ее на землю, стоялъ позади его, съ разинутымъ ртомъ и не переставалъ дивиться, то на золотую одежду царя, то на убранство рындъ окружавшихъ престолъ. Онъ даже попытался вступить потихонку съ однимъ изъ нихъ въ разговоръ чтобъ узнать, не всѣ ли они царевичи? Но рында посмотрѣлъ на него такъ сурово, что тотъ не возобновлялъ болѣе вопроса.

— Привести сюда, сказалъ царь,—большую броню съ орломъ что виситъ въ оружейной, на первомъ мѣстѣ. Мы примѣримъ ее на этого пучеглазаго!

Вокорѣ принесли тажеаую, желѣзную кольчугу, съ мѣдною каймой вокругъ рукавовъ и подола, и съ золотыми двуглавыми орлами на груди и спинѣ.

Кольчуга была скована на сааву, и возбудила во всѣхъ одобрительный шепотъ.

— Надѣвай ее, тюлень! сказалъ царь.

Дѣтина повиновался, но сколько ни сидѣлся, онъ не могъ въ нее пролѣзть, и допихнулъ руки только до половины рукавовъ.

Какое-то давно забытое воспоминаше мелькнуло, при этомъ видѣ, въ памяти Іоанна.

— Будетъ! сказалъ Кольцо, сѣдившій заботливымъ взоромъ за дѣтвиной:—довольно плясать царскую кольчугу-то! Пожалуй, разорвешь ее, медвѣдь! Государь, продолжалъ онъ, кольчуга добрая, и будетъ Ермолаю Тимоѣичу въ самую пору; а этотъ потому пролѣзть не можетъ, что ему кулаки гнѣшаются. Этакихъ кулаковъ ни у кого нѣтъ, окромѣ его!

— А ну-ка, покажи овой кулакъ? сказалъ Іоаннъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ дѣтвину.

Но дѣтина смотрѣлъ на него въ недоумѣніи, какъ будто не понимая приказанія.

— Слышь ты, дурень, повторилъ Кольцо,—покажи кулакъ его царской милости!

— А коли онъ мнѣ за то голову срубить? сказалъ дѣтина протяжно, и на глупомъ лицѣ его изобразилось опасеніе.

Царь засмѣялся и всѣ присутствующіе съ трудомъ удержались отъ смѣха.

— Дуракъ, дуракъ! сказалъ Кольцо съ досадою: — былъ ты всегда дуракъ и теперь дуракомъ остался!

И высвободивъ дѣтвину изъ кольчуги, онъ подтащилъ его къ престолу и показалъ царю его широкую кисть, болѣе похожую на медвѣжью лапу чѣмъ на человѣческую руку.

— Не взыщи, великій государь; за его простоту. Онъ въ рѣчахъ глупъ, а на дѣлѣ парень добрый. Онъ своими руками царевича Маметкула половцаъ.

— Какъ его зовутъ? спросилъ Іоаннъ, все пристальнѣе вглядываясь въ дѣтвину.

— А Митькою! отвѣчалъ тотъ добродушно.

— Постой! сказалъ Іоаннъ, узнавая вдругъ Митьку:—ты никакъ тотъ самый, что въ Слободѣ за Морозова бился и Хомяка оглоблей убилъ?

Митька глупо улыбнулся.

— Я тебя, дурня, сначала не призналъ, а теперь вспоминаю твою рожу!

— А я тебя сразу призналъ! отвѣтилъ Митька съ довольнымъ видомъ:—ты на высокомъ ослонѣ у самага поля сидѣлъ!

Этотъ разъ всѣ громко засмѣялись.

— Спасибо тебѣ, сказалъ Іоаннъ, — что не забылъ ты

меня, малаго человѣка. Какъ же ты Маметкула-то въ полонъ взялъ?

— Животомъ навалился! отвѣтилъ Митька равнодушно и не понимая, чему опять всё захохотали.

— Да, сказалъ Иоаннъ, глядя на Митьку — когда этакій чурбанъ навалится, изъ-подъ него уйти не легко. Помню какъ онъ Хомяка раздавилъ. Зачѣмъ же ты ушелъ тогда съ поля? Да и какъ ты изъ Слободы въ Сибирь попалъ?

Атаманъ толкнулъ Митьку непримѣтно локтемъ, чтобы онъ молчалъ, но тотъ принялъ этотъ знакъ въ противномъ смыслѣ.

— А онъ меня съ поля увелъ! сказалъ онъ, тыкнувъ пальцомъ на атамана.

— Онъ тебя увелъ? произнесъ Иванъ Васильевичъ, поглядывая съ удивленіемъ на Кольцо. — А какъ же, продолжалъ онъ, вглядываясь въ него, какъ же ты сказалъ, что въ первый разъ въ этомъ краю? Да погода-ка, братъ, мы, кажется, съ тобой старые знакомые. Не ты ли мнѣ когда-то про Голубиную Книгу разказывалъ? Такъ, такъ, я тебя узнаю. Да вѣдь ты и Серебрянаго-то изъ тюрьмы увелъ. Какъ же это, Божій человѣкъ, ты прозрѣлъ съ того времени? Куда на богомолье ходилъ? Къ какимъ мощамъ прикладывался?

И наслаждаясь замѣшательствомъ Кольца, царь устремлялъ на него свой проникательный, вопрошающій взглядъ.

Кольцо опустилъ глаза въ землю.

— Ну, сказалъ наконецъ царь, — что было, то было; а что прошло, то травой порасло. Повѣдай мнѣ только, зачѣмъ ты, посавъ рязанскаго дѣла, не захотѣлъ принести мнѣ повинной вмѣстѣ съ другими ворами.

— Великій государь, отвѣтилъ Кольцо, собирая все свое присутствіе духа, — не засаужилъ я еще тогда твоей великой милости. Совѣстно мнѣ было тебѣ на глаза показаться; а когда князь Никита Романычъ повелъ къ тебѣ товарищей, я вернулся опять на Волгу, къ Ермаку Тимофеевичу, не приведетъ ли Богъ какую новую службу тебѣ сослужить!

— А пока мою казну съ судовъ воровалъ, да пословъ моихъ Кизилбашскихъ на пути къ Москвѣ грабилъ?

Видъ Ивана Васильевича былъ болѣе насмѣшливъ чѣмъ грозенъ. Со времени дерзости попытки Ванюхи Перстна,

ши Ивана Кольца, прошло семнадцать лѣтъ, а заповѣдность царя не продолжалась такъ долго, когда она не была возбуждена прямымъ оскорбленіемъ его личнаго самолюбія.

Кольцо прочелъ на лицѣ Іоанна одно желаніе посягнуть вадъ его замѣшательствомъ. Соображаясь съ этимъ расположеніемъ, онъ потупилъ голову и погладилъ затылокъ, сдерживая на лукавыхъ устахъ своихъ едва замѣтную улыбку.

— Всякаго бывало, великій государь! проговорилъ онъ впоголоса:— виноваты передъ твоею царскою милостью!

— Добро, сказалъ Іоаннъ,— вы съ Ермакомъ свои вины загладили, и все прошлое теперь забыто; а кабы ты прежде попался мнѣ въ руки, ну, тогда не прогнѣвайся!..

Кольцо не отвѣчалъ ничего, но подумалъ про себя: „за тѣмъ-то я тогда и не пошелъ къ тебѣ съ повинною, великій государь!“

— Погоди-ка, продолжалъ Іоаннъ,— здѣсь долженъ быть твой пріятель!

— Эй! сказалъ онъ, обращаясь къ царедворцамъ:— здѣсь ли тотъ разбойничій воевода, какъ его? Микита Серебряный?

Говоръ пробѣжалъ по толпѣ, и въ рядахъ сдѣлалось движеніе, но никто не отвѣчалъ.

— Слышите? повторилъ Іоаннъ, возвышая голосъ:— я спрашиваю, тутъ ли тотъ Микита что отпросился къ Жаздрѣ съ ворами служить?

На вторичный вопросъ царя, выступилъ изъ рядовъ одинъ старый бояринъ, бывшій когда-то воеводою въ Калугѣ.

— Государь, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ,— того, о комъ ты спрашиваешь, здѣсь нѣтъ. Онъ въ тотъ самый годъ какъ пришелъ на Жыздру, тому будетъ семнадцать лѣтъ, убитъ Татарами, и вся его дружина вмѣстѣ съ нимъ полегла.

— Право? сказалъ Іоаннъ:— а я и не зналъ! Ну, продолжалъ онъ, обращаясь къ Кольцу:— на нѣтъ и суда нѣтъ, а я хотѣлъ васъ свести да посмотрѣть какъ вы поцѣлууетесь!

На лицѣ атамана выразилась печаль.

— Жаль тебѣ, что ли, товарища? спросилъ Іоаннъ съ усмѣшкой.

— Жаль, государь! отвѣчалъ Кольцо, не боясь раздражить царя этимъ признаніемъ.

— Да, сказалъ царь презрительно, — такъ оно и должно быть; свой своему поневоля братъ!

Вправду ли Иоаннъ не вѣдалъ о смерти Серебрянаго или притворился что не вѣдаетъ, чтобъ этимъ показать какъ мало онъ дорожитъ тѣми, кто не ищетъ его милости, Богъ вѣсть! Если же въ самомъ дѣлѣ онъ только теперь узналъ о его участи, то пожалѣлъ ли о немъ, или нѣтъ, это также трудно рѣшить: достоверно только, что на лицѣ Иоанна не написано сожалѣнія. Онъ, повидимому, остался также равнодушенъ какъ и до полученнаго имъ отвѣта.

— Поживи здѣсь, сказалъ онъ Ивану Кольцу; — а когда придетъ время Болховскому выступать, иди съ нимъ обратно въ Югорскую землю... Да я было и забылъ, что Болховской свое колѣно отъ Рюрика ведетъ. Съ этими вельможными князьями управиться не легко; пожалуй, и со мной захотятъ въ разрядахъ считаться! Не всѣ они, какъ тотъ Микита, въ ставичники просятся. Такъ чтобы не показалось ему обиднымъ быть подъ рукою казацкаго атамана, жаую нынѣ же Ермака княземъ Сибирскимъ! Щекалово, сказалъ онъ стоявшему поодаль думному дяку, изготви къ Ермаку милостивую грамоту, чтобы воеводство ему надо всею землею Сибирскою, а Маметкула чтобы къ Москвѣ за крѣпкимъ карауломъ прислалъ. Да кстати, напиши грамоту и Строгоновымъ, что жаую-де ихъ за добрую службу и радвіе: Семену Большую и Малую Соля на Волгѣ, а Никитѣ и Максиму торговать во всѣхъ тамошнихъ городахъ и острожкахъ безошлично.

Строгоновы низко поклонились.

— Кто изъ васъ, спросилъ вдругъ Иоаннъ, — извѣчалъ Бориса въ ту пору какъ я его оскомъ поранилъ?

— То былъ мой старшій братъ, Григорій Аникинъ, отвѣчалъ Семень Строгоновъ. — Онъ волею Божьею прѣшлаго года умре!

— Не Аникинъ, а Аникевичъ, сказалъ царь съ удареніемъ на посабдвемъ слогахъ: — я тогда же велѣлъ ему быть выше гостя и полнымъ отечествомъ называться. И вамъ воѣмъ указываю писаться съ *сичемъ* и зваться не гостями, а именитыми людьми!

Царь занялся разсмотрѣніемъ мягкой рухляди и прочихъ даровъ приславныхъ Ермакомъ, и отпустилъ Ивана,

Кольцо, сказавъ ему еще нѣсколько милостивыхъ насмѣшекъ.

За нимъ разошлось и все собраніе.

Въ этотъ день Кольцо, вмѣстѣ съ Строговыми, объѣзжалъ у Бориса Федоровича, за многолюднымъ столомъ.

Послѣ обычнаго осушенія кубковъ во здравіе царя, царевича, всего царскаго дома и высокопреосвященнаго митрополита, Годуновъ поднималъ золотую братиану и предлагалъ здоровье Ермака Тимофеевича и всѣхъ его добрыхъ товарищей.

— Да живутъ они долго на славу Русской земли! воскликнули всѣ гости, вставая съ мѣстъ и кланяясь Ивану Кольцу.

— Бьемъ тебѣ челомъ ото всего крещенаго міра, сказалъ Годуновъ, съ низкимъ поклономъ, — а въ твоемъ лицѣ и Ермаку Тимофеевичу, ото всѣхъ князей и бояръ, ото всѣхъ торговыхъ людей, ото всего люда русскаго! Приими ото всей земли великое челобитіе, что сослужили вы ей службу великую!

— Да перейдутъ, воскликнули гости, — да перейдутъ имена ваши къ сыновьямъ, и ко внукамъ, и къ позднимъ потомкамъ, на вѣчную славу, на любовь и образецъ, на молитвы и поученіе!

Атаманъ всталъ изъ-за стола, чтобы благодарить за честь, но выразительное лицо его внезапно измѣнилось отъ душевнаго волненія, губы задрожали, а на смѣлыхъ глазахъ, быть-можетъ первый разъ въ жизни, навернулись слезы.

— Да живетъ Русская земля! проговорилъ онъ тихо, и поклонившись на всѣ стороны, сѣлъ опять на свое мѣсто, не прибавляя ни слова.

Годуновъ попросилъ атамана разказать что-нибудь про свои походы въ Сибири, и Кольцо, умалчивая о себѣ, сталъ разказывать съ одушевленіемъ про необыкновенную силу и храбрость Ермака, про его строгую справедливость и про христіанскую доброту, съ какою онъ всегда обходился съ побѣжденными.

— На эту-то доброту, закаючилъ Кольцо, — Ермакъ Тимофеевичъ взялъ, пожалуй, еще болѣе чѣмъ на свою саблю. Какой острогъ, или городъ ихній, бывало, ни завоемъ, онъ тотчасъ всѣхъ тамъ обласкаетъ да еще и одаритъ.

А когда мы взяли Маметкула, такъ ужъ не зналъ какъ и честить его; съ своихъ плечъ шубу снялъ и надѣлъ на царевича. И прошла про Ермака молва по всему краю, что подѣ его руку сдаваться не тяжело; и много разныхъ князьковъ тогда же сами къ нему пришли и ясакъ привесли. Веселое намъ было житье въ Сибири, продолжалъ атаманъ;—объ одномъ только жалѣлъ я: что не было съ нами князя Никиты Романыча Серебрянаго; и ему бы по сердцу пришлось, и намъ вмѣстѣ было бы моготиѣе. Ты, кажется, Борисъ Федорычъ, былъ въ дружбѣ съ нимъ. Дозволь же теперь про его память выпить!

— Царствіе ему небесное! сказалъ со вздохомъ Годуновъ, которому ничего не стоило выказать участіе къ человѣку столь уважаемому его гостемъ:—царствіе ему небесное! повторилъ онъ, наливая стопу:—часто я о немъ вспоминаю!

— Вѣчная ему память! сказалъ Кольцо, и осушивъ свою стопу, онъ опустилъ голову и задумался.

Долго еще разговаривали за столомъ, а когда кончилась обѣда, Годуновъ и тутъ никого не отпустилъ домой, но пригласилъ каждаго сперва отдохнуть, а потомъ провести съ нимъ весь день. Угощенія слѣдовали одно за другимъ, бесѣда смѣняла бесѣду, и только позднимъ вечеромъ, когда объѣзжіе головы уже нѣсколько разъ проѣхались по улицамъ, крича чтобы гасили кормы и огни, гости разошлись, очарованные радушіемъ Бориса Федоровича.

Прошло болѣе трехъ вѣковъ послѣ описанныхъ дѣлъ, и мало осталось на Руси воспоминаній того времени. Ходятъ еще въ народѣ преданія о славѣ, роскоши и жестокости грознаго царя, поются еще кой-гдѣ пѣсни про осужденіе на смерть царевича, про нашествія Татаръ на Москву и про покореніе Сибири Ермакомъ Тимоѣевичемъ, котораго изображенія, вѣроятно несходныя, можно видѣть доселѣ почти во всѣхъ избахъ сибирскихъ; но въ этихъ преданіяхъ, пѣсняхъ и разказахъ—правда мѣшается съ вымысломъ, и они даютъ дѣйствительнымъ событіямъ колеблющіяся очертанія, показывая ихъ какъ будто сквозь туманъ и дозволяя воображенію возстановлять по произволу эти несмысленные образы.

Правдивѣе говорить о наружной сторонѣ того царство-

занія нѣкоторыя уцѣлѣвшія зданія, какъ церковь Василиа Блаженнаго, коей пестрыя главы и узорные теремки могутъ дать помятіе о причудливомъ зодчествѣ Іоаннова дворца въ Александровой слободѣ; или церковь Трифона Напруднаго, между Бутырскою и Крестовскою заставами, построенная сокольникомъ Трифономъ вслѣдствіе даннаго имъ обѣта, и гдѣ доселѣ видно изображеніе святаго угодника, на бѣломъ конѣ, съ кречетомъ на рукавицѣ ¹.

Слобода Александра, послѣ выѣзда изъ нея царя Ивана Васильевича, стояла въ забвеніи, какъ мрачный памятникъ его гнѣвной набожности, и оживилась только одинъ разъ, но и то на краткое время. Въ смутные годы самозванцевъ, молодой полководецъ; князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, въ союзѣ съ шведскимъ генераломъ Делагарди, сосредоточилъ въ ея крѣпкихъ стѣнахъ свои воинскія силы и заставилъ оттуда польскаго воеводу Сапѣгу снять долговременную осаду съ Троицко-Сергіевской лавры.

Въ послѣдствіи, разказываетъ преданіе, въ одну жестокую зиму, въ январѣ мѣсяцѣ, къ ужасу жителей нашла на Александрову слободу черная туча, спустилась надъ самымъ дворцомъ и разразилась надъ нимъ громовымъ ударомъ, отъ котораго запылали терема и вся слобода обратилась въ пепель. Отъ жилища роскоши, разврата, убійствъ и святотатныхъ богослуженій не осталось и слѣда...

Да поможетъ Богъ и намъ изгладить изъ сердецъ нашихъ послѣдніе слѣды того страшнаго времени, вліяніе котораго, какъ наслѣдственная болѣзнь, еще долго потомъ переходило въ жизнь нашу отъ поколѣнія къ поколѣнію! Простимъ грѣшной тѣни царя Іоанна, ибо не онъ одинъ несетъ отвѣтственность за свое царствованье; не онъ одинъ создалъ свой произволь, и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее въ обязанность и въ обычай. Эти возмутительныя явленія были подготовлены предыдущими временами, и народъ, упавшій такъ низко, что могъ смотрѣть на нихъ безъ негодованія, самъ создалъ и усовершенствовалъ Іоанна, подобно тому, какъ раболѣпные Римляне времяемъ упадка создавали Тиверіевъ, Нероновъ и Калигулъ.

¹ Съ тѣхъ поръ какъ это написано, церковь Трифона Напруднаго такъ передѣлана, что ее узнать нельзя. Снаружи придѣлки, а внутренность перепирана и перештукатурена въ новомъ вкусѣ. Все это вслѣдствіе пожертвованій добродѣтельныхъ дателей, какъ объясняютъ причетники.

Лица подобныя Василию Блаженному, князю Репнину, Морозову, или Серебряному, являлись не рѣдко какъ свѣтлыя звѣзды на безотрадномъ небѣ нашей русской ночи, но какъ и самыя звѣзды, они были безсильны разогнать ея мракъ, ибо свѣтились отдѣльно и не были сплочены, ни поддерживаемы общественнымъ мнѣнiемъ. Простимъ же грѣшной тѣни Ивана Васильевича, но помянемъ добромъ тѣхъ, которые, завися отъ него, устояли въ добрѣ, ибо тяжело не упасть въ такое время, когда всѣ поватiя извращаются, когда визость называется добродѣтелью, предательство входитъ въ законъ, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступнымъ нарушенiемъ долга! Миръ праху вашему, люди честные! Платя дань вѣку, вы видѣли въ Грозномъ проявленiе Божьяго гнѣва и свосили его терпѣливо; но вы шли прямою дорогой, не бояся ни опалы, ни смерти; и жизнь ваша не прошла даромъ, ибо ничто на свѣтѣ не пропадаетъ, и каждое дѣло, и каждое слово, и каждая мысль, вырастаетъ какъ древо; и многое доброе и злое, что, какъ загадочное явленiе, существуетъ понынѣ въ русской жизни, таитъ свои корни въ глубокихъ и темныхъ вѣдрахъ минувшаго.

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Народныя былины, старинныя побывальщизны. Двѣ части. Москва. 1861—1862—г., въ 8 д. л.

Пѣсни, собранныя П. В. Куртескимъ. Издавы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Четыре выпуска. 1860—1862 г., въ 3 д. л.

VIII.

Познакомившись съ общимъ типомъ младшихъ богатырей, слѣдуетъ взглянуть въ характеристическія примѣты, если не всѣхъ ихъ, чтобы не утомить вниманія читателя, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ болѣе видныхъ и главнѣйшихъ.

Самъ народный эпосъ помогаётъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отмѣчая то того, то другаго богатыря краткою и мѣткою характеристикю, вошедшею въ постоянный эпитетъ. Значитъ, индивидуальныя характеры богатырей въ точности обозначились въ сознаніи народа, какъ рѣзко опредѣленныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ различныя стороны того идеала, какой олицетворяетъ себѣ русскій народъ въ поэтическомъ типѣ богатыря.

Илью Муромца отмѣчаетъ народный эпосъ силою, хваткою и возрастомъ, а также таланомъ-участіемъ; Чурилу Пленковича походкою щепливою и щегольствомъ, интересую-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 3 и 9.

щимъ женскій полъ; Дюка Степановича—имѣаемъ-богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самого князя Владиміра; Потока Михайлу Ивановича — богатырскою поѣздкою на добромъ конѣ; но съ особенною полнотою характеризуетъ эпосъ индивидуальныя особенности Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Нѣтъ никого въ Кіевѣ смѣлѣе Алеши и вѣжливѣе Добрыни, который отличается также тишиною, уговоромъ, смиренъицемъ. У него вѣжество и врожденное и обученное:

У него рѣчи пріятныи,
У него рѣчи умильныи,
Омъ прѣвстити и уговорити.

Добрыня обыкновенно выбирался въ послы для самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ, потому что онъ говорить гораздъ, въ рѣчахъ разумень, съ гостями почетливъ, а сверхъ того и грамотою востеръ. Алеша Поповичъ съ смѣлостью соединяетъ въ своемъ характерѣ задоръ и запальчивость: онъ „зарывчатъ“. Ко всему этому онъ „бабій пересмѣшникъ и судейскій прелестникъ“, сутяга, глумъ клеветникъ ¹.

Мѣстность, откуда богатырь былъ родомъ, и сословіе, къ которому принадлежалъ, безъ сомнѣнія, оказали свою долю вліянія на индивидуальныя качества богатырскихъ личностей. Вѣжливость и образованіе Добрыни соответствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Маауши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ. Отецъ его былъ родомъ изъ Любеча. Можетъ-быть, во времена Нестора ходили о Добрынѣ эпическія былинны, внесенныя имъ въ лѣтопись, именно о томъ какъ Добрыня ставилъ истукановъ въ Новѣгородѣ, и какъ вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ преслѣдовалъ и обиралъ лапотниковъ. Но въ послѣдствіи, позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню Рязанцемъ, и даютъ ему прозвище *Златой Поясъ*. Какъ эпосъ переводитъ богатырей Владиміровыхъ въ періодъ татарскій, такъ и лѣтописи заставляютъ этого Добрыню Рязанца и какого-то Александра По-

¹ См. въ замѣткѣ къ II-й части Писемъ Рыбник. стр. 38—41. А также Рыбник. I, 76. 120—II, 337. Куръевск. II, 5.

повича съ его слугою Торопомъ и семидесятью богатырями драться на Каахъ съ Татарами, которые будтобы всѣхъ ихъ побили ¹. Если подъ Александромъ Поповичемъ надобно разумѣть пѣсеннаго Алешу, то и лѣтопись, также какъ и былина, сближаетъ судьбу и подвиги этого богатыря съ Добрынею.

Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ даютъ мѣстныя, эпическія краски извѣстной муромской легенды о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, которая, какъ мы уже знаемъ, была родомъ изъ рязанскихъ крестьянъ. Если Муромская область соединила свои поэтическія преданія съ крестьянскимъ идеаломъ Ильи Муромца, то соседняя съ нею область Рязанская усвоила себѣ идеалъ княжескій въ лицѣ вѣчнаго и грамотнаго Добрыни Никитича.

Ростовъ съ давнихъ временъ славился своими церковными преданіями, связывающими утвержденіе христіанства въ этомъ городѣ съ самыми ранними сказаніями о Кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ XIII и XIV вѣкахъ этотъ же городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившаго себѣ поддержку въ покровительствѣ татарскихъ хановъ, въ теченіе столѣтней борьбы съ мѣстными князьями, какъ въ подробности свидѣтельствуетъ о томъ ростовская легенда о Петрѣ Царевичѣ Ордынскомъ ². Если Сергіи Радонежскій съ своими грамотными и дѣятельными учениками оказалъ не малое содѣйствіе въ просвѣщеніи Москвы, то надобно припомнить, что онъ родомъ былъ изъ Ростовской области, откуда его благочестивая фамилія выселилась въ предѣлы Радонежскіе. Даже самъ Новгородъ, знаменитый, по тогдашнему, своею образованностью, въ XV вѣкѣ заимствовался книжными сокровищами изъ Ростова, гдѣ искалъ себѣ многихъ рѣдкихъ книгъ новгородскій архіепископъ Геннадій. Въ народѣ доселѣ славится Ростовъ своими церквами и крестами. „Вздилъ чортъ въ Ростовъ, говорятъ пословица, да испугался крестовъ“ ³. Народный эпосъ, всегда вѣрный историческимъ и мѣстнымъ преданіямъ, знаетъ въ Ростовѣ *старого попа*

¹ Лѣтописныя свидѣтельства. См. въ примѣч. ко 2-му выпуску пѣселъ Каржавск., стр. 17.

² См. во II-мъ томѣ моихъ *Историч. Очерковъ*.

³ Дала, *Пословицы*. Стр. 351.

соборнаго, сыномъ котораго былъ знаменитый Алеша Поповичъ.

Если личность этого богатыря изображается особенно не въ выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ другими его товарищами, то это слѣдуетъ приписать, конечно, той причинѣ, что онъ, покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣнялъ званіе церковнослужителя на бродяжничество. Сначала, въ древнѣйшихъ былинахъ, какъ богатырь-убійца Тугарина Змиевича, Алеша Поповичъ могъ имѣть какое нибудь иное значеніе, независимое отъ столкновеній между сословіями, но въ послѣдствіи онъ сталъ представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ церковнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго сорта, и о которыхъ, судя по пословицамъ, народъ имѣетъ не очень выгодное понятіе.

Какъ мало Алеша воспользовался выгодами своего происхожденія видно изъ того, что онъ даже не выучился у отца своего грамотѣ¹. Когда онъ съ Екимомъ Ивановичемъ, выѣхавши изъ Ростова, увидѣлъ на перекресткѣ камень съ подписью, то не умѣлъ самъ прочесть ее, а заставилъ своего товарища, называя его „въ грамотѣ поученымъ человекомъ“. На камнѣ были означены три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ. Товарищи выѣхали, какъ видно, безъ всякой цѣли, просто бродяжничать; потому что Екимъ спрашиваетъ: „Куда же намъ ѣхать?“ „А поѣдемъ лучше къ городу Кіеву, отвѣчаетъ Алеша, къ ласковому князю Владимиру“.

Другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами; Алеша норовитъ убить украдкою. Уже только что пустился онъ на богатырскіе подвиги, тотчасъ же поднялся на хитрости. Перерядился въ платье какаки перехожаго, съ тѣмъ чтобъ убить Тугарина врасплохъ. Но тутъ онъ его только зашибъ, а убиваетъ уже въ другой разъ, и опять также нечестно. Рѣшено было между ними драться одинъ на одинъ. Тугаринъ дѣйствительно одинъ и явился; но Алеша, чтобъ заставить его обернуться назадъ, вдругъ закричалъ ему: „зачѣмъ же это ты привелъ съ собою подмогу?“ Тугаринъ оглянулся назадъ, а Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.

¹ Курш. Давил. У Куршевск. II, 70.

Хоть и нечестно одолѣвъ богатырь этого врага, но съ тѣхъ поръ прославился при дворѣ князя Владимира, какъ убійца Тугарина Зміевича.

Еще въ худшемъ свѣтѣ является Алеша въ своихъ интригахъ съ женскимъ поломъ. Вѣроятно, уже при дворѣ княжевецкомъ, между богатырскою дружиною, на первыхъ же порахъ прослылъ онъ „бабьимъ пересмѣшникомъ“, по поводу тѣхъ насмѣшекъ, которыми онъ безпощадно преслѣдовалъ самое княжюю Апраксѣвну за ея преступную связь съ Тугаринымъ.

Издѣваться надъ женщиною и срамить ее — было для Алеши ни по чемъ. Точно будто для того и заводилъ онъ любовныя интриги, чтобы потомъ самому же огласить скандалъ. Однажды хвалились двое братьевъ своею родною сестрою, что она и пригожа и скромна, на улицу не ходитъ, въ хороводы не играетъ, даже въ окошко не смотритъ, бѣлаго лица не кажетъ. Случился тутъ Алеша, и съ безстыднымъ цинизмомъ, безъ всякой побудительной причины, разгласилъ передъ братьями, что онъ частенько посѣщаетъ ихъ пригожую сестру. Братья срубали сестрѣ голову, и —

Покатилась головка
Алешенькѣ подъ кожу.
А Богъ суди Алешу:
Не дамъ пожить на свѣтѣ ¹.

Особенно обезславилась Алеша Поповичъ своими фальшивыми продѣлками въ семействѣ Добрыни Никитича ². Мы уже познакомились съ величавою личностью супруги Добрыниной, Настасьи Микуличны. Вышедши замужъ, она покинула свои воинскіе обычаи, даже будто утратила прежнюю великанскую силу, и стала кроткою и покорною супругою, существомъ вполнѣ женственнымъ, любящимъ и преданнымъ. Хозяйствомъ въ домѣ распоряжается ея свекровь, матера вдова, которую былина называетъ иногда Амелфою Тимоѣевною, иногда другими именами. Она же учитъ свою невѣстку уму-разуму. Добрыня безпрекословно почитается своей матери, уважаетъ ее и горячо любитъ.

Семейное благоденствіе Добрыни было нарушено его

¹ Карѣвск. II, 64.

² Карѣвск. II. 11. 31. Рыбник, I, 130, II, 22.

многояѣтнею отлучкою. Князь послалъ его на разные богатырскіе подвиги. Добрыня наскоро собирается въ путь, и прощается съ своею матерью и женою. И провожала Добрыню его родная матушка, простилась съ нимъ и воротилась, домой пошла, сама плакала; стала по палатамъ похаживать, стала жалобно голосить съ причитаніями. А между тѣмъ, Настасья Микулична сидитъ, не тронется съ мѣста; поражена ли она была и глубоко огорчена нечаянною разлукою съ мужемъ, или просто сконфузилась, и отъ непривычки ласкаться къ мужу при людяхъ, въ наивности своей не знаетъ что ей дѣлать и что сказать. Тогда Амеафа Тимофеевна, обратившись къ ней, внушительно говорила, уча уму-разуму: „Молодая Настасья Микулична! Что жъ ты сидишь да высиживаешь? Что же ты не спрашиваешь Добрынюшку, надолго ли ѣдетъ онъ во чисто поле, долго ли намъ ждать его изъ чиста поля?“ Тутъ Настасья Микулична скоро побѣжала на широкій дворъ, брала Добрыню за бѣлые руки, цѣловала его въ уста, провожала его у праваго стремени, а сама спрашивала: „Муж мой любезный Добрыня Никитичъ! Надолго ли увѣжаешь, долго ли намъ ждать тебя?“ Добрыня наказываетъ ждать три года, и еще три года, а потомъ „хоть вдовой сиди, хоть замужъ иди“, присовокупляетъ онъ: „Только не ходи за Алешу Поповича: онъ бабій пересмѣшникъ и пустошастъ, пустымъ хвастаетъ“.

Уѣхалъ Добрыня. Жена ждетъ его годъ, другой, третій. Время незамѣтно идетъ:

Какъ день за день, будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года:
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

И опять дождь дождитъ, и трава растетъ, опять по прежнему рѣка бѣжитъ. Прошло еще три года, а Добрыни все нѣтъ.

Настасья Микулична честно исполнила заповѣдь мужнюю, прождала шесть годовъ; потомъ наложила на себя свою заповѣдь женскую, ждетъ еще шесть годовъ. Между тѣмъ сватается къ ней Алеша Поповичъ, и разказываетъ такую выдумку: „Былъ я въ чистомъ полѣ: по примѣтамъ являть, что Добрынюшка въ живыхъ нѣтъ. Голова у

Добрыня отсѣчена, отъ туловища откатилась. Выклевали вѣроны ясны очи, даже травы проросли сквозь ясныя очи, и цвѣтуть цвѣты лазоревы“. Долго Настасья отказывалась, наконецъ принуждена была силою и угрозою отъ самого князя Владиміра, и повѣчалась съ Алешей Поповичемъ. Но только что ихъ привели отъ вѣнца, возвращается въ Кіевъ самъ Добрыня. Онъ такъ измѣнился, что сама мать до тѣхъ поръ не могла его признать пока не увидѣла у него подъ правсю пазухою родимаго пятнышка. Точно также по примѣтѣ узнаютъ возвратившагося домой Одиссея: обыкновенный эпическій мотивъ. Пиръ для свадьбы Алешиной устроилъ у себя самъ князь Владиміръ. Добрыня идетъ туда, перереженный скоморохомъ, и Настасья узнавъ въ немъ своего мужа черезъ посредство золотого кольца, которое онъ опустилъ ей въ кубокъ (опять обыкновенный эпическій мотивъ), скончила черезъ дубовый столъ, и упавши къ ногамъ Добрыни, стала слезно умолять его:

Мила моя ладутка,
Крѣпкая сдержавутка, стѣна городовая,
Изъ-по имени Добрынюшка Никитичъ!
Прости меня во вилности и во гаупости,
Во всякихъ во проступочкахъ!
Возьми меня за волосы за женскіе,
Приважи меня ко стремени сѣдельному,
Поразмыкай меня по чисту полю!

Какъ кажется, Добрыню тронули эти искреннія выраженія отчаянія и раскаянія. По крайней мѣрѣ всю вину въ этомъ дѣлѣ онъ снимаетъ съ нея на другихъ. Онъ говоритъ жень:

Что не дивую я разуму-то женскому
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда вѣдутъ, онъ туда идуть,
Ихъ куда везуть, онъ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксией:
Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою,
Они у живаго мужа жену просватали.

Дѣло это было такое негодное, что по свидѣтельству былинны „тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло.“ Мы уже не разъ видѣли участіе князя въ неправыхъ дѣлахъ, даже въ преступаевіи: но народный эпосъ постоянно

отдаетъ ему справедливость въ томъ, что онъ сознается въ своей винѣ и стыдится дурныхъ поступковъ.

Послѣ того просить у Добрыни прощенія самъ Алеша Поповичъ, но какъ-то нахально, иронически: „Прости, говоритъ онъ, братецъ названный, что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой жены Настасьи Микуличны.“ Добрыня тоже называетъ его братцемъ, и охотно прощаетъ его въ этой винѣ; но никогда не проститъ ему другой вины, объявляя ее въ слѣдующихъ словахъ, проникнутыхъ самою вѣжною и преданною любовью сыновнею:

А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
 Какъ прѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
 Привозилъ ты вѣсточку нерадосту,
 Что вѣтъ жива Добрыня Никитича,
 Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
 Буйна голова испроломана,
 Могучи плечи испрострѣлены,
 Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ:
 Такъ тогда государыня родна матушка
 Жалешенько по мнѣ плакала,
 Слезила свои очи ясныя,
 Скорбила свое лицо бѣлое:
 Этой вины тебѣ не прощу.

Потомъ онъ ухватилъ Алешку за желтыя кудри, выдержалъ его черезъ дубовый столъ, бросалъ о кирпичатой полъ, пнулъ его подъ лавку. Былина казнить негодяя срамомъ и общимъ презрѣніемъ:

Съ того стыду да со сорому
 Пошелъ Алеша на чужую дальнюю сторону.

Народный эпосъ, давая предпочтеніе Добрынѣ передъ Алешей въ нравственномъ отношеніи, кажется, наклоненъ къ тому, чтобы заслонить и богатырскій подвигъ послѣдняго въ убіеніи Тугарина Змиевича знаменитымъ подвигомъ Добрыни въ очищеніи Русской земли отъ страшнаго Змія Горыныча и всего его змѣянаго отродья, между которыми могъ подразумеваться и Тугаринъ Змиевичъ, то есть, одинъ изъ сыновей Змія. Пресловутый подвигъ уже на роду былъ написанъ Добрынѣ Никитичу:

А стары люди пророчили,
 Что быть Змѣю убитому
 Отъ молодца Добрынюшки Никитича.

Этотъ змѣй въ былинахъ называется то просто Змѣемъ, то ворономъ, то невѣжею, то даже Тугаринымъ. Когда еще Добрыня жилъ въ Рязани у своей матери, такъ она говорила ему объ этомъ чудовищѣ:

Дитя ты мое, чадо моее!
Невѣжа-то среди дѣя летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
Берегись ты отъ Невѣжи Черна Воропа.

Не обманомъ, какъ Алеша, убиваетъ Добрыня это чудовище, а отчаянною борьбою, открытымъ боемъ на волнахъ Почай, или Израй-рѣки; потому что Добрыня, какъ старинный Варягъ-мореходецъ, „охочь былъ ныркомъ нырять.“ Если Алеша убиваетъ, въ лицѣ Тугарина, любовника княгини Апраксѣевны, то Добрыня болѣе существенную услугу оказываетъ Владиміру, спасая изъ плѣна отъ Змія Горыныча его княженицкую сестру Марью Дивовну или его племянницу Запаву Путятину. Разсѣкши Змія на мелкія части, Добрыня сожигаетъ его на огнѣ ¹.

Убіеніе Змія относится къ самымъ раннимъ подвигамъ Добрыни, совершеннымъ еще на родинѣ. Явившись ко двору князя Владиміра, онъ уже могъ засвидѣтельствовать всѣмъ и каждому о своемъ богатырскомъ дѣлѣ, привезши съ собою изъ плѣну княженицкую родственницу. Этотъ подвигъ, какъ кажется, составляетъ первоначальное зерно, изъ котораго потомъ развивался эпическій типъ Добрыни. Затѣмъ, его встрѣча съ богатырскою невѣстой и наконецъ семейныя несчастія, по проискамъ Алеши, все это способствовало въ высокой степени къ возбужденію и поддержанію живѣйшей симпатіи народа къ свѣтлой личности Добрыни Никитича, котораго, послѣ муромскаго крестьянина, безъ сомнѣнія, надобно признать главнѣйшимъ между богатырями цикла Владимірова. Въ послѣдствіи, столкновенія между сословіями могли набросить нѣкоторую тѣнь на его княжескій характеръ, однако не настолько, чтобы заглушить въ немъ ранніе начатки русской цивилизаціи, наивно обозначаемые въ былинахъ *вѣжествомъ*. Это *вѣжество* такъ прослось съ эпическимъ типомъ Добрыни, что

¹ Карповск. II, 51. 26. Рыблук. II, 16. 17.

даже самъ Змій, котораго поражаетъ этотъ богатырь, есть не только разрушительное чудовище, фантастическій призракъ мифической старины, но и представитель грубаго невежества, почему и называется *невъжесо*.

IX.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также обличая ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ. Уже съ древѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было завѣзжихъ иностранцевъ, между которыми Слово о полку Игоревѣ называетъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи дѣтямъ* свидѣтельствуетъ, что отецъ его, живя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій *Патерикъ* повѣствуетъ о варяжскихъ, то-есть, норманскихъ пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монашествующихъ съ Армянами, Ляхами. Народный эпосъ, подкрѣпляя свидѣтельства историческихъ памятниковъ, до нашихъ временъ поддерживаетъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри *завѣзжіе*, то-есть прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ напримѣръ, Соловей Будимировичъ, съ кораблемъ котораго мы уже знакомы по подробному эпическому описанію. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владиміра и его княгиню заморскими подарками, строитъ долготѣ не бывалыя въ Кіевѣ палаты, и вошедши къ князю въ любовь, женится на его племянницѣ, Запавѣ Путятинѣ. Другіе богатыри сами совершали отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай „много земель знавалъ“, потому онъ и „говорить гораздъ“; Добрыня ѣздилъ въ Царьградъ. Есть цѣлая былина о походѣ въ этотъ городъ и другихъ богатырей Владиміровыхъ. Разширяя поприще богатырскимъ подви-

гамъ, народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и др.; часто упоминаетъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ ¹. Особенно часто встрѣчаются любопытные намеки на сношенія кievской Руси съ Польшею, Литвою и съ Волинею Галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское. Дунай жилъ у короля литовскаго три года въ конюхахъ, чашникахъ и столовникахъ; иногда этотъ король называется Ляховинскимъ, то-есть, Ляшскимъ, Ставръ Годивовичъ, женатый на известной уже намъ Василисѣ Микulichъ, былъ родомъ изъ богатой земли Ляховецкой. Потокъ Михайло Ивановичъ однажды выигралъ въ шахматы у короля ляховецкаго его польскую державу. Самъ Илья Муромецъ былъ подъ городомъ Краковомъ (Краковъ?) и освободилъ его отъ враговъ; также былъ въ связи съ какою-то литовскою королевою ². Въ изданіи г. Рыбникова есть цѣлая былина о двухъ королевичахъ изъ Кракова, также о двухъ литовскихъ королевичахъ.

Черниговъ, также какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву. Въ Черниговѣ царствуетъ какой-то царь Черниговъ или Черниговецъ, у котораго богатырь Иванъ Годивовичъ служилъ въ столовыхъ ключникахъ, и потомъ увезъ дочь, царевну Авдотью Лебедь Бѣлую. Известная уже намъ былина о томъ, какъ князь Владиміръ хотѣлъ отнять себѣ жену Давиды Девисъевича, есть не что иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Кіева съ Черниговомъ. Когда Владиміръ выслаалъ противъ Чернигова войско, Давидо сказалъ то же самое что обыкновенно говаривали древніе князья періода междоусобій:

Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано:

Братъ на брата съ боемъ идетъ?

Въ Кіевѣ иногда случался какой-то владыка черниговскій. Онъ обыкновенно одинъ держитъ закладъ противъ князя Владиміра и всей его дружины въ спорѣ о составаніи богатырей между собою. Однажды, выигравши закладъ, черниговскій владыка тотчасъ же—

¹ Рыбник. I, 188. Куръевск. II, 33. 35.—IV, 25—III, 113. Рыбник. I, 63. 236. Куръевск. II, 7. 25. 50. 72.

² Рыбник. I, 180. 24.—II, 65. Куръевск. III, 54. IV, 4.

Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
 Велѣлъ похватать корабли
 Съ тѣми товары заморскими:
 А князи, де, и бояра нукуда отъ насъ не уйдуть. ¹

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кievскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было внести въ народный эпосъ новое, богатое содержаніе, и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя, и нѣкоторыхъ изъ его богатырей.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутреннего быта древней Руси. Оба богатыря, соперники въ богатствѣ и щегольствѣ, и оба завзжіе: Чурила изъ Малаго Києвца, Дюкъ изъ Волицца, Красна-Галичца, или какъ поется въ иныхъ былинахъ,—

— изъ Галицы проклятыя,
 Изъ той Иадьюшки богатыя,
 Со славнаго съ богата Волицъ-города.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индією богатой. Кіевъ ей завидуетъ, и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владиміръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель; но его грубая сила встрѣчаетъ себя отпоръ въ неистощимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе кевѣжеству. Такой общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ галицкою Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Обращаясь къ самимъ былинамъ, сначала надобно познакомиться съ Чурилою Пленковичемъ.

Однажды являются передъ князя Владиміра, толпа за толпою, нѣсколько сотъ удалыхъ молодцовъ, избитые и изравенные, и увѣдомляютъ, что отправившись, по его повелѣнію, на рыбную ловлю и охоту, они ничего ужъ не могли

¹ Куръевск. III, 5. 8. 12. 20. 37.—II, 77.

добыть: все повиловлено храброю дружиной нѣкогого Чурилы Пленковича, который живетъ въ Маломъ Кіевѣ, на рѣкѣ на Сорогѣ.

Итакъ, Чурило Пленковичъ—лицо самостоятельное, какъ бы удѣльный князь, съ собственною дружиной. Чтобы подчинить его своему вліянію, Владиміръ отправляется къ нему въ гости.

Дворъ у него (у Чурилы) на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынчикѣ по маконкѣ,
А и есть по жемчужикѣ...
Первыя у него ворота вальцатыя,
Другія ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловяныя...
Середѣ двора свѣтлицы стоятъ.

Чурилы дома не случилось. Князя встрѣчаетъ отецъ богатыря, самъ Пленъ, или Пленчище Сорожанинъ, и ведетъ его—

Во снѣги ведетъ во рѣшетчатыя,
Во другія ведетъ часто-берчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя,
И въ терема ведетъ златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори—и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Является и Чурило съ своею щегольской дружиной; но самъ онъ всѣхъ щеголеватѣе и красивѣе: у него—

Волосанки—золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый свѣтъ,
А личико будто маконъ цвѣтъ
Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна собола.
Съ коны на конь перескакиваетъ,
У молодцовъ шапочки подхватываетъ,
На головшкѣ шапочки покладываетъ.

Юность самая свѣжая и задорная такъ и пышетъ въ этомъ игривомъ типѣ народнаго эпоса! Въ описаніи костюма Чурилы и его дружины, пѣвецъ особенное вниманіе

обращаетъ на ихъ модные сапоги, востроносые и на высокихъ коблукахъ (это была дружина не лапотная):

Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьялъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты остры.
Около носовъ-носѡвъ ядро покати,
Подъ пату-пату воробышко летить,
Воробышко летить, перепуркиваетъ.

Князь Владиміръ находитъ, что такому хвату не подобаетъ *въ деревнѣ* жить: „Подобаетъ тебѣ, Чуриль, въ Кіевѣ жить, князю служить!“ и беретъ его къ себѣ въ Кіевъ, сначала въ званіи придворнаго *постельника*:

Чтобъ сталъ олъ (князю) перину пуховую,
И клдалъ бы зголовище высокое,
И сидѣлъ бы у зголовища высокаго,
Игралъ бы въ гусельшки яровчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владиміра.

Пріѣзжаетъ Чурила въ Кіевъ, ѣдетъ по улицамъ. Олъ такой красавецъ, что всѣ на него заглядѣлись:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодухи глядятъ—лишь оконницы звенять,
Гдѣ стары глядятъ—манатѣи (мантіи) на себѣ деруть...
Какъ стары старухи костюли грызуть—
Все глядячись на молода Чурилу Пленковича.

И жаветъ Чурила въ постельникахъ, и сидючи у князя съ княгиней въ изголовьи, играетъ въ гусли—

Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опракою больше того.

Потомъ князь возвелъ его въ должность *позовщика*, то-есть церемоніимейстера, созывающаго князей и бояръ на княженецкіе пиры. По свидѣтельству былинны, позовщикъ долженъ былъ брать въ княжескую казну со всякаго позваннаго гостя известную сумму денегъ: это именовалось *златом*. Такъ однажды князь Владиміръ послалъ Чурилу звать гостей:

А *злато* приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

Въ то время какъ Чурила Пленковичъ служилъ при дворѣ князя Владиміра въ позовщикахъ, прибылъ туда ругой щеголь, Дюкъ Степановичъ, изъ Волицы Красна-

Галичья. Былина распространяется въ описаніи его красиваго коня и великолѣннаго оружія, и особенно медлитъ на извѣстныхъ уже намъ знаменитыхъ трехъ стрѣлахъ.

Самъ Чурила позавидовалъ такому щеголю, и стоя по правую сторону князя Владимира, говоритъ ему, что это авѣрное не Дюкъ Степановичъ, а какой-нибудь бродяга, *дворянскій холопъ*, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ отзывается Даниилъ Заточникъ въ своемъ моленіи къ князю.

Между тѣмъ, Дюкъ Степановичъ, присматриваясь къ Киеву и къ тамошнему житью-бытью, находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы и церкви не такія, какъ на Волыни; даже самое угощеніе на пирахъ князя Владимира кажется ему не вкусно послѣ роскошнаго житья у себя дома.

На все въ Киевѣ осмотритъ онъ свысока; ничто не удовлетворяетъ его изысканнаго вкуса. Тотчасъ же по приѣздѣ въ Киевъ пошелъ онъ къ обѣднѣ:

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владимира взглянетъ—
Только головой пошатаетъ,
На Апраксію королевичу взглянетъ—
И рукой махнетъ.

„Слыхалъ я отъ родителя батюшки, говорилъ онъ потомъ на княженецкомъ пиру, что Киевъ городъ очень красивъ; а вотъ въ Киевѣ у васъ не по нашему: церкви у васъ всѣ деревянные, маковки на церквахъ осиновыя. Мостовыя у васъ черною землею засыпаны: полило ихъ дождевою водою, стала грязь по колѣна—вотъ и замаралъ я сапожки зеленъ сафьянъ. А у моей государыни матушки, у честной вдовы Амелфы Тимоѣевны, такъ церкви все каменныя, известкѣй обѣлены, маковки на церквахъ самоцвѣтныя. Крыши на домахъ золоченыя; мостовыя посыпаны рудо-желтыми песками и устланы сорочинскими сукнами: ужъ не замарать тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ, идучи въ церковь Божію.“ И сидитъ онъ на пиру не пьянъ, не веселъ:

Повѣшана буйна голова ниже плечъ могучихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпичей полъ.

Возьметъ колачъ, верхнюю корочку отломить, съѣсть, а нижнюю бросить, потому что она кажется ему грязна, пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лаханью. Одну чару вина выпьетъ, другую выльетъ за окно: „ваши напитки, говоритъ онъ, затхлые, пить не пріятны. А вотъ какъ у насъ въ Индіи богатой, въ Галиціи, въ славномъ Волинъ-городѣ, у моей государыни матушки—

.... Меда сладкіе, водочки стоялыя,
 Повѣшены въ бочки сороковки,
 Въ погреба гаубокіе на дѣли на серебряны:
 Туда подведены вѣтры буйныя:
 Какъ повѣютъ вѣтры буйныя,
 Пойдутъ воздухи по погребамъ,
 Какъ загогочутъ бочки будто лебеди,
 Будто лебеди на тихихъ на заводяхъ:
 Такъ вѣкъ не затхнутъ напитки сладкіе:
 Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
 Другу пьешь—третья съ ума пойдетъ.

Другой разъ онъ выразился такъ: „Чарочку пьешь—губы спянутся.“

Подстрекаемый завистью своего придворнаго щеголя Чурилы Пленковича, князь Владиміръ предлагаетъ Дюку состязаться съ Чурилою въ ловкости и щегольствѣ. „Вижу говоритъ онъ Дюку, что ты молодець захвастливый. А ты ударься-ко съ Чурилою о великій закладъ, что вамъ вѣхать въ чистое поле *поляковать*, на цѣлые три года и на три дни, чтобы каждый день кони были смѣнные, и все чтобы были другой шерсти; чтобы цвѣтныя платья были, что ни день, перемѣняныя, и чтобы все были другаго цвѣта; а въ послѣдній день идти вамъ къ Божіей церкви, и который изъ васъ добрѣе выступитъ,—другому голову рубить.“

Чурила съ Дюкомъ такъ и состязались ковами и щегольской одеждою, ежедневно *полякуя* ровно три года. Наконецъ, въ послѣдній день, въ рѣшительный срокъ ихъ состязанія, въ самое свѣтлое Христово Воскресеніе, оба они должны были явиться въ церковь къ заутренѣ. Кто щеголеватѣе одѣнется, тотъ и выиграетъ закладъ о буйной головѣ.

Чтобъ идти вслѣдъ за былинами дальше, надобно сдѣлать два замѣчанія.

Вопервыхъ, Чурило и Дюкъ передъ судомъ публики показываютъ свое щегольство именно въ церкви, а не въ ка-

комъ другомъ мѣстѣ, совершенно согласно съ бытомъ древней Руси, которая видѣла въ церкви самое главное и удобнѣйшее мѣсто для публичныхъ сборищъ, столько же для молитвы, сколько и для развлеченій. Тутъ можно было узнать какую-нибудь новость, передать сплетню, высмотрѣть жениха или невѣсту. Только въ церкви же можно было передъ всѣми показать свой великолѣпный нарядъ. Старинные документы не рѣдко возстаютъ противъ разныхъ неприличій происходившихъ въ церквахъ.

Вовторыхъ, въ костюмѣ состояющихся преимущественно описываются пуговицы, —тоже вполнѣ согласно съ бытомъ русской старины, которая, какъ видно изъ рядныхъ записей и другихъ описей, посабъ иконъ, особенное вниманіе обращала на *низанье* и *сажанье*, то-есть, на ожерелья и драгоценные камни, и на ювелирные вещи, а между ними почти всегда на пуговицы. Надобно приготовиться встрѣтить въ эпическомъ описаніи пуговицъ и петельскъ что-то фантастическое, необычайное, въ смѣломъ переходѣ отъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго; потому что эпическая фантазія, воодушевившись красотой описываемаго предмета, по своей юношеской живости, наивно его одушевляетъ, и бездушное представляетъ живымъ и дѣйствующимъ. Конечно, въ такомъ эпическомъ мотивѣ не надобно видѣть ничего миѣческаго или символическаго: это не болѣе, какъ наивная игра безыскусственной фантазіи, но все же фантазіи эпической, воспитанной вѣрою въ чудесное, и привыкшей безпрестанно смѣшивать дѣйствительность съ міромъ идеальнаго.

Надобно имѣть въ виду эти замѣчанія, чтобы вполнѣ понять и по достоинству оцѣнить неподражаемую красоту и художественную грацію слѣдующихъ описаній, которыя могутъ быть смѣло поставлены на ряду съ самымъ лучшимъ что гдѣ-либо создавала прекраснаго народная эпическая фантазія.

Итакъ, оба соперника являются въ церковь.

Молодой Чурилушка Пляковичъ
Надѣлъ-то онъ одеждѣ драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;

Въ пуговку воплетемо по доброму по молодцу,
Въ петелку воплетемо по красной по дѣвухкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и подѣлаются

Какъ ни граціозенъ этотъ мотивъ, но фантазія народная имъ не ограничилась, не остановилась на немъ, какъ на явленіи вполне исчерпывающемъ идею. Иначе, тѣ же дѣйствующія лица, изображаемыя въ пуговкахъ и петляхъ, представляются, напримѣръ, въ слѣдующей сценѣ:

Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было влаетемо по красной дѣвухкѣ:
По петелкамъ какъ поведеть —
Такъ красны дѣвухи вливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведеть,
Добрыя молодцы играютъ въ гуси арочкаты,
Развеселяютъ красныхъ дѣвухекъ.

По другому варианту, описывается тотъ же предметъ, можетъ-быть, такъ же прекрасно, хотя и не съ такою вѣжкою граціей. Эта красота другого уже тона, столь же игривая, но будто съ отбѣнкомъ какого-то наивнаго страха.

Чурила Пелековичъ становится на правый крылъ, Дюкъ Степановичъ — на лѣвый.

Какъ тотъ Чурилушка Пелековичъ
Окъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Окъ сталъ пуговку о пуговку позваживать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки —
Пыветъ змѣще Горыничше:
Тутъ всѣ въ церкви приужаснулись,
Сами говорятъ таково слово:
„Что у нашего Чурилушки Пелековича
„Есть отметочка противъ молада боярика,
„Противъ молада Дюка Степановича.“

Видя удачу своего соперника, Дюкъ Степановичъ запечалился, повѣсилъ голову, потупилъ очи въ землю, а

Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Окъ сталъ пуговку о пуговку позваживать:
Вдругъ запѣли птицы пѣвучія,
Закричали звѣрки все рыкучіе:
А тутъ всѣ въ церкви да о землю пааи,
О землю пааи, а иныи обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-киевскій:

„Ахъ ты молодой боярыня, Дюкъ Степановичъ!
 „Прійми-тко птацы ты клеучія,
 „Призакачь-ка затрей тѣхъ рыкущихъ,
 „Оставь людей намъ хоть на сѣмьны.“

Эта затѣйливая сцена, будто игровая пародія на извѣстнѣйшій эпизодъ о Соловьѣ Разбойникѣ, который столько же бѣды причинилъ при дворѣ князя Владиміра своимъ змѣинымъ свистомъ и звѣринымъ ревомъ.

Итакъ, Чурила Пясковичъ проигралъ закладъ. Онъ долженъ потерять свою голову. Тогда говорилъ Владиміръ князь Дюкъ Степановичу:

Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
 А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.

Хоть для памяти—сказано въ высокой степени наивно, но со злою ироніею, которая дополняется сѣдующею затѣмъ рѣчью Дюка Степановича:

Ахъ ты ей, Чурилушка Пясковичъ!
 Пусть ты княземъ Владиміромъ упрощенный,
 Пусть ты кіевскими бабами улакаанный!
 Не ѣзди съ нами, со бурлаками,
 А сиди во градѣ во Кіевѣ,
 Ты въ Кіевѣ во градѣ между бабами.

Впрочемъ Чурила не одобровалъ; онъ такъ и погибъ отъ своего вѣтренаго щегольства и волокитства. Разъ завелъ онъ интригу съ молодою женой одного старика, Бермяты Васильевича. Объ этой интригѣ пошла по городу сѣдующая сплетня:

Поутру рано-ранешенько,
 Рано зазвонили ко заутрені,
 Князи и бояре пошли къ заутрені.
 Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго,
 И наши они свѣжій снѣдъ,
 Сами они дивуются:
 „Либо зайка скакала, либо бѣлъ горностай.“
 А шныре тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
 „Знать это не зайка скакала, не бѣлъ горностай:
 Это шелъ Чурила Пясковичъ
 Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
 Къ его молодой женѣ, Катеринѣ Прекрасной.“

Наконецъ старикъ дознался о своемъ безчестіи, засталъ Чурилу у своей жены и убилъ его. Мы уже видѣли какъ

катилась срубленная голова Чурилина, будто жемчужина обагренная кровью. Даже самую смерть этого красиваго щеголя былина смягчаетъ граціознымъ уподобленіемъ.

Сколько въ поэтическомъ отношеніи замѣчательно составленіе Дюка съ Чурилой, столько для исторіи русскаго быта важенъ эпизодъ о томъ, какъ князь Владиміръ, по неудовольствію ли на Дюка, или скорѣе по алчности къ пріобрѣтенію и по корыстолюбивой системѣ старинныхъ князей все забирать въ свои руки, посылаетъ въ Галицію своихъ богатырей описывать все имущество Дюка, чтобы отобрать въ княженицкую казну. Въ числѣ посланныхъ назначили было и Алешу Поповича, но Дюкъ выразилъ слѣдующее опасеніе:

Не посылайте-ка Алешеньку Поповича:
А его глазишечки поповскіе,
Поповскіе глазишечки завидливы:
А ему оттоль да вѣдь не выѣхать!

Отправившись въ Галицію, которая теперь въ былинѣ называется Индією богатою, послы взѣхали на одну гору откуда виденъ былъ городъ Волянъ Красенъ Галичій: и вдругъ весь городъ представился имъ въ огнѣ, какъ жаръ горитъ. Это мѣсто въ былинѣ дышитъ неподражаемою художественною наивностію. Смотрятъ послы и говорятъ между собою:

Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ послалъ, знать, гуды вѣсточку на родину,
Чтобы зажгли Индію-ту богатою:
Ай, горитъ Индія-та богатая!

Но что же вышло на повѣрку? Когда они подъѣхали къ городу поближе, замѣтили свою смѣшную ошибку. Весь этотъ блескъ и жаръ, для непривычныхъ грубыхъ глазъ показавшійся пожаромъ, происходилъ отъ того, что у жителей того города—

У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцѣтныя,
Мостовыя рудожеатыми песочками прирасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.

Прибывши на дворъ къ Дюку, послы стали описывать его имѣнье богатство. Но такъ было оно не смѣтно, что въ

теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ не успѣли они описать одну только збрую лошадиную: а ужъ гдѣ же было добыть бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ другія сокровища? Поэтому и говорила съ насмѣшкою Дюкова матушка княжевецкимъ оцѣщикамъ: „А вы скажите-ка князю Владиміру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ оцѣщиковъ: авось у нихъ хватить чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣннца!“

Это прощическое сопоставленіе Кіева и Чернигова съ богатымъ цивилизованнымъ Волинемъ Краснымъ Галичьимъ, очевидно, ведетъ свое начало изъ мѣстныхъ, областныхъ источниковъ народнаго эпоса, потому что явственно говорить о соперничествѣ между городами и областями¹.

Х.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новгородскихъ, Садка богатаго гостя и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сбереглись въ устахъ народа тамъ гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно записаны тамъ гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздали, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ Новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Курши Данилова, Карѣвскаго и особенно Рыбникова.

¹ Курш. 169—167. Рыбник. I, 263 и слѣд., 300 и слѣд. II, 137, 153, 179. Карѣвск. IV, 87.

Но обратимся къ самымъ былинамъ.

Сначала о Садкѣ. Намъ уже извѣстны мѣстныя сказанія объ этомъ богатомъ гостѣ, согласныя съ мѣстными преданіями, вошедшими въ самыя популярныя въ Новгородѣ легенды.

Кромѣ этой мѣстеческой основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Оно состоитъ въ томъ, что Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новгородѣ. Въ первый день скупилъ все что только нашлось; а на другой день въ гостиномъ дворѣ—

Вдвойнѣ товаровъ привезено,
Вдвойнѣ товаровъ приволочено
На тую на славу на великую новгородскую.

Садко опять скупилъ весь товаръ, а на слѣдующій день—

Втройнѣ товаровъ привезено,
Втройнѣ товаровъ приволочено,
Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Еще повыкупаю товары московскіе—
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій—
„Побогаче меня славный Новгородъ.

Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новгорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ, и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патриотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малая частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священною идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

По другому варианту, къ прославленію Новгорода присоединяется проницательскій отгѣнокъ, обязанный своимъ про-

исхождеиёмъ, кажется, той мысаи, что гдѣ много богатства, тамъ и нищета, что при богатыхъ товарахъ потребны и дешевые, и что Новгородъ славенъ не одними сокровищами, но и гашью и завалью, какъ всякій большій торговый городъ.

Скупивъ однажды всѣ товары въ Новгородѣ, зашелъ Садко въ *темный* рядъ:

И стоятъ тутъ черепаны, гашыя горшки,

А все горшки уже битые.

Овъ самъ Садко умихается,

Даетъ деньги за тѣ горшки,

Самъ говоритъ таково слово:

„Пригодятся ребятамъ черепками играть,

„Помилать Садку гостя богатого,

„Что не я, Садко, богатъ—богатъ Новгородъ

„Всякими товарами заморскими,

„И тѣми черепанами, гашыими горшки.“

Въ эпизодѣ о покупке Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ *братчиною Никольщиною*, внести за себя известную сумму. Во-вторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Стефана, Софіи *Премудрыя* (то-есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ известіями новгородскихъ летописей о томъ, что нигдѣ-на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами какъ въ Новгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадниками, могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей ¹.

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ ². Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новгорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховымъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ

¹ Рыбник., I, 374. Курт., 274.

² Рыбник., I, 385 и слѣд. II, 197 и слѣд.

которой стоялъ Василиій Буслаевъ. Отецъ его Буслай жилъ въ Новгородѣ мирно и тихо, съ Новымъ-городомъ не ссоривался, со Псковомъ не вздорилъ, съ Москвой не перерылся. Это было время спокойное и счастливое для Новгорода, его блаженная старина, о которой потомъ всегда мечталъ онъ. Умеръ Буслай, оставивъ по себѣ вдову съ малолѣтнимъ Васильемъ. Съ новымъ поколѣніемъ началась неурядица. Кликнулъ кличъ молодой Василиій Буслаевъ по всему Новгороду, чтобы кто хочетъ шелъ къ нему на широкій дворъ, пить зелено вино, веселиться. Хозяинъ пробовалъ силу каждаго гостя: сначала подносилъ чару въ полтора ведра, потомъ ударить гостя по плечамъ и по спинѣ червленнымъ вязомъ. Кто устоитъ, того бралъ къ себѣ въ дружину, и такимъ образомъ окружилъ себя толпою удалыхъ молодцевъ, между которыми особенно прославились Костя Новоторжанинъ, Потаяюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій, Толстый Ома Благоуродливый. И сталъ Василиій по городу похаживать, сталъ шутить недобрыя шутки съ боярскими дѣтьми и княженецкими: кого дернетъ за руку—у того рука прочь, кого за ногу—нога прочь, двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ—безъ души валятся на землю. Однажды заводился у князя новгородскаго почестень пиръ на князей, бояръ и богатырей, а Василья Буслаева на пиръ не звали, не почествовали. Приходитъ онъ на княжескій пиръ незванный, съ своею храброю дружиной, повыгналъ и повытолкалъ изъ-за стола всѣхъ гостей, и сталъ пировать съ своими молодцами. Подстрекаемый успѣхами своего удачества, онъ бился объ закладъ съ самимъ княземъ, что готовъ перевѣдаться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ въ борьбѣ, то ему голову прочь. Сколько ни хлопотала честная вдова, мать Васильева, удержать своего сына отъ дерзкаго предпріятія, и запирала его въ глубокіе погреба, и выкупъ носила къ князьямъ за его голову—ничто не помогло. Въ то время какъ Василиій сидѣлъ у матери въ заперти, его дружина бросилась на Волховскій мостъ и отчаянно сцѣпилась съ мужиками новгородскими. Валятся сотни головъ, дружина Васильева „во крови ходитъ, по колѣвъ бродитъ“. Однако стала ослабѣвать, несмотря на помощь, оказанную ей какою-то богатырскою *двушкой-чернавушкой, портомойницею* Василья Буслаева, которая

однимъ только своимъ коромысломъ перебила на мосту до пятисотъ мужиковъ. Наконецъ бѣжить она домой и освобождаетъ Василья изъ заключенія, чтобъ онъ шелъ на мостъ спасать свою дружину. Является Василій съ червленнымиъ вѣзъмъ въ рукахъ. Сталъ колотить имъ мужиковъ: куда махнетъ—улица, куда отмахнетъ—переулочекъ; лежатъ мужики увалами и перевалами; набило мужиковъ будто погодою, наквасило ими рѣку Волховъ. Видятъ князя бѣду неминуемую, перебѣтъ Василій всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, никого не оставитъ на сѣмена; идуть къ его матушкѣ просить, чтобъ она уняла свое чадо милое. Но и она съ нимъ ужь не сладитъ и посылаетъ ихъ въ Сергіевъ монастырь къ крестному отцу Василья Буслаева, къ нѣкому Старчицу Пилигримицу: „имѣетъ онъ силу нарочитую: авось не уиметъ ли онъ мое чадо милое,“ говорила князьямъ честная вдова. По просьбѣ князей, идетъ на Волховскій мостъ Старчице Пилигримице уговаривать богатырское сердце Василья Буслаева, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ. Старикъ изъ монастыря—это олицетвореніе неомѣрной силы новгородской старины. Кафтанъ на немъ въ сорокъ пудъ; вмѣсто колпака, на головѣ колоколь въ тысячу пудовъ, въ правой рукѣ колокольный языкъ въ пятьсотъ пудовъ, самъ идетъ языкомъ тѣмъ попирается. „Чадо мое крестовое! говоритъ онъ Василю Буслаеву:—смотри, на своего крестоваго батюшку не наסקавай!“—„А зачѣмъ ты пришелъ сюда?“ возражаетъ ему Василій:

„А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.“

Поднял дубину въ девяносто пудъ, какъ хлестнетъ Старчица въ буйную голову: только колоколь рассыпался въ череня ножовые, а Старчице стоитъ не тряхнется, желтая кудри его не ворохнутся. Скочилъ Василій, ударилъ крестоваго батюшку промежъ ясныхъ очей—выскочили ясныя очи, какъ пивныя чаши. По другому варианту, Старчице идетъ по мосту, самъ говоритъ: „Я иду—Василью смерть несущу!“ Василій хватилъ по его колоколу, рассыпалъ на три четверти; потомъ ударилъ Старчица въ вышину и стибъ съ ногъ, и стоя надъ нимъ, самъ раздумался: „Старца убить—не спасенья добыть, а грѣха на душу!“ Под-

хватилъ старца на руки и говоритъ: „Поди-ко, старецъ, въ свое мѣсто, а въ наше дѣло не суйся!“ Потомъ напустилася Василий на каменные дома. И вышла тогда сама мать Пресвятая Богородица изъ монастыря Смоленскаго, говорила честной вдовѣ, Васильевой матери:

Закличь своего чада милаго,
 Милаго чада роженнаго,
 Молода Васильюшка Буслаева:
 Хоть бы оставилъ народу на сѣмьны.

Выходила честная вдова на новыя сѣны, закликала своего милаго чада.

Впрочемъ, каковы бы ни были подвиги Василья Буслаева, народный эпосъ видитъ въ немъ представителя новгородской вольницы и прославляетъ его какъ богатыря. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западные трубадуры. Сверхъ того, былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юношескими увлеченіями этого новгородскаго героя, заставляя его въ нихъ раскаиваться и искупать ихъ хожденіемъ къ Гробу Господню въ Иерусалимъ. „Съ молодю бито много, граблено: подъ старость надо душу спасти“, говоритъ Василий и отправляется въ ладѣ съ своими товарищами въ далекое странствіе:

Ко Господнему гробу приложитися,
 И во Ердань рѣкъ окупатися,
 А на Фаворъ горѣ осушитися.

Пріѣхавъ въ Святую Землю; но и здѣсь Василий не смирилъ своего неугомоннаго нрава. Всѣ его товарищи купались въ Ердань рѣкъ въ рубашечкахъ, одинъ онъ купался нагимъ тѣломъ, не послушался запрету своей матушки. Потомъ ѣдутъ они къ Фаворъ горѣ, къ тому къ камню *Латырю*, „на которомъ камени преобразился самъ Исусъ Христосъ“. На той горѣ стоитъ церковь соборная съ образомъ Преображенскимъ. Но чтобы достигнуть до церкви и до того образа, надобно было трижды скакать черезъ „бѣлъ горячъ камень.“ Всѣ товарищи Васильевы трижды скакали черезъ тотъ камень; самъ же онъ и здѣсь не пропался, не укротилъ своего нрава: разъ скокалъ, и другой скокалъ, а на третій говоритъ своей дружинѣ: „а вотъ на третій разъ я не передомъ, а задомъ скочу!“ Скокалъ за-

домъ черезъ былъ горячъ камень, задѣлъ за камень ногою, и ушибся до смерти. Умирая, такъ говорилъ онъ своей дружинѣ:

Скажите-ка, братія, родной матушкѣ,
 Что сосватался Василій на Оазоръ-горѣ,
 И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.

Узнавъ о кончинѣ своего сына, честная вдова много плакала; потомъ собрала все свое имѣнье-богатство и раздала по Божьимъ церквамъ и монастырямъ.

Такъ и на Западѣ, въ монастыри поступали имѣнья крестоносцевъ погибавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. У насъ въ старину, кажется, особенно Новгородцы любили ходить въ Иерусалимъ. Въ XII вѣкѣ, Давидъ Паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ Новгородцевъ при Гробѣ Господнемъ. Западная легенда о чудесномъ странствіи въ Иерусалимъ на бѣсовскомъ ковчѣ была внесена въ сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ.

Сказаніе о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камя въ виду соборной церкви и образа Преображенія, по замѣчательному сходству въ подробностяхъ, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ о новгородскомъ раѣ, которое въ XIV вѣкѣ архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова. Блаждая въ ладьяхъ по морю, будто бы они наѣхали на высокую гору. На той горѣ былъ написанъ *Деисусъ*, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и раздавались голоса ликующихъ. Чтобъ узнать что тамъ дѣется, путешественники послали въ гору одного изъ своихъ товарищей. Взомелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, радостно засмѣялся и скрылся въ горѣ. Послали другаго, и тотъ также исчезъ. Наконецъ, чтобы дознаться что тамъ за чудеса, послали третьяго, привязавъ его за ногу веревкою. Этотъ тоже всплеснулъ руками, засмѣялся, и побѣжалъ было, но товарищи стащили его къ себѣ веревкою, однако ничего не узнали, потому что онъ былъ уже мертвъ. Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической посло-

вицѣ о пыталовости Новгородцевъ: „Новгородскій рай нашель“¹.

Этотъ райскій островъ на эпическомъ языкѣ могъ бы точно съ такимъ же правомъ быть названъ Алатырь-камнемъ, какъ и Фаворъ-гора. Спутники Моислава Новгородца такъ же скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камню.

Какъ бы то ни было, но новгородское оказаніе о земномъ раѣ очень удобно могло бы войти, какъ эпизодъ, въ былинну о хожденіи Василья Буслаева съ своею дружиною ко Святымъ Мѣстамъ.

XI.

Обозрѣніе богатырскаго быта, предложенное на этихъ страницахъ, осталось бы съ замѣтнымъ пробѣломъ, если бы мы не коснулись положенія женщины въ кругу богатырей новаго поколѣнія.

Мы уже познакомились съ нѣкоторыми чертами женскихъ типовъ, вынесенными народнымъ эпосомъ изъ эпохи доисторической. По мѣрѣ того какъ фантазія стала больше и больше свыкаться съ дѣйствительностью и воспроизводить ее въ своихъ идеалахъ, все больше и больше сокращались размѣры исполнскихъ женщинъ, суровое величіе уступало мѣсто граціи и спокойной красотѣ, а вѣщая сверхъестественная сила разума и предвѣдѣнія спускалась до житейской мудрости, сопровождаемой здравымъ смысломъ и тою ловкою смѣтливостью, которую народный эпосъ называетъ „женскими догадками“.

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, были замѣчены разнообразныя элементы внесенныя разными эпохами, такъ и въ женскихъ типахъ богатырскаго эпоса представляется та же смѣсь суровыхъ и жесткихъ формъ грубой старины съ вѣковыми очерками и мягкимъ колоритомъ народныхъ пѣсенъ позднѣйшихъ временъ. Одна и та же супруга Добрыни Никитича — то гордая воительница исполнскихъ размѣровъ, то скромная и любящая жена, безпрекословно пови-

¹ См. въ моей *Христоматіи*, ст. 965. 1459.

вущаяся своей свежести. Какъ бы ни были мелки черты ежедневной дѣйствительности, которыми въ теченіе вѣковъ народный эпосъ дорисовывалъ свои женскіе идеалы, но первоначальныя контуры этихъ идеаловъ были накинуты такою смѣлою рукой и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измѣлчать и опомалѣть до того чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство. Точно такъ фамиліарныя черты суровыхъ предковъ черезъ цѣлыя столѣтія отражаются въ замѣчательномъ сходствѣ въ лицахъ ихъ позднихъ извѣстныхъ потомковъ. Въ такомъ же смыслѣ можно и женскіе характеры русскаго народнаго эпоса назвать породистыми. Сколько ни мельчали они, спускаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, но до сихъ поръ удержали въ себѣ отличительныя признаки своей благородной породы.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женскою думушкой и своими догадками „и всѣхъ князей и бояръ повыманеть и самого князя Владиміра изъ разуму выведеть.“ Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но и преимущественно ума, чтобъ „было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити“. Князь Владиміръ искалъ себѣ такой невѣсты, чтобъ она была „умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четыю-пѣтью церковному.“

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительною свободою. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микуличы созданы были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, какъ напримѣръ играла Катерина жена Бермяты съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею властію, и часто совѣтовался сначала съ дочерью: шелъ къ ней вмѣстѣ подумать. Княженецкая племянница, Завава Путятшна, совершенно свободно гуляетъ по городу Киеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будиміровичу свататься. Впрочемъ, эта уже чрезчуръ крайняя свобода, нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣхъ ты мнѣ, дѣвица въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не саюбилася,
Что сама себя дѣвица прозвала.

Дѣвица-невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, бурные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владиміромъ за невѣстою Апраксѣвною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Когда Дунай ее спрашиваетъ, хочетъ ли она идти замужъ за князя Владиміра, она отвѣчаетъ ему безъ всякой застѣнчивости, развязно:

Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра.

Женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслию и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется—

Умомъ умна и станомъ статна,
Лице было будто бѣлый слѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная
Рѣчь-то у ней лебединая.

или:

.... Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мужчины. Другія женскія примѣты: узкія плечи, въ противоположность широкому тазу (что въ былинахъ о Становой женѣ даетъ поводъ къ нѣкоторымъ наивнымъ подробностямъ); далѣе: тоненькіе пальчики, непременно съ перстнями; рѣчь съ *провизгомъ*, наконецъ, когда женщина садится, сжимаетъ колѣнки ¹.

Едва ли нужно приписывать особенное значеніе въ исторіи русской женщины тѣмъ сценамъ изъ народнаго эпоса,

¹ Рыбник. II, 104—I, 245, Куръевск. III, 29, 33. Рыбник. II, 94, 126, 107. Куръевск. IV, 105. Рыбник. 1,330. 324.—II, 96, 192.—I, 187, 191, 254.—II, 53.—I, 178, 186, 243, 247.—II, 54, 97, 106.

въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, изображается жестокое обращеніе мужа съ женою. Мы уже знаемъ, что эти сцены объясняются преимущественно борьбою новаго поколѣнія съ остатками титанической старины, которая нѣкоторое время находила себѣ поддержку въ женскомъ полѣ, между тѣмъ какъ мужчина долженъ былъ подчиниться новому движенію исторической жизни. Сверхъ того, суровые нравы богатырскаго быта уже не могли не обнаружиться въ нѣкоторой грубости, которая на наши глаза кажется жестокою. Уже самое похищеніе невѣсты и взятіе ихъ съ собою ставили жену въ слишкомъ зависимое подчиненіе, какъ плѣнницу или завоеванную добычу. Такъ Часова вдова не хотѣла выдать своей дочери за Хотена Блудовича. Хотенъ убиваетъ сыновей этой вдовы, силою врывается въ ея домъ, беретъ съ нея выкупъ золотомъ и жемчугомъ, а въ придачу ея дочь, себѣ въ жены. Богатырь ѣдетъ искать себѣ невѣсту, будто на охоту или за военною добычей. Въ такомъ случаѣ князь Владиміръ обыкновенно напутствуетъ жениха такимъ совѣтомъ:

Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери,
Добромъ не отдають, такъ и силой возьмемъ.

Потому иногда съ горечью выражается женщина о своемъ невольномъ замужествѣ:

Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.

Женитьбу насильно или съ бою богатырскій эпосъ обыкновенно объясняетъ тѣмъ, что женихъ беретъ себѣ невѣсту въ чужой землѣ, часто въ непріятельской ¹.

По повятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставять на позоръ публики. Многимъ доставалось плохо, когда они по неосторожности хвалились на пирѣхъ своими прекрасными и умными женами; потому что только—

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

Такъ цѣлая былина о Ставрѣ Годиковичѣ основана на этой мысли, имѣющей, какъ кажется, то значеніе для исто-

¹ Куртеск. IV, 76. Рыбник. II, 53, 75.—I, 179.

рѣи женщины, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся своимъ молодечествомъ, богатствомъ и борзыми конями, не должно профанировать домашняго счастья, и не унижать жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ какъ своею собственностью. Когда Ставра порядкомъ проучили за его нескромную похвальбу,

Тутъ-то онъ боѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой ¹.

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ *честной, матерой вдовы, государыни матушки* удалаго богатыря. Это самая почетная особа, о которой всегда отзывается былина съ великимъ уваженіемъ. Была уже рѣчь о томъ, что вымершее старое поколѣніе оставило по себѣ только вдовъ, которымъ предоставлено было руководить своимъ дѣтей — богатырей новаго поколѣнія. Вдова учитъ своего сына уму-разуму; иногда она на столько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословеніе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ наприимѣръ, Соловей Будимировичъ, привезшій свою матушку въ Кіевъ на кораблѣ изъ-за моря. Въ обращеніи съ матерью богатырь выказываетъ самое глубокое уваженіе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужь какъ сынъ передъ матерью кланется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будимировичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась „со вдовами честными, многоразумными“, между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою Часовою за то что эта посабяная, обидѣвши бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Поэтому—

Честная вдова Блудова жема
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла—не радости,

¹ Рыбник. II, 244.—II, 93, 103.

Закала ручки вокругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечу.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководить своею невѣсткою, какъ напримѣръ мать Добрыни Никитича. Мы уже знаемъ, какъ дорого этотъ богатырь цѣнилъ спокойствіе своей матери. Мать Дюкова избражается какою-то владѣтельною княгинею, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпиемъ. Она распоряжается приѣмомъ княжикъ одѣвчиковъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ чтобъ отнять ея имѣніе въ княжескую казну, и ловко издѣвается надъ княземъ Владиміромъ. Неугомонный Василій Буслаевъ, объявляющій войну всему Новгороду, и никого не боящійся, смиряется только передъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствіямъ Новгородцевъ, проситъ его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послушалъ бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послушать мнѣ законъ не даетъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскій эпосъ приписываетъ огромное вліяніе вдовѣ-матери на образованіе и на поступки молодого поколѣнія богатырей. Любовь и уваженіе къ матери, признакъ умнаго и вообще достойнаго человека. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвалю эпосъ не однажды поощряетъ по-словицею:

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе: „Умный хвастаетъ старой матерью“¹.

ХП.

Чѣмъ свѣжѣе и первобытнѣе народный эпосъ, тѣмъ зачѣмъ въ немъ связь дѣйствующихъ лицъ съ музыкальнымъ и пѣсеннымъ его исполненіемъ. Гомеръ неоднократно выводитъ на сцену пѣвцовъ рапсодовъ, которые потѣшаютъ героевъ пѣснями о Троянской войнѣ. Самъ Ахиллъ сокра-

¹ Куртзевск. II, 1.—IV, 69. Рыбник. I, 27, 146, 357.

щаетъ скуку своего одиночества игрою на ларѣ. Финскій Вейнемейненъ—не только герой Калевалы, но и самъ пѣвецъ и закаинатель, знающій вѣщія слова. Авторъ *Слова о Полку Игоревѣ* не разъ упоминаетъ о пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣваются описываемыя имъ лица и событія. Вѣщій Баянъ накладываетъ свои персты на живыя струны, которыя сами князьямъ „славу рокотаю“. Въ то, время, какъ Игорь возвращается изъ пѣвну домой, дѣвицы поютъ на Дунай: вьются ихъ голоса черезъ море до Кіева, а между тѣмъ страны и города радуются и веселятся, пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть славу—Игору Святославичу, Буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Такъ и въ народномъ эпосѣ богатыри не только дѣйствуютъ, но и сами воспѣваютъ богатырскіе подвиги, напѣвая напѣвки—

Про старыя времена и про вымѣшны,
И про вѣхъ времена досюешны ¹.

Изъ богатырей особенно знамениты были своимъ скоморощскимъ искусствомъ: Добрыня Никитичъ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ, Садко богатый гость. Послѣдній, какъ мы знаемъ, сначала былъ скоморохомъ, но пирамъ ходилъ, на гусяхъ игралъ и тѣмъ кормился. Соловей, веселясь съ своею дружиною, игралъ на гусяхъ. Чурило, въ должности придворнаго постельничаго, долженъ былъ сидѣть у княженицкаго изголовья и играть въ гусли. Но собственно скоморохы и калики переходіе, или странники, были исполнителями народнаго эпоса, и свѣтскаго и духовнаго. Ихъ приглашали на пиры, угощали виномъ и платили за ихъ пѣсни. Кромѣ историческихъ былицъ, они играли какіе ты *сыгриши Царяграда, наводили танцы Иерусалима, играли еврейскіе стихи* и величали князя со княгинею. Все это зналъ и Ставръ Годиновичъ. Самъ князь Владиміръ чествуетъ искуснаго скоморуха. Такъ, когда Добрыня Никитичъ, переряженный скоморухомъ, особенно угодилъ князю своею искусною игрою, тогда этотъ послѣдній говорилъ ему:

Ай же, малая скоморощина!
Не твое мѣсто сидѣть на печкѣ муравшей,
Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини...

¹ Рыбникъ. I, 249.

За твою игру великую,
 За утѣхи твои за вѣжыи,
 Безъ мѣрушки пей зелено вино,
 Безъ разчету получай золоту казну.

Скоморохи приглашаются на пиры не для одного только разгуля, но и для утѣхи; музыка и вѣнье развеселяютъ печальное сердце. Такъ Василиса Микулична, перерядившаяся грознымъ посломъ, печальна сидитъ на пиру у князя Владиміра, сама говорить ему:

Что буде на разумѣ не весело:
 Либо батюшко мой померъ есть,
 Либо матушка моя померла.
 Нѣтъ ли у тебя гусельщичковъ,
 Поиграть во гусельшкы яровчаты. ¹

Пѣсни, воспѣваемые скоморохами, каліками переходими и самими богатырями, и есть тѣ эпизоды, изъ которыхъ слагается народный эпосъ. Такимъ образомъ былина внесла въ свое содержаніе самый процессъ своего составленія и развитія. Кромѣ того, тѣ же былины, которыя мы теперь изучаемъ, были застольнымъ предметомъ разговоровъ между богатырями; потому что, всякій разъ какъ богатыри поразвеселятся отъ зеленого вина, они начинаютъ другъ передъ другомъ хвалиться своими подвигами. Сильный хвастаетъ силою, молодечествомъ, богатый—богатствомъ, кто добрымъ колемъ, кто старою матерью, кто молодою женою. Всѣ эти разговоры можно принять за содержаніе самихъ былиныхъ о тѣхъ предметахъ, которыми пирующие между собою похваляются.

Какъ сами эпические пѣвцы становились героями былины, напримѣръ Соловей Будимировичъ, Садко, Добрыня переряженный скоморохомъ, такъ и похвальба молодецкая давала содержаніе цѣлымъ былинамъ, напримѣръ похвальба Ставра своею женою. Стиль эпическій господствуетъ столько же въ былинахъ, какъ и въ похвальбѣ дѣйствующихъ лицъ и въ пѣсняхъ, которыми они потѣшались на пирахъ.

Какъ во времена богатырскія, на пирахъ князя Владиміра, скоморохи и каліки переходіе, будто гомерическіе рапсоды, пѣли отдѣльныя рапсодіи изъ народнаго эпоса,

¹ Куръевск. II, 13. 38. 37.—IV, 67. 105. Рыбнук. I, 249. 265. 319. 324. 370.—II, 31. 101. 110.

который никогда не составлялъ законченнаго, округленнаго цѣлаго; такъ и въ наше время онъ распадается на множество отдѣльныхъ былинъ. Былины иногда начинаются припѣвками, изъ которыхъ открываются любопытныя отношенія пѣвцовъ къ публикѣ. Эти отношенія, вѣроятно, тѣже, какія были во времена оны, когда потѣшалъ пирующихъ какой-нибудь новгородскій Садко. Начиная былину, пѣвцы иногда просятъ благословенія отъ хозяина:

Благословяй-ко, хозяинъ,
Благословяй, господиъ,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Пясковича.

Иногда, приглашая гостей на пиръ внимательно слушать они ожидаютъ себѣ отъ хозяина угощенія:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Вогу рѣку.
Широка рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалъ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ.

Иногда, будто повторяя приказаніе самого хозяина, пѣвцы начинаютъ такъ:

Кто бы намъ сказалъ про старое;
Про старое, про бывающее,
Про того Илью про Муромца.

Окончивъ одну былину, пѣвцы переходятъ къ другой, связывая ту и другую такую припѣвкою:

Эта старина кончается,
А другая начинается.

Чтобъ перенести слушателей въ поэтическій міръ богатырской былинны, иногда пѣвцы будто берутъ нѣсколько смѣлыхъ аккордовъ заманивающихъ вдалѣ и сосредоточивающихъ вниманіе на предметахъ высокой важности:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота Океанъ-море,
Широко раздолье — по всей земли,
Глубоки омуты — дѣпровскіе.

Въ нѣкоторыхъ привѣвкахъ во всей очевидности чувствуется импровизация пѣвца. Будто не зная какъ приступить прямо къ содержанию былины, онъ сначала робко скажетъ нѣсколько словъ о себѣ, потомъ броситъ бѣглый взглядъ на широкій ландшафтъ, остановится на какихъ-нибудь чудесахъ природы, и наконецъ не чувствительно въ эту общую картину вставить воспѣваемаго имъ богатыря. Вотъ какъ, напримѣръ, пѣвецъ приступаетъ къ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридцать лѣтъ:
Обошилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
Охъ ты поле мое, поле, поле чистое!
Заросло мое поляшко крапивушкой,
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное стадечко — стѣрыхъ волковъ;
Напередъ бѣжитъ собака лютой Скимель звѣрь:
Что на Скимель шерсточка булатная,
Какъ у Скимеля уши что востро копые.
Прибѣжала воръ-собака ко Нѣпру рѣкѣ,
Ставовилась воръ-собака на крутой берегъ,
Закричала воръ-собака по гусиному,
Зашипѣла воръ-собака по зѣминому:
Съ крутыхъ бережковъ песочекъ приусыпалася,
Во Нѣпру рѣкѣ вода съ пескомъ смутилася,
Что ни бѣла ли рыбушка на низъ ушла.....
Круты красны бережечки заматалися,
Со хоромъ, братцы, вершечки посвалялися.
Какъ зачулъ воръ-собака нарождаельце:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодецекъ Добрыня сынъ Никитѣвичъ.

Иногда, чтобъ ввести слушателей въ событія далекой старины, пѣвецъ начинаетъ съ предмета близкаго, во очію представляющагося. Такъ пѣвецъ хочетъ пѣть о пирѣхъ князя Владимира, а начинаетъ съ рѣки Волги, и слѣдя за ея необъятнымъ теченіемъ, будто даетъ понятіе о теченіи самаго времени, къ древнѣйшимъ истокамъ котораго онъ приглашаетъ своихъ олушателей:

Повышла, повыкатилась Волга матушка рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала она—того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Киевѣ.

Волга довела пѣвца до Кіева. Теперь онъ уже и станетъ пѣть о кіевскомъ князѣ и его богатыряхъ.

Иногда теченіе Волги вставляетъ пѣвецъ въ общую раму широкой панорамы или точнѣе громаднаго фронтисписа, гдѣ помѣщаются цѣлыя горы, озера, болота и лѣса:

Лѣсы темныя, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокія Сорочинскія;
Чисты поля подходили ко городу ко Обокову ¹;
Мхи да болота по Бѣлу-озеру;
Рѣки-озера по Симию морю.
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка —
Широка и долга она,
Проткала она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во Сине море,
Во море Синее, во Турецкое.

Добравшись по Волгѣ до Сима моря, пѣвецъ на немъ останавливается и описываетъ корабли Соловья Будиміровича, плывущаго къ городу Кіеву.

Мы уже видѣли, какое сильное дѣйствіе оказали на Русь рѣки и прибрежній бытъ на самыя ранніе вымыслы народнои фантазіи. Вѣрные поэтическимъ преданіямъ старины и родной почвѣ, пѣвцы и начинаютъ и оканчиваютъ свои богатырскія былины, прославленіемъ рѣкъ, будто онѣ вмѣстѣ съ своими слушателями сидятъ на берегу ихъ, какъ тѣ древнія племена, которыя, расселиясь по Руси, по свидѣтельству лѣтописи, сѣдѣли на рѣкахъ, отчего и имена себѣ получали. Многія былины оканчиваются припѣвкою во славу всеславянской рѣкѣ Дунаю:

Дунай, Дунай, Дунай.
Впередъ болѣ не знай —

или

Болѣ пѣть впередъ не знай ².

Итакъ, русская былина до нашихъ временъ помнитъ о тѣхъ поэтическихъ голосахъ, которые, по свидѣтельству *Слова о полку Игоревѣ* вьются съ береговъ стараго Дуная до стольнаго города Кіева ³.

¹ Къ Опскову, ко Пскову.

² Вѣроятно, сокращенно, *ви. не знаю*.

³ Карѣвск. I, 1. 3. 4. 20.—II, 1. 2. 9. 61.—III, 1.—IV, 87. 99. Рыбнѣк. I, 177. 325.—II, 14. 20. 44. 184. 351.

Начавъ съ миеовъ и богатырскаго быта, мы незамѣтно перешли ко внѣшней формѣ былинъ, то есть, къ слогу; потому что самая тѣсная связь между содержаніемъ и языкомъ составляетъ отличительное свойство народной эпической поэзіи, которая зараждалась и развивалась вмѣстѣ съ зарожденіемъ и установленіемъ самыхъ формъ языка: такъ что иногда живое воззрѣніе, проникнутое вѣрованіемъ, мѣтко схваченное словомъ, служило сѣменемъ для цѣлаго миеа или сказанія; иногда цѣлое сказаніе сокращалось въ краткую фразу, которую былина изъ вѣка въ вѣкъ переносила въ постоянномъ эпитетѣ.

Не имѣя намѣренія утомлять читателей грамматическими тонкостями, я останавливаюсь только на такихъ немногихъ подробностяхъ, въ которыхъ очевидна эта жизненная связь отдѣльнаго слова съ эпическимъ содержаніемъ.

Русскій языкъ въ народномъ эпосѣ называется по преимуществу *человѣческимъ*¹, какъ бы въ томъ смыслѣ, что всѣ прочіе языки — звѣриныя, согласно съ стариннымъ убѣжденіемъ, что и животныя говорятъ, только на непонятномъ, иностранномъ языкѣ. Татарскій языкъ проиически называется въ былинахъ *тмльчмъ*. Эпитетъ языка — *чистъ рѣчистъ* языкъ. Кто говоритъ не чисто и нерѣчисто, тотъ нѣмой, то есть, *Нѣмецъ*, вообще иностранецъ. Въ поговоркахъ² нѣмчина слыветъ *хитрою, безвѣрною, басурманскою*. Кажется, Нѣмца русскій человѣкъ ненавидитъ больше Татарина; потому что пословицею говорить: „Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить,“ — между тѣмъ, какъ о Татаринѣ выражается: „Люблю молодца и въ Татаринѣ“; потому что татарское иго ужъ никого не тяготитъ: „вынѣ про татарское счастье только въ сказкахъ слышать.“

Въ народномъ эпосѣ Орда называется *славною, тмжною*; Литва — *храброю, поганю*; Чудь — *бѣлоглазю*. Историческія столкновения съ Польшею и Литвою и доселѣ вспоминаются въ пословицахъ и поговоркахъ: *Полякъ* (или *Ляхъ*) *безмозглый, безначальный: льякая, жидовская, собачья вѣра. Литва беззаконная, долгополая, сиволая, поганая. Ляхъ*

¹ „Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?“ Спрашиваютъ Татары. Курьевск. 4, 39.

² Даяя *Пословицы*, стр. 364 и слѣд.

и подъ старость вретъ. Дякъ и умираетъ, а ногами дрягаетъ. Чѣмъ дальше въ Польшу, тѣмъ разбои больше. Въ эпосѣ *Литва* и *Орда* употребляются даже въ нарицательномъ смыслѣ чужой земли вообще. Напримѣръ, заѣзжаго спрашиваютъ: „Ты коей земли, да ты коей орды?“ Или: „Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы?“ О страствіяхъ Потока Михайлы Ивановича: „Ходилъ молодець изъ орды въ орду.“

Посолъ изъ чужой земли представляется въ видѣ татарскаго баскака, потому называется *грозымъ*. Заслуживаетъ вниманія, что татарщина въ глазахъ эпическихъ пѣвцовъ бросаетъ тѣнь на подъячество. *Дякъ* или *думный дякъ* прозывается *выдумщикомъ*. Онъ является на Русь вмѣстѣ съ Батыемъ, между его сыновьями и зятьями, и приводитъ съ собою противъ Русскихъ силы сорокъ тысячъ. Эта эпическая подробность находитъ себѣ подтвержденіе въ литературныхъ памятникахъ времени татарщины. Такъ въ ростовской легендѣ о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ повѣствуется между прочимъ о татарскомъ баскакѣ, присланномъ отъ хана для рѣшенія юридической тяжбы между князьями и духовенствомъ о правѣ на владѣніе Ростовскимъ озеромъ¹.

Вѣроятно, въ противоположность басурманскимъ землямъ, Кіевъ называется въ былинахъ *святѣмъ градомъ*. Живетъ въ немъ *честный народъ волюно-киевскій*. Потому, согласно съ позднѣйшимъ, православнымъ значеніемъ Кіева, о поѣздѣ богатыря говорится въ обычномъ выраженіи: *поѣхалъ онъ*

Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

Однако, несмотря на великую святость Кіева, было время, когда обуяла его басурманщина:

Не по старому въ Кіевъ звать звать,
Не просать милостыни спасенья:
Обяснявчичаъ Идолице поганое.

Вообще должно замѣтить, что выраженіе православныхъ идей въ народномъ эпосѣ отличается необыкновенною наив-

¹ Рыбник. II, 34 40. О ростовск. легендѣ см. въ моихъ *Историч. Очеркахъ*, во 2 части.

ностью. *Божья* церковь величается *матушкой*. Гость, входя въ палаты къ хозяину молится *чужимъ* образамъ ¹.

Впрочемъ языкъ богатырскаго эпоса во всемъ своемъ строе и въ мелкихъ подробностяхъ отзывается глубокою древностію, предшествующею татарщинѣ, и даже еще весьма мало подчинившеюся вліянію православныхъ идей. Понятія о жизни семейной выражаются въ неприкосновенной свѣжести самой ранней эпохи народнаго быта. Мужъ и жена другъ друга называютъ *семьею*, *семеюшкою*. Такъ Василиса Микулична называла Ставра „любимую семеюшкой, законною сдержавушкой“. Називать дѣтей, это *семью сводить*. Дитя уподобляется поству. Такъ Дунаю говорить жена его:

У меня съ тобой есть во чревъ чадо поствяно,
Примесу тебѣ я сына любимаго...
Дай мнѣ младенца поотродити,
Свои хоть сѣмена на свѣтъ опустити ².

Раннія преданія въ былинахъ о великанахъ удерживаютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ возрѣвій, сохранившихся въ языкѣ. Какъ Несторъ въ своей лѣтописи говорить о великанахъ Обрахъ, что они тѣломъ были *вѣлики* и умомъ „горды“; такъ и былина характеризуетъ великана эпитетомъ *гордый*. Въ противоположность „ретивому“ сердцу богатырей, у великановъ сердце *черное*.

Олицетвореніе рѣки Дуная въ образѣ богатыря сопровождается перенесеніемъ и самаго эпитета отъ рѣки къ ея богатырскому образу. Потому въ былинахъ воспѣвается *тихий* Дунаюшка ³.

Богатырскія былины, съ которыми читатели могли познакомиться на этихъ страницахъ, далеко не исчерпываютъ необъятнаго содержанія русскаго народнаго эпоса. По изображенію народнаго быта, онъ только первая ступень его историческаго развитія. Мы остановились на татарщинѣ, которая налагая тяжелую руку на богатырскую былинку, вноситъ анахронизмы въ эпическій циклъ паровъ князя Владиміра, и потомъ, оставаяя позади себя

¹ Куръевск. III, 82. Рыбик. I, 246 71, 72, 205, 206, 328.—II, 129, 131. Куръевск. I, 33. 4IV.—, 19. Рыб. I, 284.

² Куръевск. II, 31, 35, Рыбик. I, 244, 332, 193, 185.

³ Рыбик. I, 314, 313, 187.

богатырей, даетъ эпосу новый видъ, сближая былину съ умильными повѣстями и лѣтописными сказаніями о татарскихъ погромахъ и съ легендами о томъ, какъ Татары оскверняли святыни и мучили князей, которыхъ потомъ церковь причисляла къ лику святыхъ. Черезъ татарщину богатырскій эпосъ переходитъ уже къ собственно историческому.

Съ другой стороны грамотность вноситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средневѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ стихотворнымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Катоврашѣ, и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ *духовныхъ стиховъ*.

Историческая былина, внося въ себя легендарное содержаніе, сливается съ духовнымъ стихомъ; и наоборотъ, духовный стихъ, разбавляясь народнымъ міеомъ или прицѣпляясь къ историческому факту, переходитъ въ эпизодъ то мифическаго, то историческаго эпоса.

Чтобы выдѣлать разнородные элементы изъ этой хаотической смѣси, надобно было сначала разсмотрѣть менѣе сложныя, первичныя основы народнаго эпоса въ пѣсняхъ богатырскихъ. Сборники Куръевского и Рыбникова предлагаютъ богатый матеріалъ во множествѣ вариантовъ одной и той же былины. Надобно было распутать противорѣчія вариантовъ, и одинъ вариантъ дополнять другими, отличая первоначальное отъ позднѣйшей примѣси.

Остается прибавить нѣсколько словъ о самомъ изданіи обоихъ сборниковъ. Прежде всего слѣдуетъ повторить сказанное уже въ началѣ нашего обзора, что и собраніемъ и обнародованіемъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ наука обязана такъ-называемой партіи славянофильской. Сборникъ Куръевского, заслужившій почетную извѣстность еще въ рукописи, больше четверти столѣтія былъ ожидаемъ въ печати всѣми интересующимися славянскою народностію. поканаконецъ Общество Любителей Россійской Словесности не удовлетворило общему ожиданію, достойно заявивъ тѣмъ о своей полезной дѣятельности. О высокомъ интересѣ сборника Рыбникова, собраннаго изъ устъ народа въ самое короткое время, достаточно будетъ сказать то, что

онъ не только ничего не теряетъ при изданіи пѣсень Курѣвскаго, но даже дополняетъ его едва ли не самыми лучшими вариантами, не говоря уже о томъ, что содержать въ себѣ много вовсе неизвѣстныхъ г. Курѣвскому былинъ. Незначительное время, употребленное г. Рыбниковымъ на собраніе этихъ сокровищъ, съ одной стороны свидѣтельствуетъ о воодушевленной ревности собирателя и объ его необыкновенномъ литературномъ тактѣ, съ другой стороны—о томъ, какъ еще неистощимо богата русская народность превосходными эпическими произведениями ожидающими счастливаго собирателя на всѣхъ концахъ нашего великаго отечества.

Изданіе пѣсень Курѣвскаго поручено было отъ Общества Любителей Россійской Словесности г. Безосову. Издатель приложилъ къ сборнику пѣсень выписки изъ летописей о богатыряхъ, нѣкоторыя сказки, замѣтки г. Даля, К. С. Аксакова и самого Курѣвскаго, и сверхъ того снабдилъ пѣсни подробнымъ указателемъ. Приложенія эти значительно облегчаютъ изученіе сборника. Тотъ же издатель, вмѣстѣ съ г. Хомаковымъ, завѣдывалъ печатаніемъ пѣсень г. Рыбникова.

Для превосходныхъ сборниковъ нашелся въ лицѣ г. Безосова самый ревностный издатель, который по достоинству умѣетъ цѣнить родное слово.

Очень хотѣлось бы намъ этими словами заключить свой отзывъ. Но, къ сожалѣнію, г. Безосовъ не ограничился скромною долей старательнаго издателя, и задумалъ связать въ исторіи русской науки съ этими превосходными сборниками свою ученую репутацію, какъ глубокомысленнаго философа, открывшаго въ русскіихъ пѣсняхъ и сказкахъ точно такой же мифологическій процессъ, какой знаменитый философъ Шеллингъ излагаетъ въ своей философіи Мифологіи. Философія г. Безосова, подъ скромнымъ заглавіемъ *заметокъ*, занимаетъ едва ли не столько же мѣста въ обоихъ сборникахъ, какъ и самыя пѣсни.

Можетъ-быть, что смѣлыя сближенія г. Безосова, въ настоящее время немислимыя и не оправдываемыя здравой критикой, въ послѣдствіи получаютъ цѣну непреложныхъ истинъ, какъ напримѣръ, сближеніе, даже отождествленіе греческаго *Геркулеса* съ русскимъ *Тараканомъ*, *Таракашкою*, финикійскаго божества *Мелькарта* съ извѣстнымъ шутомъ *Мороль-*

Фоль и съ сказочнымъ *Маркомъ богатымъ гостемъ*, греческаго *Гермеса* или *Меркурія* съ водокиною *Чурилою Пляковичемъ* и съ *Бермтою*, котораго онъ надувалъ выхоть съ его женою. ¹ Можетъ-быть, въ сказочномъ вымыслѣ о томъ, какъ *Иванушка дурачокъ* обращивается въ разныхъ звѣрей или какъ онъ вѣзаетъ въ уху къ Сивкѣ Буркѣ выражается мировая идея о *скрываетельствѣ*, которое по теоріи г. Безсонова „обозначаетъ въ конечной цѣли обращеніе къ средоточію человѣческаго духа“; ² можетъ-быть, этотъ же затѣйливый Иванушка „переходитъ въ Микулау“ а „богатыри, каждый отдѣльно, соотвѣтствуютъ разнымъ чертамъ Ивана.“ ³ Можетъ-быть, со временемъ будетъ признано за непреложную истину, что наша сказочная *Василиса* есть—„не только *Афродита*, но и *Деметра*, любящая *Ивана*, блуждающая съ нимъ также точно по тремъ царствамъ, отыскивая сѣмена человѣческаго духа“; очень можетъ-быть, что *Авдотья Лиховидьевна Лебедь Бѣлая*, жена *Потока Михайлы Ивановича* есть „его сознаніе, его совѣсть, подпавшія процессу“, и что „его спасеніе—въ живой водѣ, въ крещеніи, въ перемѣнѣ существа и имени, въ церковномъ звонѣ“; можетъ быть, что благодаря всѣмъ этимъ звѣринымъ мытарствамъ, черезъ которыя пробирается *Иванушка Дурачокъ* съ своею *Василисой* „славяно-русскій народъ явился какъ бы вдругъ совершенно готовымъ къ христіанству и какъ бы съ разу удостоился одѣваться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ христіанскихъ вѣросовнаний, православія.“ ⁴

Еслибы г. Безсоновъ все это помѣстилъ въ комментаріяхъ къ философіи Шеллинга, тогда обязанности критика было бы показать, въ какой мѣрѣ приложимы взгляды этого философа къ сказкамъ вообще, и къ русскимъ въ особенности, и не покажутся ли кому-нибудь неумѣстной шуткой надъ знаменитою философіей миеологии эти домогательные представители средоточія и сѣмень человѣческаго духа въ образѣ *Ивана Дурачка* или *Таракатка*; потому

¹ Замѣтк. ко 2-й части Рыбник. 163. 164. Къ 4-му выпуску Куръевск. 178 и слѣд.

² Замѣтка къ 3-му вып. Куръевск. 17.

³ Замѣтка къ 4-му вып. Куръевск. 171—172.

⁴ Замѣтка къ 4-му вып. Куръевск. 174—5. 158. 172.

что едва ли серьезно выражается г. Безсоновъ, когда утверждаетъ, что „для Русскаго Ивана и какой-нибудь Таракашка ближе Геракла, не менѣе его сдѣлали, не подлежатъ забвенію, и какъ выразители пройденнаго пути, и какъ образы творчества.“¹ Но любопытно было бы знать, съ какою цѣлью всѣ эти отвличенности помѣщены въ замѣткахъ при былинахъ, имѣющихъ для публики болѣе широкій интересъ нежели философскіе комментаріи къ какой бы то ни было философской системѣ? Вѣсто объясненія, не затемняютъ ли онѣ простой смыслъ русскихъ былинъ и не собьютъ ли онѣ съ толку какого-нибудь неопытнаго читателя, который запасется этими сборниками для безхитростнаго знакомства съ русскою народностью?

Очень понятно, что г. Безсоновъ, въ пылу философскихъ соображеній, могъ увлечься своими открытіями, и съ извинительнымъ сознаніемъ своего достоинства, могъ съ гордостью сказать, что „такой неожиданный успѣхъ“ (какимъ увѣчиваются его открытія) налагаетъ на него „равнотенный долгъ, для пользы другихъ“, изложить всю эту теорію мифологическаго процесса въ образованіи русской земщины; г. Безсоновъ могъ позволить себѣ печатно выразить даже и такую пріятную надежду: „Надѣмся, говорить онъ, что некоторыя наши указанія и приемы не останутся въ этомъ случаѣ безъ пользы для послѣдователей.“² Понятно, почему г. Безсоновъ, поднявъ себя на высоту основателя новой школы изученія народности, долженъ былъ уже съ презрѣніемъ отзываться о нашихъ ученыхъ или о нашихъ мифологахъ, какъ вообще называетъ онъ нарицательно всю эту мелкую толпу, посягавшую до него сказать что-нибудь о русской народности. „Уважая степень потраченнаго на все это трудолюбія, равняющуюся развѣ только одной ограниченности дѣятелей (такъ говоритъ онъ объ этой толпѣ), всякій обязанъ антиквировать эти зады народной своеобразной русской науки, во имя науки подлинной и современной, какъ бы ни сердились старцы съ высоты кафедръ и ученыхъ степеней“. „Нужно только дивиться бездарности нашихъ мифологовъ“ и т. п.³

¹ Замѣтка ко 2-й части Рыбник. 164—5.

² Замѣтка къ 4-му вып. Куръевск. 114. 183.

³ Ко 2-й части Рыбник. 363. Къ 4-му вып. Куръевск. 74.

Странно и непонятно только одно, какъ цѣлое Общество Любителей Россійской Словесности столько увлеклось оригинальными комментаріями на философію мисологіи Шеллинга, добытыми г. Безсоновымъ изъ русскихъ сказокъ, что разрѣшило издателю присовокупить эти комментаріи къ драгоцѣннымъ матеріаламъ народнаго эпоса, собраннымъ такимъ знатокомъ народности, какъ г. Курьевскій. Отъ кого же, какъ не отъ Общества Любителей Русской Словесности, надобно ожидать должнаго уваженія къ литературнымъ матеріаламъ? Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, никто не имѣетъ права бросать тѣнь подозрѣнія на Общество. Оно знало высокую цѣну сокровищъ, завѣщанныхъ покойнымъ Курьевскимъ, оно даже заявило себя похвальною дѣятельностью по изданію ихъ ¹. Только, къ крайнему сожалѣнію, оно поспѣшило подчиниться авторитету этихъ философскихъ комментаріевъ, и, принявъ за чистую монету авторскую ревность издателя, смѣшало общенациональное, всероссійское дѣло съ мелкими увлеченіями личнаго тщесавія. Только этимъ однимъ можно объяснить, почему Общество покрыло авторитетомъ своего почетнаго имени всѣ эти непристойныя выходки.

Но и здѣсь, намъ кажется, Общество поступило не совсемъ осторожно. Въ такомъ классическомъ изданіи, какъ пѣсни Курьевскаго, ему не слѣдовало допускать голословнаго осужденія какихъ-то нашихъ ученыхъ *вообще*, не слѣдовало профанировать это изданіе болѣзненною горячностью, съ которою г. Безсоновъ преслѣдуетъ какіе-то призраки, называя ихъ общимъ именемъ *нашихъ ученыхъ*, до которыхъ публикѣ нѣтъ никакого дѣла, и безъ уговору воюетъ съ ними только для собственной потѣхи. Если уже надобно было коснуться ученыхъ мнѣній, которыя слѣдовало опровергнуть, то авторитетъ самого изданія и Общества Любителей Россійской Словесности обязывалъ, чтобъ эти ложныя мнѣнія были обозначены въ извѣстномъ порядкѣ, принятомъ ученою критикою, то-есть съ указаніемъ именъ ихъ авторовъ, книгъ или статей гдѣ эти мнѣнія высказаны. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ какъ изданіе народныхъ памятниковъ, надобно открыто идти на врага, называть его

¹ И пишущему эти строки пріятно принадлежать къ Обществу, которое издаетъ сборнику Курьевскаго.

по имени и поражать его на основаніи его собственныхъ словъ. Самыя замѣчанія къ изданію матеріаловъ должны содержать въ себѣ точные факты, руководящіе при изученіи, а не тревожную сутолоку разгулавашагося самолюбія, которое, будто въ лихорадочномъ бреду, дразнитъ себя фантастическими тѣнями какихъ-то нашихъ мисологовъ и филологовъ. Наконецъ, если ужъ Общество Россійской Словесности на слово повѣрило г. Безсонову, что онъ открылъ тайну русской народности и потому сталъ великимъ человѣкомъ, то все же уваженіе къ національнымъ матеріаламъ и къ памяти покойнаго Курѣвскаго обязывало издать философскіе комментаріи г. Безсонова отдѣльною книгой, а не въ тѣсной связи съ былинами, какъ ихъ объясненія.

А что, если всѣ эти немислимыя умозрѣнія объ углубленіи человѣческаго духа въ звѣринныхъ формахъ Иванушки Дурачка или нашего доморощеннаго Геркулеса Тараканчика, окажутся ни больше ни меньше, какъ пародіей на знаменитое произведеніе Шеллинга,—на комъ будетъ тогда отвѣтственность, что этою непристойною шуткой почтили память знаменитаго патриота, всю свою жизнь посвятившаго собранію народныхъ русскихъ пѣсень? Г. Безсоновъ въ сторонѣ. Онъ увлекся своею гевіальностью, онъ разсердился на какихъ-то своихъ враговъ, которые наводятъ на него кошмаръ. Другіе увлекались и хуже его. Онъ по крайней мѣрѣ не бросаетъ грязью въ свою родную сторону; онъ ее любитъ, какъ ревнивый любовникъ, и готовъ всякому выцарапать глаза, кто рѣшается приблизиться къ его обожаемому предмету. Пусть эта любовь неестественна, какъ болѣзненная ревность мужа, который ищетъ любовника своей жены подъ комодомъ; пусть эта ученая ревность отзывается немилосердною монополіей, которая хочетъ взять себѣ на откупъ даже такую всеобщую собственность какъ народность. Пусть еиміамъ, которыми онъ кадитъ русской землицѣ, застилаетъ ему глаза, и только стущаетъ тотъ мракъ, въ которомъ мерещатся ему змѣѣдухи, подъ видомъ какихъ-то *нашихъ ученыхъ*, и подзадориваютъ его раздраженную фантазію.

Чтобы сложить съ себя тяжелую отвѣтственность передъ публикой, Общество поступило бы весьма осмотрительно, еслибы по крайней мѣрѣ въ оставшихся экземпляр-

рахъ пѣсень Курѣвокаго, распорядилось отдѣлать замѣтки г. Безсонова отъ матеріала, пустивъ то и другое въ продажу отдѣльными книгами.

Иное дѣло—замѣтки г. Безсонова при сборникѣ г. Рыбникова. Это личное дѣло собирателя. Если онъ надѣется, что замѣтки издателя не покажутся неумѣстной наглостію авторскаго тщеславія — придрѣпнуть свое имя къ важному національному дѣлу, если наконецъ самъ онъ доволенъ и философствованіемъ и выходками г. Безсонова, то никто не въ правѣ обвинять его. Во всякомъ случаѣ, г. Рыбниковъ оказалъ важную услугу изученію русской народности; и если его имя постановять со временемъ въ исторіи литературы рядомъ съ именемъ Курши Данилова, то въ настоящемъ случаѣ можно только пожалѣть, что онъ напелъ себѣ въ лицѣ г. Безсонова не такого осторожнаго издателя, каковъ былъ Калайдовичъ для пѣсень Курши Данилова.

Впрочемъ, даже въ сборникѣ г. Рыбникова эти замѣтки очень не кстати по одной важной причинѣ, какъ бы ни ли сочувствовалъ г. Рыбниковъ,—именно *по отсутствію надлежащаго спокойствія*, то-есть, по внутреннему *противорѣчію* съ самымъ существомъ издаваемыхъ матеріаловъ. Странно, что такая всепримирающая сила, такое величавое торжественное спокойствіе, какимъ дышетъ народный эпосъ, подѣйствовали на голову г. Безсонова тревожащимъ раздраженіемъ его разгулявшагося самолюбія и озлобленною нетерпимостію ко всѣмъ, кто думаетъ не такъ, какъ онъ. Кажется, будто всѣ эти прекрасныя былины г. Безсоновъ выдаетъ за свою личную собственность и тычетъ ими въ глаза своимъ фантастическимъ врагамъ. Въ своихъ философствованіяхъ воодушевляется онъ не столько содержаніемъ издаваемыхъ матеріаловъ, сколько своею особой, которую будто бы ежеминутно укалываютъ иголкою его воображаемые злодѣи.

Непримирительно и неуспокоительно подѣйствовалъ народный эпосъ на особу, которую славянофилы vybrали изъ своей среды для изданія самыхъ дорогихъ для русскаго сердца сокровищъ народной поэзіи. Но кѣтъ ли, можетъ-быть, историческаго, разумнаго оправданія въ этомъ лирическомъ раздраженіи, воспитанномъ торжественною тишиной широкаго теченія эпическихъ былинъ? Извѣстно,

что славянофилы вообще не отличались терпимостію мѣнѣй и любили переносить въ литературу неугомонную горячность богатырскихъ натуръ временъ князя Владиміра. Не означаетъ ли это явленіе, что спокойствіе народнаго эпоса возможно только въ бессознательной массѣ поколѣній? Но какъ скоро народный эпосъ подчиняется ученымъ изслѣдованіямъ и литературной разработкѣ, онъ теряетъ свою первобытную чистоту, разлагается на части, и производитъ въ умахъ новое броженіе, совершенно несогласное съ невозмутимымъ спокойствіемъ эпической фантазіи.

Ученые подвиги г. Безсонова не представляютъ ли обращеніе этого болѣзненнаго разложенія нѣкогда согласныхъ и спокойныхъ элементовъ народнаго эпическаго творчества? Если это такъ, то надобно только пожалѣть измученнаго этимъ процессомъ ученаго издателя, который принесъ себя въ жертву общей пользѣ, прошедши по бесплодному пути единственно для того чтобы предотвратить другихъ отъ такой же попытки.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I. ОТЪ ГАВАНЫ ДО СЕНЬ-ТОМАСА.

Когда въ сѣверныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ наступаютъ зимніе холода, въ то самое время, съ прекращеніемъ періодическихъ дождей, въ тропическихъ странахъ настаетъ сухая погода, лучшая пора жаркаго пояса. Пароходы изъ Бостона, Нью-Йорка, Нью-Орлеана привозятъ тогда въ Гавану много богатыхъ Сѣверо-Американцевъ. Одни пріѣзжаютъ сюда по дѣламъ торговли, другіе — для поправленія своего здоровья, или просто для того чтобы воспользоваться благопріятнымъ воздухомъ подъ чистымъ небомъ тропиковъ. Нѣкоторые перебираются въ Гавану со всѣмъ своимъ семействомъ и проживаютъ въ ней по нѣскольку мѣсяцевъ. Такимъ образомъ испанскій городъ служитъ зимнимъ мѣстопробываніемъ для богатыхъ Яки, и они располагаются въ немъ какъ бы въ своемъ родномъ городѣ, и какъ бы имъ вовсе не было дѣла до недружелюбныхъ отношеній ихъ правительства къ Испаніи. Ихъ не смущаетъ даже воинственный видъ гавани, который бросается въ глаза каждому прибывшему сюда прямо изъ какого-нибудь порта Соединенныхъ Штатовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой контрастъ! Тамъ, среди кипучей торговой дѣятельности, забываешь обо всемъ что

относится къ войнѣ¹. А здѣсь, при самомъ приближеніи къ гавани, на прѣзжаго грозно смотрятъ укрѣпленія, защищающія узкій проходъ во внутренность бухты. Потомъ пароходу слѣдуетъ еще проплыть подъ стѣнами крѣпости, *la Cabana*. Миковавъ ее, ояъ вступаетъ наконецъ въ обширный заливъ; видъ расширяется; взорамъ въ первый разъ представляется тропическая растительность... Но послѣ короткаго плаванія изъ Штатовъ, насъ не столько поразила высокая пальма на берегу, облитомъ лучами солнца, сколько картина воинственныхъ приготовленій въ гавани. На открытомъ полѣ, у крѣпости, отрядъ испанскаго гарнизона производилъ строевое ученіе. На палубѣ одного изъ линейныхъ кораблей раздавался барабанный бой. Эта тревога казалась чѣмъ-то зловѣщимъ; какъ будто съ часу на часъ ожидали нападенія непріятели.

Испанцы при самомъ заложении города, какъ видно, заботились болѣе о прочности домовъ чѣмъ о красотѣ и удобствѣ ихъ. Со стороны суши, городъ обведенъ каменною стѣной; по обѣ стороны весьма узкихъ улицъ стоятъ двухъ-этажные дома съ плоскими кровлями и массивными стѣнами на случай бомбардированія. Высокія окна домовъ нижнею частью своею расположены вровень съ узкимъ тротуаромъ: такъ что еслибы не чугунныя вставленныя въ нихъ рѣшетки, то пѣшеходы, входя въ окно съ улицы, попадали бы прямо въ гостиную, не переступая порога. Днемъ, во время жара, окна изнутри закрываются деревянными ставнями. Стеколъ не видать почти вовсе, развѣ въ какомъ-нибудь магазинѣ модъ, за большимъ зеркальнымъ стекломъ, красуются заманчивые предметы роскоши. Днемъ въ городѣ душно, и только необходимость можетъ заставить выйти на улицу, на которой въ зной встрѣчаются болѣе все негры и мулаты, привозящіе изъ окрестностей на ослахъ своихъ бананы, апельсины, ананасы и разные овощи. Купцы, разные торговцы и ихъ прикащики, большею частью Сѣвероамериканцы и Нѣмцы, спѣшатъ какъ

¹ Увы, эти воспоминанія относятся къ тому еще такъ недавнему, но уже какъ бы давно прошедшему времени! Теперь нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы все такъ громко говорило о войнѣ и ея ужасахъ, какъ въ Сѣверо-Американскихъ, когда-то соединенныхъ, а теперь раздѣленныхъ Штатахъ.

можно скорѣе пройти по раскаленному тротуару. Изрѣдка по мостовой прогрянуть *соланга* — легкій экипажъ, единственный въ своемъ родѣ: это небольшой крытый кабриолетъ, лежащій на двухъ жердяхъ впереди оси съ двумя большими колесами. Одна лошадь впрягается въ оголобу, а другая—въ постромки, пристегнутыя съ лѣвой стороны; на этой лошади сидитъ негръ, одѣтый въ ботфорты, бѣлые брюки и куртку, обшитую позументомъ; на головѣ у него соломенная шляпа. Двѣ такія воланты, встрѣтившись, занимаютъ всю ширину улицы, и пѣшеходъ на узкомъ тротуарѣ поневолѣ жметса къ стѣнѣ.

Городъ вообще не отличается красотой зданій. Исключая домъ губернатора, самыя лучшія по наружности строенія — казармы и тюрьма. Другія же — большею частью все обветшалыя дома, съ обвалившеюся мѣстами штукатуркою—вблизи кажутся вовсе непривлекательными. Со всѣмъ въ иномъ видѣ является Гавага, когда смотрѣть на нее съ укрѣпленія, возвышающагося на крутомъ скатѣ противоположной стороны залива. Но не такъ-то легко проникнуть во внутренность крѣпости: для этого необходимо достать письменное дозволеніе отъ губернатора. Нашъ консулъ снабдилъ насъ такимъ дозволеніемъ, и мы, переѣхавъ заливъ, взошли на брустверъ высоко стоящій надъ водою. Передъ нами развернулась богатая картина: заливъ наполненъ былъ кораблями и пароходами; гладкая поверхность синей воды его блестяла какъ вороненая сталь; на выдавшемся полукругломъ мысѣ расположился городъ; подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, которые не только освѣщаютъ, но какъ бы окрашиваютъ всѣ предметы, городъ казался какимъ-то причудливымъ произведеніемъ живописи *альфреско*. Дома, вовсе неприглядныя вблизи, представились во всемъ разнообразіи яркихъ радужныхъ цвѣтовъ. Такому разнообразію много способствуетъ то, что бѣольшая часть домовъ выкрашена въ два колера: одинъ этажъ обыкновенно голубой или фіолетовый, а другой—желтый или оранжевый. Эти цвѣта гармонируютъ и съ черепичными кровлями, съ вазами и урнами по угламъ, и съ темнобурыми башнями древнихъ церквей, и съ куполомъ собора, въ которомъ хранятся останки Колумба, и съ прозрачною свѣтлою лазурью небеснаго свода

подъ которыми эти дома издали кажутся легкими, несмотря на свои массивныя, обветшалыя стѣны. За городскою стѣной виднѣется Марсово поле, на которомъ по утрамъ производится конное ученіе; а тамъ далѣе тянутся предмѣстія, куда богатые жители спасаются отъ жара и духоты внутри города. Тамъ, на просторѣ, между лиственными деревьями, возвышается красота здѣшняго края, гордая царственная пальма. На раскаленной солнцемъ желтобурой скалѣ стоитъ другое укрѣпленіе, а за нимъ стелется далекое море, на поверхности котораго отдыхаетъ наконецъ взоръ, ослѣпленный льющимися отовсюду потоками отраженнаго свѣта.

Городъ и его окрестности болѣе всего оживляются вечеромъ. Лишь спадетъ жара, богатые жители, скрывавшіеся днемъ за закрытыми ставнями, спѣшатъ подышать на просторѣ чистымъ воздухомъ. Смуглыя креолки въ газовыхъ платьяхъ, съ открытыми головами, разодѣтыя какъ на балъ, выѣзжаютъ за городъ въ легкихъ волавахъ. Прокатившись нѣсколько разъ по широкимъ аллеямъ за Марсовымъ полемъ, онѣ возвращаются въ городъ, собираются вокругъ *Plaza de Armas*, четырехугольнаго сада передъ губернаторскимъ домомъ, и становятся по четыремъ сторонамъ у чугунной ограды. Синьйориты не оставляютъ своихъ волавъ, и ни одна изъ нихъ не пройдетъ разу по саду. Въ серединѣ этого сада четыре царственныя пальмы, возвышаясь по угламъ квадрата, ослѣняютъ своими вершинами мраморный памятникъ Фердинанда VII. Въ толпѣ, расхаживающей по чистымъ дорожкамъ, можно видѣть представителей всѣхъ націй и породъ, обитающихъ въ Гаванѣ: Американцевъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Испанцевъ, и креоловъ, негровъ и мулатовъ, проработавшихъ день на сигарочныхъ фабрикахъ. Тутъ же показался Китаецъ въ своемъ народномъ костюмѣ, состоящемъ изъ широкихъ синихъ штановъ и короткой рубахи; на головѣ его торчала зоронкообразная шляпа, плетеная изъ тростника. Но этотъ костюмъ обратилъ на себя менѣе вниманія публики чѣмъ показавшаяся въ толпѣ модная французская шляпка на головѣ только что пріѣхавшей изъ Европы Нѣмки. Вотъ на большихъ часахъ, на губернаторскомъ домѣ, пробило восемь. Вдали, со стороны гавани, раздался гулъ пушечнаго выстрѣла. Въ ближнихъ казармахъ забили зорю, и

Когда прекратился трескъ барабановъ, въ садъ вошелъ оркестръ военныхъ музыкантовъ. Они стали у памятника Фердинанда, и воздухъ огласился звуками роговой музыки. Такимъ праздничнымъ гуляньемъ жители Гаваны наслаждаются каждый вечеръ.

Изъ саду мы часто ходили къ пристани. Тамъ, у мрачнаго фонтана, присловившись къ каменнымъ периламъ, смотрѣли мы на гавань объятую темнотою, на укрѣпленія мрачно глядѣвшія съ противоположнаго берега, на одинокій огонекъ дальняго маяка. Въ глубинѣ залива отражались звѣзды, а поверхность его искрилась фосфорическимъ блескомъ. Не вполне еще объясненное явленіе сверканія воды, производимое слизняками, полипами, наливчатыми и другими морскими животными низшей организаціи, здѣсь, подъ тропиками, бываетъ сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ умеренномъ поясѣ. Когда рыба, играя, всплеснетъ бывало спокойную гладь воды, то по ней мгновенно пробѣгали огненные струйки. Лодка, переплывая черезъ заливъ, оставляла за собой свѣтящуюся полосу, а съ веселъ потоками лились фосфорическія брызги. Въ теплоемъ воздухѣ, пропитанномъ морскою свѣжестью, дышалось отраднo-легко. Еслибы счастье человека состояло въ одномъ матеріальномъ блаженствѣ, то Гавана въ такую пору, по справедливости, могла бы называться земнымъ раемъ. Многіе, а въ особенности креолки, можно сказать, только и наслаждаются жизнью въ такую пору. Прослушавъ нѣсколько пѣснь, онѣ въ своихъ волеяхъ опять выѣзжаютъ за городскія стѣны; иныя спѣвають въ театрѣ; другія проѣхавшись по аллеямъ, уже поздно возвращаются домой и скрываются тамъ до слѣдующаго вечера. Фабричный работникъ или полешникъ, едва добывающій себѣ пропитаніе, безпечно проводитъ вечеръ, наслаждаясь прогулкою и музыкой, и повидимому, забываетъ о нуждѣ ожидающей его завтрашній день.

Хотя Куба и не присоединена къ штатамъ Сѣверной Америки, но торговля ея и промышленность ея находятся и безъ того въ рукахъ Англо-Американцевъ. Не только оптовая торговля и всѣ коммерческія операціи, но также и магазины въ городѣ, и лучшія гостиницы, принадлежатъ почти исключительно имъ и еще немногимъ Нѣмцамъ, переселившимся сюда изъ сѣверныхъ штатовъ.

Испанскій языкъ и испанскіе обычаи хранятся только между военными и чиновниками, переѣхавшими сюда изъ Испаніи, между лодочниками и рабочимъ народомъ, изъ котораго впрочемъ очень многіе говорятъ по-англійски. Испанскіе креолы, составляющіе классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, большею частью живутъ на дачахъ при своихъ плантаціяхъ, или *ingenio*, какъ называютъ ихъ. Гава-на походитъ не столько на испанскую колонію, сколько на городъ, завоеванный Испанцами и удерживаемый силою оружія. Насъ не могла не поразить перемѣна, которую тугіе Американцы вносятъ даже въ мелочныя отношенія ихъ житейскаго быта. Въ особенности это обнаружилось за обѣденнымъ столомъ. Когда еще не было за нимъ Американцевъ, то, по окончаніи обѣда, креолы, разговорившись, оставались обыкновенно на своихъ мѣстахъ; вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ, негръ приносилъ мѣдную паоскую чашечку съ раскаленнымъ углемъ (*candela*) и, продолжая бесѣду, гости безцеремонно закуривали сигары и папирсы. Но съ того дня какъ въ гостиницу пріѣхала компанія Американцевъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ леди и джентльменовъ, бесѣды за столомъ прекратились сами собой; *кандела* уже не являлась, и всѣ уходила курить въ свои комнаты. Такое вліяніе Англо-американцевъ нельзя однако приписать нетерпимости, которая вовсе не въ ихъ характерѣ. Правда, нѣтъ людей, которые въ обществѣ были бы такъ сѣвероамериканцевъ, и здѣсь, въ ихъ сближеніи съ живыми и говорливыми Испанцами, еще рѣзче выказывался воздержный нравъ строгихъ Яки. Въмѣстѣ съ тѣмъ они отдають должное уваженіе всякому, господствующему обычаю въ чужой сторонѣ. Но креолы сами невольны подчиняются ихъ вліянію вслѣдствіе нравственнаго превосходства, которое бессознательно чувствуется потомками Испанцевъ, даже вопреки ихъ врожденной гордости.

Испанская колоніальная система, основанная на завоеваніи и на военномъ деспотизмѣ, всегда сильно задерживала развитіе колоній. Испанскіе завоеватели, все не заботились о введеніи земледѣлія въ новооткрытыхъ краяхъ Америки. Вниманіе ихъ преимущественно было обращено на добываніе дорогихъ металловъ и на покореніе туземцевъ, которые подвергались всѣмъ ужасамъ рабства. Жестокое обращеніе съ Караибами, прежними жи-

темяи Кубы, повлекло за собою быстрое вымирание племени, такъ что, къ концу XVII вѣка, на островѣ не оставалось уже ни одного Индѣйца. Презрѣніе къ земледѣлію было въ нравахъ Испанцевъ, считавшихъ всякую работу дѣломъ унижительно-нымъ. Въ колоніи переселялись преимущественно люди военные, чиновники, монахи, но весьма мало рабочихъ, которыхъ замѣняли невольниками. Въ противоположность земледѣльческимъ поселеніямъ въ Сѣверной Америкѣ, колоніи Испанцевъ, основанныя съ оружіемъ въ рукахъ, уже по самому существу своему не допускали значительнаго переселенія изъ метрополіи: испанскіе короли, опасаясь развитія духа свободы въ подданныхъ, которые въ отдаленныхъ колоніяхъ не могли быть подчинены строгой административной опеке, всѣми мѣрами затрудняли выселеніе изъ метрополіи. Оттого Испанцы всегда составляли самую малую часть жителей въ своихъ колоніяхъ, которыя съ трудомъ удерживались въ зависимости полицейскими мѣрами и военной силой. Сверхъ того, правительство въ прежнія времена, по возможности, старалось ограничивать сношенія своихъ колоній съ чуждыми странами, и разными стѣснительными мѣрами и мнѣвольніями препятствовало иностранцамъ селиться въ испанскихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ оно осуждало ихъ на застой. вмѣстѣ съ тѣмъ введена была самая строгая цензура. Мы познакомились въ Гаванѣ съ Французомъ, намѣревающимся издавать газету. Послѣ многихъ затрудненій со стороны правительства, ему наконецъ дозволено было приступить къ изданію, съ условіемъ однако не помѣщать въ ней никакихъ политическихъ извѣстій. Гуляя по берегу залива, мы часто заставали тамъ трудолюбиваго редактора; онъ писалъ свои статьи, сидя на лавкѣ въ тѣни смоковницъ, и окружавшая его тропическая природа была для него единственнымъ утѣшеніемъ. Разъ прочелъ онъ намъ только что написанное стихотвореніе. „Вотъ какъ приходится лавировать,“ говорилъ онъ, улыбаясь: „лишь бы отвлекъ чѣмъ-нибудь подозрительность тупоумныхъ цензоровъ“. Стихотвореніе было сочинено по случаю рожденія сына королевы Изабеллы. Поэтъ-редакторъ сравнивалъ новорожденнаго съ утреннею звѣздой, предвозвѣщающею яснаго дня, намекая тѣмъ на неясность настоящихъ дней. И смѣшно и досадно было ему отъ собственной выходки.

Несмотря на всѣ запретительныя мѣры, или, вѣрнѣе,

вслѣдствіе этихъ мѣръ, духъ недовольства сильно распространился между креолами на Кубѣ. Правительство, опасаясь возстанія, принуждено было послать еще болѣе войска въ Гавану, слѣдствіемъ чего было еще большее угнетеніе жителей. Многіе изъ недовольныхъ удалялись въ Штаты. Тамъ генераль Лопесъ, родомъ креоль, собиралъ около себя Кубанцевъ, готовыхъ освободить угнетенное отечество. Въ 1850 году, онъ въ первый разъ высадился на островъ съ пятьюстами человекъ къ востоку отъ Гаваны. Но подоспѣвшія испанскія войска заставили его отступить и удалиться въ Сѣверную Америку. Годъ спустя Лопесъ снова прибылъ на островъ съ пятисотеннымъ отрядомъ; но надежды его на помощь со стороны туземныхъ креоловъ и на этотъ разъ не оправдались. Королевское войско настигло его отрядъ; многихъ взяли въ плѣнъ, и по приказанію губернатора разстрѣляли. Нѣкоторые скрылись въ горахъ, и самъ Лопесъ, избѣгая преслѣдованій, долго скитался по лѣсамъ; наконецъ голодъ принудилъ его искать убѣжища у креола Джосе Кастанадо, который и выдалъ его правительству. Лопесъ умеръ въ Гаванѣ на эшафотѣ. Народъ, сочувствуя Лопесу, съ негодованіемъ преслѣдовалъ его предателя. Нѣсколько разъ покушались на его жизнь, но неудачно. Наконецъ, года три спустя по смерти Лопеса, Кастанадо былъ застрѣленъ среди бѣла дня въ одной изъ кофеенъ въ Гаванѣ. Это совершилось въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человекъ: убійца нашелъ однако возможность скрыться отъ преслѣдованій полиціи.

Тѣмъ однако не кончились попытки недовольныхъ, но въ рѣшительныя минуты робкихъ, креоловъ. Они составили въ Нью-Йоркѣ юнту, которая черезъ своихъ агентовъ вступила въ сношеніе съ жителями на островѣ. Новый планъ къ возстанію въ болѣе обширныхъ размѣрахъ былъ уже начертанъ. Креолы изъ знатнѣйшихъ семействъ въ Гаванѣ стояли во главѣ недовольныхъ. Но заговоръ былъ открытъ, и губернаторъ заранѣе принялъ мѣры къ оборонѣ. Многіе изъ креоловъ были схвачены и казнены. Экспедиція, начальникомъ которой назначенъ былъ генераль Квитманъ, на этотъ разъ не состоялась.

Какія же выгоды извлекаетъ испанское правительство изъ такого безпокойнаго обладанія Кубой? На это сами Испанцы не могутъ дать опредѣленнаго отвѣта. Прави-

тельство, въ видѣ вознагражденія за оказанныя услуги, посылаетъ изъ Испаніи на Кубу губернаторовъ, которые пользуются почти неограниченною властію. Немногіе изъ нихъ оставались на островѣ болѣе пяти лѣтъ. Они смотрѣли на него какъ на вѣрнѣйшій источникъ къ обогащенію и почти всѣ возвращались въ Европу съ огромнымъ состояніемъ. Губернаторы допускали распродажу негровъ, которыхъ, несмотря на дѣятельность крейсеровъ, неготорговцы высаживали на берегъ. Сама мать королевы, Марія Христина, принимала участіе въ торговлѣ невольниками. При губернаторѣ Канедо контрабанда неграми совершалась въ такихъ большихъ размѣрахъ, что Англія наконецъ вступилась въ дѣло, и по ея требованію Канедо былъ отозванъ въ Европу. Послѣ восемнадцати-мѣсячнаго правленія онъ возвратился въ Европу, какъ увѣряютъ, съ состояніемъ въ полтора милліона долларовъ. Соотвѣтственно этому нажились при немъ и чиновники. Губернаторъ Конча старался приблизить къ себѣ креоловъ, и правительство даало имъ даже нѣкоторыя преимущества. Но ненависть къ метрополиі укоренилась до того, что только присутствіе войска удерживаетъ ихъ отъ явнаго возстанія. При всемъ томъ испанское правительство на всѣ предложенія президента Букакана отвѣчало отказомъ, говоря: „продать Кубу значитъ продать честь Испаніи!“

Мы предпринимали поѣздку внутрь Кубы. Край лежащій на югозападъ отъ Гаваны принадлежитъ къ самымъ цвѣтущимъ и наиболѣе обработаннымъ частямъ острова. Прибывъ послѣ трехчасовой ѣзды по желѣзной дорогѣ въ мѣстечко Гванагай, мы остановились въ *фондѣ*; это была настоящая испанская гостиница, сохранившая своеобразный типъ. Американцы не успѣли еще проникнуть сюда а потому испанскій характеръ сохранился здѣсь вполнѣ; иногда даже казалось будто мы видимъ передъ собою картину цѣликомъ выхваченную изъ произведенія Сервантеса. Просторный дворъ, примыкавшій къ строенію фоны, былъ обведенъ довольно высокою оградой изъ дикаго камня, такъ что по примѣру знаменитаго ламаичскаго рыцаря издали легко было принять ее за старую крѣпостную стѣну. Живые, смуглые креолы, весело разговаривая, дѣлали выразительные жесты; казалось, они изъяснялись столько же руками, сколько и языкомъ. Въ биліардной, примыка-

шею къ столовой, слышались удары кія и шумный говоръ. Къ обѣду намъ подали лапшу, рыбу, жареные бананы, и все это было приготовлено на любимомъ Испанцами оливковомъ маслѣ, которое придавало кушаньямъ непріятный вкусъ. Во время обѣда, съ улицы, въ высокія, настѣжь отворенныя двери, болѣе похожія на ворота сараевъ, въ столовую въѣхалъ верхомъ на лошаки новый гость. Земляной полъ комнаты не отдѣлялся никакимъ порогомъ отъ улицы, и всякій, желавшій остановиться въ фондѣ, въѣзжалъ прямо черезъ столовую на дворъ, куда вели другія, тоже высокія двери. Всадникъ остановился у одного изъ столовъ, и не слѣзая съ лошака, выпилъ предложенный ему стаканъ вина; потомъ поговорилъ съ своими знакомыми и выѣхалъ на дворъ. Никого, кромѣ насъ, и не удивило появленіе верхового въ комнату. Здѣсь, какъ видно, всякаго рода животныя привыкли забираться въ покои: вечеромъ, когда мы пошли занять свой номеръ, мы прежде должны были выгнать забравшагося туда пѣтуха съ курами; потомъ принуждены были, несмотря на жаръ, замкнуть дверь и притворить даже ставни въ окнахъ, потому что гулявшій по двору оселъ, тревожимый любопытствомъ, то и дѣло просовывалъ въ комнату свои длинныя уши.

Цѣль нашей поѣздки была плантація близъ Гванагая, куда мы и пошли на слѣдующее утро. Дорога была песчаная. Примѣсь желѣзной окиси придавала песку совершенно красный цвѣтъ. На поверхности острова вообще попадаетъ двоякаго рода почва: одна, состоящая изъ глинъ съ червоземомъ, и которую жители такъ и называютъ червоземомъ, считается лучшею для сахарнаго тростника; а другая, красная,—для кофейнаго дерева. Красная пыль ложилась на наши пеньковыя пальто, какъ будто ихъ обсыпали кирпичнымъ порошкомъ. Мы прошли нѣсколько сахарныхъ плантацій, которыя смѣнялись то полями, поросшими темнолиственными кустами кофейника, то банановыми рощами; мѣстами на грядахъ были разсажены ананасы; изъ-за пучка колючихъ листьевъ выглядывалъ золотистый плодъ, а въ воздухъ разносился нѣжный ароматъ его. Вдали тянулись дѣсь кокосовыя пальмы; сѣрые, голые до верху стволы ихъ съ большими листьями на макушкѣ придавали ему монотонный видъ; намъ вспомнились хвой-

ные лѣса Россіи, въ которыхъ не увидишь ничего, кромѣ строевыхъ голыхъ сосенъ. Кое-гдѣ подъ сѣнью банановъ съ ихъ сажеными листьями пряталась низенькая лачужка изъ пальмовой коры. Большія плантаціи были обведены оградой изъ бѣлаго известковаго камня, во множествѣ разсыпаннаго по поверхности острова. Цѣпкая павилка, съ лиловыми и фіолетовыми цвѣтами, взвиваясь по оградѣ, зеленью своею совершенно закрывала камень. Въ иныхъ мѣстахъ ограда замѣнялась земляныи валомъ, усаженнымъ американскою агавой, извѣстною у насъ подъ именемъ столѣтнаго дерева. Періодъ полного развитія агавы продолжается отъ пяти до десяти лѣтъ. Мясистые остроконечные листья ея собраны въ пучокъ, изъ середины котораго поднимается цвѣтовой стержень; вѣтви, выходящія изъ него во всѣ стороны и украшенныя на оконечностяхъ желтыми пахучими цвѣтами, придаютъ растенію видъ огромнаго кандеабра.

Мы свернули наконецъ съ дороги въ широкую аллею; высокія, столпообразныя царственныя пальмы тянулись по обѣ стороны будто изящная колоннада: верхушки пальмъ, въ замѣнъ капители, увѣнчаны были большими листьями, изгибающимися во всѣ стороны какъ страусовыя перья. Въ концѣ аллеи стояла статуя богини Молчанія, въ честь которой плантація и названа Ангеровой. Съ другой стороны, изъ густой зелени сада, выступалъ большой господскій домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ верандами. Владелецъ, которому вручили мы письмо отъ нашего консула, принялъ насъ съ привѣтливостью свойственною вообще Испанцамъ. Онъ самъ водилъ насъ по плантаціи. Прежде всего пошли мы въ поле, гдѣ на ту пору производилась жатва сахарнаго тростника. Никакое другое поле не можетъ сравниться по красотѣ съ тростниковымъ. Узкіе изжелта-зеленые листья на вершинахъ высокихъ стеблей тихо колебались отъ вѣтра. Но и жатва на такой плантаціи—самая трудная изъ всѣхъ полевыхъ работъ, тѣмъ болѣе что при этомъ употребляются здѣсь самыя несовершенныя орудія: простые широкіе ножи, подобные нашимъ косарямъ. Ими-то негры порубали у самаго края стебли, въ руку толщину; потомъ очищали ихъ отъ верхнявыхъ листьевъ и взваливали на телеги, которыя отвозились волами на заводъ.

Здѣшній тростникъ рослае и содержитъ въ себѣ болѣе процентовъ сахару чѣмъ тотъ, который растетъ въ штатахъ Сѣверной Америки. Притомъ, благодаря болѣе жаркому климату, самая обработка тростниковаго поля на Кубѣ требуетъ гораздо менѣе труда; посав одной рассадки, здѣсь съ поля снимають до тридцати жатвъ, тогда какъ въ Штатахъ тростниковыя поля перепаживаются каждыя пять лѣтъ, и даже чаще. А потому Штаты по причинѣ болѣе сѣвернаго положенія не могутъ выдержать конкуренціи съ Вестъ-Индіей, съ среднею и южною Америкою, и только несоразмѣрный тарифъ, наложенный на привозный сахаръ, поддерживаетъ сахарныя плантаціи въ Штатахъ. Производство сахара на Кубѣ увеличилось особенно съ тѣхъ поръ какъ на заводахъ стали употреблять паровыя машины. Устройство ихъ требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя окупаются только когда сахарный тростникъ разводится въ большихъ размѣрахъ. Ни одно растеніе не приноситъ такихъ выгодъ, какъ сахарный тростникъ. А потому на большихъ плантаціяхъ, хозяева, обладающіе машинами, ограничиваются производствомъ одного сахара; поля, которыя прежде были заняты кофейнымъ деревомъ, табакомъ и другими тропическими растеніями, перепажаны и засажены тростникомъ. Для такой рассадки, узловатыя стебли растенія кладутся горизонтально въ борозды вспаханнаго поля и закрываются землею. Недѣли черезъ двѣ, изъ каждаго узла выходитъ стебелекъ. Мѣсяцевъ черезъ десять, тростникъ достигаетъ полнаго роста и его срѣзають. Изъ узловъ оставшагося въ землѣ корня вырастають новые отрпыски, которые посиваютъ къ жатвѣ на слѣдующій годъ.

Сдѣлавшись для народовъ Европы и Америки изъ предмета роскоши предметомъ насущной потребности, сахаръ въ наше время есть одно изъ важнѣйшихъ произведеній всемірной торговли. Употребленіе его расширяется вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи, и хотя въ умѣренномъ поясѣ свекловица и американскій клевъ доставляють уже довольно значительное количество сахару; но эти растенія не могутъ задержать распространенія тростника: пришлось бы обширныя страны засадить клевомъ и засавать свекловицей для того чтобы замѣнить все количество потребляемаго теперь тростниковаго сахара.

Въ Европу, по приблизительному разчету, ежегодно привозится около десяти милліоновъ центнеровъ; Куба доставляетъ почти десятую часть этого количества. Можно судить повтому, какое важное мѣсто въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ суждено занять какъ Вестъ-Индскимъ островамъ, такъ и тропическимъ странамъ Америки вообще.

Во время нашего пребыванія на *ингеніо* Ангеровъ началась выварка сахара на заводѣ. Подвезенный съ поля тростникъ сваливался близъ паровой машины въ огромныя груды. Негритянки и дѣти охабками подавали его двумъ неграмъ, которые пропускали тростникъ между тремя стальными, почти соприкасающимися между собою, цилиндрами. Выжатый сокъ стекалъ по подставленнымъ внизу жолобамъ въ большіе котлы, подверженные сильному жару; а лишние сока, измятые стебли, тотчасъ же подбирались неграми, высушивались и потомъ поступали въ печи въ добавку къ дровамъ. Самая трудная работа происходила у котловъ, гдѣ кипѣлъ и пѣвился сладкій сокъ. Негры снимали пѣну огромными лопатами, и покрикивали при этомъ странными голосами, соблюдая какой-то безусловный ритмъ и тактъ въ непонятныхъ звукахъ. „Это адъ!“ сказалъ намъ хозяинъ; и точно, при тускломъ свѣтѣ лампъ, мерцавшихъ сквозь мглу, подымавшагося изъ котловъ густаго пара, двигались словно демоны, черныя полунагія фигуры и раздавались какіе-то зловѣщіе крики. Изъ бѣлыхъ никто не понималъ что именно кричатъ негры. Управляющій говорилъ, что они даютъ знать истопникамъ, когда нужно прибавлять жару. „А можетъ-быть“, прибавилъ онъ шутя, „они условливаются между собою, чтобы по данному сигналу подхватить всѣхъ бѣлыхъ, да окунуть ихъ въ сахарный кипятокъ“. Разказываютъ, будто во время возстанія на Гаити, негры, мстя своимъ притѣснителямъ, дѣйствительно прибѣгали къ такому адскому средству.

Владѣльцы мелкихъ участковъ на островѣ, не имѣя средствъ завести у себя паровую машину, производятъ по преимуществу кофе и табакъ. Мы пошли къ одному изъ мелкихъ владѣльцевъ, плантація котораго хотя и не могла по обширности сравниться съ Ангеровой, представляла однако большее разнообразіе тропической флоры.

Кофейное растеніе пріютилось подъ густою листвою деревъ отъ вредныхъ для него палящихъ лучей солнца. Между его глянцевыми темными листьями висѣли похжіе на вишни плоды, содержащіе въ себѣ по парѣ бобовыхъ съмечекъ. Когда наружная мясистая оболочка начинаетъ трескаться, то негры, обходя съ мѣшками кустики, собираютъ спѣлые плоды. Для разведенія кофейнаго растенія берутъ свѣжія, еще не высохшія сѣмена; пролежавъ съ мѣсяцъ на воздухѣ, они уже не годятся для посѣва. На третій годъ, на деревцѣ показываются первые плоды. Съ одного и того же растенія сборъ продолжается отъ десяти до пятнадцати лѣтъ къ ряду, и оно даетъ около десяти фунтовъ кофея ежегодно. Кофей все еще составляетъ для Кубы весьма важный предметъ вывоза, несмотря на то что съ расширеніемъ производства сахара на островѣ стали менѣе разводить кофейное дерево.

Та же участь постигла и другое важное для Кубы растеніе—табакъ. На островѣ намъ приходилось видѣть подъ табакомъ весьма небольшіе участки, да и тѣ попадались не такъ часто, какъ бы слѣдовало ожидать по огромному количеству сигаръ, продаваемыхъ подъ фирмою гаванскихъ не только по всей Европѣ, но и въ Сѣверной Америкѣ. Больше всего табаку воздѣлывается въ западной части острова, откуда доставляютъ въ Гавану самые высшіе сорта сигаръ. Лучшее достоинство тамошняго табаку зависитъ, по словамъ хозяевъ, отъ особеннаго свойства почвы, и только немногія мѣста на островѣ одарены тою червою землею, которую особенно любятъ табакъ. На Кубѣ нѣтъ такихъ обширныхъ табачныхъ плантацій, какими изобилуетъ Сѣверная Америка, и въ особенности Кентукки; въ этомъ штатѣ ежегодно производится слишкомъ пятьдесятъ пять милліоновъ фунтовъ, тогда какъ Куба доставляетъ только десятую часть того же количества. Такое, сравнительно, ограниченное производство настоящаго туземнаго растенія, которое въ первый разъ открыто Колумбомъ на Кубѣ и которымъ островъ издавна славится, должно приписать преимущественно тому, что воздѣлываніе его невыгодно въ сравненіи съ другими произведеніями тропиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ сахарный тростникъ послѣ одной рассадки даетъ до тридцати жатвъ, подъ табакъ необходимо перепахивать поля каждый годъ и

вновь засѣвать ихъ. Притомъ табакъ во время своего роста требуетъ внимательнаго ухода. Оттого на обширныхъ *ингеніяхъ* онъ не воздѣлывается почти вовсе, а мелкіе владѣльцы засѣваютъ имъ лишь небольшіе участки по близости дома, и ухаживаютъ за ними съ особеннымъ стараніемъ. Притомъ табакъ съ выгодною можетъ быть разводимъ не только въ тропическихъ странахъ, но и въ умеренныхъ. Вслѣдствіе такой способности примѣняться къ различнымъ климатамъ, табачное производство быстро распространилось во всѣхъ частяхъ свѣта, и эта обширная конкуренція есть также одна изъ причинъ, что воздѣлываніе его на островахъ Вестъ-Индіи не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія приносятъ другія исключительно тропикамъ свойственныя растенія.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ангероны, хозяинъ пригласилъ насъ съ собою на охоту. Въ назначенный день, съ восходомъ солнца, мы пустились въ горы, верхомъ на иноходцахъ, на которыхъ обыкновенно ѣздятъ Кубанцы. Охотниковъ набралось шесть человѣкъ; каждый взялъ съ собою по двухствольному ружью. Кромѣ того, было нѣсколько человѣкъ негровъ тоже верхомъ; одному изъ нихъ поручили гончихъ собакъ. Проѣхавъ между тростниковыми полями, мы очутились въ лѣсу, подъ сѣнью разнообразныхъ деревьевъ, отличающихся то объемистыми стволами голыми до значительной высоты и распускавшимися на верху широкимъ шатромъ, то прекрасною густою листвою. Насъ особенно поразило страшное чужеродное дерево изъ семейства фиговыхъ, называемое Кубанцами *Yaguay embra*. На подобіе толстой коры покрываетъ оно другое дерево, такъ что стволъ послѣдняго представляетъ собою какъ бы сердцевины. Мѣстами, словно въ дуплѣ, виденъ былъ не совсѣмъ еще вымершій внутренній стволъ; онъ выпускалъ наружу вѣтви съ зелеными еще листьями, которые легко было отличить отъ овальныхъ, въ ладонь величиною, листьевъ губителя. Обыкновенно внутреннее дерево, задушенное въ ужасныхъ объятіяхъ, умираетъ наконецъ совершенно и падаетъ вмѣстѣ съ своимъ убійцею. Пальмы однако живучѣе: мы видали, какъ уже довольно старое чужеродное дерево стиснуло въ своихъ объятіяхъ стволъ кокосовой пальмы, но не задумало ея; поднявшись надъ раскидистою верхушкой душе-

губца, пальма распустила тамъ во всѣ стороны свои большіе листья-перья.

Изъ лѣсу мы выбрались на обширную поляну, на которой здѣсь и тамъ, отдѣльными клумбами, возвышался статный бамбукъ. Эта древовидная трава жаркаго пояса, своимъ узкимъ травянистымъ листомъ и гибкимъ стеблемъ достигающимъ высоты нашихъ березъ, придаетъ открытой мѣстности своеобразный и веселый видъ. Тутъ же на полянѣ стояло нѣсколько деревъ манго. Сучья и вѣтви были такъ густо покрыты кожистымъ темнозеленымъ листомъ, что округленная верхушка манго подобила огромному зеленому куполу. Мясистые, немного пряные на вкусъ плоды этого дерева, называемые яблоками Кубы, — величиною съ гусиное яйцо и желтоватаго цвѣта. Между деревьями, такъ мало похожими на наши, показалась и пихта, — единственная представительница на островѣ хвойныхъ породъ холоднаго сѣвера. Но пихта на Кубѣ уже не то коренастое дерево съ здоровымъ стволомъ, какимъ вырастаетъ она у насъ: ей какъ будто не достаетъ нашихъ морозовъ и вьюгъ. Неголстый, нѣсколько корявый стволъ возвышается довольно высоко; сучья отчасти обвисли и снабжены мягкими, трубчатыми, внутри полыми иглами, изъ-зелена-пепельнаго цвѣта, придающаго дереву какой-то тоскливый видъ.

Миновавъ нѣсколько маленькихъ плантацій, мы поднялись на невысокій хребетъ внутреннихъ горъ. Въ кустахъ, покрывающихъ холмы и долины, водятся олени, привезенные на Кубу лѣтъ за пятьдесятъ изъ Мексики и расплодившіеся въ горахъ благодаря отсутствію хищныхъ звѣрей. Негръ-доѣзжачій бросилъ собакъ въ кусты. Охотники, съ перекинутыми черезъ сѣдло ружьями, скакали съ пригорка на пригорокъ, не разбирая ни кустовъ, ни рытвинъ, и сообразуясь лишь съ раздававшимся по временамъ лаемъ. Собаки начинали уже уставать, а оленей все не было видно. Наконецъ удалось напасть на слѣдъ. Охота оживилась, и все поскакало съ одного холма на другой. Преслѣдуемые собаками, три оленя пронеслись кустами. Одинъ изъ охотниковъ пустился имъ на перерѣзъ, и не слѣзая съ лошади, выстрѣлилъ, — промахъ! Угнавъ оленей въ горы, собаки воротились измученныя. Негръ-доѣзжачій, раздосадованный неудачей, вскинулся на отрѣвлявшаго за то что онъ испор-

тилъ все дѣло. Охотникъ, креоль, оправдывался какъ провинившійся. Эта сцена развлекала насъ оригинальностью положенія дѣйствующихъ въ ней лицъ: страсть заставила забыть разстоянiе, отдѣлявшее чернаго раба отъ блага господина, и въ пылу охоты послѣднiй невольно подчинялся первому. Довѣзжачiй настоялъ на томъ, чтобъ еще разъ пустить собакъ и попытать счастья. Опять поскакали. Собаки вскорѣ задалаи по слѣду; но въ это самое время въ кустахъ послышался сигнальный звукъ рога, призывавшiй на помощь. Всѣ поспѣшили туда. Лошадь подъ однимъ изъ охотниковъ попала на скаку въ заросшую зеленью рывину, и перевернувшись възмъ корпусомъ, лежала стиснутая съ боковъ кверху ногами. Охотникъ, къ счастью, успѣлъ высвободиться изъ-подъ лошади; но сама она никакъ не могла подняться на ноги. Ее вытащили при помощи негровъ, связавъ вмѣстѣ нѣсколько ремней. Собаки между тѣмъ, гоняясь за оленями, забѣжали такъ далеко, что довѣзжачему стоило немалого труда собрать ихъ.

На возвратномъ пути мы взѣхали на высшую точку въ хребтѣ, на вершину Санъ-Исидоръ. Оттуда намъ видѣть былъ островъ поперекъ, отъ одного берегового края до другаго. На сѣверѣ темнѣли воды Мексиканскаго залива, а на югѣ—Антильскаго моря, на поверхности котораго темнымъ пятномъ обозначался островокъ Пиносъ, названный такъ по большимъ растущимъ на немъ пихтамъ (*piño*). Внизу подъ нами, среди зелени лѣсовъ и банановыхъ рощъ, разсыпаны были строенiя мелкихъ плантаторовъ; тамъ далеко, бѣдѣли домики города Гванаяя, а вотъ и Ангерона, къ которой мы и направили своихъ усталыхъ вхождцевъ. Солнце стало скрываться за дальними горными вершинами; мы спѣшили домой, чтобы насъ не застали короткiе сумерки.

Аngerона и сосѣднiя съ ней плантацiи расположены въ мѣстности принадлежащей къ самымъ воздѣланнымъ и наиболѣе живописнымъ на островѣ; недаромъ эготъ край названъ садомъ Кубы. Послѣ него другiя мѣста должны показаться уже менѣе привлекательными. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ближе подѣзжали мы по желѣзной дорогѣ къ южному антильскому берегу, тѣмъ бѣднѣе становилась растительность. Вмѣсто богатыхъ *ингенiо*, попадались бѣдныя хижины крытыя пальмовымъ листомъ. Малонаселенныя

города представляли видъ опустѣвнн. Даже самый портъ Батабано, въ которомъ остановились мы на время, состоялъ не болѣе какъ изъ сорока одноэтажныхъ домиковъ и лачужекъ построенныхъ на болотѣ. Городъ расположенъ прямо къ югу отъ Гаваны на берегу Антильскаго моря. Пассажиры, отправляющіеся изъ Гаваны въ Санъ-Яго-де-Куба, находящійся на юго-восточной части острова, переѣзжаютъ обыкновенно по желѣзной дорогѣ въ Батабано, и не останавливаясь въ городѣ, ѣдутъ далѣе на пароходѣ. Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Испанцы задумали было основать здѣсь торговое средоточіе своей колоніи; но болотистая, вредная для здоровья мѣстность, побудила ихъ перенести его на сѣверный берегъ, гдѣ теперь стоитъ Гавана. Съ тѣхъ поръ ничего не могли сдѣлать чтобъ улучшить положеніе города, который по мѣсту имъ занимаемому обѣщаетъ столько выгодъ для мореходства по Антильскому морю. Воздухъ въ Батабано до того пресыщенъ испареніями изъ приморскихъ болотъ, что въ фондѣ, гдѣ мы ночевали, къ утру отсырѣло наше бѣлье. Большая часть жителей состоитъ изъ рыбаковъ, отсылающихъ рыбу по желѣзной дорогѣ внутрь острова, и изъ дровосѣковъ, привозящихъ на своихъ большихъ лодкахъ дрова съ лежащаго противъ пристани острова Пиноса, богатаго пихтовымъ лѣсомъ. Кромѣ того, вдоль морскаго берега, въ шалахахъ изъ пальмовыхъ листьевъ, живутъ угольщики-негры, доставляющіе уголь на желѣзную дорогу. Дрова, уголь и рыба составляютъ такимъ образомъ всю промышленность города Батабано.

Внутренніе города Кубы, даже тѣ, черезъ которые проходитъ желѣзная дорога, также мало оживлены торговою дѣятельностью. По закону противоположности, намъ вспоминались при видѣ ихъ еще не готовые, но оживленные и всегда строящіеся города въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ въ перспективѣ всегда видѣлось будущее развитіе возникающаго мѣстечка. Здѣсь-же, напротивъ, города уже давно выстроенные представляли видъ распадающагося и запустѣвнн. Такъ въ Бехукаль, гдѣ пробыли мы нѣсколько дней, не только не приходилось видѣть какихъ-нибудь новыхъ построекъ, но даже старые полуразвалившіеся дома съ толстыми каменными стѣнами оставались безъ починки. Оттого нерѣдко случалось, что одна поло-

вида дома была обитаема, тогда какъ другая, отдѣленная отъ первой каменною стѣной, стояла въ видѣ развалины и даже безъ крыши; внутри пустаго строенія разрослаесь большими кустами лапчатый кактусъ, по мясистымъ стеблямъ котораго взвивались цвѣтуція бильфоніи. Въ городѣ когда-то былъ садъ. Теперь отъ него остались дорожки, выложенныя плитнякомъ, вполонину сломанный памятникъ по серединѣ сада, каменные скамейки съ отбитыми углами, нѣсколько деревьевъ и три пальмы, вмѣсто четырехъ какъ бы слѣдовало, по угламъ памятника. Все свидѣтельствовало, что городъ когда-то былъ и хорошо обстроены, и многолюденъ; но это было давно, во времена войнолюбивыхъ *конкистадоровъ*, покоровшихъ владычеству Испаніи лучшія страны тропической Америки. А теперь даже желѣзная дорога, проведенная черезъ Бехукаль, не могла пробудить его къ новой жизни, и кажется будто обитатели доживаютъ въ немъ послѣдній срокъ, дожидаясь только, когда обрушатся наконецъ остальные строенія.

Этотъ отживающій городъ представлялъ въ маломъ видѣ картину распада испанскаго владычества въ Новомъ Свѣтѣ. Изъ обширныхъ владѣній, простиравшихся отъ Калифорніи до устьевъ Ла-Платы и составлявшихъ главный источникъ богатства и могущества испанскихъ королей, за ними только и остались два острова, Куба и Порторико. Да и тѣ, по причинѣ ложной колоніальной системы основанной на военномъ деспотизмѣ, показываютъ мало отраднанаго какъ въ торговомъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи. Несмотря на благодатный климатъ, на плодородіе почвы, воздающей сторицею за трудъ человека, несмотря на удобство сообщеній по желѣзной дорогѣ,—хозяйство мелкихъ землевладѣльцевъ на Кубѣ до сихъ поръ находится на весьма низкой степени. Мы посѣщали, въ окрестностяхъ Бехукала, добродушныхъ, всегда гостепріимныхъ поселенцевъ. Разъ зашли мы въ домикъ, стоявшій подъ стѣною кокосовыхъ пальмъ и апельсиновыхъ деревьевъ. У дверей росло хлѣбное дерево съ большимъ изрѣзаннымъ листомъ; на немъ висѣли плоды величиною съ дѣтскую голову. Хозяинъ учтиво пригласилъ насъ въ комнату,—такъ по крайней мѣрѣ называлъ онъ пространство подъ пальмовой крышей, огороженное четырьмя стѣнами изъ пальмовыхъ бревень, и съ голою землею вмѣсто

пола. Столъ о трехъ ножкахъ, прислоненный къ стѣнѣ, нѣсколько подуизломанныхъ стульевъ и старый шкафъ составляли все убранство этого жилища. Два креола въ рубахахъ, порывившихъ отъ красной пыли, покачивались на стульяхъ, сложивъ на-крестъ руки. Хозяйка занималась починкою своего платья. Мальчикъ лѣтъ пяти, совершенно голый, возился на земляномъ полу. Мы попросили банановъ. Хозяинъ позвалъ дѣвочку, и она тотчасъ же отправилась въ рощу, откуда вскорѣ принесла десятокъ плодовъ самаго лучшаго сорта. Съѣвъ по банану, мы хотѣли заплатить хозяину; но онъ наотрѣзъ отказался принять деньги отъ своихъ гостей. Несмотря на бѣдность, эти поселенцы также учтивы, также гордятся своимъ гостеприимствомъ, какъ и богатые землевладѣльцы. Большая часть земли, принадлежащей креолу, была занята бананами. На незначительномъ участкѣ росли бататы, кукуруза и немного табаку для собственнаго употребленія. Близъ хижины находилась саванна, то-есть лугъ поросшій высокою травой. Съ одной стороны къ саваннѣ примыкалъ лѣсъ, а съ другой она была ограничена обнаженными скатами горъ. На ней пасались три коровы, бродя по брюхо въ травѣ. Внутренность острова изобилуетъ богатыми пастбищами, на которыхъ скотъ можетъ кормиться круглый годъ. Несмотря на эти выгоды, весьма немногіе занимаются скотоводствомъ. Оттого мясо на Кубѣ вообще очень дорого.

Возвратившись въ Тававу изъ нашей поѣздки внутрь острова, мы попали на праздникъ негровъ, который бываетъ въ Крещеніе. Разъ въ годъ чернокожимъ дозволяется предаваться удовольствіямъ, и рабы на этотъ день становятся свободными, не признавая надъ собою ничьей власти. Въ гостиницѣ, гдѣ прислуга состояла изъ негровъ, каждый изъ насъ за завтракомъ нашелъ на своей тарелкѣ поздравительные стихи напечатанные на голубой бумагѣ. За это слѣдовало положить по доллару въ пользу прислуги. На улицѣ, между тѣмъ, чернокожіе составляли своего рода карнавалъ. Толпы разряженныхъ, съ музыкой, барабанами, разными погремушками и пестрыми знаменами, распѣвая и приплясывая, переходили съ мѣста на мѣсто. По временамъ они останавливались передъ домами, собираясь въ кружокъ среди улицы. Поставивъ между колѣнъ барабаны, сдѣланные изъ выдолбленнаго пня, негры били тактъ пал-

ками на натянутой кожѣ; къ этому присоединялась обыкновенно дудка, что-то въ родѣ гитары; чаще же просто хлопали въ ладоши. На середину круга выходили по нѣскольку негровъ и негритянокъ, и отплясывали какой-нибудь импровизованный танецъ, при одобрительныхъ крикахъ товарищей. Съ балконовъ зрители бросали деньги въ толпу; она уходила, а на ея мѣсто являлась другая группа. Нѣкоторыя толпы состояли изъ характеристическихъ костюмовъ. Такъ одна представляла мусульманъ: негры, украсивъ головы чалмами, разодѣлись въ пестрые шаровары и куртки. Другая группа состояла изъ краснокожихъ Карабовъ: почти нагие негры вымазали все тѣло красною глиной, сквозь которую досылалась черная кожа; на рукахъ и ногахъ блестяли кольца и браслеты; на головахъ развѣвались разноцвѣтные перья. Толпы эти занимали всю ширину улицы, такъ что ни одна волянта не показывалась въ городѣ. На *plaza de armas* съ утра была самая большая давка. Въ саду играла поковая музыка. Шумныя толпы негровъ останавливались передъ домомъ губернатора. Къ нему съѣхались на поздравленія знатнѣйшіе сановники, военные и волкія должностныя лица, которые въ свою очередь представляли довольно пеструю картину: мудриры разныхъ цвѣтовъ съ блестящимъ шитьемъ и эксельбантами наполняли обширную террасу.

Пѣсни, шумъ и звуки барабановъ продолжались на улицахъ до четвертаго часу. Къ вечеру негры разошлись по кофейнямъ и по разнымъ домамъ, гдѣ устраивались балы. Мы отправились въ томъ домъ, гдѣ собрались слуги изъ нашей гостиницы. Въ небольшой комнатѣ находилось человекъ до пятидесяти. Негры были одѣты весьма прилично въ легкихъ, туго накрахмаленныхъ сюртукахъ. Негритянки щеголяли въ бальныхъ платьяхъ разныхъ цвѣтовъ и матерій. Въ обращеніи между собой гости старались поддерживать тонъ и формы, которые переняли они у своихъ господъ. Танцовали кадриль подъ звуки двухъ скрипокъ и виолончели. Возвращаясь въ гостиницу, мы слышали музыку и въ другихъ домахъ, гдѣ на такомъ же балу веселились невольники. До самой полуночи долетали до насъ отрывочные звуки виолончели или скрипки; все еще танцовали и веселились негры, пользуясь немногими быстроходящими часами мнимой свободы.

Англійская компанія вестъ-индскаго пароходства поддерживаетъ постоянное сообщеніе между Антильскими островами. Сборнымъ мѣстомъ для пароходовъ, плавающихъ по водамъ Мексиканскаго залива, служитъ маленькій островъ Санъ-Томасъ, лежащій близъ Порторико, къ востоку отъ этого крайняго изъ большихъ Антиловъ. Когда на пароходѣ изъ Гаваны вѣхали мы въ защищенную со всѣхъ сторонъ небольшую бухту Санъ-Томаса, то не могли налюбоваться представившеюся намъ картиной. Однимъ взглядомъ окинули мы и небольшую бухту съ стоящими на якоряхъ пароходами и кораблями, числомъ до тридцати, и на краю берега новенькій городокъ прислонившійся къ горѣ, которая круто поднималась за нимъ, и маленькую крѣпостцу съ пушками, и развалины круглыхъ башенъ на холмѣ, служившихъ притономъ флабустьерамъ въ тѣ времена, когда они совершали смѣлые морскіе набѣги по водамъ Мексиканскаго залива. Все смотрѣло такъ весело, такъ миниатюрно.

Какъ ни мала гавань, какъ ни незначителенъ островокъ, который по бесплодію почвы самъ по себѣ ничего не производитъ, однако онъ занимаетъ, въ настоящее время, важное мѣсто между Антильскими островами. Значеніе его возвысилось еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ датское правительство объявило Санъ-Томасъ вольнымъ портомъ. Находясь на перепутьи между большими и малыми Антилами, онъ составляетъ естественный узелъ морскихъ путей сообщенія между Европой, Вестъ-Индіей и портами по берегамъ Мексиканскаго залива и Караибскаго моря. Два раза въ мѣсяцъ сѣзжаются сюда пароходы изъ Кубы, Ямайку, изъ Демерары въ Южной Америкѣ, изъ Аспинвала въ центральной; всѣ они привозятъ съ собой пассажировъ и товары, которые въ Санъ-Томасѣ переходятъ на одной большой пароходъ и на немъ уже плывутъ въ Англію, въ Саутамптонъ.

Во время всеобщаго сѣзда пароходовъ Санъ-Томасъ представляетъ пеструю оживленную картину торговой дѣятельности. Въ гавани развѣваются флаги разныхъ націй. Между ними показался при насъ двуглавый русскій орелъ. Послѣ мы узнали, что русскій торговый бригъ, плававшій изъ Рига въ Англію, былъ нанятъ компаніей для доставки въ Санъ-Томасъ каменнаго угля. На главной, почти единствен-

ной улицѣ города, въ это шумное время, встрѣчаются представители разнохарактерныхъ европейскихъ и американскихъ національностей. Слышится говоръ на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, испанскомъ и датскомъ языкахъ; а чернокожіе по временамъ переключаются между собой на своемъ неповоротливомъ нарѣчій. Такая дѣятельная жизнь продолжается три или четыре дня. Когда же съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ пароходы, размѣнявшись пассажирами и грузами, разъѣдутся каждый по своему назначенію, тогда въ Санъ-Томасѣ на двѣ недѣли наступаетъ невозмутимое затишье, какое можно испытать только на островѣ, отдаленномъ отъ всего міра неоглядною поверхностью воды.

Не такъ еще давно весь островъ былъ покрытъ зелеными полями тростника; но съ освобожденіемъ невольниковъ сахарныя плантаціи упали. За исключеніемъ немногихъ банановъ, посаженныхъ неграми, и небольшихъ огородовъ, на островѣ не видать болѣе никакихъ слѣдовъ земледѣлія. Защитники невольничества нерѣдко ссылаются на подобные случаи упадка сахарнаго производства какъ на вредныя будто бы послѣдствія несвоевременной эманципаціи. Но чтобы убѣдиться въ несостоятельности такихъ доводовъ, стоитъ только указать на сосѣдній островъ Санта-Крусъ. По освобожденіи негровъ и со введеніемъ вольнонаемной работы, на немъ не только не уменьшилось число плантацій, но они доведены напротивъ до болѣе цвѣтущаго состоянія; теперь Санта-Крусъ напоенъ непрерывающимся рядомъ садовъ и прекрасно воздѣланныхъ полей. Не трудно объяснить, отчего эманципація на обоихъ островахъ, при одинакихъ обстоятельствахъ, имѣла противоположныя послѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ, островъ Санъ-Томасъ состоитъ изъ каменистаго грунта, покрытаго нетолстымъ слоемъ плодородной почвы; куда ни обратись, вездѣ наружу выгладываетъ твердый камень. Воздѣлываніе сахара, требующаго по преимуществу глубокаго пахатнаго слоя, не могло быть выгодно на такой почвѣ. Но располагая трудомъ невольниковъ, плантаторы кое-какъ поддерживали хозяйство, налегая сильнѣе на своихъ рабочихъ; доходъ все-таки получался, а за работу платить не приходилось; а потому при хозяйственной смѣтѣ она почти и не входила въ расчетъ у плантаторовъ. Когда же пришлось ввести наемный трудъ, то оказалось, что

расходы на работчиковъ не вознаграждались получаемыми съ полей произведеніями. Напротивъ того, на Санта-Крусѣ, при менѣе гористой, плодородной почвѣ этого острова, вольный трудъ okazaлся выгоднѣе прежняго. Онъ давалъ плантаторамъ полную возможность вводить у себя разныя улучшенія и рациональныя системы хозяйства, чему прежде препятствовало невольничество, связывавшее дѣятельность хозяевъ. Между вольнонаемными неграми возникло соревнованіе, поддерживаемое возвышеніемъ платы сообразно съ стараніемъ каждаго. Работы вслѣдствіе этого производились добросовѣстнѣе и съ бѣльшимъ успѣхомъ. Всего этого нельзя было достигнуть при обязательномъ трудѣ. Итакъ, не освобожденіе негровъ было причиною упадка плантацій на Саяъ-Томасѣ: эманципація обнаружила только невыгоду воздѣлыванія сахара на каменистомъ грунтѣ и заставила плантаторовъ отказаться отъ такой неразчетливой растраты силъ.

Вопреки предсказаніямъ рабовладѣльцевъ, негры по освобожденіи не только не предались лѣности, не только не отказались отъ труда, но, по свидѣтельству самихъ жителей, предложеніе работъ превзошло всякія ожиданія; наемная плата установилась весьма умѣренная. На Саяъ-Томасѣ негры пошли въ услуженіе въ купеческіе дома, являлись къ судохозяевамъ, а иные завели собственные боты и стали промыслять перевозкою пассажировъ и кладей съ пароходовъ прибывающихъ въ гавань. Такой нормальный исходъ эманципаціи должно приписать отчасти менѣе стѣснительному положенію негровъ еще до ихъ освобожденія на датскихъ островахъ. Правительство ограничивало власть рабовладѣльцевъ, и издало въ пользу бывшихъ невольниковъ разныя благодѣтельные постановленія; такъ между прочимъ невольники освобождались отъ господскихъ работъ не только въ воскресенье, но и въ субботу: работая въ эти дни на себя, они были въ состояніи приобрести собственность. Сверхъ того, на счетъ колоній устроены были школы, въ которыя посылались дѣти негровъ отъ четырехъ до девяти лѣтъ. Вслѣдствіе такихъ мѣръ, въ неграхъ развились и поддерживались разныя потребности, тѣсно связанныя съ условіями цивилизаціи. Они привыкли къ удобному жилищу, къ кровати и другой мебели, къ лучшей пищѣ и одеждѣ. Чернокожіе — вообще охотники пощеголять, въ особенности

женщины. Они, по увѣренію жителей, готовы работать цѣлую недѣлю, лишь бы удовлетворить своимъ прихотямъ.

Эманципація на датскихъ колоніяхъ воспослѣдовала гораздо ранѣе чѣмъ предполагалось самимъ правительствомъ. Этимъ негры одолжены губернатору Санта-Круса, Шольтену. По распоряженію правительства, предназначалось совершенно прекратить невольничество не ранѣе 1859 года. Но уже въ 1848 году губернаторъ въ официальномъ донесеніи своемъ писалъ, что, опасаясь возстанія, онъ съ согласія плантаторовъ рѣшился немедленно объявить свободу неграмъ, не выжидая на то разрѣшенія датскаго правительства. По разказахъ очевидцевъ, это дѣло происходило такимъ образомъ: невольники, ободряемые покровительствомъ, которое при всякомъ случаѣ оказывалъ имъ Шольтенъ, рѣшились просить его о немедленномъ освобожденіи. Губернаторъ собравъ у себя рабовладѣльцевъ, уговаривалъ ихъ уступить требованію негровъ. Плантаторы упорствовали. Тогда на улицахъ стали показываться толпы негровъ, грозившихъ явнымъ мятежомъ. Губернаторъ велѣлъ вывести гарнизонъ, стоявшій въ городѣ. Увѣряютъ, будто онъ отдалъ начальникамъ тайный приказъ воздерживаться отъ насильственныхъ мѣръ и ограничиваться лишь угрозою; говорятъ даже, что солдатамъ были выданы холостые заряды. Негры не унимались. Губернаторъ объявлялъ, наконецъ, рабовладѣльцамъ, что не ручается за ихъ безопасность въ случаѣ всеобщаго возстанія. Плантаторы поневолѣ дали свое согласіе, и съ объявленіемъ свободы, спокойствіе на островѣ возстановилось само собой. Вместе съ тѣмъ, конечно, объявлена была свобода неграмъ и на Санъ-Томасѣ. Эта неожиданная реформа не произвела никакихъ безпорядковъ на островахъ. Какъ только узнали негры, что свобода ихъ рѣшена, они тотчасъ же условились съ плантаторами въ задѣльной платѣ и продолжали работать на сахарныхъ плантаціяхъ. Когда на Санъ-Томасѣ воздѣлываніе сахара оказалось невыгоднымъ, многие изъ чернокожихъ перѣехали на Санта-Крусъ и предложили свой трудъ тамошнимъ хозяевамъ.

II. ВЕНЕСУЭЛА.

Пассать дулъ съ перемѣнною силой. Почтовая шкуна *Изабелла*, на которой мы ѣхали изъ Санъ-Томаса, то накренившись на бокъ, быстро разсѣкала темносиня волны; то колыхаясь на ровной поверхности Караибскаго моря, едва подвигалась впередъ. Погода стояла ясная; на небѣ не было ни одного облачка, и солнечные лучи безпрепятственно раскаляли воздухъ. Несмотря на это жаръ, даже въ самый полдень, казался намъ мѣтѣ утомительнымъ чѣмъ бываетъ у насъ въ знойные дни, особенно когда парить въ воздухѣ. Подъ тропиками было знойно, но не душно. Капитанъ предоставилъ намъ въ распоряженіе каюту; мы однако не сходили съ палубы во все время плаванія, и даже спали на ней, помѣщаясь въ койкахъ, очень похожихъ на низенькіе, продолговатые шкапчики.

На четвертый день, къ вечеру, пассать спалъ совершенно. Паруса повисли на реляхъ. Темносинее море стало гладко и неподвижно. Освѣщенное солнцемъ, оно походило на ледяную поверхность скованнаго морозомъ озера. Солнце, стоявшее довольно низко, отражалось въ немъ спокойно не дрожа, цѣлымъ свѣтымъ кругомъ съ рѣзко очерченными краями. Оно уже касалось нижнимъ краемъ черты горизонта, но лучи его были все еще ослабительно-ярки: такъ чисто и прозраченъ былъ воздухъ. На югъ темными слоями показались густыя облака. Надъ ними, сквозь сизую мглу, видѣлись вершины прибрежныхъ горъ Венесуэлы. Наша шкуна долго простояла въ виду ихъ на одномъ мѣстѣ. Послѣ полуночи потянулъ свѣжій вѣтерокъ, и шкуна стала медленно подвигаться впередъ. Приблизившись на разсвѣтъ къ берегу, она наконецъ бросила якорь передъ городомъ Ла-Гуайра (*La-Guaira*). Море не образовало въ этомъ мѣстѣ удобной бухты, а потому корабли останавливаются на открытомъ рейдѣ, подвергаясь иногда опаснымъ порывамъ вѣтра. Мы увидѣли передъ собою городокъ, вытянутый вдоль скалистаго берега; дома лѣпились одинъ надъ другимъ по вышнимъ уступамъ береговаго хребта, подобно огромному валу поднимавшемуся надъ моремъ.

Высоко на скалахъ горъ покоились дымчатая облака, которыхъ не успѣло еще разогнать восходящее солнце.

Вскорѣ къ шкунѣ подъѣхала лодка съ двумя таможенными чиновниками. Одинъ изъ нихъ, черный какъ смоль негръ, одѣтый настоящимъ джентльменомъ, съ книгой подъ мышкой, взошелъ на палубу и поздоровался съ капитаномъ и съ нами; потомъ, вписавъ въ книгу что слѣдуетъ, онъ учтиво сказалъ, что теперь намъ можно ѣхать на берегъ. Негры въ Венесуэлѣ, также какъ и въ другихъ республикахъ Южной Америки, отложившихся отъ Испаніи, пользуются не только свободой, но и полными гражданскими правами. Въ Сѣверной Америкѣ, даже въ свободныхъ штатахъ, темнокожихъ не допускаютъ къ публичнымъ должностямъ; общество бѣлокожихъ вообще чуждается ихъ; на желѣзныхъ дорогахъ для негровъ отведены даже особые вагоны. Въ Венесуэлѣ же чернокожіе нередко занимаютъ должности, которыя ставятъ ихъ начальниками даже надъ креолами, потомками Испанцевъ. Такое болѣе гуманное отношеніе бѣлыхъ къ темнокожимъ должно отчасти приписать болѣе низкой степени образованія господствующаго въ Венесуэлѣ племени Испано-Американцевъ. И въ самомъ дѣлѣ: что касается до умственнаго и нравственнаго развитія, Сѣверо-Американецъ стоитъ почти на столько же выше испанскаго креола, на сколько послѣдній превосходитъ родившагося въ Америкѣ чернокожаго. Неграмъ легче, конечно, достигнуть уровня развитія креоловъ, чѣмъ возвыситься до болѣе образованнаго Янки. При одинаковости образованія, скорѣе можетъ установиться равенство гражданскихъ правъ. А потому, если африканскому племени, насильственно перевезенному на новый материкъ, суждено когда-либо среди бѣлаго населенія достигнуть гражданской полноправности, то прежде всего это можетъ совершиться въ республикахъ Южной Америки. Только при такихъ условіяхъ эманципація негровъ и можетъ назваться полною.

Высаживаясь на берегъ, мы скоро отыскали гостиницу, помѣщавшуюся въ одномъ изъ немногихъ двухъэтажныхъ строеній города. Впрочемъ, и эти строенія состояли изъ двухъ ярусовъ только съ одной стороны: поднявшись по лѣстницѣ, мы увидѣли, что только фасадъ обращенный къ морю состоялъ изъ двухъ этажей; съ другой же сто-

ровны, прислоненной къ горѣ, домъ былъ присто одноэтажный. Когда мы вошли въ общую залу, намъ стоило только, пройдя по ней, переступить черезъ порогъ противоположной двери, и мы какъ разъ очутились на улицѣ. Мимо насъ проходили торговка-мулатка съ банавами на головѣ и сигарой во рту; соддатъ-негръ, представитель здѣшняго гарнизона, одѣтый въ бѣлый холщевый полуфрачекъ и такія же брюки, изъ которыхъ выглядывали босыя черныя ноги. Между ними, стѣменя торопливо ногами, пробираясь съ двумя мѣшками кофея на спицѣ сѣрый осликъ, погоняемый сзади креоломъ въ длинной, вичѣмъ неподпоясанной, бѣлой рубахѣ. Нѣмецъ въ бѣломъ демикотовомъ, сильно накрахмаленномъ сюртукѣ, съ соломенной шляпой на головѣ, спѣшилъ въ свой магазинъ, наполненный привезенными изъ Европы галантерейными товарами. У дверей противоположнаго дома стояла женщина съ ребенкомъ, и его смуглое, вичѣмъ не прикрытое тѣло лоснилось на солнцѣ; впрочемъ сама мать-креолка одѣта была очень легко: наготу ея прикрывало не то платье, не то рубашка темнаго цвѣта; плечи и грудь были обнажены. Своего ребенка она не держала на рукахъ, а посадила, какъ обыкновенно здѣсь дѣлается, верхомъ на правое бедро, слегка придерживая его рукою. Старшіе дѣти ея, мальчикъ и дѣвочка, тоже совершенно нагіе, играли тутъ же у дверей своего дома. Никто изъ проходящихъ не обращалъ на нихъ вниманія; они даже и намъ не бросались въ глаза. И тропическое солнце, и глубокая синева неба, и палящій зной, все такъ гармонировало съ цвѣтомъ кожи, съ одеждою и наготою людей, со всею ихъ обстановкой, что, казалось, всему такъ и быть слѣдовало, и что, будучи вывучено изъ своей обычной среды, показалось бы страннымъ среди другой обстановки, при иномъ освѣщеніи, то самое здѣсь представлялось намъ и естественнымъ, и умѣстнымъ.

Одноэтажные дома въ городѣ едва заслужили бы у насъ названія сараевъ. Несмотря на это, Ла-Гуайра все-таки одинъ изъ лучшихъ городовъ Венесуэлы. Въ этомъ убѣдились мы, конечно, въ послѣдствіи, побывавъ внутри республики. Строепія въ Ла-Гуайра большею частью глянцевыя; нѣкоторыя изъ нихъ однако выбѣлены, а нѣкоторыя даже выкрашены снаружи желтою или голубою краскою. Крыши

большую часть черепичная; окна безъ стеколъ, но съ чугунными рѣшетками снаружи и съ деревянными ставнями изнутри. Въ Ла-Гуайрѣ, какъ въ значительномъ торговомъ портѣ Венесуэлы, живутъ агенты большихъ коммерческихъ домовъ, настоящее мѣстопробозваніе которыхъ въ Каракасѣ, столицѣ республики. Итакъ Ла-Гуайра собственно предмѣстье, или точнѣе, прибрежный портъ Каракаса, расположеннаго въ горахъ верстахъ въ пятнадцать отъ моря.

Проходя послѣ обѣда по дорогѣ вдоль берега на западъ, мы на краю города случайно попали въ шумную толпу народа. Былъ праздникъ въ честь какого-то святаго. Креолы, мулаты, негры, перемѣшавшись въ веселыхъ группахъ, бродили около балагана, въ которомъ акробаты готовились дать представленіе.

Въ разставленныхъ здѣсь и тамъ палаткахъ продавались бананы, апельсины и разныя другія лакомства, приготовляемая большею частію изъ сахара. Въ винахъ также не было недостатка, однако пьяныхъ мы не встрѣчали. Въ иныхъ мѣстахъ разставлены были низенькіе столики, на которыхъ происходила карточная игра. Любопытные зрители, столпившись около игроковъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за возвышавшимися ставками. Вотъ еще черта, въ которой креолы и чернокожіе сходятся между собою столько же, сколько расходятся съ ними въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американцы: праздники и карты въ испано-американскихъ странахъ встрѣчаются такъ часто, что трудно понять, когда люди успѣваютъ зарабатывать тѣ деньги, которыя приходится иногда проигрывать въ одинъ день.

Посмотрѣвъ на праздникъ, мы пустились далѣе и вскорѣ совершенно вышли изъ города. По обѣ стороны песчаной дороги росли довольно высокіе кусты. Передъ нами то и дѣло взлетали маленькіе красивые голуби; они были немногимъ болѣе жаворонка и сѣропелынаго цвѣта.

Влѣвъ отъ дороги подымались крутые обожженные солнцемъ скаты горъ, покрытые высохшею травой. Никакихъ признаковъ роскошной растительности, которую такъ жадно ищетъ взоръ путешественника, ступившаго на берегъ Южной Америки. Но вотъ кусты кончились, и мы увидѣли передъ собою ландшафтъ странный и поразительный по

своей типической оригинальности. Недалеко отъ насъ, по скатамъ и уступамъ горы, возвышалось множество столпообразныхъ кактусовъ, образовавшихъ цѣлый лѣсъ; издали казалось, будто деревья лишены листьевъ и вѣтокъ, и остались лишь голые стволы и толстые сучья. Иной кактусъ поднимался саженей на пять прямымъ четырехграннымъ столбомъ пепельно-зеленаго цвѣта; другой—пускалъ отъ себя боковые отростки, которые изгибались кверху подобно толстымъ сучьямъ. На граняхъ торчали пучки острыхъ колючекъ, такъ что опасно было прикоснуться къ растенію. Направо разстилалось море, и волны его то набѣгали на голый, хращемъ покрытый берегъ, то вновь отбѣгали, разсыпаясь въ пѣвистыя брызги. Американская агава, разросшись здѣсь и тамъ на скалистыхъ крутизнахъ, пускала вверхъ свой стебель подобный канделябру, снабженному, взмѣнивъ свѣчь, пучками яркожелтыхъ цвѣтковъ. Несмотря на причудливость вида, агава и кактусъ придавали ландшафту характеръ пустынности. Для оживленія мѣстности показались крошки-колибри, то и дѣло вылетавшіе изъ находящагося неподалеку оврага, густо поросшаго мимозами, лаврами и другими листоватыми породами. Трещца подобно бабочкамъ надъ желтыми цвѣтами агавы и гонясь другъ за дружкой, пташки быстро исчезали въ чащѣ. Онѣ отличались яркими цвѣтами, переливавшимися на солнцѣ, смотря потому, подставляла ли птичка лучамъ свою спинку или брюшко; трепетала ли она крыльями на одномъ мѣстѣ, запуская по временамъ носикъ въ вѣничикъ цвѣтка, или, распустивъ ихъ, быстро какъ лучъ разсѣкала пространство, такъ что глазамъ трудно было слѣдить за улетающею, и намъ всякій разъ казалось, что птичка пропала въ воздухъ. Колибри вообще очень задорнаго нрава. Случалось, одинъ изъ нихъ угомонится и присядетъ на вѣтку, какъ вдругъ откуда ни возьмись на него налетаетъ захохлившись другой, и оба, порхая и вилась другъ около друга, пропадаютъ въ густой листвѣ. Въ этихъ бойкихъ и граціозныхъ движеніяхъ пташки больше прелести чѣмъ даже въ ея красивыхъ разноцвѣтныхъ перьяхъ. Рѣзкій крикъ, раздавшійся въ воздухъ, привлекаетъ наше вниманіе на другаго рода пернатыхъ: стая попугайчиковъ, перелетѣвъ черезъ столбы кактусовъ, суетливо спустилась къ оврагу и размѣстилась на вѣткахъ

академі. Величивою они не больше нашихъ снегурей, а перо ихъ темнозеленаго изумруднаго цвѣта.

Воротавшись въ городъ, мы стали собираться къ отъѣзду въ Каракасъ. Хозяйка гостиницы распорядилась, чтобы для насъ приготовили двухъ муловъ. Проводника намъ не дали, а назвали только гостиницу въ Каракасъ, въ которой слѣдовало сдать лошаковъ.

На другой день рано утромъ мы уже взбирались на горы, на которыхъ лежалъ слой облаковъ. По непривычкѣ измѣрять глазомъ высоту горъ, намъ казалось, что мы скоро должны бы переѣхать черезъ ихъ гребень. Но, поднавшись на нѣсколько сотъ сажени, мы остановили лошаковъ надъ крутымъ обрывомъ, и горы, представшія передъ нами, казались отсюда такими же высокими какъ и снизу. Съ края обрыва открылся видъ на далекую мѣстность: внизу у подошвы лежала оставленный нами городокъ; на западъ отъ него, между зеленѣвшими огородами и плантаціями, вилась почтовая дорога, по которой, огибая хребетъ, ходитъ карета въ Каракасъ; дальѣ, до самаго горизонта, разстилалось море... Продолжая взбираться по поднимавшейся между отвѣсными скатами дорогѣ, мы незамѣтно очутились въ облакахъ. Они какъ туманъ обдали насъ со всѣхъ сторонъ; влажные пузырьки, скопившіеся въ паръ, въ безсвязныхъ очеркахъ двигались передъ нами и, гонимые вѣтромъ съ ущелья, вслозали по крутизнамъ. Мы поднялись еще выше, и наконецъ выбрались изъ сырой мглы. Надъ нами засіяло чистое небо; вскорѣ потомъ, выѣхавъ на площадку, мы увидали облака внизу подъ собою. Освѣщенные солнцемъ, они походили на бугристую пухлую поверхность яркой бѣлизны: точно неровное поле покрытое рыхлымъ снѣгомъ. На сколько могъ видѣть глазъ, были все тѣ же облака, и между ними ни одной щели, сквозь которую удалось бы открыть хоть часть закрытаго отъ насъ моря, или долины, находившейся внизу.

Оторвавшись наконецъ отъ этой единственной въ своемъ родѣ горной картины, мы подѣхали къ стоявшей недалеко фонтанъ и вошли въ нее, привазавъ лошаковъ у дверей. Мы спросили по чашкѣ какао. Хозяйка, распорядившись, воротилась въ комнату, и подѣвъ къ намъ, съ собственнымъ креоламъ любопытствомъ сталъ спрашивать откуда мы? куда ѣдемъ? и т. д. Работникъ его, услышавъ,

что въ комнатѣ иностранцы, тоже подошелъ къ столу и вмѣшался въ разговоръ. Испанцамъ очень хотѣлось знать изъ какой мы страны.

— Вы вѣрно изъ Англїи? спросилъ работникъ.

— Нѣтъ, не изъ Англїи.

— *O hombre!* (о человѣче!) подхватилъ хозяинъ, обратившись къ работнику съ этимъ обычнымъ воззваніемъ креоловъ: — развѣ не видишь, что эти господа Французы.

— Нѣтъ, и не Французы, возразили мы.

— Такъ вы, значитъ, Яки.

Когда и на это предложеніе хозяина отвѣтили мы отрицательно, оба креола воскликнули въ одинъ голосъ: *saramba!* Это восклицаніе, употребляемое Испанцами для выраженія сильныхъ ощущеній, не переводимо ни на какой языкъ. Вдругъ хозяинъ какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, заговорилъ: — теперь знаю, вы изъ Россїи!—Когда мы подтвердили его догадку, опять посадовало обычное *saramba*. Хозяинъ рассказалъ потомъ, что онъ слышалъ, какъ Наполеонъ ходилъ въ Россїю. Это было въ то время, когда Венесуела, изъ испанскихъ колоній первая поднявшая знамя свободы, начинала съ метрополїей борьбу за независимость.

Выпивъ по чашкѣ какао, мы распростлались съ креолами какъ съ давними знакомыми. — *A dios! a dios!* кричали вслѣдъ и хозяинъ и работникъ, когда мы загибали за уголъ, образуемый горною дорогою. Она шла все еще вверхъ. Скаты горъ становились голѣе. Кусты, ростіе на нихъ, и попадавшіяся прежде мансовыя поля, наконецъ совершенно пропали. Сухая, рѣдкая трава едва покрывала раскаленную солнцемъ песчаную почву. Поднявшись на высоту семисотъ сажень, мы перѣехали гребень и стали спускаться по южному склону. Тутъ изъ-за поворота дороги вышла къ намъ навстрѣчу живописная кавалькада. Впереди Испанецъ на бѣлой лошади, съ накинутымъ на плечи бѣлымъ плащомъ, обшитымъ кружевами, въ соломенной, широкополой шляпѣ на головѣ. Вслѣдъ за нимъ на лошакахъ двѣ креолки въ свѣжно-бѣлыхъ амазонкахъ, и тоже въ соломенныхъ шляпкахъ съ развѣвавшимися по вѣтру длинными бѣлыми лентами. Этотъ костюмъ какъ нельзя болѣе шель къ горному пейзажу и къ зною полудня.

Вскорѣ подѣхали мы къ уступу хребта и передъ нами

открылась окруженная со всѣхъ сторонъ горами долина, среди которой, какъ на днѣ глубокаго бассейна, расположенъ былъ Каракасъ. Низкія строения города, выведенныя изъ красной глинны, съ плоскими черепичными кровлями, сверху показались намъ очень похожими на правильно сложенный кирпичъ, среди котораго возвышался темный куполъ собора. Городъ самъ по себѣ не привлекаетъ къ виду, но онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ сахарными и кефейными плантаціями, маисовыми полями; тамъ тянется аллея пирамидальныхъ ивъ, здѣсь стоитъ группа кокосовыхъ пальмъ. Сверхъ того прелесть мѣстности возвышается еще болѣе отъ контраста роскошной растительности въ долину съ оголенными склонами горъ, окаймляющихъ ее сплошными массами.

Спустившись по крутому, довольно высокому скату, по которому развѣ одни лошаки могутъ сходить ни разу не оступившись, мы вѣхали въ улицу. По обѣ стороны ея стояли на значительномъ разстояніи другъ отъ друга глиняные дома, а зачастую однѣ только развалины ихъ, оставшіяся послѣ землетрясенія. Прѣхавъ мимо полуразрушенной церкви, мы очутились наконецъ на главной улицѣ, *Calle del Comercio*. Она была плохо вымощена; за то дома, стоявшіе по обѣ стороны ея сплошнымъ рядомъ, безъ промежутковъ, не напоминали о землетрясеніяхъ, которымъ подвергается городъ. Мы вѣхали наконецъ въ высокія сводообразныя ворота *posada* (posada), т. е. гостиницы, и остановились среди двора, вымощеннаго плитнякомъ и украшеннаго двумя рядами колоннъ, на которыхъ покоились окраины выдавшейся крыши. Слуга привалъ нашихъ лошаковъ, а мы, сказавъ только хозяину кому ихъ доставить въ Ла-Гуайра, спросили себѣ комнату, чтобы освѣжиться послѣ перѣзда въ знойную пору. Въ этихъ расположенныхъ вокругъ двора комнатахъ можно всегда найти убѣжище отъ жара: какъ бы высоко ни стояло солнце, какъ бы ни раскаляло оно воздухъ снаружи, но въ нихъ всегда тѣнота, а окна и двери съ зелеными жалюзи расположены такъ, что постоянно подуваетъ сквозной вѣтерокъ. Выйдешь на дворъ, тамъ та же прохлада. А колонны и веранды, окружающія его со всѣхъ сторонъ, свѣжая зелень олеандровъ, жасминовъ и маслинъ—все напоминаетъ внутреннее расположеніе богатыхъ домовъ на востокѣ, от-

куда Испанцы перенесли этотъ видъ постройки на новый материкъ. Со временемъ переселенцы чуждыхъ племенъ, вытѣснивъ Испанцевъ, внесутъ вѣроятно въ страну чуждые обычаи, чуждые нравы; но дома выстроенныя во вкусъ восточной архитектуры, останутся навсегда: они составляютъ необходимую принадлежность тропическихъ странъ. При такихъ жилищахъ, переселившійся сюда Европейецъ нисколько не тяготится извѣнчьемъ жаркаго климата; напротивъ, онъ чувствуетъ себя здоровѣе подъ благодатнымъ небомъ чѣмъ на сѣверѣ, въ своей родинѣ.

Большіе купеческіе дома въ Каракасѣ принадлежатъ иностранцамъ, и преимущественно Нѣмцамъ, въ рукахъ которыхъ находится почти вся заграничная торговля Венесуэлы. Потомки же знатныхъ и богатыхъ Испанцевъ, пренебрегая всякаго рода промышленными предпріятіями, только и думаютъ какъ бы занять одну изъ почетныхъ должностей при республиканскомъ правительствѣ. Вслѣдствіе этого число чиновниковъ далеко превышаетъ потребности края. Каждый новый президентъ считаетъ своею обязанностью надѣлать родственниковъ и друзей доходными мѣстами. Такимъ образомъ бѣольшая часть и безъ того незначительнаго дохода республики истощается на жалованье ненужнымъ чиновникамъ, которые не только не приносятъ пользы странѣ, но безнаказанно грабятъ казну, присваивая себѣ деньги, назначаемыя на разныя общественныя постройки. Такіе беспорядки въ администраціи сильно задерживаютъ развитіе молодой республики, не успѣвшей еще оправиться послѣ войны съ Испаніей. Рабочій классъ въ Венесуэлѣ состоитъ изъ негровъ, изъ остатковъ туземныхъ краснокожихъ, также изъ бѣдныхъ Испанцевъ, преимущественно выходцевъ съ Канарскихъ острововъ, отличающихся своимъ трудолюбіемъ. Нѣмецкіе купцы въ Каракасѣ недавно сдѣлали попытку привлечь въ свой городъ ремесленниковъ изъ Германіи. Переселенцы, прибывъ въ Венесуэлу, нашли однако невыгоднымъ занятіе ремеслами. Тогда, при помощи своихъ богатыхъ соотечественниковъ, приобрѣли они нѣсколько участковъ у озера Валенціи, на югозападѣ отъ Каракаса. Тамъ германскіе выходцы основали земледѣльческую колонію, достигшую уже весьма цвѣтущаго состоянія. Нѣмцы, конечно, не ограничатся такими попытками, и они надѣются, что такимъ

образомъ край, съ избыткомъ надѣленный естественными произведеніями, достигаетъ наковедь того благосостоянія, до котораго не могли довести его Испанцы, несмотря на свое трехвѣковое владычество въ Новомъ Свѣтѣ.

Предполагая пробраться сухимъ путемъ до Апуры, одного изъ притоковъ Ориноко, мы напали въ Каракасѣ трехъ муловъ, отыскали также проводника или пеона, который согласился доѣхать съ нами въ городъ Кааобосо. Пеонъ нашъ, Альбараго по имени, былъ человекъ немолодой, съ добродушнымъ выраженіемъ въ свѣтлыхъ глазахъ; смуглое лицо его казалось молодежавымъ, хотя онъ давно не брился, отчего подбородокъ и щеки его покрылись съдыми щетилистыми волосами. Онъ былъ одѣтъ въ синюю куртку и узкіе сѣрые штаны, изъ-за которыхъ выглядывала бѣлая рубашка. Пеоны съ намѣреніемъ носятъ узкое платье; имъ такъ ловче ходить по горамъ и ѣздить верхомъ. У Альбараго была сѣрая полярковая шляпа, которую онъ носилъ молодецовато набекрень. Дорогой, когда вѣтеръ случайно свесъ ее съ головы пеона, мы узнали, что она замѣняла собою отчасти сакъ-вожъ, потому что изъ нея посыпались всякія дорожныя потребности: тряпочка, спички, веревочка, порохъ, завернутый въ бумажку, складной ножикъ, и т. п. Всю эту мелочь носилъ онъ на головѣ и даже спички въ сосѣдствѣ съ порохомъ, оттого что въ карманахъ его штановъ не было никакой возможности просунуть палецъ: такъ плотно обтягивали они ноги.

Улицы были еще пусты, когда мы на разсвѣтѣ выѣзжали изъ города. Показалась лишь одна поселевецъ изъ окрестностей. Онъ гналъ передъ собою двухъ ословъ, которыхъ почти не видать было подъ свѣтаозеленою грудой *молохо*, то-есть молодыхъ листьевъ кукурузы. Поселяне мало еще разводятъ овса, а потому *молохо*, только что скошенное, составляетъ главную и почти единственную пищу лошадей и муловъ. По своей питательности, это превосходный кормъ для всякаго рода скота. Въ Сѣверной Америкѣ лошадей и быковъ кормятъ зерномъ кукурузы; въ иныхъ мѣстахъ однако наши, что прибавяте скормливать ея зеленью, принимая при этомъ въ расчетъ, что почва при этомъ истощается гораздо менѣе.

Вскорѣ очутились мы на концѣ города. Передъ дверьми крайней фанды стояли два креола, картинно закунувъ

на плеча сивіе съ краснымъ подбоемъ *пончо*. *Пончо* не что иное какъ четырехугольное шерстяное одѣяло, разрѣзанное въ серединѣ такъ, чтобы въ отверстіе можно было просунуть голову. Прѣѣхавъ по аллеѣ пирамидальныхъ ивъ, мы приблизились къ рѣчкѣ Агуайра, берега которой обросли густою зеленью; исполинскіе злаки, достигшіе подъ вліяніемъ тропическаго солнца огромнаго роста, освѣдали своими узкими копьевидными листьями поверхность никогда не застывающаго потока. Изъ ущелья горъ на насъ пахнуло сырою свѣжестью. Мы стали пробираться узкимъ горнымъ проходомъ, слѣдуя по одиночкѣ другъ за другомъ. Мѣстами ущелье суживалось до того, что намъ приходилось ѣхать по каменистому дну горнаго потока. Крутыя скалы, сближаясь, грозили совершенно заградить намъ дорогу. Перѣѣхавъ рѣчку въ бродъ, мы подѣлись по тропѣ, извивавшейся по краю отлогости, и выбрались наконецъ на довольно просторную долину, покрытую банановыми и кофейными плантаціями. Въ этихъ переходахъ отъ пустыннаго ущелья къ весело-зеленѣющимъ полямъ и въ разнообразіи пейзажей заключается главная прелесть странствія по горамъ. По долинѣ здѣсь и тамъ возвышались стройныя пальмы и широколиствистыя *деревья*, въ тѣни которыхъ, отличаясь густотою своей темнозеленой листвы, росъ *какао*. Наши лошаки обрывали мимоходомъ вѣтки съ кофейнаго деревца, которое будто живая изгородь окаймляло со всѣхъ сторонъ плантацію. Изъ чудной зелени кое-гдѣ выглядывала низенькая глянявая лачужка безъ оконъ, крытая побурѣвшими пальмовыми листьями. Креоль, покачиваясь въ своей *чимчоррѣ*, или сѣткѣ, привѣшенной къ потолку передъ открытымъ просторнымъ входомъ, лѣнливо поглядывалъ на проѣзжающихъ, недоумѣвая, что за охота пускаться въ дорогу въ такой жаръ. Большая часть жителей расселилась по этимъ прекраснымъ горнымъ долинамъ, оставивъ необитаемыми обширные льяны на югѣ, неудобные для земледѣлія. По берегамъ горныхъ протоковъ изрѣдка попадаются мѣстечки и города, состоящіе изъ нѣсколькихъ глиняныхъ лачугъ, а иногда изъ одноэтажныхъ выбѣленныхъ домовъ съ черепичными крышами. Тутъ останавливались мы обыкновенно въ полдень или на ночь. Альбараго задавалъ лошакамъ свѣжей *моложо*. Привязавъ къ бакамъ на потолкѣ *чимчорры*, сѣла-

ныя изъ волоковъ агавы, мы отдыхали въ тѣни подъ навѣсомъ.

Альбараго ѣзжалъ уже не разъ по этой дорогѣ и успѣлъ перезнакомиться со всеми живущими на ней поселенцами. У него были приятели не только въ фондахъ, въ которыхъ мы останавливались, но и въ каждой лачужкѣ по пути. Бывало покажется вдали какой-нибудь домикъ, и Альбараго говорилъ, что ему необходимо повидаться съ знакомымъ, что онъ догонитъ насъ и чтобы мы ѣхали себѣ далѣе. Послѣ нѣсколькихъ такихъ свиданій съ знакомыми, у него обыкновенно лачивали соловѣть глаза. Подкрѣпляясь то здѣсь, то тамъ стаканомъ вина, онъ заботился и о насъ: привозилъ намъ свѣжіе бананы или коврижки изъ сахара и муки, которые доставалъ у своихъ друзей. Когда же къ кому было заѣзжать, онъ, сидя на сѣдлѣ бокомъ подамски, болталъ съ нами, при чемъ сопровождалъ слова такими выразительными жестами, что даже при скудномъ знаніи испанскаго языка не трудно было понять его. Разговаривать можно было только въ долину, гдѣ мы всѣ трое ѣхали обыкновенно рядомъ. Когда же приходилось подыматься по тропинкѣ, проложенной по скалу, то опять приходилось ѣхать другъ за другомъ. Извилистая дорожка вела все выше и выше. Долина зеленѣлая уже глубоко подъ нами. Съ высоты мы видѣли какъ большой листъ кокосовой пальмы, похожій на страусовое перо, колебался отъ вѣтра, рельефно выступая изъ свѣжей зелени тростника. Вершина тамаринды какъ будто была посыпана лепестками розовыхъ цвѣтковъ, распустившихся на верхушечныхъ вѣтвяхъ и оттого невидимыхъ для стоящихъ внизу у корня высокаго дерева. Сквозь мелкую листву его, какъ сквозь полупрозрачную ткань, видѣлись и темная зелень какао, и спрятавшійся въ банановой роцѣ шалашь, и свѣтлая струя извивающагося внизу протока. А на высотахъ природа становилась все бѣднѣе и однообразнѣе; почва была едва покрыта сухой подгорѣлою травой. Когда же заслоненная горными уступами долина съ своею пышною растительностью пропадала изъ виду, то взоръ, утомленный видомъ нагроможденныхъ другъ на друга безжизненныхъ высотъ, отдыхалъ на причудливыхъ очеркахъ хребта, таившагося по другую сторону ущелья. Кое-гдѣ обнаженныя гранитныя темнобурныя скалы, или *морро*, какъ на-

звѣвалъ ихъ Альбарого, вздымались на хребтѣ подобно зубчатымъ твердынямъ, недоступнымъ ни для человѣка, ни для звѣра. Мѣстами дорожка была такъ узка, что между возвышающею отвѣсно каменною стѣной съ одной стороны и краемъ пропасти съ другой едва могъ пройти лошакъ, осторожно переставляя ноги. По такой тропѣ встрѣтиться бывало съ караваномъ ословъ, навьюченныхъ мѣшками съ кофеемъ или какао. Животныя, чуя опасность, вдругъ останавливались, и наостривъ уши, заботливо осматривались во всѣ стороны. Выбравъ мѣсто пошире, мы прижимались съ мулами къ стѣнѣ и пропускали мимо себя ословъ, которые, ахпясь по краю обрыва, проходили, не задѣвая насъ своими мѣшками.

Пробѣжавъ вѣсколько часовъ къ ряду между голыми опаленными солнцемъ горами, спуститься бывало по покатой дорогѣ и неожиданно очутиться передъ глубокою впадиной, гдѣ изъ темной расщелины пробивается горный родникъ. Подъ копытами лошаковъ журчитъ прохладный потокъ. Какая живительная сила въ каждой его струйкѣ! Надъ головою густолиственнымъ сводомъ раскидываются вѣтви и суцья, переплетенные аристолохіями; въ глубинѣ ниши, подъ прохладною стѣнью вѣчно-зеленящихся деревьевъ благодатнаго края, древовидный папоротникъ распускаетъ во всѣ стороны свои прихотливо очерченные мелко-иззубренные листья...

Мы пробѣжали черезъ мѣстечки Викторія, Вилья-де-Кура, и Пара-Пара. Группы горъ, все болѣе и болѣе разступаясь, становились ниже. По краю хребта кое-гдѣ показывались еще отдѣльные холмы. Выѣхавъ изъ города Ортига, мы спустились наконецъ въ альясосы. Ограниченныя съ сѣвера хребтомъ Вевесуальскихъ Андозъ, они необозримою равниной стелятся вплоть до дѣйственныхъ лѣсовъ Ориноко, которые зеленяющею каймой вытянулись по южной окраинѣ обширной пустыни. Мы ѣхали по тропамъ, протоптаннымъ стадами рогатаго скота и муловъ, и называемымъ большою дорогою. Пролегая поперегъ альясосовъ, она подобно перешейку соединила между собою обитаемыя страны на сѣверѣ съ городами и поселеніями по Ориноко и его притокамъ. Унылый, безжизненный видъ представляла опаленная солнцемъ пустыня. Иссохшая почва была покрыта жесткою травой, похожею на нашу осоку. Мѣстами вы-

горѣли огромныя пространства, и обнаженная земля чернѣла отъ лежавшаго на ней угля и зола. Мѣстами она трескалась отъ излишней сухости: уже нѣсколько мѣсяцевъ не выпадало ни капли дожда. Многочисленныя стада полудикихъ коровъ удалились къ берегамъ рѣчекъ, гдѣ трава была посочнѣе. Надъ плоскою почти горизонтальною равниной льявъ подымались мѣстами обширныя каменные пласты. Возвышаясь аршина на два надъ общимъ уровнемъ почвы, они образовали ровныя плоскости съ крутыми обрывами по краямъ. Нашимъ лошадкамъ не легко было взбираться на такой пластъ по отвѣсной кручѣ, походившей на размытый водою берегъ. Жители очень мѣтко называли эти подьемы среди моря степей отмелями, *banco*.

И какъ среди моря обрадуешься бывало появленію птицъ, залетѣвшихъ съ какого-нибудь близкаго острова, такъ послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго переѣзда по льянамъ ободрялись мы, издали завидя носившуюся надъ дальнимъ горизонтомъ стаю степныхъ чаекъ. Среди однообразной равнины весело блеснула поверхность лагуны; это не чтѣ иное какъ стоячая вода, окопившаяся въ углубленіи степной поверхности. Воздухъ и берега въ такомъ мѣстѣ обыкновенно были оживлены птицами. Длинношеюй статный фламинго, испуганный нашимъ приближеніемъ, поднимался изъ высокой осоки и плавно перелеталъ на другой конецъ озера. Красноногіе туркуши проворно перебѣгали по краю берега. Въ лужѣ полоукались утки и темнубурые гуся; кулики, цапаи разныхъ видовъ, ласточки и чайки, носясь въ воздухъ, оглашали его жалобными криками. Но болѣе всего привлекалъ наше вниманіе огромный аистъ, котораго жители называютъ гарсономъ. Неуклюжее тѣло его покрыто бѣлымъ перомъ, а голая шея и голова совершенно черныя. Стоя на высокихъ ногахъ и поднявъ голову, гарсонъ не виже человека средняго роста, а шагъ его гораздо болѣе человѣческаго. Собраніе дюжины аистовъ-великановъ, задумчиво стоящихъ на берегу съ наклоненными внизъ головами, прикрытыми будто черными капорами, — странная и выѣстъ типическая картина степныхъ лагунъ.

Около воды сосредоточивалась, повидимому, вся животная жизнь льявъ въ сухое время года. На берегу озера почти всегда случалось видѣть отбившихся отъ стада быковъ и коровъ. Изрѣдка попадались одинокіе поселенцы,

промышляющие скотоводствомъ и живущіе въ глиняныхъ лачужкахъ, съ виду очень похожихъ на мазанья хаты нашихъ украинскихъ поселянъ съ тою разницею, что мазанки въ льянахъ никогда не бѣлятся и крыты листьями пальмы мавритіи. Льянеросы, обитатели этихъ лачужекъ, называютъ свои жилища съ принадлежащими къ нимъ загонами для скота тоже хатами, *hato*. Подѣхавъ къ одной изъ нихъ около полудня, Альбараго предупредилъ насъ, что тутъ необходимо хорошенько накормить муловъ; иначе до самаго Каалобоса, до котораго оставалось верстъ сто, негдѣ будетъ достать ни молока, ни травы.

Давъ отдыхъ нашимъ лошакамъ, мы опять пустились по дорогѣ. Солнце, которое въ равноденственныхъ краяхъ круглый годъ закатывается около шести часовъ, опускалось уже къ горизонту. Вѣтерокъ навѣвалъ прохладу на опаленную степь. Стало уже темнѣть. На небѣ сверкнули звѣзды, а съ того мѣста, гдѣ солнце скрылось за горизонтъ, поднялось трепетное сіяніе зодіакальнаго свѣта. Остріемъ своимъ онъ почти достигалъ до кучи Плеядъ, покрывъ собою Овна и другія группы звѣздъ, которыя мерцали сквозь него какъ сквозь прозрачную пелену, или большой хвостъ кометы. Матовый золотистый блескъ этого свѣта былъ ярче бѣлесоватаго блеска млечнаго пути, который явился здѣсь въ большемъ чѣмъ у насъ разнообразіи очерковъ и отбѣнковъ освѣщенія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ края млечнаго пути казались будто разорванными, по небу на большое пространство вытянулся корабль Арго съ кормчимъ Канопусомъ, который въ яркости не уступалъ Сиріусу. А тамъ, далеко въ сторонѣ, подобно островкамъ среди безбрежнаго океана, видѣлись свѣтлыя облака Магеллана. Въ позднюю ночь восходили четыре звѣзды Южнаго Креста; сначала онъ наклоненъ былъ налѣво, потомъ, возвышаясь надъ горизонтомъ, крестъ какъ будто подымался на своемъ подножіи, и около полуночи онъ сталъ совершенно прямо. Близь него, въ полѣ Млечнаго Пути, поразительно темнѣли два пятна; по контрасту съ окружающимъ ихъ бѣлесоватымъ свѣтомъ они казались совершенно черными и оправдывали давнее имъ названіе—Угольные Кули... Чуждыя намъ, но живописныя картины звѣздной тропической ночи, даже болѣе чѣмъ окружающая земная природа, напоминали, какъ далеко находились мы отъ род-

наго края, гдѣ ночное небо не являетъ такого разнообразія звѣздныхъ группъ, свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ и чуднаго сіянія зодіакальнаго свѣта. Но стоило лишь обратиться въ другую сторону, и глазъ останавливался на давно-знакомой Большой Медвѣдицѣ, которая въ красотѣ соперничала съ созвѣздіями тропического неба. На горизонтѣ красиво зарево дальняго пожара. Поселенцы въ нѣмкихъ мѣстахъ нарочно зажигаютъ траву, зола которой удобряетъ почву. Полночь прошла, и восточная часть свода озарилась слабымъ матово-серебристымъ отблескомъ лунной зари. Вотъ и мѣсяцъ взомель надъ пустыней, и подъ обманчивымъ сіяніемъ его ровная подернутая сизою дымкой гладь льяносовъ казалась похожею на водную поверхность безпредѣльнаго океана... Такъ ночи въ этихъ степяхъ полны неувидимыми для кисти красотою.

Но лишь показалось солнце, и передъ нами стала опять все та же однообразная, безжизненная равнина. Изрѣдка попадались небольшіе перелѣски, но и въ нихъ деревья отъ сухости были безъ листвы, какъ бываетъ у насъ позднею осенью. Приближаясь на зарѣ къ такому мѣсту, мы еще издали услышали громкій, продолжительный ревъ. Оставивъ лошаковъ у Альбараго, мы пошли въ ту сторону и вскорѣ открыли на деревьяхъ цѣлую стаю рыжихъ обезьянъ-ревуновъ. Онѣ были съ большую собаку. Переходя по толстымъ развѣсистымъ сучьямъ, словно по мосткамъ, съ одного дерева на другое, онѣ были безъ умолку: старикъ съ рыжею бородою вытягивалъ густымъ басомъ, молодыя подхватывали на разные лады. Завидѣвъ насъ, онѣ стали уходить въ глубь лѣса и вскорѣ совершенно пропали изъ виду.

Оставивъ за собою лѣсъ, мы перѣехали въ бродъ степную рѣчку, на возвышенномъ берегу которой расположился городъ Калобосо. Съ главной улицы мы свернули въ широкія открытыя ворота *посады*, и остановившись между колоннами среди двора устаннаго лагвакомъ, слѣзли наковецъ съ лошаковъ, которые прошли шестнадцать часовъ безъ корму. На дворѣ посады насъ тотчасъ же окружила веселая компанія, собравшаяся тутъ по случаю предстоявшаго пѣтушьяго боя. Не успѣли мы развѣяться нѣсколькими словами съ учтивыми креолами, какъ они наперерывъ стали уже предлагать свои услуги, хотя ни мы, ни

они не знали еще въ чемъ собственно должны состоять эти услуги. Потому все общество устремилось на задній дворъ, въ углу котораго была устроена арена для пѣтуховъ. Зрители заняли свои мѣста на скамьяхъ, расположенныхъ амфитеатромъ, вокругъ усыпанной пескомъ площадки. На нее выпустили двухъ разъяренныхъ пѣтуховъ, и бой начался... Неприятно было видѣть птицу, опущенную отъ шеи до хвоста, на которомъ также какъ и на крыльяхъ, было оставлено по нѣскольکو перьевъ. Креолы однако слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ударами, которые бойцы наносили другъ другу острыми шпорами. Зрители предлагали другъ другу пари и горячились болѣе самихъ пѣтуховъ. Непонятно, какъ можно пристраститься къ такому зрѣлищу. Въ креолахъ это была не кровожадность, пробуждающаяся въ минуту изступленія, а какое-то тупое безчувствіе, слѣдствіе привычки.

Калобосо—одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ городовъ республики. Несмотря на это, онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотенъ низенькихъ глиняныхъ домовъ, крытыхъ болѣею частію пальмовымъ листомъ. Странный видъ представлялъ этотъ городъ среди пустынныхъ льянъ: куда ни обратись бывало, вездѣ кругомъ тянулась однообразная гладь. Мазанки, стоявшія по обѣ стороны песчаной улицы, нельзя было назвать красивыми; но ослѣпительный свѣтъ тропическаго солнца, при чрезвычайной прозрачности воздуха, придавалъ всему необыкновенно яркій колоритъ: и красная глина домовъ, и желтоватый песокъ на улицѣ, и самый воздухъ, казались раскаленными, какъ будто вся картина освѣщалась заревомъ пожара. Иные дворы окружены были живою изгородью изъ невысокихъ, въ землю воткнутыхъ кактусовъ, по которымъ переплетались павлика и пассифлора съ лиловыми и синими цвѣтками. Такой частоколь изъ кактусовъ, напоминавшій живую изгородь изъ кустовъ крыжовника въ умѣренномъ поясѣ, не только красивъ, но и прочтѣ всякаго другаго: укоренившись кактусъ подрастаетъ все выше, а страшныя колючки дѣлаютъ изгородь недоступною ни для ословъ, ни для муловъ, разгуливающихъ по улицамъ города.

Какъ средоточіе степнаго скотоводства. Калобосо служитъ главнымъ оборнымъ мѣстомъ для льянеросовъ, этихъ постоянныхъ обитателей необозримыхъ льянъ. Степня-

ки заѣзжаютъ въ городъ для того чтобы совершить торговые сдѣлки съ купцами, поставляющими въ пограничные порты кожу, сало и сушеное мясо. Покомчивъ дѣла, они опять спѣшатъ въ дѣлны къ своимъ стадамъ. „Не напоминаютъ ли вамъ эти льяперосы казаковъ Малороссіи?“ разъ спросилъ жившій въ Калобосо Нѣмецъ, указывая на выѣзжавшихъ изъ города наѣздииковъ съ длинными пиками. Одежда ихъ состояла изъ ситцевой рубахи и бѣлыхъ штановъ, которые, обтачивая ноги, застегивались внизу на пуговицы, на подобіе штіблетовъ; изъ-подъ войлочныхъ шапкъ выглядывали концы пестрыхъ платковъ, которыми повязываютъ они голову для предохраненія затылка отъ палящихъ лучей солнца. Не зная прихотей, льяперосы довольствуются въ своихъ разѣздахъ кускомъ сушеного мяса, изжареннаго на вертелѣ; иногда къ этому прибавляютъ хлѣбъ, *кассава*, который ѣдятъ какъ сухарь, размочивъ напередъ въ водѣ какой-нибудь степной лагуны. Несмотря на скудную пищу, льяперосъ вѣчно на конѣ; онъ переплываетъ на немъ быстрые потоки, и не зная усталости, скачетъ отъ одного стада къ другому. Иногда, потѣхи ради, гоняется онъ за разъярившимся буйволомъ, набрасываетъ на него свой ременный *лассо* и однимъ взмахомъ повергаетъ его на землю. Полная опасностей, нужды и лишеній, жизнь льяпероса проходить въ безпрестанной борьбѣ то съ ягуаромъ, нападающимъ на стада, то съ кайманомъ, подстерегающимъ добычу въ лагунѣ, то съ змѣями и другими опасными обитателями пустыни. Въ этой полудикой жизни крѣпнеть тѣло, сообщая мускуламъ стальную упругость, изоощряются чувства, а грозныя нечаянности научаютъ присутствію духа. Всегда беззаботный, льяперосъ не знаетъ болѣзней и до глубокой старости сохраняетъ свѣжесть и силу мышцъ. Таково дѣйствіе тропическаго воздуха. Мы испытали это даже на себѣ, перенося безъ напряженія и вреда для здоровья такія трудности и лишенія, какихъ не вытерпѣть бы организму при другомъ климатѣ и иныхъ условіяхъ.

Во время войны за независимость южно-американскихъ колоній, льяперосы принимали самое дѣятельное участіе въ освобожденіи своей родины. Никакія регулярныя войска, присылаемая изъ Испаніи, не могли устоять противъ ихъ натиска. Когда же, уступая многочисленности непріятеля, разсыпались они по роднымъ степямъ, то были для

Испанцевъ еще страшнѣе: сговорившись заранѣе, собирались они въ знакомыхъ имъ мѣстахъ въ отдѣльныя отряды, и внезапными нападеными тревожили непріятеля, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ отчаянныхъ случаяхъ льянеросы зажигали степную траву, и Испанцы, уже торжествовавшіе побѣду, обращались въ бѣгство, пресѣдуемые и пламенемъ, и длинными пиками наѣздниковъ. Въ схваткѣ съ ними никакія тактическія соображенія испанскихъ генераловъ не могли спасти войска отъ пораженія. Изъ среды этихъ степныхъ жителей вышли тѣ сильныя личности, которыя, ставъ во главѣ своихъ товарищей, рѣшили судьбу революціи. Самый дѣятельный сподвижникъ Боливара, — Вашингтона Южной Америки, — былъ льянеросъ Пазсъ. Предводительствуя преданнымъ ему отрядомъ патриотовъ, онъ не разъ являлся на выручку, въ критическія минуты, когда Боливаръ, разбитый врагами, находился почти въ безвыходномъ положеніи. Пазсъ — типъ истого льянероса. Съ необыкновенною тѣлесною силой и непоколебимымъ мужествомъ онъ соединялъ радушіе и привѣтливость, упрочившіе за нимъ безграничную привязанность степняковъ. Будучи начальникомъ, онъ дѣлилъ съ льянеросами всѣ трудности похода, какъ товарищъ принималъ участіе въ ихъ пирахъ и забавахъ, въ ихъ наѣздничествѣ. Въ пылу битвы Пазсъ спокойно обдумывалъ ударъ. Когда же онъ врывался въ ряды непріятеля, то отвага его не знала границъ, и бурный порывъ какъ электрическая искра сообщался всему отряду. При своей храбрости, при воинскихъ доблестяхъ, онъ чуждался ненужнаго кровопролитія и щадилъ враговъ положившихъ оружіе, тогда какъ болѣе образованные испанскіе военачальники вели войну со всѣмъ неустовствомъ племенной вражды. Чуждый властолюбія и корысти, Пазсъ не домогался почестей: имѣя на своей сторонѣ большое число приверженцевъ, но сознавая превосходство Боливара въ административномъ дѣлѣ, онъ первый подчинился ему, когда Боливаръ по окончаніи войны, избравъ былъ въ правителя союзной республики Колумбіи, въ составъ которой вошла Венесуэла. По смерти Боливара Венесуэла отдѣлилась отъ союза; Пазса выбрали въ президенты юной республики. Онъ обратилъ все вниманіе на водвореніе порядка, и подѣ

его мирнымъ управленіемъ въ Венесуэлѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ республикахъ южной Америки, преуспѣвали земледѣліе и промышленность. Простодушно доврчивый, онъ легко поддавался вліянію не всегда безкорыстныхъ друзей, и оттого не всегда былъ послѣдователемъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Но сознавъ ихъ несостоятельность, онъ самъ первый открывалъ свои ошибки, имѣя одну цѣль — благоденствіе своей родины. Когда, въ 1847 году, въ республикѣ возникли раздоры вслѣдствіе недовольства богатыхъ креоловъ, то Пасъ, желая примирить партіи, отказался отъ правленія и самъ споспѣшествовалъ избранію Монаіаса. Узнавъ въ послѣдствіи какъ злоупотреблялъ власть свою новый президентъ, Пасъ раскаивался въ своемъ поступкѣ, но было уже поздно: попытка свернуть Монаіаса ему не удалась, и онъ долженъ былъ удалиться въ Соединенные Штаты, гдѣ прожилъ послѣдніе годы въ бездѣйствіи. Въ бытность нашу въ Венесуэлѣ партія его была еще сильна; самъ Пасъ, по словамъ его друзей, находился въ Нью-Йоркѣ.

Изъ Кааобосо намъ предстояло еще разъ переѣхать льяны до мѣстечка Камагуанъ на берегу одного изъ притоковъ Апуры. Добрый неонъ Альбараго не переставалъ заботиться о насъ, и уладивъ все для дальнѣйшаго странствія, сталъ и самъ собираться въ обратный путь, чтобы доставить лошаковъ хозяину въ Каракасъ. При прощаніи онъ увѣрялъ, что еслибы мулы принадлежали ему, то онъ самъ поѣхалъ бы съ нами далѣе. Проводивъ его, мы съ другимъ неономъ пустились на ослахъ по направленію къ юго-западу. Такъ странствуя изъ края въ край, легко сближаешься и также легко расстаешься то съ однимъ, то съ другимъ человѣкомъ.... Новый вожатый нашъ, Монико, принадлежалъ къ числу тѣхъ переселенцевъ, съ Канарскихъ острововъ, которые начинаютъ свое поприще въ скромной должности подевщика. Скопивъ трудомъ и бережливостью небольшую сумму, они покупаютъ себѣ потомъ нѣсколькихъ ословъ и перевозятъ по льянамъ людей и клади. Наконецъ приобрѣтаютъ участокъ земли, разводятъ бананы, кофейную и сахарную плантаціи, и достигаютъ такимъ образомъ желаемого состоянія независимаго землевладельца. Они вообще принадлежатъ къ наиболѣе трудолюбивому классу переселенцевъ въ испано-американскихъ колоніяхъ.

Монико, странствуя постоянно по льянамъ, одѣвался иначе чѣмъ неоны живущіе въ горахъ. На его плечахъ свободно висѣла кичѣмъ не подпоясанная, длинная, бѣлая рубаха съ широкими рукавами; холщевые шаровары закрывали ноги, обутые въ толстые башмаки; на головѣ носилъ онъ высокую поярковую шляпу цилиндрической формы съ широкими полями. Щадя своего осла, онъ шелъ пѣшкомъ, и пастать, вѣявшій прохладой по степи, надувалъ его холщевую рубаху словно парусъ. Когда, сѣдую за проводникомъ, приблизились мы послѣ полудня къ небольшому передѣску, въ воздухѣ сильно запахло дымомъ; надо было перейти по горѣвшему мѣсту; это впрочемъ нисколько не остановило насъ: почва въ лѣсу была покрыта низкою и рѣдкою травой, а потому огонекъ, сверкающая то тамъ, то здѣсь, медленно перебиралась по землѣ, не обжигая даже стволы и безъ того уже оголенные деревья; даже кора ихъ ни мало не обугливалась. Только почва тѣла, и густой дымъ разносился въ воздухѣ. Маленькій американскій олень, спасаясь отъ огня, выбѣжалъ изъ лѣсу въ степь; пара красныхъ попугаевъ-ара съ крикомъ поднялись съ дерева и отлетѣли въ другую сторону лѣса.

Еще засвѣтло подѣхали мы къ хатѣ льянероса, одиноко стоявшей на берегу степной лагуны. Сюда рѣдко кто заѣзжаетъ, а потому хозяинъ хаты, словоохотливый креоль, обрадовался, увидѣвъ людей, съ которыми можно побесѣдовать въ волю. Онъ уговаривалъ остаться у него до утра, увѣряя, что намъ въ ночь не добраться до жилья. Монико думалъ было воспользоваться вечернею прохладой и ѣхать далѣе, но согласился наконецъ на предложеніе креола, и хорошо сѣдалъ; иначе пришлось бы ночевать среди льянъ: до ближайшей хаты, какъ оказалось послѣ, было часовъ десять ѣзды. Жилище льянероса состояло изъ двухъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой просторнымъ промежутокъ въ родѣ сѣней. Комнаты, повидимому, служили больше для склада сѣвѣстныхъ припасовъ и имущества креола, чѣмъ для житья: хозяинъ и семейство его расположились въ сѣняхъ подъ навѣсомъ. Тамъ застали мы жену креола, природную, но уже не молодую Индіанку, и трехъ взрослыхъ дочерей его, по складу лица и по красноватому цвѣту кожи болѣе походившихъ на мать чѣмъ на

отца. Хозяинъ былъ человекъ веселаго нрава: не умокала ни на минуту, онъ шутками своими старался развеселить жену и дочерей. Взявъ у насъ револьверъ, онъ сталъ объяснять устройство его; и когда внимательная слушательница его, никогда не видавшія пистолета, осматривала съ любопытствомъ диковинную вещь, хозяинъ вовсе неожиданно издавалъ звукъ, похожій на выстрѣлъ. Испуганная дочери, громко взвизгнувъ, отскочили въ сторону, потомъ захохотали какъ маленькιά дѣти. Довольный удавшеюся шуткой, отецъ вторилъ ихъ громкому смѣху. Старая Индіанка сердилась, и не измѣняя важнаго выраженія лица, словно нехотя улыбалась. Чтобы доказать свое искусство, креоль зарядилъ ружье и пошелъ къ лагунѣ. Застрѣливъ тамъ дикую утку, онъ съ торжествомъ привезъ ее старухѣ и сталъ разказывать дочерямъ какъ рваная имъ птица бѣрахталась въ водѣ; разказъ сопровождался прибаутками и мимикой, возбуждавшими новый, долго непрерывавшійся хохотъ полудикарокъ. Въ каждомъ дѣйствиі добраго льянероса проглядывало желаніе развеселить дѣвушекъ, скучающихъ одиночествомъ. Несмотря на радушное гостепріимство, хозяинъ не могъ предложить намъ къ ужину ничего кромѣ нѣсколькихъ банановъ и сушенаго мяса, которое съ трудомъ можно было разжевать. Намъ поэтому очень кстати принаись двѣ утки и три степныя куропатки, застрѣленные днемъ. Дочери тотчасъ же принялись щипать птицъ, а хозяйка положила ихъ въ горшокъ съ водою, въ которую для вкуса подбавила нѣсколько луковицъ. Все это варилось на кострѣ, а бананы были испечены на угольяхъ, какъ печется обыкновенно картофель. Послѣ ужина мы развѣсили *чинчорры* на балкахъ подъ навѣсомъ и вскорѣ задремали въ нихъ. Сквозь сонъ еще долго слышался намъ сдержанный смѣхъ дочерей, съ которыми отецъ не переставалъ шутить втихомолку. Наконецъ всѣ развѣстались по своимъ *чинчоррамъ*, развѣшаннымъ въ разныхъ углахъ, и только степной вѣтеръ, шелестя по пальмовой крышѣ, прерывалъ безмолвіе ночи.

Монико разбудилъ насъ до солнца. Гостепріимный хозяинъ наотрѣвъ отказался отъ платы за ночлеги. Сѣвъ на лошадь, онъ проводилъ насъ довольно далеко, потомъ поскакалъ въ льяны къ своимъ стадамъ. Скотоводство составляетъ единственный промыселъ льянеросовъ. Впрочемъ

это занятіе не стоить имъ большаго труда. Разъ въ годъ хозяева сгоняютъ свое стадо для того чтобы помѣтить молодую скотину. Часто коровы пристають къ чужимъ стадамъ, но по ихъ выжженному тавру всегда возвращають настоящимъ владѣльцамъ. Если телка или бычокъ еще не помѣчены, то ими владѣть тотъ кто первый выжеть свой знакъ, хотя бы они прибыли изъ чужаго стада. Отъ времени льянеросъ объѣзжаетъ степь, довольствуясь при этомъ поверхностнымъ осмотромъ своего скота. Когда онъ продаетъ въ городъ нѣсколько головъ, то собираетъ съ помощію своего лассо требуемое число коровъ и быковъ и пригоняетъ ихъ къ назначенному мѣсту. Тѣмъ и кончаются заботы льянероса.

Извѣстно, что туземныя краснокожія племена до открытія Америки вовсе не занимались скотоводствомъ, служащимъ переходною ступенью отъ дикаго состоянія охотника къ осѣдой жизни хлѣбопашца. Испанцы первые перевезли изъ Европы рогатый скотъ, и съ тѣхъ поръ онъ размножился и почти одичалъ на привольи степей. Вотъ теперь въ Венесуэлѣ леги рядомъ три смежныя межау собою полосы, соотвѣтствующія разнымъ степенямъ развитія человѣчества: на югѣ, въ первобытныхъ лѣсахъ по берегамъ Ориноко, Индіецъ до сихъ поръ занимается охотой и рыбною ловлей; въ слѣдующей затѣмъ полосѣ льяновъ живутъ наѣзники-пастухи, промышляющіе скотоводствомъ; наконецъ въ долинахъ, расположенныхъ въ горахъ вдоль по сѣверной границѣ льяносовъ, положено начало земледѣлію и промышленности, служа залогомъ будущей гражданственности страны.

На третій день нашего пути, съ самаго утра, стали показываться признаки свидѣтельствовавшіе о близости рѣки. То здѣсь, то тамъ появлялись невысокія пальмы; ихъ сухія листья, колеблемые вѣтромъ, производили шорохъ, напоминавшій шумъ производимый паденіемъ крупныхъ капель дождя на вершины лиственныхъ деревьевъ. Трава въ льяносахъ была зеленѣе, сочаѣе; мѣстами она поднималась выше головы. Куда ни взглянешь, вездѣ пасется рогатый скотъ. Черезъ дорогу перебѣжалъ степной воакъ и скрылся въ высокой осоцѣ. Къ полудню мы прибыли наконецъ въ мѣстечко Камагуанъ на берегу Португезы, впадающей въ Апуру, одинъ изъ главныхъ притоковъ Ориноко.

Тутъ мы опять попали на праздникъ какого-то святаго, въ честь которому въ городѣ назначенъ былъ бой быковъ. Сѣхалось множество льянеросовъ. На площади перелъ церковью огородили жердами большее пространство. Народъ толпился кругомъ въ ожиданіи потѣшнаго зрѣлища. Для богатой публики, на одной сторонѣ обширной арены, наскоро сколочено было на подмосткахъ нѣскольکو крытыхъ мѣстъ. Между занявшими ихъ чиновными аристократами болѣе всего поражали пестротой нарядовъ негритянки, одѣтыя въ бальныя платья съ обширными кринолинами. Послѣ полудня, когда жаръ немного свалилъ, на арену прямо изъ льяносовъ пригнали цѣлое стадо быковъ. Льянеросы съ своими *лассами* окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что дико-озиравшимся животнымъ негдѣ было проскочить. Одинъ изъ быковъ, воспользовавшись суматохой, перескочилъ однако черезъ барьеръ, заграждавшій входъ, и помчался по улицѣ прямо въ степь. Трое льянеросовъ съ гикомъ понеслись за нимъ. Вскорѣ одинъ изъ нихъ приволокъ быка на длинномъ *лассо*, которымъ опутаны были рога упиравшагося животного. Сзади подгоняли его другіе льянеросы и заставили наконецъ войти въ огороженное мѣсто. Изъ пригнаннаго стада выбрали съ дюжину самыхъ ярыхъ бойцовъ, вогнали ихъ въ особенное отдѣленіе возлѣ арены, а остальныхъ выпроводили изъ города. Потомъ началось самое представленіе.

Это не былъ настоящій бой быковъ какъ бываетъ въ Испаніи. Здѣсь льянеросы собрались не для того чтобы убивать животныхъ, а чтобы представить народу, какъ ловятъ ихъ по раздѣльнымъ льяносамъ, при чемъ каждый старался выказать свою ловкость и удачу. Сначала десятка три всадниковъ прошли по аренѣ, по двое въ рядъ, церемоніальнымъ маршемъ. Потомъ они начали дѣлать различныя эволюціи то на рысяхъ, то въ галопъ не хуже военныхъ кавалеристовъ. Наконецъ льянеросы столпились въ кучу, и изъ особаго отдѣленія на арену выпустили быка. Почувявъ просторъ, полудикое животное пустилось вскачь по большому кругу. Льянеросы понеслись за нимъ, и тутъ-то пошавъ дѣло все ихъ искусство при гоньбѣ за звѣремъ. Не видя выхода изъ огороженнаго мѣста, раздраженное животное, наклонивъ рога, бросалось

на ближайшаго всадника; тотъ на всемъ скаку круто сворачивалъ въ сторону; другой подоспѣвалъ на его мѣсто, и опять гналъ быка вокругъ арены. Все искусство состояло въ томъ, чтобы повалить животное: льянеросъ, наклонившись на бокъ, на всемъ скаку хваталъ за хвостъ бѣгущаго звѣря и съ одного маха повергалъ его на землю; только пыль поднималась столбомъ надъ растянутымся звѣремъ. Онъ вскакивалъ съ ревомъ и вновь бѣжалъ; за нимъ гнался уже новый всадникъ. Наконецъ утомившись, быкъ выходилъ на середину, останавливался и дико озирался, какъ бы выбирая на кого броситься. Льянеросы разсыпались по аренѣ, и на нее выходилъ пикадоръ. Это было впрочемъ случайное прибавленіе къ зрѣлищу; потому что здѣсь не всегда бываютъ малицо пикадоры, и дѣло ограничивается удалствомъ наѣздниковъ. Пикадоръ въ курткѣ и узкихъ штатахъ былъ также малый ловкій: онъ шелъ на быка, держа передъ собою большой красный платокъ и не сводя глазъ съ противника. Быкъ тоже устремилъ налитые кровью глаза на красное, и вдругъ ринулся, наклонивъ рога, на пикадора. Этотъ отскочилъ въ сторону въ то самое мгновеніе, какъ быкъ ударялъ уже рогами въ подставленный платокъ. Пикадоръ производилъ свои движенія съ такою увѣренностью и граціей, что со стороны эта игра вовсе не казалась опасною. Потѣшившись надъ озадаченнымъ животнымъ, пикадоръ отходилъ въ сторону, и льянеросы опять пускались на быка, выгоняя его вовъ изъ круга; барьеръ у входа снимали, и животное выбѣгало, преслѣдуемое по городу наѣздниками до тѣхъ поръ пока оно не присоединялось къ своему стаду въ степи. Потомъ на арену выпускали другаго быка, началась таже исторія и все кончилось безъ кровопролитія, когда послѣдняго быка выпроводили въ льяносы. Арена эта служила для льянеросовъ мѣстомъ для упражненія въ ловкости, быстротѣ и смѣтливости, необходимыхъ въ ихъ ремеслѣ.

Въ Камагуанѣ набралось столько народу, что въ фонадахъ не нашлось мѣста на ночь, и мы рѣшились въ тотъ же день уѣхать въ Санъ-Фернандо, лежащій на рѣкѣ Апуръ недалеко отъ слиянія съ нею Португесы. Туда нельзя было добраться иначе какъ внизъ по рѣкѣ. Двое креоловъ взялись провести насъ въ своемъ *камо* и очень похожемъ на

тѣ выдолбленные изъ дерева челноки, которые у насъ въ Новороссіи называются кауками. По окончаніи боя мы сошлись съ креолами на берегу. Они тотчасъ же спустили въ воду свой *камо*; посадили насъ на его дно; сами же, взявъ по короткой лопатѣ, размѣстились одинъ на носу, другой на кормѣ, и мы поплыли. Сначала все шло хорошо, и креолы надѣялись уже безъ остановки доѣхать до города, до котораго было верстѣ около двадцати. Вдругъ челнокъ ударился двомъ обо что-то твердое; еще ударъ, и *камо* закачался такъ, что чуть было не опрокинулся. Что это были или камни? — „Нѣтъ, не то,“ отвѣчали креолы, поглядывая въ воду; „это черти каймамы.“ Опять толчокъ. „Вотъ оны!“ закричали креолы, и недалеко отъ челнока что-то заходило въ рѣкѣ; вслѣдъ за тѣмъ показалось острое рыло; расплескавъ воду, оно опять погрузилось внизъ и пропало изъ виду. Между тѣмъ становилось все темнѣй. Надъ рѣкой между лѣсистыми берегами сгустился сумракъ. Креолы не рѣшались ѣхать далее и пристали къ песчаной косѣ. Они выбрали на песокъ мѣсто подалѣе отъ воды, изъ которой на берегъ могъ выйти кайманъ, но не слишкомъ близко къ лѣсу, гдѣ на опушкѣ иногда прячутся ягуары. На всякій случай развели костеръ. Мы легли возлѣ него на разобранныхъ шерстяныхъ одеялахъ. Полугай, сѣдѣвъ съ ближняго дерева, прокричалъ отрывистымъ крикомъ. Далеко въ лѣсу, гдѣ-то раздался визгъ обезьянъ, вѣроятно встревоженныхъ какимъ-нибудь хищнымъ звѣремъ. Потомъ все стихло. Креолы подбрасывали въ костеръ сучья, которые слабо потрескивали всю ночь.

Когда подымавшаяся луна освѣтила рѣку, гребцы разбудили насъ, и ѣвъ въ *камо*, мы опять пустились по теченію. Вскорѣ совсѣмъ разсвѣло. Креолы, увидавъ на песчаномъ берегу слѣды пятипалыхъ лапъ, причадили къ нему. Они надѣялись найти здѣсь черепашия яйца. Сойдя на берегъ, они отрѣзали каждый по палочкѣ, заострили ихъ, и стали острымъ концомъ тыкать въ песокъ, испытывая его такимъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ палочка свободнѣе проходила въ рыхлый песокъ, креолы разрыли его, и оказалось, что тамъ точно были яйца; но къ досадѣ креоловъ не черепашия, а каймановы, которыхъ не годится въ пищу. Ихъ все-таки повыбросали изъ гнѣзда. Всякій считаетъ непрѣмьнымъ долгомъ уничто-

жать лица этихъ крокодиловъ Новаго Свѣта. Въ гнѣздѣ было слишкомъ сорокъ штукъ: не удивительно, что въ рѣкѣ попадаетса такъ много каймановъ. Яица были немногимъ больше гусиныхъ, цвѣтомъ бѣлая, съ едва замѣтною голубоватою полоской по срединѣ, въ видѣ пояса въ палецъ ширины. Разбивъ нѣсколько яицъ, мы нашли въ нихъ совсѣмъ уже образовавшихся кайманятъ, плававшихъ въ студенистой, прозрачной влагѣ. По нѣскольку разъ къ ряду раскрывали они рыльце, какъ бы глотая воздухъ, и тутъ же издыхали. Несмотря на то, что они были не болѣе двухъ вершковъ длины, лапки ихъ съ пятью пальцами на каждой, рыльце и хвостъ, были такіе же какъ у взрослыхъ каймановъ, достигающихъ до девяти аршинъ въ длину. Всего загадочнѣе показалось намъ то, какимъ образомъ неуклюжее на сушѣ животное засыпаетъ свое гнѣздо такъ что бываетъ трудно открыть мѣсто, гдѣ оно сложило свои яйца. Только отпечатки пяти пальцевъ на пескѣ указывали въ какомъ мѣстѣ самка выходила на берегъ. Говорятъ, будто она хвостомъ замечаетъ песокъ надъ гнѣздомъ; нельзя однако замѣтить никакихъ слѣдовъ ея работы: песокъ надъ гнѣздомъ ничѣмъ не отличается отъ окружающей поверхности песчанаго берега, и только при помощи заостренныхъ палочекъ можно открыть мѣсто, гдѣ спесеныя яйца.

За этими остановками по берегамъ прошло довольно много времени, такъ что мы, взявъ въ Апуру, уже послѣ полудня прибыли въ Санъ-Фернандо. Гостиницы въ городѣ не было; намъ однако удалось нанять комнату въ домѣ мелочнаго торговца. Комната наша, правда, походила скорѣе на пустой сарай: земляной полъ, пальмовая крыша надъ головой, четыре вымазанная глиной стѣны, вотъ какова была наша квартира; оконъ вовсе не было. Впрочемъ, въ этомъ чудномъ климатѣ ничего болѣе и не нужно: было бы гдѣ повѣсить *чинчорру*. Хозяйка привнесла намъ однако столъ и пару старыхъ стульевъ. Одна изъ просторныхъ дверей комнаты выходила прямо на улицу, а другая на небольшой дворъ. У самой двери, въ столбѣ, помѣщалась лошадь, которая по временамъ съ любопытствомъ заглядывала къ намъ въ комнату. Тутъ же прыгала привязанная къ цѣпочкѣ длиннохвостая обезьяна-мооно. Она жила въ большой дружбѣ съ лошадью; часто садилась на шею и

пальцами перебирала ея гриву. Прыгая, моно издавала особаго рода ласковый звукъ, похожій на воркованье голубя, смѣняемое по временамъ легкимъ свистомъ. Не взидала она мальчика мулата, жившаго у нашего хозяина. Мальчикъ дразнилъ ее; за то каждый разъ, когда онъ подходилъ къ столу, обезьяна переставала ворковать, скакала зубы, и злобно ворча, грозила выцарапать ему глаза. Когда мулату случалось задавать кормъ лошади, дѣло не обходилось безъ драки: моно взвизгивала, огрызалась, а иногда, пользуясь оплошностью врага, цѣплялась въ его густые волосы. На крикъ мальчика сбѣгались люди со всѣхъ сторонъ; но только одной хозяйкѣ удавалось избавлять его отъ цѣпкихъ рукъ раздраженнаго звѣря: только ея голоса слушалась моно; оставивъ мулата, она ластилась къ креолкѣ, воркуя, и какъ будто жалуясь ей. На другихъ она не бросалась, но не любила чтобы ее трогалъ кто-нибудь изъ мужчинъ. Странно, какъ крѣпко сохранилась въ памяти обезьяны привязанность къ креолкѣ, выкормившей ее на своихъ рукахъ. Когда она бывала раздражена, стоило только подойти къ ней женщинѣ, хотя бы совершенно чужой, и моно тотчасъ же начинала ласкаться къ ней, и съ воркованьемъ доверчиво шла на руки. Она какъ будто признавала въ каждой женщинѣ свою воспитательницу; такъ ребенокъ принимаетъ каждое чужое лицо за дядю или тетю. Въ томъ же родѣ моно сохранила непримиримую ненависть къ мальчику-мулату: кто бы изъ дѣтей ни подходилъ къ ней, какъ-бы ни кормили и ни ласкали ее, она каждый разъ злилась и огрызалась, завидя ихъ еще издали. Далѣе этого различія половъ и возраста память ея не шла.

Въ Санъ-Фернандо мы пробыли долѣе чѣмъ предполагали; вѣхать далѣе не было возможности. Мы рѣшились наконецъ посоветоваться съ губернаторомъ, къ которому у насъ было рекомендательное письмо изъ Каракаса. Жилище начальника города ничѣмъ не отличалось отъ другихъ главной вымазанныхъ и выбѣленныхъ домовъ съ черепичными крышами. Самаго губернатора застали мы на дворѣ подъ навѣсомъ. Сидя въ своей *чимчорртъ*, онъ доѣдалъ арбузъ и бесѣдовалъ съ двумя креолами, беззаботно качавшимися на стульяхъ. По обыкновенію Испанцевъ, губернаторъ съ первыхъ же словъ предоставилъ въ наше

распоряженіе и свой домъ, и все что въ немъ ни было; однако, при всемъ своемъ желаніи, онъ не находилъ средствъ доставить насъ на Ориноко, а совѣтовалъ подождать съ ведѣлю: въ городъ поджидали *ланчу*, то-есть барку, сверху рѣки, и губернаторъ обѣщалъ устроить такъ, чтобъ она захватила насъ съ собой. Мы и на томъ были благодарны. По причинѣ мелководія, въ сухое время года не было никакого другаго сообщенія съ городами на Ориноко. Мы очутились въ этомъ городѣ съ четырьмя тысячами жителей, точно на островѣ среди океана. Однако въ половодіе въ Санъ-Фернандо чаще пристають разныя суда. Недавно до города сталъ доходить пароходъ одного нью-йоркскаго общества. Онъ содержитъ сообщеніе между городами на Апурѣ и Ангостурѣ, главнымъ портомъ на Ориноко. Въ Санъ-Фернандо привозятъ муку, окорока, деревянную и желѣзную посуду изъ Соединенныхъ Штатовъ, разныя матеріи и другія издѣлія фабрикъ Англіи и Франціи. Въ замѣвъ этого забираютъ сырыя кожи и сало, составляющія почти единственный промыселъ жителей льяносовъ.

Въ ожиданіи обѣщанной губернаторомъ *ланчи*, мы стали охотиться за кайманами. Ихъ было такъ много въ рѣкѣ, что на другомъ берегу противъ самаго города, около полудня, всегда лежало ихъ штукъ до пятнадцати рядомъ. Издали они походили на темнобурыя нетесанныя бревна. Выйдя на берегъ, они ложились хвостомъ къ водѣ на горячій песокъ и разѣвали пасть, съ какою-то алчностью вдыхая знойный воздухъ. Когда бывало подъѣдешь къ нимъ въ лодкѣ шаговъ на пятьдесятъ, они, изворотившись всѣмъ станомъ, бросались въ воду головой впередъ, и расплескавъ ее, тотчасъ ныряли въ глубину: иной разъ казалось, будто земляная глыба обрушилась съ берега. Въ рѣкѣ кайманы чрезвычайно ловко преслѣдуютъ свою добычу. Спасаясь отъ нихъ, испуганная рыба часто выскакиваетъ даже изъ воды. Когда кайману удастся поймать большую рыбу, онъ всплываетъ наверхъ, держитъ ее въ пасти надъ водой и мнетъ между челюстями до тѣхъ поръ пока она не перестанетъ метаться; потомъ выходитъ съ своею добычей на песчаную мель и съѣдаетъ всю безъ остатка. Эти ужасныя ящеры прожорливы чрезвычайно. Очевидцы разказывали, какъ кайманъ утащилъ разъ мулата, который, переплывая

верхомъ рѣку, нечаянно свалился въ воду. Здѣсь никто не рѣшится войти въ рѣку выше колаба, и потому никто не купается; за то жители обыкновенно обливаются, стоя на берегу и черпая воду изъ рѣки *тутумой*, — довольно большою деревянною посудиною овальной формы и выдѣланною изъ лада дерева тутумы. Забывъ о предосторожности, я вошелъ какъ-то разъ по колаба въ рѣку и наклонившись мылъ лицо. Вдругъ слышу кричать: „кайманъ!“ Открывъ глаза, я увидѣлъ почти у ногъ своихъ рыло животного; испуганный моимъ движеніемъ и криками креоловъ на берегу, кайманъ сталъ пятиться отъ меня и ушелъ въ глубину. Не только человѣкъ боится войти въ воду, даже птица не отважится плыть по ея поверхности: ни на рѣкѣ, ни въ тихихъ заводяхъ, ни въ лагунахъ, въ которыхъ водятся кайманы, не видали мы, чтобы въ глубокомъ мѣстѣ на воду садилась гуси или утки, выплывающіе у насъ на самую середину глубокаго озера. Здѣсь же, напротивъ, гусей мы постоянно заставляли на берегу. Не разъ случалось, что подстрѣленный гусь, упавъ въ воду, спасался отъ насъ вылавъ; тогда онъ навѣрное доставался кайману въ добычу. Удивительно какъ скоро хищный кайманъ подъ водою чувствуетъ добычу плавающую на поверхности; не успѣешь зарядить ружья, а птица уже съѣдена. Утки, какъ замѣчали мы, полощатся обыкновенно въ мелкихъ лужахъ на краю лаеса. Верстахъ въ пяти отъ Санъ-Фернандо, среди льяносовъ, находилась лагуна, прозванная почему-то мертвою (*muerto laguna*). Охотясь по ея берегу, мы видѣли какъ два каймана нырнули въ воду. На концѣ озера взлетѣла стая утокъ; товарищъ мой выстрѣлилъ, и одна изъ нихъ упала въ воду. Вѣтромъ подгоняло ея къ берегу. Мы приготовились достать ее палкой; но кайманъ снизу уже поддерживалъ птицу. Когда же концомъ палки приподняли мы къ верху приплывшіе остатки, то отъ всей птицы только и оказалось что пара крыльевъ да спавная кость, почти обглоданная.

Какъ ни страшенъ кайманъ въ водѣ, но на сушѣ онъ самъ бѣжитъ отъ человѣка. Когда мы подкрадывались бывало къ звѣрю, подобно плахѣ лежавшему на отмели, онъ, не оборачивая къ намъ головы, всякій разъ заранѣе чуялъ опасность, и не подпуская насъ на выстрѣлъ, уходилъ въ воду. Немного погодя, онъ обыкновенно опять выходилъ на бе-

режь въ томъ же мѣстѣ, гдѣ лежалъ прежде. Замѣтивъ это, мы прятались за кусты близъ берега. Такимъ образомъ намъ удалось застрѣлить трехъ каймановъ. Самый большой изъ нихъ не превышалъ одной сажени въ длину. Лобная кость была такъ крѣпка, что обыкновенная пуля изъ пистолета, попавшая между глазъ, отскочила, оставивъ по себѣ слѣдъ кружка; только коническая пуля могла пробить черепъ. При случаѣ всякій старается всадить пулю въ крѣпкую броню ящера; но стрѣлая по немъ изъ своихъ плохихъ ружей, жители рѣдко убиваютъ его. Разказываютъ, что на берегахъ Амазонки каймановъ ловятъ съ помощью гарпуновъ и аркановъ: забросивъ на голову петлю, человекъ двѣнадцать негровъ втаскиваютъ животное на берегъ и убиваютъ его топорами. Такія охоты на Амазонкѣ устраиваются съ цѣлю добыть сало, которое въ большомъ количествѣ находится во внутренностяхъ животного. Сало идетъ на освѣщеніе. Негры въ Бразиліи употребляютъ даже въ пищу мясо и въ особенности ту часть, которая находится въ хвостѣ каймановъ. Ихъ убиваютъ иногда штукъ до тридцати въ день. Но жители береговъ Апуры и Оривоко не пользуются ни саломъ, ни мясомъ; иные только носятъ на груди, въ видѣ амулетовъ, большія клыкообразныя зубы каймана, считая ихъ предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ напастей. Выгодный промыселъ заставилъ бразильскихъ негровъ быть болѣе изобрѣтательными въ средствахъ истребленія плотоядныхъ ящеровъ, чѣмъ самый страхъ наводимый ими на жителей береговъ Апуры.

Наконецъ къ Санъ-Фернандо пристала давно ожидаемая *ланча*. Начальникомъ на ней, или по здѣшнему патрономъ, былъ черныи какъ смоль негръ. Ему были подчинены шесть гребцовъ: два креола и четыре мулата. Кромѣ того на *ланчѣ* находился еще молодой негръ, который стряпалъ дорогой на всю артель. Патронъ согласился за двадцать піастровъ довести насъ до Оривоко. *Ланча*, величиною съ небольшую барку, была нагружена на сажень вышины отъ бортовъ сырыми кожами. На нихъ-то, точно на высокой палубѣ, очистили для насъ мѣсто подлѣ патрона, который, сидя на суадукѣ, управлялъ рулемъ. Гребцы, стоя на той же палубѣ, приводили въ движеніе три пары весель. *Ланча* медленно подвигалась впередъ между дѣсистыми берегами. Въ глубокихъ мѣстахъ, не задерживаемая противнымъ

вѣтромъ, она дѣлала версты двѣ въ часъ. Но когда по долинкѣ рѣки начиналъ дуть пассатъ, то *ланча* подвигалась все тише и тише, и наконецъ не было силъ грести противъ вѣтра и подымавшихся волнъ. Тогда причаливали къ берегу, бросали якорь и выжидали, когда спадетъ пассатъ. Онъ повторялся ежедневно съ удивительною правильностью: начнется бывало въ девятомъ часу, и крѣпчая, постепенно достигаетъ около полудни наибольшей силы, а по рѣкѣ пѣвьясь заходятъ иззелена-бурья волны. Потомъ вѣтеръ понемногу спадалъ и въ третьемъ часу бывалъ такъ тихъ, что волненіе улеглось, и снова можно было грести. Онъ слегка подувалъ почти цѣлый день, и совершенно прекращался только поздно вечеромъ. Въ это время безвѣтрія обыкновенно налетали стаи москитовъ. Походя на нашихъ комаровъ, они потемнѣе ихъ цвѣтомъ, и ноги у нихъ длиннѣе. Длиннымъ жаломъ своимъ они проникали даже сквозь сукно, и не было отъ нихъ другаго спасенія какъ въ густомъ дыму.

Наше плаваніе еще болѣе замедлялось отмелями. *Ланча* врѣжется бывало килемъ въ песокъ и сядетъ. Если воды было не слишкомъ мало, то закидывали среди рѣки якорь на длинномъ канатѣ и терпѣливо ждали, пока теченіемъ не снесетъ песокъ изъ-подъ *ланчи*. Подталкиваемая теченіемъ, она между тѣмъ понемногу подавалась впередъ, и наконецъ съѣзжала съ мели. А не то прицѣплять бывало одинъ конецъ каната къ берегу и тянуть за другой, пока не вытянутъ *ланчу* на глубину. Но въ двухъ мѣстахъ рѣка до того обмелѣла, что принуждены были выгрузить кожи, перевезти ихъ въ лодкѣ на берегъ, и перетаскивъ *ланчу* до глубокаго мѣста, снова нагрузить ее. Такимъ образомъ мы иногда по цѣлымъ днямъ не двигались съ мѣста.

Лѣсные берега Апуры и отмели оживлены разнообразными породами птицъ. Часто встрѣчались гуси съ чернымъ перомъ на крыльяхъ и рыжеватымъ на шеѣ и спинѣ. Они были менѣе нашихъ сврыхъ гусей, и попадались не иначе какъ попарно. Гусыня, также какъ у насъ, величиною превосходила гуся, который не больше обыкновенной домашней утки. На песчаныхъ меляхъ, иногда цѣлыми стаями, показывались журавли, бѣлые и блѣднорозовые апеты, разнаго рода кудики и чайки; по временамъ налетали фламिंगо съ длинною шеѣй, подернутою напереди

розоватымъ отливомъ. На опушкѣ лѣса перелетывали гуа-чараки, фазаны южной Америки. Другая птица куриной породы, паухи (*rauhi*), была величиною съ индѣйку, и отличалась красивымъ перомъ чернаго цвѣта съ бѣлыми крапинами; особенно голова съ хохолкомъ и шея паухи были прекрасно расписаны мелкими бѣлаго цвѣта узорами по черному полю. Еще болѣе оживлялись берега при закатѣ солнца, когда все лѣсное населеніе высыпало изъ чащи на водопой. Попугаи разныхъ породъ и цвѣтовъ крикливыми стали занимали прибрежные кусты. Красноперые ара, появившіеся всегда попарно, перелетали черезъ рѣку. Цѣпкохвостыя обезьяны суетливо спускались съ дерева къ водѣ; гоняясь другъ за дружкой, онѣ поднимали визгъ, крикъ; наконецъ, утоливъ жажду, вся ватага перескакивала по сучьямъ съ дерева на дерево и скрывалась въ чащѣ лѣса.

Такая жизнь на берегу продолжалась до самыхъ сумерекъ, быстро сгнѣнявшихся темнотою ночи. Тогда свѣтящіяся жучки, невидимые днемъ, переносясь блестящими искорками съ вѣтки на вѣтку, цѣлыми роями показывались на прибрежныхъ кустахъ. Иногда на опушку выходилъ ягуаръ; при нашемъ приближеніи онъ быстро скрывался въ чащу. На небѣ вмѣстѣ съ звѣздами загоралось мерцающее сіяніе зодіакальнаго свѣта. Наши гребцы, указывая на него, говорили, что это зарево отдаленнаго пожара. Такъ воображеніе простолюдина, подобно воображенію младенческихъ народовъ, не стремясь въ даль, за предѣлы нашей атмосферы, отыскиваетъ на самой землѣ причины явленій, совершающихся въ пространствахъ вселенной... Въ ночной тиши глухо отдавались мѣрные удары весель. Гребцы, разговорчивые днемъ, ни однимъ словомъ не нарушали безмолвія ночи; развѣ когда возлѣ *ланчи* вдругъ плеснетъ преслѣдуемая кайманомъ большая рыба, и взволнуется гладкая поверхность воды; или когда съ берега донесется до насъ то протяжный, то отрывистый звукъ, одинъ изъ тѣхъ звуковъ, издаваемыхъ животными кошачей породы, который по временамъ тревожно раздается въ лѣсу, наводя страхъ на его заснувшихъ обитателей: тогда вырывалось невольное восклицаніе изъ устъ гребцовъ; потомъ они тихо разсуждали, какому бы это звѣрю могъ принадлежать голосъ, возмутившій всеобщее спокойствіе?

Заалѣлъ востокъ. Встрепнулись птицы; чайки и морскія

ласточку цѣлыми веревками тянулись вдоль по рѣкѣ: онѣ летѣли обыкновенно низко, надъ самой водой, и все по одному направленію, какъ будто спѣша къ опредѣленной цѣли. Тогда и между гребцами поднимался веселый говоръ. Завидѣвъ каймана, вышедшаго на освѣщенный утренними лучами берегъ, патронъ бросался за свое кремневое ружье и пускалъ въ него пулю; звѣрь, уязвленный мѣткимъ выстрѣломъ, бросался въ воду, изгибался всѣмъ корпусомъ, такъ что острымъ рыломъ доставалъ конецъ своего хвоста.

Нашъ патронъ, добродушный по природѣ, какъ вообще все чернокожіе, распорядился однако на вѣрвальной ему ланчѣ съ деспотическою властью; надо было видѣть, какъ гребцы пошевеливались по его слову. Когда не было ни мелей, ни сильнаго вѣтра, и все шло своимъ порядкомъ, тогда самъ патронъ разговаривалъ, шутилъ и пѣлъ съ матросами, какъ равный имъ товарищъ. Сидя на ящикѣ и управляя рулемъ съ помощью веревки, концы которой держалъ онъ въ рукахъ, патронъ разказывалъ гребцамъ про разные случаи изъ своей жизни, про отдаленные края, въ которыхъ бывалъ, про нравы каймановъ и черепахъ, про то изъ чего дѣлаются канаты. При этомъ сообщалъ онъ внимательнымъ слушателямъ своимъ, что лучшая пенька выходитъ изъ Россіи. На ланчѣ были другаго рода канаты, приготовляемые изъ волоконъ пальмовой коры. Они не такъ прочны какъ пеньковые, за то гораздо легче, и притомъ не вбираютъ въ себя воды и плаваютъ на ея поверхности, тогда какъ длинный пеньковый канатъ, пропитавшись водой, тонетъ. Доброе согласіе между начальникомъ и подчиненными было нарушено только одинъ разъ, и то не надолго. Въ этомъ впрочемъ виноватъ былъ самъ патронъ: занявшись своимъ кремневымъ ружьемъ, которое то и дѣло осѣкалось, онъ просмотрѣлъ какъ-то мель. Гребцы между тѣмъ дружно работали веслами, и вдругъ ланча со всего маха врѣзалась въ песчаное дно и сѣла. Патронъ въ гнѣвѣ вскочилъ съ своего мѣста, и бросивъ концы рулевой веревки, накумуся на гребцовъ: „Чего же вы зѣваете? Развѣ не видите мель? Куда жь вы гребете!“ Гребцы, стоя задомъ къ теченію, точно не могли видѣть мели; но они оторопѣли, и поднявъ весла, смиренно выслушивали сыпавшіеся на нихъ брань и упреки, которымъ не предвидѣлось конца. Одинъ изъ гребцовъ выручилъ однако своихъ товарищей: обо-

ротившись, оны вдругъ крикнулъ: „каймакъ!“ Патронъ схватился за ружье, прицѣлился: пуля вошла въ самый затылокъ; неуклюжее животное, разсвирѣпѣвъ отъ боли вспрыгнуло възмъ туловищемъ на аршинъ отъ земли и грохнуло въ рѣку. Патронъ забылъ о своихъ угрозахъ: потолковавъ объ удачномъ выстрѣлѣ, оны обратился къ гребцамъ съ самымъ добродушнымъ тономъ: „ну, теперь давайте сниматься съ мели.“ Всѣ тотчасъ же соскочили въ воду, и принялись подталкивать *ланчу* плечами. Скоро она опять пошла на весахъ внизъ по теченію.

Богае двухъ недѣль ѣхали мы такимъ образомъ изъ Санъ Фернандо до устья Апуры, проплывъ около полутора ста верстъ. Все это время намъ пришлось видѣть на берегу рѣки одно малонаселенное мѣстечко, да еще пять или шесть хатъ, удивленно стоявшихъ въ лѣсу. Поселенцы, креолы или мулаты, живутъ въ совершенной безопасности, находя около себя все что нужно для ежедневнаго пропитанія. Видъ одичавшихъ, измѣнившихся поселенцевъ производить тяжелое впечатлѣніе, какого не испытывали мы даже при встрѣчѣ съ дикарями, вовсе не знавшими условій цивилизаціи. Боишься невольно за себя, боишься за натуру человѣческую, когда видишь, какъ удаленная отъ образованнаго міра, дичаетъ она подъ вліяніемъ природы тропиковъ...

Пока, вдали отъ тревоженій политическихъ обществъ, плыли мы по рѣкѣ между первобытными лѣсами, въ столицѣ Венесуэлы совершился правительственный переворотъ. Генералъ Кастро неожиданно явился въ Каракасъ съ семитысячнымъ отрядомъ, и президентъ Монаіасъ, обвиняемый въ растратѣ общественныхъ суммъ, принужденъ былъ бѣжать къ французскому консулу. Мы узнали объ этомъ гораздо послѣ, когда уже выѣхали изъ Венесуэлы. Тогда же, по прибытіи нашемъ въ Катъкару на Ориноко, никто и не подбѣривалъ о такихъ важныхъ государственныхъ перемѣнахъ, такъ что наши рекомендабельныя письма къ губернаторамъ отъ имени изгнаннаго Монаіаса имѣли еще полную силу. Депети успѣли уже разнести по свѣту вѣсть о революціи въ Венесуэлѣ, а внутри самой страны эти событія никого и не потревожили.

Губернаторъ Катъкары помогъ намъ нанять лодку съ двумя гребцами для дальнѣйшаго плаванія по Ориноко.

На лодкѣ, называемой *курьерой*, вѣхали мы гораздо скорѣе чѣмъ на *ламчѣ*. Днемъ, во время сильнаго вѣтра, когда широкая рѣка волновалась какъ море, гребцы по необходимости причаливали къ берегу. Во время этихъ остановокъ мы проникали въ дѣсу на сколько было возможно за колючими густо-разросшимися кустами и лианами, переплетавшимися иногда въ видѣ непроницаемыхъ тенетъ. Но въ этомъ первобытномъ лѣсу мы сверхъ чаянiя не были поражены громадною деревъ: онѣ съ виду были какъ будто не выше иного чернолѣся въ южной Россiи. Однако намъ показалось это такъ только сначала; не трудно было убѣдиться, что на самомъ дѣлѣ наши буки и ясени могли бы безъ препятственно раскинуться во весь свой ростъ подъ вѣвистою вершиной иного высокоствольнаго тропическаго дерева: макушкою своею они едва достигали бы лишь до той высоты, гдѣ такое дерево выпускаетъ свои первые сучья. Громадность тропическаго дѣса не бросается въ глаза, благодаря согласному сочетанiю всѣхъ частей его: въ сравненiи съ высотой стройные стволы вовсе не кажутся объемистыми, и нашъ вѣсковой дубъ гораздо болѣе поражаетъ своею толщиною. Вообще дѣсъ подъ тропиками отличается тѣмъ, что листва, вѣнчающая вершину его, не такъ велика и не такъ раскидиста относительно высоты растенiя, тогда какъ въ нашемъ чернолѣсѣ, наоборотъ, объемъ листвы преобладаетъ въ сравненiи съ высотой дерева.

Не величиною поразилъ насъ тропическiй дѣсъ, а чрезвычайнымъ разнообразiемъ видовъ растенiй, встрѣчающихся по берегамъ Ориноко. Наше чернолѣсье состоитъ изъ ограниченнаго числа древесныхъ породъ, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ, преобладая надъ другими видами деревьевъ, придаютъ каждому лѣсу особый характеръ. Роци у насъ носятъ названiя: березовыхъ, дубовыхъ, липовыхъ, кленовыхъ. Дѣса же подъ тропиками ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отличены одинъ отъ другаго особыми именами. Среди сотни различныхъ видовъ, здѣсь не встрѣтишь деревьевъ, которая росла бы въ товариществѣ и преобладала бы надъ другими породами. Здѣсь напротивъ онѣ всѣ перемѣшаны, такъ что съ одного мѣста въ лѣсу рѣдко увидишь два дерева одного и того же рода. Этому, конечно, соответствуетъ разнообразiе очерковъ и отбѣговъ, что и придаетъ тропическому лѣсу привлекательность всегдаш-

ней новизны и неуловимую прелесть. А лианы съ вьющимися по нимъ аристолохіями, биньфоніями, напоминавшія намъ хмель и виноградъ; лѣсная поросль, состоящая изъ пальмъ, древовидныхъ злаковъ и папоротниковъ; наконецъ многоцвѣтныя орхидеи, замѣняющія собою мхи и лишай бѣдой сѣверной флоры: все вмѣстѣ составляетъ необходимое дополненіе картины, всегда стройной, согласной при всемъ разнообразіи тропической растительности...

Мѣстами берега Ориноко состоятъ изъ нагроможденныхъ другъ на друга гранитныхъ валуновъ темнаго свинцоваго цвѣта. Такіе же гранитные камни разбросаны тамъ и здѣсь въ самомъ руслѣ, и въ видѣ утесовъ торчатъ они со дна рѣки. Также много попадалось низкихъ острововъ, то песчаныхъ, то покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Опасаясь на материкѣ ягуаровъ, наши гребцы приставали обыкновенно на ночь къ какому-нибудь острову.

Бѣдно населеніе береговъ Ориноко. Кое-гдѣ на песчаной косѣ показывались легкіе шалаши Индійцевъ. Мы встрѣчали ихъ также на рѣкѣ цѣлыми семьями, ѣхавшими въ нѣсколькихъ *кано* на ловлю черепахъ и на поиски ихъ яицъ. Эти земноводныя, величиною аршина въ два, во множествѣ водятся въ Ориноко и доставляютъ дикарямъ превосходное мясо; вареное, оно похоже на лучшую говядину. Сверхъ того рѣка кишитъ большою и малою рыбой, а на берегахъ попадаетъ столько дичи, особенно гусей и утокъ разныхъ породъ, что благодаря ружью у нихъ никогда не бываетъ недостатка въ свѣжей пищѣ. Среди такого обилія естественныхъ произведеній, при чрезвычайной производительности почвы, переселенцамъ стоило бы казаться небольшого труда достигнуть высокаго благосостоянія. Новоприбывшему колонисту прежде всего необходимо очистить мѣсто подъ пашню. Для этого вырубаютъ обыкновенно молодыя деревья, а старыя и толстыя истребляютъ съ помощью огня. Перепахавъ потомъ между оставшимися пнями землю, сѣять на ней маисъ и маниокъ, корень котораго даетъ питательный хлѣбъ, *кассава*. Послѣ обильной жатвы, на томъ же полѣ, сажаютъ сахарный тростникъ. Посадивъ его разъ, поселенецъ обезпеченъ лѣтъ на тридцать слишкомъ: вся забота его — только срѣзывать тростникъ и выжимать изъ него сладкій сокъ, что и производится разъ въ годъ. Для выварки сахара переселенцы употребляютъ боль-

шіе котлы, подъ которыми разводится огонь. Выпаривъ сокъ до надлежащей густоты, сливаютъ его въ глиняныя формы и получаютъ такимъ простымъ образомъ красно-бурый сахаръ, извѣстный подъ названіемъ папелонъ (*parelon*). Часть поля занята обыкновенно бананами, которые также стоитъ посадить разъ чтобы пользоваться плодами всю жизнь; когда созреютъ они, то хозяинъ однимъ взмахомъ большого ножа перерубаетъ травянистый стволъ, и къ ногамъ его падаетъ верхушка съ большою кистью мучистыхъ плодовъ, по крайней мѣрѣ въ пудъ вѣсомъ. Испеченные на угляхъ, бананы даютъ пріятную и питательную пищу, вкусомъ напоминающую печеный картофель. Есть сорта банановъ, которые употребляется въ пищу сырыми: сладкіе и ароматическіе на вкусъ, они служатъ лакомствомъ. Сверхъ этого поселенецъ заливаетъ небольшой комокъ пшени рисомъ, бобами, лукомъ, также арбузами и дынями. Все поле занимаетъ двѣ, много три десятины, подлѣ незатѣливой глиняной хижины, крытой пальмовымъ листомъ. Иные держатъ при этомъ нѣсколько свиней, куръ; но рѣдко пользуются молокомъ отъ коровъ, содержаніе которыхъ при обиліи пастбищъ ровно ничего не стоитъ.

Еслибъ употребить въ дѣло хотя половину того труда, который у насъ хлѣбопашецъ полагаетъ на воздѣлываніе двухъ-трехъ десятинъ пшеницы, то здѣсь легко было бы развезти кофеи, какао, держать бойный скоть, овецъ, гусей и прочую живность. А черепахъ и рыбы въ рѣкѣ изобиліе. Апельсины и другіе плоды зрѣютъ въ дикомъ состояніи. На песчаномъ берегу, переселенецъ находитъ черепашия яйца. Въ лѣсахъ можно всегда настрѣлять дичи сколько угодно. Но здѣшніе жители далеко не пользуются всѣми дарами расточительной природы. Не гоняясь за избыткомъ, они беззаботно предаются бездѣйствию. Нерѣдко случалось намъ заѣзжать къ переселенцамъ, у которыхъ нельзя было достать ни рису, ни банановъ, ни даже маниоку. Даже въ Ангостурѣ, или Сіудадъ-Боливарѣ, какъ названъ городъ въ память освободителя Венесуэлы, даже въ этомъ главномъ портѣ на Ориноко, состоящемъ въ непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чужими странами, самые необходимые жизненные припасы стоятъ несоразмѣрно дорого. Нѣмцы, богатые негоціанты, всегда готовы заплатить дорого за свѣжее мясо, молоко,

масло, яйца, за разную зелень: требованіе на эти предметы всегда большое, лишь бы нашлись производители.

Но не только богатствомъ житейскихъ потребностей манятъ къ себѣ берега Ориноко: всякій образованный человѣкъ и ученый, и художникъ, нашелъ бы здѣсь неисчерпаемый источникъ наслажденій, въ непочатой, полной разнообразія природѣ тропиковъ... Но какъ бы ни манили къ себѣ эти роскошныя мѣста, привязанность къ роднымъ мѣстамъ пересиливаетъ все, и несмотря на сѣрое небо, на бѣдную природу сѣвера, человѣку все-таки хочется жить и дѣйствовать тамъ гдѣ онъ выросъ и родился.

Прибывъ послѣ шестидневнаго плаванія по Ориноко въ Сіудадъ-Болivarъ, мы взяли мѣсто на пароходѣ, отвозившемъ пассажировъ въ Европу.

Э. ЦИММЕРМАНЪ.

РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ ПОДАТЕЙ.¹

II.

1. Подать съ лица. Названіемъ подати съ лица обозначается та подать, которою облагается самое лицо безъ различія собственности и даже безъ вниманія къ тому имѣеть ли оно вообще какія-либо средства. Говоря строго, названіе подати съ лица можно считать неточнымъ въ томъ отношеніи, что лицо не въ состояніи само собою платить подать, если не имѣеть нужныхъ для того средствъ, то-есть если не владѣеть однимъ изъ трехъ источниковъ дохода, о которыхъ мы упоминали въ первой статьѣ.

До французской революціи подать съ лица извѣстна была во Франціи подъ названіемъ *capitation*, отъ латинскаго слова *caput* голова, и соответствовала нашему подушному окладу. Эта подать съ лица, или что все равно, съ головы или съ души, подъ вліяніемъ феодальнаго закона, принята была повсемѣстно въ Европѣ, и этою податью облагалось преимущественно крестьянское сословіе. По этой вѣроятнo причинѣ, она была вездѣ признакомъ зависимости, несмотря на то что со средствами нужными для уплаты какихъ бы то ни было податей соединяется понятіе о вѣ-оторой независимости.

¹ Продолженіе. См. *Руск. Вѣстн.* № 8.

Наряду съ личною податью взимаемою съ крестьянъ (capitation), подобная же подать взималась подъ иными названіями и съ лицъ другихъ сословій. Объ этихъ податяхъ Адамъ Смитъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: Подать съ лица, говоритъ онъ, становится весьма произвольною, если правительство имѣетъ въ виду сдѣлать ее соразмѣрною состоянію или доходу плательщиковъ. Средства каждаго измѣняются безпрестанно; слѣдовательно, безъ частой повѣрки, всякое ихъ опредѣленіе будетъ несоразмѣрно и произвольно; если же допустить повѣрку, то она можетъ сдѣлаться еще болѣе неприятною и тягостною нежели самая несоразмѣрность подати. Если личную подать соразмѣрять не со средствами, а съ положеніемъ лица въ обществѣ, то она будетъ также страдать неуравнительностію, ибо личные средства весьма часто не соотвѣтствуютъ общественному положенію. Вообще Адамъ Смитъ заключаетъ, что при желаніи соразмѣрить эту подать со средствами¹, она дѣлается неуравнительною, а при желаніи опредѣлить ее сообразно съ положеніемъ лица въ обществѣ, несоотвѣтствующею средствамъ и слѣдовательно столько же неуравнительною какъ и въ первомъ случаѣ.

Исторія англійской и французской администраціи представляетъ примѣры этихъ неудобствъ, пока личные подати бывшія тамъ въ употребленіи не были замѣнены другими, удобнѣйшими. По словамъ Смита, личная подать не приносила англійскому правительству ожидаемаго дохода по причинамъ значительныхъ недоимокъ и по отсутствію круговой отвѣтственности, а принятая во Франціи круговая отвѣтственность давала поводъ къ безпрестаннымъ жалобамъ на переборы и злоупотребленія.

Личная подать принадлежитъ къ податямъ постояннымъ, если взимается съ каждаго лица одинаково; она будетъ имѣть характеръ постоянности и въ томъ случаѣ, если будетъ взиматься, соображаясь съ общественнымъ положеніемъ лица безъ измѣненія опредѣленныхъ окладовъ.

Выгода личныхъ податей для правительства состоитъ въ

¹ Должно замѣтить, что если начать соразмѣрять эту подать со средствами, то она потеряетъ характеръ личной подати; она могла бы сохранить его, и то только отчасти, при опредѣленіи ея размѣровъ сообразно съ положеніемъ въ обществѣ независимо отъ собственности.

томъ, что взиманіе ихъ не требуетъ сложной администраціи. Но несмотря на эту выгоду, вездѣ и всегда подати этого рода составляли только незначительную часть доходовъ казны, и по мѣрѣ усовершенствованія финансовыхъ системъ, замѣнялись другими податями болѣе удобными для плательщиковъ.

Въ сочиненіи Смита изложены подробности системъ бывшихъ въ дѣйствиіи до прошедшаго столѣтія въ Англіи и Франціи для опредѣленія личныхъ податей. Мы не излагаемъ ихъ здѣсь потому, что въ настоящее время, когда эти системы уступили уже или уступаютъ мѣсто другимъ удобнѣйшимъ, онѣ имѣютъ интересъ болѣе историческій чѣмъ практическій. Желающимъ ближе ознакомиться съ историческимъ ходомъ въ Европѣ подати съ лица, и со связью, въ коей, несмотря на ея названія, она была всегда со средствами плательщиковъ, мы рекомендуемъ замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіе г. Паріе: *Histoire des impôts généraux sur la propriété et le revenu*.

Что касается собственно нашего мнѣнія, то мы полагаемъ, что всякая подать съ лица имѣетъ радикальное неудобство въ томъ, что она отнесена не къ собственности, а къ лицу, безъ соображенія его средствъ. Кто-то выразился весьма справедливо, что если кто имѣетъ голову, то изъ этого нельзя еще заключать что онъ владѣетъ чѣмъ-либо другимъ. Обыкновенно, при отсутствіи круговой отвѣтственности, бѣдный и богатый вносятъ одинаковую подать съ лица, собственно по званію подданнаго; если же допустить круговую отвѣтственность, то личная подать будетъ неопредѣлительна, и никто не будетъ знать, сколько ему придется платить въ будущемъ. Вообще личные подати могутъ быть допущены развѣ только при условіи, что онѣ будутъ очень умѣренны и будутъ составлять незначительную долю въ сравненіи съ общею цифрой государственнаго бюджета; возвышеніе оклада личной подати сдѣлало бы личную подать невозможною къ взиманію и обнаружило бы до очевидности недостатокъ солидности этой системы.

Приверженцы подати съ лица оправдываютъ ее тѣмъ, что такъ какъ всѣ подданные пользуются въ равной мѣрѣ покровительствомъ государства, то и справедливо чтобы всѣ они участвовали въ равной мѣрѣ въ государственныхъ расходахъ. Соображенія этого мы не признаемъ осно-

вательнымъ, ибо хотя бы и не взимать личной денежной подати съ семействъ не имѣющихъ собственности, то они могутъ нести другаго рода обязанности и удовлетворять общественнымъ нуждамъ другими способами. Такъ, кромѣ военной службы, къ которой призываются во всѣхъ европейскихъ державахъ (за исключеніемъ Англіи) всѣ даже самые бѣдные подданные, они участвуютъ въ косвенныхъ податяхъ взимаемыхъ съ предметовъ потребленія, а подати эти во многихъ государствахъ также подаютъ на всѣхъ подданныхъ, не исключая и самыхъ бѣдныхъ. Кромѣ того, не справедливо было бы полагать, что издержки правительства для защиты каждаго подданнаго одинаковы и основываясь на этомъ предположеніи, устанавливать одну только личную подать въ одинаковомъ со всѣхъ окладѣ безъ вниманія къ средствамъ. Справедливо что защита нужна всякому; но безопасность и защита лицъ требуетъ менѣ расходовъ чѣмъ защита собственности. Это подтверждается фактомъ, что въ числѣ преступленій преслѣдуемыхъ законами, или тѣхъ, которыя законодательство желаетъ предупредить, находится гораздо болѣе преступленій направленныхъ противъ собственности чѣмъ противъ лицъ; и чѣмъ богаче страна, тѣмъ болѣе законодательство заботится объ охраненіи правъ собственности, и тѣмъ болѣе правительство расходуетъ на защиту этихъ правъ сравнительно съ тѣмъ чего ему стоить безопасность лицъ.

2. Подать съ поземельной собственности.

Физиократы начали первые изслѣдовать свойства этой подати; въ поземельной собственности они видѣли единственный источникъ дохода, а изъ этого заключая, что только на нее можетъ ложиться подать всякаго рода. Обложите податью полотно, говоритъ Кене (Quesnay), и дѣлающій полотно не въ состояніи будетъ продолжать свое ремесло доставляющее ему только необходимыя средства къ жизни, если не произойдетъ обавки съ цѣвъ льна, соразмѣрной тому сколько нужно для удовлетворенія подати. Намъ не нужно доказывать, что физиократы были въ заблужденіи; никто въ наше время не можетъ сомнѣваться, что промышленность обрабатывающая суровые матеріалы и коммерція всякаго рода могутъ быть столько же доходны и

производительны, какъ и поземельная собственность производящая суровые матеріалы.

Англійскіе писатели, въ особенности Макъ-Куллохъ¹ болѣе другихъ занимавшійся вопросомъ о податяхъ, мало одобряютъ поземельную подать, полагая, что она препятствуетъ улучшениямъ собственности и употребленію нужныхъ для того капиталовъ.

Но и вообще въ Европѣ съ XVIII столѣтія взглядъ на поземельную собственность во многомъ измѣнился. За всѣмъ тѣмъ однако, она почитается болѣе удобною для обложенія нежели собственность въ иныхъ видахъ.

Поземельная подать можетъ быть взимаема четырьмя различными способами: 1) или въ общей цифрѣ опредѣляемой каждый годъ со всей страны и раскладываемой уравнительно между частями составляющими ея географическія подраздѣленія; 2) или въ натурѣ соразмѣрно урожаю (десятина); 3) или съ дохода; 4) или каждый участокъ земли можетъ быть обложенъ податю по оцѣнкѣ сдѣланной сообразно его производительнымъ силамъ и произведеніямъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ способовъ взиманія.

1. Первый способъ можно назвать произвольнымъ потому, что нельзя усмотрѣть въ немъ раціональнаго основанія, и онъ можетъ быть употребленъ развѣ только при весьма умѣренномъ окладѣ.

2. Второй способъ съ перваго взгляда можетъ казаться справедливымъ, потому что собираетъ подать соразмѣрно съ урожаемъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи, онъ оказывается самымъ неуравнительнымъ и несправедливымъ, ибо взимается не съ чистаго, а съ валоваго дохода не взвѣсивъ на природу почвы и на издержки повесельныя для полученія урожая, которыя бывають весьма различны. Подобный способъ взиманія принуждаетъ платящихъ подать воздерживаться по возможности отъ улучшеній собственности, требующихъ труда и капиталовъ. Кроме того, взиманіе этой подати дѣлается обыкновенно затруднительнымъ по той причинѣ, что повѣрка урожая нѣкоторыхъ произведеній почти невозможна (таковы напримѣръ огородные овощи, молочный сборъ и т. п.), что даетъ поводъ къ спорамъ и ежедневнымъ не-

¹ Mac-Culloch *A treatise on the principles and practical influence of taxation and the funding system.*

удовольствиямъ, примѣръ которыхъ находимъ въ фискальной системѣ Англіи сохранявшей сборы въ натурѣ въ пользу духовенства до 1835 года. Лишь съ того времени натуральный сборъ $\frac{1}{10}$ части урожая въ всякихъ сельскихъ произведеній замѣненъ денежнымъ окупомъ доставляющимъ до 45 милліоновъ рублей. Согласіе, которое обнаружили обѣ стороны заинтересованная въ этомъ дѣлѣ, доказываетъ сколько прежній натуральный сборъ былъ неудобенъ. Весьма интересныя подробности на счетъ этой перемены находятся въ *Journal des Economistes* за августъ 1861 года.

Эти неудобства были упущены изъ виду въ финансовомъ проектѣ Вобана, знаменитаго французскаго маршала. Бывъ свидѣтелемъ неудобствъ личной подати и нераздѣльныхъ съ нею злоупотребленій при круговой поруцѣ, онъ предложилъ принять, вмѣсто всѣхъ этихъ податей, систему одной общей подати въ натурѣ (*projet de dime royale*). Онъ полагалъ взимать въ пользу правительства $\frac{1}{30}$ долю всѣхъ произведеній поземельной собственности, а въ случаѣ необходимости—увеличивать ее постепенно въ 10 отдѣльныхъ приемовъ до второй $\frac{1}{30}$; также взимать $\frac{1}{10}$ часть дохода съ домовъ, со всякой промышленности и всѣхъ вообще средствъ къ существованію, не исключая содержанія получаемого служащими отъ правительства. Этими сборами онъ предлагалъ замѣнить подать съ крестьянъ.

Система Вобана хотя и не была принята Лудовикомъ XIV въ то время когда была предложена, но дала поводъ къ установленію во Франціи въ послѣдствіи (въ 1710 году) подати въ $\frac{1}{10}$ части доходовъ всякаго рода, съ переводомъ ея однако на деньги и притомъ безъ отмены существовавшихъ до того податей. Безчисленныя изытанія изъ этой подати испрошенныя у правительства, а также выкупъ ея единовременными условленными взносами были причиною того, что она не принесла ожидаемыхъ результатовъ и отменена въ 1717 году. Въ послѣдствіи, французское правительство возвращалось неоднократно къ этой подати исчисляемой въ различной соразмѣрности къ доходу ($\frac{1}{30}$ и $\frac{1}{10}$); въ 1725 году оно прибѣгло на время даже къ сборамъ въ натурѣ съ поземельной собственности, но эта подать не могла устоять долгое время. Такимъ образомъ не-

удобство этого способа взиманія оказалось на опытѣ и въ Англіи и во Франціи.

3. Подать съ чистаго дохода доставляемаго поземельною собственностью есть гораздо болѣе удовлетворительная форма поземельной подати. При этомъ способѣ взиманія, поземельная подать бываетъ или постоянная, то-есть можетъ быть установлена навсегда по исчисленному однажды доходу безъ вниманія къ его измѣненіямъ или можетъ соразмѣряться съ доходомъ, то-есть возвышаться или понижаться, смотря потому какъ самый доходъ измѣняется. Каждая изъ этихъ системъ опредѣленія подати имѣетъ своихъ приверженцевъ, потому что подобно всякому экономическому вопросу имѣетъ свою удобную и неудобную сторону. Приверженцы постоянной подати выставляютъ ея удобство въ томъ отношеніи, что она даетъ владѣльцу увѣренность, что онъ вполнѣ воспользуется возвышеніемъ дохода, а эта увѣренность заинтересовываетъ его въ возможномъ улучшеніи своей собственности; тогда какъ напротивъ, извѣстность что ему придется дѣлаться съ правительствомъ возвышеніемъ дохода, можетъ дѣлать собственника равнодушнымъ къ улучшеніямъ и удерживать его отъ нужныхъ пожертвованій. Адамъ Смитъ высказывается противъ постоянной поземельной подати,—и по нашему мнѣнію слѣшкомъ безусловно. Одинъ изъ доводовъ его состоитъ въ довольно странномъ замѣчаніи, что правительство должно быть заинтересовано въ возвышеніи доходовъ съ поземельной собственности, а чтобы оно было заинтересовано, для этого надобно предоставить ему возможность возвышать поземельную подать соразмѣрно съ возвышеніемъ доходовъ доставляемыхъ поземельною собственностію. Смитъ поддерживаетъ свой взглядъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что при постоянной подати, всякое измѣненіе въ дѣйствительномъ достоинствѣ металловъ и звонкой монеты, оставаясь безъ вліянія на цифру подати однажды установленной, конечно будетъ измѣнять дѣйствительную тяжесть поземельной подати и первоначальное отношеніе ея къ податямъ другаго рода. Впрочемъ, для заинтересованія къ улучшеніямъ, онъ полагаетъ возможнымъ, въ продолженіи извѣстнаго срока, не возвышать соразмѣрно съ возвышеніемъ доходовъ подать съ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые заявятъ желаніе дѣлать издержки на улучшения своей соб-

ственности. При Адамѣ Смитѣ существовала безъ измѣненія поземельная подать установленная въ царствованіе Вильгельма и Маріи. Находя что кромѣ неуравнительности вкравшейся во время ея опредѣленія, послѣдовавшая съ того времени улучшенія сдѣлали ее еще болѣе несоразмѣрною съ доходомъ, онъ заключаетъ, что подобная система совершенно противна условію уравнительности¹, но что вмѣстѣ съ тѣмъ она соответствуетъ другимъ тремъ условіямъ хорошей подати, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ, то-есть положительности и удобству относительно уплаты и относительно взиманія. Хотя нѣтъ сомнѣнія, неизмѣнность цифры подати могла содѣйствовать улучшеніямъ поземельной собственности, однако съ другой стороны значительныя улучшенія ея въ Англіи можно приписать причинамъ независящимъ отъ разсматриваемой нами системы, именно быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности и матеріальнаго быта жителей въ періодъ времени отъ опредѣленія оклада подати до конца прошлаго столѣтія, также особенному покровительству оказывавшемуся крупной собственности англійскимъ законодательствомъ. Соглашаясь, что съ того времени все возвышеніе доходовъ обратилось въ пользу землевладѣльцевъ, Смитъ замѣчаетъ, что еслибы эти доходы вмѣсто возвышенія понижались, то при неизмѣнности оклада поземельной подати, все уменьшеніе доходовъ падало бы прямо на землевладѣльцевъ. При тѣхъ обстоятельствахъ какія существовали въ Англіи со времени ея революціи, постоянность оклада обратилась въ пользу землевладѣльцевъ съ ущербомъ правительству; при исходѣ противномъ, она была бы выгодна для правительства съ ущербомъ поземельной собственности, а такъ какъ этотъ ущербъ могъ бы быть вреденъ для всей страны, и такъ какъ въ эпоху болѣе или менѣе отдаленную, обстоятельства могутъ привести къ подобному исходу, то Смитъ выводитъ окончательное заключеніе, что система поземельной подати, подобно всякому государствен-

¹ При установленіи поземельной подати въ 1692 году было принято основаніемъ взимать 4 шиллинга съ каждаго фунта дохода, то-есть $\frac{1}{5}$ его часть, а по численію г. Фоме, эта самая подать въ 1842 г. составляла не болѣе $\frac{1}{24}$ доли дохода. (Leon Faucher. *De l'impôt sur le revenu*.) Доходность поземельной собственности возрастала за это время почти вчетверо.

ному установленію назначенному существовать столько же времени какъ и самое государство, должна удобно примѣняться не только къ одному какому-либо исходу, но и ко всякому вообще, какой можетъ быть вызванъ обстоятельствами и временемъ. Поэтому онъ рѣшительно высказывается противъ неизмѣнной поземельной подати.

Ниже мы будемъ говорить подробнѣе о различіи между постоянной и измѣняющеюся поземельною податью, а теперь выскажемъ лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу соображеній Адама Смита.

Исчисляя неудобства подати постоянной, Смитъ не предвидѣлъ важнѣйшаго, примѣръ котораго дало собственное его отечество. Подать эта, потерявъ характеръ обязательства лежащаго на каждомъ подданномъ удѣлять правительству часть своихъ средствъ для обезпеченія публичныхъ расходовъ, стала считаться какъ бы процентомъ съ долга лежащаго на поземельной собственности, и это породило мысль о одновременномъ выкупѣ всего долга. Вслѣдствіе подобнаго взгляда на предметъ, Питтъ предложилъ въ 1793 году парламенту капитализацію поземельной подати, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ неуплаты владѣльцемъ исчисленной капитальной суммы принимаемой за долгъ, можно было переводить этотъ долгъ на третье лицо за наличныя деньги, съ предоставленіемъ ему права взимать вѣчный доходъ съ долга обезпеченнаго на поземельной собственности. Предложеніе это было принято, несмотря на то что оно нарушало права собственности, и повело къ тому, что выкупъ поземельной подати обратился въ тягостный экстренный налогъ обращенный на уплату части публичныхъ долговъ; но откупившись отъ поземельной подати, землевладѣльцы все-таки не освободились отъ непріятной обязанности лежащей на каждой собственности участвовать постоянно въ публичныхъ расходахъ; обязанность эта, какъ нераздѣльная съ правами собственности, не можетъ быть отиѣнена безъ потрясенія государства, и не даже какъ черезъ годъ послѣ выкупа была установлена въ Англіи новая подать съ доходовъ, а въ томъ числѣ и съ поземельной собственности.

Впрочемъ, операція выкупа этой *land tax* повывѣ еще не кончена. Изъ числа приблизительно 11.000.000 рублей въ годъ составлявшихъ первоначально общую цифру этой

подати, оставалось въ 1844 году, еще невыкупленныхъ 6.686.750 рублей. Въ 1853 году, г. Гладстонъ предложилъ мѣры къ облегченію операціи уменьшеніемъ капитальной суммы исчисленной къ уплатѣ, но за всѣмъ тѣмъ подать эта представляетъ еще на бюджетѣ цифру около 6.250.000 рублей.

Далѣе, въ соображеніяхъ Смита о поземельной подати упущено изъ виду еще одно важное обстоятельство. Говоря о доходѣ служащемъ основаніемъ подати, онъ не дѣлаетъ различія между чистою рентой и доходомъ валовымъ. Первый проистекаетъ изъ права собственности на землю независимо отъ вознагражденія за издержки понесенныя на ея улучшеніе и независимо отъ оборотнаго капитала необходимаго земледѣлію, а въ послѣднемъ, то-есть въ валовомъ доходѣ, долженъ заключаться и чистый доходъ, и возвратъ всѣхъ упомянутыхъ издержекъ. Оба эти элемента бываютъ, правда, такъ слиты что затруднительно опредѣлить долю каждаго изъ нихъ, но тѣмъ не менѣе необходимо имѣть въ виду различіе между двумя сказанными частями дохода, ибо только первая часть его (рента) можетъ служить основаніемъ подати.

Наконецъ, Смитъ полагаетъ полезнымъ, чтобы правительство было заинтересовано въ возвышеніи доходовъ поземельной собственности. Мы не допускаемъ мысли, чтобы Смитъ имѣлъ въ виду заинтересованіе единственно съ цѣлью извлеченія матеріальныхъ выгодъ. Равномѣрно не допускаемъ и того, чтобы правительство, изъ какихъ-либо другихъ видовъ, могло быть заинтересовано въ возвышеніи въкоторыхъ доходовъ преимущественно передъ другими. Это было бы несправедливо и противно обоюднымъ выгодамъ правительства и общества, и вело бы къ привилегіи предосудительной общественнымъ интересамъ.

4. Четвертый способъ взиманія поземельной подати есть тотъ, когда вмѣсто дохода принимается за основаніе пространство земли. Объ этомъ способѣ мы скажемъ только то, что въ сущности за основаніе его принимается также доходъ; слѣдовательно разница этого способа противъ системы подати съ дохода состоитъ только въ формѣ. За основаніе подати принимается пространство не иначе какъ въ предположеніи, что извѣстное про-

странство принимаемое для расчета за единицу приносить известный доход.

Мы должны рассмотреть теперь важный вопросъ, именно: на кого падаетъ окончательно поземельная подать?

Всѣ согласны, что она должна падать на владѣльца, но падаетъ ли она на него въ самомъ дѣлѣ окончательно и безусловно во всѣхъ случаяхъ, это вопросъ особый, и онъ рѣшается экономистами весьма различно.

Адамъ Смитъ только коснулся этого вопроса. Онъ сказалъ, что поземельная подать падаетъ на владѣльца, но не развивъ своей мысли и не поддержавъ ея рациональными доказательствами.

Мнѣніе Рикардо по этому вопросу основано на его теоріи о рентѣ. Припомнимъ читателямъ, что Рикардова теорія состоитъ въ томъ, что цѣны произведеній съ земель менѣе изобильныхъ опредѣляютъ мѣру дохода со всей поземельной собственности, усиливая чистый доходъ съ земель болѣе плодородныхъ по мѣрѣ сравнительной ихъ производительности. Цѣны однородныхъ произведеній, говоритъ Рикардо, бываютъ одинаковы; цѣны произведеній земель самой меньшей изобильности, не принося вовсе ренты, возвращаютъ только издержки производства; плодородныя части производить болѣе неизобильныхъ; слѣдовательно, за отчисленіемъ вознагражденія за трудъ и капиталъ, онѣ даютъ въ остаткѣ доходъ болѣе или менѣе возвышенный по мѣрѣ высшей ихъ производительности въ сравненіи съ тѣми, которыя не даютъ вовсе дохода. Этотъ остатокъ Рикардо называетъ рентою; въ этихъ короткихъ словахъ заключается сущность его теоріи о рентѣ, или поземельномъ доходѣ съ права собственности. Основываясь на ней Рикардо полагаетъ, что поземельная подать можетъ падать на владѣльца въ такомъ только случаѣ, если за основаніе ея принята будетъ рента; если же обложить податью не ренту, а поземельную собственность вообще, то подать падетъ всегда на потребителей произведеній земли. Онъ поддерживаетъ свое мнѣніе слѣдующими соображеніями: если податью облагается только рента, то натурально, что она не взимается съ собственности вовсе не дающей ренты. Въ этомъ случаѣ на кого можетъ падать подать? Не на потребителей потому, что цѣны на произведенія останутся безъ измѣненія; не на земледѣльца, ибо онъ какъ про-

мышленникъ долженъ непремѣнно получить соответствен-
ное вознагражденіе; слѣдовательно, она можетъ пасть только
на собственника. Наоборотъ, общая подать взимаемая со
поземельной собственности коснется и тѣхъ ея частей, ко-
торыя не приносятъ вовсе ренты; въ этомъ случаѣ, такъ
какъ владѣльцу платить ее не изъ чего, то онъ для покры-
тія подати возвыситъ цѣну произведеній, а вслѣдствіе
того подать падеть на потребление. Рикардо допускаетъ,
что при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ случиться, что
при ограниченномъ спросѣ цѣны могутъ и не возвыситься
настолько чтобы покрыть подать; но въ этомъ случаѣ вла-
дѣльцы участковъ, которые не даютъ ренты, не будучи въ
состояніи возратить издержекъ производства, оставляютъ ихъ
обработку; количество произведеній уменьшится, а проис-
ходящее отъ того возвышеніе цѣвъ обратитъ подать опять
на потребителей.

Вообще Рикардо полагаетъ, что поземельная подать ло-
жащаяся въ одной мѣрѣ на всякую собственность безъ
различія степени производительности ея, должна возвы-
шать продажную цѣну произведеній земли. Участки раз-
личныхъ качествъ, говоритъ онъ, при употребленіи одинако-
ваго капитала производить урожаи весьма различныя. Для
примѣра онъ полагаетъ, что одинъ участокъ изъ числа са-
мыхъ неплодородныхъ, при помощи извѣстнаго капитала,
дастъ 1.000 кварталероу ржи. Если обложить его податью
въ 100 фунтовъ стерлинговъ, то цѣна квартера возвы-
сится на 2 шилл.; иначе, земледѣліе не могло бы удержатъ-
ся на этомъ участкѣ. Но съ помощью того же капитала, на
плодородномъ участкѣ того же размѣра какъ и первый,
можно имѣть 2.000 кварталероу хлѣба; цѣна этихъ 2.000
квартероу, возвышенная также двумя шиллингами, уве-
личитъ доходъ не на 100 фунтовъ нужныхъ на подать, а
на 200 фунтовъ, изъ коихъ 100 обратятся въ пользу вла-
дѣльца. Слѣдовательно, на потребление не только падеть
подать, но и неожиданная, податью вызванная выгода вла-
дѣльца участка лучшаго качества. Изъ этого Рикардо за-
ключаетъ, что подобная подать будетъ противна одному
изъ условійъ требуемыхъ Смитомъ отъ хорошей подати
всякаго рода, то-есть что она не доставитъ правительству
пользы равной пожертвованіямъ народа.

Мнѣніе Джона Стюарта Милля насчетъ поземельной подати.

весьма близко къ мнѣнію Рикардо. Онъ говоритъ только о подати съ чистаго дохода. По словамъ его, подать эта падаетъ окончательна на владѣльца. Она не возвышаетъ цѣны на произведенія, ибо цѣны произведеній земли опредѣляются въ данномъ мѣстѣ тѣми издержками производства, какія требуются при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, когда рента вовсе не существуетъ. Следовательно, подать съ ренты, по мнѣнію Милля, не имѣетъ другихъ послѣдствій какъ отчужденіе въ пользу правительства суммы опредѣленной податью. Но еслибы подать коснулась части дохода съ капиталовъ употребленныхъ на улучшенія собственности, то Милль признаетъ, что такая подать имѣла бы неблагопріятное вліяніе на дальнѣйшія улучшенія. Къ этому онъ присовокупляетъ, что впрочемъ если законодательство имѣетъ въ виду обложить податью доходы всякаго рода, то нѣтъ причины освобождать и вообще поземельный доходъ отъ подати, которая, будучи основана на общемъ доходѣ, коснется одинаково и части ренты и части дохода съ капиталовъ употребленныхъ на улучшенія.

Мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о мнѣніи экономистовъ французской школы насчетъ поземельной подати. Французскіе экономисты признаютъ поземельную подать въ умѣренныхъ предѣлахъ удобною; не отвергаютъ безусловно системы постоянной подати, но допускаютъ и подать соразмѣрную съ измѣненіями въ доходѣ; полагаютъ, что поземельная подать падаетъ на землевладѣльца, развѣ бы непомѣрное возвышеніе ея уменьшило производство сельскихъ произведеній и ограничило ихъ предложеніе; наконецъ, всѣ они признаютъ необходимымъ, чтобы подать не касалась ни оборотнаго капитала нужнаго земледѣлю, ни капиталовъ употребленныхъ на улучшенія поземельной собственности.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ отдѣльно о Бастіа. Этотъ писатель, какъ извѣстно, отвергаетъ вообще теорію ренты. Не допуская вовсе существованія ренты, онъ утверждаетъ, что теорія о рентѣ возникла отъ смѣшенія выраженій *полезность* и *утилитетъ* (*utilité, valeur*). По мнѣнію Бастіа, Богъ создалъ землю съ полезными для человѣка свойствами и силами и даровалъ ихъ роду человѣческому безвозмездно. Человѣкъ, какъ для собственной пользы, такъ и для пользы ближняго, началъ заниматься

этими свойствами и силами. Взаимная въ этомъ случаѣ услуга оказываемая мѣною произведеній дала понятіе о цѣнности (*valeur*), а цѣнность повела къ понятіямъ о собственности. Каждый сдѣлался собственникомъ по мѣрѣ своихъ трудовъ, но свойства земли и вообще природныя силы продолжаютъ быть безвозмезднымъ даромъ Всевышняго, и потому, при мѣрѣ произведеній, не входятъ въ ихъ оцѣнку. Бастіа полагаетъ, что экономисты сбились принимая *полезность* за *цѣнность*. Они признали за свойствами земли и природными силами цѣнность независимо отъ труда, и это повело нѣкоторыхъ къ неосновательному заключенію, что собственность составляетъ монополію. По ихъ мнѣнію, монополія состоитъ въ томъ, что землевладелецъ взимаетъ вознагражденіе за землю, которой не произвелъ самъ. Бастіа возражаетъ противъ этого, что земля, въ томъ видѣ какъ она сотворена Богомъ, имѣетъ только полезныя свойства, но они безвозмездны и владѣлецъ не въ состояніи получать за нихъ вознагражденіе; если онъ получаетъ доходъ съ земли, то не иначе какъ соразмѣрно съ трудомъ понесеннымъ на ея обработку и улучшенія, и единственно трудъ этотъ даетъ землѣ цѣнность, которая есть прямое выраженіе труда. На основаніи многихъ соображеній изложенныхъ въ его сочиненіи *Harmonies économiques*, Бастіа приходитъ къ заключенію, что пока страна не имѣетъ недостатка въ землѣ для обработки, владѣлецъ, обрабатывая землю самъ, отдавая ее фермерамъ или продавая ее, не пользуется ни привилегіей, ни монополіей и не взимаетъ все дохода за безвозмездныя щедроты природы. Можно возразить, что цѣнность земли возрастаетъ постоянно. Бастіа допускаетъ это возраженіе, но опровергаетъ его тѣмъ, что такова участь всякаго вообще труда по мѣрѣ того какъ промышленность развивается, а народонаселеніе дѣлается гуще и богаче. Далѣе можно возразить, что придетъ время, когда нельзя будетъ ограничивать требованій землевладельцевъ отъѣтомъ, что имѣются еще земли необработанныя. Бастіа принимаетъ и это возраженіе, но онъ сравниваетъ его съ вопросомъ о томъ, что предприметъ родъ человѣческой, когда воздуха по числу легкихъ сдѣлается недостаточно, и утѣшаетъ насъ заключеніемъ, что если въ 6.000 лѣтъ только $\frac{1}{10}$ часть земнаго шара обработана весьма посредственно, то родъ человѣческой можетъ выжидать нѣсколько сотъ

столѣтій того времени, въ которое весь земной шаръ будетъ обращенъ въ садъ.

Для полноты, мы упомянемъ здѣсь и объ экономистахъ германской школы. По вопросу о поземельной подати, школа эта не отдѣляется отъ другихъ рѣзкими отличительными чертами, а подходитъ болѣе или менѣе къ англійской и французской школамъ. Желающимъ познакомиться съ германскою школою, мы рекомендуемъ прибавленіе о рентѣ къ извѣстному сочиненію г. Ротера, также статьи профессора Шуца въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*; наконецъ, замѣчательное какъ въ экономическомъ такъ и въ агрономическомъ отношеніи сочиненіе Тюнена: *Der isolirte Staat*.

Изложимъ теперь собственныя наши соображенія насчетъ поземельной подати.

Мы признаемъ за Бастіа большую силу убѣжденія и необыкновенный талантъ изложенія; онъ бытъ-можетъ столько же очаровываетъ читателя сколько и убѣждаетъ его; испытавъ это очарованіе, мы сознаемся въ томъ, что и нынѣ остаемся подъ его вліяніемъ; за всѣмъ тѣмъ однако мы не можемъ отвергать существованія ренты съ поземельной собственности, имѣя передъ глазами несомнѣвый фактъ ея существованія. Мы не почитаемъ его ни привилегіей, ни монополіей, но видимъ въ немъ прямое посажденіе святыя правъ собственности. Соглашаемся, что рента не могла имѣть мѣста пока всякій селится на земномъ шарѣ, гдѣ ему было угодно, и однимъ фактомъ своего поселенія дѣлался собственникомъ обрабатываемаго имъ пространства; но съ того времени какъ не видимъ клочка земли безъ владѣльца, то-есть съ того времени, какъ поземельная собственность получила окончательное раздѣленіе, мы не можемъ отвергать существованія ренты, а напротивъ, видимъ въ ней прямое послѣдствіе права собственности.

Мы понимаемъ вполне сложность элементовъ поземельнаго дохода, а также невозможность опредѣлить цифрою сколько въ немъ находится ренты. Это опредѣленіе было бы весьма просто, еслибы вся поземельная собственность была отдана фермерамъ въ природномъ ея видѣ безъ всякихъ со стороны владѣльца улучшеній и издержекъ; тогда доходъ съ собственности и съ земледѣія могъ бы быть

разчитанъ безъ всякаго затрудненія. Но на дѣлѣ происходитъ совершенно иначе: не вездѣ существуютъ фермеры, и въ рѣдкихъ только случаяхъ собственность не стоила владѣльцу какихъ-либо издержекъ. Обыкновенно поземельный доходъ долженъ быть раздѣленъ между владѣльцемъ, капиталистомъ и промышленникомъ по мѣрѣ участія каждаго изъ нихъ въ производствѣ общаго дохода. Это раздѣленіе чрезвычайно сложно, а во многихъ случаяхъ невозможно. Спросите у владѣльца обрабатывающаго собственными руками малый участокъ земли, сколько собственность его приноситъ чистаго дохода? Онъ не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, потому что труды его и денежныя издержки перемѣшаны въ его доходѣ. То же самое случится съ владѣльцемъ крупной собственности, который ведетъ рациональное хозяйство на собственный счетъ. Собственность его сдѣлалась сложною производительною машиною составленною изъ природныхъ производительныхъ силъ, изъ труда и капитала, а онъ самъ представляетъ въ одномъ лицѣ собственника, промышленника и капиталиста.

За всѣмъ тѣмъ однако, въ приведенныхъ выше затрудненіяхъ мы не видимъ причины отвергать теорію ренты; напротивъ мы признаемъ, что только на этой теоріи можетъ быть основана поземельная подать. Правда, что ариметическое исчисленіе ренты невозможно, но мы для примѣра скажемъ, что подобнымъ же образомъ невозможно исчислить то количество предложенія на рынкахъ всякаго произведенія, какое соотвѣтствовало бы съ ариметическою точностью спросу, и тѣмъ не менѣе всѣ мы признаемъ, что соотношеніе это существуетъ, и что не только обнаруживаются послѣдствія нарушенія этого отношенія, но и могутъ быть подводимы подъ разчеты имѣющіе достаточное приближительное основаніе.

Что касается вообще до вопроса, удобно ли облагать поземельную собственность податью, мы полагаемъ, что эта подать удобна, если ей дано основаніе рациональное, то-есть если она основана собственно на рентѣ.

Основывать подать на общемъ доходѣ было бы весьма не рационально, потому что, какъ мы сказали уже выше, на этотъ доходъ имѣютъ право владѣлецъ, капиталистъ и промышленникъ, то-есть каждый изъ нихъ долженъ найдти въ общемъ доходѣ соотвѣтствующее вознагражденіе. Раздѣляя

поземельную собственность на разряды сообразно количеству и качеству произведеній, можно предположить одинаковый доходъ при одинаковыхъ качествахъ почвы; способъ веденія хозяйства, родъ произведеній, и пространство собственности могутъ служить основаніемъ для приблизительнаго исчисленія дохода; но это будетъ общій доходъ, на который несправедливо было бы основывать поземельную подать. Предположимъ для примѣра двухъ владѣльцевъ получающихъ каждый валового дохода 1.000 руб. въ годъ. Участокъ одного можетъ приносить этотъ доходъ по однимъ только природнымъ качествамъ почвы, не требуя вовсе или требуя мало удобреній и издержекъ, тогда какъ участокъ другаго, неблагодарной почвы, приноситъ 1.000 руб. дохода только при улучшеніяхъ требующихъ не малыхъ издержекъ. Очевидно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, для перваго подать падеть на доходъ, которымъ онъ обязанъ собственно природѣ, тогда какъ у послѣдняго она можетъ отнять часть вознагражденія за его издержки. Еще неудобнѣе было бы облагать поземельную собственность податью соразмѣряемою съ измѣненіями въ валовомъ доходѣ, ибо въ этомъ случаѣ она кромѣ приведенныхъ сейчасъ неудобствъ останавливала бы улучшенія собственности и издержки нужныя для возвышенія доходовъ. При отнесеніи подати, какъ мы полагаемъ, къ рентѣ она не должна касаться ни капитала, ни труда, ни вознагражденія нужнаго земледѣлю, дабы не нарушать ни въ чемъ условій производства. Напримѣръ, ежели участокъ требуетъ ежегодно 1.000 рабочихъ дней и капитала въ 3.000 рублей, и приноситъ столько дохода, что за уплатою рабочимъ и за возвратомъ капитала съ обыкновенными процентами, остается владѣльцу чистаго дохода 2.000 руб., и изъ этого остатка подать возьметъ 50—60 или 100 рублей¹; она, конечно, уменьшитъ на эту сумму чистый доходъ владѣльца, но она будетъ рациональна въ томъ отношеніи, что останется безъ всякаго вліянія на производство, ибо, несмотря на подать, 1.000 рабочихъ дней будутъ уплачены, капиталъ получить соответствующій процентъ, земледѣліе

¹ Этими цифрами мы не имѣемъ въ виду указать какое должно быть отношеніе подати къ доходу, а желаемъ только пояснить, что подать должна составлять часть чистаго дохода.

возьметъ свое вознагражденіе и затѣмъ съ будущимъ годомъ производство можетъ быть возобновлено по прежнему безъ затрудненія.

Мы уже сказали, что весьма трудно опредѣлить съ точностію чистый доходъ землевадѣльца. Весьма естественно, что по мѣрѣ этого затрудненія трудно дать и подати правильное основаніе (*assiette*). Единственнымъ средствомъ для избѣжанія вредныхъ послѣдствій неправильнаго основанія поземельной подати мы полагаемъ умѣренность ея оклада; ибо чѣмъ онъ будетъ умѣреннѣе, тѣмъ болѣе можно быть увѣрену, что подать коснется собственно только чистаго дохода.

При исчисленіи подати, основанной на доходѣ, для соображенія можно принимать тамъ, гдѣ есть фермеры,—доходъ уплачиваемый фермеромъ владѣльцу, разумѣется за вычетомъ процентовъ съ издержекъ, понесенныхъ владѣльцемъ на улучшеніе собственности, а тамъ, гдѣ фермеровъ нѣтъ, —чистый доходъ, добываемый самимъ владѣльцемъ.

Мы уже сказали выше, что Смитъ не опредѣлялъ различія между рентой и общимъ доходомъ владѣльца, но что различіе это должно быть принимаемо въ соображеніе при опредѣленіи поземельной подати; ибо, при упущеніи этого различія изъ виду, подать могла бы пасть на потребителя. Еслибы подать поглащала даже всю ренту, то она не задѣла бы другихъ интересовъ кромѣ интересовъ собственника; въ подобномъ размѣрѣ подать была бы для собственника раззорительною, но нисколько не возвысила бы цѣны и не остановила бы производства, потому что земледѣліе находило бы еще соответствующее вознагражденіе. Но еслибы подать, не довольствуясь рентой, коснулась еще другихъ частей доходовъ владѣльца, то владѣлецъ будучи лишенъ ожидаемаго вознагражденія за улучшения и издержки земледѣлія, былъ бы долженъ или возвысить свои цѣны, или ограничить производство, не доставляющее ему соответствующаго вознагражденія. Въ первомъ случаѣ подать пала бы тотчасъ на потребителей; во второмъ, она пала бы на нихъ же, со временемъ, потому что отъ сокращеннаго производства прежнее отношеніе между спросомъ и предложеніемъ было бы нарушено и за тѣмъ необходимо послѣдовало бы возвышеніе цѣны. Впрочемъ надобно замѣтить, что Рикардо, выставившій въ полномъ свѣтѣ этотъ законъ,

придаетъ слишкомъ исключительное значеніе вліянію издержекъ производства на цѣны продуктовъ земледѣлія и не довольно обращаетъ вниманія на зависимость цѣны отъ взаимнаго отношенія между предложеніемъ и спросомъ. Нѣтъ сомнѣній, что издержки производства принимаются въ расчетъ производителемъ, но ежедневные факты доказываютъ, что одиѣ онѣ не опредѣляютъ продажныхъ цѣнъ: сколько случается видѣть произведеній, проданныхъ безъ возврата издержекъ производства? Основываясь на этомъ законѣ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, должно полагать, что поземельная подать падетъ не на потребителя, а на владѣльца, если только не будетъ возвышена до такой степени, что участки, мѣше производительные, перестанутъ быть обрабатываемы; ибо пока произведенія являются на рынкахъ въ одинаковомъ числѣ, потребителямъ нѣтъ дѣла до подати и ее будутъ принуждены платить производители. Производство и потребленіе будутъ оставаться безъ измѣненія, и цѣны останутся прежнія.

За всѣмъ тѣмъ, въ соображеніяхъ Рикардо насчетъ поземельной подати находятся двѣ важныя истины: именно, что чистый доходъ съ поземельной собственности соразмѣряется съ плодородностію почвы, и что предложеніе произведеній имѣетъ постоянную наклонность соображаться съ мѣрою спроса на нихъ.

Сказаннаго достаточно по вопросу о размѣрахъ поземельной подати, но что сказать о ея различныхъ системахъ, о системѣ подати постоянной и о системѣ подати измѣняющейся?

Наука имѣетъ свои строгія правила; мы почитаемъ себя ихъ приверженцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣемъ большое уваженіе къ тому, что называется *status quo*, въ особенности когда дѣло идетъ о нововведеніи. Соображеніе теоретическихъ правилъ съ настоящимъ и историческимъ порядкомъ вещей будетъ въ этомъ случаѣ не уступкою, а благоразумнымъ примѣненіемъ теоріи къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Итакъ, въ теоретическомъ отношеніи мы считаемъ лучшею системою для подати съ поземельной собственности ту, при которой постоянно сохраняется окладъ, однажды установленный. Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальное отношеніе между податью и доходомъ, существовавшее при опредѣленіи подати, будетъ со временемъ нару-

шено, потому что поземельные доходы весьма измѣнчивы не только сами собою, но не рѣдко и по вліянію причинъ постороннихъ земледѣлію или имѣющихъ съ нимъ только косвенную связь. Открытіе новыхъ путей сообщенія, неожиданное сосредоточеніе народонаселенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и тому подобныя причины не рѣдко содѣйствуютъ возвышенію дохода на нѣкоторыхъ точкахъ преимущественно передъ другими, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ противныя тому причины имѣютъ противоположное дѣйствіе. Несмотря на эти факты, которые мы почитаемъ неизбѣжными и которымъ видимъ частые примѣры, строгость теоретическихъ правилъ не находитъ въ нихъ причины для измѣненія окладовъ подати, а еще менѣе для измѣненія ея раскладки на участки съ цѣлію перенесенія на тѣ изъ нихъ, которые сдѣлались болѣе доходными, части подати, обременяющей другіе участки, потерпѣвшіе въ доходахъ. Въ теоретическомъ отношеніи главное состоитъ въ томъ, чтобы подать постоянно оставалась неизмѣняемою, и чтобы она перешла отъ лица, для котораго была чувствительна при началѣ ея установленія, на собственность и сроднилась, такъ-сказать, съ нею. Измѣнять ея основаніе въ видахъ облегченія участковъ, менѣе доходныхъ, значило бы облегчать однихъ, съ ущербомъ другихъ, а это, подъ обманчивымъ видомъ уравнительности въ отношеніи къ собственности, обращалось бы въ несправедливость въ отношеніи къ лицамъ. Скажемъ болѣе, всякое подобное дѣйствіе, предпринимаемое въ видахъ удержанія нарушенной отъ времени и обстоятельствъ уравнительности поземельной подати, не только противно справедливости, но и вредно общественному интересу: гдѣ господствуетъ подобная система, должны непременно терпѣть права собственности, и должны стѣсняться переходы собственности изъ однихъ рукъ въ другія, ибо при покупкѣ никто не могъ бы разчитывать на доходъ, принимаемый за основаніе при оцѣнкѣ собственности. Съ другой стороны, опасеніе, что подать возвысится, должно воздерживать отъ предпріятій, направленныхъ къ улучшеніямъ собственности, а при этомъ и земледѣліе не будетъ развиваться съ тою свободною постепенностію, которая дѣлаетъ его болѣе производительнымъ. Таковъ нашъ теоретическій взглядъ на поземельную подать, разсматриваемую безусловно.

Теперь посмотримъ на условную сторону вопроса о постоянности поземельной подати. По нашему мнѣнiю, система постоянной поземельной подати должна быть примѣняема со всею строгостiю въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣлие получило хотя вѣкоторую степень развитiя или, по крайней мѣрѣ, гдѣ оно уже водворилось на всѣхъ тѣхъ частяхъ собственности, которыя способны къ обработкѣ; но та же система находила бы трудное примѣненiе тамъ, гдѣ земледѣлие въ младенчествѣ, а въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно существуетъ, такъ-сказать, особыми клочками на участкахъ, разбросанныхъ по пространствамъ, большая часть которыхъ находится еще безъ употребленiя. При подобныхъ обстоятельствахъ, начало обработки каждаго участка можетъ быть принято за указатель времени для перваго обложенiя его податью, но подать эта конечно должна быть самая умѣренная. Очевидно, что когда поземельная собственность и земледѣлие находятся въ подобномъ положенiи, то и всякаго рода промышленность и доходы со всякой собственности вообще, находятся въ соотвѣтствующемъ сему младенчествѣ, и слѣдовательно могутъ быть облагаемы развѣ только самую незначительною податью. Но будетъ ли справедливо сохранять безъ измѣненiя первую поземельную подать, установленную быть-можетъ въ ничтожныхъ размѣрахъ, когда прочiя подати станутъ возвышаться соразмѣрно новымъ общественнымъ потребностямъ и публичнымъ расходамъ, а также соразмѣрно увеличенiю доходовъ съ труда, промышленности и капиталовъ? Подобная неподвижность поземельной подати представляла бы разительную неуравнительность съ другими податями, лежащими на всѣ остальные сословія за исключенiемъ землевладѣльцевъ. Основываясь на этомъ соображенiи, мы полагаемъ, что пока поземельные доходы не примутъ характера вѣкоторой постоянности и пока они могутъ быстро возвышаться, поземельная подать можетъ быть по временамъ возвышаема, лишь бы это происходило въ отдаленные сроки, отнюдь не предупреждая возвышенiя доходовъ, а слѣдуя за нимъ. Слѣдовало бы только найти основанiе для опредѣленiя прогрессiи этого возвышенiя.

Намъ кажется, что основанiемъ для сего можно принять возвышенiе ренты въ той мѣрѣ, въ какой оно происходитъ естественнымъ порядкомъ отъ увеличенiя народона-

селеи и развитіи матеріальныхъ средствъ страны, тѣмъ болѣе что и первоначальный окладъ подати долженъ соразмѣряться съ этою рентой. Допустивъ существованіе дохода, который по своей природѣ расположенъ увеличиваться безъ всякаго труда и издержекъ со стороны владѣльцевъ, мы спрашиваемъ, не справедливо ли, чтобъ они отдавали на публичные расходы часть подобныхъ прибылей. При общемъ направленіи къ улучшенію быта всѣхъ сословій, при увеличивающемся народонаселеніи, возвышается и рента безъ заботы владѣльца, который, благодаря одному лишь праву собственности, видитъ быть свой улучшающимся, тогда какъ для другихъ сословій, это улучшеніе составляетъ вознагражденіе за усиленные труды и заботы. Въ этомъ отношеніи, положеніе замлевладѣльцевъ особенно выгодно; и оно тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ быстрѣе развивается народное богатство.

Самую собою разумѣется, что справедливость подобной мѣры зависѣла бы отъ способа ея выполненія. Первымъ условіемъ должно быть, чтобы подать ни чуть не касалась доходовъ, которыми владѣлецъ обязанъ своимъ трудамъ или денежнымъ пожертвованіямъ на улучшенія, а падала собственно только на ту часть дохода, которая приходится съ права собственности. Вторымъ условіемъ должна быть необыкновенная осторожность и умѣренность при каждомъ новомъ возвышеніи подати. Иначе, она потревожила бы право собственности. Это очевидно изъ того, что каждый покупающій имѣніе принимаетъ подати, лежащія на немъ при покупкѣ, за положительное и неизмѣнимое обязательство, и сообразно съ тѣмъ разчитываетъ покупную цѣну имѣнія; следовательно каждое новое возвышеніе подати, не только лишило бы его той части дохода, на которую онъ разчитывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшало бы и капитальную цѣнность его собственности соразмѣрно новому налогу ¹.

¹ Джонъ Стюартъ Милль, признавая справедливость возвышенія поземельной подати, основаннаго на увеличеніи ренты, разсматриваетъ вопросъ, можетъ ли это возвышеніе быть признакомъ законнымъ въ странѣ, гдѣ, подобно Англіи, поземельная подать оставалась долгое время постоянною (съ начала прошлаго столѣтія). Онъ спрашиваетъ, не потеряло ли правительство своихъ правъ на возвышеніе подати отъ того, что долгое время не пользовалось этими правами. По мнѣнію нашему, такъ какъ всѣ законы должны быть основаны на справедливости, то и правило, коего сущ-

Здѣсь мы должны указать на особенное свойство постоянной поземельной подати, именно на то, что окончательно, то-есть послѣ перехода собственности изъ рукъ владѣвшаго ею во время установленія подати, поземельная подать перестаетъ быть чувствительнымъ расходомъ для владѣльца. Это объясняется тѣмъ, что покупатели и продавцы, будучи одинаково извѣстны о величинѣ подати лежащей на имѣнiяхъ, опредѣляютъ имъ цѣну не иначе какъ вычитая изъ дохода сколько нужно на подать. Такимъ образомъ, настаетъ время, когда никто не находится въ убыткѣ отъ уплаты подати; она почитается какъ бы долгомъ лежащимъ на имѣнiи и сбавляется съ оцѣнки при его покупкѣ. Это дало поводъ нѣкоторымъ французскимъ экономистамъ заключать, что постоянная поземельная подать есть не что иное какъ отчужденiе въ пользу правительства части поземельной собственности соразмѣрной съ податью. Такъ Детютъ де-Траси (Destut de Tracy), говорить, что если, напримѣръ, постоянная подать составляетъ $\frac{1}{5}$ часть дохода, то на дѣлѣ все равно какъ еслибы правительство сбавилось владѣльцемъ $\frac{1}{5}$ части поземельной собственности, ибо какъ всякая собственность оцѣнивается по извлекаемой изъ нея пользѣ, то и съ цѣны каждаго имѣнiя, при перепродажѣ его, непременно сбавляется $\frac{1}{5}$ часть.

3. О подати съ домовъ и строенiй.

Подать съ домовъ можетъ быть разлагаема на двѣ части: именно: а) подать съ самаго строенiя, и б) подать съ мѣста, на которомъ оно воздвигнуто. Последняя, по природѣ своей, можетъ быть отнесена къ подати съ поземельной собственности; первая, имѣя отдѣльный характеръ, заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнiя.

Подать съ домовъ можетъ быть взимаема или съ владѣльца дома, или съ его жильцовъ, но какой бы ни принять способъ взиманiя, она падаетъ окончательно на этихъ послѣднихъ, а на владѣльца дома только въ томъ случаѣ,

ность признается справедливою, не должно быть почитаемо незаконнымъ; но при томъ мы полагаемъ, что вопросъ о справедливости и несправедливости разсматриваемой нами мѣры, будетъ зависетьъ отъ примѣненiя ея къ условiямъ, въ которыхъ находится поземельная собственность каждой страны, и къ направленiю общаго ея законодательства.

если онъ занимаетъ его самъ. Это объясняется тѣмъ, что жилые дома, не будучи ограничены въ своемъ числѣ какъ ограничено природою пространство поземельной собственности, могутъ быть строимы въ неопредѣленномъ числѣ, если ожидаемая отъ нихъ выгоды побуждаютъ къ новымъ постройкамъ. Постройка дома есть не что иное какъ помѣщеніе капитала, потому что безъ капитала домъ построенъ быть не можетъ; слѣдовательно, доходъ съ дома долженъ соответствовать выгодамъ доставляемымъ другими производительными употребленіями капиталовъ. Для побужденія къ постройкѣ нужно, во-первыхъ, чтобы домъ обѣщаль доставить процентъ, какой можно выручить отдачею капитала въ займы подъ вѣрный залогъ, а также средства для ремонтаванія дома, то-есть для содержанія его въ порядкѣ, или что все равно, для возврата въ извѣстное число лѣтъ капитала употребленнаго на постройку. Окончательно, выгоды отъ капитала, на который сооруженъ домъ, должны соответствовать ходячему проценту съ капиталовъ, помѣщаемыхъ въ обыкновенные, вѣрные вклады. Итакъ, если ходячимъ процентомъ полагать 4 на 100, а общій доходъ съ дома обѣщаетъ 6 или 6 $\frac{1}{2}$ процентовъ съ капитала издержаннаго на постройку, то не принимая въ разчетъ подати, подобный доходъ обыкновенно считается достаточнымъ, чтобы пріохотить къ постройкѣ. Подать налагаемая на строенія измѣняетъ приведенный выше разчетъ въ томъ, что предпринимающій постройку, конечно, будетъ имѣть въ виду, чтобы въ общемъ доходъ съ дома найдти указанныя выше сего выгоды за уплатою подати, цифру которой онъ прибавитъ къ доходу, котораго можетъ ожидать; но такъ какъ доходъ получается съ жильцовъ, то онъ не рѣшится на постройку, если не можетъ надѣяться отнести подать на ихъ счетъ. Лучшимъ обезпеченіемъ подобнаго разчета служитъ возрастающее благосостояніе и увеличивающееся народонаселеніе городовъ, при чемъ спросъ на помѣщенія, постепенно увеличиваясь, поощряетъ къ новымъ постройкамъ.

Все что за вычетомъ показанныхъ сейчасъ элементовъ останется отъ общей цифры дохода съ строеній, можетъ быть почитаемо доходомъ съ мѣста. Слѣдовательно подать съ мѣста можетъ быть отнесена только къ этому остатку изъ общаго дохода. Доля его въ цифрѣ общаго дохода бы-

ваетъ весьма различна, но не произвольна. Она зависитъ всегда отъ удобства самаго мѣста, хотя, впрочемъ, эти удобства, не всегда принадлежатъ къ матеріальнымъ выгодамъ, могутъ быть иногда въ зависимости и отъ прихотей; во всякомъ случаѣ, удобства должны быть довольно сильны, чтобы склонять жильцовъ къ найму помѣщенія въ томъ, а не иномъ мѣстѣ, несмотря на возвышенную цѣну. Въ мѣстахъ удаленныхъ отъ города, по изобилію пространства, доходъ съ мѣста подъ постройки не можетъ превышать дохода съ того же мѣста, еслибы оно было посвящено земледѣію; но въ центрѣ города, удобства всякаго рода, не исключая прихотей и даже моды, возвышаютъ доходъ съ мѣста и цѣнность сего послѣдняго. Весьма естественно, что доходъ съ мѣста бываетъ вообще болѣе возвышенный въ большомъ городѣ чѣмъ въ малыхъ, а самый возвышенный въ тѣхъ частяхъ города, которыя представляютъ особенныя удобства или выгоды.

Адамъ Смитъ полагаетъ, что возвышеніе подати, взимаемой съ жильцовъ соразмѣрно платѣ за квартиры, не можетъ имѣть продолжительнаго вліянія на доходность домовъ вообще, потому что несоразмѣрное возвышеніе подати положило бы конецъ новымъ постройкамъ. Для примѣра онъ беретъ лицо, платящее за квартиру 600 руб., и предполагаетъ, что болѣе платить оно не въ состояніи ни въ какомъ случаѣ. Далѣе онъ полагаетъ, что эти 600 руб. обложены новою податью въ 20 процентовъ. Отъ сего цѣна помѣщенія, взятаго для примѣра, возвысится до 720 рублей; слѣдовательно, она будетъ превышать средства жильца 120 рублями. Въ подобномъ положеніи, жилецъ долженъ будетъ ограничиться помѣщеніемъ, которое прежде стоило 500 руб. Прямимъ послѣдствіемъ этой перемены для жильца будетъ уменьшеніе удобствъ помѣщенія на 100 руб. Тутъ однако Смитъ прибавляетъ, что это уменьшеніе можетъ быть не столь значительно, какъ можетъ казаться сразу, потому что въ слѣдствіе той же подати жилецъ, взятый для примѣра, по всему вѣроятію найдетъ за 500 руб. помѣщеніе нѣсколько удобнѣе того, какое могъ бы достать за ту же цѣну (500 руб.) до установленія подати. И въ самомъ дѣлѣ, та самая подать, которая вытѣснила жильца изъ прежняго помѣщенія въ 600 руб., дѣйствуя также на жильцовъ, платившихъ 500 руб., заставляетъ ихъ искать

помѣщеній въ низшую цѣну и чрезъ это устраняетъ ихъ отъ состязанія съ жильцомъ, перешедшимъ изъ квартиры въ 600 на другую въ 500 руб. То же самое дѣйствіе подать произведетъ на жильцовъ помѣщающихся въ квартирахъ всякой цѣны, за исключеніемъ самаго низшаго ихъ разряда, между коими напротивъ состязаніе увеличится противъ прежняго, потому что число искателей возрастетъ. Окончательно, подать сдѣлается неуравнительною въ томъ отношеніи, что бремя ея будетъ болѣе чувствительно для сословія самаго бѣднаго и многочисленнаго.

Наблюдая за дѣйствіемъ подобной подати, Смитъ замѣчаетъ, что по привычкамъ свойственнымъ людямъ зажиточнымъ, она можетъ сдѣлаться неуравнительною еще и въ другомъ отношеніи. Онъ замѣчаетъ, что богатые тратятъ обыкновенно на свое помѣщеніе, соразмѣрно съ другими своими расходами, болѣе чѣмъ люди средняго состоянія, и заключаетъ изъ этого, что возвышеніе подати, которую мы разсматриваемъ, не будетъ для самыхъ богатыхъ людей достаточнымъ побужденіемъ отказаться отъ прежнихъ удобствъ помѣщенія, и они, сохраняя эти удобства, несмотря на окладъ подати, будутъ участвовать въ ней не только въ соразмѣрности средствъ ихъ сравненныхъ со средствами людей менѣе богатыхъ, но и нѣсколько болѣе. Въ этомъ обстоятельствѣ Смитъ не видитъ впрочемъ неудобства. Нельзя не признать всего этого весьма справедливымъ и основательнымъ.

Дома, какъ мы не заняты, не должны бы платить подати, ибо она падала бы на владѣльца за такой предметъ, который не доставляетъ ему ни дохода ни удобства. Адамъ Смитъ полагаетъ, что подать съ дома, занимаемого самимъ хозяиномъ, должна соразмѣряться не съ издержками на постройку, а съ тѣмъ доходомъ, какой домъ можетъ принести при отдачѣ его въ наймы. Онъ находитъ это справедливымъ въ томъ предположеніи, что домъ занимаемый хозяиномъ, если онъ богатъ, стоитъ обыкновенно гораздо больше чѣмъ домъ отдаваемый въ наймы, — по причинѣ удобствъ и даже роскоши, на которые хозяинъ обыкновенно расположенъ тратить самъ, а иногда тратилъ его предки нѣсколькихъ поколѣній. Смитъ дѣлаетъ замѣчаніе, что не рѣдко процентъ съ капиталовъ, употребленныхъ на домъ подъ собственное помѣщеніе, равняется всѣмъ доходамъ владѣльца.

Хотя во многихъ европейскихъ государствахъ, дома или

доходъ съ нихъ облагаются податью, но сколько намъ извѣстно, мѣста, на которыхъ построены дома, не облажены нигдѣ особою податью. Весьма часто находимъ установленныя платы вѣчнаго чинша съ мѣстъ, принадлежащихъ городамъ и частнымъ лицамъ, но подобной оплаты не слѣдуетъ смѣшивать съ податью въ пользу правительства, ибо она взимается за право собственности, не принадлежащее хозяину дома.

Способы исчисленія подати съ домовъ бываютъ весьма различны. Иногда каждый домъ принимается за единицу, съ которой устанавливается одинаковая плата. Способъ этотъ весьма неудобенъ, ибо доходъ съ домовъ бываетъ весьма различный; по этому неудобству помогаютъ, установляя съ доходнѣйшихъ домовъ особые оклады независимо отъ общаго оклада, установленнаго съ каждаго дома. Иногда подать разчитывается по числу огней или печей, находящихся въ домѣ; иногда по величинѣ дома исчисляемой по числу въ немъ оконъ. Наконецъ, иногда всѣ упомянутые способы принимаются въ совокупности.

Закончимъ настоящій отдѣлъ собственными вашими соображеніями насчетъ подати съ домовъ:

1) По вопросу: удобно ли облагать податью дома, мы полагаемъ, что нѣтъ причины освобождать ихъ отъ обязанности участвовать въ публичныхъ расходахъ наравнѣ со всякою собственностію, и что слѣдовательно строения, заняты ли они владѣльцами или отданы въ наймы, не должны быть изъяты отъ платежа податей; быть можетъ, слѣдовало бы дѣлать изъятіе въ этомъ случаѣ изъ общаго правила для лавокъ въ томъ вниманіи, что содержатели лавокъ внесшіе подать непременно будутъ стараться отвести ее на потребленіе, возвышая свои продажныя цѣны. Конечно, подать съ домовъ увеличиваетъ издержки на предметъ первой необходимости, какимъ должно почитать помѣщеніе, но при правильномъ ея основаніи она можетъ быть сдѣлана уравнивающей и соразмѣрною со средствами плательщиковъ.

2) Въ нѣкоторыхъ государствахъ, независимо отъ подати съ домовъ, облагаются еще особою податью двери и окна. Эту послѣднюю подать мы считаемъ весьма неудобною, потому что она лишаетъ бѣдный классъ воздуха и свѣта, необходимыхъ въ равной мѣрѣ всему человѣческому роду.

Тамъ, гдѣ существуетъ подобная подать, бѣдный классъ для избѣжанія ея лишаетъ себя воздуха, несмотря на то что это лишеніе стоить здоровья.

3) Подать съ домовъ можетъ быть или постоянная, то-есть окладъ ея однажды установленный съ каждаго дома можетъ оставаться безъ измѣненія; или она можетъ быть во временахъ возвышаема, соображаясь съ возрастающими доходами домохозяевъ; или наконецъ, окладъ ея можетъ соображаться постоянно со всѣми фазами дохода и состоятъ въ опредѣленномъ процентѣ съ дохода.

Неудобства поземельной подати непостояннаго оклада, о которыхъ мы говорили выше, вовсе не относятся къ подати съ домовъ, ибо возвышеніе ея не можетъ имѣть вліянія на улучшенія и усовершенствованія построекъ; следовательно, нѣтъ причины не дѣлать ея соразмѣрною съ доходами владѣльцевъ. За симъ, можно было бы признать періодическое возвышеніе ея удобнымъ, еслибы не представлялось еще удобнѣйшимъ опредѣленіе подати соразмѣрно доходу, выручаемому ежегодно съ каждаго дома. Подобное основаніе подати есть самое справедливое и самое удобное въ исполненіи, и оно можетъ быть достигнуто безъ затрудненія взиманіемъ подати съ жильцовъ въ соразмѣрности съ платою за квартиры, засвидѣтельствованною контрактами.

4) Въ Англіи подать съ домовъ установленная въ царствованіе Вильгельма III была отмѣнена въ 1835 году собственно по причинѣ ея непопулярности, несмотря на то что дома, приносящіе дохода менѣе 10 фун. стерл., были изъяты отъ платежа подати. Во время ея отмѣны она составляла 1.262.754 ф. стерл. Главное возраженіе приводившееся противъ этой подати состояло въ томъ, что она взималась не съ цѣнности строенія, а съ приносимаго имъ дохода, и что вслѣдствіе этого строенія второстепенныя уплачивали болѣе подати чѣмъ великолѣпныя зданія занимаемыя ихъ владѣльцами. По мнѣнію нашему, это неудобство заслуживало вниманія, но оно могло быть устранено измѣненіемъ системы, принятой для основанія подати. Согласно съ этимъ соображеніемъ, подать съ домовъ опять установлена въ Англіи въ 1851 году въ замѣну существовавшей до того времени подати съ оконъ, но при ея установленіи приняты уже другія основанія. По закону 1851

года, дома приносящіе ежегоднаго дохода менѣе 20 ф. стерл., изъяты отъ платежа подати; окладъ подати устанавливается въ $3\frac{3}{4}$ на 100 съ дохода, а для домовъ съ лавками въ $2\frac{1}{2}$ на 100.

5) Во Франціи первая подать съ жильцовъ установлена въ 1791 году въ числѣ contributions mobilières. Съ того времени она подвергалась различнымъ измѣненіямъ, изъ коихъ главное послѣдовало въ 1831 году и состояло въ томъ, что часть подати вносится жильцами, а часть причислена къ contribution foncière, и вносится владѣльцами независимо отъ подати съ оконъ и дверей.

Существующая нынѣ въ Австріи подать съ домовъ установлена въ 1819 году. Окладъ ея въ Вѣнѣ и большихъ городахъ различествуетъ отъ оклада опредѣленнаго для городовъ второстепенныхъ. Въ первыхъ онъ составляетъ около 15 процентовъ съ дохода.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. ГЕЧЕВИЧЪ.

СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ

(Посвящается семилетнему племяннику моему, Юрью Александровичу Н.)

Стариковъ, когда-нибудь
Надо будетъ помянуть,
Помянуть и этихъ вужно.

Пушкинъ.

I. Семенъ Васильевичъ.

Давно оцѣнены интересъ и значеніе записокъ и семейныхъ воспоминаній всякаго рода. Личь бы онѣ были составлены добросовѣстно, безъ прикрасъ, въ нихъ непремѣнно отразится характеръ эпохи, къ которой онѣ относятся. Тутъ даже не требуется таланта. С. Т. Аксаковъ составляетъ исключеніе; но у всякаго есть своя семейная хроника. Вотъ почему я рѣшаюсь представить публикѣ самый искренній разказъ того что я слышала и чему была свидѣтельницей.

Въ наше время трудно говорить о своихъ предкахъ: живѣвшее русское общество не заражено родословнымъ духомъ, и слава Богу! Мнѣ кажется однако, что принципъ этотъ, какъ и всякій другой, можетъ найти свое историческое оправданіе; если онъ существовалъ, то значить онъ имѣлъ въ

свое время право на существованіе. Если онъ отжилъ свой вѣкъ, и палъ подъ наперомъ новыхъ идей, то въ немъ все-таки слѣдуетъ уважать ту долю нравственной мысли, которая породила его.

Къ тому же есть приращеніе челоѣку чувство, которое едва ли не переживаетъ всѣ историческіе перевороты: это чувство—законная гордость, съ которою мы сознаемъ, что намъ была передана честная и неспорочная кровь. Съ дворянскимъ или рыцарскимъ предразсудкомъ это чувство не связано неразрывно: я полагаю, что этотъ предразсудокъ не что иное какъ форма, въ которую извѣстная эпоха облакла это естественное чувство. Форма вымерла, какъ вымираетъ всякая форма; чувство осталось, потому что всякое чувство безсмертно. Рядомъ съ девизомъ: *No-blesse oblige*, который съ гордостью провозглашался благороднымъ рыцаремъ, я укажу на одно знакомое мнѣ въ Каширскомъ уѣздѣ и извѣстное во всемъ околоткѣ своею честностью крестьянское семейство. Это семейство, бороня землю, не безъ гордости также говоритъ: „Намъ срамиться не приходится: мы Семеновы“. И отецъ будетъ передавать сыну, что Семеновъ, имя котораго перешло къ нимъ *из прозвища*, говорилъ дѣтямъ умирая: „Живите честно, чтобы мнѣ и на томъ свѣтѣ любо было“. Врядъ ли самый искренній демократъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ о томъ, что его отецъ или дѣдъ былъ негодеемъ.

Итакъ, если наши предки заслуживаютъ уваженія, уважимъ ихъ память, какое бы имя они намъ ни передали, и какою бы дѣятельностію не наполняли свою жизнь, мирно ли они владѣли плугомъ, честно ли они сложили свою голову на защиту родины. Было бы также мило стыдиться скромнаго имени однихъ, какъ и знатнаго рода другихъ.

Мы происхожденія норманскаго. Наши неусидчивые предки искали счастья и въ Польшѣ, и въ Ливоніи, наконецъ поселились въ Россіи, служили ей вѣрой и правдой, и по обычаю людей родословныхъ бывшихъ въ боярахъ, служили почти исключительно на военномъ поприщѣ: со дня Куликовской битвы до польской кампаніи 1830 года погибло въ сраженіяхъ болѣе двадцати нашихъ родичей.

Мы были когда-то богаты, но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія князья Г*** вступили съ нами въ таѣбу. Интересные

документы по этому дѣлу хранятся у насъ до сихъ поръ. Василий Яковлевичъ Н***, человекъ съ вѣсомъ, велъ дѣло отъ лица всѣхъ своихъ, но его вліаніе было ничтожно въ сравненіи со всемогуществомъ князя Меншикова. По исторіи этого любопытнаго процесса можно прослѣдить всѣ фазисы политической жизни временщика. Дѣло не рѣшается при Петрѣ: Меншиковъ боится Петра, а юстиція боится Меншикова. При Екатеринѣ I исполняется рабочію воля *генераль-поручика Россіи*. Наконецъ, паденіе его при Петрѣ II перерѣшаетъ дѣло въ нашу пользу. Затѣмъ, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ, мы владѣли безспорно нашимъ имѣніемъ; но вдругъ, нежданно-негаданно, оно у насъ отнято однимъ почеркомъ пера, и отдано князю Г***.

Прадѣдъ мой, Семенъ Васильевичъ и его братья бодро перенесли разразившійся надъ ними ударъ, продали свой конный заводъ, свой старинный московскій домъ, скромно выстроились въ дальней части города, на мѣстѣ отведенномъ прежде подъ конюшни для *неужалыхъ* лошадей, и по выраженію уцѣлѣвшихъ документовъ, съ *благословенія матери своей* раздѣлили между собой оставшееся за ними имѣніе, и зажали по пословицѣ: „по одежкѣ протягивай ножки“.

Въ своей старости Семенъ Васильевичъ любилъ вспоминать о прежнемъ блескѣ семейства, и часто разказывалъ своей невѣсткѣ, моей бабушкѣ, о подробностяхъ нашего процесса съ Г***. Старикъ каждый разъ упоминалъ о печальной судьбѣ лицъ участвовавшихъ въ нашемъ разореніи, или воспользовавшихся имъ: дѣлецъ хлопотавшій за нашихъ противниковъ подвергся торговой казни, говорилъ онъ, Меншиковъ умеръ въ Березовѣ, князь Борисъ Алексѣевичъ Г*** въ покаяніи и схищѣ, а тотъ изъ его наследниковъ, которому досталась бѣлая часть нашего имѣнія, погибъ на праздникѣ съ молодою женой подъ обрушившимися палатами князя Масальскаго, что случилось въ годовщину дня почему-то особенно замѣчательнаго въ исторіи неправаго процесса. „Всякая неправда жди наказанія“, прибавлялъ обыкновенно старикъ въ заключеніе своего разказа, и вся жизнь его отличалась ненавистью къ неправдѣ.

Дослужившись до бригадира, онъ за болѣзнию и ранами

перешелъ въ гражданскую службу. Прощаясь съ нимъ, офицеры его полка поднесли вермелевый кубокъ безупречному начальнику и хлѣбосоольной его *сожителямъ*. Манифестаціи такого рода были въ то время рѣдкостью. Семеновъ Васильевичъ прослезился, но рѣшительно отказался отъ богатаго подарка, и просилъ своихъ сослуживцевъ заказать ему на Измайловскомъ заводѣ стеклянный кубокъ съ тою же надписью. Скромный подарокъ, который онъ берегъ какъ сокровище, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, и восьмилѣтнему праправнуку Семена Васильевича разказываютъ его исторію.

Онъ любилъ лошадей и охоту, и перейдя въ гражданскую службу улучалъ иногда свободное время, чтобы съѣздить въ свою подмосковную, полюбоваться на небольшой конный заводъ, и взять два-три поля съ гончими. Разъ, пока онъ охотился, явились къ нему на поклонъ купцы замѣшанные въ дѣла, рѣшеніе котораго зависѣло отъ него прадѣда. Въ это время мало вѣрили въ судейскую неподкупность, и купцы знавшіе, что Семеновъ Васильевичъ отказывается отъ взятокъ, рѣшили, что онъ вѣроятно боится огласки, и улучили удобную минуту, чтобы предложить ему подарокъ втихомолку. Они знали, что онъ человѣкъ не богатый, знали его пристрастіе къ лошадямъ, и надѣялись прельстить его двумя великолѣпными дугами. Въ ту минуту какъ челобитчики остановились у воротъ съ своимъ обозомъ, Семеновъ Васильевичъ возвратился съ поля. Не вспомнилъ онъ себя, когда узналъ въ чемъ дѣло: въ старикѣ заговорила со всею силою молодости его горячая кровь: „Трави ихъ! спускай собакъ!“ крикнулъ онъ своимъ охотникамъ. Приказаніе было исполнено, и не безъ увѣчья выбрались изъ деревни купцы съ своими породистыми лошадьми.

Разказъ объ этомъ происшествіи мы слышали между прочимъ отъ старика, который умеръ на нашей памяти. „Мой батюшка часто объ этомъ вспоминалъ, говорилъ онъ. Онъ былъ тогда доѣзжачимъ при покойномъ генералѣ. Сказывалъ, что кони-то были ужъ больно хороши. Кабы тогда не погорячился старый баринъ, знатный былъ бы у насъ теперь заводъ.“

Мой прадѣдъ былъ вспыльчивъ, но добръ, ласковъ и гостепріименъ, и пользовался заслуженнымъ уваженіемъ и лю-

бовью въ кругу знакомыхъ и многочисленной родни. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда его родственники и приятели поднесли ему въ день именинъ гербовую печать съ девизомъ: *правда*. Въ этомъ девизѣ есть геральдическая невѣрность, но за то вѣрная оцѣнка всей жизни старика.

II. Василій Семеновичъ. ¹

Дѣдушка мой, единственный сынъ Семена Васильевича, очень гордился древностію своего рода, своимъ незапятнаннымъ гербомъ, и въ особенности девизомъ завѣщаннымъ ему отъ отца: *правда*. Этому девизу онъ оставался вѣренъ весь свой вѣкъ, и въ свою очередь завѣщалъ его, умирая, своимъ потомкамъ.

Онъ женился еще при жизни Семена Васильевича, и домъ старика оживился присутствіемъ красивой восемнадцатилѣтней хозяйки. Молодые веселились и много выѣзжали въ свѣтъ, и моя бабушка любила, въ старость, вспоминать объ этомъ времени: „Генеральство было тогда рѣдкостью, и очень уважалось; не то что теперь, говорила она. Мнѣ часто случалось слышать, входя въ церковь, въ собраніе, или въ магазинъ: это невѣстуха генерала Н***, и мнѣ уступали мѣсто, и прислуживались.“ И старушка прибавляла обыкновенно, сѣтуя о развратѣ нашего времени: „А нынче все ни почемъ.“

Василій Семеновичъ, послѣ кончины своего отца, вступилъ во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ, которое состояло изъ большаго дома въ Москвѣ и трехсотъ душъ. Семенъ Васильевичъ, за служебными недосугами, не заглядывалъ никогда въ тверское имѣніе, которое пришло въ упадокъ, и стало давать очень скудные доходы. Отсутствие правильного надзора, грабительство начальниковъ и сосѣдство торговыхъ селъ совершенно раззорили крестьянъ. Они стали промышлять конокрадствомъ, и Воробново сдѣлалось пристаномъ воровъ и гулякъ всего околотка. Дѣдушка мой рѣшился приложить къ нему руки. Онъ не любилъ ничего откладывать до завтра; выписалъ немедленно старосту, отыскалъ подрядчика, и приказалъ приступить къ постройкѣ

¹ Эта эпоха такъ уже близка къ намъ, что я рѣшилась измѣнить собственныя имена.

дома, благо дѣсу въ имѣніи было вдоволь. „Крестьяне не видали никогда своихъ господъ, разказывала моя бабушка, и пришли въ ужасъ, когда узнали, что мы собираемся жить въ Воробновѣ.“ Они посоветовались, и нашли наконецъ радикальное средство для отвращенія предстоявшей имъ напасти: сожгли только что выстроенный домъ. Но моего дѣда было одинаково трудно и напугать, и переспорить. Узнавъ о пожарѣ, онъ тотчасъ потребовалъ лошадей, и отправился въ Воробново.

Братъ мой, которому досталось въ посаждствіи имѣніе, слышалъ объ этомъ дѣлѣ интересный разказъ отъ стараго крестьянина: „Послали объявить въ городъ, говорилъ онъ, а тѣмъ временемъ дѣдушка вашъ пріѣхалъ, и самъ все дѣло разобралъ. И вѣдь какъ? все тихимъ манеромъ, никого щелчкомъ не тронулъ. Потребовалъ на лицо всѣхъ молодцовъ, которые были мало-мальски на замѣчаніи (а народъ у насъ со всячинкой былъ), и давай каждаго спрашивать, да съ первыхъ словъ и спозналъ кто правъ кто виноватъ: какъ ножомъ отрѣзалъ, ни въ одномъ человѣкѣ не ошибся. Ума палата была! Кого сейчасъ домой отпустилъ, а кого подъ караулъ посадилъ; да тѣмъ же днемъ *суподъ* караула еще разъ опросилъ, сперва по одиночкѣ, а потомъ всѣхъ вмѣстѣ. Ну, дѣло извѣстное: стали путать, да другъ на дружку выводить; такъ все дѣло и вышло наружу. Пріѣхали судейскіе, да только одинъ денекъ у насъ и погостили, а то сколько бы они народу понапрасну перепытали! Вотъ что настоящій баринъ-то значить!“ заключилъ разказчикъ.

Разобравъ дѣло и наказавъ виновныхъ, мой дѣдушка собралъ мірскую сходку и объявилъ крестьянамъ, что онъ свою усадьбу поставитъ на другомъ мѣстѣ, то-есть въ самой серединѣ села, такъ что въ случаѣ новаго пожара и самимъ мужичкамъ жутко придется. Кромѣ того, онъ имъ сказалъ, что съ оброка переводитъ ихъ на барщину. „Вы нищіе, потому что негодяи и тунеядцы,“ прибавилъ онъ. „Я васъ приучу къ работѣ, исправлю васъ, и тогда опять посажу на оброкъ. Я никого не притѣсняю, и до наказаній не охотникъ, но если кто самъ на наказаніе направляется, такъ не прогнѣвайся: потачки не дамъ. Шутить я тоже не люблю, и совѣтую держать ухо востро.“

Какъ скоро новый домъ былъ выстроенъ, дѣдушка мой поселился въ Воробновѣ, принялся за дѣло, и все закупилъ

подъ его руками. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца и отправлялся на работу. Трудно ему было сдаться съ привычками дѣтя и нерадѣвнѣ крестьянъ, но крестьяне могли скоро убѣдиться, что баринъ дѣйствительно шутить не любитъ, и что надо держать ухо востро. Онъ имъ на первыхъ порахъ показался немного крутенекъ, потому что былъ неутомимъ къ ворами и мошенникамъ: кому лобъ забрилъ, кого въ ссылку послалъ. За то правый шелъ къ нему смѣло: зналъ, что баринъ даромъ не обидитъ, и врядъ ли кто во всемъ околоткѣ неизмѣнно придерживался, кромѣ моего дѣдушки, вновь вышедшаго тогда закона о трехдневной барщинѣ.

Наконецъ, мало-по-малу, гулаки и воры перевелись, запущенныя поля стали обрабатываться на славу, чахлая крестьянская скотина начала жирѣть и умножаться, и у сосѣднихъ мужичковъ ввелось въ поговорку, что *Воробьевскииъ умирать не надо*.

Великое было горе когда скончался мой дѣдушка: водили малыхъ ребятъ поклониться его праху да выслушать по немъ панихиду, и твердили имъ отцы и матери, чтобъ они его помнили, да поминали на молитвахъ, потому что такого барина имъ уже не najить, и многіе еще годы послѣ его смерти, въ приходской церкви, діаконъ, по воскресеньямъ, молился на ектеиъ, объ „упокоеиіи души боярина Василья“.

Когда семейство перѣхало въ Воробьево, оказалось, что на селѣ много кликушъ, и на нихъ всегда находило черезъ день, то-есть по барщинскимъ днямъ, и что эти припадки недуга обнаруживаются обыкновенно въ церкви, во время *Херувимской*. Узнавъ о такой напасти, мой дѣдушка приказалъ управляющему повѣстать бабамъ, что онъ въ воскресенье придетъ къ обѣднѣ, и всѣхъ кликушъ прикажетъ привести къ себѣ, потому что умѣетъ ихъ лѣчить.

Въ слѣдующее воскресенье онъ явился въ церковь съ бабушкой, и сталъ около амвона. Какъ только раздалась *херувимская*, какой-то голосъ въ толпѣ прокричалъ не твердо: ку-ка-ре-ку. Дѣдушка мой обернулся, погрозилъ медяною пальцемъ, и все замолако, кромѣ клироснаго вѣвнѣя.

Когда стали выходить изъ церкви: „А кто же это пѣтухомъ-то кричать принимался?“ спросилъ Василій Семеновичъ.—„Не я! Видитъ Богъ не я! Да я возлѣ твоей са-

мой милости и стояла,“ раздавалось со всѣхъ сторонъ. — „Ну, должно быть я самъ прокричалъ,“ сказалъ мой дѣдушка смѣясь: „у меня знать рука легка, разомъ выѣчилъ. А если что, помилуй Богъ, опять приключится, такъ милости просимъ ко мнѣ.“ И съ тѣхъ поръ о кликушкахъ слуха не было.

Много слышала я разказовъ о моемъ дѣдушкѣ. Его Богъ одарилъ крѣпкою природою. Онъ сознавалъ свою силу, и не старался выказывать ее, а напротивъ сдерживалъ ее, и она проглядывала неволью. Голоса онъ никогда не возвышалъ, а передъ его голосомъ все смиралось. Во время своего долгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ познакомился со всѣмъ околоткомъ, и его слово сдѣлалось скоро закономъ для всѣхъ. Сосѣди часто выбирали его третейскимъ судьей въ своихъ домашнихъ расправахъ, и на его рѣшеніе не было уже апелляціи. Я знала старушку, которая доводилась ему племянницей въ третьемъ колѣнѣ, и она мнѣ часто разказывала про него. „Вѣдь вотъ диковина какая, говорила она,—ни на кого онъ не крикнулъ, а и въ голову не приходило сдѣлать что-нибудь противъ его воли. А ужъ кто узналъ за собою грѣхъ, такъ тотъ и взглянуть на него не смѣлъ.“

Но боялись его однако лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Нравственная его сила и непреклонная воля не придали ни угрюмости его характеру, ни суровости его приемамъ. Онъ обыкновенно былъ веселъ, и даже смѣшливъ, если не былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ. Расположеніе его духа показывало, какъ вѣрный барометръ, настроеніе всего семейства. Веселъ Василій Семеновичъ, и всѣ улыбаются около него, нахмурился онъ, и всѣ говорятъ шепотомъ, хотя твердо знаютъ, что онъ своего горя или досады не выместитъ на невинномъ.

Объ отношеніяхъ его къ родственному кругу и говорить нечего. Положеніе главы семейства онъ наследовалъ отъ Семена Васильевича, и поддерживалъ это положеніе своимъ личнымъ характеромъ. И близкая, и дальняя родня находилась у него въ совершенномъ повиновеніи. Любопытна удѣлавшая его переписка съ его двоюродною сестрой Марьей Васильевной Д***. Она была женщина замужняя, и въ добавокъ однихъ лѣтъ съ моимъ дѣдомъ. Недовольный ея объясненіемъ по одному семейному дѣлу, онъ ей пишетъ:

„Не дури, и не вилай хвостомъ, а помни что говаривалъ батюшка: всякая неправда жди наказанія.“ Марья Васильевна пишетъ ему въ, и поминается ему безпрекословно.

Быль однако примѣръ, и о немъ всё разказывали съ ужасомъ: одна изъ родственницъ поступила противъ его воли. За ея дочь, дѣвушку съ состояніемъ, сватались въ одно время двое молодыхъ людей. Обратились за совѣтомъ къ Василью Семеновичу, и онъ назначилъ жениха, но не того, котораго втайнѣ предпочитали и мать, и дочь. Цѣлый годъ, и всѣми возможными путями, старались онъ склонить его въ пользу другаго жениха, и заставить отказать отъ своего слова. Но онъ повторялъ упорно, что „П***. ему въ родню не годится“, и наскучивъ настойчивостью своей родственницы, кончилъ тѣмъ что отказалъ ей на отрѣзъ отъ своего дома. Молодая дѣвушка вышла за П***, и вѣроятно не разъ расказывалась въ своемъ несчастномъ выборѣ. Мужъ ея дѣйствительно оказался дряннымъ человѣкомъ. Не даромъ Василій Семеновичъ довѣрялся своимъ впечатлѣніямъ.

Съ самаго дня свадьбы, ни мать, ни дочь, не пропустили ни единого торжественнаго дня, чтобы писать къ моему дѣдушкѣ, поздравлять его и умолять о прощеніи. Но онъ не отвѣчалъ на письма—и не простилъ.

Онъ, какъ и отецъ его, служилъ въ военной службѣ. Женувшись, онъ вышелъ въ отставку, и поселился, какъ мы видали, въ деревнѣ. Тутъ онъ постоянно уклонялся, за недостаткомъ средствъ, отъ предводительства, говоря, что „при ребятахъ надо думать о телятахъ.“ Но случилось, что въ сосѣдствѣ уѣздѣ, гдѣ у него былъ шаръ, года за два до новыхъ выборовъ, смерть, отставка и перемѣна службы совершенно очистили уѣздный судъ: дворяне съѣхались баллотировать судью и готовились выбрать негодяя; тогда Василій Семеновичъ изъявилъ желаніе баллотироваться самъ, и былъ выбаллотированъ единогласно. Онъ переѣхалъ въ городъ, и до новыхъ выборовъ правилъ почти постоянно, кромѣ судейской, еще другія должности.

Когда онъ принялъ мѣсто, въ судѣ было довольно запутанное дѣло, и просители явились къ нему, по обычаю, съ серебрянымъ сервизомъ и съ медвѣжьей шубой. „Отецъ мой,“ сказалъ онъ имъ, едва сдерживая свой гнѣвъ и не дослушавъ приготовленной заранѣе рѣчи: „затравилъ со-

баками купцовъ предлагавшихъ ему взятку. Вы можете убедиться, что и у меня собакъ надежная.“ Тутъ онъ отворилъ окно, и показалъ имъ огромнаго цѣпнаго пса. Тѣ переглянулись. Василія Семеновичъ погрозилъ на нихъ пальцемъ: „Совѣту помнѣть,“ прибавилъ онъ. Челобитчики, сконфуженные такими неслыханными рѣчами, разошлись по домамъ, и рѣшили вѣроятно, что должно-быть новый судья человекъ опасный.

Для иныхъ онъ оказался дѣйствительно человекомъ опаснымъ, но многіе сохранили о немъ другое воспоминаніе. Лѣтъ тридцать послѣ разказанной мною сцены, отецъ мой проѣзжалъ городомъ ***. Какъ скоро развѣся слухъ что сынъ Василія Семеновича стоитъ въ гостиницѣ, номеръ занятый моимъ отцемъ наполнился посѣтителями. Всѣ ждали взглянуть на него, и старики говорили со слезами на глазахъ, что онъ похожъ на покойника; многіе уговаривали его снять военный мундиръ и перейти къ нимъ на службу. Онъ часто говаривалъ, что день этотъ причисляетъ къ самымъ свѣтлымъ своимъ воспоминаніямъ.

Бабушка моя говорила, что съ нимъ она была примѣрно счастлива, и никогда не вспоминала о Василѣ Семеновичѣ безъ глубокаго вздоха или безъ искренней слезы. Судя по ея разказамъ видно, что мужъ любилъ ее и щадилъ, какъ ребенка, который вѣрилъ ему свою судьбу, и очень дорожилъ ея безграничною къ нему привязанностію, но держалъ ее строго. Она была женщина добрая, слабая характеромъ и далеко не глупая, но разницы между собой и мужемъ она измѣрить никогда не могла, и не понимала, что она ему была не по плечу, хотя всегда говорила о немъ съ чувствомъ того уваженія, которое мы инстинктивно питаемъ къ мощнымъ, выходящимъ изъ общаго разряда натурамъ. Мой дѣдушка былъ человекъ замѣчательно образованный по своему времени. Среда, въ которой онъ жилъ, была для него очевидно тѣсна, но никто изъ окружающихъ и не подозрѣвалъ этого. Было время когда онъ не могъ обойтись безъ образованнаго общества и страстно любилъ музыку, чтеніе, и въ особенности итальянскую литературу, но съ переселеніемъ въ Воробьихово пришлось протѣяться со всѣмъ. Бабушка иногда спрашивала у него съ безпокойствомъ, не тоскуетъ ли онъ объ оставленныхъ занятіяхъ и о покинутомъ кружкѣ.

— Что это тебѣ вздумалось, Маша? отвѣчалъ онъ:— добрые люди есть вездѣ, а развѣ здѣсь у меня мало занятій?— И она успокоивалась.

По мѣрѣ того какъ увеличивалось семейство, Василій Семеновичъ, работая безъ устали, чтобъ оставить дѣтямъ независимый кусокъ хлѣба, отказывался отъ всѣхъ привычекъ привитыхъ роскошью, и ограничился наконецъ тѣмъ что предписывала самая строгая необходимость. Что же до бабушки, то, до своего замужства, она жила въ Петербургѣ, среди того что называется *le cercle élégant*; но повинуясь безпрекословно и даже безъ усилія малѣйшему слову мужа, она пошла по дорогѣ, которую онъ ей указалъ. Василья Семеновича ничто не могло сломить; его сильная природа устояла въ насильственномъ отчужденіи отъ людей и въ душливой хозяйственной атмосферѣ. Онъ умѣлъ подавлять свои желанія и порывы, но эти порывы и желанія не заглохли, подѣ влияніемъ мелочныхъ потребностей, до послѣдней минуты его жизни. Заѣдетъ бывало въ Воробьево, среди темнаго зимняго вечера, какой-нибудь пріятель изъ Москвы, да привезетъ новую книгу, и сидитъ съ нимъ Василій Семеновичъ да толкуетъ вплоть до утра. Но дѣла все-таки онъ не забывалъ. Вздремнувъ немножко, онъ встанетъ еще при огнѣ, велитъ заложить санки, объѣдетъ всѣ работы и возвратится домой, пока проѣзжіи, утомленные долгою дорогой, еще спитъ глубокимъ сномъ. Но среда, на которую была обречена бабушка, подавила слабую женскую природу. Съ каждымъ днемъ втягивалась она все болѣе и болѣе въ дразги мелочнаго хозяйства, не замѣчала сама какъ мало-по-малу забывала увоенныя съ дѣтства привычки, отдалялась отъ сферы, въ которой родилась, и стала наконецъ свободно дышать въ пошлаой средѣ провинціальнахъ сплетенъ. Василій Семеновичъ и не пытался предохранить ее отъ ихъ заразы. Онъ понималъ, что не можетъ ничего дать ей въ замѣнъ, и что въ себѣ самой она не найдетъ удовлетворенія.

Отецъ мой и старшій дядя, окончивъ курсъ наукъ, поступили, первый въ иностранную коллегію, а второй въ морскую службу, и пріѣхали въ Воробьево, чтобы повидаться съ семействомъ и показаться въ мушдирахъ, которые льстили ихъ ювонешескому самолюбію.

— Вы уже не дѣти, сказалъ имъ мой дѣдушка,— и должны

знать свое состояніе. Вамъ необходимо приличное содержаніе, и это вы получите, но прихотей вы себѣ позволять не можете. Мнѣ самому ничего не нужно; мнѣ довольно стараго кафтана и изношенныхъ сапогъ, но вы не вправѣ разчитывать на лишній грошъ, потому что его приходилось бы отнять у вашего меньшаго брата и у сестеръ; не забывайте этого. Служите честно, и смотрите не запятнайте своего имени.

Дядя мой обнаружилъ съ дѣтства суровый и крутой, несимпатическій характеръ; отецъ мой, наоборотъ, былъ особенно счастливо одаренъ природой. Дальняя родственница, о которой я имѣла уже случай упомянуть, говорила о немъ: „Мнѣ кажется, что его бы и черта полюбили. Была я одинъ разъ больна и лежала, — слышу, что въ другой комнатѣ Владиміръ что-то разказываетъ. Не вытерпѣла, — встала и пришла. Ты, говорю точно колдунъ какой; съ тобою и головную боль забудешь. А ужъ какой красавецъ былъ! Да что и говорить, если самъ дядюшка слабость къ нему имѣлъ. Ни за что бывало не покажетъ, да вѣдь какъ тамъ ни скрывай, а людей не обманешь.“

И дѣйствительно, дѣдушка гордился успѣхами сына, его красотой, его храбростью, которою тотъ отличался въ народную войну. Когда пришло извѣстіе, что мой отецъ раненъ подъ Лейпцигомъ, бабушка и тетки горько заплакали. Василій Семеновичъ блѣдный и смущенный ходилъ по комнатѣ. „Нечего плакать“, сказалъ онъ наконецъ, „рана не опасная. Хуже было бы, еслибъ онъ боялся пули.“

Двѣ мои старшія тетки воспитывались въ Москвѣ, у близкой родственницы своей матери; обѣ меньшія росли дома. Василій Семеновичъ былъ уже не молодецъ, когда родился его послѣдній сынъ. Дѣдъ мой привязался къ нему страстно. Его слабость къ этому ребенку, не смотря на всѣ его усилія, проглядывала еще болѣе чѣмъ любовь его къ моему отцу. Одинъ Боренька пользовался правомъ являться во всякое время въ его кабинетъ и копаться въ его бумагахъ. Когда мальчику не здоровилось, Василій Семеновичъ вставалъ тихонько ночью и садился около его кровати. Увѣжая въ поле, онъ бралъ его съ собой въ дрожки, и съ нѣжною улыбкой давалъ ему вожжи въ руки. Домашніе часто пользовались вліяніемъ маленькаго фаворита, чтобы выпросить у моего дѣдушки какую-нибудь важную милость, и

только въ крайнихъ случаяхъ Василій Семеновичъ оставался неутомимъ къ просьбамъ сына. Эта привязанность озарила, какъ солнечный лучъ, сердце старика. Но Боренька подростъ, и настала пора отдать его въ пансіонъ. Колебался ли мой дѣдушка, объ этомъ никто не знаетъ, но онъ написалъ въ Москву, все уладилъ, далъ надлежащія инструкціи старому дядькѣ, которому поручался ребенокъ, и назначилъ день отъѣзда. Бабушка позвала священника и приказала отслужить молебенъ. Василій Семеновичъ былъ бѣднѣе обыкновеннаго, но видимо старался превозмочь себя и поддержать бодрость сына. Когда подали экипажъ, всѣ сѣли по-русскому обычаю. Дѣдъ мой всталъ первый, всѣ поднялись за нимъ и перекрестились. Но когда расплаканный мальчикъ бросился къ нему на шею, слезы хлынули у него ручьемъ. Онъ поднялъ и крѣпко прижалъ ребенка къ своей груди, потомъ опустил его на полъ, вошелъ быстрыми шагами въ свой кабинетъ, и ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

Съ отъѣздомъ Бореньки, все приняло мрачный видъ въ Воробновѣ. Василій Семеновичъ не жаловался, но грусть лежала камнемъ на его крѣпкой душѣ. Другой, неожиданный ударъ сокрушилъ его окончательно. У матери его отъ перваго мужа была дочь, Марья Львовна. Василій Семеновичъ любилъ ее со всею нѣжностью брата. Она по большей части жила въ деревнѣ съ мужемъ, и вела съ Василіемъ Семеновичемъ постоянную переписку.

Разъ Марья Львовна уведомила, своего *батькишу-братаца*, какъ она звала его, что она захворала, но по видимому не опасно.

Однако, въ слѣдующій почтовой день, мой дѣдушка былъ очень встревоженъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не возвратился ли посланный на почту, и приказалъ закладывать дрожки чтобы выѣхать къ нему на встрѣчу. Между тѣмъ посланный возвратился, бабушка уже прочла роковую вѣсть о смерти Марьи Львовны. Какъ громомъ пораженная, она отправилась въ свою образную, и вся въ слезахъ положила земной поклонъ передъ кивотомъ. Потомъ она отерла глаза, выпила стаканъ воды, и вошла къ мужу. „Другъ мой, Василій Семеновичъ,“ сказала она нетвердымъ голосомъ, „пишутъ что Марья Львовна стало хуже.“ Онъ молча взялъ письмо у нея изъ рукъ, и развернулъ его. По мѣрѣ того какъ онъ читалъ, смертная

блѣдность покрывала его лицо; наконецъ губы задрожали, руки опустились на колѣни, и глаза уперлись неподвижно въ полъ. Бабушка, рыдая, бросилась къ нему на шею. Онъ долго не могъ придти въ себя, наконецъ поцѣловалъ ее, и сказалъ прерывающимся голосомъ: „Успокойся, Маша; по-ди, оставь меня одного.“

Тетка моя, Вѣра Васильевна, часто разказывала мнѣ объ этомъ времени. Дѣдъ мой не выходилъ двое сутокъ изъ своего кабинета, и доступъ къ нему лишь изрѣдка разрѣшался одной только бабушкѣ. „Когда на третій день папенька пришелъ къ обѣду, продолжала моя тетка, мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ десятью годами. Я подошла поздороваться съ нимъ, и зарыдала. Онъ потрепалъ меня по щекѣ, поцѣловалъ вѣжливѣе обыкновеннаго, и сѣлъ за столъ. Во время обѣда онъ разспрашивалъ мамельку о ея хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Съ тѣхъ поръ все пошло въ домѣ обыкновеннымъ порядкомъ, но долго еще все ходило на цыпочкахъ мимо папенькиной двери, а про Марью Львовну никто упоминать не смѣлъ.“

Болезнь, зародышъ которой Василій Семеновичъ давно уже носилъ въ себѣ, начала быстро развиваться съ этого дня. Онъ крѣпился до послѣдней минуты, но наконецъ физическія силы ему измѣнились. Разъ, по возвращеніи съ поля, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Его подняли и отвнесли на кровать. Съ тѣхъ поръ онъ уже не вставалъ.

Бабушка любила разказывать о своей молодости и въ особенности о мужѣ. Я спросила ее разъ, какихъ религіозныхъ убѣжденій держался Василій Семеновичъ? Она помолчала не много. „Это до сихъ поръ мою душу мучить,“ сказала она наконецъ. „Въ церковь онъ что-то рѣдко хаживалъ; развѣ ужъ я когда въ воскресенье вошелъ къ нему: другъ мой, молъ, Василій Семеновичъ, не пойдешь ли сегодня къ обѣднѣ? Что жъ, говорить поидемъ. Тоже вотъ по поставъ онъ скоромное кушалъ. Очень это меня мучило, а сказать ему все какъ-то не рѣшалась. Разъ сидимъ мы за обѣдомъ, а я и стала угощать его пирогомъ, а на умъ-то свое.—Славный, говорю, пирогъ; ты бы отвѣдалъ, и масла совсѣмъ не слышно.—Отказался. Подали соусъ, а его соусомъ:—Да ты, говорю; только попробуй, можетъ тебѣ по вкусу придется.—Его бывало не проведешь: тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло и разсмѣялся.—Вѣдь это ты, говорить, со мной

хатришь, Маша, тебѣ хочется меня на грибы посадить, такъ ты такъ прямо и скажи. Что за важность! Постное такъ постное; есть о чемъ говорить! Только ужъ по утрамъ ты мнѣ разрѣши пить кофей со сливками, безъ этого я обойдтись не могу.—И съ тѣхъ поръ, продолжала бабушка, онъ всегда кушалъ постное; только вотъ этотъ проклятый кофей! Я и теперь ума не приложу, какъ это онъ все по своему понималъ. Никогда я не помню, чтобъ онъ разговоръ навелъ на божественныя предметы; ну а если онъ о чемъ говорить не любилъ, такъ съ нимъ не заговоришь. А какъ вспоминаю я о его кончинѣ, такъ мнѣ кажется, что онъ истинно вѣровалъ.“

— А какъ же онъ скончался, бабушка?

Марья Андреевна глубоко вздохнула.

— Вѣдь это его смерть Марья Львовны свалила, сказала она. — Долго онъ крѣпился, мой голубчикъ, и все былъ на ногахъ, а я-то видѣла, что онъ таетъ какъ свѣчка. А ужъ какъ стало совсѣмъ худо, и вставать онъ уже не могъ, такъ онъ прибралъ свои бумаги, и самъ своею рукой написалъ какъ безъ него распорядиться. Понималъ, что ему плохо. Въ это время наши войска были въ чужихъ краяхъ. Какъ принесли послѣднее письмо отъ твоего папеньки, онъ его два раза перечиталъ и задумался, да вдругъ и говорить: „Еще не скоро Владимиръ возвратится, а знаешь, что, Маша, не послать ли за Боренькой?“ Такъ у меня сердце и дрогнуло. Что же, говорю, мой другъ, можно хотъ сейчасъ; мы же его давно не видали. И послали мы камердинера; славный такой былъ старикъ; ужъ я знала, что онъ дорогой не замѣшкается. Да вѣдь Москва-то не рукой подать отъ Воробьева; все-таки туда и назадъ сутокъ пять проѣхать надо. А дѣдушкѣ, на другой же день, вижу, очень стало плохо. Думала я священника ему предложить, а вымолвить не смѣю. Мы съ тетеньками твоими отъ него не отходили; и такъ онъ къ намъ, голубчикъ мой, ласковъ былъ. Послѣ обѣда велѣлъ онъ намъ выйдти. „Меня, говоритъ, сонъ клонитъ, да и вы бы отдохнули.“ Пошли мы и сѣли въ маленькой прихожей, что возлѣ спальни была. Горько всѣ плачемъ, и перемолвиться словомъ не смѣемъ. Сердце все изныло. Ужъ и не помню, долго ли мы тутъ просидѣли...

Она остановилась, слезы дрожали въ ея голосѣ; а поцѣловала ея руку.

— Вамъ тяжело объ этомъ говорить, бабушка, сказала я.

— Ахъ, какъ не тяжело. До сихъ поръ о немъ вспомнить не могу! Человѣкъ-то какой былъ! Какъ его всѣ уважали! Да что я говорить! Ужь теперь такихъ нѣтъ... Вотъ сидимъ это мы, начала она опять, помолчавъ немного:— вдругъ онъ запѣлъ, да такимъ твердымъ голосомъ. Мы всѣ встали и слушаемъ. Что жь ты думаешь? Это онъ поетъ: *Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, и пропѣлъ все до конца. Я перекрестилась, отворила дверь, да такъ и бросилась къ нему; ужь и себя не помню. Сталъ онъ меня успокоивать. „А вѣдь ты, говоритъ, вѣрно рада, что я молитву-то такъ твердо знаю.“—Какъ же мнѣ, говорю, не радоваться, посуди ты самъ; вѣдь меня многое мучить, да я сказать тебѣ не смѣю. „Вздоръ, говоритъ, скажи, что у тебя на душѣ, и я тебя вотъ чѣмъ еще потѣшу: я всѣ почти псалмы знаю наизусть, и очень ихъ люблю, а передъ Евангеліемъ вѣкъ преклонялася.“ Какъ свѣтлымъ праздникомъ онъ меня этимъ словомъ обрадовалъ. Видитъ онъ это, улыбается, и потрепалъ меня по щекѣ. „Я, говоритъ, знаю, чего тебѣ еще хочется. За священникомъ что ли послать?“ Я зарыдала. „Не падай, говоритъ, духомъ, дѣлать нечего, пришлось разставаться. На тебѣ теперь лежитъ великая обуза, побереги себя для дѣтей.“ Поцѣловалъ онъ твоихъ тетокъ, и выслалъ ихъ вонъ, а со мной долго говорилъ, и всѣмъ распорядился. На твоего папеньку онъ очень разчитывалъ, и дада твой, Богъ съ нимъ, великій грѣхъ на его душѣ, что онъ смутилъ послѣднія минуты отца. Прости меня Боже, я даже рада, что его тутъ не было. Василій Семеновичъ хорошо его зналъ. Все приказывалъ, чтобы папенька не давалъ ему въ обиду Бореньку да сестеръ. Какъ онъ все это мнѣ сказалъ: „теперь, говоритъ, я покоюсь; хочешь, такъ посылай за священникомъ.“ Ужь я и не помню, что со мной было, пока его приобщали. Какъ ушелъ священникъ, онъ подозвалъ меня и спрашиваетъ: „Ну что, покойна ты теперь?“ Къ ночи онъ впалъ въ забытѣе, да вдругъ проснулся, и смотритъ на меня; я къ нему подошла и стала его спрашивать, какъ онъ себя чувствуетъ. А онъ на мои слова не отвѣчаетъ, да только спросилъ: „Когда Боренька прѣдетъ?“*

да тутъ же закрылъ опять глаза, и уже ничего не говорилъ. А къ утру окончался.

Хранится до сихъ поръ, написанный масляными красками, портретъ моего дѣдушки. Онъ изображенъ въ пудръ, съ букалами на вискахъ, въ свѣтло-синемъ кафтанѣ и батистовомъ жабо. Подъ неправильными линіями неискусной кисти, взоръ можетъ однако различить благородныя и строгія черты. Глядя на счастливый складъ лица, на высокій лобъ, крупныя губы и прямой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, вспомнишь невольно о гербовомъ девизѣ, которымъ онъ такъ гордился: *прада*.

III. Маргарита Кириловна.

Послѣ кончины своего мужа, моя бабушка перѣехала въ Москву и поселилась въ старинномъ родовомъ домѣ, доставшемся Василию Семеновичу послѣ отца. Въ одномъ изъ московскихъ монастырей жила тогда мать ея, Маргарита Кириловна. Она скончалась въ тридцатыхъ годахъ, около девяноста лѣтъ отъ роду. Насъ заживали къ ней, и мнѣ очель памятна ея низенькая и тѣсная келья. Въ прихожей насъ встрѣчала обыкновенно, повязанная платкомъ, женщина, которая ходила за прабабушкой. Она присаживалась на полъ, чтобы снять съ насъ шубы и теплые сапоги, и говорила съ значительною улыбкой: „А бабушка вамъ поалакомиться приготовила.“ Мы уже знали заранѣе въ чемъ будетъ состоять угощеніе, и только спрашивали у Анны: „А котеночка ты намъ дашь поиграть?“

Изъ прихожей одна дверь вела въ кухню, а другая въ спальню прабабушки, или *старой бабушки*, какъ мы ее называли. Эта спальня, перегороженная надвое ширмами, служила также приѣмной и столовой. Въ углу стоялъ большой кивотъ съ образами, рядомъ маленькій комодъ; на стѣнѣ висѣли часы съ хриплымъ боемъ, и картина изображающая Спасителя въ темницѣ. У другой стѣны большія кресла, въ которыхъ вѣчно сидѣла *старая бабушка* передъ рѣзнымъ, овальнымъ столикомъ, и нѣсколько креселъ, обтянутыхъ черною кожей, а за ширмами бабушкина кровать, другой шкафъ съ образами, и огромная лежанка, которая

топилась изъ кухни: вотъ все убранство этой маленькой комнаты тускло освѣщенной двумя узенькими окнами.

Маргарита Кириловна была хуленькая старушка, когда-то высокаго роста, но давно уже сгорбленная годами. Правильныя и красивыя черты еще проглядывали сквозь ея безчисленныя морщины. Ея голубые глаза не утратили своего выраженія, и зрѣніе не измѣнило ей до послѣдней минуты; она никогда не знала очковъ, и очень искусно вырѣзывала самыя тонкіе узоры изъ бумаги. Я очень помню ее подъ ея монашескою рясой, помню даже бородавку на ея правой щекѣ. Четки и святцы лежали обыкновенно передъ нею на ея старинномъ столѣ.

— А ты, кажется, передъ образомъ-то и не поклонилась, говорила она обыкновенно, когда мы подходили къ ней здороваться, и заставивши насъ перекреститься, она клала свою служанку:—Анушка! (Замѣчательно, что вопрекорь тогдашнимъ привычкамъ, она никого не называла уничижительнымъ полуименемъ.) Угости-ка дѣтей.“ И Анна являлась съ двумя синими фаясовыми тарелками въ рукахъ: на одной лежали кедровыя орѣшки, которыхъ я съ тѣхъ поръ не могла никогда видѣть чтобы не вспомнить о *старой бабушкѣ*, а на другой—развареный черносливъ.

— А что же котенокъ, Анна? спрашивали мы опять. Являлся и котенокъ, котораго мы мучили немилосердно, оспаривая другъ у друга счастье поддержать его на колыняхъ. Онъ вырывался, наконецъ, изъ нашихъ рукъ и укрывался подъ бабушкино кресло. Мы бросались на полъ и старались вытащить забившееся къ стѣнѣ бѣдное животное, пока наконецъ мать моя не возвышала голоса: „Полноте, вы бабушку беспокоите, я васъ сюда возить не буду,“ говорила она.—„Оставь ихъ, другъ мой Дунюшка, прерывала ее добрая старушка,—я рада, что имъ у меня вѣсело.“

Всѣ любили и уважали Маргариту Кириловну. Различіе въ свѣтокомъ положеніи не имѣло вѣса въ ея глазахъ, и она одинаково принимала всѣхъ. Многіе заходили къ ней въ минуту скорби, какъ говорится, *душу отвести*. Мудрыхъ рѣчей она говорить не умѣла, но съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ готова была раздѣлить всякое горе, что съ ней дѣйствительно *душу отводили*. Она бывало и потакуетъ, и поплачетъ, и общается помолиться, и наконецъ

надѣнетъ на скорбящаго ладонку принесенную отъ святыхъ мощей или четки подаренныя ей іерусалимскимъ монахомъ, и посоветуетъ отслужить молебень у Иверской Божіей Матери. Хотѣли старушку выбрать въ игуменьи, но она отказалась. „Увольте, владыко“, сказала она митрополиту. „Теперь я частехонько выговариваю молодымъ монахинямъ, и побраню ихъ иной разъ, и онѣ меня слушаются и любятъ, а попади я въ начальницы, меня пожалуй и любить не станутъ.“

Ходить она уже не могла, и ее возили въ креслахъ къ церковнымъ службамъ. Исторія ея походить на сказку. На ея отца было показано *слово и дѣло*. Преступленіе Кирилы Васильевича состояло въ томъ, что онъ оказалъ милосердіе какому-то арестанту ввѣренному его надзору. Одинъ изъ Елисаветинскихъ временщиковъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы погубить обвиненнаго. Несчастный поплатился почти всѣмъ своимъ имѣніемъ, и былъ брошенъ въ тюрьму. Жена его Прасковья Артамоновна, благодаря покровительству тюремнаго надзирателя, имѣла съ нимъ свиданія и брала съ собою дочь. Маргарита Кириловна помнила ужасъ, которымъ было поражено ея дѣтское воображеніе при видѣ мрачной темницы, въ которую онѣ входили съ фонаремъ среди бѣлаго дня. Она помнила блѣднаго, страждущаго отца, исхудалаго и обросшаго бородой. Наконецъ онъ вышелъ изъ тюрьмы, но почти нищій, больной, разбитый и не долго пожилъ. Вдова его, погруженная въ глубокое отчаяніе, одѣвалась въ траурное платье, распускала волосы по плечамъ, брала за руку дочь и направляла нетвердые шаги къ палатамъ своего врага. Она сядилась на землю, подъ окномъ, и не взирая на слезы ребенка, который прижимался къ ней со страхомъ, умоляя ее уйдти домой, начинала гробовымъ голосомъ пѣть псаломъ проклятія: *Да будетъ дворъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живущаго. И вельможа, пробуждаемый каждый день этою грозною пѣснью, не смѣлъ однако отогнать отъ своего порога полубезумную женщину. Но не прошло года, поблекла и его звѣзда, и дворъ его остался пустъ, и въ жилищахъ его не было живущаго.*

Не это походить на сказку, но вотъ и сказочный эпизодъ. Прасковья Артамоновна поняла наконецъ, что надобно спасти остатки имѣнія, чтобъ упрочить кусокъ хлѣба

себѣ и дочери. Но живши въ совершенной почти крайности, среди вѣчныхъ хлопотъ и развѣздовъ по дѣламъ, она не могла оставить дѣвочку при себѣ, и взвѣрила ее попеченію родственницы своего мужа.

Не привѣтавъ чужой кровъ. У хозяйки, богатой вдовы, были двѣ взрослыя дочери. Маргарита Кириловна вышивала серебромъ и золотомъ ихъ блестящіе наряды, была у нихъ на посылкахъ, выслушивала, глотая слезы, ихъ разговоры, и ей не рѣдко попрекали кускомъ хлѣба. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Съ годами молодая дѣвушка стала все болѣе и болѣе сознавать горечь своего положенія, и тѣмъ болѣе что она рѣдко видѣлась съ матерью.

Наконецъ вдова стала заботиться о томъ, чтобы пристроить дочерей. Къ ней ходила сваха, которая явилась разъ съ извѣстіемъ, что у нея на примѣтъ отличный женихъ: онъ хоть и не молодецъ и вдовецъ, но человекъ надежный и богобоязливый, а денегъ у него куры не каютъ. Свахѣ было обѣщано богатое награжденіе, и завидный женихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пріѣхалъ въ домъ, гдѣ ожидали его разряженныя невесты. Но не онъ привлекли его вниманіе, а стала ему съ тѣхъ поръ все мерещиться полузабитая красивая пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Андрей Петровичъ обратился опять къ свахѣ, которая обѣщала сладить дѣло. Не вспомнила себя вдова, когда узнала, что не которая-нибудь изъ ея дочерей, а сиротенка, пригрѣтая ею изъ милосердія, приглашена къ жениху. Она объявила на отрѣзъ, что скорѣе задушитъ молодую дѣвушку, а замужъ не отдастъ, и свахѣ запретила на полъдвора показываться. Гнѣвъ ея разразился громомъ на Маргариту Кириловну: „Такъ вотъ какое, она сказала, спасибо за хлѣбъ-соль! Вѣдь не просто бросилась она въ глаза Андрею Петровичу: она его приворожила. Въ тихомъ омутѣ черти водятся! Уже давно замѣтили, что она съ чортомъ водится и напентывать умѣетъ.“

И страшное гоненіе началось противъ бѣдной дѣвушки. Ее сослали на кухню, приставили къ черной работѣ, и ея бѣдная одежда была замѣнена уже совершеннымъ рубищемъ. Но не даромъ сказано: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Тоскуетъ день и ночь Андрей Петровичъ, а вѣдь ужъ пошелъ ему шестой десятокъ. Не встаетъ онъ и не пьетъ, и сердце все изныло. Какъ ни билась сваха, какъ ни увѣ-

раза его, что у нея на примѣтѣ много другихъ невѣсть, и приглядѣнїи и лучше, — онъ все свое: Не Маргариту Кириловну, такъ и никого не надо. А лишь бы ему жениться на ней, онъ озолотитъ сваху съ ногъ до головы.

И стала придумывать, и придумала наконецъ сваха какъ горю помочь. Она нашла средство увѣдомить Прасковью Артамоновну, которая находилась въ отлучкѣ. Бѣдная женщина поторопилась возвратиться въ Петербургъ, и Маргарита Кириловна перебралась на ея скромную квартиру. А за Андреемъ Петровичемъ дѣло не стало. Онъ обвѣнчался черезъ нѣсколько дней, и съ сіяющимъ лицомъ привезъ молодую хозяйку въ свой богатый, полный какъ чаша, домъ.

Отдохнула наконецъ и безпрїютная вдова. Она поселилась у молодыхъ, и стала радоваться ихъ счастью. У Андрея Петровича было три дочери отъ первой жены; онъ скоро привязался къ Маргаритѣ Кириловнѣ, а Маргарита Кириловна къ нимъ, и до послѣдней минуты ея жизни онъ ее звали *матушкой*, и цѣловали у ней руку. Бѣдная дѣвушка попала въ какой-то волшебный мїръ. Слово ея сдѣлалось закономъ въ домѣ, стала она рядиться въ атласъ и бархатъ, мужъ не могъ наглядѣться на нее и вывозилъ на пиръ и собранїя, которые потѣшали ее какъ ребенка. Андрей Петровичъ не опасался грѣха: онъ зналъ, что жена его воспитана въ страхѣ Божиемъ и что Прасковья Артамоновна строго держитъ дочь, и не оставляетъ ее своими благочестивыми совѣтами. Но когда скончалась его теща, старикъ сталъ подозрителенъ и началъ замѣчать, что чей-то страстный взоръ обращается на его молодую жену, и призадумалась его сѣдая голова. Вспомнилъ онъ, что бережного и Богъ бережетъ, и рѣшился караулить день и ночь свое сокровище. И богатая палаты обратились въ монастырь для молодой женщины. Мужъ потѣшалъ ее по прежнему и подарками и нарядами, но прервалъ знакомство со всѣми, и не позволялъ ей даже выѣхать въ церковь, когда не могъ самъ слѣдовать за ней. Знала Маргарита Кириловна, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, что Андрей Петровичъ спасъ ее отъ нищеты и униженїя, что она ему обязана всѣмъ, и что онъ къ ней ласковъ и добръ; но горько ей было, какъ пташкѣ, жить въ позолоченой клеткѣ. Сидитъ она бывало цѣлый день за плав-

цами, съ своими падчерицами, или читаетъ *Четы-Минои* для развлечения, или прикажетъ позвать изъ многочисленной дворни какую-нибудь старушку, мастерицу разказывать сказки, либо заставитъ свѣнныхъ дѣвушекъ пѣсю спѣть. Но когда мимо ея оконъ всѣ въ праздничныхъ одеждахъ торопились на гулянье, или въ свѣтлый зимній день катились санки за санками по Невской набережной, Маргарита Кириловна утирала тайкомъ слезы.

Такъ прошли четыре года. Она была уже матерью двухъ сыновей и дочери—моей бабушки. Сжалился ли надъ нею мужъ, убѣдился ли онъ, что съ такою женою нечего бояться грѣха, но дѣло въ томъ, что онъ отворилъ широко передъ ней двери и пригласилъ ее нарядиться на славу, и показаться добрымъ людямъ, да къ тому же и его старшихъ дочерей скоро пора хоть за столъ сажать.

И зажила опять веселою жизнью Маргарита Кириловна. Ея привязанность къ мужу росла съ каждымъ днемъ. Года черезъ два Богъ послалъ ей еще дочь, и она стала опять беременна, когда занемогъ отчаянно Андрей Петровичъ. Несмотря на свое положеніе и на бессонныя ночи, она не знала усталости и не отходила отъ умирающаго. Ему становилось легче, когда голова его покоилась на рукахъ молодой жены, а она, сидя у его кровати, только бывало припадетъ къ подушкѣ и вздремнетъ немножко. Разъ уснулъ Андрей Петровичъ, а она, по обыкновенію, поддерживаетъ его голову, и вдругъ чувствуетъ уже знакомыя боли. Отъ мужа она отойти не смѣла, боясь его разбудить, и терпѣла на сколько было силъ, и только приказала шепотомъ саужанкѣ послать за повивальною бабушкой. Когда бабушка явилась, Маргарита Кириловна, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ сдерживала болѣзненный крикъ. Къ счастью, Андрей Петровичъ открылъ глаза: она ввѣрила его попеченію старшихъ дочерей, и подъ предлогомъ что отдохнетъ немножко, вышла въ отдаленную комнату и упала изнеможенная на приготовленную для нея постель. Не прошло получаса какъ воскликнулъ ребенокъ, и въ ту же минуту вошла въ комнату горничная, съ тѣмъ что Андрею Петровичу очень плохо, и онъ спрашиваетъ Маргариту Кириловну.

„Должно быть не на радость родился ты, горемычный“, сказала блѣдная мать, благословляя сына дрожащею

рукой. Она накинула душегрѣлку, и шатаясь вошла, съ помощью горничной, въ комнату мужа. Взоръ умирающаго уже искалъ ее съ безпокойствомъ. Онъ узналъ ее когда она къ нему нагнулась, чтобъ поцѣловать его уже холодную руку, и назвалъ ее слабымъ голосомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ гробоваго молчанія, она закрыла ему глаза, потомъ положила земной поклонъ передъ образомъ, стоявшимъ у его изголовья, и упала безъ чувствъ.

Горько и долго плакала она, но пришла пора подумать и о семействѣ. Она пристроила двухъ падчерицъ, опредѣлила сыновей въ гвардію, потомъ и ихъ свадьбы отпраздновала, и переѣхала изъ Петербурга на житье въ Москву. Тутъ она отдала замужъ мою бабушку, а младшая ея дочь и одна изъ падчерицъ отказались отъ замужества, и жили попеременно то у братьевъ переселившихся также въ Москву, то у замужнихъ сестеръ. „Теперь всѣ на ногахъ, и Богъ привелъ всѣхъ пристроить,“ сказала Маргарита Кириловна: „пожила я довольно въ мірѣ, пора мнѣ отдохнуть.“ И постриглась она въ монастырь.

Маргарита Кириловна была живаго и вспыльчиваго нрава: но когда она перешагнула черезъ порогъ своей кельи, то дала обѣтъ укротить себя, и не возвышать ни на кого голоса, и этотъ обѣтъ она сдержала свято. „Трудно мнѣ было на первыхъ порахъ,“ говорила она, „но Богъ мнѣ помогъ осилить окаяннаго“.

Теплая вѣтра никогда не покидала ея. Многіе помнятъ еще какъ сгорѣла часть монастыря, въ которомъ она жила. При сильномъ вѣтрѣ мудрено было оставить пожаръ. Семейство и многочисленная родня съѣхались со всѣхъ концовъ Москвы къ монастырской оградѣ. Каждый явился съ тѣмъ чтобъ увезти къ себѣ старушку, но когда вошли къ ней, она молилась съ невозмутимымъ спокойствіемъ, перебирая медленно свои четки. Изъ другихъ келій навосили къ ней бездну узловъ и сундучковъ, и повѣрили ей надзору дѣтей, которыя гостили въ это время у монахинь. Она и дѣтей поставила на колѣни и велѣла имъ молиться, да отклонить Господь напасть. Стали ее уговаривать, чтобъ она выѣхала изъ монастыря. „Нѣтъ, друзья мои“, сказала она, „отъ Божьяго гнѣва не уйдешь, а не попуститъ Онъ, не сгорѣшь и въ огнѣ. Вотъ сколько мнѣ добра навесели, и дѣтей ко мнѣ привели, не бросить же мнѣ ихъ.“

Предлагали ей увезти и дѣтей, и все добро, но она опять отказалась. „Пусть дѣти здѣсь останутся; ихъ молитвы дойдутъ до Бога, а безъ Его святой воли бѣды не приключится.“ Видя, что ее убѣдить нельзя, одинъ изъ моихъ дядей бросился къ братъ-майору, и просилъ его обратить вниманіе на эту ветхую келью, которая вспыхнетъ какъ солома отъ малѣйшей искры.

— Тутъ, прибавилъ онъ, — нѣсколько человѣкъ дѣтей и старуха девяноста почти лѣтъ.

— Вывозите ихъ скорѣй, отвѣчалъ тотъ, — вѣтеръ дуетъ въ эту сторону, и я ни за что не ручаюсь.

Но и это не убѣдило Маргариту Кириловну. „Молитесь“, сказала она, обращаясь къ дѣтямъ; „Богъ не спасетъ, такъ не спасетъ никто.“ Братъ-майоръ былъ принужденъ набросить щиты на келью, и приставить къ ней часть своей команды. Всѣ ожидали съ замирающимъ сердцемъ конца этой драмы. Когда удалилась полиція, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обгорѣлыхъ столобовъ, стояла ветхая келья, въ которую стекались плачущія мовахики, чтобъ получить благословеніе старушки и услышать отъ нея слово утѣшенія.

Прямого потомства отъ нея и ея мужа считали семьдесятъ два человѣка. Когда пріѣзжали поздравить ее съ праздникомъ или именинами, не было возможности помѣститься въ ея келеекъ. Лѣтомъ многіе тѣснились у ея оконъ, и передавали ей со двора свои поздравленія; зимой, одни дожидались въ экипажахъ, чтобъ имъ другіе уступили мѣсто. „Богъ благословилъ нашъ родъ“, говорила старушка, со слезами на глазахъ. Когда ей объявили о рожденіи перваго праправнучка, она медленно подвинулась съ своихъ креселъ, и положила земной поклонъ. „*Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ*“, молвила она.

Старшая изъ ея падчерицъ, Анна Андреевна, которая была только семью годами моложе ея, родилась съ страстнымъ характеромъ и пылкимъ умомъ. Она была замѣчательной красоты; но только что ей минуло двадцать лѣтъ, ее обезобразила болѣзнь. Молодая дѣвушка поняла, что жизнь ея убита, и впала въ глубокое отчаяніе. Однако мало-по-малу она пришла въ себя, и употребила всѣ усилія, чтобы насильственно привить къ себѣ религіозный фанатизмъ. Долго боролась она съ своею молодостью и неугоднымъ сердцемъ. Она говорила, что не хочетъ слабой и

дѣтской вѣры, и несмотря на увѣщанія Маргариты Кириловны, которая твердила, что грѣшно идти на искушеніе и что врагъ силенъ, она перечла всѣ творенія французскихъ философовъ, и бодро вызывала каждаго на религиозный споръ. Наконецъ, когда она сознала, что почва тверда подъ ея ногами, она вступила въ монастырь. Молодость ея миловала уже давно, но она не довѣрала своей матажной природѣ и умерщвляла себя веригами и строгимъ постомъ. Ея неукротимый нравъ выражался во всемъ. „Матужка настоящая святая“, говорила она, „никѣмъ не тяготится, и принимаетъ одинаково и умнаго, и глупаго. И я поставила себѣ въ обязанность никому не отказывать, но, грѣшный человѣкъ, не умѣю безъ ропота нести этотъ крестъ.“

Воспоминанія мои о ней довольно смутны. Когда мнѣ сказали, что меня повезутъ еще къ другой бабушкѣ-монахинѣ, я охотно одѣлась и весело сѣла въ карету съ моею матерью, въ полномъ убѣжденіи, что меня ожидаютъ кедровые орѣшки, черносливъ и сѣренькій котенокъ. Но когда я поцѣловала руку у безобразной старухи, она только спросила у моей матери: „Которая это у тебя? Какъ ее зовутъ? Который ей годъ?“—и уже больше не занималась мной. Я помню много образовъ въ богатыхъ окладахъ, и стоявшій возлѣ меня шкапъ съ книгами. Не понимая ничего въ разговорѣ, который бабушка завела съ моею матерью, я старалась разобрать заглавія книгъ, но они мнѣ показались такъ мудревы, что я принялась разсматривать образа, и ждала съ нетерпѣніемъ минуты отъѣзда. Наконецъ когда мать моя стала прощаться, Анна Андреевна сказала ей: „Давненько я матужки не видала. Будешь у нея, такъ поцѣлуй за меня ручку, да попроси ея благословенія.“

Не разъ переѣзжала она изъ монастыря въ монастырь, не находя нигдѣ того покоя, для котораго не было зародыша въ ея душѣ. Она было свила себѣ гнѣздо въ окрестностяхъ Москвы. Тамъ всѣ поклонялись ея свѣтлому уму и строгой жизни, и она стала бояться наконецъ чтобы не обуялъ ея духъ гордыни, и не уничтожилъ бы столькожъ лѣтъ поста, молитвы и истязаній, и опять пріютила ее новая обитель.

Маргарита Кириловна скончалась тихо и безъ страданій. Анна Андреевна пережила ее нѣсколькими годами.

IV. Переселеніе въ Москву.

Бабушка моя, переселившись въ Москву, собрала около себя все свое семейство, которое состояло изъ трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Я уже сказала, что обѣ старшія мои тетки воспитывались у близкой родственницы. Одну изъ нихъ, Надежду Васильевну, мало знали въ семействѣ; другая, Наталья Васильевна, часто ѣздила гостить въ Воробьево. Я ея не знала, но всѣ говорятъ, что она была предобрая и примилая женщина. Младшія мои тетки, которыя были очень дружны между собой, вѣжо къ ней привязались. Вѣра Васильевна часто говорила о ней, утирая слезу. „C'était le bon ange de la famille.“ Въ ней было примиряющее свойство, которое дѣйствовало благотворно на всѣхъ окружающихъ. Все семейство привыкло руководиться безпрекословно волею моего дѣдушки; но какъ скоро его не стало, каждая личность высказалась рѣзко, и начались семейныя междуособія, въ которыхъ Наталья Васильевна всегда являлась примирительницей.

Вѣра Васильевна наследовала отъ отца его благородныя свойства, но жизнь развила въ ней крутой нравъ. Природа счастливо одарила ее, и побалуе ея немного судьба, она была бы замѣчательною женщиной. Но умъ ея не получилъ надлежащаго развитія въ тѣсной средѣ, на которую она была обречена, и ея страстная природа, всегда стѣсненная, всегда подъ гнетомъ какого-нибудь горя, наконецъ разбила ее. Она ничего не забывала, и горькія воспоминанія, накопляясь съ каждымъ днемъ въ ея душѣ, ожесточали ее все болѣе и болѣе. Для нея было необходимо замужество и счастье; смягчающее вліяніе любимаго человека привело бы къ полному развитію богатые зародыши, которые вложила въ нее природа. Но при неблагоприятной обстановкѣ они пропитались желчью, и обратились противъ нея самой.

Надежда Васильевна представляла самую рѣзкую противоположность съ ней. Она была положительно умна, но никогда ни надъ чѣмъ не задумывалась; благодаря ея равно-

душю ко всему, у нея былъ самый уживчивый характеръ, и она не утратила своей веселости и живости до послѣдней минуты своей жизни. Въ самой ея добротѣ проглядывалъ несокрушимый эгоизмъ. Она никогда не отказывалась подать благой совѣтъ разбитому сердцу. „Надо разсвѣяться,“ говорила она, „можно съѣздить и въ театръ и на гулянье.“ Но когда она имѣла дѣло съ людьми, которые требовали утѣшенія подѣйствительнаго, то она удалялась, потому что чужое горе тяготило ее. И отъ семейнаго горя она убѣгала точно также. „Вѣдь ужъ я не помогу,“ говорила она: „по крайней мѣрѣ хоть сама развлекусь немножко,“— и уѣзжала на вечеръ.

Вѣра Васильевна поняла скоро, что имъ не сойтись. Однако, когда онѣ начали жить вмѣстѣ, Наталья Васильевна, къ которой обѣ онѣ были привязаны, сдѣлалась соединяющимъ звеномъ между ними, не смотря на рѣзкое различіе ихъ характеровъ, воспитанія и привычекъ.

У моей бабушки было доброе и привязчивое сердце, но на глубокое чувство она была не способна. Она горячо оплакивала каждое несчастье, поражавшее ее, но время брало свое. Слезы обыкновенно навертывались на ея глазахъ при воспоминаніи о быломъ горѣ, но горе не оставляло въ ней неизгладимыхъ слѣдовъ. Тяжело ей было послѣ кончины Василья Семеновича, но надо было подумать о переселеніи въ Москву, а потомъ объ устройствѣ новаго хозяйства. Не разъ она плакала среди домашнихъ хлопотъ, и долго говорила, что сердце ея обливается кровію, когда на вечерней и утренней молитвѣ ей приходится поминать моего дѣдушку въ числѣ усопшихъ; однако дѣло шло своимъ чередомъ. Устроившись наконецъ, надо было чѣмъ-нибудь наполнять день. Въ Москвѣ хозяйство не такъ сложно какъ въ деревнѣ, но и въ деревнѣ она любила и выѣзжать и принимать у себя; къ тому же не даромъ говорятъ, что на людяхъ и смерть красна. Бабушка моя начала съ родственныхъ домовъ, но кругъ ихъ былъ не дозволено обширенъ, а такъ какъ ограниченныя средства не позволяли ей искать новыхъ знакомствъ въ свѣтѣ, да къ тому же она стала не разборчива на свои связи, благодаря средѣ, въ которой она жила столько лѣтъ послѣ своего замужества, то и наполняла она свою гостиную слишкомъ извѣстными типами, подумѣвая, полу-

дворянъ, и образовала себѣ изъ нихъ пріятельскій кружокъ. Тагаясь за аристократическимъ блескомъ, эти люди утратили свою патриархальную и истинно-уважительную сторону, и очень напоминали Гоголевскихъ героевъ. Съ другой стороны мои старшія тетки, воспитанныя совершенно въ другомъ кружкѣ, поддерживали, на сколько было возможно, свои свѣтскія знакомства, такъ что домъ представлялъ самую разнообразную смѣсь сословій, лицъ и образованій.

Въ это время крѣпко еще держался на святой Руси патриархальный бытъ, и *родство* было священнымъ словомъ. Частенько случалось, что пріѣдетъ бывало изъ отдаленной губерніи, съ чадами и домочадцами, почтенная мать семейства, которая называла Марью Андреевну *тетушкой*, потому что доводилась по мужу троюродною племянницей моему дѣдушки, и поселялась на нѣсколько мѣсяцевъ въ домъ, съ тѣмъ чтобы дѣлать больную дочь или пристроить сына въ корпусъ, и домъ былъ постоянно оживленъ пріѣзжими лицами. На святкахъ мои тетки ѣздили подъ масками изъ дома въ домъ, въ сопровожденіи братьевъ и какой-нибудь замужней пріятельницы, или зазывали къ себѣ гостей и пѣли по цѣлымъ вечерамъ модные романы подъ звуки клавикорда, или играли въ *secrétaire* и *bouts-rimés*, и весело жилось всей этой молодежи. Бабушка обыкновенно присутствовала тутъ же, сидя у стола, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ, и привѣтствовала каждого своею ласковою и радушною улыбкою.

Старшій мой дядя, Левъ Васильевичъ, поражалъ своимъ физическимъ безобразіемъ. Было что-то отталкивающее въ смугло-красномъ цвѣтѣ его лица, въ умномъ, но зломъ выраженіи его маленькихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, въ толстомъ носѣ, испещренномъ синими жилками, въ цѣлическомъ выраженіи губъ, и въ щетинистыхъ, обстриженныхъ подъ гребенку волосахъ. Онъ былъ роста невысокаго, но крѣпко сложенъ. Животная сила выказывалась въ его широкихъ плечахъ, и неуклюжей, жилистой рукѣ, сгибавшей однимъ движеніемъ серебряный рубль.

Онъ никогда не могъ простить моему отцу ни его красоты, ни его успѣховъ, ни изящныхъ пріемовъ вывезенныхъ имъ изъ-за границы. Понимая что было бы бесполезно вступать съ нимъ въ борьбу, онъ, какъ говорится, рѣшился

взять другимъ, и началъ цинически хвастать своимъ безобразіемъ, угловатостью и грубостью выраженій. Онъ называлъ себя *сыномъ природы*, говоря что не умѣетъ стѣснять себя ни въ чемъ, плясалъ въ присядку, и словомъ привилъ себѣ придуманную имъ самимъ дикую оригинальность.

— Бога ты не боишься, Левъ, говорила иногда моя бѣдная бабушка, сковфуженная какою-нибудь черезчуръ неприличною выходкой,—просто осрамила меня давеча при гостяхъ; въ краску вогнала.

— Я сынъ природы, отвѣчалъ онъ обыкновенно,—и не то еще дѣлать на Алеутскихъ островахъ.

— Я отъ тебя всего ожидаю, говорила старушка, подъ вѣяніемъ самаго искреннаго страха:—ты пожалуй когда-нибудь уморишь меня совсѣмъ: явишься въ костюмѣ дикаго.

Ужасъ, который онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ, льстилъ его грубому самолюбію. Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія, или даже общепринятая приличія. Когда служили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника, съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только чтобы выиграть пари, заключенное имъ въдѣтельство довольно неприличной шутки, и чрезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей. Въ первый годъ его женитьбы у него родился сынъ. Мальчика назвали Сергѣемъ, и онъ скоро умеръ. Жена Льва Васильевича, у которой былъ свой взглядъ на вещи, говорила оплакивая ребенка, что она сама виновата въ своемъ несчастіи, потому что у нихъ въ роду никогда не оставались въ живыхъ дѣти названныя этимъ именемъ: „Ужъ должно-быть это не угодно великому угоднику Сергію“, заключала она.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ мой дядя:—такъ увидимъ же, кто кого переспорить, твой великій угодникъ меня, или я его. Дай только родиться у меня второму сыну!

Когда родился второй сынъ, Левъ Васильевичъ, не взирая на слезы жены, или скорѣе чтобъ идти наперекоръ ея слезамъ и просьбамъ, назвалъ опять ребенка Сергѣемъ, и ребенокъ умеръ черезъ годъ. Въ послѣдствіи, въ продолженіи каждой своей беременности, тетка моя очень боялась рожденія сына, а Левъ Васильевичъ былъ въ отчаяніи, что у него все рожались дочери.

— Еслибъ было двѣнадцать смысловъ, говорилъ онъ,—я бы всѣхъ двѣнадцать окрестилъ однимъ и тѣмъ же именемъ.

Разъ кто-то разказывалъ, что на гуляньяхъ очень щеголяютъ нарядами и экипажами, на что Левъ Васильевичъ объявилъ, что онъ въ слѣдующее воскресенье явится подъ Новинскимъ въ телѣгѣ. Когда ему замѣтили, что полиція не допуститъ этого, онъ отвѣчалъ, что пойдетъ на проломъ и поставитъ на своемъ. И дѣйствительно, онъ велѣлъ приготовить уславную сѣномъ телѣгу, надѣлъ старый халатъ и ермошку, взялъ въ руки огромный чубукъ, положилъ къ себѣ нагайку и приказалъ кучеру ѣхать на гулянье. Какъ только этотъ странный экипажъ подъѣхалъ къ тянушемуся ряду блестящихъ каретъ, жандармъ закричалъ чтобы телѣга отъѣзжала. вмѣсто отвѣта мой дядя ударилъ нагайкой жандармову лошадь, которая бросилась въ сторону, и кучеръ, получившій заранѣе свои инструкціи, воспользовался этою минутою чтобы взѣхать въ рядъ. Тутъ уже не было возможности остановить телѣги: она медленна потянулась за экипажами. Полицеймейстеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, подъѣхалъ къ Льву Васильевичу, и замѣтилъ ему, что такая выходка можетъ навлечь неприятели на того, кто ее позволилъ себѣ.

— А почему такъ?

— Потому что подобный экипажъ и подобный костюмъ не приличны на публичномъ гуляньи.

— А я нахожу, что гораздо неприличнѣе показаться на публичное гулянье съ такою бородавкой на носу, какъ у васъ. У каждаго свое мнѣніе.

— Ваше замѣчаніе не заслуживаетъ возраженія, отвѣчалъ тотъ:—но рѣчь идетъ не о разиціи мнѣній, а о томъ что каждый здѣсь обязанъ подчиняться распоряженіямъ полиціи.

— А я нахожу что не обязанъ, но еслибъ и такъ, то почему мнѣ знать эти распоряженія? Гдѣ онѣ напечатаны? Я ихъ не читалъ.

— Васъ предупреждалъ жандармъ, но вы позволили себѣ ударить его лошадь нагайкой.

— А въ какихъ законахъ написано, что я жандармской лошади не долженъ бить нагайкой? Впрочемъ я не люблю разговаривать когда курю.

Тутъ онъ обернулся къ полицеймейстеру спиной, и разлегся въ своей телѣгѣ.

Онъ не разъ проживалъ свое состояніе, и находилъ всегда случай разбогатѣть снова: откуда брались деньги? Объ этомъ никто не смѣлъ спрашивать. Объявивъ себя банкротомъ, онъ потерялъ право на собственность, но это его не стѣсняло. Разъ онъ вошелъ въ комнату Вѣры Васильевны и объявилъ ей, что чиновникъ привезъ шнуровую книгу, въ которой она должна расписаться.

— Въ чемъ я буду расписываться? спросила она.

— Это не твое дѣло.

— Я ничего не подпишу, сказала она рѣшительнымъ голосомъ.

— Какъ угодно, но въ такомъ случаѣ я заставляю старуху (такъ онъ называлъ мою бабушку) подписать что хочу, а послѣдствія бери на себя. Раздумывать некогда; чиновникъ дожидается въ залѣ.

Вѣра Васильевна побѣдѣла, однако послѣдовала за нимъ въ другую комнату, и молча подписала свое имя. Пробѣжавъ глазами бумагу, она увидала что это довѣренность, по которой она поручаетъ брату совершить за нея купчую на приобрѣтеніе имѣнія.

Замѣчательно, что въ такихъ продѣлкахъ онъ никогда не обращался къ своей старшей сестрѣ, а сладить съ ней было бы повидимому гораздо легче. Но она объявила наотрѣзъ что не вмѣшивается въ чужія дѣла, и не легко было доискаться въ ней живой струны: это была не Вѣра Васильевна.

Присауга дрожала при одномъ его имени. Ложась спать, онъ обыкновенно клалъ при себѣ заряженные пистолеты. Никому не прощали бы даромъ всѣ исторіи, которыя сходили ему съ рукъ. Онъ ничего и никого не боялся: въ немъ была капля отцовской крови, но она испортилась въ его жилахъ. Дѣдушка разгадалъ Льва Васильевича, когда по вступленіи своемъ въ службу, онъ пріѣзжалъ въ Воробьево вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. „Кто изъ насъ кого слоमितъ?“ сказалъ мой дѣдъ своей женѣ, послѣ отъѣзда сына: „но безъ борьбы намъ вмѣстѣ не прожить“. И тотчасъ послѣ его отъѣзда онъ сдѣлалъ по имѣнію распоряженія на случай своей смерти; но это не спасло семейства отъ придирокъ моего дяди. Содрогнулась не разъ тѣнь Василья Семеновича: запятналось честное имя завѣщанное имъ своимъ дѣтамъ.

Года два спустя послѣ переселенія въ Воробново, мой дѣдушка купилъ село въ Серпуховскомъ уѣздѣ, и не разъ былъ принужденъ покидать съ семействомъ свое родовое гнѣздо, и проводить лѣто въ ново-приобрѣтенномъ имѣннѣ. Бабушка разказывала мнѣ, что они не ѣзжали никуда за исключеніемъ селъца Толычова, принадлежавшаго Борису Александровичу, моему дѣду по матери. Мать моя, которой было тогда лѣтъ пять, и мой отецъ, десятилѣтній мальчикъ, очень подружились и играли всегда въ *жетиша и невѣсту*. „А что, Борисъ Александровичъ,“ говорилъ часто Василій Семеновичъ: „хорошо еслибъ они сдержали слово, да попиروвали бы мы на ихъ свадьбѣ“. Но не побаловала его судьба: не пришлось ему пировать на ихъ свадьбѣ.

Когда моему отцу минуло двадцать три года, онъ влюбился въ одну изъ московскихъ красавицъ, и просилъ у Василья Семеновича позволенія жениться. Дѣдушка отвѣчалъ ему самымъ лаконическимъ письмомъ, что онъ еще слишкомъ молодъ, и что ему нечего и думать о женитьбѣ. Но какой-то родственникъ, повѣривъ московскимъ сплетнямъ, написалъ въ Воробново, что мой отецъ, не смотря на запрещеніе, обвѣнчался тайно. Василій Семеновичъ, прочитавъ письмо, сильно измѣнился въ лицѣ. Бабушка расплакалась и хотѣла что-то сказать.

— Тутъ говорить нечего, перебилъ онъ:—можетъ это и вздоръ; а если правда, такъ толки не поправлять дѣла.

Два черезъ два по полученіи роковаго письма, семейство сидѣло за обѣдомъ. Вдругъ люди обвѣщались съ извѣстіемъ, что Владиміръ Васильевичъ пріѣхалъ. Дѣдушка побѣднвалъ и поднялся съ своего стула.

— Если Владиміръ женился, сказалъ онъ моей бабушкѣ,— пусть онъ въ ту же минуту ѣдетъ назадъ; если же нѣтъ, приведи его ко мнѣ: я буду въ саду.

Моя бѣдная бабушка часто разказывала мнѣ эту сцену, со слезами на глазахъ. „У меня просто сердце оборвалось, говорила она, руки и ноги задрожали.“ Однако она выбѣжала на встрѣчу къ моему отцу, и бросалась, рыдая, къ нему на шею. Онъ успокоилъ ее, и они отправились вмѣстѣ въ садъ. Лицо Василья Семеновича прояснилось по мѣрѣ того какъ они приближались къ нему; онъ быстрыми шагами пошелъ къ нимъ на встрѣчу по длинной аллѣ, и крѣпко обнялъ сына.

— Какъ вы повѣрили такой баснѣ, батюшка, сказалъ ему мой отецъ:—я не спору, что могъ бы дѣйствительно, въ минуту увлеченія, жениться помимо вашей воли; но тогда ужъ я бы къ вамъ не прѣхалъ. Мнѣ бы легче было умереть у вашего порога нежели переступить черезъ него. Теперь же я явился къ вамъ за дѣломъ. Компанія открывається противъ Французовъ, и я хочу перейти въ военную службу.

Бабушка всплеснула руками и заплакала.

— Нечего плакать, сказалъ Василій Семеновичъ.— Молодецъ Владиміръ! Жениться я могу запретить, но никакой отецъ не въ правѣ приказать сыну вести лобъ подъ пулю, а мнѣ было бы обидно, еслибы вы оба спрятались теперь подъ родительское крылышко. Авось вернешься, а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ честно сложишь голову.

Бабушка разказывала, что при посадившихъ словахъ голосъ его дрожалъ. Отецъ мой пробылъ нѣсколько дней въ Воробновѣ, потомъ простился съ своими, и отправился обратно въ Москву.

Недѣли черезъ двѣ получили отъ него письмо. Привожу здѣсь это обстоятельство, потому что оно характеризуетъ дѣйствующія лица. Онъ писалъ, что графъ предлагаетъ ему поступить къ нему въ адъютанты, но что онъ отказывается, не желая въ военное время быть обязаннымъ своимъ повышеніемъ вліянію сильнаго покровителя.

— Какъ я это прочла, разказывала мнѣ очень наивно моя бабушка,—такъ просто и ума не могла приложить. Что же это такое? Всѣ ищутъ повышенія, а онъ точно его боится. И отвесла я письмо къ дѣдушкѣ. «Онъ прочелъ его, да и говоритъ: „Напиши ты отъ меня Владиміру, что потѣшилъ онъ меня: очень я имъ доволенъ. Самъ бы за это къ нему написалъ, да нездоровъ.“

— А что же вы сказали, бабушка? спросила я ее.

— Да что тутъ говорить? Съ дѣдушкой бывало не очень-то разговорись. Я признаться и до сихъ поръ не понимаю изъ чего отъ чиновъ отказывается: вѣдь это не вятка. А должно-быть оно такъ и слѣдуетъ, если Василю Семеновичу такъ по душѣ пришло, что самъ написать къ папенькѣ хотѣлъ. Только я и сказала, что „воля твоя, молъ, мой другъ“, да и написала какъ онъ приказывалъ.

Изъ Воробнова Василю Семеновичу иногда приходилось

ѣздить по дѣламъ въ Москву. Тутъ онъ каждый разъ являлся къ толычовскимъ сосѣдамъ, и очень полюбилъ мою мать.

— А что еслибъ и въ самомъ дѣлѣ Владиміръ меня потѣшилъ, говорилъ онъ не разъ бабушкѣ,—да пересталъ бы писать стишки къ голубымъ глазамъ. Вотъ ему невѣста!

Мы уже видѣли, что онъ скончался во время кампаніи 1815 года¹. Послѣ переселенія семейства въ Москву, когда мой отецъ былъ еще за границей, Левъ Васильевичъ сталъ ухаживать за моею матерью. Онъ еще тогда не записался въ *сыны природы*, а напротивъ хотѣлъ усвоить себѣ лоскъ свѣтскаго человѣка, что выставляло въ самомъ смѣшномъ видѣ его безобразіе и неуклюжесть. По-вѣяло, что его любезности были холодно приняты, и самолюбіе его было сильно оскорблено. Когда мой отецъ возвратился изъ похода, Левъ Васильевичъ предупредилъ его, что онъ встрѣтитъ въ свѣтѣ мраморную статую, на которую можно только издали любоваться.

— Намъ не съ руки такія барыни, прибавилъ онъ:—одна дочка у папеньки, папенька глядитъ ей въ глаза; ко дворцу, говорятъ, воспитывалъ; на нашего брата и не смотреть!

Но на моего отца она посматрѣла, и даже полнымъ любви взоромъ. Онъ, съ своей стороны, забылъ о голубыхъ глазахъ и повѣялъ, что полюбилъ на вѣкъ. Осуществилась наконецъ любимая мечта Василя Семеновича, и отецъ мой, возвращаясь изъ церкви съ молодою женою, говорилъ дѣлау ея руку.

— Не достаешь одного моему счастью: не видалъ мой отецъ, какъ я надѣлъ это кольцо на твой палецъ.

Я должна сказать однако, что когда моя мать вступила въ семейство, она далеко не всѣмъ понравилась. Горячность ея чувствъ скрывалась подъ довольно-холодною и строгою наружностію, которая не симпатически подѣйствовала на мою бабушку. Она представила невѣстку своему интимному кружку; составлявшіа его лица осматрѣли мо-

¹ Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о довольно странномъ фактѣ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, мой отецъ велъ дневникъ, который хранится теперь у насъ. День смерти Василя Семеновича онъ записалъ съ примѣчаніемъ, что его дѣшый день пресѣдуетъ невыносимая тоска, которую онъ принимаетъ за предчувствіе какого-то несчастья.

лодю съ головы до ногъ, поняли что между ими и ея мало общаго, и приняли за личную обиду ея изыщныя и извѣженныя привычки. Марья Андреевна, сама видя что невѣстка не интересуется ни хозяйствомъ, ни тѣмъ что дѣлаютъ и что говорятъ знакомые и незнакомые сосѣди, рѣшила что она *бьетъ свысока*. Вѣра Васильевна гордо удалилась, говоря что она ни для кого не сдѣлаетъ перваго шага, а Левъ Васильевичъ дулся, и не могъ простить моему отцу свою неудачу. Но старшія тетки, которыя встрѣчались въ свѣтѣ съ моею матерью, дружески протянули ей руку. Надежда Васильевна обрадовалась ей, какъ обрадовалась бы всякой свѣтской связи, а Наталья Васильевна угадала ее инстинктивно, полюбила ее, и онѣ скоро сошлись. Что касается до моей младшей тетки и до Бориса Васильевича, то на нихъ смотрѣли еще какъ на дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія приняла бы другой оборотъ при содѣйствіи Натальи Васильевны и моего отца, который былъ любимецъ сестеръ и матери; но нужно было время, чтобъ ознакомиться и объясниться, а молодымъ было некогда; они спѣшили въ деревню чтобы наглядѣться другъ на друга, и скрыть отъ всѣхъ свое счастье.

Вскорѣ послѣ женитьбы моего отца вышла замужъ Наталья Васильевна, и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Но вслѣдъ за свадебными пирами наступила для семейства мрачная година. Умерла внезапно моя младшая тетка, восемнадцатилѣтняя красавица. Неожиданный ударъ такъ поразилъ мою бабушку, что она жестоко занемогла. Вѣра Васильевна, въ глубокомъ отчаяніи, не отходила отъ ея кровати. Поплакала и Надежда Васильевна; войдетъ она бывало въ комнату больной матери, но не надолго.

— Здѣсь душно, какъ въ закупоренной банкѣ, говорила она сестрѣ:— у меня въ глазахъ зеленѣть. Вѣдь не легче будетъ, если я тоже свалюсь. Выѣду куда-нибудь, да и ты хоть бы прошлась немножко; на тебѣ лица нѣтъ. А здѣсь можетъ кто-нибудь изъ *дѣвокъ* посидѣть.

— Я здѣсь останусь, отвѣчала рѣзко та, — а вы можете ѣхать куда вамъ угодно.

Она обѣимъ старшимъ сестрамъ говорила *сы*.

По мѣрѣ того какъ моя бабушка стала оправляться и Вѣра Васильевна успокоиваться на ея счетъ, въ ней пробуждалось съ новою силой отчаяніе, вызванное смертію

сестры, и отчасти заглушенное страхомъ лишиться матери. Она проводила цѣлые часы въ своей комнатѣ, и томительные дни медленно протекали одинъ за другимъ. Часто она просиживала по цѣлымъ ночамъ, не раздѣваясь, на кровати, и лишь къ утру ее одолевала тяжелая дремота.

Такъ прошло полгода. Разъ дверь ея комнаты отворилась настежь, и бѣдная моя тетка вздрогнула, увидя передъ собой сіяющее лицо Надежды Васильевны. На ней было пунцовое платье, и золотые браслеты блестяли на рукахъ.

— Ты, кажется, какъ монашенка, поклялась не скидывать черной рясы, Вѣра, сказала она, — а я слуга покорная, видѣть не могу чернаго платья. Просто думала, что не дождусь этого дня, когда трауръ кончается. Вечеромъ поѣду въ театръ.

Она ушла, не дождавшись отвѣта. Вѣра Васильевна поглядѣла ей въ сабѣ, и упала рыдая на свою подушку. Эта минута навсегда опредѣлила отношенія сестеръ. Надежда Васильевна, сидя вечеромъ въ театрѣ, и не подозревала, что ея выходка потрясла до глубины пострадавшую душу. Вѣра Васильевна никогда ей этого не прощала. Тридцать лѣтъ спустя, разказывая мнѣ эту сцену, она еще блѣднѣла и руки ея холодѣли.

Но не долго пощеголяла моя старшая тетка своимъ пунцовымъ платьемъ. Бабушка получила изъ Петербурга отъ своего зятя письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ ее съ рожденіемъ перваго внука, но прибавлялъ, что жена не можетъ оправиться послѣ родовъ. Чахотка стала быстро развиваться въ молодой женщинѣ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, и всѣ съ ужасомъ помышляли о поѣздкѣ въ Петербургъ. Однако Вѣра Васильевна рѣшилась немедленно ѣхать къ сестрѣ, если слѣдующее письмо не успокоитъ ея. Въ почтовой день она встала рано и отправилась отслужить молебенъ Иверской Божіей Матери, а по возвращеніи домой, увидѣла на своемъ столѣ письмо съ черною печатью.

Ея отчаянію не было границъ. Она поглядѣла со страхомъ вокругъ себя, и отвернулась съ новымъ ужасомъ отъ ненавистныхъ ей лицъ—старшей сестры и Льва Васильевича. Отецъ мой былъ далеко; она знала какъ болѣзненно отзовется въ немъ эта новая потеря, но знала также, что онъ живетъ въ своемъ особомъ мірѣ, въ счастливомъ мірѣ, куда ей не суждено было даже заглянуть. И перенесла она

всю свою нѣжность на плачущую мать и на меньшаго брата, и ея любовь къ нимъ приняла наконецъ весь характеръ страсти.

Борисъ Васильевичъ могъ дѣйствительно внушить самую нѣжную привязанность. Онъ сильно напоминалъ моего отца, и былъ очень красивъ собой. Женственная нѣжность проглядывала въ его застѣнчивости, въ тонкихъ очертавіяхъ его лица, въ мягкости его голоса и приемовъ, и въ болѣзненной чувствительности его характера.

— Его бы надо въ банку закупорить, чтобы на него вътеркомъ не подуло, или держать его вѣчно подъ мамелькинымъ крылышкомъ, говорилъ о немъ Левъ Васильевичъ.

Послѣ извѣстія о новомъ несчастіи, бабушка моя и Вѣра Васильевна были долго не разлучны. Бабушка опомалась первая. Входъ въ ея комнату открылся сперва очень не многимъ; но мало-по-малу число посѣтителей стало увеличиваться. Потомъ она начала сама выходить въ гостиную, чтобы принимать ихъ свободнѣе, и наконецъ эта гостинная опять наполнилась всѣми тѣми лицами, которыхъ смерть разогнала на время.

Но Вѣра Васильевна упорно заключилась въ своей комнатѣ. Марья Андреевна часто покидала своихъ гостей, чтобы посидѣть съ ней, и не разъ уговаривала ее выйдти въ гостиную. Въмѣсто отвѣта, моя бѣдная тетка цѣловала ея руку и начинала плакать. „А мнѣ-то развѣ легко, Вѣрочка?“ говорила бабушка, утирая также слезы: „да дѣлать-то нечего. Нельзя же всѣхъ добрыхъ людей отъ себя оттолкнуть.“

Вѣра Васильевна иногда сдавалась; но не рѣдко приходилось бабушкѣ пожалѣть объ успѣхѣ своей попытки. Тетка моя рѣшительно не умѣла скрывать своихъ впечатлѣній и мѣнялась въ лицѣ, когда ее встрѣчалъ въ гостиной смѣхъ и полный претензіи нарядъ старшей сестры. Она окидывала ее съ ногъ до головы взглядомъ полнымъ ненависти, и отвѣчала очень рѣзко на ея слова.

Отчужденіе ихъ другъ отъ друга росло съ каждымъ днемъ. Бабушка часто пыталась ихъ помирить,—да какъ мирить людей, которые вовсе не ссорились, но которые не находятъ другъ въ другѣ не одной симпатической струны. Надежда Васильевна была незапамятна, и протягивала отъ всей души руку сестрѣ, которая съ своей стороны, уступая материнскимъ

просьбамъ, цѣловалась съ ней, и просила ее не сердиться за рѣзкость, въ которой сама себя винила; но не проходило часа, чтобъ одна изъ нихъ не оскорбила или не возмутила неволью другую.

Однако время шло своимъ чередомъ; незамѣтно протекали мѣсяцы и годы. Левъ Васильевичъ женился, и зажилъ своимъ домою. Денежныя средства значительно уменьшились, когда бабушка, отдавъ послѣ смерти Василя Семеновича часть имѣнія старшимъ сыновьямъ, должна была дать приданое за дочерью. Съ другой стороны, домъ становился старъ, и рѣшили, что выгоднѣе сломать его и построить новый нежелая поддерживать огромное полупустое строеніе. И стала моя бабушка удѣлять ежегодно часть отъ своихъ скудныхъ доходовъ для постройки новаго дома. Пришлось стѣсняться и отказываться отъ многихъ привычекъ. Больше всѣхъ страдала, разумѣется, Надежда Васильевна; ей приходилось всячески изыскивать средства выѣзжать и веселиться попрежнему. Она была очень коротка съ директоромъ театра, и пользовалась постоянно его ложей. Но чтобы попасть въ эту ложу, иногда приходилось бороться съ неодолимыми для всякаго другаго препятствіями. По мѣрѣ того какъ средства становились скуднѣе, гостиная мало-по-малу пустѣла. Къ тому же холера тридцатаго года свалила много людей близкихъ и родныхъ, и моя бабушка, сучая одна или въ обществѣ какой-нибудь приживалки, привыкла выѣзжать по вечерамъ, и надо прибавить, что бабушка ни для кого не отступала отъ своихъ привычекъ, такъ что Надежда Васильевна никогда не могла рассчитывать на экипажъ. Въ тотъ день какъ она собиралась въ театръ, съ утра поднималась суматоха. Она писала какой-нибудь пріятельницѣ, чтобы пригласить ее въ свою ложу, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы та заѣхала за ней. Но пріятельница уже распорядилась вечеромъ, и Надежда Васильевна писала другую записку, и ожидала отвѣта въ крайнемъ волненіи.

— Вы бы ужъ третьяго человѣка верстѣ за пять последи, говорила съ досадою Вѣра Васильевна. — Погода очень теплая: всего двадцать градусовъ мороза.

— Нужно будетъ, такъ и третьяго пошлю, отвѣчала та:— но во всякомъ случаѣ ты мнѣ не гувернантка.

Наконецъ являлся удовлетворительный отвѣтъ, и Надежда Васильевна съ сіяющимъ лицомъ принималась за туалетъ. Она никакъ не могла помириться съ сѣдыми волосами, начинавшими сильно пробиваться у нея на головѣ, не рѣшалась отказаться отъ яркихъ цвѣтовъ, къ которымъ имѣла особенное пристрастіе, и украшала свою прическу фальшивыми гирляндами, давно утратившими первобытную свѣжесть. Золотые браслеты и алмазные перстни, доставіеся ей отъ Маргариты Кириловны, блестяли на ея рукахъ, и ярко выставляли безобразіе бронзовыхъ цѣпочекъ и брошекъ, приобретенныхъ моею теткой изъ собственной казны.

Мать моя лишь изрѣдка пріѣзжала съ отцомъ въ Москву. Вѣчная грусть Вѣры Васильевны возбудила въ ней самое горячее сочувствіе, и онѣ начали сблизяться понемногу, но только общее несчастіе сблизило ихъ наконецъ на вѣкъ. Разъ бабушка получила нѣсколько строкъ, написанныхъ дрожащею рукою моей матери. Она увѣдомляла семейство, что отецъ мой опасно занемогъ. Марья Андреевна со дочерью собрались немедленно въ дорогу. Въ продолженіе суточной ѣзды, онѣ не разъ сбивались съ пути, и наконецъ, въ темную декабрьскую ночь, доѣхали до мѣста. Имъ отворилъ дверь старый дворецкій, и на ихъ вопросъ: „Что у васъ дѣлается, Левонъ?“ отвѣчалъ утирая слезы рукавомъ:

— Еще живъ.

Не стану описывать страшныхъ сценъ, которыя ихъ встрѣтили. Надежда Васильевна не дожидаясь конца. „Я здѣсь сама разнемогусь,“ сказала она, „и только всѣхъ свяжу,“ — и уѣхала къ праздникамъ обратно въ Москву.

А мой отецъ скончался черезъ нѣсколько дней на рукахъ неутѣшной жены, въ томъ самомъ Толычковскомъ домѣ, гдѣ они играли, бывши дѣтьми, въ *жениха и невесту*, и завѣщалъ моей бѣдной матери вѣчное горе, вѣчныя слезы и вѣчный трауръ...

Горе образуетъ самую прочную связь между людьми: бабушка, лишившись любимаго сына, поняла что въ сердцѣ моей матери она найдетъ отголосокъ своему страданію, и вѣжно привязалась къ ней съ этой роковой минуты. Что касается до Вѣры Васильевны, то она поселилась у насъ безвыѣздно на цѣлый годъ, и нажила себѣ въ моей матери, по

ея же выраженію, новое горе, то-есть новую, горячую привязанность. Съ тѣхъ поръ она гащивала у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Москвѣ; часто ѣздила съ нами въ деревню, и проводила, бывало, цѣлыя ночи въ долгихъ бесѣдахъ съ моею матерью.

Еслибъ я писала романъ, то приваля бы заранѣе обязанность объяснить читателю малѣйшія дѣйствія моихъ героевъ; но я пишу исторію и передаю факты не всегда ясные для меня самой. Привязался къ моей матери и Левъ Васильевичъ, и привязался до такой степени, что ея слово было для него закономъ. Онъ не былъ влюбленъ въ нее; влюбиться онъ не могъ въ женщину разбитую горемъ, которая съ ужасомъ приняла бы малѣйшее слово любви. Къ тому же онъ понималъ любовь по своему, и предавался, не стѣсняясь ничѣмъ, своимъ грубымъ влеченіямъ. Эта странная привязанность осталась, до сихъ поръ, загадкой для всѣхъ. Мать моя сама не могла объяснить ее, и была увѣрена, что въ цѣлыя минуты Левъ Васильевичъ глубоко ненавидѣлъ ее, потому что ни отъ кого не слыхалъ онъ такихъ горькихъ истинъ какъ отъ нея. Но что бы ни происходило тогда въ его душѣ, эти истины онъ выслушивалъ однако молча, какъ школьникъ, который не смѣетъ возражать. Была ли у него никѣмъ не разгаданная задняя мысль? Покорился ли онъ неволью превосходству моей матери?—этого я не знаю, но только всѣ въ семействѣ обыкновенно обращались къ ней какъ скоро надо было добиться чего-нибудь отъ Льва Васильевича, и она все улаживала. Когда онъ бросилъ жену и дѣтей, объявивъ, что не оставитъ имъ и *выдѣнной скорлупы*, мать моя потребовала и добилась отъ него, чтобъ онъ предоставилъ имъ единственную остававшуюся у него тогда собственность, домъ въ Москвѣ. Не было примѣра, чтобъ ея слова оказались безсильными надъ нимъ. Онъ присутствовалъ при ея кончинѣ, и какъ только она испустила послѣдній вздохъ, онъ схватилъ себя за голову, и громко зарыдалъ.

Я была еще ребенкомъ, когда разворили старый домъ, въ которомъ помѣщалось семейство; но онъ мнѣ очень памятенъ. Его пощадили Французы въ двѣнадцатомъ году. Широко раскинулась онъ въ глубь двора, и хранитъ вѣроятно воспоминанія о многихъ тайнахъ, увеселенныхъ въ могилу. Я помню темный, длинный, камельный корри-

доръ, по которому я не смѣла ходить вечеромъ, ниши, куда мы любили прятаться, и рядъ высокихъ большихъ комнатъ. Моего отца уже не было на свѣтѣ, Левъ Васильевичъ жилъ отдѣльно съ женой, а Борисъ Васильевичъ былъ въ полку, когда я узнала старый домъ, такъ что въ моемъ воспоминаніи остались только образы моей бабушки и двухъ тетокъ бродившихъ, будто тѣни, среди опустѣлыхъ стѣнъ. Иныя комнаты были заперты; ихъ отворала иногда по нашей просьбѣ Вѣра Васильевна, и на нашъ мелокій вопросъ: „кто жилъ въ этой комнатѣ? Отчего она заперта?“—отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ: „Нѣтъ уже на свѣтѣ того, кто въ ней жилъ. Теперь она лишняя.“ Изломанная мебель, запыленные бумаги и книги лежали въ беспорядкѣ по угламъ, и паукъ развѣшивалъ спокойно свою ткань.

Когда мы потеряли мою бѣдную мать, близкая намъ богатая родственница пожелала, чтобъ я и мои три сестры поселились у нея, а братъ мой, четырнадцатилѣтній мальчикъ, поступилъ къ профессору, который взялся приготовить его къ университету.

Объ этой эпохѣ нашей жизни я говорить не стану: есть въ сердцѣ болѣзненные струны, до которыхъ боишься дотронуться. Къ тому же я не для того взялась за перо, чтобы говорить о себѣ. Мнѣ только не хотѣлось потерять нить разказа.

Черезъ четыре года, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я умалчиваю, я переселилась къ моей бабушкѣ съ старшею сестрой. Горько плакали мы, разставаясь съ меньшими сестрами; онѣ остались до женитьбы брата въ раззолоченныхъ палатахъ, мимо которыхъ никто изъ насъ не проходитъ до сихъ поръ, и не пройдетъ никогда, безъ замиранія сердца....

(До слѣд. №).

ТОЛЫЧЕВА.

О ТОРГОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ СРЕДНЕЙ АЗІИ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ.

Къ южнымъ предѣламъ Оренбургскаго края и западной Сибири прилегаеть страна, которая къ западу граничитъ съ Каспійскимъ моремъ, а съ южной и восточной сторонъ замыкается свѣжными хребтами Гималайскаго горной системы. Хребты ея, всюду едва проходимые, понижаются однако на сѣверо-восточной и юго-западной оконечностяхъ горной цѣпи. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, между Каспійскимъ моремъ и Афганистаномъ, открывается свободный проходъ караванамъ, но хищническими набѣгами Туркменъ на эту дорогу сообщеніе по ней затруднено. Самыя большія громады горъ сложились на юго-восточной сторонѣ описываемой нами мѣстности. Оттуда опадаютъ онѣ постепенно, придавая всей площади, заключающейсѣ въ означенныхъ предѣлахъ и именуемой Среднею Азіей, общій склонъ съ юго-востока на сѣверо-западъ. Оттого вся восточная половина этой площади возвышеннѣе западной, опускающейсѣ, у береговъ Каспійскаго моря, даже ниже уровня океана.

Горы окаймляющія среднеазійскую площадь съ восточной стороны имѣютъ склоны крутой и даютъ начало только небольшимъ потокамъ; съ горнаго же узла, поднимающагося въ юго-восточномъ углу этой котловины, тянется далеко въ степь рядъ горныхъ отроговъ, а между ними протекаютъ воды двухъ обширныхъ рѣчныхъ системъ: Аму и Сыръ-Дарьи, орошающія далекое пространство земли плодородной и изобильной всякими дарами природы. Это богатое предгорье простирается съ востока на западъ примѣрно на 600 верстъ и на столько же съ юга на сѣверъ, между 36 и 42 градусами широты, и пользуется потому климатомъ самымъ благоприятнѣйшимъ. Оно раздѣляется между разными независимыми владѣніями, изъ которыхъ извѣстнѣйшія: ханства Бухарское, Коканское и Хивинское.

Къ сѣверу отъ нихъ стелется необозримая равнина, обитаемая Киргизъ-Кайсаками, изъ коихъ бóльшая часть поступила въ подданство Россіи.

Начиная отъ лѣваго берега Аму-Дарьи до Каспійскаго моря и границъ Персіи, степная мѣстность занята кочевьями туркменскихъ племенъ, не признающихъ ничьего владычества, но на которыя предъявляютъ права верховной власти то шахъ персидскій, то ханъ хивинскій.

Къ южному склону Гималайскаго хребта и его продолженія, горы Элбруса, у сѣвернаго подножья коихъ беретъ начало среднеазійская площадь, прилегаютъ Персія, Афганистанъ и Индія, а къ восточной сторонѣ хребтовъ Болоръ, Тавъ-шавъ и Алатау прикрывающихъ среднеазійскую котловину, съ востока примыкаютъ владѣнія Китайской имперіи, Малая Бухарія и китайскій Туркестанъ.

Туркменъ и Киргизъ-Кайсаковъ считается въ Средней Азіи до трехъ милліоновъ, а осѣдлыхъ жителей болѣе пяти милліоновъ, изъ коихъ въ ханствѣ Хивинскомъ до 400 тысячъ, Бухарскомъ $2\frac{1}{2}$ милл. и въ Коканскомъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ милл. душъ. Слoшенія жителей Средней Азіи съ осѣдлыми за противоположными склонами горъ, крайне ограничены какъ по причинѣ непроходимости путей, такъ и по однородности произведеній этихъ странъ.

Изъ 'китайскихъ владѣній привозится, съ одной стороны черезъ Кульджу и Чугучакъ, а съ другой черезъ Кам-

гарь, преимущественно чай, потребленіе котораго значительно распространилось въ Средней Азіи, а также и большое количество китайской фарфоровой посуды. Въ прежнее время доставалось этимъ путемъ и серебро въ ямбахъ, или саиткахъ.

Изъ Индіи привозятся сахаръ, индиго, бумажныя ткани, въ весьма ограниченномъ количествѣ, и шали кашемирскія, а изъ Персіи, сверхъ небольшого количества европейскихъ товаровъ, невольники изъ Персіи и захваченные въ плѣнъ Туркменами.

Несравненно болѣе значительна внутренняя торговля средне-азиатскихъ народовъ, а также ихъ сношенія съ Россією.

Киргизы и Туркмены занимаются исключительно скотоводствомъ, и на произведенія своихъ стадъ вымѣниваютъ хлѣбъ и всякія нужныя имъ издѣлія у осѣдлыхъ жителей какъ сосѣдней Россіи, такъ и Кокана, Бухары и Хивы. Эти же посѣдніе, по малоземелью или скорѣе по цѣнности поливныхъ своихъ земель, скота держатъ мало, а потому въ немъ нуждаются.

Азіатцы издавна снабжаются изъ Россіи желѣзомъ, мѣдью и разными металлическими издѣліями.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда сокровища награбленныя Надиръ-шахомъ разошлись по Азіи, то за русскіе товары уплачивалось преимущественно золотомъ и серебромъ; въ послѣдствіи же, по мѣрѣ того какъ страны къ востоку отъ Волги и Сибири стали заселяться, употребленіе бумажныхъ тканей бухарскихъ и хивинскихъ до того распространилось въ этихъ мѣстахъ, что произведеній Россіи стало уже недостаточно для ихъ пріобрѣтенія, а потому вмѣстѣ съ ними стало вывозиться въ государства средней Азіи не малое количество драгоценныхъ металловъ, частью перечеканиваемыхъ въ мѣстныя монеты, частью же обращаемыхъ на уплату за товары привозимые изъ Индіи и Персіи, которыя вовсе не нужны въ произведеніяхъ Хивы и Бухары.

Золота добывается въ ханствахъ Бухарскомъ и Коканскомъ такъ мало, а изъ Кашгара привозъ серебра такъ ничтоженъ, что жители средне-азиатскихъ государствъ вынуждены обращаться въ Россію за нужными имъ драгоценными металлами. Поэтому, сколько бы ни процвѣтала торговля Россіи съ Среднею Азією, золото и серебро по

необходимости должны составлять одну изъ статей отпущка нашего въ эти страны.

Съ того времени какъ въ Россіи стала развиваться мануфактурная промышленность, торговые интересы ея изменились. Она начала искать сбыта издѣліямъ своихъ фабрикъ, и хотя Россія не въ состояніи состязаться съ издѣліями западной Европы, но можетъ разчитывать на превосходство своихъ произведеній надъ однородными азіатскими товарами, а рынки Средней Азіи, недоступной европейскимъ товарамъ, должны представить тѣмъ болѣе обезпеченный сбытъ издѣліямъ русскихъ фабрикъ, что одна только Россія нуждается въ ихъ произведеніяхъ.

Безплодная степь, шириною въ 1.500 верстъ, отдѣляетъ заселенныя мѣстности Оренбургскаго края отъ Бухары. Здѣсь родятся хлопчатая бумага, фрукты южныхъ странъ, виноградъ, рисъ, марена и производится въ изобиліи шелкъ, а тамъ даже яблоки не созрѣваютъ, но за то тамъ изобиліе въ хлѣбѣ и металахъ, что даетъ жителямъ средство получать съ запада всякія мануфактурныя издѣлія. Наконецъ, скупая у Киргизовъ кочующихъ по степи скотъ, кожи, шерсть и пушвой товаръ, Россія даетъ этому кочевому народу возможность на вырученныя за эти предметы деньги прибрѣтать бухарскіе и хивинскіе товары.

Такимъ образомъ представляется, съ одной стороны, до 5 милліоновъ жителей занимающихъ, между 42° и 36° сѣверной широты, пространства до 360 тысячъ квадратныхъ верстъ съ земледѣльческою производительностью напоминающею южную Италію¹, а съ другой стороны обширный край съ климатомъ и производительностью Швеціи.

¹ Климатъ въ городѣ Бухарѣ, состоящемъ подъ 39½ градусомъ широты, т. е. подъ одною широтою съ южною оконечностью Неаполитанскаго королевства, принадлежитъ къ числу крайнихъ. Термометръ въ январѣ спускается иногда до 18°; рѣка Аму, въ 50 верстахъ къ югу отъ Бухары, на нѣсколько недѣль покрывается льдомъ, а лѣто нестерпимо жарко. Оттого годовыя растенія, даже тѣ, которыя требуютъ самаго большаго зноя, посѣваются хорошо, а долголѣтнія, не терпяція холода, какъ напримеръ, оливы и лимонныя деревья не выдерживаютъ тамошней стужи. Мѣстный хлопчатникъ родится хорошо и даже американскій хлопчатникъ доставляетъ въ Бухарѣ весьма отличное, но судя по опытамъ произведеннымъ въ Закавказскомъ краѣ, должно полагать, что урожай отъ него въ Азіи несравненно менѣе обилѣнъ чѣмъ въ Америкѣ, потому что при краткости лѣта не всѣ почки успѣваютъ созрѣвать. Въ южныхъ,

За-Уральская Россія велика и способна потреблять всякія произведенія юга и снабжать среднеазійскія государства тѣмъ чего у нихъ не достаетъ. Какъ Бухара, такъ и восточная Россія далеко отстоятъ отъ всякихъ другихъ народовъ и произведеніямъ ихъ нечего опасаться составленія съ чужими.

Между двухъ этихъ крайнихъ областей лежитъ не море, но обширная равнина, обитаемая тремя милліонами людей, готовыхъ быть посредниками въ размѣнѣ товаровъ между своими сосѣдами, тѣмъ болѣе что въ эту торговлю они вводятъ еще новый элементъ: произведенія своего обширнаго скотоводства, охотно покупаемыя какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ.

Разсмотримъ теперь въ какомъ положеніи, послѣ полуторацѣтняго существованія, находится торговля Россіи съ Среднею Азіею.

По таможеннымъ вѣдомостямъ, за лѣтъ Оренбургскую и Сибирскую вывезено товаровъ:

въ 1835 году на	1.850.000 руб.
— 1845 — —	2.000.000 —
— 1855 — —	2.580.000 —
— 1860 — —	4.900.000 —

Привезено же оттуда въ Россію:

въ 1835 году на	2.400.000 руб.
— 1845 — —	2.520.000 —
— 1855 — —	4.179.000 —
— 1860 — —	8.000.000 —

Отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ привоза и отпуска отнесено, по показаніямъ таможенъ, на Киргизскую степь; изъ остальной суммы, въ прежнее время, одна половина приходилась на долю Бухары, а другая на Коканъ и Хиву. Нынѣ же перевѣсъ Бухары и по отпуску, и по привозу становится болѣе явственнымъ, по причинѣ смуть въ Коканѣ и въ Хивѣ, за-

напримѣръ, областяхъ Соединенныхъ Штатовъ Америки уборка постепенно созрѣвающихъ почекъ хлопчатника продолжается съ сентября по январь; въ Бухарскомъ же ханствѣ, какъ и за Кавказомъ, уборка должна быть окончена гораздо ранѣе, по причинѣ рано наступающихъ морозовъ, отчего часть почекъ пропадаетъ. Туземный бухарскій хлопчатникъ поспѣваетъ скорѣе, но имѣло это свойство причиною, можетъ быть, грубости его короткихъ волоконъ.

ставляющихъ эти страны снабжаться русскими товарами черезъ посредство бухарскихъ купцовъ.

До вышшняго времени бумажныя издѣлія составляли, по цѣнности, менѣе половины отпущенныхъ товаровъ; въ 1860 же году перешли они за эту норму. Ихъ отпущено на 2 мил. 667 тыс. рублей, изъ которыхъ 1 м. 650 т. отправлены собственно въ Киргизскую степь и 826 т. въ Бухару. Количество бумажныхъ товаровъ отпущенныхъ въ Киргизскую степь оставалось, до новѣйшаго времени, неизмѣннымъ и въ отношеніи къ общей цифрѣ товаровъ вывезенныхъ въ среднюю Азію, и въ отношеніи къ цифрѣ товаровъ вывезенныхъ собственно въ степь, то-есть оно составляло не много менѣе 50%; относительно же Бухары замѣтно быстрое возвышеніе отпускаемыхъ туда бумажныхъ издѣлій, съ суммы 154 т. въ 1855 году до 826 т. въ 1860 году, но такъ какъ приращеніе это совпадаетъ съ значительнымъ уменьшеніемъ отпуска въ Коканъ и Хиву, то должно полагать что часть отправленныхъ въ Бухару товаровъ перешла потомъ въ сосѣднія владѣнія.

Остальные предметы отпуска въ Среднюю Азію распределяются, по значительности суммы, въ слѣдующемъ порядкѣ: юфть въ 1860 году на 400 т., хлѣбъ на 300 т., сукно на 227 т., металлическія издѣлія на 200 т., сахаръ въ головкахъ на 90 т., желѣзо на 70 т., кожи выдѣланные на 37 т., краски на 65 т., мѣдь на 58 т., сундучный товаръ на 25 т. Затѣмъ слѣдуютъ издѣлія шелковыя, шерстяныя и другія.

Въ отношеніи къ общей суммѣ вывоза, цифра всѣхъ этихъ статей отпуска, въ теченіи тридцати лѣтъ, осталась почти неизмѣнною. Изъ нихъ хлѣбъ покупается исключительно Киргизами, у которыхъ расходится также бѣольшая часть юфти, равно много сукна и около половины всѣхъ металлическихъ издѣлій; остальныхъ же предметовъ вывоза Киргизы мало спрашиваютъ.

Болѣе любопытное явленіе представляетъ привозная торговля. Съ 1835 по 1860 годъ, цѣнность ея увеличилась на 333%, тогда какъ отпускъ, въ это время, усилился только на 260%. Притомъ относительныя цифры привозныхъ статей совершенно измѣнились.

Это усматривается изъ слѣдующихъ данныхъ:

Цѣнность бумажныхъ издѣлій привезенныхъ изъ Средней

Азіи въ Россію составляла въ 1835 году $3\frac{6}{10}$, а въ 1845 году $\frac{1}{4}$ часть общаго привоза; въ 1855 же году только $\frac{1}{10}$, а въ 1860 менѣе $\frac{1}{12}$ части, хотя товара этого получено въ 1860 году 32% болѣе противъ 1835 года, то-есть въ 1860 году на 654 тысячи, а въ 1835 на 495 тысячъ рублей.

Шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій никогда не было въ привозѣ значительнаго количества. Послѣднія состоятъ преимущественно изъ киргизской армячины, коей доставлено въ 1860 году на 62 тыс. рублей; всего же шерстяныхъ, шелковыхъ и полушелковыхъ тканей было въ привозѣ въ 1835 году на 35 тыс., а въ 1860 на 135 тыс. руб.

Главное приращеніе привоза заключалось въ произведеніяхъ скотоводства, доставляемыхъ исключительно кочевыми Киргизами и въ хлопчатой бумагѣ привозимой изъ Бухары.

Скота, особенно барановъ, пригнано на линію: въ 1835 году на 850 т., въ 1845 на 830 т., въ 1855 на 1 милл. 600 т., а въ 1860 на 3 милл. 644 т. руб. Кожа сырыхъ въ 1835 году привезено на 38 т., а въ 1860 на 750 т. руб.; шерсти въ 1835 году 5197 пуд. на 7000 руб., а въ 1860—49.550 пуд. на 86 т. руб. Слѣдовательно цѣнность произведеній скотоводства, относительно общей суммы привоза, подымалась съ 37% до 60% . Къ статьѣ этой можно также отнести и мериужки, и разныя звѣриныя шкуры доставляемыя какъ Киргизами, такъ и изъ Бухары и Кокана. Цѣнность этой статьи дошла въ 1835 году до 300 т., а въ 1860—до 740 т. рублей; относительно же общей суммы привоза составляла она за 25 лѣтъ 12% , а нынѣ около 9% .

Съ 1835 по 1860 годъ привозъ хлопчатой бумаги подымался съ 11.929 пудовъ до 174.059, а пряжа бумажная упала съ 26.938 пудъ на 5247. Марены, которой въ 1835 году вовсе не было въ привозѣ, доставлено въ 1860 году 24.523 пуда.

Привозъ фруктовъ въ 25 лѣтъ почти удесатерилась и съ 22 т. рублей подымался въ 1855 году до 239 т., а въ 1860—до 190 т. руб.

Рису привозится нынѣ весьма мало.

Совершенно новою статью явилась шелкъ-сырецъ, коего въ 1860 году привезено изъ Бухары 799 пудовъ, и чай байховый и кирпичный приходящій, съ открытіемъ русскихъ факторій въ Кульдѣжъ и Чугучакъ, изъ китайскаго

Туркестана. Черезъ Киргизскую степь привезено чая въ 1855 году на 450 т., а въ 1860 году на 185 т. руб.

Изъ всего этого видно, что торговля съ Среднею Азіею развивается правильно и принимаетъ оборотъ, въ томъ отношеніи особенно выгодный для Россіи, что сбытъ туда мануфактурныхъ нашихъ товаровъ усиливается, тогда какъ мы оттуда запасаемся разными сырыми произведеніями.

Очень поразительно однако, что цѣнность привоза далеко превышаетъ стоимость отпусковыхъ товаровъ и что перевѣсъ въ пользу привоза постоянно увеличивается. Но имѣя въ виду невѣжество, грубость и нищету народовъ Средней Азіи, не исключая Бухарцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ сношенія съ Индіей, Персіей и Китаемъ, отъ которыхъ, какъ выше замѣчено, они получаютъ индиго, разные ткани индійскія и европейскія и чай, за что, по неимѣнію никакихъ произведеній нужныхъ южнымъ ихъ сосѣдямъ, должны платить звонкою монетою, которую можетъ доставлять имъ одна Россія, нельзя удивляться выходу монеты отъ насъ.

Улучшеніе торговаго баланса даже не предвидится, хотя бы обороты торговые значительно увеличились, потому что въ просвѣщенныхъ государствахъ потребности народа растутъ соразмѣрно его средствамъ; а чѣмъ онъ грубѣе, тѣмъ болѣе нужно времени для развитія этихъ потребностей и приведенія ихъ въ уровень съ средствами пріобрѣтенія. Слѣдовательно, въ то время когда произведенія скотоводства кочевыхъ народовъ получаютъ съ каждымъ годомъ большее значеніе для Россіи, возрастающее по мѣрѣ того какъ дорожаютъ у насъ пастбища, въ то время, когда, по случаю американскаго кризиса, надобность въ бухарской бумагѣ безпредѣльна, и русскія фабрики могли бы съ пользою употреблять шелкъ и марену среднеазіійскіе, даже рисъ и фрукты могутъ получать въ Сибири значительный сбытъ. Страна производящая всѣ эти предметы, обогащающаяся усиленнымъ ихъ сбытомъ, не имѣетъ еще надобности въ тѣхъ товарахъ, которые Россія могла бы ей доставлять въ замѣнъ ея произведеній. Слѣдовательно Россіи, чтобы сбытъ свои издѣлія въ Азію, недостаточно дать Азіятцамъ средства къ ихъ пріобрѣтенію; нужно возбудить въ нихъ самую потребность въ товарахъ рус-

скихъ, нужно ихъ воспитывать и въ этомъ главнѣйше заключается задача Россіи.

Устранивъ однако вопросъ о бухарской хлопчатой бумагѣ, въ которой настоятельная надобность быть-можетъ, только временная, нельзя не признать, что Хива, Бухара и Коканъ, въ торговомъ отношеніи, несравненно болѣе зависятъ отъ Россіи чѣмъ Россія отъ нихъ. Имъ не откуда получать желѣзо, мѣдь, золото, разныя издѣлія металлическія и деревянныя, юфть и красильныя вещества.

Безъ русскаго золота или иныхъ русскихъ товаровъ, имъ нечѣмъ уплачивать за чай, сахаръ, индиго получаемыя изъ Китая и Индіи. Россія же имѣетъ надобность лишь въ баранахъ, въ кожахъ и шерсти, произведеніяхъ киргизскихъ степей подвластныхъ имперіи, и имъ сбываетъ она большую часть товаровъ отправляемыхъ отъ насъ въ Среднюю Азію.

Бухарскій рынокъ не представляется необходимымъ и до сихъ не имѣетъ первостепенной важности.

Въ виду такой зависимости среднеазійскихъ ханствъ отъ Россіи, правительство наше всегда властно покорить ихъ своей волѣ, угрожая имъ прекращеніемъ торговыхъ съ ними сношеній; но нельзя не замѣтить, что всякая остановка въ торговлѣ сопряжена съ потерей для русскихъ промышленниковъ. Оттого подобное мирное средство можетъ быть гораздо тягостнѣе для государства чѣмъ даже употребленіе военной силы.

Что касается въ особенности киргизъ-кайсакскихъ кочевьевъ, то степень ихъ производительности, благосостоянія и способности къ приобрѣтенію русскихъ товаровъ зависятъ преимущественно отъ того, все ли спокойно въ степи и ограждены ли ея жители отъ грабительства Хивинцевъ и Коканцевъ, а этого достигнуть нельзя безъ употребленія военной силы и безъ устройства большого числа передовыхъ укрѣпленій.

Быстрое развитіе нашихъ торговыхъ сношеній съ Киргизами было послѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ ихъ защитѣ въ новѣйшее время.

Какъ бы однако ни была велика польза отъ подобныхъ мѣръ, до сихъ поръ принятыхъ, онѣ не достаточны для полного успокоенія Киргизовъ, сколько потому, что между оконченными постами Сибирской и Оренбургской ли-

ній остается еще незанятымъ пространство въ 400 верстѣ, черезъ которое Ташкентцы и Коканцы свободно врываются въ степь грабить Киргизовъ, столько и оттого что лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, на которомъ находятся лучшія поемныя мѣста и гдѣ нѣкогда были пашни и поливные поля Киргизовъ, нынѣ, изъ опасенія непріятельскихъ набѣговъ, совершенно покинуты. Чѣмъ больше будетъ довольство Киргизовъ, тѣмъ болѣе разовьется наша съ ними торговля. Слѣдовательно правительство, въ интересахъ самихъ Киргизовъ, которыхъ оно приняло въ свое подданство и съ которыми уже производятся нынѣ торговые обороты слѣшкомъ на 8 милліоновъ руб. въ годъ, вынуждено еще далѣе идти по избранному имъ пути.

Что касается жителей независимыхъ владѣній Средней Азіи, относительно которыхъ правительство наше не приняло на себя никакихъ обязательствъ, то разчитывая на то что они имѣютъ надобность во многихъ произведеніяхъ Россіи и что потому торговля наша съ ними не только не можетъ прекратиться, но вѣроятно не остановится на нынѣшнемъ оборотѣ въ 5 милліоновъ рублей, а напротивъ будетъ постепенно, хотя и медленно, усиливаться,—правительствомъ могло бы, по отношенію къ нимъ, держаться системы выжидательной.

Но система эта, въ виду настоящаго огромнаго спроса на хлопчатую бумагу, оказывается совершенно несостоятельной.

Жизнь народовъ, особенно народовъ образованныхъ, сложилась такъ, что большая часть ихъ потребностей не принадлежитъ къ числу необходимыхъ. Но и произвольныя потребности имѣютъ право на удовлетвореніе; поэтому, хотя бы Россія и могла обойтись безъ бухарскихъ произведеній, хотя бы русскія фабрики и не погибли еслибы прекратилась сбытъ издѣлій ихъ въ Бухару, однако имѣя въ виду, что торговля этими товарами издавна существуетъ, мы не можемъ не признать ея полезною для народнаго хозяйства.

Издѣлія русскихъ фабрикъ дешевизною не могутъ состязаться съ издѣліями западной Европы, и вытѣсняются ими со всѣхъ рынковъ, гдѣ съ ними встрѣчаются. Даже на южномъ побережьи Персіи, сообщенія котораго съ Россією столько же удобны сколько сообщенія Персіи съ западною

Европою затруднительны, одни только громоздкіе товары русскіе обезпечены въ своемъ сбытѣ.

Съ открытіемъ портовъ Китая для всѣхъ европейскихъ державъ можно опасаться, что и въ Китаѣ прекратится продажа русскихъ издѣлій, за которыми послѣ того останется одинъ только рынокъ Средней Азіи замкнутый со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной.

Въ однихъ почти съ нимъ условіяхъ находятся рынки сосѣдняго китайскаго Туркестана и такъ-называемой Малой Бухаріи, отрѣзанные также отъ всего міра и имѣющіе къ востоку сообщенія лишь съ дальними китайскими областями, а къ западу съ Россією и Коканомъ.

По трактату заключенному въ 1851 году съ Китаемъ, русскіе купцы имѣютъ право ѣздить въ два города китайскаго Туркестана, Кульджу и Чугучакъ; но города эти лежатъ въ странѣ мало населенной и считаются только сторожевыми военными постами Китайской имперіи. По этому они, подобно слободѣ Маймаченъ въ Монголіи, служатъ лишь транзитными мѣстами для китайскаго чая, но самостоятельной торговли въ нихъ почти нѣтъ.

Къ югу отъ Кульджи, отдѣленная отъ китайскаго Туркестана хребтомъ горъ Тянь-Шань, находится Малая Бухарія, составляющая углубленный долъ, окруженный съ трехъ сторонъ сѣвными, трудно проходимыми горами, и открытый только къ востоку, гдѣ онъ соединяется съ бесплодною степью Гоби. Съ горъ стекаетъ множество рѣчекъ сливающихся въ русло рѣки Тарымъ, текущей къ Гоби и обозначающей общій склонъ мало-бухарской долины съ запада на востокъ.

По подножью горъ, вдоль падающихъ съ нихъ потоковъ, тянется кольцеобразною полосой населеніе Малой Бухаріи, гдѣ, при крайней сухости воздуха, ничего не растетъ безъ поливки. Климатъ и произведенія этой страны почти однородны съ климатомъ Бухарскаго ханства и Кокана, по чему и они между собою размѣняются не произведеніями собственной земли и промышленности, а чужими, то есть съ одной стороны китайскимъ чаемъ, съ другой—издѣліями Россіи и Индіи.

Русскіе товары могутъ быть привозимы въ Малую Бухарію двумя путями: сѣвернымъ изъ Кульджи въ Аксу и западнымъ изъ Кокана въ Кашгаръ. Оба пути пролегаютъ

чрезъ снѣговые хребты; но по первому, какъ увѣряютъ могутъ проходить верблюды, а по второму только выючные лошади, поднимающія не болѣе восьми пудовъ клади. Ихъ проходить этою дорогою до 3.500 въ годъ.

Дорога въ Кульджу менѣе оживлена торговыми караванами чѣмъ коканская, которая ведетъ въ страну ородную Малой Бухаріи, по происхожденію, по вѣрѣ, и по историческимъ воспоминаніямъ, тогда какъ Кульджа служитъ мѣстопробываніемъ для ненавистныхъ мусульманамъ китайскихъ властей. Караваны изъ Кокана въ Кашгаръ бывають восемнадцать дней въ пути, слѣдовательно разстоянія должно быть до 400 верстъ. Изъ Кульджи до Аксу считается 600 верстъ, а отъ Аксу до Пекина караваны ходятъ отъ 4½ до 5 мѣсяцевъ.

Съ 1825 года начались возстанія жителей Малой Бухаріи, исповѣдывающихъ вѣру мусульманскую, противъ китайскаго богдыхана. Въ этихъ возстаніяхъ они постоянно были поддерживаемы коканскими ханами.

Эти нескончаемыя войны совершенно опустошили край, вѣкогда густо населенный, съ богатыми городами, Еркендомъ, Кашгаромъ, Аксу; онъ могъ бы служить рынкомъ для русскихъ тканей и металлическихъ издѣлій, за которыя Малая Бухарія платила бы чаемъ получаемымъ изъ Китая.

Такимъ образомъ рынокъ среднеазіійскій къ востоку еще способенъ расширяться за перевалъ Небесныхъ горъ; но для этого, между прочимъ, нужно, чтобы русскимъ купцамъ разрѣшено было отправляться въ Малую Бухарію, что понынѣ считается запрещеннымъ.

Нынѣ, какъ сказано выше, обывается въ Средней Азіи русскихъ товаровъ не болѣе какъ на 5 милл. руб., а за исключеніемъ Киргизской степи—на 2 милл. Сумма эта, безъ сомнѣнія, весьма незначительна, но имѣя въ виду, что могущественная Великобританія, торговля которой объимаетъ весь земной шаръ, не пренебрегаетъ ни малѣйшимъ уголкою, куда могли бы проникать ея товары, и не жалѣетъ никакихъ расходовъ и усилій для открытія новыхъ рынковъ издѣліямъ своихъ фабрикъ, нельзя Россіи не обратить вниманія на эту почти единственную страну, которая еще принимаетъ ея мануфактурные товары, тѣмъ болѣе что сбытъ ихъ тамъ постоянно усиливается.

До какой цифры могъ бы дойти сбытъ нашихъ товаровъ въ Средней Азии, опредѣлить, разумѣется, невозможно; замѣтимъ только то, что въ Персію, которая имѣетъ около пяти милліоновъ жителей, привозится, путемъ Чернаго моря, черезъ Трапезундъ и Эрзерумъ, европейскихъ издѣлій на 4—5 милліоновъ рублей въ годъ, въ то время какъ туда же выходитъ изъ Россіи разныхъ товаровъ милліона на $1\frac{1}{2}$, и изъ Индіи, черезъ Персидскій заливъ, также доставляется не малое количество грузовъ. При томъ, двѣ трети всѣхъ товаровъ привозимыхъ изъ западной Европы въ Персію заключаются въ бумажныхъ издѣліяхъ, несмотря на то что во всѣхъ частяхъ Персіи производится хлопчатая бумага и повсюду занимаютъ тканьемъ разныхъ бумажныхъ матерій.

Примѣръ этотъ служитъ указаніемъ до чего могла бы развиваться торговля наша съ Среднею Азіей, тѣмъ болѣе что Россія представляя обширный рынокъ произведеніямъ Бухары, Кокана, Хивы, сама даетъ имъ средства къ приобрѣтенію ея товаровъ, тогда какъ изъ персидскихъ произведеній отправляется въ Европу только шелкъ, и Персія поэтому часто затрудняется въ уплатѣ за товары получаемые ею изъ Европы. Ее выручаетъ руссійское золото.

Къ нашей невыгодѣ, даже Бухарцы, самые образованные изъ среднеазійскихъ народовъ, несравненно грубѣе Персіанъ; они никакой роскоши не знаютъ, и не мало пройдетъ времени, пока потребности ихъ увеличатся; поэтому на такое значительное потребленіе европейскихъ издѣлій, какъ въ Персію, съ перваго раза разчитывать нельзя. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что промышленность въ Персію несравненно болѣе развита чѣмъ въ Бухарѣ, что произведенія, ея разнообразнѣе, и что поэтому она сама въ состояніи удовлетворять большому числу своихъ потребностей чѣмъ государства Средней Азии.

Наконецъ, не менѣе $\frac{2}{3}$ всего населенія среднеазійской котловины состоитъ изъ кочевыхъ племенъ, вынужденныхъ покупать у своихъ сосѣдей все что не можетъ быть доставлено собственными ихъ стадами; а они столь же охотно обратятся за этими покупками въ Россію, какъ въ Хиву или Бухару, только бы мы брали у нихъ скоть, кожи и шерсть. Равнымъ образомъ Хивинцы и Бухарцы, если будутъ находить болѣе прибыльнымъ сбывать въ Россію

бумагу и шелкъ чѣмъ издѣлія изъ оныхъ, будутъ снабжаться всякими тканями изъ Россіи.

Понятно, что при этихъ условіяхъ торговля наша съ Среднею Азіей могла бы получить большое развитіе; но для этого между прочимъ потребуется, чтобы бумажныя ткани русскія были несравненно плотѣе выѣшнихъ, такъ какъ простой народъ обращаетъ боаѣе вниманія на прочность чѣмъ на изящность отдѣлки. Но цѣна плотныхъ тканей боаѣе всего зависитъ отъ цѣны матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы. Поэтому для состязанія русскихъ бумажныхъ тканей съ бухарскими, нужно, чтобы фабрикамъ нашимъ обходилась бумага не многимъ дороже чѣмъ бухарскимъ, а это можетъ быть достигнуто только при повиженіи провозной платы и заведеніи бумагопрядильнъ и ткацкихъ заведеній въ недалекомъ разстояніи отъ бухарской границы.

Изъ Англіи привозится въ Персію преимущественно самый жадкій товаръ, отличающійся только наружнымъ лоскомъ и дешезизною. Онъ имѣетъ значительный сбытъ потому только что Персіяне весьма склонны къ роскоши, и что собственныя ихъ грубыя издѣлія находятъ сбытъ въ нашихъ закавказскихъ владѣніяхъ. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, продажа британскихъ ситцевъ въ Персіи сократилась бы на половину.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что расширеніе торговли Россіи въ Средней Азіи зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ условій: отъ постоянного сбыта въ Россіи сырыхъ произведеній Средней Азіи, особенно хлопчатой бумаги и предметовъ скотоводства, и отъ водворенія спокойствія, порядка, и благосостоянія въ этихъ странахъ.

Надобность въ сырыхъ произведеніяхъ Азіи должна съ каждымъ годомъ возрастать у насъ, въ особенности на предметы скотоводства будетъ постоянно возвышаться цѣна, и потому нужно заботиться только о томъ, чтобы произведеній этихъ было побольше. Что же касается хлопчатой бумаги, то такъ какъ ей приходится выдерживать состязаніе съ бумагою заатлантической, то сбытъ ея будетъ зависѣть отъ доброты и цѣны.

Значительное количество бумаги изъ Бухары и Хивы, привозимое ежегодно, начиная съ 1855 года, доказываетъ, что бумага эта можетъ быть употребляема на разныя ткани, и

что она до известной степени выдерживаетъ состязаніе съ американскою; но не подлежитъ также сомнѣнію, что при существующихъ повышеннѣ условіяхъ, бухарская бумага не можетъ вытѣснить американскую, и что сами Бухарцы, при существованіи прежней цѣны на бумагу, едва ли согласились бы значительно усиливать посылы хлопчатника.

Въ Бухарѣ и Хивѣ цѣна пуда бумаги бывала всегда отъ 2 до 3 рублей. Мазандеранская (персидская), которая хуже ея, стоить на мѣстѣ отъ 3 до 3½ руб., а въ портахъ южно-американскихъ штатовъ цѣна за пудъ бумаги обыкновенно отъ 4½ до 5 рублей. Индійская бумага цѣнится въ Англии на 40% ниже американской, и такая же разница существовала въ Москвѣ между цѣнами американской и бухарской бумаги. Первая продавалась по 7 и до 8½, рублей, а послѣдняя отъ 5 до 6 рублей. Нынѣ продается она по 10—12 руб., и вслѣдствіе того утроился, противъ послѣднихъ годовъ, привозъ бухарской бумаги, дошедшій уже до 500.000 пудовъ.

При подобной цѣнѣ землевладѣльцы бухарскіе, безъ сомнѣнія, найдутъ выгоднымъ обратить пашни и огороды свои подъ посылы бумаги и продавать весь сборъ не мѣстными фабрикантамъ, а русскимъ предпріятеликамъ.

Но, вопервыхъ, подобныя цѣны — случайность; долго подерживаться онѣ не могутъ, а потому должно опасаться, что съ пониженіемъ ихъ остановится и отпущъ бумаги изъ Средней Азіи. Вотторыхъ, хлопокъ этотъ столь низкой доброты, что до сихъ поръ употреблялся только на вату и на самую грубую пряжу, отъ 12 до 16 номера. Недавно однако привезено нѣсколько отборныхъ партій, которыя доставили пряжу до № 28. Опытъ этотъ весьма поучителенъ, ибо доказываетъ, что тотъ же родъ коротковолосаго хлопка, надлежащимъ образомъ очищенный отъ сѣмьей и пыли и прессованный такъ чтобы волокна укладывались прямо, не терлись и не мялись дорогою, возвышается въ достоинствѣ на 50%.

Еслибы, поэтому, удалось ввести въ Средней Азіи машину, употребляемую въ Америкѣ для расчистки бумаги, и наблюдать за тѣмъ чтобы бумага укладывалась въ тюки съ помощію гидравлическаго пресса, то бухарская бумага и на будущее время могла бы состязаться на нашихъ рынкахъ съ заморскою. Этихъ же улучшеній едва ли можно ожидать

пока въ Бухарѣ не будетъ учреждена русская фактория, которая сперва бы указала мѣстнымъ производителямъ способъ лучшей обработки бумаги, а потомъ дѣйствовала бы въ качествѣ браковщика, не принимая въ Россію товара, несоотвѣтствующаго требованіямъ русскихъ потребителей.

При подобныхъ улучшеніяхъ хлопчатобумажное производство можетъ вѣроятно удержаться въ Бухарѣ и при мнѣе высокихъ цѣнахъ, а что государства Средней Азіи способны по пространству своему снабжать Россію тѣми двумя милліонами пудовъ бумаги, которые она нынѣ выпрашиваетъ, въ этомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ съ десятины собирается не мѣнѣе 100 пудовъ не очищенной бумаги, изъ коихъ выходитъ очищенной 25%. Следовательно, для выращенія двухъ милліоновъ пудовъ, потребовалось бы 80 тысячъ десятинъ. По исчисленіямъ же Н. В. Ханькова, посѣтителя Бухару въ 1842 году, владѣніе это заключаетъ въ себѣ до 500 квадратныхъ миль, или до 2.000.450 т. десятинъ обработанной земли. По недостатку воды въ Бухарѣ, странѣ густо-населенной, больше этого земли подъ пашви и сады обращено быть не можетъ; но въ хивинскомъ ханствѣ можно бы вывести изъ Аму-Дарьи еще большее число поливныхъ канавъ, еслибы только нашлись рабочія руки, а въ Кокандѣ, безъ сомнѣнія, также нѣтъ недостатка въ свободныхъ земляхъ и водѣ.

Одно изъ главныхъ затрудненій въ упроченіи и расширеніи сбыта средне-азиатской бумаги въ Россіи, встрѣчается въ цѣнахъ и способахъ перевозки.

Для поднятія двухъ милліоновъ пудовъ бумаги требуется болѣе 100 тысячъ верблюдовъ, такъ какъ на дальнихъ разстояніяхъ на животные эти навьючивается не болѣе 16 до 18 пудовъ; караваны же отъ Бухары до Оренбурга бываютъ въ дорогѣ отъ 2 до 2½ мѣсяцевъ. Следовательно, принимая въ соображеніе, что въ извѣстное время года дороги отъ зноя или холода становятся непроходимыми, и что поэтому верблюды не могутъ дѣлать болѣе одного оборота въ теченіе цѣлаго года, можно навѣрное сказать, что доставка такого количества груза, при нынѣшнихъ способахъ перевозки, совершенно невозможна.

Притомъ, при занятіи всѣхъ перевозочныхъ средствъ подъ бумагу, остальные статьи отпуски изъ Средней Азіи

должны бы были устранимы. Но еслибы и оказалось возможнымъ двинуть эту громаду товаровъ, не возвышая цѣны провоза до баснословныхъ размѣровъ, то спрашивается, чѣмъ будетъ Россія платить Азіятцамъ за ихъ товары, прежде нежели увеличится у нихъ значительно надобность въ нашихъ произведеніяхъ? Еслибы намъ пришлось платить имъ монетою, то провозная плата должна была бы удвоиться по той причинѣ, что вьючный скотъ возвращался бы порожнякомъ. На быстрое же приращеніе въ Средней Азіи надобности въ русскихъ произведеніяхъ только тогда, повторяемъ, можно разчитывать, когда установится тамъ полное спокойствіе и нѣкоторое благоустройство. Поэтому, познакомившись съ настоящимъ положеніемъ торговыхъ сношеній Россіи съ Среднею Азіею и съ видами на будущее, рассмотримъ средства, которыя могли бы привести всегѣ скорѣе къ осуществленію этихъ видовъ.

Средства эти должны имѣть двоакую цѣль, а именно 1) сдѣлать народы Средней Азіи сколько можно болѣе способными производить тѣ предметы, которые нужны Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ потреблять наибольшее количество русскихъ товаровъ, и 2) удешевить перевозку грузовъ между Россіею и среднеазіатскими владѣніями.

Для достиженія первой изъ означенныхъ цѣлей, слѣдуетъ прежде всего установить, по возможности, безопасность и спокойствіе въ сказанныхъ мѣстахъ; но на русскомъ правительствѣ лежатъ неодинаковыя обязанности относительно народовъ признавшихъ верховную его власть и приобрѣтшихъ вслѣдствіе того право на его защиту, и относительно жителей независимыхъ владѣній, имѣющихъ въ глазахъ Россіи только ту степень значенія, которую придаетъ имъ польза отъ нихъ ожидаемая для имперіи. *Баранты*, или хищническіе набѣги въ предѣлахъ земель занятыхъ русскимъ войскомъ въ Киргизской степи, почти прекратились, но на верховьяхъ Сыръ-Дарьи и по лѣвому берегу этой рѣки, Киргизы все еще терпятъ отъ хищничества Хивинцевъ и Кокандцевъ, тѣмъ болѣе что будучи вынуждены запасаться у нихъ хлѣбомъ и разными издѣліями, Киргизы сношеній съ ними прекращать не могутъ.

Для вящаго ихъ огражденія, уже рѣшено приступить къ постройкѣ укрѣпленія на рѣкѣ Джанье-Дарья, южнѣйшемъ рукавѣ рѣки Сыръ, на пути каравановъ изъ Оренбурга въ

Бухару? ¹ Этимъ способомъ не только обезопасится этотъ путь на новыя 200 верстъ и будетъ положенъ предѣлъ набѣгамъ Хивинцевъ и Киргизовъ кочующихъ въ долину рѣки Сыръ, но и откроется симъ послѣднимъ обширное пространство поливной земли, годной для хлѣбныхъ посѣвовъ. Чѣмъ болѣе Киргизы, въ этихъ мѣстахъ, сами будутъ производить хлѣба, тѣмъ независимѣе станутъ они отъ Хивинцевъ.

Гораздо болѣе чѣмъ Хивинцами, Киргизы притѣсняются Ташкентцами и Коканцами, а потому устройство нѣсколькихъ укрѣпленій по Сыръ-Дарьѣ, вверхъ отъ послѣдняго русскаго поста, Джуаекъ, оказывается необходимымъ. Нынѣ уже существуютъ на Сыръ-Дарьѣ слѣдующія укрѣпленія: Фортъ № 1-й въ 70 верстахъ отъ устья рѣки или отъ Аральскаго моря, гдѣ зимуетъ аральская флотилія и переправляются чрезъ рѣку Сыръ караваны, идущіе изъ Оренбурга въ Бухару. Въ 348 верстахъ вверхъ по рѣкѣ отъ этого форта находится фортъ Перовскій, а между ними фортъ № 2-й, имѣющій мало значенія. У форта Перовскаго, занимающаго мѣсто бывшаго нѣкогда коканскаго укрѣпленія, производилось въ прежнее время значительное хлѣбопашество, которое нынѣ чрезвычайно страдаетъ тѣмъ, что поливаніе пашень изъ рѣки Сыръ затрудняется замѣтнымъ пониженіемъ уровня воды въ главномъ руслѣ, вслѣдствіе обращенія большой массы воды во вновь образовавшійся на сѣверной сторонѣ Сыръ-Дарьи рукавъ называемый Караузьякъ, который соединяется съ главнымъ русломъ у форта № 2. Караузьякъ имѣетъ ложе неизменное другихъ рукавовъ, а потому поглощаетъ большую часть воды. Онъ образовался въ новѣйшее время изъ поливной канавы прорытой Каракалпаками, течетъ по мѣстности песчаной, неспособной къ воздѣлыванію, и занимая разливомъ своимъ до 2000 квадратныхъ верстъ, на которыхъ испареніе очень сильно, служитъ причиною безплодной траты воды, столь цѣнной въ этихъ мѣстахъ.

Лица изучившія эту мѣстность утверждаютъ, что необходимо немедленно приступить къ запруживанію рукава Караузьякъ, что только этимъ способомъ сохранился въ главномъ руслѣ Сыръ-Дарьи достаточно воды не только для плаванія судовъ, становящагося по мелководію близъ форта

¹ Исполненіе этого предположенія, къ сожалѣнію, нынѣ оторочено.

Перовскаго весьма затруднительнымъ, но и для отдѣленія значительной массы воды въ южный рукавъ Сыръ-Дарьи, называемый Джаны Дарья, доходившій некогда до Аральскаго моря и по берегамъ котораго, въ бывшее время, лежалъ цѣлый рядъ населенныхъ мѣстъ. Русло этой рѣки, будучи возвышеннѣе другихъ, болѣе способно снабжать водою поливные каналы. Почва на лѣвой сторонѣ Сыръ-Дарьи менѣе бесплодна чѣмъ на правой.

На сто версть выше форта Перовскій недавно устроено укрѣпленіе Джулекъ, отъ котораго еще версть полтораста до того мѣста, гдѣ рѣка Сыръ-Дарья наиболѣе приближается къ городу Ташкенту отстоящему на 50 версть къ востоку отъ Сыръ-Дарьи.

Отъ Ташкента, караваннымъ путемъ 185 версть до Кокана, находящагося въ 30 верстахъ къ югу отъ рѣки Сыръ, которая не перестаетъ быть судоходною даже не много выше этого мѣста.

Отъ крайняго укрѣпленія Киргизо-Сибирской линіи на рѣкѣ Чу-Пишпекъ до рѣки Сыръ, у форта Джулекъ, считается около 400 версть, дорогою, которая пролегаетъ къ сѣверу отъ города Туркестанъ подвластнаго хану Кокандевъ.

Для насъ стать твердою ногой на верховьяхъ Сыръ-Дарьи необходимо по тремъ причинамъ, именно: для окончательнаго огражденія Киргизовъ отъ притѣсненій Кокандевъ и Ташкентцевъ, для обезпеченія судоходства по рѣкѣ Сыръ, такъ какъ она представляетъ самый удобный путь сообщенія съ Россіей и одна только способна обезпечивать существованіе нашихъ гарнизоновъ, и для снабженія какъ фортовъ, такъ и парходовъ горючимъ матеріаломъ, лѣсомъ¹ или каменнымъ углемъ, изъ горъ Каратау, у

¹ Нылъ саксаулъ, кустарникъ растущій въ изобиліи по берегамъ Сыръ-Дарьи и его рукавовъ, служитъ единственнымъ топливомъ въ фортахъ и на судахъ плавающихъ по рѣкѣ Сыръ; на Аральскомъ же морѣ, употребляется каменный уголь, доставляемый съ рѣки Донъ. Для топки парходовъ, саксаулъ предпочитается всякому другому лѣсу по своей плотности, крѣпости и количеству жара имъ производимаго: неудобство его—крупизна; онъ требуетъ много мѣста для своего помѣщенія, ибо не укладывается ровно. Парходы плавающие по рѣкѣ Сыръ, складываютъ запасъ саксаула на известныхъ разстояніяхъ. По рѣкѣ это удобно, но въ морѣ оно не возможно, почему для морскихъ судовъ вынуждены завозиться углемъ.

подножья которыхъ находятся города Туркестанъ и Ташкендъ или изъ горъ Алатау лежащихъ за городомъ Кокандомъ.

Горы эти покрыты лѣсомъ; въ нихъ, говорятъ, отысканы слѣды каменнаго угля; въ пескѣ стекающихъ съ нихъ рѣкъ собирается золото; а вѣдры горъ богаты другими цѣнными минералами.

Нынѣ положеніе гарнизоновъ въ нашихъ степныхъ укрѣпленіяхъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ и нуждающихся часто въ необходимомъ, самое жалкое; оно можетъ быть улучшено только открытіемъ свободнаго сообщенія съ верховьями Сыръ Дарьи, способными снабжать ихъ всѣмъ, въ чемъ они теперь нуждаются.

Содержаніе этихъ гарнизоновъ, снабжаемыхъ всѣми предметами продовольствія изъ Россіи, обходится казѣ чрезвычайно дорого. Доставка одного пуда груза изъ Оренбурга въ фортъ Перовскій стоить до 140 копѣекъ и болѣе, такъ что правительство тратитъ не менѣе 400 тысячъ рублей въ годъ на одинъ провозъ военныхъ припасовъ, потребныхъ для незначительныхъ гарнизоновъ сыръ-дарьинскихъ постовъ. Расходы эти большею частію будутъ сбережены, когда хлѣбъ станутъ покупать въ Ташкендѣ. Со временемъ часть предметовъ, нужныхъ для продовольствія гарнизоновъ, можетъ быть также произведена въ окрестностяхъ фортовъ русскими поселенцами и Киргизами.

Оренбургское начальство, въ прежнее время, всячески препятствовало кочевымъ Киргизамъ переходить къ жизни осѣдой и заниматься хлѣбопашествомъ, опасаясь уменьшенія у нихъ скотоводства; но опасенія эти совершенно напрасны. Вопервыхъ, пространство способное къ земледѣлію крайне незначительно въ сравненіи съ общимъ протяженіемъ степи, а потому пашни всегда займутъ относительно только самую ничтожную частицу земли; во вторыхъ, къ осѣлости переходятъ нынѣ только бѣднѣйшіе Киргизы, лишившіеся скота; богатые же занимаются посѣвами чрезъ работниковъ на мѣстахъ, лѣтнихъ или зимнихъ кочевковъ, ни мало не покидая бродячей жизни, а потому земледѣліе служитъ имъ чувствительнымъ подспорьемъ, доставляя хлѣбъ ихъ семейству, а въ случаѣ надобности даже и кормъ скоту.

Размноженію скота въ степи мѣшаетъ не недостатокъ охотниковъ заниматься скотоводствомъ, какъ, кажется, нѣ-

когда полагало мѣстное начальство, но частая гибель скота отъ гололеда и вьюгъ, когда скоту негдѣ укрываться отъ стужи и бурановъ и нѣтъ возможности доставать травы изъ-подъ ледяной коры.

Поэтому распространеніе хлѣбопашества между Киргизами могло бы только способствовать сохраненію и размноженію скота въ степи. Вместе съ тѣмъ обогащая Киргизовъ и укрощая ихъ нравы, оно увеличиваетъ потребление между нами русскихъ произведеній и сдѣлаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые кочуютъ въ южномъ отдѣлѣ степи, болѣе независимыми отъ Хивинцевъ, Коканцевъ и Бухарцевъ, къ которымъ они нынѣ принуждены обращаться за хлѣбомъ.

Изъ этого однако не слѣдуетъ еще, что съ распространеніемъ хлѣбопашества между Киргизами, кочующіе близъ границъ Оренбургскаго края и Сибири перестанутъ у насъ покупать хлѣбъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе привыкнутъ Киргизы къ употребленію хлѣба, тѣмъ болѣе станутъ они покупать его въ Россіи, потому что сами никакъ не могутъ производить такое количество хлѣба, которое имъ нужно при ежедневномъ употребленіи его. Собственное хлѣбопашество, удовлетворяя крайней нуждѣ, можетъ вывести Киргизовъ изъ ихъ настоящей рабской зависимости отъ притѣвляющихъ ихъ южныхъ сосѣдей.

Нынѣ эти кочевыя племена питаются почти исключительно мясомъ, молокомъ и сыромъ, а хлѣбъ водится у весьма немногихъ. Еслибы три милліона Киргизовъ употребляли только по одной четверти на душу, то изъ Россіи отпущалось бы въ степь не сто тысячъ четвертей, какъ нынѣ, но въ десять разъ болѣе.

Убѣдившись въ пользѣ распространенія земледѣлія въ Киргизской степи и преимущественно на берегахъ Сыр-Дарьи, гдѣ хлѣбъ безъ орошенія не родится, правительство не упуститъ изъ вида, что поливныя каналы могутъ быть устраиваемы и поддерживаемы только общими средствами всѣхъ пользующихся водою изъ нихъ, и что поэтому, въ самыхъ неустроенныхъ государствахъ Азіи, само правительство печется объ этомъ предметѣ, а слѣдовательно и мы можемъ надѣяться на успѣхъ только тогда, когда мѣстное начальство будетъ заботиться объ устройствѣ и поддержаніи оросительныхъ каналовъ.

Обезопасивъ Киргизовъ и поощривъ у нихъ хлѣбопашество, правительство положить начало благоденствію степныхъ жителей. Что же касается независимыхъ владѣній Средней Азіи, то въ Бухарскомъ ханствѣ уже существуетъ нѣкоторая гражданственность, которая вѣроятно разовьется, на сколько это возможно въ азіатско-мусульманскихъ государствахъ, когда укротится буйство сосѣдей, оживятся сношенія съ Россіею, и русскія факторіи учредятся въ Бухарѣ.

Коканское владѣніе то подчиняется одному государю, то распадается на многія ханства, между собою враждующія. Страна эта богаче Бухары природными дарами, но народъ тамъ несравненно грубѣе. Тѣмъ болѣе необходимо въ этихъ мѣстахъ утвердить цивилизующее вліяніе Россіи; устроившись же, ханство Коканское способно вести съ Россіею обширную торговлю. Удобство сообщенія порѣкъ Сыр-Дарьѣ, на которой плаваніе прекращается не болѣе какъ на 3—4 мѣсяца въ году, позволить русскому войску держать въ страхѣ всѣ прилегающія къ этой рѣкѣ земли.

Болѣе трудности представляетъ укрощеніе Хивинцевъ; но безъ явнаго вреда для сношеній нашихъ съ Среднею Азіею, не слѣдовало бы и ихъ оставлять въ настоящемъ положеніи. Хивинское ханство малолюдно и далеко не пользуется отъ природы тѣмъ обиліемъ, какимъ отличается Коканъ, а потому можно было бы не обращать на эту страну вниманія, если бы все хозяйство, весь бытъ Хивинцевъ, не основывались на началѣ, которое вызываетъ разбѣи и анархію во всѣхъ сосѣднихъ странахъ и препятствуетъ Россіи извлекать пользу, которую она по своему положенію вправѣ отъ нихъ ожидать. Это начало—рабство. Въ Хивинскомъ ханствѣ всѣ тяжелыя работы лежатъ на невольникахъ, пріобрѣтеніе которыхъ, вслѣдствіе этого, становится необходимымъ условіемъ существованія этого государства.

Въ прежнее время, въ числѣ невольниковъ, было много Русскихъ; нынѣ же доставляются они почти исключительно изъ Персіи, и сосѣднія съ этимъ государствомъ туркменскія племена только тѣмъ и промышляютъ, что захватываютъ въ пѣнь Персіянъ для продажи ихъ въ Хиву.

Вся часть Персіи, къ западу отъ Каспійскаго моря, вмѣщающая въ себѣ провинціи Астрабадскую и Хоросанскую,

богатѣйшая въ мірѣ по дарамъ природы, призванная вести съ Россією обширную торговлю, оказывается нынѣ одною изъ самыхъ несчастныхъ, потому только что персидское правительство не въ силахъ защитить ее отъ набѣговъ Туркменъ.

Сама Туркмены занимаютъ мѣста по рѣкамъ Гурганъ и Атрекъ, мѣста, въ которыхъ нѣкогда процвѣтала гражданская жизнь, какъ доказываютъ остатки прежнихъ сооруженій;—и прекратись сбытъ невольниковъ въ Хиву, Туркмены не будутъ имѣть выгоды продолжать свои набѣды и обратятся къ мирнымъ занятіямъ, а Хивинцы, за неимѣніемъ невольниковъ, сами примутся за соху, покинувъ свой нынѣшній военно-разбойничій промыслъ. Ихъ примѣру послѣдуютъ всѣ окрестныя кочевья Туркменъ, Киргизовъ и Каракалпаковъ, находящіеся благодаря Хивинцамъ въ нескончаемомъ волненіи. Прямая же выгода Россіи требуютъ водворенія спокойствія и благосостоянія во всѣхъ этихъ племенахъ, сколько для того чтобы приготовить для русской торговли новый рынокъ на юговосточной оконечности Каспія, въ Астрабадѣ, столько и въ видахъ процвѣтанія самаго Хивинскаго ханства, ближайшаго къ Россіи, чрезъ которое пролегаетъ кратчайшій путь отъ Каспійскаго моря къ долинѣ Аму-Дарья.

Цѣль эта не можетъ быть достигнута инымъ способомъ, какъ прекращеніемъ торговли невольниками въ самой Хивѣ, такъ какъ наблюденіе за Туркменами не возможно.

Нѣтъ однако сомнѣнія, что прекращеніе невольничества въ Хивинскомъ ханствѣ не можетъ быть достигнуто безъ повудительныхъ средствъ, въ осуществленіи которыхъ встрѣтятся болѣе препятствій чѣмъ въ коканскихъ владѣніяхъ. Входъ вооруженныхъ судовъ въ рѣку Аму затрудняется тѣмъ, что рѣка эта, при впаденіи въ Аральское море, имѣетъ только въ половодіе до трехъ футовъ глубины, а въ низкую воду не только на устьяхъ рѣки, но и до того мѣста гдѣ она развѣтвляется, много отмелей не проходимыхъ для судовъ сидящихъ въ водѣ болѣе двухъ футовъ; по Аральскому же морю такія суда способны плавать только въ самую тихую погоду. Сѣдовательно, еслибы суда съ войскомъ вступили въ Хиву даже во время половодія, то въ случаѣ какой-либо неудачи, отступленіе становилось бы затруднительнымъ. Наконецъ на Аму нѣтъ иного топлива, кромѣ кустарника

саксаулъ, что могло бы препятствовать продолжительному плаванію пароходовъ.

Несмотря на все это, нельзя сомнѣваться, что наше правительство, принявъ твердое намѣреніе искоренить торговлю невольниками въ Хивинскомъ ханствѣ, могло бы найти нужная для этого средства; но нельзя скрыть, что вообще водруженіе Русскаго знамени въ Средней Азіи потребуетъ значительныхъ расходовъ.

Слѣдуетъ однако принять въ соображеніе, что съ перенесеніемъ охранной линіи на новую пограничную черту имперіи, будутъ упразднены линіи Уральская, Оренбургская и Сибирская, имѣющія протяженія отъ Гурьева на Каспійскомъ морѣ до Бухтарминска 3.300 верстъ, чрезъ что казаки занимающіе эти линіи, дѣлаясь свободными, могли бы быть передвинуты на новыя мѣста; что съ занятіемъ богатыхъ мѣстъ на верховьяхъ Сыръ-Дарьи удешевится содержаніе тамъ войска; что наконецъ польза, которую Россія извлечетъ изъ сношеній съ Среднею Азіею такъ очевидна, что всѣ пожертвованія на это дѣло вскорѣ окупятся.

Преодоливъ такимъ путемъ препятствія, которыя невѣжество Азіятцевъ противопоставляетъ развитію русской торговли, остается еще разсмотрѣть тѣ преповы, посредствомъ которыхъ сама природа разъединила насъ съ богатымъ оазисомъ, поливаемымъ водами Сыръ и Аму Дарьи. Препятствіе это есть огромное пространство бесплодной степи, черезъ которую пролегаютъ пять главныхъ путей, а именно: 1) изъ Хивы на полуостровъ Мангышлакъ на Каспійскомъ морѣ; 2) изъ Хивы же по западному берегу Аральскаго моря въ Оренбургъ; 3) изъ Бухары прямо на сѣверъ до Оренбурга; 4) изъ Ташкента восточною стороною Киргизской степи въ Троицкую таможенную и 5) въ Петропавловскъ.

Первая дорога самая короткая, имѣетъ протяженія мѣнѣе 1.000 верстъ, но она проходитъ по мѣстамъ безводнымъ и опаснымъ вслѣдствіе набѣговъ Туркменъ, а потому мало употребляется. Вторая, въ длину 1.300 верстъ, представляетъ почти тѣ же неудобства, и также почти оставлена. Третья, самая обыкновенная, идетъ отъ Оренбурга до Орска на 265 верстъ, оттуда до форта N 1 на Сыръ-Дарьѣ—721 версту, представляетъ колесный, совершенно безопасный

путь; потомъ до рѣки Яны Дарья, около 200 верстъ; наконецъ совершенно безводною степью болѣе 300 верстъ, откуда остается до Бухары песчаной мѣстности, немногимъ однако менѣе безводной, примѣрно 200 верстъ; всего же разстоянія отъ Оренбурга до Бухары считается 1.700 верстъ. Дневныхъ переходовъ отъ Орской крѣпости до Бухары 40, и столько же отъ Троицка въ Ташкентъ. Эта послѣдняя дорога обильнѣе кормами. Еще лучше дорога отъ Ташкента до Петропавловска, вся теляжная; хотя въ южной своей части, она проходитъ черезъ такъ-называемую голодную степь, но и тамъ встрѣчаются колодцы. Разстоянія около 1.600 верстъ.

Только въ новѣйшее время нѣкоторые товары стали перевозиться изъ Россіи въ степь и до береговъ Сыръ-Дарьи на волахъ, въ повозкахъ. Обыкновенная же доставка производится на верблюдахъ, которые одни способны обходиться безъ воды, или довольствоваться дурною водой, и питаются колючими растеніями степи. Транспорты идутъ караванами, и только въ тѣ времена года, когда свѣжные ураганы на сѣверѣ, а зной и безводіе на югѣ, не дѣлаютъ степей непроходимыми.

По этимъ уваженіямъ, между Бухарою и Оренбургомъ, обыкновенно отправляется только два каравана въ годъ. Караваны состояются изъ тѣмъ-большаго числа людей и вьючнаго скота чѣмъ опаснѣе путь. Но число вьючнаго скота должно соразмѣряться съ обиліемъ воды въ колодцахъ и корма въ степи. Степи, бѣдныя кормомъ и водой, и вмѣстѣ съ тѣмъ подверженныя набѣгамъ хищниковъ, становятся непроходимыми. По этой именно причинѣ, нынѣ почти покинута дорога между Хивою и Каспійскимъ моремъ.

Между Оренбургомъ и Бухарою караваны бываютъ въ дорогѣ отъ 2 до 2½ мѣсяцевъ. Провозная плата отъ 5 до 15 рублей, среднимъ числомъ 10 рублей съ верблюда, то есть съ 16 пудовъ безъ тары. Отъ Оренбурга до Нижняго Новгорода платится за доставку около 60 коп. съ пуда.

Въ 1860 году прибыло вьючнаго скота въ таможенную Оренбургскую, Троицкую и Петропавловскую 25.565 головъ, а подводъ 5.072; вышло же оттуда вьючнаго скота 8.145, а подводъ 4.337. Подводы ходятъ преимущественно съ казенными транспортами или съ товарами назначен-

ными для войскъ въ степи расположенныхъ, такъ что торговля съ средне-азійскими владѣніями до сихъ поръ почти исключительно производится вьючнымъ скотомъ; считая же по 16 пудовъ на верблюда, было въ привозѣ 400.000, а въ отвозѣ 130.000 пудовъ. Количества весьма незначительныя, если принять въ разсужденіе, что въ числѣ товаровъ бывають металлы и другіе громоздкіе предметы. Буксирные пароходы на Волгѣ передвигаютъ каждый по сотнѣ тысячъ пудовъ.

Понятно, что подобными способами нельзя перевозить большихъ грузовъ, и что хотя со времени усмиренія степи къ сѣверу отъ рѣки Сыръ-Дарья и прекращенія поборовъ взимавшихся съ каравановъ въ прежнее время Хивинцами, привозная плата и понизилась, но все еще доставка пуда товара изъ Бухары въ Москву рѣдко обходится дешевле двухъ рублей, а если присовокупить къ тому страховую премію противъ грабежей и обмановъ прикащиковъ и вощиковъ, также неизбѣжную порчу товаровъ, не укрытыхъ отъ дождя, ежедневно снимаемыхъ съ верблюдовъ и вновь накладываемыхъ, валяющихся въ снѣгу и въ грязи,—то на значительное пониженіе цѣны при настоящихъ обстоятельствахъ надѣяться нельзя.

Имѣя однако въ виду, что дальній сухопутной перевозки избѣжать невозможно, остается только приискать способы или сократить ее, или сдѣлать ее по возможности удобною.

Для товаровъ идущихъ изъ Хивы на Волгу, ближайшій путь, безъ сомнѣнія, лежитъ чрезъ Мангышлакъ, гдѣ находится Новоалександровское укрѣпленіе. Но къ сожалѣнію, все пространство между рѣкою Аму-Дарья и Каспійскимъ моремъ почти безводно, и потому проходимо только для небольшихъ каравановъ, которые нынѣ, по причинѣ грабежей Туркменцевъ, не могутъ безопасно ходить по этому направленію. Какъ скоро будетъ положенъ конецъ этимъ грабегамъ, каспійскій путь, хотя онъ всегда останется доступнымъ только перевозкѣ на верблюдахъ, получитъ несравненно большее значеніе и всегда будетъ служить путемъ вспомогательнымъ, еслибы перевозочныхъ средствъ не стало въ другихъ частяхъ степи.

Часто возобновляемое въ разныхъ сочиненіяхъ предположеніе о направленіи рѣки Аму по прежнему своему руслу къ Каспійскому морю, уже потому не заслуживаетъ

вниманія, что при сильномъ испареніи въ степи, воды этой рѣки едва ли доходили бы до моря, даже въ томъ случаѣ, еслибы всю массу воды обратили туда, предварительно засыпавъ всѣ поливные каналы Хивинскаго ханства, поглощающіе огромное количество воды (черезъ что лишилось бы средствъ существованія все населеніе ханства.)

О безводности и опасности пути, ведущаго отъ береговъ Аму-Дарья въ Хивинскомъ ханствѣ къ Каспійскому морю, нельзя не сожалѣть, тѣмъ болѣе что бухарскіе грузы могли бы весьма удобно, по этой рѣкѣ, отстоящей отъ города Бухары только верстѣ на 50, сплавляться по рѣкѣ Аму до Хивы. Тамъ и теперь ходятъ туземныя лодки, рѣка эта считается судоходною на протяженіи 1100 верстѣ, протекая на пространствѣ до 800 верстѣ по странѣ населенной. Этимъ путемъ и русскіе товары могли бы проникнуть до подножія Небесныхъ горъ.

Съ перваго взгляда могло бы казаться удобнымъ перенести товары, сплавляемые по рѣкѣ Аму-Дарья на Аральское море, и вступивъ въ рѣку Сыръ-Дарья, которой устье не много глубже устья Аму и никогда не имѣетъ менѣе трехъ футовъ глубины, поднимать по ней грузы до форта № 1, для отпрашенія ихъ оттуда сухимъ путемъ въ Россію. Но если мы примемъ въ соображеніе мелководіе на устьяхъ Аму-Дарья и то обстоятельство, что плоскодонныя суда, способныя ходить по этой рѣкѣ, не могли бы плавать по Аральскому морю, для чего потребовалась бы перегрузка, то осуществленіе этого предположенія представится довольно затруднительнымъ.

Затѣмъ, признавая, по крайней мѣрѣ до времени, сухопутную перевозку товаровъ между Россіей и бухарскими владѣніями необходимою, мы были бы должны только приискывать средства для удешевленія и безопасности оной.

Пространство пятисотъ верстѣ, черезъ которое нынѣ проходятъ караваны между Куваъ-Дарьею и Бухарою, бѣдно водою и подножнымъ кормомъ, и съ трудомъ охраняется отъ хищниковъ по невозможности содержать тамъ караулы. А потому, на этомъ пространствѣ, перевозка можетъ совершаться только на верблюдахъ, значительными караванами и лишь въ то время года, когда песчаная степь можетъ давать корма и воды.

Отъ Сыръ-Дарьи до русской границы дорога колесная, проходима во всякое время одиночными возами. Помянуто, что сообщенія съ Россією много выиграли бы, еслибы перевозка между Бухарою и рѣкою Сыръ могла совершаться такимъ же способомъ, а это возможно только при обходѣ пустыни, простирающейся отъ лѣваго берега рѣки Аму и Аральскаго моря до западнаго склона горъ Каратау и Алаатау, то-есть до владѣній послушныхъ хану коканскому. Слѣдовательно, самая удобная дорога изъ Бухары въ Россію должна лежать на Сыръ-Дарью, по направленію къ Ташкенту (460 верстъ) или чрезъ Коканъ (560 верстъ).

Путь этотъ проходитъ по мѣстамъ обитаемымъ и нынѣ уже проѣзжаемымъ на двухколесныхъ одноконныхъ повозкахъ, весьма неуклюжихъ, но способныхъ къ улучшенію, а когда повсемѣстно чрезъ поливные каналы будутъ устроены мосты, то пути эти сдѣлаются вполнѣ удобными.

По Сыръ-Дарьѣ грузы назначенные въ Оренбургъ должны быть сплавляемы до форта № 1, какъ самаго ближайшаго къ западу; товары же назначаемые въ Сибирь могутъ быть прямо съ пристани нагружаемы на русскія повозки. Перевозка товаровъ по рѣкѣ Сыръ, на первое время, можетъ быть совершаема средствами нашей флотиліи, состоящей нынѣ изъ двухъ желѣзныхъ пароходовъ въ 40 силъ каждый, одного 20-сильнаго парохода и одного 12-сильнаго, трехъ желѣзныхъ и двухъ деревянныхъ парусныхъ судовъ, двухъ желѣзныхъ и четырехъ деревянныхъ паромовъ и двадцати двухъ гребныхъ судовъ. Всѣ эти суда нынѣ никакой пользы не приносятъ, но совершая срочные рейсы отъ устьевъ Сыръ-Дарьи до Кокана, они оказывали бы огромную услугу торговлѣ и облегчали бы продовольствіе войскъ расположенныхъ вдоль рѣки.

Во сколько обошлась бы перевозка товаровъ этимъ путемъ, опредѣлить, разумѣется, невозможно; но принимая въ соображеніе безопасность этого пути и скорое обращеніе капиталовъ при открытіи непрерывнаго сообщенія между Россією и среднеазійскими владѣніями, нельзя сомнѣваться въ пользѣ долженствующей отъ того произойти для торговли.

Притомъ, нельзя однако не замѣтить, что товары изъ Бухары только тогда безостановочно могутъ проходить чрезъ коканскія владѣнія, когда прекратится не преры-

вающаяся повывъ вражда между двумя этими государствами, а это можетъ быть достигнуто только вліяніемъ Россіи.

Торгующее съ Среднею Азіею купечество желаетъ еще перенесенія таможенной линіи съ границъ Оренбургской, Тобольской и Томской губерній на Сыръ-Дарью и до предѣловъ области сибирскихъ Киргизовъ.

Перемѣщеніе это, въ военномъ отношеніи, имѣло бы ту выгоду, что караулы расположенныя по вывѣшней оренбургской и сибирской линіямъ, были бы упразднены; въ финансовомъ,—что нѣсколько милліоновъ жителей Киргизскихъ степей оплачивали бы пошлиною товары получаемые ими изъ-за границы; наконецъ, въ торговомъ,—что русское купечество селилось бы на крайнихъ предѣлахъ имперіи, и сблизившись чрезъ это съ Азіатцами, стало бы само ѣздить въ ихъ землю, не ожидая прибытія ихъ въ Россію, а это обстоятельство столь важно въ видахъ распространенія торговли, что оно вполне оправдывало бы перенесеніе таможенной линіи.

Можно даже сказать утвердительно, что до перенесенія торговли и таможень изъ Оренбурга на Сыръ-Дарью, вывѣшній способъ караванной перевозки прекратиться не можетъ, потому что у бухарскихъ купцовъ, до продажи нѣкоторой части ихъ товаровъ Русскимъ, большею частію не имѣется денегъ даже для расплаты съ вощиками.

Нельзя однако скрывать, что исполненіе этого предположенія встрѣчаетъ не мало затрудненій.

Вопервыхъ, все пространство земли между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, по безводности, таможенною стражею занято быть не можетъ; но имѣя въ виду, что хивинскіе товары этимъ путемъ, по опасности его отъ хищниковъ, перевозятся только цѣлыми караванами, а не на одиночныхъ вьюкахъ, и что за караванами усмотрѣть не трудно, стоило бы только объявить путь этотъ закрытымъ для нихъ.

По границамъ киргизскихъ степей, товары азіатскіе также миновать не могутъ русскихъ фортовъ, а потому вывѣшній способъ не потребуетъ таможеннаго надзора, если принять за правило, что изъ всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ изъ Средней Азіи, преимущественно чай, переходящій въ Россію изъ Китая чрезъ Чугучакъ, Кульджу и Кашгаръ,

требуетъ ближайшаго наблюденія , по причинѣ совмѣстначества его съ чаемъ привозимымъ цымыъ путемъ. Съ него собрано, въ 1860 году, въ таможнякъ по линіи киргизскихъ степей, до ста тысячъ рублей пошлины.

Пошлина со всѣхъ остальныхъ товаровъ привезенныхъ въ 1860 году къ таможнякъ оренбургской и сибирской линій доставила 315 тысячъ руб., изъ которыхъ 97 тысячъ собраны съ соли Киргизскихъ степей, 90 тысячъ съ бумажныхъ издѣлій и 23 тысячи рублей съ шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій.

Не касаясь надзора за соляными озерами, который долженъ быть тамъ учрежденъ по новому положенію о торговлѣ солью въ имперіи, замѣтимъ только , что съ направленіемъ среднеазійскихъ товаровъ на небольшое число точекъ занятыхъ русскими войсками, разсыпаніе товаровъ по степи , между кочевьями , станетъ гораздо труднѣе , а потому и значительной контрабанды опасаться не должно. Но если принимать въ соображеніе ничтожный доходъ поступающій въ таможни отъ азіатскихъ товаровъ , то на азіатской границѣ вовсе не требуется такая взыскательность какъ на европейской.

Тамъ могло бы быть постановлено правиломъ , что только одни купеческіе товары подлежатъ оплатѣ пошлиною; что же до предметовъ привозимыхъ мѣстными жителями, въ малыхъ партіяхъ, для своей надобности, то таможенные чиновники касаться ихъ не должны. Въ противномъ случаѣ притѣвленіямъ кочевыхъ жителей, переходящихъ непрерывно съ мѣста на мѣсто , не было бы конца.

Итакъ , имѣя въ виду, съ одной стороны , принятую на себя правительствомъ обязанность охранять Киргизъ-Кайсаковъ , вступившихъ въ подданство Россіи , съ другой — выгоды, которыя слѣдуетъ ожидать отъ расширенія торговыхъ сношеній нашихъ съ Среднею Азією, было бы полезно:

1) занять верховья Сыръ-Дарья войсками , въ такомъ числѣ, чтобы

а) плаваніе по всему протяженію этой рѣки производилось безпрепятственно;

б) войска русскихъ укрѣпленій и флотилія сыръ-дарьинская могли снабжаться съ верховьевъ рѣки строевымъ лѣсомъ и топливомъ , равно и всѣмъ необходимымъ для нихъ продовольствіемъ;

в) прекратилась вражда между Коканомъ и Бухарою, дабы перевозка товаровъ между этими владѣніями совершалась свободно;

г) были охранены Киргизы отъ Кокандцевъ и предотвращены вторженія этихъ послѣднихъ въ области Малой Бухаріи.

2) Стать твердою ногою на Аму-Дарьѣ для прекращенія въ Хивинскомъ ханствѣ торговли невольниками и усмиренія чрезъ это туркменскихъ племенъ, кочующихъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря.

3) Связать чрезъ устройство нѣсколькихъ фортовъ, линію Сыръ-Дарьинскую съ Киргизо-Сибирскою.

4) Перенести на эту новую линію таможенные учрежденія съ выѣзшихъ Оренбургской и Сибирской линій.

5) Учредить, какъ скоро окажется возможнымъ и нужнымъ, срочное отъ казны пароходство по Сыръ-Дарьѣ.

6) Отправить консуловъ въ тѣ владѣнія среднеазіійскія, съ которыми Россія находится или будетъ находиться въ торговыхъ сношеніяхъ, и содѣйствовать учрежденію тамъ русскихъ факторій.

7) Поощрять хлѣбопашество между Киргизами.

Г.

ОРЖЕРСКАЯ ШАЙКА

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВРЕМЕНИ ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Мы вообще небогаты свѣдѣніями о внутреннемъ и такъ сказать домашнемъ бытѣ Франціи въ кровавую и безпорочную годину ея первой революціи. Благодаря мемуарамъ, тогдашнимъ журналамъ и воспоминаніямъ очевидцевъ, мы еще можемъ воссоздать передъ собою довольно полную картину столичной, политической, военной жизни въ ту пору; но дѣла, совершавшіяся по маленькимъ городкамъ, по селеніямъ и провинціальнымъ захолустьямъ, покрыты завѣсой, и завѣса эта приподнимается не часто, да сверхъ того весьма неохотно. Французъ славолубивъ до недобросовѣстности: черезъ семьдесятъ слѣшкомъ лѣтъ ему больно признаваться, что его прекрасная родина, въ періодъ событій потрясавшихъ Европу, внутреннимъ своимъ бытомъ отчасти напоминала владѣнія короля дагомейскаго или разбойничьи уголки Малайскаго архипелага. Историки, самые безпристрастные, за разнообразіемъ политическихъ событій, не имѣютъ времени останавливаться надъ изображеніемъ жизни вседневной; историки не чуждые пристрастія въ ту или другую сторону имѣютъ свои причины проходить эту жизнь молчаніемъ. Какая политическая партія могла, безъ

ущерба себѣ самой, разоблачить весь ужасъ и гной язвъ, которыми покрылось все огромное государство за какіе-нибудь пять или шесть лѣтъ полной общественной разложенія? Партія революціонная и республиканская была естественно заинтересована тѣмъ чтобъ прятать правду какъ можно далѣе, прикрывать раны патриотическимъ знаменемъ и представлять недугъ, приведшій Францію на край пропасти, недугомъ временнымъ, неизбежнымъ, даже спасительнымъ. Орлеанисты равнымъ образомъ боялись полной истины относительно событій революціи; ихъ политическая сила заключалась въ классахъ выигравшихъ чрезъ нее, а еще болѣе въ духѣ соглашенія, уступокъ и примиренія, годномъ для политики, но едва ли подходящемъ къ дѣлу откровеннаго разысканія истины. Легитимистскимъ писателямъ, казалось бы, было всего легче и выгоднѣе для себя правдиво изображать бытъ своей родины во время революціи; но кромѣ малаго числа даровитыхъ людей въ ихъ средѣ, писатели эти также терпѣли отъ политическихъ соображеній. Вѣрная картина бѣдствій народныхъ за девяностые годы прошлаго столѣтія неизбежно заставляла бы обратиться къ корню этихъ бѣдствій, неизбежно сложила бы часть отвѣтственности за нихъ на тотъ порядокъ вещей, который привыкъ къ революціи и ея ужасамъ. Нападать на сумасбродства конвента, на кровожадность парижской черни, на ужасы въ Лионѣ и Нантѣ было не трудно; то были явленія несложныя, легко объясняемыя и объясняемыя въ интересѣ партіи легитимистовъ. Но изобразить отчаянное положеніе земледѣльческаго класса, отсутствіе общественной безопасности по дорогамъ, деревнямъ и маленькимъ городамъ, вывести наружу все почти невыразимое безобразіе всендневной жизни за время республики, не значило ли съ тѣмъ вмѣстѣ начинать процессъ старому времени, не значило ли признать крайнюю слабость организма до такой степени расшатаннаго немногими годами недуга? Было еще одно вѣрное соображеніе удерживавшее крайнихъ консерваторовъ отъ чистосердечнаго отношенія къ малоизслѣдованному предмету: они очень хорошо знали, что Франція за время первой республики шла быстрыми шагами къ варварству, но имъ также хорошо было извѣстно, чья могучая рука удержала родину на краю пропасти, удержала и поставила

на единственную дорогу, по которой может двигаться образованное общество. По слову ненавистнаго Бонапарта остановились ежедневные разбои на больших дорогах; убійства повергавшія въ ужасъ города и сельскія уединенныя дома, встрѣтили неумолимую кару; проскувшіеся служители правосудія снова ухватились за мечъ, выпавшій было изъ ихъ рукъ въ минуту отчаянной робости. Изучая переходное время отъ республики къ консульству и имперіи, было невозможно скрыть всего этого и стало - быть не послужить Бонапарту и бонапартовской партіи. Наконецъ самая эта бонапартовская партія, какъ извѣстно всякому, во время реставраціи и іюльской монархіи, не имѣла въ своихъ рядахъ людей отличавшихся особливою дальновидностью: за исключеніемъ нынѣшняго императора Французовъ, въ первыхъ своихъ литературныхъ трудахъ показавшаго замѣчательную политическую зоркость, другіе дѣятели и писатели одного съ нимъ круга поступали довольно легкомысленно. Они преувеличивали дѣйствительное пристрастіе Французовъ къ военной славѣ, возвеличивали разорительныя войны и кровавыя сраженія, запугивали мирныхъ людей громозвучными возгласами, играя на одной и той же струнѣ до того что ихъ музыка уже начала надѣвдать слушателямъ. До того времени, когда бонапартизму открылось поле дѣятельности съ учрежденіемъ февральской республики, большинство его представителей было искренно убѣждено, что все сельское населеніе Франціи, ихъ первая опора, въ Наполеонѣ I обожаетъ ваграмскаго побѣдителя, вождя ста сраженій, завоевателя Европы и перваго полководца въ мірѣ. Слушая ихъ рѣчи и читая ихъ произведенія, можно было подумать, что французскій мужикъ, грамотный и неграмотный, пламенѣетъ желаніемъ отплатить Европѣ за ватерлооское пораженіе, поставить еще нѣсколько сотъ тысячъ своихъ собратій подъ пули и ядра. Эти писатели и государственные люди обманывались, къ своему счастью. Французскій мужикъ дѣйствительно обожаетъ память Наполеона I, но о побѣдахъ его хранитъ лишь смутное воспоминаніе. Если онъ знаетъ, что подъ Маренго и Ватерлоо люди за что-то дрались, то онъ знаетъ это лишь потому что разные beaux messieurs повторяли ему эти имена съ особеннымъ одушевленіемъ. Его отцы и дѣды передали ему про маленькаго капрала разказы дру-

гаго рода, разказы болѣе близкіе къ его домашнимъ интересамъ. По ихъ словамъ, было время, когда поселяне мерли отъ голода по дорогамъ, когда человекъ, сберегшій лишнюю копѣйку, зарывалъ ее въ землю, когда послѣдняя мѣрка хлѣба отнималась насильно для продовольствія армій, когда за сельскіе продукты платилось не деньгами, а клочками мерзкой бумаги. Въ эту ужасную пору никто, ложась спать, не могъ сказать себѣ, что онъ проснется живымъ на слѣдующее утро, отправляясь въ дорогу не былъ увѣренъ, что въ первомъ лѣсу его не зарѣжутъ какъ барана. Изверги врывались въ дома, выбивали двери фермъ бревнами и петардами, рѣзали хозяевъ, насилывали женщинъ, пытками дознавали о томъ гдѣ спрятаны деньги, и послѣ полнаго грабежа, кончали дѣло пожаромъ. Защиты не было ни откуда. Арестованные убійцы спасались изъ переполненныхъ тюремъ и мстили людямъ ихъ выдававшимъ, либо дерзко шли въ судъ, дерзко отвѣчали на допросы, угрожали присяжымъ, и очень часто уходили оправданными, по робости и неопытности властей. Судьи были все молодые и новые, порядокъ суда измѣненъ и они съ нимъ не свыклись; всякій берегъ свою шею и зачастую мирволилъ несомнѣннымъ злодѣямъ. *Жить было нельзя* (la vie n'était plus possible dans le pays), такъ заключаетъ крестьянинъ свое разсужденіе. Наконецъ узналъ обо всемъ этомъ маленькій капраль, воевавшій въ то время съ Турками. Война шла очень хорошо, но онъ бросилъ все и пріѣхалъ. Въ тотъ же день созвалъ онъ къ себѣ министровъ, судей, разныхъ сильныхъ господъ, и спросилъ ихъ, правда ли что жить нельзя во Франціи. Они было стали шумѣть, онъ велѣлъ гренадерамъ повыкидать ихъ всѣхъ изъ окошекъ. Повыкидавши ихъ, позвалъ онъ къ себѣ господина Фуше и сказалъ ему: „даю тебѣ одинъ мѣсяць, а если черезъ мѣсяць узнаю я, что хоть одного мальчишку убили или ограбили во всей Франціи, будешь ты висѣть на фонарѣ, и деньги твои конфискують.“ Фуше принялся, и самъ чортъ не выдумаетъ такихъ штукъ, на какія онъ поднимался! Ѣдетъ напримѣръ по лѣсу фура, вся закрытая, при ней почтальйонъ и одинъ драгунъ; на фурѣ написано: „Касса великой арміи.“ Ночью, разбойники кидаются на фуру, а изъ нея, вмѣсто легкой поживы, выходятъ солдаты за солдатомъ, перехватываютъ разбойниковъ и тутъ же пе-

ревѣшаютъ. Или придутъ переодѣтые люди на чью-нибудь ферму и говорятъ хозяину: „ты насъ спрячь, а самъ будто напейся въ харчевнѣ и хвастайся, что у тебя въ подвалѣ много денегъ.“ Извѣстно къ чему ведетъ такое хвастовство, не пройдетъ сутокъ какъ *шофферы* появятся толпой у воротъ, примутся ломать дверь, а ихъ изъ оконъ бьютъ изъ ружей на выборъ. Весь народъ отдохнулъ, а черезъ мѣсяцъ Фуше говоритъ капралу: разошлите вашихъ генераловъ куда вздумаете, да прикажите имъ кидать деньги по большимъ дорогамъ, коли пропадетъ хоть одна монета, отвѣчаю за нее головою. Попробовалъ капрала, и ни одной монеты не пропало.

Вотъ въ какихъ разказахъ и преданіяхъ надо искать объясненіе судьбамъ бонапартизма во Франціи, вотъ почему при первомъ слабомъ подобіи бывшей безурядицы семь милліоновъ голосовъ выдвинули впередъ человѣка, вся заслуга котораго передъ народомъ заключалась въ томъ, что онъ носилъ имя Бонапарта. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ Наполеона III, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы обманывали себя относительно прочности его власти: не все то находится въ дурномъ положеніи, что еще не имѣетъ счастья намъ нравиться. Покуда изъ народной памяти не изгладилось повятіе о маленькомъ капралѣ какъ о существѣ, безъ котораго когда-то нельзя было жить, дышать и оставаться при своей собственности, до той поры сила его соименниковъ незыблема. Не за Аустерлицъ и Маренго, не за покоренную Европу французскій престолюдинъ безропотно отдавалъ свою кровь и часть своего достоинства Наполеону I, не изъ-за чудесъ трехцвѣтнаго знамени онъ сомкнулся около его племянника. Дядя выручилъ край въ тяжкую годину смуть, и при всякой опасности смуть за это воздастся и его племяннику, и его потомкамъ. Увѣчиваетъ или не увѣчиваетъ Наполеонъ III своего зданія политическою свободой, будетъ ли онъ раздражать или лелѣять образованные классы, тотъ классъ, для котораго дороже всего возможность спокойной жизни и безопасность трудовой копѣйки, съ намъ не разойдется.

Мы сочли нужнымъ сдѣлать это короткое вступленіе къ небольшому труду, теперь предлагаемому читателямъ. Занимательный процессъ, о которомъ станемъ мы разказывать, взять нами изъ очень извѣстной книги Фукье

Les causes célèbres, съ юридической точки зрѣнія не представляетъ ничего блистательнаго; скорѣе, онъ богатъ промахами не дѣлавшими чести французскому судопроизводству за время переходное и смутное. Сами факты преступленій хотя разительны, однако отдѣльно взятые не представляютъ ничего особеннаго противъ другихъ фактовъ разбоя и насилія. Но въ связи съ исторіей, процессъ этотъ намъ кажется въ высшей степени замѣчательнымъ, во-первыхъ какъ картина общественной неурядицы, о которой до сихъ поръ было мало писано, во вторыхъ какъ объясненіе тѣхъ благодѣяній, за которыя французскій простолюдинъ до сей поры чтитъ своего маленькаго капрала превыше всѣхъ человѣковъ.

I.

Три департамента Франціи, замѣчательные плодородіемъ почвы и хорошимъ положеніемъ сельскаго населенія, и сверхъ того не весьма удаленные отъ столицы, лѣтъ за восемьдесятъ тому назадъ ознаменовались такимъ обиліемъ ужасныхъ преступленій, что память о нихъ совершенно свѣжа до нашего времени. Департаменты эти, соприкасающіеся между собою, называются департаментъ Луаре, департаментъ Луары и Шеры, департаментъ Эръ и Луаре. Весь этотъ край, издавна слылъ краемъ богатымъ, но не совсѣмъ покойнымъ, потому что населеніе его было слабо, мѣстность изобилвала удобными пріютами для людей злонамѣренныхъ, а между тѣмъ близость его къ главнымъ центрамъ, на которыхъ происходили военныя и политическія событія, привлекала къ нему изъ городовъ и военныхъ отрядовъ людей охочихъ до незаконной добычи. И жакерія, и арманьяки, и лига спускали труда своихъ грабителей, своихъ бѣглецовъ, къ которымъ, по утишеніи смуты, присоединялись молодыя положительно не способные уживаться съ порядками мирнаго времени. При Лудовикѣ XIV началась очистка парижскихъ окрестностей, вслѣдствіе которой воровскія шайки попробовали добыть себѣ пріютъ около Шартра и Оржера, въ край о которомъ говорится. По лѣсамъ и особенно по брошеннымъ каменоломнямъ онѣ

держались вѣсколько времени, но когда прекратились послѣднія попытки политическихъ смуть загоравшихся еще при Лудовикѣ XIII, шайки эти потеряли возможность держаться. Около ста лѣтъ затѣмъ край оставался на столько свободнымъ отъ разбоевъ, на сколько это оказывалось возможнымъ при тогдашнихъ порядкахъ. Бывали приключенія по большимъ дорогамъ; въ оржерскомъ лѣсу и около каменоломень народъ ходилъ съ предосторожностями; тамъ и сямъ водились харчевни съ дурною славою; полицейскіе лейтенанты Босы и Солони хватали по временамъ подозрительныхъ людей; все это водилось и по областямъ гораздо болѣе благоустроеннымъ. Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія и при началѣ революціи, количество разбоевъ вѣсколько усилилось; плохіе урожаи и дороговизна предметовъ первой потребности достаточно объясняли это усиленіе. Но чѣмъ болѣе разгоралась революція и чѣмъ слабѣе дѣйствовали власти, отвлеченныя смутами отъ заботъ о безопасности насущной и вседневной, тѣмъ край дѣлался опаснѣй, а злодѣйства все болѣе и болѣе представляли вѣчто систематическое. Очевидными оказывались чья-то опытная рука и голова, изобрѣтательная на худое. Разбойники, не довольствуясь подвигами на большихъ дорогахъ, уже позволяли себѣ нападенія на отдѣльные хутора, уединенное положеніе которыхъ было имъ извѣстно. Партія ихъ значительно увеличилась, по дорогамъ стали показываться фигуры до той поры невиданныя: онѣ сказывались нищими, прохожими, разнощиками, ночью приставали около фермъ, наиболѣе отдаленныхъ одна отъ другой, и очень часто ихъ ночлеги приносилъ бѣду для гостепріимнаго хозяина. При розыскахъ, эти люди словно проваливались сквозь землю; даже посреди городовъ и большихъ деревень они пропадали такъ загадочно, что сосѣди подозрѣвали другъ друга въ укрывательствѣ злодѣевъ. Мѣстная полиція, съ помощью недавно учрежденной національной гвардіи, проявила вѣкоторую энергію, надолго остававшуюся ея послѣднимъ усиленіемъ: оржерскій лѣсъ былъ оцѣпленъ, по сосѣдству обыскано вѣсколько харчевень, и тамъ и сямъ захвачено вѣсколько разбойниковъ. Ихъ признанія казались весьма важными: въ край формировалась и усиливалась шайка грабителей, соединенныхъ подъ однимъ начальствомъ, но

распредѣленныхъ и выдрессированныхъ такъ искусно, что ни одинъ изъ пойманныхъ злодѣевъ не могъ особенно повредить своей партіи; какъ тайна организаціи, такъ и доступъ къ главнымъ центрамъ сбора, были хорошо извѣстны лишь немногимъ начальникамъ. Въ 1792 году, не вдалекѣ отъ Парижа, схватили предводителя оржерскихъ разбойниковъ, по имени Флёръ д'Эпина; но и эта важная поимка осталась безъ послѣдствій: во время извѣстной сентябрьской рѣзни по тюрьмамъ, версальская тюрьма, гдѣ сидѣлъ Флёръ д'Эпинъ, подверглась одной участи съ парижскою. Консьержи: толпа ворвалась въ нее и перерѣзала заключенныхъ. Флёръ д'Эпинъ погибъ вмѣстѣ съ другими.

Сентябрьскія убійства по тюрьмамъ, до настоящаго времени не изслѣдованныя какъ должно, въ одномъ лишь отношеніи не представляютъ ничего загадочнаго: государство, въ которомъ могли безнаказанно совершаться такіа дѣла, уже не имѣло средствъ для охраненія своихъ гражданъ, какъ въ ихъ личной безопасности, такъ и въ ихъ собственности. Все что въ полиціи имѣлось способнаго и дѣятельнаго было поглочено розысками по дѣламъ политическимъ, войско двинуто къ границамъ или находилось въ полномъ разстройствѣ, у національной гвардіи взята вся молодежь и даже все оружіе сколько-нибудь годное, такъ что за исключеніемъ столицы и большихъ городовъ, всякій былъ долженъ самъ оберегать себя, очень часто не имѣя порядочнаго ружья въ домѣ. Не говоримъ уже о постыдной снисходительности какъ административныхъ, такъ и судебныхъ властей къ буйной и оборванной части населенія: эта снисходительность составляетъ срамъ для эпохи, предметъ отчаянія для историковъ; про нее писано такъ много, что распространяться о ней нечего.

Понятно, что при, такихъ условіяхъ безнаказанности и при нацѣтѣ, развивавшейся въ громадныхъ размѣрахъ, вся Франція въ самомъ непродолжительномъ времени покрывалась свѣтлю разбойничьихъ шаекъ. Многое что гадить поразительно-величавымъ на страницахъ исторіи, въ самой дѣйствительности бываетъ сопряжено съ величайшимъ житейскимъ безобразіемъ. Кто напримѣръ не дивился великому народному движенію, которое по первому призыву отечества двинуло къ границамъ Франціи массы

полуодѣтыхъ, голодныхъ волонтеровъ, жаждущихъ встрѣчи съ непріателемъ? Но къ сожалѣнію, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что изъ этихъ патриотовъ половина не доходила до границы, а охладѣвши въ своемъ азартѣ, рассыпалась куда попало, гибла отъ нужды и холода, причемъ худшая часть усиливала собою шайки убійцъ и грабителей. Въ вандейской войнѣ обѣ стороны покрыли себя славой, но не слѣдуетъ забывать, что часть шуановъ занималась разбоемъ, нисколько не заботясь о политическихъ дѣлахъ, и что за отрядами *синихъ* позли толпы бездѣльниковъ, мародеровъ, съ полнымъ безпристрастіемъ обиравшихъ до рубашки какъ республиканца, такъ и роялиста. Движеніе южныхъ департаментовъ, возмущенныхъ парижскими ужасами, было великопѣною протестаціей противъ преобладанія одного города надъ цѣлою страной, но и оно сопровождалось и неурядицей, и частными грабежами, и возникновеніемъ разбойничьихъ шайкъ. Если этимъ шайкамъ было такъ привольно въ мѣстностяхъ не совсѣмъ удобныхъ и покрытыхъ войсками, то во сколько разъ оказывалась лучшею для бездѣльниковъ классическая оржерская почва, оставшаяся безъ всякаго надзора?

Послѣ убитаго въ Версали Флёръ д'Эпина остался не взятымъ его помощникъ или „первый лейтенантъ“ *Жанъ Оже*, онъ же *Франсуа Жиродо*, онъ же *Красавецъ Франсуа*. Это послѣднее имя осталось за нимъ по преимуществу. То былъ огромный, румяный, сильный молодецъ, лѣтъ тридцати, по сельскимъ понятіямъ совершенно оправдывавшій свое прозвище красавца. Способности его облачали въ немъ разбойника по призванію; сверхъ энергии и предприимчивости, онъ обладалъ замѣчательною долей практическаго смысла. Хорошо понимая сколько элементовъ раздора вносить во всякую ассоціацію политическія мнѣнія ея членовъ, онъ умѣлъ, въ періодъ величайшей революціонной горячки, оставаться полновластнымъ, безконтрольнымъ господиномъ своихъ товарищей. Пользуясь всѣми льготами общественной неурядицы, переодѣвая своихъ ребятъ національными гвардейцами и вламываясь въ дома „во имя націи“, au nom de la nation, онъ рвался съ полнымъ хладнокровіемъ и патриота, и отсталого; въ своемъ же разбойничьемъ кругу не допускалъ никакихъ политическихъ преній. Опытъ показалъ ему, что парижскіе говорунны, плясавшіе

вокругъ гильотины и свирѣпствовавшіе въ уличныхъ смутахъ, не имѣли ни повиновенія, ни осторожности, нужной настоящему вору; они часто приходили въ его шайку, но никогда въ ней не отличались и не оказывались достойными должностей первоклассныхъ. Въ первоклассные должности Красавецъ выбиралъ лишь подобныхъ себѣ людей, — людей, которые могли быть ему опорой въ маленькомъ преступномъ государствѣ, основанномъ имъ посреди государства большаго и разлагающагося. Только имъ былъ извѣстенъ полный составъ шайки, только имъ давались трудныя порученія, только они знали гдѣ находятся склады добычи и склады оружія. Вслѣдствіе разчета, показывавшаго изумительную предусмотрительность, никто изъ шайки, за исключеніемъ двухъ или трехъ начальниковъ, не носилъ при себѣ ни ножа, ни пистолета, не говоря уже объ оружіи болѣе опасномъ; только въ ночь, назначенную для работы, все нужное выдавалось на руки, и то въ самомъ скудномъ количествѣ. Подъ сводами каменоломней или въ подвалахъ у надежныхъ пристанодержателей хранились не только ружья, но мундиры жандармовъ и національной гвардіи, кинжалы, сабли, пистолеты, въ изобиліи, для чернаго дѣла и особенно важныхъ экспедицій. Но Красавецъ не позволялъ злоупотреблять своимъ арсеналомъ; онъ зналъ, что французскій воръ, имѣя при себѣ оружіе, пойдетъ хвастаться, пугать смирныхъ людей, или подерется съ товарищемъ.

Наступили однакоже дни, позволившіе осторожному Франсуа и увеличить свою шайку, и придать своимъ дѣйствіямъ небывалую дерзость. Девятое число термидора принесло съ собою паденіе Робеспьера и партіи террористовъ. Парижъ отдохнулъ отъ политическихъ убійствъ, но безопасность жизни и собственности не только не утвердилась въ государствѣ, а напротивъ еще уменьшилась. Терроръ продовольствовалъ и развлекалъ массу самаго подлаго и опаснаго населенія; имѣя постоянную необходимость въ опорѣ со стороны черни, правительство держало на жалованьи тысячи преторіанцевъ, которые получая по два франка въ день, за это присутствовали при казняхъ, оберегали коммуна, давали тоны частямъ столицы подозрѣваемымъ въ вѣлости и содѣйствовали политической полиціи во всѣхъ обыскахъ, арестованіяхъ и казняхъ.

стахъ, и такъ даже. Люди, смѣшившіе партію Робеспьера, не имѣли ни времени, ни смѣлости на открытое преслѣдованіе этихъ преторіанцевъ; по своей слабости они были даже не прочь отъ мировой съ ними, еслибы по счастью населеніе столицы, доведенное до изступленія событіями страшнаго времени, само не обратилось въ мстителей. Началась реакція достойная причинъ ее породившихъ. Все заподозрѣнное въ связяхъ съ террористами пошло на эшафотъ, въ изгнаніе и въ тюрьмы. Народъ убивалъ и преслѣдовалъ какъ дикихъ звѣрей всякаго, кто ознаменовалъ себя сочувствіемъ къ системѣ недавнихъ ужасовъ; родственники погибшихъ жертвъ и такъ-называемая „полащенная молодежь“ (*jeunesse dorée*) на улицахъ останавливали, колотили, а иногда и убивали своихъ бывшихъ гонителей. Двѣ или три смуты революціонной партіи, подавленные вовремя, довели до отчаянія ту часть парижской черни, которая когда-то жила терроромъ, получала даровой хлѣбъ и казенныя деньги: ей оставалось умирать съ голода или бѣжать изъ столицы; весьма естественно, что она выбрала послѣднее. Естественно и то, что развратныя, кровожадныя мерзавцы, въ огромномъ количествѣ разсыпавшіеся изъ Парижа по всей Франціи, не въ честномъ трудѣ искали средствъ къ пропитанію. Большинство пріютилось по городамъ, въ которыхъ ковтръ-революціонная реакція оказывалась слабѣе, а партія *патриотовъ* имѣла нѣкоторыя надежды на будущее; остальные же затѣмъ массы или сформировались въ отдѣльныя разбойничьи шайки подъ разными названіями, или присоединились къ шайкамъ уже существовавшимъ ¹.

Еслибы Франсуа Жиродо, начальникъ оржерской шайки, въ концѣ 1794 года пожелалъ имѣть маленькую армію для своихъ подвиговъ, ему было бы легко сформировать цѣлыя роты изъ парижскихъ выходцевъ искавшихъ у него

¹ Опасная часть парижской черни подава примѣръ эмиграціи по провинціямъ, но по одной дорогѣ съ столичными преторіанцами пошли партіи людей сформированныя по большимъ городамъ бывшими революціонными проконсулами, какъ-то: *Маратова рота, друзья гильотины, неподкупные молодцы* и т. д., свирѣпствовавшіе въ Лионѣ, Авиньонѣ, Брестѣ, Нантѣ съ Лебокомъ, Каррье и Колао-д'Эрбуа. Съ паденіемъ террористовъ ихъ доля стала очень плохого; ихъ преслѣдовали и истребляли съ такою жестокостью, передъ которою блѣднѣли жестокости реакціи парижской.

работы. Онъ ограничился тѣмъ, что выбралъ самыхъ способныхъ, да сверхъ того вошелъ въ близкія отношенія съ шайкой *Парижанина Шарля*, въ короткое время получившаго почетную извѣстность по деревнямъ, замкамъ и фермамъ, расположеннымъ не вдалекѣ отъ столицы. Во время террора и домовыхъ обысковъ, Шарль собиралъ довольно добычи весьма простымъ способомъ: переодѣвшись полицейскимъ комиссаромъ, онъ бралъ съ собой нѣсколько товарищей, одѣтыхъ жандармами или вооруженными санкюотами, ночью оцѣплялъ какое-нибудь строеніе, заранѣе выбранное и осмотрѣнное, приказывалъ отворить ворота во имя закона, а затѣмъ связывалъ жильцовъ и грабилъ. Раза два удавалось ему обчистить замки довольно богатые; но густое населеніе мѣстъ, гдѣ происходили подвиги, держало шайку Шарля въ постоянной опасности. При грабѣжѣ одной небольшой фермы, сосѣдніе крестьяне успѣли прибѣжать на выручку, дѣло не удалось, и разбойники разбѣжались, поразивъ, какъ бы въ отмщеніе, хозяевъ фермы, отца съ сыномъ.

Союзъ двухъ шакъ, Шарля и Красавца, долженъ былъ ознаменоваться чѣмъ-нибудь особенно смѣлымъ: съ одной стороны Парижане чувствовали себя привольнѣе въ сторонѣ отъ столицы, съ другой оржерская шайка была усилена людьми привыкшими къ крови, не способными колебаться передъ *большою работою*.

И дѣйствительно въ октябрѣ 1794 года, въ деревнѣ Оливѣ, близъ Орлеана и почти на Луарѣ, произошелъ сборъ самыхъ надежныхъ людей изъ обѣихъ шакъ. Мѣстомъ сбора, какъ обнаружилось изъ показаній полевого сторожа деревни, была харчевня нѣкоего Бенуа, человекъ, о которомъ давно ходила самая дурная слава. Въ харчевнѣ не горѣло огня и все казало тихо, но до сорока человекъ одѣтыхъ жандармами, драгунами или просто въ блузахъ, ужинали въ комнатѣ, окнами выходившей на огородъ сзади строенія. Выждавшіе ночи, гости поодиначкѣ, по два и по три, вышли и выѣхали изъ харчевни; человекъ шестнадцать между ними имѣли верховыхъ лошадей. Разными дорогами проѣхали они къ замку Готре, стоявшему въ небольшомъ разстояніи отъ деревни; неподалеку отъ замка, кромѣ надворныхъ строеній, находилась небольшая ферма. Все имѣніе принадлежало семейству Делуанъ, глава которой, ста-

рикъ лѣтъ восьмидесяти, жилъ въ замкѣ, съ весьма небольшою прислугой.

Около одиннадцати часовъ ночи, ферма была оцѣплена разбойниками. Самого Франсуа при отрядѣ не находилось, всею операціей распоряжался его лейтенантъ „Рыжій“, человекъ весьма молодой, хилый и нездоровый, но неравъ уже выказавшій замѣчательныя способности. Подоидя къ воротамъ, онъ ударилъ въ нихъ рукояткою сабли. Фермеръ Трепезъ высуулся изъ окошка. „Отворите во имя закона“, сказалъ ему Рыжій, „мы съ патрулемъ, пришли искать дезертера.“

Фермеръ отказался отворить двери; тогда разбойники взяли бревно, валявшееся неподалеку, и однимъ ударомъ съ разбѣга проложили себѣ дорогу. Трепезъ и сынъ его выбѣжали въ сѣни; старику дали нѣсколько сабельныхъ ударовъ, сына закололи до смерти. Работниковъ перевязали и завязали имъ глаза, свалили въ уголь; дочь Трепеза и ея дѣвушку привязали и изнасиловали. Тысячъ пять франковъ и вещи получше были схвачены, но грабежомъ занялись недолго, главное дѣло было еще въ перспективѣ. Вычерпавъ себѣ лица сажей, разбойники взяли съ собой изравнаго Трепеза, и подошли вмѣстѣ съ нимъ къ маленькому павильону, гдѣ жилъ Монтивьи, садовникъ замка. Фермеръ, повивуясь шпагѣ приставленной ему къ горлу, позвалъ садовника и попросилъ его отворить ворота. Въ замкѣ произошло то же, что на фермѣ: старика Дедуана изравили, и одними дсньгами взяли у него тысячъ до тридцати франковъ. Къ утру все было кончено, и черезъ нѣсколько часовъ вся окрестность находилась въ несмыханномъ ужасѣ.

И розыски, и саѣдствіе по поводу преступленія, сейчасъ разказаннаго, хорошо показываютъ до какой ужасающей степени были разстроены во Франціи всѣ власти карающія и ограждающія. Съ перваго дни открылось такое количество указаній, что малая часть ихъ, случись подобное злодѣйство въ настоящее время, повела бы къ его полному разоблаченію. Робисонъ, полевой сторожъ, съ вечера видѣлъ группы подозрительныхъ людей, направлявшихъ къ харчевнѣ Бевуа. Ложась спать, онъ сказалъ женѣ своей: „мыче ночью случится какая-нибудь гадость“, а между тѣмъ не догадался ни усилить своего надзора, ни

увѣдомить о подозрительномъ сборищѣ кого съѣдетъ. Одинъ изъ разбойниковъ, бывшій портной Ардуэнъ, былъ узнавъ рабочими на фермѣ Трепена. Въ довершеніе всего, господинъ Делуанъ сдѣлалъ показаніе не лишнее важности. Предводитель шайки при немъ сказалъ одному изъ воровъ, ломавшему замокъ.

— Брось эту коробку; тамъ или мука, или какая-нибудь дрянь въ томъ же родѣ.

Воръ отвѣчалъ:— Это не коробка, это хорошій ящикъ, я самъ его дѣлалъ въ Орлеанѣ.

Трактирщикъ Бенуа, на котораго показалъ полевой сторожъ, былъ когда-то плотникомъ, и ящикъ, хорошо знакомый Делуану, былъ сдѣланъ его руками.

Ардуэна и Бенуа схватили,—и можно ли было не схватить ихъ послѣ такихъ обвиненій? Но этимъ и кончилось все: розыски начались такъ поздно, вопросы производились такъ небрежно и вяло, что слѣды другихъ сообщниковъ не могли не исчезнуть. Сами взятые преступники попались только оттого что слишкомъ были увѣрены въ своей безопасности, наглость воровъ доходила до того, что послѣ своей экспедиціи шайка позавтракала въ прежней харчевнѣ, раздѣлила добычу, отложила вещи подѣванье, и съ надежными людьми отправила ихъ водою въ Туръ, для продажи. Только покончивъ со всѣмъ этимъ, компанія разошлась: кто укрылся по каменоломнямъ, кто навремя посѣтилъ Парижъ, чтобъ повеселиться на добытую выручку. Благодаря небрежности предварительнаго слѣдствія, присяжнымъ города Шартра оставалось только сказать приговоръ надъ единственными преступниками, попавшимися въ руки правосудія; ни поправить дѣла, ни отыскать ихъ сообщниковъ уже никто не имѣлъ возможности. Ардуэну и Бенуа отрубили голову, но казнь ихъ только усилила ожесточеніе въ сообщникахъ шайки.

I

Еще тянулось слѣдствіе по поводу недавняго разбоя, а оржерская шайка успѣла совершить нѣсколько убійствъ по большимъ дорогамъ; о воровствахъ случавшихся ежедневно говорить не стѣбитъ. Поселяне опять ждали какого-нибудь злодѣйства въ большихъ размѣрахъ, и не вида ни-

какой защиты со стороны властей, сами принимали меры предосторожности. Через два мѣсяца послѣ удачной экспедиціи Рыжаго, самъ Красавецъ задумалъ работу въ такомъ же родѣ. Около мѣстечка Виль-Соважъ находилась ферма вдовы Могенъ, женщины, по слухамъ, очень достаточной; на ферму это было сдѣлано нападеніе въ ночь на одиннадцатое января 1796 года. Двери выломали, хозяйку и троихъ работниковъ связали, часовыхъ размѣстили гдѣ слѣдуетъ, грабежъ начался. Пока Красавецъ отдавалъ приказанія, извѣстный намъ лейтенантъ его, Рыжій, счелъ за лучшее заняться своимъ туалетомъ. Онъ выбралъ изъ сундуковъ лучшую рубашку, жилетъ и панталоны, сбросилъ свои лохмотья; но въ самую эту минуту часовые подали сигналъ немедленнаго отступленія. Огоньки загорались въ Виль-Соважѣ; по тому же направленію слышались голоса и шумъ бѣжавшихъ людей. Похватавъ что могли, разбойники бросились изъ фермы; лейтенантъ, совсѣмъ голый, подъ мышкой тащилъ добытые имъ наряды. Но крестьяне съ ружьями показывались тамъ и сямъ, а изъ-за стога съ соломой, около котораго неслась шайка, раздавалось нѣсколько выстрѣловъ. Что-то тяжелое грохнулось о землю.

— Кого зацѣпило? спросилъ Красавецъ, остановившись.

— Упалъ Лимузевъ-Блузникъ, отвѣчалъ ближайшій бандитъ, имя котораго *Бриганъ* (Brigand) было ключкой по шерсти.

— Тащи его къ намъ, или я убью тебя на мѣстѣ, приказалъ повелитель:—я не хочу чтобы насъ переловили изъ-за этого мальчишки.

Разбойникъ повиновался, и черезъ пять минутъ благополучно добѣжалъ до своихъ, волоча за ногу тѣло. Подстрѣленный воръ былъ еще живъ, двое товарищей взошли на плеча, и вся шайка добралась до опушки лѣса. „Мы еще пидаемся съ вами ребята!“ грозно закричалъ Красавецъ, оборотясь къ преслѣдователямъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ лѣсъ, и шайка почла себя въ безопасности.

Вооруженный народъ хорошо зналъ какъ опасно соваться въ лѣсъ и еще въ такую пору. Но вызовъ раздражилъ смѣльчаковъ, и они не прекратили преслѣдованія. Послѣ долгаго перехода Красавецъ и его спутники добралась до прогалины, находившейся въ самой

глухой труппѣ аѣса; тамъ, считая себя въ безопасности, они развели огонь и рѣшились отдохнуть до утра. Къ огню же положили раненаго; но едва Бриганъ поднялъ къ его рту свою флагу съ водкою, какъ раздались выстрѣлы: флага выскользнула у него изъ рукъ, и онъ упалъ съ раздробленною ногой. Тогда разбойники разсыпались въ чащѣ и скрылись; только около костра удалось захватить обоихъ раненыхъ. Тотъ, что былъ подстрѣленъ около стога съ соломой, на другой день умеръ.

Подобно мастеру военного дѣла, почерпавшему особенную энергію изъ неудачи, Красавецъ только расширил свои операціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ разказанныхъ сценъ, онъ отправилъ самаго ловкаго изъ своихъ подчиненныхъ, Кузена, осмотрѣть ферму гражданина Лежена и приготовить дѣло для новой экспедиціи. Кузень, нарядившись достаточнымъ крестьяниномъ, сталъ торговать зерновой хлѣбъ у фермера, условился въ цѣнѣ и уѣхалъ, оставивъ шесть франковъ задатка.

Черезъ два дня, въ одиннадцатъ часовъ ночи, двѣнадцать молодцовъ оржерской шайки перелѣзли черезъ заборъ фермы. Въ головѣ ихъ находился самъ предводитель. Кузень постучался въ двери.

— Кто тамъ стучить? закричалъ фермеръ.

— Отворите, это я, Кузень; пріѣхалъ за хлѣбомъ!

— Да какъ вы сюда попали коли ворота заперты?

— Я стучалъ, стучалъ, наконецъ рѣшился перелѣзть черезъ заборъ.—Вы дрыхнете хуже сурковъ.

Въ это время завизжала собака, которую одинъ изъ разбойниковъ ударилъ саблею. Лежень догадался въ чемъ дѣло и сталъ закладывать двери чѣмъ попало.

— Скорѣй болбу! закричалъ Красавецъ. *Болбой* называлось когда двери приходилось вышибать бревномъ съ размаху. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, дорога открылась.

— Вотъ я васъ отпущаю, мерзавцы, сказалъ фермеръ замахнувшись цѣпомъ, но Красавецъ скакнулъ впередъ и саблей разрубилъ ему черепъ. Лежень повалился на полъ, Кузень вскочилъ ему на животъ, и вожомъ перерѣзалъ ему горло.

Начался грабежъ по всему дому, и тутъ оказался примѣръ того отчаяннаго упорства, съ которымъ всякій сельскій житель, особенно крестьянинъ-Французъ, защищаетъ достатокъ, добытый трудовою жизнью. Жена хозяина фермы,

не взирая ни на истязанія, ни на угрозы, не показала другимъ денегъ, кромѣ небольшой суммы въ ящикѣ стараго бюро. Франсуа кинулся къ хозяину, который умиралъ, но еще могъ выговорить нѣсколько словъ. Отъ него узнали, что деньги въ погребу и потащили туда несчастную женщину. Послѣ долгихъ усилій она указала большой горшокъ весь наполненный золотыми и серебряными монетами. Казалось цѣль была достигнута и даже медлить не стоило; но мерзавцы, ожесточенные недавнею неудачей, сочли долгомъ отплатить за все двумя ненужными убійствами. Хозяйку зарѣзали, а работника при повозкахъ и конюшнѣ связавъ, положили на столъ и отрѣзали ему голову тупымъ ножомъ и саблей.

Сами преступники какъ будто испугались звѣрствъ ими надѣланныхъ, и одинъ изъ пристаподержателей усердно просилъ знакомыхъ ему воровъ не ходить къ нему на дворъ, куда дѣло не забудется. Но апатія мѣстныхъ властей превзошла всѣ мѣры. Слабое подобіе свѣдѣствія не открыло ровно ничего; въ народѣ же, справедливо или несправедливо, зародилась пагубная мысль о томъ, что начальство и полиція отъ страха мирволить разбойникамъ. Съ этого несчастнаго дѣла паника распространилась въ край, деньги зарывались въ землю, по дорогамъ перестали ходить вечеромъ. Крестьяне, такъ недавно въ часъ опасности готовые бѣжать на помощь другъ другу, сидѣли запершись, и не рѣшались на открытыя дѣйствія противъ шайки. Выемы розыски полиціи отставывались, потому что никто не хотѣлъ дать какое-нибудь показаніе; люди кое-что знавшіе молчали, хорошо понимая, что при бѣдѣ никто за нихъ не вступится. Такой льготы разбойничьему ремеслу не бывало ни въ Испаніи, ни въ Италіи, и Красавецъ умѣлъ пользоваться ею, не теряя времени. Долго было бы рассказывать обо всѣхъ дѣлахъ насилія и крови, послѣдовавшихъ тотчасъ же за убійствами на фермѣ Дежена. Каждое нападеніе на фермы удавалось, каждое сопровождалось смертоубійствами, хотя не каждое приносило достаточную выгоду. Одинъ разъ, ограбивъ цѣлый домъ и зарѣзавъ хозяина, шайка добыла себѣ по одной рубашкѣ и по четыре су на человѣка. Иногда оказывалось, что ферма богата, что деньги по всей вѣроятности близко, но хозяинъ или былъ убитъ въ торо-

пахъ, или выдерживалъ всѣ насилія, не выдавая своей копѣйки. При упорствѣ разбойники стали употреблять правильныя пытки, и наконецъ при нападеніи на ферму Буте пустили въ ходъ тотъ способъ дознанія, который въ послѣдствіи прославилъ ихъ шайку и придалъ ей имя *шоф-фёровъ*¹. Дочь фермера привазами къ кровати, сорвали съ нея обувь начали жечь ей ноги, и жгли ихъ до тѣхъ поръ пока она не открыла куда отецъ ея прячетъ деньги.

По этому послѣднему дѣлу не было даже произведено сѣдствія. Красавецъ властвовалъ безъ помѣхи, но внезапно самая ничтожная исторія приостановила его дѣятельность на вѣскольکو мѣсяцевъ. Не смотря на множество смертоубійствъ, совершенныхъ оржерскою шайкой, читатель не долженъ думать однако, что ея главныя работы состояли въ кровопролитіи и грабежахъ со взломомъ. Ножомъ и *болбою* работали лишь избранныя; остальная масса товарищей, раскинувшись по всему краю, препитывалась безъ всякаго риска попасть подъ пудю. Одни дѣлали фальшивую монету, другіе воровали куръ и лошадей, третьи жилились на ярмаркахъ и при всякомъ собраніи народа, четвертые грабили прохожихъ женщинъ и людей неспособныхъ защищаться. Не говоря такого ужаса какъ ихъ болѣе отчаянные собратья, они тѣмъ не менѣе зарабатывали много и оставляли жизнь мирныхъ людей. Красавецъ, при всѣхъ своихъ важныхъ дѣлахъ, не упускалъ изъ виду и только что описанной скромной отрасли; мало того, онъ поощрялъ ее своимъ примѣромъ. Отдыхая отъ своихъ экспедицій, онъ отправился въ Эшампъ, по случаю ярмарки, спустить часть вещей награбленныхъ въ разное время у разнощиковъ. Передѣвшись, онъ продавалъ тамъ платки, полотно, ситцы, мелкія галантерейныя вещи, сдачу сдавалъ фальшивою монетою, и такимъ образомъ велъ недурно свои дѣла. На его несчастіе, находился при немъ мальчишка, вырощенный въ шайкѣ, но все еще не довольно смѣтливый; ребенка поймали съ фальшивою шести-франковою монетою, и по сѣдуду добрались до самаго Красавца. За все время сѣдствія и суда, никто не догадался всмотрѣться въ дѣло погубже, никто не подумалъ о томъ, что малый, пойманный съ фальшивыми

¹ Отъ глагола *chauffer*, который въ его разбойничьемъ смыслѣ, можетъ быть переданъ словомъ *поджигать*.

деньгами, могъ имѣть кое-что общее со сборищемъ убійцъ, приводившихъ въ ужасъ три смежныя департамента. Подъ именемъ Жиродо, Красавца Франсуа приговорили къ четырнадцатилѣтнему заключенію. И подсудимый, и сами судьи по всей вѣроятности знали хорошо, что можетъ значить такое долгое заключеніе въ тогдашней Франціи, при ея порядкахъ и при ея никуда не годныхъ тюрьмахъ.

Тѣмъ не менѣе, съ сентября 1796 до іюля 1797 года, Красавца не было при оржерской шайкѣ. Поджидали ли его товарищи, произошла ли между ними распря за главное начальство, неизвѣстно; извѣстно лишь то, что прямого начальника не выбирали, и что даже лейтенантъ Рыжій не имѣлъ никакой сильной власти. Большія экспедиціи приостановились; въ замѣнъ ихъ усилились убійства по большимъ дорогамъ. Хотя крови проливалось довольно, однако край, привыкшій къ кое-чему худшему, какъ будто отдохнулъ на короткое время. Но временный отдыхъ служилъ лишь преюдіей страшнѣйшихъ злодѣяній. Шайка оставалась та же, духъ ея былъ тотъ же, организація ея, задуманная и усовершенствованная Красавцемъ, еще не пострадала отъ его отсутствія. Съ этою оригинальною и мастерскою организаціей мы теперь познакомимся въ подробности.

III.

Дѣйствительно, число лицъ прикосновенныхъ къ оржерской шайкѣ, за время ея полнаго развитія въ 96 и 97 годахъ, не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно. Въмѣстѣ съ принципомъ единой центральной власти, въ ней былъ развитъ и принципъ децентрализаціи. На самую трудную работу Красавецъ не выходилъ никогда, имѣя болѣе сорока человекъ; оттого онъ рѣдко назначалъ большіе сборы, и довольствовался тѣмъ, что зорко слѣдилъ за дѣятельностію отдѣльныхъ подвластныхъ ему корпорацій, изъ которыхъ нѣкоторыя гнѣздились около Парижа и въ самой столицѣ. Въ однихъ лѣсахъ, около Шартра, было до десяти приютовъ, обозначенныхъ особыми замѣтками на деревьяхъ; въ каждомъ собирались свои разбойники съ отдѣльными предводителями, имѣвшими все право дѣйствовать безъ вѣдома

главнаго начальника, но съ отвѣтственностію передъ нимъ при неудачѣ. Затѣмъ по всему краю шло развѣтвленіе шайки: не было города, мѣстечка, даже большой деревни, въ которой не обрѣтался бы на постоянномъ жительствѣ или приставодержателѣ, или кто-нибудь изъ разбойниковъ, или жена разбойника. Мясники, выводитѣи, кожевники, коновалы, въ особенности трактирщикъ, укрывали воровъ, обывали и пратали награбленное имущество; сами разбойники наживались слугами на фермахъ, торговали мелкимъ товаромъ, жены ихъ содержали дурные дома, видные погребки, лавки стараго платья. Нѣкоторыя изъ харчевень, хорошо извѣстныхъ шайкъ, могли назваться не харчевнями, а вертепами огромныхъ разбѣговъ; читая ихъ описаніе, не вѣришь, что въ благоустроенномъ государствѣ могло существовать что-либо подобное. Такъ напримѣръ, въ деревнѣ Гедриаль, у приставодержателя Пигале, въ запертомъ садикѣ близъ дома, находился входъ въ подземелье, оставшееся отъ какого-нибудь исчезнуваго замка или аббатства. Подземелье имѣло сто футовъ длины и тридцать поперечнику; прикрытое прочнымъ сводомъ, снабженное печью и закоулками, оно служило безопаснымъ мѣстомъ сбора и даже жительствомъ для лицъ вѣстныхъ разныхъ должности при шайкѣ. Мы видѣли, что у трактирщика Бенуа сорокъ человекъ ужинало, а потомъ дѣлало добычу, причемъ только одинъ изъ сосѣдей замѣтилъ въ трактирѣ небольшое движеніе. Въ Апрѣ, у женщины Риводемъ, державшей погребокъ, находилось никому не извѣстное убѣжище для пятнадцати человекъ; на всякій случай, въ погребу и на чердакахъ, она имѣла складъ вещей и платья, принадлежавшихъ шайкѣ. Предусмотрительность доходила до того, что на *главной квартирѣ*, у старичка Пигале, можно было всегда найти: 1) цирюльника Баптиста (на случай переодѣванья, накладной бороды и такъ далѣе); 2) нѣсколько женщинъ и бойкихъ мальчишекъ, для передачи извѣстій и приказаній въ разные пункты; 3) *соровскаго попа* (*curé des pingres*), безъ котораго нельзя было жениться. Мало того цирюльникъ Баптистъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія въ медицинѣ, такъ что у него лѣчились больные и раненые, а трактирщикъ Дубле въ городѣ Шартрѣ, добывалъ разбойникамъ паспорта, и паспорта не фальши-

вые, а настоящие, отъ людей участвовавшихъ въ городскомъ управленіи.

Пристанодержателей шайки не сѣдуетъ смѣшивать съ другою многочисленною группою лицъ, съ ея маклерами. То были мошенники осторожные, избѣгавшіе слишкомъ тѣсныхъ сношеній съ Красавцемъ, но извлекавшіе большія выгоды изъ покупки и перепродажи награбленнаго. Одни не брали ничего кромѣ лошадей и рогатаго скота; другимъ везли платье; третьи дѣлали дѣла по части краденыхъ кожъ; четвертые не хотѣли смотрѣть ни на что дешевое, и имъ везли серебро или галантерейныя вещи. Высшій разрядъ маклеровъ однако былъ не прочь участвовать и въ работѣ, но не иначе какъ совѣтомъ и подготовкой. Разузнать о томъ гдѣ у кого лежатъ деньги, на какой фермѣ народу поменьше, на какой домъ можно напасть во время отсутствія хозяина, вотъ для чего служили эти люди, между которыми одинъ, по имени Франсуа Барбъ, получилъ даже почетное званіе *nourrisseur d'affaires*. Переодѣвшись крестьяниномъ, онъ занимался для полевыхъ работъ по фермамъ, высматривалъ тамъ все что сѣдовало; кончивъ обзоръ, устраивалъ такъ что его проговяли, и потомъ или давалъ шайкѣ все свѣдѣнія для болѣе удобнаго нападенія, или совѣтовалъ оставить предпріятіе.

Изъ этого краткаго перечня сѣдуетъ, что составъ оржерской шайки заключалъ въ себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ преступленіяхъ. Не безъ основанія мы назвали шайку эту государствомъ въ государствѣ; она имѣла свои законы, которыхъ происхожденіе терлется во мракѣ, обычая, перешедшіе къ ней отъ средневѣковыхъ разбойничьихъ конгрегацій. Она имѣла свои правила для избранія атамана, для наказанія непослушныхъ, для призрѣнія стариковъ или увѣчныхъ, для воспитанія будущихъ злодѣевъ, для казни довощиковъ, даже для бракосочетаній и пировъ. Она имѣла свои пѣсни и легенды, свои суевѣрія, свои нравы, свой языкъ, не понятный для непосвященныхъ. *Месс* — такъ назывался атаманъ — могъ застрѣлить непослушнаго члена шайки, могъ приговорить къ варварской казни неволькаго холоваго (одинъ мальчикъ, доставившій невѣрные свѣдѣнія, вслѣдствіе которыхъ шайка встрѣтила отпоръ при нападеніи на ферму, былъ до смерти заколоченъ палками); но онъ не

смѣлъ покривить душой при дѣлѣхъ добычи. Всякій воръ могъ распутствовать сколько хотѣлъ; но если ему пришла мысль жить съ одною женщиною, онъ не могъ не продѣлать, въ присутствіи своего попа и начальниковъ, нѣсколькихъ странныхъ обрядовъ, за которыми обыкновенно сѣдовала общая оргія. Несовершеннолѣтніе члены шайки были поручены надзору *школьнаго учителя*, рассылались имъ на воровство, служили за почтаальоновъ, шпіоновъ и адъютантовъ. Женщины, прикосновенныя къ обществу, подчинялись той, которую *межъ* избиралъ своею любовницею: при Красавцѣ имъ строго правила Роза, весьма хорошаго торгавка женскими нарядами въ Шартрѣ. Ни одинъ изъ горожанъ, глядя на эту разряженную и бойкую красавицу, не догадывался на какія деньги она щеголяетъ и съ какимъ разрядомъ людей ведетъ тѣсныя сношенія.

Между лицами, особенно уважаемыми въ шайкѣ и какъ бы составлявшими совѣтъ по ея управленію, прежде всѣхъ надо указать на Старичка-Элуи, рѣзавшаго людей и воровавшаго чуть не при Лудовикѣ XIV. Онъ не имѣлъ ни ремесла, ни *общественнаго положенія*, а бродяжничалъ, пропитываясь у приставодержателей или на оборныхъ пунктахъ. Съ виду казался онъ тихимъ, веселымъ, толстенькимъ и благонравнымъ старикашкой, но его кровожадность не знала предѣловъ. Ему предстоитъ слава открытія или, вѣрнѣе, возобновленія метода *подпаливанья*, потому что она была въ ходу у разбойниковъ предшествовавшаго поколѣнія. Старичокъ-Элуи всегда былъ того мнѣнія, что сельскій житель крѣпко держится за деньги и что безъ попытки отъ него не много добудешь. Попытки совѣтовалъ онъ дѣлать съ разборомъ, то-есть *подпаливать* мужа при женѣ, сына при матери. „Иногда кричить не тотъ кого пытаются“, добавляя онъ со смѣхомъ: „случается, что подпаливаешь одного, а выдаетъ деньги тотъ, кто только смотритъ!“

Учитель парнишекъ (instituteur des mioches) былъ другимъ почетнымъ лицомъ въ кругу оржерскихъ разбойниковъ. Легко сообразить, что Николай Тенслень, бывший клеркъ прокурора, правившій должность учителя, не педагогическими заслугами приобрѣлъ себѣ уваженіе. Опытный и старый воръ, онъ по своему мѣсту въ шайкѣ былъ какъ бы суперъинтендантомъ всей мелкой работы, устройте

операцій, въ которыхъ до ножа не доходило. Мальчики и дѣвочки, вѣтренные его попеченію, крали что попадалось подъ руку, особенно всякую живность по деревьямъ и фермамъ. На ярмарки и праздники ихъ слали партіями, а кто показывалъ больше смѣлвости, тому поручали передачу приказаній или шпионскую должность, подъ надзоромъ хорошаго маклера.

Трудно сказать чѣмъ болѣе занимался старикъ Франсуа. Лежёнъ, каменьщикъ по ремеслу, и *попъ* (*suprê des pingres*) по занятіямъ въ оржерской шайкѣ. Запутанность процесса и невозможность останавливаться надъ второстепенными подробностями преступленій причиной тому, что значеніе этой странной должности остается не яснымъ. Попъ дѣйствовалъ при сочетаніи паръ и при разводѣ сочетавшихся, имѣлъ особую, какъ бы духовную одежду, во время оргій совершалъ какіе то загадочные обряды; но была ли его должность дѣломъ безобразнаго кощунства, или перешла въ шайку какъ наслѣдіе отъ древнихъ разбойничьихъ группъ (наполовину состоявшихъ изъ людей цыганской породы), осталось вопросомъ не рѣшеннымъ.

Вотъ малая часть подробностей на счетъ состава и организаціи знаменитой шайки. Ни численность ея, ни полное устройство никогда не были разоблачены какъ слѣдуетъ: правосудіе настигло самыхъ опасныхъ дѣятелей, полиція очистила отъ нихъ главныя изъ опустошаемыхъ мѣстностей, но никто не могъ выслѣдить всѣхъ развѣтвеній злодѣйскаго общества. Оржерская шайка была сформирована такъ, что даже арестъ старшихъ разбойниковъ, даже предательство вліятельныхъ членовъ не могли вести за собой ея полного уничтоженія. Что касается до мелкихъ открытій полиціи, до поимки воровъ подначальныхъ, то эти пустяки даже на одинъ день не приостанавливали хищничества, тяготѣвшаго надъ всѣмъ краемъ. Положить ему предѣлъ могла только воля энергической исполнительной власти, въ высшихъ сферахъ государства, но во времена несчастной, всѣми презираемой директоріи, никто и не предвидѣлъ ничего подобнаго.

IV.

Въ концѣ юля 1796 года, нѣсколько новыхъ случаевъ открытаго грабежа съ убійствомъ, одинъ за другимъ, произошли въ оржерскихъ окрестностяхъ. Толпа людей ночью ворвалась въ домикъ бѣднаго школьнаго учителя, зарѣзала его и утащила что могла. Около Шартра нѣсколько фермъ были ограблены. Въ Го, двери дома, весьма близкаго къ другимъ сосѣднимъ домамъ, въ одно утро оказались взломанными. Сосѣди вошли и увидѣли одну изъ сценъ, къ несчастію слишкомъ знакомую мирнымъ поселянамъ того несчастнаго времени. Разбитые сундуки валялись по комнатамъ, полъ былъ закиданъ вещами слишкомъ дешевыми или громоздкими, въ передней стояла лужа крови и валялся трупъ хозяина, по имени Менаре, съ перерѣзаннымъ горломъ; въ другой комнатѣ лежала его жена, также убитая.

„Красавецъ воротился!“ заговорили въ дѣсу и по дорогамъ младшіе члены шайки, ворюшки, разнощики, цыгане и нищіе. Мѣстныя власти не могли сказать даже этого. Что-то въ родѣ сѣдствія началось, и прекратилось, за неимѣніемъ показаній. А убійства шли своимъ чередомъ: на трупахъ женщинъ всегда почти замѣчались сѣбды гнусныхъ насилій; у большей части убитыхъ фермеровъ ноги были обожжены, перещарапаны и проколоты. Весь край опять заговорилъ о пыткахъ и *подпальваньи*, даже дѣти пугали другъ друга словомъ „шоффѣры“, и названіе это до нашихъ дней хорошо знакомо всякому французскому поселянину, какъ жестокое бранное слово. Не могло оставаться сомнѣній: оржерскими молодцами правила прежняя окая рука. Красавецъ къѣнимъ вернулся. Безъ большого труда бѣжалъ онъ изъ Эталеа; ни полусгнившія двери тюрьмы, ни вѣчно пьяные тюремщики, не были способны долго удержать такого краснаго звѣря, да и самое бѣгство *арестанта Жиродо* никого не озаботило: стоило ли въ такія времена разыскивать деревенскаго парня, попавшагося на ярмаркѣ съ горстью фальшивой монеты!

Большая работа начала повторяться такъ часто, что

Красавцу приходилось не под силу предводительствовать всеми экспедиціями. Рыжій по временамъ замѣнялъ начальника; но этотъ человекъ, изобрѣтательный и не отступавшій передъ кровью, далеко не имѣлъ достоинствъ своего предводителя. Онъ былъ хилъ и безсиленъ какъ стоящій парижскій *gamin*, любилъ развратничать и интриговать противъ старшихъ, съ подчиненными же держалъ себя грубо, не имѣя достаточно твердыхъ кулаковъ чтобы поддерживать свою заносчивость. Все это наконецъ привело къ неудачѣ, и неудачѣ постыдной. Возянъ Коттонвиля, въ деревушкѣ Буа, разбойники, въ числѣ восьми человекъ, черезъ окно ворвались въ домъ мелкаго торговца Маршана, находившійся съ краю деревни. Ими предводительствовалъ Рыжій. Какъ свидѣуетъ старшему, онъ первый выбилъ раму и вскочилъ въ комнату, но тутъ встрѣтилъ его неожиданный противникъ. Жена хозяина, сильная баба, давно уже заслышавшая шумъ по окнамъ, прыгнула съ постели и цапнулась руками въ нижнюю часть живота Рыжему. Пока товарищи возились съ самимъ Маршаномъ, ихъ начальникъ ревялъ и звалъ на помощь, не имѣя силы отцѣпить отъ себя храбрую старуху. Поваливъ и изранивъ хозяина, воры вошли къ нему и расхотѣлись; съ Рыжаго свалилось ниже платье, но противница, не робѣя, таскала своего гостя по комнатѣ. „Чего же вы ждете? Силъ моихъ не хватаетъ!“ кричалъ Рыжій. Одинъ изъ воровъ вынулъ ножъ, но споткнулся, уронилъ его, и, не имѣя огня, долго шарилъ по полу, отыскивая свое оружіе, а между тѣмъ мужъ героини, оставленный въ сѣняхъ за-мертво, дотащился до выхода и сталъ звать на помощь. Сосѣди повискакали изъ домовъ, часовые подали сигналъ, и злодѣямъ пришлось бѣжать, даже не покончивши съ амазонкой, разрушившею ихъ замыселъ.

Красавецъ посѣдшилъ разжаловать Рыжаго, и чтобы скорѣй загладить его промахъ, объявилъ большой сборъ двадцати человекамъ близъ фермы *Лифермо*, ближайшей къ оржерскому лѣсу. На фермѣ этой и въ ея окрестностяхъ, шайка распорядилась какъ у себя дома, а фермеръ, не будучи открытымъ приставнедержателемъ, берегъ себя и имѣлъ частыя сношенія съ нею. Упомянемъ о характеристической чертѣ общественной неурядицы: владѣлецъ земли, на которой стояла ферма, уменьшилъ арендную цѣну на двѣ

трети, по случаю неудобствъ и опасностей сопряженныхъ съ близостью оружейнаго лѣса.

Цѣлью сбора было нападеніе на ферму Миллуаръ, у хозяина которой, старика Фуссе, по словамъ шпионовъ, водилось однихъ чистыхъ денегъ до двадцати тысячъ франковъ. Фуссе велъ сношенія съ компаніей „черной банды“, которая скупала за безцѣнокъ покинутые замки, ломала ихъ и продавала изъ нихъ то что было поцѣвѣе. Потому, кромѣ денегъ онъ имѣлъ много стараго серебра, бѣлая и разныхъ хорошихъ вещей во всякомъ родѣ.

Послѣ нѣсколькихъ осмотровъ и попытокъ, за разными препятствіями оставшихся безъ результата, Красавецъ наконецъ выбралъ удобное время для нападенія. Увѣренный въ своей силѣ и въ трусости сосѣдей Фуссе, начальникъ шайки не считалъ за нужное очень церемониться. Онъ занялъ всѣ подступы по военному, и пистолетнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ къ нападенію. Одна партія, высадивъ ворота, ворвалась въ покои фермера, другая вошла въ конюшню, гдѣ находилась бѣлая часть прислуги. Людей избили и перевязали; одинъ изъ разбойниковъ, по имени Безпалый (Sans-Pouce), хладнокрово вытащилъ ножъ и приготовился было перерѣзать горло у всѣхъ взятыхъ. „Постой, сказалъ ему Красавецъ,—а про деньги кто скажетъ?“ Прислугу фермы, трехъ мужчинъ и одну женщину, побросали въ погребъ, впрямь до дальнѣйшаго вопроса.

Помощникомъ при Красавцѣ состоялъ Драгунъ, расторопный силачъ, когда-то служившій въ кавалеріи. Онъ уже успѣлъ захватить старика Фуссе, связать его, закрыть ему лицо вочнымъ копакомъ, нахлобученнымъ до шеи и притащить къ начальнику. „Гдѣ твои деньги?“ спросилъ Красавецъ. Фермеръ, получившій нѣсколько сильныхъ толчковъ и растерявшійся, не отвѣчалъ ни слова. Развели огонь, Драгунъ и Безпалый начали жечь старику ноги.— „Вотъ это работа такъ работа, смотрѣть пріятно!“ замѣтилъ одинъ изъ старшихъ воровъ Красавцу. Фуссе испустилъ ужасные крики. „Кричи сколько угодно,“ сказалъ ему начальникъ шайки, „а про деньги все-таки скажешь.“ Старикъ указалъ мѣсто гдѣ были спрятаны триста франковъ. „Только-то?“ спросилъ Красавецъ. „прибавьте огни да взрѣжьте ему подошвы.“

Покуда происходила пытка, ферму обшарили: добыча

вещами была велика, а денег все не оказывалось. Два часа искали денегъ, два часа пытали несчастнаго старика, покуда тотъ наконецъ не лишился всякаго сознанія; его бросили заваливши перинами и всякимъ скарбомъ. Времени прошло много, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, спасло прислугу фермы отъ пытокъ. „Не покочить ли съ ними?“ спросилъ одинъ изъ разбойниковъ:— „пожалуй иной изъ нихъ найдетъ что сказать жандармамъ:— „Жандармамъ!“ презрительно перебилъ Красавецъ:— „надо же и жандармамъ поговорить съ кѣмъ-нибудь. Очень я боюсь ихъ разговоровъ!“

Въ ближайшемъ лѣсу произошелъ дѣлежъ добычи. Всѣ были довольны; но Красавецъ не могъ забыть про деньги. „Старикашка Фуссе обокралъ насъ!“ сказалъ онъ растягиваясь у костра и засыпая.

Бѣдный старикашка Фуссе, о которомъ шла рѣчь, находился между тѣмъ въ страшномъ положеніи. Онъ опомнился посреди темноты и дыма; разбойники, уходя, подожгли перину подъ которой онъ валялся, и она медленно горѣла. Весь истерзанный, да сверхъ того еще связанный, несчастный фермеръ однако ухитрился выползть на чистое мѣсто, зубами оттащить перину на средину комнаты, гдѣ она могла таить не сообщая огня другому скарбу, и на коѣнѣвкахъ выползти изъ дома. Онъ кричалъ, звалъ на помощь, но прислуга, засаженная въ погребъ, не слыхала его криковъ. Весь въ крови, не имѣя возможности ступить на полусожженные ноги, Фуссе поползъ по дорогѣ и добрался до ближайшаго домика, шагахъ въ ста отъ его фермы. Тамъ узнали его голосъ и отперли ему дверь, но хозяинъ дома находился въ отлучкѣ; кромѣ женщинъ никого не имѣлось подъ рукой, а женщины не рѣшались идти за помощью въ такую пору. Положивъ старика въ постель, онѣ перевязали его раны и только къ утру сбѣгали за сосѣдями. Приѣхавъ мировой судья и сельскій докторъ кантона. Погребъ открыли и выпустили изъ него домашнихъ людей фермы; они были избиты и поранены, но не опасно. Положеніе старика Фуссе не подавало надежды къ выздоровленію: промучившись восемь дней, онъ умеръ.

Мы уже имѣли случай замѣтить небрежность разбойниковъ, порождаемую ихъ увѣренностью въ безсиліи полицейской власти. На этотъ разъ они побросали на мѣстѣ

преступленія кое-что изъ своихъ вещей и платья, но то что могло послужить пособіемъ при разумныхъ розыскахъ, не имѣло никакого значенія для слѣдователей верадивыхъ. Время проходило, а за безчеловѣчнымъ милауарскимъ эпизодомъ вскорѣ послѣдовали новые грабежи, съ новыми дѣлами безчеловѣчія.

V.

Положеніе дѣлъ, наконецъ, дошло до такой степени безобразія, что ему предстояли лишь два исхода. Либо три лучшіе департамента Франціи должны были окончательно превратиться въ открытое поле для дѣятельности воихъ людей, преданныхъ грабежу и вѣсилію, либо самая огромность бѣдствія должна была воодушевить населеніе, выдвинуть изъ среды его людей, способныхъ бороться съ этимъ бѣдствіемъ.

Отъ центральной власти ждать было нечего. Продолжительная война усладила нищету, слабость правительства породила безпорядки, совершавшіеся, такъ-сказать, на глазахъ у него. По мѣрѣ того какъ изглаживались воспоминанія объ ужасахъ террора, въ самомъ Парижѣ ослабѣвала реакція, которая было выгнала изъ столицы значительную часть безпокойнаго населенія. Эмиграція мошенниковъ приостановилась. Полиція тратила всѣ свои силы на предупрежденіе большихъ смуть; что касается до частныхъ преступленій или общественнаго спокойствія, то она холодно предоставляла заботу объ этихъ предметахъ частной дѣятельности гражданъ. Не одинъ разъ она предупреждала столичныхъ жителей особыми бюллетенями, что *по случаю частыхъ убійствъ и скопленія дурныхъ людей въ такихъ-то частяхъ города, жители приглашаются не выходить изъ домовъ въ позднюю пору и охранять свои жилища.* По улицамъ безпрепятственно бродили люди такого вида, который самъ собою достаточно говорилъ объ ужасающемъ положеніи бѣдныхъ классовъ и объ отсутствіи всякаго надзора за подозрительными личностями; между женщинами почти нагими, и лицами въ отвратительныхъ лохмотьяхъ, красовались брави,

словно сорвавшиеся съ картинокъ Калло¹. Обиліе убійствъ и преступленій, возбуждая отчаяніе порядочныхъ гражданъ, описывалось въ журналахъ вѣлѣнымъ и диэпирамбическимъ языкомъ того времени, который могъ бы возбудить самыя комическія мысли, есаибы предметъ возгласовъ не былъ такъ печаленъ.

„Какъ вообразить себѣ,“ говоритъ одна газета, „что въ Парижѣ, на глазахъ у двухъ совѣтовъ и директоріи, при вопляхъ жертвъ, раздающихся со всѣхъ сторонъ, мы видимъ гражданъ безнаказанно умерщвляемыхъ каждый день, каждый часъ, каждую минуту?“

„Ужасно зрѣлище неустройствъ, на которыя способно человѣческое общество, зрѣлище ужасовъ, которыхъ за семь лѣтъ между нами совершенно болѣе нежели во всю неизмѣримость предшествовавшихъ столѣтій! Ребенокъ сзываетъ товарищей глалѣть на казнь своего отца, и кричитъ ругательства, когда его провозятъ въ роковой тѣлѣгѣ; дѣвушка, упоивъ своего возлюбленнаго всѣми ласками, рукою ощущаетъ у него гдѣ сердце и хладнокровно поражаетъ его кинжаломъ...“

„Изверги, одѣтые въ національный мундиръ, врываются въ дома, держатъ женщинъ, дѣтей и старцевъ надъ пылающимъ огнемъ и лишаютъ ихъ жизни посреди мукъ, не изъ одной жажды добычи, но изъ наслажденія злодѣйствомъ.“

„Гражданинъ, отлучившійся изъ своего жилища, воротясь домой, находитъ свою жену, свою саужанку, своего трехмѣсячнаго ребенка зарѣзанными! Голова бѣднаго маленькаго созданія осталась на груди матери, его питавшей... Сердце мое слабѣетъ, я не могу писать болѣе...“

„Но я слышу, что кто-то шумитъ моими ставнями! Кто-то бродитъ около моего жилища! Стукъ ружья раздается въ отдаленіи. Наступающая ночь извѣщаетъ меня, что пора

¹ Вотъ парядъ двухъ особъ изъ оржерской шайки, пробравшихся въ Парижъ повеселиться послѣ миллуарскаго дѣла.

Драгунъ шилъ на себѣ голубую драгуну карманьйоку, красный жилетъ съ мѣдными пуговицами, военные разодраные штаны съ гусарскаго солдата, а въ рукахъ толстую паку съ тяжелымъ набалдашникомъ, обмотанымъ ремнями.

Бегу носилъ бороду, длинные волосы и косичку. Одежда его состояла изъ равной полотняной блузы, такого же бѣлаго камзола, полотняныхъ свѣтлыхъ штановъ и военной треугольной шапки съ огромною кокардой.

оставить перо, замкнуть дверь, осмотрѣть замки и засовы, и, положивъ подъ подушку пару пистолетовъ, искать сна, убагающаго моихъ глазъ!“

Парижанину еще кое-какъ можно было спать въ каменномъ большомъ домѣ населенной улицы; но если сонъ, по краснорѣчивому газетному выраженію, *убѣгалъ его глазъ*, то во сколько разъ тошнѣе приходилось сельскому жителю на своей одинокой фермѣ, весьма часто не имѣвшему пары пистолетовъ для защиты! За то провинціалы и вышли изъ терпѣнія скорѣе своихъ столичныхъ согражданъ; и въ провинціи, за время полной апатіи центральной власти, начали появляться должностныя лица, готовые сдѣлать все возможное для искорененія или, по крайней мѣрѣ, облегченія народнаго бѣдствія.

Подобно тому какъ въ пору великихъ политическихъ испытаній, судьба часто выдвигаетъ впередъ лица, совершенно темныя, но предназначенныя на спасительную дѣятельность, точно такъ и при несчастіяхъ менѣе громкихъ являются самыя простыя личности, честно стоящія за дѣло, повидимому, покинутое особами болѣе вліятельными. Одна изъ такихъ личностей, наконецъ, появилась и въ оржерскомъ краѣ. То былъ простой жандармскій унтеръ-офицеръ, Пьеръ Паскаль Вассеръ, имя котораго попало и въ романы и въ повѣсти, и, что гораздо лучше, залегло въ памяти французскаго простаго народа. По службѣ онъ получалъ хорошую извѣстность тѣмъ, что, года за три назадъ, частію истребилъ, частію разогналъ шайку разбойниковъ, опустошавшихъ окрестности Сенонскаго лѣса. Вассеру, повидимому, не доставало многихъ качествъ, необходимыхъ мастеру полицейскаго дѣла. Для розысковъ и тайныхъ операцій онъ не годился по своему простодушію, иногда переходившему въ мягкость, иногда въ довѣрчивость. Въ шпіонствѣ онъ ничего не смыслилъ, и если ему припадала охота хитрить, оставался въ дуракахъ передъ самымъ обыкновеннымъ мошенникомъ. Но для борьбы съ преступленіемъ дерзкимъ, открыто посягающимъ на законы безопасности, онъ былъ созданъ. Онъ былъ храбръ, честенъ, силенъ и неутомимъ. Простой человекъ по званію и происхожденію, онъ былъ лично ожесточенъ за простыхъ людей, которымъ жизнь стала невозможна, которыхъ послѣдняя копѣйка давала поводъ къ грабежамъ и пыткамъ. Его

нельзя было ни подкупить, ни запугать, ни утомить хитростию. Разъ взявшись за дѣло, онъ ломилъ впередъ, какъ волъ, который деретъ свою борозду по новому полю, не останавливаясь и не переводя духа. Онъ могъ дѣлать глупости, безъ вниманія проходить мимо самыхъ ясныхъ указавій, но разъ попавъ на сѣдъ и наложивъ руку на чей-нибудь воротникъ, онъ не свернулъ бы съ дороги и не ослабилъ бы хватки ни передъ какою силой. Его появленіе въ край и его добрая слава прежде всего сказались тѣмъ, что поселяне замѣтно прибодрились, и ужасъ напущенный на нихъ дѣломъ старика Фуссе вѣскольکو ослабился. Между *шоффѣрскими* экспедиціями иная снова встрѣчала отпоръ со стороны окрестныхъ жителей: такъ, при ограбленіи трактарщика Вильмѣва, въ Сюси, злодѣи успѣли обшарить домъ и захватить часть денегъ, но *подпалить* хозяина не удалось. Самъ Красавецъ завидѣвъ сосѣдей и далъ знакъ къ отступленію.

Васеёръ прибылъ на мѣсто послѣднихъ разбоевъ по распоряженію шарттрскаго исполнительнаго комиссара, чело-вѣка новаго и потому еще не оробѣвшаго передъ событіями совершавшимися въ край. Первымъ дѣломъ добраго солдата было ободрить поселянь и раздать кой-какое оружіе деревенской молодежи; изъ нея же, на всякій случай, онъ отобралъ охотниковъ для помощи во время свсихъ поисковъ. На другую военную силу, кромѣ десятка жандармовъ съ нимъ посланныхъ, Васеёръ не могъ разчитывать; слабая полиція края имѣла своихъ офицеровъ, высшихъ по чину, націонаальная гвардія почти не имѣла оружія, а за частыми наборами, въ ней оставались лишь люди старые и слабосильные. А между тѣмъ нельзя было медлить: край находился въ невыносимо тягостномъ положеніи¹, и

¹ Фермеры и поселяне, не имѣя возможности отказывать въ ночлегъ и кормѣ партіямъ нищихъ, постоянно бродившихъ по краю, каждую ночь находились въ страхѣ. Около Лифермо и Самли, съ кровель домовъ были видны костры по сосѣднему лѣсу; пѣсни и крики разбойниковъ слышались явственно каждую ночь. Комиссару кантона понравилось осмотрѣть ферму *Стасъ*, на которой пристала толпа подозрительныхъ нищихъ. Собралъ отрядъ національныхъ гвардейцевъ, онъ отправился туда, дорогой растерявъ часть своей команды; люди не рѣшались дѣлать обыскъ. На фермѣ точно оказалось восемь человекъ бродягъ: одинъ изъ нихъ показалъ паспортъ, полученный черезъ маклера Дубле. Затѣмъ комиссаръ и команда удалились, при насмѣшкахъ и ругательствахъ. (Процессъ шоффѣровъ, издаанный въ Шарттрѣ.)

сдѣлавать хотя что-нибудь для противодѣйствія злодѣйскимъ предпріятіямъ.

Вслѣдствіе прежнихъ своихъ экспедицій, Вассеръ хорошо зналъ какую роль играютъ бродяги и нищіе въ мѣстностяхъ, опустошаемыхъ разбойниками. За этихъ людей ухватился онъ прежде всего, въ самомъ оржерскомъ кантонѣ. Послѣ нѣсколькихъ розысковъ и арестовъ, не доставившихъ дѣльнаго результата, онъ получилъ извѣстіе, что двое нищихъ, мужчина и женщина, *просящіе подавннн съ особенными угрозами*, пристапи у фермера Пинге на колючиѣ. Вассеръ лично бросился туда, удостовѣрился въ присутствіи подозрительныхъ бродягъ, арестовалъ ихъ, и своею энергіею такъ запугалъ арестанта *мужскаго пола* (*l'individu mâle*, по выраженію Вассерова рапорта), что тотъ сдѣлалъ нѣсколько очень важныхъ показаній.

L'individu mâle, попавшійся въ руки Вассера, звался *Кривымъ Жуи*, и пользовался, не смотря на свою молодость, долей власти въ оржерской шайкѣ. Онъ зналъ многое, считался отличнымъ воромъ, но имѣя только восемнадцать лѣтъ отъ роду, не успѣлъ вполнѣ закоренѣть въ преступленіяхъ. Сверхъ того, присутствуя при главныхъ экспедиціяхъ, онъ не убилъ ни одного человека, и стало-быть, могъ надѣяться на некоторое облегченіе своей доли. Вассеръ догадался обѣщать ему если не помилованіе, то всякое свисхожденіе отъ властей, и тѣмъ окончателно развязалъ языкъ пѣвнику. Черезъ него узнали о составѣ шайки. Кривой Жуи полагалъ въ ней около двухъ сотъ дѣйствительныхъ членовъ. кромѣ женщинъ, пристанодержателей, и такъ далѣе. Онъ назвалъ сборныя мѣста, главныхъ начальниковъ, описалъ порядокъ совѣщаній и нападеній. Мало того, между тюремными арестантами, попавшимися за бродяжничество и малые проступки, Жуи указалъ лицъ, прикосновенныхъ къ шайкѣ. „Вы, сами того не зная,“ сказалъ онъ, „арестовывали и отпускали людей совершавшихъ убійства и грабежи; иные изъ нихъ бѣжали изъ тюремъ по небрежности надзора. Показывайте мнѣ всѣхъ подозрительныхъ людей, какіе впередъ попадутся по разнымъ мѣстамъ. Я готовъ водить васъ на сборныя пункты шайки, ко всѣмъ пристанодержателямъ; но предувѣдомляю васъ, имѣйте съ собой много надежныхъ людей, иначе мы не вернемся живыми.“

Показанія были отобраны: предстояло дѣйствовать во что

бы ни стало, пока еще слухъ объ арестѣ Жуи не заставлялъ шайку принять мѣры предосторожности. На этотъ разъ власти съѣзжали свое дѣло какъ слѣдуетъ. Шартрскій комиссаръ немедленно доставилъ въ столицу копію съ только что добытыхъ дознаній, требуя военной силы, и не отвѣчая ни за что въ случаѣ новыхъ промедленій. Вассёръ распорядился еще умнѣе; не теряя ни одного дня, онъ съ своею маленькою партіей жандармовъ кинулся хватать людей заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ душегубцами; въ самый короткій срокъ ихъ было перехвачено множество, а Кривой Жуи, связанный и слѣдовавшій съ отрядомъ, тутъ же указывалъ всякаго изъ своихъ бывшихъ товарищей. Нѣсколько притоновъ было обыскано, много харчевень заперто; въ числѣ захваченныхъ лицъ оказались маклера шайки, женщины считавшія себя вѣдъ всякаго подозрѣнія, наконецъ бывшій лейтенантъ Красавца, известный подъ именемъ Рыгаго и разбойникъ Безпалый (Sans Pousse), отличавшійся во всѣхъ подвигахъ особливою смѣлостью. Вся робкая и не совсѣмъ отчаянная часть оржерскихъ разбойниковъ была такъ озадачена необычною энергіей полиціи, что когда Красавецъ объявилъ нарочный сборъ шайки по дѣлу чрезвычайной важности въ лѣсу Жервильерскомъ, на него явилось не болѣе пятидесяти человекъ, на которыхъ начальникъ могъ во всемъ положиться.

Совѣщаніе было не продолжительно; слухи объ арестахъ и скоромъ приходѣ большой жандармской команды, да сверхъ того цѣлаго отряда гусаровъ, дошли до каждаго разбойника. Красавецъ, не встревоженный ни мало, сообщил старшимъ товарищамъ, что въ скоромъ времени придется приостановить экспедиціи, измѣнить мѣста сборовъ, можетъ-быть на время перебраться въ округи безнаказанно опустошаемые другими шайками; однимъ словомъ, притаиться и переждать грозу. „Но пока еще,“ прибавилъ онъ, „мы господи въ краѣ и имѣемъ возможность предпринять что-нибудь толковое. Я предлагаю разомъ поджечь три фермы: Жервилье, Арсвиаль и Поли. Одна часть нашего отряда будетъ грабить во время пожара, другая же, предварительно занявъ удобное мѣсто около замка Фаровиля, нападетъ на этотъ замокъ открытою силою, покуда полиція и сосѣди будутъ хлопотать на пожарѣ.“

Планъ былъ смѣлъ, и Красавецъ не скрывалъ его смѣло-

сти. „Придется идти на проломъ,“ говорилъ онъ, „потому что Филиппъ, хозяинъ замка, человекъ не робкій. Ночью онъ не пуститъ къ себѣ въ замокъ самихъ членовъ директоріи; съ нимъ живутъ лакеи, сторожа; самъ онъ умѣетъ стрѣлать и держитъ довольно оружія. За то и денегъ у него пропасть, это знаетъ всякій. Приготовьтесь же. Соберемъ всѣхъ кто понадежнѣе. Ружья и пистолеты готовы у Пигола и Монажандра; пороху и пуль довольно въ каморкахъ; изъ Шартра Дубае пришлетъ намъ лошадей: я хочу чтобъ около фермъ имѣлись кованные люди.“ Слѣдующій общій сборъ назначили въ Меривильскомъ лѣсу, и совѣщаніе закрылось.

Между тѣмъ время шло, и Вассеръ произвелъ еще нѣсколько арестовъ. Жандармы до того свыкались съ своимъ постояннымъ спутникомъ, что Кривой сталъ какъ бы офиціальнымъ увеселителемъ изъ невзыскательнаго круга. Арестанта возили несвязаннымъ, на привалахъ кормили его порядочно, иногда приглашали показывать свое искусство въ воровствѣ, что и исполнялось при общемъ смѣхѣ. Независимо отъ фокусовъ въ шутку, бездѣльникъ одинъ разъ укралъ деньги изъ Вассерова чемодана и станулъ жѣночекъ мѣдной монеты у проезжаго извозчика. Его не наказали, а только внесли въ протоколъ эти шалости. Въ Артне одинъ изъ жандармовъ, Ламберъ, при арестантѣ положилъ свои пистолеты на печь, и едва не поплатился жизнью за неосторожность. Бездѣльникъ схватилъ оружіе и прицѣлился въ Ламбера; но Вассеръ, увидавшій изъ сѣней эту сцену, подскочилъ и такъ схватилъ его за шиворотъ, что Кривой тутъ же выронилъ пистолеты.

Пришлось связать арестанта и таскать его за собой поперекъ лошади, будто кулъ муки. Надоѣла ли такая ѣзда Кривоглазому, расчувствовался ли онъ вслѣдствіе того что Вассеръ, имѣя возможность застрѣлить его какъ собаку, все-таки обращался съ нимъ довольно ласково, — только одинъ разъ онъ подозревалъ къ себѣ добраго солдата и сказалъ ему: „маѣ надоѣло тянуть эту канитель, пора кончить. Хотите захватить разомъ и Красавца и лучшихъ молодцовъ его шайки?“

И вслѣдъ затѣмъ арестантъ, успѣвшій выпытать много у товарищей на дняхъ захваченныхъ, сообщилъ что Красавецъ, съ большею частію шайки, укрывается въ Ме-

ривильскомъ лѣсу, приготовляясь къ какой-то *большой работѣ*.

Вассёръ обомлѣлъ отъ радости, но что могъ онъ сдѣлать, съ своимъ десяткомъ людей, изъ которыхъ одинъ, какъ съ временемъ оказалось, самъ когда-то разбойничалъ и велъ дружескія сношенія съ арестованными убійцами? Къ счастью, комиссаръ шартрскій, къ которому онъ бросился, сообщилъ ему пріятную новость. По распоряженію Жуванкура, капитана національной жандармеріи по департаменту Эр-и-Луары, Вассёру предоставлялось брать съ собою не только жандармовъ находившихся въ околоткѣ, но даже требовать солдатъ изъ гусарскаго полка, квартировавшаго частью въ Шартръ, частью въ Нёвиллѣ. Въ самое короткое время составила маленькая колонна изъ людей отборныхъ и привычныхъ къ подобнымъ экспедиціямъ. По безпечности властей, а можетъ-быть изъ уваженія къ личности Вассёра, въ отрядѣ не было офицеровъ: Вассёръ командовалъ имъ самъ, не смотря на свой чинъ, слишкомъ невысокій. Ночью, отрядъ двинулся къ Меривиллю, окольными дорогами. Кривой, связанный по прежнему, лежалъ передъ Вассёромъ на сѣдлѣ, въ полномъ его распоряженіи. Послѣ короткаго привала въ самомъ лѣсу, люди двинулись впередъ узкою тропинкою. „Ты понимаешь, мой другъ,“ спокойно сказалъ Вассёръ лѣвнику, „что дѣло идетъ о нашей кожѣ, а потому нечего тебѣ припоминать, что при неудачѣ, первая пуля достанется на твою долю“.

Меривильскій лѣсъ, котораго теперь не существуетъ, находился въ мѣстности очень гористой. Солдаты слѣзли съ лошадей, и ведя ихъ подъ уздцы, гуськомъ пробирались въ чащѣ, надъ обрывами. Наконецъ они добрались до мѣста, на которомъ, по выраженію Вассёра, кучка людей могла переколотить самую огромную команду. Тропинка шла по каменистому гребню, между двумя крутыми спусками; цѣлая десятъ минутъ приходилось лѣзть этимъ путемъ, каждую минуту выжидая нападенія. За то, на послѣднемъ пунктѣ гребня, Вассёръ чуть не запрыгалъ отъ радости. Подъ ногами его лежала небольшая площадка, отовсюду замкнутая холмами, какъ мышеловка. На площадкѣ гаснулъ костеръ, и спало нѣсколько десятковъ людей порядочно вооруженныхъ. Непрїателю не было путей къ отступленію; чтобы выйдти изъ своей ямы, онъ былъ

долженъ броситься на тотъ самый узкій путь, по которому пробралась команда. Занявъ стрѣлками высоту, Вассёръ съ остальными людьми кинулся внизъ и окружилъ разбойниковъ.

Можетъ показаться страннымъ, что ловкій и распорядительный Красавецъ не озаботился разставить часовыхъ, не говоря о томъ, что занявъ горную тропику, онъ могъ бы перестрѣлять и гусаровъ и жандармовъ, не подвергаясь никакой опасности. Но небрежность эта совершенно объясняется какъ привычкою безнаказанности, такъ и расчетомъ на ужасъ царствовавшей въ краѣ. Красавецъ проснулся при шумѣ, и вскочилъ на ноги, съ пистолетомъ въ той и другой рукѣ. Взглядъ на ружья, наведенныя отовсюду, топотъ конныхъ людей заскакивавшихъ слева и справа, тотчасъ же показали ему, что нѣтъ возможности защищаться. „Я сдаюсь!“ вскричалъ онъ, кидая пистолеты. Одинъ изъ разбойниковъ, по имени Нормандецъ, прицѣлился въ ближайшаго жандарма. Красавецъ далъ ему такого пика, что тотъ повалился на огонь, съ своимъ ружьемъ вмѣстѣ. Безъ капли крови, захвачена была значительная часть оржерской шайки, можетъ быть самой кровавагою изъ всѣхъ въ то время терзавшихъ Францію.

VI.

Арестъ Красавца и полусонныхъ злодѣевъ, безъ всякаго сомнѣнiя самыхъ влиятельныхъ въ его шайкѣ, послужилъ началомъ лучшихъ дней для края, такъ долго осквернявшагося возмутительными преступленiями. Оржерцы остались безъ головы. Одна часть ихъ кинулась въ Парижъ или примкнула къ инымъ, отдаленнымъ шайкамъ; другая безъ цѣли бродила въ окрестностяхъ Шартра и была въ разное время перехвачена Вассёромъ. Крестьяне, опомнившiеся отъ своей трусости, съ наслажденiемъ дѣлали показанiя, выдавали подозрительныхъ нищихъ, открывали преступодержателей; полиция не безъ усилiй вырывала изъ ихъ рукъ арестантовъ ими захваченныхъ. Одинъ дровосѣкъ помогъ жандармамъ захватить двухъ опасныхъ бездѣльниковъ, Мовжандровъ, отца съ сыномъ, устроившихъ себѣ землян-

ку въ лѣсу, около Орлеана. „И не стыдно тебѣ, Лаламъ“, сказалъ старый Монжандръ, „выдавать своихъ добрыхъ пріятелей?“ — „Спасибо, спасибо, старичина, отвѣчалъ дровосѣкъ:—съ такими пріятелями какъ ты, дружбу вести не совѣтъ пріятно. Теперь прошло ваше время“. Многие изъ маклеровъ шайки, — не видя спасенія и боясь раздраженныхъ поселянъ, сами отдались въ руки правосудія; другіе были перехвачены и сданы по шартрскимъ тюрьмамъ, гдѣ въ короткое время скопилось до семи сотъ арестантовъ. Въ числѣ арестованныхъ находилась Мари-Роза Биньонъ, любовница Красавца, начальница женщинъ оржерской шайки, и знаменитый маклеръ Дубле, поддѣлыватель паспортовъ, много лѣтъ находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ властями городовъ Шартра и Орлеана.

Началось сѣдствіе, неправильное, безтолковое, торопливое, но по крайней мѣрѣ довольно энергическое. Каждый день приносилъ съ собой какое-нибудь важное открытіе. Изъ мрака поднялись дѣла крови и насилія, давно уже оставшіяся безъ преслѣдованія. Сверхъ главныхъ и самыхъ извѣстныхъ нападеній на крестьянскія фермы, многія отдѣльныя преступленія оказались въ связи съ исторіей оржерской шайки. По лѣсамъ и пещерамъ пошли отыскивать трупы людей, въ разное время убитыхъ; между трупами этими три или четыре свидѣтельствовали о желѣзной дисциплинѣ, съ помощью которой Красавецъ успѣлъ приобрести себѣ такое вліяніе на товарищей. Одинъ ребенокъ изъ шайки былъ убитъ и брошенъ въ лѣсу за ложное показаніе; та же участь постигла женщину Наметту, въ пьяномъ видѣ погрозившую своему любовнику, что выдастъ его полицейскимъ. Наказаніе еще ужаснѣйшее выпало на долю одного изъ разбойниковъ Трансъ-Монтаня, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. Его отвели въ Гондревильскій лѣсъ, привязали къ дубу, обложили хворостомъ и сожгли живаго. Если шайка такъ обращалась со своими, то можно легко вообразить, сколько безчеловѣчныхъ дѣлъ было раскрыто при другихъ ея работахъ, чуть только языки свидѣтелей начали развязываться!

Покуда мировой судья оржерскаго кантона, Фужронъ, (уже оказавшій особенную дѣятельность при допросѣ первыхъ злодѣевъ, взятыхъ Вассеромъ), кончалъ предварительныя дознанія и передавалъ сѣдствія директорамъ при-

сяжныхъ шартрскаго округа, время шло, и наступало лѣто 1797 года, знаменитое жарамн и засухамн. Въ тюрьмахъ, никогда не отличавшихся особеннымъ благоустройствомъ, началась такая смертность, что жители Шартра стали опасаться появленія заразы во всемъ городѣ. Это обстоятельство, слишкомъ часто случавшееся въ тогдашней Франціи, много упростило задачу слѣдователей: оржерскіе арестанты, болѣе другихъ стѣсняемыя и стѣсняемые въ удобствахъ, мерли такъ, что въ иные дни ихъ трупы приходилось вывозить кучамн, какъ изъ чужнаго лазарета. Въ то же время трудное дѣло надзора за ними стало менѣе труднымъ. Въ первыя недѣли послѣ ареста, разбойники пытались запугать не только сторожей, но и городское населеніе. Они грубили слѣдователямъ, открыто говорили о скоромъ побѣгѣ. Красавецъ колотилъ товарищей, дѣлавшихъ неловкія показанія, и словно наслаждался ужасомъ посѣтителей, приходившихъ поглядѣть на злодѣевъ, имена которыхъ разносились по цѣлому краю. Съ появленіемъ тюремной эпидеміи, Оржерцы притихли, а Красавецъ перепросился изъ тюрьмы въ устроенный при ней госпиталь, и сталъ вести себя такъ кротко, что старшій врачъ заинтересовался его положеніемъ. Добывъ себѣ нѣкоторую льготу, этотъ дѣйствительно гениальный бездѣльникъ воспользовался ею. Съ помощью ножа, онъ пробилъ стѣну госпиталя надъ главнымъ входомъ, пробрался въ отверстіе, увелъ за собой большаго товарища (который на другой день умеръ въ лѣсу), вмѣстѣ съ нимъ отбился отъ преслѣдованій и еще добавокъ на дорогѣ ограбилъ прохожаго садовника.

Какъ ни тягостно подѣйствовалъ на общественное мнѣніе успѣшный побѣгъ того, кто былъ главой и изобрѣтателемъ всѣхъ ужасныхъ дѣлъ оржерской шайки, но онъ съ одной стороны заставилъ опомниться шартрскія власти, повелъ къ строгому надзору за тюрьмами, съ другой же, ускорилъ ходъ процесса. Почти восемнадцать мѣсяцевъ тянулось предварительное слѣдствіе. *Восемьдесятъ два* обвиняемыхъ, въ томъ числѣ *тридцать семь* женщинъ, оказались подлежащими суду присяжныхъ. Всѣхъ арестантовъ по оржерскому дѣлу числится несравненно болѣе, но изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ взятыхъ Вассеромъ и его товарищами, слѣдуетъ исключить, *вопервыя*, огромное количество умер-

шихъ отъ диссентеріи и тюремной горячки; *вторыхъ*, массу лицъ, тоже значительную, за которыми саѣдователи не открыли преступленій особенной важности; *третьихъ*, нѣсколько десятковъ арестантовъ обоего пола, несовершеннолѣтнихъ; *четвертыхъ*, до десяти человекъ въ разное время бѣжавшихъ.

Ко дню открытія суда, городъ Шартръ наполнился поѣздителями. Ни опасность дорогъ, ни смутная пора не удержали любопытныхъ. Горожане искали сильныхъ ощущеній, сельское населеніе хлынуло въ городъ, чтобы насладиться карою своихъ бывшихъ мучителей. По правиламъ суда присяжныхъ, подсудимые могутъ дѣлать отводъ тѣмъ изъ нихъ, отъ которыхъ боятся предубѣжденія себѣ во вредъ. Изъ списка присяжныхъ, подсудимые единогласно отвели и просили выключить пятерыхъ, которые по преимуществу могли назваться представителями крестьянскаго населенія въ краѣ. Просьба ихъ была уважена: вся масса оставшихся осмнадцати присяжныхъ состояла изъ купцовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Разбойники знали что дѣлали: отводя простолюдиновъ, они понимали, что отъ крестьянъ, слишкомъ близко съ ними сходящихся, не дождаться имъ и тѣни милосердія.

Открытіе суда отначалось торжественностью, во многомъ напоминавшею кроваво-драматическіе дни девяносто третьяго года. Зала, обширная и старая, въ древнемъ зданіи кармелитовъ и мальтійскихъ рыцарей, вмѣщала въ себѣ болѣе тысячи однихъ зрителей, не считая шести сотъ свидѣтелей, да цѣлой толпы присяжныхъ, судей, адвокатовъ, подсудимыхъ, жандармовъ и военнаго караула, заготовленнаго на всякій случай. Обстановка зрѣлища совершенно подходила къ исторической эпохѣ, въ которую началось смѣшивалось со всякимъ деспотизмомъ, театральность съ нищетою. Мантіи судей и пестрые мундиры должностныхъ лицъ только выставляли плохую одежду солдатъ и жандармовъ, жалкій нарядъ голоднаго сельскаго населенія и болѣе всего лохмотья самихъ подсудимыхъ. Недалекъ отъ членовъ присутствія стоялъ огромный столъ, заваленный ужасными и отвратительными предметами: на

¹ Одного кожевника, одного выродѣла, трехъ поселянъ, обрабатывавшихъ небольшіе клочки поля.

немъ лежало ржавое оружіе, платье разныхъ жертвъ и самихъ убійцъ, рубашки испятанные кровью, скелеть ребенка, умерщвленнаго въ лѣсу, и многое другое въ такомъ же родѣ. Порядку было мало: жители далеко не наблюдали того почтительнаго молчанія, къ которому привыкли посѣтители трибуналовъ нашего времени. Крестьяне шумѣли, произносили ругательства на подсудимыхъ, громко указывали другъ другу Розу, любовницу Красавца, Грандъ-Марш, отвратительную мегеру, собственными руками зарѣзавшую нѣсколькихъ несчастныхъ, красивую Дюбарри, публичную женщину, прикословенную къ шайкѣ и названную этимъ именемъ за свое сходство съ знаменитою любовницею Людовика XV. Въ свою очередь и разбойники не церемонились, на ругательства отвѣчали угрозами, шумѣли при невыгодныхъ для себя показаніяхъ, а въ отвѣтахъ на вопросы сыпали дерзкими и неблагопристойными выраженіями.

Президентомъ трибунала засѣдалъ человекъ, которому вышеописанное зрѣлище должно было напоминать весьма многое. Жильберъ Льендонъ—такъ его звали—во время террора пользовался расположеніемъ знаменитаго Фуке Тенвилля, стяжавшаго себѣ такую страшную славу въ должности *общественнаго обвинителя*. Когда занятія по революціонному трибуналу увеличались съ огромнымъ количествомъ подсудимыхъ, каждый день приговариваемыхъ къ смерти и отправляемыхъ на казнь послѣ самаго непродолжительнаго суда, пришлось раздѣлить трибуналъ на четыре отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ четырехъ помощниковъ обвинителя. Однимъ изъ этихъ помощниковъ Фуке избралъ Льендона. Сообразивъ родъ занятій и качества высокаго покровителя, не трудно составить себѣ понятіе о томъ, какова оказывалась роль человека, черезъ пять лѣтъ послѣ кровавой годовины явившагося во главѣ суда надъ оржерскими разбойниками.

Строгій и неумолимый къ несчастнымъ жертвамъ террора, Жильберъ Льендонъ не могъ даже оправдываться политическимъ фанатизмомъ. Исполнитель бывшихъ безчеловѣчныхъ предначертаній, онъ не стоялъ заодно съ людьми выдвинувшими его изъ толпы, и, при паденіи ихъ, не выказалъ къ нимъ особеннаго сочувствія. Его не заподозрили въ якобинствѣ, онъ былъ пощаженъ реакціей; новые люди

видѣли въ немъ одно послушное орудіе, и, цѣня въ немъ хорошаго чиновника, оставили его въ покоѣ. Тѣмъ интереснѣе его роль въ оржерскомъ процесѣ. Какъ эхо высшихъ властей, Льедонъ могъ назваться отличнымъ представителемъ тогдашней администраціи, а поведеніе его служить лучшею характеристикой безхарактернаго времени передъ консульствомъ Бонапарта.

VI.

Судъ открылся чтеніемъ обвинительнаго акта изъ девяти параграфовъ, акта весьма отчетливо составленнаго гражданиномъ Пальаромъ, главнымъ лицомъ по производству предварительнаго слѣдствія объ оржерскихъ разбойникахъ. Вслѣдъ затѣмъ гражданинъ Жильберъ Льедонъ, какъ президентъ трибунала, всталъ и обратился съ длинною рѣчью къ судьямъ и обвиняемымъ. Не взирая на риторическія украшенія дурнаго вкуса, на похвалы существующему порядку, на сентиментальныя разглагольствія о томъ, какъ не хорошо убивать своихъ братьевъ, съ которыми слѣдовало бы жить въ согласіи, эта рѣчь, будь она сказана въ другое время и другимъ человекомъ, могла бы назваться весьма блестящею. Льедонъ пригласилъ подсудимыхъ безъ страха подступить ко храму правосудія, не бояться со стороны суда ни пристрастія, ни оскорбленій, далъ имъ замѣтить, что даже на худшихъ изъ нихъ, до приговора, трибуналъ не перестанетъ взирать какъ на согражданъ, заслуживающихъ и ожидающихъ одной правды. Затѣмъ, обратясь къ присяжнымъ, онъ пригласилъ ихъ отрѣшиться отъ предубѣжденій, постоянно имѣть передъ глазами воспоминавія о неосмотрительныхъ обвиненіяхъ и вполне проникнуться духомъ новыхъ началъ судопроизводства, началъ милосердныхъ и благородныхъ, но еще не укоренившихся въ краѣ. Отъ жителей и постороннихъ суду лицъ Льедонъ требовалъ приличія, молчанія, свисхожденія къ подсудимымъ, которые можетъ быть виноваты передъ цѣлымъ обществомъ, но не подлежатъ ни мщеніямъ частныхъ лицъ, ни отвѣтственности передъ отдѣльными согражданами. „Мы можемъ чувствовать ненависть къ пре-

ступленію, но никогда не дойдемъ до безплодной ненависти къ человѣку его совершившему," такими словами заключилъ свою импровизацію когда-то неумолимый помощникъ Фуке Тевилла, общественнаго обвинителя, страшнаго дѣателя по революціонному трибуналу.

Конечно, времена измѣняются, и странно сѣтовать на то, что человѣкъ, когда-то метавшій грязь въ женщинѣ аристократической породы и въ стариковъ, которыхъ вся вина заключалась въ родствѣ съ какимъ-нибудь политическимъ изгнанникомъ, менѣе чѣмъ черезъ пять лѣтъ нашелъ возможнымъ проповѣдовать кротость во время суда надъ убійцами и разбойниками. Положеніе Льендова казалось, и могло казаться страннымъ, но въ этомъ виноваты былъ онъ самъ, не государство, не вѣчные законы правды и милосердія. Только съ другой стороны рѣчь его, умная и приличная, имѣла видъ насмѣшки надъ подсудимыми, а въ этомъ уже было виновато государство, котораго онъ являлся представителемъ. Первое лицо трибунала, какъ бы отъ имени дѣлага общества, обращалось со словами кротости къ обвиненнымъ; но могли ли обвиненные видѣть въ нихъ что-либо кромѣ бездушнѣйшей фразы? Какъ поступало съ ними общество? Выполнило ли оно, относительно ихъ, хотя часть обязанностей, о которыхъ сейчасъ говорилось такъ трогательно? Дурно мотить преступнику, какъ бы ужасенъ онъ ни былъ: это совершенная правда. Непозволительно оскорблять и великаго злодѣя передъ трибуналомъ: это святая истина. Но во сколько разъ хуже и непозволительнѣе переморить по тюрьмамъ двѣ трети арестантовъ, выдержать ихъ до суда слишкомъ полтора года въ нуждѣ и заразной атмосферѣ, вывести на судъ въ лохмотьяхъ, голодными, истощенными, доведенными до бѣшенства, и въ довершеніе всего, осыпать медоточивыми ободреніями? Если государство дошло до такой нищеты, что его тюрьмы стали хуже чумныхъ лазаретовъ, если общественная неурядица стала такова, что у подсудимаго крали кусокъ хлѣба, ему отпущенный, то лучше бы казалось удержаться отъ хвалебныхъ тирадъ, и просто наблюдать за поддержаніемъ порядка въ залѣ, не навязываясь на упреки. Бываютъ періоды общественнаго горя, когда простѣйшіе законы человѣколюбія становятся невозможною роскошью; въ такія эпохи голосъ похваальбы и

фиантропическое велервчіе ставозатя уже не смѣшными, а преступными, или по меньшей мѣрѣ отвратительными. Мы не имѣемъ времени, да и не находимъ нужнымъ останавливаться надъ изложеніемъ перипетій самаго процесса. Онъ тянулся довольно времени, хотя и не такъ долго какъ того ожидали; причиною тому были: вопервыхъ, предварительное свидѣніе, своею отчетливостію во многомъ облегчившее дѣло, а вовторыхъ, рядъ перемѣнъ во внутреннемъ бытѣ Франціи, послѣдовавшихъ за вступленіемъ генерала Бонапарта въ управленіе дѣлами республики. Власти проснулись, повсюду закипѣла небывалая энергія, работы угрожающія тянутся во году кончались въ недѣлю; никто не смѣлъ дремать, потому что повсюду уже проникалъ глазъ не дремящаго администратора. Судъ надъ оржерскими злодѣями пошелъ съ удвоенною скоростью, общество устало ждать законной отплаты, и самъ президентъ Льеодоу, соображаясь съ вѣтромъ, внезапно подувшимъ съ парижскихъ высотъ, успѣшилъ объявить что „недостаточно желать *возстановленія нравовъ*, надобно исполнить долгъ и отплатить за ихъ оскорбленіе.“—„Да, сограждане,“ прибавилъ онъ, „пришла пора переродиться, подъ сѣнью лавровыхъ и оливковыхъ вѣтвей, тому святому зародышу порядка и добрыхъ нравовъ, котораго преуспѣваніе до сей поры встрѣчало препятствія.“

Несмотря однакоже на такія похвалы новой власти, не взирая на почтительныя намеки въ честь того, кто былъ *подъ Маренго и срывалъ „пальмы победы“ на берегахъ Эридана*, бывшій помощникъ демагога Фукье-Тенвилла не могъ всповѣ отрѣшиться отъ старинныхъ приемовъ революціонной заквенціи. Для него *la sainte canaille* еще не утратила всѣхъ правъ на почтительное обращеніе съ нею, и оржерскіе убійцы отчасти напоминали *героическихъ санкюлотовъ*, которымъ люди и подтверже Льеодоу льстили безстыдно. По ходу суда можно было предполагать съ увѣренностью, что присяжные не проявятъ излишней строгости; но президентъ въ своей рѣчи передъ закрытіемъ преній, еще разъ предостерегъ ихъ отъ запальчивости, въ довольно странныхъ выраженіяхъ. „Не удерживаясь отъ справедливаго негодованія къ преступленіямъ,“ сказалъ онъ между прочимъ, „имѣйте въ виду неурожаи и скудость хлѣба, вслѣдствіе которыхъ масса людей не находящихъ

работы или нелюбимыхъ работы, нахлынула на наши плодородныя равнины, заявивши мѣсто тѣхъ лѣсовъ, гдѣ когда-то друиды проливали кровь нашихъ предковъ! И если вслѣдствіе того, на нашъ край выпала дополнительная доля бѣдствій, и безъ того тяжелыхъ, то конечно вы не упустите вспомнить объ этомъ, и сложите хотя часть преступлений на тяжелыя времена, о которыхъ я упоминаю.“

Послѣ довольно обширныхъ наставленій въ такомъ родѣ, президентъ пригласилъ присяжныхъ удалиться и обсудить пункты обвиненій. Дѣло происходило девятаго термидора, въ VIII годъ единой и нераздѣльной республики.

Присяжные возвратились въ залу, и прежде всего былъ прочитанъ ихъ приговоръ по поводу лицъ оказавшихся *несиновными*. Ихъ оказалось девятнадцать, въ томъ числѣ восемь мужчинъ и одиннадцать женщинъ. По существующимъ правиламъ, оправданныхъ слѣдовало освободить сейчасъ же; они сами, едва вѣря своему счастью, не слышали и не понимали ничего, что вокругъ нихъ происходило. Но Жильберъ Льебонъ, при всемъ своемъ умѣ, не могъ упустить такого чуднаго случая, воздвигся съ своего мѣста и обратился къ оправданнымъ съ длиннѣйшею рѣчью.

„Граждане и гражданки, сказалъ онъ между прочимъ:—въ страшную минуту, передъ самымъ произнесеніемъ проклятія правосудія и приговоровъ общественнаго мщенія, какъ сладко намъ возвратить васъ родимѣ, семействамъ и занятіямъ вашимъ! У древнихъ народовъ за убійство полагалась страшная казнь: живаго преступника привязывали къ разлагающемуся трупу... Оне счастливы, то же было съ вами! Вы дѣлали заточеніе и позоръ изверговъ, вы были обременены цѣпами! Но васъ не коснулось преступленіе, вы не заразились его тлетворными испареніями! Пускай же все испытанное вами послужитъ для васъ цѣлебнымъ поученіемъ... Не забывайте никогда, что для человѣка честный трудъ есть необходимость, что въ немъ для всехъ заключается счастье... А вы въ особенности, вы, которыхъ слабость, свойственная вашему слабому полу, возбуждаетъ въ васъ опасенія.... о, спѣшите, спѣшите опять обратиться къ той мирной скромности, которая опредѣлена для васъ общественными приличіями и закономъ природы! Еще не ушло время.... возвратитесь въ среду вашихъ семействъ, къ гостепріимнымъ очагамъ вашихъ пріютовъ и увесите туда

почтеніе къ высокимъ и спасительнымъ дѣламъ правосудія, ужасъ къ преступленію и страхъ наказаній, имъ на себя призываемыхъ!!!“

Въ книгѣ Фуке, между прочимъ, помѣщенъ разказъ одного изъ свидѣтелей оржерскаго процесса, по поводу этой патетической зловещей президентъ Льедона. „Мы, пострадавшіе въ 93 году, говоритъ онъ, мы, бывше зрители прежнихъ дѣяній оратора въ революціонномъ трибуналѣ, не могли удержаться отъ улыбокъ. Но что въ рѣчи Льедона могло назваться высококомическимъ, такъ это была его тирада во вкусѣ Жакъ-Жака, процenzурованнаго Баррасомъ, тирада обращенная къ распутнымъ бабамъ, которыхъ непричастность къ оржерскому дѣлу такъ радовала его сердце. Эти *Бель-Виктуаръ, Моншьенъ, Кривоглазая* ¹ (*Voguesse*) съ такою вѣжною торжественностью возвращаемыя къ домашнему очагу, и къ обществу, которое имъ предстояло украсить, просто заставляли плакать отъ радости. Сами потаскушки, во все время пышной рѣчи, поглядывали на двери, или стояли притаившись...“ Водевиль кончился, и наступила трагедія. За тройнымъ рядомъ жандармовъ и національныхъ гвардейцевъ, шестьдесятъ два преступника ждали рѣшенія своей участи.

Послѣ длиннаго чтенія новыхъ отвѣтовъ, давныхъ присяжными по поводу лицъ признанныхъ болѣе или менѣе виновными, президентъ накрылся и произнесъ рѣшеніе, приговаривавшее двадцать трехъ преступниковъ (двадцать мужчинъ и три женщины) къ смертной казни. Въ самую минуту когда раздалось рѣковое слово *смерть*, отрядъ національной гвардіи вошелъ въ залу на смѣну людямъ, съ утра стоявшимъ на караулѣ. Приготовляясь ввести свой взводъ на мѣсто смѣняемаго, лейтенантъ, занимавшій должность старшаго офицера, произнесъ командныя слова, изъ которыхъ одно: *appretez les armes!* (тоже, что въ нашей службѣ *слушай*, передъ ружейнымъ приѣмомъ), было понято оторопѣвшими преступниками за приготовленіе къ немедленной казни.

¹ Между оправданными женщинами одна звалась *la Chouche*, а другая *la Putain-de-Sarclas*. Въ строгомъ смыслѣ слова, онѣ всѣ принадлежали къ шайкѣ, но или не сдѣлали важныхъ преступленій, или дѣла ихъ раскрыты не были.

Отчаянная тревога поднялась въ концѣ залы занятой ихъ партіей. Одни, ожидая залпа изъ ружей, кинулись вичкомъ на полъ, другіе залегли подъ скамьи, третьи, сплотившись густою толпой, попробовали прорваться сквозь ряды жандармовъ. Но тутъ несчастнымъ пришлось въ послѣдній разъ встрѣтить того, кто былъ первою причиною ихъ гибели. Вассеръ, недавно произведенный въ поручики, находился во главѣ жандармовъ, и безъ особеннаго труда укротилъ людей, имъ же по большей части преданныхъ въ руки правосудія.

Въ числѣ приговоренныхъ къ смерти находились Франсуа Сиперъ, о которомъ мы упоминали подъ именемъ *Безпалаго*, Драгунъ, любимый помощникъ Красавца, Пельтье замѣчательный особымъ безчеловѣчіемъ, Мишель Пекка или Рыжій, бывшій лейтенантъ шайки, Нормандецъ, одинъ изъ товарищей Франсуа, хотѣвшій защищаться при нападеніи Вассера, женщина Грандъ-Мари, о кровожадности которой уже говорилось. Кривогазый Жуи, въ уваженіе услугъ оказанныхъ при захватѣ главной шайки, отдѣлялся 24 годами заключенія въ кандалахъ. Съ нимъ поступили, какъ кажется, слишкомъ строго; многіе изъ его товарищей были приговорены въ 16 и 12 годовъ того же наказанія. Двумъ женщинамъ выпало на долю двухгодичное заключеніе; двое подсудимыхъ, изъ *парнишекъ* (*mioches*), имѣли содержаться не въ тюрьмѣ, а въ смиренномъ домѣ; Мари Бивильонъ, любовница Красавца, была приговорена къ одному наказанію съ Жуи Кривогазымъ.

Задолго до окончанія суда, какъ мы уже сказали, въ тюрьмахъ перемерло множество оржерцевъ; въ ихъ числѣ находились главные знаменитости, напримѣръ старикъ Элуи, изобрѣтатель или вѣрнѣе возобновитель *подпальсана*, Беу, безъ котораго не обходилось ни одно дѣло съ пролитіемъ крови, Катръ-Су, не уступавшій ему въ свирѣпости, Лежень, воровской полкъ, старикъ Пиголе, надежнѣйшій изъ пристанодержателей.

Красавецъ и Шарль-Парижанинъ, два главные дѣятели, каждый въ своемъ округѣ, были приговорены къ смерти *заочно*. Оба находились на свободѣ.

Всѣ осужденные, кромѣ тѣхъ которымъ наказаніе выпало слишкомъ незначительное, отнеслись въ кассационный трибуналъ для пересмотра и уничтоженія сдѣланныхъ при-

говоровъ. По огромности и сложности всего дѣлапроизводства, въ немъ конечно было не безъ промаховъ, большею частью въ мелочахъ, но общій смыслъ былъ одобренъ, и отвѣтъ суда оказался отрицательнымъ. Времена анархiи исчезли, и президентъ уголовного отдѣленiя кассационнаго суда, Вьельяръ, прямо упомянулъ о томъ въ своемъ рапортѣ. „Если съ одной стороны, пишетъ онъ, большое количество осужденныхъ взываетъ къ снисхожденiю, то съ другой цѣлое общество требуетъ возмездiя и спокойствiя. Не для чего утаивать истины: общественный порядокъ потрясенъ, революціонная буря выкинула на поверхность общества весь гнусный отстой, на днѣ его таившiйся. Власть и бездѣйствiе властей породили безнаказанность преступленiй; пришла пора утвердить то, что было потрясено, и успокоить тѣхъ гражданъ, которые, въ воздаянiе за всѣ жертвы ими принесенныя правительству, настоятельно взываютъ къ нему о защитѣ для себя и своей собственности.“

Двѣнадцатаго вѣндеміера, XI года единой и нераздѣльной республики, на главной площади въ Шартрѣ, произошла смертная казнь *двадцати трехъ* оржерскихъ разбойниковъ. Въ наше время подобная церемонiя навела бы невыразимый ужасъ на весь край и цѣлую Европу; даже воображенiе пугается при мысли о такой бойнѣ. Но 1793 годъ надолго приучилъ Францію и не къ такимъ зрѣлищамъ: послѣдняго дня кровопiйца, когда-то ужасавшихъ три департамента, викто даже и не описалъ въ подробности. Известно лишь, что осужденные, за весьма немногими исключенiями, взшли на эшафотъ очень спокойно, что народъ ругалъ ихъ, весело вскрикивалъ каждый разъ когда опускалось треугольное лезвiе гильотины, и не ушелъ съ площади, пока эшафота не сломали, и не увезли труповъ. Такъ кончилась исторiя знаменитой оржерской шайки, хорошо памятной и до нашихъ дней всякому французскому поселянину.

VIII.

Изъ всего разказаннаго выше, не трудно понять, что окончанiе суда надъ согнаей разбойниковъ и смертная казнь двадцати трехъ наиболѣ виновныхъ лицъ не могли

вести за собою совершеннаго уничтоженія оржерской шайки. Не говоря о томъ, что далеко не всѣ виноватые были захвачены въ руки правосудія, самый шартрскій процессъ, какъ это и было замѣчено президентомъ кассационнаго суда, въ одномъ отношеніи былъ ведемъ не такъ какъ слѣдовало. И лицамъ производившимъ слѣдствіе, и особамъ, послѣ того руководившимъ преніями, справедливо замѣчалъ гражданинъ Вьельяръ, прежде всего слѣдовало придать всему дѣлу необходимое единство, а они безъ нужды раздробили его на сотни отдѣльныхъ эпизодовъ, обслѣдованныхъ и обсужденныхъ безъ одной общей имъ связи. Кромѣ убійства Фуссе, убійства Пельтье, ограбленія такой-то фермы и такъ далѣе, передъ слѣдователями и судьями находился несомнѣнный фактъ преступной ассоціаціи, фактъ недостаточно разработанный, а потому подавшій поводъ ко множеству скандальныхъ оправданій. Подтвердимъ это примѣромъ. Публичная женщина Бель-Виктуаръ (сказанное о ней относится ко всѣмъ признаннымъ виновными) оказалась неучаствовавшей ни въ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ дѣла: она имѣла худую славу, была воровкою, но на однихъ слухахъ нельзя было основать ничего положительнаго. А между тѣмъ она несомнѣнно принадлежала къ шайкѣ, была въ замужествѣ за нѣсколькими убійцами, воровской попъ совершалъ надъ ней обряды въ оржерскихъ каменоломняхъ. Можно ли предполагать, что существо до такой степени прикосновенное къ составу ассоціаціи, не знало ея преступныхъ дѣлей, не имѣло понятія о томъ кто виновенъ въ грабежахъ и кровопролитіяхъ, ужасавшихъ три департамента? Но такъ какъ самый фактъ ассоціаціи не былъ поставленъ какъ должно, Бель-Виктуаръ избѣгла изслѣдованій по этой части, а вмѣстѣ съ нею ускользнули отъ правосудія всѣ тѣ лица, которыя, подобно ей, не были замѣшаны въ злодѣяніяхъ достаточно раскрытыхъ и остановившихъ на себѣ вниманіе судей и слѣдователей.

Естественно, что послѣ процесса и эти слабыя женщины возвращаемыя къ ихъ мирнымъ семейнымъ очагамъ, и несчастливцы дѣлавшіе заточеніе съ преступниками, но не утратившіе чистоты нравовъ, поспѣшили обратиться къ старому своему промыслу, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ бывало. Если въ трехъ департаментахъ, очи-

ценныхъ Васоёромъ, водворилоя нѣкоторый порядокъ, если по лѣсовымъ пещерамъ и оржерскимъ камеломьямъ было уже неудобно прятаться, за то по другимъ участкамъ Франціи оказывалось не безъ приволья. *Шарль-Парижанинъ* упорно держался по близости Парижа и часто посѣщалъ самую столицу. По взволнованнымъ и еще не успокоеннымъ окрестностямъ Лиона, Тулона, Марсела, бродили и занимались грабежомъ многіе предприимчивые люди. Но самымъ дорогимъ убѣжищемъ для незахваченныхъ оржерцевъ оказывались Бретань и Вандея. Тамъ еще не вполне затихло недавнее грозное возстаніе; тамъ можно было, смотря по обстоятельствамъ, неистовствовать надъ роялистами и республиканцами; тамъ полиція, отвлеченная политическими преступленіями, глядѣла сквозь пальцы на разбои; тамъ наконецъ, какъ говоритъ преданіе, нашелъ себѣ надежный пріютъ Франсуа Жиродо—Красавецъ, бывшій предводитель оржерской шайки во время ея величія.

Но если весь гнусный отстой, выкинутый революціонными бурями на поверхность французскаго общества, упорно держался за право жить и злодѣйствовать, то и элементы порядка, на время упавшіе было до безсилія, крѣпли съ каждымъ днемъ и часомъ. Краткое затихше послѣдовавшее за итальянскою кампаніей перваго консула и еще болѣе Монъ-Люсовскій трактатъ, положившій предѣлъ безпорядкамъ въ Вандеѣ, дали правительству полную возможность предпринять дѣло внутренняго успокоенія. Войска вернулись домой, полиція перестала гоняться за политическими преступленіями; комиссары и префекты, оказавшіеся плохими администраторами за время директоріи, были замѣнены людьми новыми. Фуше замѣнилъ Маре по управленію полиціей, и дѣйствительно получалъ нѣчто въ родѣ тѣхъ инструкцій, о которыхъ такъ наивно разказываютъ французскіе крестьяне. Онъ сумѣлъ всюду отыскать и приголубить людей въ родѣ Вассёра, разслалъ ихъ подепартаментамъ, наиболѣе зараженнымъ язвой разбоя и *поджальганья*; мало того, самъ наблюдалъ за ихъ дѣйствіями, съ особенною любовью слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые, при исполненіи порученій, выказывали замысловатость, изобрѣтательность, ловкость, качества ему особенно милыя.

Исторія съ фурой наполненной солдатами, о которой ходитъ легенда въ народѣ, дѣйствительно случилась. Раз-

бойники, пріютившіеся въ гористомъ краѣ между Лиономъ и Женевю, вызвали эту полицейскую штуку. Много разъ они грабили почту, дилижансы, нападали даже на казенные транспорты. По слухамъ, ихъ шайка состояла изъ людей особенно ожесточенныхъ и свирѣпыхъ. Утомившись безплодными поисками по горнымъ тущобамъ, полицейскій комиссаръ, присланный изъ столицы, сварядилъ дилижансъ, украсилъ его множествомъ пустыхъ ящиковъ для приманки, наполнилъ переодѣтыми жандармами, и предписалъ ему прокатиться по опасной дорогѣ. Разбойники напали въ такихъ силахъ, что послѣдовало цѣлое маленькое сраженіе; но отряды солдатъ, искусно разставленные въ разныхъ мѣстахъ около дороги, окружили воровъ, перебили почти всѣхъ, троихъ разстрѣляли на мѣстѣ, а четверыхъ, связавъ, отвезли въ Буръ, гдѣ они и были приговорены къ смерти.

Въ день, назначенный для ихъ казни, произошла сцена какой не бывало даже въ исторіи оржерскихъ злодѣевъ. Тюремщикъ и сторожа, явившіеся взять обвиненныхъ, нашли ихъ нескованными и каждого съ ножомъ въ рукахъ. Послѣдовали свалка и бѣгство служителей, преслѣдуемыхъ разбойниками, на дворъ темницы занятый карауломъ солдатъ, успѣвшихъ схватить ружья и навести ихъ на преступниковъ. При этомъ видѣ имъ стало повятно, что нечего рассчитывать на спасеніе. Одиъ изъ осужденныхъ, называемый *попомъ* (*le prêtre*) началъ танцовать непристойный танецъ передъ наведенными ружьями и кончивъ его, воткнулъ себѣ ножъ въ сердце. Трое другихъ тоже ударили себя ножами, но только одиъ, Гюйо по имени, поразилъ себя опасно; его тутъ же покончили ударомъ приклада. Двое остальныхъ, покрытые кровью, изрыгая ругательства, дошли до мѣста казни, и сами взошли на эшафотъ, съ пѣсью *Ca ira!* такъ знаменитою во времена террора.

За дѣлами безжалостнаго насилія пошли наказанія, почти столько же безжалостныя.

Гражданинъ Фуше, въ особомъ рапортѣ первому консулу, при началѣ своего полицейскаго управленія, открыто упрекалъ трибуналы и присяжныхъ въ медленности и неразумныхъ снисхожденіяхъ къ подсудимымъ, уличеннымъ въ разбояхъ. Полиція не виновата въ томъ, гласилъ рапортъ, что случаются разграбленія почтъ и нападенія злодѣевъ на удивенныя фермы. Департаментскія тюрьмы, наполненныя

захваченными злодѣями, снимаютъ съ полиціи всякое обвиненіе. Но суды не дѣлаютъ своего дѣла; къ сожалѣнію, есть примѣры тому, что разбойники, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, бывали оправданы присяжными, и сверхъ того, самая процедура слѣдствій и процессовъ мѣшаетъ быстротѣ и энергіи, необходимымъ для возстановленія общественнаго спокойствія.

Слѣдствіемъ означеннаго рапорта было сформированіе чрезвычайныхъ и большею частію военныхъ комиссій, вѣдающихъ дѣла о разбояхъ, ограбленіяхъ почтъ, и такъ далѣе. Префектамъ и чинамъ полиціи были даны дополнительные инструкціи, которыхъ послѣдствія не заставили себя ждать слишкомъ долго.

До трехъ сотъ разбойниковъ было захвачено и рассажено по тюрьмамъ сорока семи департаментовъ, къ первому фримера девятаго года республики. Гораздо большее количество не дошло до тюремъ, а было или перебито въ разныхъ схваткахъ, или разстрѣляно на мѣстахъ ареста.

Въ Ардешскомъ департаментѣ уничтожена большая партія злодѣевъ, именовавшая себя „черною бандою“; арестанты взятые съ оружіемъ разстрѣляны; въ краѣ, служившемъ пріютомъ шайки, все населеніе обезоружено.

Въ Канталѣ произошла совершенная облава на разбойниковъ. Поселяне, подъ предводительствомъ меровъ, вооруженные топорами и косами, заняли всѣ входы и выходы горныхъ ущелій, между тѣмъ какъ жандармы, вытѣснивъ шайку изъ убѣжищъ, хватали и разстрѣливали ея участниковъ.

Въ департаментѣ Обвизъ-Севръ полиція открыла небольшую партію отчаянныхъ удалцовъ звавшихъ себя Вандейцами, грабившихъ почты и сманивавшихъ изъ полковъ рекрутовъ, будто бы для королевской арміи. При арестѣ обошлось не безъ кровавой схватки; за то злодѣи и были разстрѣляны на мѣстѣ ихъ подвиговъ. Въ числѣ членовъ этой шайки, по физической силѣ и кровожадности, замѣтнѣе другихъ оказывался нѣкто *Жиродо*, то-есть *Франсуа Жиродо-Красавецъ*, бывшій начальникъ знаменитой оржерской шайки.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Отрывокъ.)

Ужь вечеръ. Какая отрада!
Мы сѣли въ кружокъ у окна.
Ночная намъ вѣетъ прохлада,
И полная свѣтитъ луна.
Къ чему эти глупыя свѣчи
Въ июльскую свѣтлую ночь?
Охота, чтобъ стывули рѣчи,
Летѣли мечтанія прочь!
Довольно и луннаго свѣта.
Прекраснѣе въ сумракѣ эта
Картина уснувшей земли,
Всеобщей, торжественной лѣны.
Причудливо мѣсяцъ и тѣни
На платьяхъ, на лицахъ легли.

.
.

Живѣе бесѣда межъ нами,
Быстрѣе разказы текутъ:

„... Вотъ лошади шагомъ бредутъ,
И ѣдемъ мы, ѣдемъ лѣсами.
Здѣсь видно и днемъ не свѣтло,
А солнце давненько зашло.
Густѣютъ вечернія тѣни.
Сыпучій песокъ по колыни...
И жутко намъ въ чащѣ лѣсной,
И ждемъ-не-дождемся ночлега.“

„... Завоситъ насъ вьюгой степной,
Завоситъ оугробами снѣга.
Ну, ночка—не видно руки!
А вѣтеръ все по полю бродитъ,
Да дикія пѣсни заводитъ.

„... Вотъ волны широкой рѣки;
Въ нихъ смотрится берегъ нагорный.
Побранкой лихой и задорной
На баркѣ гремятъ бурлаки,
И взрывомъ бурлацкаго смѣха
Встревожено чуткое эхо.
Сверкаетъ на солнцѣ вода.
Плывутъ караваномъ суда.
Здорово, кормилица Волга!“

„... А вотъ заунывно и долго
Ямщикъ-мужичокъ поетъ,
И за сердце пѣсня беретъ
И грустно глядишь на дорогу.“

.

Какъ чудно смиряютъ тревогу,
Какъ много душъ говорятъ
И тихія, добрыя рѣчи,
И теплый, ласкающій взглядъ.
Бываютъ чудесныя встрѣчи!....

Ө. РОМЕРЪ.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ¹

Переводъ съ англійскаго.

I. Извлеченіе изъ объявленій въ *Times*.

„Неизвѣстнаго друга просить означить (посредствомъ объявленія въ *Times*) адресъ, по которому можно послать къ нему письмо. За доставленіе объявляемыхъ свидѣній назначается въ награду пять фунтовъ стерлинговъ.“

II. Отъ капитана Регга къ Магдаливѣ.

Бирмингамъ, 2-го іюля, 1847.

„Дорогая моя!

„Коробка съ принадлежностями костюма, увезенная вами ошибкой, благополучно прибыла по назначенію. Она будетъ оставаться подъ особою моею охраною до новаго распоряженія отъ васъ.

„Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить васъ въ моей неизмѣнной преданности вашимъ интересамъ. Не навязываясь нисколько на ваше довѣріе, позволю себѣ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ*. №№ 7, 8 и 9.

однако спросить, согласился ли мистеръ Новль Ванстонъ оказать вамъ справедливость? Очень боюсь, что онъ отказалъ намъ въ ней,—и въ такомъ случаѣ, положи руку на сердце, торжественно объявляю, что низость его возмущаетъ меня. Откуда взялось у меня предчувствіе, что вы напрасно обращались къ нему? Отчего человѣкъ этотъ представляется мнѣ какимъ-то зловреднымъ насѣкомымъ? Мы вовсе не знакомы другъ съ другомъ; мнѣ извѣстно о немъ лишь то что я узналъ наводя для васъ справки. Или ужь мое сочувствіе къ вашимъ интересамъ такъ глубоко, что я исполнился вѣщаго духа? А не то, если дать волю фантазіи, не допустить ли предсуществованіе душъ? Ужь не нанесъ ли мнѣ мистеръ Новль Ванстонъ смертельной обиды на другой какой-нибудь планетѣ?

„Я пишу, дорогая моя Магдалина, какъ вы видите, съ моимъ всегдашнимъ юморомъ. Но я не шутя предлагаю вамъ свои услуги. Да не смущаетъ васъ ни на минуту вопросъ объ условіяхъ. Заравѣ принимаю всякія условія, какія вы заблагоразсудите предложить. Если вамъ угодно, я готовъ для васъ жать нашего мистера Новля Ванстона до тѣхъ поръ, пока золото не прыснетъ изъ всѣхъ его поръ. Извините за грубость этой метафоры. Мое нетерпѣніе быть полезнымъ вамъ рвется словами наружу, въ необдѣланномъ видѣ слагаетъ мысль мою къ ногамъ вашимъ, и предоставляетъ уже вашему вкусу опрavitъ ее лучшими красотоми англійскаго языка.

„Ну что подѣлываетъ моя бѣдная жена? Боюсь, что вы не сможете заставить ее ходить полюдки или согласить ея фигуру съ вѣчными законами симметріи и порядка. Ужь не обнаруживаетъ ли она поподзновенія на излишнюю фамильярность съ вами? Въ подобныхъ случаяхъ, я всегда обрѣзывалъ ее. Ей никогда не дозволялось называть меня иначе какъ капитаномъ, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, послѣ союза нашего, когда обстоятельства заставляли ее обращаться ко мнѣ письменно, ея начальное прѣвѣтствіе строго ограничивалось словами „дорогой сэръ“. Примите эти мелкія домашнія подробности за указанія, которыя могутъ быть вамъ полезны въ сношеніяхъ съ мистриссъ Реггъ, и вѣрьте преданности нетерпѣливо ожидающаго вѣстей отъ васъ, вашего

Горація Регга.“

III. Отъ Норы къ Магдалинѣ.

(Письмо присланное, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, изъ Бермингемской почтовой конторы).

Вестморландъ Гаусъ, Кексингтонъ, 1-го іюля.

„Дорогая Магдалина,

„Твое слѣдующее письмо (и, сдѣлай милость, не заставляй меня долго ждать его!) адресуй мнѣ на квартиру миссъ Гартъ. Я оставила свое мѣсто, и можетъ-быть пройдетъ немножко времени, пока я отыщу себѣ другое.

„Теперь, когда все кончено, я могу сказать тебѣ, душенька моя, что мнѣ не посчастливилось на этомъ мѣстѣ. Упорно старалась я расположить къ себѣ обѣихъ дѣвочекъ, ученицъ моихъ; но онѣ, право не знаю почему, съ самаго начала не влюбились меня. На мать ихъ я не могу пожаловаться; но бабушка, которая ворочаетъ всѣмъ домою, просто отравляла мнѣ жизнь. Она то и дѣло попрекала меня неопытностью въ моихъ недоразумѣніяхъ съ дѣтьми, меня одну всегда находили виноватой. Я говорю тебѣ это, чтобы ты не подумала, что я жалю о потерѣ мѣста. Совсѣмъ нѣтъ, душа моя; я рада, что оставила этотъ домъ.

„Я скопила немножко денегъ, Магдалина, и очень желала бы провести на нихъ нѣсколько дней съ тобою. Сердце мое ноетъ, не видя сестры; уши мои жаждутъ звука ея голоса. Я желаю только одного слова отъ тебя, которое сказало бы мнѣ, гдѣ можемъ мы встрѣтиться. Подумай объ этомъ, умоляю тебя, подумай объ этомъ.

„Не воображай, что я пришла въ отчаяніе вслѣдствіе моей первой неудачи. Есть много добрыхъ людей на свѣтѣ, и кто-нибудь можетъ-быть въ скорости пріютить меня. Часто бываетъ очень трудно отыскать путь къ счастью, труднѣе, а почти увѣрена въ этомъ, для женщинъ чѣмъ для мужчинъ. Но если мы терпѣливо ищемъ, ищемъ долго, то мы найдемъ наконецъ,—на небѣ, если не на землѣ. Что до меня, то мнѣ нужно теперь только повидаться съ тобою. Не забывай этого, душа моя, когда вспомнишь о Норѣ.“

IV. Отъ миссъ Гартъ къ Магдалинѣ.

Вестморландъ Гаузь, 1-го іюля.

„Любезная Магдалина!

„Не опасайтесь напрасныхъ упрековъ при видѣ моего почерка. Единственная цѣль моего письма—сообщить вамъ нѣчто, чего—я знаю—сестра ваша не скажетъ вамъ сама. Ей неизвѣстно, что я пишу вамъ. Не говорите ей ничего объ этомъ, если желаете избавить ее отъ излишняго безпокойства, а меня отъ излишней непріятности.

„Письмо Норы, безъ сомнѣнія, сказало вамъ, что она оставила свое мѣсто. Считаю своею печальною обязанности прибавить, что она оставила его по поводу васъ.

„Дѣло было вотъ какъ. Гг. Вайаттъ, Пендриль и Гултъ, повѣренные по дѣламъ того господина, въ семействѣ котораго Нора нашла себѣ мѣсто. Избранный вами образъ жизни еще съ прошлаго декабря былъ извѣстенъ всѣмъ компаньйонамъ. Особа посланная слѣдить за вами въ Йоркѣ, видѣла ваши представленія въ Дерби, и открытіе это было сообщено, черезъ нѣсколько дней, мистеромъ Вайаттомъ, господину взявшему къ себѣ Нору, въ отвѣтъ на прямой запросъ послѣдняго. Жена его и мать (живущіе съ нимъ) положительно желали, чтобъ онъ сдѣлалъ этотъ запросъ, такъ какъ уклончивые отвѣты Норы, касательно сестры, возбудили въ нихъ подозрѣніе. Вы слишкомъ хорошо знаете Нору, и не будете осуждать ее за это. Благодаря вашему теперешнему образу жизни, ей ничего другаго не оставалось кромѣ уклончиваго отвѣта, чтобы не сказать чистой лжи.

„Въ тотъ же день, обѣ дамы, старшая и младшая, послали за вашею сестрой и объявили ей, что онѣ узнали, что вы, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, подъ чужимъ именемъ, даете публичныя представленія. Онѣ были на столько справедливы, что не порицали за это Нору и находили, что поведеніе ея было безупречно и вполнѣ оправдывало мою рекомендацію. Но, въ то же время, онѣ поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы ваша нога не была въ ихъ домѣ,

и чтобъ она вообще избѣгала встрѣчь съ нею. Сестра ваша, терпѣливо переносившая всѣ неприятели, которыя падали на нее самое, не могла снести этого поношенія, которымъ клеймили *васъ*. Она тутъ же отказалась отъ мѣста. Затѣмъ послѣдовали крупныя объясненія, и вечеромъ она оставила домъ.

„Не буду огорчать васъ, не скажу чтобъ потеря этого мѣста была несчастіемъ. Норъ не посчастливилось на этомъ мѣстѣ, вопреки моимъ надеждамъ. Мнѣ невозможно было звать впередъ, что дѣти злы и капризны или что теща привыкла давать чувствовать свою власть каждому. Я сама думаю, что Норъ на этомъ мѣстѣ оставаться не слѣдовало. Но это еще не конецъ злу. Какъ извѣстно вамъ и мнѣ, зло можетъ продолжиться. Чтò случилось въ этомъ домѣ, можетъ случиться въ другомъ. Образъ вашей жизни, какъ бы ни было безупречно ваше поведеніе,—и я увѣрена въ его безупречности,—сомнѣтеленъ для всѣхъ порядочныхъ людей. Довольно жила я въ этомъ свѣтѣ, чтобъ убѣдиться, что чувство добропорядочности въ девяти Англичанкахъ изъ десяти непобѣдимо и неуступчиво. Люди, которые возьмутъ теперь Нору, могутъ также узнать о васъ, и Нора можетъ опять потерять мѣсто, такъ что ей потомъ нигдѣ нельзя будетъ пристроиться.

„Подумайте объ этомъ, дитя мое! Не упрекайте меня въ жестокости. Мнѣ дорого спокойствіе сестры вашей. Если вы забудете прошлое, Магдалина, и возвратитесь,—будьте увѣрены, что старая гувернантка ваша забудетъ все и приметъ васъ у себя, какъ приняла когда-то ее ваши родители.

„Вашъ, дорогая Магдалина, другъ навсегда

Гарриета Гартъ.“

V. Отъ Френсиса Клера jun., къ Магдалинѣ.

Шангай, Китай. 23 апрѣля, 1847.

„Дорогая Магдалина!

„Я медлилъ отвѣтомъ на ваше письмо, ибо разстроенная голова моя не позволяла мнѣ писать вамъ. Я и теперь не способенъ писать, но чувствую, что не долженъ откладывать далѣе. Чувство чести подкрѣпляетъ меня, и я рѣшаюсь на это письмо.

„Карьера моя въ Китаѣ кончена. Домъ, которому я былъ сданъ, словно тюкъ товара, вывелъ меня изъ терпѣнія рядомъ мелкихъ оскорбленій, и я нашелъ себя вынужденнымъ, изъ собственнаго достоинства, отказаться отъ службы, неоправданной какъ слѣдуетъ съ самаго начала. О возвращеніи въ Англію, въ подобныхъ обстоятельствахъ, не можетъ быть и рѣчи. Со мной слишкомъ жестоко поступили на родинѣ, и я не могу не желать возвратиться въ нее, — даже еслибы могъ. Я намѣренъ занять какое-нибудь торговое мѣсто на одномъ изъ частныхъ купеческихъ судовъ въ здѣшнихъ водахъ, чтобы попытаться проложить себѣ путь. Не могу сказать, какъ это кончится или что случится со мною потомъ. Я сталъ бродягой и изгнанникомъ единственно по винѣ другихъ. Безчувственное желаніе отдѣлаться отъ меня достигло цѣли. Отъ меня отдѣлались.

„Мнѣ остается пожертвовать еще однимъ, пожертвовать самыми дорогими сердечными привязанностями. Безъ всякой карьеры впереди, безъ всякой возможности возвратиться домой, могу ли я сколько-нибудь надѣяться выполнить мое обѣщаніе вамъ? Нѣтъ! Больше меня эгоистической человѣкъ, могъ бы связать васъ этимъ обязательствомъ: менѣ меня благоразумный могъ бы заставить васъ ждать годы, — и ждать напрасно. Жестокія испытанія такъ напрягли мои нервы, такъ расшевелили мои чувства, что я не могу позволить себѣ это. Пишу со слезами на глазахъ; вы не свяжете судьбы своей съ отверженнымъ изгнанникомъ. Эти скорбныя строки освобождаютъ васъ отъ вашего обѣщанія. Взаимное обязательство наше прекращается.

„Единственное утѣшеніе, поддерживающее меня въ прощаніи моемъ съ вами, заключается въ мысли, что оба мы невинны. Можетъ-быть у васъ не достало энергіи подъ влияніемъ моего отца; но я увѣренъ, что вы желали всего лучшаго. Лишь я одинъ предвидѣлъ злополучныя послѣдствія высылки меня изъ Англіи, — но меня не слушали. Я уступилъ отцу, я уступилъ вамъ, и вотъ результатъ!

„Я слишкомъ страдаю, и не могу писать болѣе. О, еслибы вы могли не знать никогда чего стоило мнѣ мое уклоненіе отъ нашего обязательства! Сдѣлайте милость, не осуждайте себя. Не ваша вина, что всѣмъ моимъ усиліямъ дано было другими ложное направленіе; не ваша вина, что въ жизни мнѣ не посчастливилось. Забудьте покинутого бѣдняка, ко-

торый возноситъ свои искреннія молитвы о вашемъ счастьи и который всегда пребудетъ вашимъ другомъ и доброжелателемъ.

Франсисъ Клеръ, младшій.“

VI. Отъ Франсиса Клера, старшаго, къ Магдалинѣ.

(Письмо въ которомъ заключалось предыдущее.)

„Я всегда говорилъ вашему бѣдному отцу, что сывъ мой дуракъ, но до прибытія почты изъ Китая я не зналъ, что онъ плутъ. Все заставляетъ меня думать, что онъ оставилъ своихъ хозяевъ въ самыхъ позорныхъ обстоятельствахъ. Съ этой минуты забудьте его, подобно мнѣ. Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, вы хорошо поступали въ этомъ дѣлѣ и согласно съ моимъ желаніемъ. Все что я могу теперь сказать вамъ въ отплату, я сказалъ. Дитя мое, мнѣ грустно за васъ.

Ф. К.“

VII. Отъ мистриссъ Реггъ къ мужу.

„Дорогой сэръ ради бога пріѣзжайте сюда и помогите намъ. Она получила ужасное письмо вчера не знаю ужъ какое но она читала его въ постели, и когда я вошла къ ней съ завтракомъ то нашла ее мертвою и еслибъ не было доктора черезъ дверь никто не могъ бы оживить ее и она сидитъ и глядитъ ужасно и не хочетъ сказать ни слова глаза ея пугаютъ меня я трясусь съ головы до ногъ о пожалуста пріѣзжайте у меня опрятно и я такъ люблю ее и она такъ добра ко мнѣ и хозяинъ говорилъ что онъ боится чтобъ она не убила себя мнѣ хотѣлось бы писать прямо но я такъ дрожу ваша вѣрная жена матильда реггъ извините за ошибки и прошу васъ на колѣняхъ пріѣзжайте и помогите намъ Докторъ добрый чоловікъ припишетъ самъ быть можетъ не поймете и остаюсь еще разъ ваша вѣрная жена матильда реггъ.

(Приписка доктора.)

„Милостивый государь,—Имѣю честь јувѣдомить васъ, что вчера я былъ призванъ въ сосѣдній домъ, въ Вокзалъ-Вокъ, для подавія пособія одной внезапно заболѣвшей мо-

лодой дѣвушкѣ. Съ большимъ трудомъ привелъ я ее въ чувство; съ ней случилась одинъ изъ самыхъ упорныхъ обмороковъ, какіе только мнѣ доводилось видѣть. Послѣ того, съ ней не было новыхъ припадковъ, но какая тѣснота тяготитъ ея умъ, и ничѣмъ нельзя развлечь ее. Она сидитъ, какъ сказывали мнѣ, не произнося слова и не сознавая ничего происходящаго вокругъ нея, по цѣлымъ часамъ, съ письмомъ въ рукѣ, котораго она никому не отдаетъ. Если такой упадокъ духа продлится, то можетъ пострадать ея разумъ. По чувству долга, я совѣтовалъ бы кому-нибудь изъ близкихъ ей людей поспѣшить къ ней на помощь, и употребить все свое вліяніе, чтобы вывести ее изъ этого состоянія. Вашъ покорный слуга,

Ричардъ Джервисъ.

VIII. Отъ Норы къ Магдалинѣ.

5-го іюля.

„Бога ради, напиши мнѣ строчку, въ Бѣрмингемѣ ли ты все и гдѣ мнѣ найдти тебя тамъ! Я только что получила письмо отъ мистера Клера. О, Магдалина, если ты не жалѣешь себя, пожалѣй немного меня! Мысль, что ты теперь одна, посреди чужихъ, одна съ разбитымъ сердцемъ отъ этого страшнаго удара, не оставляетъ меня ни на минуту. Никакія слова не могутъ выразить того, что я чувствую при мысли о тебѣ! Душа моя, припомни былые дни ради Бога, когда этотъ подлый негодяй не прокрадывался еще въ твое сердце, вспомни счастливое время въ Комбъ-Ревенѣ, когда мы были неразлучны. О, ради Бога не обращай со мною, какъ съ чужою! Мы теперь одиѣ на свѣтѣ, — позволь мнѣ придти и успокоить тебя, позволь мнѣ быть болѣе чѣмъ сестрой для тебя, если это возможно. Одну строчку, всего одну строчку, чтобы я знала гдѣ найдти тебя!“

IX. Отъ Магдалины къ Норѣ.

7-го іюля.

„Дорогая моя Нора!

„Все, чего могла пожелать мнѣ твоя привязанность, слѣдало твое письмо. Ты, и ты одна, наша путь къ моему

сердцу. Я снова могу думать, снова могу чувствовать, прочтя твое письмо. Пусть же это успокоитъ тебя. Душа моя живетъ и дышетъ снова; она была мертва до получения твоего письма.

„Перенесенный мною ударъ оставилъ во мнѣ какое-то странное спокойствіе. Я какъ будто отдалась отъ своего прежняго я; надежды, когда-то столь дорогія мнѣ, какъ будто отошли вмѣстѣ съ старымъ временемъ, отъ котораго я далека теперь. На крушеніе жизни моей я могу глядѣть спокойно, Нора, чѣмъ могла бы ты, еслибы мы снова были вмѣстѣ. Я уже въ состояніи говорить о Франкѣ.

„Душечка моя, мнѣ кажется, что никакая женщина не можетъ знать до какой степени отдалась она любимому человѣку, пока человѣкъ этотъ не поступилъ съ ней дурно. Пожалѣешь ли ты мою слабость, когда я сознаюсь тебѣ, что мнѣ больно было читать то мѣсто твоего письма, гдѣ ты называешь Франка подлымъ и негодяемъ? Никто не можетъ такъ презирать меня за это чувство какъ я сама презираю себя. Я похожа на собаку, которая ползетъ назадъ и лижетъ бывшую ее руку господина. Да, это такъ,—я не призналась бы въ этомъ никому, кромѣ тебя,—но дѣлать нечего: это такъ. Онъ обманулъ и бросилъ меня, онъ написалъ мнѣ жестокое письмо на прощанье,—но не называй его негодяемъ! Если онъ раскается и возвратится ко мнѣ, я скорѣе умру чѣмъ выйду за него,—но меня оскорбляетъ это слово негодяй, писанное о немъ твоею рукой. Если онъ оказался слабъ, кто подвергъ его испытанію, которое было выше его силъ? Или ты думаешь, что это случилось бы, еслибы Михаилъ Ванстонъ не ограбилъ насъ и не заставилъ Франка уѣхать отъ меня въ Китай? Еще недѣля, и годъ ожиданія окончился бы, и я стала бы женой Франка, еслибы не отягли у меня моего приданого.

„Ты скажешь, послѣ случившагося, хорошо, что я избавилась этого. Душа моя! есть что-то превратное въ моемъ сердцѣ, отвѣчающее: Нѣтъ! Лучше быть несчастною женой Франка чѣмъ свободною, какъ теперь я.

„Я не писала ему. Онъ не сказалъ мнѣ адреса, по которому я могла бы писать ему, еслибы захотѣла. Но я не хочу этого. Я погожу посылать ему мое послѣднее прощанье. Если когда-либо наступитъ день, когда мнѣ достанется состоя-

ніе, назначавшесся мнѣ отцемъ въ приданое,—знаешь ли что я сдѣлаю съ этимъ состояніемъ? Я все отправляю къ Франку, какъ мечь за письмо его, какъ послѣднее прощальное слово человѣку, который бросилъ меня. Дай Богъ только дожить до этого дня! Я буду жить, Нора, въ надеждѣ на лучшія времена для *тебя*: это у меня единственная уцѣлѣвшая надежда. Когда я думаю о твоей трудной жизни, слезы выступаютъ на моихъ усталыхъ глазахъ. Мнѣ кажется почти, что я какъ будто становлюсь *прежнею собою*.

„Ты не сочтешь меня бездушною и неблагодарною, если я скажу тебѣ, что надобно еще подождать немного прежде чѣмъ мы можемъ свидѣться. Я желала бы стать болѣе достойною видѣть тебя. Я желала бы удалить отъ себя Франка, и еще болѣе приблизить тебя. Убѣдительны ли эти резоны? Не знаю, но не спрашивай меня о резонахъ. Прими поцѣлуй, который я кладу тамъ гдѣ проведешь кружочекъ на бумагѣ... Прощай, душа моя. Сердце мое не измѣняетъ тебѣ, Нора; но я все-таки не смѣю еще свидѣться съ тобой.

Магдалина.

Х. Отъ Магдалины къ миссъ Гартъ.

15-го іюля.

„Дорогая миссъ Гартъ!

„Я долго не отвѣчала на ваше письмо, но вы знаете что случилось, и простите меня.

„Все что мнѣ нужно сказать можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ. Вы можете быть увѣрены, что впредь я никогда не буду во враждѣ съ чувствомъ благоприличія; я на столько узнала свѣтъ, что впредь надѣюсь имѣть его всегда на своей сторонѣ. Нора уже не потеряетъ мѣста изъ-за меня; жизнь моя, какъ жизнь публичной лицедеѣлки, окончена. Жизнь эта была безвредна,—Богъ свидѣтель,—и можетъ-быть мнѣ придется горевать зачѣмъ я покинула ее, можетъ-быть и вы пожалѣете о томъ; но уже я никогда не возвращусь къ ней. Она отошла отъ меня, какъ отошелъ отъ меня Франкъ, какъ оставили меня всѣ лучшія мысли мои, за исключеніемъ мысли о Норѣ.

Довольно о себѣ! Сказать ли вамъ что-нибудь, чтобъ

бросить немного свѣта на это печальное письмо? Мистеръ Михаилъ Ванстонъ умеръ, и мистеръ Нозль Ванстонъ наследовалъ мое и Норина состояніе. Онъ совершенно достоинъ этого наследства. На мѣстѣ отца, онъ также раззорилъ бы насъ, какъ раззорилъ отца.

„Мнѣ нечего сказать вамъ болѣе, что интересовало бы васъ. Не горюйте обо мнѣ. Я стараюсь подняться духомъ; я стараюсь забыть бѣдную, обманутую дѣвушку, которая была такъ легкомысленна, что полюбила Фравка, въ былые комбъ-ревенскіе дни. По временамъ, на меня находить тоска, говорящая мнѣ, что эта дѣвушка не будетъ забыта; но это случается не часто.

„Вы были очень добры, называя себя, въ письмѣ къ такому погибшему созданію какъ я, *моимъ другомъ навсегда?* „Всегда“—слашкомъ смѣлое слово, моя дорогая наставница! Желала бы я знать, не захотите ли вы когда-нибудь отречься отъ него. Это не составитъ разницы, при моей постоянной признательности за ваши заботы обо мнѣ, когда я была маленькою дѣвочкой. Дурно заплатила я за эти заботы, дурно заплатила за доброту вашу ко мнѣ потомъ. Прошу у васъ прощенія. Всего лучше, будетъ для обѣихъ насъ, если вы забудете меня. Любящая васъ.

Магдалина.“

„P. S. Открываю письмо, чтобы прибавить одну строчку. Бога ради, не показывайте этого письма Норѣ.

XI. Отъ Магдалины къ капитану Реггу.

Воксгамъ-Вокъ, 17-го іюля.

„Если не ошибаюсь, между нами былъ уговоръ, что я напишу вамъ въ Бѣрмингамъ, какъ только успокоюсь на столько, чтобъ имѣть возможность думать о будущемъ. Умъ мой пришелъ наконецъ въ порядокъ, и теперь я могу принять услуги, которыя вы мнѣ предлагали.

„Пожалуйста извините меня за сдѣланный вамъ пріемъ, когда вы прибыли въ этотъ домъ, узнавъ о моей внезапной болѣзни. Я была совершенно неспособна владѣть собою; я была въ умственной агоніи, лишившей меня на время чувствъ. Я только исполняю свой долгъ по отношенію къ вамъ, благодаря васъ теперь за очень терпѣливое

обращеніе со мною, въ то время, когда терпѣніе было милостію.

„Я скажу, чего требую отъ васъ, съ возможною ясностію и краткостію.

„Прежде всего, я предоставляю вамъ распорядиться какъ знаете моими сценическими костюмами. Я покончила навсегда съ этими сценическими представленіями, и желала бы отдѣлаться отъ всего что къ вамъ стянется. Ключъ отъ моей коробки вложенъ въ это письмо.

„Другую коробку, въ которой уложены собственные мои платья, будьте такъ добры пришлите сюда. Я не прошу васъ привезти ее лично, потому что имѣю поручить вамъ нѣчто гораздо болѣе важное.

На основаніи записки, оставленной вами при отъѣздѣ, я полагаю, что вы прослѣдили за мистеромъ Нозлемъ Ванстономъ отъ Вокзалъ - Вока до мѣста его настоящаго жительства. Если вы открыли это мѣсто, и если вы вполнѣ увѣрены, что не навлекли на себя подозрѣнія въ мистриссъ Деконтъ, ни ея господина, то я желаю, чтобы вы немедленно приготовили для меня помѣщеніе (вмѣстѣ съ вами и мистриссъ Регъ) въ томъ городѣ или въ той деревнѣ, гдѣ поселился мистеръ Нозль Ванстонъ. Я пишу это, слѣдуетъ замѣтить, въ томъ предположеніи, что онъ проживетъ нѣкоторое время на этомъ мѣстѣ.

„Если вы можете найдти для меня небольшой меблированный домъ, отдающійся помѣсячно, то наймите его тотчасъ же на мѣсяцъ. Скажите, что онъ нуженъ для жены вашей, племянницы и васъ самихъ, и выдумайте для насъ на время какое-нибудь имя, которое могло бы выдержать самыя подозрительныя развѣдыванія. Предоставляю это вашей опытности въ подобныхъ дѣлахъ. Тайна нашихъ дѣйствительныхъ именъ должна быть хранима такъ строго, какъ еслибъ отъ нея зависѣла наша жизнь.

„Расходы, въ которые вы войдете исполняя мои желанія, я уплачу немедленно. Если вы найдете домъ какой мнѣ нуженъ, то вамъ не за чѣмъ прѣзжать за нами въ Лондонъ. Мы къ вамъ сами прѣдемъ, какъ только будемъ знать, куда ѣхать. Домъ долженъ быть совершенно приличный, и находиться по близости отъ мѣста жительства мистера Нозля Ванстона, гдѣ бы оно ни находилось.

„Вы позволяете мнѣ умогчать въ этомъ письмѣ о цѣляхъ, которыя я имѣю въ виду. Мнѣ бы не хотѣлось рисковать письменнымъ объясненіемъ. Когда всѣ ваши приготовленія будутъ готовы, то вы лично отъ меня услышите о томъ что я намѣрена сдѣлать, и окажете мнѣ прямо, согласны вы или нѣтъ помогать мнѣ, на возможно выгоднѣйшихъ для васъ условіяхъ, какія только я могу предложить вамъ.

„Еще одно слово, прежде чѣмъ запечатаю это письмо.

„Если представится вамъ случай, по навѣтію дома и до нашего прибытія, обвиняться нѣсколькими любезными словами съ мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ или съ мистриссъ Леконтъ, воспользуйтесь этимъ случаемъ.

„Для моей настоящей цѣли очень важно, чтобы мы познакомились другъ съ другомъ какъ бы совершенно случайно, по близкому сосѣдству. Я желаю, чтобы вы прочистили дорогу къ этой цѣли, если можете, еще до нашего пріѣзда. Пожалуйста, не пропускайте ни одного случая наблюсти внимательно, въ особенности, за мистриссъ Леконтъ. Все, что вы сдѣлаете для того чтобы затуманить зоркіе глаза этой женщины, будетъ для меня самою драгоценною изъ оказанныхъ вами услугъ.

„Нѣтъ надобности въ немедленномъ отвѣтѣ, если только я въ чемъ-нибудь не ошиблась въ моихъ заключеніяхъ касательно того, что вами сдѣлано по вашему отъѣздѣ изъ Лондона. Я удержала нашу квартиру еще на недѣлю, и могу подождать пока вы будете въ состояніи сообщить мнѣ желаемыя свѣдѣнія. Вы можете быть увѣрены въ моемъ терпѣніи, которое не измѣнитъ мнѣ ни въ какихъ обстоятельствахъ. Капризы мои кончились, и моя вспыльчивость впредь никогда уже не подвергнетъ испытанію вашу онисходательность.

Магдалина.“

XII. Отъ капитана Регга къ Магдалинѣ.

Нортъ Шингельсъ Вилла, Альдборо, Соффокъ, 22-го іюля.

„Дорогая моя дѣвица,

„Ваше письмо восхитило и тронуло меня. Ваши извиненія нашии прямой путь къ моему сердцу; тотъ же путь

нашло и ваше довѣріе къ моимъ способностямъ. Пульсъ стараго милліонера бьется съ гордостью при мысли о возложенномъ вами на него довѣріи, и онъ даетъ обѣтъ заслужить его. Не удивляйтесь этой естественной вспышкѣ. Всѣ восторженныя натуры должны выпыхивать при случаяхъ: у меня же вспышка принимаетъ словесную форму.

„Все, чего вы отъ меня требовали, сдѣлано. Домъ нанять, имя отыскано, и я познакомился съ мистриссъ Леконтъ. Послѣ главнаго факта, васъ интересуютъ, вѣроятно, подробности. Вотъ онѣ, къ вашимъ услугамъ:

„Черезъ день послѣ того какъ я оставилъ васъ въ Лондонѣ, я отыскалъ мистера Нозля Ванстопа въ этомъ куріозномъ приморскомъ уголкѣ. Въ ряду безчисленныхъ приобрѣтеній его отца былъ домъ въ Альдборо—мѣсто съ морскимъ купаньемъ,—входящее теперь въ моду, безъ чего мистеръ Михаилъ Ванстовъ не положилъ бы и фардинга на этотъ домъ. Въ этомъ-то домѣ, презрѣнный мелкій скряга, жившій въ даровомъ помѣщеніи въ Лондонѣ, живетъ теперь въ даровомъ помѣщеніи на Соффокскомъ поморьѣ. Онъ поселился здѣсь на лѣто и осень, и вамъ съ мистриссъ Реггъ стоить только пріѣхать сюда, чтобы жить въ пяти домахъ отъ него, въ нашей изящной виллѣ. Я нанялъ весь домъ за три гиней въ недѣлю, съ правомъ остаться въ немъ на всю осень за ту же цѣну. На модномъ купаньи вдвое заплатить за такую дачу такъ было бы дешево.

„Наше новое имя было выбрано съ тщательнымъ соображеніемъ всѣхъ вашихъ указаній. Книжки мои,—надѣюсь, вы не забыли моихъ книжекъ?—заключаютъ въ себѣ подъ заголовкомъ: *Шкурки въ которыя можно вскочить*, списокъ индивидуумовъ сошедшихъ съ этого смертнаго поприща, съ именами, фамиліями и обстоятельствами которыхъ я хорошо знакомъ. Въ прежнія времена, я принужденъ былъ вскакивать, по профессіи, въ нѣкоторыя изъ этихъ шкурокъ. Другія остаются еще непочатыми костюмами, и могутъ быть испробованы. Кожу, которая придется намъ какъ разъ въ пору, носило семейство по имени Байгревъ. Я въ кожѣ мистера Байгрева въ настоящую минуту, и она сидитъ на мнѣ безъ малѣйшей морщины. Если вы сдѣлаете одолженіе скользните въ кожу миссъ Байгревъ (собственное имя Сусана) и если вы втолкнете затѣмъ мистриссъ Реггъ какъ-нибудь, головой впередъ, въ кожу

мистриссъ Байгревъ (собственное имя Юлія), то превращеніе будетъ готово. Позвольте мнѣ объявить вамъ, что я вашъ дядюшка съ отцовской стороны. Мой достойный братъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, торговалъ краснымъ деревомъ въ Белайзѣ, въ Гондурасѣ. Тамъ онъ и скончался, и похороненъ на югозападной сторонѣ тамошняго кладбища, подъ красивымъ памятникомъ изъ мѣстнаго дерева, рѣзаннымъ самоучкой художникомъ негромъ. Черезъ девятнадцать мѣсяцевъ, вдова его скончалась отъ удара въ одной гостиницѣ въ Чельтенгамѣ. Она слыла за самую полную женщину въ цѣлой Англійи и обыкновенно помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома во избѣжаніе трудности подниматься на лѣстницу и спускаться съ оной. Вы единственное дитя ея; со времени печальнаго случая въ Чельтенгамѣ, вы были подъ моимъ попеченіемъ; вамъ минетъ двадцать лѣтъ втораго числа будущаго августа, и если исключить полноту, вы живой образъ вашей матери. Я безпкою васъ доказательствами моего близкаго знакомства съ вашею новою фамильною кожей, чтобъ успокоить васъ на счетъ будущихъ разспросовъ. Вѣрьте, что я и мои книжки могутъ вполне удовлетворить всякаго рода разспросы. А пока вы напишите ваше новое имя и адресъ, и взгляните каково будетъ впечатлѣніе: „Мистеръ Байгревъ, мистриссъ Байгревъ, миссъ Байгревъ: Норъ Шингелсъ Вилла, Альдборо.“ Клявусъ жизнью, это хоть куда!

„Послѣдняя подробность, которую мнѣ необходимо сообщить вамъ, касается моего знакомства съ мистриссъ Леконтъ.

„Мы встрѣтились вчера въ здѣшней мелочной лавочкѣ. Настороживъ уши, я узналъ, что мистриссъ Леконтъ желала имѣть особый родъ чаю, котораго не было у продавца и котораго, по его мнѣнію, нельзя было достать ближе чѣмъ въ Инсичѣ. Я тотчасъ увидѣлъ возможность завязать знакомство ничтожною цѣной путешествія въ сей цвѣтущій градъ. „У меня дѣло сегодня въ Инсичѣ, проговорилъ я, и я думаю возвратиться въ Альдборо (если что-нибудь не задержитъ) сегодня же вечеромъ. Сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ взять на себя ваше порученіе насчетъ чаю и привезти его сюда вмѣстѣ съ моими покупками.“ Мистриссъ Леконтъ вѣжливо отказывалась обременить меня этимъ порученіемъ; я вѣжливо настаивалъ на обремененіи меня онымъ. Мы заговорили. Незачѣмъ утруждать ваше

вниманіе нашимъ разговоромъ. Результатъ его, по моему, тотъ, что единственное слабое мѣсто мистриссъ Леконтъ,—если у нея имѣется таковое,—есть вкусъ къ наукамъ, заимствованный ею отъ ея покойнаго мужа, профессора. Надѣюсь, что по этому пункту представится мнѣ возможность списать ея расположеніе и пустить немножко необходимой пыли въ ея красивые черные глаза. Руководясь этою мыслию, я, при покупкѣ ей чаю въ Ипсичѣ, купилъ для себя извѣстный сборникъ: „Ученые разговоры Джойса.“ Владѣя памятью и неограниченною увѣренностію въ себѣ, я нахвренъ тайкомъ поднадуть мою новую кожу свѣжеиспеченною наукой сколько будетъ это возможно, чтобъ она не лопнула, и представить этой дамѣ мистера Байгрева въ качествѣ самаго свѣдущаго изъ людей встрѣченныхъ ею со смерти профессора. Необходимость затуманить глаза этой дамы (по вашему превосходному выраженію) также очевидна для меня, какъ и для васъ. Это будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ, будьте спокойны;—Реггъ, подбитый Джойсомъ, какъ разъ для этого годится.

„Передъ вами теперь весь бюджетъ моихъ новостей. Достойна ли я или нѣтъ вашего довѣрія? Не говорю ничего о свѣдающемъ меня нетерпѣннѣи знать въ чемъ заключаются виды ваши: нетерпѣніе это будетъ удовлетворено при нашей встрѣчѣ. Никогда еще, дорогая моя дѣвица, не желалъ я повыжать производительнаго денежнаго соку изъ какого-нибудь человѣка такъ сильно, какъ изъ мистера Новля Вантона. Не прибавляю ничего болѣе. *Verbum sap.* Извините за педантизмъ латинской цитаты, и вѣрьте моеи полной преданности,

Горацио Реггъ.“

„P. S. Я ожидаю вашихъ инструкцій. Вамъ стоитъ только сказать, вѣхать ли мнѣ въ Лондонъ для сопровожденія васъ сюда, или ждать васъ здѣсь. Домъ находится въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, погода—прекрасная, а море гладко какъ передникъ мистриссъ Леконтъ. Она только что прошла мимо окна, и мы обмѣнялись поклонами. Бойкая она женщина, дорогая моя Магдалина; но мы, то-есть Джойсъ да я, будемъ немножко послабѣе.

XIII. (Извлеченіе изъ *Соффокскаго Аргуса*.)

Альдборо. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что въ этомъ году посѣтителѣ нашего здороваго и любимаго публичкой морскаго купанья сѣзжаются раньше обыкновеннаго. *Esto perpetua*—вотъ все что мы можемъ сказать.

Списокъ посѣтителѣй. Новоприбывшіе. Нортъ Шингелъзъ Вилла: мистриссъ Байгревъ, миссъ Байгревъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

А л ь д б о р о , С о ф ф о к ь .

I.

Суффокское поморье всего болѣе поражаетъ пріѣзжаго необыкновенною беззащитностію земли отъ захватовъ напирющаго моря.

Въ Альдборо, какъ и всюду по этому берегу, мѣстные преданія большею частію, буквально потонули. Мѣстоположеніе древняго города, когда-то люднаго и цвѣтущаго, исчезло почти совершенно въ морѣ. Нѣмецкій Океанъ поглотилъ улицы, рынки, доки и публичныя гулянья, и безжалостная волна, продолжая свое разрушеніе, остановилась, лишь за восемьдесятъ лѣтъ, у дома солянаго пристава въ Альдборо,—дома знаменитаго теперь только по воспоминаванію какъ мѣсторожденіе поэта Крабба.

Тѣсными годъ за годомъ напирющею волной, жители отступили, въ настоящемъ столѣтіи, къ послѣднему годному для застройки куску земли, — полосѣ защемленной между болотомъ и моремъ. Здѣсь, надѣясь на песчаные наносы, какъ бы нарочно для ихъ обезпеченія набросанные капризною волной, жители расположили свое маленькое и красивенькое купальное мѣстечко. Первый лоскутъ ихъ земныхъ владѣній заключается въ низкой природной плотинѣ сложившейся изъ валуновъ, съ дорожкой по верху, идущею параллельно морю. Окаймляя эту дорожку ломаную, неровную линіей, лежатъ дачи новаго Альдборо,—причудливые домики, окруженные большею ча-

стію садами и снабженныя кой-гдѣ, въ качествѣ садовых украшеній, корабельными стемами, въ замѣнъ статуй, посреди цвѣтовъ. Море, озираемое съ низкаго уровня этихъ дачъ, кажется, при извѣстномъ состояніи атмосферы, выше земли: идущіе по взморью суда принимаютъ громадныя размѣры и являются какими-то страшилами почти у самыхъ оконъ. Съ домами въ новѣйшемъ вкусѣ перемежаются постройки иныхъ стилей и другихъ періодовъ. Небольшая готическая ратуша стараго Альдборо, когда-то центръ исчезнутаго порта и города, стоитъ теперь, передъ рядомъ новыхъ дачъ, какъ разъ на краю моря. Въ другомъ мѣстѣ, деревянная наблюдательная башня, освѣщенная стемомъ какого-то погибшаго русскаго корабля, высится надъ соседними домами; сквозь прорѣзы видѣются угрюмые люди въ темной одеждѣ, сидящіе въ вѣчномъ наблюденіи въ ея верхнемъ этажѣ: это алдбороскіе лощмана, высматривающіе изъ своей башни, не нуждается ли въ ихъ помощи какое-нибудь судно. За рядомъ такъ оригинально перемежавшихся строеній, идетъ единственная улица города, съ грубыми лощманскими домами, съ разваливающимися морскими складами и разными лавками. У сѣвернаго конца, улица эта ограничивается небольшимъ лѣсистымъ холмомъ, на которомъ выстроена церковь, и который командуетъ надъ болотистою плоскостью. На противоположной оконечности, улица приводитъ къ оставленной башнѣ и къ погибшему предмѣстью Слодену, между рѣкою Альдой и моремъ. Таковы главныя особенности этого любопытнаго маленькаго аванпоста на англійскомъ поморьѣ, въ его настоящемъ видѣ.

Въ одинъ жаркій и облачный іюльскій день, капитанъ Реггъ вышелъ изъ калитки Нортъ-Шингельсъ-Виллы, чтобы встрѣтить общественную карету (кочъ), ходившую тогда между Альдборо и восточною сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Онъ достигъ подворья, какъ только подъѣхала карета, и былъ у ея двери для приѣма Магдалины и мистриссъ Реггъ.

Капитанъ принялъ свою жену не тратя на нее ни минуты времени. Съ недовѣріемъ взглянулъ онъ на ея башмаки, потомъ приподнялся на носки, передернулъ ея скривившуюся шляпку, проговорилъ громкимъ шепотомъ: „языкъ держать за зубами!“ и оставилъ ее на этотъ разъ безъ другихъ замѣчаній. Его пріѣздивіе Магдалинѣ, начавшись обычнымъ потокомъ словъ, остано-

лось вдругъ посреди первой фразы. Глазъ капитана Регга былъ зорокъ, и онъ тотчасъ же подмѣтилъ во взглядѣ и приѣмахъ своей ученицы нѣчто такое что облачало въ ней серіозную перемѣну.

Въ ея лицѣ замѣчалось какое-то оствѣвшее, отвердѣвшее выраженіе, которое придавало ему, когда она не говорила, неподвижность и холодность мрамора. Ея голосъ былъ мягче и ровнѣе, ея глаза менѣе разбѣгались, ея походка стала тише чѣмъ прежде. Когда она улыбалась, улыбка являлась и исчезала внезапно, и сопровождалась легкимъ нервнымъ подергиваніемъ съ одной стороны рта, никогда не замѣчавшимся прежде. Она была очень терпѣлива съ мистриссъ Реггъ; она относилась къ капитану съ совершенно-новыми для него вѣжливостію и вниманіемъ, но ее не занимало ничто. На куріозныя лавчонки въ заднихъ переулкахъ, на высокое и ровное море, на старую городскую стѣну на взморьѣ, на аоцмановъ, рыбаковъ, на проходящія суда, она глядѣла такъ же равнодушно, какъ будто Альдборо былъ знакомъ ей съ самаго дѣтства. Даже, когда капитанъ остановился у садовой калитки Нортъ-Шингальсъ-Виллы, и ввелъ ее торжественно въ ея новый домъ, она едва взглянула на свое будущее жилище. Первый вопросъ ея касался не ея жилища, а жилища Нозля Ванстона.

— Какъ близко отъ насъ живетъ онъ? спросила она, въ первый разъ обнаруживая нѣкоторое движеніе.

Капитанъ Реггъ отвѣчалъ указаніемъ на пятую дачу отъ Нортъ-Шингальсъ-Виллы, на Слуденской сторонѣ Альдборо. Магдалина, при его указаніи, быстро отошла отъ калитки и пустилась одна поближе посмотреть на тотъ домъ.

Капитанъ Реггъ проводилъ ее глазами, и съ досадою покачалъ головою: „Чортъ бы побралъ того господина, который тамъ засѣлъ у ней въ головѣ,“ думалъ онъ: „она еще не плюнула на него.“

— Можно мнѣ теперь говорить? почтительно спросилъ покорный голосъ позади его, съ высоты десяти дюймовъ надъ верхушкой его соломенной шляпы.

Капитанъ повернулся и увидѣлъ жену. Одурѣніе на ея лицѣ, выразившееся сильнѣе обыкновеннаго, тотчасъ же сказало ему, что Магдалина не привела въ исполненіе наставленій его, и что мистриссъ Реггъ прибыла въ Альдборо, не зная хорошенько о совершенномъ превращеніи ея личности и

имени. Необходимость разрѣшить это сомнѣніе была слишкомъ серьезна, и капитанъ Реггъ приступилъ къ разпросамъ, не теряя ни мину́ты.

— Держаться прямо и слушать меня, началъ онъ.—Я долженъ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Знаете ли вы, въ какой вы теперь кожѣ? Знаете ли вы, что вы померли и похоронены въ Лондонѣ, и что вы воскресли, словно фениксъ, изъ пепла мистриссъ Реггъ? Нѣтъ! вы очевидно не знаете этого. Это очень стыдно. Какъ васъ зовутъ?

— Матильдой, отвѣчала мистриссъ Реггъ, въ состояніи глубочайшаго одурѣнія.

— Отнюдь нѣтъ! свирѣпо воскликнулъ капитанъ.—Какъ смѣете вы называть себя Матильдой? Ваше имя Юлія. Кто я такой? Извольте держать эту коробочку съ сэндвичами прямо, не то я швырну ее въ море! Кто я такой?

— Не знаю, отвѣчала мистриссъ Реггъ, робко на этотъ разъ ища себѣ убѣжища въ отрицательной сторонѣ вопроса.

— Сядьте, произнесъ мужъ, указывая на низкій садовый вазъ Нортъ-Шингельсъ-Виллы.—Нѣсколько правѣ! Еще правѣ! Такъ, хорошо. Вы не знаете? повторилъ капитанъ, грозно подступая къ женѣ, какъ только лицо ея опустилось въ уровень съ его собственнымъ.—Не повторяйте мнѣ этого. Можетъ ли быть, чтобы женщина, которая завтра утромъ будетъ брить меня, не знала какъ меня зовутъ? Смотрите на меня! Нѣсколько лѣтѣ, еще, вотъ такъ: кто я такой? Я мистеръ Байгревъ; крещеное имя—Томасъ. Кто вы такая? Вы мистриссъ Байгревъ; крещеное имя—Юлія. Кто такая молодая особа, пріѣхавшая съ вами изъ Лондона? Эта молодая особа—миссъ Байгревъ; крещеное имя—Сусана. Я дядя ея Томъ; вы—пустоголовая тетушка Юлія. Повторите же это мнѣ сейчасъ же какъ катехизисъ! Какъ васъ зовутъ?

— Пощадите мою бѣдную голову! запросила мистриссъ Реггъ.—О, пожалуста, пощадите мою бѣдную голову! Дайте мнѣ выбить изъ ней почтовую карету.

— Не огорчайте еѣ, произнесла Магдалина, подходя къ нимъ въ это время.—Она заучить это послѣ. Войдемте въ комнаты.

Капитанъ снова покачалъ своею разсудительною головою.

— Мы дурно начинаемъ, проговорилъ онъ съ меньшею чѣмъ обыкновенно учтивостію. — Глупость жены моей состоитъ уже препятствіемъ при первыхъ шагахъ на нашъ пути.

Они вошли. Магдалина была вполнѣ довольна всѣми распорядженіями капитана; ей понравилась отведенная ей комната, она одобрила выборъ служанки, явилась къ чаю, какъ только пригласили ее, но все-таки не интересовалась ничѣмъ окружающимъ. Вскорѣ послѣ того какъ со стола было убрано, хотя дневной свѣтъ не померкъ еще, обычная сомнѣвость мистриссъ Реггъ, при усталости, совершенно одолѣла ее, и она получила отъ мужа приказаніе оставить комнату (сохраняя однако башмаки свои на' пяткахъ) и предаться сну (строго однако помня роль мистриссъ Байгревъ). Какъ только они остались одни, капитанъ пристально взглянулъ на Магдалину, ожидая что она заговоритъ. Она ничего не сказала. Онъ рискнулъ тогда начать разговоръ вѣжливымъ вопросомъ о состояніи ея здоровья.

— Вы кажется очень устали, замѣтилъ онъ съ возможною вкрадчивостію. — Боюсь, что путешествіе слишкомъ утомило васъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, разсѣянно, глядя въ окно:— я не болѣе обыкновеннаго устала. Въ настоящее время я чувствую вѣчную усталость,—усталость ложась спать, усталость вставая. Если вы расположены выслушать сегодня то что я имѣю сказать вамъ, я готова говорить. Но нельзя ли намъ выйдти изъ дому? Здѣсь ужасно жарко, и шумъ этихъ голосовъ невыносимъ.

Она указала въ окно на группу лодочниковъ, болтавшихъ праздно, какъ можетъ болтать лишь морской людъ, у сада.

— Неужели нигдѣ нельзя спокойно погулять въ этомъ гадкомъ мѣстечкѣ? спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Въ получасѣ разстояніи отъ нашего дома, мы найдемъ совершенно уединенное мѣсто, отвѣчалъ находчивый капитанъ.

— Прекрасно. Такъ пойдемте же.

Съ тяжелымъ вздохомъ взяла она свою соломенную шляпку и свой легкій кисейный шарфъ со стола, на который бросила ихъ при входѣ, и небрежно направилась

къ двери. Капитанъ Реггъ послѣдовалъ за ней до садовой калитки, но вдругъ остановился, пораженный новою мыслью.

— Извините, прошпнталь онь:—при теперешнемъ невѣдѣніи жены моей кто она такая, было бы неблагоразумно оставить ее одну съ новою служанкой. Я тихонечко поверну ключъ въ замкъ ея двери, на случай если она проснется до нашего возвращенія. Вы знаете поговорку: береженого Богъ бережетъ. Черезъ минуту я вернусь къ вамъ.

Онь поспѣшно направилася къ дому, а Магдалина пристѣла на садовый валъ, въ ожиданіи его возвращенія.

Едва успѣла она отъсть, какъ два гулявшіе вмѣстѣ господина, приближенія которыхъ она не замѣтила прежде, прошли близко мимо нея.

По платью, одивъ изъ незнакомцевъ былъ духовное лицо. Общественное положеніе его товарища было труднѣе распознать. Навычный глазъ, вѣроятно, замѣтилъ бы въ его взглядѣ, приемахъ и походкѣ нѣчто обличавшее моряка. То былъ мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, высокій ростомъ, худощавый и мускулистый, съ сильно-загорѣлымъ лицомъ, съ начинавшими сѣдѣть черными волосами, съ темными, глубокими и твердыми глазами, глазами человѣка съ желѣзною рѣшимостью и привычкой повелѣвать. Онь былъ ближе къ Магдалинѣ, когда проходилъ съ своимъ пріателемъ мимо того мѣста гдѣ она сидѣла, и посмотрѣлъ на нее съ внезапнымъ изумленіемъ передъ ея красотой, съ открытымъ, сердечнымъ, не скрываемымъ восторгомъ, который былъ такъ очевидно искренень, такъ очевидно неволеень, что никакъ нельзя было принять его за наглость; со всѣмъ тѣмъ, въ настоящемъ расположеніи своего духа, Магдалина была оскорблена имъ. Она чувствовала, какъ эти рѣшительные черные глаза незнакомца проникали ее насквозь съ электрическою быстротой, и она, съ выраженіемъ досады на лицѣ, отвернулаась въ сторону и обратила глаза къ дому.

Черезъ минуту, она снова повернулаась, чтобы посмотрѣть, ушелъ ли онь. Тотъ, пройдя нѣсколько сажени, остановился и обернулся, чтобы взглянуть на нее вторично. Товарищъ его, духовнаго званія, замѣтивъ неудовольствіе Магдалины, взялъ его безъ церемоніи подъ руку и, полусутиливо, полусерьезно, заставилъ его идти далѣе. Они скрылись оба за угломъ ближняго дома. Поворачивая за уголъ, заго-

рѣлый морякъ еще два раза остановилъ своего товарища и два раза оглянулся назадъ.

— Вашъ знакомый? спросилъ капитанъ Реггъ, подходя въ это время къ Магдалинѣ.

— Разумѣется нѣтъ, отвѣчала она:— совершенно незнакомый мнѣ человекъ. Онъ глядѣлъ на меня самымъ дерзкимъ образомъ. Кто онъ: изъ здѣшнихъ?

— Я узнаю это сію минуту, отвѣчалъ предупредительный капитанъ, подходя къ кучкѣ лодочниковъ и задавая вопросы направо и налево, съ отличавшею его развязною фамильярностью. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ возвратился съ полнымъ бюджетомъ свѣдѣній. Духовное лицо было хорошо извѣстно, какъ благочинный (ректоръ) въ одномъ мѣстечкѣ, за нѣсколько отсюда миль. Смуглый господинъ былъ братъ его жены, капитанъ купеческаго корабля. Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ погостить къ своимъ родственникамъ на короткое время, до отправленія въ новое плаваніе. Духовное лицо звали Стрикландомъ, а купеческаго капитана—Керкомъ; болѣе ничего не было извѣстно лодочникамъ.

— Для насъ нисколько не важно кто они, равнодушно замѣтила Магдалина.—Грубость этого господина причинила мнѣ только минутную досаду. Оставимъ его. У насъ съ вами есть другая забота. Гдѣ же то уединенное мѣстечко, о которомъ вы мнѣ говорили? Куда намъ идти?

Капитанъ, указавъ на югъ, въ направленіи къ Слодену, подалъ ей свою руку.

Магдалина не тотчасъ же рѣшилась взять ее. Глаза ея пытливо бродили въ той сторонѣ, гдѣ находился домъ Нозля Ванстона. Тотъ былъ въ саду и расхаживалъ по небольшому лугу, задравъ вверхъ голову; мистриссъ Леконтъ скромно сопровождала его съ зеленымъ опахаломъ въ рукахъ. Замѣтивъ это, Магдалина тотчасъ же взяла правую руку капитана Регга, ¹ чтобы проходя быть ближе къ саду.

— Глаза нашихъ сосѣдей устремлены на насъ, и вашей племянницѣ ничего другого не остается какъ взять вашу руку, сказала она, горько смѣясь.—Идемъ же, идемъ!

¹ Въ Англіи, обыкновенно, дама беретъ лѣвую руку мужчины, такъ что правая остается у него свободною.

— Они смотрятъ сюда, шепнуль капитанъ.—Представить мнѣ васъ мистриссъ Леконтъ?

— Нѣтъ, послѣ, отвѣчала она.—Выслушайте сначала, что я имѣю сообщить вамъ.

Они поровнялись съ садомъ. Капитанъ Реггъ съ щегольскимъ взмахомъ приподнял свою шляпу, и получилъ въ затылокъ граціозный поклонъ мистриссъ Леконтъ. Магдалина видѣла, какъ экономка осматривала ея лицо, фигуру, платье, съ тѣмъ недоброжелательнымъ вниманіемъ, съ тѣмъ недовѣрчивымъ любопытствомъ, которыя чувствуютъ женщины, озирая другъ друга. Когда они миновали домъ, крикливый голосъ мистера Нозля Ванстона достигъ до нея въ вечерней тишинѣ. „Красавица дѣвушка, Леконтъ,“ услышала она. „Вы знаете, я знатокъ въ этихъ вещахъ. Очень хороша!“

Капитанъ Реггъ съ внезапнымъ изумленіемъ оглянулся на свою спутницу. Рука ея сильно дрожала въ его рукѣ, а губы были плотно сжаты съ выраженіемъ нѣмой скорби.

Тихо и безмолвно шли они, пока не достигли южнаго предѣла домовъ и не вступили въ маленькій пустырь покрытый гонтомъ и поблекшею травой, — запустѣлую оконечность Альдборо,—глухое начало Слодена.

То былъ тяжелый душный вечеръ. Къ востоку, разстилалось величавое сѣрое море, застывшее въ бездыханномъ покоѣ; очертаніе горизонта невидимо сливалось съ однообразнымъ туманнымъ небомъ; лѣвивыя суда высились, мрачныя и покойныя, надъ лѣвивою водою. Къ югу, высокій кракъ морской плотины и угрюмая масса башки, подымавшейся на своемъ поросшемъ травою валу, загораживали все лежавшее позади. Къ западу, блѣдная полоса заходящаго солнца красѣла на печальномъ небѣ, бросая тѣнь на деревья, окоймаяющія озеро, и обращая его заводи въ лужи крови. Ближе, тусклымъ потокомъ рѣчки Альды катился безшумно и тинисто а еще ближе, уединенно и глухо, у холоднаго взморья лежалъ покинутый маленькій Слоденскій портъ, съ его погибшими верфями, развалившимися деревянными складами, да съ нѣсколькими разгонными каботажными судами, брошенными на тинистомъ берегу рѣчки. Не слышно было удара волкъ со взморья; не слышно было журчанія водъ лѣвиваго потока. По временамъ, крикъ морской пти-

цы поднимался со стороны болота, и въ промежуткахъ, съ дальнихъ фермъ внутренней пустыни, слабый звукъ роговъ, сзывавшихъ домой скотину, уныло раздавался посреди вечерняго покоя.

Магдалина вынула свою руку изъ-подъ руки капитана и направилась къ валу башни.—Я устала отъ ходьбы, сказала она.—Остановитесь и отдохнемъ здѣсь.

Она сѣла на откосъ, и опершись на локоть, машинально срывала и разбрасывала пучки росшей подъ ея рукой травы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго занятія этимъ, она вдругъ повернулась къ капитану Реггу.—Удивляю я васъ? спросила она.—Очень я измѣнилась?

Такъ капитанъ сказалъ ему, что пришло время быть откровеннымъ съ ней и отложить дѣлты краснорѣчія до болѣе умѣстнаго случая. — Если вы спрашиваете меня, я долженъ отвѣчать, произнесъ онъ. — Да, я нахожу, вы много измѣнились.

Она сорвала еще пучекъ травы. — А вы угадываете причину? сказала она.

Капитанъ благоразумно хранилъ молчаніе. Онъ отвѣчалъ лишь поклономъ.

— Я отложила всякое попеченіе о себѣ, продолжала она, щипая все сильнѣе и сильнѣе траву.—Этимъ я еще немного сказала, но вы можетъ-быть поймете меня. Было время, когда я скорѣе умерла бы чѣмъ рѣшилась бы на нѣкоторыя вещи,—вещи, о которыхъ одна мысль оледенила бы меня ужасомъ. Теперь мнѣ все равно. Для себя самой я не имѣю никакой дѣлты; я не болѣе интересуюсь собою, какъ вотъ этою травой. Я какъ будто потеряла что-то. А что потеряла? сердце? совѣсть?—сама не знаю. Не скажете ли вы? Однако какія глупости говорю я! Кому нужно знать что у меня пропало? Пропало, такъ пропало, и дѣлу конецъ. Моя наружность, кажется, лучше всего уменя; она кажется сохранилась. Сохранилась моя наружность? Хорошо! хорошо! Не отвѣчайте; не беспокойтесь расточать мнѣ complimenty. Мною уже и такъ довольно восхищались сегодня. Сначала морякъ, потомъ мистеръ Нозль Ванстонъ: правозтого очень довольно для всякаго женскаго тщеславія! Имѣю ли я право называть себя женщиной? Быть-можетъ нѣтъ: я еще не дошла до моего второго десятка. Но, Боже, я иногда чувствую себя женщиною лѣтъ за

сорокъ!—Она разбросала по вѣтру послѣдніе обрывки травы и, повернувшись спиной къ капитану, стала опускать голову, пока щека ея не коснулась дерна.—Вотъ это мягко проговорила она, ласкаясь къ землѣ съ какою-то страшною вѣжностью, исполненною отчаянія.—Она вотъ не отвергнетъ меня. Мать земля! Ты одна у меня!

Въ нѣмомъ удивленіи глядѣлъ на нее капитанъ Реггъ. Того сорта знаніе людей, которымъ обладалъ онъ, было не въ состояніи измѣрить глубину страшнаго самоотрицанія, которое вырвалось наружу въ ея отчаянныхъ словахъ, и казалось готово было увлечь ее къ дѣйствіямъ еще болѣе отчаяннымъ.—„Чертовски нелѣпо и досадно,“ думалъ онъ не совсѣмъ спокойно про себя. — „Ужь не перевернула ли ей мозгъ потеря ея любителя?“ Онъ подумалъ съ минутой, и затѣмъ обратился къ ней: „Оставьте это до завтрашняго дня,“ посоветовалъ ей дружески капитанъ. „Вы устали сегодня. Безъ спѣху, дорогая моя дѣвица, безъ спѣху.“

Быстро подняла она свою голову и оглянулась на него съ тою же скорбною рѣшимостью, съ тѣмъ же отчаяннымъ презрѣніемъ къ себѣ, которыя видѣлъ онъ на ея лицѣ въ тотъ памятный день, въ Йоркѣ, когда она впервые играла передъ нимъ.—„Я пришла сюда, чтобы сказать вамъ что у меня на душѣ,“ молвила она: „и скажу!“ Выпрямившись съела она на откосѣ и, охвативъ руками коленни, вперила взоръ въ медленно-темнѣвшую даль. Въ такомъ странномъ положеніи пережидала она чтобъ успокоиться, и наконецъ загворила, не поворачивая къ капитану головы:

— Когда мы повстрѣчались въ первый разъ, начала она робко, — я старалась затаить про себя мои мысли. Я знаю теперь, что мнѣ не удалось это. Когда, въ Нью-Йоркѣ, я сказала вамъ въ первый разъ, что Михаилъ Ван-стонъ разбрѣлъ насъ, вы, полагаю, угадали сами, что я рѣшилась оказать сопротивленіе. Угадали ли вы это, или нѣтъ, но таковъ фактъ. Съ этою рѣшимостью въ душѣ, оставила я моихъ друзей, и теперь я чувствую ее въ себѣ сильнѣе, вдесятеро сильнѣе чѣмъ когда-нибудь.

— Вдесятеро сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, повторилъ капитанъ. — Совершенно такъ; это естественное слѣдствіе твердости характера.

— Нѣтъ. Естественное слѣдствіе того обстоятельства, что мнѣ ни о чемъ больше не остается думать. До моей

болѣзми въ Вокзалъ-Вокъ, у меня была еще другая забота. Теперь у меня нѣтъ никакой другой заботы. Помните это, когда впредь вамъ покажется, что я буду играть все на этой струнѣ. Прежде позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Угадали ли вы, на что я рѣшилась въ то утро, когда вы показали мнѣ газету и когда я прочла извѣстие о смерти Михаила Ванстова?

— Говоря вообще, отвѣчалъ капитанъ Реггъ, — я угадалъ, что вы намѣрены опустить ваши ручки въ его кошелькъ и вынуть оттуда, совершенно согласно съ строгою справедливостью, что принадлежитъ вамъ. Я былъ сильно пораженъ тогда вашимъ непозволеніемъ помогать вамъ. Почему она такъ скрытничаетъ со мной? замѣтила я про себя. Зачѣмъ она такъ скрытничаетъ безъ всякаго разумнаго основанія.

— Теперь вамъ не будетъ повода жаловаться на мою скрытность, продолжала Магдалина. — Говорю вамъ прямо, еслибы не случилось нѣкоторыхъ событій, то я бы ужь обратилась къ вамъ за помощью. Еслибы Михаилъ Ванстонъ не умеръ, я отправилась бы въ Брайтонъ и легко нашла бы возможность познакомиться съ нимъ, подъ чужимъ именемъ. У меня было достаточно денегъ, чтобы прожить прилично нѣсколько мѣсяцевъ. Я употребила бы это время, — и ждала бы цѣлый годъ еслибы то оказалось необходимымъ, — на то чтобы уничтожить вліяніе мистриссъ Леконтъ, и кончила бы тѣмъ, что сама взяла бы его въ свои руки. На моей сторонѣ была выгода дѣть, выгода искренняго отчаянія, и я достигла бы своей цѣли. До истеченія года, до истеченія полугода, вы увидѣли бы мистриссъ Леконтъ отставленною, а меня взятою въ домъ, въ качествѣ пріемной дочери Михаила Ванстова, въ качествѣ вѣрнаго друга, спасаюга его, въ его старые годы, отъ искательницы приключеній. Дѣвушки не старѣе меня рѣшались на дѣла, по видимому, еще безнадежныя, и исполняли ихъ. У меня была готова исторія; планы мои были хорошо обдумань; я напала бы на слабую сторону этого старика, которою прежде меня воспользовалась, по своему, мистриссъ Леконтъ, и увѣряю васъ, я достигла бы цѣли.

— Я увѣренъ, вы достигли бы ее, проговорилъ капитанъ. — А тамъ что?

— А тамъ, мистеръ Михаилъ Ванстонъ смѣнилъ бы своего повѣреннаго. Вы заняли бы его мѣсто, и тѣ хитрыя спекуляціи, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ, стоили бы ему всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя онъ отгналъ у моей сестры и у меня. Онъ попался бы до послѣдней копѣйки, капитанъ Реггъ, вѣрно такъ же какъ вы сидите тутъ, до послѣдней копѣйки! Дерзкій замыселъ, возмутительный обманъ, не правда ли? Ничего! Я нахожу въ своей совѣсти оправданіе всякой козни, всякому обману, въ силу того подлаго закона, который выбросилъ насъ на улицу безъ хлѣба и крова. Вы сейчасъ говорили о моей скрытности. Бросила ли я ее, наконецъ? Выказалась ли я наконецъ въ одиннадцатый часъ?

Капитанъ знаменательно приложилъ руку къ сердцу и ринулся въ самый широкій потокъ своего многословія.

— Невыразимымъ и бесполезнымъ сожалѣніемъ наполняете вы меня, произнесъ онъ. — Еслибы старикъ этотъ остался въ живыхъ, какую жатву могъ бы я собрать съ него! Какія громадныя предпріятія по части моральной агрикультуры пришлось бы мнѣ выполнить! *Ars longa*, проговорилъ капитанъ Реггъ, восторженно уносясь въ латынь, — *vita brevis!* Прольемъ слезу надъ утраченною возможностью, и посмотримъ чѣмъ можетъ утѣшить насъ настоящее. Для меня ясенъ одинъ выводъ. Дѣло, на которое вы рѣшались имѣя въ виду мистера Михаила Ванстона, совершенно неудобносполнимо, дорогая моя дѣвица, по отношенію къ его сыну. Сынъ его недоступенъ никакимъ прельщеніямъ спекуляцій. Вы можете положиться на мое серьезное увѣреніе, продолжалъ капитанъ, съ чувствомъ негодованія, вспомнивъ объ отвѣтѣ на его объявленіе въ *Times*, — что мистеръ Новль Ванстонъ есть самое скаредное существо въ человѣческомъ родѣ.

— Я могу положиться столько же и на свою собственную опытность, замѣтила Магдалина. — Я видѣла его и говорила съ нимъ, и знаю его лучше чѣмъ вы. Вотъ вамъ къ свѣдѣнію новое открытіе, капитанъ Реггъ! Я отослала вамъ нѣкоторыя принадлежности костюма, когда онъ сослужилъ мнѣ службу, для которой я брала ихъ въ Лондонъ. Цѣль моя была добратся, въ перереяженномъ видѣ, до Новля Ванстона, и лично убѣдиться, что за люди мистриссъ Леконтъ и ея хозяинъ. Я достигла этого, и говорю вамъ, что лучше

вашего знаю обоихъ обитателей вонъ того дома, съ которыми намъ приходится теперь вести дѣло.

Капитанъ Реггъ изъяснилъ при этомъ глубочайшее изумленіе и сдѣлалъ нѣсколько невинныхъ вопросовъ, причисляющихъ умственному состоянію изумленнаго человѣка.

— Хорошо, произнесъ онъ, послѣ краткихъ отвѣтовъ Магдалены:—какое же впечатлѣніе изъ всего этого вывели вы? Вы должны же были вывести что-нибудь, а не то мы не были бы здѣсь. Ясно видите вы свой путь передъ собой? Въ самомъ дѣлѣ, дорогая дѣвица, ясно видите вы путь свой передъ собою?

— Да, отвѣчала она' быстро.—Вижу ясно.

Капитанъ приблизился къ ней, съ жаднымъ любопытствомъ въ каждой чертѣ своего пронырливаго лица.

— Скажите же, что вы намѣрены дѣлать? произнесъ онъ тревожнымъ шепотомъ:—сдѣлайте милость скажите.

Она глядя задумчиво въ сгущавшійся мракъ, не отвѣчая, какъ будто не слыша его. Ея губы сомкнулись, а руки машинально сжали крѣпко колѣни.

— Нечего скрывать отъ себя, произнесъ капитанъ Реггъ, осторожно наводя ее на разговоръ:— съ онымъ трудяще вести дѣло чѣмъ съ отцомъ...

— Трудяще, только не мнѣ, вдругъ перебила она.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ капитанъ. — Прекрасно! Говорятъ, есть кратчайшій путь ко всему, если только полагаете поискать его. Вы, полагаю, искали его долго, и естественнымъ послѣдствіемъ было то, что вы нашли его.

— Я и не думала искать; я нашла его не ища.

— Чертъ побери! воскликнулъ капитанъ Реггъ, въ крайнемъ недоумѣніи. — Дорогая моя дѣвица, неужели я во взглядѣ на ваше положеніе совершенно сбился съ толку? Сколько я понимаю дѣло, то съ одной стороны мистеръ Новаъ Ванстонъ владѣетъ вашимъ и сестры вашей состояніемъ, также какъ и отецъ его владѣлъ, и не намѣренъ разстаться съ онымъ, также какъ и отецъ его не былъ намѣренъ?

— Да.

— А съ другой вы, при совершенномъ безсиліи возвратить его убѣжденіями, при полной невозможности получить его путемъ закона, и все при той же рѣшимости завладѣть имъ посредствомъ какой-нибудь стратагемы?

— При той же рѣшимости. Но не для денегъ, знайте это. Ради справедливости.

— Прекрасно. А средства достигнуть этой справедливости, бывшія затруднительными по отношенію къ отцу, который не слылъ скаредомъ, легки по отношенію къ скареду сыну?

— Очень легки.

— Назовите жь меня осломъ! воскликнулъ капитанъ, потерявъ терпѣніе.—Повѣсьте меня, если я знаю, что вы хотите сказать!

Тутъ она впервые обернулась къ нему, и посмотрѣла прямо и твердо ему въ лицо.

— Я скажу вамъ это, проговорила она. — Я думаю женить его на мнѣ.

Капитанъ Реггъ вкочилъ на колѣни, и остановился въ этомъ положеніи, ошеломленный изумленіемъ.

— Вспомните, что я говорила вамъ, замѣтила Магдалина, снова отвертываясь отъ него.—Я отложила всякое попеченіе о самой себѣ. У меня теперь одна цѣль въ жизни, и чѣмъ скорѣе я достигну ея,—и умру,—тѣмъ лучше. Если...

Она остановилась, перемѣнила немного свое положеніе и указала рукой на катившійся ниже ручей, тускло свѣтившійся въ густѣвшихъ сумеркахъ.—Еслибъ я осталась тѣмъ чѣмъ была нѣкогда, я бросилась бы въ рѣку скорѣе чѣмъ рѣшилась бы сдѣлать то на что рѣшаюсь теперь. Теперь я ничѣмъ уже не тревожу себя, я не затрудняю ума своего никакими выдумываніями. Короткій путь, и путь подлый, лежитъ предо мною. Я выбираю его, капитанъ Реггъ, и выхожу замужъ.

— Оставляя мистера Нозла Вавстова въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, кто вы такія? проговорилъ капитанъ, медленно подвигаясь на ноги и тихо повертываясь, чтобы видѣть ея лицо.—Вы выйдете за него въ качествѣ моей племянницы, миссъ Байгревъ?

— Въ качествѣ вашей племянницы, миссъ Байгревъ.

— А потомъ?..—Голосъ его оборвался, и онъ не кончилъ своего вопроса.

— Потомъ, сказала она,—мнѣ уже не нужна будетъ ваша помощь.

Когда она выговорила свой отвѣтъ, капитанъ остановился, посмотрѣлъ на нее пристально, и вдругъ откачнулся

назадъ, не произнося ни слова. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, и угрюмо опустил на траву. Еслибы Магдалина могла видѣть его лицо въ замиравшемъ свѣтѣ, оно поразило бы ее. Можетъ-быть въ первый разъ съ своего младенчества, капитанъ Реггъ измѣнился въ лицѣ. Онъ былъ смертельно блѣденъ.

— Имѣете вы что-нибудь сказать мнѣ? спросила она. — Быть-можетъ вы ожидаете узнать какія я могу предложить вамъ условія? Вотъ они. Я беру на себя всѣ наши здѣшнія издержки, а въ день свадьбы, вы получите на прощаніе двѣсти фунтовъ. Общаете ли вы мнѣ ваше содѣйствіе на этихъ условіяхъ?

— А что придется мнѣ дѣлать? спросилъ онъ, украдкой бросая взглядъ на нее, и съ внезапнымъ недоверіемъ въ голосъ.

— Вамъ придется сохранять тайну моей и вашей роли, отвѣчала она, — и предупреждать всякія розыски мистриссъ Леконтъ для узнаванія кто я такая. Ничего болѣе я не требую. Остальное на моей, а не на вашей ответственности.

— Мнѣ не придется принимать участія ни въ чемъ, никогда и вѣдѣть, послѣ брака?

— Нѣтъ.

— Я могу оставить васъ, если захочу, у дверей церкви?

— У дверей церкви, съ платой въ карманѣ.

— Выдаюю мнѣ изъ вашихъ собственныхъ денегъ?

— Безъ сомнѣнія! Изъ какихъ же еще?

Капитанъ Реггъ снялъ шляпу и провель, съ видомъ успокоенія, платкомъ по лицу.

— Дайте мнѣ минуту подумать, замѣтилъ онъ.

— Столько минутъ, сколько угодно, отвѣчала она, прислонившись по прежнему къ валу и снова принявшись срывать пучки травы и разбрасывать ихъ по сторонамъ.

Мысли капитана не усложнялись никакими излишними переходами отъ созерцанія собственнаго своего положенія къ соображенію положенія Магдалины. Будучи совершенно неспособенъ оцѣнить оскорбленіе, нанесенное Магдалинѣ подлою измѣной Франка, — оскорбленія, которое однимъ жестокимъ ударомъ отняло у нея надежду, бывшую, не смотря на всю свою обманчивость, спасительною надеждою ея жизни, — капитанъ Реггъ принялъ къ свѣдѣнію только

фактъ ея отчаянія такъ какъ онъ давался ему съ руки, и затѣмъ обратился къ послѣдствіямъ сдѣланнаго ею предложенія.

Въ будущемъ, до брака, онъ видѣлъ не болѣе какъ обманъ, не отличающійся ничѣмъ, развѣ только цѣлюю своею, отъ надувательствъ, обдумывать и выполнять которыя давно уже приучила его бродяжническая жизнь. Въ будущемъ *послѣ* брака, онъ различалъ слегка, сквозь зловѣщій мракъ, призраки ужаса и преступленія, съ темною пропастью раззоренія и смерти позади ихъ. Въ своей тѣсной сферѣ капитанъ былъ человѣкъ неограниченной смѣлости и находчивости; внѣ же этой сферы, капитанъ былъ также почтительно покоренъ величію закона, какъ и самый невинный въ свѣтѣ человѣкъ, такъ же остороженъ въ сохраненіи своей особы, какъ и самый трусливый изъ земнородныхъ. Лишь одинъ серьезный вопросъ занималъ его мысли: могъ ли онъ, на предложенныхъ ему условіяхъ, принимать участіе въ заговорѣ противъ Нозля Ванстона до самой минуты свадьбы, а затѣмъ отступить, не рискуя запутаться въ послѣдствіяхъ, безъ которыхъ, какъ говорила ему опытность, дѣло не обойдется.

На рѣшеніе его въ этомъ обстоятельствѣ, — какъ ни странно это покажется, — имѣлъ главнымъ образомъ вліяніе самъ мистеръ Нозль Ванстонъ. Капитанъ могъ бы еще не очень соблазняться денежнымъ предложеніемъ сдѣланнымъ ему Магдалиной, ибо барыши отъ представленій набили его карманы суммой въ три раза болѣе двухсотъ фунтовъ. Но надежда нанести въ потьмахъ ударъ человѣку, оцѣнившему его сообщенія и его самого въ пять фунтовъ, пересилила его осторожность. На мелкой нейтральной почвѣ самолюбія одинаково сходятся лучшіе и худшіе люди. Негодованіе капитана Регга, при прочтеніи отвѣта на свое объявленіе, не уменьшалось оцѣнкой собственнаго поведенія: онъ былъ такъ же глубоко обиженъ, такъ же искренно раздосадованъ, какъ еслибъ онъ сдѣлалъ совершенно честное предложеніе, и былъ бы за то оскорбленъ лично. Онъ былъ слишкомъ занятъ своею обидой, чтобы не промолвиться ею въ своемъ первомъ письмѣ къ Магдалинѣ. И послѣ онъ каждый разъ болѣе или менѣе забывался при произнесеніи имени Нозля Ванстона. Въ настоящемъ же оковчательномъ рѣшеніи

относительно будущихъ дѣйствій своихъ, можно смѣло сказать, что побужденіе корысти отступило, въ первый разъ въ его жизни, на второй планъ, а побужденіе злобы заняло первый.

— Я принимаю условія, произнесъ капитанъ Реггъ, живо вскакивая на ноги.—Мы разотаемся въ день свадьбы. Я не знаю, куда вы уѣзжаете; вы не знаете куда я уѣзжаю. Съ этого времени, мы не знаемъ другъ друга.

Магдалина медленно поднялась. Уныніе и мрачное отчаяніе высказывались въ ея взглядѣ и движеніяхъ. Она отказалась взять руку капитана, и звуки ея голоса, при отвѣтахъ ему, были такъ низки, что онъ едва могъ разслушать ее.

— Мы повяли другъ друга, сказала она,—и можемъ теперь идти домой. Завтра вы познакомите меня съ мистриссъ Леконтъ.

— Я долженъ сдѣлать вамъ сначала нѣсколько вопросовъ, замѣтилъ капитанъ серьезнымъ тономъ.—Въ этомъ дѣлѣ болѣе опасностей, и на нашемъ пути болѣе засадъ, чѣмъ вы воображаете. Мнѣ необходимо знать всю исторію вашего утренняго визита къ мистриссъ Леконтъ, прежде чѣмъ яведу васъ съ нею на разговорную дистанцію.

— Подождите до завтра, съ нетерпѣніемъ вскрикнула она.—Не бѣсите меня толками объ этомъ сегодня.

Капитанъ замолчалъ. Они повернули къ Альдборо и тако направилась домой.

Ночь захватила ихъ у первыхъ домовъ. Не видно было ни мѣсяца, ни звѣздъ. Съ темнотою подулъ легкій вѣтерокъ съ суши. Магдалина остановилась, чтобы свободнѣе подышать воздухомъ. Черезъ минуту она отвернула лице отъ вѣтру и устремила глаза на море. Неизмѣримая тишь покойной воды, теравшейся въ темротѣ ночи, наводила страхъ. Она стояла, всматриваясь въ мракъ, словно его тайны были ей открыты, и медленно направилась туда, словно мракъ притягивалъ ее какою-то скрытою силой.

— Я сойду къ морю, сказала она своему спутнику.—Подождите здѣсь, а сейчасъ буду назадъ.

Черезъ минуту онъ потерялъ ее изъ виду, будто ночь поглотила ее. Онъ ждалъ и считалъ ея шаги по шуму камешковъ, по которымъ она ступала въ глубокой тишинѣ. Медленно удалялись они все болѣе и болѣе. И вдругъ звукъ

ихъ затихъ. Остановилась ли она? Или достигла одной изъ песчаныхъ полосъ оставленныхъ волной отлива?

Онъ ждалъ и прислушивался съ беспокойствомъ. Время шло, а до него не долетало ни одного звука. Онъ продолжалъ прислушиваться съ возрастающимъ недоумѣемъ къ глухой темнотѣ. Еще минута, и съ невидимаго поморья послышался звукъ. Внизу, на прибрежьи, далеко и слабо, долгое стояніе пронеслось въ тишинѣ. И затѣмъ снова затихло все.

Во внезапномъ испугѣ, онъ бросился впередъ, чтобы сойти къ берегу и кликнуть ее. Но прежде чѣмъ онъ перешелъ дорогу, быстро приближавшіеся шаги достигли его слуха. Онъ переждалъ минуту, и вотъ чья-то мужская фигура быстро прошла по дорогѣ между моремъ и имъ. Было слишкомъ темно, чтобы сколько-нибудь разсмотрѣть лицо незнакомца; видно было только, что это человекъ высокаго роста, роста того шкипера, котораго звали Керкомъ.

Фигура направилась къ сѣверу, и черезъ минуту исчезла изъ виду. Капитанъ Реггъ перешелъ дорогу, и сбѣжавъ нѣсколько шаговъ къ берегу, остановился и снова сталъ прислушиваться. Трескъ шаговъ по гонту снова достигъ его уха. Тихо приближался этотъ шумъ теперь, какъ прежде онъ удалялся. Онъ кликнулъ ее, чтобы помочь ей въ направленіи пути. Она приблизилась и явилась предъ нимъ—тѣнью поднимающеюся по гонтовому скату и выросшею изъ ночнаго мрака.

— Вы испугали меня, нервически прошепталъ онъ.—Я боялся не случилось ли чего-нибудь. По вашему крику, мнѣ показалось, что вы страдаете.

— Да? проговорила она невнимательно.—Мнѣ было больно. Но это не бѣда; теперь все прошло.

Въ то время какъ она отвѣчала ему, рука ея машинально размахивала чѣмъ-то. То былъ маленькій бѣлый шелковый мѣшочекъ, который она до сего хранила всегда на груди. Одна изъ заключавшихся въ немъ святынь, одна изъ святынь, разстаться съ которою у ней не доставало до сихъ поръ духу, исчезла изъ него навсегда. Одна, на чужомъ берегу, она отказалась отъ нѣжнѣйшаго изъ своихъ дѣвственныхъ воспоминаній, отъ драгоцѣннѣйшей изъ своихъ дѣвственныхъ надеждъ. Одна, на чужомъ берегу, взяла она локомъ Франковыхъ волосъ изъ заповѣднаго мѣста, и бросила его въ добычу морю и ночи.

II.

сокія мущина, прошедшій въ темнотѣ мимо капитана Регга, продолжалъ свой путь скорымъ шагомъ; онъ перестѣлъ небольшой незанятый лоскутъ земли, и вошелъ въ отворенную дверь Альбороской гостиницы. Свѣтъ изъ сѣней, упавъ прямо на его лицо, оправдалъ догадку капитана Регга и облачилъ въ незнакомаго мистера Керка, капитана купеческаго корабля.

Встрѣтивъ хозяина въ сѣняхъ, мистеръ Керкъ кивнулъ ему головой съ фамильярностью давнишняго потребителя.

— Получили вы газету? спросилъ онъ:— мнѣ нужно заглянуть въ списокъ новопривъзжихъ.

— Она у меня въ комнатѣ, сэръ, отвѣчалъ хозяинъ, ведя его въ пріемный покой задней части дома.— Полагаете, что кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ пріѣхалъ сюда?

Не отвѣчая на вопросъ, морякъ обратился къ списку какъ только газета была подана ему, и принялся просматривать имена, слѣдя пальцемъ сверху до низу, одно за другимъ. Палецъ его остановился внезапно на строкѣ: „Сивью-Коттеджъ; мистеръ Новаъ Ванстонъ.“ Шкиперъ Керкъ повторилъ про себя это имя, и задумчиво опустилъ газету.

— Нашии кого-нибудь изъ знакомыхъ, капитанъ? спросилъ хозяинъ.

— Я нашелъ знакомое мнѣ имя, о которомъ въ былое время часто упоминалъ мой отецъ. Что, этотъ мистеръ Ванстонъ семейный человекъ? Не знаете, есть у него въ домѣ молодая дѣвушка?

— Не могу вамъ этого сказать, капитанъ. Жена моя явится сюда сейчасъ; она навѣрно знаетъ. Значитъ, дѣло было уже давненько, если отецъ вашъ зналъ этого мистера Ванстона?

— Да, это было довольно давно. Отецъ мой зналъ одного офицера этого имени, когда служилъ съ полкомъ своимъ въ Канадѣ. Было бы замѣчательно, еслибъ этотъ господинъ оказался тѣмъ самымъ человекомъ, а молодая дѣвушка дочерью его.

— Извините, капитанъ, а молодая дѣвушка, кажется, немножко защемила у васъ сердечко, замѣтила съ любезною улыбкой хозяйкиъ.

Мистеру Керку, повидимому, не слыхкомъ понравился оборотъ приватный веселостью хозяйки. Онъ возвратился къ офицеру и пошк въ Канадѣ.

— Съ этимъ офицеромъ приключилась самая печальная исторія, произнесъ онъ, снова загадывая машинально въ списокъ новоприбывшихъ.

— А бѣды не будетъ разказать эту исторію, сэръ? спросилъ хозяйкиъ.—Печальная ли тамъ исторія, или непечальная, а исторія все-таки исторія, была бы она только была, а не сказка.

Мистеръ Керкъ не рѣшался.

— Не знаю, дозвоительно ли мнѣ разказывать ее, произнесъ онъ.—Если самъ этотъ человѣкъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ окажется въ живыхъ, то врядъ ли было бы имъ пріятно чтобъ эту исторію знали посторонніе люди. Я могу сказать вамъ только то, что отецъ мой спасъ этого молодого офицера въ крайне непріятныхъ обстоятельствахъ. Они разстались въ Канадѣ. Отецъ мой остался тамъ, съ полкомъ; молодой же офицеръ выпродавъ свое мѣсто и возвратился въ Англію, и съ этой минуты они потеряли другъ друга изъ вида. Замѣчательно было бы, еслибы находящійся здѣсь Ванстонъ оказался тѣмъ самымъ офицеромъ. Замѣчательно было бы...

Онъ какъ разъ спохватился когда слово о „молодой дѣвухѣ“ готово было сорваться съ его губъ. Въ это время вошла жена хозяйки, и мистеръ Керкъ обратился немедленно съ своими разспросами къ высшему авторитету дома.

— Знаете вы что-нибудь на счетъ этого мистера Ванстона, который значитъ здѣсь въ списокъ посѣтителей? спросилъ морякъ.—Старый онъ человѣкъ?

— Онъ прежалкое твореньице на видѣ, воскликнула хозяйка,—но онъ совсѣмъ не старъ, капитанъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ, это не тотъ, за кого я принялъ его. Быть-можетъ, онъ сынъ того. Есть съ нимъ какая-нибудь дама?

Хозяйка кивнула головой и собрала пренебрежительно губы.

— Съ нимъ его эконожка, сказала она.—Женщина среднихъ лѣтъ. Она мнѣ что-то не совсѣмъ нравится. Быть-можетъ, я не справедлива, но я не люблю чопорныхъ женщинъ въ ея положеніи.

Мистеръ Керкъ начиналъ приходить въ замѣшательство.

— Я, должно-быть, ошибся какъ-нибудь домою, сказалъ онъ.—Вѣдь это въ Си-Вью Коттеджъ осмиугольный лужокъ и бѣлый флагштокъ посерединѣ песчаной дорожки?

— Это не въ Си-Вью, сэръ! Вы говорите о Нортъ-Шигельзѣ. Это дача мистера Байгрева. Его жена и племянница прибыли сегодня въ почтовой каретѣ. Жена его такъ высока ростомъ, что ее хотъ на выставку, а одѣта такъ нелѣпно какъ мнѣ и видѣть не случалось. Но миссъ Байгревъ, если позволите мнѣ такъ выразиться, заслуживаетъ всякаго вниманія. По моему, уже давно не было въ Альдборо такой красивой дѣвушки. Желала бы я знать, кто она такіе. Знакомо вамъ ихъ имя, капитанъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Керкъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ на своемъ смугломъ, загрубѣломъ лицѣ.—Никогда не слышалъ этого имени.

Сказавъ это, онъ подумался, собираясь уйти. Хозяйка напрасно предлагалъ ему выпить на прощаніе стаканъ вина, и напрасно хозяйка упрашивала его остаться еще минутъ десять и выпить чашку чаю. Онъ отвѣчалъ, что сестра его ждетъ и что онъ долженъ быть немедленно въ пасторскомъ домѣ.

Оставивъ гостиницу, мистеръ Керкъ повернулъ къ западу и пошелъ далѣе отъ берега по большой дорогѣ, съ возможною при темнотѣ быстротой.

„Байгревъ?“ разсуждалъ онъ про себя: „много ли умаѣ сталъ я оттого что узналъ ея имя! Будь оно Ванстонъ, сынъ моего отца имѣлъ бы случай познакомиться съ ней.“—Онъ остановился и оглянулся въ направленіи къ Альдборо.—„Что я за сумашедшій!“ разразился онъ вдругъ, стукнувъ палкой по землѣ. „Въ послѣдній день моего рожденія мнѣ минуло сорокъ.“ Онъ повернулся и пошелъ еще скорѣе, опустивъ голову и пронызывая мракъ своими энергическими черными глазами теперь на сушъ, какъ бывало прежде на морѣ съ своего дека.

Пройдя болѣе часу, онъ достигъ деревни съ небольшою первобытною церковью и священническимъ домою, угнѣз-

давшимся въ ложбинѣ. Онъ вошелъ въ домъ съ задняго хода и нашелъ свою сестру, жену священника, одну за работой въ приѣмной комнатѣ.

— Гдѣ мужъ твой, Лиза? спросилъ онъ, усаживаясь въ одномъ изъ угловъ.

— Вилльямъ отправился навѣстить одного больного. До ухода, прибавила она съ улыбкой,— у него какъ разъ достало времени разказать мнѣ объ одной молодой особѣ, и онъ объявлялъ на отрывъ, что впередъ никакъ не отважится пойдти съ тобой въ Альдборо, пока ты не будешь степеннымъ женатымъ человѣкомъ.— Она остановилась и посмотрѣла на брата съ большимъ вниманіемъ чѣмъ глядѣла на него до сихъ поръ.— Робертъ! проговорила она вдругъ оставляя свою работу и быстро подходя къ нему.— Ты какъ будто расстроенъ, какъ будто опечаленъ. Вилльямъ шутилъ надъ твоею встрѣчей съ одною молодою дѣвушкой. Неужели это дѣло серьезное? Скажи мнѣ, что это за дѣвушка?

При этомъ вопросѣ, онъ отвернулъ свою голову.

Она сѣла на скамеечку у его ногъ и не хотѣла свести съ него глазъ.

— Неужели это что-нибудь серьезное, Робертъ? повторяла она мягко.

Загрубѣлое лицо Керка не привыкло къ скрытности; оно отвѣтило за него, прежде чѣмъ онъ произнесъ слова.

— Не говори объ этомъ твоему мужу, пока я не уйду, сказалъ онъ съ суровостью, еще неизвѣданною въ немъ его сестрою.— Я знаю, что заслаживаю смѣхъ, но у меня щемить сердце отъ всего этого.

— Щемить сердце? повторила она съ удивленіемъ.

— Ты не считаешь меня, Лиза, и на половину такимъ дурнемъ, какимъ я самъ считаю себя, продолжалъ съ горечью Керкъ.— Человѣкъ моихъ лѣтъ долженъ быть серьезнѣе. Я видѣлъ ее всего не болѣе минуты, и что же? я до самой ночи не могъ оторваться отъ того мѣста, надѣясь еще разъ увидѣть ее. Я подсаживалъ ее: такъ выразился бы я, еслибы нашелъ кого-нибудь изъ своихъ людей въ такомъ положеніи. Я готовъ вѣрить, что меня околдовали. Она еще дѣвочка, Лиза, я не думаю, чтобы ей было болѣе девятнадцати лѣтъ; я могъ бы быть ей отцомъ. И однакожь, несмотря на всѣ мои усилія, она не выходитъ у меня изъ головы. Въ темнотѣ лицо ея стояло передо мною все время какъ я

шелъ сюда; да оно и теперь передо мною такъ же ясно какъ твое, и еще яснѣе.

Нетерпѣливо вскочилъ онъ, и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Съ удивленіемъ, но и съ сочувствіемъ на лицѣ, слѣдила за нимъ сестра. Съ самаго дѣтства она всегда знала его за человѣка вполне владѣющаго собою. Потомъ, въ трудные годы ихъ семейства, онъ служилъ имъ примѣромъ и опорой. Она слышала, какъ въ отчаянныхъ случайностяхъ морской жизни, сотни его ближнихъ ожидали отъ его твердости и находчивости спасенія передъ лицомъ смерти, — и ожидали не тщетно. Ни разу, въ своей жизни, не случилось ей видѣть, чтобы его всегда спокойный и ровный духъ до такой степени терзалъ равновѣсіе.

— Къ чему говоришь ты такъ страшно о своихъ лѣтахъ и себѣ? спросила она. — Я не знаю женщины, Робертъ, которая стоила бы тебя. Какъ зовутъ ее?

— Байгревъ. Знакомо тебѣ это имя?

— Нѣтъ. Но я могу скоро познакомиться съ ней. Еслибъ у насъ было немного времени въ запасъ, еслибъ я могла побывать въ Альдборо и видѣть ее... но вѣдь ты завтра уѣзжаешь, твой корабль уходитъ въ концѣ этой недѣли.

— И слава Богу! горячо воскликнулъ Керкъ.

— Неужели ты радъ тому что уѣзжаешь? спросила она, все болѣе и болѣе удивляясь ему.

— Очень радъ, Лиза, для своего же добра. Если я могу гдѣ-нибудь отрезвиться, такъ только на палубѣ моего корабля. Эта дѣвушка стало было между мною и моими мыслями, но она не сбѣгаетъ еще ни шагу, и не станетъ между мною и моимъ долгомъ. Это рѣшено у меня. При всемъ моемъ помѣшательствѣ, у меня есть еще довольно смысла, чтобы не оставаться до завтрашняго утра вблизи Альдборо. Я могу пройти еще двадцать миль, и сегодня же пуцусь въ путь.

Сестра его вскочила, и крѣпко схватила его руку. — Робертъ! воскликнула она: — ты шутишь? Ты не уйдешь пѣшкомъ, одинъ, ночью?

— Что жъ такое? Вся разница только въ томъ, оказать ли при прощаніи: желаю спокойной ночи или желаю добраго утра, отвѣчалъ онъ, улыбаясь. — Будьнисходительна ко мнѣ, Лиза. Я провелъ жизнь мою въ морѣ и не привыкъ къ этимъ ду-

шевнымъ тревогамъ. Сухопутные люди привыкли къ этому; имъ это ни по чемъ. Мнѣ напротивъ. Если я останусь здѣсь, то я покоя себѣ не найду. Если я останусь до завтра, то не утерплю, и пойду еще разъ взглянуть на месс. Но я не желаю еще болѣе срамить себя въ своихъ глазахъ. Я хочу возвратиться къ своей обязанности и овладѣть собою, не разсуждая объ этомъ дважды. Темнота ничего не значитъ для меня; я привыкъ къ ней. Я пойду по большой дорогѣ и не могу заблудиться. Пусти меня, Лиза! Въ мои лѣта я не долженъ знать другой зазубы кромѣ своей посудины на морѣ. Пусти же меня къ ней.

Сестра его все не выпускала его руки, и все упрашивала остаться до утра. Съ полнымъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ слушала онъ ее, но она не могла поколебать его рѣшеніе.

— Чтѣ мнѣ сказать Вильяму? говорила она.—Чтѣ по думаетъ онъ возвратясь и не найда тебя.

— Скажи ему, что я послушалась того совѣта, который онъ самъ давалъ въ своей проповѣди въ прошлое воскресенье. Я отворотилась отъ міра, плоти и дьявола.

— Ахъ, какъ ты говоришь, Робертъ! А съ моими дѣтками-то? Вѣдь ты обѣщалъ не увѣжать, не простившись съ ними

— Это правда. Я далъ слово моимъ малюткамъ-племянникамъ, и сдержу его.—Говоря это, онъ обросилъ свои башмаки за дверью на цыновку.—Посвѣти мнѣ на верхъ, Лиза; я прощусь съ обоими мальчуганами не будя ихъ.

Она увидѣла бесполезность дальнѣйшаго противодѣйствія ему, и взявъ свѣчку, пошла впереди его наверхъ.

Мальчики,—оба малолѣтки,—спали вмѣстѣ въ одной постели. Младшій былъ любимцемъ дяди и носилъ дядино имя. Онъ мирно спалъ, съ корабликомъ въ охапкѣ. Глаза Керка увлажнились, когда, пробравшись на носкахъ къ ребенку, онъ поцѣловалъ его съ нѣжностью женщины.—Бѣд-ляжка! нѣжно проговорилъ морякъ. Онъ такъ же любитъ свой корабликъ, какъ бывало я. Я вырѣжу ему получше, когда возвращусь. Отдай ты мнѣ племянничка моего, Лиза, и позволь мнѣ сдѣлать изъ него моряка! Что Лиза?

— Ахъ, Робертъ! Еслибъ Богъ далъ тебѣ жениться и быть счастливымъ, какъ я!

— Проще ужъ на это время, другъ мой. Теперь я дол,

женъ жить какъ живется, да вотъ еще пламачка шить себя на подмогу.

Онъ вышелъ изъ спальни. Обильно лились слезы изъ глазъ сестры, когда она провожала его въ гостиную.

— Въ твоей разлуцѣ съ нами есть что-то отчаянное и ужасное, замѣтила она.— Не сходить ли мнѣ завтра въ Альборо, Робертъ, и не попытаться ли познакомиться съ ней?

— Не надо, отвѣчалъ онъ. — Оставь ее. Если суждено мнѣ еще разъ видѣть эту дѣвушку, я увижу ее. Предоставь это будущему, и одѣвайся хорошо. — Онъ надѣлъ свои башмаки и взялъ свою шляпу и палку.— Я хочу заморить себя ходьбою замѣтилъ онъ весело.— Если коча не захватитъ меня по дорогѣ, я могу подождать его тамъ, гдѣ буду завтракать. Утри твои глаза, другъ мой, и поцѣлуй меня.

Она походила на брата чертами и цвѣтомъ лица, походила на него отчасти и характеромъ, и отеревъ слезы, храбро простилась съ нимъ.

— Я буду казалъ черезъ годъ, произнесъ Керкъ, принимая у дверей манеру стараго моряка. — Я привезу тебѣ китайскую шаль, Лиза, и цибикъ чаю. Пускай ребята не забываютъ меня, а сама ты не осуждай меня за то что я такимъ образомъ расстаюсь съ тобой. Я знаю, что хорошо дѣлаю. Богъ да благословитъ и хранитъ тебя, другъ мой,— и мужа твоего, и дѣтей твоихъ! Прощай!

Онъ остановился и поцѣловалъ ее. Она бросилась къ двери, чтобы проводить его глазами. Порывъ вѣтра загасилъ свѣчку, и черная ночь, въ одно мгновеніе, скрыла его отъ нея.

Черезъ три дня, первоклассный купеческій корабль, *Избаλλονіе*, шкиперъ Керкъ, отплылъ изъ Лондона въ Китайское море.

III.

Опасность бури прошла шибѣть съ ночью. Когда поднялось утро надъ Альборо, солнце свѣтило ярко въ голубомъ небѣ, а волны рябили весело подъ лѣтнимъ вѣтеркомъ.

Рано утромъ, когда не вставалъ еще ни одинъ изъ пріѣзжихъ гостей, неутомимый Регъ показался въ дверяхъ Нортъ-Шингельсъ-Виллы, и направился къ сѣверу, съ измя-

не перелетеннымъ экземпляромъ „Ученыхъ разговоровъ“ Джойса въ рукѣ. Достигнувъ пустыря за домами, онъ пустился ко взморью и открылъ свою книгу. Вчерашнее свиданіе усилило опасенія его касательно предстоящихъ, въ приближающемся дѣлѣ, затрудненій. Вдвойнѣ рѣшался онъ теперь испробовать характеристическій опытъ, на который намекалъ въ писемѣ своемъ къ Магдалинѣ,—и сосредоточить на себѣ, какъ на человѣкѣ съ замѣчательными свидѣніями, весь интересъ и вниманіе грозной мистриссъ Деконтъ.

Принявъ на тощакъ опредѣленную дозу „свѣжеиспеченной“ (по его выраженію) науки капитанъ Реггъ, возвратился въ свой небольшой семейный кружокъ, къ утреннему чаю, съ запасомъ свидѣній на дѣлый день. Онъ замѣтилъ, что лицо Магдалины носило ясные слѣды бессонной ночи. Но она не жаловалась, и была спокойна и тиха. Мистриссъ Реггъ, освѣженная часами тридцатью безпробуднаго сна, была въ прекрасномъ расположеніи духа и держала исправнымъ образомъ обѣ ноги въ башмакахъ. Она принесла съ собой въ комнату нѣсколько большихъ листовъ бумаги, вырѣзанной во всевозможныя загадочныя формы, что немедленно вызвало, со стороны мужа, краткій и рѣзкій вопросъ:—Что это у васъ такое?

— Выкройки, капитанъ, отвѣчала мистриссъ Реггъ, бояливо ублажающимъ тономъ. — Я ходила по лавкамъ въ Ломовѣ и купила кашемировое платье. Оно стоитъ дорого, и я хочу экономію сдѣлать, сошью его сама. У меня есть выкройки, и все записано какъ кроить и шить, крупно записано, словно отпечатано. Я буду себѣ смирна и опратно сидѣть, капитанъ, въ своемъ уголку, если вамъ будетъ угодно отвести мнѣ уголокъ, и ужь тамъ будетъ ли жужжать у меня въ головѣ или нѣтъ, я буду прямо держаться за работой.

— За работу вы приметесь произнесъ грозно, капитанъ, не прежде какъ будете твердо знать, кто вы, кто я и кто эта молодая особа, отнюдь не прежде. Покажите мнѣ ваши башмаки! Хорошо. Покажите мнѣ вашъ чепецъ! Хорошо. Готовьте чай.

Когда завтракъ кончился, мистриссъ Реггъ получила приказаніе удалиться въ смежную комнату и ожидать тамъ мужа. Какъ только повернулась она, капитанъ

Реггъ возобновилъ вчерашній разговоръ, прерванный по желанію Магдалины. Всѣ его вопросы касались ея маскарад-наго посѣщенія въ домъ Новаго Ванстона. То были вопросы человѣка весьма прозорливаго, — краткіе, пытливые, прямо ведущіе къ цѣли. Меньше чѣмъ въ полчаса, онъ зналъ все случившееся въ Вокзалъ-Вокѣ.

Сдѣланныя капитаномъ, по приобрѣтеніи этихъ свѣдѣній, выводы были ясны и просты.

Что до неблагопріятной стороны дѣла, то онъ выразилъ убѣжденіе, что мистриссъ Леконтъ, безъ сомнѣнія, открыла что ея гостя была не въ своемъ видѣ, что мистриссъ Леконтъ изъ комнаты не выходила, хотя отпирала и запирала дверь, и что въ обоихъ случаяхъ, когда Магдалина измѣнила себѣ заговоривъ своимъ натуральнымъ голосомъ, мистриссъ Леконтъ слышала ее. Что до благопріятной стороны вопроса, онъ былъ вполне доволенъ, что крашеное лицо и вѣки, парикъ и подбитое ватой мапто до того удачно скрыли Магдалину что она лично можетъ безъ опасенія подвергнуться самому тщательному разглядыванію со стороны экономки. Трудность обмануть уши мистриссъ Леконтъ, какъ были обмануты глаза, была, по его мнѣнію, много серьезнѣе. Но принимая въ соображеніе, что Магдалина, въ оба раза какъ ей случилось забыться, говорила въ пылу досады, онъ думалъ, что голосъ ея очень легко можетъ остаться не узнаваемымъ, если она, старательно избѣгая всякихъ всмычекъ, будетъ говорить тѣмъ спокойнымъ и обычнымъ тономъ своего голоса, котораго мистриссъ Леконтъ еще не знала. Вообще капитанъ былъ готовъ предсказать благопріятный результатъ, если только съ самаго начала будетъ устранено одно важное препятствіе, — препятствіе заключавшееся въ присутствіи мистриссъ Реггъ на театрѣ дѣйствій.

Къ удивленію Магдалины, когда разказъ ея достигъ заключенія съ привидѣніемъ, капитанъ Реггъ слушалъ ее съ видомъ человѣка, которому было скорѣе непріятно нежели смѣшно то что онъ слышалъ. Когда она кончила, онъ объявилъ ей, что ея несчастная встрѣча на лестницѣ съ мистриссъ Реггъ, была, по его мнѣнію, самою серьезною изъ всѣхъ случайностей происшедшихъ въ Вокзалъ-Вокѣ.

— Глупость жены моей еще не бѣда, съ этимъ я могъ бы еще справиться, замѣтилъ онъ, — какъ уже часто справлялся. Я могу вбить ей въ голову ея новое званіе и имя,

но не могу выбить изъ нея привидѣнія. Кто поручится, что женщина въ оброчъ манто и капорѣ не придетъ ей на память въ самую критическую минуту, въ самыхъ неудобныхъ обстоятельствахъ? Говоря чистымъ англійскимъ языкомъ, дорогая моя дѣвица, мистриссъ Реггъ будетъ намъ канканомъ на каждомъ шагу.

— Но если мы видимъ канканъ, замѣтила Магдалина, — то мы можемъ принять всѣ нужныя мѣры для избѣжанія его. А что бы вы предложили?

— Я предлагаю, отвѣчалъ капитанъ, — временное удаленіе мистриссъ Реггъ. Говоря съ чисто-денежной точки зрѣнія, я не могу совсѣмъ развѣхаться съ ней. Вы вѣрно часто читали о бѣдныхъ людяхъ, которые вдругъ обогащались наследствомъ, достававшимся имъ отъ дальнихъ и печальныхъ родственниковъ? Обстоятельства мистриссъ Реггъ, когда я женился на ней, были именно такого рода. Одна пожилая родственница наследовала тогда, вмѣстѣ съ моею женой, состояніе; если я сохраню наружныя домашнія отношенія, то могу ожидать, что мистриссъ Реггъ окажется вторично полезною мнѣ, по смерти этой пожилой родственницы. Не будь этого, я давно бы предоставилъ жене моей заботамъ цѣлаго общества, въ пріятномъ убѣжденіи, что если я не буду содержать ее, то кто-нибудь будетъ же поить-кормить ее. Хотя я не могу совсѣмъ разстаться съ ней, однако не вижу затрудненій къ комфортабельному содержанію ея гдѣ-нибудь въ сторонкѣ отъ насъ, то-есть къ помѣщенію ея въ какой-нибудь уединенной фермѣ, въ качествѣ дамы не совсѣмъ здоровой въ умственномъ отношеніи. Расходы вы найдете ничтожными; облегченіе же я почувствую огромное. Что вы скажете на это? Не велѣтъ ли мнѣ ей собраться тотчасъ же, и не отправить ли ее въ первомъ *кочь*?

— Нѣтъ! отвѣчала твердо Магдалина. — Жизнь бѣдняжкѣ и безъ того уже довольно тяжела; я не хочу, чтобъ отъ меня она стала еще тяжеле. Она была такъ сердечно и искренно добра ко мнѣ во время моей болѣзни... нѣтъ, я не допущу этого. Рискъ соединенный съ ея пребываніемъ здѣсь будетъ только одинъ лишній рискъ при многихъ другихъ. Я рѣшаюсь на этотъ рискъ, капитанъ Реггъ, если вы не рѣшаетесь.

— Подумайте дважды, серіозно замѣтилъ капитанъ, —

прежде чѣмъ окончательно рѣшится оставить здѣсь мистриссъ Реггъ.

— Я подумала однажды и этого довольно, отвѣчала Магдалина. — Я не желаю, чтобы ее отсылали.

— Прекрасно, отвѣчалъ съ покорностью капитанъ. — Въ дѣло сентиментовъ я не вмѣшиваюсь никогда. Но я долженъ оказать слово на счетъ себя. Если мои услуги должны быть полезны вамъ, то я не могу желать чтобы мнѣ связали руки при самомъ началѣ. Это важно. Я могу ожидать всякихъ бѣдъ отъ пребыванія моей жены въ одномъ мѣстѣ съ мистриссъ Леконтъ. Я боюсь этого, если вы не боитесь, и требую, чтобы мистриссъ Реггъ, въ случаѣ если она останется здѣсь, не выходила изъ своей комнаты. Вы можете ходить гулять съ ней рано утромъ или поздно вечеромъ, если находите прогулку нужною для ея здоровья, но вы отнюдь не должны отпускать ее со двора съ служанкой или одну. Я прямо говорю; дѣло слишкомъ важно, и нельзя шутить съ нимъ. Что вы скажете? Да или нѣтъ?

— Скажу да, отвѣчала Магдалина, подумавъ съ минуту. — Подразумѣвается, что я буду сама водить ее гулять, какъ вы предлагаете.

Капитанъ Реггъ поклонился, и всѣ приемы его исполнились особенной пріятности. — Какъ вы думаете? спросилъ онъ. — Не вачать ли намъ приводить въ исполненіе наше предпріятіе сегодня же? Готовы ли вы отрекомендоваться мистриссъ Леконтъ и ея хозяйку?

— Совершенно готова.

— И прекрасно. Мы найдемъ ихъ на гулявьи, въ обыкновенное время ихъ прогулки, въ два часа. Теперь нѣтъ еще двѣнадцати. У меня впереди еще два часа: какъ разъ столько времени чтобы пригнать къ жемъ ея новую шкурку. Процессъ рѣшительно необходимъ, для того чтобы она не скомпрометировала насъ какъ-нибудь черезъ служанку. Не опасайтесь послѣдствій; въ голову мистриссъ Реггъ вколачивался, въ продолженіе ея супружества, прерогативъ разныхъ вымышленныхъ именъ. Все дѣло въ твердомъ вколачиваніи, не болѣе. Кажется, мы порѣшили теперь все. Нѣтъ ли для меня какого-нибудь дѣла до двухъ часовъ? Есть ли у васъ какое-нибудь занятіе на утро?

— Нѣтъ, отвѣчала Магдалина. — Я пойду въ свою комнату и постараюсь отдохнуть.

— Боюсь, вы провели безпокойную ночь? замѣтилъ кампатакъ, вѣжливо отворяя передъ нею дверь.

— Я засыпала разъ или два, отвѣчала она небрежно.— Нервы мои раздражены немного. Дерзкіе черные глаза того человѣка, который такъ грубо глядѣлъ на меня вчера вечеромъ, мерещились мнѣ во снѣ. Если мы встрѣтимъ его сегодня, и если онъ станетъ безпокоить меня, то я должна буду просить васъ поговорить съ нимъ. Мы сойдемся заѣсъ въ два часа. Не будьте суровы съ мистриссъ Реггъ, учите ее помягче.

Съ этими словами она оставила его, и поднялась наверхъ.

Съ тяжкимъ вздохомъ опустила она на постель и пыталась заснуть. Но тщетно. Утомленіе, которое она чувствовала, было не изъ числа тѣхъ, которыя выдѣчиваются отдыхомъ. Она встала, и сѣла къ окну, бессознательно озирая море.

Натура послабѣе ея не почувствовала бы такъ сильно измѣны Франка, какъ почувствовала она, — какъ она все еще чувствовала. Меньше сильная натура наша бы себѣ убѣжище въ негодованіи и утѣшеніе въ слезахъ. Страстная сила любви Магдалины прицѣпилась отчаянно къ утѣпавшимъ обломкамъ собственного самообольщенія, и держалась за нихъ, пока не оторвалась единственно силою воли. Ея прирожденная гордость, живое чувство причиненнаго зла, могли только заставить ее устыдиться привязанности къ мыслямъ, которые все еще жили и дышали, благодаря силѣ благоговѣйнаго чувства къ прошедшему, и которыя все еще хотѣли приписывать бездушное прощальное письмо Франка какимъ-нибудь другимъ побужденіямъ, а не врожденной низости этого человѣка. Не было еще женщины, которая была бы въ состояніи вырвать истинную любовь изъ своего сердца лишь потому что предметъ этой любви оказался не достойнымъ ея. Она будетъ бороться противъ этой любви въ тайнѣ, — чтобы погибнуть въ борьбѣ, если она слаба, — чтобы выйдти изъ борьбы побѣдительницей, если она сильна, путемъ самоистязанія. Сильная натура Магдалины поддержала ее въ борьбѣ, но исходъ этой борьбы сдѣлалъ изъ нея то чѣмъ была она теперь.

Просидѣвъ около часа у окна, съ бессознательно устремленными впередъ глазами, съ головой безъ впечатлѣній

и безъ идей, она страшилась съ себя наконецъ этотъ столбнякъ и поддалась, чтобъ приготовиться къ важному акту нынѣшняго дня.

Она пошла въ гардеробъ, и смала съ вѣшалокъ два свѣтлыя платья отбѣлаемыя для лѣта, въ Комбъ Ревель, годъ тому назадъ, и которыя по своей незначительной цѣнѣ не заслуживали продажи. Положивъ эти платья, она подлѣ другаго на кровать, она снова заглянула въ шкафъ. Въ немъ еще висѣло лишь одно лѣтнее платье, простое альпаковое, которое надѣвала она во время памятнаго ей свиданія съ Ноземъ Вонстономъ и мистриссъ Леконтъ. Это послѣднее она оставила въ шкафу, рѣшившись не надѣвать его, не столько изъ опасенія, что экономка узнаетъ узоръ, слишкомъ простой чтобъ обратить на себя особенное вниманіе, и слишкомъ обыкновенный чтобъ зарубиться въ памяти, сколько потому, что оно было не довольно весело и не шло въ настоящемъ случаѣ. Вынувъ изъ ящичковъ гладкій бѣлый кисейный платокъ, пару свѣтло-сѣрыхъ лайковыхъ перчатокъ и круглую италянскую соломенную шляпу, она заперла шкафъ и бережно спрятала ключъ въ карманъ.

Вмѣсто того чтобъ тотчасъ же начать одѣваться, она сѣла, лѣтливо разсматривая оба кисейныя платья; ей было все равно что ни надѣть, и однакожь, по страшной непослѣдовательности, она какъ будто колебалась, которое изъ нихъ выбрать. „Что толку?“ проговорила она про себя, презрительно смѣясь: „какое ни надѣть, лучше въ своей собственной оцѣнкѣ я не буду; и въ томъ, и въ другомъ платьѣ цѣна маѣ дешеваа.“ Она вздрогнула, какъ будто звукъ собственнаго смѣха поразилъ ее, и быстро схватила лежавшее ближе къ ней платье. Узоры его были бѣлаго и голубаго цвѣтовъ,—оттѣнка голубаго, который болѣе всего шелъ ей, какъ блондинкѣ. Поспѣшно надѣла она свое платье, не подходя къ зеркалу. Въ первый разъ въ своей жизни не захотѣла она видѣть своего отраженія; она взглянула на себя только мелькомъ, когда заправляла свои волосы подъ круглую шляпу. Она набросила платокъ на плечи и надѣла перчатки опивой къ туалетному столу. „Не подкраситься ли мнѣ?“ спросила она себя, чувствуя инстинктивно, что блѣднѣеть. „У меня остались еще румяна въ коробкѣ. Отъ этого лицо мое не будетъ фальшивѣе чѣмъ теперь.“ Она поворотилась

къ зеркалу и снова отвернулась отъ него. „Нѣтъ, сказала она. Переодо мной будетъ мистриссъ Леконтъ, а не одинъ ея хозяинъ. Безъ раскрашки“. Взглянувъ на часы, она оставила комнату и сошла внизъ. До двухъ часовъ не доставало только десяти минутъ.

Капитанъ Реггъ ожидалъ ее въ приемной, выходя очень почтенно и прилично въ своемъ фракѣ, въ тугомъ лѣтящемъ гаалстухѣ, въ высокой бѣлой шляпѣ, въ свѣтложелтомъ жилетѣ, стрыхъ штанахъ и штиблетахъ. Воротнички его стояли выше, обыкновеннаго, а въ рукѣ онъ держалъ новенькій складной стулъ. Любой англійскій купецъ, увидя его въ эту минуту, довѣрился бы ему безъ малѣйшаго колебанія.

— Очаровательно! воскликнулъ капитанъ, родительски озирая Магдалину, при вступленіи ея въ комнату. — Такъ свѣжо и такъ прохладно! Немножко блѣдноваты, другъ мой, и слишкомъ серьезны. А то превосходно. Попробуйте улыбнуться.

— Когда придетъ время улыбаться, съ горечью замѣтила Магдалина, — положитесь на мое сценическое умѣніе придавать какое нужно выраженіе лицу. Гдѣ мистриссъ Реггъ?

— Мистриссъ Реггъ выдолбила свой урокъ, отвѣчалъ капитанъ, — и за то получила отъ меня позволеніе заниматься работой въ своей комнатѣ. Я одобряю ея новую швейную затѣю; это будетъ занимать ее и удерживать дома. Нечего опасаться, что она скоро кончитъ свое кашемировое платье; вѣтъ такой ошибки, черезъ которую бы она не прошла въ этомъ процессѣ. Она станетъ высиживать свое платье, извините за выраженіе, такъ же упорно какъ наждакъ высиживаетъ лицо-богатуна. Увѣряю васъ, ея новая причуда очень облегчаетъ меня. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, это совершенно кстати.

Онъ павалиномъ подошелъ къ окну, выглянулъ изъ него, и кивнулъ Магдалинѣ подойти къ нему. — Вотъ они! произнесъ онъ и указалъ на гулянье.

Когда она взглянула, мистеръ Новакъ Ванстонъ медленно проходилъ мимо, одѣтый въ старомодный напковый сюртъ. Повидимому, то былъ одинъ изъ дней, когда здоровье его было въ наилучшемъ состояніи. Онъ опирался на руку мистриссъ Ле-

ковтъ и укрывался отъ солнца подъ легкимъ зонтикомъ, который она распростирала надъ нимъ. Экономка, одѣтая какъ всегда, въ скромномъ изящно дѣтнемъ платьѣ, въ черной мантильѣ, въ скромной соломенной шляпкѣ и съ полосатомъ голубою вуалью, сопровождала своего хвораго хозяина съ нѣжнѣйшею предупредительностью, то почтительно обращая его вниманіе на различные предметы морскаго вида, то наклоняя свою голову въ знакъ благодарности за любезность прохожихъ, которые сторонились, чтобы дать дорогу больному. Между эвваками морскаго берега она производила замѣтный эффектъ. Съ единодушнымъ любопытствомъ слѣдили они за ней и обмѣнивались кивками одобренія, говорившими столь же ясно, какъ слова: „Вотъ настоящій домашній геній, вотъ отличная женщина!“

Разношерстные глаза капитана Регга слѣдили за мистриссъ Леконтъ съ пристальнымъ вниманіемъ.

— Крутая работа для насъ, шепнулъ онъ на ухо Магдалинѣ;—и круче чѣмъ вы думаете, пока мы не выживемъ этой женщины.

— Погодите, спокойно сказала Магдалина.—Ждите и смотрите.

Она направилась къ двери. Капитанъ послѣдовалъ за ней безъ дальнѣйшихъ замѣчаній. „Я подожду только до свадьбы“, думалъ онъ про себя: „но ни минуты долѣе, ни за какія коврижки.“

У наружной двери. Магдалина снова обратилась къ нему.

— Поидемте сюда, сказала она, указывая къ югу,—потомъ повернемъ и встрѣтимъ ихъ на обратномъ пути.

Капитанъ Реггъ выразилъ знакомъ свое согласіе, и послѣдовалъ за Магдалиной къ садовой калиткѣ. Въ то время, какъ она отворяла ее, чтобы пройти, вниманіе ея было привлечено дамой, которая, въ сопровожденіи няньки и двухъ маленькихъ мальчиковъ, прохаживалась по дорожкѣ у садоваго вала. Дама остановилась, посматрѣвая пристально и улыбулась, при появленіи Магдалины. Любопытство овладѣло сестрой Керка: это она пришла въ Альдборо и единственно затѣмъ чтобы видѣть миссъ Байгрессъ.

Въ складѣ лица дамы, въ выраженіи ея черныхъ глазъ, нѣчто напоминало Магдалинѣ о купеческомъ капитанѣ, котораго несдержанное восхищеніе раздосадовало ее въ прошлый вечеръ. На пытливый взглядъ незнакомки, она

отвѣчала нахмуреннымъ, неласковымъ взглядомъ. Дама покраснѣла, отвѣтила такимъ же взглядомъ, еще съ прибавкой, и медленно отошла.

„Рѣзкая, дерзкая, дрянная дѣвчонка,“ думала сестра Керка. „Какъ могъ Робертъ восхищаться ею? Я почти рада, что онъ уѣхалъ. Надѣюсь и увѣрена, что онъ никогда не остановитъ своихъ глазъ на миссъ Байгревъ“.

— Что за мужичье здѣшній народъ! замѣтила Магдалина капитану Реггу.—Женщина эта еще грубѣе чѣмъ вчерашній господинъ. Она похожа лицомъ на него. Желала бы я знать, кто она такая.

— Я сейчасъ узнаю, отвѣчалъ капитанъ.—Намъ слѣдуетъ соблюдать всевозможную осторожность съ чужими.

Онъ тотчасъ кликнулъ пріятелей своихъ лодочниковъ, и Магдалина ясно слышала вопросы и отвѣты.

— Ну какъ вы всё поживаете, сегодня? сказалъ капитанъ Реггъ своимъ развязнымъ веселымъ тономъ.—И какой, скажите, вѣтеръ. Нортъ-нортъ-вѣсть, такъ ли? Прекрасно. А кто эта дама?

— Это мистриссъ Стрикландъ, сэръ.

— А, а! Супруга священника и сестра капитана. Гдѣ капитанъ сегодня?

— Должно-быть на пути въ Лондонъ, сэръ. Его корабль идетъ въ Китай, въ концѣ этой недѣли.

Въ Китай! Когда слово это выходило изъ устъ лодочника, припадокъ старой скорби охватилъ сердце Магдалины. Не зная купеческаго капитана, ей стало ненавистно его имя. Онъ смутилъ ея сонъ въ прошлую ночь, а теперь, когда ей всего нужнѣе забвеніе прошлаго, онъ былъ косвенною причиною внезапнаго воспоминанія о Франкѣ.

— Пойдемте! съ досадой сказала она своему товарищу.—Какое намъ дѣло до капитана и его корабля? Пойдемте прочь.

— Всенепремѣнно, отвѣчалъ капитанъ Реггъ.—Намъ бы только встрѣтить друзей фамиліи Байгревовъ, а до всѣхъ прочихъ какое намъ дѣло!

Они прошли еще къ югу, минутъ десять, за тѣмъ повернули и направились обратно, чтобы встрѣтить Ноэля Ванстона и мистриссъ Леконтъ.

IV.

Капитанъ Реггъ и Магдалина поднялись, на возвратномъ пути своемъ, почти до высоты Нортъ-Шингелъзъ-Виллы прежде чѣмъ завидѣли мистриссъ Леконтъ и ея хозяина. Наконецъ, показалось вдали лавандовое платье экономки, потомъ зонтикъ и подъ нимъ слабая фигурка въ наиковомъ утреннемъ костюмѣ. Капитанъ немедленно сдержалъ свои шаги и преподавъ нѣсколько наставленій Магдалинѣ о томъ какъ ей вести себя въ наступающемъ свиданіи.

— Не забывайте вашей улыбки, проговорилъ онъ.—Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вамъ нечего опасаться. Прогулка придала свѣжести цвѣту вашего лица, а шапка идетъ вамъ какъ нельзя болѣе. Глядите твердо въ лицо мистриссъ Леконтъ, не путайтесь въ разговорѣ, и если мистеръ Нова Вакстонъ станетъ обращать на васъ особенное вниманіе, не смущкомъ замѣчайте его когда глаза экономки будутъ устремлены на васъ. Помните одно! Я занимался сегодня все утро „Учеными разговорами“ Джойса, и намѣренъ всѣ благіе результаты моихъ изученій посвятить достопочтенной мистриссъ Леконтъ. Если мнѣ не удастся отвлечь ея вниманіе отъ васъ и ея хозяина, я не дамъ и шести пенсовъ за всѣ шансы успѣха, на которые мы можемъ разчитывать. Болтовня не удастся съ этою женщиной, любезности также не удадутся, шутки—также, но моя „свѣжеиспеченная“ наука можетъ напомнить ей покойнаго профессора и сдѣлать дѣло. Мы должны условиться въ сигналахъ. Взгляните на этотъ складной стулъ. Когда я сую его изъ лѣвой руки въ правую, значить я понесъ Джойсомъ. Когда я перекалдываю стулъ изъ правой подъ лѣвую, значить говорить просто Реггъ. Въ первомъ случаѣ, не прерывайте меня, я иду къ цѣли. Во второмъ случаѣ, говорите что угодно: слова мои лишены существеннаго всякаго значенія. Хотите сдѣлать репетицію? Убѣждены ли вы, что поняли? Прекрасно. Возьмите мою руку и глядите счастливою. Мужайтесь! Вотъ они.

Встрѣча произошла почти на полупути между Си-Вью-Коттеджомъ и Нортъ-Шингелъзъ-Виллой. Капитанъ Реггъ

сняла свою высокую бѣлую шляпу, и немедленно открыла свиданіе самымъ дружественнымъ образомъ.

— Добраго утра, мистриссъ Леконтъ, произнесъ онъ съ открытою и веселою вѣжливостію общительнаго, по природѣ, человѣка.—Добраго утра, мистеръ Ванстонъ; мнѣ больно видѣть васъ не совсемъ здоровымъ сегодня. Мистриссъ Леконтъ, позвольте мнѣ представить вамъ мою племянницу,—племянницу мою, миссъ Байгревъ. Милое дитя мое, это мистеръ Новаъ Ванстонъ, нашъ сосѣдъ изъ Сивью-Коттеджа. Мы волею-неволею должны быть общительны въ Альдборо, мистриссъ Леконтъ. Тутъ всего одно гулянье (какъ сейчасъ замѣтила мнѣ моя племянница, мистеръ Ванстонъ): какъ ни выйдемъ изъ дому, а ужь непременно встрѣтимся на этой дорожкѣ. Да отчего же и нѣтъ? Церемонны ли вы или мы? Нисколько,—напротивъ. Вы обладаете континентальною развязностію и общительностію, мистеръ Ванстонъ, я въ свою очередь подъ пару вамъ, съ моимъ старо-англійскимъ простосердечіемъ; дамы смѣшиваются между собою въ гармоническомъ разнообразіи, словно цвѣты на одномъ полѣ; а результатомъ всего этого будетъ взаимное стараніе сдѣлать приятнымъ другъ другу наше пребываніе на морскомъ берегу. Извините за порывъ моей живости, простите чувству столь веселому и столь еще молодому. Присутствіе іода въ морскомъ воздухѣ, мистриссъ Леконтъ, извѣстное послѣдствіе іода, который находится въ морскомъ воздухѣ.

— Вы прибыли вчера, миссъ Байгревъ, не такъ ли? опросила экономка, какъ только кончился разливъ капитанской рѣчи.

Она произнесла слова эти съ вѣжнымъ материнскимъ вниманіемъ къ молодости и красотѣ Магдалины, съ примѣсью нѣкоторой почтительности, соответствовавшей ея положенію въ домѣ мистера Новаъ Ванстона. Ни малѣйшаго признака подозрѣнія или удивленія не замѣчалось ни на ея лицѣ, ни въ ея голосѣ и манерѣ, когда она и Магдалина глядѣли другъ на друга. Ясно было съ перваго взгляда, что натуральныя лице и фигура, бывшія теперь передъ ней, не напоминали ей ничего о фальшивыхъ лицѣхъ и фигурѣхъ видѣнныхъ въ Вокзалл-Вокѣ. Значить замаскировка была такъ удачна, что зоркость самой мистриссъ Леконтъ была совершенно обманута.

— Мы съ тетуской прѣехали сюда вчера вечеромъ, отвѣчала Магдалина.—Вторая половина путешествія показала намъ очень утомительною. Полагаю, что и вы нашли ее такою же?

Она нарочно затаила свой отвѣтъ сверхъ необходимаго, чтобы, при первомъ же случаѣ, посмотрѣть какое впечатлѣніе произведетъ на мистрисъ Леконтъ ея голосъ.

Тонкія губы экономки сохранили свою материнскую улыбку, любезныя манеры ея не утратили ни одной доли своей скромной почтительности; но въ выраженіи ея глазъ, внимательный взглядъ смѣнился пытливымъ. Магдалина спокойно произнесла еще нѣсколько словъ, и потомъ остановилась, ожидая снова послѣдствій. Во всемъ лицѣ мистрисъ Леконтъ оказывалась понемногу перемѣна; исчезла материнская улыбка, въ любезныхъ манерахъ стала замѣтна какая-то сдержанность. Со всѣмъ тѣмъ, никакихъ признаковъ положительнаго признанія не являлось еще; экономка глядѣла, какъ глядѣла она сначала, пыливо, не болѣе.

— Вы жаловались на усталость, сэръ, нѣсколько минутъ тому назадъ, произнесла она, прекращая разговоръ съ Магдалиной и обращаясь къ своему господину.—Не угодно ли вамъ домой отдохнуть?

Владѣлецъ Си-Вью-Коттеджа до сихъ поръ все кланялся, ухмылялся, да восхищался Магдалиной сквозь свои полуприщуренныя вѣки. Нельзя было сомнѣваться насчетъ причины внезапнаго волненія обличавшагося всѣми его приемами и краской на его маленькомъ болѣзненномъ лицѣ. Даже настырная натура мистера Новаля Ванстона согрѣлась подъ вліяніемъ пола; онъ обладалъ безспорно вѣрнымъ газамѣтромъ женской красоты, и грація и красота Магдалины коснулись его не бездѣйственно.

— Не угодно ли вамъ домой отдохнуть? спросила экономка вторично.

— Нѣтъ еще, Леконтъ, отвѣчалъ ей господинъ. — Мнѣ кажется, я чувствую себя крѣпче; мнѣ кажется, что я могу пройтись еще немного.—Ухмыляясь повернулся онъ къ Магдалинѣ и прибавилъ тихо:—Въ прогулкѣ я нашелъ теперь новый интересъ для себя, миссъ Байгревъ. Не оставляйте насъ, а не то весь интересъ уйдетъ съ вами.

Онъ улыбнулся снова, чрезвычайно довольный замысловатостью своего комплимента, отъ котораго капитанъ Реггъ удачно отвлекъ вниманіе экономки, пристроившись къ ней и заговоривъ въ ту же минуту. Всѣ четверо подвигались медленно впередъ. Мистриссъ Леконтъ не сказала болѣе ничего. Она не выпускала руки своего господина и посматривала черезъ него на Магдалину съ опаснымъ выраженіемъ пылливости, которое особенно просвѣчивало въ ея красивыхъ черныхъ глазахъ. Взглядъ этотъ былъ замѣченъ осторожнымъ Реггомъ. Онъ сунулъ свой сигнальный складной стулъ изъ лѣвой руки въ правую, и тотчасъ же открылъ свои научныя батареи.

— Видь дѣятельности и труда, мистриссъ Леконтъ, произнесъ капитанъ, изящно указывая своимъ складнымъ стуломъ на море и проходившія суда.— Величіе Англіи, сударыня, истинное величіе Англіи! Замѣтите, пожалуста, какъ тяжело въкоторыя суда нагружены! Мнѣ часто хочется знать, сознаетъ ли британскій матросъ, по нагрузкѣ корабля, гидростатическую важность совершенной имъ операціи. Еслибъ я былъ внезапно перенесенъ на палубу одного изъ этихъ кораблей (отъ чего избави меня Боже, потому что я подверженъ морской болѣзни) и сказалъ бы кому-нибудь изъ команды: „Джакъ! вы совершили чудеса; вы овладѣли теоріей пловучихъ судовъ,“ какъ бы молодецъ вашъ удивился! А между тѣмъ, отъ этой теоріи зависитъ жизнь Джака. Еслибъ онъ нагрузилъ корабль одною тридцатою сверхъ мѣры, что случилось бы? Мимо Альдборо, онъ прошелъ бы, согласенъ, благополучно. Онъ входитъ въ Темзу, согласенъ также, благополучно. Онъ продолжаетъ идти прѣсною водою, положимъ, до Гринича, — и вдругъ идетъ ко дну. Идетъ, сударыня, къ самому дну рѣки,—это можно утверждать со всею точностію науки!

Тутъ онъ остановился и поставилъ мистриссъ Леконтъ въ необходимость, изъ вѣжливости, потребовать объясненія.

— Съ безконечнымъ удовольствіемъ, сударыня, отвѣчалъ капитанъ, затопля басовыми звуками своего голоса слабый дикшантикъ, которымъ любезничалъ мистеръ Нозль Ванстонъ съ Магдалиной.— Мы начнемъ, если позволите, съ основнаго принципа. Всѣ тѣла, плавающія на поверхности воды, вытѣсняють количество жидкости равное вѣсомъ этихъ тѣлъ. Прекрасно! Мы поставили первый прив-

ципь. Чтò мы выведемъ изъ него? Очевидно вотъ чтò: для удержанія судна на поверхности воды, необходимо позаботиться, чтобъ оно съ своимъ грузомъ въсило менѣе чѣмъ количество воды, — сдѣлайте одолженіе обратите вниманіе на это, — чѣмъ количество воды равное объемомъ погружаемой въ воду части судна. Далѣе, оударыня, соленая вода въ тридцать разъ тяжеле прѣсной или рѣчной, и судно въ Германскомъ Океанѣ не будетъ сидѣть такъ гаубоко, какъ въ Темзѣ. Такимъ образомъ, если мы грузимъ наше судно для лондонскаго рынка, намъ (въ гидростатическомъ отношеніи) представляются три случая. Или мы грузимъ одною тридцатою частью менѣе чѣмъ можемъ имѣть въ морѣ; или мы выгружаемъ одну тридцатую часть при устьѣ рѣки; или мы не дѣлаемъ ни того, ни другаго, и какъ я имѣлъ уже честь замѣтить, — идемъ ко дну! Такова, произнесъ капитанъ, передавая складной стулъ обратно изъ правой руки въ лѣвую, въ знакъ того, что съ Джойсомъ покончено, — вотъ дорогая моя собесѣдница, теорія пловучихъ судовъ. Позвольте мнѣ прибавить, въ заключеніе, что я съ сердечнымъ радушіемъ привѣтствую васъ въ этой научной области.

— Благодарю васъ, сэръ, сказала мистриссъ Леконтъ. — Вы ненамѣренно опечалили меня, но полученныя мною свидѣнія оттого не менѣе драгоценны. Давно, давно уже, мистеръ Байгревъ, никто не обращался ко мнѣ на языкѣ науки. Дорогой мужъ мой видѣлъ во мнѣ своего товарища, дорогой мужъ мой развивалъ мой умъ, какъ пытаетесь вы теперь развить его. Никто не заботился съ тѣхъ поръ объ умѣ моемъ. Отъ всей души благодарна вамъ, сэръ. Снисходительное вниманіе ваше ко мнѣ не брошено даромъ.

Она вздохнула съ жалобнымъ смиреніемъ, и стала украдкой прислушиваться къ разговору шедшему съ другаго бока.

Минутой раньше, она усаышала бы, какъ хозяинъ ея, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, отзывался насчетъ появленія миссъ Байгревъ въ ея приморскомъ нарядѣ. Но Магдалина видѣла сигналъ капитана Регга складнымъ стуломъ, и тотчасъ же навела мистера Нозля Ванстона на разговоръ о его собственной особѣ и его владѣніяхъ удачнымъ вопросомъ объ его альдбороскомъ домѣ.

— Я не желалъ бы встревожить васъ, миссъ Байгревъ, были

первыя слова мистера Нозля Ванстона, застигнутыя вниманіемъ мистриссъ Леконтъ,—но во всемъ Альдборо только и есть одинъ безопасный домъ, и домъ этотъ мой. Море можетъ разрушить всѣ другіе дома, но моего не разрушить. Отецъ мой позаботился объ этомъ; отецъ мой былъ замѣчательный человекъ. Домъ мой построенъ на сваяхъ. Я имѣю основаніе думать, что въ цѣлой Англіи нѣтъ сваявъ прочѣе. Ничто на свѣтѣ не можетъ сбить ихъ, что бы тамъ море ни дѣлало, ничто на свѣтѣ не можетъ сбить ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, если море произведетъ на васъ своей набѣгъ, замѣтила Магдалина,—мы всѣ должны искать убѣжища у васъ.

Мистеръ Нозль Ванстонъ нашелъ здѣсь поводъ къ новому комплименту, а смѣтливый капитанъ, въ ту же минуту, къ новому взрыву науки.

— Я готовъ желать наводненія, бормоталъ одинъ изъ кавалеровъ,—чтобы имѣть счастье предложить убѣжище...

— Я готовъ побойться, что вѣтеръ снова перемѣнился, воскликнулъ другой.—Кого бы спросить? А, да вотъ. Лодочникъ! какой теперь вѣтеръ? Все еще вортъ-вортъ вестъ, а? А вчера вечеромъ былъ зюдъ-зюдъ вестъ, а? Если что замѣчательнѣе, мистриссъ Леконтъ, измѣчивости вѣтра въ этомъ климатѣ? продолжалъ капитанъ, передавая складной стулъ на научную сторону.— Есть ли въ цѣлой природѣ такое явленіе, которое бы болѣе смущало изсѣдователя? Вы окажете мнѣ, что электрическіе токи, изобилующіе въ воздухѣ, составляютъ главную причину этой измѣчивости. Вы припомните мнѣ опытъ того знаменитаго физико-математика, который измѣрялъ силу большаго стоорма полетомъ мелкихъ перьевъ. Сударыня, я допускаю всѣ ваши положенія...

— Извините меня, сэръ, замѣтила мистриссъ Леконтъ,—вы свисходительно приписываете мнѣ знанія, которыхъ я не имѣю.

— Поймите хорошенько меня, сударыня, продолжалъ капитанъ, вѣжливо не замѣчая перерыва.—Замѣчанія мои относятся только къ умѣренному климату. Оставьте меня на берѣгъ между тропиками, поставьте меня туда, гдѣ вѣтеръ дуетъ къ берегу днемъ и къ морю ночью, и тотчасъ же въ головѣ у меня являются убѣдительные опыты. Напримѣръ, я знаю что солнечный жаръ въ продолженіе дня

дѣлаеть прилежачій къ землѣ воздухъ рѣже и такимъ образомъ производитъ вѣтеръ. Вы требуете доказательства тому. Я сопровождаю васъ (съ вашего любезнаго позволенія) внизъ въ кухню, беру у кухарки самый большой противень и наполняю его холодною водою. Прекрасно! этотъ сосудъ холодною водою изображаетъ собою океанъ. Я зажигаю, затѣмъ, одною изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей кухонной посуды, глубокою тарелкою, наполняю ее горячею водою и помѣщаю ее въ середину противня. Прекрасно опять! Глубокая тарелка представляетъ собою землю, которая расширяетъ окружающій воздухъ. Запомните это, и дайте мнѣ зажженную свѣчу. Я держу зажженную свѣчу надъ холодною водою, и задуваю ее. Дымъ тотчасъ же направляется отъ противня къ тарелкѣ. Прежде чѣмъ успѣи вы выразить свое удовольствіе, я снова зажигаю свѣчку и дѣлаю опытъ наоборотъ. Я наполняю противень горячею водою, а тарелку холодною, снова задуваю свѣчку и дымъ направляется, въ этотъ разъ, отъ тарелки къ противню. Запахъ свѣтальни непріятель, зато опытъ убѣдитель.

Она снова сунула назадъ складной стулъ и посмотрѣла на мистриссъ Леконтъ съ убажжающею улыбкой. — Вы не находите меня скучнымъ, сударыня, — не такъ ли? произнесъ онъ развязно и весело, въ то время, какъ экономка изподтишка принималась вторично прислушиваться къ разговору съ другой стороны.

— Я поражена, сэръ, массой вашихъ свѣдѣній, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, смотря на капитана съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но до сихъ поръ все еще безъ недоумѣнія. Она сочла его эксцентричнымъ, даже для Англичанина, и быть-можетъ нѣсколько тщеславнымъ своими свѣдѣніями. Но онъ оказалъ ей любезность обратившись именно къ ней съ этими свѣдѣніями, и она была тѣмъ чувствительнѣе къ этому, что до сихъ поръ ея научныя симпатіи къ покойному мужу не много уважались людьми, съ которыми она приходила въ соприкосновеніе. — Простираются ли ваши изслѣдованія, сэръ, продолжала она послѣ минутной нерѣшимости, также и на спеціальность моего покойнаго мужа? Я спрашиваю объ этомъ, мистеръ Байгревъ, потому что я думаю (хотя я и женщина). что я въ состояніи обмѣняться съ вами нѣсколькими мыслями по предмету міра пресмыкающихся.

Капитанъ Реггъ былъ слишкомъ смѣтливъ, чтобы пускаться съ своею „свѣжеиспеченою“ наукой на неприятельскую почву. Старый милиционеръ отрицательно покачалъ своею многохитрою головою.

— Слишкомъ обширный предметъ для недоучки въ родѣ меня, сударыня. Жизнь и труды такого естествоиспытателя, какъ мужъ вашъ, мистриссъ Леконтъ, предостерегаютъ людей моего умственного десятка тягаться съ гигантами. Позвольте мнѣ спросить, продолжалъ капитанъ, мягко утилая путь для будущихъ сношеній съ Си-Вью Коттеджемъ,—сохранился ли у васъ послѣ покойнаго профессора какой-нибудь памятникъ его ученыхъ трудовъ?

— У меня есть его акварій съ гадами, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, скромно опуская внизъ глаза свои,— и одинъ изъ его субъектовъ—маленькая чужеземная жаба.

— Его акварій! воскликнулъ капитанъ тономъ глубокаго интереса.—И его жаба! Извините за грубую привычку мою высказывать все что на душѣ, сударыня. Вы владѣете предметомъ общественнаго интереса, и я, въ качествѣ члена общества, заявляю свое любопытство видѣть его.

Гладенькія щеки мистриссъ Леконтъ зарумянились отъ удовольствія. Единственное доступное нападенію мѣсто въ этой холодной и скрытной натурѣ было мѣсто занятое воспоминаніемъ о профессорѣ. Ея гордость его учеными заслугами и досада при видѣ малаго знакомства съ ними на чужбинѣ, были въ ней истинными чувствами. Никогда еще капитанъ Реггъ не воскуралъ съ бѣльшимъ чѣмъ теперь успѣхомъ фальшивыя фиміамъ на жалкомъ алтарѣ человѣческаго тщеславія.

— Вы очень добры, сэръ, произнесла мистриссъ Леконтъ. —Отдавая честь памяти моего мужа, вы дѣлаете честь мнѣ. Но хотя вы обратитесь со мной, какъ съ равною, я не должна забывать, что занимаю служебное мѣсто въ домѣ. Я сочту за лестную для меня привилегію возможность показать вамъ мои сокровища, если вы разрѣшите мнѣ сначала спросить позволеніе моего господина.

Она обернулась къ мистеру Нозю Ванстону съ совершенно-искреннимъ намѣреніемъ спросить предполагаемаго позволенія, смѣшаннымъ, при той сложности поводовъ, которая случается гораздо чаще въ женскомъ чѣмъ въ муж-

скомъ умѣ, — съ завистливою подозрительностью относительно впечатлѣннй произведеннаго Магдалиной на ея господина.

— Можно мнѣ попросить васъ объ одномъ, сэръ? спросила мистриссъ Леконтъ, пождавши минуту, чтобъ уловить какой-нибудь отрывокъ нѣжно-интимнаго разговора, и снова обманутая Магдалиной, благодаря складному стулу. — Мистеръ Байгревъ — одинъ изъ немногихъ Англичанъ, цѣнящихъ ученые труды моего мужа. Онъ дѣлаетъ мнѣ честь изъявленіемъ своего желанія видѣть мой маленькій міръ пресмыкающихся. Могу я показать его ему?

— Непремѣнно, Леконтъ, съ любезностію произнесъ мистеръ Новль Ванстонъ. — Вы превосходное созданіе, и я съ удовольствіемъ дѣлаю все вамъ пріятное. Акварій у Леконтъ, мистеръ Байгревъ, единственный въ Англіи; жаба у ней самая древняя жаба въ свѣтѣ. Согласны вы пожаловать къ намъ кушать чай въ семь часовъ сегодня? Да не упрсите ли вы и миссъ Байгревъ пожаловать вмѣстѣ съ вами? Я желаю, чтобъ она видѣла мой домъ и убѣдилась въ его прочности. Приходите и посмотрите мой домъ, миссъ Байгревъ. Вы вооружитесь палкою для постукиванія по стѣнамъ; на верху, вы можете потопать ножками чтобы испытать полы; а потомъ, вы услышите, чего все это стоитъ.

Глаза его лукаво сморщились у уголъ, и онъ снова шепнулъ что-то нѣжное на ухо Магдалинѣ, подъ покровомъ всезаглушающаго голоса, которымъ капитанъ Реггъ благодарилъ его за приглашеніе.

— Приходите ровно въ семь, шепталъ онъ, — и пожалуйста будьте въ этой восхитительной шляпкѣ!

Губы мистриссъ Леконтъ сложились злобщимъ образомъ. Она усмотрѣла въ племянницѣ капитана очень важный учетъ изъ суммы умственныхъ наслажденій капитанской бесѣды.

— Вы утомляете себя, сэръ, замѣтила она своему хозяину. — Нынче одинъ изъ вашихъ дурныхъ дней. Позвольте мнѣ посоветовать вамъ быть поосторожнѣе; позвольте мнѣ попросить васъ домой.

Достигнувъ своего желанія приглашеніемъ новыхъ знакомыхъ къ чаю, мистеръ Новль Ванстонъ сдѣлался невозобразимо-покоренъ. Онъ согласился, что нѣсколько усталъ,

и тотчасъ же повернулъ назадъ, повинуюсь совету экономки.

— Обопритесь на мою руку, сэръ, обопритесь на нее съ другой стороны, проговорилъ капитанъ Реггъ, въ то время какъ они поворачивали назадъ. Говоря это, онъ выразительно глядѣлъ на Магдалину, предостерегая ее отъ злоупотребленія, на первыхъ порахъ, терпимостію мистриссъ Леконтъ. Она мигомъ поняла его, и несмотря на неоднократно увѣренія мистера Новаля Ванстона, что онъ насколько не нуждается въ рукѣ капитана, пристроилась съ боку экономки. Доброе расположеніе духа возвратилось къ мистриссъ Леконтъ, и она снова заговорила съ Магдалиной, начавъ между прочимъ вопросомъ, на который, въ настоящихъ обстоятельствахъ, было всего труднѣе отвѣчать.

— Вѣроятно мистриссъ Байгревъ слѣшкомъ устала послѣ поѣздки, и сегодня не выйдетъ? произнесла мистриссъ Леконтъ. — Будемъ ли мы имѣть удовольствіе видѣть ее завтра?

— Едва ли, отвѣчала Магдалина. — Тетушка моя несомнѣнно здорова.

— Замѣчательно странный случай, сударыня, прибавилъ капитанъ, понимая, что наружность мистриссъ Реггъ (если увидать ее случайно) будетъ самымъ поразительнымъ противорѣчіемъ только что сказанному Магдалиной. — У нея какая-то затаенная нервная болѣзнь, не выражающаяся наружно. Вы сочтете жену мою за образецъ здоровья, если увидите, а между тѣмъ наружность такъ обманчива! Я принужденъ запрещать ей всякія волненія. Она не видитъ никого; нашъ докторъ, къ моему огорченію, безусловно запрещаетъ ей показываться въ обществѣ.

— Очень грустно, замѣтила мистриссъ Леконтъ. — Бѣдная, она должна часто скучать, сэръ, когда вѣтъ при ней ни васъ, ни племянницы?

— О, вѣтъ! возразилъ капитанъ. — Мистриссъ Байгревъ по природѣ домохозяйка. Когда она бываетъ способна замяться, то находитъ неограниченныя къ тому средства въ своей иглѣ и ниткѣ.

Доведа объясненіе до этой точки и нарочно подойдя довольно близко къ истинѣ, на случай, если любопытство экономки заставитъ ее наводить справки насчетъ мистриссъ Реггъ, ка-

питанъ благоразумно воздержалъ свой многословный языкъ отъ дальнѣйшихъ подробностей. — Я много надѣюсь на здѣшній воздухъ, замѣтилъ онъ въ заключеніе. — Иодъ, какъ я уже замѣтилъ, производитъ чудеса.

Мистриссъ Леконтъ подтвердила качества іода въ возможно-краткихъ словахъ, и погрузилась затѣмъ въ сокровеннѣйшее святилище своихъ мыслей. „Здѣсь есть что-нибудь таинственное, говорила про себя эконожка. Дама глядящая образцомъ здоровья, дама страдающая отъ сложной нервной болѣзни, и дама, рука которой довольно тверда, чтобы работать иглою и иголкой,—явный обродъ необъяснимыхъ противорѣчій.“ — Долго намѣрены вы остаться въ Альдборо, сэръ? спросила она громко, вперивъ съ минуту пытливыиъ взоръ въ лицо капитана.

— Все зависитъ, сударыня, отъ мистриссъ Байгревъ. Полагаю, что мы останемся всю осень. Вы останетесь на сезонъ въ Си-Вью-Коттеджъ, вѣроятно?

— Обратитесь къ моему господину, сэръ. Ему рѣшать, не мнѣ.

Отвѣтъ былъ неудаченъ. Мистеръ Нозль Ванстонъ былъ въ душѣ раздосадованъ на перемѣну въ размѣщеніи, отдѣлившую его отъ Магдалины. Онъ приписывалъ эту перемѣну невнимательству мистриссъ Леконтъ, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для отмщенія.

— Отъ меня ни мало не зависитъ пребываніе въ Альдборо, брюзгливо произнесъ онъ. — Вы знаете, такъ же хорошо, какъ и я, Леконтъ, что все это зависитъ отъ васъ. У мистриссъ Леконтъ есть братъ въ Швейцаріи, продолжалъ онъ, обращаясь къ капитану, — братъ, который серьезно боленъ. Если ему сдѣлается хуже, ей придется оставить меня, чтобы видѣть его. Я не могу ѣхать съ ней, и не могу остаться одинъ въ домѣ. Я принужденъ буду оставить Альдборо и поселиться у кого-нибудь изъ моихъ друзей. Все это зависитъ отъ васъ, Леконтъ, или отъ брата вашего, что выходитъ на одно. Есаибъ это зависѣло отъ меня, продолжалъ мистеръ Нозль Ванстонъ, взглядывая на Магдалину изъ-за эконожки, — я съ величайшимъ удовольствіемъ остался бы въ Альдборо на всю осень. Съ величайшимъ удовольствіемъ, подтвердилъ онъ, сопровождая послѣднія слова нѣжнымъ взглядомъ для Магдалины и заобвнымъ удареніемъ для мистриссъ Леконтъ.

До сихъ поръ капитанъ Реггъ молчалъ, прислушиваясь и принимая къ свѣдѣнiю многообѣщающую возможность развѣзда между мистриссъ Леконтъ и ея хозяиномъ, открывшуюся изъ мелкой брюзгливой вспышки мистера Нозля Ванстона. Зловѣщая дрожь тонкихъ губъ экономки, при открытiи постороннимъ лицамъ ея семейныхъ обстоятельствъ и при такомъ уколѣ ея самолюбія, показала ему необходимость вмѣшательства. Еслибы позволить недоразумѣнiю дойти до крайности, то можно было бы опасаться, что приглашеніе на вѣнчанный вечеръ въ Си-Вью-Коттедж не состоится. Тутъ, какъ и всегда, примѣняясь къ обстоятельствамъ, капитанъ обратился снова къ помощи своихъ полезныхъ свѣдѣнiй. Подъ ученымъ покровомъ Джойса, вырнулъ онъ, въ третій разъ, въ океанъ науки и вытащилъ изъ него новый перлъ. Онъ все продолжалъ витійствовать (теперь о пневматикѣ); все продолжалъ развивать умъ мистриссъ Леконтъ съ своею вѣжливой назойливостью и пріятнѣйшимъ красноречіемъ, когда они остановились у дверей дома мистера Нозля Ванстона.

— Господи помилуй, да мы у вашего дома, сэръ! воскликнулъ капитанъ, прерывая себя въ срединѣ одной изъ своихъ графическихъ сентенцій. — Я не желаю задерживать васъ ни на минуту. Ни слова извиненія, мистриссъ Леконтъ, — прошу и умоляю! — Я объясню вамъ яснѣе этотъ пневматическій вопросъ при другомъ случаѣ. А пока я могу только повторить, что вы можете исполнить указанный мною опытъ, къ совершенному вашему удовольствію, съ пузырьремъ, съ колпакомъ и квадратнымъ ящичкомъ. До семи часовъ вечера, сэръ, — до семи часовъ, мистриссъ Леконтъ. Мы совершили препрiятную прогулку, и обмѣнялись идеями самымъ поучительнымъ образомъ. Ну, моя дорогая дѣвица, пойдемте! Тетушка ваша заждалась васъ.

Въ то время какъ мистриссъ Леконтъ отошла въ сторону, чтобъ отворить калитку, мистеръ Нозль Ванстонъ воспользовался случаемъ, чтобы подъ покровомъ зонтика, нарочито для этого взятаго имъ въ собственныя руки, бросить послѣдній нѣжный взглядъ на Магдалину. — Не забывайте произнесъ онъ съ пріятнѣйшею улыбкой: — не забывайте быть сегодня вечеромъ въ этой восхитительной шляпкѣ! Прежде чѣмъ успѣлъ онъ прибавить еще что-нибудь,

мистриссъ Леконтъ заняла свое прежнее мѣсто и покровительствующій зонтикъ тотчасъ же перешелъ въ ея руки.

— Отлично поработали сегодня утромъ! замѣтилъ капитанъ, направляясь съ Магдалиною къ Портъ Шингелъзъ-Виллѣ. Вы, я и Джойсъ, всѣ мы трое совершили чудеса. Мы добились дружескаго приглашенія въ первый же день знакомства.

Онъ ждалъ отвѣта, и не получая его, посмотрѣлъ на Магдалину съ большимъ вниманіемъ. Лицо ея покраснѣло снова смертельною блѣдностію, а глаза были безоознательно устремлены впередъ, въ какомъ-то бессознательномъ отчаяніи.

— Что съ вами? спросилъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.— Больны вы?

Она ничего не отвѣчала; она, казалось, едва слышала его.

— Или мистриссъ Леконтъ тревожитъ васъ? спросилъ онъ потомъ.— Нѣтъ ли малѣйшаго основанія тревожиться. Можетъ-быть ей чудится, что голосъ вашъ она какъ будто слышала прежде; но лицо ваше очевидно обиваетъ ее съ толку. Сдерживайте себя и вы оставите ее во мракѣ. Держите ее во мракѣ, и двѣсти фунтовъ перейдутъ изъ вашихъ рукъ въ мои до истеченія осени.

Онъ снова ждалъ отвѣта, и слова не отвѣчала она. Капитанъ сдѣлалъ третій, иной силы, опытъ.

— Не получали ли вы писемъ сегодня утромъ? спросилъ онъ.— Опять дурныя вѣсти изъ дому? Новыя затрудненія съ сестрой?

— Не смѣйте говорить о моей сестрѣ! разразилась она страстно. — Ни вы, ни я, оба мы не достойны говорить о ней.

Слова эти она произнесла у садовой калитки, и поспѣшно вбѣжала въ комнату. Онъ послѣдовалъ за ней и слышалъ какъ сильно хлопнула дверь ея комнаты и какъ сильно щелкнулъ замокъ, сначала разъ, потомъ другой. Отведя сердце крупную божбою, капитанъ Реггъ угрюмо вошелъ въ одну изъ приемныхъ комнатъ нижняго этажа, чтобы посмотреть что дѣлаетъ его жена. Это комната сообщалась съ меньшею и болѣе темною, заднею комнатою, посредствомъ небольшой красивой стеклянной двери. Тихо подойдя къ двери, капитанъ приподнял бѣлую кисейную занавѣсъ, закрывавшую стекло, и заглянулъ въ комнату.

Тутъ стояла мистриссъ Реггъ, съ чепцомъ на одной сторонѣ, съ свалившимися на пяткахъ башмаками, съ рядомъ булавокъ въ зубахъ, съ кашемировымъ платьемъ, которое медленно скатывалось со стола, съ кожанцами безъ дѣла въ одной рукѣ и съ письменными наставленіями держимыми въ нервѣнительности другою рукою, — до того поглощенная непреодолимыми затрудненіями своего занятія, что и возможности не имѣла подозрѣвать наблюденій своего мужа. Въ другихъ обстоятельствахъ, она скоро опомнилась бы при звукѣ его голоса. Но капитанъ Реггъ былъ слишкомъ занятъ Магдалиной, чтобы терять время съ женой, убѣдившись что она находится бережно въ своемъ заключеніи.

Онъ вышелъ изъ приемной, и, послѣ вѣкоторой нервѣнительности въ корридорѣ, пробрался наверхъ и сталъ прислушиваться у двери Магдалины. Лишь слабый звукъ рыданій, — звукъ заглушенный въ платкѣ или въ подушкѣ, — достигъ его слуха. Онъ сошелъ внизъ, догадываясь немного въ чемъ дѣло.

„Чортъ бы побралъ этого милаго сердцу!“ подумалъ капитанъ. „Мистеръ Нозль Ванстонъ съ самаго начала воскресилъ его призракъ.“

V.

Когда Магдалина вошла еколо семи часовъ въ приемную, никакого признака разстройства не было замѣтно въ ея наружности. Она смотрѣла и говорила, какъ всегда, спокойно и беззаботно.

При видѣ ея, угрюмая недовѣрчивость исчезла съ лица капитана Регга. Передъ тѣмъ находили на него минуты, въ которыя онъ серьезно спрашивалъ себя, не слишкомъ ли дорого покупаетъ онъ удовольствіе выместить свою злобу на Нозлѣ Ванстонѣ и возможность добыть сумму въ двѣсти фунтовъ, при рискѣ открытія истины, которому ежечасно подвергалъ его неровный характеръ Магдалины. Бывшее теперь передъ нимъ ясное доказательство силы ея самоуправленія избавило его отъ серьезнаго безпокойства. Капитану было мало дѣла до того, какъ страдала она въ уединеніи своей комнаты, если только за дверями лицо ея

могло выдержать всякій испытующій взглядъ, и голосъ не измѣнялъ себя.

На пути въ Си-Вью-Коттеджъ, капитанъ Реггъ выразилъ свое намѣреніе сдѣлать экономкѣ нѣсколько участивыхъ вопросовъ о больномъ братѣ ея въ Швейцаріи. Онъ былъ того мѣнѣя, что критическое состояніе здровья этого господина можетъ имѣть важное вліяніе на будущій ходъ заговора. Возможность разлуки, замѣчалъ онъ, между экономкой и ея господиномъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ тщательнѣйшаго изслѣдованія.

— Если намъ удастся устранить мистриссъ Леконтъ вовремя, прошепталъ капитанъ, отворяя садовую калитку, — баринъ этотъ нашъ!

И вотъ Магдалина снова очутилась въ домѣ Новаго Ванстона, но въ этотъ разъ въ качествѣ имъ самимъ приглашенной гостьи.

Разговоръ вечеромъ былъ по большей части повтореніемъ прежняго. Мистеръ Новаго Ванстонъ вибрировалъ между восхищеніемъ красотой Магдалины и восхваленіемъ своихъ имуществъ. Неистощимый потокъ свѣдѣній капитана Регга, при помощи деликатныхъ косвенныхъ разспросовъ о братѣ мистриссъ Леконтъ, постоянно отвлекалъ ревностную бдительность экономки отъ наблюденія за взглядами и рѣчью своего господина. Такъ прошло время до десяти часовъ. Тутъ изсякая „свѣжеиспеченная“ наука капитана, и неудовольствіе экономки стало прокладывать себѣ путь наружу. Снова капитанъ Реггъ предостерегъ Магдалину взглядомъ, и, несмотря на гостеприимный протестъ мистера Новаго Ванстона, благо-разумно поднялся проститься.

— Я собралъ нужныя свѣдѣнія, замѣтилъ капитанъ на возвратномъ пути.—Братъ мистриссъ Леконтъ живетъ въ Цюрихѣ. Онъ холостъ, имѣетъ денежки, и сестра его—блжайшая наслѣдница. Если онъ будетъ такъ обязателенъ, что покончить разомъ, то избавитъ насъ отъ цѣлаго міра хлопотъ съ мистриссъ Леконтъ.

Стояла прекрасная лунная ночь. Онъ повернувся къ Магдалинѣ, чтобы посмотрѣть, не овладѣло ли ею опять ея уныніе.

Нѣтъ, съ нею произошла новая переменна. Съ заносчивою лихорадочною веселостью глядѣла она кругомъ; ей

казалась смѣшна самая мысль о какихъ-нибудь важныхъ затрудненіяхъ съ мистриссъ Леконтъ; она передразнивала дикшантакъ Нозя Вавстона и повторала его высокопарныя любезности, находя какую-то горькую отраду въ осмѣяніи его. Въмѣсто того чтобы какъ прежде кинуться поспѣшно дѣмой, она беззаботно подпрыгивала съ боку своего спутника, напѣвая отрывки пѣсень и разбрасывая мелкій будыжникъ по сторонамъ садовой дорожки. Капитанъ Реггъ привѣтствовалъ въ ней эту перемѣну какъ самое лучшее изъ всевозможныхъ добрыхъ знаменій. Онъ думалъ, что видитъ ясные признаки возвращенія къ ней „фамильнаго“ расположенія духа.

— Такъ, замѣтилъ онъ, зажигаая для нея свѣчу.—завтра, при общей встрѣчѣ на прогулкѣ, мы увидимъ, по выраженію нашихъ морскихъ пріятелей, „какъ земля лежитъ“. Одно, моя дорогая дѣвица, могу я сказать вамъ: или я напрасно высмотрѣлъ мои глаза, или въ домашней атмосферѣ мистера Нозя Вавстона скопается сегодня гроза.

Обычная проицательность капитана не обманула его. Какъ только дверь за уходившими гостями затворилась въ Си-Вью-Коттеджѣ, мистриссъ Леконтъ сдѣлала усиліе къ заявленію своей власти, которой начинало грозить уже вліяніе Магдалины.

Всѣ приемы, на которые была она искусна, были употреблены ею для узнавія того мѣста, какое Магдалина занимала въ мысляхъ Нозя Вавстона. Неоднократно пыталась она привести его къ безсознательной исповѣди удовольствія, которое чувствовалось имъ въ обществѣ красавицы миссъ Байгревъ; она вертѣлась у каждой слабости его характера, какъ вертѣлись лягушки и саламандры у грота ея аквариума. Но она сдѣлала одну серіозную ошибку, въ которую легко впадаютъ очень умные люди въ сношеніяхъ съ менѣе умными: она слишкомъ понадѣялась на глупость дурака. Она забыла, что одно изъ низшихъ человѣческихъ качествъ, лукавство, принадлежитъ именно къ числу свойствъ особенно развитыхъ въ людяхъ низшаго ума. Еслибъ она откровенно разсердилась на своего господина, то вѣроятно испугала бы его. Еслибъ она прямо открыла ему свои мысли, то изумила бы его представивъ его ограниченному соображенію цѣль понятій, которую не могло бы оно схватить любопытство заставило бы его тогда потребовать объясненія,

и путемъ этого любопытства, она могла бы овладѣть имъ. Теперь же своимъ лукавствомъ она захотѣла побѣдить его лукавство, и дуракъ сталъ ей ровней. Мистеръ Нозль Ванстонъ, для котораго всѣ великодушныя побужденія были неисповѣдимыми тайнами, подмѣтилъ мелкій мотивъ во глубинѣ поведенія экономки, съ быстротой соображенія свойственною человѣку вышей проницательности. Мистриссъ Леконтъ разсталась съ нимъ на ночь пораженная и съ сознаниемъ своего пораженія, — разсталась какъ тигрица съ сильнымъ зудомъ въ своихъ изящныхъ ноготкахъ вѣдаться въ лицо своему господину.

Она была не изъ тѣхъ женщинъ, которые спускаютъ флагъ послѣ перваго пораженія; она не сдалась бы и послѣ сотаго. Она рѣшилась искать и искать, пока не найдетъ средства прервать разомъ и навсегда это сближеніе съ Байгревами. Въ уединеніи своей комнаты она успокоилась, и принялась перебирать выведенныя ею изъ сегодняшнихъ происшествій заключенія.

Было что-то смутно-знакомое ей въ голосѣ этой миссъ Байгревъ, но, по безотчетному противорѣчію, было также что-то совершенно ей незнакомое. Лицо и наружность молодой дѣвушки были рѣшительно незнакомы ей. Очень замѣчательно лицо у ней, очень замѣчательна и фигура ея; еслибъ она видѣла ихъ когда-нибудь, то вѣрно не забыла бы. Безспорно, миссъ Байгревъ была не знакома ей, а между тѣмъ....

На этотъ разъ она дошла лишь до этого; далѣе пока идти она не могла; цѣпь ея соображеній обрывалась. Она подобрала обрывки этой цѣпи и составила другую, которая привязалась къ странной госпожѣ сидящей въ заключеніи, къ этой теткѣ имѣющей здоровый видъ, а между тѣмъ страдающей нервами, и, при этомъ, способной владѣть иглой и ниткой. Необъяснимое сходство съ какимъ-то запомнанымъ голосомъ въ племянницѣ, неповытая болѣзнь держащая въ заперти тетку; обиліе научныхъ познаній въ дядѣ вмѣстѣ съ какимъ-то неблагогородствомъ и дерзостью обращенія, ни сколько не соответствующими человѣку занимающемуся науками, — неужели, думала она, при всемъ этомъ, члены этого маленькаго семейства состоящаго изъ трехъ членовъ — дѣйствительно то чѣмъ кажутся по наружности?

Съ этимъ вопросомъ легла она спать.

Какъ только погасла свѣча, мракъ какъ-то непонятно перевернулъ ея мысли. Отъ настоящаго, противъ ея желанія, перешли онѣ къ прошедшему. Онѣ воскресили ея стараго хозяина, онѣ обновили въ памяти забытыя дѣла и толки англійскаго кружка въ Цюрихѣ, онѣ вернулись къ одру старика въ Брайтонѣ, перешли изъ Брайтона въ Лондонъ, вошли въ запущенную комнату Вокзалъ-Вока, перенесли туда на кухонный столъ акваріумъ и усадили фальшивую миссъ Гартъ на стулъ подлѣ, защищая ея воспаленные глаза отъ свѣту; онѣ снова вложили въ ея руки безымянное письмо, намекавшее на какой-то заговоръ, и поставили ее передъ лицомъ ея хозяина; онѣ припомнили споръ о наполненіи пробѣла въ объявленіи, и ссору происшедшую послѣ ея замѣчанія мистеру Новелю Ванстону, что предлагаемая имъ сумма слишкомъ ничтожна; онѣ возобновили старый, не беспокоившій ее уже нѣсколько недѣль, вопросъ, — улетучился ли грозившій заговоръ въ однихъ словахъ, и не заявить ли онѣ себя вкорѣ ей и ея хозяину. Тутъ мысли ея прервались снова, и наступилъ минутный покой. Но черезъ мгновеніе, она вдругъ поднялась на постели, при страшномъ біеніи сердца, при страшномъ головокруженіи. Съ электрическою быстротою умъ ея сплотилъ разрозненную массу мыслей, и представилъ ихъ ей въ одной ясной формѣ. Во всезаглушающемъ волненіи минуты, она всплеснула руками и вскрикнула внезапно въ ночномъ мракѣ:

— Миссъ Ванстонъ опять!!!

Она встала съ постели и зажгла свѣчу. Какъ ни тверды были ея нервы, но ударъ этого подозрѣнія поразилъ ихъ. Рука ея дрожала, когда она открывала свой несессеръ и вынимала изъ него флаконъ летучей соли. Несмотря на свои гладкія щеки и хорошо-сохранившіеся волосы, она глядѣла не моложе своихъ лѣтъ въ то время какъ, разбавивъ спиртъ водой, она жадно глотала его, и завернувшись потомъ въ свой пемюаръ, усаживалась у кровати, чтобы успокоиться.

Она не могла прослѣдить умственный процессъ, приведшій ее къ этому открытію. Она не могла достаточно отрѣшиться отъ себя, чтобы видѣть, что ея полу-выводы

о Байгревахъ возбужденъ въ ней, наконецъ, подозрѣннѣ на счетъ этого семейства, что связь понятій привела ея мысль къ другому предмету опасенія, къ заговору противъ ея хозяина, и что понятія объ этихъ двухъ различныхъ предметахъ подозрѣннѣ, придя внезапно въ соприкосновеннѣ, бросили свѣтъ на дѣло. Она была не въ состояннѣ прослѣдить дѣло обратно отъ слѣдствнѣ къ причинамъ. Она чувствовала только, что подозрѣннѣ стало въ ней болѣе чѣмъ подозрѣннѣемъ; самое убѣжденнѣ не могло бы сильнѣе зарубиться въ ея умѣ.

Смотря на Магдалину съ новой точкн зрѣннѣ, мистриссъ Леконтъ желала бы увѣрить себя, что она узнаетъ нѣкоторыя черты миссъ Гартъ въ граціозной и прекрасной дѣвушкѣ, сидѣвшей междѣ часа тому назадъ за столомъ ея господина, что она припоминаетъ теперь, не приходившее ей прежде въ голову сходство между рѣзкимъ голосомъ слышаннымъ ею въ Вокзалѣ-Вокѣ и мягкимъ благовоспитаннымъ голосомъ, еще раздававшимся въ ея ушахъ послѣ вечерняго разговора. Она старалась увѣрить себя, что она достигла этихъ результатовъ безъ всякихъ натяжекъ; но стараннѣ эти были напрасны.

Мистриссъ Леконтъ была не изъ числа женщннъ тратящихъ время и мысль на самообольщеннѣ. Она согласилась съ неизбѣжнымъ доводомъ, что минутная догадка привела ее къ открытнѣ истиннѣ. И даже болѣе, — она созналась, хотя это сознаниѣ вовсе не было ей прнѣтно, — что утвердившееся въ ней убѣжденнѣ не могло быть подкрѣплено, въ глазахъ другихъ, ни малѣйшимъ доказательствомъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, какъ было благоразумнѣе поступить ей съ своимъ хозяномъ?

Если она откровенно разкажетъ ему утромъ что пришло ей въ голову, то, зная характеръ Новаго Вамстона, она могла изъ этого предвидеть два послѣдствнѣ. Онъ или разсердится и заспоритъ, потребуетъ доказательствъ, и не получивъ ихъ, обвинитъ ее въ желанинѣ беспокоить его по пустому изъ завистливаго побужденнѣ удалить Магдалину, или же онъ сернѣзно испугается, прибѣгнетъ къ покровительству закона и съ самаго начала дастъ Байгревамъ почувствовать необходимость быть восторожнѣ. Еслибъ одна Магдалина вела заговоръ, то это

последнее обстоятельство не имѣло бы особеннаго значенія въ глазахъ экономки. Но зная теперь дѣло въ его настоящемъ видѣ, она была на столько умна, что могла по достоинству оцѣнить неистощимую находчивость капитана. „Если у меня не будетъ полныхъ удилъ противъ этого наглаго негодая, думала мистриссъ Леконтъ, то раскрой я глаза моему господину завтра утромъ, мистеръ Байгревъ закроетъ ихъ ему опять до наступленія вечера. Плутъ передергиваетъ подъ столомъ, и игра останется за нимъ, если онъ замѣтитъ мою руку съ самаго начала.“

Выжидательная политика, очевидно, была въ настоящемъ случаѣ самою лучшею политикою, тѣмъ болѣе что прохода Байгревъ навѣрное запасся всѣми нужными доказательствами для удостовѣренія въ тождественности его и его племянницы съ принятыми ими именами, и мистриссъ Леконтъ рѣшилась не высказываться въ это утро и помедлить атакой пока не будетъ имѣть неоспоримыхъ фактовъ въ своихъ рукахъ. Знакомство ея хозяина съ Байгревами было еще только одводневымъ знакомствомъ. Можно было безъ особенныхъ опасеній дозволить ему продлиться еще на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобы черезъ недѣлю оборвать его совѣтъ.

Въ этотъ промежутокъ времени, какія мѣры могла бы она принять для устраненія стоящихъ на пути ея затрудненій и для добытія недостающихъ ей теперь орудій?

Размышленія указали ей три благопріятныя ей шанса, три различные пути для достиженія необходимаго открытія.

Первое средство—поддерживать дружественныя отношенія къ Магдалинѣ, чтобы потомъ врасплохъ вынудить ее обмолвиться въ присутствіи Нозля Ванстона. Второе средство—обратиться къ миссъ Ванстонъ старшей съ вопросомъ (сославшись на какой-нибудь особенный поводъ къ тому) о мѣстѣ жительства и положеніи ея младшей сестры и о нѣкоторыхъ особенностяхъ ея наружности, которыя могли бы пособить незнакому человѣку узнать ее. Третье средство открыть тайну заключенія мистриссъ Байгревъ и удостовѣриться, при личномъ свиданіи, не состоитъ ли истинная слабость больной дамы въ неспособности хранить секреты мужа. Рѣшившись перепробовать

воѣ эти три средства въ томъ порядкѣ какъ они здѣсь перечислены, и разставить съѣти Магдалинѣ въ нынѣшній начинавшійся уже день, мистриссъ Деконтъ сняла, наконецъ, свой пемюаръ и дала себѣ заснуть немного.

Разсвѣтъ уже брезжилъ надъ холоднымъ сѣрымъ моремъ, когда она легла въ постель. Послѣдняя мысль ея предъ сномъ характеризовала эту женщину: то была угроза капитану. „Онъ изволилъ подшучивать надъ священною памятью моего мужа“, думала вдова профессора. „Клянусь же жизнью и честію, я заставаю его поплатиться за это!“

Рано утромъ, Магдалина, согласно уговору своему съ капитаномъ, взяла съ собою пройтись мистриссъ Реггъ. Эта послѣдняя убѣдительно просилась остаться дома, одержимая мыслию о своемъ кашемировомъ платьи и чувствуя необходимость перечестъ, по крайней мѣрѣ въ сотый разъ, свои швейцарскія наставленія, прежде чѣмъ она могла собраться съ духомъ чтобы завести свои ножницы на матерію. Но спутница ея не принимала никакихъ отговорокъ, и ей пришлось идти гулять. Единственно чистымъ интересомъ въ настоящей жизни Магдалины было рѣшеніе не допускать, чтобы бѣдная мистриссъ Реггъ оставалась по ея милости въ заключеніи, и за это рѣшеніе схватилась она машинально какъ за послѣдній оставшійся признакъ своего лучшаго я.

Позже обыкновеннаго возвратилась они къ завтраку. Въ то время, какъ мистриссъ Реггъ ушла наверхъ заняться оправавленіемъ себя съ головы до ногъ, для того чтобы явиться на утренній смотръ передъ благочинное око своего мужа, а Магдалина и капитанъ сидѣли въ ожиданіи ея въ приемной,—въ комнату вошла служанка съ запиской изъ Си-Вью-Коттеджа. Посланный ждалъ отвѣта; записка была адресована на имя капитана Регга.

Распечатавъ ее, капитанъ прочелъ слѣдующія строки:

„Дорогой сэръ! Мистеръ Нозль Ванстонъ желалъ чтобы я написала и передала вамъ, что онъ предполагаетъ воспользоваться нынѣшнимъ прекраснымъ днемъ и предпринять поѣздку въ одно изъ здѣшнихъ приморскихъ мѣстъ, Дюничъ. Онъ очень желалъ бы знать, согласны ли вы принять на себя половину издержекъ на экипажъ и доставить

ему удовольствіе вашимъ участіемъ и участіемъ миссъ Байгревъ въ этой прогулкѣ. Мнѣ также дозволено принимать въ ней участіе, и я осмѣлюсь присовокупить,—если это не будетъ нескромно съ моей стороны,—что согласіе ваше и племянницы вашей на поѣздку съ нами доставить мнѣ столько же удовольствія, сколько и моему господину. Мы думаемъ выѣхать изъ Альдборо ровно въ одиннадцать часовъ. Вѣрьте, и пр.

Виргинія Леконтъ.“

— Отъ кого это письмо? спросила Магдалина, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ капитана Регга.—Чего имъ нужно отъ насъ въ Си-Вью-Коттеджъ?

— Извините, отозвался капитанъ, серьезнымъ тономъ—дѣло это требуетъ соображенія. Позвольте мнѣ подумать минуточку другую.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, и вдругъ остановился у углаваго стола, на которомъ находились его письменныя принадлежности.

— Не вчера родился, дражайшая мадамъ! проговорилъ капитанъ шутливымъ тономъ про себя. Онъ прищурилъ свой карій глазъ, взялъ перо и написалъ отвѣтъ.

— Можете вы сказать теперь въ чемъ дѣло? спросила Магдалина, когда служанка вышла изъ комнаты.—Что въ этомъ письмѣ и что отвѣчали вы на него?

Капитанъ передалъ ей записку.

— Я принялъ приглашеніе, спокойно сказалъ онъ.

Магдалина прочла письмо.—Затаенная неприязнь вчера, проговорила она,—и открытая дружба сегодня. Что бы это значило?

— Это значитъ, отвѣчалъ капитанъ Реггъ,—что мистриссъ Леконтъ попросорливѣе нежели я думалъ. Она открыла васъ.

— Невозможно, воскликнула Магдалина.—Рѣшительно невозможно въ такое короткое время.

— Не могу сказать *какъ*, но только она открыла васъ, продолжалъ капитанъ съ совершеннымъ спокойствіемъ.—Быть-можетъ она лучше знала вашъ голосъ чѣмъ мы предполагали. Или, быть-можетъ, разсудивъ, ваша она насъ немножко подозрительнымъ семействомъ, а дѣло мало-маль-

ски подозрительное, въ которомъ замѣшана женщина, быть-можетъ припомнило ей вашъ утреннй визитъ въ Вокзалъ-Вокъ. Какъ бы то ни было, смыслъ этой быстрой пере-мѣны достаточно ясенъ. Она открыла васъ и желаетъ испробовать свое открытiе, разчитывая подвернуть вамъ, подъ видомъ дружеской болтовни, одинъ другой затруднительный вопросъ. Опытность моя въ дѣлахъ человѣческаго рода очень разнообразна, и мистриссъ Леконтъ не первый умный клиентъ въ юнкѣ, съ которымъ мнѣ приходится имѣть дѣло. Весь мiръ—сцена, дорогая моя дѣвица, и одинъ изъ актовъ нашей маленькой сцены конченъ теперь.

Съ этими словами, онъ вынулъ изъ кармана свой экземпляръ „Ученыхъ разговоровъ“ Джойса. — Съ тобою покончено, другъ мой! замѣтилъ капитанъ, щелкнувъ на прощанiе по книжкѣ полезныхъ свѣдѣнй и запирая ее въ шкафъ.—Такова людская популярность! продолжалъ неукротимый краснобай, весело пряча ключъ въ карманъ.—Вчера, Джойсъ былъ для меня всѣмъ. Сегодня, мнѣ до него ни на столько нѣтъ дѣла.—Онъ щелкнулъ тутъ пальцами и устлся завтракать.

— Я не понимаю васъ, замѣтила Магдалина, смотря на него съ неудовольствiемъ.—Хотите ли вы предоставить меня моимъ собственнымъ средствамъ на будущее время?

— Дорогая моя дѣвица! воскликнулъ капитанъ Реггъ:—ужели вы все еще не привыкли къ искрамъ моего юмора? Я отлагаю въ сторону мою „свѣжеиспеченную“ науку просто потому что мистриссъ Леконтъ отложила въ сторону всякое ко мнѣ довѣрiе. Развѣ я не принялъ приглашенiя въ Довячъ? Не безпокойтесь. Оказанная мною вамъ помощь — ничто въ сравненiи съ тою, которую я окажу вамъ теперь. Честь моя замѣшана въ дѣлѣ съ мистриссъ Леконтъ. Ея послѣдняя выходка поставила вопросъ на почву личнаго дѣла между нами. *Эта женщина воображаетъ въ самомъ дѣлѣ, что можетъ поддѣть меня!!!* воскликнулъ капитанъ, ударивъ по столу ручкой ножа, въ припадкѣ добродѣтельнаго негодованiя.—Клянусь небомъ, ни разу въ жизни не былъ я еще оскорбленъ до такой степени? Придвиньте стулъ вашъ къ столу, моя милая, и подарите мнѣ полминуты вниманiя.

Магдалина повиновалась. Прежде чѣмъ продолжать, капитанъ Реггъ предусмотрительно понизилъ свой голосъ.

— Я говорилъ вамъ всегда, произнесъ ояъ,—что лучше всего нужно не давать поймать себя. Повторяю то же самое, послѣ случившагося сегодня утромъ. Пускай-ка она заподозрить васъ! Утверждаю, что пока мы сами не пособимъ ей, она не найдетъ ни малѣйшаго основанія для своихъ подозрѣній. Мы увидимъ сегодня, была ли она настолько глупа, чтобы сообщить свои подозрѣнія своему хозяину, не имѣя ни какихъ фактовъ въ подтвержденіе. Сомнѣваюсь въ этомъ. Если она сказала ему, то мы закидаемъ его слабую головенку доказательствами нашей тождественности съ Байгревами, такъ что она не затрепещетъ отъ убѣжденія. Въ эту поѣздку, вамъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два обстоятельства. Впервыхъ, не вѣрять ни одному слову, которое скажетъ вамъ мистриссъ Леконтъ. Вторыхъ, употребить въ дѣло все ваше очарованіе и овладѣть мистеромъ Нозлемъ Ванстономъ съ нынѣшняго же дня. Я дамъ вамъ на то возможность, когда мы оставимъ экипажъ и отправимся гулять въ Доичъ. Надѣньте вашу шляпку, возьмите съ собой вашу улыбку, воздайте все! должное вашему стану, зашнуруйте хорошенько, обувайтесь въ ваши изящнѣйшіе башмачки, натяните ваши свѣтлѣйшія перчатки, повергните жалкаго человечка къ стопамъ вашимъ, свяжите его крѣпко, и затѣмъ предоставьте весь ходъ этого дѣла мнѣ. Смирно! Вотъ мистриссъ Реггъ. Мы должны удвоить теперь наши наблюденія за нею. Покажите мнѣ вашъ чепецъ, мистриссъ Реггъ! Покажите мнѣ башмаки ваши! Что это на вашемъ передникѣ? Пятно? Я не терплю пятенъ. Вывести пятно послѣ завтрака и надѣть другой передникъ. Придвиньте стулъ вашъ къ серединѣ стола,—полѣвѣе, еще лѣвѣе. Завтракайте.

За четверть часа до одиннадцати, мистриссъ Реггъ (съ ея собственнаго полного согласія) была отправлена въ заднюю комнату для одурѣнія себя, на остальной день, швейною наукой. Какъ только пробило одиннадцать, мистриссъ Леконтъ и хозяинъ ея подъѣхали къ калиткѣ Нортъ-Шингелъ-Виллы, и нашли Магдалину и капитана Регга ожидающими ихъ въ саду.

На пути въ Доичъ ничто не нарушало удовольствія поѣздки. Мистеръ Нозль Ванстонъ чувствовалъ себя отлично и находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Леконтъ извинилась за маленькое недоразумѣнiе вчерашняго дня; Леконтъ просила объ этой прогулкѣ какъ объ особенномъ удовольствiи для нея. Онъ вѣрилъ этому, и глядѣлъ на Магдалину, и ухмылялся непрерывно. Мистриссъ Леконтъ играла въ совершенствѣ свою роль. Матерински обращалась она съ Магдалиной, и была вѣжко внимательна къ Новолу Ванстону. Она глубоко интересовалась разговоромъ капитана Регга и была грустно разочарована, слыша что онъ касается только предметовъ общаго разговора, а не науки. У нея не вырвалось ни слова, ни взгляда, которые сколько-нибудь обнаружили бы ея настоящую цѣль. Она была одѣта, какъ всегда, съ изяществомъ и достоинствомъ, и одна она изъ всей компанiи, въ этотъ знойный лѣтній день, вовсе не чувствовала жару въ самую жаркую пору его.

При выходѣ изъ экипажа, по прибытiи въ Довичъ, капитанъ воспользовался минутой, когда глаза мистриссъ Леконтъ не были обращены на него, и шепнулъ Магдалинѣ послѣднее слово предостереженiя.

— Бойтесь кошки! прошепталъ онъ.—Она покажетъ свои когти на обратномъ пути.

Они вышли изъ деревни и направились къ ближнимъ развалинамъ одного монастыря,—послѣднему остатку когда-то люднаго города Довича; только этотъ монастырь пережилъ разрушенiе, произведенное вѣскольکو столѣтiй тому назадъ всепожирющимъ моремъ. По осмотрѣ развалинъ, они увидѣли небольшое тѣнистое дерево, между деревьями и низкими песчаными холмами, командующими Нѣмецкимъ моремъ. Тутъ капитанъ Реггъ направилъ свой путь такъ чтобы дать Магдалинѣ и Новолу Ванстону опередить вѣскольکو мистриссъ Леконтъ и себя, потомъ попалъ какъ-то не на ту тропинку, и тотчасъ же заблудился съ неподбiйшею ловкостью. Проходивъ вѣскольکو минутъ (не въ томъ направленiи), онъ достигъ открытаго мѣста у взморья, и разставивъ вѣжливо свой складной стулъ для экономки, предложилъ остаться ждать здѣсь, пока недостающiе члены общества не придутъ сюда и не найдутъ ихъ.

Мистриссъ Леконтъ приняла предложенiе. Она была вполнѣ увѣрена, что спутникъ ея заблудился намѣренно, но увѣренность эта не разстроила прiятной любезности ея

обращенія. День ея разчета съ капитаномъ еще не наступилъ, и прибавивъ новую статью въ своемъ счетѣ, она расположилась на складномъ стулѣ. Капитанъ Реггъ, въ романтическомъ положеніи, прилежъ у ея ногъ, и два рѣшительные врага (оставивъ любовную группу съ картинки) затѣяли безцеремонный и пріятный разговоръ, словно друзья связанные двадцатилѣтними узами.

„Знаю васъ, милостивая моя государыня!“ думалъ капитанъ, въ то время какъ мистриссъ Леконтъ обращалась къ нему. „Вы желали бы, чтобы я запутался въ моей свѣжеиспеченной наукѣ и не прочь были бы потопить меня въ профессорскомъ акваріумѣ!“

„Ты, негодяй, съ разношерстными глазами,“ думала въ свою очередь мистриссъ Леконтъ, когда капитанъ говорилъ: „какъ ни толста твоя кожа, я а проткну ее.“

Съ такимъ расположеніемъ другъ къ другу, они бойко толковали себѣ о разныхъ предметахъ, объ общественныхъ дѣлахъ, объ окружающей мѣстности, объ обществѣ въ Англіи и обществѣ въ Швейцаріи, о здоровьи, климатѣ, книгахъ, бракѣ и деньгахъ, толковали не останавливаясь ни на минуту, безъ малѣйшаго недоразумѣнія съ какой-либо стороны, толковали около часу, когда наконецъ Магдалина и Новаъ Ванстонъ отыскали ихъ и попоали кампанію.

Когда они возвратились на постоялый дворъ гдѣ дождался ихъ экипажъ, капитанъ Реггъ предоставилъ госпожѣ Леконтъ полное обладаніе своимъ господиномъ, и кивнулъ Магдалинѣ отойти назадъ на минуту, чтобы переговорить съ нимъ.

— Ну? спросилъ капитанъ шепотомъ:—связали ли вы его хорошенько?

Она дрожала съ головы до ногъ.

— Онъ поцѣловалъ мнѣ руку, сказала она.—Довольно ли съ васъ этого? Не давайте ему сидѣть рядомъ со мною на обратномъ пути! Я вынесла все что могла; пощадите же меня на остальное время.

— Я усажу васъ на переднее сидѣніе, отвѣчалъ капитанъ,—рядомъ со мною.

На обратномъ пути, мистриссъ Леконтъ оправдала предсказаніе капитана Регга. Она показала свои когти.

Лучшаго времени для этого неслзя было выбрать; обстоятельства едва ли могли боаѣе благоприятствовать ей. Магдалина была въ невыномъ расположеніи духа: она устала и тѣломъ и душой, и судѣла какъ разъ нааротивъ экономки, которой пришлось, по новому расположенію, занять почетное мѣсто рядомъ съ своимъ господиномъ. Находясь въ самомъ удобномъ положеніи для наблюденія надъ малѣйшими измѣненіями лица Магдалины, мистриссъ Леконтъ начала свое первое испытаніе, заговоривъ о Лондонѣ и объ относительныхъ выгодахъ представляемыхъ жителямъ различными частями метрополи, какъ по ту, такъ и по другую сторону рѣки.

Находчивый капитанъ Реггъ повязъ ея намѣреніе, и тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ. „Вы ведете къ Вокзалъ-Вокъ, сударыня, думалъ капитанъ; я буду тамъ попрежде васъ.“

Онъ пустился въ совершенно вымышленное описаніе различныхъ частей Лондона, гдѣ самъ жилъ, и упомянувъ искусно о Вокзалъ-Вокѣ, какъ объ одной изъ нихъ, избавилъ Магдалину отъ неожиданнаго вопроса объ этой мѣстности, которымъ мистриссъ Леконтъ прежде всего разчитывала поразить ее. Отъ мѣстопробываній своихъ, капитанъ перешелъ къ себѣ самому и пропѣлъ экононкѣ всю свою семейную исторію (въ качествѣ мистера Байгрева), не забывъ могилы своего брата въ Гондурасѣ, съ памятникомъ самоучки негра-артиста, и объ изумительномъ дородствѣ своей невѣстки, проживавшей въ нижнемъ этажѣ гостиницы въ Чельтенгамѣ. Какъ средство къ доставленію Магдалинѣ возможности успокоиться, этотъ взрывъ автобіографическихъ свѣдѣній достигъ своей цѣли; но другой какой-либо цѣли онъ не достигалъ. Мистриссъ Леконтъ не вѣрила ни одному слову капитана. У ней только утвердилось убѣжденіе въ бесполезности довѣряться Нозю Ванстову пока не будутъ добыты факты противъ недоступнаго безъ нихъ положенія капитана Регга въ принятой имъ роли. Она спокойно дождалась конца его рѣчи, и потомъ вновь повела свою атаку.

— Это замѣчательное стеченіе обстоятельствъ, что дялшшка вашъ жилъ когда-то въ Вокзалъ-Вокѣ, замѣтила она обращаясь къ Магдалинѣ.—У господина моего домъ тамъ,

и мы жили въ немъ передъ самымъ прїѣздомъ сюда. Позвольте мнѣ спросить васъ, миссъ Байгревъ, не знакома ли вамъ какъ-нибудь одна особа, по имени миссъ Гартъ?

Въ этотъ разъ ей удалось сдѣлать вопросъ прежде чѣмъ успѣлъ вмѣшаться капитанъ. Магдалина должна была бы быть приготовлена къ нему всѣмъ происходившимъ передъ ней; но нервы ея были слишкомъ разстроены событіями дня, и она могла отвѣчать только простымъ отрицаніемъ послѣ мгновенной паузы, которая была ей необходима для того чтобъ овладѣть собою. Нервѣнность ея была такъ мимолетна, что не могла бы обратить на себя вниманіе неподозрительной особы. Но она была достаточно продолжительна, чтобы подтвердить личныя убѣжденія мистриссъ Леконтъ и побудить ее сдѣлать впередъ еще нѣсколько шаговъ.

— Я сдѣлала этотъ вопросъ, продолжала она, настойчиво не спуская глазъ съ Магдалины и уничтожая всѣ усилія капитана Регга принять участіе въ разговоръ,—потому что миссъ Гартъ не знакома мнѣ, а мнѣ хотѣлось бы поразузнать о ней. За день до нашего отъѣзда изъ Лондона, миссъ Байгревъ, особа, назвавшая себя этимъ именемъ, сдѣлала намъ визитъ, при весьма необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Съ мягкимъ, ублажающимъ видомъ, съ утонченностью презрѣнія, которая казалась чуть не дьявольскою когда принимала тонъ жалости и состраданія, она начала разказывать Магдалину о посѣщеніи перереяженной Магдалины. Она косвенно упомянула о комбъ-ревенскихъ хозяинѣ и хозяйкѣ, какъ о лицахъ, всегда надобѣдвшихъ старшей и болѣе достойной линіи дома; она выразила сожалѣніе, что дѣти слѣдуютъ примѣру своихъ родителей, и стараются завладѣть частью имущества мистера Нозля Ванстона, прикрываясь маскою и именемъ почтенной особы. Ловко вызывая своего господина принять участіе въ разговоръ, такъ чтобы не дать капитану возможности отвлечь его на другой предметъ, не щадя мелкихъ преувеличеній, не оставляя безъ удара ни одного чувствительнаго мѣста доступнаго языку мстительной женщины, — она, вѣроятно, достигла бы своей цѣли и измучила бы Магдалину до явнаго самоизобличенія, еслибы капитанъ Реггъ не остано-

вилаъ ея, въ полномъ разгарѣ, громко вопрекнувъ и схватившись за пульсъ Магдалины.

— Прощу у васъ тысячу разъ извиненія, сударыня! воскликнулъ капитанъ. — Я вижу по лицу моеи племянницы, чувствую по ея пульсу, что съ нею снова случилась одинъ изъ сильнѣйшихъ нервныхъ припадковъ. Милое дитя мое, зачѣмъ вамъ скрывать отъ добрыхъ друзей, что вы страдаете? Что за неумѣстная церемонность! По лицу ея видно, что она страдаетъ; не такъ ли, мистриссъ Леконтъ? Ужасная боль, мистеръ Ванстонъ, ужасная боль въ лѣвомъ вискѣ. Опустите вашъ вуаль, душа моя, и обопритесь на меня. Наши друзья простятъ вамъ; наши добрые друзья позволяютъ вамъ уйти къ себѣ на остальное время дня.

Прежде чѣмъ мистриссъ Леконтъ могла бросить тѣнь сомнѣннйя на дѣйствительность перваго припадка, суетливое сочувствіе ея хозяина занялось самымъ дѣятельнымъ образомъ, какъ и рассчитывалъ капитанъ. Онъ остановилъ вкипающъ и тотчасъ потребовалъ перемѣниться мѣстами, уступая удобное заднее сидѣніе миссъ Байгревъ и ея дядѣ, а переднее оставляя для Леконтъ и себя. Есть ли у Леконтъ съ собою флаконъ спирту? Превосходное твореніе! пускай сейчасъ же передастъ его миссъ Байгревъ и велитъ кучеру вѣхать осторожно. Если кучеръ затрясетъ миссъ Байгревъ, то не получить и полупенни на ведку. Месмеризмъ очень часто помогаетъ въ подобныхъ случаяхъ. Отецъ мистера Нозля Ванстона былъ самый сильный месмеристъ въ Европѣ, а мистеръ Нозль Ванстонъ вѣдъ сынъ же своего отца. Нельзя ли поманетизировать? Не приказать ли этому проклятому кучеру завѣхать въ тѣнистое, удобное для того, мѣсто. Или не прибѣгнуть ли къ помощи врача? А врача нельзя ли найдти гдѣ-нибудь еще не доѣзжая до Альдборо? Это ослѣще кучеръ ничего не знаетъ. Останавливать всякаго приличнаго человѣка въ одноконѣ и допрашивать его, не докторъ ли онъ! И въ такомъ родѣ продолжалъ мистеръ Нозль Ванстонъ (съ краткими промежутками для переведенія духу), все сильнѣй и сильнѣй заявляя свое сочувствіе и значеніе своей особы.

Мистриссъ Леконтъ безмолвно признала себя побѣжденною. Съ той минуты когда капитанъ Реггъ прервалъ ее, тонкія губы ея сомкнулись и не открывались болѣе во

все время ѣзды. Теплѣйшія выраженія безпокойства ея хозяйина о страждущей молодой дѣвушкѣ, не вызывали у нея никакихъ внѣшнихъ заявленій досады. Она обращала на него возможно менѣе вниманія. Никакого вниманія не обращала она и на капитана, который съ задирающею заботливостью о побѣжденномъ врагѣ, становился болѣе обыкновеннаго вѣжливъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали они къ Альдборо, тѣмъ пристальнѣе всматривались черные глаза мистриссъ Леконтъ въ Магдалину, полулежавшую насупротивъ съ закрытыми глазами и опущенною вуалюю.

Лишь когда экипажъ остановился у Нортъ-Шингелъ-Виллы и капитанъ Реггъ сталъ помогать Магдалинѣ выйдти, экономка свизошла до вниманія къ нему. Когда, улыбаясь, приподнималъ онъ свою шляпу у дверцы экипажа, суровая сдержанность, наложенная ею на себя, вдругъ подалась, и она бросила на него одинъ взглядъ, который разомъ спалилъ всю любезность капитана. Онъ повернулся, торопиво отвѣчая на послѣдніе соболѣзновательные вопросы Ноэля Ванстона, и увелъ Магдалину домой.

— Я говорилъ вамъ, что она покажетъ свои когти, замѣтилъ онъ.— Не моя вина, что она царапнула васъ, прежде чѣмъ я могъ помѣшать ей. А въ самомъ дѣлѣ, больно-таки она затронула васъ?

— Затронула, и не бесполезно, отвѣчала Магдалина,— она внушила мнѣ мужество продолжать. Скажите что мнѣ дѣлать завтра, и положитесь на меня.

Тяжело вздохнула она при этихъ словахъ, и пошла въ свою комнату.

Капитанъ Реггъ между тѣмъ задумчиво вошелъ въ гостиную, и усѣлся чтобы сообразить всѣ обстоятельства. Далеко не съ такою увѣренностію, какъ бы хотѣлось, глядѣлъ онъ на дальнѣйшія дѣйствія побѣжденнаго сегодня врага. Прощальный взглядъ экономки ясно показалъ ему, что она еще далеко не обезоружена, и старый милиціонеръ признавалъ всю важность своевременнаго приготовленія къ противодѣйствию ея будущимъ движеніямъ. Онъ закурилъ сигару, и принялся своимъ бойкимъ умомъ соображать опасности будущаго.

Въ то время какъ капитанъ Реггъ занятъ былъ своею думою въ гостиной Нортъ-Шингелъ-Виллы, мистриссъ Леконтъ занята была тѣмъ же въ своей спальнѣ, въ Си-Вью-

Коттеджъ. Неудовольствіе ея отъ неудачи первой попытки обнаружить заговоръ, не ослабило ее на столько, чтобъ она не понимала крайней необходимости поспѣшить второю попыткою, пока возрастающая страсть Нозля Ванстона еще не ушла изъ-подъ ея контроля. Такъ какъ разставленные Магдалинѣ сѣти не имѣли успѣха, то приходилось обратиться ко второму средству,—поймать сестру Магдалины. Мистриссъ Леконтъ велѣла подать себѣ чашку чаю, открыла свой бюваръ, и принялась за сочиненіе письма къ миссъ Ванстонъ старшей, назначавшагося къ отсылкѣ съ завтрашнею почтой.

Такъ кончилась стычка этого дня. Генеральное сраженіе было еще впереди.

ЗАМѢТКА.

Съ будущаго года въ положеніи нашей литературы должны произойти весьма важныя перемены. Труды комиссіи по дѣламъ книгопечатанія уже окончены, и выработанный ею проектъ приметъ въ скоромъ времени обычный законодательный ходъ. Итакъ, законодательная реформа, распространяясь на всю сферу жизни въ нашемъ отечествѣ, коснулась наконецъ и этой важной области.

Мы живемъ въ удивительное время обновленія и преобразованій. Ничего подобнаго не было до сихъ поръ въ нашей исторіи. Были въ ней крутые перевороты, не уступающіе никакимъ переворотамъ обливавшимъ кровью другія историческія страны; но не было ничего подобнаго тому что совершается теперь, — не было ни по размѣрамъ, ни по значенію. Въ прежнія времена жизнь сурово поработалась чуждымъ ей нормамъ; преобразованія не были отвѣтомъ на собственныя ея требованія, не были выраженіемъ ея внутренняго движенія. Можно толковать о реформахъ Петра въ ту или другую сторону, осуждать или оправдывать ихъ; но безспорно то, что духъ этихъ реформъ былъ высшею для жизни силою, и вносилъ въ нее чуждые ей элементы, то искусственно возбуждая, то подавляя ея силы. Теперь, посреди этого множества реформъ охватывающихъ нашу жизнь можно ли указать хоть на одну, которая не была бы прямымъ отвѣтомъ на созрѣвшій запросъ жизни,

которая не была бы исповнениемъ того, что уже предназначалось въ ея вѣдрахъ? Довольные и недовольные должны равно согласиться, что законодательство въ своихъ преобразованіяхъ идетъ теперь не вопреки жизни, а также и не пытается предупреждать ее искусственными плавами, но формулируетъ только то, что въ ней самой почувствовалось и оказалось. Нынѣшнія реформы направлены не къ тому чтобы создавать жизнь законодательнымъ порядкомъ, создавать науку, искусство, литературу. Пора этихъ созданій миновала, и законодательство съ каждымъ своимъ шагомъ все яснѣе и чище сознаетъ свои дѣла. Оно клонится къ тому, чтобы устранять всѣ прежнія законодательныя стѣсненія, послѣдствія государственной необходимости, устранять всѣ искусственныя вмѣшательства въ дѣло жизни и давать ей ходъ изъ ея собственныхъ источниковъ. Оно является на помощь не иначе какъ по ея зову, для измѣненія условій, въ которыхъ долге она держаться не можетъ.

Положеніе нашей литературы давно уже было предметомъ заботъ правительства, и всѣми давно уже чувствовалось ея неудобства. Несоотвѣтствіе между ея развитіемъ и законодательными условіями, въ которыя она была поставлена, было особенно замѣтно въ послѣдніе годы. Она представляла куріозное зрѣлище человѣка выросшаго изъ своего платья, которое лопается на немъ по всѣмъ швамъ, стѣсняетъ всѣ его движенія и однако не прикрываетъ его наготы. Употреблялись всѣ средства чтобы помочь бѣдѣ, и повторялась исторія Тришкина кафтана. Палліативныя мѣры давали только сильнѣе чувствовать неудобство положенія. Законъ оставался безсилемъ впередъ тѣмъ что онъ хотѣлъ предупреждать, и наоборотъ, часто подавая то что брался охранять и обезпечивать. Законъ, не доверяя нравственнымъ силамъ господствующимъ въ человѣческой жизни, возложилъ всѣ свои надежды на цензурную регламентацію и на искусственныя предупредительныя мѣры. Замѣчая неуспѣхъ этихъ усилій, администрація усиливала и разнообразила предупредительныя мѣры, и вокругъ цензурнаго устава выросъ цѣлый лѣсъ административныхъ предписаній; цензура высилась надъ цензурой, и почти не было вѣдомства, которое не старалось бы принимать участіе въ этой регламентаціи, въ этой системѣ предупрежденій. Соображая громадность усилій направленныхъ къ этой цѣли,

надобно было бы ожидать, что печать наша превратится въ эдемъ, гдѣ поютъ лишь райскія птицы. Но замѣчательно, что чѣмъ, повидимому, бдительнѣе была административный надзоръ за литературой, тѣмъ болѣе росло недовольство ею.

Можно бы подумать, что эти неудобства произошли вслѣдствіе открывшейся для литературы возможности касаться многого что прежде было недоступно. Могло бы показаться, что върѣшимъ средствомъ для уничтоженія этихъ неудобствъ было бы возвратитъ ее въ прежнюю тѣноту, и отнять у нея всѣ тѣ предметы, которыми она успѣла завладѣть. Но если такое возвращеніе можетъ легко придти инымъ на мысль, то не такъ-то легко можетъ оно совершиться на дѣлѣ. Печать не есть какая-нибудь отдѣльная сфера, съ которою можно распорядиться такъ или иначе, не касаясь окружающей жизни. Что такое печать? Въ ней сходятся всѣ стороны жизни развившіяся до сознанія и получившія голосъ; въ ней заинтересовано все, и съ нею все связано. Переимѣна въ ея положеніи касается всѣхъ и всего, и отнять у печати какіе-либо предметы значило бы отнять ихъ у общественнаго сознанія; стѣснить литературу, значило бы стѣснить общественное мнѣніе; уничтожить ее, значило бы уничтожить ту нравственную жизнь въ обществѣ, которая находитъ себѣ въ ней выраженіе. Еслибы дѣло касалось какой-нибудь кучки людей, то распорядиться было бы легко; могли бы пострадать какіе-нибудь отдѣльные интересы, а въ окружающей средѣ не произошло бы отъ этого никакой замѣтной переимѣны. Но пишущая братія съ ея интересами есть послѣдняя спица въ колесницѣ, послѣднее дѣло въ общей сложности вопроса о печати. Пишущія перья сами по себѣ ничего не значатъ. Вся сила въ идеяхъ, потребностяхъ, въ настроеніяхъ жизни, которыя ищутъ себѣ выраженія въ словѣ и печати. Надобно напротивъ желать, чтобы между жизнью и печатнымъ словомъ было какъ можно меньше вмѣшательства и преградъ, нарушающихъ между ними органическое соотвѣтствіе. Все неаппетитное и фальшивое заводится въ литературѣ не вслѣдствіе того, что она служитъ прямымъ органомъ всестороннихъ интересовъ развивающейся жизни, а вслѣдствіе того, что между ею и жизнью находятся искусственныя преграды. Отнимать у печати предметы, которыхъ она касается,

значить искусственно разобщать ее съ жизнью и ставить ее въ ложное положеніе. Жизнь теряетъ свой органъ, и образуется болѣзненное явленіе — литература оторванная отъ общественной жизни. Нѣтъ цензора бдительнѣе самой жизни, нѣтъ регулятора дѣйствительнѣе общественнаго мнѣнія, если только дана ему сила. Оторвите литературу отъ жизни, и вы уничтожите единственный дѣйствительный контроль надъ печатнымъ словомъ, который можетъ отрезвлять и направлять его. Никакими другими средствами, ни предупредительными, ни карательными, не будемъ мы въ состояніи замѣнить этотъ контроль. Всѣ прочія мѣры могутъ что-нибудь значить лишь въ союзѣ съ этимъ контролемъ самой жизни. Чѣмъ сильнѣе заявляются общественные интересы, чѣмъ болѣе высказывается общественное мнѣніе, чѣмъ болѣе въ немъ энергіи и чуткости, тѣмъ менѣе возможности для праздномыслія и празднословія.

Идти назадъ нельзя, надобно идти впередъ; идти назадъ значило бы возвращаться къ источникамъ тѣхъ дурныхъ явленій, которыхъ неудобство чувствуется всеми. Если въ нашей печати за послѣднее время было много дурнаго, то все это дурное взялось изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, къ которымъ намъ пришлось бы возвращаться, еслибы мы вздумали снова разобщить литературу съ жизнью. Безсмысліе, одичалость, ребячество, недостатокъ чувства истины и смысла дѣйствительности, увлеченіе всякимъ вздоромъ, освобождающимъ голову отъ обязанности мыслить, нахальство и наглость, беспредметное раздраженіе и бессмысленная злоба, наши вигилизмы и наши эманципаціи — все это прямое наследіе тѣхъ временъ, когда литература находилась въ полнѣйшемъ разобщеніи съ жизнью, когда общественное мнѣніе считалось злоюредною и опасною силой, когда жизнь и мысль не должны были имѣть между собою ничего общаго. Посмотрите: всѣ эти доктрины, которыя съ такими куріозными гримасами, съ высочайшимъ языкомъ, съ пляской и свистомъ разыгрывались въ нашихъ журналахъ, — откуда простекли онѣ? Что въ нихъ выражается? Какой духъ вѣетъ въ нихъ? Наввые пустомели воображаютъ себя людьми прогресса, глашатаями новаго духа; они не догадываются, что въ нихъ говоритъ духъ очень старый и очень знакомый. Ихъ вигилизмъ былъ не что иное какъ повтореніе старой исторіи, только въ

другихъ словахъ и въ другихъ формахъ. Кто не согласится, что дѣло не въ словахъ и формахъ, а въ томъ духѣ, который въ нихъ высказывается? Не все ли равно, по-французски или по-нѣмецки выскажется одинъ и тотъ же смыслъ? Не все ли равно, будемъ ли мы лучшіе интересы человѣческой жизни подавлять въ видахъ сохраненія порядка, или топтать ихъ въ грязь подъ предлогомъ свободы? Слова ничего не значать, ничего не значать и воображаемая цѣли, которыми люди украшаютъ или оправдываютъ свои дѣйствія; сущность въ самихъ дѣйствіяхъ, и мы не видимъ существенной разницы въ нарушеніяхъ законности, съ какой бы стороны они ни происходили и какими бы цѣлями себя ни оправдывали, — не видимъ разницы въ прѣзрѣніи къ наукѣ со стороны людей, которые видятъ въ ней пустую прикрасу или порожденіе злаго духа, и въ кавалерскомъ обращеніи съ нею, которымъ отличаются наши прогрессисты, въ этомъ цивическомъ кощунствѣ надъ ея святыней.

Дурныя явленія, которыя замѣчались въ нашей литературѣ за послѣдніе годы, когда она получила возможность касаться разныхъ вопросовъ, не были порожденіемъ этой возможности; они только явственнѣе выразили тѣ направленія, которыя исключительно господствовали въ нашей литературѣ въ ея прежнее глухое время. Въ то глухое время обязанности цензора были несравненно легче, и предупредительныя мѣры могли повидимому дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Оставалось только не позволять ни того, ни другаго, ни третьяго. Что же однако выходило въ результатъ? Испорченная, загнанная и озлобленная мысль находила себѣ пути во всемъ, въ повѣсти, въ критикѣ, въ фельетонѣ, въ рецензій книжонки объ истребленіи клоповъ. Неудовимая, она оставалась внѣ всякаго контроля. Отнимая у нея возможность выражаться опредѣлительно и ясно, цензура могла только уточнять ея дѣйствіе. Не выражаясь опредѣленно, держась въ сферахъ отвлеченныхъ и общихъ, она лишалась всякаго случая испытать и повѣрить себя. Она отравлялась въ своихъ источникахъ, и не могла сознать ни себя, ни всего окружающаго. Она питалась только отрицаніями и грезами. Лишенная естественнаго роста и развитія, хилая, запертая въ душной атмосферѣ, она поневолѣ привыкала къ подземному мраку,

къ затаемности и фальши, и померомъ тяготѣла ко всему эксцентрическому. У нея не было преданій, на которыя она могла бы опираться; она вышла изъ школы кое-какъ импровизованной на казенныя средства; она не находила въ себѣ никакой внутренней силы, никакого критерія; она была беззащитно предана всевозможнымъ вліяніямъ, и только то казалось ей хорошимъ и истиннымъ, что дышало отрицаніемъ и что доходило до нея потаенными путями. Всякое направленіе изъ чуждѣйшій дѣйствовало на нее возбуждительно одними своими крайностями и односторонностями; она ловила только то, что звучало въ одинъ тонъ съ нею, а для всего прочаго была глуха и слѣпа. Мудрено ли, что она оказалась жалкою, слабою и сумасбродною, когда ее вывели въ люди? Не слѣдуетъ ли напротивъ удивляться, что она не была еще сумасброднѣе и неслѣпѣе? Но мы не должны забывать, что ея положеніе и до сихъ поръ еще не измѣнилось. Возникли новыя требованія жизни, оказалась надобность въ печатномъ словѣ. Для литературы открылись предметы, которые до тѣхъ поръ были ей совершенно чужды; она должна была касаться самыхъ разнообразныхъ общественныхъ интересовъ; но средства ея оставались тѣ же самыя; законъ, опредѣлявшій ея положеніе, не измѣнился. Ей предстояло пройти школу дѣйствительной жизни, ознакомиться съ ея требованіями, стать ея органомъ; но она поставлена такъ, что ее постоянно относило въ то царство тѣней, съ которыми и безъ того она слишкомъ связана всѣми своими навыкомъ и побитомъ. Фраза безъ мысли и знанія, гальванизируемая дешевымъ задоромъ, вотъ типическая черта нашей литературы при ея первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностію, при первыхъ попыткахъ послужить для нея органомъ. Великіе общественные интересы не вдругъ могли оказать свое вліяніе на проснувшіеся умы; общественное мнѣніе не вдругъ могло установиться. Нужно было для этого время, а главное нужно было, чтобы общественныя основы и всѣ дѣйствительныя интересы человѣческой жизни имѣли возможность дать себя почувствовать. Въ этомъ отношеніи, всего естественнѣе желать, чтобы въ печатномъ словѣ было какъ можно менѣе двусмыслия, чтобы оно говорило прямо и точно, и чтобы не было необходимости прибѣгать къ обинякамъ и намекамъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно заботиться не о томъ, чтобы

литература имѣла примазанную и смирную наружность, оставаясь червивою внутри; надобно напротивъ желать, чтобы всякая нечѣпность выходила наружу во всей своей рѣзкости, не маскируясь двусмыслиемъ и не смягчаясь свѣтлостными намековъ. То же самое общество, которое терпѣливо выслушиваетъ всякій вздоръ, пока онъ носится въ облакахъ двусмыслия, встрѣтитъ его съ негодованіемъ, когда онъ покажется передъ нимъ во всей своей красѣ. Никакая ложь не въ состояніи выдержать испытанія жизни, а если иногда кажется, что она одерживаетъ верхъ, то это бываетъ лишь потому, что какое-нибудь постороннее вліяніе препятствуетъ общественнымъ интересамъ заявить свою силу. Предупредительная цензура одно изъ такихъ препятствій, и притомъ самое дѣйствительное. Весьма сомнительно, чтобы она когда-нибудь достигала своихъ цѣлей; но вѣрно то, что *à la longue* она производитъ дѣйствіе совершенно противное своему назначенію. Она приводитъ ложь въ самое благопріятное для нея положеніе; она очищаетъ и оглаживаетъ ея наружность, сообщаетъ ей, по возможности пріятный и благообразный видъ, отнимаетъ у нея все то, чѣмъ могла бы она задѣть жизненные силы въ обществѣ и въ отдѣльныхъ умахъ; тѣмъ самымъ она утончаетъ ея ядъ и даетъ ему средства безпрепятственно проникать повсюду, между тѣмъ какъ общественный организмъ и отдѣльные умы, отвыкая отъ всякой реакціи, теряютъ упругость и погружаются въ безпробудную апатію. Если ложь присутствуетъ въ умахъ, пусть лучше она выскажется со всею своимъ задоромъ и безъ утайки; тогда съ нею легко справиться безъ всякихъ карательныхъ мѣръ; она или сама себя уничтожитъ своею откровенностью, или вызоветъ въ обществѣ отпоръ, который поразитъ ее дѣйствительнѣе всякой карательной мѣры, или посадитъ ее на пищу Св. Антонія.

Новая законодательная мѣра должна, сколько намъ извѣстно, существенно измѣнить положеніе нашей печати. Предполагается совершить переходъ отъ стараго къ новому со всевозможною осторожностію. Старое не будетъ разрушено прежде чѣмъ успѣетъ образоваться и утвердиться новый порядокъ. Предупредительная цензура останется, но она утратитъ свое исключительное господство. Кто не рѣшится принять на себя полную и нераздѣльную отвѣтственность за свое сочиненіе или изданіе, тотъ можетъ оставаться подъ цензу-

рой; но для другихъ откроется возможность выйти изъ подъ опеки предварительной цензуры. Полной свободы печати еще не получить; свобода печати, какъ и вообще всякая общественная свобода, состоитъ въ отвѣтственности передъ однимъ закономъ, то-есть передъ однимъ судомъ. Но судъ только что еще устанавливается у насъ, и потребуется время пока новая организація его вступить окончательно въ дѣйствіе; еще болѣе пройдетъ времени пока эта новая великая сила окажетъ все свое вліяніе на нашу общественную жизнь и совершенно съ нею освоится; а въ ожиданіи этого было бы неблагоприятно оставлять нашу печать въ ея нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи. Условное освобожденіе, подъ контролемъ административнымъ, будетъ состояніемъ переходнымъ; оно ближе ознакомитъ и правительство, и общество съ истинными потребностями дѣла, и приготовить литературу къ состоянію болѣе полной свободы.

Какъ предупредительная цензура, такъ и административный контроль надъ печатью, должны по новому проекту сосредоточиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отъ главы этого министерства будутъ зависѣть и цензурные комитеты, и разрѣшеніе новыхъ изданій, равно какъ и освобожденіе отъ предварительной цензуры. Отсюда будутъ исходить предостереженія журналамъ и опредѣленные взысканія. При министрѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается особый совѣтъ, или особое управленіе по дѣламъ печати; но тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность по этому управленію должна сосредоточиться въ лицѣ министра. Одно изъ самыхъ важныхъ началъ принятыхъ въ основаніе новаго проекта состоитъ въ томъ, чтобъ управленіе по дѣламъ печати не прикрывалось высочайшимъ именемъ, и не вовлекало въ свои распоряженія верховную власть. Нельзя не оцѣнить великой важности этого правила, которое еще такъ ново у насъ и безъ котораго администрація никогда не можетъ развить въ себѣ чувство полной отвѣтственности. Верховную власть не должно смѣшивать съ администраціей; она простирается надъ всѣмъ и есть или источникъ или утвержденіе всякой власти; къ ней восходитъ не одна администрація, но и судебная власть. Нигдѣ и ни въ чемъ она не должна быть замѣшанною партіей; управляющіе и управляемые должны быть равны передъ нею. Всѣ распоряженія министра вну-

тревнихъ дѣлъ по дѣламъ печати (кромя запрещенія по-временныхъ изданій) будутъ производиться имъ подь своею собственною отвѣтственностію, и въ этомъ одномъ будетъ уже не малое обезпеченіе для печати.

Если состоится предположеніе комиссіи, то вышнему министру внутреннихъ дѣлъ достанется трудное и тяжкое, но съ тѣмъ вмѣстѣ и славное дѣло. Успѣхъ одного изъ самыхъ важныхъ интересовъ нашего общественнаго развитія будетъ вполне зависѣть отъ его пронципальности и твердости, отъ его распорядительности и умѣренности, и отъ того высокаго чувства полной нравственной отвѣтственности, которую онъ приметъ на себя, и которая останется за нимъ и предъ судомъ потомства. Эта отвѣтственность всего лучше поддержитъ въ немъ убѣжденіе, что одними стѣснительными мѣрами ничего нельзя улучшить, что радикальное исправленіе достигается только возможно бѣльшимъ просторомъ для развитія всѣхъ положительныхъ интересовъ жизни, что задача состоитъ не въ соблюденіи наружнаго благоприличія и благонравія, которое только отводитъ глаза, а въ жизненной силѣ коренныхъ основъ общественнаго быта. Успѣхъ его ~~управленія~~ управленія будетъ тѣмъ славнѣе, что во многихъ случаяхъ ему достанется быть вмѣстѣ и партией и судьей, потому что изъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ министерство внутреннихъ дѣлъ, по своей обширности и центральному значенію, особенно часто можетъ сталкиваться съ печатью.

Итакъ, можетъ-быть въ началѣ наступающаго года мы встрѣтимся съ нашими читателями при новыхъ условіяхъ печати, которыя не замедлятъ оказать свое дѣйствіе и сообщать литературѣ, какъ можно надѣяться, новый, боаѣе удовлетворительный характеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

О МЕДАЛЯХЪ. ¹ Въ Петербургѣ палатка съ продажей металлическихъ медалей, чеканенныхъ въ память *Тысячелѣтія Россіи и Освобожденія крестьянъ*, для удобства публики, перемесена отъ государственнаго банка на Невскій Проспектъ, къ скверу Александровскаго театра. Медали большой величины цѣною въ 20 к. сер., малыя въ 10 к. Съ 20-го сентября открыта въ Москвѣ, противъ биржи, на Ильинской улицѣ, временная палатка съ продажей означенныхъ медалей по номинальной цѣнѣ. Временная же контора здѣсь, со складомъ медалей, подъ заглавіемъ В. Красовскаго, помещается на Никольской улицѣ, въ Чижовскомъ подворьѣ, въ № 32, гдѣ можно также получать медали въ розницу и партиями. Публика предупреждается, что съ минушаго августа мѣсяца въ Москвѣ появились въ продажѣ въ весьма значительномъ количествѣ поддѣльныя, фальшивыя медали.

Продажа медалей въ губерніяхъ разрѣшается не иначе, какъ только имѣющимъ, отъ главной или временной конторы, планкартъ со свидѣтельствомъ, при которомъ пришурованы образцы поданныхъ медалей. Посему выписывающіе медали для продажи должны подумать, что выписываютъ именно для продажи, на тотъ предметъ, чтобы контора распорядилась высылкою вмѣстѣ съ медалями планкарта со свидѣтельствомъ.

Медали чеканены изъ композиціи: въ память *Тысячелѣтія Россіи* (въ 10 к. и 20 к.) красной, подъ цвѣтъ золота, а въ память *Освобожденія крестьянъ* (въ 20 к., а въ 10 к. чеканено) бѣлой, подъ цвѣтъ серебра. Кромѣ того въ память *Тысячелѣтія Россіи* чеканены вызолоченныя медали, цѣною: большія въ 30 к., ~~малыя~~ 15 к. футляры для нихъ 5 к.

Главная контора металлическихъ медалей въ память *Тысячелѣтія Россіи и Освобожденія крестьянъ* находится въ С.-Петербургѣ, въ Офицерской улицѣ, на углу тюремнаго переулка, въ домѣ подъ № 27, куда иногородные и могутъ относиться за медалями, адресуясь просто: въ главную контору медалей въ С.-Петербургѣ. При выискѣ 100 и болѣе медалей въсовыхъ на пересылку не прилагается, а мѣтѣ—за каждыя 10 медалей прилагается въсовыхъ на пересылку 30 коп.

Временно-обязанные крестьяне при выискѣ 10 и болѣе медалей въсовыхъ на пересылку не прилагаютъ.

Дабы доставить возможность жителямъ всѣхъ мѣстностей Россіи приобрѣтать медали безъ особыхъ затрудненій, учреждаются для распространенія ихъ комиссіонерства; въ настоящее время, въ видѣ опыта, открыты таковыя: 1) Комиссіонерство г. Дерманукова, Петра Осиповича—въ губерніяхъ: Екатеринославской, Херсонской и Таврической, области Бессарабской и земляхъ Войска Донскаго и Черноморскаго; 2) Красовскаго, Александра Александровича, въ губерніяхъ Вятской и Пермской и 3) Дубровина, Алексѣя Андреевича, въ губ. Казанской. Лицамъ симъ предоставляемо право, за комиссіонерство и сопряженные съ нимъ расходы, при продажѣ медалей возвышать на оныя цѣны противъ номинальныхъ, не отягощая однакожь публики, а пользуясь обычными торговыми процентами. Складъ медалей у г. Дерманукова находится въ городѣ Караубазарѣ, Таврической губерніи, временная же продажа оныхъ имѣетъ быть производима агентомъ его, г. Акушиковымъ, въ городахъ: сначала въ Ростовѣ на Дону, а затѣмъ въ Екатеринославѣ, Херсонѣ, Одессѣ и Кишиневѣ; Красовскаго въ г. Вяткѣ; г. Дубровина въ г. Казани.

¹ Извѣстіе о медаляхъ была уже помѣщено въ № 41 *Современной Лѣтописи* на стр. 22, но въ ней не было упомянуто объ иногородныхъ комиссіонерахъ.

О ВЪ ИЗДАНІИ

„РУССКАГО ВЪСТНИКА“

ВЪ 1863 ГОДУ.

Редакція *Русскаго Вѣстника* будетъ съ прежнимъ усердіемъ продолжать свое изданіе. Какъ съ каждымъ предшествовавшимъ годомъ оное становилася достойнѣе своего успѣха; такъ, мы надѣемся, будетъ и съ наступающимъ новымъ. Соединеніе *Московскихъ Вѣдомостей* въ нашихъ рукахъ съ *Русскимъ Вѣстникомъ* не ослабитъ, а усилитъ его, потому что своими средствами оба изданія будутъ взаимно помогать себѣ, и редакція обоихъ можетъ быть организована шире и правильнѣе. Читателямъ нашимъ извѣстно, что въ объявленіяхъ о подпискѣ мы всегда избѣгали пускаться въ какія бы то ни было обѣщанія и перечислять то что у насъ имѣется въ запасъ или что имѣется въ виду. Этому правилу остаемся мы вѣрны и въ нынѣшній разъ; если же позволимъ себѣ оказать эти два-три лишніа слова, то насъ побуждаетъ къ тому естественное желаніе объясниться по случаю соединенія двухъ большихъ самостоятельныхъ изданій въ нашихъ рукахъ. Между уважающимъ себя журналомъ и публикой должна быть внутренняя связь и полное взаимное довѣріе. Если публика не имѣетъ увѣренности въ жизненной силѣ журнала и въ его способности возвышаться вмѣстѣ съ ея требованіями, то прибѣгать къ искусственнымъ возбужденіямъ ея вниманія было бы дѣломъ недостойнымъ и унижительнымъ для обоихъ сторонъ.

Такъ какъ газетный отдѣлъ *Русскаго Вѣстника*—*Современная Лѣтопись* — сольется въ будущемъ году съ *Московскими Вѣдомостями*, то подписка открывается лишь на ежемѣсячныя книжки *Русскаго Вѣстника* безъ *Современной Лѣтописи*, но современный интересъ ежемѣсячныхъ книжекъ нисколько не пострадаетъ отъ этой перемѣны, а напротивъ выиграетъ, потому что въ ихъ составъ войдетъ многое, что по характеру своему относится теперь въ *Современную Лѣтопись*. Мы бы очень желали назначить за двѣнадцать ежемѣсячныхъ книжекъ *Русскаго Вѣстника* цѣну меньшую той, о которой мы предварительно объявили; но расходы, которыхъ потребуетъ удовлетворительное изданіе, не позволяютъ намъ этого сдѣлать, тѣмъ болѣе что цѣнность литературнаго труда, вслѣдствіе разныхъ причинъ, значительно возрасла у насъ въ послѣднее время, а мы считаемъ своею обязанностию, и передъ публикою и передъ литературой, не только не уменьшать, но по возможности возвышать цѣнность трудовъ таланта и званія, которыми, къ сожалѣнію, не очень богата наша литература.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1863 году стоить въ Москвѣ и Петербургѣ. . . . 13 р. 50 к. с.

Съ почтовою пересылкой въ другіе города и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ. . 15 р.

Подписка принимается въ редакціи *Русскаго Вѣстника*, въ конторѣ типографіи Каткова и К^о, въ газетныхъ экспедиціяхъ московскаго и с.-петербургскаго почтамта, въ книжной лавкѣ И. В. Базунова въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ А. Ѳ. Базунова въ Петербургѣ, а также и у другихъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Изъгородные благоволятъ обращаться преимущественно въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, гдѣ принимается также подписка на *Московскія Вѣдомости*.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

ВЪ 1863 ГОДУ.

Общественное мнѣніе стало въ нашемъ отечествѣ безспорною силой. Вліяніе его оказывается на всемъ; вездѣ оно присутствуетъ и дѣйствуетъ. Съ его усиленіемъ возрасло значеніе печати; тѣмъ болѣе что у насъ она служитъ почти единственнымъ органомъ заявленія общественныхъ интересовъ. А потому одна изъ самыхъ главныхъ потребностей нашихъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы наша печать своими способами соответствовала этому новому положенію, въ которомъ она неожиданно очутилась. При томъ безостановочномъ движеніи, которое обнаруживается повсюду, при этомъ множествѣ возникающихъ вопросовъ и затронутыхъ интересовъ, при этомъ богатствѣ событій сообщающихъ каждому проходящему дню отличительную фizioномію, болѣе и болѣе возрастаетъ значеніе ежедневной печати, которая одна лишь можетъ поспѣвать за быстротою этого движенія и овладѣвать его полнотою и разнообразіемъ.

До послѣдняго времени изданіе ежедневныхъ газетъ было строгою монополіей, и нельзя не порадоваться, что монополія эта наконецъ прекратилась. Но было бы странно, еслибы посреди непрерывно возникающихъ новыхъ изданій, давніе органы не приобрѣтали новаго значенія и не возрастали въ своей силѣ. Было бы странно оставлять въ небреженіи существующія силы, и не вполне воспользовавшись ими, начинать новое, которое только тогда бываетъ действительно необходимымъ, когда старое, при полномъ развитіи, оказывается недостаточнымъ.

Столѣтняя газета, составляющая собственность Московскаго университета, съ прекращеніемъ монополіи, не лишается своей силы, какъ не теряетъ она своей экономической цѣнности для университета. Къ тому же, по устраненіи всѣхъ исключительныхъ привилегій, которыми она пользовалась, за нею осталось одно весьма важное преимущество, которое и не можетъ быть у ней отнято. Это преимущество состоитъ въ обязательной силѣ помѣщаемыхъ въ ней офиціальныхъ объявленій, потому что только то объявленіе считается законно обнародованнымъ, которое напечатано въ *Московскихъ* или въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Благодаря этому обстоятельству, равно какъ и давности изданія, *Московскія Вѣдомости* пустили глубокіе корни въ публикѣ, и при всѣхъ превратностяхъ въ своей редакціи, всегда имѣли болѣе или менѣе обширный кругъ читателей, никогда не измѣнявшихъ имъ, какъ бы ни было неудовлетворительно ихъ изданіе.

Но пока изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* шло казеннымъ порядкомъ, оно не могло быть вполне удовлетворительно ни для публики, ни для самого университета. Оставаясь, какъ политическій и литературный органъ, далеко позади своего назначенія, *Московскія Вѣдомости* не доставляли университету всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могли бы доставлять находясь въ рукахъ вполне отвѣтственнаго переду публикой издателя, въ рукахъ имѣющихъ возможность распорядиться ими какъ своею собственностію.

По опредѣленію университетскаго совѣта, утвержденному правительствомъ, изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* (вмѣстѣ съ содержаніемъ университетской типографіи) поступаетъ съ будущаго 1863 года въ руки нижеподписав-

шихся. Всѣ выгоды, какія *Московскія Вѣдомости* могли бы доставлять университету при настоящихъ своихъ способахъ и какихъ университетъ дикогда не получалъ отъ нихъ, нижеподписавшіеся предоставляютъ университету, гарантировавъ ему, за *Московскія Вѣдомости* съ типографіей, ежегоднаго дохода 74 тысячи рублей сер. За то они становятся полными хозяевами этого важнаго изданія, и употребятъ всѣ остающіяся въ ихъ распоряженіи средства для того чтобы возвысить интересъ и значеніе этой старой московской газеты, родоначальницы нашей политической печати, что въ настоящее время будетъ конечно дѣломъ величайшимъ.

Нижеподписавшіеся, открывая подписку на *Московскія Вѣдомости*, которыя поступать въ ихъ руки съ 1-го января 1863 года, поставлены въ необходимости рекомендовать себя публикѣ. Одинъ изъ нихъ уже завѣдывалъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, и хотя онъ располагалъ ничтожными средствами (на всѣ издержки редакціи отпускалось тогда лишь 3000 р. с.), но ему удалось придать этому изданію значеніе соответствовавшее желаніямъ публики, что и оказалось въ увеличеніи числа подписчиковъ вдвое противъ прежняго. Еще болѣе извѣстны публикѣ нижеподписавшіеся по изданію *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи*. Эти изданія пользуются непрерывнымъ успѣхомъ (не наше дѣло судить—вполнѣ ли заслуженнымъ), такъ что при отсутствіи всякихъ привилегій, при многихъ встрѣчавшихся имъ затрудненіяхъ, они по числу постоянныхъ подписчиковъ не многимъ уступаютъ нынѣшнимъ *Московскимъ Вѣдомостямъ*.

Образъ мыслей и дѣятельность редакціи *Русскаго Вѣстника* достаточно знакомы публикѣ, и публика сама можетъ судить, въ какой мѣрѣ новая редакція *Московскихъ Вѣдомостей* будетъ удовлетворять ея потребностямъ. Нижеподписавшіеся не хотятъ возбуждать преувеличенныхъ ожиданій; они довольствуются предъявленіемъ тѣхъ залоговъ, которые заключаются въ ихъ прежней общественной дѣятельности. Ежедневная газета только расширитъ сферу ихъ дѣятельности, только откроетъ имъ новые пути и дастъ имъ способъ еще въ большей мѣрѣ быть тѣмъ чѣмъ они были доселѣ. Какъ при изданіи *Русскаго Вѣстника*,

такъ и теперь, при открывающемся новомъ изданіи *Московскихъ Вѣдомостей*, свое главное назначеніе полагають они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему всѣ нужныя свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правильности его сужденій. Затѣмъ они не имѣють никакихъ постороннихъ цѣлей, никакихъ затаенныхъ тенденцій; они не связаны ни съ какимъ кружкомъ, ни съ какою партією, и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ болѣе всего независимостію своихъ воззрѣній и своего слова.

Издатели *Московскихъ Вѣдомостей* примутъ всѣ мѣры, чтобъ организовать редакцію ихъ удовлетворительнымъ образомъ. Они счастливы тѣмъ, что могутъ опираться на содѣйствіе людей, вполне ими уважаемыхъ, и которыхъ содѣйствіе можетъ имѣть особенную важность во мнѣніи лучшей части публики. Между прочимъ, новая редакція *Московскихъ Вѣдомостей* можетъ вполне разчитывать на поддержку и пособіе со стороны большинства преподавателей Московскаго университета по спеціальности каждаго. *Московскія Вѣдомости*, переставая быть казеннымъ изданіемъ университета и переходя въ частныя руки, можетъ быть болѣе чѣмъ когда-либо послужать живою связью между публикой и старѣйшимъ органомъ науки на Руси,—и связь эта, мы надѣемся, будетъ не бесплодна какъ для той, такъ и для другой стороны.

Всѣ средства, какими располагала редакція *Современной Лѣтописи* и которымъ она была обязана своимъ успѣхомъ, перейдутъ, значительно умноженные и усиленные, къ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Чтò *Современная Лѣтопись* представляла въ малыхъ размѣрахъ, то представлять публикѣ въ размѣрахъ гораздо бóльшихъ *Московскія Вѣдомости*, пользуясь выгодами ежедневнаго изданія. Съ другой стороны, за *Московскими Вѣдомостями* останется все то чтò придаетъ имъ особенное значеніе въ глазахъ читателей. Офиціальныи характеръ и полнота въ сообщеніи постановленій и распоряженій правительства будутъ составлять по прежнему непремѣнную принадлежность этой газеты; новая редакція озаботится достиженіемъ еще большей полноты офиціального отдѣла, и приметъ мѣры, чтобы правительственные акты появлялись въ *Московскихъ*

Вѣдомостямъ съ возможною быстротой. Наконецъ, будетъ сохранено въ силѣ и то удобство *Московскихъ Вѣдомостей* для публики, что ихъ подписчики получаютъ всѣ казенныя объявленія безъ особой приплаты.

Московскія Вѣдомости будутъ, кромѣ табельныхъ праздниковъ, выходить листами большого формата въ шесть столбцовъ, ежедневно, но не утромъ, какъ было до сихъ поръ, а пополудни, около 5-ти часовъ. Эта перемѣна въ выпускѣ газеты, то-есть превращеніе ея изъ утренняго изданія въ вечернее, дастъ ей возможность представлять своимъ читателямъ самыя свѣжія новости каждаго дня и не отставать въ этомъ отношеніи отъ петербургскихъ газетъ. Все что привесетъ въ Москву утрення почта и все что по телеграфу будетъ сообщено въ Петербургъ изъ-за границы до двухъ часовъ по полудни, появится въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* тѣмъ же днемъ, черезъ нѣсколько часовъ, такъ что московская публика узнаетъ наканунѣ многое изъ того что будетъ напечатано лишь утромъ слѣдующаго дня въ большей части петербургскихъ газетъ.

Если, подобно другимъ ежедневнымъ изданіямъ, *Московскія Вѣдомости* не будутъ выходить въ табельные праздники, то онѣ будутъ за то выходить семь разъ въ недѣлю; то-есть каждое Воскресенье (за исключеніемъ Свѣтаго и слѣдующихъ за табельными праздниками), по утру, въ форматѣ вышней *Современной Лѣтописи*, будутъ выходить особыя прибавленія къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, и приносить съ собою читателямъ, вмѣстѣ съ разными статьями, послѣднія новости и телеграммы. Въ этихъ воскресныхъ прибавленіяхъ читатели будутъ находить всякаго рода литературныя и политическія статьи, которыя по разнымъ причинамъ удобнѣе будетъ помѣщать въ еженедѣльныхъ выпускахъ нежели въ ежедневномъ листѣ.

Воскресныя прибавленія къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* не возвысятъ платы за это изданіе: *Московскія Вѣдомости* будутъ стоить то же самое что стоятъ онѣ теперь.

Московскія Вѣдомости, съ казенными объявленіями и съ воскресными прибавленіями, будутъ стоить въ Москвѣ безъ доставки на домъ 12 руб. сер.

Въ Петербургѣ безъ доставки на домъ . 13 — —

Съ почтовою пересылкою въ другіе города, и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ . . 15 — —

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ, въ редакціи *Русскаго Вѣстника* и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Издатели: М. БАТКОВЪ, П. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ВЪ КОНТОРЪ
ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Ц. за оба тома 3 р. 50 коп.; за перес. за 3 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПИИ, преимущественно съ физиологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Ниметера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Вивтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ, книга для чтенія и перевода. Составл. Л. Фонъ-деръ-Эльсцитцомъ. М. 1861. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ. Переводы В. Д. Костомарова и Ф. Н. Берга.

Выпускъ I: Викторъ Гюго, Г. Гейне, П. Ж. Беранже, А. Трегеръ, А. Шамиссо, Леонарди, Филликайя, Никколони, Х. Г. Андерсенъ, А. Эленшаегеръ. М. 1860. Ц. 1 р., перес. за 1 фунтъ.

Выпускъ II: Р. Борсъ, Г. Гейне, А. Шультсъ, Г. Х. Андерсенъ. Съ портретомъ и факсимиле Борса. Въ приложеніи: Легенды Сербовъ. М. 1862. Ц. 1 р. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

МОЯ БИОГРАФІЯ. Посмертное сочиненіе **БЕРАНЖЕ**. Съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ, пѣсень. Изд. В. Д. Костомарова. М. 1861. Ц. 1 р. с., перес. за 1 фунтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. И. КРАСОВА. Изданіе П. Шейна. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп. с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленьской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ Сороковой.

1862

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. РУССКІЙ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ. IV — VII. **О. Н. Бу-
славца.**
- II. КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ. Повѣсть времянь Іоанна Грознаго.
Часть вторая. Гл. XX—XXX. **Гр. А. К. Толстаго.**
- III. ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Окончаніе.) **С. Безы-
меннаго.**
- IV. ЗАМѢТКИ О ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РОССИИ. **У.**
- V. БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ. Сцена III.
- VI. КРЕСТЬЯНСКІЕ ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ. **Н. В.**
- VII. ПРИМИРЕНІЕ. Стихотвореніе **Б. Н. Алмазова.**
- VIII. ГОСПОДИНЪ БРАНДАЕВЪ. Изъ записокъ Чесбаносова. **В.
Н. Герчакѡва.**
- IX. О МИНИНѢ Г. ОСТРОВСКАГО И ЕГО КРИТИКАХЪ. **П. В.
Анненкова.**
- X. КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ИСТОРИИ РАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ЛИТЕ-
РАТУРЫ. **К. Л. Кустодіева.**
- XI. НОВЫЕ ПОДВИГИ НАШИХЪ ЛОНДОНСКИХЪ АГИТАТО-
РОВЪ **Д. П.**

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ Каткова и К°.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1863 году.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1863 годъ въ Москвѣ и Петербургѣ **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города и доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей**.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* принимается:

НА 1863 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загражскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Эгелгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Ивогородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ Берлинскій почтамтъ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1863 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1863 годъ съ казенными объявленіями и съ воскресными прибавленіями въ Москвѣ безъ доставки на домъ **двѣнадцать рублей**; въ Петербургѣ безъ доставки на домъ **тринадцать рублей**; съ пересылкой въ другіе города и съ доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей**.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ, въ редакцію *Русскаго Вѣстника* и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Э. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

1862

ОКТАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ. Повесть времяъ Иоанна Грознаго. (Окончаніе.) **Гр. А. К. Толстаго.**
- II. РУССКІЙ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ. VIII — XII. **Ф. И. Буслана.**
- III. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. **Э. Р. Цаммермана.**
- IV. О РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ ПОДАТЕЙ. **Л. В. Гечевича.**
- V. СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ. **Тольчовой.**
- VI. О ТОРГОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССИИ. **Г.**
- VII. ОРЖЕРСКАЯ ШАЙКА. Эпизодъ изъ времени первой французской революціи. **С. Б.**
- VIII. ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Отрывокъ.) **Ф. Э. Ромера.**
- IX. БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ. Романъ Вильки Коллиза. Между сценами. Сцена IV.
- X. ЗАМѢТКА.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ Каткова и К^о.

Act. names

28/11/11

MAR 24 1959

